11 469

11 469

Гр. Джаншіевъ.

11 469

ЭПОХА ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ

(Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Университетская автономія.—Земство.—Цензурная реформа.—Гласный судъ и судъ присяжныхъ.—Воинская реформа.—Городское самоуправленіе.—Изъ общественной хроники.—Дѣятели преобразовательной эпохи.)

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.

Чѣмъ ночь темнѣй—тѣмъ ярче звѣзды.
Майковъ.

Съ портретами: Джаншіева, Бѣлинскаго, Грановскаго, грр. С. С. Ланского и Я. И. Ростовцева, Я. А. Соловьева, гр. В. Н. Панина, С. И. Заруднаго, Н. А. Милютина, В. А. Арцимовича, Д. А. Ровинскаго, Н. А. Буцковскаго и К. К. Грота.

9-е, посмертное, дополненное изданіе.

(1-ое изданіе Литературнаго Фонда).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія **Б. М. Вольфа,** Разъѣзжая, 15.
1905.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

89702 VVM

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГРУЗИИ
№ 89702

30: 254
11/469 П 9

Джаншиев,
Эпоха великих
реформ.

2Б-300
Д-40

Текстъ настоящаго изданія воспроизведенъ безъ перемѣнъ съ 8-го изданія, приготовленнаго къ печати авторомъ. Но книга дополнена статьею о Г. А. Джаншіевѣ А. К. Дживелегова и автобіографическими данными, сообщенными покойнымъ авторомъ „Эпохи Великихъ Реформъ“ С. А. Венгерову для его „Критико-біографическаго Словаря“.

инв. № 89702

Григорій Автовичъ Джаншіевъ.

(17 мая 1851—17 іюля 1900).

Въ послѣдніе годы жизни Г. А. Джаншіева я близко зналъ его, и теперь, когда мнѣ приходится о немъ писать, мнѣ трудно относиться къ нему только какъ къ писателю и человѣку, котораго обрисовываютъ по книгамъ и документамъ. Для меня съ воспоминаніемъ о Джаншіевѣ связано нѣчто гораздо большее, и я считаю необходимымъ во имя исторической правды оговорить это съ самаго начала. Завѣты этой исторической правды я, конечно, помню очень хорошо, но вѣдь иногда человѣкъ не воленъ надъ своимъ сознаніемъ.

———

Лѣтъ восемь тому назадъ, студентомъ, я впервые попалъ на вечеръ къ своимъ знакомымъ. Народу было много, о гостяхъ заботились не очень, и я сталъ искать знакомую физіономію, чтобы куда-нибудь приткнуться. Въ одномъ углу въ оживленной бесѣдѣ сидѣлъ профессоръ, котораго я хорошо зналъ, и я поспѣшилъ пристроиться около него. Разсѣянно пожавъ мнѣ руку, онъ продолжалъ свой споръ съ собесѣдникомъ, который сразу приковалъ къ себѣ мое вниманіе. Маленькій, сильно сутулый, съ живыми, умными, веселыми глазами, очень подвижной, онъ сидѣлъ за столомъ, изъ-за котораго едва виднѣлась его голова. Споръ шелъ о какомъ-то злободневномъ вопросѣ, помнится, о томъ, нужно-ли открывать въ Москвѣ женскіе медицинскіе курсы. Старый профессоръ спорилъ солидно, дѣловито, какъ въ ученомъ обществѣ, и точка зрѣнія его—онъ настаивалъ на необходимости курсовъ — была вполнѣ правильная; я ему во всякомъ случаѣ сочувствовалъ. Но чѣмъ дальше подвигался споръ, тѣмъ болѣе я убѣждался, что курсы въ Москвѣ открывать преждевременно. На всѣ аргументы стараго профессора маленькій человѣкъ изъ-за стола отвѣчалъ такъ искусно, такъ легко отражалъ его самые серьезные доводы, такъ неожиданно осыпалъ его кучею парадоксовъ

и сбивалъ съ самой неприступной позиціи, что опытный въ дебатахъ старикъ путался все больше и больше. Въ началѣ ему еще удавалось распутывать тонкую сѣть, въ которую ловилъ его противникъ, но потомъ онъ началъ сердиться и долженъ былъ бы сдаться, если бы всѣхъ не позвали къ чаю. Мнѣ этотъ споръ напомнилъ... Саламинское сраженіе, какъ оно описано у Иловайскаго: тяжелые, неповоротливые персидскіе корабли, легкія греческія триремы нападаютъ одновременно со всѣхъ сторонъ и проч. Я тутъ же познакомился съ маленькимъ человѣкомъ, приведшимъ меня въ такое восхищеніе. Это былъ Григорій Аветовичъ Джаншіевъ. И чѣмъ больше я узналъ его, тѣмъ больше убѣждался, какой это ловкій и искусный боецъ противъ всевозможныхъ тяжелыхъ кораблей, которые нужно топить и которые свободно плаваютъ по обширному морю русской общественности [1]).

Джаншіевъ всю жизнь былъ боленъ. У него былъ искривленъ позвоночникъ, онъ дышалъ очень ненадежными легкими, имѣлъ плохое сердце. Съ тремя такими постоянными спутниками другой отравилъ бы жизнь и себѣ и всѣмъ окружающимъ. Таковъ ужъ законъ природы, что больные вѣчно ворчатъ, жалуются и всѣмъ надоѣдаютъ разговорами о своей болѣзни. Къ нимъ, конечно, относятся съ состраданіемъ, выражаютъ всяческое сочувствіе, но стараются держаться подальше. Джаншіевъ представлялъ очень рѣдкое исключеніе изъ этого правила: онъ былъ всеобщимъ любимцемъ. Это потому, что онъ всегда былъ веселъ, всегда былъ остроуменъ, всегда былъ оживленъ. Въ его больное тѣло природа по какому-то странному капризу вложила необыкновенную жизнерадостность. Эта жизнерадостность была главной особенностью его темперамента. Она сказывалась и въ работѣ, и въ общественной жизни, и въ общеніи съ людьми. Ею объясняются такія черты Джаншіева-писателя, какъ оптимизмъ; она продиктовала ему девизъ dum spiro spero, который былъ motto и его лучшей книги, и всей его жизни.

Нигдѣ жизнерадостность Джаншіева не сказывалась такъ ярко, какъ въ обществѣ близкихъ ему людей. Тутъ онъ былъ веселъ, какъ ребенокъ, веселилъ всѣхъ, выкидывалъ надъ друзьями самыя необыкновенныя штуки, какъ будто бы ему было не пятьдесятъ лѣтъ, а пятнадцать. Ему ничего не стоило, напримѣръ, заставить на пер-

---

[1]) Настоящій очеркъ не преслѣдуетъ біографическихъ цѣлей. Всѣ главные факты жизни Джаншіева приводятся въ его „Автобіографіи“, напечатной ниже. Эта замѣтка составлена имъ для „Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей“ С. А. Венгерова, которымъ и сообщена Литературному Фонду.

вое апрѣля пріятеля съ букетомъ въ рукахъ скакать на извозчикѣ по всѣмъ московскимъ вокзаламъ, увѣривъ его, что пріѣзжаетъ хорошая знакомая, или съ утра переполошить всѣхъ вѣстью о томъ, что пріѣхалъ изъ-за границы М. М. Ковалевскій, который будетъ-де обѣдать у него въ 5 часовъ. Друзья Ковалевскаго, безуспѣшно проискавъ его по Москвѣ въ теченіе цѣлаго дня, собрались вечеромъ къ Джаншіеву, гдѣ все разъяснялось, и за бутылкой какого-то особеннаго кахетинскаго вина, которое спеціально выписывалось изъ Тифлиса, забывали добродушно подсмѣивавшемуся амфитріону его продѣлку. Въ кругу молодежи Джаншіевъ былъ еще болѣе веселъ и всегда жалѣлъ, что онъ не можетъ бѣгать и скакать наравнѣ со всѣми. И молодежь его обожала; его постоянно теребили, къ нему приставали, чтобы онъ выдумалъ что-нибудь, чтобы разсказалъ что-нибудь, ему смотрѣли въ ротъ, чтобы налету поймать остроту на какомъ-нибудь европейскомъ или — что производило еще большій эффектъ — на восточномъ языкѣ. Dulce est desipere in loco — этотъ гораціевскій девизъ имѣлъ въ Джаншіевѣ одного изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ. Отдаваясь веселью или развлеченію, онъ забывалъ обо всемъ: о дѣлахъ, о своихъ планахъ, о непріятностяхъ, которыхъ у него было не меньше, чѣмъ у всякаго другого. И своимъ весельемъ онъ заражалъ всѣхъ. Но способностью заражать окружающихъ своимъ настроеніемъ онъ обладалъ не только въ моменты развлеченій. Въ немъ сидѣлъ какой-то зудъ, заставлявшій его непремѣнно добиваться, чтобы настроеніе окружающихъ звучало въ унисонъ съ его собственнымъ. И онъ умѣлъ этого добиваться. Если ему бывало хорошо, бывало хорошо и всѣмъ. Даже своимъ писаніямъ онъ сообщилъ эту драгоцѣнную способность заражать читателя, передавать ему одушевлявшія его самого мечты и идеалы, поднимать его общественное самочувствіе на нѣсколько градусовъ выше обыденнаго уровня.

„Прочтите его многочисленныя туристскія воспоминанія, которыми онъ такъ любилъ дѣлиться съ публикою, прочтите его еще болѣе многочисленные отклики на самыя мелкія явленія русской общественной жизни,—онъ весь тутъ со всѣми своими симпатіями и антипатіями, такими опредѣленными, такими послѣдовательными, что вы сами могли бы ихъ предсказать, зная исходныя аксіомы его политическаго мышленія; онъ передъ вами волнуется, передъ вами негодуетъ, передъ вами приходитъ въ восторгъ или умиленіе; и сами того не замѣчая, еще прежде, чѣмъ вы успѣете провѣрить его мнѣніе, вы уже заразитесь его радостями, его печалями просто потому, что онѣ всегда такъ искренни, такъ лишены всякой рисовки

и позы, ну, и, конечно, потому еще, что онѣ совпадаютъ съ вашими собственными радостями и печалями, если вы культурный русскій человѣкъ. Только подчасъ Джаншіевъ пристыдитъ васъ яркостью и силой этихъ своихъ симпатій и антипатій. Пессимистъ, конечно, приметъ за наивность эту яркость и силу, педантъ обзоветъ ихъ легкомысліемъ; но это нисколько не помѣшаетъ вамъ, если вы не педанты и не пессимисты, отъ души порадоваться, что есть еще въ сердцѣ русскаго обывателя такіе залежи жизненной силы, такая свѣжая способность реагировать на впечатлѣнія общественной жизни; вы будете рады погрѣться у этого неостывающаго пламеннаго очага, вы уйдете отъ него освѣженный и согрѣтый и, слѣдовательно, благодарный“ [1]).

Понятно, что при такомъ темпераментѣ и оптимизмъ Джаншіева долженъ былъ носить особый отпечатокъ, отпечатокъ дѣятельности. Его девизъ—dum spiro spero. Онъ къ нему постоянно возвращается; но повторяя его въ предисловіи къ седьмому изданію „Эпохи реформъ“ черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ эта латинская поговорка впервые пришла ему на память, Джаншіевъ прибавляетъ: „Dum spiro spero,—но, конечно, при одномъ условіи: при неустанной и бодрой работѣ всѣхъ, кому дороги завѣты Бѣлинскаго, кому дороги гуманно-освободительные принципы преобразовательной эпохи“. Въ такомъ оптимизмѣ нѣтъ ничего мертваго; онъ зоветъ къ жизни, къ хорошему, прогрессивному дѣлу, онъ полонъ энергіи.

Мы скоро увидимъ, что были способны сдѣлать эти неисчерпаемыя жизненныя силы, горѣвшія такимъ яркимъ пламенемъ въ маленькомъ хиломъ тѣлѣ Григорія Аветовича. Посмотримъ сначала, какъ онѣ накоплялись. Источники его бодрости очень обыкновенные. Они доступны всякому, только не всякій, черпая изъ нихъ, получаетъ тѣ ощущенія, которыя выносилъ Джаншіевъ, ибо не у всякаго найдется его чистая и абсолютно чуждая житейской пошлости душа. Этихъ источниковъ два: великія созданія человѣческаго генія и природа.

Въ исторіи мысли довольно правильно, какъ кажется, воспроизводится одно явленіе. Въ критическій общественный моментъ лучшіе люди обращаются къ наукѣ и стараются въ ней найти отвѣты на назрѣвшіе вопросы дѣйствительности. Въ этихъ случаяхъ науку иногда даже отожествляютъ съ добродѣтелью, съ моральнымъ началомъ. Такъ было въ Аѳинахъ при Сократѣ, такъ было въ XVIII в.

---

[1]) Изъ рѣчи П. М. Милюкова „Памяти Г. А. Джаншіева“. „Рус. Вѣд.“, декабрь 1900 года.

въ Европѣ, такъ было у насъ. Нашъ позитивизмъ, который, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, былъ философіей прогрессивныхъ частей русскаго общества, по самому своему существу долженъ былъ высоко цѣнить научное начало, и среди его представителей не трудно указать многихъ, которые склонны отожествлять науку съ нравственностью. Таковъ, напр., несомнѣнно былъ Писаревъ. Для Джаншіева, который съ университетской скамьи (см. автобіографію) былъ убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ позитивистомъ, наука тѣмъ не менѣе не покрывала моральнаго элемента; нравственному идеалу онъ ставилъ гораздо болѣе высокія требованія. Въ одномъ мѣстѣ онъ бросаетъ мимоходомъ характерную въ этомъ отношеніи фразу: „Еще Аристотель замѣтилъ въ своей Политикѣ, что когда умъ и знанія не сопровождаются нравственнымъ развитіемъ, то знанія въ рукахъ человѣка могутъ причинить много зла. Жизнь подтверждаетъ это давнишнее наблюденіе“. Тѣмъ не менѣе, Джаншіевъ относился и къ наукѣ со своимъ обычнымъ энтузіазмомъ, считая ее могучимъ орудіемъ прогресса. „Передъ этой великой силой,—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—подъ дѣйствіемъ которой камни начинаютъ говорить, нельзя не преклоняться всѣмъ временамъ и народамъ. И не лихомъ, а добромъ можетъ помянуть человѣчество Прометея, похитившаго съ неба пламень знанія... Пусть всепожирающій пламень знанія... познакомилъ человѣчество со страданіями, невѣдомыми нетронутымъ дѣтямъ природы, а все же правъ поэтъ, сказавшій, что

„При мысли одной, что я человѣкъ,
Невольно душой возвышаюсь“,—

потому что лучше быть несчастнымъ Сократомъ, страждущимъ Донъ-Кихотомъ, чѣмъ торжествующей свиньей“.

Хулителей науки, отъ времени до времени оповѣщающихъ міръ о ея банкротствѣ, Джаншіевъ не любилъ почти такъ же сильно, какъ враговъ свободы, а такъ какъ въ нашемъ отечествѣ оба эти амплуа обыкновенно соединяются въ однѣхъ рукахъ, то полемическая задача Джаншіева значительно упрощалась. Заклеймить служителей или добровольцевъ мракобѣсія значило мстить и за поруганную свободу и за дискредитируемую науку.

И это преклоненіе передъ наукою было у Джаншіева не только общественно-политическимъ лозунгомъ, Джаншіевъ не только цѣнилъ въ наукѣ прогрессивную силу. Не будучи ученымъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, Джаншіевъ умѣлъ черпать изъ сокровищницы науки все то, что необходимо культурному человѣку въ качествѣ составной части его міровоззрѣнія. И онъ зналъ гораздо больше,

чѣмъ казалось на первый взглядъ, но онъ не любилъ выставлять на показъ „эрудицію“, а предпочиталъ перерабатывать свои знанія и пускать ихъ въ ходъ въ видѣ легкихъ, болѣе удобныхъ для восприятія и поэтому болѣе дѣйствительныхъ, въ качествѣ агитаціоннаго средства, положеній.

Въ томъ же удивительномъ механизмѣ, который такъ хорошо перемалывалъ твердыя сѣмена чистой науки, обрабатывался и другой матеріалъ—поэзія.

Всякій, хотя бы поверхностно знакомый съ писаніями Джаншіева, знаетъ, что они весьма основательно, иногда даже черезъ мѣру, сдобрены всякими прозаическими и стихотворными цитатами. Но даже тѣ, которые находятъ, что этихъ цитатъ могло бы быть меньше, должны сознаться, что онѣ приведены удивительно къ мѣсту, что порою даже кажется, что автору пришелъ сначала въ голову стихъ поэта и лишь потомъ онъ формулировалъ мысль, для иллюстраціи которой приведенъ этотъ самый стихъ. Мнѣ думается, что это такъ и было.

У Джаншіева была большая память, и онъ очень любилъ читать и перечитывать лучшихъ поэтовъ русскихъ и западныхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что образы и стихи постоянно осаждали его сознаніе во время работы, неотвязно лѣзли подъ перо, чуть не сами вырисовывались на бумагѣ въ перемежку между строками его легкой и изящной прозы. Въ разговорѣ Джаншіевъ сыпалъ стихами еще больше съ тою только разницею, что тутъ были не только чужіе, но и свои.[1])

Да и помимо стиховъ, развѣ въ каждой строкѣ, написанной Джаншіевымъ, не замѣтно вліяніе художественной литературы. Образность языка, выпуклость характеристикъ, тонкость и остроуміе полемическихъ страницъ, самый паѳосъ Джаншіева — все это развѣ не есть результатъ постояннаго общенія съ поэзіей? Это была такая пища для души, безъ которой Джаншіевъ не прожилъ бы и дня.

Другой, не менѣе необходимой пищей для него было искусство. Кто хоть однажды побывалъ въ его огромномъ кабинетѣ, съ перваго раза безошибочно могъ опредѣлить вкусы хозяина. Вся комната была увѣшана фотографическими снимками съ лучшихъ произведеній скульптуры, многіе фигурировали въ нѣсколькихъ видахъ, а

---

[1]) Кое-что изъ его стихотворныхъ опытовъ напечатано въ „Братской помощи“. См. 2-е изд. стр. 343 „Изъ Гая Армена“ и стр. 351 оригинальное стихотвореніе. „У Парѳенона“. Одно подписано А. Ветовъ, другое Г. И. Мировъ.

прямо передъ входной дверью висѣли двѣ превосходныхъ громадныхъ фотографіи Венеры Милосской и Праксителева Гермеса, статуй, которыя Джаншіевъ считалъ прекраснѣйшими произведеніями пластическаго генія Эллады. Столы были завалены папками и альбомами со всевозможными художественными снимками, эстампами, гравюрами, и когда Джаншіевъ начиналъ разсказывать о нихъ, у него разгорались глаза, онъ воодушевлялся и готовъ бы былъ говорить безъ конца, если бы слушатели не убирали папокъ и не увлекали бы его въ другой уголъ кабинета [1]).

Однако всѣ эти коллекціи имѣли для него цѣну лишь постольку, поскольку онѣ напоминали ему оригиналы, которые онъ смотрѣлъ во время странствованій по лучшимъ хранилищамъ Европы. Если онъ долго не видѣлъ, напримѣръ, Венеры Милосской, онъ прямо начиналъ тосковать, и его уже снова тянуло въ Лувръ еще разъ взглянуть на нее.

Путешествія онъ и любилъ именно потому, что въ нихъ соединялось для него два источника мысли и наслажденій: произведенія искусства и красоты природы.

Я совѣтую читателю пробѣжать хотя бы напримѣръ „Перлъ Кавказа“ или „Баловней и пасынковъ природы“, если только онъ ихъ еще не знаетъ. Времени у него уйдетъ не много и онъ о немъ не пожалѣетъ.

Конечно, въ литературѣ можно найти описанія ярче джаншіевскихъ, картины болѣе увлекательныя. Красокъ въ его палитрѣ мало, если припомнить, напримѣръ, хотя бы пейзажи Гоголя, Тургенева, Короленка,—словомъ, большихъ поэтовъ. Но вѣдь Джаншіевъ только туристъ... И потомъ въ его путевыхъ очеркахъ имѣется одна особенность, которая долго еще будетъ привлекать къ нимъ вниманіе.

Когда у новаго человѣка—это было давно, въ эпоху такъ называемаго Возрожденія,—проснулся интересъ къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру, онъ впервые почувствовалъ интересъ и къ природѣ: его глазамъ впервые раскрылась красота, щедрою рукою разлитая вокругъ него великимъ Деміургомъ и раньше имъ не замѣчаемая. Эта тѣсная связь между культомъ личнаго начала и пониманіемъ природы, такъ ярко раскрывшаяся въ то время, небыкновенно характерна. И умѣніе понимать природу является однимъ изъ показателей культурной высоты человѣка. Джаншіевъ всегда прекрасно понималъ это, ощущалъ дѣйствіе природы на собствен-

---

[1]) Подборъ картинъ былъ почти исключительно классическій. Джаншіевъ не признавалъ „новыхъ“ вѣяній въ искусствѣ.

номъ я и придавалъ ему огромное не только моральное, но и общественное значеніе. „Въ чемъ же, спрашиваетъ онъ однажды, суть и главная привлекательная сторона этихъ впечатлѣній? Въ томъ, что подъ дѣйствіемъ ихъ духовный міръ человѣка какъ-то укрѣпляется, проясняется, какъ бы окрыляется, совлекая съ себя, увы! только временно, бремя и накипь вседневной пошлости, мелочности, эгоизма „самообожанія“.

Но этого мало. Нѣсколько ниже Джаншіевъ продолжаетъ: „быть можетъ, я совершенно заблуждаюсь, но я глубоко вѣрю и вполнѣ убѣжденъ, что распространеніе въ массахъ любви къ природѣ, умѣнія наблюдать ее, понимать и цѣнить ея дивныя красоты—наравнѣ съ столь могуче проявившимся въ послѣднія два десятилѣтія, среди англо-американскаго общества обоихъ полушарій стремленіемъ открыть (народу) желанный доступъ къ высшимъ въ мірѣ наслажденіямъ, даруемымъ наукой и искусствомъ, должны служить вѣрнѣйшими двигателями прогресса и ослабленія антагонизма между богатыми и бѣдными!“

Едва ли общественное неравенство и классовыя противорѣчія могутъ быть устранены или даже только ослаблены тѣми способами, о которыхъ упоминаетъ тутъ Джаншіевъ, но для него характерна та глубокая вѣра, съ которою онъ объ этомъ говоритъ. Въ его устахъ это—не фраза; это частичка его самыхъ святыхъ убѣжденій.

Приглядимся къ этимъ убѣжденіямъ нѣсколько болѣе пристально.

Когда Джаншіевъ сталъ систематически работать въ періодическихъ изданіяхъ, не ограничиваясь спеціально судебными вопросами, уже давно прошло то праздничное оживленіе, которое было вызвано эпохою реформъ. Въ то время (конецъ семидесятыхъ годовъ) уже начиналась ломка и на сценѣ появлялись такіе элементы, которые раньше сидѣли по норамъ, а теперь обрадовались и полѣзли на свѣтъ Божій, чуя всякіе пріятные для себя запахи. Формировалась новая порода людей — восьмидесятникъ начиналъ занимать сцену и готовился къ проповѣди откровеннаго эгоизма въ личной жизни и оппортунизма въ общественно-политическихъ дѣлахъ.

Политическое міровоззрѣніе Джаншіева въ общемъ сложилось гораздо раньше. Еще безусымъ абитуріентомъ гимназіи онъ сознательно отказался поступить на тотъ факультетъ, въ который его тянуло — историко-филологическій; его отпугивала прочно приставшая къ нему этикетка „ретоградства и обскурантизма“. Но въ

отдѣльныхъ вопросахъ у него ни въ это время, ни по окончаніи университета не всегда были твердо установившіеся взгляды. Частью они у него складывались потомъ подъ различными вліяніями. Жизнь учила; уроки, которые давала дѣйствительность второй половины семидесятыхъ годовъ, были необыкновенно краснорѣчивы, и у всякаго честнаго человѣка вызывали только одно отношеніе.

Какъ юристъ Джаншіевъ неоднократно имѣлъ случаи сопоставлять положеніе суда и принципы законодательства въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за изданіемъ судебныхъ уставовъ, и въ то время, какое онъ переживалъ. Сравненіе выходило поучительное, заставляло задумываться, возбуждало мысль. Неприглядная дѣйствительность все чаще и чаще принуждала искать отдохновенія въ минувшемъ, поминать борцовъ за новый судъ. Такъ, мало-помалу, возникали сначала статьи, потомъ книги [1]). Отъ судебной реформы взоръ невольно обращался къ другимъ реформамъ 60-хъ годовъ и къ самой главной — крестьянской; потомъ крестьянская реформа выдвигалась на первый планъ и становилась центромъ изученія...

Въ этихъ „историческихъ справкахъ“, къ которымъ все съ большей и большей силою гнала его дѣйствительность, Джаншіевъ постепенно сдѣлался тѣмъ человѣкомъ, котораго знаетъ Россія по „Эпохѣ реформъ“—послѣдовательнымъ и стойкимъ сторонникомъ тѣхъ принциповъ, изъ которыхъ выросло все движеніе шестидесятыхъ годовъ [2]).

Евангеліе Джаншіева—евангеліе лучшихъ представителей русскаго либерализма. Свобода—его богъ. „Дайте свободу, остальное приложится“, говоритъ онъ, понимая подъ свободой—свободу личности, слова, мысли, союзовъ. Это убѣжденіе сидѣло въ немъ крѣпко. Когда ему говорили, что либеральной программы по нынѣшнимъ временамъ мало, онъ отвѣчалъ, что Россія не доросла до болѣе радикальныхъ, что тѣ возникли на почвѣ болѣе сложныхъ общественныхъ отношеній Запада и намъ не годятся. На этой почвѣ онъ не уступалъ ни пяди. Когда его противники выкладывали ему цѣлую литературу, начиная съ Коммунистическаго Манифеста и

---

[1]) „Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замятнинъ“. М. 1883. „С. И. Зарудный и судебная реформа“. М. 1889.

[2]) Говоря объ общественныхъ взглядахъ Джаншіева я, какъ легко увидятъ читатели, въ сущности мало прибавляю къ мастерской характеристикѣ ихъ, сдѣланной П. Н. Милюковымъ. См. его фельетонъ въ *„Русскихъ Вѣдомостяхъ“* въ одномъ изъ декабрьскихъ нумеровъ 1900 года.

кончая послѣдними памфлетами, Джаншіевъ улыбался и добродушно просилъ позволить „старому либералу“ помереть въ собственной вѣрѣ. Крѣпкая и горячая была та вѣра. На Босфорѣ онъ любуется яркимъ ночнымъ небомъ и, смотря на Полярную звѣзду, думаетъ, что она все еще шлетъ на землю лучъ временъ крѣпостничества, и что настоящій свободный лучъ, пустившійся въ путь въ 1861 году, доберется до нашей планеты только въ 1911 году. Около Земмеринга въ долинѣ Мура онъ увидѣлъ изъ окна вагона пару воловъ, запряженныхъ въ конскую упряжку — и ничего больше. А послушайте, что онъ говоритъ: „Меня всегда поражалъ господствующій у насъ на всемъ югѣ варварскій способъ запряжки воловъ. Огромное тяжелое ярмо давитъ и рѣжетъ шею несчастному животному. Къ кому я ни обращался, отовсюду получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: волъ къ ярму привыкъ и безъ него не пойдетъ. Дивился я такой странной любви вола къ ярму, но долженъ былъ пожертвовать своей завиральной либеральной доктриною въ пользу факта и непреложной традиціи... И вдругъ я увидѣль въ долинѣ Мура осуществленной мою дѣтскую мечту... Съ точки зрѣнія эстетической, можетъ быть, лошадиная упряжь коровѣ и нейдетъ, но что корова съ такою упряжью идетъ вольно и отъ своей относительной свободы не страдаетъ и не бѣсится, не подлежитъ сомнѣнію. Не такъ ли основательно разсуждаютъ иные о традиціонныхъ людскихъ ярмахъ?“

Но преклоняясь передъ богинею свободы, Джаншіевъ, не въ примѣръ нѣкоторымъ другимъ старымъ либераламъ, понималъ, что свобода свободѣ рознь. Послушайте, что онъ говоритъ по этому поводу:

„Свобода! О, кто не падетъ ницъ передъ этимъ вѣщимъ словомъ! Но кто вмѣстѣ съ тѣмъ не вспомнитъ тѣ безчисленныя и безконечныя злоупотребленія, которыя творились и творятся во имя этого понятія? Не слѣдуетъ забывать, что il y a fagots et fagots. Все дѣло въ томъ, какъ понимать свободу. Когда кулакъ-милліонеръ возстаетъ противъ вмѣшательства власти въ отношенія его къ рабочимъ, во имя чего онъ отстаиваетъ свои эксплуататорскія вожделѣнія? Во имя свободы, прославленной поэтами. Во имя чего ростовщикъ-кровопійца возражаетъ противъ узаконенныхъ процентовъ? Во имя той же дорогой, но часто оскверняемой свободы“...

Какъ видитъ читатель, Джаншіевъ совершенно не боится такихъ жупеловъ вульгарнаго буржуазнаго либерализма, какъ „вмѣшательство“ и—этого я не нашелъ въ его писаніяхъ, но въ бесѣдахъ онъ часто объ этомъ говорилъ—готовъ сдѣлать нѣкоторыя уступки демократической точкѣ зрѣнія. Очищенная этимъ сократическимъ ме-

тодомъ идея свободы становится уже съ любой точки зрѣнія высокимъ девизомъ.

Кто врагъ свободы, тотъ личный врагъ Джаншіева. Живой или мертвый, русскій или иностранецъ—ему все равно. Грѣхъ противъ свободы по его политической религіи не прощается никому. Къ мертвому Аракчееву онъ относится съ такой же глубокой ненавистью, какъ и къ живому Бисмарку. Каткова онъ не оставлялъ въ покоѣ и за гробомъ. За то люди, оказавшіе свободѣ услугу, хотя бы и самую незначительную, пользуются такой же горячей любовью Джаншіева. Онъ воспѣваетъ ихъ въ юбилейныхъ и скорбныхъ справкахъ, постоянно возвращается къ освѣщенію ихъ роли въ исторіи русскаго самосознанія. Очень часто онъ соединяетъ обѣ задачи: обрушившись со всей силою своею сарказма на какого-нибудь апостола реакціи, изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ и начинаетъ пѣть славу апостолу свободы.

И никогда ему не казалось, что онъ черезъ-чуръ много поетъ славу.—„Поневолѣ приходится повторять,—говорилъ онъ:—хорошихъ людей такъ мало!“ У него была настоящая потребность отъ времени до времени излить одушевлявшія ею чувства на восхваленіи какого-нибудь крупного единомышленника, а если ему не представлялось удобнаго случая для юбилейной „справки“, онъ принимался за славныхъ мертвецовъ: Бѣлинскаго, Грановскаго, корифеевъ эпохи реформъ. Читатели „*Русскихъ Вѣдомостей*“ привыкли къ тому, что въ годовщину каждой крупной реформы въ газетѣ будетъ помѣщенъ фельетонъ Джаншіева или передовая статья, въ которой они легко узнавали его руку. Нужны были очень серьезныя причины, чтобы Джаншіевъ пропустилъ какой-нибудь такой юбилей безъ своей традиціонной справки. Онъ придавалъ подобнымъ замѣткалъ большое значеніе. „Это капли воды, которыя точатъ камень нашего индифферентизма“, говорилъ онъ. И онъ былъ, мнѣ кажется, вполнѣ правъ.

Окончивъ университетъ и вступивъ въ адвокатуру, Джаншіевъ первоначально былъ далекъ отъ мысли, что онъ когда-нибудь сдѣлается писателемъ. Былъ только одинъ признакъ, который предсказывалъ его будущую литераторскую карьеру довольно безошибочно, но Джаншіевъ, повидимому, позабылъ о немъ. Это была четверка по русскому сочиненію въ гимназическомъ аттестатѣ, единственная въ сонмѣ пятерокъ. А вѣдь давно извѣстно, что наши гимназическіе педагоги имѣютъ въ этомъ отношеніи отличное чутье—они навѣрняка отмѣчаютъ плохимъ балломъ способнаго, но не укладывающагося въ шаблонъ ученика. Словомъ, почему бы то ни было Джаншіевъ вначалѣ и не помышлялъ о литературной дѣятель-

ности и сдѣлался литераторомъ, какъ видно изъ „автобіографіи“, случайно [1]). И первое время онъ писалъ исключительно по юридическимъ вопросамъ, притомъ вопросамъ спеціальнаго свойства, для обыкновеннаго читателя весьма неудобоваримымъ. Но мало-по-малу Джаншіевъ втянулся и понялъ, что литература и есть его настоящее призваніе, что посредствомъ литературы онъ сумѣетъ легче и лучше, чѣмъ какимъ-бы то ни было другимъ путемъ, проповѣдывать массѣ свои идеалы. Такое соображеніе было для него рѣшающимъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые думаютъ для себя, для которыхъ научные и общественные вопросы цѣнны главнымъ образомъ по своей внутренней объективной сущности. Джаншіевъ думалъ, учился, страдалъ надъ „проклятыми“ вопросами для того, чтобы подѣлиться результатами своей работы со всѣми. Нетерпѣливый и экспансивный, какъ всякій южанинъ, онъ былъ великолѣпнымъ пропагандистомъ, и это свойство его безпокойной натуры главнымъ образомъ и сдѣлало изъ него автора „Эпохи реформъ“, книги, которая, несмотря на свою увѣсистость, работала не хуже агитаціонной брошюры.

У Джаншіева были вполнѣ опредѣленные взгляды на задачи русскаго публициста. Онъ отлично понималъ историческій моментъ, въ который ему пришлось жить, прекрасно зналъ ту публику, среди которой онъ своими писаніями вербовалъ друзей принципамъ либерализма. Онъ думалъ, что обычное представленіе о „читателѣ“, этомъ незнакомцѣ, близкимъ знакомствомъ, съ которымъ хвалится всякій пріобщенный къ литературѣ, совершенно неправильно. Отчасти изъ собственнаго опыта, отчасти изъ опыта другихъ, онъ выносилъ то впечатлѣніе, что „читатель“ знаетъ вовсе не такъ много, какъ предполагаетъ „писатель“ и что средній уровень умственнаго развитія его гораздо ниже, чѣмъ принято думать. Джаншіевъ шутилъ, что литераторы льстятъ читателю для облегченія собственной задачи; они притворяются, что читатель все поймётъ, что бы они ни писали, потому что если бы они представляли себѣ читателя такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, то имъ пришлось бы обработывать свои писанія гораздо тщательнѣе.

---

[1]) Потомъ Джаншіевъ острилъ, что за свою первую статью въ „*Судебномъ Вѣстникѣ*“ онъ не только получилъ причитающійся ему гонораръ, но былъ даже возведенъ въ графское достоинство. Дѣло въ томъ, что онъ подписался „Гр. Джаншіевъ“, а въ редакціи изъ „Григорія“ ничтоже сумняшеся сдѣлали „графа“. „Это первый и единственный извѣстный мнѣ случай пожалованія титула за литературную работу“, добавлялъ обыкновенно Джаншіевъ, очень любившій разсказывать про этотъ эпизодъ.

И Джаншіевъ всегда писалъ для такого читателя. Онъ не стѣснялся разжевывать ему простую мысль, ему не казалось неловкимъ прерывать ходъ мыслей патетическими восклицаніями и яркими эпитетами, онъ заботливо разставлялъ скамеечки для легко утомляющейся мысли—стихи, беллетристическіе эпизоды, интересные разсказы. И читатель, расхватывавшій ежегодно по цѣлому изданію „Эпохи реформъ“, блистательно доказалъ, что Джаншіевъ не ошибался, думая, что для него нужно писать не совсѣмъ такъ, какъ обыкновенно пишетъ журнальная братія.

Побѣдителей не судятъ! Когда теперь пробѣгаешь „Эпоху“ многія ея страницы кажутся написанными ad usum Delphini. Иного это и покоробитъ, но тѣнь Джаншіева можетъ быть спокойна: ни одинъ человѣкъ, у котораго есть хоть кое-какое чутье, не поставитъ ему въ упрекъ ни приподнятаго тона, ни старательнаго облегченія задачи читателя. Книга несомнѣнно сдѣлала свое дѣло. Нужно помнить, въ какой моментъ она появилась въ свѣтъ. Это было въ 1891 г. Пора была поистинѣ критическая. Ломка зданія шестидесятыхъ годовъ находилась въ полномъ разгарѣ. Грозило рухнуть даже то, что пережило кладбищенски-унылую эпоху восьмидесятыхъ годовъ. Здоровые организмы стали обезображиваться: на нихъ появились различные темные и болѣзненные наросты... Тогда-то Джаншіевъ заговорилъ о шестидесятыхъ годахъ; тогда стали воскресать подъ его перомъ свѣтлые образы дѣятелей этой эпохи; общество вновь услышало забытыя слова, ему вновь въ увлекательномъ изложеніи напомнили о забытыхъ славныхъ принципахъ; съ книги повѣяло живительнымъ дыханіемъ былого радостнаго возбужденія.

Именно такой языкъ, которымъ говорилъ Джаншіевъ, именно тотъ духъ, которымъ насыщена его книга, были необходимы тогда обществу. О шестидесятыхъ годахъ, конечно, знали, но нуженъ былъ поэтъ, чтобы славная эпоха ожила, нужно было заразительно бодрое настроеніе, чтобы помѣшать искусственно навѣваемому сну сковать наше общество, чтобы не дать индиферентизму и отчаянію охватить его. „Эпоха реформъ“ сдѣлала много въ этомъ отношеніи.

Джаншіевъ не могъ писать иначе, когда ему приходилось говорить о такихъ вещахъ. Его тонъ подсказывался ему его вѣрою, его неизмѣннымъ жизнерадостнымъ и бодрымъ настроеніемъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что свѣтлое настроеніе шестидесятыхъ годовъ вернется, что тѣ явленія, съ которыми въ девяностыхъ годахъ приходится сталкиваться на каждомъ шагу—преходящія явленія, что эволюція русской общественной и политической жизни неуклонно идетъ къ идеаламъ, одушевлявшимъ его и его

друзей. Онъ не зналъ, что такое уныніе, и дѣятельно боролся съ пессимизмомъ друзей, которые находили, что могло бы быть и получше. „Эпоха реформъ“ не только отражаетъ настроеніе Джаншіева, она сохранила и ту способность, за которую всѣ такъ любили ея автора—способность не давать падать духомъ.

Въ наше время эта способность, пожалуй, еще драгоцѣннѣе, чѣмъ въ девяностыхъ годахъ. Теперь бодрящій голосъ еще нужнѣе, чѣмъ тогда, и вотъ почему, думается, можно бы смѣло поставить на книгѣ старый эпиграфъ: „vertite manu diurna, vertite nocturna“. За этотъ бодрый тонъ можно простить ей ея чисто научные недочеты.

„Эпоха реформъ“—не трудъ историка въ собственномъ смыслѣ. Читатель напрасно сталъ бы искать въ ней всесторонняго освѣщенія различныхъ моментовъ движенія шестидесятыхъ годовъ. Очеркъ подготовки реформъ—почти отсутствуетъ, истолкованія классового характера крестьянской реформы нѣтъ совершенно, экономическія предпосылки ея не выяснены. Словомъ, опущены научные вопросы, правильное рѣшеніе которыхъ могло бы помочь соціологическому истолкованію такого важнаго факта, какъ движеніе шестидесятыхъ годовъ.

Но Джаншіевъ и не преслѣдовалъ этой цѣли. Онъ вполнѣ сознательно ограничилъ свою задачу прагматическимъ очеркомъ, потому что писалъ не научный трактатъ, а памфлетъ. Въ послѣднихъ изданіяхъ книга стала нѣсколько грузна для памфлета, но основной характеръ ея отъ этого не измѣнился.

Научная разработка исторіи шестидесятыхъ годовъ шла и идетъ независимо отъ Джаншіева, но въ „Эпохѣ реформъ“, думается, есть нѣчто, не уступающее по важности правильной постановкѣ и правильному рѣшенію научной задачи. Она примыкаетъ къ довольно многочисленной въ исторіографіи семьѣ книгъ, лучшимъ представителемъ которой является „Исторія революціи“ Мишле. Такъ же, какъ и „Эпоха реформъ“, книга Мишле слаба въ научномъ отношеніи, но ея картинность и энтузіазмъ, которымъ она проникнута, сыграли крупную общественную роль въ исторіи Франціи. Не сопоставляя талантовъ обоихъ писателей, нельзя не признать, что „Эпоха реформъ“ близкая родственница „Исторіи революціи“. И я думаю, что почетный титулъ „перваго историка эпохи великихъ реформъ“, который данъ Джаншіеву такимъ компетентнымъ судьею, какъ П. Н. Милюковъ, вполнѣ имъ заслуженъ, несмотря на научные пробѣлы книги.

Въ „Эпохѣ великихъ реформъ“ Джаншіевъ дѣлалъ не столько научное, сколько общественное дѣло, былъ прежде всего публицистомъ,

какъ былъ публицистомъ во всѣхъ своихъ писаніяхъ, не исключая путевыхъ очерковъ. Онъ не могъ иначе. Такъ ужъ у него была устроена голова, что онъ все, о чемъ думалъ и о чемъ говорилъ, прикидывалъ на общественную мѣрку. Потому-то его такъ и любятъ всѣ, кто любитъ принципы свѣта и свободы; потому-то его такъ и ненавидѣли всѣ, чьимъ мелкимъ и грязнымъ дѣлишкамъ мѣшаютъ и свѣтъ, и свобода. Сколько доносовъ сыпалось на Джаншіева со страницъ органовъ полицейскаго сыска, сколько ругательствъ и клеветы приходилось ему выслушивать со столбцовъ казенно-шовинистскихъ изданій. Онъ былъ даже однажды вызванъ на дуэль: очень уже больно хлестнуло его мѣткое слово одного изъ „ученыхъ“ ремесленниковъ [1]).

Публицистъ Джаншіевъ можетъ не жалѣть о томъ, что онъ не былъ настоящимъ историкомъ. Онъ сдѣлалъ своимъ публицистическимъ перомъ столько, сколько рѣдкій историкъ сдѣлаетъ своими учеными изслѣдованіями. Восемь изданій „Эпохи реформъ“—пьедесталъ достаточно высокій, а пьедесталъ Джаншіева составился не только изъ „Эпохи реформъ“.

Публицистика захватывала Джаншіева все больше и больше но постоянно сокращая свою адвокатскую практику, онъ продолжалъ горячо интересоваться вопросами организаціи суда, тѣми учрежденіями, которыя были созданы Судебными Уставами Александра II. Завѣдуя юридическимъ и судебнымъ отдѣломъ въ *„Русскихъ Вѣдомостямъ“*, онъ имѣлъ случай высказываться по множеству крупныхъ и мелкихъ вопросовъ [2]).

Я не буду разсматривать ихъ всѣ и остановлюсь лишь на

---

[1]) Джаншіевъ совершенно серьезно хотѣлъ драться съ этимъ господиномъ, и друзьямъ стоило довольно большихъ усилій отговорить его. Тогда онъ предложилъ своему противнику судъ чести, отъ котораго тотъ, разумѣется, благоразумно уклонился.

[2]) Найти его статьи въ газетѣ тѣмъ болѣе нетрудно, что главныя изъ нихъ у него были тщательно вырѣзаны и наклеены въ тетради. Мнѣ приходилось видѣть эти тетради. Я не знаю, въ чьихъ рукахъ онѣ находятся въ настоящее время. Вообще, наслѣдники Джаншіева очень мало заботятся о томъ, чтобы сдѣлать достояніемъ публики его многочисленныя произведенія. Это совершенно непростительно. Даже книги, и тѣ частью уже вышли изъ продажи; о статьяхъ и говорить нечего. Думается, что писанія Григорія Аветовича заслуживали бы лучшей судьбы.

двухъ вопросахъ, которые для самого Джаншіева казались наиболѣе интересными. Имъ онъ посвятилъ по отдѣльной книжкѣ. Я имѣю въ виду „Веденіе неправыхъ дѣлъ“ и „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“.

„Веденіе неправыхъ дѣлъ“—этюдъ по адвокатской этикѣ. Эту книжку слѣдовало-бы раздавать безплатно молодымъ адвокатамъ, при принесеніи ими первой присяги. Она снабдила бы принципами не одного изъ нынѣшнихъ представителей сословія, считающихъ совѣсть и честь чѣмъ-то въ высокой степени ненужнымъ. Въ этой книжкѣ Джаншіевъ ярко и горячо возстаетъ противъ того принципа, что адвокатъ можетъ браться за защиту по всякимъ дѣламъ, правымъ и неправымъ — безразлично. Для него кажется дикимъ, какимъ образомъ сенатъ, своимъ извѣстнымъ разъясненіемъ по дѣлу Лохвицкаго, какъ бы узаконилъ такое пониманіе. Для него адвокатъ, убѣжденный въ томъ, что онъ защищаетъ негодяя и тѣмъ не менѣе принимающій на себя защиту только потому, что тотъ не совершилъ ничего противозаконнаго и наказуемаго,—такой адвокатъ представляется чѣмъ-то поистинѣ чудовищнымъ, какимъ-то уродомъ, которому имени нѣтъ. Какъ блестяще разбиваетъ онъ аргументацію своихъ противниковъ, которые апеллируютъ и къ сыну Сирахову и къ идеѣ абсолютной морали, чтобы доказать, что въ защитѣ неправыхъ дѣлъ нѣтъ ничего предосудительнаго. И въ этомъ вопросѣ Джаншіевъ могъ торжествовать: на его сторонѣ были лучшіе наши публицисты и адвокаты, которые хотя объ абсолютной нравственности не разговариваютъ, но отлично знаютъ разницу между тѣмъ, что честно и безчестно

То же было и въ вопросѣ о судѣ присяжныхъ. Этотъ институтъ всегда былъ бѣльмомъ на глазу у нашихъ обскурантовъ, потому что онъ выносилъ вопросъ о преступленіи и наказаніи изъ бюрократической канцеляріи на судъ общества, въ свѣтлыя залы, гдѣ громко говорятъ и по совѣсти рѣшаютъ, виновенъ человѣкъ или нѣтъ, гдѣ не руководствуются никакими „высшими“ соображеніями. Въ серединѣ 90 годовъ гонители суда присяжныхъ что-то особенно освирѣпѣли и на учрежденіе посыпалось отовсюду столько клеветы и ругани, что можно было опасаться, какъ бы оно не зашаталось. Къ счастью, опасенія оказались неосновательны. Секція коммиссіи по пересмотру судебнаго законодательства, работавшая подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Кони, всѣми голосами противъ двухъ высказалась за сохраненіе суда присяжныхъ. Одинъ изъ оставшихся въ этомъ меньшинствѣ, прокуроръ петербургской судебной палаты г. Дейтрихъ, вздумалъ излагать свои соображенія печатно. Ему-то

и прочелъ отповѣдь Джаншіевъ, прихвативъ, кстати, столь же глубокомысленныя размышленія „Гражданина“. Изъ полемическихъ газетныхъ статей выросла блестящая апологія суда присяжныхъ, которая надолго сохранитъ свое значеніе въ литературѣ, наряду со статьями А. Ѳ. Кони, М. Ѳ. Громницкаго, П. М. Обнинскаго и другихъ нашихъ лучшихъ юристовъ.

До сихъ поръ мы видѣли въ Джаншіевѣ *русскаго* публициста; читатель, быть можетъ, даже позабылъ, что Джаншіевъ—армянинъ. И въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Въ дѣятельности его до середины девяностыхъ годовъ мало что напоминало о его происхожденіи. Развѣ только горячій южный темпераментъ и южная экспансивность указывали на то, что этотъ человѣкъ не дитя холоднаго сѣвера. Въ молодости Джаншіевъ, подобно большинству русскихъ армянъ, мало слѣдилъ за событіями, совершавшимися въ Оттоманской имперіи и рѣдко проявлялъ свое участіе къ положенію своихъ турецкихъ братьевъ. Другіе интересы, другіе запросы отодвинули на задній планъ болѣе отдаленный и, повидимому, болѣе насущный армянскій вопросъ въ Турціи. Но онъ все-таки сталъ интересоваться имъ раньше, чѣмъ Сасунская рѣзня привлекла къ нему всеобщее вниманіе. Въ 1891 году онъ посѣтилъ Константинополь и то, что онъ увидѣлъ въ столицѣ султана, показало ему съ полнѣйшей очевидностью, что происходившія тамъ вещи ужасны, что отсутствіе активнаго интереса къ положенію армянъ въ Турціи граничитъ съ моральнымъ позоромъ. Въ статьяхъ, напечатанныхъ сейчасъ же по возвращеніи въ Россію, въ „Русской Мысли“ онъ первый изъ русскихъ армянъ попробовалъ разоблачить своеобразные пріемы турецкой администраціи и турецкаго „правосудія“. Для него, какъ для юриста, проникнутаго высокимъ уваженіемъ къ идеѣ истиннаго правосудія и къ ея этическимъ основамъ, было нестерпимо горько видѣть постоянное, систематическое нарушеніе самыхъ дорогихъ правъ человѣка, совершающееся потому только, что этотъ человѣкъ не мусульманинъ, а христіанинъ. Мартирологъ жертвъ турецкаго фанатизма былъ уже и въ то время ужасающе великъ, и страданія армянъ, отданныхъ на произволъ курдовъ, вопреки обязательствамъ Порты по § 61 Берлинскаго трактата, казались наглой насмѣшкой надъ Европою.

Джаншіевъ много думалъ надъ тѣмъ, какимъ образомъ можетъ быть разрѣшенъ армянскій вопросъ. Я не знаю, приходило ли ему въ голову то рѣшеніе, которое Гладстонъ считалъ столь же про-

стымъ, сколько и неисполнимымъ: изгнаніе турокъ изъ Арменіи, но что къ другому рѣшенію, почти такому же простому, онъ приходилъ, это ясно изъ всего хода его разсужденій. Оно заключалось въ возвращеніи къ § 16 Санъ-Стефанскаго договора, но онъ видѣлъ, что это, въ концѣ концовъ, не рѣшеніе. Поэтому то, что онъ предлагаетъ—мѣра положительная, хотя носитъ вполнѣ очевидный и вполнѣ сознаваемый характеръ палліатива. Джаншіевъ неоднократно подчеркиваетъ, что армяне не просятъ, а *трсбуютъ* реформъ, которыя Порта, Богъ-вѣсть, сколько разъ обязалась ввести, и „ключъ къ разрѣшенію армянскаго вопроса“ онъ видитъ „въ исполненіи законныхъ требованій армянъ“, вытекающихъ изъ § 61 Берлинскаго трактата. Дальнѣйшія событія показали, что и это рѣшеніе, которое казалось единственнымъ, имѣющимъ практическую цѣнность, было чистѣйшей утопіей и, пожалуй, даже хуже, чѣмъ утопіей.

Всего три-четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Джаншіевъ писалъ свою статью, и разыгрались въ турецкой Арменіи такія событія, отъ которыхъ содрогнулись даже заправилы европейской дипломатіи. Приведенное въ ужасъ, общественное мнѣніе Европы потребовало отъ правительствъ, чтобы былъ положенъ конецъ этому позору культуры, чтобы были обузданы расходившіяся страсти дикихъ сыновъ Ислама. Въ Англіи заговорилъ великій старецъ, молчавшій во время полнаго разгрома своей партіи, и теперь нашедшій въ себѣ силы побороть болѣзнь и выступить на святое дѣло гуманности. Властное *довольно!*—сковало руки убійцъ, и Порта поняла, что теперь не время пускать въ ходъ темныя средства своей политики. Прекратилась рѣзня... но цѣлыя области, цвѣтущія еще наканунѣ, дымились въ развалинахъ; томились въ гаремахъ армянскія женщины и дѣвушки, на обуглившихся остаткахъ жилищъ тлѣли 300,000 труповъ и тутъ же справляли дикую тризну курды и регулярныя войска.

Что было дѣлать при этихъ условіяхъ русскому армянину, единственнымъ оружіемъ котораго было перо? Что могъ онъ сдѣлать? Немного! Джаншіевъ взялся за дѣло съ такимъ рвеніемъ, какъ будто хотѣлъ наверстать все, что могъ сдѣлать раньше и не сдѣлалъ, съ такой энергіей, какъ будто предчувствовалъ, что ему суждено работать недолго. И то, что ему удалось осуществить въ четыре года—было достаточно, чтобы другому наполнить жизнь. Въ газетахъ онъ печаталъ статьи, хватающія за душу, но газетныхъ статей было мало; онъ это понималъ. Нужно было освѣтить фактъ со всѣхъ сторонъ, выяснить размѣры погрома, разоблачить истинныхъ виновниковъ и иниціаторовъ политики истребленія. Только

при этихъ условіяхъ можно было разсчитывать привлечь сочувствіе общества къ дѣлу армянъ, увѣрить скептиковъ, убѣдить предубѣжденныхъ. Онъ и сдѣлалъ это. Изданная имъ книга „Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ“ — это поистинѣ „книга крови и слезъ“, какъ назвалъ ее одинъ изъ предубѣжденныхъ, обращенный ею. Въ средніе вѣка она вызвала бы крестовый походъ; въ концѣ XIX в. она произвела переворотъ во взглядахъ русскаго общества, переворотъ, плоды котораго Джаншіевъ пожалъ при изданіи „Братской Помощи“.

Когда утихла въ Арменіи кровавая гроза и стали измѣрять ея результаты, то оказалось, что немедленно необходима самая щедрая, самая обильная помощь: нужно было спасать тѣхъ, кто пережилъ погромъ и кто безъ помощи могъ сдѣлаться жертвою голода, нужно было беречь жизнь 150,000 сиротъ, слѣдовательно, нужны были деньги. И деньги широкой волною потекли изъ Европы, изъ Америки, изъ Россіи. Въ Россіи Джаншіевъ сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-нибудь другой. Убѣдившись, что помощь требуется систематическая, постоянная, не случайная, что суммы, доставляемой пріютамъ, далеко не хватаетъ на призрѣніе сиротъ, онъ рѣшилъ организовать правильную помощь изъ Россіи.

Это простое рѣшеніе было великимъ подвигомъ. Для него дѣло было осуществимо, конечно, въ видѣ литературнаго изданія, но наряду съ чисто литературной работою, оно потребовало отъ него заботъ и хлопотъ, далеко выходящихъ изъ рамокъ писательской, редакторской и даже издательской дѣятельности. Онъ дважды начиналъ и оба раза доводилъ до конца свое предпріятіе исключительно одинъ; помощниковъ у него не было: онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться честью послужить своему народу и мягко, но категорически отклонялъ услуги, предлагавшіяся многочисленными друзьями. Каждый вечеръ его можно было застать въ его кабинетѣ, на его высокомъ стулѣ, за рукописями, за корректурами, за разстановкою клише, за письмами. Взявшись за дѣло, онъ не жалѣлъ ни своихъ слабыхъ силъ, ни скуднаго запаса своего здоровья: онъ писалъ, правилъ, подписывалъ къ печати, ѣздилъ, отстаивалъ въ цензурѣ каждую строку—и, наконецъ, выпустилъ въ свѣтъ первое изданіе своей славной „Братской Помощи“. Вотъ тутъ-то и начались настоящія хлопоты. Джаншіевъ превратился въ ходока, въ сборщика пожертвованій, требовательнаго, почти неумолимаго. Не смущаясь тѣмъ, что его упрекали въ назойливости и надоѣдливости, онъ приставалъ ко всѣмъ, бралъ вездѣ, гдѣ было можно; онъ самъ сравнивалъ себя съ турецкими мытарями, классическими представителями

этой породы людей; достаточно было знакомому спросить у него, какъ идутъ дѣла сборника, чтобы тутъ же сдѣлаться жертвою своей любознательности; онъ ловилъ собесѣдника на словѣ, и тотъ платился. Домосѣдъ, никогда не посѣщавшій большихъ собраній, онъ вдругъ сдѣлался необыкновенно общительнымъ, ѣздилъ всюду, гдѣ надѣялся пополнить бюджетъ своихъ страдальцевъ, не останавливался передъ утомлявшими его путешествіями въ Петербургъ. И все это дѣлалось такъ просто, онъ обиралъ знакомыхъ и незнакомыхъ такъ добродушно, что, въ концѣ концовъ, никто на него не сердился серьезно. И нельзя было сердиться на этого человѣка, который, задыхаясь, взбирался на третій этажъ, чтобы получить двадцатипятирублевую бумажку, систематически простуживался послѣ каждаго путешествія по Москвѣ, пополнявшаго его кассу лишней сотней рублей. Поэтому ему давали всѣ. Въ бумагахъ редакціи „Братской Помощи“ сохранились письма его жертвователей. Кого кого тутъ нѣтъ. И члены Императорскаго дома, и министры, и сановники, и ученые, и капиталисты, и люди, дававшіе изъ послѣдняго на благое дѣло. Первое изданіе „Братской Помощи“ принесло около 30,000 руб. Другой почилъ бы на лаврахъ. Не таковъ былъ Джаншіевъ. Когда не осталось ни одного экземпляра, онъ приступилъ ко второму изданію, въ которомъ былъ расширенъ армянскій отдѣлъ. Снова началась та же работа и такъ же успѣшно была доведена до конца. Опять въ кассу „Братской Помощи“ поступило около 30,000 рублей. Къ веснѣ 1900 года разошлось и это изданіе. Уѣзжая въ маѣ на югъ, Джаншіевъ сталъ поговаривать уже о третьемъ изданіи и выражалъ надежду приступить къ нему по возвращеніи въ Москву. Но онъ вернулся въ Москву, только чтобы умереть, и третье изданіе „Братской Помощи“ такъ и не было осуществлено. А между тѣмъ, оно обѣщало быть еще болѣе интереснымъ, чѣмъ оба первыхъ. Джаншіевъ хотѣлъ сдѣлать изъ него популярную армянскую энциклопедію, опустивъ статьи общаго содержанія и значительно расширивъ и приведя въ систему армянскій отдѣлъ. „Теперь уже матеріальныя цѣли болѣе или менѣе достигнуты: надо подумать о культурныхъ“,—говорилъ онъ, имѣя въ виду, что новое изданіе дастъ русскому обществу знакомство съ армянами, ихъ исторіей, литературой и бытомъ. И онъ бы осуществилъ свои планы, если бы смерть не похитила его такъ неожиданно.

На собранныя имъ такимъ путемъ деньги Джаншіевъ, при посредствѣ русскаго посольства въ Константинополѣ и патріарха Орманіана, при жизни открылъ 12 пріютовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Турецкой Арменіи. Его трудами и до сихъ поръ еще жи-

вутъ въ относительномъ довольствѣ, имѣютъ кровъ и пищу сотни армянскихъ сиротъ [1]).

Рѣзня 1894—1895 года разрушила вѣру Джаншіева въ спасительность § 61 Берлинскаго трактата и турецкихъ реформъ вообще, а то, что было введено европейской дипломатіей въ армянскихъ провинціяхъ Турціи въ 1895 г. подъ громкимъ именемъ реформъ, оказалась такимъ жалкимъ фарсомъ, что самый вѣрующій долженъ былъ сдѣлаться скептикомъ. И Джаншіевъ сталъ искать другого рѣшенія армянскаго вопроса. Его подсказали ему статьи извѣстнаго нѣмецкаго публициста и путешественника Рорбаха, который совѣтовалъ германскому правительству во имя интересовъ нѣмецкой торговли въ Малой Азіи поддерживать интеллигентное и опытное въ коммерческихъ дѣлахъ армянское населеніе. Если нѣмецкая торговля хочетъ стать твердо въ центрѣ Малой Азіи, говорилъ Рорбахъ, то безъ армянъ она не сдѣлаетъ ни шагу, ибо много еще воды утечетъ въ Ефратъ, пока турокъ сдѣлается купцомъ.

Джаншіевъ нашелъ, что эта точка зрѣнія приложима и къ русской торговлѣ, стоитъ только вмѣсто юга Турціи подставить сѣверъ. Свои разсужденія онъ напечаталъ въ „*Спб. Вѣдомостяхъ*“ подъ псевдонимомъ Гр. Мировъ въ той самой статьѣ, въ которой пропѣлъ отходную въ догонку армянофобу Величко, у котораго только-что за черезмѣрное усердіе въ травлѣ армянъ было отнято редактированіе „*Кавказа*“.

———

Въ послѣднее время много спорили о томъ, что такое идеализмъ и что такое идеалистъ. Когда просматриваешь писанія Джаншіева, то убѣждаешься, что идеалистомъ можно быть, не раздѣляя міровоззрѣнія Платона и Гегеля. Джаншіевъ, какъ уже было указано—позитивистъ, но все въ немъ сплошной горячій порывъ къ идеалу, который принимаетъ смотря по обстоятельствамъ различныя воплощенія. Онъ преклоняется передъ идеаломъ свободы; онъ падаетъ ницъ передъ идеаломъ справедливости, онъ весь полонъ

---

[1]) Собранныя на „Братскую Помощь“ 60,000 руб. были не единственными деньгами, отправленными Джаншіевымъ въ Турцію. Отчасти тогда же, отчасти въ день двадцатипятилѣтія своей литературной дѣятельности онъ заручился обѣщаніемъ ежегодныхъ взносовъ, въ итогѣ составившихъ довольно значительную,—не знаю въ точности, какую сумму. Послѣ его смерти на текущемъ счету „Братской Помощи“ въ одной изъ московскихъ банкирскихъ конторъ оставалось, если не ошибаюсь, еще около 2000 руб.; суммы, поступившія въ контору „*Русскихъ Вѣдомостей*“ на эту же цѣль тоже составили въ итогѣ, помнится, около 2000 руб. Все это было отправлено въ Константинополь.

глубокой, перенесшей столько тяжелыхъ ударовъ, но не сокрушенной вѣрою въ конечное торжество права и правового порядка; онъ мучается и страдаетъ; видя какъ втоптана въ грязь идея гуманности, созерцая ужасающія по своимъ размѣрамъ гекатомбы молоху фанатизма и дипломатическихъ фетишей. Но во всѣмъ этомъ цѣльномъ и послѣдовательномъ служеніи идеалу нѣтъ и тѣни утопизма. Онъ борется за настоятельныя общественныя задачи, рѣшеніе которыхъ давно назрѣло и осуществится тѣмъ скорѣе, чѣмъ дружнѣе и энергичнѣе будутъ усилія. И Джаншіевъ всю жизнь только и дѣлалъ, что призывалъ къ этимъ усиліямъ всѣхъ, кому дороги идеалы правды и свободы, ободрялъ унывающихъ, поощрялъ равнодушныхъ, привѣтствовалъ энергичныхъ.

Если когда-нибудь будетъ написана исторія воспитанія русскаго общества, имя Джаншіева, конечно, будетъ фигурировать тамъ на почетномъ мѣстѣ. Онъ много поработалъ и заслужилъ эту честь.

А. Живелеговъ.

Автобіографическія данныя о Г. А. Джаншіевѣ.

(Сообщены С. А. Венгерову для его „Критико-біографич. Словаря“ въ 1888 г.).

Григорій Аветовичъ Джаншіевъ родился 17-го мая 1851 г. въ Тифлисѣ. Отецъ его, Аветикъ Глахичъ былъ тифлисскій мокалакъ (мѣщанинъ или, точнѣе, бюргеръ) и занимался торговлею персидскими товарами, которая давала ему средства, весьма скудныя, для содержанія своего многочисленнаго семейства и двухъ сиротъ племянницъ. Благодаря своему недюжинному уму, честности и „образованію“ (зналъ грузинскій, армянскій, персидскій языки и счеть) Аветикъ пользовался уваженіемъ своихъ сограждань. Въ семьѣ онъ былъ строгъ, даже суровъ, но никогда не прибѣгалъ къ тѣлесному наказанію. Мать Кекела (Кикилія) происходила изъ старинаго рода тифлисскихъ мокалаковъ и отличалась красотою, замѣчательной добротою, щедростью и веселымъ нравомъ. Смерть ея, послѣдовавшая въ 1884 г. въ Тифлисѣ, была оплакиваема горькими слезами всѣмъ Муэранскимъ околодкомъ, гдѣ она жила въ домѣ, оставшемся послѣ смерти мужа. О родѣ отца никакихъ точныхъ свѣдѣній не сохранилось. Преданіе выводитъ его изъ Персіи или Индіи. Преданіе это не лишено вѣроятія въ виду существованія въ Индіи провинціи *Джанши* [1]).

До 1864 г. Джаншіевъ жилъ въ семьѣ въ Тифлисѣ. Учился онъ сначала въ мѣстной реформатской приходской, а потомъ въ армянской приходской школахъ, а въ 1861 г. поступилъ въ приготовительный классъ тифлисской губернской гимназіи. Ограниченныя средства Аветика Джаншіева заставили хлопотать о принятіи

---

[1]) Объ этой провинціи въ письмахъ своихъ, печатавшихся въ 1877 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ („Въ пещерахъ и дебряхъ Индостана“) г-жа Радда-Бай (Блаватская) писала слѣдующее: „по дорогѣ отъ Агры къ Сагору расположена территорія Джанши (Jhansi). Теперь она находится въ британской провинціи Бутделькундо, но въ 1854 г. принадлежала независимымъ нейшавамъ маашскимъ. Раджъ Джанши состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ лишь узкою полосою и принадлежащихъ къ территоріи туземнаго раджи Такура Техри. Въ 1832 г. въ раджѣ Джанши было 956 деревень“.

сына въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ въ число стипендіатовъ фамиліи Лазаревыхъ, облагодѣтельствовавшихъ не одну сотню бѣдныхъ армянъ дарованіемъ средствъ къ образованію.

Въ февралѣ 1864 г. отвезенъ былъ Джаншіевъ въ Москву, гдѣ онъ съ тѣхъ поръ и оставался, не считая кратковременныхъ поѣздокъ на Кавказъ и за границу.

Въ 1866 г. Джаншіевъ за хорошіе успѣхи перечисленъ былъ изъ Лазаревскихъ воспитанниковъ на „Александровскую“ стипендію, учрежденную московскимъ Армянскимъ обществомъ въ память избавленія Александра II отъ покушенія 4-го апрѣля 1866 года. Окончилъ полный гимназическій курсъ въ 1870 г. 2-мъ ученикомъ съ серебряною медалью и съ занесеніемъ на такъ называемую золотую доску (имѣлъ круглое 5, за исключеніемъ русскаго сочиненія—4-хъ). Благодаря чрезмѣрному напряженію силъ и неблагопріятнымъ условіямъ школьной жизни, въ институтѣ Джаншіевъ разстроилъ себѣ здоровье и получилъ искривленіе позвоночнаго столба.

Вышеупомянутая Александровская стипендія дала возможность поступить въ Московскій университетъ. Институтское начальство (особенно инспекторъ Г. И. Кананновъ) сильно уговаривало его поступить на историко-филологическій факультетъ. Но такъ какъ на классицизмѣ 60-хъ годовъ лежала явственная печать ретроградства и обскурантизма, то Джаншіевъ рѣшительно отказался послѣдовать совѣту начальства и поступилъ на медицинскій факультетъ. Избраніе медицинскаго факультета обусловливалось вліяніемъ тогдашней журналистики (особенно „Дѣла“) и беллетристики (романы Михайлова—Жизнь Шупова и др.). Среди учащейся молодежи того времени считалось за аксіому, что естественныя науки однѣ достойны вниманія серьезнаго и мыслящаго человѣка, и медицинская карьера одна только прилична для „честнаго“ человѣка, не эксплоататора.

На медицинскомъ факультетѣ Джаншіевъ пробылъ три недѣли. Послѣ перваго же знакомства съ анатомическимъ театромъ Джаншіевъ почувствовалъ къ „медицинѣ“ такое неодолимое отвращеніе, что долженъ былъ ее бросить. Но куда поступить? На филологическій факультетъ нельзя было поступить по указанной выше причинѣ. Къ математикѣ онъ не имѣлъ влеченія. Оставался юридическій факультетъ. Туда, скрѣпя сердце, и поступилъ Джаншіевъ, браня себя внутренно за измѣну гуманно-либеральному знамени.

Московскій юридическій факультетъ 70-хъ годовъ на половину состоялъ изъ спившихся или выдохшихся инвалидовъ. Среди профессоровъ особенно выдѣлялся В. И. Сергѣевичъ, книга коего „Задача и метода государственныхъ наукъ“, впервые познакомивъ съ

позитивизмомъ, оставила на „невольномъ“ юристѣ глубокій слѣдъ и внушила уваженіе къ юридическимъ наукамъ. Подъ руководствомъ того же профессора, онъ ознакомился съ Миллемъ и написалъ свой первый юридическій этюдъ „О возникновеніи представительнаго правительства“. На 3-мъ курсѣ Джаншіевъ заинтересовался философіею и психологіею и окончательно перемѣнилъ свой неблагопріятный взглядъ на юридическій факультетъ. Свой философскій этюдъ (о врожденныхъ идеяхъ по Лейбницу и Локку) онъ долженъ былъ поднести не оффиціальному преподавателю психологіи Юркевичу (завзятому метафизику), а Легонину, читавшему судебную медицину и въ связи съ нею небольшой курсъ судебной психологіи, Джаншіевъ окончилъ курсъ вторымъ кандидатомъ въ 1874 г. Единственная четверка была по предмету извѣстнаго ненавистника „черныхъ“ (т. е. кавказцевъ вообще и армянъ въ особенности) Н. И. Крылова. Впрочемъ, его армянофобія не помѣшала Джаншіеву впослѣдствіи съ нимъ сблизиться и даже подружиться.

Въ 1874 г. Джаншіевъ поступилъ въ помощники къ присяжному повѣренному Г. Г. Кустареву (въ чинѣ, на который давалъ право университетскій аттестатъ, такъ и не былъ утвержденъ никогда). Адвокатская практика его подвигалась очень туго. Не имѣя и не добиваясь большого круга знакомыхъ, ни столь необходимаго для адвоката крѣпкаго здоровья (особенно сильныхъ легкихъ, здороваго сердца и звучнаго голоса), Джаншіевъ съ большимъ трудомъ добывалъ средства къ существованію, изъ которыхъ половину давали частные уроки.

Мысль о литературной карьерѣ никогда не приходила ему раньше въ голову и только адвокатура натолкнула его на нее. Послѣ какой-то неудачи на адвокатской практикѣ, Джаншіевъ, подъ вліяніемъ огорченія, подробно занялся литературою предмета, и результатомъ изученія его явилась *первая* юридическая статья „О судебныхъ издержкахъ при заочномъ рѣшеніи“. Статья не только была напечатана въ „*Судебномъ Вѣстникѣ*“ (октябрь 1874 г.), но и вызвала большую передовую статью, весьма лестную для новичка. Вторая статья была вызвана уголовною практикою (объ отвѣтственности укрывателей), и мало-по-малу Джаншіевъ втянулся въ газетное дѣло. Съ переходомъ „*Судебнаго Вѣстника*“ отъ Думашевскаго къ В. Д. Рычкову онъ получилъ отъ редакціи приглашеніе сдѣлаться постояннымъ московскимъ корреспондентомъ. До самаго прекращенія этой газеты состоялъ въ этомъ званіи, посылая судебные отчеты, замѣтки о юридическомъ обществѣ, диспутахъ и другихъ явленіяхъ юридической жизни.—Съ возникновеніемъ „*Сѣвернаго Вѣстника*“ В. О. Корша

и „*Порядка*“ М. М. Стасюлевича состоялъ ихъ московскимъ корреспондентомъ.

Судебные отчеты Джаншіева, печатавшіеся въ „*Судебномъ Вѣстникѣ*“, были замѣчены завѣдывающимъ юридическимъ отдѣломъ „*Московскихъ Вѣдомостей*“ М. О. Гольденвейзеромъ, который и предложилъ въ концѣ 1876 г. составлять *такого-же* характера отчеты и для „*Московскихъ Вѣдомостей*“.

Самого Каткова Джаншіевъ видѣлъ въ редакціи разъ, но лично съ нимъ знакомъ не былъ. Репортеромъ „*Московскихъ Вѣдомостей*“ состоялъ онъ до апрѣля 1878 г., когда появились столь извѣстныя статьи о дѣлѣ г-жи Засуличъ и объ избіеніи студентовъ мясниками. Тотчасъ по напечатаніи этихъ статей Джаншіевъ отказался отъ сотрудничества въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*“.

Съ 1878 г. Джаншіевъ сотрудничаетъ въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“. Сначала онъ былъ судебнымъ репортеромъ, а съ конца 1879 года сталъ помѣщать передовыя статьи и завѣдывать судебнымъ отдѣломъ вообще. Съ этого времени же онъ сталъ отдавать все больше и больше времени юридической литературѣ и публицистикѣ и сокращать свою адвокатскую практику. Статьи свои сталъ печатать въ „*Юридическомъ Вѣстникѣ*“, „*Журналъ Гражданскаго и уголовнаго права*“, „*Русской Мысли*“ и др. Съ 1883 г. состоитъ членомъ редакціи и пайщикомъ товарищества по изданію „*Русскихъ Вѣдомостей*“, учрежденнаго въ 1883 г. Съ 1878 г. по 1884 г. былъ секретаремъ московскаго юридическаго общества.

Г. Джаншіевъ.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Иванъ Ильичъ Масловъ,—пріятель И. С. Тургенева, вмѣстѣ съ нимъ крестившій дѣтей Бѣлинскаго,—оставилъ по духовному завѣщанію, утвержденному судомъ 5-го декабря 1881 г., до полумилліона руб. на народное образованіе. Завѣщатель мотивировалъ свое распоряженіе такъ: „Желая свидѣтельствовать,—пишетъ онъ,—*глубокое сочувствіе великимъ реформамъ*, совершеннымъ въ незабвенное и славное царствованіе Государя Императора Александра Николаевича, я нахожу наилучшій для сего способъ въ содѣйствіи народному образованію въ землѣ русской".

Среди раздающагося въ послѣдніе годы несмолкаемаго гула инсинуацій и клеветъ, направленныхъ противъ освободительныхъ реформъ 60-хъ гг., этотъ одинокій голосъ сочувствія прозвучалъ особенно замѣтно и трогательно...

„Вѣдь и до сихъ поръ,—писалъ въ 1884 г. нашъ знаменитый сатирикъ,—встрѣчаются *старички*, которые облизываются при воспоминаніи о старыхъ порядкахъ". Стариковъ едва ли не превзошли нынѣшніе молодые панегиристы крѣпостныхъ порядковъ, оплакивающіе стихомъ Гомера паденіе этого „святого, великаго невозвратнаго Иліона"...

Предлагаемыя читателю „Историческія Справки" имѣютъ цѣлью нѣсколько возобновить въ памяти общества значеніе и смыслъ недавней преобразовательной эпохи, такъ часто и такъ безцеремонно извращаемые реакціонною печатью. Справки эти вызваны годовщинами событій неодинаковой важности, но общимъ связующимъ для нихъ звеномъ является ихъ общій благородный источникъ,—освободительно-гуманное движеніе 60-хъ гг., къ которому они такъ или иначе примыкаютъ. А это движеніе,—откуда, по прекрасному выраженію одного московскаго профессора, идетъ „все, чѣмъ красна наша жизнь",—какъ извѣстно, въ свою очередь, исходило изъ того вѣчно-памятнаго движенія 40-хъ годовъ, коего могущимъ вдохно-

вителемъ и руководителемъ былъ великій подвижникъ мысли русской, Бѣлинскій:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Дозволь смиренно преклонить колѣни...

Какъ ни неблагопріятно переживаемое нами время для либерально-гуманныхъ началъ преобразовательной эпохи, однако внутренняя сила и привлекательность ихъ такъ велики, что напоминаніе о нихъ, позволительно думать, не будетъ совсѣмъ безполезно. Всякій искренно вѣрующій въ живительную силу этихъ началъ не можетъ не надѣяться на конечное торжество ихъ.

Если вообще не нужно забывать правила:

Dum spiro spero,

то въ особенности умѣстно вспомнить его сегодня, въ Татьянинъ день, съ которымъ, что бы тамъ ни было, связано столько отрадныхъ воспоминаній и радостныхъ чаяній.

Г. Д.

Москва,
12-го января 1892 года.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Переживаемыя крестьянами тяжелыя времена голода далеко не просвѣтили политическаго разумѣнія нашихъ близорукихъ почитателей дореформеннаго, крѣпостного строя жизни. Ихъ органы печати тянутъ все одну и ту же старую пѣсню и чуть ли не подняли даже ея тонъ.

Одинъ изъ журналовъ („*Русс. Вѣст*“), не смущаясь своимъ названіемъ, подъ которымъ въ 50-хъ годахъ проводились идеи гуманности, равноправности и европейскаго просвѣщенія, выбивается изъ силъ, чтобы доказать необходимость окончательно задѣлать, забить пробитое Петромъ В. „окно“, въ которомъ усматривается главная причина переживаемаго Россіею тяжелаго экономическаго кризиса. Другой представитель („*Гражд.*“) реакціонной печати свое откровенное крѣпостничество и ретроградство выставляетъ съ такимъ самодовольнымъ безстыдствомъ, что невольно вспомнишь упрекъ, обращенный поэтомъ Жемчужниковымъ къ нашей „правдолюбивой“ реакціонной печати:

... можно маску снять—зачѣмъ снимать рубашку?
Пусть лицемѣрья нѣтъ, зачѣмъ же нѣтъ стыда?!..

Когда въ концѣ 50-хъ гг. до отмѣны крѣпостного права находились Коробочки, проводившія теорію о томъ, что одни люди рождаются съ нѣжнымъ сложеніемъ и тонкими чувствами, а другіе съ грубымъ физическимъ сложеніемъ и предназначенными быть рабами первыхъ [1]), то такая дико-наивная теорія вызывала улыбку. Но что сказать о безчинствующихъ современныхъ публицистахъ которые черезъ 30 слишкомъ лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права мечтаютъ о возможности возстановленія крѣпостного строя, или

[1]) См. ниже главу III.

какъ нынче называютъ, *обязательнаго труда крестьянъ для себя и для деревни?*

И такое-то цинично-архаическое приглашеніе произвести новый опытъ прикрѣпленія,—какъ надъ anima vili,—надъ народомъ, тридцать слишкомъ лѣтъ живущимъ плодами своего тяжкаго, неблагодарнаго, но все же „свободнаго“ труда, именуется послѣднимъ словомъ самобытнаго, трезваго консерватизма sans phrases.

Отъ такой проповѣди консерватизма, или, точнѣе, неудержимо пятящагося назадъ ретроградства, навѣрное, отшатнулись бы съ отвращеніемъ всѣ консерваторы даже крѣпостныхъ временъ, имѣвшіе хоть какое-нибудь политическое разумѣніе. Вотъ что напримѣръ, писалъ о движеніяхъ назадъ и впередъ В. А. Жуковскій, котораго трудно заподозрить въ какихъ-нибудь радикальныхъ увлеченіяхъ: „Движенье—*святое дѣло*,—поучалъ Жуковскій въ письмахъ своихъ юнаго великаго князя Константина Николаевича, все въ Божьемъ мірѣ *развивается*, *идетъ впередъ* и не можетъ и не должно стать; неподвижность есть смерть непримѣтная, но все же смерть, производящая только гниль“ [1]).

Доказывая своему юному корреспонденту необходимость своевременныхъ реформъ и пагубность регресса, тотъ же просвѣщенный охранитель осуждалъ какъ попытки перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду. такъ и попытки изъ понедѣльника пятиться *назадъ* въ воскресенье. Первое, по его мнѣнію, это революція *впередъ*, второе—*революція назадъ* [2]).

Нынѣшнимъ „кастовымъ“ публицистамъ, рекомендующимъ все государственное вниманіе и заботливость сосредоточить въ интересахъ и нуждахъ избраннаго привилегированнаго меньшинства, дворянъ, не лишнее вспомнить, что задачею разумнаго управленія должны быть, какъ училъ тотъ же благонамѣренный другъ порядка, „не дѣла, озаряющія только *немногихъ избранныхъ*, а дѣла *правды*, благодѣтельныя *для всѣхъ и каждаго* [3]).

Стыдно и горько, что черезъ четверть столѣтія послѣ великихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью хоть отчасти уничтожить неравенство и неправду, нужно напоминать о такихъ элементарныхъ истинахъ!

Живучесть застарѣлыхъ крѣпостническихъ вкусовъ, пріемовъ и міровоззрѣній—самый тяжелый тормазъ для общественнаго развитія. Едва ли не въ нихъ, главнымъ образомъ, заключалась при-

---

[1]) См. „*Русскій Архивъ*“, 1867, стр. 1046.
[2]) См. главу XVII.
[3]) Тамъ же.

чина неправильнаго функціонированія нашихъ преобразованныхъ учрежденій.

Будучи лишены подходящихъ благопріятныхъ условій, наши преобразованныя учрежденія почти во все время ихъ дѣйствія напоминали положеніе той птички, о которой Державинъ писалъ:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой...
Пищитъ, бѣдняжка, вмѣсто свисту,
А ей твердятъ все: пой да пой!

Еще нужно удивляться, какъ при такой аномальной обстановкѣ не вполнѣ изсякъ животворящій духъ, присущій освободительнымъ реформамъ 60-хъ годовъ.

5-го марта 1892 г.
Москва.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Совершенно неожиданная для автора быстрая распродажа первыхъ двухъ изданій настоящей книги, само собою разумѣется, въ значительной степени должна быть приписана сочувствію читающей публики цѣли изданій, но ею одною врядъ ли можно объяснить этотъ фактъ. Приписать подобный успѣхъ особымъ достоинствамъ собранныхъ здѣсь бѣглыхъ очерковъ нѣтъ никакой возможности, потому что для автора не менѣе ясны, нежели для критики, погрѣшности ихъ, кои только отчасти и далеко не всѣ находятъ объясненіе въ спѣшности работы. Если за всѣмъ тѣмъ „Историческія Справки“ встрѣтили сочувственный откликъ, то смѣю думать, что это фактъ поучительный и, можетъ быть, имѣющій въ ряду другихъ фактовъ нѣкоторый общественный интересъ въ качествѣ симптома современнаго настроенія.

И по темѣ, и по направленію „Историческія Справки“ рѣзко расходятся съ дающимъ нынѣ тонъ журналисткѣ, частью откровенно-реакціоннымъ, частью откровенно-равнодушнымъ направленіемъ.—Кому изъ современныхъ руководителей общественнаго мнѣнія нуженъ „старый либеральный хламъ“ изъ недавней великой просвѣтительной эпохи, при наступленіи которой, какъ Гуттенъ въ XVI в., вослицали съ умиленіемъ. „Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“ [1])?! Нынѣшніе „властители думъ“ давно уже порѣшили, что все это освободительно-гуманное движеніе 60-хъ годовъ—сущій вздоръ, навѣянный легкомысленнымъ и пагубнымъ увлеченіемъ Европою.

Окруженная хоромъ торжествующихъ „назадниковъ“ (если позволительно въ pendant къ напреднякамъ употребить это слово, получающее уже право гражданства), едва замѣтная кучка защит-

---

[1]) См. ниже (гл. XVI) рѣчь публициста Павлова на литературномъ обѣдѣ 28 декабря 1857 г. въ Москвѣ по случаю приступа къ освобожденію крестьянъ.

никовъ идей славной преобразовательной эпохи, — которые нынѣ уподобляются „старому заброшенному погребу“, — является въ видѣ:

Rari nantes in gurgite vasto...

Если при такой неблагопріятной и прямо даже враждебной обстановкѣ встрѣтила въ публикѣ сочувственный пріемъ книга, посвященная столь сильно оклеветанной эпохѣ 60-хъ годовъ, то, кажется, не будетъ совсѣмъ произвольнымъ самообольщеніемъ думать, что авторитетъ нынѣшнихъ „властителей думъ“ начинаетъ слегка колебаться. А если это такъ, то кто знаетъ? — быть можетъ, и не очень далеко то время, когда очистится вполнѣ общественное сознаніе, и въ литературѣ совершится спасительный поворотъ въ сторону старыхъ добрыхъ просвѣтительныхъ традицій русской литературы, такъ беззастѣнчиво попираемыхъ органами ретроградной печати. Пора, давно пора!

Въ своемъ невѣжественномъ ожесточеніи противъ всего, что хоть отдаленнымъ образомъ напоминаетъ нашу просвѣтительную эпоху возрожденія, обскуранты дошли до такого умопомраченія, что неистово вопіютъ еще громче, чѣмъ ихъ достойные предшественники:

Ученье—вотъ чума,
Ученость—вотъ причина и т. д.

Подобное открытое поруганіе священнѣйшаго изъ завѣтовъ русской литературы, казалось бы, должно было давно возмутить всѣхъ, кому сколько-нибудь дороги интересы литературы и просвѣщенья!... И это не фраза! Этотъ *обязательный* для *всякаго*, уважающаго свое званіе литератора символъ вѣры и правило поведенія давно уже почти полвѣка тому назадъ точно формулировано благонамѣреннымъ критикомъ, формулировано въ такихъ сильныхъ, возвышенныхъ и задушевныхъ выраженіяхъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести эти дивныя строки, за которыя многое простится ихъ автору.

„Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ *непреложныхъ*, — писалъ князь П. А. Вяземскій, впослѣдствіи, въ концѣ 50-хъ гг., товарищъ министра народнаго просвѣщенія,—коихъ святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя и независимыя отъ воли людей. Но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ *безъ изъятія*, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ: Vive le roi

quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ *исключительныхъ истинъ*. Почитая его единымъ, прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и частныхъ лицъ, простительно ли, напримѣръ, пугаться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію или, положимъ, и влекущихся за нимъ по неисповѣдимымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ни есть на землѣ?“ [1]).

Вотъ противъ какой основной заповѣди грѣшатъ вольно или невольно враги освободительнаго движенія и корифеи современной реакціонной печати. Но этого мало. Рядомъ съ откровеннымъ до безстыдства обскурантизмомъ идетъ у нихъ и другое, не менѣе вредное искаженіе роли литературы, также энергично осуждаемое тѣмъ же поэтомъ-критикомъ, благонадежность котораго не въ состояніи заподозрить даже нынѣшніе сыщики печати. „Писатель, который по *званію* своему *обязанъ* быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ, — говоритъ князь, — *доносчикомъ на него*, подобенъ врачу, который, призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ“ [2]).

А между тѣмъ полюбуйтесь на литературные нравы и пріемы нынѣшнихъ „властителей думъ“! Послѣ двухъ словъ третье непремѣнно призывъ къ обузданію, просьба: дабы повелѣно было и пр., словомъ, вмѣсто литературной борьбы, вмѣсто свободнаго обмѣна идей въ свободной „республикѣ словесности“, вы находите „инквизицію печати“ и „юридическія бумаги“, какъ выражались во времена Бѣлинскаго. На что уже связана по рукамъ и ногамъ провинціальная печать,—даже для борьбы съ этимъ лежачимъ врагомъ у ретроградныхъ органовъ „порядочныхъ людей“ нѣтъ другихъ средствъ воздѣйствія, какъ опять-таки приглашеніе: „тащить и не пущать!“ Трудно представить себѣ болѣе грустное и болѣе гнусное извращеніе просвѣтительной роли литературы, нежели такое противоестественное совмѣстительство взаимно исключающихъ другъ друга обязанностей, практикуемое реакціонною прессою...

---

[1]) См. Очерки Гоголевскаго періода русской литературы Н. Г. Чернышевскаго. Спб. 1882, стр. 107.

[2]) Тамъ же.

Какъ же послѣ этого не искать и не радоваться самомалѣйшему симптому, указанію, намеку, хоть едва замѣтно предвѣщающему возможность очищенія современной литературной атмосферы отъ насыщающихъ ее міазмовъ; какъ не прислушиваться къ хоть чуть слышному шороху, указывающему, что вчерашніе друзья и союзники благонамѣреннаго мракобѣсія (напомнимъ недавнюю отповѣдь нижегородскаго губернатора извѣстному „мракобѣсу“, какъ онъ себя именуетъ), начинаютъ *краснѣть* за свой союзъ?!

Это хорошая примѣта! Краска стыда — начало просвѣтленія: erubuit salva res est. Этого нужно было ждать, это было неизбѣжно, неотвратимо, потому что

Какъ бы ночь ни длилася
И небо ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.

Москва,
26 мая 1892 г.

Наканунѣ пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ.

(*Вмѣсто предисловія къ 5-му изданію* [1]).

И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотритъ вдаль.

Плещеевъ.

Когда по кривымъ, грязнымъ закоулкамъ Стамбула приближаетесь вы къ храму Софіи-Премудрости, васъ невольно охватываетъ чувство удивленія и досады. Вамъ бросаются прежде всего въ глаза четыре тощихъ минарета, несоизмѣримыхъ ни съ объемомъ, ни съ общимъ характеромъ зданія и прилѣпившихся къ нему некстати и неестественно, что называется съ боку-припека. Затѣмъ, вы напрасно ищете самый остовъ великой Софіи: онъ весь исчезъ подъ грудою неуклюжихъ мазанокъ, пристроекъ и придѣловъ, набросанныхъ варварскимъ усердіемъ мусульманскаго благочестія. Нужно возвести очи „горѣ“, къ классически-правильному очертанію дивнаго купола, легко и величаво осѣняющаго указанную разнохарактерную груду, чтобы увидѣть слабый отблескъ первоначальнаго цѣльнаго плана, увидѣть лучъ той глубокой мысли и свѣтлаго идеала, которые носились предъ очами творца этого храма и которые не могло загасить совсѣмъ даже наивно-дикое изувѣрство ислама. Только проникнувъ внутрь храма, вы впервые поддаетесь очарованію его дивной гармоніи. Но и тутъ вы на каждомъ шагу раздражаетесь на послѣдующія кощунственныя ломки, пестрыя передѣлки, приспо-

---

[1]) Предисловіе къ 4-му изданію вошло въ большей части въ составъ статьи о Бѣлинскомъ (см. ниже).

собленія храма къ новому назначенію, оскорбляющія не только религіозное, но и эстетическое чувство и громко вопіющія о томъ, что нечестье святыню оскорбило, что

L'impie a porté l'outrage au sanctuaire:

на мѣстѣ „святой святыхъ“ — жалкій, примитивный ассортиментъ наскоро и кое-какъ прилаженныхъ принадлежностей неприхотливаго мусульманскаго культа; на стѣнахъ крикливыя вывѣски со стихами изъ корана; чудесныя художественныя мозаики, плодъ долгихъ трудовъ и предметъ гордости византійскихъ художниковъ, исчезли подъ мазнею турецкихъ штукатуровъ, дабы не оскорблять иконокластическихъ чувствъ добрыхъ мусульманъ; даже цыновки на полу пришлось искривить въ сторону Каабы, чтобы приспособить храмъ Софіи для новаго назначенія.

Рѣдко гдѣ пестрота стиля, нарушеніе законовъ стиля производятъ такое удручающее впечатлѣніе, какъ у порога этого поруганнаго храма, воздвигнутаго на великолѣпномъ берегу Золотого Рога во славу предвѣчной мудрости и обращеннаго на варварское служеніе Каабѣ... Но народно-культурный инстинктъ, не могущій мириться съ профанаціею святыни, сложилъ въ утѣшеніе себѣ легенду о неизбѣжности возстановленія храма въ его первоначальной красѣ и величіи. У одной изъ задѣланныхъ нишъ храма благочестивый драгоманъ и грекъ шепчетъ вамъ на ухо: сюда удалился священникъ съ дарами, не кончивъ литургіи, когда Магометъ-Завоеватель верхомъ выѣзжалъ на покрытый кровью амвонъ, — но священникъ ждетъ съ дарами, и онъ вернется для окончанія литургіи, когда храмъ будетъ возвращенъ его первоначальному назначенію...

Судьба храма св. Софіи и приведенная легенда невольно пришли мнѣ на память, когда объявлено было въ газетахъ объ учрежденіи особой коммиссіи для пересмотра нашего законодательства, дѣйствующаго въ новомъ судѣ, о которомъ симпатичный поэтъ говоритъ:

Благочестивыми воздвигнутъ былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ Россіи, новый строй,
Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой,
И вѣрующихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ;

Теперь онъ опустѣлъ; всѣ входы прахъ занесъ;
Священнодѣйствій нѣтъ; онъ теменъ и печаленъ,
И ползаетъ въ немъ гадъ, и, лая, бродитъ песъ,
Какъ средь заброшенныхъ развалинъ.

Необходимость приведенія въ порядокъ запущеннаго храма правосудія признается нынѣ всѣми, необходимость пересмотра безчисленныхъ „пестрыхъ“ новеллъ, сыпавшихся какъ изъ рога изобилія чуть не со дня открытія новыхъ судовъ [1]) и облѣпившихъ со всѣхъ сторонъ стройное монументальное зданіе Судебныхъ Уставовъ, бьетъ въ глаза всѣмъ, даже завзятымъ практикамъ, равнодушнымъ къ вопросамъ объ архитектоникѣ, стилѣ и вообще равнодушнымъ къ теоретическимъ руководящимъ началамъ.

Мы наканунѣ очень крупнаго событія: мы наканунѣ пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ. Что онъ принесетъ съ собою? Дѣйствительный ли коренной ремонтъ „благолѣпнаго храма“, согласный съ планомъ первыхъ храмоздателей, или только наружную подчистку для устраненія бьющей въ глаза пестроты, замазку трещинъ и щелей и единообразную окраску въ одинъ цвѣтъ стараго остова зданія и новыхъ пристроекъ? Кто знаетъ? Qui vivra—verra!

Есть только одинъ прискорбный признакъ, благодаря которому нельзя поставить черезчуръ радужную прогностику для стоящей на очереди великой законодательной задачи, а именно: современное вялое, апатическое настроеніе общества, образъ мыслей нынѣшнихъ „властителей думъ“.—Оставляя въ сторонѣ невѣжественную, крѣпостническую клику литературы „мещерскаго“ толка, дикія и алчныя вожделѣнія которой слишкомъ нелѣпы, невѣжественны и несвоевременны, чтобы могли разсчитывать на большое сочувствіе и примѣненіе, что же представляетъ господствующее большинство органовъ современной безъидейной печати, какъ не болѣе или менѣе откровенное отрицаніе всякихъ твердыхъ руководящихъ принциповъ, всякой послѣдовательной раціональной программы? „Здоровая традиція всякой литературы, претендующей на воспитательное значеніе,—

---

[1]) Первая новелла объ измѣненіи подсудности дѣлъ о печати, обязанная своимъ происхожденіемъ П. А. Валуеву (см. главу X), была издана 12 декабря 1886 г.; всѣхъ же новеллъ насчитываютъ до 700, т. е. почти по двѣ на каждый мѣсяцъ.

говорилъ Салтыковъ,—писатель, равно великій и какъ мыслитель, и какъ художникъ,—заключается въ подготовленіи почвы *будущаго*... Литература провидитъ законы будущаго, воспроизводитъ образъ будущаго человѣка. *Утопизмъ* не пугаетъ, потому что онъ можетъ запугать и поставить втупикъ только массу. Типы, созданные литературою, всегда идутъ *далѣе* тѣхъ, которые имѣютъ ходъ на рынкѣ, и потому-то они кладутъ извѣстную печать даже на такое общество, которое, повидимому, всецѣло находится подъ гнетомъ эмпирическихъ тревогъ и опасеній. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ типовъ современный человѣкъ незамѣтно для самого себя получаетъ новыя привычки, ассимилируетъ себѣ новые взгляды, пріобрѣтаетъ новую складку,—однимъ словомъ, постепенно вырабатываетъ изъ себя *новаго человѣка*. Что бы было въ такомъ случаѣ, если бы литература, забывъ о своихъ воспитательныхъ задачахъ, пошла по другому пути... хоть, напримѣръ, по пути безплодныхъ обращеній къ прошлому или... являлась не воспитательницею-руководительницею общества въ его исканіяхъ идеаловъ будущаго, а обуздательницею и укротительницею“ [1]).

Достаточно бросить бѣглый взглядъ кругомъ, чтобы убѣдиться, насколько удачно выполняетъ указанный выше великимъ учителемъ завѣтъ современная литература, идеалы которой В. С. Соловьевъ въ противоположность Платоновскимъ идеаламъ, съ ихъ высокимъ полетомъ подъ самое поднебесье, вѣрно назвалъ ползучими и низменными.

Интересы дня, часа, минуты съ отрицаніемъ всякихъ общихъ кабинетныхъ теоретическихъ измышленій—вотъ лозунгъ мудрецовъ вѣка сего, для которыхъ невыносима всякая раціональная программа, будь она „составлена, какъ писалъ Н. А. Милютинъ, хоть семью мудрецами и изложена на четвертушкѣ бумаги“ [2]). Если вы стоите за принципы, если вы доказываете, что безъ нихъ невозможно ни-

---

[1]) Сочин. II, 503, 504, 505.—Отвращеніе Салтыкова къ противоестественному ремеслу „сыщиковъ пера и доносчиковъ печати“ вполнѣ раздѣлялъ и такой благонамѣренный писатель, какъ кн. П. Вяземскій (впослѣдствіи тов. мин. народ. просв.), возмущавшійся доносами печати несвойственными „духу званія писателя“ (см. выше предисловіе къ 3-му изданію).

[2]) См. ниже главу V.

какое разумное законодательное строительство, разсчитывающее на будущность, значитъ вы фантазеръ, теоретикъ, вы заражены „доктриною“, а доктрина—это клеймо, которое навсегда дискредитируетъ человѣка, это разрывная пуля, которая наповалъ убиваетъ „серьезнаго“ публициста предъ общественнымъ мнѣніемъ, по увѣренію нынѣшнихъ „трезвыхъ“ его руководителей, твердящихъ на разные лады: доктрина—вотъ чума, доктрина—вотъ причина и т. д.

Не легко созидать что-нибудь прочное и жизнеспособное при такомъ настроеніи литературы, не легко даже производить цѣлесообразный капитальный ремонтъ.

Намъ говорятъ, какое кому дѣло до „либеральныхъ принциповъ“, нужно только, чтобы „судъ былъ судомъ“, чтобъ существовало „правосудіе“. И прекрасно, но развѣ этимъ что-нибудь опредѣленное сказано, указано или предрѣшено? Вѣдь все равно, что больному, ищущему выздоровленія, прописать здоровье...—Вы хотите правосудія?—Позвольте, да кто же желаетъ чего-нибудь другого или большаго? je ne demande mieux que ça, какъ говорятъ французы.—Но вѣдь и Джефрайсы, Шешковскіе, Бенкендорфы всѣхъ временъ тоже взывали къ правосудію. Вопросъ, стало быть, не въ цѣляхъ, а въ путяхъ и въ средствахъ [1]) достиженія правосудія. Дѣло въ томъ, что безъ такъ наз. „либеральныхъ“ принциповъ, т.-е. безъ гласности, суда присяжныхъ, несмѣняемости судей, отдѣленія суда отъ администраціи и другихъ либеральныхъ принциповъ невозможно осуществленіе „правосудія“, какъ невозможно здоровье организма безъ чистаго воздуха, свѣжей пищи и пр. Инымъ не нравится названіе „либеральный“, ну, и Богъ съ нимъ,—

Что въ имени тебѣ моемъ?

Будемъ называть ихъ болѣе благозвучнымъ для современнаго слуха эпитетомъ: „консервативные“ [2]), благо они существуютъ и съ грѣхомъ пополамъ примѣняются у насъ въ теченіе почти трехъ земскихъ давностей.

---

[1]) См. post-scriptum къ главѣ XII

[2]) См. главу VIII.

Но, устраняя вопросъ о названіи, нужно, однако, твердо помнить и вполнѣ проникнуться убѣжденіемъ: во 1-хъ, что безъ этихъ раціональныхъ основоначалъ, какъ свидѣтельствуетъ и общеевропейскій, и нашъ собственный опытъ, *абсолютно невозможно* водвореніе правосудія, и, во-2-хъ, что сила и послѣдствія ихъ проявляются только тогда, когда они проведены строго послѣдовательно, *въ полномъ объемѣ*, а не въ гомеопатическихъ дозахъ,—словомъ, когда судебное законодательство составлено не ощупью и палліативнымъ способомъ, а согласно раціональной или радикальной программѣ, основанной на общихъ „непреложныхъ“ [1]) научныхъ принципахъ.

Зная очень хорошо, какъ пугаетъ нынче все, что хоть издали пахнетъ радикализмомъ, я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь утверждать, что только радикальное, т.-е. всестороннее проведеніе извѣстнаго начала можетъ обезпечить водвореніе связанныхъ съ нимъ благъ. Не могу не привести на первый разъ въ подкрѣпленіе своего положенія авторитетъ публициста, благонадежность коего въ наше время, кажется, не можетъ быть заподозрѣна.

„Многіе думаютъ,—писалъ онъ,—что правило благоразумія будто бы требуетъ не вдругъ заводить хорошее, но понемножку и по частямъ; такъ, напримѣръ, вполнѣ признавая необходимость реформы судоустройства, не споря о преимуществѣ гласности и другихъ началъ *раціональнаго* судопроизводства, иные думаютъ, что вводить ихъ можно только по частямъ. У этихъ людей всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа и т. п. Они думаютъ, что дѣло пойдетъ лучше, когда такому, по ихъ мнѣнію, обществу будутъ давать лучшее устройство понемногу, сначала заведя одну часть, потомъ другую. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принести пользу *только тогда*, когда взяты ея начала *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Если вы хотите получить благотворное дѣйствіе отъ тѣхъ началъ, въ благотворности которыхъ не сомнѣваетесь, то дайте имъ *возможно ближайшій просторъ*, допустите ихъ дѣйствовать съ *наибольшею силой*, не компро-

---

[1]) Сила вещей заставила такую раціональную программу принять даже такого осторожнаго человѣка, какъ графъ Д. Н. Блудовъ (см. ниже главу VII, § 1).

метируйте, не ослабляйте, не разрывайте, не разрушайте связи, безъ которой они *теряютъ всякій смыслъ* [1]).

Только при такомъ радикальномъ всестороннемъ проведеніи основныхъ началъ раціональнаго судоустройства и возможно ожидать дѣйствительнаго улучшенія судебнаго дѣла. Если бы состоялся пересмотръ и примѣненіе Судебныхъ Уставовъ въ такомъ направленіи, то тутъ только въ *первый* разъ былъ бы сдѣланъ откровенный, искренній, честный опытъ практической провѣрки этихъ началъ. Говоримъ „первый", потому что, какъ свидѣтельствуетъ исторія судебной реформы, частью само наше судебное законодательство [2]), главнымъ же образомъ осуществленіе его на дѣлѣ обставлено было съ самаго открытія новаго суда такъ неблагопріятно и двусмысленно, что М. Н. Катковъ въ виду первыхъ и очень раннихъ попытокъ къ колебанію гласности и несмѣняемости уже осенью

---

[1]) „*Русск. Вѣст*". 1860, № 2.—Ссылку на либеральныя мнѣнія М. Н. Каткова обыкновенно стараются отражать тѣмъ, что впослѣдствіи онъ сталъ держаться противоположныхъ взглядовъ. Но истина не перестаетъ быть истиною оттого, что лицо, ее исповѣдывавшее, потомъ отъ нея откажется и сдѣлается ренегатомъ. Доводы, приводимые Катковымъ, такъ убѣдительны и хорошо изложены, что они цѣнны сами по себѣ. Что касается отношенія къ нимъ самого Каткова, то нужно имѣть въ виду одно, что прогрессивные взгляды были высказаны имъ не въ возрастѣ зеленой молодости, а въ самую зрѣлую и цвѣтущую пору человѣческой жизни. Въ виду отсутствія физіологическаго закона о большемъ проясненіи взглядовъ съ приближеніемъ къ старости, отступленіе отъ прежнихъ взглядовъ Каткова, если бы оно даже было вполнѣ искренно и безкорыстно, нисколько не свидѣтельствовало бы объ ошибочности ихъ. Если ужъ можно говорить о физіологическомъ дѣйствіи старости, то нужно имѣть въ виду скорѣе ея разслабляющее, а не проясняющее дѣй-

. Основываясь на этомъ общензвѣстномъ фактѣ, Ренанъ задолго до своей смерти предостерегалъ отъ тѣхъ отреченій, которыя, быть можетъ, сдѣлаетъ онъ въ концѣ жизни вслѣдствіе упадка умственныхъ способностей. Къ счастью для Ренана, ему не пришлось дожить до такого паденія.

[2]) При разсмотрѣніи основныхъ началъ судебной реформы 1862 г. Государственный Совѣтъ внесъ нѣкоторыя существенныя измѣненія, такъ, напр., устранилъ судъ присяжныхъ по литературнымъ и политическимъ процессамъ. Кромѣ того, вопреки заявленію многихъ общественныхъ собраній въ 1859—60 гг. не допустилъ непосредственной отвѣтственности административныхъ чиновниковъ предъ судомъ, а поставилъ ее въ зависимость отъ согласія начальства. На серьезныя неудобства такого порядка настойчиво указывалъ еще въ 1863 году А. М. Унковскій (см. прилож. 1-е къ книгѣ моей: „А. М. Унковскій". М. 1894).

1866 г., съ нескрываемою душевною тревогою за участь дорогихъ институтовъ, защищалъ ихъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ строкахъ, искренность которыхъ невозможно заподозрить Указывая на враждебное отношеніе къ новому судебному строю со стороны старой „бюрократической администраціи, бывшей *все во всемъ*“, краснорѣчивый публицистъ продолжаетъ:

„Все, что есть живого, мыслящаго, разумѣющаго, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго въ наше время новаго порядка вещей на Руси. Не было ли бы грустно, если бы отмѣна крѣпостнаго права ограничилась только его формою и оставила его сущность? Но было бы не менѣе грустно, если бы новый порядокъ вещей оказался только формою безъ сущности. Чѣмъ важнѣе, чѣмъ шире наши начинанія, тѣмъ менѣе было бы намъ отъ нихъ чести, если бы они ограничились *только видомъ*. Вотъ почему оскорбителенъ всякій намекъ, клонящійся къ тому, чтобы затемнить сущность новаго порядка вещей и лишить его силы, дающей ему всю его цѣнность, чтобы изъ каждаго начинающаго дѣла *вынуть его душу и оставить шелуху*, которая давала бы только сильнѣе чувствовать тщету начинанія. Дѣйствительно ли наше преобразованіе судебное должно вывести на новые пути, чтобы Россія могла держаться достойнымъ образомъ среди другихъ націй, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? Правда ли, что это всеоживляющее, всевозбуждающее начало *публичности*, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствію его государственной пользѣ,—начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ *порчи и гніенія*, ничто не можетъ быть обезпечено отъ *злоупотребленій и обмановъ*,—правда-ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть? Правда ли, что въ настоящее время положены основы благоустроенной и независимой судебной власти? Правда ли, что мы имѣемъ судебныя учрежденія, которыми обезпечиваются законъ и право и *весь народъ* привлекается къ дѣятельному участію въ дѣлѣ правосудія? Есть ли это дѣйствительность или все это только фантомъ? Для *вида ли только* судебная власть признана *независимою и самостоятельною* или она дѣйстви-

тельно поставлена такъ, что для нея обязательны *только законъ и правда?...* [1]).

Вотъ какія тревоги вызывали первые же мѣсяцы примѣненія Судебныхъ Уставовъ въ ихъ искреннихъ друзьяхъ!..

Твердо вѣря въ плодотворную силу принциповъ Судебныхъ Уставовъ, онъ же, М. Н. Катковъ, предсказалъ и направленіе, и духъ *будущаго пересмотра* вводимаго законодательства, которому могли, какъ онъ утверждалъ, не сочувствовать только одни крѣпостники „*Вѣсти*“, названные М. Ѳ. Дмитріевымъ „бѣлыми революціонерами“ [2]). „Пока Россія будетъ процвѣтать, говорилъ Катковъ, пока дѣла ея будутъ итти къ лучшему, а не къ худшему, *начала*, вводимыя къ намъ новыми Судебными Уставами, будутъ въ силѣ, и съ основанными на нихъ учрежденіями будетъ на вѣки-вѣковъ связано имя преобразователя Россіи... Всякое измѣненіе (въ Уставахъ), направленное не къ худшему, а *къ лучшему*, можетъ быть, клонится лишь къ тому, чтобы судебное дѣло *не менѣе а болѣе* соотвѣтствовало своему назначенію, чтобы судебная власть была *не менѣе, а болѣе самостоятельна и независима*“ [3]).

Чтобы подкрѣпить приведенный авторитетъ еще болѣе цѣннымъ указаніемъ, сошлюсь на мудраго наставника десятковъ поколѣній юношества, на слова проф. Рѣдкина, изъ числа слушателей котораго нѣкоторые входятъ въ составъ коммиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ и предъ которымъ должны бы преклоняться всѣ порядочные люди безъ различія политическихъ воззрѣній.

Сравнивая между собою два пути законодательнаго творчества,—палліативный эмпирическій и раціональный научный, достойный учитель говорилъ: „*На административномъ поприщѣ вы не будете вынуждены прибѣгать, идя ощупью, не освѣщаемые наукою, къ полумѣрамъ, къ средствамъ палліативнымъ*, къ разнымъ кунстштюкамъ, перебиваясь ими со дня на день, лишь бы на короткій срокъ вашего служенія, а затѣмъ: *après moi le déluge. Нѣтъ, съ твердою помощью началъ науки вы сумѣете радикально лѣчить всякую общественную болѣзнь*, ясно сознавая настоящее, прозрѣвши будущее, какъ пророкъ, и своею раціональною дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству, а себѣ вѣчную память людей, приготовлявшихъ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра“ [4]).

Сошлемся, наконецъ, на представителя точной науки, указанія

---

[1]) См. „*Моск. Вѣдом.*“, 1866 г., № 166.

[2]) Характеристику ихъ см. въ главѣ IV.

[3]) См. „*Моск. Вѣд.*“, 1866 г., № 198.

[4]) Изъ Лекцій I, 37.

которой обязательны для всѣхъ здравомыслящихъ людей, независимо отъ ихъ личныхъ вкусовъ и симпатій. Профессоръ В. Я. Данилевскій въ прекрасной рѣчи своей „Чувство и жизнь“, произнесенной въ Москвѣ, въ общемъ собраніи IX съѣзда естествоиспытателей, съ научными данными въ рукѣ, развивалъ ту же мысль, которую въ той или иной формѣ высказывалъ Yates-проницатель Салтыковъ и публицистъ Катковъ, и юристъ Рѣдкинъ, это — необходимость для плодотворной дѣятельности соприкосновенія, если не осуществленія, съ принципомъ, цѣльною идеею, идеаломъ, *утопіею*, которая одна только будитъ здоровую энергію *мысли и чувства*. „Что руководитъ человѣкомъ въ его борьбѣ со зломъ, съ лишеніями,—спрашиваетъ проф. Данилевскій,—что даетъ ему энергію иниціативы? Не идея, не отвлеченная мысль, но живое *чувство*, не всегда созданное, но всегда могучее, защищаетъ его отъ опасности и гибели; лишь наши чувствованія побуждаютъ энергію, волю, усилія которой, руководимыя *разумомъ*, должны вести къ наибольшему благу. Тѣ же чувства, которыя въ личной жизни человѣка служатъ путеводнымъ сигналомъ для его инстинкта самосохраненія, тѣ же чувства въ высшей *альтруистической* формѣ—предохраняютъ человѣчество отъ опасныхъ искаженій въ жизни всего общества... Мы чувствуемъ потребность въ идеальныхъ построеніяхъ, мы стремимся къ лучшему во всѣхъ областяхъ нашей жизни, *къ идеалу*, хотя бы и недостижимому“ [1]). Итакъ, „альтруизмъ“, „идеалъ“ или, по терминологіи Салтыкова, „утопія“, „бредня“,—вотъ могущественный возбудитель и двигатель для плодотворной общественной дѣятельности.

И развѣ героическая эпопея подготовки и проведенія великихъ реформъ 60-хъ годовъ не служитъ блестящимъ подтвержденіемъ этой еретической для нынѣшнихъ не въ мѣру охлажденныхъ публицистовъ мысли о могуществѣ „бредни“, о силѣ чувства, которой обязаны своимъ существованіемъ не только Судебные Уставы, но и величайшая изъ бредней-реформъ: отмѣна крѣпостного права [2]).

Если творцамъ Судебныхъ Уставовъ удалось съ изумительною быстротою составить лучшій памятникъ русскаго законодательства, который, встрѣченный враждебно со стороны могущественныхъ почитателей дореформеннаго строя, сумѣлъ, однако, съ честью выдержать почти тридцатилѣтній, безпрерывный натискъ ихъ глашатаевъ, давно добился единодушнаго признанія непререкаемости своихъ

---

[1]) См. „*Русск. Вѣдом.*“ отъ 9-го января 1894 г.

[2]) См. Салтыковъ. Сочин. VI, 218.

основныхъ принциповъ со стороны людей науки [1]) и, наконецъ, дождался въ наши дни офиціальнаго признанія ихъ безспорности со стороны авторитетнаго представителя власти [2]), то секретъ успѣха этого образцоваго законодательнаго творчества заключается въ твердости и живости вѣры его участниковъ въ силу добра, въ разумъ, въ науку, въ принципы ея. Если нашлись и достойные исполнители для этого великаго законодательнаго акта, появившагося во всеоружіи, словно Минерва изъ головы Юпитера, то только потому, что они пламенно вѣрили въ прогрессъ, въ свою благородную миссію, они сознавали ея величіе, они проникались благоговѣніемъ къ данной имъ въ руководство маленькой, но многозначительной книжкѣ Судебныхъ Уставовъ, глубоко чувствуя и торжественно исповѣдуя подобно творцамъ ихъ, что Уставы эти „истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ“ [3]).

Но вѣра вѣрой, чувство чувствомъ, не нужно, однако, преувеличивать ихъ значеніе и забывать, что не героическими и моментальными порывами опредѣляются характеръ, направленіе, традиціи обыденной общественной дѣятельности. Если члены новой магистратуры такъ честно и мужественно отправляли свои судейскія обязанности, при отправленіи которыхъ они безпрестанно должны были сталкиваться, съ одной стороны, съ привыкшими къ своеволію и безнаказанности высокопоставленными знатными особами, а съ другой—съ представителями воспитанной на произволѣ администраціи, полиціи, съ интересами казны, съ мимолетными и иногда очень требовательными видами правительства, олицетворяемыми политикой П. А. Валуева или потомъ гр. К. И. Палена, то только потому, что надежнымъ щитомъ, охранявшимъ ихъ судейскую независимость, служила гарантія *несмѣняемости*, т.-е. убѣжденіе, что никакіе, ни тайные, ни явные навѣты и даже прямые доносы о тенденціозности новыхъ судовъ, о политической неблагонадежности судей для нихъ не опасны.

Вѣдь такія обвиненія тянутся чуть не со дня открытія новыхъ судовъ. Если ни крѣпостническіе, ни „внушенные“ вопли „*Вѣсти*“

---

[1]) Одинъ изъ представителей науки проф. Н. В. Муравьевъ (нынѣ министръ юстиціи), говоря объ основныхъ началахъ судебной реформы, далъ имъ такую прекрасную характеристику: „эти начала признаны всѣмъ человѣчествомъ; они такъ высоки и чисты, вліяніе и послѣдствія такъ благодѣтельны для русской жизни, что дальше ихъ намъ *не зачѣмъ* и *некуда* итти“. „*Русск. Вѣст.*“ 1875, № 10, стр. 874.

[2]) См. главу VIII.

[3]) См. предисл. С. И. Зарудnаго къ ч. I Суд. Уставовъ изд. госуд. канц.

ни реакціонныя сатурналіи „*Московскихъ Вѣдомостей*“, ни невѣжественно-кликушеская абракадабра „*Гражданина*“ не въ состояніи были въ общемъ [1]) расшатать устои правосудія, то, безъ сомнѣнія, тутъ значительную роль играла благодѣтельная ст. 243 Учр. Суд. Уст., дававшая судьямъ увѣренность, что ихъ не лишатъ судебнаго званія и мѣста раньше, чѣмъ обвиненія не будутъ провѣрены въ гласномъ судѣ. Припомнимъ, какъ рвалъ и металъ противъ несмѣняемости судей послѣ перваго же литературнаго процесса А. Н. Пыпина и Ю. Г. Жуковскаго, послѣ дѣла Протопопова мин. внутр. дѣлъ П. А. Валуевъ [2]), сама судебная администрація послѣ дѣла Свиридова, Мельницкихъ. Что бы было съ независимостью судей, если бы ихъ не прикрывала своимъ довольно благонадежнымъ щитомъ ст. 243? Конечно, и при несмѣняемости судей въ рукахъ судебной администраціи, всецѣло располагающей судебной карьерой, остаются неисчислимыя и могущественныя средства проявлять свой гнѣвъ и милость противъ судей, карать и миловать ихъ соотвѣтственно большей или меньшей ихъ послушности временнымъ видамъ ея, что въ значительной степени умаляетъ значеніе несмѣняемости, но съ такими неудобствами могли еще мириться лучшіе члены магистратуры. Это не были воплощенные ангелы, не были герои добродѣтели и самопожертвованія à outrance, это были просто средніе порядочные честные люди, въ большинствѣ служившіе въ старыхъ судахъ, и настолько порядочные, чтобы воздержаться отъ искательства въ пріемной на Екатерининской ул. Но только въ старомъ судѣ они были безвредны и безсильны, въ новомъ же судѣ, благодаря данной имъ гарантіи несмѣняемости, благодаря его воспитательному вліянію [3]), этимъ простымъ людямъ при содѣйствіи суда присяжныхъ удалось совершить дѣло великой государственной важности, водворить возможные при нашихъ порядкахъ законность, правду и равенство на судѣ, возстановить довѣріе народа къ суду и въ общемъ неизмѣримо высоко поднять уровень правосудія сравнительно съ непосредственно ему предшествовавшимъ состояніемъ, которое по словамъ М. Н. Каткова, „прилично было развѣ Хивѣ и Бухарѣ“

---

[1]) И. С. Аксаковъ справедливо указалъ, что даже безъ прямой отмѣны несмѣняемости одни уже толки объ ея отмѣнѣ могутъ поколебать независимость судей и вселить стремленіе улавливать модные современные виды (соч. т. IV, 590), т.-е **rendre des services et pas des arrêts**, вопреки девизу французскихъ судей.

[2]) Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“ удостовѣряетъ (III, 115), что появившаяся въ „*Вѣсти*“ послѣ оправданія сумасшедшаго Протопопова статья съ обвиненіемъ новаго суда въ революціонныхъ тенденціяхъ была внушена Валуевымъ.

[3]) Разница между старыми и новыми судами, писалъ Катковъ, та, что первые порятъ людей, а вторые улучшаютъ. Ср. главу XX, §§ 1—3.

и при воспоминаніи о которомъ, какъ писалъ И. С. Аксаковъ, „волосъ становится дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ“,—словомъ, съ сравнительно недавнимъ временемъ, когда Русь была

Въ судахъ черна неправдой черной

и когда никто на Руси не имѣлъ *понятія о независимомъ судѣ*, честно и смѣло примѣняющемъ законъ.

„Какъ ни бѣдны мы,—писалъ въ 62 г. проф. Б. И. Утинъ,—гражданскими доблестями, однако нѣтъ сферы, въ которой не сохранилась бы память о людяхъ, честно и энергически, съ знаніемъ и умомъ послужившихъ общему дѣлу. *Не сохранилась только память о лицахъ, безстрастно державшихъ вѣсы правосудія; типъ судьи*, праведно судящаго и пользующагося *общимъ довѣріемъ*, чуждъ не только древней, но и новой Россіи“ [1]). И такой-то типъ создалъ новый судъ!

Вотъ что сдѣлали Судебные Уставы, составленные согласно послѣдовательной, раціональной программѣ съ беззавѣтною вѣрою въ добрые инстинкты русскаго народа, въ силу добра и прогресса, съ теплою вѣрою въ науку и указанные ею гуманно-либеральные принципы 29-го сентября 1862 года; Уставы эти *впервые* за все время тысячелѣтняго существованія Россіи создали судъ независимый, создали типъ честнаго судьи, безстрашно примѣняющаго, благодаря своей несмѣняемости, законъ, равный для всѣхъ.

Имѣя въ рукахъ это благородное знамя науки и правды, на которомъ написано было „hoc vinces“, и прикрытые щитомъ несмѣняемости, смѣло вступили доблестные дѣятели новаго суда въ неравный бой съ многочисленнымъ сонмищемъ сильныхъ противниковъ.

Побѣдили ли эти піонеры законности, равенства и милости?.. Не вина ихъ, если этого нельзя утверждать, если этого, къ несчастью, нельзя утверждать вполнѣ. Но кто же дерзнетъ сказать, что они потерпѣли пораженіе или посрамили свое знамя, что они не подняли русское правосудіе высоко, такъ высоко, что, по выраженію одной газеты, можно было подумать, будто Россія очутилась на другой планетѣ“ [2]).

Итакъ, вотъ одинъ путь, вотъ одинъ методъ законодательнаго творчества, простой и смѣлый, не хитрый, но цѣлесообразный, разумный, прогрессивный, благословенный лучшими представителями знанія и человѣчности [3]), вотъ какіе законодательные плоды онъ приноситъ, какихъ дѣятелей, какую школу создаетъ онъ.

---

[1]) См. „*Отечественныя Записки*“. 1862. Ноябрь. Утинъ—Судебная реформа 5.

[2]) См. „*Новое Время*“ отъ 17 апрѣля 1891, статью по поводу 25-ти-лѣтія новаго суда.

[3]) Проф. Миттермайеръ въ прощальной лекціи своей говорилъ: „да не проро-

Есть и другой методъ—это методъ палліативныхъ „кунстштюковъ“; доведенный до совершенства половинчатою, расношерстною, двусмысленною программою всепримирявшаго, гибкаго, не искренняго [1]) П. А. Валуева: плоды этого творчества тоже хорошо извѣстны!..

Стало быть, и опытъ жизни, и наука учатъ: либо раціональное творчество и непреклонность логики, „которой одной дана, по выраженію Салтыкова, роковая сила совершать *чудеса*“, либо палліативные кунстштюки, безъидейное топтанье на мѣстѣ при кажущемся движеніи впередъ.

Одно изъ двухъ—tertium non datur:

Двѣ легли дороги передъ вами,
А какая лучше, выбирайте сами!..

Петровскіе выс.
Звенигор. у.
1 іюля 1894 г.

стетъ у васъ былью забвенья память о вашемъ учителѣ и при всякомъ движеніи впередъ мысли и знанія, при всякой борьбѣ за развитіе человѣчности въ правѣ, за охрану правъ личности, за прогрессъ, вспомнивайте вашего стараго преподавателя и мое *сочувствіе и благословеніе* будетъ съ вами“. См. Н. С. Таганцева. Послѣднее 25-ти-лѣтіе въ ист. угол. права. СПБ., 1892 г., 15.

[1]) Валуевъ приведетъ общество, писалъ Никитенко, къ полнѣйшей вѣрѣ, что ничему вѣрить нельзя („Дневникъ“, III, 178).

Новый фазисъ работъ Судебной Комиссіи.

(*Предисловіе къ 6-му изданію*).

Что имѣетъ основаніемъ правду, того нельзя не повторять, рискуя даже надоѣсть.

Н. И. Пироговъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ, безсмысленно говорить о мнимомъ равенствѣ.

Евг. Феоктистовъ.

Первоначальная мысль о составленіи настоящей книги внушена была голодомъ 1891 г. Желаніе оказать посильное содѣйствіе къ облегченію народнаго бѣдствія, требовавшаго немедленной помощи, дало автору смѣлость собрать воедино появлявшіяся въ разное время случайныя газетныя и журнальныя статьи о дѣяніяхъ и дѣятеляхъ эпохи великихъ реформъ Александра II.

Вниманіе публики къ книгѣ, пережившее на много первоначальный поводъ къ ея появленію и свидѣтельствовавшее о глубокомъ интересѣ къ пережитой недавно знаменательной, незабвенной,—но, увы! такъ скоро забытой,—эпохѣ, побуждало автора пополнять въ послѣдующихъ изданіяхъ первоначальный составъ книги, выпущенной, какъ сказано, второпяхъ въ виду неотложныхъ потребностей минуты, а также вводить новые отдѣлы, отсутствовавшіе въ первыхъ изданіяхъ [1]). Съ внесеніемъ въ настоящее изданіе „Справки о городскомъ самоуправленіи“ замыкается циклъ важнѣйшихъ преобразованій 60-хъ годовъ, и потому авторъ счелъ себя вправѣ слегка измѣнить заглавіе и вмѣсто прежняго „Изъ эпохи“ назвать „Эпохою великихъ реформъ“.

Сознавая лучше, чѣмъ кто-нибудь, недостатки своего изданія, авторъ ищетъ себѣ оправданія въ томъ, что пока не имѣется еще

---

[1]) Въ первомъ изданіи было XII главъ и 262 страницы; стало быть, оно было слишкомъ втрое меньше нынѣшняго.

другого, полнѣе и лучше излагающаго ходъ великихъ реформъ, а потому и настоящая книга, даже въ своемъ несовершенномъ видѣ, можетъ быть не безполезной, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, кто интересуется духомъ и сущностью этихъ реформъ.

Напоминать неустанно о великой культурной миссіи, объ основномъ смыслѣ и гуманно-просвѣтительномъ назначеніи великихъ начинаній Царя-Освободителя тѣмъ болѣе своевременно нынѣ, что какъ будто начинаетъ нѣсколько разсѣиваться тотъ чадъ и сумятица въ понятіяхъ, которую такъ долго и настойчиво старались распространять не безкорыстные апологеты не совсѣмъ еще отжившаго крѣпостного строя, формальная отмѣна коего провела такую рѣзкую черту *до* и *послѣ* „19 февраля“ [1]). Считая, и не безъ основанія, новый судъ и земство продуктомъ и развитіемъ началъ освободительнаго акта, враги его правильно объединяли въ своей ненависти это наслѣдіе освободительной эпохи, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, чтобы дискредитировать его. Этимъ открытымъ вра-

---

[1]) „Тѣ, которые говорятъ,—писалъ Салтыковъ еще въ началѣ 70-хъ годовъ при первыхъ робкихъ движеніяхъ реакціи,—зачѣмъ напоминать о крѣпостномъ правѣ, котораго уже нѣтъ? Зачѣмъ нападать на лежачаго?—говорятъ это единственно по легкомыслію.—Хотя крѣпостное право въ своихъ прежнихъ обязательныхъ формахъ не существуетъ съ 19 февраля 1861 года, тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ остается единственнымъ живымъ мѣстомъ въ нашемъ организмѣ. Оно живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ. Все, на что бы ни обратились наши взоры, все изъ него выходитъ и на него опирается. Изъ этого живоноснаго источника доселѣ непрерывно сочатся всякія нравственныя и умственныя опустошенія, заражающія нашъ воздухъ и растлѣвающія наши сердца трепетомъ и робостью“. (Сочин. II).—Возвращаясь къ той же мысли въ 3-мъ письмѣ о провинціи, Салтыковъ говорилъ: „Съ 19 февраля къ понятію русскаго человѣка соединяется представленіе о чемъ-то весьма доброкачественномъ. Въ особенности ощутительно доброе вліяніе 19 февраля въ провинціи. Тутъ 19 февраля дѣйствовало непосредственно и воочію всѣхъ, тутъ оно въ самой жизни провело *черту*, до такой степени яркую, что то, что стоитъ подъ чертою, не имѣетъ часто ничего общаго съ тѣмъ, что стоитъ надъ чертою. А такъ какъ *надъ* чертою хорошаго стояло мало, то весьма понятно, куда должны тяготѣть общія симпатіи... Но именно 19 февраля составляетъ для „исторіографовъ“ непрестанно сочащуюся язву: упраздненное крѣпостное право, гласные суды, земство, т.-е. именно то, въ чемъ замыкается существенный смыслъ 19 февраля... Ненавистничество до такой степени подняло голову, что самое слово „ненавистникъ“ сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ рекомендательнаго письма. Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, не скрежещутъ зубами втихомолку, но авторитетно, публично при свѣтѣ дня и на всѣхъ діалектахъ изрыгаютъ хулу и, не опасаясь ни отпора, ни пораженія, сулятъ покончить въ самомъ ближайшемъ времени съ тѣмъ, что они называютъ „гнусною закваскою нигилизма, и демагогіи“ и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистникамъ нѣтъ никакого дѣла, но преобразованія послѣдняго времени“. (II, 306—361).

гамъ преобразовательной эпохи еще очень недавно довольно сочувственно вторили ихъ безсознательные или полусознательные союзники изъ лагеря „складныхъ душъ“, по выраженію Щедрина, привыкшіе плыть по теченію и внимательно приглядываться къ кончику общественнаго флюгера.

Правда, строго говоря, не имѣемъ покамѣсть никакихъ не только громкихъ, но и вообще осязательныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ укрѣпленіи принциповъ преобразовательной эпохи; но нельзя не обратить вниманія на то, что вызывающій черезчуръ самоувѣренный тонъ откровенно-крѣпостнической публицистики какъ будто нѣсколько понизился, и замѣтно увядающій enfant terrible ея еще весною нынѣшняго года безъ всякой видимой причины злился на то, что „*того* (курс. „*Гражд.*“) лагеря прибываетъ“ [1]).

Подъ вліяніемъ этихъ пока неясныхъ, неуловимыхъ, но косвенно воздѣйствующихъ теченій общественная атмосфера начинаетъ какъ будто понемногу очищаться. Быть можетъ, этому неосязательному вліянію слѣдуетъ приписать тотъ важный и отрадный фактъ, что въ нынѣшнемъ 1895 году, благодаря нѣкоторому прояснѣнію общественнаго сознанія, кредитъ суда присяжныхъ возросъ въ степени, какой не замѣчалось давно, по крайней мѣрѣ за послѣднія 10—15 лѣтъ. Вопросъ этотъ простой, какъ 2×2=4, ясный, какъ Божій день, былъ,—со временъ Каткова, ставшаго въ 80-хъ годахъ изъ убѣжденнаго защитника суда присяжныхъ его страстнымъ и злостнымъ гонителемъ,—такъ запутанъ, такъ искаженъ и извращенъ обозленными принципіальными врагами его изъ реакціонной прессы, что не такъ давно грозила серьезная опасность существованію этого благодѣтельнаго творенія Царя-Освободителя, водворившаго правду въ искони безсудной русской землѣ. Но стоило подвергнуть спокойному обсужденію вопросъ о дѣятельности суда присяжныхъ, какъ это было сдѣлано въ самомъ началѣ нынѣшняго года въ извѣстномъ совѣщаніи коронныхъ юристовъ, созванныхъ коммиссіей, пересматривающей Судебные Уставы, чтобы разсѣялись туманъ и копоть, напущенные систематическими врагами суда совѣсти, и чтобы свѣтлый и благородный образъ этого великаго института, обгораживающаго [2]), по прекрасному замѣчанію одного члена этого совѣщанія, народную нравственность и служащаго проводникомъ народнаго

---

[1]) См. „Дневникъ“ 30 марта 1895 г. въ „*Гражданинѣ*“ 1895 г. № 89.—Поясняя свою мысль, кн. Мещерскій на своемъ шутовскомъ жаргонѣ продолжаетъ: „не даромъ тайные совѣтники“, которыхъ князь Мещерскій съ обычнымъ своимъ остроуміемъ повальпо считаетъ ярыми либералами, „стали громче чихать и сморкаться“ (тамъ же).

[2]) См. статью А. Ѳ. Кони въ № 4 „*Журнала Министерства Юстиціи*“ за 1895 г.

правосознанія, предсталъ во всемъ своемъ величіи и красѣ [1]). Правда, при этой внушительной реабилитаціи не обошлось безъ попытки влить ложку дегтю въ кадку меду, но это обстоятельство [2]) нисколько не повредило дѣлу; напротивъ, сдѣланныя въ совѣщаніи противъ суда присяжныхъ легковѣсныя возраженія сыграли, быть можетъ, незавидную, но неизбѣжную по природѣ вещей роль — advocatus diaboli, безъ которой, какъ извѣстно, не могла состояться процедура канонизаціи въ средніе вѣка.

Почва была настолько подготовлена, и атмосфера настолько очищена, что даже знаменитое дѣло Палемъ, которое въ такомъ непривлекательномъ свѣтѣ обрисовало петербургскіе слѣдственные порядки и которымъ такъ некстати вздумалъ козырять противъ суда присяжныхъ г. Дейтрихъ [3]), не могло подогрѣть безшабашную агитацію и травлю противъ „суда улицы“, которую начинали было, по примѣру прежнихъ лѣтъ, съ разсчетомъ на успѣхъ, баши-бузуки „*Гражданина*“ и „*Московскихъ Вѣдомостей*“. Ни уличная брань, ни „благонамѣренное“ бѣснованіе, ни прочія обычныя балаганныя дикія выходки противъ института „суда улицы“, еще такъ недавно производившія при господствовавшемъ сумбурѣ въ понятіяхъ своимъ шумомъ и гамомъ ошеломляющій эффектъ, не произвели болѣе никакого дѣйствія и пропали безслѣдно,—въ виду свѣта, пролитаго на дѣло какъ совѣщаніемъ указанныхъ юристовъ, такъ и гласнымъ разборомъ процесса Палемъ въ Сенатѣ. Судъ же присяжныхъ послѣ свободнаго гласнаго обсужденія вышелъ съ полною побѣдою, получивъ выраженіе симпатій отъ всѣхъ безъ различія направленія органовъ печати, ставящихъ интересы правосудія выше мелкихъ

---

[1]) Печать съ изъятіями, которыя разумѣются сами собою, единодушно привѣтствовала это возстановленіе достоинства суда присяжныхъ. Между прочимъ, „*Церковный Вѣстникъ*“ писалъ: „было бы грустно, если бы встрѣтились серьезныя возраженія противъ суда присяжныхъ, и черезъ это было бы поколеблено такое прекрасное учрежденіе, имѣющее (какъ справедливо заявлено было въ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ въ концѣ 1894 года) „облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащее проводникомъ народнаго правосознанія“. Судъ присяжныхъ былъ и есть одно изъ могущественныхъ средствъ для укрѣпленія въ обществѣ чувствъ законности, любви и сострадания къ ближнему, равно какъ и для проведенія религіозныхъ началъ въ ту область, которая была нѣкогда синонимомъ сухого и мертваго формализма. Исправляя свои обязанности на судѣ и насаждая правду, присяжные помнятъ о высшей правдѣ, которую проповѣдуетъ Церковь. Въ засѣданіяхъ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ заявлены были трогательные въ этомъ отношеніи факты“.

[2]) См. статью г. Дейтрихъ въ „Ж. М. Ю.“, 1895 № 6.

[3]) См. брошюру мою: „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“ (по поводу статьи г. Дейтриха), М. 1895.

партійныхъ цѣлей. Въ результатѣ получилось, что по данному по крайней мѣрѣ вопросу, повидимому, можно сказать мелющему вздоръ Емелѣ:—„полно Емеля—*прошла* недѣля“...

Если также открыто, безпристрастно и откровенно будетъ поставленъ и другой очередной вопросъ—о компетенціи земскихъ начальниковъ и вообще объ учрежденіяхъ, созданныхъ закономъ 12 іюля, то есть надежда, что разсѣется и въ данномъ случаѣ тотъ гнилой туманъ, который продолжаютъ напускать реакціонные публицисты, и получитъ разумное разрѣшеніе благочестивое пожеланіе народнаго поэта, высказанное еще на зарѣ народной свободы:

Господь! твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу *правый* судъ.

Въ разгарѣ недавней реакціи противъ принциповъ эпохи великихъ реформъ такъ часто ея клеветники твердили о томъ, что зловредное начало отдѣленія судебной власти отъ административной было плодомъ мимолетнаго увлеченія чужеземными либеральными образцами, не имѣвшаго корней въ прошломъ Россіи, что эта небылица стала свободно гулять по бѣлу свѣту. Исторія русскаго законодательства свидѣтельствуетъ, однако, о противномъ, по удостовѣренію такого авторитетнаго въ консервативномъ лагерѣ свидѣтеля, какъ гр. Блудовъ, котораго трудно заподозрить въ тлетворномъ радикализмѣ. Резюмируя основныя начала русскаго судебнаго законодательства, этотъ благонадежный юристъ категорически указывалъ въ запискѣ своей 1859 года на безостановочное стремленіе русскаго законодательства, начиная съ Петра Великаго, къ *отдѣленію судебной власти отъ административной*. Главною заслугою Екатерининскаго Положенія о губерніяхъ 1775 г. гр. Блудовъ считалъ отдѣленіе судебныхъ дѣлъ отъ общаго губернскаго управленія. „Смѣшеніе судебной власти съ административной во времена воеводъ было тѣмъ болѣе неудобно,—писалъ гр. Блудовъ,—что въ случаѣ упущенія и неправильности въ дѣлахъ судебныхъ оно поставляло верховную власть въ особое затрудненіе; ибо хорошій во всѣхъ отношеніяхъ администраторъ могъ иногда оказаться *несвѣдущимъ*, *а потому и дурнымъ* судьею [1])“. Поэтому, привѣтствуя, какъ шагъ впередъ, выдѣленіе Екатерининскимъ Губернскимъ Положеніемъ изъ вѣдѣнія губернской администраціи судебныхъ дѣлъ и признаніе судебной власти *совершеннолѣтнею*, гр. Блудовъ *скорбитъ* только о томъ, что

[1]) См. „Дѣло о преобр. суд. части въ Россіи“, т. IV. Записка графа Блудова.

выдѣленіе было не полное и за администраціею сохранено было право надзора.

Резюмируя окончательно выводы своего историческаго обзора, гр. Блудовъ заключаетъ его слѣдующими знаменательными словами: „сего мы достигли вслѣдствіе усилій, длившихся почти *цѣлое* столѣтіе, и, принявъ во вниманіе предшествовавшее хаотическое положеніе и смѣшеніе всѣхъ властей, слѣдуетъ признать, сдѣлали успѣхи... и законодательство наше, не взирая на случайныя уклоненія, *постоянно* стремилось, между прочимъ, къ *освобожденію судовъ* отъ *всякаго вмѣшательства властей административныхъ*“.

Таковы недвусмысленныя указанія исторіи русскаго права.

Порядокъ же вещей, созданный законами 12 іюля 1889 года, предоставившими администраціи (губернскому присутствію) окончательное рѣшеніе дѣлъ и даже высшее истолкованіе законовъ, приблизилъ насъ если не ко временамъ Артаксеркса, какъ мило вышучивалъ недавно „*Гражданинъ*“ [1]), то, по крайней мѣрѣ, ко временамъ

---

[1]) Въ „Дневникѣ“ 30 марта 1895 г. кн. Мещерскій такъ передаетъ шутовскую свою бесѣду съ однимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

— Я пріѣхалъ кричать „караулъ“,—говорилъ предводитель,—расправы искать; пемякинскіе дни настали...

— А что же такое у васъ случилось?

— Какъ что? Да не у насъ однихъ, по всей Россіи эту язву развели!

— Какую? Суслики, что ли, мыши?..

— Не суслики и не мыши, а земскіе начальники,—отъ нихъ житья нѣтъ!

Я такъ ротъ и разинулъ.

— А что, у васъ нехорошіе земскіе начальники?

— Да развѣ они могутъ быть хорошіе? Учрежденіе самое невозможное: это татарщина, кулачишки, это опричники, все что хотите!

— Я васъ не понимаю; вѣдь, у насъ земскіе начальники—мѣстные дворяне, вы ихъ предводитель, значитъ, вы, такъ сказать, ихъ воспріемникъ.

— Я? Я думалъ, что мы вводимъ учрежденіе въ концѣ XIX вѣка, а оказывается, что это учрежденіе дѣйствуетъ въ духѣ временъ Артаксеркса! Это — представители самаго варварскаго произвола, и къ тому же у насъ губернаторъ въ томъ же духѣ...

— Въ чемъ же этотъ духъ Артаксеркса проявляется?—полюбопытствовалъ я.

— Да рѣшительно во всемъ... Начать съ самаго главнаго. Земскіе начальники вообразили себѣ, что крестьяне это—какія то дѣти, ничего не понимающія, ничего не знающія, которыхъ надо вести—какъ барановъ...

— Что въ массѣ они дѣти...—началъ я.

Но мой собесѣдникъ не далъ мнѣ договорить.

— Какія они дѣти? Помилуйте, это такіе же полноправные граждане русскаго государства, какъ мы съ вами. У нихъ и индивидуумы есть, и общественность; но и то, и другое земскій начальникъ порабощаетъ своимъ варварскимъ деспотизмомъ... Крестьянину онъ приказываетъ, какъ въ помѣщичьи времена приказывалъ господскій бургомистръ; общественные сходы должны разсуждать и рѣшать такъ, какъ

„Очаковскимъ и покоренья Крыма“ или, точнѣе, къ до-Петровскимъ временамъ московскихъ приказовъ и временамъ полновластья воеводскихъ канцелярій [1]).

Ясно, стало быть, что, какъ свидѣтельствуетъ документальная исторія русскаго процесса, не подражаніе Монтескье и либеральнымъ доктринамъ XVIII вѣка, а слѣдованіе основной тенденціи русскаго законодательства за послѣднія 150 лѣтъ привело въ 60-хъ годахъ къ сознанію необходимости введенія первой основы цивилизованнаго общежитія: къ отдѣленію суда отъ администраціи, какъ необходимаго условія для водворенія законности.

Игнорированіе этой аксіомы разумнаго судоустройства, затемненной софистическими передержками враговъ судебной реформы, привело въ періодъ скептическаго отношенія къ указаніямъ науки, къ неудачной мысли о созданіи въ лицѣ земскаго или, какъ вѣрно называетъ Е. П. Старицкій, *крестьянскаго* начальника, двуликаго Януса, въ видѣ администратора-судьи, и другихъ учрежденій того же типа. Не нужно было большой прозорливости, чтобы предусмотрѣть неизбѣжныя послѣдствія такой организаціи, особенно въ средѣ, гдѣ начало законности только-только начинало входить въ силу, благодаря мировому институту, и гдѣ традиціи кулачной расправы и другія переживанія временъ крѣпостного права не совсѣмъ еще исчезли. Но, по правдѣ сказать, дѣйствительность превзошла ожиданія! Какъ ни скудны были извѣстія, попадавшія въ печать, но съ самаго начала дѣятельности земскихъ начальниковъ обнаружились такія злоупотребленія, напр., ст. 61 Полож. о земск. начал., и такіе невѣроятные случаи грубости, насилія, самоуправства, которые отзывались нравами съѣзжихъ домовъ дореформеннаго времени [2]). Между тѣмъ реакціонная печать, чтобы отстоять quand-même неудачное учрежденіе, стала защищать невѣроятно дикія доктрины, ясно свидѣтельствующія объ архаическомъ характерѣ этого учрежденія.

этого хочетъ земскій начальникъ, какъ онъ приказываетъ,—словомъ, порабощеніе личности и общественной свободы полное...

— Такъ что по вашему земскіе начальники это—вредное учрежденіе?

— Безусловно вредное (см. *„Гражд.“* 1895 г. № 89).

„Гражданинъ“, повидимому, и не подозрѣваетъ, сколько злой иронін въ его каррикатурѣ, и что къ его шутовскому, самодовольному хихиканью можно бы примѣнить слова короля Лира: „этотъ шутъ не всегда паясничаетъ“.

[1]) См. и. „Записку Блудова“, стр. 25.

[2]) П. Н. Обнинскій въ послѣдней статьѣ своей справедливо указываетъ, что необходимо было ознакомиться съ институтомъ земскихъ начальниковъ, чтобы понять, a contrario, истинное значеніе и духъ великаго института мировыхъ судей; см. въ „Сборникѣ Правовѣдѣнія“, т. V, статью его „Мировые судьи и ихъ преемники“.

Такъ, „*Гражданинъ*“, основываясь на правилѣ:

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ и т. д.„

смѣло сталъ проповѣдывать ученія, которыя, казалось, отжили навсегда свой вѣкъ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ. Этотъ безподобный органъ печати, далеко оставившій за собою крѣпостническую „*Вѣсть*“, ничто же сумняся, заявлялъ, что крестьяне, какъ новѣйшіе безправные илоты, обязаны, въ силу ст. 61 Полож. о земск. начал., безпрекословно исполнять даже *незаконныя* требованія земскихъ начальниковъ, что приводитъ къ упраздненію закона по изволенію земскаго начальника. Когда стали оглашаться случаи избіенія земскимъ начальникомъ въ камерѣ просителя или нанесенія рань помощью знака земскаго начальника, для защиты этого института выдвинута была „*Гражданиномъ*“ чрезвычайно оригинальная доктрина, дѣйствительно отзывающаяся временами архаическими. Ссылаясь на апокрифическій примѣръ св. Николая, заушившаго Арія на первомъ вселенскомъ соборѣ, „*Гражданинъ*“ [1]) сталъ доказывать, что „порядочный“ человѣкъ въ должности земскаго начальника имѣетъ право безнаказанно драться съ просителями, и сильно нападалъ на своего единомышленника, на „*Московскія Вѣдомости*“ за то, что тѣ еще не вполнѣ усвоили эту достохвальную точку зрѣнія, дѣйствительно переносящую ко временамъ Артаксеркса [2]).

---

[1]) См. „Дневникъ“, отъ 14 сентября 1895 г.

[2]) „*Гражданинъ*“ прочелъ нотацію „*Моск. Вѣд.*“ за измѣну консервативному знамени, состоящую въ томъ, что онѣ не считали дозволеннымъ для земскаго начальника избіеніе просителя и писали, что избіеніе земскимъ начальникомъ крестьянина, „конечно, не входило въ кругъ его (земскаго начальника) обязанностей ни какъ судьи, ни какъ администратора“; „что тамъ, гдѣ судебныя и административныя функціи совмѣщаются, злоупотребленіе становится вдвое легче“: „Серьезная отвѣтственность за злоупотребленіе ею (властью),—говорили „*М. В.*“,—необходима для нормальнаго хода общественной жизни“, что „земскіе начальники, наносящіе побои въ своихъ камерахъ, опасны не потому, что они могутъ превысить свою власть, а только потому, что превышеніе это можетъ остаться безнаказаннымъ“ (№ отъ 9-го сентября 1895 г.).

„*Гражданинъ*“ усмотрѣлъ въ такихъ сужденіяхъ непозволительную ересь и солидарность съ либеральными газетами въ „колебаніи авторитета земскихъ начальниковъ въ глазахъ народа“. Насколько несостоятельна дикая теорія „*Гражданина*“, можно видѣть изъ словъ благонадежнаго писателя Е. М. Ѳеоктистова. Въ статьѣ о греческой конституціи, говоря о необходимости *непосредственной* отвѣтственности чиновниковъ предъ судомъ, г. Ѳеоктистовъ писалъ въ 1862 г.: „при отсутствіи таковой вмѣсто привилегированной аристократіи является *аристократія чиновная*, которая отдѣляется *непроходимою пропастью* отъ остальныхъ гражданъ, ибо не подчиняется наравнѣ съ ними отвѣтственности за дѣйствіе предъ *судебною* властью. Тамъ, гдѣ нѣтъ этой отвѣтственности, тамъ, гдѣ всякое должностное лицо, при-

Говорятъ, что такія злоупотребленія земскихъ начальниковъ единичны. Допустимъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что въ печать попадаютъ, конечно, только немногія изъ злоупотребленій земскихъ начальниковъ. Пусть эти случаи единичны, но развѣ они не *характеристичны* для самаго института, и развѣ не правы были *„Московскія Вѣдомости“*, когда онѣ, въ какомъ-то неожиданномъ проблескѣ lucidi intervalli, проговорились, къ ужасу союзника своего *„Гражданина“*, по поводу избіенія земскимъ начальникомъ Языковымъ просителя, высказавъ мысль, „что тамъ, гдѣ судебныя и административныя функціи совмѣщаются, злоупотребленіе становится вдвое легче“?

Только это и требовалось доказать!

А съ другой стороны, развѣ это совсѣмъ-таки ничего незначащая случайность, что дикія сцены самоуправства стали разыгрываться съ первыхъ же лѣтъ учрежденія земскихъ начальниковъ, тогда какъ за все 30-тилѣтіе существованія тысячъ мировыхъ судей не только никто не слыхалъ о нанесеніи судьею ранъ при помощи снятой судейской цѣпи, но и о случаяхъ въ родѣ грубыхъ расправъ земскихъ начальниковъ Протопопова, Левшина, Языкова и др. [1]).

Если для защиты существующаго строя административно-судебныхъ учрежденій нужно прибѣгать къ дикимъ архаическимъ ученіямъ, въ родѣ вышеприведеннаго ученія *„Гражданина“*, выдающаго себя за привилегированнаго истолкователя духа этихъ учрежденій, то это показываетъ, что въ нихъ вкралась серьезная ошибка, и что они несовмѣстимы съ современнымъ правосознаніемъ и съ цивилизованнымъ общественнымъ строемъ. Какъ ни тяжело бываетъ сознаться въ ошибкѣ, но лучше своевременно признать ее, нежели закрывать на нее глаза, какъ это дѣлаетъ реакціонная печать.

крываясь своимъ оффиціальнымъ характеромъ, можетъ руководствоваться *произволомъ*, безсмысленно говорить о мнимомъ равенствѣ“ (*„Отечественныя Записки“*, 1862, ноябрь, 159). И еще находятся люди, которые думаютъ, что путемъ компромиссовъ можно до чего-нибудь путнаго договориться съ такими одичалыми маніаками кулачнаго права, какъ публицисты *„Гражданина“*.

[1]) Въ назв. статьѣ своей г. Обнинскій, сгруппировавъ массу характерныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о грубости и насильническихъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ, пишетъ:

„Кто изъ мировыхъ судей отважился бы, напр., явившись въ нетрезвомъ видѣ, избить и изругать при народѣ священника съ дарами на груди?

„Кто изъ нихъ рѣшился бы грозить полицейскимъ городовымъ „бить морды“, если не будутъ дѣлать ему подъ козырекъ?

„У кого бы изъ нихъ хватило духу обѣщать сельскому обществу перебить половину собравшихся крестьянъ, если они вздумаютъ обращаться къ нему съ жалобами?“ и т. д. и т. д. (см. стр. 34—35).

Впрочемъ, несмотря на всѣ отчаянныя усилія опричниковъ печати запугать „благонамѣренными“ доносами своихъ противниковъ и заглушить голосъ печати [1]), правда о земскихъ начальникахъ понемногу обнаруживается, и при предстоящемъ разсмотрѣніи въ Судебной Коммиссіи вопроса о мѣстныхъ судахъ неминуемо станетъ на очередь и вопросъ о земскихъ начальникахъ.

---

[1]) Яростно нападая на *„Недѣлю“* и *„Русскія Вѣдомости“* за разоблаченія злоупотребленій и противозаконныхъ поступковъ земскихъ начальниковъ, *„Гражданинъ“* видитъ въ этомъ исполненіи долга печати лишь одно „колебаніе авторитета и гнусное и мерзкое ремесло *шпіоновъ и сыщиковъ* печати, подкапывающихся подъ учрежденіе почившаго государя“ (*„Гражд.“* 14-го сентября 1895 г.). Этотъ знаменитый своимъ цинизмомъ и мракобѣсіемъ ивилегированный органъ безшабашныхъ крѣпостниковъ, жившій, вопреки основному завѣту честной литературы (см. ниже предисловіе къ къ 3-му изданію), весь свой короткій и безславный вѣкъ литературнымъ сыскомъ, осмѣливается еще обвинять другихъ въ „гнусномъ и мерзкомъ ремеслѣ шпіоновъ и сыщиковъ“! Достойную отповѣдь даетъ этому своевременно погибающему, по недостатку казенныхъ кормовъ, рыцарю кулачнаго права, составлявшему позоръ и униженіе нашей печати, *„Недѣля“*. Въ статьѣ своей отъ 1-го октября 1895 г. почтенная газета, между прочимъ, пишетъ:

„Въ статьѣ кн. Мещерскаго, какъ всегда, удивителенъ цинизмъ, съ какимъ онъ относился къ своей публикѣ. Очевидно, онъ высказываетъ подобный вздоръ только въ разсчетѣ на ограниченность своихъ слушателей, на полное ихъ простодушіе. Газеты, видите ли, только потому нападаютъ на земскихъ начальниковъ, что институтъ ихъ введенъ въ царствованіе покойнаго государя. Но вѣдь въ Бозѣ почившій государь не только же этимъ институтомъ ознаменовалъ свое царствованіе: послѣднее отличалось энергичною законодательною дѣятельностью. Почему же газеты избрали лишь одно и не самое крупное изъ его дѣлъ? И если говорить о недостаткахъ учрежденій есть, —по мнѣнію кн. Мещерскаго,—сопротивленіе верховной власти, то возможно ли для русскихъ людей какое бы то ни было сужденіе о нашей государственной жизни? Вѣдь вся она юридически вытекаетъ изъ воли монарха, всѣ малѣйшія учрежденія и порядки дѣйствуютъ его именемъ. Значитъ, говорить, напримѣръ, о недостаткахъ волостного суда или полиціи есть стремленіе „подкопаться“ подъ верховную власть? Конечно, ни одна власть на свѣтѣ не возьметъ на себя такой безграничной отвѣтственности, какую хочетъ возложить на нее усердный *„Гражданинъ“*. Отвѣтъ свой глашатаю промотавшихся крѣпостниковъ, этихъ, по выраженію Бѣлинскаго, *друзей своихъ интересовъ* и *враговъ общаго блага*, *„Недѣля“* заканчиваетъ такими словами: „Печально, что еще возможны разнорѣчія въ этомъ слишкомъ элементарномъ вопросѣ: слѣдуетъ ли обнаруживать беззаконія или не слѣдуетъ, можно ли мириться съ кулачною расправою или нельзя. Все еще находятся у насъ закоренѣлые крѣпостники, симпатизирующіе пріемамъ власти, уже исчезающимъ даже изъ дикихъ азіатскихъ странъ, все еще держится взглядъ на беззаконіе, какъ на прерогативу администраціи. Но законъ называется „священнымъ“ не для того, чтобы любой, самый мелкій исполнитель власти топталъ его. Враги закона не тѣ, кто обнаруживаетъ нарушеніе его, а тѣ, кто нарушаютъ его, а также тѣ, кто защищаютъ, хотя бы и съ дѣланной странностію, эти безпрерывныя нарушенія“.

Задача, поставленная этой коммиссіи,—установленіе „дѣйствительнаго правосудія“, до такой степени не согласуется съ существованіемъ этого неудачнаго нароста на Судебные Уставы, что истиннымъ поборникамъ суда праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ гражданъ остается пожелать, чтобы этотъ классически стройный, великій памятникъ русскаго законодательства освободился отъ этого и другихъ подобныхъ чуждыхъ наростовъ и дождался того торжественнаго возрожденія, о которомъ писалъ Пушкинъ:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ;
Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей,
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Москва,
15-го октября 1895 г.

P. S. Изъ предисловія къ 7-му изданію [1]).

Въ то время, какъ заканчивалось печатаніе этой книги, опубликована была благодѣтельная мѣра, которую нельзя не отмѣтить здѣсь съ отраднымъ чувствомъ. Новеллою 2-го февраля 1898 г. вводится ссудъ присяжныхъ въ Астраханской, Олонецкой, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. Давно уже не было такого праздника на улицѣ новаго суда!.. Чтобы оцѣнить все громадное значеніе этой мѣры, достаточно вспомнить, что съ 1882 г. (послѣ открытія Виленскаго округа) остановлено было дальнѣйшее распространеніе суда совѣсти. Всего полтора года тому назадъ введены были въ названныхъ губерніяхъ Судебные Уставы въ полномъ объемѣ, *за исключеніемъ*, однако, лучшаго ихъ украшенія, а именно — суда присяжныхъ. Офиціально оправдывалось это privilegium odiosum, это злополучное изъятіе рѣдкостью населенія и другими „мѣстными“ условіями. Но такъ какъ эти условія ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ сосѣднихъ губерній, гдѣ благополучно дѣйствовалъ судъ присяжныхъ, введенный съ 70-хъ годовъ, то естественно рождалось предположеніе, что рѣшающее значеніе имѣло недовѣріе къ этому институту, особенно усилившееся въ 80-хъ годахъ, благодаря ожесточеннымъ нападкамъ реакціонной печати.

Въ это время, по справедливому замѣчанію А. Ѳ. Кони, заведена была для суда присяжныхъ особая фальсифицированная бухгалтерія, по которой „на страницѣ кредита *умышленно ничего* не писалось, на странницу же дебета вписывался каждый промахъ крупнымъ каллиграфическимъ почеркомъ“. Ненавистники новаго гласнаго и равнаго для всѣхъ суда въ своемъ свирѣпомъ натискѣ на новый судъ, смѣшивая его съ грязью, дошли до того, что даже кровавое событіе 1-го марта ставили ему въ вину. Чуждый всякаго увлеченія либерализмомъ, И. С. Аксаковъ не могъ равнодушно видѣть

---

[1]) Содержаніе предисловія вошло въ составъ статьи о Бѣлинскомъ (см. ниже).

такое наглое попираніе основъ разумнаго правопорядка и съ негодованіемъ говорилъ объ этихъ благонамѣренныхъ панегиристахъ дореформеннаго строя: „Газеты и газетки хоромъ ревутъ на суды: *ату его, ату*! глумятся, ругаютъ, мечутъ въ грязь со свистомъ и хохотомъ весь судебный персоналъ, весь судебный институтъ съ прошлымъ и настоящимъ, какъ будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ“. Указывая далѣе на то, что десятки тысячъ дѣлъ рѣшаются судомъ присяжныхъ съ идеальнымъ безстрастіемъ, честный публицистъ съ умиленіемъ восклицалъ: „Сладкая, благодатная увѣренность... Россія ли отплатитъ за это неблагодарностью!“.. Но голосъ немногихъ защитниковъ суда присяжныхъ заглушался крикливымъ хоромъ монополистовъ благонамѣренности и гражданскаго усердія.

Во многомъ безцеремонныя нападки реакціонной печати возымѣли при Н. А. Манасеинѣ практическія послѣдствія. Изданіе извѣстной Манасеиновской новеллы 12 іюля 1889 г., изъявшей множество дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, было привѣтствовано врагами суда присяжныхъ, какъ признаніе несостоятельности самого института суда присяжныхъ и предвареніе скорой окончательной отмѣны „суда улицы“. Малодушные друзья, какъ обыкновенно водится, постарались во-время „поумнѣть“ и отречься отъ суда присяжныхъ и другихъ основъ правосудія, какъ отъ чужихъ „зловредныхъ либеральныхъ бредней“.

Учрежденіе подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева большой Судебной Коммиссіи и первые шаги ея въ 1895 г. послужили началомъ постепеннаго разсѣянія тумана и террора, распространеннаго врагами новаго суда. Но сумятица въ понятіяхъ была еще такъ велика, что авторъ извѣстнаго труда о судѣ присяжныхъ А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ еще лѣтомъ въ 1896 г. писалъ въ предисловіи: „Чрезвычайная серьезность переживаемаго нами періода русской юридической жизни характеризуется выраженіемъ—за русскій судъ страшно, именно за судъ вообще, а не только за судъ присяжныхъ“. Опубликованіе работъ названной Судебной Коммиссіи, свидѣтельствовавшее о побѣдѣ огромнаго большинства рѣшительныхъ сторонниковъ суда совѣсти надъ горстью враговъ и двусмысленныхъ друзей его, сильно порадовало его почитателей. Вышеупомянутая же новелла 2 февраля знаменуетъ, будемъ надѣяться, окончательную побѣду суда присяжныхъ, который такъ долго держался въ подозрѣніи и въ черномъ тѣлѣ и нападки на который составляли непремѣнную обязанность „благонамѣренной“ публицистики.

Не поучительна ли исторія судебъ этого благого учрежденія, лишній разъ показывающая вредъ малодушнаго отчаянія! Еще въ 1889 г. собирались враги суда присяжныхъ при двусмысленномъ поведеніи неискреннихъ его друзей... похоронить это вредное наваждение либерализма и доктринерства. Немного терпѣнія,—не проходитъ и 10 лѣтъ,— и туманъ начинаетъ разсѣиваться, вѣра въ правду и разумъ русскаго народа береть верхъ и

Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежнею красотою!

По поводу этого скромнаго, но знаменательнаго торжества судебной правды, невольно приходятъ на умъ слова Аксакова:

...Мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду Божью;
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали!..

Такъ и хочется повторить еще разъ сказанное въ предисловіи къ 1-му изданію dum spiro spero,—пока живъ, надѣюсь,—но, конечно, при одномъ условіи: при неустанной и бодрой работѣ всѣхъ, кому дороги завѣты Бѣлинскаго, кому дороги гуманно-освободительные принципы преобразовательной эпохи.

Москва,
Мартъ, 1898 г.

Къ 40-й годовщинѣ смерти Грановскаго.

(1855 г.—4-го октября—1895 г.).

Царилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
Сѣдую вызывая древность,
И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
Къ общественному благу ревность!

Рылѣевъ.

Съ Грановскимъ мнѣ всегда и тепло, и свѣтло.

Бѣлинскій.

Мнѣ кажется, что я могу дѣйствовать именно словомъ. Что такое даръ слова, краснорѣчіе? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убѣжденія. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты.

Грановскій (1838 г.).

Прежде всего человѣчность,—сказалъ Грановскій,—и за одно это слово о немъ никогда не забудутъ въ Россіи.

Проф. П. Виноградовъ.

Когда вслѣдъ за потухавшею кровавою зарею, бросавшею печально-назидательный свѣтъ на развалины Севастополя и обломки стараго крѣпостническаго строя, начинаетъ заниматься надъ Россіею заря возрожденія и всесторонняго обновленія, въ это именно время неожиданно для всѣхъ угасаетъ въ Москвѣ великій свѣтильникъ науки, профессоръ Т. Н. Грановскій, распространявшій вокругъ себя едва мерцающій свѣтъ и теплоту средп окружающаго мрака дикаго, свирѣпаго обскурантизма сороковыхъ годовъ—и тьма его не объятъ! Въ то самое время, какъ этотъ благородный и неодолимый поборникъ свободы и человѣчности, съ завистью смотрѣвшій на смерть

Бѣлинскаго [1]) и почти единолично оборонявшій съ 48 г. противъ все возрастающаго напора торжествующаго мракобѣсія интересы русскаго просвѣщенія,—долженъ былъ, наконецъ, свободно вздохнуть, въ то самое время, когда этотъ пламенный патріотъ, испившій до дна чашу страданій при видѣ разгула хищническихъ поползновеній администраціи и дворянства временъ осады Севастополя [2]), только что завидѣвъ

Зарю святого искупленія,

---

[1]) Уже въ августѣ 1848 г. пишетъ Грановскій Фролову: „Съ каждымъ днемъ чувствую болѣе и болѣе необходимость труда. Жизнь становится тяжела безъ не Сердце бѣднѣетъ, вѣрованія и надежды уходятъ. Подчасъ глубоко завидую Бѣлинскому, во-время ушедшему отсюда. Скучно жить, Фроловъ! Если бы не жена...“ Въ разгаръ потерявшей голову реакціи 40-хъ годовъ (см. ниже главу XXV § Тихонравовъ), думавшей сначала закрыть всѣ университеты и кончившей установленіемъ комплекта студентовъ въ 300 человѣкъ, Грановскій писалъ: „Есть отчего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на все происходящее—когда же развалится этотъ міръ... Я рѣшился не итти въ отставку и ждать на мѣстѣ совершенія судьбы. Кое-что можно дѣлать, пусть выгоняютъ сами“. См. Т. Н. Грановскій—біографическій очеркъ А. Станкевича. М. 1869 г., ст. 237, 239.

[2]) Пораженный беззастѣнчивыми хищеніями администраціи, Грановскій пишетъ съ юга 19-го сентября 1855 г.: „еще годъ войны, и вся южная Россія разорен надобно самому съѣздить да посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Когда правительство требуетъ рубль, мѣстное начальство распорядится такъ, что заставитъ народъ заплатить втрое, и все это безсмысленно и подло“. Не лучшіе порядки засталъ онъ и въ Москвѣ въ передовомъ дворянскомъ сословіи. Изъ Москвы онъ писалъ: „трудно себѣ представить что-нибудь болѣе отвратительное и печальное. Я не признавалъ большого патріотизма и благородства въ русскомъ дворянствѣ, но то, что я слышалъ, далеко превзошло мои предположенія. Богатые или достаточные дворяне безъ зазрѣнія совѣсти откупались отъ выборовъ; кандидаты въ должности начальниковъ дружинъ еще до избранія проповѣдывали о необходимости предоставить начальникамъ ополченія *обмундировку* ратниковъ и не скрывали своихъ видовъ на *поправленіе* обстоятельствъ, и при этомъ такая тупость, такое отсутствіе понятія о чести“. Единственно, что утѣшало Грановскаго среди оргіи „благонамѣреннаго казнокрадства“, это встрѣча съ бывшими его слушателями въ составѣ нижегородскаго ополченія. Онъ узналъ отъ нихъ, что „ни одинъ изъ воспитанниковъ Московскаго университета *не уклонился* отъ выборовъ; *всѣ* пошли, зато другіе смѣялись надъ ними“. „Я гордился въ эту минуту,—добавляетъ Грановскій,—званіемъ профессора Московскаго университета“. См. н. біогр. очерк. 282, 292. Вотъ каковы оказались плоды тѣхъ „развращающихъ лекцій“ западническаго направленія, на которыя писали доносы „патріоты своего отечества“, факультетскіе товарищи Грановскаго изъ славянофильскаго лагеря. Въ одномъ „патріотическомъ“ посланіи въ стихахъ, появившемся въ Москвѣ, прямо говорилось, что противники славянофиловъ: „измѣнники отечества, а Грановскій—человѣкъ, растлѣвающій юношей своимъ ученіемъ“. Тамъ же, 141.

съ юношескимъ жаромъ готовился къ энергичному участію [1]) въ великомъ дѣлѣ искупленія безчисленныхъ грѣховъ предшествовавшей эпохи,—въ это самое время внезапно порвалась нить этой драгоцѣнной для мыслящей Россіи жизни.

Грановскому не дано было вымолвить завѣтное: „нынѣ отпущаеши“! и онъ, какъ сказалъ 4-го октября 95 г. на его могилѣ студентъ Ковалевскій въ своихъ прочувствованныхъ стихахъ:

... кончилъ свой тернистый путь
На утрѣ новой русской жизни,
И не успѣлъ онъ отдохнуть
Въ своей избавленной отчизнѣ.

Рѣдко чья смерть вызывала столько искренняго, жгучаго общественнаго горя, какъ разнесшаяся по Москвѣ 4-го октября 55 г. вѣсть о кончинѣ Грановскаго, котораго наканунѣ еще видѣли бодрымъ и близкимъ къ полному выздоровленію [2]), и исчезновеніе котораго въ особенности въ такую критическую пору русской общественности, образовало невосполнимую нравственную пустоту не только для университета, но и для всего русскаго общества.

Грановскій былъ первоклассный историкъ своего времени [3]). Но бывали въ Россіи историки, не менѣе ученые и до, и послѣ Грановскаго; въ чемъ же секретъ того огромнаго нравственнаго вліянія, того безпримѣрнаго нравственнаго авторитета, которымъ пользовался Грановскій не только у боготворившей его университетской молодежи, но и среди разнообразныхъ слоевъ русскаго образованнаго общества, и которымъ импонировалъ даже недовольному [4]) имъ за вольнодумство учебному начальству? Секретъ такого рѣдкаго небывалаго нравственнаго обаянія личности ученаго, которая не-

---

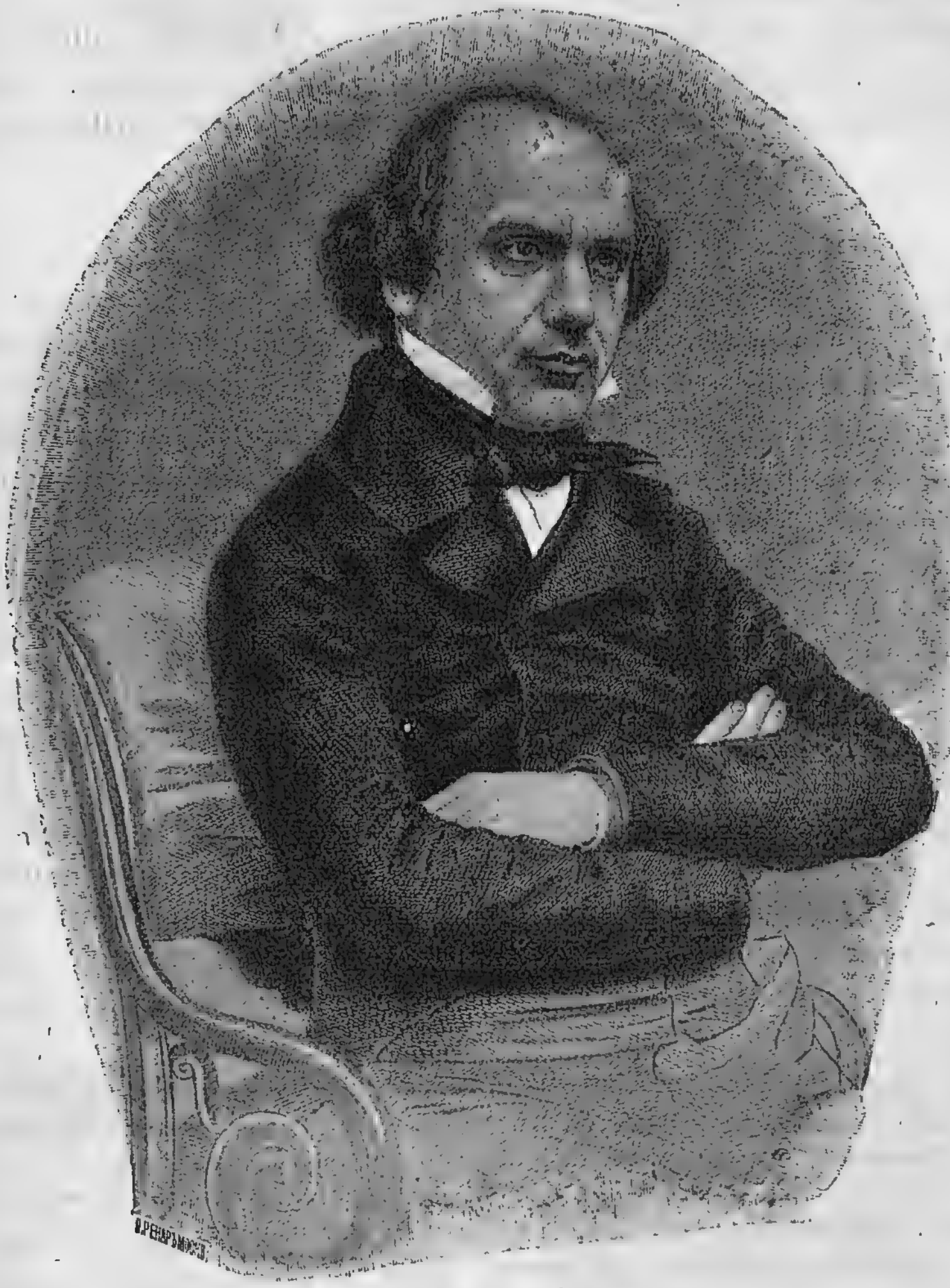
[1]) Чуя своимъ тонкимъ историческимъ провидѣніемъ предстоящее обновленіе Россіи, Грановскій вырабатывалъ планъ самыхъ разнообразныхъ научно-литературныхъ начинаній: „я чувствую себя такимъ бодрымъ,—говорилъ онъ лѣтомъ 1855 г.,—какимъ давно не былъ, въ такомъ настроеніи, въ какомъ бывалъ обыкновенно предъ coup-de-tête. Они всегда удавались и теперь готовъ на coup-de-tête, который совершенно измѣнитъ мою жизнь“. Тамъ же, 287.

[2]) Еще утромъ 4-го октября Грановскій читалъ Перренса Jerome Savanarole и говорилъ о предстоящемъ курсѣ публичныхъ лекцій. Тамъ же, 298.

[3]) См. отзывъ проф. Виноградова въ статьѣ его въ „*Русской Мысли*“ (1893 г. апрѣль), выдвигающій главнымъ образомъ способность Грановскаго къ синтезу (стр. 44—45).

[4]) Грановскій если не разубѣдилъ, то остановилъ попытку вандала кн. Ширинскаго-Шахматова, изгнавшаго изъ гимназій классическіе языки и проектировавшаго такой учебникъ исторіи, который, между прочимъ, долженъ былъ исключить весь республиканскій періодъ исторіи Рима. Тамъ же, 248 - 249.

вольно исторгала дань уваженія даже и у извѣстнаго своими сыскными наклонностями черстваго обскуранта [1]) министра народн. просв. кн. Ширинскаго-Шахматова,—въ отрѣшенности Грановскаго



Грановскій.

отъ соображеній личной карьеры, въ фанатической преданности его интересамъ науки и человѣчности и въ беззавѣтномъ служеніи своему народу.

---

[1]) Никитенко называетъ управленіе Ширинскаго мин. народнаго просвѣщенія „омрачающимъ“ (см. ниже гл. IV прим.).

Что бы ни говорили преуспѣвающіе „дѣльцы“ приспособляющейся „сноровистой науки“ [1]), невозможно пріобрѣсти и сохранить прочную популярность среди строгой ко всякаго рода фальши, неискренности и угодливости учащейся молодежи безъ прочныхъ нравственныхъ устоевъ, безъ благоговѣйной преданности той безкорыстной, правдолюбивой наукѣ, которая, по прекрасному выраженію соратника Грановскаго, профес. Рѣдкина, „служитъ эгидою правды противъ неправды, щитомъ для беззащитныхъ, орудіемъ в ободы для несвободныхъ“. Отсутствіе такой безкорыстной преданности чистымъ цѣлямъ науки невозможно маскировать долгое время ни тяжелою артиллеріею солидной эрудиціи, ни блестками безпринципной игры остроумія, ни цвѣтами бойкоигриваго краснорѣчія. Правдивость была преобладающею чертою этого „чистаго, какъ солнечный лучъ“, по характеристикѣ благонамѣреннаго Никитенко, Грановскаго, и эта правдивость была лучшею „политикою“ [2]) для него, какъ въ сношеніяхъ со студентами, такъ и при частыхъ столкно-

---

[1]) См. ниже гл. IV.

[2]) Послѣ шумной овоціи, устроенной 21-го февраля 1845 г. студентами во время защиты Грановскимъ магистерской диссертаціи и раздутой его врагами славянофилами проф. Давыдовымъ, Шевыревымъ и Бодянскимъ въ бунтъ, Грановскій обратился къ студентамъ съ воззваніемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Мм. гг., благодарю за тотъ пріемъ, которымъ вы почтили меня 21 февраля. Онъ меня еще болѣе привязалъ къ университету и къ вамъ. Въ этотъ день я получилъ самую благородную и самую драгоцѣнную награду, которую только могъ ожидать преподаватель. Теперь отношенія наши уяснились; поэтому я думаю, мм. гг., что впредь внѣшнія изліянія вашихъ чувствъ будутъ излишни, точно такъ, какъ между двумя старинными друзьями излишни новыя увѣренія въ дружбѣ. Теперь эти рукоплесканія могутъ только обратить на насъ вниманіе. Я прошу васъ, мм. гг., не перетолковывать этихъ словъ въ дурную сторону. Я говорю ихъ не изъ страха за себя, даже не изъ страха за васъ. Мм. гг., я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе *разумныя*, болѣе достойныя и меня, и васъ. Мы, равно и вы, и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго жизнь и будущность. И вамъ, и мнѣ, предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи, Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи, идущей впередъ и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей формамъ безъ всякаго внутренняго содержанія,—и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Россію, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняющихся предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ праздными воображеніемъ. Побережемъ же себя на великое служеніе! Въ заключеніе скажу вамъ, мм. гг., что гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, если кто-нибудь изъ васъ придетъ ко мнѣ во имя 21 февраля, то найдетъ во мнѣ признательнаго и благодарнаго брата“. Тамъ же, 147.

веніяхъ съ начальствомъ, вызываемыхъ добрыми усиліями факультетскихъ сикофантовъ-наушниковъ.

Чтобы оцѣнить вполнѣ тактъ и стойкость Грановскаго, нужно припомнить тѣ невозможныя условія, въ которыя поставлена была каѳедра исторіи въ 40-хъ годахъ. Официально предписывалось исторію реформаціи и французской революціи излагать не иначе, какъ съ точки зрѣнія католицизма, опускать всю римскую исторію до императовъ и т. п. [1]). Даже въ невинной докторской диссертаціи Грановскаго, въ Аббатѣ Сугеріѣ, начальство, просвѣщаемое учеными доносчиками, ухитрилось найти опасныя мѣста [2]), а о содержаніи своихъ лекцій Грановскому приходилось объясняться не только съ администраціею, но и съ духовною властью [3]).

Припоминая эти невыносимыя условія, Салтыковъ, какъ извѣстно вообще чуждый излишней лирической экспансивности и сантиментальности, не могъ однако говорить безъ умиленія о геройскомъ служеніи безстрашнаго витязя науки Грановскаго. Характеризуя время Грановскаго и Бѣлинскаго, Салтыковъ писалъ: „то было время, когда слово служило не естественною формою для выраженія человѣческой мысли, а какъ бы покровомъ, сквозь который неполно и словно намеками свѣтились очертанія этой мысли, и чѣмъ хитрѣе, чѣмъ запутаннѣе сплетенъ былъ этотъ покровъ, тѣмъ скорбнѣе, тѣмъ нетерпѣливѣе трепетала подъ нимъ полная мощи мысль, и тѣмъ горячѣе отдавалось ея эхо въ молодыхъ душахъ читателей и слушателей. То было время, когда мысль должна была оговариваться и лукавить, когда она тысячу разъ вынуждена была окунуться въ помоіиныхъ ямахъ житеіскаго базара, чтобы *выстрадать* себѣ право хоть на мгновеніе возсіять надъ міромъ лучомъ надежды, лучомъ грядущаго обновленія. И, стало быть, *крѣпки* были эти люди, если и при такоіи обстановкѣ не изолгались, не измелочнились, не сдѣлались *отступниками*“ [4])!

Эта выстраданная, затаенная мысль, эта сдержанная, но неустанная проповѣдь о служеніи долгу, идеаламъ и благу народа запе-

---

[1]) „Реформація и революція, писалъ Грановскій Кетчеру, должны быть излагаемы съ католической точки зрѣнія и какъ шаги назадъ. Что-нибудь кроется подъ этимъ Полагаю, что наушничаетъ (проф.) Давыдовъ“. Тамъ же, 142.

[2]) Невинная книга о министрѣ Людовика Толстаго, а также лекціи Грановскаго, сдѣлались предметомъ доноса. Доносчикъ ставилъ ему въ вину, что онъ не упоминаетъ о волѣ и рукѣ Божіей. По поводу этого доноса Грановскій долженъ былъ объясниться съ митрополитомъ Филаретомъ. Тамъ же, стр. 241.

[3]) Бесѣда изложена на стр. 242. Тамъ же.

[4]) Салтыковъ.—Сочин. II, 145.

чатлѣна была такою неотразимою силою неподкупнаго страстнаго убѣжденія, такою силою „магнетическаго демонизма“, по выраженію Герцена, которая невольно передается отъ оратора къ слушателю, отъ писателя къ читателю [1]). Это духовно-мощное и, несмотря на всѣ путы, все-таки „свободное слово“, безъ устали борющееся за свободу, разумъ и человѣчность, внушило К. С. Аксакову его дивный привѣтъ „свободному слову“:

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты человѣчества знамя,
Ты гонишь невѣжество, ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!

А что касается краснорѣчія, внѣшней формы, то за нею никогда не гонялся Грановскій, у котораго вдобавокъ былъ даже недостатокъ въ произношеніи [2]). Форма сама собою давалась ему, какъ естественное выраженіе его серьезно обдуманныхъ и глубоко прочувствованныхъ честныхъ мыслей гражданина и пламенныхъ убѣжденій ученаго. „Что такое даръ слова, краснорѣчіе?—писалъ Грановскій еще въ 1838 г. въ періодъ приготовленія къ профессурѣ,—у меня *есть* оно, потому что у меня есть *теплая душа и убѣжденія*, я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты“ [3]).

Эта же теплая душа дала Грановскому силы принесть на пользу ближняго величайшую, по справедливому замѣчанію Н. Г. Чернышевскаго, изъ жертвъ, какая только возможна для ученаго спеціа-

---

[1]) См. главу IV.

[2]) У Грановскаго была слабая грудь, и онъ шепелявилъ (см. н. біогр. очеркъ 101, 119).

[3]) Тамъ же, 86. „Меня обвиняютъ въ томъ,—писалъ по поводу упрековъ славянофиловъ Грановскій,—что исторія служитъ мнѣ только для высказыванія моего воззрѣнія. Это отчасти справедливо: я, имѣя *убѣжденія*, и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; если бы я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы передъ вами, для того, чтобы разсказывать больше или меньше занимательно рядъ событій“, тамъ же, 139. Лекціи Грановскаго были исторіей *ad probandum* для привитія извѣстныхъ убѣжденій, и онъ наотрѣзъ отказался читать исторію *ad narrandum*, исторію въ видѣ занимательныхъ разсказовъ для услажденія послѣобѣденнаго отдыха скучающихъ московскихъ баръ и барынь. „Недавно мнѣ предложили,—пишетъ Грановскій,—читать курсъ исторіи для дамъ. Я отказался такъ, что впредь не предложатъ. У меня вовсе нѣтъ охоты разгонять скуку и забавлять праздность этого народа“, тамъ же, 105.

листа, человѣка науки [1]). Первоклассный ученый вмѣсто того, чтобы отдаться своему естественному влеченію и, не покидая высшихъ областей науки, сдѣлать себѣ крупное имя въ ней, Грановскій весь отдается на служеніе интересамъ своей отсталой и одичалой родины [2]), на то, чтобы сдѣлать достояніемъ рабовладѣльческаго русскаго общества азбучныя истины гуманности и европейской науки и тѣмъ вывести его изъ состоянія самодовольной косности; чтобы очистить и приготовить почву для освобожденія народа отъ проказы ненавистнаго крѣпостного права [3]), считавшагося не только обскурантами, но и славянофилами священною основою самобытнаго русскаго государственнаго строя.

И вотъ, когда наступила благодатная пора освобожденія и обновленія Россіи, этотъ усталый боецъ и безсмѣнный знаменосецъ свободы и человѣчности сходитъ съ арены, какъ старый рыцарь любимой его поэмы Rosenkranz, не получивъ заслуженной награды, но оплаканный горячими, искренними слезами, о которыхъ могутъ дать понятіе слѣдующія строки дневника профессора и цензора Никитенко: „Боже мой, какое горе, — писалъ Никитенко 7-го октября

---

[1]) См. Чернышевскій. „Замѣтки о современной литературѣ“, 331. Отношенія науки къ публикѣ Грановскій опредѣлялъ такъ: Наука строгая, но въ формѣ, доступной каждому истинно образованному человѣку. Педантскія разсужденіи о подробностяхъ вонъ! Распространраненіе Humanität (человѣчность)—вотъ цѣль“; см. н. біогр. оч., 179.

[2]) Симпатичные, но недальновидные „альтруисты“ нашего времени, воздвигшіе гоненіе на науку во имя личнаго усовершенствованія, могли бы хотя бы на примѣрѣ Грановскаго видѣть, что преданность наукѣ вполнѣ совмѣстима съ самымъ живымъ служеніемъ благу ближняго, что истинно историческое отношеніе къ дѣлу требуетъ, по его ученію, симпатіи даже къ отдаленнымъ эпохамъ исторіи, даже къ отдаленнымъ иноплеменникамъ. Правда, еще Шлецеръ, говоря о вліяніи отдѣльныхъ наукъ на просвѣщеніе народовъ, высказалъ, что можно представить себѣ цѣлый народъ отличныхъ математиковъ, погруженный въ варварство. Грановскій говорилъ то же самое и про естествознаніе, допуская существованіе народа натуралистовъ безъ высшихъ опредѣленныхъ и твердыхъ понятій о добрѣ и злѣ (н. соч. Станкевича, 279). Но вѣдь это доказываетъ только вредъ чрезмѣрной педантической спеціализаціи, но нельзя же изъ-за нея возставать противъ науки, безъ которой немыслимо ни личное, ни общественное усовершенствованіе въ наше время.

[3]) Когда въ лекціяхъ приходилось упоминать объ улучшеніи положенія рабовъ и о расширеніи ихъ правъ, Грановскій съ умиленіемъ отмѣчалъ такія побѣды человѣчности. Въ Вѣнѣ и въ одномъ салонѣ пришлось Грановскому имѣть стычку съ одною аристократкою. Со словъ одной русской помѣщицы она увѣряла, что русскіе крѣпостные очень счастливы и не чувствуютъ никакого желанія другой участи, „Мнѣ стало досадно, слушая это,—писалъ Грановскій Фролову:—я заспорилъ, разгорячился и, кажется, разыгралъ пресмѣшную роль“, тамъ же, 87.

1855 г.,—какая потеря для *науки*, для *мысли*, для всего *высокаго* и *прекраснаго*: Грановскій умеръ! Это былъ въ нашемъ ученомъ сословіи человѣкъ, котораго можно было уважать, въ правоту ума и сердца котораго можно было вѣрить *безусловно*; онъ былъ чистъ, какъ *лучъ солнца*, отъ всякой скверны нашей общественности. Это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека“ [1])...

Подъ такимъ лучезарнымъ ореоломъ перейдетъ и въ исторію имя этого благороднаго, но опальнаго вдохновителя нѣсколькихъ поколѣній студентовъ, этого истиннаго патріота-наставника, воспитавшаго тѣхъ гуманныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи, появленіе коихъ въ 60-хъ годахъ на общественной сценѣ было столь-же неожиданнымъ, сколько и отраднымъ явленіемъ. Судъ исторіи воздастъ должное за тѣ многочисленныя страданія, огорченія, козни противъ Грановскаго, на которыя были такъ щедры отравившіе ему жизнь и сведшіе его въ преждевременную могилу тупые „самобытники“, а также закоснѣлые враги русскаго просвѣщенія [2]), такъ долго и неумолимо гнавшіе:

Его свободный, чудный даръ.

Въ реальность суда исторіи глубоко вѣрилъ Грановскій. „Въ возможности такого суда, какъ писалъ авторъ Аббата Сугерія, есть нѣчто глубоко утѣшительное; мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнію“.

---

[1]) „Дневникъ“ II, 71,

[2]) Жалуясь безпрестанно на доносы, Грановскій писалъ: „Остервененіе славянъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, они ругаютъ меня и за то, что я говорю, и за то, о чемъ умалчиваю. Я читаю исторію Запада, а они говорятъ: зачѣмъ онъ не говоритъ о Россіи?“ „Вы лучше другихъ знаете,—пишетъ Грановскій Керчеру,—какіе тяжелые припадки тоски бываютъ у меня. Я борюсь съ ними, но обыкновенно уступаю. Я ищу разъсѣянія въ винѣ, въ картахъ, чортъ знаетъ въ чемъ... Когда же поймутъ, что человѣку нельзя серьезно помириться съ мыслью о погибшемъ своемъ существованіи, что эта мысль, временно подавленная, безпрерывно грызетъ его“, тамъ же, 253.

Бѣлинскій и эпоха реформъ.

Въ наше время надобно мертвыхъ ставить на ноги, чтобы напугать и усовѣстить живую наглость и отучить отъ нея ротозѣевъ, которые ей дивятся съ колѣнопреклоненіемъ.

Кн. П. А. Вяземскій.

Есть имена, которыя слѣдуетъ произносить не иначе, какъ съ непокрытою головой. Есть писатели, жизнь и творенія конхъ такъ чисты и возвышенны, такъ благородны и назидательны, что чѣмъ ближе съ ними знакомишься, тѣмъ болѣе проникаешься къ нимъ уваженіемъ, удивленіемъ, почти благоговѣніемъ. Къ числу такихъ немногихъ дорогихъ для всякаго мыслящаго человѣка свѣтлыхъ, скажемъ больше, святыхъ именъ принадлежитъ и имя Виссаріона Бѣлинскаго, этого недоучившагося студента Московскаго университета, впослѣдствіи ставшаго не только великимъ судьею для русскихъ писателей, но и авторитетнымъ руководителемъ ихъ, образцомъ безтрепетнаго гражданскаго служенія своему народу и „властителемъ думъ“ нѣсколькихъ поколѣній, въ томъ числѣ того, которое двигало эпоху великихъ реформъ.

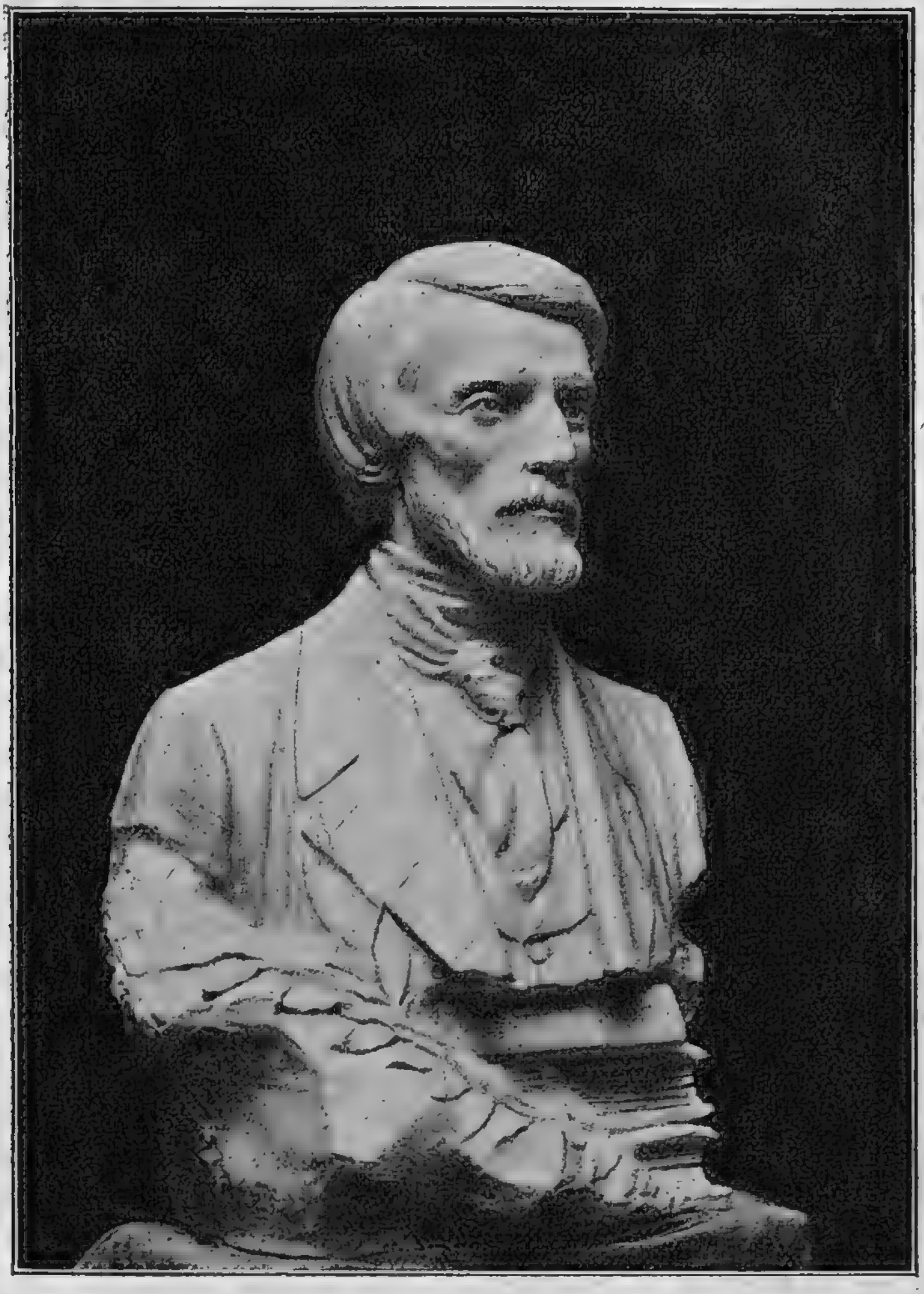
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Дозволь смиренно преклонить колѣни!

гласитъ Некрасовскій стихъ.

Много нужно было, чтобы у сдержанной „музы мести и печали“ вырвать такія пламенныя строки безпредѣльнаго благоговѣнія, и только одинъ Бѣлинскій могъ такъ растрогать самаго сдержаннаго сына „сдержаннаго племени“...

Не только исчерпать, но и затронуть невозможно въ отмежеванное мнѣ время всѣ стороны нравственнаго воздѣйствія Бѣлинскаго на русское общество. Я имѣю въ виду только отмѣтить въ двухъ-трехъ словахъ значеніе „учительства“ его для эпохи великихъ реформъ.

И друзья, и враги отдаютъ справедливость необыкновенной искренности Бѣлинскаго, его отзывчивости и пламенному увлеченію предметами своего мышленія и поклоненія. Когда, во время одного изъ безконечныхъ споровъ „взалкалъ“ доведенный до изне-



Бѣлинскій.

моженія Тургеневъ, Бѣлинскій съ нескрываемою гадливостью къ его слабостямъ воскликнулъ: „Мы еще не рѣшили вопроса о существованіи Бога, а вы хотите ѣсть“ [1]). Человѣкъ такого темпе-

---

[1]) Передавъ эти слова, Тургеневъ продолжаетъ: „Сознаюсь, что, написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку

рамента, такого алчущаго правды сердца не могъ одѣться въ броню высокомѣрнаго равнодушія по отношенію къ практическимъ вопросамъ жизни, не могъ предаваться самодовольному квіетизму философствующихъ Панглоссовъ. Даже въ періодъ наибольшаго увлеченія гегельянствомъ, однажды и навсегда давшимъ верховную санкцію всѣмъ существующимъ безобразіямъ, Бѣлинскій не вполнѣ поддался гипнозу его всеоправдывающеі философіи. Одно существованіе крѣпостного права вбивало такой всесокрушающій клинъ въ гегелевскую формулу „все обстоитъ благополучно“, что умы-наименѣе наклонные къ анализу и скептицизму, невольно задумывались надъ окружающею дѣйствительностью. Съ переѣздомъ въ Петербургъ [1]), гдѣ и жизнь, и мысль общественная, какъ видно изъ переписки Бѣлинскаго съ невѣстой, были менѣе скованы путами старыхъ предразсудковъ и гегельянскою барскою кружковщиной, подъ высокопарными кунстштюками метафизической діалектики, утратившей смыслъ жизни и пониманіе ея потребностей — Бѣлинскій все глубже и глубже сталъ вдумываться въ окружающую дѣйствительность.

Онъ скоро прозрѣлъ и, не умѣя ничего дѣлать наполовину, съ мужественною рѣшимостью предалъ анаѳемѣ то, чему только что поклонялся всѣмъ сердцемъ. Нужно читать его письма этого періода (начало сороковыхъ годовъ), чтобы видѣть охватившее его, словно Фауста послѣ вызова духа земли, бурное преклоненіе предъ требованіями земли, даннаго времени, отдѣльной личности, которымъ онъ теперь обуреваемъ.

Въ одномъ изъ обширныхъ своихъ писемъ-трактатовъ такъ разъясняетъ онъ, съ обычною своею страстностью и рельефностью, В. П. Боткину сущность современнаго своего настроенія и происшедшаго переворота:

„Ты будешь надо мною смѣяться; но смѣйся, какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности *важнѣе* судебъ всего міра... Мнѣ говорятъ: развивай все сокровище своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, а споткнешься, падай, чортъ съ тобою, — таковскій и былъ с.....Благодарю покорно, Егоръ Ѳе-

---

на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, *какъ* Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если, при воспоминаніи объ этой небоязни смѣшного, улыбка можетъ придти на уста, то развѣ улыбка умиленія и удивленія“.

[1]) „Москва погубила меня,—пишетъ передъ отъѣздомъ Бѣлинскій Панаеву,—въ ней нечѣмъ жить и нечего дѣлать, и нельзя дѣлать, а разстаться съ нею—тяжелый опытъ“.

доровичъ (Гегель)—кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу *счастія и даромъ*, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови. Говорятъ, что дисгармонія—это условіе гармоніи; можетъ быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но никакъ не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи".

Нужна была именно такая безграничная любовь къ ближнему, такая пламенная вѣра въ „званіе человѣка", въ достоинство личности, чтобы сколько-нибудь расшевелить умы и сердца въ странѣ, про которую Пушкинъ писалъ:

Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльцевъ,
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя.

Скорбь объ этомъ отвратительномъ недугѣ стараго русскаго строя еще со студенческой скамьи не давала покоя Бѣлинскому. Еще въ юношеской своей драмѣ „Калининъ", аттестованной московскою цензурой „безчестною и позорящею университетъ", онъ далъ свою Аннибалову клятву бороться изо-всѣхъ силъ съ рабствомъ народа. И онъ остался вѣренъ своей клятвѣ почти до послѣдняго вздоха.

Съ замираніемъ сердца онъ слѣдилъ за неоднократно возникавшими, но безплодными попытками Николая I возвратить воровски похищенную, по его собственной характеристикѣ, у народа свободу, и со всею отвагой своего мощнаго слова и „великаго сердца" онъ накидывался на всякаго,—кто бы онъ ни былъ,—разъ онъ выступалъ защитникомъ рабства народа. Ради горячо любимаго народа онъ даже не остановился предъ тѣмъ, чтобы развѣнчать и разбить свой кумиръ—Гоголя, когда тотъ выступилъ въ „Перепискѣ" поборникомъ крѣпостного права. — „Неумытое рыло"—этого выраженія не могъ Бѣлинскій простить даже своему любимцу, своему дѣтищу—Гоголю. Высоко цѣня его, еще выше онъ ставилъ свободу

русскаго народа. Въ знаменитомъ письмѣ 1847 г. (изъ Зальцбрунна), написанномъ, по выраженію Берне, „кровью сердца и сокомъ нервовъ“, Бѣлинскій ставитъ на видъ Гоголю: „Вмѣсто того, чтобы учить, во имя Христа и церкви, варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ *неумытыми рылами*, вы написали бы ему, что такъ какъ его крестьяне—его братья о Христѣ и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать ему свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ ложномъ отношеніи къ ихъ положенію. А выраженіе: „ахъ ты неумытое рыло!“... Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому и не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, себя не считаютъ за людей... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панигеристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездной!.. Христа-то зачѣмъ примѣшали тутъ! Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства, и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія“.

Послѣдній разъ затрагиваетъ Бѣлинскій крестьянскій вопросъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти. Вернувшись осенью 1847 г. изъ-за границы въ Петербургъ, онъ узнаетъ о новой попыткѣ Николая I разрѣшить этотъ роковой вопросъ. Радостно потрясенный, другъ народа пишетъ въ декабрѣ 1847 г. длиннѣйшее письмо съ „вѣрною оказіею“ П. В. Анненкову, жившему за-границею: „Тотчасъ по пріѣздѣ услышалъ я, что въ правительствѣ нашемъ происходитъ большое движеніе по вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права. Государь Императоръ вновь и съ большою энергіей изъявилъ свою *рѣшительную волю* касательно этого великаго вопроса. Разумѣется, тѣмъ болѣе рѣшительной воли и искусства обнаружили окружающіе его *отцы отечества*, чтобы отвлечь его волю отъ крайне непріятнаго имъ предмета. Искренно раздѣляетъ желаніе Государя Императора *только одинъ* Киселевъ; самый рѣшительный и, къ несчастію, самый умный и знающій дѣло противникъ этой мысли — Меньшиковъ“ (какъ извѣстно, онъ и впослѣдствіи, при освобожденіи крестьянъ, остался ярымъ крѣпостникомъ). „Перовскій, который въ душѣ своей былъ противъ освобожденія крестьянъ, — продолжаетъ Бѣлинскій,—объявилъ себя за освобожденіе. Все зависитъ отъ воли Государя Императора, а она *рѣшительна*. Вы знаете, что послѣ выборовъ назначается обыкновенно двое депутатовъ отъ дворянства,

чтобы благодарить Государя Императора за продолженіе дарованныхъ дворянству правъ, и вы знаете, что въ настоящее царствованіе эти депутаты никогда не были допускаемы. Теперь вдругъ велѣно смоленскимъ депутатамъ явиться въ Питеръ. Государь Императоръ милостиво принялъ ихъ и сказалъ слѣдующую рѣчь: „Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ихъ нашею кровью, пролитою за государство, *но я не понимаю*, какимъ образомъ *человѣкъ сдѣлался вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе—какъ *хитростью и обманомъ*, съ одной стороны, и *невѣжествомъ* — съ другой [1]). Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ *отняли*. Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности“... Конечно, несмотря на все,—грустно заканчиваетъ Бѣлинскій, хорошо знавшій силу бюрократіи, — дѣло опять затихнетъ. *Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага*, окружающіе Государя Императора, утомятъ его проволочками, серединными, неудовлетворительными рѣшеніями, разными препятствіями, истинными и вымышленными, потомъ воспользуются маневрами или чѣмъ-нибудь подобнымъ и отклонятъ его вниманіе отъ вопроса, и онъ останется нерѣшеннымъ при такомъ Монархѣ, который одинъ по своей мудрости и твердой волѣ способенъ рѣшить его. Но тогда онъ рѣшится самъ собою, въ тысячу разъ болѣе непріятнымъ для русскаго дворянства способомъ. Крестьяне сильно возбуждены, *спятъ и видятъ освобожденіе*... Когда масса спитъ, дѣлайте что хотите—все будетъ по-вашему, но когда она проснется, не дремлите сами, а то быть худу“.

Не суждено было великому поборнику народной воли дождаться радостнаго дня паденія рабства. Опасеніе Бѣлинскаго насчетъ стараній высшихъ сферъ затушить крестьянскій вопросъ вполнѣ оправдалось и даже въ очень скоромъ времени. Уже 15 февраля 48-го года Бѣлинскій пишетъ Анненкову: „Крестьянское дѣло идетъ, *но не двигается впередъ*“, а немного спустя крѣпостники, ловко воспользовавшись революціоннымъ движеніемъ 48 года, настроили Николая I такъ, что сторонники освобожденія крестьянъ стали третироваться, какъ враги государственнаго порядка, и въ рѣчи, обращенной Николаемъ I къ петербургскому дворянству, „онъ призывалъ дворянъ

---

[1]) См. „П. В. Анненковъ и его друзья“, стр. 599 и слѣд.

на борьбу съ „внутренними врагами“, объявивъ самые слухи объ освобожденіи крестьянъ *нелѣпыми*“ [1]).

Приведенное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю заключаетъ въ себѣ также драгоцѣнныя указанія на то, какъ трезво и отчетливо ставилъ онъ задачи современной общественной жизни, разрѣшеніе коихъ стало возможнымъ въ благодатную эпоху великихъ реформъ. Просвѣщеніе, гуманность, возвышеніе человѣческаго достоинства, гарантіи личности и укрѣпленіе законности—вотъ принципы, проповѣдуемые Бѣлинскимъ и легшіе въ основу реформъ 60-хъ годовъ.

„Вы не замѣтили,— пишетъ онъ Гоголю,— что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди,—довольно она слушала ихъ,—а пробужденіе въ народѣ чувства *человѣческаго достоинства*, столько вѣковъ попираемаго въ грязи и навозѣ; *права и законы*, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое, по возможности, *исполненіе ихъ*. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стёпками, Палашками; страны, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ чиновъ... Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: *уничтоженіе крѣпостного права*, ослабленіе *тѣлеснаго наказанія*, введеніе, по возможности, строгаго *исполненія* хотя бы тѣхъ *законовъ*, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами, и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ ея апатическомъ полуснѣ... и въ это время великій писатель является съ книгой, въ которой учитъ, во имя Христа и церкви, варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ *неумытыми рылами*...“

Изъ этихъ словъ явствуетъ, что Бѣлинскій, помимо отмѣны крѣпостного права, отчетливо представлялъ себѣ и другія черты преобразовательной эпохи.

Но главное значенье „учительства“ Бѣлинскаго — въ его проповѣди гуманности и просвѣщенія. Онъ оказалъ громадное воспи-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упразд. крѣп. права“, т. I, 77.

тательное вліяніе какъ на свое поколѣнье, вынесшее на своихъ плечахъ всю законодательную выработку и практическое приложеніе реформъ 60-хъ годовъ, такъ и на литературу и публицистику, воспитавшую позднѣйшее поколѣніе дѣятелей эпохи возрожденія.

Недаромъ Некрасовъ сказалъ о Бѣлинскомъ:

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ.

Да и одинъ ли Некрасовъ испыталъ на себѣ облагораживающее дѣйствіе личности и слова Бѣлинскаго? „Образъ Бѣлинскаго я ношу въ душѣ своей, какъ *святыню*“, писалъ Кавелинъ. Хорошо извѣстно, какъ благоговѣйно чтилъ память Бѣлинскаго Тургеневъ, пожелавшій покоиться на Волковомъ кладбищѣ въ ногахъ своего „учителя“. Всѣхъ славныхъ именъ учениковъ Бѣлинскаго и не перечесть. Укажемъ еще на одно только. Суровый, иногда желчный художникъ, Салтыковъ, и тотъ приходилъ въ умиленіе и впадалъ въ лиризмъ, когда вспоминалъ время Бѣлинскаго, время,

Когда въ отвѣтъ стенаніямъ народа
Мысль русская стонала въ полутонъ.

„Невольнымъ образомъ,—писалъ Салтыковъ,—мысленно переноситесь къ временамъ вашей юности, къ тѣмъ золотымъ временамъ, когда съ каѳедры къ вамъ обращалась живая рѣчь, если не самого Грановскаго, то одного изъ учениковъ его, вызывая къ дѣятельности благороднѣйшіе инстинкты души, когда съ иной, болѣе обширной каѳедры лилось къ вамъ полное страсти слово Бѣлинскаго, волнуя и утѣшая васъ и наполняя сердца ваши скорбью и негодованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая цѣль для вашихъ стремленій... Да, замѣчательное было это время, когда слово служило не естественною формой для выраженія человѣческой мысли, а какъ бы покровомъ, сквозь который неполно и словно намеками свѣтились очертанія этой мысли; и чѣмъ хитрѣе, чѣмъ запутаннѣе сплетенъ былъ этотъ покровъ, тѣмъ скорбнѣе, тѣмъ нетерпѣливѣе трепетала подъ нимъ полная мощи мысль, и тѣмъ горячѣе отдавалось ея эхо въ молодыхъ душахъ читателей и слушателей! То было время, когда мысль должна была оговариваться и лукавить, когда она тысячу разъ вынуждена была окунуться въ помоїйныхъ ямахъ житейскаго базара, чтобы выстрадать себѣ право хотя однажды хотя на мгновеніе засіять надъ міромъ лучомъ надежды, лучомъ грядущаго обно-

вленія! И, стало быть, крѣпки были эти люди, если и при такой обстановкѣ они не изолгались, не сдѣлались отступниками“ [1]).

Бѣлинскій зналъ и ясно сознавалъ все значеніе своего публицистическаго учительства, своего пламеннаго, вдохновеннаго краснорѣчія и считалъ своимъ призваніемъ будить мысль человѣческую въ эпоху, когда, по выраженію цензора Никитенко, „единственнымъ нашимъ назначеніемъ было быть солдатомъ, а не человѣкомъ“, и когда благонамѣреннѣйшій Погодинъ заносилъ въ свой дневникъ ектенію: „о еже въ любезномъ отечествѣ книги читать было можно“. Въ это-то мрачное время,

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо,
Онъ твердо свѣточъ свой держалъ.

Его пламенное, идущее отъ сердца слово поддерживало въ трудное время вѣру въ силу добра и въ лучшее будущее. Секретъ этого глубокаго вліянія Бѣлинскаго, этой присущей ему одному, „неистовому Виссаріону“, способности

Глаголомъ жечь сердца людей,

необыкновенно наглядно разъяснено другомъ его Герценомъ.

Сравнивая „ученаго“ болтуна, бывшаго профессора Сенковскаго (барона Брамбеуса), съ его семитическими языками и семью литературами—съ „самоучкой“ Бѣлинскимъ, Герценъ говоритъ: „у Бѣлинскаго былъ, въ отличіе отъ перваго, избытокъ того вѣчно тревожнаго демона любви и негодованія, который виденъ въ слезахъ и въ смѣхѣ, того убѣжденія, которое было дѣломъ его жизни, картой, на которую все поставлено, страстью, болью; въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля *магнетическаго демонизма*, подъ которымъ работалъ говорящій; оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ, становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями“.

Таково именно было воздѣйствіе вѣщаго слова Бѣлинскаго [2]).

Когда вспоминаешь удивительную, по колпчеству и качеству честныхъ, стойкихъ дѣятелей, эпоху реформъ, эпоху, когда внезапно, какъ будто бы выросши изъ земли, появляется цѣлая плеяда

---

[1]) Сочин. II, 144—145.

[2]) „Какъ скоро дѣло касается моихъ задушевныхъ убѣжденій, писалъ Бѣлинскій, я тотасъ забываю себя, выхожу изъ себя, и тутъ давай мнѣ каѳедру и толпу народа: я ощущаю въ себѣ присутствіе Божіе, мое маленькое *я* исчезаетъ, и слова, полныя жара и силы, рѣкой польются съ языка моего“.

гуманныхъ и просвѣщенныхъ тружениковъ, невольно задаешься вопросомъ, откуда они? кто ихъ создалъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ политическій противникъ Бѣлинскаго, И. С. Аксаковъ, свидѣтельство котораго, стало быть, не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастіи, и потому оно особенно цѣнно.

Описывая свои странствованія по разнымъ частямъ необъятной Россіи, Аксаковъ, скрѣпя сердце, констатируетъ замѣчательный фактъ распространенія вреднаго, по его мнѣнію, но все же громаднаго вліянія Бѣлинскаго. „Много я ѣздилъ по Россіи,—пишетъ онъ въ 1856 году,—имя Бѣлинскаго извѣстно *каждому* сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю (приведено выше); въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ... Мы *Бѣлинскому* обязаны *своимъ спасеніемъ*,—говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Аксаковъ,—въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ *нужно честнаго человѣка*, способнаго *сострадать* болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу — ищите таковыхъ въ провинціи между *послѣдователями Бѣлинскаго*“ [1]).

Вотъ чѣмъ обязана преобразованная Россія просвѣтительной дѣятельности Бѣлинскаго, неустанно сѣявшаго сѣмена—„разумнаго, добраго, вѣчнаго“...

Многія изъ брошенныхъ имъ сѣмянъ дали всходъ, многое изъ того, о чемъ мечталъ Бѣлинскій, осуществлено ко дню 50-лѣтія его кончины, но многое еще осталось свершить впереди. Идеи, какъ и все живое, только путемъ боренія доказываютъ свою жизнеспособность и право на существованіе. Чѣмъ менѣе благопріятны окружающія условія, тѣмъ болѣе должны поборники идеи прилагать

---

[1]) Аксаковъ, въ его письмахъ III, 390.

труда для ея распространенія. Воспоминаніе о великомъ и неутомимомъ труженикѣ земли русской—Бѣлинскомъ—должно воодушевить притокомъ новой энергіи всѣхъ, кому дорого его благодатное имя.—Кажется, достаточно трудны были времена, когда дѣйствовалъ онъ, „волнуясь и спѣша“,—а вѣдь не упалъ же онъ духомъ, не раскисъ, не „изолгался“, по выраженію Щедрина, не продался, не сталъ ренегатомъ [1]).

Нѣтъ горше бѣдствія, какъ потеря вѣры въ силу добра и разума, въ силу права и справедливости, и чѣмъ менѣе продолжительны такіе проклятые моменты нравственнаго одряхленія, тѣмъ лучше для общественнаго самосознанія:

Да будетъ проклятъ краткій мигъ,
Когда подъ тяжестью вериг
И дрязгъ житейскихъ доли пошлой
Изсякнетъ юности родникъ
И вдохновеній жизни прошлой;
Когда почуешь охлажденье
Къ тѣмъ идеаламъ и мечтамъ,
Которымъ прежде въ умиленьѣ
Молился ты, какъ божествамъ,
И видишь, какъ слова святыя
(Что встарь, какъ бурная стихія,
Рвались изъ сердца тайника)
Безстрастно сходятъ съ языка...
Когда почувствуешь, что холодъ
Объялъ тебя и въ грудь проникъ,
Что сердцемъ больше ты не молодъ,
Что и душой ты сталъ старикъ:
Да будетъ проклятъ этотъ мигъ!

Такихъ минутъ слабости, проклятыхъ моментовъ нравственнаго разслабленія Бѣлинскій никогда не зналъ:—вотъ чему учитъ и къ чему *обязываетъ* его свѣтлая память. И да вольетъ предстоящее чествованіе его благословенной памяти новую вѣру въ жизненность

---

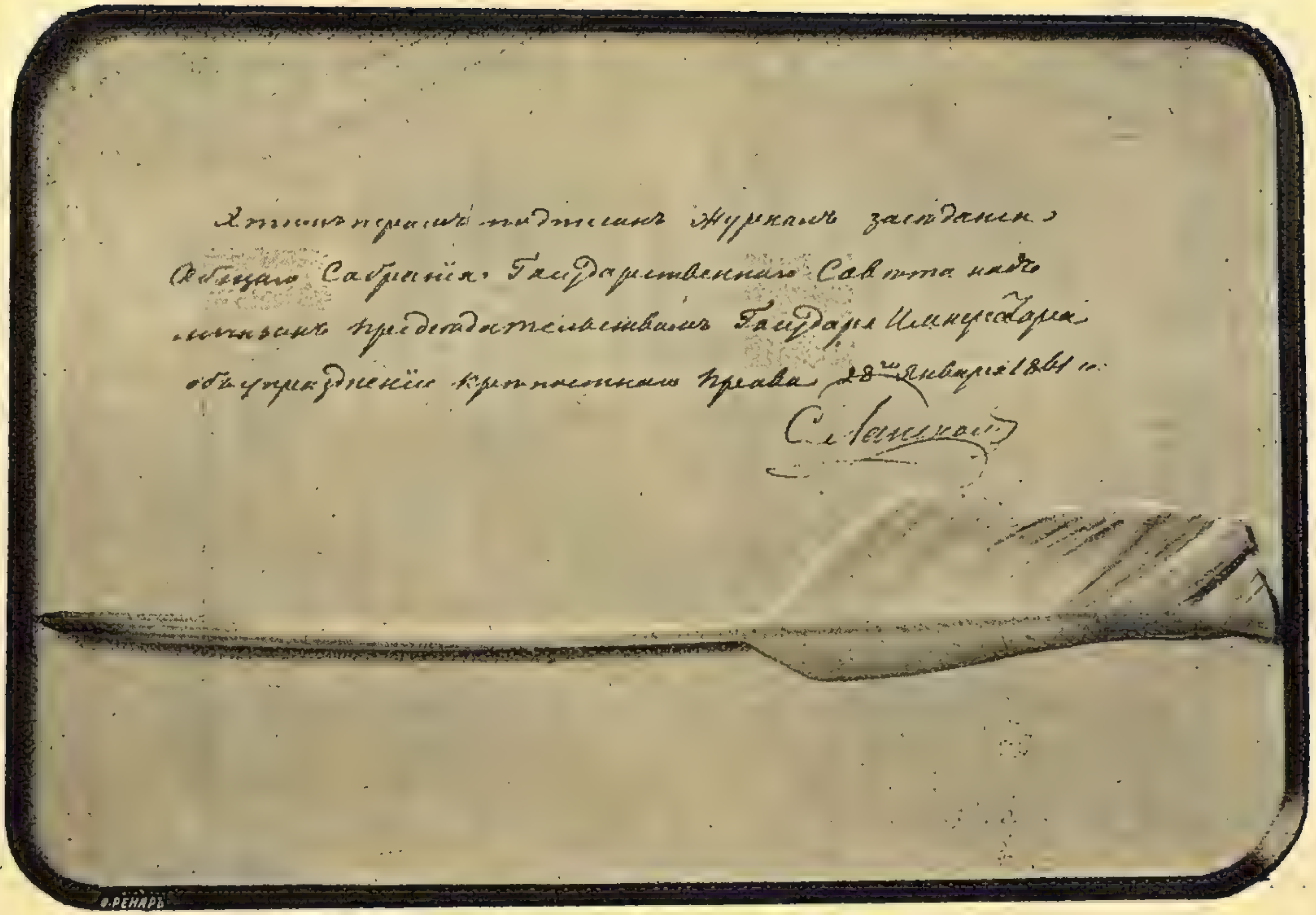
[1]) „Я продаю себя всѣмъ и каждому,—пишетъ оставшійся безъ дѣла послѣ прекращенія „М. Наблюдателя“ Бѣлинскій,—отъ Сенковскаго до (тьфу, гадость какая)! до Булгарина,—кто больше дастъ, не стѣсняя притомъ моего образа мыслей выраженія, словомъ, моей литературной совѣсти, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденія или голодная смерть,—у меня *достанетъ силы* скорѣе издохнуть, какъ собака, нежели живому отдаться на позорное съѣденіе псамъ“.

и спасительность гуманно-освободительныхъ и просвѣтительныхъ принциповъ, коимъ онъ служилъ до гробовой доски.

Вѣрное служеніе гуманно-просвѣтительнымъ завѣтамъ, оставленнымъ Бѣлинскимъ, — лучшій и наиболѣе достойный, по слову поэта, способъ чествованія памяти почившихъ героевъ-мыслителей:

Не нужно ни гимновъ, ни слезъ мертвецамъ,
Отдайте имъ лучшій почетъ:
Шагайте безъ страха по мертвымъ тѣламъ,
Несите ихъ знамя *впередъ*!..

Гр. Джаншіевъ.


Хранить перо, коимъ подписанъ Журналъ засѣданія
Общаго Собранія Государственнаго Совѣта подъ
личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора
объ упраздненіи крѣпостнаго права 28го января 1861 г.
С. Ланской
Ф. РЕНАРЪ

менъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ **НАМИ** Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же **НАШЕГО** въ седьмое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ

I.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Какъ зиждительный ливень могучей весны,
На незримыхъ крылахъ ты надъ міромъ летишь,
Отъ народа къ народу, въ страну изъ страны
Отъ толпы городской въ деревенскую тишь,
И горитъ за тобой, тѣни рабства гоня,
Нѣжный лучъ восходящаго дня.

Шелли (Бальмонтъ).

Исторія говоритъ властителямъ: — будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ, идите съ нимъ вмѣстѣ, но ровнымъ шаголъ; отстанете, — онъ васъ покинетъ; осмѣлитесь преградить дорогу, — онъ васъ раздавитъ. Ваша сила не въ вашей верховной власти и великихъ правахъ ея, она въ достоинствѣ вашего народа: униженъ онъ, — униженъ и вы; онъ страждетъ, — вы ненавистны; тогда могущество ваше построено на пескѣ—первый вѣтеръ его опрокинетъ.

Жуковскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе.

(Справка къ 40-ка-лѣтію).

Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба еѣковаго,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы!
Прощенье прошлому! Забвеніе былаго!
Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушонъ.
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь, братья вамъ! Богъ помочь въ новомъ быту!

Розенгеймъ.

— Дуракъ Иванушка, чему смѣешься? Или сердце въ тебѣ взыграло? Или пахнуло на тебя свѣжимъ воздухомъ? Или ты почуялъ, что пришелъ конецъ твоему гореваньицу, тому злому-лютому гореваньицу, что и къ-материнскимъ сосцамъ съ тобою припадало, что и въ зыбкѣ тебя укачивало, что и въ пѣсняхъ тебя подтягивало, что и въ царевъ кабакъ съ тобою разгуляться похаживало?

М. Салтыковъ.

Не только въ исторіи Россіи, но и въ лѣтописяхъ всемірной исторіи немного найдется дней, съ которыми соединялось бы такое радостное, бодрящее и возвышающее душу настроеніе, какъ съ незабвеннымъ днемъ 5-го марта 1861 года. Несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на многочисленныя тяжелыя разочарованія и огорченія, на которыя были такъ щедры истекшія десятилѣтія, у русскаго народа и общества сохранилось свѣтлое воспоминаніе объ этомъ великомъ днѣ, лучше и выше котораго,—по справедливому замѣчанію бывшаго Шереметевскаго крѣпостного, а впослѣдствіи

цензора, профессора и академика Никитенка, — нельзя сыскать во всей предшествовавшей тысячелѣтней исторіи Россіи... Каковы бы ни были недостатки Положеній о крестьянахъ, въ памяти людской навсегда сохранится благодарное воспоминаніе о свѣтломъ днѣ, когда великій законодательный актъ 19-го февраля получилъ окончательную законодательную санкцію [1]) и „юридическое знаменованіе“, вслѣдствіе опубликованія его во всеобщее свѣдѣніе. Въ этотъ памятный день въ столицахъ съ церковнаго амвона былъ читанъ знаменитый Высочайшій манифестъ 19-го февраля объ отмѣнѣ крѣпостного права, заканчивавшійся извѣстными словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой *свободный* трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“ [2]), а телеграфъ спѣшилъ разнести повсюду на „незримыхъ крылахъ“ своихъ великую вѣсть о возвращеніи воли народу.

Объявленіе „воли“, т.-е. торжественное чтеніе достопамятнаго акта, даровавшаго личную свободу и элементарныя человѣческія права 23-мъ милліонамъ народа, какъ передаютъ современники очевидцы, далеко не произвело на непосредственныхъ слушателей впечатлѣнія, подобающаго этому безпримѣрному, по необыкновенной величавости своей, историческому моменту, который они имѣли счастье переживать. Объясняется это отчасти тогдашнимъ тревожнымъ, удрученнымъ настроеніемъ части общества, отчасти тѣмъ, что слогъ манифеста, вдобавокъ довольно объемистаго (онъ занимаетъ 6 печатныхъ страницъ большого формата), былъ тяжелъ, витіеватъ и мало понятенъ для народа [3]). Когда окончилось чтеніе, пишетъ Г. Д. Щербачевъ одинъ изъ свидѣтелей чтенія манифеста въ Петербургѣ, и всѣ стали выходить изъ церкви, замѣтно было „на всѣхъ лицахъ какое-то недоумѣніе“—Словомъ, первое впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, было смутное и далеко не „радостное“, чего, впрочемъ, какъ уви-

---

[1]) Законъ, гласитъ ст. 59 Основ. Законовъ, получаетъ обязательную силу не прежде, какъ со дня объявленія.—Въ исторіи нашего новаго законодательства извѣстенъ случай необнародованія (въ мартѣ 1881 г.), по измѣнившимся обстоятельствамъ, утвержденнаго Александромъ II новаго порядка (при участіи представителей земствъ и городовъ) составленія и разсмотрѣнія законопроэктовъ, который, такимъ образомъ, eo ipso потерялъ силу закона, благодаря необнародованію („L'empire des Tzars“ par Leroy-Beaulieu. Paris. 1882, т. II, p. 589).— Подробности этого послѣдняго акта царствованія Александра II, подписаннаго имъ 1-го марта 1881 г., въ $2^1/_2$ ч., см. подъ словомъ *Александръ II-й* въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ изд. Имп. Историческаго Общества стр. 886—887, а также Воспоминанія о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ Н. А. Бѣлоголоваго. Посмертное изданіе его Воспоминаній М. 1897 г.

[2]) См. второе полн. собр. Зак. Росс. Имперіи, т. XXXIV, № 36, 650.

[3]) См. Воспоминанія Г. Д. Щербачева въ *Русскомъ Архивѣ* 1891 г., № 1, стр. 75.

димъ ниже, сознательно избѣгалъ составитель манифеста, сторонникъ крѣпостного права, митрополитъ Филаретъ. Формальный, „казенный“ стиль увѣсистаго манифеста, уснащенный цвѣтами официальной семинарской риторики, порою, какъ далѣе будетъ указано, вызывавшими очень печальныя недоразумѣнія въ народѣ, чрезмѣрная сухость неуклюжаго документа, въ которой немногія теплыя слова—„уваженіе къ человѣческому достоинству и христіанская любовь“ — словно предумышленно терялись, заглушались, тонули въ массѣ юридическихъ подробностей и мало вразумительныхъ постановленій объ устройствѣ матеріальнаго быта крестьянъ,—совершенно не шли къ возвышенно-радостному настроенію, подобавшему великому дню провозглашенія паденія рабства въ Россіи, дню, наступленія котораго лучшіе, передовые вольнолюбивые ея люди [1]) давно уже ждали съ безотрадною тоскою и безысходнымъ томленіемъ:

Увижу ли, друзья, народъ освобожденный,
И рабство, павшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря?!..

Многіе изъ нихъ, этихъ вдохновенныхъ провозвѣстниковъ воли, въ томъ числѣ и авторъ приведенныхъ трогательныхъ строкъ, самъ полурабъ, преслѣдуемый до гробовой доски постылыми нѣжностями Бенкендорфовской подневольной, оскорбительной дружбы-опеки, равно какъ и его сверстники, декабристы, а также и замученные тисками безпощаднаго гнета „властители думъ“ 40-хъ годовъ, Бѣлинскій и Грановскій, такъ и не сподобились видѣть этотъ благословенный день. Но, говоря словами того же поэта, — пѣвца декабристовъ:

...не пропалъ ихъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье!..

Осуществленіе этой вѣщей думы и вѣкового чаянія народа, этой завѣтной мечты о народной волѣ нѣсколькихъ поколѣній образованнаго русскаго общества, и возвѣщалъ манифестъ 19 февраля, хотя и тономъ, далеко не соотвѣтствовавшимъ столь величавому и благодѣтельному со-

---

[1]) Карамзинъ, когда-то принадлежавшій къ ихъ рядамъ, во вторую половину своей дѣятельности усвоилъ, какъ пишетъ Валуевъ, „взглядъ на дѣла управленія—царедворческій того времени. Возгласы насчетъ крестьянъ, „худо платящихъ оброкъ господамъ“ (выраженіе изъ писемъ Карамзина), не сопровождаются никакимъ знакомъ какого бы то ни было *участія* къ низшимъ классамъ народа“, что Валуевъ объясняетъ тѣмъ, что въ то время Россія кончалась XIV классомъ по табели о рангахъ (см. Дневникъ П. А. Валуева въ *Русской Старинѣ* 1891, № 11, страница 395).

бытію, хотя и въ декоративной обстановкѣ, далеко не праздничной [1]). Этотъ лучшій, этотъ небывалый, желанный, единственный, можно сказать, по своей захватывающей силѣ праздникъ на улицѣ друзей народной свободы—былъ омраченъ, искалѣченъ, почти испорченъ духомъ полицейскаго недовѣрія, явно сквозившимъ сквозь официальные акты и тѣ чрезвычайныя военно-полицейскія мѣры предосторожности (см. ниже), кои сопровождали возвѣщеніе паденія рабства. Не мудрено, что подобный, несоотвѣтственный величію и торжественности дивнаго момента занимавшейся зари свободы, мрачный колоритъ оставилъ непріятный осадокъ въ сердцахъ искреннихъ людей свободы, хотя и далеко не избалованныхъ исторіею обиліемъ радостныхъ картинъ и радужныхъ перспективъ.

У славянофила И. С. Аксакова, выражавшаго въ данномъ случаѣ общее настроеніе всѣхъ либераловъ, вырвались по этому поводу слѣдующія ѣдкія и глубоко меланхолическія строки. „Странное дѣло!—писалъ И. С-чъ Герцену вскорѣ послѣ объявленія воли, какъ бы въ отвѣтъ на напечатанныя въ *Колоколѣ* трогательно-скорбныя строки (см. примѣчаніе) по поводу обидной невозможности лично присутствовать при народномъ праздникѣ,—въ моемъ письмѣ я самъ слышу прежнюю ноту довольно безотраднаго свойства, а между тѣмъ, казалось бы, инымъ должны звучать наши рѣчи *послѣ* событія 19 февраля. Или же мы такъ состарились, такъ проквасились старымъ Н... квасомъ, что все представляется намъ кисло-соленымъ? Или же, наконецъ, то, что совершается, не то, чего мы ждали и чаяли? Несомнѣнно, что, во всякомъ случаѣ, оно совершалась *не такъ*, какъ мы его ждали. Исторія не побаловала насъ никакимъ лирическимъ ощущеніемъ, никакою красивою декораціею; я вполнѣ признаю такое распоряженіе мудрымъ и наше требованіе дѣтскимъ—хотя думаю, что нужны бываютъ, какъ человѣку, такъ и народу, *лирическіе моменты* въ жизни, разомъ поднимающіе духъ и озаряющіе внутреннее сознаніе. Какъ бы то

---

[1]) Одинъ изъ самыхъ страстныхъ и могучихъ поборниковъ народной свободы, А. И. Герценъ, съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдившій за трудными родами народившейся свободы, совсѣмъ иначе рисовалъ себѣ издали картину раскрѣпощенія народа. Особенно тяжелъ былъ для него въ эти вѣщіе дни воздухъ изгнанія, и съ нескрываемою горечью 3-го (15) марта 1861 г. онъ писалъ въ *Колоколѣ*: „Если бы было возможно, мы бросили бы все и поскакали бы въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствія. Но выбора нѣтъ! Потерянный вдали ведетъ; мы не можемъ безъ смѣны оставить нами самими избранный постъ и только желали бы, чтобы *помянулъ насъ* кто-нибудь въ день великаго народнаго воскресенія... Зачѣмъ русскіе, которые могутъ ѣхать, живутъ безъ дѣла, скучая и зѣвая въ Парижѣ, въ Италіи, не ѣдутъ? Насъ удивляютъ люди образованные, люди, скорбящіе о народѣ, вздыхающіе о его несчастьяхъ, но не настолько, чтобы побезпокоить себя, бросить привычную жизнь и явиться налицо въ дни великаго историческаго событія“.

ни было, освобожденіе крестьянъ было такъ *обставлено*, что для *радости*, т.-е. для произведенія чувства радости, нуженъ извѣстный отвлеченный процессъ мысли: нужно напомнить себѣ объ этомъ, идеализировать, глядѣть въ чаемое будущее, а не въ настоящее время. Постоянно себѣ говоришь, что совершается одна изъ величайшихъ соціальныхъ революцій, но ея *не осязаешь*; свѣжій воздухъ, конечно, уже повѣялъ, но фильтрованный сквозь такія вонючія тѣла, что его и признать трудно“ [1]).

Указанная, столь унылая и исполненная недовѣрія обстановка объявленія воли, само собою разумѣется, не была дѣломъ случайности. Ключъ къ уразумѣнію этого печально-страннаго явленія, сообщавшаго, какъ величайшей изъ реформъ 60-хъ годовъ, такъ и другимъ начинаніямъ эпохи великихъ реформъ *какой-то* характеръ незаконченности [2]), двойственности и неискренности, лежитъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ законодательныя работы по крестьянской реформѣ.

---

§ 1.

Поставленіе освободительнаго законоположенія 19-го февраля.

Гдѣ духъ Господень, тамъ и свобода.
(2 посл. Коринѳ. 3, 17).

Свобода—душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво.

Екатерина II.

Уважай народъ свой, тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія.

Жуковскій.

I.

Безъ году ровно 100 лѣтъ ждалъ русскій народъ въ массѣ и въ лицѣ передовыхъ представителей русской интеллигенціи уничтоженія позорнаго и развращающаго института крѣпостной зависимости человѣка отъ чело-

---

[1]) См. письмо Аксакова отъ 7 іюня 1861 г. къ А. И. Герцену, стр. X Писемъ Герцена. Женева. 1890 г.

[2]) См. докладъ графа Лорисъ-Меликова, января 1881 г., въ которомъ онъ между прочимъ, говоритъ: „великія реформы царствованія В. В., вслѣдствіе событій, обусловленныхъ совмѣстными съ ними, но не ими вызванными, проявленіями ложныхъ соціальныхъ ученій, представляются доселѣ отчасти незаконченными, а отчасти не вполнѣ согласованными между собою“ (см. назв. „Біографическій словарь“, ст. 887).—См. также примѣчаніе П. Б. къ Запискѣ А. И. Левшина въ „*Русскомъ Архивѣ*“ 1885, № 8, стр. 533.

вѣка. Народъ, съ своимъ инстинктивнымъ чутьемъ исторической правды [1]), ждалъ, что вслѣдъ за манифестомъ 18 февраля 1762 г. объ освобожденіи служилаго дворянскаго сословія отъ обязательной военной повинности послѣдуетъ и манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьяго ига, существованіе котораго, если не оправдывалось, то извинялось помянутою государственною надобностью и бѣдностью казны.—Крѣпостной народъ ждало быстрое и горькое разочарованіе. Не только краткотечное царствованіе Петра III не принесло желанной благой вѣсти о томъ, что „вольному воля“, но и послѣдующее продолжительное царствованіе „либеральной крѣпостницы“, какъ именуетъ Ровинскій [2]) Екатерину II, стали исходными моментами для окончательнаго порабощенія крестьянъ, для низведенія его на степень продажнаго скота или крещеной собственности [3]), какъ выразился Герценъ. Тѣмъ не менѣе въ народѣ продолжала тлѣть искорка сознанія о совершенной исторической неправдѣ, которому подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія стали пріобщаться и передовые интеллигентные представители рабовладѣльческаго сословія, одиноко стоящіе—Радищевы, Новиковы, Чаадаевы и др.

То усиливаясь, то ослабѣвая,—соотвѣтственно приливу или отливу гольфстрема европейскихъ гуманно-освободительныхъ теченій,—мысль объ избавленіи Россіи „отъ отвратительнаго недуга“ крѣпостного права, по выраженію проф. Бѣляева, давила тяжелымъ кошмаромъ, какъ самыя непосредственныя жертвы этого часто дикаго и всегда оскорбительнаго порабощенія, такъ и тѣхъ изъ душевладѣльцевъ, которые могли сколько-нибудь подняться выше интересовъ „кармана и желудка“.

Кровавый эпизодъ начала царствованія Николая I повелительно выдвигалъ на очередь крестьянскій вопросъ, составлявшій часть программы декабристовъ [4]). Несмотря на упорное отвращеніе этого царствованія ко

---

[1]) См. Бѣляева—„Крестьяне на Руси“, 277.

[2]) Ровинскій—„Народныя картины“, 320.

[3]) См. Бѣляева н. с., 296.

[4]) Сначала для декабристовъ, говоритъ знаменитый изслѣдователь А. Н. Пыпинъ, крестьянскій вопросъ былъ не вполнѣ ясенъ. Но въ тайномъ обществѣ уже скоро явились люди, которые понимали и выставили всю важность этого вопроса, и придавали ему столь великое значеніе, что безъ его рѣшенія считали ненужною, даже вредною самую политическую реформу, т.-е. введеніе представительныхъ учрежденій для однихъ привиллегированныхъ классовъ. Позднѣе мысль объ освобожденіи крестьянъ стала однимъ изъ главныхъ положеній Союза Благоденствія, и въ проектахъ Пестеля вопросъ о надѣлѣ землею былъ доведенъ до такой широты, которая представлялась Н. И. Тургеневу соціалистическою. См. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“—А. Н. Пыпина. Спб., 1885, стр. 443, а также главу XXVIII превосходной монографіи В. И. Семевскаго — „Крестьянскій вопросъ“, т. II.—Въ проектѣ конституціи Трубецкаго крестьянамъ предоставлялись

всѣмъ новшествамъ, несмотря на отчаянныя усилія консерваторовъ per fas et nefas сохранить и внѣ, и внутри Россіи существующіе порядки и учрежденія, однимъ изъ первыхъ дѣлъ Николая I былъ приступъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Вскорѣ послѣ суда надъ декабристами былъ учрежденъ первый секретный крестьянскій Комитетъ, при чемъ дѣлопроизводителемъ его былъ назначенъ Д. Н. Блудовъ, исполнявшій тѣ же обязанности и въ судѣ надъ декабристами. Кромѣ этого впослѣдствіи были учреждены еще пять комитетовъ, но результаты ихъ дѣятельности были крайне ничтожны [1]). Да и могло ли быть иначе?

Самъ Государь теоретически былъ противъ крѣпостного права и неоднократно высказывалъ приближеннымъ мысль о необходимости отмѣны или скорѣе „преобразованія крѣпостного права“ [2]). По какому-то историческому наитію Николай I a priori высказалъ догадку о неправомѣрности крѣпостного права, вполнѣ подтвердившуюся историческою критикою. „Я не понимаю, говорилъ Николай I, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался *вещью* и не могу объяснить себѣ этого шага иначе, какъ хитростью, *обманомъ* съ одной стороны и *невѣжествомъ* съ другой“ [3]). Но отъ желанія до исполненія, отъ открытія болѣзни до уврачеванія еще очень далеко, въ особенности, если люди, власть имущіе, заинтересованы по рутинѣ или по личнымъ выгодамъ въ сохраненіи statu quo.

Учреждая одинъ „секретный“ комитетъ за другимъ, Николай I ясно видѣлъ, что дѣло не подвигается впередъ, но не въ состояніи былъ понять и устранить причину безплодности ихъ. Будучи рѣшительнымъ противникомъ всякихъ либеральныхъ или, какъ тогда выражались, завиральныхъ нововведеній и въ особенности противъ гласности, печати и проявленія общественнаго мнѣнія, онъ безусловно настаивалъ на строжайшемъ соблюденіи канцелярской тайны въ крестьянскомъ вопросѣ. А пока дѣло „производилось“ въ потемкахъ бюрократическаго таинодѣйствія, нельзя было расчитывать на мало-мальски крупный успѣхъ. Вся придворная знать, министры, высшіе бюрократическіе круги и даже родные братья Императора, Великіе Князья Константинъ и Михаилъ Павловичи, какъ жаловался самъ

огороды. На экземплярѣ этого документа, хранящемся у Е. И. Якушкина, рукою Рылѣева написано: „Если огороды, то и земля“. См. справку къ статьѣ М. А. Веневитинова въ сборникѣ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“ М. 1897, стр. 275.

[1]) Подробности см. во II главѣ назв. изслѣдованія Семевскаго.

[2]) Тамъ же, 21.

[3]) Записки Смирновой въ № 4 „*Сѣверн. Вѣстника*“, 1893.—О томъ, какъ послѣ первой ревизіи, вопреки желанію Петра В., „подкралась“ проказа крѣпостного права, см. стр. 288 и слѣд. н. с. Бѣляева.

Николай I Киселеву [1]), были рѣшительными консерваторами, а потому и явными крѣпостниками, хотя, конечно, помѣщичьи выгоды прикрывались превыспренними соображеніями о пользѣ отечества.

Съ замираніемъ сердца и съ затаенною радостью слѣдили за благими усиліями Николая I къ уничтоженію вѣковой неправды лишь опальныя, офиціально „неблагонамѣренныя“, молодыя, интеллигентныя силы въ обществѣ и въ литературѣ. Но между Государемъ и этими сочувственными силами лежала непроницаемая толща бюрократическаго средостѣнія, зіяла цѣлая пропасть, вырытая усиліями своекорыстныхъ и невѣжественныхъ ретроградовъ-крѣпостниковъ,—

Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ,
Кому закономъ былъ отцевъ его законъ.

Однимъ изъ этихъ восторженныхъ поклонниковъ освободительныхъ стремленій Николая I по крестьянскому вопросу былъ глава и украшеніе тогдашней литературы—Бѣлинскій, котораго только смерть спасла отъ начатаго преслѣдованія со стороны III отдѣленія.

Еще на студенческой скамьѣ Бѣлинскій въ своей юношеской трагедіи, направленной противъ крѣпостного права и аттестованной московскою цензурою, „безчестною и позорящею университетъ“,—далъ Аннибалову клятву бороться съ этимъ грознымъ и отвратительнымъ недугомъ, существованіе коего заражало весь общественный организмъ. И онъ сдержалъ свою клятву, не щадя ни-ко-го! Въ 1847 г., послѣ появленія Гоголевской „Переписки съ друзьями“, въ извѣстномъ письмѣ своемъ изъ Зальцбруна безжалостно разбиваетъ свой кумиръ больной Бѣлинскій, особенно огорченный презрительнымъ отношеніемъ Гоголя къ порабощенному народу [2]).

---

[1]) Я *ни въ одномъ* изъ своихъ сотрудниковъ не нашелъ прямого сочувствія, говорилъ Николай I въ 1835 г. Киселеву. См. Семевскаго, II, 21.

[2]) „Неумытое рыло“—этого выраженія не могъ Бѣлинскій простить даже своему любимцу Гоголю, выше котораго, однако, онъ ставилъ интересы порабощеннаго русскаго народа.

— „Вмѣсто того,—пишетъ Бѣлинскій Гоголю,—чтобы учить, во имя Христа и церкви, варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ *неумытыми рылами*, вы написали бы ему, что такъ какъ его крестьяне — его братья о Христѣ и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать ему свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ ложномъ отношеніи къ ихъ положенію. А выраженіе: „ахъ, ты, неумытое рыло!“... Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому и не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, себя не считаютъ за людей!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги,

Въ декабрѣ 1847 г. Бѣлинскій изъ Петербурга сообщаетъ Анненкову въ письмѣ, посланномъ съ „оказіею“, о важной новости, о 6-й и послѣдней попыткѣ Николая I приступить къ освобожденію крестьянъ. Это письмо, наглядно передающее охватившее великаго друга народа радостно-лихорадочное нетерпѣніе, любопытно, какъ историческій документъ, характеризующій [1]) отношеніе тогдашняго молодого поколѣнія къ Николаю I. Вотъ что, между прочимъ, писалъ Анненкову за полгода до своей смерти радостно потрясенный Бѣлинскій: „Тотчасъ по пріѣздѣ,—пишетъ Бѣлинскій,—услышалъ я, что въ правительствѣ нашемъ происходитъ большое движеніе по вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права. Государь Императоръ вновь и съ большею энергіею изъявилъ свою *рѣшительную волю* касательно этого великаго вопроса. Разумѣется, тѣмъ болѣе рѣшительной воли и искусства обнаружили окружающіе его *отцы отечества*, чтобы отвлечь его волю отъ крайне непріятнаго имъ предмета. Искренно раздѣляетъ желаніе Государя Императора *только одинъ* Киселевъ; самый рѣшительный и, къ несчастью, самый умный и знающій дѣло противникъ этой мысли—Меншиковъ (какъ извѣстно, онъ и впослѣдствіи, при освобожденіи крестьянъ, остался ярымъ крѣпостникомъ [2]). Вы помните, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ движеніе тульскаго дворянства въ пользу этого вопроса было остановлено правительствомъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Теперь, напротивъ, посланъ былъ тульскому дворянству запросъ: такъ ли расположено оно теперь въ отношеніи къ вопросу?.. Перовскій, который въ душѣ своей былъ противъ освобожденія крестьянъ,—продолжаетъ Бѣлинскій,—объявилъ себя за освобожденіе. Все зависитъ отъ воли Государя Императора, а она *рѣшительна*. Вы знаете, что послѣ выбо-

---

вѣдь вы стоите надъ бездною! Христа-то зачѣмъ примѣшали тутъ? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства, и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія“.—Письмо было написано въ маѣ въ 1847 г. изъ Зальцбрунна. Оно напечатано было сначала въ *„Полярной Звѣздѣ“* Герцена, потомъ въ XIII томѣ „Жизни и Трудовъ“ Погодина, и перепечатано въ № 5 *„Міра Божьяго“* за 1897 г.

[1]) Въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій, трепеща за участь начатаго дѣла освобожденія крестьянъ, съ несправедливою рѣзкостью отзывается о Шевченкѣ и Кулишѣ, ставя имъ въ вину, что они „раздражаютъ правительство, дѣлаютъ (?) его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія“ (см. „Анненковъ и его друзья“ I, 604).—Конечно, Бѣлинскій хорошо понималъ, кто настоящіе виновники этихъ крутыхъ мѣръ и онъ ихъ тутъ же и называетъ: это—„друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага, окружающіе Государя Императора“, — но это мѣсто, въ которомъ Бѣлинскій вину переноситъ съ больной головы на здоровую, любопытно, какъ доказательство того лихорадочнаго участія, съ которымъ онъ слѣдилъ за крестьянскимъ вопросомъ.

[2]) См. „Матер. для исторіи упраздн. крѣп. права“, т. I, 134.

ровъ назначается обыкновенно двое депутатовъ отъ дворянства, чтобы благодарить Государя Императора за продолженіе дарованныхъ дворянству правъ, и вы знаете, что въ настоящее царствованіе эти депутаты никогда не были допускаемы. Теперь вдругъ велѣно смоленскимъ депутатамъ явиться въ Питеръ. Государь Императоръ милостиво принялъ ихъ и сказалъ слѣдующую рѣчь: „Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли нашею кровью, пролитою за государство; *но я не понимаю*, какимъ образомъ, *человѣкъ сдѣлался вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе,—какъ *хитростью и обманомъ*, съ одной стороны и *невѣжествомъ*, съ другой [1]). Этому должно положить конецъ. (Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобъ у насъ *отняли.*) Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности. Затѣмъ Государь сказалъ имъ, чтобы они ѣхали въ свою губернію и, держа это въ секретѣ, побудили бы смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу. Депутаты, пріѣхавъ домой, составили протоколъ того, что говорилъ имъ Государь Императоръ.—Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи депутатовъ Перовскій (мин. внутр. дѣлъ) получилъ отъ смолепскаго губернатора донесеніе, что двое дворянъ смущаютъ губернію, распространяя *гибельныя мысли.* Государь Императоръ приказалъ Перовскому отвѣтить губернатору, что въ случаѣ бунта у него есть средства (войска и пр.), а чтобъ до тѣхъ поръ онъ молчалъ, не въ свое дѣло не мѣшался... Конечно, несмотря на все,—грустно заканчиваетъ Бѣлинскій, хорошо знавшій силу бюрократіи,—дѣло это опять затихнетъ. *Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага*, окружающіе Государя Императора, утопятъ его проволочками, серединными, неудовлетворительными рѣшеніями, разными препятствіями, истинными и вымышленными, потомъ воспользуются маневрами или чѣмъ-нибудь подобнымъ и отклонятъ его вниманіе отъ вопроса, и онъ останется не рѣшеннымъ при такомъ Монархѣ, который одинъ по своей мудрости и твердой волѣ способенъ рѣшить его. Но тогда онъ рѣшится самъ собою, въ тысячу разъ болѣе непріятнымъ для русскаго дворянства способомъ. Крестьяне сильно возбуждены, *спятъ и видятъ освобожденіе*... Когда масса спитъ, дѣлайте что хотите—все будетъ по-вашему, но когда она проснется, не дремлите сами, а то быть худу“ [2]).

Не суждено было великому другу свободы сказать: „нынѣ отпущаеши“!..

---

[1]) Послѣдующія историческія изслѣдованія, особенно извѣстная монографія И. Д. Бѣляева „Крестьяне на Руси“, съ очевидностью доказали справедливость этой апріористической догадки.

[2]) Письмо это впервые напечатано цѣликомъ въ 1892 г. въ книгѣ „П. В. Анненковъ и его друзья“ I, 599—607.

Опасенія Бѣлинскаго оправдались и даже скорѣе и рѣзче, чѣмъ онъ думалъ. 15 февраля 1848 г. онъ уже писалъ со скорбью своему парижскому корреспонденту: „дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ *не подвигается* [1]).

Вскорѣ, однако, оно не только совсѣмъ сошло съ очереди, но было сопричислено къ числу опасныхъ вольнодумствъ. Воспользовившись съ обычною ловкостью событіями, вызванными февральскою революціею 1848 г., „друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага", по выраженію Бѣлинскаго, или какъ характеризовалъ ихъ Лермонтовъ:

Толпою жадною стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи—

дали дѣлу такой оборотъ [2]), что Императоръ Николай I не только охладѣлъ къ вопросу объ освобожденіи, но и сталъ къ нему относиться явно враждебно. Въ 1848 г. онъ прямо объявилъ въ рѣчи, обращенной къ петербургскимъ дворянамъ, „*нелѣпыми* слухи (объ освобожденіи), которые съ восторгомъ перенимались крестьянами". Въ этой же рѣчи онъ, между прочимъ, сказалъ: „Гг., я не боюсь внѣшнихъ враговъ. Но у меня есть *внутренніе*, болѣе опасные. Противъ нихъ-то мы и должны вооружиться и стараться сохранить себя, и въ этомъ я полагаюсь на васъ. Благодарю моихъ дворянъ здѣшней (петербургской) губерніи за адресъ, который они мнѣ хотѣли поднести. Въ чувствахъ привязанности ихъ ко мнѣ и къ отечеству я не сомнѣваюсь и за удовольствіе поставляю принадлежать къ ихъ сословію, потому что я и жена моя тоже помѣщики петербургскіе" [3]).

Итоги Николаевскаго царствованія по крестьянскому дѣлу, къ которому была внезапно поставлена точка, и какая еще?!—были крайне пла-

---

[1]) См. Анненковъ, 612.

[2]) О настроеніи высшихъ правительственныхъ сферъ, обезумѣвшихъ совсѣмъ послѣ февральской революціи 48 г., можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто изъ дневника П. А. Валуева (въ то время лифляндскаго губернатора): „Третьяго дня (т.-е. 13-го марта) Віелгорскій привезъ вѣсть о Берлинской катастрофѣ. Вверху всѣ въ крайнемъ смущеніи. Другіе придумываютъ сумасбродныя распоряженія. Д. П. Бутурлинъ, напр., совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи. Въ городѣ разносятъ уже безчисленныя нелѣпости о дальнихъ областяхъ самой имперіи. Вчера утверждали, что Тифлисъ и Варшава вспыхнули и что въ Ригѣ въ какомъ-то клубѣ состроили баррикаду. Сановники въ озлобленіи думаютъ лишь о способахъ *давить* все, что смѣетъ думать о нихъ неодобрительно и не льститъ имъ" (*Русск. Стар.* 1891, IV, 173).

[3]) См. н. Матеріалы I, 77. По поводу крестьянскихъ симпатій Николая I в. к. Елена Павловна, славная своимъ послѣдующимъ участіемъ въ крестьянской реформѣ, писала: Государь — демократъ, самъ того не подозрѣвая" (*Русс. Стар.* 1861, IV).

чевны, но и поучительны. Окружающая помѣщичья придворно-чиновничья среда, въ тиши и въ потемкахъ канцелярской тайны, успѣла, по своекорыстнымъ побужденіямъ, свести къ нулю благое намѣреніе могущественнѣйшаго изъ земныхъ владыкъ, съ восторгомъ поддерживаемое передовымъ общественнымъ мнѣніемъ, лишеннымъ однако силы, благодаря отсутствію гласности. „Никто не сомнѣвается,—писалъ впослѣдствіи свидѣтель, вполнѣ компетентный,—что Императоръ Николай имѣлъ желѣзную волю, и однако же этотъ Государь въ 30 лѣтъ *ничего* не сдѣлалъ для исполненія своего *самаго пламеннаго желанія*“ [1]). Воля самодержца, всесильная de jure, была парализована de facto дружнымъ противодѣйствіемъ лично заинтересованныхъ могущественныхъ высшихъ придворно-чиновничьихъ сферъ. Словомъ, еще лишній разъ подтвердилось значеніе словъ: „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь!“

Судьба крестьянскаго вопроса заключала въ себѣ прекрасную иллюстрацію или, вѣрнѣе, краснорѣчивый приговоръ надъ мертвящею, ретроградною системою самодовольнаго тупого застоя и бюрократической опеки, господствовавшею въ теченіе всего памятнаго тридцатилѣтія (1825—1855) и требовавшею, по сознанію самыхъ упрямыхъ хвалителей существующаго, подновленія [2]).

II.

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ.
Жуковскій.

„Сдаю тебѣ команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много *трудовъ и заботъ*“ [3]). Таковы были слова, сказанныя умирающимъ на походной кровати въ мрачномъ уединеніи зимняго дворца [4]) наслѣднику своему цесаревичу Александру Николаевичу

---

[1]) См. Записки бывш. тов. мин. внутр. дѣлъ А. И. Левшина въ *Русскомъ Архивѣ* 1885 г. № 8, стр. 491.

[2]) Средствомъ поддержать начавшее давно разрушаться зданіе (крѣп. право) была строгость и сила; ими пользовались (при Николаѣ I) въ широкихъ размѣрахъ, чтобы воспрепятствовать проявленію непріятныхъ теченій общественной мысли (См. А. Г. Тимоѳеевъ—Исторія тѣлесныхъ наказаній. Спб. 1897, стр. 114).—Сила обстоятельствъ, писалъ въ 1855 г. бывшій калужскій губернаторъ Смирновъ заставитъ измѣнить то, что обносилось и сдѣлалось невозможнымъ (*Русск. Арх.* 1897, № 9, стр. 126).

[3]) См. Русскій біографическій словарь, т. I, 453.

[4]) А. О. Смирнова такъ описываетъ комнату, гдѣ скончался Николай I: „это комната, скорѣе келья, куда въ отдаленный уголъ своего дворца онъ удалился, чтобы выстрадать всѣ мученія униженной гордости своего сердца, уязвляемаго всякою раною каждаго солдата, чтобъ умереть на жестокой и узкой походной кровати между стѣной и единственнымъ окномъ въ этой скромной комнатѣ“ (*Русскій Архивъ* 1897, № 9, 61).

Николаемъ I, этимъ могущественнѣйшимъ изъ владыкъ земныхъ, на смертномъ одрѣ испытавшимъ всю горечь полнаго разстройства дѣла вслѣдствіе безпощадно проводимой въ теченіе 30 лѣтъ системы административнаго гнета и неизбѣжной спутницы господства его—оффиціальной лжи.

Первѣйшею изъ заботъ новаго царствованія естественно было предолженіе крымской войны. Паденіе Севастополя, сохраненію коего покойный Государь придавалъ исключительное значеніе [1]), положило конецъ войнѣ. Богатая отдѣльными примѣрами военной доблести, эта кровавая и безплодная эпопея обнаружила въ печальномъ свѣтѣ какъ безчисленные недостатки военной организаціи, такъ и всей старой системы управленія, основанной на чиновничьей опекѣ, на полномъ порабощеніи общественной самодѣятельности, гласности и свободы слова, на самодовольномъ охраненіи всего существующаго, начиная отъ народныхъ суевѣрій и кончая такимъ краеугольнымъ камнемъ стараго государственнаго строя, какъ крѣпостное право. Кичливому ультра-національному самомнѣнію, убаюканному хвалою, которую, по признанію поэта,

Семь морей немолчно плещутъ,

и взлелѣянному наивно-патологическую увѣренностью московскихъ шовинистовъ, что намъ

Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ—

нанесенъ былъ чувствительный ударъ. Послѣ долголѣтняго самообожанія, во время котораго не только невѣжественная толпа собиралась закидать Европу шапками, но и корифеи раболѣпствующей исторіи и наивной философіи объявили гніющею, умирающею Европу съ ея наукою и свободными учрежденіями, поневолѣ приходилось оглянуться кругомъ и узрѣть въ кровавомъ отблескѣ, бросаемомъ дымящимся Севастополемъ и страдальческими картинами безплоднаго героизма, повальное казнокрадство и продажность вверху, рабство и невѣжество внизу. Тяжелое, но благодарное, для достойнаго подвижника наслѣдіе!

Какъ отнесется къ этой застарѣлой язвѣ новый государь? рожденье коего было привѣтствовано будущимъ его наставникомъ, какъ

Прекрасное Россіи упованье,

и коему онъ предрекъ:

Жить для вѣковъ въ величіи народномъ.

Не скоро и не сразу развернуло новое царствованіе свой великій, завѣщанный исторіею освободительный стягъ, предъ которымъ долженъ былъ

---

[1]) Тамъ же, 452.

почтительно склонить свою умную буйно-гордую голову самъ первый русскій публицистъ Герценъ,—стягъ, который, несмотря на всѣ его превратности и зигзаги, несмотря на всевозможныя, подчасъ до слезъ обидные промахи и шатанья, долженъ былъ обезпечить за Александромъ II завидное право „жить для вѣковъ въ величіи народномъ“ и вѣнчаться въ благодарной памяти потомства завиднымъ наименованіемъ „Освободителя“. Достойно, однако, замѣчанія, что по какому-то непостижимому капризу судьбы не оказывается на всенародномъ Кремлевскомъ памятникѣ именно этого чуднаго эпитета, давно и навсегда присвоеннаго Царю-Освободителю, несмотря на озлобленное шипѣнье крѣпостниковъ, единодушнымъ приговоромъ не только русскаго народа, но и всего цивилизованнаго міра... Слава Освободителя отъ этого не померкнетъ, но какъ это характерно для времени и злопамятныхъ людей...

Возвратимся назадъ.

Не только находившееся на рукахъ тяжелое наслѣдіе въ видѣ войны съ европейскою коалиціею, но и засидѣвшіеся [1]) на мѣстахъ бюрократы-крѣпостники стараго закала и вообще двойственный характеръ царствованія Александра II [2]) — мѣшали ему сразу и рѣшительно высказаться. Вновь назначенный въ августѣ 1855 г. министръ внутреннихъ дѣлъ графъ С. С. Ланской дебютировалъ страннымъ циркуляромъ, отъ котораго радостно затрепетали сердца закоснѣлыхъ душевладѣльцевъ. Преемникъ сви-

---

[1]) Пристрастіе къ типичнымъ представителямъ николаевскаго режима отмѣчалъ не только Герценъ въ *Колоколѣ*, но и умѣренный либералъ цензоръ Никитенко. Въ августѣ 1855 г. былъ уволенъ Бибиковъ.—Вскорѣ затѣмъ, 9-го октября, падаетъ главноупр. пут. сообщ. Клейнмихель. „Палъ и уничтожился“, пишетъ ему вдогонку благонамѣренный Никитенко. Всѣ поздравляютъ другъ друга... съ побѣдою.—Въ самомъ ли дѣлѣ,—продолжаетъ Никитенко,—развѣ онъ такъ виноватъ? Ума у него столько, чтобы быть надзирателемъ тюремнаго замка. Чѣмъ онъ виноватъ? Его безжалостно опаивали почестями и властью, сдѣлавъ изъ него всевластнаго вельможу, въ насмѣшку русскому обществу“ (Никитенко, II, 22, 23). Другіе николаевскіе министры засидѣлись гораздо дольше. „Не странное ли дѣло,—писалъ въ декабрѣ 1858 г. Никитенко, — Государь видитъ въ нѣкоторыхъ лицахъ (Муравьевѣ) прямое противодѣйствіе освобожденію крестьянъ, а между тѣмъ они крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ?“ (Никитенко, II, 118). Какъ извѣстно, графъ Паниинъ досидѣлъ до 1862, а Муравьевъ до 1863 г.

[2]) Чрезвычайно ярко выразилась эта система двойственности и колебаній, проходящая красною нитью чрезъ *все* царствованіе Александра II, въ первые же мѣсяцы правленія въ распоряженіяхъ относительно раскольниковъ. Нѣсколько *часовъ* спустя послѣ смерти Николая I, въ ночь на 19-ое февраля 1855 г., Александръ II телеграфировалъ объ отмѣнѣ воспрещенія публичнаго богослуженія на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ, а чрезъ два мѣсяца онъ утверждаетъ противоположное предложеніе митрополита Филарета, за что Святѣйшій Синодъ изъявляетъ свою благодарность (*Русск. Арх.* 1897 № 9, стр. 618 (прим. 4), 623).

рѣпаго Бибикова, бывшій масонъ и членъ тайнаго общества „Союзъ Благоденствія“, Ланской, писалъ въ своемъ циркулярѣ, что Государемъ повелѣно ему: „*ненарушимо* охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“ [1]). Ликованіямъ крѣпостниковъ не было конца тѣмъ болѣе, что по своему прошлому Александръ II не считался рѣшительнымъ сторонникомъ освобожденія [2]), а удаленіе Бибикова, введшаго по политическимъ видамъ ради ослабленія польскаго дворянства инвентари въ Юго-Западномъ краѣ, далеко не огорчило дворянъ. Циркуляръ пришлось напечатать вторично,—такъ великъ былъ спросъ на него со стороны помѣщиковъ, видѣвшихъ въ немъ гарантію сохраненія „освященнаго права своего“ владѣть крещенымъ инвентаремъ на вѣчныя времена.

Ликованіе ихъ, впрочемъ, было непродолжительно. Манифестъ 19-го марта 1856 г. о заключеніи мира, несмотря на свой очень туманный языкъ, снова всполошилъ крѣпостниковъ. Ихъ смутила слѣдующая невинная фраза: „каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣхъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодовъ своихъ“. Въ сущности это общее мѣсто офиціальной риторики легко могло уживаться съ крѣпостнымъ правомъ, для котораго услужливые фарисеи-богословы не хуже продажнаго адвоката, въ самомъ священномъ писаніи умѣли отыскать предвѣчное оправданіе. Едва ли эта употребленная составителемъ манифеста, краснорѣчивымъ гр. Д. Н. Блудовымъ, банальная метафора имѣла цѣлью оповѣщать о какомъ либо—рѣшительномъ намѣреніи Государя приступить къ освобожденію крестьянъ [3]). Но дрожавшіе, какъ „тати

---

[1]) См. в. матеріалы, I, 103.

[2]) Въ николаевское царствованіе цесаревичъ Александръ Николаевичъ далеко не былъ противникомъ крѣпостного права. Въ 1848 г. представлена была помѣщикомъ Огильви записка объ освобожденіи крестьянъ Цесаревичу Александру Николаевичу, но онъ отклонилъ ее, сославшись на то, что правительство отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнить отношенія помѣщичьихъ крестьянъ съ ихъ владѣльцами. См. Мат. упр. кр. права I, 99. А. О. Смирнова передаетъ, что Николай I хотѣлъ ввести инвентари въ шести Сѣверо-западныхъ губерніяхъ, но польскіе помѣщики выступили противъ этого. Депутація ихъ была поддержана Александромъ Николаевичемъ и положеніе крестьянъ сдѣлалось еще хуже (*Русск. Арх.* 1897, № 9, стр. 624, 2 примѣч.) Николай I, указывая на отсутствіе вокругъ него людей, сочувствующихъ освобожденію (см. выше), не дѣлалъ исключенія въ пользу своего Наслѣдника и на смертномъ одру съ него „взялъ слово“ (таковы подлинныя слова, приводимыя Смирновою) совершить это дѣло (*Русск. Арх.* 1897, № 9, стр. 622).

[3]) Въ опубликованной перепискѣ А. О. Смирновой, близко стоявшей ко двору въ концѣ 50-хъ годовъ, есть указаніе на то, что приведенная фраза, быть можетъ, не лишена была и нѣкотораго политическаго значенія. Еще въ апрѣлѣ 1855 г. в. к. Константинъ Николаевичъ, говоря объ инвентаряхъ, замѣтилъ: „Вѣдь это подготовляетъ волю. Дай Богъ кончить войну, а потомъ начнемъ другое дѣло“ (*Русск. Арх.* 1897, сент., 622).

ночные“, крѣпостники и призванный глава ихъ архи-крѣпостникъ, тогдашній московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, инстинктивно чуя приближеніе конца своему вѣковому хищенію, пришли въ ужасъ отъ неопредѣленной фразы оффиціальнаго краснорѣчія. Воспользовавшись пріѣздомъ Государя, по случаю заключенія парижскаго мира, въ Москву, гр. Закревскій просилъ его успокоить дворянство по поводу вызванныхъ манифестомъ „опасныхъ“ слуховъ. Графъ Закревскій, самъ того не подозрѣвая, отчасти оказалъ услугу ненавистному для него дѣлу освобожденія. Отвѣчая на просьбу генералъ-губернатора, Александръ II произнесъ сгоряча импровизированную рѣчь московскимъ дворянамъ, составляющую эпоху въ исторіи паденія крѣпостного права. „Слухи носятся,—сказалъ Государь,—что я хочу объявить освобожденіе крѣпостного состоянія. Это несправедливо, а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ направо и налѣво. Я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого; мы живемъ *въ такомъ вѣкѣ*, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного имѣнія со мною; слѣдовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло *свыше, нежели снизу*“ [1]).

Диву далось ошеломленное, точно вѣстью о свѣтопреставленіи, столбовое, чадолюбивое, невѣжественное московское дворянство, слушая эти столь возмутительныя для его слуха слова, которыя были такою же неожиданностью и для министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. На вопросъ, обращенный къ Государю относительно приписываемой ему рѣчи, уже ходившей по рукамъ, онъ съ досадою отвѣтилъ: „да, говорилъ точно то и не сожалѣю о томъ“ [2]).

Нетвердою поступью, безъ опредѣленнаго плана, но съ какою-то стихійною непреклонностью сталъ обрисовываться въ туманѣ съ весны 1856 г. грозный неотложный крестьянскій вопросъ. Рѣшено было воспользоваться съѣздомъ дворянъ на предстоявшую коронацію, чтобы приготовить ихъ къ готовящейся отмѣнѣ крѣпостного права. Ланской и его товарищъ А. И. Левшинъ на оффиціальныхъ обѣдахъ entre poire et fromage и на раутахъ подъ бальную музыку старались зондировать настроеніе дворянства, которое почти сплошь оказалось глухо къ „призыву“ принять инициативу въ этомъ дѣлѣ. Дворяне выражали недоумѣніе и даже негодованіе, словно рѣчь шла не объ уничтоженіи застарѣлаго возмутительнаго безправья, а объ обращеніи въ рабство самихъ душевладѣльцевъ. Несмотря на неудачу переговоровъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) См. Записку Левшина въ *Русск. Арх.* 1885, № 8, стр. 476.

[2]) Тамъ же, 477.

приступлено было, подъ руководствомъ Левшина, къ *секретнѣйшему* обзору [1]) накопившагося матеріала по этому предмету, а 1-го января 1857 года, былъ учрежденъ секретный крестьянскій комитетъ.

Не мало такихъ комитетовъ учреждалось и въ предшествовавшія царствованія, и жалкая судьба ихъ, предрѣшаемая могущественною кликою придворной и чиновничьей крѣпостнической олигархіи, наводила на государственныхъ людей, умѣвшихъ подняться выше карманныхъ интересовъ, далеко невеселыя думы [2]). Еще менѣе утѣшительнаго представлялъ составъ Комитета, въ которомъ большинство членовъ (пред. госуд. Совѣта Ф. А. Орловъ, министръ двора В. А. Адлербергъ, госуд. имущ. М. Н. Муравьевъ, шефъ жандармовъ В. А. Долгоруковъ, министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ) были явно противъ освобожденія, остальные (главноуправляющій мин. пут. сообщ. Чевкинъ, члены Государ. сов. Я. И. Ростовцевъ, бар. М. Я. Корфъ) довольно равнодушны къ освобожденію, и лишь мин. внутр. дѣлъ С. С. Ланской и гр. Д. Н. Блудовъ съ большимъ сочувствіемъ относились къ задачѣ Комитета, хотя у послѣдняго еще не было опредѣленной программы. Чего же можно было ожидать отъ такого Комитета? Креатура предсѣдателя его, государственный секретарь В. П. Бутковъ, царедворецъ съ тонкимъ обоняніемъ и отчаянный карьеристъ-дѣлецъ безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, мастеръ въ благовидныхъ бюрократическихъ формахъ умерщвлять живое дѣло—взялся, согласно желанію боль-

---

[1]) *Тайна* была нужна и страшна,—пишетъ въ Запискахъ своихъ А. И. Левшинъ, ближайшій помощникъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского,—при самомъ приступѣ къ крестьянской реформѣ, потому что боялись преждевременнаго открытія ея милліонамъ крѣпостныхъ людей; къ тому же въ понятіяхъ наибольшей части пожилыхъ людей, не исключая многихъ членовъ высшаго правительства, освобожденіе крестьянъ должно было неминуемо вызвать кровопролитіе и требованіе политической свободы. Послѣ этого легко себѣ представить,—говоритъ Левшинъ,—что рѣчь Государя московскимъ предводителямъ 1856 г. (о неизбѣжности освобожденія по требованіямъ вѣка) была гровымъ ударомъ для большинства публики и свѣтовымъ лучемъ надежды для немногихъ. И въ первое время (весною 1856 г.). необходимость тайны была доведена почти до смѣшного. Весь матеріалъ по крестьянскому вопросу находится въ рукахъ товарища министра Левшина, который держалъ его взаперти за собственнымъ ключемъ. Для переписки онъ пригласилъ одного только писца Ѳедорова, замѣчательнаго, какъ передаетъ Левшинъ *по молчаливости и меланхоліи* своей. См. Достопамятныя минуты въ жизни. Записки А. И. Левшина *Русскій Архивъ*, 1885, № 8, стр. 476.

[2]) А. И. Левшинъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Я опасался, что Государя собьютъ съ пути или заставятъ вовсе отложить его намѣренія. Ходъ этого дѣла при Императорѣ Николаѣ давалъ опасеніямъ моимъ основательность. Никто не сомнѣвается, что этотъ Государь имѣлъ желѣзную волю и однакоже въ 30 лѣтъ *ничего* не сдѣлалъ для исполненія своего пламеннаго желанія“. См. Записку Левшина въ Русск. Арх., 1885, № 8, стр. 491.

шинства, похоронить съ приличествующимъ канцелярскимъ церемоніаломъ порученное Комитету великое начинаніе.

Восемь мѣсяцевъ прошло въ составленіи длинныхъ велерѣчивыхъ отписокъ для отвода глазъ и въ перебрасываніи канцелярской бумажной трухи изъ пустого въ порожнее. Находившійся лѣтомъ 1857 г. за границей Александръ II, укрѣпленный въ 1857 г. еще болѣе въ своей рѣшимости освободить крестьянъ королемъ Прусскимъ Вильгельмомъ и барономъ Гакстгаузеномъ, авторомъ извѣстной книги о русской сельской общинѣ, былъ недоволенъ „обструкціею“ крестьянскаго Комитета, который надѣялся измором похоронить дѣло по примѣру прежнихъ лѣтъ или растянуть его на нѣсколько десятилѣтій.—„Крестьянскій вопросъ,—говорилъ Государь лѣтомъ въ Киссингенѣ графу Киселеву, старому поборнику освобожденія,—меня постоянно занимаетъ. Надо довести его до конца. Я *болѣе, чѣмъ когда-либо, рѣшился* и никого не имѣю, кто бы помогъ мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ [1])“. Въ этомъ отношеніи Александръ II оказался счастливѣе своего отца, окруженнаго также завзятыми жадными крѣпостниками. Сочувствіе и поддержку нашелъ Александръ II въ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и воспитанникѣ Жуковскаго, великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, а главное, въ своемъ „вѣкѣ“, духѣ времени и т. п. полуисторическихъ, полумистическихъ факторахъ, незамѣтнымъ, неумолимымъ дѣйствіемъ которыхъ часто, однако, рѣшаются тѣ или другіе вопросы и самыя судьбы царствъ и народовъ.

Чтобы вывести Комитетъ изъ летаргическаго сна, въ который онъ намѣренно погрузился, въ составъ его былъ назначенъ живой, талантливый членъ в. к. Константинъ Николаевичъ. Послѣ бурныхъ августовскихъ засѣданій Комитетъ долженъ былъ встряхнуть дремоту и согласился, наконецъ, выработать планъ работъ, которому, по всей вѣроятности, суждено было растянуться на долгіе годы, если бы не одна изъ тѣхъ неожиданныхъ таинственныхъ счастливыхъ случайностей, которыя, играли крупную роль въ этомъ колоссальномъ дѣлѣ и на которыя за неимѣніемъ болѣе надежныхъ опоръ, болѣе всего возлагали свои упованія искренніе друзья народа [2]). Этой случайностью было поступленіе прошенія литовскаго дворянства, которое ходатайствовало объ освобожденіи крестьянъ, но *безъ земли*, т.-е. предлагало крестьянамъ дать „волчью волю“, по выраженію народа. Большинство комитета охотно шло на такое безземель-

---

[1]) Біогр. слов., 525.

[2]) „Незримая рука“, „таинственныя судьбы“, „великій русскій Богъ“—таковы мистическіе факторы, къ которымъ лѣтописцы крестьянскаго дѣла то и дѣло вынуждены обращаться для объясненія его капризныхъ перепетій. (См. Мат. упр. крѣп. права, I, 154, II, 358, III, 472, Записку Левшина, 536, Еленева—Первые шаги освобожд., 46).

ное освобожденіе, во избѣжаніе худшаго; но Государь настоялъ [1]) на томъ, чтобы крестьяне были освобождены какъ съ *усадебною* осѣдлостью, такъ и съ отводомъ надѣловъ на правѣ *пользованія*.

Въ приснопамятный день *20 ноября* 1857 года былъ подписанъ рескриптъ на имя виленскаго губернатора о созывѣ дворянскаго комитета

Графъ С. С. Ланской.

для составленія положенія объ улучшеніи быта крестьянъ на указанныхъ въ немъ и въ особомъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ основаніяхъ.

Съ этого славнаго дня, столь огорчившаго и ошеломившаго растерявшихся крѣпостниковъ, слѣдуетъ считать оффиціальный приступъ, подъ

---

[1]) Біогр. словарь, 528.

скромнымъ названіемъ „улучшеніе быта“, къ освобожденію крестьянъ, къ великому дѣлу царствованія Александра II, къ одному изъ величайшихъ событій всемірной исторіи. Здѣсь же и начало т. н. эпохи великихъ реформъ.

Но, оставаясь въ потемкахъ канцелярій, великое дѣло опять, какъ и при Николаѣ I, могло быть затушено и задушено высокопоставленными помѣщиками. Стараніемъ друзей свободы приняты были мѣры къ тому, чтобы этотъ важный моментъ закрѣпить настолько, чтобы положенъ былъ конецъ колебаніямъ самого Государя и и обезсилить козни помѣщичьей оппозиціи Комитета.—Съ этою цѣлью и было рѣшено огласить всенародно сдѣланный починъ, разославъ рескриптъ и циркуляръ по губерніямъ, что равносильно было косвенному приказанію дворянству начать ходатайства объ освобожденіи крестьянъ.

Не входя здѣсь въ подробности дальнѣйшаго хода событій [1]), отмѣтимъ еще разъ благодѣтельное вліяніе таинственной „незримой руки“, которая и на сей разъ сослужила великую службу дѣлу русской свободы. — Зная хорошо колебаніе и мнительность высшихъ сферъ предъ рѣшительными шагами и опасаясь интригъ придворныхъ крѣпостниковъ и вліянія ихъ на Государя, либеральная „могучая кучка“, группировавшаяся около в. к. Елены Павловны и в. к. Константина Николаевича, замыслила, такъ сказать, сжечь корабли крѣпостникамъ, и съ этою цѣлью Ланской распорядился отпечатать, съ несвойственною нашей бюрократіи быстротою, циркуляръ и немедленно разослать по губерніямъ [2]). Хотя 21-ое ноября было

---

[1]) Изложеніе хода событій читатели найдутъ въ прекрасной книгѣ проф. Иванюкова „Паденіе крѣпостного права“, гдѣ съ достаточною подробностью очерчено время до обнародованія манифеста 19-го февраля.—Вотъ почему въ нашемъ изложеніи мы касаемся взкользь этого періода и болѣе подробно передаемъ объявленіе воли.—Здѣсь же дается лишь бѣглый очеркъ событій и лицъ, прикосновенныхъ къ составленію. Положенія о крестьянахъ, при чемъ, во избѣжаніе повторенія, опускаются нѣкоторыя подробности, которыя читатели найдутъ ниже, напр., въ главѣ „о роли Тверского дворянства“ (вопросъ о надѣлѣ и вотчинной полиціи) и въ главахъ о в. к. Константинѣ Николаевичѣ, Н. А. Милютинѣ и др.

[2]) См. *Русск. Архивъ*, 1885, № 8, стр. 525 и сл.—Въ Біогр. словарѣ относительно этого момента читаемъ: „Какъ рескриптъ, такъ и отношеніе министра не (?) предназначались къ обнародованію. Но Государь самъ извѣстилъ о принятой важной мѣрѣ представлявшемуся ему воронежскому губернатору, *вслѣдствіе чего* (?) было рѣшено обѣ эти бумаги препроводить губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства „для свѣдѣнія и соображенія“ на случай, если бы дворяне прочихъ губерній пожелали послѣдовать примѣру, поданному дворянствомъ Сѣверо-западнаго края“ (стр. 530). Эта версія совершенно не согласуется съ изложеніемъ, которое мы находимъ у ближайшаго свидѣтеля событій А. И. Левшина (см. тамъ же *Русск. Арх.*), и не вяжется съ общимъ ходомъ ихъ. — Если бы вовопросъ о разсылкѣ циркуляра рѣшенъ былъ лишь послѣ аудіенціи (21 ? ноября), то невозможно было бы въ тотъ же день рѣшить разсылку и вечеромъ привести рѣшеніе въ исполненіе. (См. ниже главу о в. к. Константинѣ Николаевичѣ).

день праздничный, и рабочіе были свободны, тѣмъ не менѣе циркуляръ былъ отпечатанъ и немедленно сданъ на Николаевскую желѣзную дорогу для немедленной отсылки, хотя бы съ товарнымъ поѣздомъ [1]).

Дальнѣйшія событія показали всю громадную важность и полную цѣлесообразность проявленной Лаинскимъ необычайной энергіи. Черезъ нѣсколько дней спохватились крѣпостики секретнаго Комитета, чувствуя прекрасно, что послѣ перваго же луча свѣта дѣло нельзя уже будетъ затушить въ потемкахъ канцеляріи, и ихъ всемогуществу конецъ. Они сдѣлали слабую попытку повернуть дѣло назадъ. Но жребій былъ брошенъ: уже было поздно. Рескриптъ уже былъ разосланъ и Ланской имѣлъ возможность сослаться на „совершившійся фактъ“, и закоснѣлые крѣпостники, во избѣжаніе крупнаго общественнаго скандала (котораго они боялись, какъ огня), волею-неволею затихли.

Разсылка циркуляра 20 ноября, а впослѣдствіи и опубликованіе его въ газетахъ *безповоротно* ставили на очередь сто лѣтъ ждавшій разрѣшенія крестьянскій вопросъ, и этимъ однимъ уже имя великаго иниціатора покрывалось не меркнущимъ блескомъ. „Имя Александра II, — писалъ въ 1858 г. въ *Колоколѣ* неутомимый поборникъ эмансипаціи А. И. Герценъ, вскорѣ послѣ обнародованія рескриптовъ,—принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра же окончилось — все равно, начало освобожденія крестьянъ сдѣлано *имъ*, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ—пусть онъ довершаетъ начатое, пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону... Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой — не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть* и *свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе? „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“, такъ начиналъ и кончалъ свою статью смѣлый трибунъ народной свободы [2]).

Съ озлобленіемъ и безграничнымъ отчаяніемъ [3]) встрѣтило большинство помѣстнаго дворянства вѣсть о предстоящемъ паденіи рабства.

---

[1]) См. тамъ же, 526.

[2]) *Колоколъ* отъ 15 февраля 1858 г.

[3]) „Предвѣщаніе громадной реформы,—пишетъ Милютина,—потрясающей всѣ старые порядки и отношенія, должно было глубоко отразиться во всемъ, перепутать понятія, развить повсюду какое-то тревожное, лихорадочное состояніе, *испугать* людей слабыхъ и свыкнувшихся съ старыми порядками, открыть талантливыхъ и исполненныхъ вѣры въ лучшую будущность, подстрекнуть въ ихъ искамъ людей мелкимъ, преслѣдующихъ личные, а не отечественные интересы сотрясеніе было всеобщее; всѣ какъ-то пресытились отъ долговременной летаргіи; люди, отвыкшіе не только говорить, но и думать, встрепенулись, и все зашевелилось. Выступила наружу сыпь, вогнанная внутрь, насталъ бредъ, что уродли-

Рядомъ съ историческою неразвитостью, дѣлавшею для „передового“, правящаго класса непонятнымъ и ненавистнымъ это столь естественное, справедливое начинаніе Александра II, шла невѣжественная косность дворянства и моральное безразличіе, граничившія съ безчеловѣчностью. Эти люди, родившіеся и выросшіе среди безобразій и ужасовъ крѣпостного права, такъ съ ними свыклись и сжились, что не могли даже и представить себѣ, что можно жить безъ „богомъ и царемъ дарованныхъ подданныхъ, безъ холоповъ, обязанныхъ выносить всѣ насилія, причуды и истязанія своего господина“, безъ juris primae noctis, безъ розогъ, безъ пощечинъ и другихъ принадлежностей рабства.

Въ любопытныхъ, крайне непритязательныхъ, но характерныхъ очеркахъ „Великъ Богъ земли русской“ извѣстнаго этнографа-народника П. И. Якушкина [1]), въ концѣ 50-хъ годовъ изъ конца въ конецъ исходившаго, въ качествѣ простого коробейника, всю Европейскую Россію, мы находимъ весьма правдивое описаніе настроенія какъ въ средѣ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, наканунѣ объявленія воли и вскорѣ послѣ ея объявленія:

„Кто живалъ въ деревняхъ далеко отъ столицъ, тотъ помнитъ, — писалъ Якушкинъ, — какою *неожиданностью* для *всѣхъ* былъ знаменитый Высочайшій рескриптъ виленскому военному генералъ-губернатору; всѣ встрепенулись и съ судорожнымъ смиреніемъ ждали съ минуты на минуту: одни—всѣхъ благъ земныхъ, другіе всѣхъ бѣдъ“.

Разсказывая о впечатлѣніи, произведенномъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 [2]) года, Якушкинъ передаетъ такую сцену, бывшую у одной провинціальной помѣщицы:

— Да что же это значитъ?—спрашиваетъ эта барыня, когда ей прочитали рескриптъ.

— Уничтожается крѣпостное право,—отвѣчали ей.

— А крѣпостныхъ крестьянъ не будетъ? Крѣпостныхъ совсѣмъ не будетъ?

вый, но вмѣстѣ благодѣтельный, ибо медленно пріучалъ къ властной и разумной рѣчи“. (Русск. Стар. 1899, № 3 Записки М. А. Милютиной).

[1]) Очерки П. И. Якушкина сначала появилась въ *Современникѣ*, а въ 1895 году изданы А. С. Суворинымъ въ его „Новой библіотекѣ“. Какъ достовѣрное фотографическое воспроизведеніе дѣйствительности, очерки Якушкина имѣютъ для исторіи больше значенія, чѣмъ иные quasi-историческіе мемуары съ тенденціознымъ искаженіемъ событій.

[2]) Объ этомъ „ужасномъ“ днѣ Падейкова освѣдомилась такъ: „Двадцатаго ноября, въ самый день преподобнаго Григорія Декаполита, собственная приданная дѣвка Ѳеклушка торжественно въ общемъ собраніи всей дѣвичьей объявила, что скоро она, Ѳеклушка, съ барынею за однимъ столомъ будетъ сидѣть, и что неизвѣстно еще, кто кому на сонъ грядущій пятки чесать будетъ, она ли Прасковьѣ Павловнѣ или Прасковья Павловна ей“ (Салтыковъ—Сочин. II, 31).

— Совсѣмъ не будетъ.

— Ну, этого я *не хочу!*—объявила барыня, вскочивъ съ дивана.

Всѣ посмотрѣли на нее съ недоумѣніемъ.

— Рѣшительно не хочу! Поѣду сама къ Государю и скажу: я скоро умру, послѣ меня пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ, а пока я жива, я этого не хочу!

— Какъ, у меня отнимать мое!—разсуждалъ другой помѣщикъ.—Вѣдь я *человѣкомъ* владѣю; мнѣ *мой* Ванька приноситъ оброку въ годъ по пятидесяти цѣлковыхъ. Отнимутъ Ваньку, кто мнѣ за него заплатитъ, да и кто его цѣнить будетъ? [1]).

Какъ водится, въ подмогу къ трусливымъ причитаньямъ и своекорыстнымъ обобщеніямъ пристегивались и разсужденія объ общемъ благѣ. Съ отмѣною крѣпостного права, по предсказаніямъ помѣщиковъ, въ Россіи неминуемо долженъ былъ наступить голодъ, вывозная торговля прекратиться и Россія снизойти до степени второстепенной державы [2]). Нѣкоторые даже шли такъ далеко, что предрекали неизбѣжное революціонное движеніе среди крестьянъ.

Разстроенное воображеніе душевладѣльцевъ, всю жизнь жившихъ интересами желудка и смежныхъ съ нимъ органовъ [3]), рисовало имъ всѣ ужасы

---

[1]) См. назв. Очерки, 8. Хорошимъ панданомъ къ записямъ Якушкина могутъ служить картины помѣщичьей растерянности, записанныя мощною кистью Салтыкова. По поводу первыхъ тревожныхъ слуховъ, разстроившихъ сны помѣщиковъ и въ особенности помѣщицъ, читаемъ: „Всегда видишь,—разсказываетъ Падейкова,—что-нибудь пріятное: или по ковру ходишь, или по рѣкѣ плывешь, или вообще что-нибудь на пользу дѣлаешь, а нынче просто-на-просто привидѣлось какое-то большущее черное пятно: такъ будто и колышется передъ глазами—то налѣво повернетъ, то направо пошатнется, то будто подъ сердце подступить хочетъ... Видно, уже мы не угодны стали,—толкуетъ свой сонъ Падейкова,—а угодны холопки. Ну, что жъ? и пускай онѣ будутъ дворянками! Вотъ завтра позову всѣхъ, и Θеклушу позову... ну, и скажу имъ: теперь, дѣвки, ужъ не мнѣ вами командовать, а вы командуйте мною, вы теперь барыни, а я ваша холопка! Только прелюбопытно будетъ, Гаврила Семенычъ; какъ это онѣ за команду примутся? Вѣдь онѣ это дѣло какъ понимаютъ? По-ихнему, сидѣть бы сложа руки, чтобы все это имъ даромъ да шаромъ... а того и не подумаютъ, мерзавки, что даромъ-то и прыщъ на носу не вскочитъ: все сначала почешется“. (Салтыковъ—Сочиненія, i, 35. 36).

[2]) Мат. кр. пр. I, 150.

[3]) См. „На зарѣ крестьянской свободы“, *Русская Старина* 1897, № 10, стр. 31 У страха, да вдобавокъ при нечистой совѣсти, глаза велики.—При первой же вѣсти о воли помѣщики страшно перепугались. „Страхъ изъ-за неповиновенія крестьянъ,—царилъ тогда всюду,—въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ закоулкахъ имперіи. Крестьянскіе бунты грезились и во снѣ и наяву; опасенія шли далеко впереди колыхающейся дѣйствительности.

Слово „бунтъ“ стало обиходнымъ; жалобы властямъ сыпались безъ конца;

пугачевщины. Одинъ изъ московскихъ баръ, въ припадкѣ чисто животнаго страха, такъ изливалъ свою злобу въ письмѣ къ отцу:

„Петербургскіе реформаторы полагаютъ, что эта реформа (крестьянская) начнется и кончится только на насъ однихъ, что милый и интересный классъ народа переведетъ помѣщиковъ, а своихъ благодѣтелей, т.-е. высшихъ и низшихъ чиновниковъ оставитъ въ покоѣ наслаждаться ихъ прекрасными окладами и квартирами. Легко ошибутся, и я вполнѣ убѣжденъ, что если буду висѣть на фонарѣ, то параллельно и одновременно съ Б—вымъ (Блудовымъ?), А — гомъ (Адлербергомъ) и прочими умными людьми“ [1]).

становые пристава и исправники почти не возвращались на свои квартиры. Слѣдующіе примѣры покажутъ, насколько были виновны одни и правы другіе. Князь Ф. Ѳ. Мышецкій жаловался на своихъ крестьянъ с. Нерглева, что они „подъ вліяніемъ ложныхъ понятій о свободѣ, оглашая себя вольными“, отказались отъ уплаты оброка. Изъ разслѣдованія исправника оказалось, что они только просили помѣщика объ отсрочкѣ на мѣсяцъ 10 рублей недоимки. Помѣщица Попова доносила, что ея крестьяне „выходятъ изъ повиновенія“; на самомъ же дѣлѣ они только не рѣшались исполнить ея приказъ ѣхать за дровами въ „сосѣднія дачи“. М. Е. Чевокинская подала даже двѣ просьбы: одну министру внутреннихъ дѣлъ, а другую—въ III отдѣленіе, въ которыхъ писала, что ея крестьяне отказались платить оброкъ „подъ предлогомъ, что отъ Царя будетъ какое-то новое положеніе“. Слѣдствіе же обнаружило, что они не заплатили ей „по своей бѣдности и разоренности“ трети оброка, 250 р., и просили отсрочки до полученія задатковъ на волжскую работу“.

„Крѣпостные А. Д. Черткова двухъ деревень отказались платить оброкъ и повиноваться бурмистру. Оказалось, что бурмистръ присвоилъ себѣ болѣе 7.000 р. мірскихъ денегъ. По донесенію губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, крестьяне помѣщика Пашкова „крутымъ и несправедливымъ обращеніемъ были доведены до того, что боялись въ числѣ двухъ или трехъ человѣкъ открыто сойтись и поговорить въ деревняхъ“. О „бунтѣ“ въ имѣніи П. Н. Менделѣева губернаторскій чиновникъ доносилъ, что крестьяне отказались отъ оброка и работъ, „выведеные изъ терпѣнія непомѣрными поборами и безчеловѣчнымъ тиранствомъ помѣщика *изъ своихъ рукъ*“. Крестьяне г-жи Чупраковой, которая жаловалась на нихъ въ нанесеніи „дерзостей и обидъ“, въ числѣ 19 душъ мужского пола, составляя 9 тяголъ, выплачивали ей ежегодно 300 р. оброку, подушный и мірской сборы и 6 дней въ недѣлю работали на нее, а „дерзости и обиды“ ихъ состояли въ томъ, что они „какъ милости, просили дать имъ два дня въ недѣлю работать на себя“. Послѣ этого можно себѣ представить, что же считалось тогда злоупотребленіемъ властью помѣщика, за которое помѣстья отбирались по закону въ опеку... Такихъ имѣній въ губерніи въ концѣ 1858 г. всего было 11, при чемъ большая половина ихъ съ населеніемъ въ 1.172 души обоего пола поступила въ теченіе 1857—1858 г.“. (*Спб. Вѣд.* 1898 г., 19-го февраля).

[1]) См. тамъ же, 21. По сообщенію г-жи Смирновой, у тонкихъ политиковъ—крѣпостниковъ самъ Блудовъ попалъ въ красные („Рус. Стар.“ 1897, № 10). Мухановъ заноситъ въ свой дневникъ: „Морни высказалъ, что въ Россіи само правительство проводитъ программу соціалистовъ. Кн. Черкасскій сказалъ съ удо-

Словомъ, если брать не отдѣльныя личности изъ средняго круга образованнаго дворянства и немногія мѣстныя исключенія, въ родѣ истинно благородныхъ представителей тверского дворянства съ его предводителемъ, А. М. Унковскимъ во главѣ (см. ниже), то дворянство, какъ цѣлое, какъ сословіе, оказалось рѣшительно враждебнымъ освобожденію крестьянъ. Испытанный другъ дворянства, товарищъ министра внутр. дѣлъ Левшинъ, не могущій быть заподозрѣннымъ въ чрезмѣрной строгости къ дворянству, такъ резюмируетъ отношеніе дворянства къ крестьянскому дѣлу: „Чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго, вызова освободить крестьянъ не было ни въ одной губерніи, но своими маневрами правительство пріобрѣло возможность [1]) сказать торжественно крестьянамъ помѣщичьимъ, что владѣльцы ихъ *сами* пожелали дать имъ свободу“.

Невольнымъ благоговѣніемъ проникаешься, когда отъ траги-комическаго метанья и озлобленнаго бѣснованья, забывшаго и свой апломбъ, и noblesse oblige дворянства, перейдешь къ исполненному достоинства и выдержки [2]), къ глубокому огорченію крѣпостниковъ [3]), поведенію многострадальныхъ крѣпостныхъ, этихъ „хамовъ“, лишенныхъ, по мнѣнію былыхъ и нынѣшнихъ крѣпостниковъ, нравственнаго сознанья.

вольствіемъ, что чрезъ три года въ Россіи не останется ничего на своемъ мѣстѣ. Всѣ эти Головнины и другіе окружающіе великаго князя люди, сказала одна высокопоставленная особа, красные и, кромѣ вреда, ничего не дѣлаютъ“. См. Днев. Муханова (Русс. Арх. 1896, II, 33).

[1]) *Русскій Архивъ* 1885, № 11. Въ виду исконнаго недовѣрія крестьянъ къ помѣщикамъ такая невѣрная оффиціальная версія, по удостовѣренію Якушкина достигала цѣли, вызывая недовѣріе къ „волѣ“ (назв. очерки, стр. 16).

[2]) Извѣстная Смирнова, пріятельница Гоголя, пишетъ: „мнѣ довелось въ царскомъ саду слышать отъ крестьянина Витебской губерніи такія рѣчи и видѣть такіе взгляды, что меня морозъ по кожѣ подралъ“. *Русская Старина* 1897, № 9. стр. 126.

[3]) Тотъ же правдивый бытописатель Якушкинъ записалъ такую характерную сцену на постояломъ дворѣ между хозяиномъ (крѣпостнымъ) и помѣщикомъ

— Что, хозяинъ, народъ ждетъ, чай, не дождется воли?—спрашиваетъ онъ дворника.

— Какъ, родной, ваше благородіе, не ждать: тогда мужички сподобятся свѣтъ увидать,—отвѣчалъ хозяинъ-дворникъ.

— То-то пойдетъ *потѣха!*—заговорилъ, посмѣиваясь, баринъ.

— На что потѣха! Отъ этого спаси Богъ!.. Дай, Господи, эту благодать съ миромъ и съ любовью принять!

— Надо бы съ любовію,—продолжалъ баринъ,—а безъ потѣхи дѣлу не обойтись.

— Обойдется, Богъ дастъ!

— Нѣтъ, не обойдется!

— Обойдется, спроси кого хочешь,—утверждалъ хозяинъ-дворникъ.

— А давай спросимъ. Какъ ты думаешь,—спросилъ онъ меня,—станутъ тѣшиться?

Съ пламеннымъ восторгомъ и полнымъ единодушіемъ привѣтствовала русская интеллигенція,—эта „оторвавшаяся“ отъ народа интеллигенція,—наступающую „зарю святого искупленія“.

Съ особеннымъ энтузіазмомъ и торжествомъ отпраздновала опубликованіе рескриптовъ московская интеллигенція на *первомъ*, въ Россіи, политическомъ банкетѣ 28 декабря 1857 г.—Связанная по рукамъ и ногамъ печать временъ „россійскаго паши“, какъ называли гр. Закревскаго, не смѣла и думать передать охватившее общество воодушевленіе, и единственнымъ доступнымъ способомъ для выраженія, волновавшаго все передовое общество, восторга оказался обѣдъ по подпискѣ, устроенный въ московскомъ купеческомъ клубѣ. Вся московская интеллигенція, безъ различія направленія, собралась за однимъ столомъ, чтобы привѣтствовать наступившее „новое время“. Консерваторъ-византіецъ Погодинъ, либералъ-конституціоналистъ Катковъ, откупщикъ Кокоревъ, забывая свое разномысліе, собрались, чтобы чествовать того, кого въ своемъ тостѣ впервые проф. Бабстъ назвалъ „царемъ освободителемъ“. М. Н. Катковъ такъ опредѣлялъ значенье наступившей либеральной эры: „бываютъ эпохи, когда силы мгновенно обновляются, когда люди съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца сливаются въ общемъ чувствѣ. Благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи! Благодареніе Богу, намъ суждено жить въ такую эпоху“.

— Нѣтъ, не станутъ.

— Ты это почемъ знаешь?—спросилъ онъ уже гораздо болѣе строгимъ голосомъ.

— Да я не знаю, почему должна произойти какая-то потѣха, и что такое эта ‚потѣха?“

— Эй, малый!—крикнулъ помѣщикъ мужику, ѣхавшему съ возомъ.

— Малый! ты изъ какихъ: господскій что ли, или вольный?

— Былъ господскій,—угрюмо и какъ-то неохотно отвѣчалъ проѣзжій мужикъ.

— А теперь?

— Да и теперь пока господскій.

— Какъ „пока“ господскій?

— Пока царь волю всѣмъ не пришлетъ, до тѣхъ поръ и мы господскіе...

— Хорошъ у васъ баринъ?

— Хорошъ!.. Господа развѣ бываютъ плохи? Господа всѣ хороши!

— Все бы, чай, потѣшиться надъ бариномъ?—продолжалъ приставать господинъ.

— Тѣшиться не тѣшиться было прежде, а на послѣдяхъ и толковать объ этомъ нечего!

Резюмируетъ свои наблюденія предъ объявленіемъ воли Якушкинъ такъ: Тогда какъ извѣстнаго сорта помѣщики увѣрены были, что произойдетъ нѣчто такое, что извѣстно было подъ таинственнымъ наименованіемъ „потѣхи“, весь народъ зналъ, что не изъ-за чего даромъ въ Сибирь птти.

Кокоревъ въ своей рѣчи, между прочимъ, такъ разъяснялъ значенье переживаемаго знаменательнаго историческаго момента: „свѣтъ и тьма въ вѣчной борьбѣ. Одолѣваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется человѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ. Одолѣваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ человѣчество, ноетъ духъ, умаляется сила народовъ. Тьмы всегда и вездѣ болѣ, нежели свѣта, но зато сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало. Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II. Свѣтъ выразился въ желаніи вывести нашихъ братьевъ-крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними *насъ* почти три вѣка; этимъ свѣтомъ теперь озарена и согрѣта Русская земля“ [1]).

Предполагалось повторить банкетъ въ большихъ размѣрахъ въ Большомъ театрѣ, при чемъ проектировалось, дабы запечатлѣть въ сердцѣ юношества наступленіе въ Россіи новой, освободительной эпохи, пригласить гимназистовъ и кадетъ въ ложи, послать привѣтственныя телеграммы въ европейскія столицы,—словомъ, отпраздновать на весь міръ, какъ принято въ свободныхъ странахъ, радостное событіе предстоящаго паденія рабства въ Россіи...

Но распорядители праздника считали—„безъ хозяина“: они забыли, что въ двухъ шагахъ отъ Большой Дмитровки сидитъ живое воплощеніе того самаго „мрака“, противъ котораго они такъ краснорѣчиво ратовали,—глава московскихъ крѣпостниковъ, графъ Закревскій,—къ огорченію Александра II, сильно задержавшій ходатайство московскаго дворянства объ освобожденіи. Могъ ли хозяинъ Москвы допустить въ „своей“ Москвѣ столь горячій привѣтъ свѣту и свободѣ? Грубый самодуръ (въ коронацію 1856 г. московскихъ купцовъ, дававшихъ обѣдъ Государю, Закревскій выгналъ на кухню, говоря, что *ихъ* мѣсто тамъ), упрямый деспотъ, типичный представитель стараго николаевскаго режима подавленія всякой попытки къ самостоятельности, страдавшій маніею политическаго сыска (какъ извѣстно, даже на митрополита Филарета онъ писалъ доносы въ III отдѣленіе), гр. Закревскій пришелъ въ негодованіе, узнавъ о демонстраціи московской интеллигенціи противъ крѣпостного права и въ честь Александра II. Снесшись съ своими достойными единомышленниками, гр. Панинымъ и кн. Долгоруковымъ, онъ предложилъ обуздать либеральныхъ профессоровъ и журналистовъ, колеблющихъ основы порядка:

> Стучится идея о чемъ-то, бишь, новомъ,
> Задвинемъ-ка двери засовомъ!

Казалось трудно было извратить смыслъ этого восторженнаго привѣта

---

[1]) Н. Мат. кр. права I, 142.

со стороны науки и печати новому царствованію. Но, къ сожалѣнію, были еще довольно сильны, къ огорченію друзей свободы, традиціи стараго режима, сущность котораго будущій министръ П. А. Валуевъ характеризовалъ такъ: „вездѣ преобладаетъ стремленіе сѣять добро силою, вездѣ нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія, вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вездѣ пренебреженіе человѣческой личности“ и т. д. [1]).

Увы! и на этотъ разъ крѣпостникамъ и слугамъ мракобѣсія удалось одержать верхъ и зажать ротъ [2]) своимъ противникамъ и даже воспретить,—едва вѣрится!—чествованіе 19-го февраля восшествія на престолъ...

Банкетъ былъ запрещенъ, ораторы получили выговоръ за вольныя рѣчи. Такъ непривѣтливо была встрѣчена первая попытка къ проявленію хоть „тѣни свободы“ [3])...

Но, несмотря на „задвинутые засовы“, несмотря на всѣ „зигзаги“ новаго либеральнаго движенія, бодрое, радостное пробужденіе общества, напоминавшее свѣтлую весну,—когда силушка по жилушкамъ переливается,—помогло ему въ союзѣ съ прогрессивными элементами правительства вести съ успѣхомъ неравную борьбу съ противниками народной свободы, по рутинѣ или своекорыстію боявшимися ея какъ огня.

А борьба эта дѣйствительно была неравная. На сторонѣ рабства было высшее чиновничество, дворъ, знатное, богатое дворянство, и лишь не-

---

[1]) См. записки Валуева, *Русская Старина*, 1891, май, 357.

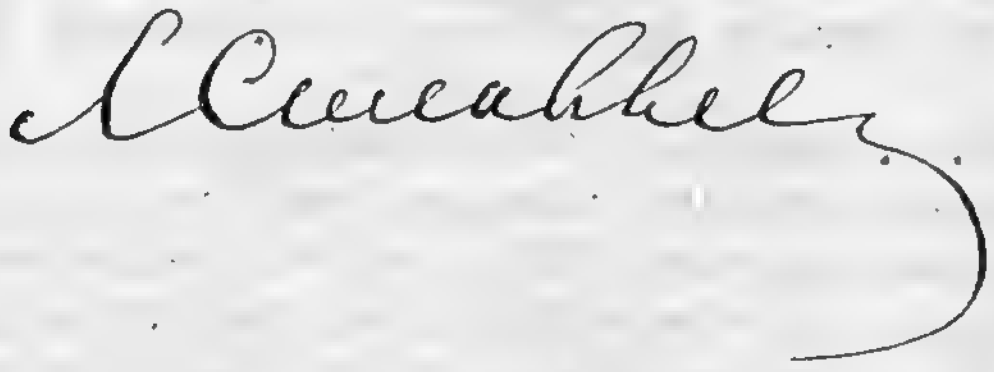
[2]) Въ *Русской Старинѣ*, 1887 (см. н. ст. „На зарѣ“ и пр.), приводится письмо, въ которомъ пишетъ объ обѣдѣ 28 декабря Ю. Ѳ. Самаринъ къ А. В. Головину отъ 8 февраля 1858 г.: „Насъ всѣхъ призывали къ полиціймейстеру и брали съ насъ подписки (нѣтъ каково?), что мы *не будемъ* праздновать обѣдомъ восшествія на престолъ (т.-е. 19 февраля). По этому же поводу Кокореву сдѣлано нѣсколько запросовъ, между прочимъ и слѣдующій: на какомъ основаніи онъ употребилъ слово *народный* на рѣзной надписи, высѣченной у него на фронтонѣ музеума, который выстроенъ у него на дворѣ. Надпись слѣдующая: „Хранилище издѣлій русскаго народнаго труда“, и она обращена не на улицу, а на дворъ. Кокоревъ отвѣтилъ совѣтомъ вымарать надпись: „*Народныя* бани“, попадающуюся на всѣхъ перекресткахъ. Сколько у насъ невинныхъ сотрудниковъ *Колокола*!“

[3]) См. н. Матеріалы, 192.

Смирнова, говоря о противорѣчивыхъ мѣропріятіяхъ новаго царствованія, еще въ 1855 году писала: „Юный императоръ несетъ бремя, часто тягостное, но оно бремя его отца, и онъ долженъ его чтить. Не будемъ удивляться, если протекутъ даже года, прежде чѣмъ изгладится привычка къ прошлому, которое уважаютъ и по принципу, и по убѣжденію. Но вѣдь мы не привыкли итти по стезѣ благоразумія и даже не знаемъ, какъ поступать съ тѣнью того, что называется свободою“: (*Русск. Стар.* 1897, 8, 617).

большой слой изъ образованнаго средняго дворянства да интеллигенція [1]) выступали защитниками свободы. Но повели они съ этихъ поръ дѣло съ неослабѣвавшею энергіею.

Съ обнародованіемъ рескриптовъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выдвигаются на первый планъ знаменитые дѣятели крестьянской реформы: начальникъ земскаго отдѣла Я. А. Соловьевъ [2]) и Н. А. Милютинъ (пор-



---

[1]) Въ брошюрѣ г. Смирнова: „Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена“ совершенно неправильно указано, будто среди „баръ и вельможъ (??), вообще высшей знати, Александръ II нашелъ лучшихъ своихъ помощниковъ“, стр. 10. Напротивъ, всѣ они почти были отъявленные крѣпостники.

[2]) Портреты Я. А. Соловьева, Н. А. Милютина, Я. И. Ростовцева и графа В. Н. Панина сняты съ карточекъ, любезно доставленныхъ внукомъ Ланского, графомъ С. М. Ланскимъ.

третъ см. дальше), замѣнившій съ конца 1857 г. робкаго, нерѣшительнаго товарища министра А. И. Левшина [1]). Но въ особенности выдвигается впередъ членъ секретнаго Комитета генералъ-адъютантъ, Я. И. Ростовцевъ, который дѣлается съ 1858 г. ближайшимъ сотрудникомъ и довѣреннымъ лицомъ Александра II по крестьянскому дѣлу.

Не отличаясь ни знатнымъ происхожденіемъ, ни богатствомъ, ни выдающимися умственными способностями и солиднымъ образованіемъ, этотъ въ душѣ добрый, но далеко не твердый въ принципахъ дѣятель николаевскаго пошиба, неожиданно [2]) дѣлается съ 1858 г. подъ вліяніемъ факторовъ, доселѣ не вполнѣ разъясненныхъ, однимъ изъ корифеевъ правительственныхъ либераловъ, однимъ изъ важнѣйшихъ представителей раціональнаго, т.-е. радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Раскаявшійся декабристъ, быстро отличенный и вознесенный Николаемъ I, ловкій и гибкій царедворецъ,—въ инструкціи своей по военно-учебному вѣдомству открыто провозглашавшій, что верховная власть, высшее начальство *выше* совѣсти, есть „сама верховная совѣсть, долженствующая упразднить субъективныя указанія личной, подвижной человѣческой совѣсти“,—какъ будто внезапно прозрѣлъ самъ, убѣдившись въ лживости этого еще такъ недавно оффиціально пропагандируемаго имъ безнравственнаго государственнаго догмата [3]). Поддался ли Ростовцевъ дѣйствію всесильнаго новаго духа времени, повелительно требовавшаго оглянуться вокругъ, не коснѣть въ консервативномъ самодовольствѣ, взвѣсить свои отношенія къ людямъ не съ точки зрѣнія табели и установлен-

---

[1]) Типъ трусоватаго бюрократа, А. И. Левшинъ отошелъ отъ крестьянскаго дѣла, какъ только оно пошло полнымъ ходомъ, считая безуміемъ одновременное и повсемѣстное освобожденіе крестьянъ. Впослѣдствіи не безъ зависти вспоминалъ онъ объ этомъ рѣдкомъ случаѣ сослужить службу Россіи и съ добродушіемъ прибавилъ: „радъ, что меня не послушались“ (см. записки его въ Русс. Арх., 1885 г., ноябрь).

[2]) Въ молодости Я. И. Ростовцевъ былъ декабристомъ и способствовалъ открытію заговора.—Мнѣнія относительно мотивовъ, имъ руководившихъ, расходятся. Ѳ. П. Еленевъ въ *Русскомъ Архивѣ* (1873 г., стр. 449) указываетъ, что поступокъ Ростовцева былъ чуждъ всякаго корыстнаго побужденія. Никитенко, знавшій Ростовцева въ 1825 году, утверждаетъ, что онъ не преслѣдовалъ въ то время никакой своекорыстной цѣли. „Онъ тогда же меня увѣрялъ,—пишетъ Никитенко,—что флигель-адъютантство, *тотчасъ послѣ 14 декабря*, было для него большимъ горемъ“ (Дневникъ, II, 83).

[3]) См. сочин. И. С. Аксакова, V, 163.

Перемѣна во взглядахъ, происшедшая въ Ростовцевѣ, была такъ разительна, что въ отвѣтѣ своемъ на извѣщеніе о назначеніи его предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи онъ уже говоритъ „о чувствѣ долга предъ *своею* совѣстью“ (см. ниже).

ныхъ формъ и нормъ, а при свѣтѣ совѣсти неумолимой,—дѣйствовали ли тутъ семейныя вліянія [1]), но фактъ тотъ, что Ростовцевъ съ половины 1858 г. дѣлается восторженнымъ прозелитомъ либеральнаго движенья, энтузіастомъ крестьянскаго дѣла.—Быть можетъ, первый разъ въ жизни онъ сталъ думать не объ угожденіи сильнымъ міра сего, не о шансахъ карьеры своей, а о благѣ народа, о дѣлѣ, о „святомъ дѣлѣ“, какъ онъ

Я. И. Ростовцевъ.

сталъ называть крестьянскую реформу. Въ первый разъ въ жизни онъ сталъ серьезно изучать порученное ему дѣло, и не изъ-за чиновъ и орденовъ, и даже не изъ одного угожденія своему Государю, а въ глубокомъ и бла-

---

[1]) Есть преданіе, подтверждаемое и н. Матеріалами (1,115, II, 160), что лѣтомъ 1858 г. сынъ Ростовцева въ Дрезденѣ, находясь при смерти, заклиналъ отца загладить свое прошлое безкорыстною услугою на пользу русскаго народа, и что Ростовцевъ далъ въ томъ слово.

говѣйномъ сознаніи великой чести и отвѣтственной задачи, выпавшей на его долю; онъ вложилъ всю свою душу въ это дѣло, за которое онъ въ какокъ-то экстазѣ гражданскаго самопожертвованія готовъ былъ пожертвовать и почти пожертвовалъ жизнью [1]). У Ростовцева замелькала черта, столь драгоцѣнная во всякомъ государственномъ человѣкѣ, „черта, — по замѣчанію одного изъ участниковъ крестьянской реформы,—довольно рѣдкая у насъ, въ людяхъ, достигшихъ высшихъ государственныхъ ступеней—Ростовцевъ думалъ *объ исторіи*, вѣрилъ въ верховный судъ, *мечталъ* о почетной для себя страницѣ на ея свиткахъ“ [2]).

И пріобрѣлъ, безъ сомнѣнія, завидную честь и славное право, о которомъ онъ мечталъ.

Но, какъ извѣстно, всѣ мечтатели, не исключая и мечтателей съ генералъ-адъютантскими аскельбантами, опасны, какъ носители иного критерія, кромѣ раболѣпнаго преклоненія предъ силою, они ненавистны для оффиціальнаго statu quo, для сонной рутины и омертвѣлыхъ формъ, которыя непоколебимы только дотолѣ, покуда не упадетъ на нихъ лучъ свѣта, струя пытливой мысли, пока не коснется дыханіе воодушевленнаго идеала, анализъ безкорыстнаго, непоколебимаго убѣжденія. И если, какъ справедливо указываетъ Д. Ст. Милль, одинъ человѣкъ, одушевляемый убѣжденіемъ и идеаломъ, стоитъ десяти руководимыхъ своекорыстными интересами, то легко понять, какую крупную силу долженъ былъ представлять собою новообращенный неофитъ-либералъ Ростовцевъ въ группѣ силъ и вліяній, по своекорыстнымъ мотивамъ боровшихся противъ крестьянской реформы. Легко понять и ту непримиримую ненависть, которую должны были восчувствовать къ Ростовцеву высшія правительственныя и придворныя сферы, почти насквозь пропитанныя крѣпостническими тенденціями, а также и то, что ненависть свою къ „выскочкѣ“ Ростовцеву

---

[1]) Предсмертная болѣзнь Ростовцева (желчная лихорадка) была вызвана чрезмѣрнымъ увлеченіемъ его благородною миссіею, выпавшею на его долю. Сдѣлавшись мишенью самыхъ злостныхъ и наглыхъ нападокъ со стороны крѣпостниковъ, Ростовцевъ—натура воспріимчивая и пылкая—не вынесъ этихъ безчисленныхъ уколовъ и клеветъ себялюбивой знати. Какъ бы предвидя неизбѣжность самопожертвованія, этотъ, въ общемъ далеко не геройскаго закала, человѣкъ такъ проникся величіемъ и трудностями своей задачи, что говаривалъ не разъ: „я иду на крестную смерть“, „я готовъ сложить голову на плахѣ“ и т. п. (см. Матеріалы для исторіи упраздн. крѣп. права. Берлинъ, 1860, т. I, 380 и II, 256, а также рѣчь П. П. Семенова въ *Русской Старинѣ*, 1892, № 3).

[2]) См. Ѳ. П. Еленева. — Первые шаги освобожденія крестьянъ. С.-Пб. 1886, стр. 59. Въ помянутомъ письмѣ Ростовцевъ говоритъ „о страхѣ предъ Россіей и предъ потомствомъ“.

они перенесли, послѣ его смерти, даже на его потомство и сотрудниковъ [1]).

4 марта 1859 г. была открыта знаменитая Редакціонная Коммиссія [2]) для разсмотрѣнія проектовъ, поступавшихъ изъ Губернскихъ Дворянскихъ Комитетовъ и составленія окончательнаго проекта. Ростовцевъ былъ назначенъ ея предсѣдателемъ. Дѣятельность его въ этой трудной и отвѣтственной должности сдѣлалась предметомъ особо беззастѣнчивой травли со стороны высокопоставленныхъ крѣпостниковъ. По совѣту Н. А. Милютина, Ростовцевъ ввелъ въ составъ Коммиссіи нѣкоторыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій, и въ союзѣ съ ними, а также съ Я. А. Соловьевымъ и др., онъ составилъ сплоченное ядро Редакціонной Коммиссіи, проникнутое одними и тѣми же взглядами и на своихъ плечахъ вынесшее главный трудъ крестьянскаго законодательства. Твердо усвоивъ основные пункты либеральной программы передовой прессы: надѣленіе крестьянъ землею въ собственность, выкупъ ея (но только добровольный) и дарованіе имъ самоуправленія, Ростовцевъ убѣдилъ и Государя въ ихъ необходимости и, сильный его поддержкою, строго отстаивалъ эти начала.

20 февраля 1860 года умеръ Ростовцевъ на рукахъ Александра II, котораго до послѣдняго вздоха всячески ободрялъ, успокоивалъ и укрѣплялъ въ рѣшимости довести до конца „святое дѣло“. „Не бойтесь“ — были послѣднія слова Ростовцева.

Пока былъ живъ Ростовцевъ, безчисленныя придворныя интриги и чудовищныя клеветы, сыпавшіяся на Редакціонную Коммиссію изъ лагеря высокопоставленныхъ крѣпостниковъ, были нейтрализуемы вліяніемъ ея могущественнаго предсѣдателя. Неограниченное довѣріе, питаемое Императоромъ Александромъ II къ Ростовцеву, служило для Коммиссіи щитомъ,

---

[1]) См. назв. книгу Еленева, 60 и примѣч. П. Бартенева, тамъ же.

[2]) Въ составъ Редакціонной Комиссіи входили члены отъ разныхъ вѣдомствъ: 1) С. М. Жуковскій, 2) А. П. Заблоцкій-Десятовскій, 3) К. И. Домонтовичъ, 4) Н. А. Милютинъ, 5) А. К. Гирсъ, 6) Я. А. Соловьевъ, 7) В. Н. Любощинскій, 8) Н. П. Семеновъ, 9) В. И. Булыгинъ, 10) Е. И. Ламанскій, 11) Н. Н. Павловъ, 12) Н. В. Калачовъ, 13) А. В. Поповъ, 14) И. П. Арапетовъ, 15) Ю. А. Гагемейстеръ, 16) М. Х. Рейтернъ, 17) Н. А. Кристофари; члены-эксперты: 18) В. В. Апраксинъ, 19) Ц. А. Булгаковъ, 20) Н. Х. Бунге, 21) Г. П. Галаганъ, 22) К. И. Гецевичъ, 23) А. А. Грабянка, 24) кн. Б. Д. Голицынъ, 25) кн. С. П. Голицынъ, 26) А. Д. Желтухинъ, 27) Н. И. Желѣзновъ, 28) Б. Ф. Залѣсскій, 29) кн. Ѳ. И. Паскевичъ-Эриванскій, 3) М. П. Позенъ, 31) Ю. Ѳ. Самаринъ, 32) П. П. Семеновъ, 33) В. В. Тарновскій, 34) А. Н. Татариновъ, 35) кн. В. А. Черкасскій, 36) Н. П. Шишкинъ, 37) Гр. П. П. Шуваловъ, 38) О. Ф. Ярошинскій.

ограждавшимъ ее отъ самыхъ яростныхъ и беззастѣнчивыхъ нападокъ, какъ ни властны были сферы, изъ которыхъ онѣ исходили. Смерть Ростовцева, если не произвела окончательнаго перелома въ направленіи работъ Редакціонной Коммиссіи, то все же лишила ее важной точки опоры и окрылила надеждами крѣпостническую партію, далеко не вполнѣ побѣжденную и входившую въ силу уже съ конца 1859 г.

Избраніе преемника Ростовцеву должно было служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія дальнѣйшей судьбы принятаго въ Редакціонной Коммиссіи при Ростовцевѣ либеральнаго плана освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Ни одинъ изъ сановниковъ, сочувствующихъ освобожденію (гр. П. Д. Киселевъ, С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ и др.), не занялъ мѣста Ростовцева. Не попалъ также и М. Н. Муравьевъ, который, хотя и былъ въ душѣ противникомъ освобожденія, считался, однако, способнымъ, по соображеніямъ карьеры, пойти на сдѣлку, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ репутацію человѣка ненадежнаго и способнаго нарушить данное обѣщаніе [1]).

---

[1]) См. Освобожденіе крестьянъ—Н. П. Семенова, Спб. 1890 г., т. II, стр. 630 и слѣд. — Валуевъ въ Дневникѣ своемъ называетъ Муравьева „государственнымъ хамелеономъ“ и приводитъ тому подъ 1860 г. рядъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ личныхъ сношеній съ Муравьевымъ, при которомъ онъ служилъ. Въ 1859 г., въ началѣ дѣятельности Редакціонныхъ Комиссій, Муравьевъ былъ рѣшительнымъ противникомъ освободительной программы Ростовцева. Членъ Редакціонной Комиссіи М. П. Позенъ, по расчету Муравьева, долженъ былъ нанести смертельный ударъ (coup de poignard) Ростовцеву (см. *Русская Стар.*, 1891, № 8, стр. 278). Но впослѣдствіи, когда Ростовцевъ вошелъ въ полное довѣріе и силу. Муравьевъ говорилъ о немъ: быть можетъ, Богъ сохранитъ Якова Ивановича для Россіи (*Русская Старина*, 1891, № 10, стр. 149). Описывая подобострастное преклоненіе Муравьева предъ шефомъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковымъ, Валуевъ между прочимъ, указываетъ, что не только въ словахъ и жестахъ, но въ самомъ сидѣньи выражалъ Муравьевъ свое подобострастіе, сидя на стулѣ en trois quarts или, по-польски, w pol duka (*Русск. Старина*, 1891 г., № 11, стр. 416). Ханъ, бекъ, мирза, паша, мандаринъ—все, что угодно, говоритъ Валуевъ о Муравьевѣ, только не министръ (тамъ же, № 10, стр. 148). Для характеристики „дѣловитости“ Муравьева Валуевъ, между прочимъ, пишетъ: „ген. Муравьевъ и кн. Долгоруковъ вмѣсто памятованія своихъ „принциповъ“ (ковычки подлинника), робѣютъ передъ мыслью, что „могутъ сказать“ (к. п.) Государю, что „они даютъ мало земли крестьянамъ“ (к. п.). Они до того поверхностны и легкопадны, — продолжалъ Валуевъ,—что совершенно забыли, что Комиссія установила двѣ нормы—высшую и низшую—и сравниваютъ свою собственную норму только съ высшею, потому что она напечатана первой и имъ *виднѣе* (курсивъ подл.), чѣмъ низшая напечатанная второй (sic—безъ всякаго преувеличенія, прибавляетъ Валуевъ въ скобкахъ). Они для исправленія проекта „грабительствующихъ“, по ихъ мнѣнію, комиссій готовы

III.

И кто мнѣ помогъ
Осилить надменность тирановъ?
Кѣмъ былъ я избавленъ отъ смерти?
Отъ рабства?
Не ты ли одно все свершило,
Святое горячее сердце?!

Гёте.

Предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи былъ назначенъ, неожиданно для всѣхъ, графъ В. Н. Панинъ. Нужно знать, что такое былъ графъ Панинъ, чтобы представить себѣ удивленіе и огорченіе, вѣрнѣе, ужасъ друзей народа: одряхлѣвшій министръ юстиціи, типичнѣйшій представитель узкаго до нелѣпости консерватизма николаевскихъ временъ, буквоѣдъ-законникъ [1]), формалистъ до мозга костей, самоувѣренный бюрократъ-

---

грабительствовать болѣе ихъ и обратить крайній предѣлъ эластичныхъ нормъ комиссіей въ твердую обязательную норму. Все это во имя уваженія къ правамъ собственности и заботливости объ интересахъ помѣщиковъ". (См. тамъ же, № 11, стр. 420).—Для характеристики самого автора Дневника небезынтересно слѣдующее его мѣсто. Валуевъ считалъ scandalum magnum то обстоятельство, что Панинъ, при содѣйствіи Топильскаго, Н. П. Семенова (автора н. сборника „Освобожд. крестьянъ") и К°, въ нѣсколько дней произвольно перерабатывали цифры надѣла, выработанныя Редакц. Комиссіею путемъ сложныхъ и продолжительныхъ вычисленій (тамъ же, стр. 426). Между тѣмъ самъ же „исполнительный" Валуевъ, получивъ приказаніе отъ Муравьева пересоставить (по самымъ шаткимъ основаніямъ) цѣлую главу проекта Редакц. Ком, не преминулъ исполнить желаніе своего начальства и, кромѣ того, на скорую руку составилъ новую систему повинностей (тамъ же, стр. 414—415).

[1]) См. характеристическій очеркъ въ н. с. Семенова, т. II, стр. 665 и слѣд., а также въ книгѣ моей: „С. И. Зарудный и судебная реформа", стр. 9—10. Въ помянутой характеристикѣ г. Семеновъ, между прочимъ, упоминаетъ, что гр. Панинъ, получивъ должность министра юстиціи, взялъ двухмѣсячный отпускъ и въ это время прочелъ отъ доски до доски весь только-что вышедшій Сводъ Законовъ, а два тома (гражданскіе и уголовные законы) выучилъ *наизусть* (стр. 666). Примѣнялъ же онъ законы съ сухою жестокостью слѣпого буквоѣда и отъявленнаго „кнутофила" (по мѣткому выраженію Д. И. Ровинскаго, см. ниже, главу III). На стр. 22 — 23 моихъ „Основъ судебной реформы" указанъ случай, въ которомъ гр. Панинъ не согласился дать ходъ сенатскому ходатайству *о замѣнѣ* малолѣтнему преступнику 100 ударовъ розгами 50-ю, признавъ, что уже замѣною, въ силу закона, плетей розгами чаша милосердія была переполнена до края.

рутинеръ (въ теченіе 30-ти лѣтъ управленія министерствомъ гр. Панинъ въ прогнившихъ насквозь гнѣздилищахъ торговли правосудіемъ не ввелъ ни одной реформы), вдобавокъ педантъ-мизантропъ, брюзга и деспотъ-самодуръ, съ которымъ личныя отношенія были крайне непріятны. Вотъ что изъ себя представлялъ новый предсѣдатель! Члены Редакціонной Коммиссіи такъ были ошеломлены, что собирались сообща подать въ отставку, отъ которой успѣлъ, однако, отговорить ихъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Но не одни эти качества были причиною того всеобщаго смущенія [1]) и негодованія, которыя вызвало среди членовъ Редакціонной Коммиссіи и вообще среди друзей свободы, начиная отъ Герцена и кончая Аксаковымъ [2]), непостижимое назначеніе гр. Панина, а главнымъ образомъ

— Будучи министромъ юстиціи, гр. Панинъ самъ далъ взятку при совершеніи акта у крѣпостныхъ дѣлъ (см. ст. Калмыкова, въ *Русс. Стар.* 1888, № 12) и тѣмъ не менѣе еще въ 1862 г., т.-е. наканунѣ судебной реформы, возмущался критикою со стороны дерзкой печати „его“ судовъ, жаловался по начальству, если цензора пропускали статьи, заключающія намекъ на взяточничество тогдашнихъ судей или осужденіе существующихъ процессуальныхъ законовъ (см. *Русс. Стар.* 1892, № 5, стр. 380). До чего простиралось наивное самообольщеніе этого самодовольнаго замуравленнаго въ своемъ кабинетѣ маніака можно видѣть изъ того, что въ 1857 г. онъ намѣревался свой министерскій отчетъ напечатать по-французски... для назиданія Европы (Р. Ст. 1897, № 11, стр. 227).

[1]) (См. н. с. Семенова, т. II, стр. 586, 695). Выборомъ гр. Панина, богатаго землевладѣльца, очевидно, имѣлось въ виду дать удовлетвореніе партіи крѣпостнической, консервативной. Уступка въ лицѣ должна была какъ бы вознаграждать за настойчивость въ дѣлѣ проведенія крестьянской реформы въ духѣ народной или либеральной программы. Эта тактика неустойчиваго равновѣсія или окраски въ полутоны характеризовала правительственную систему и въ послѣдующее время Александра II: полтора мѣсяца спустя послѣ изданія Положеній 19-го февраля, смѣщаются внезапно главные двигатели ихъ—Н. А. Милютинъ и С. С. Ланской, и дѣло проведенія реформы передается въ руки равнодушнаго къ ней, если не прямо враждебнаго, П. А. Валуева, писавшаго записки для М. Н. Муравьева, направленныя противъ проектовъ Редакц. Ком. (см. выше). То же самое было и при судебной реформѣ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи новаго суда министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ приносится въ жертву реакціи вмѣстѣ съ главнымъ виновникомъ судебной реформы—гр. Паленомъ.—Леруа-Болье, внимательно изучавшій наши учрежденія, въ этомъ постоянномъ шатаніи и нерѣшительности, въ этой двойственности видитъ главную причину неудачи нашихъ реформъ (см. н. с. его L'empire des tzars т. II, ч. 4, а также его Un homme d'état russe, chapitre III).

[2]) По настоящему, писалъ И. И. Аксаковъ, слѣдовало бы всѣмъ членамъ редакціонной комиссіи выдти въ отставку, потому что позоръ всѣхъ этихъ мѣръ ложится на нихъ,—и протестовать иначе нельзя, но, конечно, мысль о томъ, что дѣло можетъ погибнуть или перейти въ руки Шувалова съ братіей, хотящихъ освобожденія безъ земли, ихъ удерживаетъ. Дай Богъ, чтобы всѣ приносимыя ими

репутація его, какъ надменнаго и завзятаго крѣпостника съ феодально-аристократическими тенденціями. Назначеніе гр. Панина считалось побѣдою дворянской партіи, хотя съ другой стороны стало извѣстно, что Я. И. Ростовцевъ, какъ за меньшее изъ золъ, высказался передъ своею смертью [1]) за назначеніе гр. Панина, полагая, что онъ ради сохраненія мѣста не постѣснится дѣйствовать и *вопреки* своимъ политическимъ и нравственнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ [2]).

Такимъ образомъ и здѣсь повторилось то же странное явленіе, которое раньше замѣтно было въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, гдѣ предсѣдателемъ былъ графъ А. Ф. Орловъ, такой же завзятый крѣпостникъ, какъ и гр. Панинъ. Причину этого на первый взглядъ непонятнаго явленія разъясняетъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ бывшій въ 1857 г. товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ при Ланскомъ А. И. Левшинъ. Приведемъ относящееся сюда замѣчательное мѣсто, достойное пера Тацита.

жертвы и чинимыя ими самими надъ собою насилія были не безполезны! Признаюсь—всѣ натяжки моей мудрости лопаются при полученіи извѣстій изъ Россіи“ (стр. 386 Писемъ Аксакова).

[1]) См. н. с. Семенова, т. II, ст. 632—633.

[2]) Когда гр. Панинъ, убѣжденный крѣпостникъ, согласился принять постъ предсѣдателя Редакц. Комиссіи съ обязательствомъ вести работы ея въ прежнемъ направленіи, т.-е. *противно* своимъ убѣжденіямъ, то въ объясненіе своего поведенія онъ говорилъ съ наивнымъ цинизмомъ великому князю Константину Николаевичу слѣдующее: „у меня есть убѣжденія, *сильныя убѣжденія* (??). Напрасно иногда думаютъ противное. Но по долгу вѣрноподданнической присяги я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнать взглядъ Государя Императора. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что Государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю готчасъ *отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ* съ тою и даже большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“. Адм. Грейгъ по этому поводу замѣтилъ: „Это самая откровенная защита подлости, какую я когда-либо слышалъ“. Другіе отозвались объ этомъ credo, прибавилъ Валуевъ, такъ: „Панинъ былъ правъ“ (см. Дневникъ Валуева *P. C.* 1891, № 11, стр. 150). — Гр. В. Бобринскій уклонился отъ предложеннаго ему Александромъ II званія члена Редакціон. Комиссіи, такъ какъ было поставлено то же условіе, что и гр. Панину, а именно — отказъ отъ права подачи собственнаго отдѣльнаго мнѣнія. Когда гр. Бобринскій объяснилъ гр. Панину свой образъ дѣйствій, имѣвшій цѣлью отклоненіе отъ подписанія мнѣній, несогласныхъ съ его убѣжденіемъ, тотъ наивно возразилъ: „да это осужденіе всей моей дѣятельности. *Я всю жизнь подписывалъ вещи, несогласныя съ моими убѣжденіями* (тамъ же, стр. 153). — Великая княгиня Елена Павловна, горячо сочувствовавшая освобожденію крестьянъ и пораженная выборомъ гр. Панина, крѣпостника, выразила свое удивленіе Государю. На это онъ отвѣчалъ: „да вы не знаете гр. Панина; его убѣжденіе — это точное исполненіе моихъ приказаній“. (Leroy Beaulieu. Un homme d'état russe. Paris. 1884. p. 56).

„*Пестрота* Главнаго Комитета, говоритъ онъ, несогласіе членовъ его въ воззрѣніяхъ на порученное ему дѣло и происходившее изъ того противодѣйствіе ихъ другъ другу *не должны* удивлять насъ: въ другомъ государствѣ, гдѣ люди *дорожатъ* своими мнѣніями и своею репутаціею, подобное собраніе лицъ не могло бы осуществиться. Бывъ назначены верховной властью къ разсмотрѣнію подобнаго дѣла, они бы прежде всего ощупали другъ друга, опросили, вывѣдали убѣжденія каждаго и затѣмъ составили бы программу дѣйствій, которую бы поднесли Государю на утвержденіе. Если бы онъ ея не принялъ, они всѣ или частью отошли бы прочь, *почитая безчестіемъ дѣйствовать вопреки совѣсти.* Почему не сдѣлалъ того же князь Орловъ? Онъ стоялъ такъ высоко, что ничего бы не потерялъ, а, напротивъ, выигралъ бы въ глазахъ Государя и всей публики, если бы сказалъ: я не убѣжденъ въ современности освобожденія крестьянъ и потому не могу съ полнымъ усердіемъ и безпристрастіемъ двигать этого дѣла; я гожусь вамъ, Государь, на что-либо иное. Мы спрашиваемъ, почему не сдѣлалъ этого князь Орловъ или иной членъ Комитета, не раздѣлявшій мысли Государя? Потому, что въ Россіи *никто ни отъ чего не отказывается, никто своимъ мнѣніемъ не дорожитъ и думаетъ только, какъ угодить царю и получить за то какую-либо награду.* Пока наши государственные люди будутъ такъ дѣйствовать, не быть добру: въ этомъ и заключается *корень* неустройства въ Россіи.—Сравнивая разныя лица между собою,—продолжаетъ Левшинъ,—можно быть еще снисходительнымъ къ человѣку, который подавляетъ свою совѣсть, отказывается отъ своихъ мнѣній, потому что ему нужно мѣсто для физическаго существованія, но можно ли тѣмъ путемъ сколько-нибудь оправдать Орлова, Панина и подобныхъ имъ? Неужели они не знаютъ, что ихъ при жизни и по смерти ожидаетъ неумолимый судъ исторіи? Такое ослѣпленіе, такое униженіе и добровольная *кабала* могутъ быть объяснены только *отсутствіемъ всякой самостоятельности* [1])...“

Предоставленіе руководства дѣломъ освобожденія крестьянъ человѣку, въ душѣ ему не сочувствовавшему, но обязанному оффиціально ему содѣйствовать, создавало уже само по себѣ двусмысленное фальшивое положеніе, помимо личныхъ особенностей гр. Панина. На мѣсто прежняго живого, теплаго, сердечнаго отношенія къ „святому“ дѣлу, проявлявшагося въ послѣдніе годы Ростовцева [2]), крестьянская реформа получала, точнѣе,

---

[1]) См. А. И. Левшина — Достопам. минуты въ моей жизни. — *Рус. Арх.* 1885, № 8, стр. 543—544)

[2]) Ростовцевъ, будучи до поѣздки за границу, какъ и почти всѣ петербургскіе чиновники, диллетантомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, относился, однако, къ нему съ большою сердечностью. Развивая въ въ 1858 г. въ письмахъ къ Государю свой

снова пріобрѣтала педантическій, приказный [1]), угрюмый, подозрительный, мрачный колоритъ—да, именно мрачный, и вотъ почему.

Главный узелъ крестьянскаго вопроса заключался въ томъ или другомъ отношеніи къ крѣпостному народу. Старые государственные люди вмѣстѣ съ большинствомъ помѣщиковъ считали его звѣремъ и боялись „воли“. Первоначально, до своего „обращенія“, лѣтомъ 1858 г. Ростовцевъ держался этого же воззрѣнія.—Уже, усвоивая понемногу аллюры временщика [2]), выработалъ онъ проектъ о чрезвычайныхъ временныхъ генералъ-губернаторахъ, снабженныхъ чрезвычайными полномочіями для усмиренія бунтовщиковъ. Милютинскій либеральный кружокъ, вѣрившій въ разумъ и добрые инстинкты народа, сильно вооружился противъ проекта. Ланской подалъ въ этомъ смыслѣ записку Государю, изъ-за которой чуть не лишился мѣста.

Содержаніе записки Ланскаго и особенно встрѣчавшіеся въ ней обороты рѣчи разгнѣвали Императора, который возвратилъ записку Ланскому, испещренную пространными собственноручными замѣчаніями на поляхъ, ярко характеризующими взглядъ какъ на предпринятое имъ преобразованіе, такъ и вообще на задачи внутренняго управленія, его цѣли и средства. На утвержденіе министра, что народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ намѣреніямъ правительства, Государь возразилъ: „Все это такъ, *пока народъ находится въ ожиданіи*, но кто можетъ поручиться, *что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе*, и народъ увидитъ, что *ожиданіе его, т.-е. свобода, по его разумѣнію, не сбылась*, не настанетъ ли для него *минута разочарованія*? Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ, и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать всѣхъ *временныхъ* генералъ-губернаторовъ, и все войдетъ опять въ законную

планъ мѣстнаго крестьянскаго управленія, Ростовцевъ полагалъ, что если командировать въ провинцію нѣсколько флигель-адъютантовъ и др., то Россія будетъ *блаженствовать* (sic).

[1]) Первымъ дѣломъ гр. Панина, какъ только онъ сдѣлался предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи, было приведеніе въ ясность, въ какого рода шкафахъ хранятся дѣла, какъ они опечатаны и пр. Затѣмъ онъ приказалъ, чтобы ему были показаны „секретныя“ дѣла. Ихъ не оказалось въ Коммиссіи. Но гр. Панинъ все не унимался, будучи убѣжденъ, что, по изстари заведенному порядку, безъ секретныхъ дѣлъ не можетъ обойтись образцовое дѣлопроизводство. Секретарь коммиссіи П. П. Семеновъ (нынѣ сенаторъ, братъ автора н. с. Осв. крест.) для успокоенія гр. Панина собралъ какія-то дѣла и назвалъ, ad majorem gloriam бюрократическаго ритуала и паниинскаго ригоризма, секретными (Матеріалы, II). Это пристрастіе къ канцелярскимъ тонкостямъ не покидало гр. Панина до конца. У него хватило духу и догадливости въ такой торжественный моментъ, какъ закрытіе Редакціонной Коммиссіи, въ своей всеподданнѣйшей запискѣ подробно распространяться о числѣ писцовъ, о расходованіи оставшагося отъ нея неупотребленнымъ матеріала и т. п. столь же умѣстныхъ и интересныхъ предметахъ государственной важности (см. н. с. Семенова, III, ч. 2, стр. 808—809).

[2]) См. Записки сенатора Лебедева, *Русскій Архивъ* 1897, № 9, стр. 637.

колею". Противъ успокоительныхъ увѣреній записки, что не должно опасаться важныхъ затрудненій, Государь написалъ: „Напротивъ, того-то и должно опасаться" что крестьяне спокойно будутъ ожидать утвержденія положеній — „дай Богъ! но этой увѣренности, по всему *до меня доходящему*, я не имѣю" [1]); что спокойствіе народа тогда только надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства—„да, но, къ несчастію, наше положеніе и административная организація еще далеки отъ этого." Въ особенности возмутило Государя сужденіе, высказанное въ запискѣ, что можно обойтись безъ чрезвычайныхъ мѣръ, если только самыя положенія будутъ сосствлены въ видахъ государственной пользы. „Какіе же другіе виды могутъ быть?" (Замѣтимъ, что это говорилось въ то время, когда правительство только что обрушилось на Кавелина за предложеніе надѣленія крестьянъ землею въ собственность, т. е. когда правительство подчинялось давленію узкихъ помѣщичьихъ домогательствъ) вопрошалъ онъ и, соглашаясь съ мнѣніемъ министра, что успѣхъ крестьянскаго дѣла будетъ зависѣть отъ вѣрнаго практическаго соглашенія правъ и выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ, приписалъ: „совершенно такъ." Утвержденіе записки, что послѣдствіемъ учрежденія генералъ-губернаторовъ окажется возбужденіе въ народѣ мысли, что правительство ему не довѣряетъ, а это вызоветъ подобное же чувство недовѣрія народа къ правительству, Императоръ опровергалъ самымъ положительнымъ образомъ: „Въ этомъ я вовсе не согласенъ, ибо мы не должны отъ себя скрывать, что Россія входитъ въ новую, еще небывалую эру, и потому на будущее *преступно* было бы правительству смотрѣть, такъ сказать, сложа руки. *Такъ мы должны быть готовыми ко всему*, и, въ этомъ случаѣ, предусмотрительность должна успокоить, а не тревожить. Эти всѣ опасенія возбуждены людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, *дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли*, т. е. ниспроверженія законнаго порядка". На замѣчаніе министра, что правительству нѣтъ надобности ставить себя въ оборонительное

---

[1]) Оно и понятно, если вспомнить, что начиная отъ шефа жандармовъ кн. В. А. Долгорукова, главнаго источника политическихъ свѣдѣній и настроенія, и великосвѣтскихъ политиковъ и кончая парижскими родовитыми шалопаями и ejusdem farinae глупыми Щедринскими помѣщицами Падейковыми, всѣ были охвачены, особенно первое время, страхомъ пугачевщины. „Разнесли слухъ, пишетъ въ 1857 году изъ Парижа М. Х. Рейтернъ (будущій министръ финансовъ), что государь подписалъ указъ объ увольненіи крестьянъ, а засимъ будто бы пасталъ плачъ велій всей кутящей въ Парижѣ русской аристократіи" (*Р. Ст.* 1897, XII 454).—Одинъ помѣщикъ такъ описываетъ общее настроеніе среди своихъ знакомыхъ: „Помѣщики составили себѣ страшилище, котораго пугаются какъ самой *смерти*. Кто-то сказалъ имъ, что скоро наступитъ эмансипація. Утверждаютъ, что остановилась покупка имѣній, что, теряясь въ догадкахъ о будущемъ, они предполагать могутъ, не зная на чемъ остановиться, что мысль крестьянъ о нераздѣльности ихъ съ землею такъ въ нихъ сильна, что увольненіе безъ нея (земли) можетъ произвести пугачевщину..." Другой помѣщикъ писалъ: „Надъ нами топоръ виситъ на волоскѣ и скоро упадетъ на наши шеи, а именно, чрезъ освобожденіе крестьянъ. Теперь объ этомъ, много толкуютъ..." Замѣчалось и такое явленіе: нѣкоторые предусмотрительные добровольно отпускали на волю своихъ крестьянъ, снабжая ихъ даже землею, однако въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ, сколько можно было ожидать, будетъ опредѣлено по закону объ освобожденіи, въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ сколько нужно было для обезпеченія ихъ быта".

положеніе, и что оно, съ полною увѣренностью въ общее спокойствіе, можетъ держаться законнаго способа дѣйствій, Государь строго возразилъ: „Дѣло не въ оборонительномъ положеніи, а въ томъ, чтобы дать болѣе власти мѣстному начальству. Никогда и рѣчи не было *о незаконномъ способѣ дѣйствія*, но въ экстренныхъ случаяхъ должны быть принимаемы и *экстренныя мѣры*. У насъ, къ сожалѣнію, довольно было примѣровъ пагубныхъ послѣдствій нераспорядительности мѣстныхъ властей, привыкшихъ къ одному формализму и совершенно теряющихся въ подобныхъ случаяхъ". Доводы министра: что единоличная власть генералъ-губернаторовъ поведетъ за собою произволъ, который даже въ отдаленномъ краѣ какова Сибирь, старались ограждать совѣтами,—вызвалъ замѣчаніе: „По теоріи это прекрасно, но не на практикѣ"; что въ два предыдущія царствованія каждый разъ, когда возникала мысль о повсемѣстномъ учрежденіи генералъ-губернаторовъ, мѣра эта была отвергаема—„это такъ, но не должно забывать, что мы теперь находимся не въ нормальномъ положеніи"; что несвойственно измѣнять іерархическія отношенія съ той единственною цѣлью, чтобы сдѣлать возможной власть временную и притомъ личную.—„Я тутъ ничего *несвойственнаго* не вижу, ибо дѣло идетъ о временномъ учрежденіи, долженствующемъ кончиться съ окончательнымъ введеніемъ новаго устройства крестьянъ. Обыкновенный административный порядокъ этимъ не измѣнится, а учреждается только временно новая полицейская власть". Опасеніе министра о возникновеніи столкновеній и пререканій между властями постоянными и чрезвычайными Государь отвергалъ, замѣтивъ, что *столкновеній и пререканій* быть не должно, ибо въ инструкціи временныхъ генералъ-губернаторовъ долженъ быть положительно опредѣленъ кругъ ихъ дѣйствій". Другое опасеніе, что власть губернаторовъ упадетъ до низкаго значенія несамостоятельныхъ чиновниковъ, и они принуждены будутъ заботиться не только объ управленіи губерніею, сколько объ угожденіи генералъ-губернаторамъ,—оспаривалось такъ: „Съ этимъ я также не согласенъ, ибо дѣло не въ угожденіи, а въ исполненіи приказаній лицъ, облеченныхъ отъ меня особыми полномочіями". Власть генералъ-губернаторовъ,—говорилось въ запискѣ, — не имѣетъ никакихъ условій къ усовершенствованію администраціи. „Власть генералъ-губернаторовъ,— разъяснялъ Императоръ, — какъ я ее понимаю, должна быть основана совсѣмъ на другихъ началахъ". Большая часть доводовъ, изложенныхъ въ запискѣ, представленной Государю, служила лишь болѣе или менѣе благовидными предлогами, истинный же поводъ къ сопротивленію министерства внутреннихъ дѣлъ предположенной мѣрѣ усмотрѣлъ Государь въ заключеніи министра, что власть генералъ-губернаторовъ уничтожитъ начало, въ силу котораго предоставлялось губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ расправамъ, или присутствіямъ, какъ они названы впослѣдствіи,—рѣшать окончательно и безъ апелляцій всѣ споры между помѣщиками и крестьянами. Противъ этого мѣста Его Величество начерталъ: „*Слова эти*, кажется, довольно объясняютъ дѣло". Далѣе министръ находилъ, что и губернаторы имѣютъ право обращаться къ военному начальству съ требованіемъ содѣйствія; Государь же пояснялъ: „Въ этомъ и будетъ разница, ибо генералъ-губернаторы должны будутъ сами дѣйствовать, а не обращаться съ просьбой къ военному начальству". Противъ общаго заключенія записки Императоръ написалъ: „Это собственно гражданскій или *канцелярскій* взглядъ и вовсе несогласный съ моимъ". Согласился только Государь съ мнѣніемъ министра что необходимо озаботиться возвышеніемъ власти губернаторовъ. „Этимъ и должно заняться для будущаго", замѣчалъ онъ, а противъ предложенія предоставить губернаторскія мѣста наиболѣе способнымъ изъ членовъ губернскихъ комите-

товъ, не стѣсняясь чинами, сдѣлалъ надпись: „Весьма будетъ полезно“. Зато все рѣзче становились его замѣчанія на заключительныя представленія министра *Министръ*: Составленіе инструкцій генералъ-губернаторамъ преждевременно, такъ какъ не составлены еще крестьянскія положенія и не утверждены проектированныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. *Государь*: „Это значитъ отложить ее до того, когда въ ней не будетъ уже нужды или когда будетъ поздно“. *Министръ*: Предполагается предоставить генералъ-губернаторамъ для сохраненія общественнаго порядка употреблять не однѣ только законныя мѣры, но „всѣ безъ разбора средства“. *Государь*: „Не понимаю, какъ такая мысль можетъ войти въ голову человѣку, *знающему мой образъ мыслей и мои желанія*“. *Министръ*: Генералъ-губернаторы будутъ преувеличивать опасность изъ желанія придать себѣ новую важность и значеніе. *Государь*: „Надѣюсь, что лица, которыя будутъ для сего выбраны *мною* и облечены полнымъ моимъ довѣріемъ, вполнѣ его оправдаютъ“. *Министръ*: Генералъ-губернаторовъ, если они будутъ учреждены, нельзя освободить отъ текущихъ и маловажныхъ дѣлъ, ибо они, чтобъ не уронить своей власти, обязаны будутъ принимать: прошенія, жалобы, письма и т. п. *Государь*: „Непремѣнно должно ихъ отъ этого освободить. Жалобы, имъ приносимыя, должны ими передаваться губернаторамъ“. *Министръ*: При введеніи крестьянскаго положенія слѣдовало бы временно освободить губернатора отъ предсѣдательства во всѣхъ подвластныхъ ему учрежденіяхъ. *Государь*: „Здѣсь предполагается именно то, что я хочу сдѣлать для временныхъ генералъ-губернаторовъ“. *Министръ*: Слѣдовало бы ассигновать особыя суммы въ распоряженіе губернаторовъ на экстраординарные расходы. *Государь*: „Будетъ излишне съ учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ“. *Министръ*, перечисливъ предположенныя имъ мѣры къ расширенію власти губернаторовъ, замѣчалъ: всѣ эти мѣры достаточны для поддержанія порядка и повиновенія: *Государь*; „Я ихъ не считаю достаточными безъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ“. *Министръ*: Въ случаѣ какихъ-либо особыхъ мѣстныхъ затрудненій, всегда можно будетъ командировать уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ. *Государь*: „Вотъ почему я желаю, чтобы подобныя лица были уже на мѣстахъ“.—Рѣшеніе свое Императоръ выразилъ въ послѣднемъ замѣчаніи: „Всѣ сіи соображанія *не измѣняютъ* моего убѣжденія *въ необходимости и пользѣ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ*“, а общее впечатлѣніе, произведенное на него запиской — въ слѣдующемъ обращеніи къ Ланскому: „Я прочелъ все съ большимъ вниманіемъ и долженъ вамъ откровенно сказать, что записка эта сдѣлала на меня *весьма грустное впечатлѣніе*. Она вѣрно составлена не вами, а кѣмъ-нибудь изъ директоровъ департаментовъ или канцелярій, которымъ предполагаемое *новое учрежденіе крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе*, которымъ они привыкли пользоваться и часто *употреблять во зло*“.

Строгая отповѣдь Государя заставила призадуматься старца Ланскаго. Полагая, что онъ лишился Высочайшаго довѣрія, министръ внутреннихъ дѣлъ заготовилъ уже письмо къ Императору съ просьбою объ увольненіи отъ должности, но на ближайшемъ докладѣ Государь былъ съ нимъ такъ привѣтливъ и ласковъ, что Ланской не счелъ нужнымъ просить объ отставкѣ. Его Величество обнялъ министра, выразивъ при этомъ надежду, что онъ „не сердится“, а когда министръ замѣтилъ, что въ иностранныхъ газетахъ уже назначаютъ ему преемника, то Императоръ успокоилъ его увѣреніемъ, что если служба его будетъ болѣе не нужна, то онъ, Ланской, первый о томъ узнаетъ [1]).

---

[1]) См. п. Біографическій словарь, стр. 535—538.

Ростовцевскій проэктъ о генералъ-губернаторахъ не получилъ хода, въ виду того, что со второй половины 1858 г., подъ дѣйствіемъ указанныхъ событій и личныхъ вліяній, Ростовцевъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на крестьянскій вопросъ и на народъ, къ которому отъ сталъ относиться съ большимъ довѣріемъ и сочувствіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательно было поведеніе народа весною 1858 года — Несмотря на сильное возбужденіе, вызванное первыми извѣстіями о грядущей волѣ, народъ съ удивительною выдержкою сохранялъ внѣшній порядокъ и спокойствіе. Причиною этого явленія была допущенная съ 1858 г. *гласность*. Какъ только С. С. Ланской разрѣшилъ напечатаніе рескриптовъ „о волѣ“ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, прекратились ходившіе толки о томъ, что помѣщики скрываютъ указъ о „волѣ“, прекратились и тѣ небольшія волненія, которыя были вызваны, благодаря притѣсненіямъ самихъ помѣщиковъ. Пользуясь нѣсколькими волненіями, бывшими весною 1858 г., приближенные Государя старались напугать его, но министръ Ланской, доставляя еженедѣльные отчеты о волненіяхъ, доказалъ ему, что и число ихъ было ничтожно, и вина нерѣдко бывала на сторонѣ помѣщиковъ [1]). И, несмотря на продолжающіяся усилія крѣпостниковъ запугать Государя [2]), опасенія его были успокоены.

Безсмысленный страхъ плохой совѣтчикъ. Разъ онъ прошелъ, Ростовцевъ „прозрѣлъ“: у него явилась возможность уяснить себѣ смыслъ народнаго возбужденія и найти иныя средства для предупрежденія вредныхъ послѣдствій его.

---

[1]) По всей Россіи было 70 волненій (до іюля 1859 г.), и только въ десяти случаяхъ пришлось обратиться къ военной силѣ. 10% безпорядковъ было вызвано притѣсненіями помѣщиковъ. См. „Біограф. словарь“, Александра II, стр. 535.

Злоупотребленія помѣщиковъ были разнообразнаго характера. Одинъ тамбовскій помѣщикъ, съ восхищеніемъ писавшій о благодѣяніяхъ крѣпостного права, продолжаетъ: „У насъ есть богатый. но промотавшійся помѣщикъ, князь Ю. Г. Онъ хвастаетъ своею эмансипаціей, которая состоитъ въ томъ, что онъ объявилъ 1.000 душъ крестьянамъ свободу, ежели они внесутъ ему по 50 руб. съ души. Они тотчасъ же исполнили, но, какъ имѣніе въ залогѣ, то, чтобы дать имъ актъ вольности, надобно ихъ выкупить, на что князь еще не рѣшился. Между прочимъ, крестьяне желали знать, сколько имъ вмѣстѣ съ свободою дано будетъ земли. Добрый и благодѣтельный князь отвѣчалъ, что предоставляетъ имъ всю землю съ платою по 50 р. за десятину въ годъ. Можете себѣ представить удивленіе этихъ добрыхъ и простыхъ людей! А князь Ю. Г., взявъ съ нихъ по 50 руб. и не обезпечивъ ничѣмъ своего обѣщанія, а напротивъ, стѣснивъ ихъ во владѣніи землей, теперь жуируетъ. Вотъ вамъ и эмансипація“ (Русск. Стар. 1897, № 10).— Другіе случаи приведены выше.

[2]) Эта система запугиванія шефомъ жандармовъ кн. Долгоруковымъ продолжалась до самаго конца крестьянской реформы; см. н. записки Валуева (Р. Ст. 1891, № 9, стр. 147)

Считая лихорадочное возбужденіе народа болѣе или менѣе доказаннымъ, либеральная и консервативная партіи, боровшіяся около крестьянской реформы, дѣлали изъ этого факта противоположные выводы. Ростовцевъ, слѣдовавшій сначала мнѣнію второй, полагалъ теперь, что спасти Россію отъ потрясеній возможно не диктаторскою властью сатраповъ, а только путемъ *радикальнаго* [1]) рѣшенія крестьянскаго вопроса, т. е. освобожденіемъ крестьянъ *съ землею* и съ полнымъ упраздненіемъ вотчинной полиціи, помѣщичьей власти. „Если одиннадцать (съ женщинами двадцать два) милліоновъ жителей, — писалъ Ростовцевъ Александру II [2]), — тѣшимые въ продолженіе двухъ лѣтъ надеждою на свободу и на улучшеніе своего состоянія, будутъ *обмануты*, разочаруются, потеряютъ довѣріе и любовь къ верховной власти и неисполненіе своихъ ожиданій припишутъ, разумѣется, своимъ помѣщикамъ, то Россія не будетъ спасена“ [3]).

Словомъ, боязнь передъ народнымъ возмущеніемъ, которое было возможно, особенно благодаря обостренію мѣстами отношеній между помѣ-

---

[1]) Въ литературѣ, въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о радикальномъ или постепенномъ освобожденіи крестьянъ трактовался на всѣ лады. Американскій экономистъ Кери на обѣдѣ у Донона (въ Петербургѣ) лѣтомъ 1859 г., намекая на крестьянскую реформу, въ назиданіе своихъ слушателей говорилъ такъ: „Будемъ учиться у природы. Когда она желаетъ добра человѣку — дѣйствуетъ постепенно: она ниспосылаетъ росу, лѣтніе дожди, солнечное тепло. Когда она стремится къ разрушенію, дѣйствуетъ разомъ: таковы бури, землетрясенія“. На это кн. Черкасскій отвѣчалъ: „Женщина беременна въ теченіе 9 мѣсяцевъ, а разрѣшается отъ бремени въ нѣсколько часовъ“ (см. *Русск. Стар.* 1891, № 9, стр. 556). Не лишено назидательности, что однимъ изъ самыхъ горячихъ *поборниковъ радикализма* былъ въ это время М. Н. Катковъ въ своемъ *Русскомъ Вѣстникѣ*. *Всякое уклоненіе и замедленіе* въ подобномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе, писалъ Катковъ, когда оно почувствовано и заявлено, *пагубно* для всѣхъ сторонъ и для самого общества (*Русск. Вѣстн.* 1860, февраль).

[2]) См. письмо отъ 23 октября 1859, въ прилож. 4, т. н. с. Семенова, стр. 929.

[3]) Съ членами Редакц. Комиссіи Ростовцевъ былъ еще откровеннѣе и прямо указывалъ, что въ случаѣ обезземеленія крестьянъ Россіи грозитъ „пугачевщина“. См. прот. зас. 23 ноября 1859 г. въ кабинетѣ больного Ростовцева, стр. 254 н. с. Семенова, т. II.

Въ подтвержденіе той мысли, что разрѣшеніе крестьянской реформы не усилитъ, а уничтожитъ возбужденіе умовъ въ народѣ, Ростовцевъ и либералы ссылались также и на данныя уголовной статистики. Въ 40-хъ годахъ были особенно часты убійства крестьянами ихъ господъ; въ одной изъ западныхъ губерній въ теченіе двухъ лѣтъ было одиннацать убійствъ. Незадолго передъ освобожденіемъ крестьянъ, какъ голько пронесся первый слабый благовѣстъ о предстоящей волѣ, убійства вовсе прекратились, несмотря на сильное возбужденіе умовъ: до поднятія крестьянскаго вопроса среднее число убійствъ помѣщиковъ въ годъ было 13, послѣ же объявленія рескриптовъ не было ни ооного случая убійства. См. н. Матеріалы, I, 174.

щиками и крестьянами передъ самымъ ихъ освобожденіемъ, благодаря алчности первыхъ, побуждала либераловъ торопиться удовлетвореніемъ народныхъ требованій, справедливость коихъ была для нихъ очевидна и удовлетвореніемъ коихъ „сверху“ они полагали уничтожить поводъ къ волненіямъ „внизу“. Такому спасительному страху „кающагося дворянина“, страху передъ совѣстью, такому историческому „стыду“ „пробудившагося человѣка“ или требованіямъ справедливости обязаны своимъ происхожденіемъ многія реформы и въ другихъ странахъ [1]).

Не таковъ былъ источникъ и смыслъ „паническаго“ [2]) страха, охватившаго крѣпостниковъ сверху до низу. Это не былъ тотъ нравственный страхъ или страхъ Божій, въ которомъ, по слову писанія, заключается начало премудрости. Страхъ крѣпостниковъ былъ простой эгоистическій, „шкурный“ страхъ передъ утратою возмутительной привилегіи на личность и трудъ „крещеной собственности“ [3]). Они хорошо знали, что крѣ-

---

[1]) О „страхѣ“, какъ средствѣ нравственнаго воздѣйствія на правящія сферы, Шериданъ еще въ прошломъ столѣтіи высказалъ слѣдующія интересныя соображенія: „При объединеніи (митингами) общественнаго мнѣнія съ цѣлью воздѣйствія на палату общинъ, у насъ никогда не было намѣренія производить это воздѣйствіе путемъ насилія или возмущенія; но собранія эти, конечно, разсчитаны были на то, чтобы возбудить въ палатѣ общинъ нѣкоторый страхъ передъ ними и ихъ занятіями, не вредный страхъ, а *трепетное уваженіе*, которое палата общинъ обязана оказывать справедливымъ чувствамъ народа, когда эти чувства собраны и выражены“. См. В. Дерюжинскій—Митинги въ Англіи. *Вѣстн. Европы*, 1893. № 2, стр. 599.

[2]) См. Записки Левшина. 484. — Одинъ изъ молодыхъ помѣщиковъ пишетъ „Секретный комитетъ, это—эмансипація! Помѣшались на словѣ, да и мутятъ. Всѣ вскормлены на казенныхъ испеченныхъ хлѣбахъ, а изъ простого люду знаютъ извозчиковъ, ямщиковъ, да дачныхъ дворниковъ!“ (*Русск. Стар.* 1897 г., № 10, 12):

[3]) Въ *Русской Старинѣ* 1897 г., въ статьѣ „На зарѣ крестьянской свободы“ печатались очень интересныя извлеченія изъ частной переписки помѣщиковъ, обрисовывающей ихъ взглядъ на крестьянское дѣло. Даже тѣ, которые признавали несправедливость постыднаго института, подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами рекомендовали отложить эту отмѣну. Одинъ тамбовскій помѣщикъ писалъ: „Стѣснить права напыщеннаго барства пора, но уничтожить совсѣмъ крѣпостное право рано, очень рано. Первый шагъ нужно сдѣлать уничтоженіемъ такъ называемыхъ дворовыхъ, оставивъ пока крѣпостныхъ земледѣльцевъ“. Но харьковскій помѣщикъ сомнѣвался въ возможности оставить дворянство безъ дворни, которая и служитъ господамъ и охраняетъ ихъ: „Что будетъ съ дворней въ Россіи многомилліонной? Кто на первыхъ порахъ *пусть сваритъ?* Уцѣлѣетъ ли собственность, которую владѣлецъ лично своей персоной отъ взволнованной и непонимающей массы защитить не въ состояніи будетъ? Вотъ мысли, которыя каждаго изъ насъ держатъ въ постоянномъ страхѣ. Совершенно не то, чтобы этой реформѣ противились... До сего времени, несмотря на злоупотребленія, помѣщики были для правительства лучшими полицеймейстерами и блюстителями порядка. Это неоспоримо...“ Подобныя положенія высказывались постоянно: вы-

постное право, лишенное всякаго нравственнаго содержанія, держалось исключительно на насиліи и страхѣ. Закоренѣлыхъ крѣпостниковъ бралъ ужасъ при мысли о Немезидѣ, при мысли о томъ, что будетъ съ этимъ „звѣремъ“ [1]), какъ они считали своихъ крѣпостныхъ, когда его спустятъ

ставляли впередъ опасенія волненій освобожденныхъ крестьянъ, грозили возможностью новой пугачевщины и проч. Наряду съ этимъ говорили о томъ, что народъ нашъ „поистинѣ еще незрѣлый“, что его слѣдуетъ прежде просвѣтить, образовать, а потомъ уже можно будетъ думать объ его освобожденіи.

[1]) См. н. Записки Левшина, 499.—Выше приведены ужасы, примерещившіеся московскимъ барамъ.—Петербургскіе аристократы не отставали. Одинъ изъ нихъ въ 1857 г. писалъ: „Теперь въ Россіи жить нельзя, tout va à la diable et le parti rouge domine à St. Pétersbourg“ (все идетъ чертовски плохо, и партія красныхъ господствуетъ въ Петербургѣ). Ср. *Русск. Стар.* 1897, октябр., стр. 25.—Смирнова въ письмѣ своемъ указываетъ, что самъ сѣдовласый гр. Блудовъ, излюбленный юристъ николаевскихъ временъ, попалъ вмѣстѣ съ славянофилами въ „поджигатели“ (*Русск. Арх.* 1897, сент. 124).

— Вотъ что писалъ А. М. Тургеневъ въ 1857 г. по поводу отмѣны военнаго рабства: „Сообразите, вопилъ А. М. Тургеневъ, 340.000 кантонистовъ повелѣно распустить. Вотъ вамъ готовая армія. Всѣ они пролетаріи, не имѣя куска хлѣба, ни пріюта, ни одежды, будутъ вынуждены дѣлать то, что отъ нихъ потребуютъ.—Господа же писаки (sic), наши журналисты и сантиментальные литераторы не укоснятъ преподать правила и наставленія кантонистамъ. Они же всѣ знаютъ грамоту. Вотъ вамъ все и готово, чего добиваются литераторы (!!). Впомните о табунѣ (sic) раскольниковъ; ихъ насчитываютъ болѣе 8-ми милліоновъ, и большее число головъ въ этомъ табунѣ принадлежитъ помѣщикамъ. Ну—какъ табунъ шарахнется, что тогда дѣлать?“ (*Русск. Стар.* 1897, № 10, 13). Если съ такою пѣною у рта говорили помѣщики по поводу освобожденія военныхъ рабовъ, то немудрено, что вѣсть объ освобожденіи ихъ собственныхъ рабовъ окончательно лишила ихъ разума, и появились галюцинаціи фонарнаго столба въ видѣ висѣлицы.

— Въ „письмѣ конторщика“, напечатанномъ въ № 9 *Русск. Арх.* за 1897 г. отмѣчая эту панику „передъ волею“, „распространенную между начальствующими и господствующими“, авторъ добавляетъ: въ этомъ было нѣчто тупоумное, особый видъ помѣшательства разсудка, что весьма ясно доказывается извращеніемъ понятія о вѣчныхъ законахъ человѣческихъ чувствъ. Извѣстно, что если человѣку дѣлаютъ что нибуда хорошее (какъ отмѣна крѣпостного права), то бунтовать ему и драться нечего. Любопытно, что почти въ тождественныхъ выраженіяхъ говорилъ А. М. Унковскій на аудіенціи у Александра II. (См. стр. 38 книги моей. „Унковскій и освобожд. крест.“).—Такое ни съ чѣмъ несообразное представленіе о народѣ можно объяснить, какъ вѣрно указываетъ авторъ, убѣжденіемъ крѣпостниковъ, что „у мужиковъ психическія движенія совершаются по другимъ законамъ, чѣмъ у людей вообще“. — Въ виду приведенныхъ данныхъ представляется тенденціозно-фальшивымъ завѣреніе редактора *Р. Арх.*, что „въ чужихъ краяхъ (?) именно этого (бунта послѣ освобожденія) ждали и застрѣльщиками (??) выставили поляковъ“ (стр. 138). — Эта явная фальсификація особенно бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что именно благонадежные московскіе крѣпостники съ Закревскимъ во главѣ считали рѣзню неизбѣжною, а впослѣдствіи даже назначали срокъ—„въ теченіе 1860 г.“ (См. *Рус. Стар.* 1891, № 10, стр. 147, а также *Рус. Стар.* 1897, сент.).

съ цѣпи? А ну какъ они пойдутъ сводить свои старые счеты?! Но и болѣе благодушные помѣщики, будучи плохо знакомы съ дѣйствительнымъ настроеніемъ народа, боялись производить освобожденіе народа, одновременно по всей Россіи [1]).

Опытъ съ гласностью, сдѣланный въ 1858—1859 г. и внесшій успокоеніе въ народныя массы, взволнованныя первыми темными слухами о предстоящей волѣ, послужилъ ободряющимъ образомъ на либераловъ, на умѣренную часть дворянства [2]). Но непримиримая вражда неисправимыхъ враговъ свободы не поколебалась. Напротивъ, именно такое, исполненное удивительнаго такта и самообладанія выжидательное положеніе народа, составлявшее поразительный контрастъ сравнительно съ поведеніемъ потерявшаго голову, безпорядочно метавшагося дворянства, крѣпостникамъ казалось подозрительнымъ. Для друзей же свободы этотъ спокойный, но грозный, какъ судьба, многочисленный крѣпостной народъ, въ внушительномъ молчаніи ждавшій уничтоженія рабства и возврата себѣ человѣческихъ правъ, былъ поистинѣ великъ и прекрасенъ!

Рѣдко когда въ исторіи можно встрѣтить картину, равную по силѣ и назидательности этой грандіозной картинѣ 23-хъ милліоннаго народа, въ сосредоточенномъ безмолвіи словно по предварительному уговору ждущаго свободы и, несмотря на трехвѣковое безправное положеніе свое, не утратившаго еще вѣры въ силу права и въ торжество правды!

Какимъ-то особымъ милостивымъ чудомъ исторіи, вообще столь суровой, какъ и природа Россіи, къ русскому народу, онъ сохранилъ, несмотря на господство крѣпостного, т. е. кулачнаго права, едва тлѣющую искру правды, онъ сберегъ, несмотря на извращающее и развращающее дѣйствіе крѣпостного права и свое полное безправіе, трогательную, инстинктивную вѣру въ конечное торжество справедливости. Какъ ни часто дотолѣ обманывала его эта наивная дѣтская вѣра, но на сей разъ эти милліоны обездоленныхъ, обезличенныхъ рабовъ, словно смердящій Лазарь наканунѣ воскрешенія, почуявъ близость и неизбѣжность своего нравственнаго возрожденія, подтянулись напослѣдяхъ, терпѣливо выносили послѣднія обиды и жестокости, спокойно ожидая великаго дня воли, будучи убѣждены въ его неотвратимости. Народъ, низведенный на степень рабочаго скота, своимъ безукоризненнымъ, среди общаго замѣшательства и суматохи, по-

---

[1]) Болѣе искренніе изъ сторонниковъ постепеннаго освобожденія впослѣдствіи сами сознавались въ своей ошибкѣ. „Теперь,—писалъ Левшинъ въ 1860 г.,—вижу что *я ошибался* и не подозрѣвалъ въ народѣ русскомъ того терпѣнія и благоразумія, съ которымъ онъ ожидаетъ рѣшенія своей участи“.—См. тамъ же, 510.

[2]) Помѣщики пожилые, пишетъ г. Еленевъ, весь свой вѣкъ проведшіе съ крестьянами, признавались потомъ, что они не ожидали отъ нихъ такого спокойствія и самообладанія. См. н. бр., 55.

веденіемъ, свидѣтельствовалъ свою твердую вѣру, что сила не въ силѣ, онъ какъ бы приглашалъ своимъ терпѣливымъ ожиданіемъ давно желаннаго часа свободы своихъ тирановъ къ „покаянію“, къ признанію, наконецъ, всей чудовищности владѣнія „душами“, безотчетнаго предоставленія, съ самаго рожденія, человѣка безотчетному произволу человѣка же.

Крѣпостные Сеньки лизали горячія печки и исполняли другія потѣхи для увеселенія гостей помѣщика и даже старались это дѣлать съ „веселымъ“ лицомъ, какъ того требовали господа,—заслышавъ весною 1858 г., что скоро настанетъ конецъ всѣмъ мученіямъ; безнаказанно оскорбляемые, замученные кормильцы русской земли, терпѣливо глотали, въ эти радостно-мучительные дни появленія зари свободы, свои горячія слезы рабскаго позора, которыя, по выраженію Салтыкова, „вѣками капали, капали внутрь, капали кровавыми пятнами на сердце и все накипали, все накипали, пока не перекипали совершенно“... Но теперь въ эти вѣщіе, послѣдніе предъ паденіемъ рабства, дни слезы „бѣлыхъ негровъ“, къ сокрушенію помѣщицъ Падейковыхъ, сопровождались улыбками на устахъ,—то были:

Послѣднія слезы о горѣ быломъ
И первыя грезы о счастьѣ иномъ!

Повѣствуя объ этомъ торжественно-тревожномъ канунѣ свободы, г. Еленевъ говоритъ: „Это былъ звукъ трубы архангела, возвѣстившій милліонамъ *мертвецовъ*, что приближается день воскресенія, что восходитъ звѣзда утренняя, предварящая солнце свободы; отъ этой вѣсти не только дрогнули сердца двадцати милліоновъ живыхъ мертвецовъ, но, казалось, взыграли кости поколѣній, давно уже уснувшихъ въ могилахъ; то были *незабвенныя, святыя минуты* въ русской исторіи, подобныя тѣмъ, когда въ ночь предъ пасхальной заутреней русскій народъ въ благоговѣйномъ безмолвіи ждетъ удара колокола и первыхъ звуковъ священной пѣсни воскресенія“ [1]).

Исполненное такта и выдержки поведеніе порабощеннаго народа, сумѣвшаго сдержать столь естественныя проявленія нетерпѣнія и раздраженія предъ послѣдними приступами барскаго самодурства и жестокости, нашло должную оцѣнку со стороны Александра II въ послѣднемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта по крестьянскому дѣлу и въ первоначальномъ проектѣ манифеста (см. ниже). Эта стихійно-грозная и внушительная, несмотря на безмолвіе, всенародная демонстрація,—при всей кажущейся безобидности и безсиліи дававшая понять, кому нужно, что отнынѣ съ крестьянскимъ вопросомъ шутить нельзя и во чтобы то ни стало нужно рѣшить его въ народномъ духѣ, т. е. не иначе, какъ съ земельнымъ на-

---

[1]) См. н. бр. Еленева, 55.

дѣломъ,—имѣла огромное вліяніе на исходъ дѣла. Писатель, одинаково замѣчательный и какъ великій художникъ слова, и какъ тонкій и проницательный наблюдатель и публицистъ, М. Е. Салтыковъ въ числѣ производительныхъ силъ, вліявшихъ на движеніе крестьянскаго дѣла на первомъ планѣ ставитъ самъ народъ русскій. „Вникните въ смыслъ этой реформы, пишетъ онъ въ 1863 г., взвѣсьте ея подробности, припомните обстановку, среди которой она совершалась, и вы убѣдитесь: во 1-хъ, что, несмотря на всю забитость и безвѣстность, *одна только* эта сила (народа) и произвела всю реформу, и во 2-хъ, что, несмотря на неблагопріятныя условія, она наложила на реформу неизгладимое клеймо свое, успѣла найти себѣ поборниковъ даже въ сферѣ ей чуждой...“ [1]).

„Пора—писалъ въ 1857 г. одинъ изъ этихъ поборниковъ, маститый ветеранъ народной воли Н. Тургеневъ,—нѣсколько поколѣній жило безъ надежды и умерло безъ отрады подъ незаслуженнымъ игомъ крѣпостного права. Наконецъ, настало время *искупленія*! Помѣщики! не торгуйтесь. Святымъ пожертвованіемъ искупите Россію“...

Каково же было впечатлѣніе этого вѣщаго звука колокола,—звавшаго живыхъ (vivos voco) и воскресавшаго мертвыхъ — на тѣхъ, отъ которыхъ зависѣло имъ даровать жизнь, на помѣщиковъ?.. Меньшая часть его, не богатое, но развитое, съ университетскимъ образованіемъ, либеральное дворянство пошло и по влеченію сердца, и по правильно понятому политическому и экономическому расчету навстрѣчу свободѣ и необходимымъ жертвамъ; зато аристократическое землевладѣніе, придворная и чиновная знать, частью по историческому недоразвитію, частью по соображеніямъ узкаго себялюбія, считала и выставляла крѣпостное право оплотомъ не только своего матеріальнаго благополучія, но и государственной силы и порядка, при чемъ этотъ симпатичный народъ, безмолвствующій, но твердо, единодушно, какъ одинъ человѣкъ, требующій отмѣны рабства, — хотя и безъ всякаго насилія и безчинства (къ сожалѣнію многихъ, надѣявшихся воспользоваться безпорядками, чтобъ испугать Александра II и заставить отложить ненавистную реформу)—внушалъ высокопоставленнымъ крѣпостникамъ не жалость и братское состраданіе, а непреодолимый страхъ вплоть до самаго кануна объявленія воли [2]).

---

[1]) См. М. Е. Салтыковъ—А. Н. Пыпина. Спб. 1900. стр. 89—90.

[2]) Одинъ орловскій помѣщикъ пишетъ, напримѣръ, въ это время: „У насъ разсказываютъ, что составляется положеніе о свободѣ крестьянъ. Это насъ сильно безпокоитъ, потому что такой переходъ насъ всѣхъ разоритъ, все у насъ растащутъ. Квартирующіе у насъ въ Трубчевскѣ военные говорятъ, что будто бы этого Англія требуетъ, а дворовые уши навострили“.—Въ концѣ февраля 1857 г. одинъ рязанскій помѣщикъ писалъ своему пріятелю по поводу слуховъ объ освобожденіи, выражая надежду, что слухи эти невѣрны: „Такія перемѣны надобно

Не будучи въ силахъ ни понять смысла наступающей „зари святого искупленія“, ни предотвратить нависшій ударъ судьбы, высокопоставленные корифеи крѣпостниковъ прежде всего занялись „шкурными“ вопросами и старались обдѣлать личныя дѣлишки [1]), а затѣмъ хоть на время затормозить или извратить дѣло свободы. Не вызвавъ еще къ жизни духа свободы, крѣпостники уже спѣшили заклясть его; не даровавъ еще свободу, они уже принимали мѣры къ „обузданію“ ея при помощи „ежевыхъ рукавицъ!“ Они полагали, что предоставленіе свободы народу, въ теченіе

дѣлать осторожно; несьоевременная пересадка можетъ повредить дереву. Крѣпостное состояніе на Руси служитъ условіемъ общаго благоденствія“... Другой крѣпостникъ въ отвѣтъ Жемчужникову (отцу поэта) о радостной новости отмѣны крѣпостного права писалъ: „Вы называете крѣпостное право противоестественною зависимостью, а я совершенно противнаго мнѣнія и нахожу, что нигдѣ крестьянинъ такъ не успокоенъ и не обезпеченъ, какъ нашъ помѣщичій крестьянинъ, разумѣется у добраго господина, который выгоды своихъ крестьянъ соединяетъ съ своими собственными... Разрушить этотъ порядокъ, значитъ подготовить гибель государству. Непросвѣщенный народъ, не имѣя истиннаго понятія о сущности свободы, тотчасъ употребитъ ее во зло, и тѣ крестьяне, которые подъ покровительствомъ добрыхъ господъ наслаждаются мирною и спокойною жизнью, сдѣлаются пьяницами, разбойниками и душегубцами. Они непремѣнно возстанутъ противъ всѣхъ властей, отклонятся отъ церкви и сдѣлаются не только безполезными, но и вредными для государства“ (На зарѣ свободы, *Русск. Стар.* 1897, № 10).

[1]) Предсѣдатель Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, князь А. Ф. Орловъ, какъ сообщаетъ Левшинъ, „занимался заложеніемъ своихъ и жены своей имѣній (конечно, „съ душами“) въ Опекунскій Совѣтъ, чѣмъ возбудилъ всеобщій страхъ; во всей Россіи о томъ говорили и спѣшили подражать ему“. См. Достоп. мин. въ моей жизни, записки А. И. Левшина въ *Русск. Арх.* 1885, № 8, стр. 499. О принудительномъ переселеніи крестьянъ въ Сибирь, о сдачѣ ихъ на фабрики, о подложномъ переукрѣпленіи земель и измѣненіи размѣровъ надѣла, о злоупотребленіяхъ по поставкѣ и другихъ безобразіяхъ издыхавшаго рабства см. н. ст. Семевскаго, стр. 161 и сл.—Эмиграція за границу струсившихъ крѣпостниковъ была такъ велика, что банкиръ Штиглицъ въ четыре мѣсяца 1857 г. перевелъ 40.000,000 руб. и нажилъ до 100,000 за коммиссію (*Русскій Арх.* 1897 г., № 10, стр. 33). Помѣщики стали отпускать крестьянъ на волю, приберегая землю для себя. Одинъ помѣщикъ писалъ брату изъ Парижа: „Я тебя убѣдительно прошу стараться отпускать на волю по возможности болѣе людей изъ Сергіевскаго имѣнія... Чѣмъ мы болѣе отпустимъ людей на волю, тѣмъ мы болѣе получимъ земли при освобожденіи крестьянъ; а ты самъ знаешь, что у насъ земли немного. Пожалуйста, убѣдись въ моей правдѣ, что каждый крестьянинъ, отпускаемый теперь на волю, хотя и съ потерею для меня (т. е. сравнительно дешево), сохраняетъ мнѣ въ будущемъ три или четыре десятины земли и что во всякомъ случаѣ при появленіи указа, чѣмъ у насъ будетъ менѣе крестьянъ, тѣмъ будетъ для насъ спокойнѣе... Въ Рязанской губерніи за рабочими никогда не станетъ дѣло, да намъ ихъ и не нужно, потому что всегда будутъ желающіе нанять землю“.—(*Русск. Старина* 1897, отк., 32).

многихъ вѣковъ жившему подъ крѣпостнымъ игомъ, должно опьянить его, вскружить ему голову и повести къ волненіямъ, а то и прямо къ анархіи, а потому стояли за постепенность освобожденія (кн. Меншиковъ проектировалъ 75-тилѣтній срокъ, другіе полагали свободу даровать хорошимъ ученикамъ въ видѣ награды), за сохраненіе хотя части прежней помѣщичьей юрисдикціи, за освобожденіе безъ земли...

Какъ смотрѣлъ на дѣло преемникъ Ростовцева—легко понять. По убѣжденіямъ, точнѣе предразсудкамъ своимъ, графъ Панинъ, до назначенія его предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи, принадлежалъ къ явно крѣпостнической аристократической партіи. Огромное же большинство Коммиссіи, въ составѣ которой продолжали оставаться главные ея вдохновители и руководители: Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, а также Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій, придерживались программы либеральной „западнической“, усвоенной, послѣ нѣкотораго колебанія, и славянофилами [1]).

Какой образъ дѣйствій усвоитъ себѣ новый предсѣдатель при исполненіи своей трудной миссіи? Личный тактъ, умѣнье ладить съ людьми и привлекать ихъ своею обходительностью и добродушіемъ могли бы нѣсколько облегчить щекотливую роль гр. Панина, поставленнаго въ качествѣ предсѣдателя въ положеніе естественнаго посредника для установленія, между борющимися партіями, примирительныхъ компромиссовъ. Но именно личныя качества его такъ мало соотвѣтствовали подобной роли, что положеніе его въ Коммиссіи во все время ея существованія было весьма неблагодарное и тяжелое, иногда комичное, а подчасъ просто невыносимое, даже унизительное.

Типичный представитель старой николаевской бюрократической системы, изучившій жизнь только сквозь призму бумажнаго производства и чрезъ окно своего кабинета (онъ даже съ своимъ alter ego Топильскимъ сносился занумерованными бумагами), гр. Панинъ вдругъ сталкивается съ столь труднымъ и сложнымъ вопросомъ [2]), какъ крестьянскій. Магнатъ-деспотъ, привышій всю жизнь съ аристократическою брезгливостью смо-

---

[1]) См. Письма И. С. Аксакова т. III, стр. 291.

[2]) Иногда членамъ Коммиссіи стоило неимовѣрныхъ усилій разъяснить Панину самые незамысловатые практическіе вопросы, см., напр., стр. 728—729 н. с. Семенова, т. II. „Гр. Панинъ,—пишетъ г. Семеновъ,—какъ будто никогда не предвидѣлъ, что къ исполненію *имъ самимъ* (o, altitudo!) задуманнаго могутъ встрѣтиться препятствія, и даже по объясненіи ему дѣла съ практической стороны, никогда не могъ представить себѣ указанныхъ препятствій“ (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 672).

трѣть на людей только съ точки зрѣнія „кастовыхъ“ отличій, развѣтвленій генеалогическаго дерева и табели о рангахъ [1]), привыкшій слышать около себя одно лишь подобострастное „такъ точно“ и „радъ стараться!“— вдругъ сталкивается лицомъ къ лицу, въ составѣ Редакціонной Коммиссіи, съ людьми новаго образа мыслей и дѣйствій, которые вовсе не спѣшатъ выставить, подобно гр. Панину, на показъ свою политическую и нрав-

ственную пустопорожность, не возводятъ въ принципъ свои молчалинскія добродѣтели, а напротивъ осмѣливаются горячо отстаивать свои убѣжденія. Человѣкъ, считавшій согласнымъ съ честью мѣнять свои „убѣжденія“ по соображеніямъ личной выгоды, по мѣрѣ надобностей начальства и въ свою

---

[1]) О дореформенномъ времени Валуевъ въ Дневникѣ пишетъ: „Россія тогда кончалась XIV классомъ. Ниже этой степени, кромѣ солдатъ, которые имѣли коллективное, машинное значеніе, и купцовъ, представлявшихъ родъ промышленной прислуги, *ничего* не было—только *скорлупа*, въ которой вмѣщалось 14-тигранное зерно“. *Русск. Стар.* 1891, № 11, стр. 325.

очередь превращавшій своихъ приближенныхъ въ обезличенныя, истертыя пѣшки запуганной и безотвѣтной исполнительности,—вдругъ на старости лѣтъ узнаетъ, что не въ примѣръ „порядочнымъ“ людямъ „высшей касты“ [1]) (т.-е. богатымъ аристократамъ), между небогатыми людьми, съ маленькими чинами и даже безъ чиновъ [2]) встрѣчаются лица независимыя, съ твердыми, дорогими для нихъ убѣжденіями, которыхъ они не приносятъ въ жертву соображеніямъ карьеры или рабской угодливости. Эти „смѣльчаки“ дерзаютъ въ совѣщаніяхъ Редакціонной Коммиссіи говорить „нѣтъ!“ тамъ, гдѣ гр. Панинъ говоритъ „да!“, и наоборотъ. Ему, привыкшему говорить и слышать только подобострастное „слушаю-съ“, кажется, что онъ ослышался... Онъ вторично развиваетъ свои предложенія, заявляетъ громкимъ голосомъ свои требованія, и что же?—о, ужасъ!—члены Коммиссіи осмѣливаются спорить, вторично не соглашаются съ нимъ, съ нимъ—съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, съ его сіятельствомъ графомъ В. Н. Панинымъ самимъ [3])!.. Развѣ это не революція, развѣ это не свѣтопреставленіе?!

Диву долженъ былъ даться этотъ надменный чудакъ-анахоретъ, этотъ сѣдоволосый злой младенецъ,—проведшій всю жизнь среди бумагъ и искавшій эквивалента семейныхъ радостей и общественныхъ развлеченій въ

---

[1]) См. выше разговоръ гр. Панина съ гр. Бобринскимъ объ „убѣжденіяхъ“.

[2]) Я. А. Соловьева (колл. совѣтника) кн. Черкасскій утѣшалъ тѣмъ, что онъ только титулярный совѣтникъ, что равнаго себѣ чиномъ онъ ни въ какомъ другомъ, почтенномъ государственномъ собраніи и присутствіи въ Россіи встрѣтить бы не могъ, а Петръ Семеновъ (секретарь Коммиссіи) прибавлялъ, что у него вовсе нѣтъ чина, такъ какъ не просилъ еще объ утвержденіи въ чинѣ по ученой степени (н. с. Семенова I, 727).

[3]) Съ особенною силою сказалось это въ засѣданіяхъ 6 и 8 апрѣля, когда гр. Панинъ употреблялъ страшныя усилія, чтобы сломить сопротивленіе Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина и кн. В. А. Черкасскаго и солидарнаго съ ними большинства и добиться отмѣны рѣшеннаго при Ростовцевѣ *коренного* вопроса о *безсрочности* пользованія крестьянами землею до выкупа ея. Непосредственно подчиненный гр. Панину, оберъ-прокуроръ Н. М. Любощинскій († 1890 г.) ни однимъ словомъ не поддержалъ своего раздраженнаго оппозиціею начальника. Зато самымъ горячимъ сторонникомъ его мнѣнія выступилъ другой оберъ-прокуроръ, Н. П. Семеновъ, авторъ цитируемой не разъ книги, котораго кн. Черкасскій упрекнулъ тогда же въ отступленіи отъ прежняго взгляда.—Несмотря на сухость протокола г. Семенова объ этихъ засѣданіяхъ, и въ нихъ достаточно отражается незавидная трагикомическая роль гр. Панина (см. т. III н. с. Семенова, стр. 2—23 и 69—85). Г. Семеновъ и теперь усиливается оправдать гр. Панина, но лучшимъ доказательствомъ тому, что со стороны гр. Панина это было сознательное стремленіе повернуть дѣло вспять, служитъ отмѣтка въ Дневникѣ Валуева отъ 6 апрѣля 1860 г.: „гр. Панинъ,—пишетъ онъ,—хотѣлъ *опрокинуть* начало постояннаго пользованія, но долженъ былъ уступить“ (см. *Русск. Стар.* 1891, № 11, стр. 394).

кругу попугаевъ „порѣчистѣе“, говорившихъ какъ люди, и людей „посмирнѣе“ говорившихъ какъ попуган, въ родѣ его правой руки М. И. Топильскаго [1]), — когда судьба столкнула его съ независимыми людьми новаго типа, которые не только высокопоставленнаго предсѣдателя не слушаются, но даже, — horribile dictu! — отъ орденовъ отказываются [2]). Словно впервые, послѣ тридцатилѣтней государственной „спячки“, гр. Панинъ вышелъ изъ душной атмосферы бюрократической теплицы на вольный воздухъ дѣйствительной жизни и впервые въ Редакціонной Коммиссіи увидѣлъ людей безъ преломленія ихъ сквозь призму табели о рангахъ и гербовника. Тутъ-то у него вырвалась знаменательная, меланхолическая историческая фраза: „нѣтъ, надо признаться, время тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвратно“ [3]).

Впрочемъ, и помимо личныхъ качествъ новаго предсѣдателя, самая неопредѣленность и шаткость крестьянскаго дѣла въ 1860 г. создавали смутное „переходное состояніе“ [4]), съ которымъ не легко было бы справиться даже человѣку болѣе практичному, проницательному, дальновидному и обходительному, нежели гр. Панинъ.

Съ одной стороны графу оказывалось Александромъ II „непостижимое довѣріе [5])“ (въ видѣ уступки окружающимъ лицамъ), съ другой—имъ же повелѣно было *сохранить* прежнее направленіе [6]) въ работахъ Редакціонной Коммиссіи, коей члены оказывали предсѣдателю своему упорное сопротивленіе. Единомышленники гр. Панина съ своей стороны требовали, чтобы онъ положилъ преграду слишкомъ далеко зашедшимъ друзьямъ „Коло-

---

[1]) См. характеристаку Панина въ назв. соч. Семенова, т. II, стр. 672. Приближенные графа Панина въ сношеніяхъ съ нимъ не только теряли всякую свободу мнѣнія, но даже до нѣкоторой степени и *чувства человѣческаго достоинства* (см. разговоръ Н. П. Семенова съ гр. Панинымъ въ н. с. Семенова, т. II, стр. 692).

[2]) М. И. Сухомлиновъ напечаталъ письмо къ графу Панину Ю. Ѳ. Самарина, при которомъ онъ возвратилъ пожалованный орденъ Владиміра 3-й ст., ссылаясь на то, что принятіе ордена можетъ дать поводъ къ неправильному истолкованію дѣятельности его по крестьянской реформѣ (см. *Истор. Вѣстн.* 1885, № 1, стр 77—79).

[3]) См. Матеріалы II, 189.

[4]) См. н. с. Семенова, II, стр. 639.

[5]) Такъ именно отмѣчаетъ Валуевъ въ своемъ Дневникѣ 12 декабря 1860 г. (см. *Р. С.* 1891, № 11, стр. 424).

[6]) Подобныя колебанія продолжались до конца реформы. Послѣ смерти Ростовцева Государь полагалъ, что проектъ Редакц. Коммиссіи можетъ быть измѣненъ „только въ подробностяхъ“ (см. н. с. Семенова, стр. 634); по окончаніи же ея работъ, при пріемѣ членовъ Редакціонной Коммиссіи, Государь заявилъ: проекты ея „вѣроятно будутъ подлежать значительнымъ измѣненіямъ“ (см. Дневникъ Валуева, *Р. С.* 1891, № 11, стр. 410). Въ Высочайшихъ резолюціяхъ на докладѣ гр. Панина, вызванномъ его столкновеніемъ съ большинствомъ Редакціонной Коммиссіи, есть также нѣкоторая неясность и противорѣчія (см. стр. 491 и 493, т. III, ч. I, н. с. Семенова).

кола“ [1]), т.-е. членамъ Редакціонной Коммиссіи, которыхъ соратникъ гр. Панина, М. Н. Муравьевъ, называлъ, безъ обиняковъ, „грабителями“ [2]).

Каковъ же былъ методъ, избранный гр. Панинымъ? Во вступительной рѣчи своей онъ заявилъ себя довольно примирительно, указавъ на то, что дворянская партія „нерѣдко опрометчиво и неосновательно укоряла Редакціонную Коммиссію“. Онъ даже употребилъ такую фразу: „за крестьянъ между нами нѣтъ представителей, и потому намъ самимъ предстоитъ *отстаивать* ихъ“ [3]).

Была ли эта рѣчь со стороны гр. Панина дипломатическимъ маневромъ, или сказалась въ ней хорошо извѣстная всѣмъ его приближеннымъ черта — безтолковость, способность не согласовать посылокъ съ заключеніемъ [4]),—но только послѣдующее поведеніе графа не вполнѣ согласовалось ни съ этимъ обѣщаніемъ [5]), ни съ вышеупомянутою его profession de foi объ исполненіи воли Государя, „вопреки своимъ убѣжденіямъ“.

Въ первыхъ же засѣданіяхъ Редакціонной Коммиссіи гр. Панинъ дѣлалъ попытки добиться отъ нея *существеннаго измѣненія* постановленій, принятыхъ при Ростовцевѣ [6]); но когда такія попытки разбились о стойкое противодѣйствіе членовъ ея, предводимыхъ Н. А. Милютинымъ, гр. Па-

---

[1]) См. н. Матеріалы, II.

[2]) См. *Русск. Стар.* 1891, № 11, стр. 410.

[3]) См. н. с. Семенова, II, стр. 698.

[4]) Г. Семеновъ, относящійся къ гр. Панину съ большимъ уваженіемъ, между прочимъ о немъ пишетъ: послѣ обстоятельнаго разбора чужихъ мнѣній гр. Панинъ иногда приходитъ къ такому *неожиданному* заключенію, что связать его съ тѣмъ, къ чему онъ клонилъ, не было никакой возможности (см. н. с. Семенова II, стр. 672).

[5]) Какъ добросовѣстно отстаивалъ интересы своихъ кліентовъ этотъ новоявленный адвокатъ sui generis, можно видѣть и на слѣдующемъ примѣрѣ. Когда въ Редакціонной Коммиссіи зашла рѣчь о рудникахъ, могущихъ открыться на надѣльной землѣ, гр. Панинъ предложилъ возвращеніе земли помѣщикамъ и по этому поводу вступилъ въ споръ съ членами.

Жуковскій. Но даже сами помѣщики (въ своихъ проектахъ) не предлагали того, что предлагаетъ предсѣдатель.

Графъ Панинъ. То-есть, вы хотите мнѣ сказать, что я не имѣю права этого предлагать.

Жуковскій. Нѣтъ, но выходитъ, что помѣщики сами отъ этого *отказались.*

Графъ Панинъ. Они просто, если это выразить русскимъ словомъ, не спохватились (Семеновъ, III, ч. 2, стр. 414—415).

А еще проще будетъ сказать, что мнимый крестьянскій адвокатъ на самомъ дѣлѣ былъ ярымъ поборникомъ однихъ только дворянскихъ интересовъ и равнодушенъ къ крестьянскимъ.

[6]) Помимо указанныхъ выше апрѣльскихъ засѣданій, см. еще засѣданіе 5-го марта 1860 года, гдѣ рѣчь шла о выкупѣ дворовыхъ (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 805).

нинъ сталъ отстаивать частичныя выгоды въ пользу помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ. Видя безплодность своихъ усилій, гр. Панинъ, у котораго отношенія съ большинствомъ членовъ дѣлались все болѣе и болѣе натянутыми, сталъ, въ качествѣ тонкаго казуиста, прибѣгать ко всевозможнымъ увертkамъ для оттяжки дѣла... Пренія затягивались, протоколы задерживались недѣлями, засѣданія назначались въ дни, неудобные для членовъ, и даже протоколы „исправлялись“ въ духѣ помѣщичьихъ вожделѣній предсѣдателя. Но пришлось отказаться и отъ этой системы подтасовокъ, такъ какъ члены уклонялись подписывать протоколы, не соотвѣтствовавшіе дѣйствительности. Когда однажды такой маневръ былъ выведенъ Н. А. Милютинымъ на свѣжую воду, уязвленный гр. Панинъ поблѣднѣлъ и, задыхаясь, сказалъ: „такъ это, значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! Это случается со мною въ первый разъ въ моей жизни“ [1])... Отъ системы „обструкціи“ пришлось также отказаться въ виду прямого предписанія Государя окончить работы къ октябрю 1860 г. Только впослѣдствіи въ Главномъ Комитетѣ гр. Панину удалось провести довольно существенныя измѣненія въ проектѣ Редакціонной Коммиссіи, при чемъ, вопреки первоначальному проекту ея [2]), допущенъ былъ даже т. н. си-

[1]) См. н. с. Иванюкова, стр. 378.

— Это горделивое восклицаніе опровергается, однако, точными фактами.

Считавшій „честь“ доступною только благороднымъ людямъ высшей титулованной касты, графъ Панинъ на дѣлѣ далеко не выполнялъ требованія point d'honneur. Въ 1856 г., вслѣдствіе неумѣлаго распоряженія графа Панина, произошло въ Петербургѣ большое движенье среди крестьянъ при продажѣ въ Сенатской типографіи указа о порядкѣ обращенія помѣщичьихъ крестьянъ въ государственныхъ. Было высѣчено до 150 крестьянъ, мѣстами указъ стали отбирать обратно. Алексѣй Михайловичъ Тургеневъ, отчаянный крѣпостникъ, писалъ: „Тревожныя событія объясняются изложеніемъ указа и, говорятъ, не ошибкою, а умышленно, указа: „О перечисленіи помѣщичьихъ крестьянъ въ число государственныхъ“... Почему выпущено слово: отпущенныхъ помѣщиками на волю крестьянъ?.. да и тогда слѣдовало бы сказать не о перечисленіи, а о причисленіи... Высокій-превысокій (графъ Панинъ былъ очень высокаго роста и ,намекая на него, Герценъ въ брошюрѣ о гр. Панинѣ эпиграфомъ взялъ: o, altitudo! Тургеневъ, извѣщая объ отставкѣ Панина, писалъ; „кто неба и ада досягалъ—упалъ“) приказалъ тиснуть 35.000 экземпляровъ, тогда какъ указъ не подлежитъ обнародованію, а къ исполненію порядка установленнаго. Спросили высокаго-превысокаго, для чего приказалъ тиснуть 35.000 экземпляровъ? Превысокій *отказался отъ своего приказа*, что онъ никогда и никому о томъ не говорилъ. Начальникъ типографіи былъ арестованъ и отведенъ на гауптвахту; но онъ *обличилъ* приказаніе тѣмъ, что оно записано въ журналъ (*Русск. Стар.* 1897, X, 12). См. также ниже примѣчаніе 1-е о коварномъ поведеніи гр. Панина въ ГлавномъКомитетѣ.

[2]) На письмѣ Паскевича къ Государю противъ того мѣста, гдѣ говорилось о правѣ крестьянъ отказаться отъ земли, на полѣ Государь отмѣтилъ: „и тогда помѣщики будутъ гонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру“. См. *Р. Ст.* 1891, № 10, стр. 145—146.

ротскій или гагаринскій надѣлъ. Въ Главномъ Комитетѣ гр. Панинъ игралъ очень двусмысленную роль, набросивъ тѣнь на правильность цифръ позе-мельнаго надѣла, выведенныхъ подъ его же предсѣдательствомъ Редакціонною Коммиссіей[1]).

Закрытіе Редакціонной Коммиссіи происходило при удручающей обстановкѣ (столкновеніе между большинствомъ и членомъ ея, агентомъ Муравьева, Булыгинымъ, намѣренно затягивавшимъ дѣло, согласно данной инструкціи, приняло подъ конецъ крайне острый характеръ, чуть не приведшій къ дуэли), совершенно не сходной съ открытіемъ ея. Предсѣдатель Коммиссіи, гр. Панинъ, который даже не подавалъ руки ея членамъ, вовсе не явился на церемонію закрытія. Помимо его, исходатайствована была С. С. Ланскимъ для членовъ Коммиссіи аудіенція у Государя, при которой, однако, Ланской, явившійся со спискомъ членовъ Редакціонной Коммиссіи, былъ игнорированъ, и благодарность, хотя и довольно сухо, была выражена гр. Панину, нажаловавшемуся Государю на дѣйствія Ланскаго,

При столь печальной обстановкѣ[2]) закрылась Редакціонная Коммиссія,

---

[1]) Въ Дневникѣ своемъ (см. *Русск. Стар.* 1791, № 11, стр. 417) подъ 19-мъ ноября 1860 г. Валуевъ пишетъ: „Въ сегодняшнемъ засѣданіи Главнаго Комитета была рѣчь о цифрахъ Редакціонной Коммиссіи. Ген. Чевкинъ принялъ на себя защиту этихъ цифръ. Ген. Муравьевъ и кн. Гагаринъ оспаривали ихъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ горячо за Коммиссію заступался. Г. Панинъ, бывшій шесть мѣсяцевъ предсѣдателемъ Коммиссіи, объявилъ, что цифры *невѣрны*, къ дѣлу непригодны и правительствомъ объявлены быть не могутъ". Между тѣмъ, вотъ что говорилъ самъ гр. Панинъ въ одномъ изъ засѣданій Редакціонной Коммиссіи о своей будущей роли въ Главномъ Комитетѣ: „Я человѣкъ *честный*, — заявлялъ онъ въ засѣданіи 16 апрѣля, — я не хочу говорить здѣсь одно, а потомъ дѣлать другое. Подписывать журналъ въ одномъ смыслѣ, а защищать въ Главномъ Комитетѣ мое мнѣніе въ другомъ направленіи—я считаю *безчестнымъ*" (см. н. с. Семенова, т. III, стр. 73—74). Не лишнее къ этому добавить, что въ разговорахъ съ своимъ приближеннымъ М. И. Топильскимъ гр. Панинъ говорилъ иначе: „Въ Редакц. Ком. я всего говорить не могу. Мнѣ необходимо для Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта оставить *зады*" (см. н. с. Семенова, т. III, стр. 431).

[2]) См. *Р. Ст.* 1891, № 11, стр. 410. Въ самомъ составѣ Редакц. Ком. подъ конецъ ея занятій столкновенія между большинствомъ и замаскированными крѣпостниками стали учащаться, особенно съ однимъ изъ нихъ, съ чиновникомъ Муравьева г. Булыгинымъ, который, слѣдуя инструкціи своего начальства, расчитывалъ затормозить крестьянскую реформу посредствомъ пріемовъ „доморощеннаго обструкціонизма", а именно: risibile dictu! — отказомъ въ содѣйствіи межевщиковъ, подчиненныхъ Муравьеву. Пылкій, благородный другъ народа Милютинъ сказалъ муравьевскому агенту: „Ваши дѣйствія не благовидны; я знаю, что вы хотите только *подслужиться* извѣстному лицу вашимъ мнѣніемъ и сдѣлать вредъ коммиссіямъ; членамъ ихъ нельзя этого допустить изъ чувства сомосохраненія. Какъ вы служили 30 лѣтъ, не знаемъ; но все, что вы написали противъ коммиссій, дѣлаетъ васъ *недостойнымъ* быть въ средѣ ихъ членовъ". Дѣло чуть не дошло до дуэли. Окончательную редакцію Положеній не могли прослушать въ общемъ

которая съ такою бодростью и радостными надеждами приступила въ 1859 г. къ дѣлу подъ воодушевленнымъ предводительствомъ своего знаменитаго предсѣдателя Ростовцева! Какъ измѣнились времена въ этотъ небольшой промежутокъ времени! Но еще болѣе поразительна была перемѣна въ лицахъ, дававшихъ ходъ дѣлу и налагавшихъ на него свой отпечатокъ.

Относясь серьезно и сердечно къ своей трудной, но благородной миссіи, Ростовцевъ всецѣло сталъ за радикальное и за неуклонно-послѣдовательное [1]) рѣшеніе крестьянскаго вопроса, требуемое государственною пользою. „Если при этомъ иногда, при столкновеніи интересовъ дворянъ съ интересами крестьянъ, вѣсы наклонялись (?) въ пользу послѣднихъ, то это дѣлалось, какъ объяснилъ Ростовцевъ въ письмѣ къ Государю, потому, что наклонить *потомъ* (курсивъ подлинника) отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ и *много охотниковъ* [2]) и *много силы*“ (к. п.). Такое теплое, симпатичное, сердечное, братское отношеніе къ дѣлу, къ „святому дѣлу“, такую вѣру въ него сохранялъ Ростовцевъ *до конца своихъ дней*. Послѣднюю свою, продиктованную уже на смертномъ одрѣ, записку къ Государю заканчивалъ онъ слѣдующими словами: „въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества, полный тѣхъ же *надеждъ* и той же *теплой вѣры*, которыя Васъ, Государь, никогда не покидали“ [3]). Послѣднія слова Ростовцева, обращенныя къ Государю во время агоніи, были: „Государь, не бойтесь!“...

Вѣра въ животворящую силу свободы, жалость, состраданіе, любовь къ народу, гуманность и уваженіе къ „святѣйшему изъ званій—человѣкъ“, а также широкое пониманіе общественнаго блага и политическая дальновидность, требовавшія справедливаго рѣшенія крестьянскаго вопроса—вотъ, что двигало дѣло освобожденія, доведенное благополучно до конца правительствомъ, несмотря на упорное противодѣйствіе властныхъ сферъ, лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію прогрессивной печати и дружной поддержкѣ либеральнаго общественнаго мнѣнія [4]).

присутствіи, не была даже просмотрѣна еще послѣдняя корректура, какъ уже закрыли 10 октября Коммиссію. Просили отсрочки на нѣсколько дней, но послѣдовалъ отказъ. При закрытіи Коммиссіи, наравнѣ съ членами ея, государственными дѣятелями, выражено было благоволеніе—и тутъ виденъ гр. Панинъ!—канцеляріи, которой почти не было вовсе (см. н. сб. Семенова, 2 ч., III т., стр. 738 и слѣд.).

[1]) „Далъ бы Богъ“, писалъ Ростовцевъ Государю 25 сентября 1857 г., „не упасть духомъ, вести дѣло ровно, спокойно, безъ треволненій внѣшнихъ“ (см. н. с. Семенова, т. II, 913).

[2]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 932.

[3]) Тамъ же, стр. 993.

[4]) См. Леруа-Болье, L'homme etc., стр. 53.

Не ты ли одно все свершило,
Святое, горячее сердце?

Именно такой вѣры, такого человѣчнаго, сердечнаго отношенія къ дѣлу, „къ святому дѣлу“, такого довѣрія къ будущности Россіи не было и не могло быть у преемника Ростовцева, гр. Панина, яраго защитника помѣщичьихъ интересовъ. Онъ невѣрилъ въ дѣло, порученное его руководству. Онъ могъ исполнять навязанную ему постылую, несимпатичную обязанность только съ тою казенною готовностью, только съ тою кислосладкою гримасою исполнительнаго рутинера, который привыкъ ради угожденія начальству faire bonne mine au mauvais jeu! Мало того. Въ отличіе отъ Ростовцева, который, послѣ тщательнаго изученія и уясненія крестьянскаго дѣла, искренно сознавалъ ошибочность своихъ взглядовъ и отступалъ отъ нихъ, преемникъ его застывалъ безповоротно, по соображеніямъ далеко не почтеннаго упрямства, въ своихъ бюрократическо-кастовыхъ воззрѣніяхъ. Самонадѣянный педантъ, увѣренный въ своей непогрѣшимости, самовластный бюрократъ, гр. Панинъ, какъ истый Титъ Титычъ въ мундирѣ, способенъ былъ, несмотря на свое прекрасное знаніе классической литературы, забыть классическое правило—nullius nisi insipientis in errore perseverare,—и скорѣе съ тупымъ упрямствомъ отстаивать свое произвольное мнѣніе и оправдывать свою ошибку, нежели поколебать въ глазахъ profani vulgi, плебеевъ догматъ своей смѣхотворной непогрѣшимости [1]).

---

[1]) Можно бы составить назидательный и веселый томикъ взъ случаевъ проявленія у гр. Панина нелѣпаго педантизма, упрямаго самодурства, которые въ изобиліи разсыпаны даже въ характеристикахъ, написанныхъ людьми, ему преданными. Приведу два-три примѣра.—Въ 20-хъ годахъ гр. Панинъ состоялъ секретаремъ при русскомъ посольствѣ въ Мадридѣ. Дѣла не было никакого, но, движимый усердіемъ къ службѣ, гр. Панинъ самъ придумалъ для себя такое „дѣло“. Въ назначенные имъ самимъ дни недѣли являлся онъ съ подушкою въ пріемную посольства и оставался тамъ цѣлыя сутки, не раздѣваясь на ночь, и лишь утромъ слѣдующаго дня самъ смѣнялъ себя съ дежурства.—Немногіе смѣльчаки рѣшались разъяснять гр. Панину допущенныя имъ ошибки, но и тогда, когда онѣ были доказаны, никогда онъ не соглашался исправить ихъ. Нужно было выдать деньги Деноткину, а въ резолюціи Панина по ошибкѣ оказалась фамилія Домонтовичъ. Когда разъяснена была эта ошибка, гр. Панинъ изрекъ такую резолюцію, достойную героевъ Островскаго: „Деноткинъ то же, что Домонтовичъ. Выдать г. Деноткину по ходатайству г. Домонтовича“ (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 673, 679). — Графъ Панинъ приказалъ вице-директору Б. Н. Хвостову изготовить въ 24 часа докладъ по одному крайне сложному вопросу крестьянской реформы. Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ Хвостовъ исполнилъ порученіе и къ назначенному часу принесъ порученный докладъ. Проходитъ нѣсколько времени, и гр. Панинъ дѣлаетъ Хвостову замѣчаніе за недоставленіе доклада. Хвостовъ оправдывается, напоминаетъ обстоятельства, при которыхъ былъ переданъ

Если таковъ былъ гр. Панинъ въ обычной своей служебной дѣятельности, то въ крестьянскомъ вопросѣ, помимо личныхъ столкновеній [1]),

---

пакетъ съ докладомъ. Все напрасно. Панинъ настаиваетъ на своемъ. Тогда Хвостовъ самъ отыскиваетъ на столѣ Панина доставленный пакетъ, лежавшій нераспечатаннымъ. Вы думаете, Панинъ извинился предъ Хвостовымъ? Ничуть! Онъ къ нему обратился съ слѣдующими словами: „господинъ Хвостовъ, завтра къ десяти часамъ доставьте мнѣ то, чего я требую“. Хвостову пришлось вторично продѣлать ту же работу ради торжества принципа: sic volo, sic jubeo, или, что то же—„моему ндраву не препятствуй“, „отгадай, чего моя нога хочетъ“ и т. п.—Но такъ какъ нѣтъ такого дикаго акта самодурства, для котораго подхалимствующіе приспѣшники не могли бы выдумать объясненія, то и въ данномъ случаѣ М. И. Топильскій хотѣлъ усмотрѣть глубокій смыслъ въ самодурствѣ гр. Панина, а именно: желаніе провѣрить правильность работы Хвостова (см. „*Историч. Вѣстникъ* 1885 г., № 1, стр. 74). И это говорилъ человѣкъ, который, по продолжительному личному опыту, зналъ, что всѣ дѣйствія гр. Панина опредѣлялись тѣмъ, съ какой онъ ноги всталъ, въ какомъ состояніи его пищевареніе (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 668), человѣкъ, который дрожалъ передъ Панинымъ и не смѣлъ ему открыть явную его ошибку. — Былъ такой случай. Гр. Панинъ по ошибкѣ вмѣсто одного чиновника уволилъ въ отпускъ на 4 мѣсяца другого, что имѣло послѣдствіемъ лишеніе послѣдняго жалованья. Топильскій *отказался* доложить Панину объ ошибкѣ, „доказывая, что это безполезно, что графъ *ни за что* своей резолюціи не измѣнитъ“ (см. тамъ же, стр. 78). — Гр. Панинъ, при своей маніи величія, даже святыхъ считалъ себя въ правѣ судить и осуждать. Такъ, узнавъ, что Николай Чудотворецъ заушилъ Арія, воскликнулъ: „какое невѣжество!“ и распорядился, чтобы впредь въ церкви министерства юстиціи, совершаемой раньше, особой службы въ день этого святого болѣе не служили.—Когда родилась дочь у гр. Панина, онъ пожелалъ назвать ее Маріею. Какъ человѣкъ основательный, онъ счелъ нужнымъ ознакомиться съ житіями святыхъ. Узнавъ изъ нихъ, что Маріи были раскаявшіяся грѣшницы, Панинъ далъ дочери своей другое имя (см. назв. „Матеріалы“ III, 89). Словомъ, этотъ помѣшанный на своемъ аристократическомъ величіи маніакъ, бросая кругомъ презрительные взоры, и не подозрѣвалъ, какое смѣхотворное впечатлѣніе производило его надутое самодовольство, такъ ядовито осмѣянное еще Персіемъ: Vos, o patricius sanguis quos vivere par est etc.

[1]) Въ дневникѣ Валуева находимъ такую подробность. Гр. Панинъ, исказившій цифры о надѣлахъ Редакціонныхъ Коммиссій, вздумалъ оправдать свои данныя и съ этою цѣлью устроилъ, въ присутствіи великаго князя Константина Николаевича, диспутъ съ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи П. П. Семеновымъ, но изъ диспута первый вышелъ съ пораженіемъ. Тогда для отмщенія онъ устроилъ въ своемъ присутствіи ратоборство между П. П. Семеновымъ и братомъ его Н. П. Семеновымъ, подчиненнымъ гр. Панина и раздѣлявшимъ мнѣніе своего начальства (см. „*Русск. Стар.*“ 1891 г., № 11, стр. 425). Въ послѣднемъ томѣ н. сб. Семенова описано подробно это потѣшное засѣданіе, которое Панинъ открылъ замѣчаніемъ, что онъ не желаетъ возстановлять брата на брата, и въ которомъ развѣ только роль П. П. Семенова представляется, хотя и тяжелою, но сколько-нибудь приличною и привлекательною. Что касается тона самого гр. Панина, то онъ поражаетъ не только своею надменностью, но и просто циническимъ глумленіемъ. Выторговывая у г. Семенова цифры надѣловъ, выведенныя путемъ продолжительнаго и кро-

упрямство его имѣло еще особенныя причины. Не имѣя, какъ и большинство государственныхъ людей того времени, убѣжденій въ истинномъ значеніи слова [1]), гр. Панинъ имѣлъ много закоренѣлыхъ предубѣжденій, предразсудковъ, которые невозможно было поколебать никакими доводами разума и справедливости. Въ числѣ ихъ былъ тотъ, по которому графъ на всѣхъ неаристократовъ смотрѣлъ съ гадливою пренебрежительностью истаго брамина. Гордость происхожденія, пишетъ г. Семеновъ, заставляла гр. Панина считать лицо не его круга простолюдиномъ, а людей низшихъ сословій онъ признавалъ какъ бы за существа *другого порядка* творенія. Такимъ образомъ, если не личный матеріальный интересъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—графъ Панинъ, владѣвшій 21.000 душъ и имѣвшій годовой доходъ въ 130.000 р. [2]), по его собственнымъ словамъ, терялъ отъ освобожденія крестьянъ не много [3]),—то непреодолимые кастовые предразсудки „крѣпостника-кнутофила“ мѣшали ему жалѣть, т-е. любить, понять, т.-е. уважать „подлый“ народъ, а безъ этого нельзя было ни довѣрять ему, ни желать дѣйствительнаго его освобожденія,—не на словахъ, а *на дѣлѣ*, какъ того желалъ Государь [4]). А могъ ли уважать „быдло“, „чернь“ этотъ надменный брамин-бюрократъ, который даже къ лицамъ, одною-двумя

потливаго вычисленія, гр. Панинъ опирался на авторитетъ своего сподручнаго клеврета Топильскаго. При совѣщаніи, бывшемъ передъ тѣмъ у великаго князя Константина Николаевича, г. Семеновъ уличилъ гр. Панина въ неправильномъ, а именно—„механическомъ“ пользованіи статистическими данными. Промолчавъ въ то время, гр. Панинъ, окруженный подобострастными слушателями, мужественно замѣтилъ теперь: „я его (Семенова) прощаю“ (sic).—Г. Семеновъ, горячо защищая необходимость для крестьянъ сѣнокосовъ, сказалъ, что онъ „ручается за это головою; гр. Панинъ вышучиваетъ: „это хорошо, но ни ваша, ни моя смерть дѣлу не поможетъ“. П. П. Семеновъ съ увлеченіемъ отстаивалъ цифры крестьянскихъ надѣловъ и сильно возставалъ противъ отрѣзки отъ существующихъ надѣловъ, что впослѣдствіи дѣйствительно оказалось крайне неудобнымъ для крестьянъ (см. письмо Самарина у Леруа-Болье--Un homme d'état, 121). Гр. Панинъ изволилъ мило шутить и по этому поводу: „какой онъ обжора земли!“ (см. ч. 2, т. III, стр. 766 и слѣд.). Оно и понятно. Крѣпко охраняя интересы дворянъ, гр. Панинъ, этотъ благородный крестьянскій адвокатъ, былъ совершенно равнодушенъ къ интересамъ крестьянъ. Былъ такой случай. Подъ желѣзную дорогу нужно было занять землю крестьянъ гр. Панина, купленную ими на свои деньги, но записанную, въ силу закона, на имя помѣщика. Гр. Панинъ, желая доказать свою щедрость, уступилъ *чужую* собственность даромъ (см. н. „Матеріалы“, III, 87).

[1]) Г. Семеновъ съ своей характеристикѣ Панина говоритъ, что у него „не было никакого міровоззрѣнія“, но при этомъ неожиданно прибавляетъ, „что воспитаніе Панина было болѣе *европейское* (?), нежели русское“. См. н. с., т. II, стр. 666.

[2]) Тамъ же, стр. 671.

[3]) Тамъ же, стр. 698.

[4]) См. рѣчь Государя 21 февраля 1860 г. къ депутатамъ второго приглашенія, н. с. Семенова, т. II, стр. 696.

ступенями ниже его стоящимъ по общественному положенію, относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ [1])?! И такъ третировался народъ, который своимъ достойнымъ поведеніемъ давалъ образчикъ самообладанія рабовладѣльцамъ, который своею нравственной выдержкою, по вышеприведенному глубокомысленному удостовѣренію великаго современника, можно сказать, одинъ на своихъ плечахъ вынесъ великую проблему очищенія Россіи отъ разъѣдающей ее нравственной проказы. Не безсердечному бюрократу-подьячему, не бездушному душевладѣльцу, не страдающему маніей величія графу Панину съ его допотопными взглядами понять было душу этого благодушнаго, долготерпѣливаго, дѣтски-наивнаго народа, сумѣвшаго соблюсти себя среди крѣпостного разврата. Холодомъ, недовѣріемъ, мрачною подозрительностью, свѣтобоязнью повѣяло отъ первыхъ же словъ [2]) и дѣйствій преемника симпатичнаго Ростовцева, мрачнаго гр. Панина, и этотъ мрачный отпечатокъ сохранился за его дѣятельностью по крестьянской реформѣ до самаго конца ея!

IV.

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ
Такъ! но распутать ихъ легче народу...
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!
Некрасовъ.

Такимъ же холодомъ и полицейскою подозрительностью вѣетъ и отъ послѣдняго заключительнаго аккорда крестьянской реформы — манифеста 19-го февраля, составленіе котораго имѣетъ свою любопытную исторію. Наблюденіе за изготовленіемъ этого акта возложено было на того же гр. В. Н. Панина въ его качествѣ министра юстиціи.

Первоначальный проектъ манифеста былъ составленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ [3]). Но проектъ не удовлетворилъ г. Панина,

---

[1]) См. бесѣду П. Семенова съ гр. Панинымъ въ н. с. Н. П. Семенова, т. II, стр. 691.

[2]) Хотя предъ назначеніемъ своимъ гр. Панинъ говорилъ, что „нуженъ свѣтъ со всѣхъ сторонъ“, но въ первой же рѣчи къ депутатамъ онъ строжайше рекомендовалъ воздержаться отъ разглашенія и просилъ вести дѣло *семейно* (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 692, 698). Между тѣмъ Ростовцевъ разсылалъ печатные матеріалы по крестьянскому дѣлу въ количествѣ 3.000 экземпляровъ по всей Россіи, считая, что это дѣло не семейное, а общегосударственное, за которое, какъ выразился Ростовцевъ, обязаны отчетомъ предъ всею Россіею (см. н. Семенова т. I, стр. 126, и II, стр. 686).

[3]) См. *Русскій Вѣстникъ* 1891 года, № 6, статью Н П. Семенова „Проекты Манифеста 19 февраля 1861 г.“.

и по его докладу Высочайше повелѣно было окончательную редакцію этого важнаго документа возложить на московскаго митрополита Филарета. При томъ высокомъ уваженіи, которымъ пользовался митрополитъ Филаретъ при дворѣ и въ обществѣ, весьма понятно, говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ, что выборъ Государя остановился на іерархѣ, обладавшемъ такимъ сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ [1]).

Проведшій всю жизнь въ потемкахъ канцелярской тайны, а потому страдавшій, подобно всѣмъ дореформеннымъ бюрократамъ, неизлѣчимою болѣзнью, свѣтобоязнью, гр. Панинъ обставилъ составленіе манифеста сугубою таинственностью съ мелодраматическими подробностями, въ родѣ посылки нарочнаго замаскированнаго гонца, шифрованной переписки и пр. Въ письмѣ своемъ отъ 31-го января 1861 г., посланномъ съ спеціальнымъ курьеромъ вице-директоромъ Б. Н. Хвостовымъ, гр. Панинъ, извѣщая митрополита Филарета о воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, между прочимъ, писалъ: „При предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта слово Государя Императора къ народу своему будетъ имѣть самое сильное вліяніе на успѣхъ предпринятаго дѣла. Въ семъ убѣжденіи Его Императорское Величество, съ полною довѣренностью къ вѣрноподданническимъ Вашимъ чувствамъ и къ дарованіямъ Вашимъ, призналъ нужнымъ обратиться къ Вамъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы Вы приняли на себя трудъ составить манифестъ, въ коемъ изъяснены будутъ воля и ожиданія Его Величества по сему важному предмету... Руководимый сими чувствами и симъ довѣріемъ, Государь предоставляетъ Вамъ сдѣлать всѣ тѣ измѣненія или прибавленія, кои бы Вы признали соотвѣтствующими чувствамъ Его Величества и собственнымъ Вашимъ, для лучшаго успѣха предположенной цѣли [2]).

Митрополитъ Филаретъ былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Онъ полагалъ, что правительство не справится „съ тѣми безурядицами и волненіями, которыхъ ожидали многіе по освобожденіи крестьянъ“. „По складу своего ума и по другимъ причинамъ онъ не сочувствовалъ,—говоритъ г. Сухомлиновъ, рѣшительнымъ переворотамъ въ народной жизни и предпочиталъ держаться того порядка вещей, который установился издавна

---

[1]) См. статью Сухомлинова: „Два эпизода изъ эпохи освобожденія крестьянъ“ въ *Истор. Вѣстн.* 1885, № 1.

[2]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, т. V, ч. 1. М. 1887, стр. 6.—Духовенство, въ особенности высшее, въ большинствѣ было противъ освобожденія, но встрѣчались и сторонники его.—Преосвященный Григорій, епископъ калужскій и боровскій, привѣтствовалъ въ 1858 г. приступъ къ освобожденію крестьянъ. Архимандритъ при Казанской Духовной Академіи Іоаннъ, основываясь на посланіи первомъ къ Коринѳ. (VII, 20—23), доказывалъ, что крѣпостное право—учрежденіе языческое и противорѣчитъ духу христіанства. Противъ этого воззрѣнія выступилъ Игнатій, епископъ ставропольскій (бывшій саперъ) (см. Матеріалы, I, 280)

и пустилъ глубокіе корни. Но не сочувствуя освобожденію крестьянъ, митрополитъ Филаретъ долженъ былъ сдѣлаться его первымъ провозвѣстникомъ“ [1]). Поставленный въ затруднительное положеніе, митрополитъ Филаретъ,—по словамъ г. Сухомлинова,—просилъ снять съ него непосильное бремя. Оффиціально онъ ссылался на свое незнакомство съ кругомъ тѣхъ предметовъ, основательное знаніе которыхъ необходимо для успѣшнаго содѣйствія крестьянской реформѣ и т. п. Въ частной бесѣдѣ онъ высказался откровеннѣе, находя безполезнымъ исправлять частности, когда цѣлое, т.-е. *весь проектъ* Редакціонной Коммиссіи, представляетъ нѣчто шаткое, непрочное, „утлое“.

Но воля Государя оставалась непреклонною, и, чтобы склонить митрополита Филарета, былъ командированъ въ Москву довѣренный чиновникъ гр. Панина, извѣстный его клевретъ М. И. Топильскій. Этой миссіи придавалось такое важное значеніе, и умы находились въ такомъ напряженномъ состояніи, что гр. Панинъ, боясь, чтобы донесенія Топильскаго не вскрывались на почтѣ, приказалъ ему употреблять *вымышленныя* названія. Сначала хлопоты Топильскаго, человѣка довольно ограниченнаго [2]), оставались безуспѣшны, несмотря, какъ онъ пишетъ, на его „довольно льстивыя рѣчи“. Но, благодаря содѣйствію духовника митрополита Филарета, удалось склонить его, и 3-го февраля 1861 г. Топильскій писалъ объ этомъ событіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Наконецъ другъ добродѣтели (т.-е. Филаретъ) убѣдился въ необходимости сдѣлать предлагаемое дѣло и послѣ двукратныхъ со мной объясненій принялся сегодня рѣшительно за работу. Саввинское подворье совсѣмъ въ сторонѣ, но Андроніевъ (т.-е. духовникъ Филарета) былъ пущенъ въ игру, и это подѣйствовало“ и пр. [3]).

5-го февраля проектъ манифеста былъ составленъ и въ тотъ же день препровожденъ къ графу Панину при письмѣ, въ которомъ митрополитъ Филаретъ высказываетъ, что „въ исполненіе порученія его ввело вѣрноподданническое повиновеніе, а не сознаніе удовлетворить требованію“. Далѣе онъ изъясняетъ основанія сдѣланныхъ въ присланномъ проектѣ манифеста измѣненій.

Измѣненія противъ первоначальнаго проекта сдѣланы были довольно значительныя. Объемъ его былъ почти вдвое сокращенъ [4]). Пропущено было (впрочемъ безъ всякаго ущерба для содержанія) довольно длинное историческое введеніе. Но выкинуто было также и простое, задушевное

---

[1]) См. н. с. Сухомлинова, стр. 75.
[2]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 665—693.
[3]) См. н. с. Сухомлинова, стр. 76.
[4]) Самаринскій проектъ напечатанъ г. Семеновымъ въ *Русск Вѣстн.*, 1891, № 6.

обращеніе къ крестьянамъ и дворовымъ, въ которомъ обрисовывалась ихъ новая будущность. „Довольство добывается,—гласило, между прочимъ, это обращеніе, — не иначе, какъ собственнымъ трудомъ, умножается доброю жизнью и строгой бережливостью, а законъ издается для того, чтобы всякій, исполнивъ свои обязанности, могъ трудиться невозбранно себѣ на пользу, въ мѣру своихъ силъ и способностей, и чтобы каждый трудящійся могъ безбоязненно утѣшаться нажитымъ честно добромъ“. Опущено было также мѣсто, гдѣ о днѣ объявленія воли говорилось въ такихъ выраженіяхъ: „въ сей *радостный для насъ и для всѣхъ* вѣрноподданныхъ нашихъ день“.

Въ поясненіе этого досаднаго измѣненія была написана митрополитомъ Филаретомъ на другой день вслѣдъ за составленіемъ манифеста 19-го февраля, особая „записка *о затрудненіяхъ*, которыя могутъ возникнуть при приведеніи въ исполненіе Положенія о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ“. Въ запискѣ этой разъяснилось, почему изъ манифеста исключено находившееся въ его первоначальномъ проектѣ мѣсто, въ которомъ предпринимаемое преобразованіе называлось „радостнымъ“ [1]).

„Затрудняюсь и теперь, — сказано въ запискѣ, — объяснить сіе, чтобы не коснуться сужденіемъ дѣла государственнаго, о которомъ судить не призванъ я моимъ служеніемъ“, но затѣмъ далѣе онъ разъясняетъ этотъ щекотливый пунктъ такимъ образомъ: „не упомянулъ я о радости, чтобы отъ лица царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы *многіе* [2]) изъ вѣрноподданныхъ. Предпріемлемому преобразованію *радуются люди теоретическаго* (*sic?*) *прогресса* [3]); но *многіе благонамѣренные (?)*

---

[1]) Въ рескриптѣ, данномъ 19-го февраля на имя важнѣйшаго дѣятеля крестьянской реформы великаго князя Константина Николаевича, день объявленія воли всетаки названъ «достопамятнымъ для Россіи“.

[2]) По поводу неудовольствія дворянъ Я. И. Ростовцевъ въ письмѣ своемъ Государю отъ 29 сентября 1859 г., между прочимъ, писалъ: „Какой бы проектъ ни послали Редакціонныя Комиесіи, хотя такой, по которому помѣщики даже ничего не теряли бы, все-таки многіе депутаты непремѣнно потребовали бы уступокъ... Вообще, *если бы мы боялись огорчить дворянъ*, дворянство, *то никогда бы ничего не сдѣлали*, ибо все отнимающее что-либо у человѣка не можетъ быть для него пріятно, а уладить крестьянскій вопросъ безъ пожертвованій со стороны дворянства нѣтъ никакой возможности. Дай Богъ только, чтобы пожертвованій этихъ было менѣе“ (см. т. II н. с. Семенова, стр. 219—913).

[3]) Не безынтересно сопоставить эти строки съ словами Я. И. Ростовцева: „Смотря съ точки зрѣнія гражданскаго права,—писалъ онъ Государю 23 октября 1859 г.,—вся начатая реформа отъ начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушеніе правъ частной собственности. Но, какъ необходимость государственная и на основаніи государственнаго права, реформа эта *законна, священна, необходима.* Огромное большинство враговъ реформы, не уясняя себѣ этой неотложной необходимости, обвиняютъ Редакц. Ком. въ желаніи обобрать дворянъ, а иные даже въ желаніи произвести анархію, называя нѣкоторыхъ изъ членовъ Коммиссіи *красными* (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 828).

люди ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія. Объявленіе отреченія помѣщиковъ отъ крѣпостного права на крестьянъ и настоятельное побужденіе тѣхъ и другихъ войти въ рѣшительныя условія о земляхъ—вотъ мѣры благонадежныя. Но когда крестьянамъ возвѣщено будетъ право „*постояннаго пользованія землею* помѣщиковъ", не затруднятся ли чрезъ сіе предполагаемыя соглашенія, такъ какъ въ семъ найдетъ для себя опору *упрямство* крестьянъ, которое проявляется у нихъ *и безъ законной опоры?* При рѣшительномъ отчужденіи отъ помѣщиковъ земли, прежде ихъ согласія, хотя и безъ наименованія собственностью крестьянъ, помѣщики не найдутъ ли себя *стѣсненными въ правѣ собственности* и въ хозяйственныхъ обстоятельствахъ [1])? И сіе не подѣйствуетъ ли *неблагопріятно на ихъ усердіе* къ правительству?.." [2]). Эта послѣдняя попытка отстоять помѣщичьи интересы, въ ущербъ крестьянскимъ,—въ духѣ гр. Панина,—никакихъ послѣдствій не имѣла, но слово „*радостный*" такъ-таки вычеркнуто было изъ воистину радостнаго манифеста 19 февраля.

---

[1]) Какъ извѣстно, оспариваемое здѣсь „безсрочное пользованіе" получило силу закона и вошло въ Положеніе 19-го февраля. Есть ли это дѣло случая или прямого заимствованія, но изложенная здѣсь аргументація *почти дословно* воспроизводитъ соображенія крѣпостниковъ и въ томъ числѣ гр. Панина, которыя онъ развивалъ въ интересахъ помѣщиковъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ отъ 19 апрѣля 1860 г., написанной послѣ столкновенія съ членами Редакц. Комисс. „Это (постоянное и безсрочное пользованіе),—писалъ гр. Панинъ,—во 1-хъ, явно противорѣчитъ удостовѣренію Вашего Величества (въ рескриптахъ), что земли остаются въ полной собственности дворянства; во 2-хъ, воспрепятствуетъ добровольному выкупу, ибо крестьянинъ, увѣренный въ томъ, что земля всегда за нимъ останется, не имѣетъ никакого побужденія ее покупать; въ 3-хъ, раззоритъ окончательно всѣхъ землевладѣльцевъ, и пр." (См. т. III н. с. Семенова, стр. 491). И этотъ ослѣпленный поборникъ помѣщичьихъ интересовъ имѣлъ смѣлость заявить, что крестьяне, въ лицѣ его, имѣютъ защитника своихъ интересовъ!.. Ну развѣ не явная была несправедливость со стороны „грабителей" Редак. Ком. (см. выше) усумниться въ „словѣ" такого великолѣпнаго крестьянскаго трибуна?!

[2]) См. н. Сборникъ мнѣній Филарета, стр. 16, 17.

V.

Теперь крѣпостное право—какой-то тяжкій и страшный кошмаръ, отъ котораго освободило прекрасное великое слово Царя-Освободителя... Да, оно одно!—Ибо кто же могъ ручаться, не лизалъ ли бы, безъ этого слова, Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга и до сей минуты стриженая и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гаранті противнаго?—Въ нравахъ что-ли? Но развѣ не извѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ что-ли? — Но развѣ не извѣстно, что слезы, которыя при этомъ капаютъ, капаютъ внутрь, капаютъ кровавыми пятнами на сердце, и все накипаетъ, все накипаетъ, пока не перекипитъ совершенно? — Повторяю, это былъ страшный и тяжелый кошмаръ, въ которомъ давящіе и давимые были равно ужасны.

М. Е. Салтыковъ (1862).

Въ то время, какъ въ Москвѣ, съ такими чрезвычайными предосторожностями, составлялся проектъ манифеста, въ Петербургѣ въ величайшей тревогѣ, съ глубочайшею таинственностью и невѣроятною поспѣшностью народная свобода проходила послѣднюю стадію своего труднаго, далеко не безболѣзненнаго нарожденія. Все, что происходило, говоритъ г. Семеновъ, по дѣлу освобожденія крестьянъ съ 10-го октября 1860 г. по 5-е марта 1861 г., т.-е. со дня закрытія Редакціонныхъ Коммиссій и до обнародованія манифеста 19-го февраля, было покрыто непроницаемою тайною даже для большинства членовъ бывшей Редакціонной Коммиссіи [1]). Такая чрезвычайная таинственность обусловливалась, прежде всего, личными особенностями помѣшаннаго на тайнѣ графа В. Н. Панина, который,—по словамъ того же автора, считалъ всегда дѣломъ первостепенной важности скрывать виды правительства отъ лицъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ іерархіи или не входящихъ въ составъ его [2]).

---

[1]) См. „Освобожденіе крестьянъ“ Н. П. Семенова, 1892, т. III, ч. 2, стр. 749—750.

[2]) См. н. с. Семенова, стр. 733.

— Во всеподданнѣйшую записку свою о закрытіи Редакціонныхъ Комиссій гр. Панинъ, между прочимъ, внесъ такой пунктъ: „При открытіи засѣданій Главнаго Комитета объявить ему положительную Высочайшую волю, чтобы всѣ дѣла и работы производились въ *совершенной тайнѣ* и не были сообщаемы никому (безъ всякаго изъятія) изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу Комитета, вмѣнивъ въ особенную обязанность государственному секретарю наблюдать, чтобы употребленные (sic) по этому дѣлу чиновники государственной канцеляріи не

Но и помимо личныхъ свойствъ мраколюбиваго графа Панина, были другія обстоятельства, сообщавшія послѣднимъ работамъ по крестьянскому дѣлу такой тревожный, почти сумрачный характеръ. Причиною его была подозрительность, обусловливаемая недостаткомъ въ правительственныхъ сферахъ точныхъ свѣдѣній о настроеніи общества и народа... Какъ-то приметъ народъ свободу—вотъ вопросъ!.. Шумно и гулко всколыхавшіяся послѣ продолжительнаго застоя, словно вешнія воды въ половодье, общество и его главная представительница, литература, смущали бюрократію своимъ необычайнымъ оживленіемъ. Крѣпостное населеніе, переживавшее время лихорадочнаго, естественнаго наканунѣ воли нетерпѣнія, но умѣвшее сдержать его въ предѣлахъ закона, представляло собою сфинксъ, внушавшій однимъ симпатію, другимъ страхъ, а инымъ такъ и просто безотчетный ужасъ. Уже не говоря о партіи, враждебной освобожденію крестьянъ и заинтересованной въ преувеличеніи опасностей, съ нимъ сопряженныхъ, даже и друзья народа, мало его знавшіе, съ нескрываемою тревогою смотрѣли въ грозное и неизвѣстное будущее [1]).

Самъ Ростовцевъ, котораго трудно заподозрить въ желаніи тормозить

сообщали *рѣшительно никому* того, что будетъ происходить, и что будетъ утверждено въ Главномъ Комитетѣ“ (см. тамъ же, стр. 803).

— Еще раньше, врагъ гласности, графъ Панинъ отступилъ отъ традицій Я. И. Ростовцева, стоявшаго за широкую гласность въ крестьянскомъ дѣлѣ и печатавшаго труды Редакціонной Комиссіи въ количествѣ 3.000 экз. Въ концѣ 1859 г. Главный Комитетъ уменьшилъ число ихъ до 350, съ тѣмъ, чтобы они были предоставлены только членамъ Главнаго Комитета, Государственнаго Совѣта и Редакціонной Комиссіи. Со вступленіемъ гр. Панина въ должность предсѣдателя Редакціонной Комиссіи, когда приступлено было къ печатанію отзывовъ дворянскихъ депутатовъ, въ большинствѣ враждебныхъ освобожденію крестьянъ, гласность была еще болѣе стѣснена. По настоянію графа Панина и вопреки Высочайшему повелѣнію, отзывы депутатовъ стали печататься въ количествѣ 50 экз., при чемъ всѣ они были занумерованы. По окончаніи разсмотрѣнія отзывовъ гр. Панинъ сталъ требовать обратно печатные экземпляры отъ членовъ Редакціонной Комиссіи. Нѣкоторые вернули ихъ, большинство же отказалось исполнить это произвольное требованіе. Одинъ изъ членовъ Комиссіи, кн. Голицынъ, рѣзко возразилъ гр. Панину, усматривая въ его требованіи покушеніе на его право собственности. Другой членъ, Галаганъ, котораго гр. Панинъ просилъ возратить экземпляръ для его, Панина, личнаго пользованія, вызвался перепечатать книгу на свой счетъ, но также наотрѣзъ отказался вернуть его (см. Матер. д. истор. упразд. крѣпостного права, т. III, стр. 158).

[1]) Считавшійся „краснымъ“ у крѣпостниковъ графъ Блудовъ такого же держался взгляда.

— Трудное дѣло затѣяли, В. В.,—говорилъ Блудовъ Александру II въ январѣ 1858 г.,—знаете ли, что за нимъ послѣдуетъ?

— А что?—спросилъ Государь.

Блудовъ замялся. (См. письмо Смирновой, *Русс. Арх.* 1897 г., № 10 стр. 17).

крестьянскую реформу, вначалѣ, какъ извѣстно, также пессимистически смотрѣлъ на дѣло.

Но съ теченіемъ времени, какъ сказано, въ высшихъ кругахъ, сочувствовавшихъ свободѣ, сталъ преобладать болѣе спокойный взглядъ на дѣло, хотя крѣпостники, вродѣ начальника III отдѣленія кн. Вас. Андр Долгорукова и министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, продолжали сѣять тревогу и видѣть въ *терроризаціи* удобное, лучшее средство для достиженія своихъ низкихъ цѣлей. Друзья свободы, вѣря въ здравый смыслъ народа, все же съ замираніемъ сердца прислушивались къ тревожнымъ слухамъ о предстоящихъ безпорядкахъ, которые, какъ нельзя болѣе, были бы на руку врагамъ свободы. „Я считаю себя обязанною предупредить васъ,—писала 18-го февраля 61 г. в. к. и достойнѣйшая женщина Елена Павловна Н. А. Милютину, что, какъ передаютъ мои люди, если ничего не будетъ къ 19-му февраля, чернь явится къ Зимнему дворцу съ требованіемъ освобожденія. Нужно бы нѣсколько обратить вниманіе на эти толки: демонстрація была бы *пагубна*“ [1]).

Несмотря на всѣ принятыя мѣры, въ общество и въ народъ проникали извѣстія о козняхъ крѣпостниковъ, о тѣхъ мучительныхъ перепетіяхъ, коими сопровождались послѣднія стадіи составленія освободительнаго законоположенія. Государь счелъ нужнымъ непосредственно и лично направить послѣднюю фазу законодательныхъ работъ. Благодаря энергіи и искусству предсѣдателя крестьянскаго Главнаго Комитета, великаго князя Константина Николаевича, „вложившаго душу въ это великое дѣло“, по справедливому замѣчанію г. Семенова, проектъ Положеній прошелъ черезъ Комитетъ безъ существенныхъ измѣненій.

Разсмотрѣнію Положеній Главный Комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся свыше шести часовъ. Пренія затягивались главнымъ образомъ благодаря В. П. Буткову: онъ все еще не могъ раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могущественъ, и не зналъ, въ чью пользу привести въ движеніе *всю силу канцеляріи*, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ [2]).

Оставалось побороть упрямство членовъ Государственнаго Совѣта, огромное большинство коего стояло за помѣщичьи интересы и относилось враждебно къ проекту Редакціонной Коммиссіи объ освобожденіи крестьянъ съ достаточнымъ надѣломъ.

26-го января состоялось соединенное засѣданіе [3]) Совѣта Министровъ

---

[1]) Н. с. Леруа-Болье, 61.

[2]) См. письмо А. В. Головнина въ н. Біогр. словарѣ.

[3]) По поводу этого памятнаго засѣданія Никитенко заноситъ въ свой Дневникъ: „Партія противниковъ свободы, кажется, готова въ своемъ безсиліи на всякія гадости. Она выдумываетъ и распускаетъ по городу слухи въ расчетѣ напу-

и Главнаго Комитета подъ предсѣдательствомъ Государя. Онъ горячо благодарилъ членовъ Комитета, защищавшихъ проектъ Редакціонныхъ Коммиссій, и особенно великаго князя Константина Николаевича, котораго цѣловалъ нѣсколько разъ. Тутъ же онъ высказалъ свою непремѣнную волю, чтобы разсмотрѣніе проектовъ было окончено безотлагательно къ 15-му февраля.

28-го января происходило засѣданіе общаго собранія Государственнаго Совѣта подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Въ рѣчи своей Государь необычайно *твердо и повелительно* [1]) указалъ, что при обсужденіи Положеній могутъ быть допущены второстепенныя измѣненія, но основы должны остаться *неприкосновенными*. Въ послѣднемъ засѣданіи 28 января 1861 года, требуя окончанія дѣла къ 15 февраля безъ отмѣнъ и проволочекъ, Государь прибавилъ: „Этого я желаю, требую, повелѣваю, вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть [2])“.

гать правительство. Теперь, напримѣръ, пущена въ ходъ глупая выдумка о явленіи Путятину (мин. нар. просв.) тѣни Я. И. Ростовцева и пр.“ (*Русс. Стар.* 1891, № 1, стр. 49).

[1]) Въ рѣчи своей Александръ II между прочимъ говорилъ: Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры... Моя непремѣнная воля — чтобы дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть *пагубно для государства*. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому *довѣрію и спокойствію*, какое высказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, потому что они касаются до самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ... Я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства... Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь; но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества“ (см. *Прав. Вѣстн.* 1893 г., апрѣля 18). —Министры говорили, что они никогда не видали Государя съ такимъ рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и тонѣ рѣчи (см. н. Матеріалы, т. III, 156).

[2]) Рѣчь въ Госуд. Совѣтѣ 28 января, писалъ Головнинъ, поставила Государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. (Біогр. слов., 557, письмо Головнина къ Барятинскому).

Въ виду того, что дѣлались попытки, особенно со стороны крѣпостника Муравьева, затормозить дѣло подъ предлогомъ собиранія дополнительныхъ данныхъ о надѣлахъ, вторично велѣно было къ 15-му февраля окончить обсужденіе. На каждый день былъ назначенъ урокъ, безъ исполненія котораго Совѣтъ не могъ разойтись. Большинство членовъ было неблагопріятно проектамъ Редакціонной Коммиссіи, и Государь большею частью присоединялся къ мнѣнію меньшинства. Самое существенное измѣненіе, внесенное Совѣтомъ, было допущеніе такъ называемаго гагаринскаго или, какъ народъ прозвалъ, „нищенскаго“ или „сиротскаго“ надѣла ($^1/_4$ нормальнаго), даровою уступкою котораго помѣщикъ освобождался отъ своихъ обязанностей по надѣленію землею.

16-го февраля разсмотрѣніе проекта и всѣ подготовительныя работы были окончены. 19 февраля государственный секретарь В. П. Бутковъ отвезъ въ Зимній дворецъ проектъ манифеста и указа сенату. Хотя по чрезвычайной важности великаго государственнаго акта, подлежавшаго законодательной санкціи, это было дѣло предсѣдателя государственнаго совѣта, но бывшій крѣпостникъ Бутковъ, спѣшившій, соотвѣтственно указанію политическаго барометра, перекочевать въ лагерь либераловъ, охотно, съ радостью взялъ на себя эту лестную миссію, частью въ виду дряхлости предсѣдателя (гр. Д. Н. Блудова), частью изъ желанія быть свидѣтелемъ великой исторической минуты подписанія акта о дарованіи свободы десяткамъ милліоновъ, акта, долженствовавшаго сдѣлать „19-е февраля величайшимъ днемъ XIX столѣтія“ [1]).

Но Александръ II пожелалъ въ этотъ исключительный по своей возвышенной торжественности, моментъ, въ эту святую и величавую минуту, когда совершалось важнѣйшее дѣло его царствованія и обозначался поворотный пунктъ въ исторіи новой Россіи, остаться одинъ наединѣ съ своею совѣстью, безъ свидѣтелей, въ особенности безъ такихъ равнодушныхъ или, точнѣе, бездушныхъ свидѣтелей, какъ Бутковъ, котораго влекло не столько благоговѣніе предъ этимъ чудно-величавымъ моментомъ появленія на свѣтъ свободы народной, сколько праздное любопытство вѣтренаго, салоннаго, великосвѣтскаго сплетника-бонмотиста [2]), беззастѣнчиваго

---

[1]) См. н. с. Леруа-Болье, 51.

[2]) Типъ *свѣтскаго кутилы*, гибкаго карьериста-царедворца, держащаго носъ по вѣтру, В. П. Бутковъ, лишенный всякихъ устойчивыхъ убѣжденій, сначала былъ противникомъ освобожденія и вторилъ своимъ патронамъ—графамъ Закревскому и Орлову, потомъ сдѣлался *оффиціальнымъ либераломъ* и въ такомъ качествѣ много способствовалъ удачному проведенію крестьянской и судебной реформы (см. Матеріалы, III, и книгу мою: С. И. Зарудный и судебная реформа, глава VI, а также записку Левшина въ *Рус. Арх.* 1885, № 8, стр. 493, прим.).

оппортюниста, бывшаго крѣпостника, нынѣ охотно впрягшагося въ колесницу временно восторжествовавшихъ либеральныхъ вѣяній!..

Если кого желалъ сильно видѣть около себя въ это чудное мгновеніе Государь, то, конечно, своего вѣрнаго сотрудника Я. И. Ростовцева, надъ могилою котораго незадолго передъ тѣмъ, 6-го февраля, лилъ онъ горячія слезы [1]).

Историческимъ гусинымъ перомъ [2]) былъ подписанъ Александромъ II въ лихорадочномъ возбужденіи, въ столь естественномъ и трогательномъ волненіи [3]) 19 февраля, въ незабвенный день воцаренія его, освободительный манифестъ, въ филаретовской редакціи [4]), Положенія о крестьянахъ и журналы Государственнаго Совѣта 1861 года, и на другой день выслалъ документы въ Государственную Канцелярію.

Свершилось!

Жребій былъ брошенъ! Рубиконъ перейденъ.

Цѣпи рабства разорваны! Россія избавлена навсегда отъ „отвратительнаго недуга“, по выраженію проф. И. Бѣляева!

Но эта великая радостная вѣсть не могла быть еще оглашена передъ народомъ, переживавшимъ послѣдніе дни величайшаго возбужденія и нетерпѣнія: нужно было напечатать въ огромномъ количествѣ Манифестъ и Положенія о крестьянахъ. Не легко было изготовить въ скоромъ времени и въ небываломъ количествѣ эти драгоцѣнныя грамоты о волѣ: на напечатаніе ихъ ушло девять дней. Первоначальныя мѣры къ скорѣйшему печатанію были приняты еще въ то время, когда проекты Редакціонной Коммиссіи разсматривались въ Главномъ Комитетѣ. Еще въ ноябрѣ 1860 г. собраны были государственною канцеляріею свѣдѣнія о силахъ важнѣйшихъ с.-петербургскихъ типографій. Наборъ Положеній долженъ былъ производиться въ обширной типографіи II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи,

---

[1]) См. Матеріалы, III, 160.

[2]) Это перо хранится въ Москвѣ въ Историческомъ Музеѣ.

[3]) М. П. Погодинъ въ своемъ „Красномъ яичкѣ для крестьянъ“ писалъ на своемъ дѣланномъ quasi-народномъ языкѣ: „Если бы вы знали только, какъ самъ-то Онъ, голубчикъ, провелъ тотъ святой день, когда, послѣ горячей молитвы въ уединеніи, сподобился подписать всемилостивѣйшій манифестъ, а по-старому сказать—льготную грамоту: и плакалъ-то Онъ, говорятъ, и смѣялся, и дѣточекъ цѣловалъ, и близкихъ обнималъ, спрашивалъ, разсказывалъ, а что—Богъ вѣсть. Окружающіе диву давались, глядя на Него; маленькая дочка побѣжала къ своей образной, вынула образочекъ Благовѣщенія и принесла къ нему въ подарокъ на память о днѣ крестьянскаго освобожденія“ („Красное яичко“. Спб. 1861 г.).

[4]) Редакторъ упомянутаго „Сборника мнѣній“, преосвященный Савва, сличивъ черновой подлинникъ митрополита Филарета, хранящійся въ архивѣ Св. Синода, съ опубликованнымъ текстомъ манифеста, отмѣчаетъ только самые незначительные варіанты (стр. 15).

но главную трудность представлялъ не наборъ, а печатаніе громаднаго количества экземпляровъ. Поэтому рѣшено было печатать отдѣльно по листамъ, смотря по мѣрѣ изготовленія набора, одновременно въ нѣсколькихъ казенныхъ и частныхъ типографіяхъ. Какъ только былъ подписанъ освободительный актъ, въ тотъ же самый день приступлено было въ типографіи II отдѣленія къ набиранію новыхъ законоположеній для печати. При усиленныхъ работахъ въ четырехъ типографіяхъ печатаніе было окончено въ девять дней. Приняты были строжайшія мѣры къ тому, чтобы преждевременно не прошелъ въ публику слухъ о печатаемыхъ документахъ. Но, несмотря на угрозу административною ссылкою, животрепещущая радостная новость проникла въ публику чрезъ одного наборщика [1]).

Да и развѣ есть возможность хранить такія волнующія душу тайны, такіе вѣщіе глаголы, о которыхъ сами камни вопіютъ, и звуками которыхъ самъ воздухъ наполненъ!.. Еще раньше народъ провѣдалъ о памятномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28 января, въ которомъ Государь грозно увѣщевалъ членовъ его одуматься, взглянуть на дѣло глазами государственныхъ людей, а не душевладѣльцевъ и уврачевать вѣковую отвратительную болячку Россіи, нежданно, не гадано на нее напавшую по пагубному недосмотру [2]) верховной власти. Подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, въ первыхъ числахъ февраля помѣщичьи крестьяне неоднократно дѣлали Государю восторженныя овацiи. Однажды Александръ II долженъ былъ взять сани на Дворцовой набережной, чтобы укрыться отъ взрывовъ горячей народной манифестаціи. Другой разъ толпа крестьянъ пала къ его ногамъ у подъѣзда Зимняго дворца и безъ словъ благодарила за покровительство [3]).

Чѣмъ ближе подвигалось время къ завѣтному 19-му февраля, тѣмъ

---

[1]) См. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ.* Приложеніе: Лѣтопись сельскаго хозяйства, апрѣль 1861 г., стр. 152. См. Воспоминанія Щербачева въ *Русск. Арх.* 1891, № 1.

[2]) Проф. Бѣляевъ, осуждая близорукую политику преемниковъ Петра Великаго, закабалившихъ народъ по соображеніямъ фискальнаго удобства за первымъ встрѣчнымъ, замѣчаетъ по поводу Елизаветинскаго указа о ревизіи 1742 г.: „Страшно за бѣдняковъ; ихъ ничто не спасаетъ отъ неволи, къ нимъ нѣтъ ни довѣрія, ни пощады, ихъ не спрашиваютъ, будутъ ли они платить подушную подать или нѣтъ, а прямо требуютъ, чтобы они шли въ крѣпость къ тому, кто ихъ приметъ и обяжется платить подушную подать! Самое рабство они должны считать милостью: имъ негдѣ и головы преклонить, законъ торжественно отрицаетъ ихъ личность и свободу, какъ будто тѣсна сдѣлалась пространная русская земля, какъ будто уже такъ много было рабочихъ рукъ, что всѣ промыслы и занятія были разобраны, что вольному человѣку и подушныхъ негдѣ заработать, и изъ-за нихъ онъ долженъ идти въ вѣчное рабство!..“ См. „Крестьяне на Руси“ И. Д. Бѣляева, 258.

[3]) См. н. Матеріалы, III, 180.

нетерпѣніе крѣпостныхъ все болѣе и болѣе росло, чему не мало способствовали и послѣдніе дикіе, беззастѣнчивые взрывы издыхавшаго жаднаго рабовладѣльческаго любостяжанія [1]). Подъ 18-мъ февраля академикъ Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: „Умы въ сильномъ напряженіи по случаю крестьянскаго дѣла. Всѣ ожидали манифеста о свободѣ 19-го числа. Потомъ начали ходить слухи, что на время отлагается. Въ народѣ возбудилась мысль, что его обманываютъ“ [2]).

Для успокоенія народа принимались администраціею необыкновенно удачныя мѣры, которыя нерѣдко производили какъ разъ *обратное* дѣйствіе. Такъ, 16-го февраля было помѣщено въ газетахъ слѣдующее странное объявленіе отъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора: „Вслѣдствіе разнесшихся слуховъ объявляется, что 19-го февраля *никакихъ* правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу обнародовано не будетъ“ [3]). Между тѣмъ, въ тотъ же день, въ 7 час. утра, всѣ столичные дворники были собраны въ части города, и имъ объявлено, что манифеста 19-го числа не будетъ, но онъ будетъ объявленъ на второй (?) недѣлѣ Великаго поста (тутъ, вѣроятно, было стремленіе замаскировать настоящій день объявленія, который на дѣлѣ былъ назначенъ на 5-е марта, послѣдній день масленицы).

---

[1]) Мѣстами помѣщики, желая выжать изъ своихъ подданныхъ послѣдніе соки, прибѣгали къ явно неблаговиднымъ вымогательствамъ (см. выше) съ крестьянъ. Отпускали на волю безъ земли, урѣзывали надѣлы, по уговору съ фабрикантами закабаливали трудъ крестьянъ за безцѣнокъ, либо прижимали рекрутскимъ выкупомъ. Такъ, въ *Пет. Вѣдом.* былъ разсказанъ слѣдующій случай, бывшій въ Саратовѣ передъ самымъ подписаніемъ освободительнаго манифеста. Дворовый человѣкъ помѣщицы Е. Д. Кривской, Яковъ Ивановъ, уже много лѣтъ занимался столярнымъ мастерствомъ, платя въ годъ 25 р. оброку. Въ концѣ января 1861 г. помѣщица потребовала съ него 200 руб., грозя въ противномъ случаѣ немедленно сдать въ рекруты. До засѣданія присутствія оставалось *три дня*. Все это время дворовый Яковъ скрывался по чужимъ домамъ и искалъ денегъ, но болѣе ста рублей не успѣлъ собрать. Нашлись добрые люди (Н. Мордвиновъ, Н. Москвинъ, І. Кондыревъ, В. Корсаковъ), которые поручились за Якова въ остальныхъ ста руб. и тѣмъ избавили его отъ солдатчины и тяжкихъ послѣдствій помѣщичьяго произвола, которыя должны были быть чувствительны и наканунѣ объявленія воли.

[2]) *Русск. Стар.* 1891, № 1. Въ народѣ ходили слухи, что свобода отсрочена, но что явится *Гарибалдовъ* (Гарибальди) для освобожденія крестьянъ (Матеріалы, Ш, 190). — Лероа-Болье (L'empire des Tzars, I, p. 342) приводитъ изъ *Писемъ безъ адреса* Н. Чернышевскаго ходившій въ народѣ и обществѣ (см. н. Матеріалы, 114, вып. I) слухъ, что Наполеонъ въ 1856 г. взялъ съ Россіи обязательство освободить крестьянъ.

[3]) „Это странное объявленіе“, отмѣтилъ Никитенко въ своемъ Дневникѣ, „приводитъ въ раздраженіе умы. Опасаются тревогъ и вспышекъ“.

Въ *Сѣверной Пчелѣ*, полуоффиціальной газетѣ, появилась 18-го февраля статья, которая, несмотря на свой эзоповскій языкъ, возвѣщала близость желаннаго дня. „Бываютъ дни,—говорилось въ этой статьѣ, приписываемой самому С. С. Ланскому,—когда всѣ помыслы, всѣ рѣчи сосредоточены на одной идеѣ, направлены къ мысли объ одномъ какомъ-нибудь событіи, когда всѣ посторонніе вопросы отступаютъ на задній планъ. Для большинства это дѣло недоумѣній (?), догадокъ, толковъ. Чѣмъ важнѣе представляется ожидаемое событіе, тѣмъ разнообразнѣе о немъ говоры. Мы теперь живемъ въ такую эпоху. Вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ вѣсти о крестьянскомъ дѣлѣ, и мы, съ своей стороны, поспѣшили освѣдомиться о настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса и узнали изъ достовѣрнаго источника, что это многознаменательное для всей Россіи дѣло близко къ окончанію. На это важнѣйшее народное дѣло потребны продолжительныя ежедневныя совѣщанія. Обсужденія эти приближаются къ концу (а извѣстно, что на самомъ дѣлѣ они уже были закончены 15-го февраля!), и можно надѣяться, что въ *седьмое* [1]) лѣто царствованія Александра II въ предстоящіе дни молитвы и поста совершится давно ожидаемое событіе“.

Въ № отъ 26-го февраля той же газеты напечатана была горячая, но вычурная статья бывшаго дворовaго М. П. Погодина, тоже стремившаяся къ подготовкѣ народа къ предстоящему событію. Начинается она такъ: „Русскіе люди, русскіе люди, на колѣни! Молитесь Богу! Благодарите Бога за это высокое несравненное счастье, за это безмѣрное (безпримѣрное?) въ лѣтописяхъ ощущеніе, которое всѣхъ насъ ожидаетъ, за эту великолѣпную страницу, которою украсится отечественная исторія“.

Затѣмъ Погодинъ, поддѣлываясь подъ ломаный народный языкъ раешника, продолжаетъ такъ: „Хотите ли, я разскажу вамъ, какъ все это будетъ? Крестьяне въ назначенный день нарядятся въ свои кафтаны, пригладятъ волосы квасомъ, пойдутъ съ женами и дѣтьми въ праздничномъ платьѣ молиться Богу. Изъ церкви крестьяне потянутся длинною чередою къ своимъ помѣщикамъ, поднесутъ имъ хлѣбъ-соль и, низко кланяясь, скажутъ: „Спасибо вашей чести на томъ добрѣ, что мы, наши отцы и дѣды отъ васъ пользовались: не оставьте насъ и напередки вашею милостью, а мы навсегда ваши слуги и работники“... „Крестьяне пойдутъ,—продолжаетъ Погодинъ свою приторную маниловщину,—съ хлѣбомъ-солью

---

[1]) Митрополитъ Филаретъ, бывшій противъ освобожденія крестьянъ, въ первый, послѣ объявленія волп, пріѣздъ Александра II въ Москву въ рѣчи своей ловко повернулъ фронтъ и вставилъ мѣсто изъ Исхода, сказавъ, что у древняго народа Божія седьмое лѣто было лѣтомъ отпущенія изъ рабства (*Моск. Вѣд.* 1861 г. № 111).

не только къ добрымъ [1]), но и къ недобрымъ помѣщикамъ, ибо въ семьѣ не безъ урода, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ". Статью свою Погодинъ заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы изъ первыхъ копеекъ вольнаго труда, по объявленіи манифеста добытыхъ, собрана была сумма, и

---

[1]) Объ соотношеніи между добрыми и недобрыми помѣщиками мы находимъ нѣкоторыя любопытныя указанія въ рѣчи Николая I, сказанной въ 1848 г. дворянамъ (см. выше). Объявивъ, что слухи объ освобожденіи крестьянъ *нелѣпы*, Николай I обращалъ вниманіе ихъ на злоупотребленія помѣщичьею властью. „На 50 дворянъ, сказалъ онъ, 15 хорошихъ, 25 порядочныхъ, 10 негодныхъ" т. е. 20% (см. Матеріалы, I, 77). На чемъ основаны эти гадательныя данныя, неизвѣстно. Одинъ крѣпостникъ смотрѣлъ на крѣпостное право болѣе оптимистически; по его увѣренію, дурныхъ помѣщиковъ все 2%, и имъ нужно внушить страхъ Божій и евангельскую любовь и... больше ничего!—(*Русск. Стар.* 1897, № 9, стр. 19). Нѣкоторое представленіе о томъ, каково жилось у „добрыхъ" помѣщиковъ средней руки, т.-е. такихъ, которые въ своей средѣ признавались порядочными людьми, даютъ *Записки* Д. Н. Свербеева (Москва, 1899), принадлежавшаго къ числу таковыхъ и, конечно, стоявшаго за крѣпостное право. Онъ нередаетъ, какъ объ явленіяхъ заурядныхъ, о продажѣ на фабрики, въ рекруты, даже дачѣ приказнымъ взятокъ крѣпостными. Отецъ Свербеева былъ масонъ, старавшійся быть справедливымъ въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ, которыхъ онъ называлъ „Богомъ и государемъ данные ему подданные". Человѣкъ вспыльчивый, раздражительный, онъ всегда старался сдерживать себя, не поддаваться гнѣву. Онъ никогда „не дрался съ людьми изъ собственныхъ рукъ,—пишетъ его сынъ,—и у насъ не было тѣхъ тяжкихъ истязаній и тѣхъ орудій казни надъ крестьянами, которыя мнѣ случалось встрѣчать даже въ сороковыхъ годахъ и у лучшихъ сосѣднихъ помѣщиковъ. У насъ и въ заводѣ не было, чтобы тяжко провинившимся брили половину головы и половину бороды и не позволяли имъ отращивать волосы до помилованія; у насъ не существовали въ конторѣ колодки, къ которымъ приковывались виноватые, и не надѣвали на нихъ ошейниковъ. Безъ розогъ дѣло не могло, конечно, обходиться, но это были обыкновенныя занятія управляющаго съ конторою". Указавъ на то, какъ его отецъ все-таки позволилъ себѣ очень произвольное дѣйствіе: отобравъ изъ новокупленнаго имѣнія съ сотню крестьянъ дурного поведенія, онъ переселилъ ихъ на свою землю подъ Кременчугомъ и тамъ продалъ съ землею, Д. Н. Свербеевъ говоритъ: „Это доказываетъ одну святую истину, что и лучшіе помѣщики не могли не злоупотреблять крѣпостнымъ правомъ" (I, 29). А до какихъ чудовищныхъ размѣровъ могло доходить у дурныхъ помѣщиковъ опьяненіе патріархальнымъ крѣпостнымъ самовластьемъ, можно судить по слѣдующему образчику: „Малоархангельскій помѣщикъ Михаилъ М—невъ запрегъ свою голую жену въ тарантасъ, а дѣвокъ, тоже голыхъ, на пристяжку и на выносъ, да и поѣхалъ на сѣнокосъ, гдѣ и велѣлъ всѣхъ голыхъ дѣвокъ и жену мужикамъ на кордѣ гонять. Подвернулся женинъ братъ, медикъ, онъ его до полусмерти изсѣкъ на конюшнѣ и челюсть переломилъ ему". Дальше въ письмѣ сообщается, что этотъ дикій человѣкъ въ концѣ-концовъ „преданъ суду: за разореніе крестьянъ, за вынужденіе крестьянскихъ женъ и дочерей къ разврату и за жестокое обращеніе какъ съ ними, такъ и съ женою своею, которую онъ травилъ собаками, выворачивалъ ей руки, вырвалъ ей всѣ волосы съ головы и ударами раздробилъ челюсть" (*Русск. Стар.* 1898 г., ноябрь).

поставлена въ Москвѣ на память потомству церковь во имя Александра Невскаго. „Тамъ,—заключаетъ Погодинъ,—должна теплиться во вѣки вѣковъ неугасимая лампада; тамъ должна возсылаться молитва за благодушнаго Царя, который вмѣсто *Юрьева дня*, скорбной для крестьянъ памяти, даруетъ крестьянамъ и дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ и духовенству прекрасный *Александровъ день*“ [1]). Къ числу подготовительныхъ мѣръ относилась и командировка въ губерніи свитскихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ полковничьяго чина, коимъ велѣно было состоять при губернаторахъ и способствовать скорѣйшему объявленію манифеста.

2-го марта, безъ предварительныхъ повѣстокъ, созвано было общее собраніе Сената въ присутствіи и. д. министра юстиціи Д. Н. Замятина. Сенату прочитанъ былъ манифестъ 19-го февраля, затѣмъ онъ былъ положенъ въ министерскій портфель и обратно увезенъ, при чемъ сенаторамъ было внушено хранить строжайшее молчаніе. Сенатъ подалъ Государю благодарственный адресъ. Адресъ былъ принятъ, но приказано было не печатать.

Съ такою чрезвычайною таинственностью, съ такою-то мрачною сосредоточенностью готовилось растерявшееся, встревоженное правительство ко встрѣчѣ свѣтлаго, радостнаго дня провозглашенія свободы, при наступленіи котораго у бѣднаго Иванушки впервые, по выраженію его истиннаго друга. М. Е. Салтыкова, должно было „весело взыграть сердце“, и впервые онъ долженъ былъ „*засмѣяться*“ подъ бодрящимъ впечатлѣніемъ „пахнувшаго на него свѣжаго воздуха“!..

---

[1]) Чествованіе „Александрова дня“ мѣстами, въ Москов. губ., вошло въ обычай между крестьянами. Онъ празднуется 30-го августа. Оффиціальное празднованіе „19-го февраля“ доселѣ еще не установлено, хотя всего умѣстнѣе было пріурочить его къ установленному въ 1896 г. празднованію Александра Невскаго — въ честь Царя-Освободителя. При мин. внутр. дѣлъ гр. Д. А. Толстомъ воспрещено было общественнымъ учрежденіямъ чествованіе 25-тилѣтія освобожденія крестьянъ, и вообще администрація смотрѣла косо на всякія сочувственныя манифестаціи 19-го февраля по поводу годовщины объявленія воли. Не лишено назидательности, что родственный гр. Толстому по духу ретроградъ-крѣпостникъ графъ Закревскій тоже запретилъ въ 1858 г. московской интеллигенціи празднованіе 19-го февраля.

§ 2.

Объявленіе воли.

Сегодня (5-го марта) лучшій день моей жизни.

Александръ II.

Дожили до этого дня, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ.

Изъ письма Тургенева къ Герцену.

Если бы было возможно, мы бросили бы все и поскакали бы въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, какъ тяжела жертва отсутствія.

Герценъ.

Рѣдко или лучше никогда еще смертному не доводилось совершить дѣло столь важное и благородное, какъ то, которое совершилъ Александръ II, возвратившій однимъ почеркомъ пера 23-мъ милліонамъ ихъ права.

Kölnische Zeitung.

VI.

Насталъ, наконецъ, давно желанный, благодатный, ясный [1]) день 5-го марта, великій день объявленія воли, котораго народъ русскій съ изумительнымъ долготерпѣніемъ ждалъ ровно 99 лѣтъ [2])!..

По наружному своему виду Петербургъ не представлялъ собою ничего особеннаго. Это было „прощеное“ воскресенье, послѣдній день масленицы, стало быть, большое оживленіе на улицахъ было естественно. Никакихъ внѣшнихъ, видимыхъ, чрезвычайныхъ мѣръ къ охранѣ столицы не было принято генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ, несмотря на то,

---

[1]) Въ указанныхъ Воспоминаніяхъ „Стараго гвардейца“, напротивъ, говорится, что цѣлый день шелъ снѣгъ. Но, очевидно, память измѣняетъ автору, который самый день объявленія манифеста относитъ то къ 19-му, то къ 26-му февраля (см. *Русск. Арх.* 1892 года, № 1). Другіе очевидцы передаютъ, что 5-го марта былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ дней, которыми такъ рѣдко балуетъ холодная сѣверная весна и которые, въ силу этого обстоятельства, особенно бываютъ дороги и памятны (см. „Матеріалы“, т. III, Дневникъ А. В. Никитенко въ *Русск. Стар.* 1891 г., № 1, и Г. Д. Щербачева въ *Русс. Арх.* того же года, № 1).

[2]) Извѣстный историкъ русскаго законодательства проф. И. Д. Бѣляевъ указываетъ, что скоро послѣ манифеста Петра III отъ 18-го февраля 1762 объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы ждали, съ полнымъ правомъ, крестьяне отмѣны крѣпостного права, существованіе коего обусловливалось этою службой, и, такъ какъ ожиданіе не оправдалось, начались безпорядки. „Крестьяне на Руси“ И. Д. Бѣляева. 275—277. См. тамъ же, 258.

что онъ, какъ и шефъ жандармовъ кн. Вас. А. Долгоруковъ, будучи противниками освобожденія, съ нескрываемою тревогою и злорадствомъ ждали его осуществленія. Обстоятельство это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что тотъ же Игнатьевъ года за полтора назадъ настоялъ на принятіи чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности, въ виду исполнившагося 8-го сентября 1859 г. совершеннолѣтія наслѣдника престола и ожидавшагося волненія народа, который ждалъ „воли“ въ этотъ день [1]). Такое „бездѣйствіе власти“ тѣмъ болѣе казалось страннымъ современникамъ, что въ тотъ же день въ Москвѣ пѣшіе и конные патрули съ заряженными ружьями ходили цѣлый день и даже заходили въ трактиры. Но бездѣйствіе петербургской власти, какъ узнаемъ изъ появившихся теперь воспоминаній стараго гвардейца, было только кажущееся. На самомъ дѣлѣ военнымъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ 4-го марта была разослана по полкамъ инструкція съ подробнымъ означеніемъ, какіе полки въ какія именно полицейскія части города слѣдуетъ отрядить; полкамъ велѣно было никуда не отлучаться и быть 5-го марта все время наготовѣ [2]). Самъ Игнатьевъ находился весь день 5-го и 6-го марта въ Зимнемъ дворцѣ при Императрицѣ.

Бывшій на дежурствѣ 5-го марта въ Зимнемъ дворцѣ свитскій генералъ такъ описываетъ впечатлѣнія и настроеніе этого дня: „Лица, собравшіяся въ Зимній дворецъ въ ожиданіи Государева выхода, были, очевидно, неспокойны. Послышался глухой гулъ, какъ бы *выстрѣлъ*; генералъ-губернаторъ посылаетъ узнать, что такое, и ему докладываютъ... что глыба снѣга скинута съ дворцовой крыши. Черезъ нѣсколько времени послышался колокольный *звонъ*; опять опрометью мчится фельдъегерь и, возвратившись, докладываетъ... что звонили у Исаакія по случаю похоронъ какого-то священника“ [3]).

Однако, какъ и слѣдовало ожидать, страхи и тревоги были напрасны. Въ Петербургѣ въ церквахъ съ амвона прочитана была благая вѣсть о свободѣ. Манифестъ былъ также афишированъ и на стѣнахъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ послышалось *ура*, но въ большинствѣ случаевъ былъ онъ выслушанъ молча и даже съ нѣкоторымъ *недоумѣніемъ* [4]). На людей ин-

---

[1]) По инструкціи, составленной Игнатьевымъ, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ долженъ былъ распоряжаться на улицахъ, а самъ генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, не отличавшійся, какъ передаютъ, большею храбростью, *безотлучно* находился при особѣ Императрицы въ Зимнемъ дворцѣ. Петербургскіе полки были соединены по телеграфу; загородные тоже были наготовѣ. Городовые вооружены револьверами (см. „Матеріалы,“, II, 129).

[2]) См. Матеріалы, III, 180. *Русск. Стар.* 1892, № 1.

[3]) См. тамъ же. *Р. С.*

[4]) См. н. Воспоминанія Щербачева въ *Р. А.* Въ этотъ день, какъ отмѣчаетъ оффиціальный *Истор. Обзоръ*, по любопытному совпаденію читалось за литургіею,

геллигентныхъ, радовавшихся освобожденію народа, произвелъ неблагопріятное впечатлѣе холодный, витіеватый тонъ манифеста и оффиціальное выхваленіе доблести дворянства, *якобы добровольно* [1]) отказавшагося отъ крѣпостного права, между тѣмъ какъ совершенно игнорировалось достойное, полное выдержки и такта поведеніе крѣпостного населенія, засвидѣтельствованное не разъ и имѣвшее колоссальное значеніе для хода и исхода реформы. „Я не могу не удивляться и не радоваться,—говорилъ Александръ II въ своей извѣстной рѣчи въ засѣданіи Государственнаго совѣта 28-го января 1861 г.,—и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ“ [2]). И объ этомъ замѣчательномъ событіи, которое съ любовью отмѣчено было въ первоначальномъ проектѣ манифеста, ни слова не говорилось въ его новой редакціи [3]).—На народъ манифестъ не произвелъ

такъ хорошо шедшее къ событію дня, мѣсто изъ Посланія къ римлянамъ: „Братіе! Нощь убо прейде, а день приближается. Отложимъ убо дѣла темныя и облечемся въ оружіе свѣта“ и проч. (см. н. приложен. къ *Ж. М. Вн. Д.*).

[1]) Членъ Главнаго Комитета, гр. В. А. Адлербергъ, сказалъ: „съ перваго слова ложь“, и рѣшительно отказался подписать ст. 1 проекта Полож. о крест., гдѣ говорилось, что крѣпостное право отмѣняется „по желанію дворянства“, и слова эти были вычеркнуты. (См. н. Матеріалы, III).

[2]) См. выше рѣчь Александра II, а также отзывъ Салтыкова.

[3]) Здравый народый смыслъ, между прочимъ, говорилось въ Самаринскомъ проектѣ, не увлекся, ни ложными опасеніями, ни несбыточными надеждами (см. н. сб. Семенова, т. III, ч. 1, стр. 8—3). Вопреки увѣренію г. Семенова, видящаго въ Филаретовскомъ произведеніи не одно, а даже нѣсколько *совершенствъ* (sic) и рекомендующаго его „какъ *образецъ* для составленія подобныхъ государственныхъ актовъ“ (см. н. сб. Семенова, т. III, ч. 2, стр. 783),—по единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ, слышавшихъ чтеніе манифеста и наблюдавшихъ впечатлѣніе, имъ произведенное, слѣдуетъ признать, что именно слѣдуетъ избѣгать такого „образца“ при составленіи государственныхъ актовъ. Если даже и образованные люди выносили очень смутное впечатлѣніе при чтеніи этого неуклюжаго, черстваго, объемистаго документа, то не трудно понять, какой образовался сумбуръ въ головахъ массы крестьянъ, при слушаніи этого растянутаго „образца“ приказно-семинарской риторики и многословія (см. Воспом. миров. посред. г. Крылова въ *Русс. Старинѣ* 1892, № 4 и Дневникъ конторщика въ *Русс. Арх.* 1897, № 9, стр. 134).

— И. С. Тургеневъ въ письмѣ своемъ А. И. Герцену, не зная исторіи составленія манифеста, такъ передаетъ свое впечатлѣніе по прочтеніи этого акта: „самымъ явнымъ образомъ онъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на *неуклюжій* русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Вотъ фразы въ родѣ „благодѣтельно устроять“ и „добрыя патріархальныя условія“ —которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ. Но самое дѣло онъ раскуситъ, и дѣло это устроено, по мѣрѣ возможности, порядочно. „Мы здѣсь (въ Парижѣ),—продолжаетъ Тургеневъ,—третьяго дня отпѣли молебенъ въ церкви и попъ произнесъ намъ краткую, но умную и трогательную рѣчь, отъ которой я прослезился, а Ник. Ив. Тургеневъ

особенно сильнаго впечатлѣнія, благодаря отчасти своему тяжелому книжно-оффиціальному слогу, отчасти очень большому объему и обилію мелкихъ подробностей. Только одно мѣсто въ манифестѣ, гдѣ говорилось: „осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и благо общественнаго“,—только это теплое мѣсто затрогивало сердечныя струны, и всѣ невольно осѣнили себя крестомъ.

Но общій смыслъ манифеста и совершившагося *великаго* [1]) и радостнаго для народа событія былъ слишкомъ для него ясенъ и, конечно, не могъ не произвести на него глубокаго впечатлѣнія. Однако, напрасно мы стали бы искать внѣшнихъ проявленій, сколько-нибудь соотвѣтствующихъ глубинѣ этого потрясающаго чувства и величію пережитаго народомъ историческаго момента. Объясняется это, во-первыхъ, обычною сдержанностью народа и отсутствіемъ у него органовъ и способа для проявленія своихъ чувствъ и мыслей, а во-вторыхъ, робостью, забитостью, неувѣренностью народа, издавна привыкшаго быть, въ качествѣ animae vilis, объектомъ безцеремонной расправы со стороны начальства [2]) и стѣсненнаго въ проявленіи даже вполнѣ легальныхъ чувствъ. Такъ, по разсказу современника, народъ, стоявшій около манежа, гдѣ Государь самъ лично прочелъ манифестъ 19 февраля, снялъ шапки, когда показался Государь, но *ура* не смѣлъ кричать, *не имѣя на то разрѣшенія полиціи* [3]). Впрочемъ,

---

чуть не рыдалъ. Тутъ же былъ и старый кн. Волконскій (декабристъ). Много народа передъ этимъ *ушло* изъ церкви...— Дожили до этого дня, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ и досада душитъ, что не на мѣстѣ“. (Письма къ Герцену. Женева. 92,141). — Манифестъ 19-го февраля былъ напечатанъ въ томъ же 1861 г. на польскомъ, финскомъ, латышскомъ, шведскомъ, еврейскомъ, татарскомъ и армянскомъ языкахъ (см. Крест. вопр. Межова. Спб. 1865, стр. 180—181).

[1]) Матушка не могла поѣхать въ церковь въ день объявленія манифеста, пишетъ помянутый гвардеецъ, потому что кучеръ явился къ ней и съ плачемъ объявилъ, что въ такой *великій* для всѣхъ день ему невозможно работать (*Русс. Арх.* 1892, № 1).

[2]) „Въ самый великій, священный для народа день объявленія свободы петербургская полиція выпорола двухъ дворниковъ, вся вина коихъ состояла въ томъ, что они въ *трактирѣ говорили* незадолго до 5 марта о подписанной Государемъ волѣ“ (см. *Русс. Стар.* 1891, № 1, стр. 71).

[3]) См. н. Матеріалы, III, 190.—О личномъ настроеніи Виновника праздника кн. Мещерскій говоритъ слѣдующее: „То, чего не пришлось найти 32 года назадъ въ обстановкѣ и въ настроеніи молящихся Исаакіевскаго собора, — писалъ онъ въ 1893 году въ *Гражданинѣ*, — то многіе изъ насъ увидѣли въ этотъ день въ лицѣ Виновника торжества: *выраженіе праздника*. Сколько ясной радости, сколько душевнаго довольства было ярко написано на благородномъ лицѣ Преемника Николая Перваго въ этотъ день, когда свершилось то, чего не рѣшился сдѣлать, легко сказать, кто: Николай I... Ни одна тучка не омрачала яснаго неба (sic) на лицѣ счастливаго дарованнымъ народу счастьемъ Монарха. Я въ этотъ день,

были моменты, когда народъ, не будучи въ силахъ сдержать наплыва восторженнаго чувства благодарности и забывъ страхи передъ всякими начальствами, встрѣчалъ Царя-Освободителя такими громогласными и идущими отъ сердца кликами „ура“, которые могли издать лишь люди, впервые свободно, по-человѣчески вздохнувшіе послѣ многовѣковой злой неволи. Эти сіяющія, радостныя лица народа, впервые дождавшагося, послѣ трехвѣкового томленія рабства, свѣтлаго праздника на своей улицѣ, эти стихійные взрывы сдержаннаго, но неудержимаго восторга, эти пламенныя громогласныя вспышки безпредѣльнаго народнаго ликованія навсегда запечатлѣлись въ умѣ и сердцѣ имѣвшихъ счастье видѣть и слышать ихъ.

„Было 2 часа пополудни, — разсказываетъ одинъ изъ этихъ счастливцевъ,—на Царицыномъ лугу было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики „ура“. Государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того, какъ Онъ приближался, крики „ура“ становились громче и громче; наконецъ, когда Государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое „ура“, отъ котораго, казалось, *земля затряслась*. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего Царя-Освободителя. Я счастливъ,—пишетъ авторъ воспоминаній,—что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ, не поддающійся описанію“ [1]).

Другой изъ современниковъ, профессоръ и цензоръ А. В. Никитенко подъ 5-мъ марта пишетъ въ своемъ Дневникѣ: „Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ мнѣ принесли около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ ли есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей и дѣтямъ въ кабинетѣ предъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему на вѣки въ

помню какъ вчера, видѣлъ лицъ, присутствовавшихъ при той трогательной сценѣ, когда на Сенатской площади (?) толпа благодарнаго народа впервые поднесла хлѣбъ-соль своему Царю-Освободителю отъ освобожденныхъ Имъ отъ крѣпости крестьянъ. Сіи свидѣтели говорили объ этой сценѣ со слезами умиленія и прибавляли, что, право, имъ казалось что Государь и Наслѣдникъ его окружены были сіяніемъ, до того *свѣтлы* были и ихъ лица, и лица народа. Въ тотъ же день, какъ разсказывали тогда, счастливый Монархъ пошелъ навѣстить свою дочь, малолѣтнюю Великую Княжну Марію Александровну, и, сіяя отъ радости, цѣлуя ее, сказалъ, что сегодня—*лучшій день его жизни*“ (20 февраля 1893 г.).

[1]) См. Воспоминанія Г. Д. Щербачева въ № 1 *Русс. Арх.* 1891.

своемъ сердцѣ *5-е марта и имя Александра II Освободителя.* Я не могъ усидѣть дома, продолжаетъ Никитенко. Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, *слиться съ обновленнымъ народомъ.* На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа; одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя... Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ Галаховымъ (ученымъ).—*Христосъ Воскресе!* сказалъ я ему. — *Воистину воскресе!* отвѣчалъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость. Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанское, и мы выпили по бокалу въ честь Александра II". Мы поймемъ эту наивную, юношескую экспансивность пожилого ученаго, если примемъ на видъ, что онъ радовался объявленію воли и какъ просвѣщенный гражданинъ, и какъ бывшій рабъ, самъ познавшій всю горечь и стыдъ крѣпостного безправія[1])!

Великій день 5-го марта прошелъ вполнѣ спокойно.

Любопытная вещь! Опасались народныхъ волненій, и что жъ? День объявленія какъ будто нарочно пригнали на *прощеное воскресенье*, когда народный масляничный разгулъ и буйство достигаютъ высшаго размѣра.

---

[1]) *Русс. Стар.* 1891, № 1.—До 20-тилѣтняго возраста Никитенко былъ (какъ и Погодинъ) крѣпостнымъ кавалергарда гр. Шереметева, владѣвшаго 150.000 душъ. Никитенко, получившій солидное образованіе, разсказываетъ подробно мучительныя перепитіи, предшествовавшія его освобожденію изъ позорной неволи и поступленію въ Петербургскій университетъ. Любопытная игра судьбы! Никитенка выдвинула и пріуготовила освобожденіе та самая клерикальная реакція, которая имѣла въ виду укрѣпленіе крѣпостного феодальнаго строя жизни. „Созданный Меттернихомъ Священный союзъ,—пишетъ самъ Никитенко,—имѣлъ въ виду противодѣйствовать идеямъ, возбужденнымъ французскою революціею, т.-е. парализовать движеніе народныхъ массъ къ свободѣ, къ обузданію феодальнаго произвола, къ установленію великаго начала, что не народы существуютъ для правителей, а правители для народовъ. Это былъ постоящій заговоръ противъ народовъ. Не пренебрегая никакими средствами, союзъ призвалъ къ себѣ на помощь и религію или, вѣрнѣе, ту часть ея, которая была съ руки ему: *о смиреніи и повиновеніи.* Любопытно, что и въ наши дни обскуранты тоже признаютъ за народомъ единственный „великій талантъ" — повиновеніе" (см. прим. П. Б. въ *Русс. Арх.* 1877 № 9, стр. 136). Обходя идею братскаго равенства, состовляющую главную суть ученія Христа, онъ недобросовѣстно держался только буквы извѣстныхъ истинъ, которыя, взятыя въ отдѣльности, всегда могутъ быть по произволу искажены. Такъ поступали *обскуранты всѣхъ временъ.* Они пользовались религіею, какъ средствомъ для *отупенія умовъ* (стр. 151—152)".—Затѣмъ Никитенко разсказываетъ, какъ онъ попалъ въ секретари одного изъ библейскихъ Обществъ, созданныхъ тогдашнимъ реакціоннымъ движеніемъ, и какъ рѣчь его, крѣпостного, плѣнила главу реакціи кн. А. Н. Голицына, начавшаго хлопотать у гр. Шереметева. Никитенко получилъ вольную въ 1824 г., при чемъ много помогъ ему будущій декабристъ Рылѣевъ (см. Записки и Дневникъ Никитенка 1873, т. I, стр. 160—173).

Былъ ли тутъ затаенный расчетъ со стороны крѣпостниковъ, жадно ждавшихъ возможности запугать безпорядками Государя и эксплоатировать народныя волненія въ своихъ интересахъ, или невѣроятная непредусмотрительность тонкихъ, но ничего несмысливших въ народной психологіи администраторовъ, но отрадно стмѣтить, что самъ великій именинникъ 5-го марта, освобожденные крѣпостные, еще разъ осрамили гнусные расчеты крѣпостниковъ и выручили несообразительное начальство своимъ достойнымъ, исполненнымъ такта и самообладанія, поведеніемъ, страдавшимъ скорѣе излишнею сдержанностью, нежели избыткомъ экспансивности. Легко представить, какъ сладко и радостно должны были вздохнуть эти измученные жестокимъ произволомъ крѣпостные, ежедневною, ежеминутною мелкою домашнею тиранніею дворовые, едва вѣрившіе выпавшему на ихъ долю счастью! А между тѣмъ они сдерживали себя и таили въ сердцѣ охватившія ихъ радостныя чувства. Народъ не только не „бунтовалъ“, вопреки мрачнымъ, но безсмысленнымъ опасеніямъ дальновидной полиціи, но даже не дозволялъ себѣ шумныхъ внѣшнихъ излишествъ въ изъявленіи своей радости, которыя были, однако, такъ естественны, скажемъ болѣе— законны и почтенны въ такой исключительный счастливый день, какъ день уничтоженія рабства и возвращенія человѣческаго достоинства! Сызмальства привыкшій подъ давленіемъ двойной ферулы крѣпостного права и начальственнаго произвола сдерживать себя въ проявленіи вовнѣ самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, освобожденный рабъ не имѣлъ духа и воли отдаться свободно охватившему его ликованію, подобно больному, не могущему расправить свои члены, парализованные долгой болѣзнью. Даже самого Творца своей свободы и счастья, Царя-Освободителя, народъ, какъ уже замѣчено, не всегда смѣлъ открыто привѣтствовать, не имѣя на то прямого разрѣшенія начальства.

Еще больше обманулъ народъ дрянные расчеты „его сивушества Полугарова, всѣхъ кабаковъ и выставокъ безпечальнаго обладателя“, по выраженію Салтыкова, расчеты откупщиковъ. Кто о чемъ, а откупщикъ въ этотъ день думалъ только объ одномъ, какъ бы побольше народа споить своею гнусною отравою и сорвать барыши съ этого рѣдкаго народнаго праздника. И безъ того большіе запасы водки, дѣлавшіеся обыкновенно для послѣдняго дня масленицы, были на сей разъ еще болѣе увеличены. Но, увы!—расчетъ оказался ошибочнымъ: народъ, какъ бы сговорившись, счелъ неумѣстнымъ предаваться въ такой великій день пьяному разгулу и откупщики потерпѣли убытокъ, не успѣвъ даже выручить суммы, обычной для масленицы.

Въ послѣдующіе дни манифестаціи въ Петербургѣ имѣли болѣе правильный, но не менѣе грандіозный характеръ. Фабричные окрестностей Петербурга прислали къ генералъ-губернатору Игнатьеву депутацію съ

просьбою разрѣшить подать Государю адресъ и хлѣбъ-соль. Игнатьевъ принялъ ихъ очень грубо и отказалъ наотрѣзъ. Тогда депутація заявила, что она обратится къ министру двора Адлербергу, и Игнатьеву пришлось поневолѣ разрѣшить депутаціи подать хлѣбъ-соль. Фабричные явились въ числѣ 20 тысячъ на площадь Зимняго дворца и подали Государю Императору хлѣбъ-соль, но адресъ не былъ принятъ [1]).

Спустя недѣлю послѣ объявленія манифеста, 12-го марта, тысячи крестьянъ, фабричные и ремесленники, отслушавъ литургію въ Александро-Невской лаврѣ, отправились съ женами и дѣтьми къ Зимнему дворцу и, поднеся хлѣбъ-соль, подали адресъ слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Фабричное и ремесленное населеніе столицы Твоей, проникнутое сознаніемъ счастія, которымъ оно обязано Твоему великодушію, приходитъ нынѣ излить предъ Тобою чувства безпредѣльной благодарности и преданности вѣрноподданнической.

„Единственный изъ Монарховъ! Ты соблаговолилъ день Твоего самодержавнаго воцаренія содѣлать днемъ свободы народной, и мы всѣ знаемъ, на сколько въ этомъ дѣлѣ нашего освобожденія принимало участіе Твое вселюбящее сердце. Мы пришли благодарить Тебя за права гражданскія, которыя Ты даровалъ намъ, за жизнь, которую Ты обновилъ для насъ, за наше настоящее счастіе, котораго не знали отцы и дѣды наши, за будущее счастіе нашихъ дѣтей и внуковъ.

„Мы знаемъ, Государь, что, получая новыя права, мы должны принять на себя новыя обязанности, и обѣщаемъ Тебѣ содѣлаться достойными великаго дара, ниспосланнаго намъ Твоею державною волею“.

„Мы просимъ Бога подъ Твоимъ благотворнымъ царствованіемъ прославить и возвеличить любезное отечество наше, мы молимъ Его, Всемогущаго, сохранить намъ надолго драгоцѣнные дни Твои, чтобы Ты Самъ видѣлъ и вкусилъ плоды Твоего насажденія и, окруженный всенародною любовію, долгое время наслаждался счастіемъ Твоего свободнаго народа!“

Въ отвѣтѣ своемъ [2]) Государь заявилъ, что освобожденіе это всегда было желаніемъ и заботой Родителя его, который уже приступилъ къ этому дѣлу, и затѣмъ далъ депутаціи добрыя, отеческія наставленія насчетъ христіанскаго, честнаго и правильнаго образа дѣйствій, которому

---

[1]) См. Матеріалы, III, 194.

[2]) Любопытенъ разсказъ объ этой аудіенціи, напечатанный со словъ одного изъ крестьянскихъ депутатовъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*.

„Братія! — писалъ депутатъ, — великое дѣло намъ пришлось совершить для нашей общей пользы и признательности, которую мы изъявили первые изъ числа двадцати трехъ милліоновъ освобожденнаго народа Государю Императору.

„Это сочувствіе и признательность наша шибко прогремитъ во всей нашей Россіи и даже будетъ извѣстна за границей, въ иностранныхъ земляхъ.

„Первыя слова Государя Императора къ намъ:

— „Здравствуйте, дѣти!“

— „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“

освобожденные крестьяне должны оставаться вѣрными, если хотятъ нести въ свободномъ состояніи своемъ всѣ преимущества, какія оно можетъ имъ дать [1]).

Такъ спокойно прошли въ Петербургѣ эти незабвенные историческіе дни, ожидавшіеся съ тревогою и ужасомъ. Но если обратиться къ даннымъ о настроеніи общественныхъ группъ или сословій, то они окажутся очень скудными. И понятно почему. Изъ двухъ непосредственно заинтересованныхъ классовъ одинъ, дворянскій, хранилъ затаенное злобное молчаніе, другой, крестьянскій, и радъ бы выразить воодушевлявшія его чувства, да не имѣлъ еще организованнаго орудія общественной мысли и слова. Купечество и духовенство оставались равнодушными, такъ какъ реформа ихъ прямо не задѣвала. Общесословныхъ же учрежденій въ то время почти не существовало. Вотъ почему особеннаго вниманія заслуживаетъ, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія, адресъ, поданный общесословною петербургскою Думою. Дума, между прочимъ, писала: „принявъ на видъ, что Высочайшимъ манифестомъ 19-го минувшаго февраля Его Императорскому Величеству благоугодно было *возвратить* крестьянамъ ихъ древнюю исконную свободу, каковая Монаршая милость дополнила и довершила дарованную россійскому дворянству манифестомъ Петра III

— „Мы пришли благодарить Тебя, Государь, за свободу, которую Ты даровалъ намъ. Удостой принять хлѣбъ и соль отъ трудовъ нашихъ“.

„Его Величество перебиваетъ нашу рѣчь своимъ словомъ:

— „Благодарю васъ, дѣти, за сочувствіе ваше, которое стоило немалаго труда. Поняли ли, дѣти, что для васъ сдѣлано, въ пользу вашего общаго блага, Мною въ объявленномъ вамъ Манифестѣ?“

— „Мы чувствительно благодаримъ Ваше Императорское Величество за Ваши великія благодѣянія, которыми Вы обновили жизнь нашу“.

„Его Величество:—Это было начато еще Моимъ Родителемъ, но Онъ не успѣлъ его кончить при своей жизни. Мнѣ пришлось, съ помощію Бога, совершить оное дѣло, для блага вашего. Но вы, дѣти, теперь должны благодарить Бога и молиться о вѣчной памяти Моего Родителя, и самимъ вамъ, всѣмъ вообще, всѣмъ быть полезнымъ для блага отечества. Благодарю васъ; Я доволенъ вами“. (*Москов. Вѣд.* 1861, № 94).

[1]) Напрасно мы стали бы искать въ газетахъ того времени слѣды этого народнаго ликованія и энтузіазма. Только черезъ недѣлю появилась не столько для Россіи, сколько для Европы, въ *Journal de St.-Petersbourg* слѣдующая замѣтка объ одной изъ народныхъ сценъ, бывшей на Дворцовой площади передъ Зимнимъ дворцомъ: Государю представилась депутація мастеровыхъ и крестьянъ, которая отдѣлилась отъ толпы, собравшейся на площади въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и выразила въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ признательность свою за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.—Приведенный адресъ также былъ напечатанъ въ *Journ. de St.-Petersbourg*. Мы заимствуемъ его изъ *Москов. Вѣд.*, напечатавшихъ „переводъ“ въ № отъ 17-го марта. По всей вѣроятности, это тотъ самый адресъ, который не былъ принятъ раньше.

отъ 18-го февраля 1762 г. свободу отъ обязательной службы Царю и Государю, съ которою было тѣсно связано обязательное тягло крестьянъ [1]), и уничтожила въ Россіи несвободныя отношенія сословій къ государству; и убѣжденная, что цвѣтущая жизнь городовъ по большей части зависитъ отъ благоустроеннаго положенія сельскихъ жителей, обезпечивающихъ существованіе первыхъ и доставляющихъ имъ способы обогащенія, проникнутая этимъ убѣжденіемъ и вслѣдствіе того душевно сочувствуя дарованному нынѣ *меньшей братіи счастью*, не можетъ отказать себѣ въ сердечной потребности испросить у Его Императорскаго Величества соизволенія повергнуть къ подножію престола изліяніе вѣрноподданнической благодарности за всемилостивѣйшее сопричисленіе крестьянскаго сословія, на непомѣщичьихъ земляхъ поселеннаго, *къ свободному русскому обществу*“, — С.-Петербургская Дума *приговорила*: „Просить Государя Императора считать городское общество *ревностнѣйшимъ и усерднѣйшимъ цѣнителемъ и сподвижникомъ* (?) *величайшаго преобразованія*, которое составитъ навѣки вѣковъ блестящую страницу царствованія Его Императорскаго Величества и вмѣстѣ источникъ неугасимой славы и непоколебимаго процвѣтанія Россіи“. Затѣмъ С.-Петербургская Дума ходатайствовала передъ Государемъ о принятіи въ даръ дома Межуева для устройства въ немъ Александровской больницы для чернорабочихъ.

VII.

Я помню незабвенный годъ...
Какимъ онъ свѣтомъ освѣтилъ
Царемъ раскованный народъ
Отъ узъ, которыя носилъ!
О, какъ тогда мы ликовали,
Толпою окруживъ амвонъ.
Когда намъ волю объявляли
Подъ праздничный веселый звонъ!..
И съ тѣхъ поръ часто вспоминаю
То дѣтство, то тяжелы годы,
И тѣмъ лишь душу услаждаю,
Что я дождался дней свободы.

Бывш. двор. Ѳ. Бобковъ.

Что же происходило въ знаменательный день 5-го марта въ первопрестольной Москвѣ? Не легко отвѣтить на этотъ вопросъ. Берешь въ руки газету того времени — тишь да гладь или, по выраженію Аксакова,

---

[1]) Эта точка зрѣнія настойчиво проводилась въ исторической русской литературѣ. См. Матеріалы 1, 21—22.

слышно одно только молчаніе на всѣхъ языкахъ! Ничто такъ наглядно не рисуетъ жалкое, унизительное, рабское положеніе тогдашней печати, какъ это вынужденное, систематическое молчаніе ея въ то время, когда къ голосу ея особенно прислушивались, и когда она, съ большою обстоятельностью трактуя объ иностранныхъ государствахъ, не смѣла коснуться дѣла, всѣхъ волновавшаго. Перелистывая единственную московскую газету *Московскія Вѣдомости*, можно подумать, что онѣ издавались не въ Москвѣ, а гдѣ-нибудь за границею. Цѣлые столбцы заняты въ университетской газетѣ преніями во французскомъ сенатѣ о свѣтской власти папы, объ образованіи итальянскаго королевства, отчетами объ англійскихъ журналахъ и т. п., но ничего или почти ничего объ освобожденіи крестьянъ! Въ теченіе всего февраля мы нашли въ ней только одно лаконическое извѣстіе по крестьянскому вопросу, а именно слѣдующую телеграмму (очевидно пересказъ вышеупомянутой статьи *Съв. Пчелы*) изъ Петербурга отъ 18-го февраля: „Обсужденіе крестьянскаго вопроса оканчивается; надѣются, что это событіе (обсужденіе?) совершится постомъ“, и только! [1]). Какъ разъ въ день появленія этого извѣстія, 19-го февраля, подписывается освободительная хартія, приступаютъ къ спѣшному печатанію ея. Въ публику проникаютъ слухи объ этомъ великомъ событіи, распространителей слуховъ наказываютъ въ полиціи розгами [2]), но въ печати о немъ ни слова.

5-го марта читаютъ въ Петербургѣ манифестъ, тамъ же происходятъ народныя манифестаціи, но въ печать опять-таки ничего или почти ничего не проникаетъ. Съ 4-го по 6-е марта *Московскія Вѣдомости* не выходили. Въ № отъ 7-го марта, за помѣткою „сообщено“, находимъ оффиціальное свѣдѣніе о чтеніи манифеста въ московскихъ церквахъ и о молебствіи. Затѣмъ сообщается, что экземпляры манифеста были разосланы во всѣ дома, а дворовымъ роздано было чрезъ полицію „Положеніе о дворовыхъ“. Въ съѣзжихъ домахъ и во всѣхъ конторахъ квартальныхъ надзирателей поступило въ продажу по рублю за экземпляръ „Положенія о крестьянахъ“—въ первые дни не болѣе одного экземпляра на однѣ руки [3]).

Но неужели *Москов. Вѣдом.* промолчали этотъ единственный день и такъ-таки сами отъ себя не сказали ни слова по поводу этого важнѣйшаго событія въ русской исторіи? При бѣгломъ обзорѣ № ничего не оказывается. Но, къ чести русской печати, редакція (редакторомъ былъ В. Ѳ. Коршъ), не смѣвшая прямо говорить объ этомъ, постаралась обойти бдительность цензуры косвенно. Гдѣ-то въ глухомъ углу газеты, въ

---

[1]) См. *Москов. Вѣд.* отъ 19-го февраля, № 41.

[2]) См. назв. Матеріалы, II. 115.

[3]) Впослѣдствіи было пущено еще въ продажу по 10 к. „Краткое изложеніе правъ и обязанностей крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣп. зависимости“.

отдѣлѣ библіографіи,—гдѣ говорится о книгѣ Тройницкаго „Крѣпостное населеніе по 10-й ревизіи“,—газета помѣстила нѣсколько прочувствованныхъ строкъ о событіи дня подъ замаскированнымъ заглавіемъ „Крѣпостное населеніе въ Россіи“. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этой контрабандной, прочувствованной библіографической замѣткѣ: „Великое событіе занесено въ лѣтописи Россіи и Европы. Государственное начало, этотъ мощный двигатель и блюститель народныхъ интересовъ, начало, спасшее Русь отъ раздробленія, отъ монголовъ и выдвинувшее насъ на прямой путь общеевропейскаго развитія, нынѣ мудро разрѣшаетъ вѣковыя узы крѣпостныхъ отношеній между милліонами людей. Русская земля, благодаря этому двигающему началу и благороднѣйшему его представителю Государю Императору Александру Николаевичу, отнынѣ устраивается на новыхъ основаніяхъ. Въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, милліоны нашихъ братьевъ съ любовью и сердечнымъ умиленіемъ произносятъ это вовѣки благословенное имя. *Александровъ день*, какъ назвалъ Погодинъ 19-е февраля, навсегда останется однимъ изъ великихъ дней Русской исторіи. Этотъ день, мы въ томъ увѣрены, будетъ днемъ *священнымъ* для всего населенія необъятнаго русскаго царства. Онъ не можетъ оставить по себѣ недовольныхъ [1]).

Только въ библіографической замѣткѣ подъ заглавіемъ „Крѣпостное населеніе“ газета могла излить волновавшія ее чувства, навѣянныя волею!! Можетъ ли быть что-нибудь возмутительнѣе такого положенія печати?..

Какова была въ этотъ день физіономія первопрестольной, объ этомъ совершенно умалчиваютъ *Московскія Вѣдомости*, и только недѣлю спустя, при описаніи ужина, о которомъ рѣчь будетъ ниже, въ подстрочномъ примѣчаніи указывается, что въ этотъ день, 5-го марта, всѣ знакомые цѣловались при встрѣчѣ [2]).

Вообще въ Москвѣ праздникъ 5-го марта прошелъ еще тише, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ появленіе Виновника празднества вызвало неудержимые взрывы народнаго энтузіазма. М. П. Погодинъ, ѣздившій на день, на субботу 4-е марта, въ Петербургъ, узнавъ тамъ, что на 5-е марта назначено объявленіе воли въ Москвѣ, спѣшилъ вернуться домой, чтобы воочію видѣть, какъ Москва въ Кремлѣ у Ивана Великаго будетъ чествовать великое историческое событіе. Разочарованіе Погодина было полное. Въ Москвѣ были приняты чуть ли не большія еще мѣры предосторожности, чѣмъ въ Петербургѣ. Народа на улицахъ было не много. Погодинъ былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ мечталъ услышать, послѣ обычнаго

---

[1]) *Моск. Вѣд.* № 52.

[2]) № 58 *М. В.*

многолѣтія Государю, многолѣтіе освобождаемому крестьянству, русскому дворянству, словомъ, ждалъ чего-нибудь необычнаго, „не казеннаго“, способнаго „возбуждать духъ любовнаго единенія между сословіями“, но надежда его не исполнилась. Послѣ молебна народъ сталъ расходиться, прислушиваясь къ чтенію манифеста, который въ разныхъ мѣстахъ Дворцовой площади читали студенты, купцы и др. Какъ ни странно, въ этотъ день ни разу не оглашался Кремль крикомъ „ура“; по крайней мѣрѣ, Погодинъ, старательно собиравшій характерныя мелочи этого дня, объ этомъ не упоминаетъ.

Передаетъ Погодинъ, въ *Красномъ Яичкѣ*, между прочимъ, слѣдующія сцены; мужикъ везъ дрова на рынокъ и увидѣлъ объявленіе, прибитое на будкѣ:—Что это такое?—Свобода!—Какъ стоялъ, такъ и упалъ на колѣни въ лужу и началъ молиться Богу и благодарить.—Другой мужикъ пришелъ къ Иверской и, упавъ на колѣни, внѣ себя воскликнулъ: „Спасибо Тебѣ, Матушка, дай Тебѣ Богъ много лѣтъ здравствовать и съ Государемъ нашимъ любезнымъ Александромъ Николаевичемъ!“—Рабочіе на винномъ дворѣ, числомъ около 300, заставили читать послѣ обѣдни манифестъ и затѣмъ бросились цѣловать другъ друга и плясать.

— Ну, ужъ Царь у насъ, — сказалъ одинъ крестьянинъ, — удалой — какой день выбралъ—прощеный!

Пьянства въ Москвѣ было въ этотъ день меньше противъ обыкновеннаго: 5-го марта было выпито на 1,660 р. меньше, чѣмъ въ предыдущее прощеное воскресенье. На большой фабрикѣ Алексѣевыхъ, гдѣ обыкновенно въ этотъ день было штрафованныхъ за опозданіе 80 человѣкъ, на сей разъ не было ни одного; на пивоваренномъ заводѣ Даніельсона изъ 250 рабочихъ также не было ни одного запоздавшаго. Въ чистый понедѣльникъ въ четырехъ большихъ типографіяхъ всѣ наборщики были на мѣстахъ,—случай не бывалый [1]).

---

[1]) См. н. брошюру „Красное Яичко“, 8, 11, 13. Послѣ появленія фельетона моего „Объявленіе воли“ (въ *Русск. Вѣд.* 5-го марта 1894 г.) я получилъ чрезъ Ѳ. Д. Бобкова письмо отъ „бывшихъ крѣпостныхъ“, въ которомъ они писали: Мы чрезвычайно благодарны за выраженіе чувствъ, которыми мы сами полны, но которыя сами выразить не умѣемъ иначе, какъ молитвой. Мы, собравшись въ маленькомъ кружкѣ, горячо поминали прошедшее, тяжелое время и день объявленія въ 1861 г. подъ праздничный веселый звонъ. Съ небесъ свѣтило такъ ярко красное солнышко, освѣщая онѣмѣвшія отъ внезапной радости лица крѣпостныхъ и сверкая на свѣтлыхъ штыкахъ патруля, проходившаго улицами, оказавшихся ненужными для смиренныхъ овецъ, отпущенныхъ изъ хлѣвовъ вѣчнаго страха и томительной неизвѣстности. Мы помнимъ, какъ губернаторъ объявилъ 19-го февраля: что объявленіе воли 19-го числа не слѣдуетъ и не извѣстно, когда состоится, что насъ опечалило, а еще болѣе оскорбляло то, почему-то господа были убѣждены, что дворовые люди, при объявленіи воли, будутъ буйствовать. Чтобы разувѣрить

Страсть Москвы къ торжественнымъ банкетамъ сказалась и въ этотъ незабвенный день. Вечеромъ 5 марта состоялся помянутый ужинъ въ Самариномъ трактирѣ, но описаніе его появилось лишь 14-го марта. Собралось 32 человѣка: литераторы, помѣщики, купцы, артисты и чиновники. Всѣ при свиданіи цѣловались, поздравляя другъ друга съ великимъ радостнымъ событіемъ. Нѣкоторые *христосовались*, называя этотъ день нашимъ *гражданскимъ воскресеньемъ*. Первый тостъ за здоровье „Освободителя“ былъ превозглашенъ „старѣйшимъ по лѣтамъ и заслугамъ“, какъ выражались *Москов. Вѣдом.*, Щ... (безъ сомнѣнія, Щепкинымъ, котораго, однако, газета не назвала по имени, — ужъ не изъ опасенія-ли скомпрометировать его въ глазахъ начальства?). Голосъ его дрожалъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но залился слезами и не могъ договорить. Почти у всѣхъ присутствующихъ навернулись слезы на глазахъ. Послѣ перваго тоста возникла мысль ознаменовать этотъ торжественный день какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ на пользу освобождаемыхъ.

Рѣшено было въ теченіе двухъ лѣтъ освободить хотя одного изъ дворовыхъ людей если кто помѣщикъ, — посредствомъ выдачи увольнительнаго свидѣтельства на другой же день, — въ противномъ случаѣ содѣйствіемъ своими средствами. Но такъ какъ изъ присутствующихъ *ни у кого не было* прислуги изъ дворовыхъ, то они обязались склонить къ тому другихъ. Кромѣ того, въ изъявленіе общей радости и признательности къ благородному подвигу Монарха и въ томъ убѣжденіи, что въ настоящее время общество должно путемъ благотворительности придти на помощь правительству въ устройствѣ быта дворовыхъ людей и ихъ семействъ, постановлено: 1) Открыть съ разрѣшенія правительства (таковое не послѣдовало) подписку въ цѣлой имперіи для учрежденія благотворительнаго общества попеченія о дворовыхъ людяхъ. 2) Немедленно открыть подписку среди присутствующихъ и продолжать ее въ столицѣ.

въ этомъ общественное мнѣніе насчетъ дворовыхъ, мы 27-го февраля составили статейку по поводу вышедшей тогда книжки г. Славина: „Какъ должны встрѣтить крѣпостные люди волю“, которую заключили такъ: „классъ дворовыхъ людей не посрамитъ своего отечества и не опечалитъ своего великодушнаго Благодѣтеля благочестивѣйшаго Государя Императора:

Но отрѣшившись отъ оковъ,
Предстанетъ въ образѣ иномъ,
Не будетъ гостемъ кабаковъ
И распрощается съ виномъ.

Мы смѣло тогда говорили это, зная людей своей среды и ихъ настроеніе, и 5-го марта въ день объявленія воли *гордились, что не ошиблись* и что дѣйствительно даръ Царя приняли съ должнымъ благоговѣніемъ и благодарностью. И нынѣ, въ 33 годовщину, мы также горячо благодаримъ за освобожденіе Бога и молимъ за Царя-мученика“.

3) На собранныя деньги немедленно приступить къ открытію соглашенія о выдачѣ увольнительныхъ свидѣтельствъ дворовымъ, проживающимъ въ Москвѣ. По подпискѣ было собрано болѣе 5.000 руб., причемъ въ ней приняла участіе и прислуга, какъ только она узнала о цѣли [1]) подписки. Рѣшено было собираться по воскресеньямъ, но добрая иниціатива эта дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣла въ виду противодѣйствія администраціи.

Въ этотъ же „прощеный день“ 5-го марта вспомнили и стихи И. С. Акса кова, коими онъ въ 1858 г. привѣтствовалъ приступъ къ освобожденію крестьянъ, и внушенные тѣмъ высокимъ подъемомъ духа, которымъ было охвачено, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія въ то время, все, что было порядочнаго и честнаго въ русскомъ обществѣ:

Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ!
Людямъ миръ, благословенье!
Горькихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему привѣтъ...

5-го же марта вѣсть объ освобожденіи крестьянъ была разнесена телеграфомъ по всей Европѣ, встрѣтившей ее единодушнымъ сочувствіемъ. *Kölnische Zeitung* посвятила 25-го (13-го) марта этому событію слѣдующія прочувствованныя строки:

„Рѣдко или, лучше сказать, *никогда* еще смертному не доводилось совершить дѣло столь важное и благородное, какъ то, которое совершилъ благодушный Императоръ Александръ II. Однимъ почеркомъ пера онъ возвратилъ 23 милліонамъ людей ихъ права. То, что онъ исполнилъ свое желаніе, съ которымъ вступилъ на тронъ, лишь въ седьмой годъ своего царствованія доказываетъ, съ какими великими трудностями была сопряжена отмѣна въ Россіи крѣпостного состоянія. Похвалы, воздаваемыя въ манифестѣ дворянству, безъ сомнѣнія, побудятъ дворянъ сдѣлаться достойными ихъ. Дай Богъ, чтобы дѣло, предпринятое великодушнымъ Государемъ, имѣло успѣхъ, согласный съ желаніями его. Этотъ Монархъ занялъ теперь одно изъ самыхъ прекрасныхъ и почетныхъ мѣстъ въ исторіи“.

---

[1]) *Москов. Вѣдом.* 1861, № 65.—На другой день по объявленіи воли въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора поступило отъ бывшаго дворовaго *5 трудовыхъ* рублей для употребленія въ память освобожденія крестьянъ. — Крестьяне с. Осоргина, Звенигородскаго уѣзда, собрали для той же цѣли по 25 к. съ души,— всего 15 р. (см. № 41 *Моск. Вѣд.*). Но, къ сожалѣнію, столь симпатичное народное движеніе, не встрѣтивъ должной поддержки и организаціи, затерялось безслѣдно и заглохло.

Въ это же время начало приводиться въ исполненіе предложеніе Погодина о сооруженіи въ Москвѣ въ память Александрова дня (освобожденіе крестьянъ) храма во имя Александра Невскаго, на трудовыя копѣйки крестьянъ. Сначала подписка шла очень бойко. Одинъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ, препровождая къ московскому генералъ-губернатору 5 руб., писалъ [1]): „примите отъ меня трудовые пять рублей на сооруженіе монумента Великому Александру Милостивому, который слѣдуетъ поставить *за спасеніе* противъ храма Христа Спасителя. Съ моей легкой руки тоже найдутся добрые люди, которые цѣнятъ добродѣтель, и если изъ нашего низшаго сословія по копѣйкѣ сложатся, и то много будетъ; трудовая копѣйка дороже дарового рубля и монументъ нашъ простоитъ во вѣки вѣковъ, и имя Александра Милостиваго будетъ нетлѣнно“.

Стали поступать и крупныя пожертвованія (ростовскій купецъ Сорокинъ пожертвовалъ 1.000 рублей). С. С. Масловъ (пріятель Бѣлинскаго), впослѣдствіи завѣщавшій все свое крупное состояніе на народное образованіе, прислалъ Погодину, какъ будущему ктитору церкви, 50 руб. при письмѣ, которое заканчивалось такъ: „да празднуется 19-е число февраля на вѣчныя времена въ память нашего родного, желаннаго Царя-человѣка Александра II“. Для усиленія прилива мелкихъ пожертвованій Погодинъ предлагалъ собирать безъ всякаго участія властей. „Въ воротахъ всякаго генералъ-губернатора и всякаго митрополита,—писалъ онъ,—стоитъ сторожъ въ мундирѣ или тулупѣ, и не осмѣлится пойти къ нимъ ни одинъ крестьянинъ съ своимъ пятакомъ или гривною“ [2]). Погодинъ предлагалъ ставить кружки въ мелочныхъ лавкахъ. Правъ ли былъ онъ или нѣтъ, видно изъ того, что лишь 35 лѣтъ спустя было приступлено къ исполненію этого по-истинѣ благочестиваго желанія русскаго народа [3]), тогда какъ за это время исполнилось не мало мишурныхъ и дорого стоющихъ затѣй, внушенныхъ тщеславіемъ и подхалимствомъ.

Отмѣтимъ еще величественную манифестацію фабричныхъ и ремесленниковъ Москвы и ея уѣзда, задуманную въ это время объявленія воли и

---

[1]) См. н. Лѣтопись, прил. *Ж. М. В. Д.*, 159.

[2]) См. Красное Яичко. 16.

[3]) Только въ 1896 г. собрались, наконецъ, приступить къ постройкѣ храма въ память освобожденія. Но любопытный признакъ времени: для такого великаго всенароднаго памятника не могли найти въ Москвѣ лучшаго мѣста, какъ затерянная въ одной изъ глухихъ окраинъ Москвы Міусская площадь! — Впрочемъ и то сказать, такія дѣла, какъ дарованіе свободы 23 милліонамъ имѣютъ столь прочный и наглядный памятникъ въ сердцѣ народа, что не нуждаются въ оффиціальномъ напоминаніи и искусственномъ раздуваніи.—Никому не знать, никому не счесть, справедливо писалъ въ 1880 г. Госуд. Совѣтъ, въ своемъ адресѣ Александру II, сколько теплыхъ молитвъ вознесено за него. (Біогр. Слов. 875).

осуществленную лишь впослѣдствіи, въ маѣ, когда Государь пріѣхалъ въ Москву. Въ благодарность за освобожденіе рѣшено было ими поднести Александру II хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, въ аршинъ въ діаметрѣ. 21-го мая, въ восемъ часовъ утра, послѣ молебствія въ Чудовомъ монастырѣ, направилось торжественное шествіе изъ Кремля въ Александрійскій дворецъ, гдѣ находился Государь. Въ шествіи участвовало около 10.000 человѣкъ. Всѣ шли съ обнаженными головами. Впереди шли 400 человѣкъ депутатовъ отъ разныхъ сельскихъ обществъ. По прибытіи ко дворцу депутаты были введены за ограду, а остальные размѣстились по Большой Калужской улицѣ. Когда вышелъ къ депутатамъ Государь и принялъ хлѣбъ-соль, бывшій во главѣ депутаціи 70-лѣтній старикъ Захаровъ произнесъ краткое привѣтствіе, на которое Государь отвѣчалъ словами благодарности. Другой депутатъ просилъ Государя не взыскать, что по простотѣ не могутъ выразить на словахъ и малой доли того, что они чувствуютъ сердцемъ, при мысли о милосердіи къ нимъ Его Величества. Затѣмъ Государь прошелся по двору среди депутатовъ до самой Калужской улицы. Толпа разступалась предъ Государемъ, падала на колѣни и оглашала воздухъ непрерывными криками ура. Когда Государь возвратился на прежнее мѣсто, староста просилъ его удостоить крестьянъ—показать имъ Государыню. На замѣчаніе Государя, что она здѣсь, на балконѣ, старикъ простодушно отвѣчалъ: „Не видимъ, Государь, удостой насъ ее видѣть и поклониться Матушкѣ“. Государыня появилась одна на другомъ балконѣ, и при видѣ ея всѣ пали на колѣни, и раздалось громкое *ура*.

Государю поднесена была „грамотка“ (кажется, написанная Погодинымъ) слѣдующаго содержанія:

Всемилостивѣйшій Государь
Отецъ-Освободитель!

Благодаримъ Тебя, Государь, за великія милости Твои, за дарованную намъ тобою свободу. Денно и нощно молимъ мы за Тебя, молятъ наши жены и дѣти, и будутъ молить внуки и правнуки. Храни Тебя милосердный Богъ и дай тебѣ силу и крѣпость все совершить съ любовью, чтобы всѣ твои вѣрноподданныя дѣти, Тебѣ Богомъ данныя, по взаимной любви и согласіи благословляли Твое имя въ роды родовъ, какъ мы благословляемъ имя нашего Отца-Освободителя [1]).

---

[1]) *Моск. Вѣд.* 1861, № 114.

VIII.

— Дуракъ Иванушка, чему ты смѣешься? Или сердце въ тебѣ взыграло? Или пахнуло на тебя свѣжимъ воздухомъ?

— Смѣйся, дурачекъ! Самъ Зубатовъ отмѣнно радъ, что ты емѣешься... Въ другое время онъ сказалъ бы тебѣ: чего, ска-а-тина ротъ до ушей дерешь? Ну, а теперь—ничего, спѣшитъ даже поскорѣе домой, чтобы отрапортовать, куда слѣдуетъ: засмѣялся, дескать.

М. Салтыковъ.

5-го марта съ 9 час. утра телеграфъ разносилъ изъ Петербурга въ губернскіе центры

Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

радостную вѣсть о паденіи злого рабства, а вслѣдъ за телеграфомъ спѣшили гонцы, везшіе въ 41 губернію грамоту „о волѣ“ — печатные экземпляры Манифеста и Положеній о крестьянахъ 19-го февраля для раздачи помѣщикамъ и крестьянамъ.

Съ первыхъ чиселъ марта, съ первыми лучами желаннаго весенняго солнца сталъ разноситься благовѣстъ свободы по городамъ и селамъ Россіи, отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря, бросая покровъ на мрачное прошлое, наполняя сердца освобожденныхъ рабовъ свѣтлыми чаяніями на лучшее будущее:

И горитъ за тобой, тѣни рабства гоня,
Нѣжный лучъ восходящаго дня!

Объявленіе воли совершилось въ губернскихъ городахъ въ такой послѣдовательности: 7-го марта: во Владимірѣ и Рязани; 8-го марта: въ Витебскѣ, Ковнѣ, Тулѣ и Ярославлѣ; 9-го марта: въ Вильнѣ, Вологдѣ, Калугѣ, Костромѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Орлѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Твери и Черниговѣ; 10-го марта: въ Воронежѣ, Гроднѣ, Кіевѣ, Новгородѣ, Симбирскѣ и Тамбовѣ; 11-го марта: въ Житомірѣ, Казани, Курскѣ, Самарѣ и Харьковѣ; 12-го марта: въ Вяткѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Перми и Полтавѣ; 13-го марта: въ Екатеринославѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Саратовѣ; 14-го марта: въ Петрозаводскѣ; 15-го марта; въ Симферополѣ и Уфѣ; 19-го марта: въ Архангельскѣ и Херсонѣ; 21-го марта: въ Астрахани; 2-го апрѣля: въ Кишиневѣ.

Народъ вездѣ, за ничтожными изъятіями, спокойно и радостно встрѣчалъ объявленіе воли. Крестьяне, не довольствуясь, по выраженію оффи-

ціальнаго „Историческаго обзора“, „казеннымъ молебномъ“ [1]), заказывали особо-торжестоенные „соборные“. Вездѣ молились усердно [2]). Во многихъ мѣстахъ дѣлали постановленія о сооруженіи иконъ, часовенъ или церквей, объ учрежденіи въ мѣстѣ, гдѣ былъ читанъ манифестъ 19-го февраля, школъ, богадѣленъ, больницъ; устанавливали ежегодныя раздачи милостыни заключеннымъ [3]). Кое-гдѣ помѣщики устраивали угощенія для своихъ крестьянъ и дѣлали пожертвованія въ ихъ пользу. Н. В. Кирѣевскій (Орловской губ.), которому крестьяне подносили хлѣбъ-соль, пожертвовалъ 1.000 рублей на народную школу. С. И. Мальцевъ (Орловской и Калужской губерній), владѣлецъ (извѣстный крѣпостникъ) обширныхъ заводовъ, отказавшись отъ предложеннаго крестьянами „монумента“, обѣщалъ и впредь вносить за крестьянъ подушныя и земскія повинности (тысячъ до 20-ти руб.) и по прежнему оставилъ вдовамъ и сиротамъ получаемое содержаніе (до 10.000 р. [4]).

Несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объявленіе воли совпало съ „сборнымъ“ воскресеньемъ и съ ярмарками, изо всѣхъ губерній получались извѣстія о необыкновенной трезвости народа во все это время [5]). Въ Симбирскѣ, гдѣ бываетъ большая ярмарка на первой недѣлѣ Великаго поста, съ 10-го по 12 марта, т. е. по сборное воскресенье (самый пьяный день въ году, по замѣчанію корреспондента), было продано водки на 20.000 р. менѣе прошлогодняго. Отмѣчая этотъ замѣчательный фактъ, корреспондентъ газеты продолжаетъ: „задолго еще до объявленія манифеста мы часто слышали отъ мудрѣйшихъ знатоковъ свойства русскаго крестьянина: объявите только волю, да они перепьются; развѣ они понимаютъ, что такое воля? Для нихъ воля ничего не дѣлать, спать да пить. Какъ жестоко ошиблись, добавляетъ корреспондентъ, знатоки въ своихъ тонкихъ соображеніяхъ“. Выражая полное довѣріе къ народу, онъ заключаетъ симпатичнымъ стихомъ:

Его (народа) примѣромъ укрѣпись
Сломившійся подъ игомъ горя [6]).

Въ Саратовѣ и Петровскѣ (Саратовской губерніи) въ день объявленія воли была устроена иллюминація—„безъ всякаго предложенія мѣстнаго

---

[1]) См. н. приложеніе, 156, 158.

[2]) Изъ с. Лыскова писали, что самый бѣдный человѣкъ ставилъ въ гривенникъ свѣчку (*Моск. Вѣд.* № 79).

[3]) См. *Моск. Вѣд.* 1861, №№ 74, 78, 79 и 83.

[4]) *Моск. Вѣд.* 1861, № 71.

[5]) См. н. Лѣтопись, 161—163.

[6]) См. *Моск. Вѣд.* 1861, № 74.

начальства", спѣшитъ добавить оффиціальный историческій очеркъ [1]). Но во всей Россіи съ наибольшимъ блескомъ день дарованія свободы былъ отпразднованъ, какъ это ни покажется страннымъ, у самаго полюса, въ г. Архангельскѣ. Въ соборѣ были собраны всѣ крѣпостные города, коихъ оказалось до 200 человѣкъ обоего пола, и они заняли мѣсто у амвона. Послѣ богослуженія и чтенія манифеста губернаторъ обратился къ крестьянамъ съ рѣчью, а затѣмъ пригласилъ ихъ къ себѣ. У подъѣзда своего, по поднесеніи мужчинамъ пѣнника, а женщинамъ по бокалу „тенерифа", губернаторъ поздравилъ ихъ съ царскою милостью и провозгласилъ тостъ за Государя, покрытый дружнымъ „ура". Даже дѣти не были забыты: имъ роздали пряники. Городъ, не исключая и отдаленныхъ окраинъ, съ утра былъ пышно разукрашенъ флагами и коврами, а вечеромъ былъ роскошно иллюминованъ. На щитѣ, горѣвшемъ у Думы, стояла надпись: „19-е февраля 1861 г.". На щитахъ, горѣвшихъ у театра и общественнаго суда, стояла цыфра 21.625.609 (число освобожденныхъ крестьянъ). Всюду слышалось пѣніе. Послѣ праздника флаги были розданы на передники бѣднымъ дѣвочкамъ [2]). Словомъ Архангельскъ въ отношеніи блеска и сердечности чествованія „великаго дня" затмилъ столицы. „Обыкновенно тихій Архангельскъ, замѣчаютъ мѣстныя „Вѣдомости", въ этотъ день оживился, сознавая, что слѣдуетъ радоваться этому великому шагу по пути прогресса и гуманности".

Съ половины марта благая вѣсть о свободѣ, постепенно разливаясь все дальше и дальше, по лицу необъятной русской земли, дошла около Благовѣщенія до глухихъ деревень Поволжья и пахарей южныхъ степей. Въ деревни развозили Положенія о крестьянахъ спеціально командированные флигель-адъютанты, передававшіе экземпляръ завѣтной книги въ пакетѣ за казенной печатью помѣщику, другой—міру въ лицѣ старосты [3]).

Не легко было даже грамотнымъ людямъ усвоить себѣ содержаніе этого довольно большого тома, состоящаго изъ 15 отдѣльныхъ законоположеній, написанныхъ нашимъ обычнымъ „казеннымъ" языкомъ, не отличающимся ни большою точностью, ни полною вразумительностью. Это стало чувствоваться съ первыхъ же дней „объявленія воли", и потому стали появляться въ газетахъ разъясненія или комментаріи, которые, не

---

[1]) См. н. Лѣтопись, 195.

[2]) См. *Моск. Вѣд.* 1861, № 78.

[3]) Съ особою тщательностью и предусмотрительностью, какъ нигдѣ, обставлено было дѣло объявленія воли горячимъ его энтузіастомъ калужскимъ губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ (см. ниже) по соглашенію съ мѣстнымъ духовенствомъ. Имѣлось въ виду во всей губерніи окончить въ одинъ день объявленіе воли, но частью распутица, частью недостатокъ энергіи, помѣшалъ исполнить это намѣреніе. (См. Воспоминанія г. Сахарова въ *Русской Мысли*, 1899 № 8).

искусно поддѣлываясь подъ народный языкъ, больше смахивали на прибаутки раешника, нежели на дѣловую рѣчь. Не безынтересны эти образцы первой quasi-народной публицистики, появившіеся въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* подъ заглавіемъ „Земское дѣло“.

Разъясняя ст. 22 Положеній о крест. правѣ судебной защиты, комментаторъ говоритъ: „и съ помѣщикомъ, на землѣ котораго живешь, судъ данъ, и съ него можешь свое право править, только не за старое время (?). Никакая рѣка не течетъ къ своей вершинѣ (sic!), никакой законъ не дѣйствуетъ на прошлое время. Старики наши чуяли этотъ законъ, когда сложили пословицу: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Глазъ-то, пожалуй, цѣлъ останется, да еще отъ хлопотъ будешь избавленъ. Не смущаетъ лукавый на старый грѣхъ“. — Замѣчательно, что въ этомъ многословномъ толкованіи упущено изъ виду, что крестьянамъ разрѣшалось отыскивать судомъ земли, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время на имя помѣщиковъ, и такихъ процессовъ было не мало [1]). — Дойдя до 25 ст., постановляющей, что крестьяне не могутъ быть подвергаемы наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію правительственныхъ и общественныхъ властей, авторъ-шутникъ восклицаетъ: „Ну, мудрѣе этого и придумать нельзя: никакой приказчикъ, будь онъ разнѣмецъ (sic!), не обидитъ. А случалось, правду сказать — случалось! Законное распоряженіе властей—тотъ же судъ,—стало, самосуда больше не будетъ“. Коснувшись мірского *самоуправленія*, авторъ ставитъ вопросъ, не лучше ли было бы, если бы начальство отъ этой заботы міръ освободило и само бы поставило набольшихъ, смотрѣло бы за ними, подати собирало съ крестьянъ, и отвѣчаетъ: нѣтъ, братцы, далеко не лучше! Никакому начальству такъ мірскія нужды невѣдомы, какъ самому міру; никакое начальство такъ мірскихъ людей не знаетъ, какъ самъ міръ—стало быть, оно, начальство, и радо бы выбрать хорошихъ, да чтобы ошибки не вышло; а міру-то ошибаться грѣхъ: у него всѣ люди на перечетъ, отъ него никакое дѣло не скроется... Вотъ этотъ-то общій совѣтъ и есть выборное начало, которымъ наша земля споконъ-вѣку держится, и лучше ничего и придумать нельзя. Видно, сильно Царь любитъ народъ и много ему вѣритъ! Наше дѣло доказать, что мы стоимъ вѣры. Постараемся!“ [2]).

Эта благонамѣренная, хоть и крайне неудачная, слащавая поддѣлка подъ народный языкъ едва ли принесла хоть какую-нибудь пользу даже и крестьянамъ, живущимъ въ городахъ, а объ деревенскомъ населеніи и

---

[1]) О крестьянскихъ тяжбахъ съ помѣщиками, веденныхъ А. М. Унковскимъ, см. ниже § объ А. М. Унковскомъ.

[2]) См. *Моск. Вѣдом.* 1861 г., № 64.

говорить нечего. Крѣпостные, за ничтожнѣйшими изъятіями, были сплошь неграмотны, а съ другой стороны, относились съ полнымъ недовѣріемъ къ газетамъ, издаваемымъ „господами“, считая ихъ закупленными помѣщиками.

Отсутствіе подготовительныхъ разумныхъ правительственныхъ мѣропріятій [1]), совершенная неудовлетворительность редакціи [2]) Положеній

---

[1]) Г. Крыловъ указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ на полную безграмотность массы, совершенную не подготовительность полицейскихъ властей къ реформѣ и неожиданность для помѣщиковъ такой быстрой развязки (какъ извѣстно, крѣпостники высшихъ сферъ разсчитывали и разглашали о неизбѣжности провала проектовъ Редакціонныхъ Коммиссій въ Главномъ Комитетѣ). Въ обширныхъ уѣздахъ было по одному исправнику и по два становыхъ; мировые посредники были введены впослѣдствіи. Печати запрещено было подготовлять публику къ реформѣ и вообще касаться воли и порядка ея объявленія. Ждали волю долго, но она упала на помѣщиковъ и крестьянъ, *какъ снѣгъ на голову* (*Рус. Стар.* 1892, № 4, стр. 88).—Многіе помѣщики и въ особенности помѣщицы типа Падейковой и послѣ объявленія воли все еще не хотѣли вѣрить, что ихъ царству пришелъ конецъ и такъ-таки отошли въ вѣчность въ сладкой увѣренности, что не сегодня-завтра царь положитъ гнѣвъ на милость, кончится „недоразумѣніе“, и опять будутъ отданы подъ „отеческую“ власть помѣщиковъ „хамы“, для ихъ же пользы.—Это все нашъ Арцимовичъ выдумалъ,—говорила одна благонамѣренная калужская помѣщица г. Сахарову (см. назв. Воспом.).

[2]) Воля или Положенія о крестьянахъ, читаемъ у г. Крылова, была сброшюрована въ одну книгу, in folio въ 400 страницъ. Сначала стоялъ указъ Правительствующему Сенату, потомъ манифестъ, затѣмъ общее положеніе и т. д., всего 15 отдѣльныхъ законоположеній (въ „Крестьянскомъ Вопросѣ“ Межова показано даже больше и вѣрнѣе, — а именно 23. См. стр. 178, № 1408), написанныхъ на языкѣ, мало понятномъ для народа, на „приказномъ“ языкѣ. По справедливому замѣчанію г. Крылова, какъ ни мало знакомы были образованные люди съ законами, но все же имъ легче было усвоить смыслъ всѣхъ 15 томовъ Свода Законовъ, чѣмъ неграмотнымъ крестьянамъ 400 страницъ разбросанныхъ пятнадцати крестьянскихъ узаконеній (см. тамъ же стр. 96). Одинъ изъ членовъ Редакц. Ком. кн. Черкасскій впослѣдствіи откровенно признавался, что если бы ему пришлось сызнова составлять проектъ Положеній, то онъ ограничился бы сотнею статей, изложенныхъ на языкѣ, понятномъ народу (см. письмо его къ Милютину въ н. с. Лероа-Болье, 61).—Ю. Ѳ. Самаринъ разсказываетъ о своихъ безплодныхъ усиліяхъ растолковать Положенія.—Вотъ вѣдь воля царя, говорилъ онъ имъ, читая статьи.—Гдѣ же намъ, батюшка, понять, отвѣчали крестьяне, мы народъ темный. См. письмо Самарина къ Милютину въ н. с. Лероа-Болье: L'empire etc., стр. 415). Для предупрежденія такого печальнаго недоразумѣнія Я. И. Ростовцевъ проектировалъ приглашеніе въ составъ Редакціонной Коммиссіи двухъ смышленныхъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они давали, въ качествѣ экспертовъ, заключенія о степени вразумительности для крестьянъ Положеній (см. Первые шаги къ освобожд. крест. Еленева, 87). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мировые посредники эксплоатировали это непониманіе въ пользу помѣщиковъ“ (см. Головачева.—Десять лѣтъ реформъ, гл. VII), а въ другихъ прямо искажался смыслъ закона и агентами администраціи въ ущербъ крестьянамъ. (См. статью Кавелина въ *Вѣст. Евр.* 1883 г.).

19 февраля, отсутствіе цѣлесообразныхъ распоряженій для быстраго объявленія, врученія и уясненія Положеній чрезвычайно затрудняло процедуру объявленія воли.

Не мало недоумѣній было вызвано среди народа, благодя именно книжному витіеватому языку манифеста съ его церковно-славянскими оборотами и риторическими фигурами. Изъ многихъ сценъ, записанныхъ Якушкинымъ, приведемъ одну.

Чтеніе манифеста неожиданно привело крестьянъ къ убѣжденію, что къ нимъ переходятъ помѣщичьи сады и пр. Приходятъ за разъясненіемъ къ Якушкину и просятъ прочесть въ книгѣ такое мсто, гдѣ сказано, что всѣ сады, всѣ амбары барскіе намъ слѣдуютъ.

— Такого мѣста нѣтъ,—отвѣчаетъ Якушкинъ.

— Такъ нѣтъ такого мѣста во всей этой книгѣ, говоришь ты?

— Нѣту!

—Дай же, я тебѣ покажу!—И съ этими словами собесѣдникъ поднесъ Положеніе, сталъ перевертывать листы и нашелъ послѣднюю страницу манифеста по клейму, приложенному вмѣсто печати (мужики были неграмотны).—На, читай эту страницу!

— Я сталъ читать: „...Дабы вниманіе не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій“.

— Читай еще!.. читай еще! Тутъ! Тутъ оно! Читай!—заговорили радостно въ толпѣ.—Тутъ оно сказано.

— „Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю“...

— Это мѣсто! Это мѣсто! Читай, читай!

— „...и собираютъ *плоды* ея“...

— Ну, что?—спросилъ съ торжествомъ мужикъ.

— А что?

— Да что ты прочиталъ?

— Прочиталъ, чтобы вы хорошенько работали землю и собирали тогда...

— Плоды!

— Ну да: будешь хорошо пахать, посѣешь рожь — рожь и родится; вотъ тебѣ и плоды...

— Нѣтъ, Павелъ Иванычъ! Посѣешь рожь—рожь и родится хорошо а *плодовъ* все-таки *не будетъ*. Плоды въ садахъ, а сады-то барскіе: а какъ плоды намъ, стало—и сады къ намъ отойдутъ!.. Вотъ что!..

— Пустое, братцы болтаете!.. Здѣсь не такъ сказано...

— Читай, читай еще!

— „...Чтобы потомъ изъ хорошо наполненной *житницы* взять сѣмена для посѣва на землѣ“...

— Ну, а это что?

— А это вотъ что: будете хорошо работать, будутъ у васъ житницы полныя, вы и берите сѣмена...

— Ишь куда! Не туда, баринъ, прешь!.. Какія у насъ житницы?! Амбаришка! Куда тутъ житницы! Амбаришки!.. А то полныя житницы!— заговорили въ толпѣ.

Если чтеніе манифеста вызвало недоумѣнія, то объ объемистомъ томѣ Положеній о крестьянахъ и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что при разсылкѣ допущена была невѣроятная небрежность. Во многія деревни было разослано, вмѣсто полныхъ экземпляровъ Положенія, нѣсколько экземпляровъ нѣкоторыхъ листовъ; напримѣръ, въ Орловской губерніи раздавали въ одной деревнѣ тетрадь *не сшитую* изъ 20-ти экземпляровъ Правилъ о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области; въ другой деревнѣ—дополнительныя правила о приписныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ... И такихъ экземпляровъ было множество...

— У насъ что за воля!—говорили въ одномъ мѣстѣ крестьяне... У насъ воля 87 листовъ, а вотъ графскимъ привезли на 193 листахъ [1]).

Въ интересныхъ воспоминаніяхъ мирового посредника Казанской губерніи г. Крылова объ объявленіи воли, мы находимъ любопытныя бытовыя данныя объ одномъ хорошо извѣстномъ ему районѣ, которыя, вѣроятно, встрѣчались и въ другихъ мѣстностяхъ. Еще до полученія Положеній о крестьянахъ въ деревняхъ сталъ распространяться слухъ объ объявленіи воли въ городахъ, вызвавшій естественно нетерпѣніе и тревожные толки между крестьянами о томъ, что помѣщики скрываютъ волю, „какъ то было много разъ“.—Въ Симбирскѣ былъ прочитанъ манифестъ, и съ паперти собора бросали въ народъ выдержки изъ „Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля“. Народъ нахлынулъ густою толпою, и сотни рукъ разрывали ихъ въ клочки. Прежде чѣмъ въ городъ Спасскъ одинъ такой цѣльный листочекъ былъ привезенъ купцомъ и припечатанъ къ образу, вѣсть о волѣ около 9-го марта съ быстротою молніи разлилась по всѣмъ селеніямъ лѣваго берега Волги и породила путаницу понятій. Въ народѣ появились толки о полной волѣ съ настоящаго момента, о правахъ собственности крестьянъ на землю и пр.—Около половины марта въ Спасскомъ уѣздѣ была получена выдержка, напечатанная въ казанской типографіи. Въ выдержкѣ, въ числѣ облегченій, на первомъ мѣстѣ говорилось объ отмѣнѣ сборовъ: птицею, баранами, масломъ, яйцами, ягодами, грибами, холстомъ, сукномъ, пряжею, шерстью и т. д., что дало крестьянамъ поводъ думать, что покамѣстъ объявлена только *„бабья воля“*, но что *„мужичья воля“* — скрыта помѣщиками. Крестьяне не хотѣли вѣрить, что царь подумалъ о курахъ, о

---

[1]) См. назв. очерки Якушкина, 16.

холстахъ, а мужичью волю отложилъ на два года. Стали разсылать гонцовъ для отысканія „*настоящей*“ воли. Началась мѣстами рубка лѣса. Газетамъ, гдѣ печаталась Положенія, крестьяне не вѣрили, потому что газеты издаются господами и тянутъ сторону господъ [1]).

Между объявленіемъ воли въ губернскомъ городѣ и въ деревняхъ иногда проходилъ довольно значительный промежутокъ времени. Такъ въ с. Мурасѣ, Казанской губерніи, воля окончательно объявлена была 25-го марта.—Самую процедуру объявленія и вручения „воли“ въ селѣ г. Крыловъ описываетъ такъ: „за нѣсколько дней до Благовѣщенія подкатила къ барскому дому тройка. Съ облучка соскочилъ солдатъ, а изъ саней вышелъ полковникъ Э.; по селу мигомъ разнеслась вѣсть, что привезли волю отъ царя. Пока полковникъ завтракалъ и обѣдалъ, — а повара въ с. Мурасѣ всегда были прекрасные,—народъ собрался у конторы и ждалъ воли. Солдатъ изъ саней досталъ два большихъ запечатанныхъ пакета, подалъ ихъ полковнику, и онъ съ ними отправился на сходку. Сходка въ поясъ ему поклонилась, и полковникъ держалъ такую рѣчь: „вотъ два пакета, одинаково запечатанные, и въ нихъ вложены одинаковыя книги Положенія. Одна книга помѣщику, а другая крестьянамъ, которую вручаю вашему старостѣ. Въ этой книгѣ написаны всѣ ваши права и обязанности; вы въ ней все найдете, что царь далъ народу. Слушайтесь вашихъ помѣщиковъ и работайте, чтобы на васъ жалобъ не было“. Крестьяне низко поклонились. Полковникъ ускакалъ въ другія села [2]).

Затѣмъ, въ живыхъ картинахъ съ натуры г. Крыловъ передаетъ мучительныя, но безплодныя усилія крестьянъ къ уясненію себѣ точнаго смысла розданнаго царскими гонцами промелькнувшими, какъ метеоръ, флигель-адъютантами,—„Указа о волѣ“. Врученную старостѣ (полковникомъ) книгу Положенія всѣмъ міромъ, говоритъ г. Крыловъ, понесли къ попу, чтобъ отслужить молебенъ, но попъ уѣхалъ куда-то съ требами, и молебенъ отложили до воскресенья. Потомъ всѣ толпой отправились къ дому одного грамотнаго столяра. Съ большими предосторожностями столяръ вскрылъ пакетъ, вынулъ книгу и началъ читать съ первой страницы, не пропуская не единаго слова. Столяръ былъ чтецъ не бойкій; солдатскія письма онъ еще могъ одолѣвать и даже растолковывалъ такъ, что бабы плакали навзрыдъ, но указъ Сенату онъ кончилъ только къ вечеру. Онъ говорилъ: „всякое слово для меня понятно, а куда что прикладывается—не могу разобрать; не могу и людямъ растолковать“. Вся толпа долго и напряженно слушала длинный указъ, *никто не понялъ* [3]),

---

[1]) См. *Русск. Стар.* 1892, № 4, стр. 87.

[2]) Тамъ же, 94.

[3]) Якушкинъ въ н. Очеркахъ сообщаетъ такой случай. Мужики наняли садовника читать „волю“. Дали ему штофъ водки да цѣлковый денегъ; затѣмъ подба-

какъ и почему онъ относится къ крестьянамъ; всѣ ждали, что съ первой же страницы столяръ скажетъ, чья земля, лѣсъ, луга и другія угодья, а столяръ до сумерекъ продержалъ и ничего не опредѣлилъ. Обращались къ дьячку, но тотъ быстро и невнятно прочелъ указъ Сената, что вовсе крестьянамъ не понравилось. Привели затѣмъ въ избу старую дѣву начетчицу. Оказалось, что она умѣетъ читать только по церковному. Она вслухъ передъ міромъ пересчитала всѣ листы и посовѣтовала... пришить къ книгѣ застежки. Кончилось тѣмъ, что нарядили отъ міра подводу и послали въ одно село за грамотнымъ мужикомъ. Къ вечеру подвода явилась пустая, а посланный разсказалъ, что такая же „книга“ есть и въ томъ селѣ, но грамотей сколько ни старался, понять ея не могъ, и теперь въ селѣ сами ищутъ чтеца. Подводчикъ, однако, слышалъ, что дьячекъ тамъ *хорошо* „толкуетъ“, и крестьяне довольны. Такихъ „толковниковъ“ стала кое-гдѣ забирать полиція, что, конечно, еще больше усилило довѣріе къ нимъ крестьянъ. Чтецовъ возили изъ села въ село, кормили, поили, и лучшимъ чтецомъ считался тотъ, кто больше находилъ „правовъ“ въ книгѣ. Изъ манифеста, замѣчаетъ г. Крыловъ, крестьяне только то усвоили, что два года будетъ все по старому, и къ таинственной „книгѣ“ „охладѣли“ [1]).

Иногда эти добровольцы-толкователи, эти слѣпцы, водившіе слѣпыхъ, доводили и себя и своихъ довѣрчивыхъ слушателей до непоправимой бѣды. Таковъ былъ трагическій эпизодъ, бывшій въ с. Безднѣ и кончившійся кровавою расправою. Эта печальная исторія обязана была своимъ возникновеніемъ полупомѣшанному раскольничьему начетчику Антону Петрову, успѣвшему смутить населеніе трехъ уѣздовъ (Рязанской губ.). Въ основаніи этого безсмысленнаго движенія добродушной, но невѣжественной толпы легла такая очевидная нелѣпость, что всю эту потрясающую исторію, кончившуюся смертью 55-ти человѣкъ и пораненіемъ 71, можно бы принять за вымыселъ разстроенной фантазіи, если бы достовѣрность ея не была внѣ всякаго сомнѣнія. Послѣ долгихъ поисковъ Петровъ объя-

---

вили еще полштофа. Какъ сталъ тотъ читать съ утра, только на другой день къ вечеру и кончилъ: половина барщины спитъ, другая слушаетъ, половина барщины спитъ, другая слушаетъ. Такъ и прочиталъ!

— Что же вы поняли?—спрашивалъ Якушкинъ у крестьянъ.

— А что поняли?! Тебѣ говорятъ, та воля на четыре грани написана (sic).

— Для чего же вы читали ту волю, коли изъ васъ никто и понять не можетъ?

— А такъ, другъ любезный, законъ велитъ! А мы отъ закону *не прочь*.

Въ этомъ искреннемъ и глубокомъ уваженіи къ закону и къ невозможности уяснить себѣ его смыслъ заключался весь драматизмъ положенія крестьянскаго населенія, которое нерѣдко было усмиряемо за желаніе исполнить законъ буквально и по крайнему своему разумѣнію.

[1]) Тамъ же *Рус. Стар.*, 94—100.

вилъ обрадовавшимся мужикамъ, что онъ нашелъ, наконецъ, „*истинную*“ волю. Это было не что иное, какъ форма для составленія уставныхъ грамотъ, приложенная въ концѣ Положенія о крестьянахъ. Въ формѣ этой упоминалось, что при исчисленіи душъ „исключаются“ крестьяне, отпущенные *на волю* послѣ послѣдней (1858 г.) ревизіи и затѣмъ стояли нули:

000
000

для обозначенія мѣста, гдѣ должны были быть проставлены цифры. Вотъ это-то слово „воля“ (разъ только и встрѣченное Петровымъ въ завѣтной книгѣ) и таинственные нули, въ которыхъ онъ видѣлъ какую-то „печать креста св. Анны“, укрѣпили въ мысли полуграмотнаго маніака, что онъ нашелъ истинную „волю“, укрываемую помѣщиками въ стачкѣ съ начальниками, какъ то бывало и прежде. Темный фанатикъ успѣлъ увѣрить въ непреложности своего открытія такихъ же темныхъ, какъ самъ, крестьянъ. Никакія опроверженія и увѣщанія духовной и гражданской властей, лишенныхъ всякаго нравственнаго авторитета въ глазахъ народа, не могли разубѣдить крестьянъ, которые наотрѣзъ отказались выдать начальству Петрова. Призвана была военная команда. Петрова заперли въ избу, и ее окружали крестьяне. Начался такъ наз. бунтъ „на колѣняхъ“. На требованіе выдать Петрова командующему отрядомъ графу Апраксину крестьяне отвѣтили вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ, присовокупляя, что они и не думаютъ бунтовать противъ начальства, а стоятъ только за волю, дарованную царемъ [1])... Послѣ обычнаго барабаннаго боя раздалось роковое—„пли!“ и несчастныя жертвы своей темноты покрыли трупами своими землю. Тутъ только крестьяне увидѣли окончательное, послѣднее, безспорное, кровавое доказательство *подлинности* [2]) Положенія о крестьянахъ и ошибочности толкованія Петрова.

Довольно подробно разсказаны извѣстные безпорядки, бывшіе въ апрѣлѣ 1861 г. въ Кандеевкѣ, усмирителемъ ихъ, генераломъ Дренякинымъ. По его удостовѣренію, причиною волненій было тоже искреннее заблужденіе крестьянъ въ пониманіи манифеста. Одинъ изъ толкователей Леонтій Егорцевъ объявлялъ крестьянамъ „чистую волю“, безъ барщины и оброка. Нѣсколько священниковъ, въ томъ числѣ Ѳедоръ Померанцевъ, также объясняли крестьянамъ, что на баръ „не указано работать“. А такъ какъ барщина, по удостовѣренію того же Дренякина, была не изъ

---

[1]) См. *Русскую Старину* 1892, № 6, стр. 617.—См. Леруа-Больё—L'homme etc. 79 и Дневникъ Никитенко, II, 259.

[2]) Не довѣряя мѣстнымъ властямъ, народъ, по язвительному замѣчанію Ю. Ѳ. Самарина, только въ призывѣ войска видитъ доказательство подлинности воли высочайшей. См. Leroy-Beaulieu.—Un homme q'état Russe. 89.

легкихъ, то почва была готова для воспріятія такого толкованія. Въ нѣсколькихъ деревняхъ пришлось обратиться къ содѣйствію военной силы, но особенно кровавая была экзекуція въ с. Кандеевкѣ, которую авторъ записки описываетъ такъ:

„Раздались выстрѣлы. Въ толпѣ упало нѣсколько крестьянъ; но бунтовщики не дрогнули. Напротивъ того, поднявъ руки, они кричали громче и громче. Принявъ поднятіе рукъ за просьбу о пощадѣ, я остановилъ стрѣльбу; но оказалось, что они выражали этимъ свое желаніе „умереть за Бога и Царя“. „Всѣ до одного умремъ, не покоримся“. Сдѣланъ былъ *второй* залпъ. Несмотря на это, народъ, поднявъ руки, съ большимъ еще жаромъ продолжалъ прежніе крики. Не безъ содроганія убѣдившись, что ничто не помогаетъ, я показалъ подвинувшейся ко мнѣ толпѣ походный мой образъ (благословеніе матери) и клялся предъ народомъ, что говорю правду и правильно толкую высочайше дарованныя крестьянамъ права. Но клятвѣ моей не повѣрили. *Третій* [1]) залпъ тоже не привелъ ни къ чему“... Тогда рѣшился Дренякинъ арестовать крестьянъ, и солдаты быстро заарестовали 410 бунтовщиковъ изъ 14-ти селеній трехъ уѣздовъ. Остальные разбѣжались.—Оказалось, пуль выпущено 41, убито крестьянъ 8, ранено 27. Еще раньше ген. Дренякинъ исходатайствовалъ себѣ Высочайшее разрѣшеніе судить бунтовщиковъ „своимъ судомъ“. О немъ авторъ записки сообщаетъ слѣдующія данныя: приступилъ къ снятію допросовъ крестьянъ, но они не сознавались; они стали виниться только тогда, когда исполнилось уже шпицрутенное 29 человѣкъ наказаніе, обѣщанное и другимъ, каковой судъ его, какъ онъ заявляетъ, принятъ съ благодарностью. Окончательно конфирмованнымъ ген. Дренякинымъ распоряженіемъ были наказаны 114 человѣкъ, съ назначеніемъ имъ, кромѣ шпицрутеновъ и розогъ, ссылки въ каторжную работу и другихъ наказаній. Священникъ Померанцевъ былъ *навсегда* сосланъ въ Соловецкій монастырь [2]).

Но, къ счастью, такія крупныя кровавыя столкновенія нигдѣ болѣе не встрѣчались. Возникавшія же въ разныхъ мѣстахъ [3]) недоразумѣнія и столкновенія иногда доходили до суда, изрѣдка были улаживаемы, благо-

---

[1]) Между крестьянами, по словамъ Дренякина, вкоренилось убѣжденье, что если они не отобьются (принявъ слово отбывать барщину за *отбивать* оную) къ Святой недѣлѣ, то на вѣчныя времена останутся крѣпостными. Этимъ онъ объясняетъ ихъ безпримѣрную неустрашимость (стр. 319, 321 Записки *Рус. Арх.* 1896, № 11).

[2]) См. *Русск. Арх.* 1896, № 11 „О безпорядкахъ въ Пензенской губерніи“, стр. 325. О столкновеніи въ с. Кандеевкѣ см. также въ *Русской Старинѣ* 1885 г., т. 46.

[3]) Всѣхъ недоразумѣній въ два первые года было 1100.

даря распорядительности и гуманности командированныхъ для объявленія воли спеціальныхъ коммиссаровъ [1]), главнымъ же образомъ благодаря доброму вліянію вскорѣ назначенныхъ порядочныхъ мировыхъ посредниковъ [2]).

---

[1]) Баронъ А. Н. Корфъ вводилъ Положеніе 19 февраля въ одной изъ малороссійскихъ губерній. „Въ одномъ изъ пунктовъ готовилось сопротивленіе цѣлыхъ трехъ громадъ. Всѣ усилія мѣстныхъ властей и самого губернатора разбились объ угрюмое упорство этихъ возмутившихся громадъ. Баронъ Корфъ это зналъ и, разумѣется, прибылъ на мѣсто бунта въ взволнованномъ душевномъ состояніи предвидя, что польется кровь. Корфъ пріѣзжаетъ въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ... Толпа стоитъ безмолвная и неподвижная, какъ камень. Баронъ Корфъ начинаетъ уговаривать громаду... Въ отвѣтъ ни звука, ни движенія. Баронъ Корфъ вторично обращается къ толпѣ... По рядамъ раздалось кое-гдѣ зловѣщее *„ни“*, и ни звука больше. Съ замирающимъ сердцемъ баронъ Корфъ въ третій разъ обращается къ громадѣ и предупреждаетъ ее, что если она не изъявитъ покорности, онъ прибѣгнетъ къ войскамъ.. Мертвое молчаніе отвѣтило ему на третье увѣщаніе... Наступилъ критическій моментъ... Повозку сюда и солдатъ! крикнулъ громкимъ голосомъ баронъ Корфъ.—Не мало минутъ прошло съ того мига, какъ раздалось приказаніе, до мгновенья, когда появились первыя повозки съ солдатами. Громада продолжала стоять, какъ камень, баронъ Корфъ тоже; царило мертвое и торжественное молчаніе. Женъ и дѣтей сажать въ повозки! приказалъ баронъ Корфъ солдатамъ, и увозить въ губерніи, куда я назначу. Первыя двѣ минуты громада стояла не дрогнувъ. Потомъ стали раздаваться женскіе вопли. Громада дрогнула, стала шевелиться, камень превратился въ людей, глухой стонъ прошелъ по рядамъ. Баронъ Корфъ стоялъ неподвижно, крутя усы, и сердце подъ мундиромъ билось, какъ никогда, отъ вопроса: удастся ли или не удастся! Вдругъ послышался какой-то страшный шумъ. Баронъ Корфъ обернулся къ громадѣ. Точно сговорившись, всѣ 3.000 человѣкъ, снявъ шапки, бросились на колѣни... Мятежъ кончился, громада не сдававшаяся передъ страхомъ войска, сдалась передъ угрозою лишиться женъ и дѣтей... Геніальная (sic) находчивость молодого флигель-адъютанта дала блестящій результатъ“. (*Гражд.* 1893. № 38).

[2]) См. Безобразова. — Управленіе и самоуправленіе — СПб. 1882, 276. А какъ иные администраторы „толковали“ крестьянамъ волю, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: Радзиковскій передаетъ, какъ въ 1861 г., послѣ объявленія воли, въ Боровичи пришла толпа крестьянъ, чтобы просить исправника разъяснить имъ непонятныя мѣста въ Положеніи 19-го февраля. Исправникъ имъ объяснилъ по-своему: окружилъ пришедшихъ отрядомъ солдатъ съ заряженными ружьями и перепоролъ всѣхъ крестьянъ по-очереди и затѣмъ разогналъ по домамъ. „И вотъ порядочная доза ударовъ розгами была для темнаго люда толкованіемъ Высочайшаго манифеста“, — говоритъ Радзиковскій и заключаетъ: „Подобныя уродливыя явленія въ жизни могли осуществляться лишь при отсутствіи тогда гласности“. *Рус. Стар.* 1895 г., № 5.

IX.

Великое святое дѣло совершилось. Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за Государя милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено, сколько горячихъ радостныхъ слезъ оросило русскую землю. Наименованіе Освободителя въ благодарной памяти народной, неразрывно связанное съ именемъ Александра II, будетъ навсегда краснорѣчивопростымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано русскими сердцами.

Изъ адреса Госуд. Совѣта 1880 г.

Какъ-никакъ, а все-таки великое дѣло народной свободы пущено было въ ходъ. Не безъ страха и смущенія смотрѣли въ будущее друзья народа, но въ общемъ, у нихъ преобладало бодрое настроеніе.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ чтенія Положеній, редакція коихъ была столь неудовлетворительна, проф. Погодинъ резюмировалъ свое впечатлѣніе недоумѣнія въ запискѣ къ В. И. Далю скептическими словами: „темна вода во облацѣхъ“. Даль отвѣчалъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ выраженіяхъ: „О темной водѣ въ облацѣхъ скажу, что она устоится и просочится, и будетъ *свѣтла*, *чиста* и *цѣлительна*... Дѣло сдѣлано, воротить его нельзя, и оно пошло, какъ течетъ Днѣпръ и Волга и прочія жилы насущной родной земли нашей“ [1]).

Даль былъ правъ безусловно: повернуть ходъ исторіи обновленной Россіи, начавшійся съ объявленія воли, такъ же было невозможно, какъ повернуть вспять теченіе Днѣпра и Волги; но много требовалось у исполнителей законоположеній 19-го февраля такта, умѣнья, терпѣнія, благодушія, безпристрастія и дальновидности, чтобы облегчить нарождавшейся волѣ народной прохожденіе чрезъ естественные пороги, оставленные крѣпостнымъ правомъ, и не создавать народу, вступающему въ новыя условія свободной гражданской жизни, новыхъ препонъ. Въ числѣ этихъ „пороговъ“ было невѣжество народа, его почти поголовная безграмотность и полное недовѣріе къ мѣстнымъ продажнымъ властямъ, вполнѣ оправдываемое господствовавшими въ то время административными нравами, пріемами и традиціями, съ такою рельефностью очерченными въ безсмертныхъ „Губернскихъ очеркахъ“.

Кромѣ того, возникавшія столкновенія большею частью вызывались не только старыми крѣпостническими традиціями, но также сохраненными въ

---

[1]) См. „Красное Яичко“, 9, 13.

Положеніяхъ 19 февраля остатками крѣпостного права, и именно спорами изъ-за барщины или смѣшанной повинности, въ особенности въ имѣніяхъ, гдѣ прежде свирѣпствовало крѣпостное право. Крѣпостники раздували, какъ и наканунѣ объявленія воли, эти неизбѣжныя экономическія столкновенія, стараясь представить ихъ въ видѣ опасныхъ для государственнаго порядка „бунтовъ“ [1]).

Противъ этихъ „пессимистовъ-каркателей всякихъ гнусностей, видѣвшихъ въ самомъ *законномъ* желаніи простолюдина *уяснить себѣ* изизвѣстное требованіе, заднюю мысль и бодро поднимавшихъ голову при малѣйшемъ шорохѣ и замѣшательствѣ“, выступилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* [2]) искренній другъ народа М. Е. Салтыковъ, обнаруживъ при этомъ не только глубокое, человѣчное пониманіе народнаго характера и искреннюю пріязнь къ народу, но и истинную дальновидность государственнаго человѣка. Съ знаніемъ жизни, неистощимымъ остроуміемъ и мягкою сердечностью, секретъ которыхъ былъ открытъ только Салтыкову, онъ старался объяснить то при помощи выпуклыхъ бытовыхъ картинъ, то доводами логики и человѣчности истинный смыслъ и размѣры этихъ „бунтовъ“ [3]).

---

[1]) О характерѣ этихъ „бунтовъ“ можетъ дать понятіе первый „бунтъ“, записанный Якушкинымъ, по случаю сипацы (такъ преобразилось въ народномъ говорѣ слово „эмансипація“). Вычитавъ въ Положеніи, что на барина полагается работать три дня, крестьяне (Орловской губ.) приходили къ помѣщикамъ съ требованіемъ работы. А между тѣмъ въ началѣ марта никакихъ полевыхъ работъ не оказывалось.

— Что вамъ, братцы, надо?—спрашиваетъ помѣщикъ.

— Работать, батюшка, работать,—отвѣчали мужики и бабы.

— Теперь работать нечего,—отвѣчалъ имъ баринъ,—работы нѣтъ никакой.

— Что хочешь, заставь дѣлать, батюшка.

— Не нужно мнѣ нынче вашей работы, ступайте домой.

— *Нельзя* этого сдѣлать; это дѣло не твое, это *казна!* Царь указалъ быть трехдневкѣ, мы на трехдневку и пришли... Сдѣлай милость, заставь что-нибудь работать.

Баринъ сжалился и заставилъ чистить дворъ. 200 человѣкъ дружно принялись и въ минуту вычистили дворъ.

Окончивъ работу, крестьяне снова просили работы, и помѣщику насилу удалось уговорить ихъ разойтись по дворамъ.

— Не было бы намъ худа, не было бы намъ бѣды отъ этого какой,—говорили мужики.

На этотъ разъ дѣло не дошло до усмиренія силою, но нерѣдко бывали случаи, что прибѣгали къ экзекуціи, какъ только крестьяне дѣлали попытку отстоять право, понимавшееся ими по-своему (назв. Очерки 56).

[2]) См. *Моск. Вѣдом.* 1861, № 94.

[3]) Въ воспоминаніяхъ г. Лучинскаго, помѣщенныхъ въ октябрьскомъ нумерѣ *Русской Старины* 1897 г., мы находимъ любопытные разсказы о времени введенія

Уподобляя освобожденнаго крестьянина съ вѣчно-голодавшимъ и забитымъ департаментскимъ писцомъ, внезапно осчастливленнымъ извѣстіемъ о милліонномъ наслѣдствѣ, Салтыковъ приглашалъ отнестись человѣчно къ возможнымъ и естественнымъ, въ подобномъ положеніи, увлеченіямъ и даже излишествамъ. „Припоминая, — писалъ онъ, — всю горечь условій, въ которыхъ крестьяне находились доселѣ, и взвѣшивая значеніе дарованной имъ свободы, невольнымъ образомъ спрашиваешь себя: возможно ли, естественно ли, чтобы сердца ихъ не раскрывались при вѣсти о новомъ воскресеніи, о новомъ сошествіи Христа во адъ для освобожденія душъ ихъ? Возможно ли, чтобы, эта добрая, неслыханная вѣсть не потрясла ихъ до глубины, чтобы при полученіи ея, они сохранили все благоразуміе, все хладнокровіе?“ [1]). Это онъ говорилъ по адресу „благора-

---

въ дѣйствіе Положенія объ освобожденіи крестьянъ въ Херсонской губерніи, гдѣ авторъ воспоминаній былъ тогда судебнымъ слѣдователемъ. Въ имѣніе одного богатаго помѣщика былъ доставленъ манифестъ объ освобожденіи и самое Положеніе. Крестьяне собрались читать его и толковали между собою о значеніи отдѣльныхъ его статей. Управляющій, узнавъ объ этомъ, рѣшилъ, что крестьяне начинаютъ бунтовать, и съ вечера послалъ сообщить исправнику о бунтѣ. На другой день прискакалъ исправникъ, и хотя крестьяне спокойно работали на барщинѣ, однако онъ призналъ за полезное и нужное все-таки подвергнуть ихъ усмиренію. Онъ потребовалъ изъ сосѣднихъ южныхъ поселеній нарядъ въ 300 человѣкъ съ старостами и десятскими, велѣлъ заготовить розогъ, призвалъ на экономическій дворъ всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ и всѣхъ ихъ наказалъ розгами, каждаго по 50-ти ударовъ, за исключеніемъ семи человѣкъ зачинщиковъ, которые предавались суду за чтеніе Положенія, за то, что одинъ изъ нихъ позволилъ производить это чтеніе у себя въ избѣ, и пр. „Получивъ это дознаніе,—разсказываетъ г. Лучинскій,—я немедленно отправился на мѣсто, произвелъ слѣдствіе и затѣмъ составилъ обстоятельное и мотивированное постановленіе, которымъ призналъ, что бунта никакого не было, а потому и постановилъ арестованныхъ изъ-подъ стражи освободить, а дѣло для прекращенія представить въ уѣздный судъ. Боже мой, какой поднялся гвалтъ изъ-за этого! Исправникъ послалъ съ *estafetoю* донесеніе губернатору, что онъ не ручается за спокойствіе въ уѣздѣ послѣ такого распоряженія судебнаго слѣдователя, освободившаго главныхъ виновныхъ, не понесшихъ вслѣдствіе того даже и такого наказанія, какому подвергнуты были менѣе виновные участники бунта... Помѣщики смотрѣли на меня какъ потатчика бунтамъ противъ нихъ крестьянъ“... Авторъ воспоминаній продолжаетъ: „Другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ волненій крестьянъ не припоминаю, но мѣстная администрація сильно *волновалась*. По полученіи свѣдѣній о томъ, что въ какомъ-либо имѣніи крестьяне привезли къ себѣ грамотея, и онъ читалъ имъ Положеніе, его хватали и вмѣстѣ съ привезшими его крестьянами привлекали къ суду“. Крупное столкновеніе вышло у калужскаго губернатора Арцимовича съ извѣстнымъ богачемъ Мальцевымъ. Троихъ крестьянъ, виновныхъ въ чтеніи „воли“, Мальцевъ велѣлъ заковать въ цѣпи и отправить въ Калугу. Арцимовичъ расковалъ и вернулъ назадъ. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ и кончилось пустяками.

[1]) Тамъ же № 128. См. еще отповѣдь Салтыкова Фету въ № 3 *Современника* 1863 г., ст. 389.

зумныхъ помѣщиковъ“, не утратившихъ въ своей ненависти къ „волѣ“ способность понимать движенія человѣческой души... Вниманіе же администраціи онъ обращалъ на возможные случаи излишествъ [1]) въ требованіяхъ со стороны помѣщиковъ и на способность деревенской глуши создавать отъ скуки разные фантомы [2]). „При томъ полномъ затишьѣ, какое царствуетъ въ нашихъ деревняхъ,—говорилъ Салтыковъ, — всякое слово взвѣшивается пудами, всякій вершокъ кажется съ аршинъ, особливо въ такомъ бойкомъ, горячемъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ. Какая-нибудь ключница Мавра донесетъ барынѣ, что дядя Корней, лежа на печи, приговаривалъ: „Мы-ста, да вы-ста“, — вотъ ужъ и злоупотребленіе! Какой-нибудь староста Акимъ подольстился къ барынѣ, что у насъ-де, сударыня, Ванька-скотъ давеча на всю сходку оралъ: а пойдемъ-ка, братцы, къ барынѣ, пускай она намъ водки поднесетъ,—вотъ уже и бунтъ! И барыня Падейкова пишетъ туда, пишетъ сюда, на весь околотокъ визжитъ, что честь ея поругана, что права ея попраны. И вмѣсто того, чтобъ унять ее, ей вторитъ цѣлое воинство, и Ванька-скотъ летитъ въ становую квартиру, а дядя Корней записывается въ книжечку, какъ будущій зачинщикъ и подстрекатель“ [3]).

---

[1]) Справедливость предположенія Салтыкова вскорѣ подтвердилась оффиціальными данными: такъ, при разборѣ столкновеній въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ у. было признано, что крестьяне обременены были „тяжелыми уроками“ (см. перепечатку изъ *Съвер. Пчелы* въ *Моск. Вѣд.* 1861, № 114).

[2]) Въ прелестныхъ „Невинныхъ Разсказахъ“, въ очеркѣ „Деревенская тишь“ уморительно разсказана Салтыковымъ траги-комическая исторія „антагонизма“ помѣщика съ бывшимъ его дворовымъ „Ванькою“ (соч., 1).

[3]) Алчные крѣпостники *обыкновенно* утверждали, что крестьяне *все* только въ свою пользу и толкуютъ законъ, и заподозрѣвали искренность ихъ заблужденія. Насколько неосновательны были такія подозрѣнія, можно видѣть изъ указаннаго выше (о барщинѣ) и слѣдующихъ двухъ примѣровъ, приводимыхъ Якушкинымъ.

— До царской воли,—говорили крестьяне,—барину мы каждую весну носили яйца,—съ каждаго тягла приказано было носить. Вышла царская воля, яйца запрещено намъ, мужикамъ, давать. Только намъ все словно опасно!.. Вотъ собрали сходку, положили собрать барину яйца. Забрали, снесли... ничего: Богъ помиловалъ. За тѣ яйца намъ никакого наказанія не было. Проходитъ малое время выдаютъ намъ деньги за тѣ яйца... Теперь что съ тѣми деньгами дѣлать?

— Да что же, мало, что ли, заплатили за яйца?—спрашивалъ Якушкинъ.

— Да не объ томъ рѣчь... Пропади пропастью совсѣмъ и деньги тѣ... А что съ тѣми деньгами дѣлать? Возьмешь тѣ деньги — бѣда, понесешь тѣ деньги въ барскую контору—опять бѣда.

Вотъ какъ „своекорыстно“ толковали крестьяне свои имущественныя права! А объ захватѣ ими „личныхъ“ правъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Мужики прогнали съ коноплянниковъ извозчиковъ, и при этомъ произошла драка. Исправникъ по жалобѣ извозчиковъ пересѣкъ мужиковъ, а старосту посадилъ въ острогъ, предварительно избивши его. Крестьяне объяснили такъ эту расправу: „Мірской староста *лишенъ* тѣлеснаго наказанія, исправникъ со всѣми нами поспра-

Коснувшись затѣмъ административной расправы, при помощи розогъ безъ суда, Салтыковъ находитъ ее несправедливою и нецѣлесообразною, такъ какъ употребленіе вмѣсто „вразумленія силы, какъ средства къ прекращенію безпорядковъ, хотя и имѣетъ за себя быстроту и дѣйствительность производимаго имъ впечатлѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и противъ себя скоропроходимость этого впечатлѣнія, неукрѣпленнаго сознаніемъ“. Необыкновенно мѣтко и глубоко очертилъ Салтыковъ съ точки зрѣнія истинныхъ друзей народной свободы задачи и методъ дѣйствія новыхъ мировыхъ крестьянскихъ учрежденій, напоминаніе о которыхъ едва ли будетъ неумѣстно въ наше время громкой проповѣди единоспасающей силы „властной руки“. „Чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ,—писалъ онъ,—для нихъ (крестьянскихъ учрежденій) необходимо съ перваго же раза пріобрѣсти свободное *довѣріе* крестьянъ, а имъ указываютъ на угрозу, на страхъ наказанія, забывая при этомъ, что окончательная и истинно разумная цѣль преобразованія быта сельскихъ сословій заключается нетолько въ улучшеніи матеріальныхъ условій этого быта, но преимущественно въ *нравственномъ перевоспитаніи* (курс. подлин.) народа... Не на завладѣніе ферулою, а на искорененіе понятія о необходимости ея изъ нашихъ административныхъ обычаевъ и нравовъ должно быть обращено вниманіе этихъ учрежденій, и въ этомъ заключается одно изъ завидныхъ преимуществъ ихъ плодотворной дѣятельности“. Мудрыя, но „забытыя“ слова, заключающія цѣлую программу для истинныхъ друзей народнаго блага...

Къ маю стали поступать со всѣхъ концовъ Россіи извѣстія о благополучномъ, за небольшими, какъ сказано, исключеніями, объявленіи воли и, по выраженію мемуаровъ одного свитскаго генерала: — „Петербургъ вздохнулъ свободно“ [1])!..

Но какъ же свободно и глубоко должны были вздохнуть при этихъ добрыхъ вѣстяхъ благородные и мужественные дѣятели крестьянской реформы, двигавшіе и отстоявшіе это великое дѣло, при помощи передовой части общества и литературы, отъ властныхъ представителей своекорыстія,

---

вился... А тебя,—говоритъ старостѣ, — наказывать нельзя, ты лишенъ тѣлеснаго наказанія!.. Такъ вотъ тебѣ!.. Ужъ *возилъ* же онъ его! да замѣсто тѣлеснаго наказанія въ острогъ засадилъ“.

— Да развѣ это не тѣлесное наказаніе?—спросилъ я послѣ этого объясненія.

— Нѣтъ, не тѣлесное: коли бы его *разложили*, вотъ было бы тѣлесное наказаніе.

Якушкинъ по этому поводу справедливо замѣчаетъ: ежели мужики и не совсѣмъ вѣрно понимали тѣлесное наказаніе, то никакъ не въ свою пользу это тѣлесное наказаніе толковали (назв. Очерки 511).

[1]) *Русск. Архивъ* 1892 г., № 2.

мнительности и застоя, отъ „друзей своихъ интересовъ и враговъ общаго блага“, какъ выразился Бѣлинскій.

Въ честь этихъ доблестныхъ дѣятелей, на память исторіи и потомству, выбита была 17-го апрѣля 1861 г. медаль съ изображеніемъ головы Александра II и надписью: „Благодарю“ [1]).

Право на первую изъ медалей по всей справедливости имѣлъ великій князь Константинъ Николаевичъ, оказавшій дѣлу освобожденія громадныя, безчисленныя, совершенно исключительныя услуги и не отходившій отъ крестьянской реформы отъ самаго зарожденія ея первой завязи и вплоть до закрытія въ 1882 г. состоявшаго подъ его предсѣдательствомъ Главнаго Комитета о сельскомъ состояніи.

Медали получили и всѣ участники [2]) крестьянской реформы какъ сочувствовавшіе, такъ равно и *противодѣйствовавшіе* ей [3]). Такъ что и *враги свободы* должны были хоть на время слить и свои голоса въ общій гулъ привѣтствій въ честь величаво занимавшейся надъ Россіей зари свободы!..

О, какое это было дивное и живое время! Блаженны свидѣтели его! Съ какою завистью взираетъ на это свѣтлое время мимолетнаго, но всеобщаго нравственнаго подъема и просвѣтлѣнія, когда даже цензоры и другіе стражи и гонители мысли пріобщились къ общему гимну въ честь свободы и независимости, когда въ правительственныхъ кругахъ шла рѣчь (фактъ!) объ установленіи ордена „за свободныя сужденія“ [4])—наше

---

[1]) Одна изъ этихъ медалей возложена была на могилу перваго предсѣдателя Редакціонной Комиссіи крестьянской реформы Я. И. Ростовцева, пожертвовавшаго за нее жизнью (см. рѣчь П. П. Семенова въ *Русской Старинѣ* 1892 г. № 3). Впослѣдствіи медаль была *похищена*, и ее пришлось замѣнить вызолоченною бронзовою (см. Сб. Семенова, III, ч. 2, стр. 778).—Потомство Ростовцева было возведено въ графское достоинство. Въ 1898 г. медаль эта сдѣлана наслѣдственною и переходитъ къ старшему въ родѣ.

[2]) Гр. Панинъ частью по административной рутинѣ, частью *изъ мести* (см. н. с. Леруа-Болье, Un homme etc., 46) и изъ стремленія сбить спѣсь съ членовъ Редакціонной Комиссіи настоялъ, чтобы они были награждены орденами *вопреки* ихъ желанію. „Участіе въ такомъ великомъ дѣлѣ само по себѣ величайшая награда на всю жизнь“, писалъ Н. А. Милютинъ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, которая при всемъ стараніи не могла „отвратить этого удара“ (parer ce coup.)—(см. н. с. Леруа-Болье *Un homme* etc., стр. 65 — 67). — Ю. Ѳ. Самаринъ, возвращая данный ему орденъ, ссылался оффиціально на тѣ неблагопріятные толки, которые могутъ вызвать среди дворянъ эти награды и тѣмъ повредить его дѣятельности въ качествѣ члена губернскаго крестьянскаго присутствія.

[3]) Медаль была дана и митрополиту Филарету, который по словамъ г. Семенова, *очень дорожилъ* (sic) этимъ знакомъ (см. н. с. Семенова, 2 ч., III т., стр. 778).

[4]) См. Сбор. соч. И. С. Аксакова, V, 164. Участникъ и компетентный наблюдатель знаменательной эпохи М. Е. Салтыковъ, понимая важное историческое значеніе ея, но далеко не увлекаясь сопровождавшимъ ее на ряду съ высокимъ вооду-

дряблое, выцвѣтшее, одичавшее поколѣніе, „властители думъ“ котораго ударяя мертвыми дланями въ пустыя перси, дерзаютъ возложить кощунственную хулу даже на святыя „19-е февраля—5-е марта“, эти лучшіе, лучшіе во всей тысячелѣтней исторіи, дни навсегда обезсмертившіе имя Александра II-го дарованіемъ Россіи своего рода magna charta libertatum!..

Если непримиримая злоба [1]) скрытыхъ и явныхъ воздыхателей по крѣпостному праву и донынѣ, спустя 4 десятилѣтія, еще не остыла, то легко представить, каково было ея напряженіе вскорѣ послѣ паденія рабства. Друзья народа ждали, что дѣло свободы, такъ счастливо начатое правительствомъ, будетъ доведено до конца, что оно открыто разрываетъ съ крѣпостниками, не перестававшими смущать его своими трусливыми и своекорыстными нашептываніями. Только что народившаяся свобода какъ бы обращалась съ затаенной мольбою къ новой зарождающейся съ опаскою освободительной эпохѣ со словами:

Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой,
Гнетущей мысли не таи,
Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣю въ груди

шевленіемъ и безтолковымъ, при полусвободѣ печати, шумомъ, такъ обрисовываетъ эпоху. Отмѣтивъ время „движенія“ (конца 50-хъ годовъ), смѣнившееся уже съ 1862 года временемъ спокойствія, при которомъ „глаза слипаются сами собою, въ ушахъ раздается разслабляющій звонъ“, Салтыковъ продолжаетъ: „инымъ нравилось это время движенія; все-таки было веселѣе: былъ шумъ, былъ говоръ, была суетня. Все равно, какъ мельница, на которую давно помольцы не везутъ никакого мелева и которой хозяинъ думаетъ: а ну-ка, пущу я снасть, пускай себѣ ходитъ жерновъ и безъ мелева! И вотъ пошелъ стучать жерновъ, пошло ходить колесо; окрестность становится какъ-то веселѣе, кругомъ раздается шумъ и стукъ какъ-будто кто-то живетъ... А кому охота справляться, что тутъ дѣлается? Напротивъ того, всякій думаетъ: куда хорошо въ этомъ мѣстѣ пожить, и рѣчка таково сладко журчитъ, и меленка мелетъ, какъ будто не одинъ, а на людяхъ“. (М. Е. Салтыковъ, А. Н. Пыпина, 89).

[1]) Коноводъ современныхъ крѣпостниковъ *Гражданинъ* еще весною 1893 г. писалъ слѣдующую возмутительную абракадабру: „Въ 1861 г. въ русской жизни произошла страшная катастрофа, если хотите, гораздо болѣе страшная, чѣмъ изверженіе вулкана или землетрясеніе. Вся Россія оказалась, если можно такъ выразиться, *опрокинутой вверхъ ногами.* Если уподобить все государство огромному желѣзнодорожному поѣзду, который мчится на всѣхъ парахъ къ своей провиденціальной цѣли, *то 19-го февраля 1861 года этотъ колосальный поѣздъ потерпѣлъ крушеніе.* Въ этотъ день локомотивъ, представляющій въ поѣздѣ самую главную силу, которая все приводитъ въ движеніе, локомотивъ *низринулся въ пропасть, увлекая за собой всѣ вагоны одинъ за другимъ.* Главный устой жизни русской—крѣпостное право, на которомъ все зиждилось и которымъ все опредѣлялось—этотъ устой вдругъ рухнулъ, рухнуло вслѣдъ за тѣмъ все, что на немъ держалось“ № 58).

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди...

Въ своемъ великодушномъ увлеченіи друзья свободы готовы были послать

Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ,

какъ вдругъ не ждано, не гадано узнали, что, спустя съ небольшимъ мѣсяцъ послѣ объявленія воли, крѣпостная реакція подняла уже голову, и жертвою ея пали С. С. Ланской и правая рука его Н. А. Милютинъ. Легко представить глубокое огорченіе друзей народной свободы!..

Омрачены были ясные дни „медоваго мѣсяца“ свободы, эти „прекрасные дни Аранжуеца“ либеральной эпопеи... Да этихъ дней, говоря по правдѣ, никогда и не было въ полномъ смыслѣ слова, и только наивное историческое преданіе, создавшееся послѣдующимъ мрачнымъ или сѣрымъ фономъ жизни, ощущало неодолимую потребность a contrario бросить на нихъ, быть можетъ, не безъ участія piae fraudis, ретроспективный, розоватый отблескъ!..

Но не будемъ упреждать событій (см. ниже отдѣлъ IV о земствѣ) и, не омрачая радостнаго воспоминанія о великихъ „мартовскихъ дняхъ“, будемъ вѣровать, подобно дѣятелямъ освободительной эпохи, въ конечное торжество идей ея. Только эта вѣра и вѣра въ народъ и подкрѣпляла въ трудныя минуты, наступившія вскорѣ послѣ освобожденія и такъ некстати омрачившія, если не лирическое, все же радостное настроеніе друзей свободы. Несмотря на всѣ недочеты по составленію и примѣненію Положенія о крестьянахъ, одинъ колоссальный, безповоротный и чреватый великими послѣдствіями фактъ подкрѣплялъ друзей народа: этотъ господствовавшій надъ всѣми случайными невзгодами колоссальный фактъ — было мирное освобожденіе и надѣленіе землею 23-хъ милліоновъ крестьянъ! Такой безпримѣрный во всемірной исторіи фактъ мирнаго рѣшенія труднѣйшей соціальной задачи, дѣлающій величайшую честь гражданской выдержкѣ русскаго народа и его друзьямъ, увѣровавшимъ въ его здравый смыслъ и политическое разумѣніе, вопреки трусливымъ запугиваніямъ крѣпостниковъ, до сихъ поръ вызываетъ справедливое удивленіе у иностранцевъ, законную гордость и вѣру въ будущность Россіи у всѣхъ друзей именинника 5-го марта, т. е. — русскаго крестьянина. Отмѣтивъ проявленный имъ, при трудныхъ обстоятельствахъ, изумительный политическій тактъ, Ѳ. П. Еленевъ, одинъ изъ участниковъ крестьянской реформы, вправѣ былъ сказать: „какъ много въ этомъ народѣ задатковъ порядочности и жизненной крѣпости, и *сколько хорошаго* можно бы изъ него сдѣлать при нѣкоторомъ умѣніи его направить“ [1]).

[1]) См. н. бр. Еленева, 56. О колоссальномъ значеніи народа въ освобожденіи крестьянъ см. вышеприведенныя слова М. Е. Салтыкова.

„Кузнецы-граждане“, усердно и съ самоотверженіемъ работавшіе надъ разбитіемъ „цѣпей крѣпостныхъ“, съ замираніемъ сердца слѣдили за колыбелью дорогого младенца, возрожденнаго отъ рабства возлюбленнаго роднаго народа... Что-то скажетъ этотъ новорожденный, осѣненный геніемъ свободы, чудо-ребенокъ, за ростомъ котораго со вниманіемъ слѣдитъ весь цивилизованный міръ?!.

Первыя впечатлѣнія друзей народа были благопріятны. Свобода,—несмотря на тяжкія условія своего рожденія, при которомъ злая и завѣдомо недоброжелательная повитуха, въ лицѣ графа Панина и его единомышленниковъ, чуть было не искалѣчила младенца,—несмотря на то, что пѣстуномъ его сталъ, вмѣсто усердно преданнаго „кузнеца-гражданина“ Н. А. Милютина, равнодушный, лишенный твердыхъ убѣжденій, гибкій карьеристъ П. А. Валуевъ—совершала свое животворящее дѣйствіе. Чудо-ребенокъ росъ не по днямъ, а по часамъ, не взирая на наступленіе той „безъидейной и близорукой, вызванной придворною камарильею реакціи“ [1]), которую кн. Черкасскій уподоблялъ „неизбѣжной, послѣ весенней оттепели, скучной и грязной слякоти“ [2]).

Не имѣя никакого довѣрія ни къ помѣщикамъ, ни къ духовной и полицейской власти, крестьяне первое время были просто въ безвыходномъ положеніи, не имѣя возможности находить гдѣ-либо разъясненіе своимъ недоумѣніямъ. Но мѣсяца четыре спустя введенъ былъ, наконецъ, благодѣтельный институтъ мировыхъ посредниковъ или, какъ народъ ихъ называлъ, посредственниковъ, и освобожденный отъ рабства народъ сталъ чувствовать, что на него, по выраженію Салтыкова, „пахнуло свѣжимъ воздухомъ, что пришелъ конецъ его горю-гореваньицу“.

Съ дѣтства привыкшій къ жестокой и обезличивающей обстановкѣ крѣпостного и чиновничьяго произвола, крестьянинъ впервые увидѣлъ, что съ нимъ обращаются какъ съ человѣкомъ, а не вещью, что за нимъ признается не одна только обязанность безпрекословно исполнять всякія требованія помѣщика и полиціи и молча выносить всякія обиды и насилія отъ нихъ, но признаются и закономъ дарованныя права личныя и имущественныя; за эти права заступится и отстоитъ „посредственникъ“. Конечно, не вездѣ посредники оказывались на высотѣ ихъ высокаго призванія къ водворенію первыхъ элементовъ права въ среду, издавна привыкшую къ безправію и необузданному произволу, но, къ счастью, большинство добросовѣстно выполнило свои трудныя, но благородныя обязанности. Неизбалованные мягкостью и справедливостью дореформеннаго „начальства“, крестьяне сразу поняли, что имѣютъ дѣло въ лицѣ посред-

---

[1]) См. письмо Кавелина у Леруа-Болье, Un homme etc.

[2]) Тамъ же, 80.

ника съ новымъ типомъ справедливаго и добраго начальства. Хоть это тоже былъ „баринъ“, но не тянулъ во что бы то ни стало сторону помѣщика, а разобралъ дѣло по закону,—а къ закону крестьянинъ относился всегда съ благоговѣніемъ,—хоть это тоже было начальство, но не считало нужнымъ, для поднятія престижа власти, вмѣсто словъ пускать въ ходъ брань, зуботычины и розги.

Загнанный, запуганный вѣковымъ безправіемъ, беззащитностью и насиліемъ, крестьянинъ впервые вздохнулъ по-человѣчески и сталъ выходить изъ того состоянія вѣчнаго испуга, въ которомъ держало его крѣпостное право и воспитанное въ его духѣ начальство, которое тѣмъ лучше аттестовалось всемогущею помѣщичьею средою, чѣмъ усерднѣе оно проявляло искусство смирять строптивыхъ рабовъ.

— И что за оказія такая, братцы,—говорили, по словамъ Якушкина, мужики вскорѣ послѣ объявленія воли,—бывало, ѣдетъ становой, всѣ поджилки дрожатъ, а теперь пріѣдетъ—ничего, уѣдетъ—тоже ничего!..

Перемѣна, произведенная на первыхъ же порахъ „волею“ въ нравственной физіономіи „вчерашнихъ рабовъ“ была такъ благодѣтельна и разительна, что ее съ почтенною гордостью и съ высокимъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія привѣтствовали оставшіеяся не у дѣлъ благородные дѣятели крестьянской реформы.

Скорбя о томъ, что Положенія о крестьянахъ своею неудовлетворительною редакціею, а также отчасти и содержаніемъ (сохраненіе барщины, отрѣзки отъ существовавшихъ надѣловъ и т. д.), давали поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ, еще болѣе скорбя о томъ, но помятуя истину, что не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ, дѣятель крестьянской реформы и друзья народа, оставляя пока въ сторонѣ экономическую сторону вопроса, горячо привѣтствовали зарю народившейся свободы и первый результатъ ея — *возстановленіе человѣческаго достоинства у крестьянъ*. Съ чувствомъ высокаго нравственнаго удовлетворенія радовались они той быстрой, почти волшебной перемѣнѣ, которая совершалась во всемъ нравственномъ существѣ забитаго „вчерашняго раба“, и въ которой они видѣли лучшій оплотъ противъ начинавшейся уже, съ удаленіемъ въ апрѣлѣ 1861 г. Н. А. Милютина, крѣпостнической реакціи [1]).

„Я не боюсь послѣдовательной реакціи“, писалъ 19-го мая 1861 г. одинъ изъ славныхъ дѣятелей крестьянской реформы Ю. Ѳ. Самаринъ Н. А. Милютину. „Чтобы убѣдиться въ ея невозможности, — продолжалъ Самаринъ,—достаточно бросить бѣглый взглядъ на народъ; онъ—безъ пре-

---

[1]) Вдохновитель и глашатай ея П. А. Валуевъ предписывалъ (см. ниже главу объ Арцимовичѣ) внушать крестьянамъ все, что они получаютъ, получаютъ не въ силу закона, а *по милости* помѣщика!

увеличенія—*преобразился съ ногъ до головы.* Новое Положеніе *развязало ему языкъ* и разорвало окружавшій его *заколдованный кругъ.* Его языкъ, манеры, походка—все измѣнилось. Сегодня онъ *не рабъ*; вчера лишь освобожденный, онъ *выше* государственнаго крестьянина, конечно, не въ экономическомъ отношеніи, а какъ *гражданинъ*, сознающій, что у него есть *права*, которыя онъ *долженъ и можетъ* защищать самъ... Бывшій крѣпостной, при столкновеніи съ помѣщикомъ, думаетъ про себя: посмотримъ, чья возьметъ, на чью сторону станетъ правительство. Въ этой борьбѣ за право крестьянинъ впервые является, какъ субъектъ права, независимый и свободный отъ опеки. Такимъ путемъ должно совершаться его *гражданское* воспитаніе“ [1]).

Не легко далось и дается народу это гражданское воспитаніе, котораго такъ боялись и боятся крѣпостники, а все-таки друзья народа (и западники, и славянофилы), примѣняясь къ девизу французскихъ рыцарей, привѣтствовали кликомъ: „vive la liberté quand-même!“ — освободительный, благословенный свѣтозарный 1861 годъ.

Да, это была удивительная весна, истинно красная весна, воистину незабвеннаго 61-го года!

Словно само небо чрезвычайнымъ знаменіемъ [2]) радостно привѣтство-

---

[1]) Возвратившійся вскорѣ послѣ объявленія воли изъ-за границы въ Россію К. Д. Кавелинъ, сопоставляя освобожденныхъ крестьянъ съ образованными классами, пишетъ: „ Здѣсь какая-то нездоровая сонливость, показывающая, что они и умственно и нравственно въ ненормальномъ состояніи. Видъ же простого народа, крестьянъ и солдатъ, производитъ совсѣмъ противоположное впечатлѣніе: эти повеселѣли, поздоровѣли и очень поправились, такъ что сердце радуется, глядя на нихъ. Вы чувствуете, что въ русской жизни произошелъ какой-то благодѣтельный переворотъ: горячка миновала, остается тяжесть въ головѣ и усталость, но по всему тѣлу проходитъ живительная струя, и здоровье опять стучится у двери... Молодой человѣкъ начинаетъ получать свой собственный видъ. Каковъ-то онъ будетъ? Я чутьемъ чую, что отличный, превосходный, оригинальный, небывалый. Это будетъ воплощеніе въ исторіи женственнаго начала. Посмотрите на положительные задатки русской жизни: мягкая, сердечная, добрая и въ то же время умная, хитрая и оттого нѣсколько плутоватая и живая натура. Гдѣ видали вы столько силы и столько задушевности, столько широты и размаха? Все это пока грубый, необдѣланный алмазъ, изъ котораго и выходятъ брилліанты. Грязь смоется, ей нельзя не смыться, и тогда посмотрите, что выйдетъ изъ этого народа. Жаль, что не придется посмотрѣть на него лѣтъ черезъ 50 или 100. Посмотрите, наприм., какъ въ этомъ мужицкомъ царствѣ совершенно иначе поставили „соціальный вопросъ“. (*Русская Мысль* 1899, № 12, стр. 4). Если бы молодой человѣкъ также развивался и въ послѣдующіе годы, быть можетъ Кавелинъ и видѣлъ бы осуществленіе части своихъ мечтаній, но не дано было ему имѣть это утѣшеніе.

[2]) Въ 1861 г. появилась комета. Ей именно посвященъ приводимый стихъ г-жи Аккерманъ—Oeuvres, Paris 1885, 74. A la comète de 1861 г.

вало паривший въ это время надъ Европою геній свободы! Въ капризномъ полетѣ своемъ, благодатный геній въ одномъ мѣстѣ чуть задѣвалъ крыломъ баловней природы, спаленныхъ солнцемъ лаццарони Обѣихъ Сицилій, освобождая ихъ отъ послѣднихъ остатковъ политическаго гнета „короля-бомбы“,—въ другомъ, мощнымъ взмахомъ своего волшебнаго жезла, приносилъ свѣтъ и радость въ эту холодную печальную страну рабства и кнута, возвращая ея многомилліонному обездоленному населенію первоосновныя права человѣка, права, безъ коихъ онъ перестаетъ быть человѣкомъ; въ страну,

Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ...

и гдѣ, въ весну 61-го года, общій поилецъ-кормилецъ русской земли, забитый, изстрадавшійся „Иванушка“ впервые вздохнулъ свободно и „дерзнулъ“ *громко засмѣяться*, согрѣтый лучами занимавшейся зари свободы...

Откуда этотъ добрый геній свободы, откуда эта сопутствовавшая ему лучезарная комета?! Кто „закажетъ пути“, кто укажетъ законы дальнѣйшаго теченія этихъ „вѣчныхъ странниковъ“, этихъ дивныхъ свѣтилъ:

Bel astre voyageur, hôte qui nous arrive
Des profondeurs du ciel et qu'on n'attendait pas,
Où vas-tu? Quel dessein pousse vers nous tes pas?!

X.

Я позналъ, что, хотя свободой, какъ и всѣми благами Провидѣнія, можно злоупотреблять, однако безъ свободы нѣтъ на землѣ ничего здороваго, нѣтъ ничего устойчиваго; безъ свободы—нѣтъ движенія впередъ.

Гладстонъ (1890 г.).

Смотрѣть на свободу въ организаціи общества какъ на что-то случайное, какъ ***на одно изъ многихъ условій****, а не какъ* ***на самое главное и существенное*** *— это или knechtischer Sinn, раболѣпство или крайняя спутанность понятій и незрѣлости мысли.*

Катковъ.

Пока по закону существуетъ крѣпостное право, до тѣхъ поръ въ сплошной твердынѣ взятокъ даже и брешь нельзя сдѣлать.

Изъ письма И. В. Павлова къ М. Е. Салтыкову.

Паденіе крѣпостного права знаменовало явный поворотъ исторіи Россіи рабской въ другую, противоположную сторону свободы. Если народная

масса радовалась, непосредственно ощущая на себѣ духовныя и матеріальныя блага великаго законодательнаго акта 19-го февраля, то лучшая часть образованнаго общества, сливаясь въ общемъ восторгѣ съ народомъ, привѣтствовала въ освободительной партіи упраздненіе застарѣлой вѣковой неправды и начало всеобщаго обновленія русской жизни *во всѣхъ* сферахъ и направленіяхъ. Значеніе крѣпостного права въ русской жизни, по общему признанію [1]), было *универсально*; это право, или вѣрнѣе отрицаніе права, „обусловливало всѣ стороны быта, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права Россія вступила въ новую эпоху развитія“.

Благодаря такому всеобъемлющему значенію крестьянской реформы, она сдѣлалась точкою отправленія для цѣлой системы послѣдующихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью: уничтоженіе административнаго произвола и установленіе законности, учрежденіе независимаго суда, уравненіе всѣхъ гражданъ предъ закономъ и привлеченіе къ управленію общественнаго элемента, отмѣну тѣлеснаго наказанія, раскрѣпощеніе печати, науки и пр. Уже въ 1859 г. во многихъ Положеніяхъ, составленныхъ дворянскими губернскими Комитетами, доказывалась необходимость устройства управленія и суда на новыхъ началахъ въ виду освобожденія крестьянъ.

---

[1]) См. н. с. Иванюкова, предисловіе. Объ универсальномъ значеніи крѣпостного права, какъ основы стараго бюрократическаго полновластья и повальнаго взяточничества, находимъ интересныя характеристики въ перепискѣ И. В. Павлова и Щедрина. (Русская Старина, 1898, ноябрь. На зарѣ крестьянской свободы). И. В. Павловъ, характеризуя въ письмѣ къ Щедрину общій уровень и общее значеніе тогдашней мѣстной администраціи, сравнивалъ ее съ варягами, призванными править и водворять порядокъ, и со сказочнымъ змѣемъ. Щедринъ отвѣчалъ на это: „Твоимъ миѳомъ о призваніи варяговъ я намѣренъ воспользоваться и написать очеркъ, подъ заглавіемъ „Историческая догадка“. Изложу ее въ видѣ бесѣды учителя съ учениками. Въ pendant къ этому будетъ у меня исторія о томъ, какъ Иванушку-дурака за столъ посадили, какъ онъ сначала думаетъ, что его надуваютъ и т. д. Выйдетъ недурно, только какъ бы тово... не посѣкли. Какого ты мнѣнія насчетъ сѣченія? Наплевать или не наплевать? Я думаю, что наплевать, но только, должно быть, анаѳемски больно. Однако клянусь, что я не испыталъ этого“.

Въ дальнѣйшихъ письмахъ шелъ опять вопросъ о взяткахъ, и Салтыковъ указывалъ единственный, по его мнѣнію, способъ уничтожить это зло: „Есть одна штука (она же и единственная), которая можетъ истребить взяточничество, поселить правду въ судахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвысить народную нравственность: это—возвышеніе *земскаго начала* насчетъ бюрократическаго. Я даже подалъ проектъ, какимъ образомъ устроить полицію на этомъ основаніи, но, къ сожалѣнію, у насъ все спитъ, а слѣдовательно будетъ спать и мой проектъ до радостнаго утра. Да и то сказать, какое можетъ быть равенство, когда половина Россіи въ крѣпостномъ состояніи“...

Значеніе крестьянской реформы, какъ отправной точки [1]) для реформы администраціи и суда, обстоятельно разъяснено въ запискѣ Тверского Комитета по освобожденію крестьянъ (см. главу II). „Несмотря на все зло крѣпостного права,—читаемъ въ запискѣ,—власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—ограничивали *произволъ чиновниковъ*. Съ уничтоженіемъ ея, средства управленія и охраненія общественнаго порядка и безопасности, до сихъ поръ недостаточныя, будутъ совершенно ничтожны. Съ другой стороны, крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русской жизни, *проникло насквозь и служебную дѣятельность*. Если уничтожить его только въ частномъ видѣ, оставивъ все прежнее по-старому, это не будетъ уничтоженіе крѣпостного права, а только передача его изъ рукъ помѣщиковъ *въ руки чиновниковъ* и расширеніе его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два *враждебные лагеря:* на лагерь полноправныхъ чиновниковъ и на лагерь безправныхъ и безгласныхъ жителей. Такой порядокъ порождаетъ полное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, и для устраненія его необходимо положить основаніе самостоятельнаго управленія общинъ. Страшиться самостоятельности, какъ начала анархіи, неосновательно; въ ней лежитъ, напротивъ, залогъ порядка и спокойствія. Человѣкъ, принимая участіе въ интересахъ общества, привязывается къ этимъ интересамъ и дорожитъ ими“. Тверской Комитетъ проектировалъ мѣстное всесословное самоуправленіе, отчасти осуществившееся впослѣдствіи, и въ защиту его между прочимъ приводилъ то соображеніе, что соединеніе дворянства и крестьянъ въ одно общее собраніе заставитъ смолкнуть мелкіе сословные интересы предъ интересами болѣе общими и болѣе широкими. Какъ одно изъ условій правиль-

---

[1]) По справедливому замѣчанію академика В. П. Безобразова, важно было не то, надъ 20-ю ли милліонами душъ (по ревизіи 1858 г. крѣпостное населеніе числилось въ 23.069,631 душу и составляло $^1/_3$ всего населенія въ 67.081,167 душъ. См Тройницкаго Крѣпост. насел.) тяготѣло крѣпостное право, а важно было его общее растлѣвающее значеніе *для всего населенія*. Пока существовалъ узаконенный произволъ одного лица хоть всего только надъ 20-ю душами, не могло быть рѣчи о водвореніи *права* въ Россіи. См. Государство и Общество Спб. 1881, стр. 424.—Привилегированныя органъ одичалыхъ крѣпостниковъ, *Гражданинъ* въ одну изъ рѣдкихъ минутъ lucida intervala своей обычной человѣконенавистнической травли и злобствующаго мракобѣсія (не даромъ съ цинической гордостью именуетъ онъ себя „мракобѣсомъ“) высказалъ одну истину. Вспоминая съ зубовнымъ скрежетомъ время, когда подъ вліяніемъ „либеральныхъ общественныхъ теченій“ рухнуло крѣпостное право, органъ кн. Мещерскаго прибавляетъ: „между прочимъ, рухнули и старые суды, жившіе и дѣйствовавшіе *единственно* въ обстановкѣ крѣпостого права, а безъ него совершенно немыслимые“ (см. № 28, февраля 1893 г.).

наго управленія, выставлялось учрежденіе независимаго суда, въ качествѣ блюстителя законности, которая при прежнихъ порядкахъ не могла существовать. Нѣкоторыя другія дворянства дѣйствовали въ томъ же духѣ: такъ, напр., одинъ изъ дворянскихъ адресовъ [1]) указываетъ, что законность не могла имѣть мѣсто въ то время, когда допускалось крѣпостное право на людей.

Въ частности относительно проектированнаго Тверскимъ Комитетомъ суда присяжныхъ въ Запискѣ его находимъ слѣдующія соображенія, направленныя противъ мысли о невозможности введенія его, въ виду невѣжества народа: „Невозможно ожидать, чтобы судъ присяжныхъ въ Россіи могъ имѣть съ самаго начала то же самое значеніе, какое онъ имѣетъ въ Англіи въ настоящее время. Но развѣ судъ присяжныхъ въ Англіи въ XV и XVI столѣтіи былъ то же, что теперь? Развѣ народъ Англіи того времени былъ образованнѣе, нежели нашъ? Англія вводитъ судъ присяжныхъ всюду, куда достигаетъ ея владычество, и вездѣ это учрежденіе оказываетъ благодѣтельныя послѣдствія. Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. *Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ?* Для сужденія о виновности преступника нужны только здравый смыслъ и совѣсть,—ничего болѣе. Неужели можно отвергать въ нашемъ народѣ и эти качества? это было бы слишкомъ много!“ Затѣмъ комитетъ доказываетъ необходимость раздѣленія властей и *непосредственно* подчиненіе чиновниковъ административнаго вѣдомства суду по преступленіямъ должности [2]).

Изъ сказаннаго явствуетъ, что при обсужденіи крестьянскаго вопроса были поставлены на очередь почти всѣ реформы, осуществившіяся отчасти впослѣдствіи. Резюмируя во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 23-го октября 1859 г. предложенныя дворянскими депутатами реформы, Я. И. Ростовцевъ писалъ: „Во всѣхъ мнѣніяхъ депутатовъ только и есть *одна идея, равно всѣми раздѣляемая* (курсивъ подлинника): это—*несчастное устройство* нынѣшняго мѣстнаго управленія и судовъ, и дѣйствія ихъ *произвольныя, злоупотребительныя, скрытыя и необличимыя*. Всѣ убѣждены, что при подобномъ устройствѣ суда и полицейскаго порядка благосостояніе какъ помѣщиковъ, такъ крестьянъ, не можетъ быть устроено надежно и прочно“ [3]).

Но значеніе освобожденія крестьянъ этимъ не ограничилось. Оно не только выдвинуло извѣстныя реформы, но и оказало прямое вліяніе на направленіе, въ которомъ онѣ были разрѣшены. Оно дало, далеко, впрочемъ, не всѣмъ реформамъ, ту смѣлость, воодушевленіе и бодрую вѣру въ

---

[1]) См. адресъ Владимірскаго дворянства, стр. 396, н. с. Иванюкова.

[2]) См. Обзоръ Основаній, стр. 47.

[3]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 931.

силу либеральныхъ учрежденій, въ силу свободы, разума и правды, безъ которыхъ невозможно осуществленіе крупныхъ гуманныхъ реформъ.

Съ особенною наглядностью это вліяніе можно прослѣдить, наприм., на судебной реформѣ. Извѣстно, что начало ея относится къ 1848 г. Но во все время Николаевскаго царствованія законодательныя предположенія не выходили за черту обычныхъ палліативныхъ частичныхъ исправленій. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло и въ этой отрасли новымъ духомъ. Предсѣдатель коммиссіи, составлявшей законопроекты, гр. Блудовъ, сдѣлалъ значительную уступку духу времени. Въ проектахъ, составленныхъ имъ въ 1859 и въ 1860 гг., онъ уже допускалъ гласность, состязательность, мировой институтъ, адвокатуру. Но все-таки на проектахъ гр. Блудова видны были слѣды нѣкоторой робости, нерѣшительности, непослѣдовательности. Судъ присяжныхъ, напримѣръ, гр. Блудовъ признавалъ совершенно разумнымъ учрежденіемъ, но въ 1859 г. не рѣшался еще внести въ свой проектъ. Если Судебные Уставы получили тотъ смѣлый, законченный, раціональный, радикальный характеръ, который вызвалъ справедливое удивленіе не только у насъ, но и за границею [1]), то этимъ они обязаны либеральному бодрому настроенію и гуманному направленію, кои замѣчались въ части нашихъ правящихъ сферъ послѣ освобожденія крестьянъ. Это явствуетъ изъ хронологіи. Судъ присяжныхъ, несмѣняемость судей, независимость адвокатуры и прочія основы нашего новаго судебнаго строя впервые были предложены въ извѣстныхъ „Соображеніяхъ государственной канцеляріи“, составленныхъ въ началѣ 1862 г. и Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября того же года [2]).

На эту не только хронологическую, но и логическую, причинную связь между крестьянскою и судебною реформами настойчиво указываютъ ближайшіе дѣятели ея. Членъ государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій въ рѣчи, произнесенной въ 1880 г. въ петербургскомъ юридическомъ Обществѣ, между прочимъ, говорилъ: „Въ 1861 г. судебная реформа сдѣлалась настоятельною. До этого времени для 25-ти милліоновъ народа почти единственными судьями были помѣщики; они имѣли право налагать всѣ виды наказанія, кромѣ отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ (до 1840 г.) или плетьми, установленнаго образца (послѣ 1845 г.“) [3]). „Положенія 19-го февраля 1861 г., говоритъ другой дѣятель и главный руководитель судебной реформы, знаменитый статскъ-секретарь департа-

---

[1]) См. статью Миттермайера въ *Журналѣ Мин. юстиціи* 1864 г., № 5. Во главѣ защитниковъ необходимости *радикальной* судебной реформы стоялъ не кто иной, какъ самъ М. Н. Катковъ. См. *Русскій Вѣстникъ* 1860, № 2.

[2]) См. ниже главу: О составленіи Судебныхъ Уставовъ.

[3]) *Журн. гражд. права* 1882, № 9.

мента законовъ Государственнаго Совѣта С. И. Зарудный (см. дальше), прекратили эти крѣпостные порядки. Тогда и высшіе наши сановники поняли, что для Россіи такъ же точно, какъ и для всякаго порядочнаго государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ. Вотъ задача Судебныхъ Уставовъ. Если бы въ 1861 году *не состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею, то ни въ какомъ случаѣ* не были бы 20 ноября 1864 г. утверждены Судебные Уставы“ [1]).

Огромное вліяніе освобожденія крестьянъ на всѣ послѣдующія реформы засвидѣтельствовано и оффиціально. „Уничтоженіе крѣпостного состоянія, — читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта 1862 г., — провело столь рѣзкую черту между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей, что нѣкоторыя относящіяся къ судопроизводству начала (смѣшеніе властей, сословные суды и проч.), болѣе или менѣе соотвѣтствовавшія прежнему гражданскому быту половины населенія нашего обширнаго отечества, теперь обратились въ недостатки. Первое начало—*смѣшеніе властей*, было отчасти *неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостного состоянія*. Смѣшеніе властей, проникавшее въ отдѣльныя управленія, должно было проникнуть и *въ общее управленіе* имперіи, и нынѣ всѣ административныя власти, начиная отъ станового пристава и до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ силу самаго закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія... Указанныя начала, истекающія изъ *прежняго* устройства нашего общества, имѣютъ между собою такую *непосредственную связь*, что при осуществленіи одного изъ нихъ были неизбѣжны и другія, и потому нынѣ, съ уничтоженіемъ самой причины, оправдывавшей до нѣкоторой степени прежній порядокъ, необходимо *одновременно устранить* всѣ эти органическіе недостатки теперешняго судопроизводства“ [2]).

Императоръ Николай I, лежа уже на смертномъ одрѣ и завѣщая своему преемнику освобожденіе крестьянъ, сказалъ ему: „сдаю тебѣ команду, но не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляю тебѣ много заботъ и трудовъ“ [3]). Первою и величайшею заботою новаго царствованія было осво-

---

[1]) См. *Русс. Старину* 1888 г., № 9.

[2]) См. т. XVIII. Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, стр. 55, 57.

[3]) См. н. Матеріалы I, 97. Въ монографіи Декардона, въ которой отведено обширное историческое введеніе царствованію Николая I, слова эти переданы такъ: „Alexandre, je vous laisse le poste que j'ai occupé pendant trente ans et je vous prie de me pardonner la situation des choses; j'ai fait ce que j'ai pu, je regrette de n'avoir pu mieux faire“. См. стр. 215—216. C. De Cardonne—L'Empereur Alexandre II, Paris, 1883. Недавно опубликованный журналъ Госуд. Совѣта 19-го февраля 1855 г. показываетъ, что первая версія точнѣе (см. *Правит. Вѣстникъ* 16 апр. 1893 г.).

божденіе гражданской личности народа. Вслѣдъ за этой реформой и въ непосредственной связи съ ней были произведены другія реформы 60-хъ годовъ, имѣвшія цѣлью—ослабить бюрократическое всевластье и произволъ, обезпечить права личности, дать просторъ общественной самодѣятельности, расширить свободу слова и научнаго изслѣдованія, безъ которой немыслимо общественное благосостояніе,—словомъ, обновить во всѣхъ частяхъ старую, пропитанную духомъ крѣпостного права и недовѣрія къ обществу, правительственную систему опеки или „команду“, несостоятельность которой такъ наглядно и грозно сказалась въ потрясающемъ, но безплодномъ мартирологѣ пылающаго Севастополя, и которая обусловливала указанный „непорядокъ въ командѣ“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ.

(Эпизодъ изъ жизни общественнаго движенія 60-хъ годовъ).

Настоящее правительство не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы, оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно; оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціею, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ; и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, вслѣдствіе ихъ нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легко, особенной силы тутъ не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ. Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе пріемы—потруднѣе и посложнѣе—требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни.

С. М. Соловьевъ.

I.

Минуло уже болѣе тридцати лѣтъ со дня объявленія великаго законодательнаго акта 19 февраля 1861 года. Не взирая на этотъ довольно значительный періодъ времени, нѣкоторыя стороны крестьянской реформы остаются еще въ тѣни. Нельзя сказать, чтобы это явленіе всецѣло объяснялось неблагопріятными цензурными условіями. На ряду съ ними слѣдуетъ поставить недостаточную извѣстность матеріаловъ крестьянской реформы. Несмотря на то, что, начиная съ конца 50-хъ годовъ, печаталась и печатается масса данныхъ, касающихся ея хода, несмотря на

появленіе въ 1862—1868 гг. монументальнаго труда г. Скребицкаго, многія свѣдѣнія остаются пока подъ спудомъ [1]). Таковы, напр., Положенія губернскихъ комитетовъ, подлинные акты коихъ вовсе или почти вовсе неизвѣстны въ публикѣ, что создаетъ невѣрное представленіе о факторахъ, такъ или иначе вліявшихъ на движеніе и исходъ великаго преобразованія. Положеніе Тверского Губернскаго Комитета въ ряду этихъ трудовъ занимаетъ первое мѣсто.

Положенія комитетовъ заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что они колеблютъ общепринятый и довольно прочно установившійся взглядъ на дѣятельность губернскихъ комитетовъ. „Въ обществѣ существуетъ легенда,—замѣчаетъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о крестьянской реформѣ проф. Иванюковъ,—будто положенія дворянскихъ комитетовъ представляютъ цѣликомъ безобразный и ни къ чему негодный хламъ крѣпостническихъ тенденцій, въ которомъ только кое-гдѣ, въ головѣ случайно замѣшавшихся единицъ, мелькали здравая мысль и добросовѣстное отношеніе; будто Положеніе 19 февраля *сочинилъ* (курсивъ подлинника) *кружокъ* умныхъ и честныхъ либераловъ, *а общество* не при чемъ и скорѣе мѣшало“ [2]). Чѣмъ болѣе уясняется прагматическая исторія освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе теряетъ почву помянутая легенда, и становится яснымъ, что если эта трудная реформа, вызывавшая столько опасеній и противодѣйствій въ высшихъ сферахъ, была доведена до благополучнаго конца, то только благодаря тому обстоятельству, что правительство шло рука объ руку съ меньшею, лучшею частью дворянства, а главное, было солидарно съ либерально-настроеннымъ общественнымъ мнѣніемъ и его выразительницею, прогрессивною печатью, горячо защищавшею интересы народа.

Утверждать въ настоящее время, что дворянство *en masse* оказалось на высотѣ выпавшей на его долю трудной и щекотливой задачи, значило бы грѣшить противъ истины, засвидѣтельствованной самыми безспорными документами. Министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской въ своей запискѣ отъ августа 1859 г. удостовѣряетъ, что большинство дворянства *не оправдало* ожиданій правительства и прямо или косвенно стремилось къ сохраненію крѣпостной зависимости въ болѣе или менѣе искусно замаскированной формѣ [3]). Въ той же запискѣ своей государю Ланской писалъ: „Въ

---

[1]) Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II — сост. А. Скребицкій, томъ I—IV. Боннъ, 1862—1868 гг. Н. П. Семенова: Освобожденіе крестьянъ. Спб., 1889 г., т. I, стр. 38.

[2]) И. И. Иванюковъ: „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“. Спб. 1882 г., стр. 166.

[3]) Н. П. Семеновъ: „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи“. Спб. 1889 года, т. I, стр. 828—830. До конца *большинство* дворянства стояло за обезземеленіе крестьянъ (см. н. с. проф. Иванюкова, стр. 234 и слѣд. и стр. 828 н. с. Семенова, т. I, выше-

большинствѣ проектовъ, представленныхъ комитетами, не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ; въ нихъ выражалось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы". Въ опубликованныхъ собственноручныхъ отмѣткахъ покойнаго Александра II на адресѣ одного изъ корифеевъ крѣпостнической партіи, камергера М. А. Безобразова, имѣется любопытная отмѣтка, заключающая характеристику настроенія дворянства вообще. Противъ словъ адреса, подчеркнутыхъ Государемъ: „дворянство горячо сочувствуетъ Государю; оно доказало готовность свою исполнить его волю" — стоитъ собственноручная ироническая отмѣтка государя: „Хорошо доказало!" [1]).

О характерѣ мотивовъ и степени искренности дворянскихъ адресовъ объ освобожденіи крестьянъ мы находимъ весьма цѣнныя указанія въ запискѣ А. И. Левшина, товарища министра внутрен. дѣлъ, державшаго въ началѣ реформы въ своихъ рукахъ всѣ нити крестьянскаго дѣла. Отзывъ Левшина заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что исходитъ отъ лица, завѣдомо благорасположеннаго къ дворянству. Указавъ на то, что адресы литовскаго дворянства желали освобожденія крестьянъ безъ земли, а петербургскій (ямбургскій) даже говорилъ не объ освобожденіи, а объ улучшеніи быта, Левшинъ переходитъ къ нижегородскому дворянству. Оно, будучи увлечено нижегородскимъ губернаторомъ, декабристомъ Муравьевымъ, бывшимъ въ ссылкѣ за участіе въ возстаніи 14-го декабря 1825 г., отозвалось на призывъ правительства съ энтузіазмомъ, который однако вскорѣ охладѣлъ. Несмотря на увлеченіе, съ которымъ нижегородское дворянство въ этомъ случаѣ отозвалось на общій вызовъ правительства, послѣдствія показали, пишетъ Левшинъ, что оно

упомянутую записку мин. внутр. дѣлъ), признанное „безумiемъ" еще Николаемъ I.—Въ „Воспоминаніяхъ" г-жи Смирновой находимъ такой отзывъ Николая I объ Екатеринѣ II. Екатерина II сдѣлала *крупную ошибку, закрѣпивъ крестьянъ въ Украйнѣ*. Государь кончилъ словами: „Философы не научатъ царствовать. Моя бабка была умнѣе этихъ краснобаевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слушалась *своего сердца* и здраваго смысла, но въ тѣ времена всѣ ловились на ихъ фразы. Они совѣтовали ей освободить крестьянъ безъ надѣловъ; *это безумiе* (см. *Съв. Вѣстн.* 1893, № 4). Сколько извѣстно, философы никогда не совѣтовали закрѣпощенія крестьянъ въ Малороссіи, которое было введено „либеральною крѣпостницею" Екатериною II, несмотря на то, что она раньше говорила: „свобода душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво".

[1]) См. томъ II назв. сб. Семенова, стр. 951.—Противъ того мѣста письма Паскевича, гдѣ говорилось, что предположенія Редакціон. Коммиссіи могутъ быть введены въ дѣйствіе только силою, имѣется отмѣтка Государя: „да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать" (см. Дневникъ Валуева въ *Русской Старинѣ* 1891 г., № 10, стр. 146).

дѣйствовало *безсознательно*, что порывъ его былъ болѣе театральный, нежели на разсужденіи основанный: получивъ рескриптъ, они прислали въ Петербургъ благодарить Государя двухъ депутатовъ, которые, между тѣмъ, объявили, что они находятъ рескриптъ неудобоисполнимымъ, что они полагали отпустить крестьянъ *безъ земли* и проч. Несмотря на то, примѣръ нижегородскаго дворянства такъ былъ значителенъ, что Государь послѣ него сталъ уже съ нетерпѣніемъ ожидать вызова московскаго дворянства, и такъ какъ его долго не было, то подъ рукою было замѣчено генералъ-губернатору графу Закревскому неприличіе этой медленности для старой столицы. *Волею и неволею* москвичи отозвались въ первой половинѣ января 1858 г., а потому Закревскому посланъ такой же рескриптъ 16-го января. О послѣдующихъ затѣмъ вызовахъ дворянства и отвѣтныхъ рескриптахъ Левшинъ говоритъ такъ: это были уже дѣйствія нормальныя, болѣе или менѣе запоздалыя, и имѣли своимъ источникомъ не энтузіазмъ, а *невозможность* какой-либо губерніи отстать отъ другихъ и напоминанія, дѣланныя отъ министерства губернаторамъ. Чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго вызова освободить крестьянъ *не было ни въ одной губерніи*; но всѣми вышеописанными маневрами правительство пріобрѣло возможность сказать торжественно крестьянамъ помѣщичьимъ, что владѣльцы ихъ сами пожелали дать имъ свободу [1]).

---

[1]) См. записку Левшина въ *Русскомъ. Арх.* 1885, № 8, стр. 537. Ср. примѣч. 25.—О настроеніи дворянства см. главу III книги моей: „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. Когда оглашенъ былъ рескриптъ 20-го ноября 1857 г., возвѣщавшій о намѣреніи правительства приступить къ отмѣнѣ крѣпостного права, большинство помѣщиковъ были ошеломлены какъ громомъ изъ яснаго неба. Родившись и выросши среди обстановки крѣпостного права, Коробочки, да и не однѣ Коробочки того времени, склонны были видѣть въ концѣ неволи народа конецъ міра. Онѣ не могли себѣ представить, какъ можно было жить порядочному человѣку, если пьедесталомъ ему не будутъ служить рабы. Г-жи Падейковы уже на Григорія Декаполита (т.-е. 20-го ноября), по словамъ Салтыкова, видѣли плохіе сны.—Огромное большинство дворянъ по неразвитости не понимало требованій вѣка и, отождествляя свои жестокія привилегіи съ пользой государства, было убѣждено въ невозможности тронуть вѣковой устой русской жизни. Аѳанасьевъ-Чужбинскій разсказываетъ такую сцену, записанную имъ въ одной изъ центральныхъ губерній и характеризующую настроеніе дворянъ въ концѣ 50-хъ годовъ. Споръ, напоминающій благонамѣренныя страницы дневника кн. Мещерскаго въ *Гражданинѣ*, происходитъ между молодымъ либераломъ-западникомъ, побывавшимъ въ Европѣ и кое-что нахватавшимъ, и консерваторомъ — старымъ ротмистромъ. Западникъ ссылается на равенство людей, на человѣческое достоинство, на исторію. Ротмистръ указываетъ на Ветхій завѣтъ, на установленный порядокъ вещей и, стуча кулакомъ по столу, восклицаетъ:

— А я вамъ скажу, что у насъ нужны двѣ вещи: палка и ежевыя рукавицы.

Да отчего?—спрашиваетъ собесѣдникъ.

Такое поведеніе первенствующаго „образованнаго“ сословія было печально, некрасиво, но объяснимо. Смыслъ и источникъ его очень просто и вразумительно объяснилъ Я. И. Ростовцевъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ (или, какъ называли, завѣщаніи) къ императору Александру II отъ 23 октября 1859 г. „Большинство дворянскихъ комитетовъ,—писалъ онъ,—смотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ и гражданскаго права, меньшинство же — съ точки зрѣнія *общественной пользы*, государственной *необходимости* и государственнаго права; огромное число враговъ реформы, не понимая этой необходимости, придумало противъ Редакціонной Коммиссіи обвиненіе въ желаніи обобрать дворянъ и про-

---

— Оттого, что дворянинъ и помѣщикъ обязанъ держать въ повиновеніи.

Многіе аплодируютъ.

— А историческій ходъ событій?—замѣчаетъ западникъ.

— Скажите лучше истерическій,—возражаетъ ротмистръ.

— Ха, ха, ха!—раздалось вокругъ.

— Вы, значитъ, не изучили человѣка?—робко вставляетъ либералъ.

— Кто? Я? Ну, ужъ извините, я такъ изучилъ человѣка, что вамъ и во снѣ не снилось. Эй! Сенька!

— Опрометью сквозь толпу протѣснился Сенька, держа въ одной рукѣ трубку, въ другой—бумажку для зажиганія.

— Сенька! Кто былъ умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ?

— Ной.

— Почему?

— Онъ первый придумалъ давить гроздья винограда для потѣхи сердца человѣческаго

— Ха, ха, ха!—послышалось отовсюду,—вотъ бестія!

— Сенька!

— Чего изволите!

— Что сильнѣе всего на свѣтѣ!

— Палка!

— А кто вреднѣе всего на свѣтѣ?

— *Книжники и писаки* (*Морской сборникъ*, 1861, № 1).

„Въ нашемъ обществѣ, — писалъ одинъ помѣщикъ, — толки о свободѣ крестьянъ стали мало-по-малу прекращаться; зато *учителя и приказные* съ жаромъ защищаютъ эмансипацію. Это потому, что имъ терять нечего, а напротивъ, они же станутъ въ мутной водѣ ловить рыбу. Сей достопочтеннѣйшей публикѣ охотно вѣрятъ мелочные лавочники, цирюльники, мастеровые, дворовые люди, собираясь на чайныя и пуншевыя бесѣды въ трактирахъ и бѣлыхъ харчевняхъ, разсуждая тамъ о благѣ нашей матушки Россіи. Ихъ подслушиваютъ извозчики, городскіе и загородные ямщики, ѣздящіе по большимъ дорогамъ, и сѣютъ эти плевелы всюду. Недавно разнеслась молва, что для подавленія подобныхъ толковъ готовится высочайшій манифестъ. Дай-то Богъ, чтобы это сбылось, тогда бы мы вышли изъ затрудненія и двусмысленнаго положенія“ (*Русск. Стар.* 1867 г. ноябрь).

извести анархію“ [1])... До такой степени у большинства депутатовъ преобладало это частно-правовое воззрѣніе на дѣло, что когда заходила рѣчь объ отчужденіи дворянской собственности для надѣленія крестьянъ землею, то многіе изъ нихъ открыто, *горячо* и, повидимому, bona fide, заявляли и въ губернскихъ комитетахъ, и въ Редакціонной Коммиссіи, что за себя они готовы приносить жертвы, но не считаютъ себя въ правѣ и уполномоченными „жертвовать интересами дворянъ, которыхъ они удостоены чести быть представителями“ [2]).

Такимъ образомъ большинство дворянскихъ депутатовъ смотрѣло на себя не какъ на носителей государственно-общественной миссіи, призванныхъ вершить общественное дѣло съ точки зрѣнія общей государственной пользы и справедливости, а какъ на излюбленныхъ адвокатовъ своего сословія, избранныхъ имъ ad hoc для твердаго отстаиванья его узкихъ матеріальныхъ частносословныхъ интересовъ и привилегій.

Въ этой близорукости, въ этомъ неумѣньи подняться выше своихъ узкосословныхъ интересовъ, въ этой неспособности различать области частныхъ и государственныхъ интересовъ заключалась едва ли не основная ошибка дворянскаго большинства, приведшая его къ обвиненію своихъ противниковъ въ революціонныхъ и анархическихъ стремленіяхъ [3]).

---

[1]) Н. сб. Семенова, т. II, стр. 928—929.

[2]) См. особое мнѣніе Милюкова въ прил. къ пол. тверск. ком., стр. 5, а также въ т. II н. с. Семенова, стр. 32. Мнѣніе яросл. деп. Васильева.

[3]) См. н. с. Семенова, стр. 951. 929. Какъ ни печально это историческое явленіе, но игнорировать или замаскировать его невозможно и не зачѣмъ. Гораздо полезнѣе доискаться его причинъ. Причинъ этого прискорбнаго явленія было нѣсколько и одна изъ главныхъ—политическая и умственная неразвитость помѣщичьей среды, что въ свою очередь обусловливалось неблагопріятными условіями въ которыя поставлена была въ то время умственная жизнь Россіи. Въ этомъ согласны люди самыхъ противоположныхъ міровоззрѣній. Умѣреннѣйшій изъ умѣренныхъ бюрократовъ—помянутый Левшинъ, отмѣчая ту громадную просвѣтительную услугу, которою въ концѣ 50-хъ годовъ, съ облегченіемъ цензуры, оказала русская журналистика 50—60-хъ годовъ дѣлу освобожденія распространеніемъ въ дворянскихъ и помѣщичьихъ кругахъ здоровыхъ соціальныхъ и экономическихъ воззрѣній о личности и отношеніяхъ ея къ обществу, — справедливо указываетъ, въ извиненіе дворянства, что, благодаря цензурнымъ условіямъ николаевскаго времени, оно лишено было возможности ознакомиться съ исторіей крѣпостного состоянія и его зловредными послѣдствіями. „Гдѣ и какъ могло дворянство вдругъ просвѣтиться и изучить всѣ стороны этого важнаго вопроса,—справедливо недоумѣваетъ Левшинъ,—когда до появленія рескриптовъ (т. е. до конца 1857 года) не было дозволено *ни писать, ни даже говорить* объ освобожденіи крестьянъ во всѣхъ концахъ Россіи (Русс. Арх., н. №, стр. 573). Такой же взглядъ высказываетъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ и знатокъ исторіи крестьянскаго вопроса В. И. Семевскій. „Правительство, очевидно, не замѣчало,—говоритъ онъ,—что между упорнымъ крѣпостничествомъ и лишеннымъ гуманизирующаго вліянія печати дворянствомъ была *прямая* связь“. Крест. вопросъ II, 234.

Судить за это черезчуръ строго тогдашнее дворянство едва ли будетъ вполнѣ справедливо, въ виду невысокаго его общественнаго развитія. Конечно, если сравнивать его поведеніе съ образомъ дѣйствій высшихъ сословій во Франціи и Пруссіи въ дѣлѣ отмѣны феодальныхъ привилегій, то сравненіе, можетъ быть, окажется не въ пользу русскаго дворянства. Но если припомнить событія современной жизни и принять во вниманіе, какъ поступало то или другое сословіе, когда интересы его, какъ цѣлаго или даже отдѣльной группы членовъ, сталкивались съ другими интересами, то, быть можетъ, къ дворянству будемъ менѣе строги. Оно, конечно, nobiesse oblige, но развѣ меньше обязываетъ высшее образованіе и сознаніе достоинства передовой либеральной корпораціи? А, между тѣмъ, припомнимъ, какъ поступили недавно не то что московскіе купцы, которые подняли страшный вопль по поводу французской выставки въ Москвѣ, а московскіе присяжные повѣренные въ вопросѣ о помощникахъ, когда въ 80-хъ годахъ выступила на сцену „статистика ртовъ“ и антисемитская травля.

Но какъ ни смотрѣть на роль дворянства въ крестьянской реформѣ, для правильнаго сужденія о ней необходимо имѣть въ виду и то просвѣщенное, передовое, либеральное [1]) и истинно-патріотическое меньшинство его, которое, понявъ высокое значеніе выпавшей на его долю исторической миссіи, смѣло пошло ей навстрѣчу. Пренебрегши и личною карьерою и отношеніями и даже личною безопасностью, эти передовые бойцы за свободу народа и его интересы оказали энергичную поддержку благому почину правительства, несмотря на сыпавшіяся на нихъ инсинуаціи [2]), кле-

---

[1]) Если большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства, писалъ въ своей запискѣ мин. вн. дѣлъ Ланской, то въ мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ Комитетовъ нельзя не признать зрѣлости образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 829). „Требованія эмансипаціи,—писалъ И. С. Аксаковъ въ 1856 г.,—желѣзныхъ путей и проч. и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, *первоначально возникли* не отъ насъ, а *отъ западниковъ*, а я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились и желѣзнымъ дорогамъ, и эмансипаціи,—послѣдней потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей“ (см. Письма И. С. Аксакова, т. III, 291).

[2]) До какой неразборчивости доходили противники радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, можно судить по слѣдующему факту, оглашенному *Русскимъ Архивомъ*. На одномъ обѣдѣ въ 1859 г. А. А. Оболенскій предложилъ тостъ за всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ томъ числѣ за Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ (чл. Ред. Ком.) не постѣснялся прервать тостъ такимъ замѣчаніемъ: „Ужъ если пить, то лучше начать сначала съ перваго, кто трудился за крестьянъ... *съ Пугачева!*“ (*Р. А.* 1881 г., № 1, стр. 7). Когда дошла объ этомъ вѣсть до государя, онъ рѣшилъ Булгакова уволить отъ службы. Военный ми-

веты, прямые доносы, открытое насиліе [1]) и даже невзгоды отъ самого правительства.

Большое счастье, — говоритъ историкъ крестьянской реформы, проф. Иванюковъ,—что въ работахъ по этому вопросу было дано участіе *общественному* элементу—впервые въ теченіе всего XIX столѣтія [2]). Благодаря этому, свѣтлыя мысли, высказывавшіяся въ литературѣ, все-таки, хоть косвенно, могли найти себѣ выраженіе въ Губернскихъ Комитетахъ и потомъ въ Редакціонной Коммиссіи [3]).

Нужно отдать справедливость либеральнымъ общественнымъ дѣятелямъ эпохи крестьянской реформы, что они дѣйствовали съ замѣчательною *самостоятельностью* и *стойкостью*, а нѣкоторые даже съ рѣдкимъ мужествомъ и полнымъ самоотверженіемъ. Отмѣчу одну подробность, свидѣтельствующую о томъ, какъ лучшая, меньшая часть дворянства, увлекала не только значительную часть дворянства, но вліяла иногда и на правительство [4]). Въ октябрѣ 1858 г., когда въ оффиціальныхъ сферахъ никто еще не смѣлъ и заикаться о *выкупѣ полевой земли*, и когда запрещено было дворянскимъ собраніямъ касаться этого вопроса, пріѣхали въ Петербургъ тверскіе депутаты: А. М. Унковскій, А. Н. Перхуровъ, Н. Бакунинъ и П. Кишенскій. Они представлялись министру внутрен. дѣлъ С. С. Ланскому и категорически заявляли ему, что они согласны составить про-

---

нистръ Сухозанетъ на колѣняхъ упросилъ простить своего протеже (см. Матеріалы для исторіи упраздн. крѣпост. права. Берлинъ, 1860, т. II). Булгаковъ отказался отъ своихъ словъ.

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій и А. И. Кошелевъ, какъ извѣстно, должны были принимать рядъ мѣръ предосторожности и самообороны противъ угрозъ и насилій крѣпостниковъ (см. н. Матеріалы, I, 301, 307). Въ Дневникѣ Валуева находимъ подъ 30-мъ декабря 1859 г. слѣдующую замѣтку: „анти-ростовцевы предприняли формальную ажитацію по имперіи, разослали своихъ агентовъ по губерніямъ, получаютъ des adresses d'adhésion и т. п. Вотъ до чего доведено дѣло и низведено!.. Одинъ генералъ-адъютантъ и три флигель-адъютанта открыто дѣйствуютъ на свою руку и находятъ приверженцевъ“ (*Русс. Ст.* 1891 г. № 10, стр. 147).

[2]) Указывая на это, первое въ текущемъ столѣтіи, обращеніе верховной власти къ содѣйствію общества въ дѣлѣ государственнаго устройства, г. Семеновъ сопоставляетъ это явленіе съ народнымъ представительствомъ, съ земскими собраніями, существтвавшими въ древней Руси.—Отсутствіе крестьянъ г. Семеновъ объясняетъ ихъ неразвитостью, истекавшею изъ крѣпостного права. Нужно отдать, говоритъ онъ, полную справедливость (??) русскому дворянству, что интересы крестьянъ были до конца имъ ограждены, лучше (?), нежели даже самими крестьянами. См. н. с. Семенова, т. I, 24—25.

[3]) Сравнивая положенія губернскихъ комитетовъ съ постановленіями Редакціонной Коммиссіи, г. Иванюковъ отмѣчаетъ, что послѣднія *всѣ* заимствованы изъ того или другого мѣстнаго положенія.

[4]) См. Записку Ланскаго въ н. с. Семенова, II, 827.

ектъ реформы не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя *они сами* считаютъ полезными; „а если такого проекта не нужно,—продолжали депутаты,—пусть назначатъ на мѣсто наше чиновниковъ, которые напишутъ все, что имъ велятъ“ [1]).

Какой получается контрастъ, если сопоставить эту независимую рѣчь тверскихъ депутатовъ съ діалогомъ, имѣвшимъ мѣсто въ той же столицѣ всего за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ.

— Вы чего сюда притащились,—распекалъ въ 1812 г. министръ полиціи Балашовъ дворянскую депутацію, которая въ годину народнаго бѣдствія пріѣхала въ Петербургъ „положить къ стопамъ государя свои животы и все прочее“ по случаю нашествія Наполеона?—Кто это вамъ позволилъ, господа?.. [2]).

Съ такою же независимостью, несмотря на всѣ цензурные тиски, развивался и голосъ общественнаго мнѣнія. Журналистика, не смѣвшая при Дуббельтѣ говорить, напр., о загрязненіи Фонтанки и даже одобрительно отзываться о правительственныхъ дѣйствіяхъ, критиковала ихъ съ свободою, которая не только не превзойдена, но и не была достигнута впослѣдствіи, съ отмѣною предварительной цензуры.

Роль либеральной литературы [3]), разъяснявшей и развивавшей планъ *полнаго* освобожденія крестьянъ, была громадна. Особенно *Современникъ* и *Русскій Вѣстникъ* горячо ратовали противъ крѣпостническихъ тенденцій въ правительствѣ и въ литературѣ. „Литература, можно сказать,—писалъ въ 1859 г. М. Н. Катковъ,—оказала *несомнѣнныя* услуги правительству и обществу по крестьянскому вопросу. Благодаря ея *искреннему*

---

[1]) См. книгу мою: А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ и пр. гл. V.

[2]) См. „Русскія народныя картины“ Д. Ровинскаго, т. V, стр. 318.

[3]) Роли литературы въ н. с. Иванюкова посвящена особая обширная глава (см. стр. 86—143). Редакціонная Коммиссія собрала 1000 сочиненій по крестьянскому вопросу, въ томъ числѣ до 400 на русскомъ языкѣ. Сдѣлано было сношеніе съ редакціями русскихъ журналовъ о высылкѣ въ библіотеку ей 100 оттисковъ *всѣхъ* (стало быть и не пропущенныхъ цензурою) статей, поступившихъ въ редакціи (см. н. с. Семенова, II, 84, 114).

Въ очеркахъ своихъ „Великъ Богъ земли Русской“ Якушкинъ, описывая перемѣну помѣщичьихъ взглядовъ, подъ вліяніемъ литературы, передаетъ такіе разговоры:

— Никто не споритъ, что владѣть человѣкомъ, какъ какою-нибудь вещью, безнравственно,—говорили тѣ же самые люди, которые мѣсяцъ тому назадъ защищали свои права на личность.—За людей мы не стоимъ,—крестьянъ должно освободить; но скажите, за что же у меня землю отнимутъ и отдадутъ другому?

„Необходимо крестьянамъ дать землю,—заговорили они потомъ:—это необходимо для *насъ самихъ;* мужику нечего будетъ ѣсть: поневолѣ пойдетъ онъ на большую дорогу, сядетъ подъ мостъ, проѣзду никому не будетъ; дневной разбой пойдетъ“. (*Стр. 6*).

и *дружному* содѣйствію, свѣтъ быстро и благотворно распространялся въ самыхъ отсталыхъ, упорныхъ и неприготовленныхъ умахъ. А между тѣмъ,—продолжаетъ онъ,—съ какими усиліями, съ какими трудностями должны были мы бороться, сколько перенести тревогъ и опасеній для того, чтобы разъяснить мало-по-малу элементы этого вопроса“ [1]).

Чтобы не было тутъ усмотрѣно пристрастія профессіональнаго литератора, приведемъ отзывъ лица, не принадлежащаго къ литературному кругу и отдающаго полную справедливость мужественной и просвѣтительной роли русской журналистики въ крестьянскомъ дѣлѣ. Вотъ что говоритъ тогдашній товар. мин. внутр. дѣлъ А. Левшинъ. „Несмотря на запрещенія, журналы постоянно наполнялись статьями по крестьянскому вопросу, и нѣтъ никакого сомнѣнія,—пишетъ онъ,—въ это время литература оказала *великую услугу Россіи* разносторонними воззрѣніями и объясненіями предмета, который не далѣе, какъ за годъ передъ тѣмъ, составлялъ полную тайну, совершенную terra incognita“ [2]).

---

[1]) См. „М. Н. Катковъ“, соч. Н. А. Любимова, стр. 113. И этотъ же публицистъ долженъ былъ впослѣдствіи договориться до того, чтобы кричать „караулъ“ по поводу самой скромной попытки печати—

. . . смѣть
Свое сужденіе имѣть.

[2]) См. н. з. Левшина, стр. 541. Левшинъ сообщаетъ, что первую мысль „о содѣйствіи публики и литературы“ подалъ онъ самъ Александру II на придворномъ балу (стр. 538).

Насколько было неожиданно освобожденіе крестьянъ даже для образованныхъ славянофиловъ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма Хомякова отъ 1858 года. „Мы брошены единымъ словомъ царя въ самую глубь и кипѣніе жизни общественной, гражданской, политической и всякой жизни, кромѣ жизни покойной. Впрочемъ, зная меня, вы легко угадаете, что это никакъ не ропотъ съ моей стороны. Даде-сями царь по сердцу моему, великій ловецъ предъ Господомъ, какъ Нимвродъ, и великій освободитель людей, какъ Маккавей. Вы знаете, что я все это умѣю цѣнить. Батюшка вашъ очень сочувствуетъ этому послѣднему качеству, но, увы! грѣхъ сказать, что бы такое сочувствіе было общимъ. Н. П. Шишковъ нисколько не приходитъ въ восторгъ, и это настроеніе довольно общее. Какъ это понять? Стоитъ ли дворянство за рабство? Нисколько или, по крайней мѣрѣ, слабо; а просто оно растерялось, не знаетъ, какъ за дѣло взяться: нужно подумать, а мы отъ всякой думы серьезной такъ отвыкли, что съ перваго приступа голова болитъ, и мы вымѣщаемъ свою досаду фрондерствомъ. Народъ очень хорошъ: никогда не былъ такъ послушенъ и тихъ, но вовсе не отъ равнодушія, ибо онъ сильно заинтересованъ и безпрестанно объ этомъ говоритъ, но по какому-то чувству, которое я иначе не могу опредѣлить, какъ словомъ историческаго чувства. Таковъ долженъ быть характеръ народовъ великихъ, и, несмотря на это и на важность минуты, дворяне не очнутся! Кто винтуетъ (?), кто засѣкаетъ по прежнему; просто гадко! Дворъ старается парализовать добрыя намѣренія государя; мнимые аристократы хотятъ выбарышничать невозможные барыши, надувая народъ и царя: а

Въ ряду защитниковъ интересовъ крестьянъ, въ ряду проводниковъ свѣтлыхъ мыслей, развиваемыхъ въ литературѣ, на первомъ планѣ выступало дворянство Тверской губерніи, имѣвшее въ то время во главѣ одного изъ самыхъ стойкихъ и самоотверженныхъ борцовъ за *святое дѣло* какъ въ литературѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ — Алексѣя Михайловича Унковскаго, впослѣдствіи (см. ниже § А. М. Унковскій)

А. Унковскій

за всѣмъ тѣмъ, я увѣренъ, что переломъ будетъ не къ болѣзни, а къздоровью". (*Русс. Арх.* 1887, № 2).

Типичнымъ представителемъ такихъ аристократовъ можетъ служить В. А. Мухановъ. Въ запискѣ своей онъ единственной „безобидною" формою надѣленія крестьянъ считалъ проектъ графовъ Шувалова и Паскевича (*Русск. Арх.* 1896 № 11), т. е. освобожденіе крестьянъ безъ надѣла.

петербургскій присяжный повѣренный, († 20 декабря 1893 г.). Если въ другихъ губерніяхъ дворяне, стремившіеся не къ фиктивному, а къ дѣйствительному освобожденію народа, составляли меньшинство, а то и просто считались единицами, въ тверскомъ дворянствѣ большинство, хотя и не сильное, стало на сторону просвѣщенной, безкорыстной, либерально-гуманной программы, предложенной его предводителемъ, и оказало сильное вліяніе на измѣненіе первоначальнаго, довольно узкаго и неопредѣленнаго правительственнаго плана „объ улучшеніи быта крестьянъ“. Въ первыхъ рескриптахъ и разъяснительномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ „сохранилось право собственности на *всю жизнь*“, крестьянамъ же предоставлялось пріобрѣсти въ собственность только „усадебную осѣдлость“, т.-е., какъ разъяснялъ министръ, „избу или хату, въ которой живетъ крестьянинъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и землею подъ оными“. Остальная земля, составляя собственность помѣщика, отдавалась лишь въ пользованіе крестьянамъ, которые должны были или отбывать натуральныя повинности, или платить оброкъ деньгами, либо произведеніями. Уничтоженіе крѣпостного права должно было совершиться не вдругъ, а постепенно, при чемъ переходное состояніе могло длиться до 12 лѣтъ. За помѣщиками сохранялась вотчинная полиція [1]).

Неопредѣленность выраженій означенныхъ оффиціальныхъ документовъ которые въ лучшемъ случаѣ могли быть истолкованы въ смыслѣ установленія феодальной собственности, а въ худшемъ — въ смыслѣ возможности полнаго обезземеленія крестьянъ, ввела въ искушеніе большинство дворянства, исказить по своекорыстнымъ побужденіямъ основной смыслъ намѣренія правительства. Руководствуясь открытымъ еще въ древности „благовиднымъ“ рецептомъ обхода закона, состоящимъ въ явномъ нарушеніи смысла закона при кажущемся буквальномъ его исполненіи (verbis legis amplexus contra ejus nisi voluntatem), нѣкоторые дворянскіе комитеты (какъ-то: курскій, новгородскій, тамбовскій, херсонскій, виленскій и др.) истолковали программу правительства въ томъ смыслѣ, что предлагали въ своихъ проектахъ *вовсе* лишить крестьянъ, по истеченіи переходнаго времени, земли.

Не такъ посмотрѣлъ на дѣло Тверской Дворянскій Губернскій Комитетъ. Составленное имъ „Положеніе“ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что оно съ самого начала взглянуло на возложенную на него правительствомъ задачу, какъ на общественное служеніе, а не частное, узко-сословное дѣло. Служа органомъ циркулировавшихъ въ обществѣ и литературѣ „свѣтлыхъ мыслей“ о дѣйствительномъ, а не фиктивномъ освобожденіи крестьянъ,

---

[1]) См. пункты I, III отношенія Ланскаго къ ген.-губ. Назимову отъ 22 ноября 1857 года.

Тверской Комитетъ добросовѣстно и съ мужественною откровенностью высказалъ свой взглядъ на предстоящую реформу, въ которомъ, по справедливому замѣчанію министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, „хотя не было вѣрности буквѣ высочайшаго рескрипта, но было согласіе съ духомъ и цѣлью его: *обезпечить и улучшить* бытъ крестьянъ".

Въ Положеніи своемъ, которое занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ ряду однородныхъ работъ, Тверской Комитетъ твердо и убѣдительно настаивалъ на необходимости полнаго освобожденія крестьянъ съ землею и на представленіи, при посредствѣ выкупной операціи, въ ихъ собственность не только усадебной осѣдлости, но и *надѣльной полевой земли*. Кромѣ того, онъ считалъ крайне опаснымъ сохраненіе вотчинной полиціи и предлагалъ стройную систему мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ всесословнаго самоуправленія и согласованныхъ съ духомъ освободительной реформы. Подъ Положеніемъ подписались, кромѣ предсѣдателя, губернскаго предводителя А. М. Унковскаго, тверской уѣздный предводитель тит. сов. Арсеній Балкашинъ и члены: депутатъ отъ Кашинскаго уѣзда кап.-лейт. Павелъ Максимовичъ, депутатъ Калязинскаго уѣзда шт.-кап. Михаилъ Нероновъ, кандидатъ Весьегонскаго уѣзда шт.-кап. Петръ Измайловъ, депутатъ Вышневолоцкаго уѣзда кап.-лейт. Николай Харламовъ, депутатъ Ржевскаго уѣзда кол. секр. Никита Семеновъ, депутаты Старицкаго уѣзда: шт.-ротм. Алексѣй Вульфъ и лейт. Петръ Панафидинъ, депутаты Новоторжскаго уѣзда: гв.-пор. Павелъ Кишенскій и пор. Константинъ Мячковъ, депутаты Корчевскаго уѣзда: гвардіи полковникъ Александръ Перхуровъ и Алексѣй Головачевъ (впослѣдствіи извѣстный мѣстный публицистъ), депутаты отъ правительства: кап. арт. Николай Бакунинъ и отст. майоръ Александръ Вельяшевъ. 13 депутатовъ остались при особыхъ мнѣніяхъ [1]).

---

[1]) „Эти 13 членовъ, не подписавшихъ проекта большинства, — писалъ мнѣ 31 мая 1891 г. А. М. Унковскій, — не были всѣ противниками освобожденія или надѣленія крестьянъ землею. Такихъ, какъ Веревкинъ, Милюковъ и Кудрявцевъ (см. ниже), было очень мало. Большая часть ихъ боялась только слишкомъ быстраго переворота въ хозяйствѣ и не вѣрила возможности одновременнаго выкупа по громадности финансовой операціи, т. е. были нашими противниками по недальновидности, словомъ, такими же противниками, какъ и члены Редакціонныхъ Коммиссій. Съ ними большинству Комитета приходилось такъ же спорить, какъ впослѣдствіи я спорилъ съ Н. А. Милютинымъ, кн. Черкасскимъ, Самаринымъ, Ростовцевымъ, Я. И. Соловьевымъ и др. Они не могли понять, что одновременный выкупъ всѣхъ надѣловъ *возможнѣе и выгоднѣе постепеннаго*, между тѣмъ, какъ это для подписавшихъ проектъ большинства было ясно, какъ день, ибо, при обязательномъ выкупѣ для однихъ крестьянъ, операція должна была совершаться преимущественно въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне несостоятельны къ платежу оброковъ или погашенію ссудъ, вслѣдствіе чего сумма недоимокъ должна быть пропорціонально больше къ обороту, нежели при одновременномъ выкупѣ

Весело и торжественно [1]) закончило тверское дворянство свое общественное служеніе. 5 февраля 1859 г. былъ закрытъ Губернскій Тверской Комитетъ. На другой день члены его давали обѣдъ въ честь тверского губернатора графа В. Т. Баранова, относившагося довольно сочувственно къ освобожденію крестьянъ. Предводитель дворянства А. М. Унковскій провозгласилъ тостъ за Александра II въ слѣдующихъ задушевныхъ выраженіяхъ: „за здравіе и благоденствіе пресвѣтлаго солнца, которое грѣетъ и свѣтитъ Росссіи". А. М. Унковскому, много и честно потрудившемуся на пользу народа, былъ поднесенъ членами Комитета эмблематическій подарокъ: изящный серебряный кубокъ работы Сазикова: на крышкѣ кубка стоитъ крестьянинъ безъ шапки и съ низкимъ поклономъ держитъ на подносѣ хлѣбъ-соль, въ знакъ благодарности за волю и землю. — Затѣмъ былъ оффиціальный обѣдъ у губернскаго предводителя, на которомъ присутствовали корифеи тогдашней либеральной журналистики, профессоры: М. Н. Катковъ, П. М. Леонтьевъ, И. К. Бабстъ, публицистъ Громека и др.[2]).

всѣхъ надѣловъ. Вотъ о чемъ мы спорили и въ Твери съ меньшинствомъ, и въ Петербургѣ съ членами Комиссій. Между тѣмъ, изъ 13-ти неподписавшихъ проектъ я могу назвать трехъ членовъ, расположенныхъ не менѣе насъ къ реформѣ: депутата Бѣжецкаго уѣзда — Модеста Воробьева, Кашинскаго — Зміева и Зубцовскаго—Зубкова. Въ доказательство привожу слѣдующій случай. Когда пришлось разрѣшить вопросъ о способѣ опредѣленія суммы оброка, а слѣдовательно, и капитализаціи ея для выкупа, мы всѣ стали втупикъ. Крѣпостники требовали производства кадастра, при чемъ дѣло затянулось бы на многіе годы. У насъ же не было никакихъ основаній. Тогда насъ вывелъ изъ этого важнаго затрудненія *Модестъ Воробьевъ*. Онъ предложилъ ту систему, которая была принята не только нами, но и правительствомъ. Редакціонныя Коммиссіи только измѣнили расчетъ, понизивъ нѣсколько оброкъ за первыя двѣ десятины, а возвысивъ за 3-ю и 4-ю, но мысль дана покойнымъ Воробьевымъ въ видахъ ускоренія дѣла".

[1]) Вообще дворянство вездѣ очень весело заключило свой первый политическій дебютъ на поприщѣ государственнаго служенія. Съ особенною, даже нѣсколько театральною, торжественностью дѣйствовало харьковское дворянство. Всѣ члены Комитета, какъ бы въ подражаніе парижскому конгрессу 1856 г., подписали Положеніе перьями, на которыхъ значилось „А П". На ручкахъ была вырѣзана дата 24-го марта 1859 (день подписанія). Ручки были взяты каждымъ членомъ съ собою для передачи ихъ на храненіе въ свою приходскую церковь. Снята была фотографическая группа всѣхъ членовъ. Составленъ альбомъ ихъ автографовъ и пр.—См. Матеріалы для ист. упраздн. крѣп. права. Берлинъ, 1860, т. I, стр. 307. Фотографическая группа была снята и съ членовъ Тверского Комитета.

[2]) См. н. Матеріалы, т. I, 308.

II.

Прежде, чѣмъ перейти къ подробному анализу замѣчательнаго Положенія, составленнаго Тверскимъ Комитетомъ, считаемъ не лишнимъ отмѣтить крупнѣйшія событія изъ послѣдующей, довольно бурной дѣятельности тверского дворянства, въ свое время обратившей на себя вниманіе всей Россіи.

Въ августѣ 1859 г. стали съѣзжаться въ Петербургъ дворянскіе *депутаты* перваго приглашенія. Въ числѣ ихъ были и тверскіе депутаты: А. М. Унковскій, какъ представитель большинства Комитета, и Е. А. Кардо-Сысоевъ,—меньшинства. Положеніе депутатовъ было крайне фальшивое. „Депутатъ"—слово слишкомъ громкое, много обязывающее и много обѣщающее. Слово это, какъ оказалось, не соотвѣтствовало существу и пространству полномочій, или, точнѣе, обязанностей, если не повинностей, которыя желало тогда правительство возложить на „представителей" всероссійскаго дворянства. Вопреки первоначальному плану, одобренному Главнымъ Комитетомъ, это не были даже сословные уполномоченные, имѣвшіе представлять интересы, желанія и взгляды дворянскихъ обществъ in corpore. Вслѣдствіе послѣдующаго измѣненія, исходатайствованнаго С. С. Ланскимъ по соглашенію съ Ростовцевымъ въ маѣ 1859 года и допустившаго представительство меньшинства наравнѣ съ большинствомъ, характеръ депутатскихъ полномочій рѣзко измѣнялся. Они превратились въ простыхъ свѣдущихъ хозяевъ-помѣщиковъ, призванныхъ не импонировать правительству, на правахъ дворянскаго представительства, а лишь помочь ему въ „качествѣ экспертовъ" по хозяйственнымъ вопросамъ и мѣстнымъ бытовымъ особенностямъ — въ разрѣшеніи труднаго, но уже предрѣшеннаго въ главныхъ чертахъ, вопроса. Все зависѣло оттого, въ какую форму выльется эта новая вспомогательная сила законодательной дѣятельности, въ какія отношенія станетъ она къ центральнымъ органамъ администраціи? Такъ или иначе „депутаты" все-таки являлись представителями части общественнаго мнѣнія, общества, носителями свободной общественной мысли и слова, способные если не ratione imperii, то imperio rationis, т.-е. разумностью своихъ совѣтовъ воздѣйствовать на правительство.

Минута была торжественная и критическая!

Какая ждала роль этихъ представителей дворянскаго землевладѣнія и отчасти дворянской интеллигенціи впервые, послѣ большой Екатерининской Коммиссіи 1767 г., призываемыхъ центральною властью для совѣщанія по государственному дѣлу? Какъ отнесутся дворяне къ вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права, которая была отвергнута сто лѣтъ назадъ ихъ пред-

ками, несмотря на просвѣщенную, хотя и мимолетную иниціативу Екатерины [1]), въ то время настроенной либерально и лишь къ концу царствованія сдѣлавшейся, по выраженію Ровинскаго, „либеральной крѣпостницею“ и установившею крѣпостное право въ Малороссіи? [2]). Отъ того или другого характера и обстановки этой, первой послѣ столѣтняго промежутка, встрѣчи лицомъ къ лицу представителей общества и центральнаго правительства многое зависѣло для судебъ Россіи и въ настоящемъ, и въ будущемъ.

Къ сожалѣнію, встрѣча произошла при обстановкѣ и настроеніи, полныхъ взаимнаго недовѣрія и раздраженія. А извѣстно, что эти условія крайне неблагопріятны для взаимнаго пониманія и сближенія какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. Вина была съ обѣихъ сторонъ, но большая, пожалуй, вина была на сторонѣ дворянства. Если бы оно, какъ сословіе, имѣло политическую дальновидность и правильное разумѣніе своихъ интересовъ,—оно должно бы было примириться съ неизбѣжными жертвами, пойти навстрѣчу громко требуемому прогрессивнымъ общественнымъ мнѣніемъ освобожденію крестьянъ, стать во главѣ этого движенія и тѣмъ укрѣпить свое политическое и соціальное положеніе въ государствѣ. Словомъ, если бы оффиціально провозглашенная въ манифестѣ фраза, что освобожденіе народа состоялось *по волѣ дворянства* [3]), была не миѳомъ, не pia fraus, не фикціею, а сущею правдою, если бы русское дворянство оказалось на высотѣ своего историческаго положенія и, сойдя съ узко сословной точки зрѣнія, усвоило государственную,—быть можетъ, оно, на подобіе англійской аристократіи, обезпечило бы себѣ надолго видную роль въ государственной жизни Россіи. Но, съ другой стороны, если бы лица, руководившія реформою, не испугались безсильной крѣпостнической оппозиціи и отрѣшились отъ бюрократическихъ предразсудковъ и вполнѣ довѣрились силѣ и гласности прогрессивнаго общественнаго мнѣнія,—опытъ обращенія къ общественнымъ силамъ, вѣроятно, вышелъ бы удачнѣе [1]).

---

[1]) Брикнеръ, Исторія Екатерины Второй. IV, 537—542.

[2]) Д. А. Ровинскій. Русскія народныя картинки. Спб. 1881, V, 321.

[3]) Такъ гласитъ Манифестъ 19-го февраля; это значилось и въ первоначальномъ проектѣ „Положенія о крестьянахъ“, но слова эти были вычеркнуты изъ 1 ст. Полож. по настоянію члена Главнаго Комитета, крѣпостника гр. А. В. Адлерберга, который заявилъ: „это ложь съ перваго слова, дальше читать не стоитъ“.

[1]) Въ обширномъ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 5-го марта 1893 г. бывшій членъ Тверского Комитета, извѣстный своею преданностью крестьянскому дѣлу, А. А. Головачевъ, коснувшись этого періода крестьянской реформы, между прочимъ, пишетъ:

„Странныя опасенія какого-то вреднаго вліянія губернскихъ депутатовъ на ходъ крестьянскаго вопроса заставили свести къ нулю все ихъ значеніе, какъ будто великій вопросъ объ освобожденіи свыше 20 милліоннаго населенія Россіи, поставленный на очередь самимъ правительствомъ, могъ быть заторможенъ, хотя

На дѣлѣ вышло не такъ. Изъ вышеупомянутой записки Ланского видно, что либеральное правительство было разочаровано въ своихъ надеждахъ: большинство дворянъ оказалось враждебнымъ освобожденію. Правительство, *испугавшись* оппозиціи крѣпостниковъ, сочло нужнымъ *защищать* „святое дѣло“ отъ попытокъ искаженія со стороны дворянскихъ депутатовъ. Весною 1859 г. исходатайствовано было высочайшее повелѣніе о вызовѣ депута-

---

бы и большинствомъ представителей дворянства. Напротивъ, истина, провозглашенная публично и ясно, хотя бы и со стороны незначительнаго меньшинства непремѣнно одержала бы верхъ. Она не боится свѣта и навѣрное нашла бы своихъ прозелитовъ въ числѣ добросовѣстныхъ противниковъ, не вѣрившихъ въ нее по недоразумѣнію, и при гласномъобсужденіи наложила бы печать молчанія на людей, способныхъ, во мракѣ канцелярской тайны, создавать препятствія хорошему дѣлу. Хищники только въ потемкахъ дѣлаются смѣлыми, а при свѣтѣ дня они прячутся въ норы. Я не могу себѣ представить, что могли возразить противники освобожденія крестьянъ при гласномъ и публичномъ обсужденіи главныхъ положеній Тверского Комитета, не шокируя общественной совѣсти и не ставя своего имени къ позорному столбу передъ судомъ исторіи? А если бъ и нашлись такіе люди, то ихъ аргументація не могла бы имѣть ни малѣйшаго значенія и разлетѣлась бы, какъ пыль, при малѣйшей попыткѣ критическаго отношенія. Я могу утверждать это по опыту. Во все время дѣятельности Тверского Комитета глухой ропотъ ходилъ въ средѣ тверского дворянства, являлись даже протесты въ Комитетѣ, существовали даже доносы. Насъ называли красными революціонерами. Но когда проектъ былъ составленъ и сдѣлался извѣстнымъ добросовѣстному большинству дворянства, тогда даже московскія кумушки стали про насъ говорить: *qu'ils ne sont que pour le bon droit*, и собравшееся въ концѣ 1859 года тверское дворянство въ числѣ 300 шаровъ оказалось почти цѣликомъ на нашей сторонѣ. Наши противники въ родѣ Милюкова и Веревкина соединили около себя не болѣе 40 голосовъ изъ этихъ 300, да и тѣ хранили глубокое молчаніе, и только выражали свои мнѣнія при тайной подачѣ голосовъ. То же случилось бы и въ средѣ губернскихъ депутатовъ въ Петербургѣ, если бъ въ ихъ средѣ при гласномъ обсужденіи предъ лицомъ правительства раздался твердый голосъ, хотя бы ничтожнаго меньшинства, о необходимости и неизбѣжности уничтоженія крѣпостного права не только въ его чистомъ видѣ предоставленіемъ 20 милліонамъ населенія гражданскихъ и имущественныхъ правъ, но и изгнанія крѣпостничества *изъ всѣхъ сферъ русской* жизни, которая проникласъ имъ насквозь. Но ничего этого не случилось. Депутатамъ не были дозволены даже оффиціальныя совѣщанія и коллективныя постановленія: имъ были даны вопросные пункты, на которые они должны были отвѣчать каждый, сидя въ своемъ углу. Впрочемъ, не возбранялось представлять и другія соображенія, если кто пожелаетъ. Результатомъ такого порядка оказалось болѣе 2.000 печатныхъ листовъ соображеній, представленныхъ депутатами только перваго призыва. Само собою разумѣется, что такая масса печатной бумаги не могла быть разсмотрѣна подробно не только членами Главнаго Комитета, но даже членами Редакціонныхъ Коммиссій, у которыхъ было не одно это дѣло. Такимъ образомъ, труды депутатовъ, призванныхъ въ качествѣ экспертовъ, сдѣлались извѣстны только канцелярскимъ чиновникамъ Редакціонныхъ Коммиссій, которые могли извлекать изъ нихъ то, что находили нужнымъ по своему усмотрѣнію; для цѣлаго же общества, не исключая и высшихъ

товъ не только отъ большинства, но и отъ меньшинства. Черезъ это, какъ уже замѣчено, сразу званіе „депутатъ“ низводилось со степени представителя дворянства цѣлой губерніи къ скромной роли эксперта-землевладѣльца. Въ августѣ того же года состоялось другое высочайшее повелѣніе — о томъ, что депутаты не должны касаться коренныхъ, уже *предрѣшенныхъ* правительствомъ вопросовъ, а лишь тѣхъ частностей, о которыхъ *признаетъ нужнымъ* спросить депутатовъ Редакціонная Коммиссія. Когда 36 депутатовъ явились въ августѣ 1859 г. въ Петербургъ, имъ была объявлена еще высочайшая инструкція, которая воспрещала имъ дѣлать общія собранія и дѣятельность ихъ ставила въ крайне узкія и стѣснительныя рамки. Мало того, званіе „депутатовъ“, какъ не отвѣчающее ихъ новому положенію, было *упразднено* и замѣнено названіемъ членовъ губернскаго комитета [1]). Было очевидно, что правительство приняло всѣ мѣры, чтобы лишить оппозиціонную дворянскую партію возможности группироваться, спѣваться и сообща итти противъ Редакціонной Коммиссіи, гдѣ, по мнѣнію крѣпостниковъ, или, какъ тогда называли, плантаторовъ, засѣдали красные, демагоги, революціонеры и пр. Ошибкою правительства

правительственныхъ сферъ, они остались *канцелярской тайной* и не могли быть по своей массѣ ничѣмъ другимъ. Хотя всѣ эти мѣры оправдывались опасеніемъ вреднаго вліянія крѣпостническихъ тенденцій со стороны депутатовъ на судьбу крестьянскаго вопроса, но не нужно было большой смѣтливости, чтобы увидѣть и другія причины. Тенденція *уединить* крестьянскую реформу отъ всѣхъ другихъ реформъ, вызываемыхъ ею, и опасенія, что при гласномъ обсужденіи вопроса изъ среды общества, помимо бюрократическаго соизволенія, могутъ выдвинуться люди съ большею самостоятельностью и силою воли, лучше понимающіе государственныя и общественныя задачи и способныя поколебать такимъ образомъ установившійся авторитетъ бюрократіи, играли въ этихъ мѣропріятіяхъ значительную роль. Доказательствомъ справедливости моего утвержденія могу указать на то обстоятельство, что ни одинъ изъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, защищавшихъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею, *не былъ* приглашенъ въ члены редакціонныхъ коммиссій, между тѣмъ какъ г. Позенъ, извѣстный крѣпостникъ, и кн. А. Черкасскій, отпускавшій на волю значительное число своихъ крестьянъ безъ земли, за уплату долга опекунскому совѣту, причитающагося на ревизскую душу, уже во время дѣйствія крестьянскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій,—удостоились этой чести. Какъ бы то ни было, тенденція бюрократіи восторжествовали вполнѣ. Крестьянская реформа, вслѣдствіе отсутствія гласнаго и публичнаго ея обсужденія въ средѣ губернскихъ депутатовъ и представителей правительства, была уединена отъ всѣхъ другихъ реформъ, необходимость которыхъ она обусловливала. Но такъ какъ приведеніе ея въ исполненіе невозможно было ввѣрить прежнимъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, то вмѣсто общаго государственнаго преобразованія были введены временныя учрежденія, исключительно для введенія крестьянской реформы; все остальное осталось по старому“.

[1]) См. н. с. Иванюкова, 176—183.

было то, что, защищаясь отъ противниковъ, оно безцеремонно задѣвало и преданныхъ друзей; вырывая плевелы съ общественной нивы, оно топтало и пшеницу, и ошибка эта, главнымъ образомъ, обусловливалась застарѣлыми бюрократическими традиціями николаевскаго времени, которыя дѣлали невозможнымъ полное, искренное единеніе правительства съ передовою либеральною частью общества, дворянства и интеллигенціи [1]). Такимъ образомъ, первый опытъ сближенія правительства съ обществомъ вышелъ неудаченъ.

Депутаты, какъ и слѣдовало ожидать, остались крайне недовольны принятыми противъ нихъ репрессивными мѣрами. Они стали собираться у петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, гр. Шувалова, волновались, шумѣли, протестовали, но ничего не выходило. Попробовали ходатайствовать у государя о разрѣшеніи дѣлать общія собранія, но былъ полученъ отказъ. Послѣ этого депутаты рѣшились выразить по группамъ въ особыхъ адресахъ свои пожеланія и взгляды на крестьянскую реформу [2]).

---

[1]) Ту же мысль о безсиліи крѣпостниковъ, при гласности, какую высказываетъ г. Головачевъ (см. выше стр. 135), высказывалъ Герценъ въ извѣстной статьѣ, которая начиналась словами: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“, и въ которой онъ 15 февраля 1858 г. съ восторгомъ привѣтствовалъ починъ Александра II въ постановкѣ крестьянскаго вопроса. „Знаете, что?—писалъ онъ,—до помѣщичьяго права добираются, до вольности дворянской? Это мужичка-то не посѣчь и не заставить поработать четвертый и пятый день, двороваго-то и не поколотить! Помилуйте!.. Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и вологодскихъ берлогъ. Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а *перомъ*, не на конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться.—Помѣряемтесь!.. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе? И пуще всего общественное мнѣніе. Лишь бы теперь нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ позволено было вполнѣ *высказаться*, помѣряться... И тутъ, какъ во всемъ, поневолѣ бьешься въ другое *великое искомое* современной Россіи — *въ гласность*. Гласность ихъ казнитъ прежде, нежели дѣло дойдетъ до правительственнаго бича или крестьянскаго движенія“. *Колоколъ*, 1858 года, № 9.

[2]) Адресы напечатаны въ видѣ приложенія къ т. II н. сб. Семенова. Тутъ же напечатана записка Н. П. Безобразова, написанная очень запальчиво но мѣтко характеризующая болѣзни бюрократической системы; она насквозь пропитана олигархическими тенденціями. У г. Семенова приведены также весьма характерныя мѣста подчеркнутыя государемъ, и сдѣланныя имъ на поляхъ отмѣтки. Противъ того мѣста записки, гдѣ говорилось, что администраціею нарушена высочайшая воля, по силѣ которой депутаты должны были поступить въ Главный Комитетъ, стоятъ помѣтки: „*вздоръ*“ и „*никогда*“. Противъ мѣста, гдѣ заявлялось, что нужно обуздать министерство внутреннихъ дѣлъ и Редакціонныя Коммиссіи стоитъ помѣтка: „*надо начать съ того, чтобы его самого обуздать*“. Противъ мѣста, гдѣ сказано, что правительство шло извилистыми, путями, написано: „*неломкъ-*

Самый замѣчательный адресъ тотъ, который подали 16 октября 1859 г. либеральные депутаты: А. М. Унковскій вмѣстѣ съ членами харьковскаго комитета Дм. Хрущовымъ и Алексѣемъ Шретеромъ и двумя членами ярославскаго комитета—Демосѳеномъ Васильевымъ и Павломъ Дубровинымъ [1]).

Хотя либеральные депутаты были почти вполнѣ солидарны съ Редакціонною Коммиссіею (кромѣ вопроса о выкупѣ, который А. М. Унковскій предлагалъ сдѣлать обязательнымъ для помѣщиковъ и совершить разомъ) въ главныхъ вопросахъ, но они считали опаснымъ усиліе бюрократическаго всевластія и вмѣстѣ съ тѣмъ признавали безусловно необходимыми общегосударственныя реформы, которыя впослѣдствіи отчасти и были осуществлены.

Исторія съ адресами кончилась грустно. Всѣмъ подписавшимъ былъ объявленъ выговоръ, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и тверской депутатъ А. М. Унковскій, отданы подъ надзоръ полиціи. Въ концѣ 1859 года разъѣхались депутаты, оставивъ въ Петербургѣ и увозя оттуда горькій осадокъ непріятныхъ воспоминаній [2]). Между тѣмъ во многихъ губерніяхъ предстояли дворянскіе выборы, на которыхъ такъ или иначе должна была зайти рѣчь и о начатой крестьянской реформѣ. Считая это нежелательнымъ, С. С. Ланской исходатайствовалъ и сообщилъ циркуляромъ высочайшее повелѣніе о воспрещеніи въ дворянскихъ собраніяхъ касаться крестьянскаго вопроса.

Въ тверскомъ губернскомъ собраніи циркуляръ этотъ вызвалъ очень горячія пренія. Бѣжецкій помѣщикъ Европеусъ поставилъ вопросъ на чисто юридическую почву. Ссылаясь на то, что дворянство, въ силу закона (зак. о сост. по IX св. зак.), имѣетъ право разсуждать о своихъ пользахъ и нуждахъ; что крестьянскій вопросъ непосредственно касается дворянства и что право, признанное писаннымъ закономъ, не можетъ быть отмѣнено (ст. 77 Основныхъ Законовъ) [3]) объявленнымъ министромъ Высочай-

---

ная наглость". Въ концѣ записки, гдѣ указано, что авторъ желаетъ узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи, отмѣчено: *онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить олигархическое правленіе*" (см. н. сб. Семенова, II, 940—952). Авторъ записки былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ столицы.

[1]) Подробности объ адресѣ, подписанномъ Унковскимъ, см. въ книгѣ моей: „А. М. Унковскій", гл. VII. М. 1894.

[2]) „Кромѣ Шидловскаго, — писалъ Александръ II Ростовцеву 25-го декабря 1859 г.,—Я еще получилъ два адреса отъ 18 и отъ 5 человѣкъ (см. выше). Послѣдній въ особенности *ни съ чѣмъ несообразенъ и дерзокъ до крайности*... Не унывайте, какъ Я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобы Онъ наставилъ и укрѣпилъ" (см. н. сб. Семенова, II, 128).

[3]) Вотъ что гласитъ ст. 77 Основ. Закон.: „Если бъ предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія, отмѣнялся законъ или

шимъ повелѣніемъ, и, усматривая въ циркулярѣ министра именно такую отмѣну, Европеусъ [1]) предложилъ по телеграфу сдѣлать представленіе министру. Предложеніе было принято огромнымъ большинствомъ: 185 голосами противъ 54 [2]).

Губернаторъ отказался дать ходъ постановленію собранія. Тогда собраніемъ рѣшено было большинствомъ 231 голоса противъ 56 подать всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ изложено было ходатайство объ отмѣнѣ циркуляра министра, какъ нарушающаго основные законы. Прошеніе было отправлено въ Петербургъ съ экстреннымъ поѣздомъ.

Дѣло было заслушано въ Главномъ Комитетѣ, причемъ С. С. Ланской особенно настаивалъ на строгой репрессіи. Прошеніе было оставлено безъ послѣдствій, и повелѣно было отставить Унковскаго, какъ допустившаго обсужденіе такого прошенія и первымъ подписавшагося, отъ должности предводителя дворянства. Петербургскіе крѣпостники и ихъ тверскіе союзники надѣялись, что эта крутая мѣра въ духѣ дореформенной расправы вызоветъ какую-нибудь нелегальную демонстрацію или движеніе, которымъ можно будетъ воспользоваться въ интересахъ отсрочки крестьянской реформы. Но расчеты оказались ошибочными. Тверское дворянство продолжало стоять на почвѣ законности. Большинство считало себя вполнѣ солидарнымъ съ Унковскимъ. Неудовольствіе свое дворянство выразило тѣмъ, что оставило должность губернскаго предводителя незамѣщенною, равно

учрежденіе, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданные, тогда начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня исполненія, представить о семъ министру. Если же и засимъ предписаніе будетъ подтверждено, то начальство обязано представить сей случай правительствующему сенату на окончательное разрѣшеніе“.

[1]) Рѣчь Европеуса напечатана въ книгѣ г. Иванюкова, стр. 389—390.

[2]) Административная кара, постигшая А. М. Унковскаго, сдѣлала его имя очень популярнымъ среди вообще либерально настроеннаго тверского общества. Но эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ этой замѣчательной сессіи, еще больше усилилъ ряды либераловъ. Въ Твери съ давнихъ поръ строился дворянскій домъ подъ училище. На него ухлопали пропасть денегъ, а онъ не былъ достроенъ еще и вчернѣ и ужъ сталъ разваливаться. По смѣтѣ на передѣлку и окончаніе постройки ассигновано было 106.000 руб. Унковскій успѣлъ достроить за 86.000 руб. Однако, среди тверскихъ дворянъ нашлись отчаянные крѣпостники, которые, мстя Унковскому за измѣну дворянскимъ интересамъ, во что бы то ни стало хотѣли его очернить. Нашлись 5 человѣкъ, которые имѣли безстыдство заподозрить даже безкорыстіе Унковскаго. Однако, Унковскій такъ блестяще опровергъ документально злостныя измышленія своихъ консервативныхъ противниковъ, что они были исключены съ негодованіемъ изъ дворянскаго сословія (см. назв. Матеріалы, II, стр. 169); многіе порядочные люди, считая постыднымъ быть въ одной компаніи съ такими грязными людьми, перешли въ лагерь либераловъ. См. подробности въ книгѣ моей: „А. М. Унковскій“, гл. VIII.

какъ и должности предводителей и депутатовъ въ 8 уѣздахъ (въ трехъ, гдѣ либералы были въ меньшинствѣ, выборы были произведены, за что эти уѣзды и получили благодарность отъ министра внутреннихъ дѣлъ [1]). Кромѣ того, постановлено было учредить по подпискѣ 12 стипендій имени А. М. Унковскаго на мѣстѣ его воспитанія, въ Московскомъ университетѣ, съ предоставленіемъ ему права назначить стипендіатовъ, а также рѣшено было заказать его фотографическіе портреты. Одинъ изъ членовъ меньшинства, кн. Шаховской вызвалъ Унковскаго на дуэль, но она была устранена.

Губернскимъ предводителемъ былъ назначенъ отъ правительства г. Клокачевъ, человѣкъ крайне сомнительной репутаціи. Онъ пріостановилъ постановленіе объ учрежденіи стипендій имени дворянства. Одинъ изъ энергичнѣйшихъ и честнѣйшихъ дѣятелей тверской либеральной партіи А. А. Головачевъ написалъ Клокачеву письмо, въ которомъ доказывалъ противозаконность его дѣйствій и клеймилъ его недостойное поведеніе. Клокачевъ переслалъ письмо Головачева министру внутреннихъ дѣлъ, который внесъ его на обсужденіе Главнаго Комитета. Здѣсь было постановлено предоставить Клокачеву, получившему обиду, искать за нее удовлетворенія судомъ.

Между тѣмъ толки, раздутые, нелѣпые, продолжались; доносы за доносами летѣли въ Петербургъ въ III отдѣленіе. Разсказывали, что тверскіе либералы собираются дѣлать революцію, что на ихъ печатныхъ станкахъ печатается объявленіе воли народу. Вице-губернаторъ Ивановъ самъ провѣрялъ подобный слухъ, дошедшій до него черезъ его кухарку. Для производства дознанія былъ командированъ въ Тверь ген.-адъютантъ Ефимовичъ. Результатомъ дознанія была административная ссылка Унковскаго въ Вятку, Европеуса въ Пермь (А. А. Головачевъ былъ отставленъ до окончанія суда) [2]). Ссылка продолжалась мѣсяцевъ восемь; сосланные были

---

[1]) См. Матеріалы, II, 290.

[2]) О дальнѣйшей судьбѣ этого дѣла я получилъ отъ А. А. Головачева слѣдующія свѣдѣнія: „Министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ тверскому губернскому правленію передать его на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ. Между тѣмъ находившійся въ то время въ гор. Твери ревизующій генералъ-адъютантъ Ефимовичъ предложилъ губернскому правленію разсмотрѣть это дѣло безъ очереди. Вслѣдствіе этого губернское правленіе въ пятницу сырной недѣли, несмотря на табельный день, постановило опредѣленіе о передачѣ дѣла въ тверской уѣздный судъ, съ предписаніемъ также разсмотрѣть безъ очереди. На другой день, т.-е. также въ табельный день, уѣздный судъ постановилъ вызвать меня къ отвѣту на понедѣльникъ и обязать меня подпиской о невыѣздѣ изъ г. Твери, что и было мнѣ объявлено черезъ полицію въ тотъ же день. Имѣя въ виду, что дѣла объ обидахъ и оскорбленіяхъ и по прежнимъ законамъ назначаются не иначе, какъ по ковой жалобѣ обиженнаго, поданной въ судъ или полицію, я, заготовивъ

возвращены къ 30-му августа 1860 г. Несмотря на кратковременность ссылки, она произвела на общество крайне тяжелое впечатлѣніе, свидѣ-

---

частную жалобу въ уголовную палату на дѣйствія тверского уѣзднаго суда, принявшаго къ своему разсмотрѣнію дѣло безъ исковой жалобы, явился въ судъ. По предъявленіи мнѣ моего письма, призналъ его писаннымъ мною и потребовалъ предъявленія мнѣ искового прошенія г. Клокачева, но получилъ отвѣтъ, что такового не имѣется. Вслѣдствіе этого я заявилъ суду, что на основаніи *такой-то* статьи я отказываюсь дать отвѣтъ, такъ какъ эта представляла отвѣтчику подобное право при отсутствіи искового прошенія. Въ этомъ же смыслѣ дана мною подписка уѣздному суду. Вслѣдъ затѣмъ я отправился въ уголовную палату и подаю заготовленную мною частную жалобу. Между тѣмъ уѣздный судъ въ тотъ же день составилъ опредѣленіе, которымъ постановилъ въ виду моего упорства въ дачѣ отвѣтовъ подвергнуть меня высшей мѣрѣ наказанія за оскорбительныя выраженія въ письмѣ, т.-е. къ шестимѣсячному заключенію въ смирительномъ домѣ. Уголовная же палата затребовала по моей жалобѣ объясненія отъ суда, который и представилъ ей все дѣло, не приводя своего опредѣленія въ исполненіе. По разсмотрѣніи этого дѣла уголовная палата уничтожила *всѣ* распоряженія уѣзднаго суда со всѣми ихъ послѣдствіями, разрѣшила мнѣ выѣздъ изъ Твери; но такъ какъ она не могла отмѣнить постановленія губернскаго правленія, то объ этотъ, въ виду его незаконности, представила на усмотрѣніе подлежащаго департамента сената, который вполнѣ согласился съ палатой и постановилъ отмѣнить постановленіе губернскаго правленія. Тогда бывшій министръ юстиціи Панинъ перенесъ дѣло въ общее собраніе сената, которое очень незначительнымъ большинствомъ признало, что правительство имѣетъ право преслѣдовать виновныхъ судебнымъ порядкомъ за оскорбленіе лицъ должностныхъ и безъ жалобы обиженныхъ, и что поступокъ мой подлежитъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ. Когда то же опредѣленіе общаго собранія было получено въ уѣздномъ судѣ, то послѣдній призналъ, что его первое опредѣленіе постановлено безъ моего отвѣта, дѣйствительно, и потому счелъ нужнымъ мнѣ его объявить въ апелляціонномъ порядкѣ. А такъ какъ я проживалъ въ это время въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., то такое объявленіе и сдѣлано было мнѣ черезъ Пирятинскій уѣздный судъ. По выслушаніи означеннаго опредѣленія я подалъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ заявилъ, что я отказался отъ отвѣта, а слѣдовательно и отъ оправданія въ виду возбужденнаго мною вопроса о подсудности: но такъ какъ возбужденный мною вопросъ разрѣшенъ высшей судебной инстанціей отрицательно, то уѣздный судъ долженъ былъ объявить мнѣ это рѣшеніе и вызвать меня вновь къ отвѣту, представивъ мнѣ такимъ образомъ средство защиты и оправданія. Это было уже во второй половинѣ 1862 года. Уголовная палата, получивъ мой отзывъ, вполнѣ согласилась съ нимъ и предписала суду, не стѣсняясь прежнимъ опредѣленіемъ, вызвать меня въ судъ и предложить мнѣ вопросные пункты. Затѣмъ, въ 1864 году, по жительству моему въ Москвѣ, я получаю отъ уѣзднаго суда черезъ московскую полицію вопросные пункты. Въ своихъ отвѣтахъ я объяснилъ суду, что мое письмо рѣзко раздѣляется на двѣ части: въ первой, гдѣ, разбирая дѣятельность Клокачева, какъ исправляющаго должность губернскаго предводителя, я доказываю только неправильность и незаконность его дѣйствій, что не возбраняется никакимъ закономъ, и въ этой части письма я не позволилъ себѣ ни одного рѣзкаго выраженія; но затѣмъ, обращаясь къ нему какъ къ частному лицу и разсматривая мотивы его поступка, въ тонѣ моего письма было выражено

тельствуя о живучести старинныхъ пріемовъ расправы, которая шла въ разрѣзъ съ духомъ новаго режима, наставшаго въ Россіи съ февраля 1855 г. [1]), съ воцаренія Александра II.

III.

Обращаемся къ содержанію Положенія Тверского Комитета. Оно состоитъ изъ 212 статей и одного приложенія *О властяхъ уѣздныхъ*, распадающагося на 47 параграфовъ. Къ Положенію присоединенъ, въ видѣ объяснительной записки, замѣчательный какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ объемистый документъ [2])—*Обзоръ Основаній*, принятыхъ Комитетомъ при составленіи своего проекта. Этотъ интересный документъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, перу А. М. Унковскаго [3]).

отсутствіе къ нему всякаго уваженія. Въ оправданіе такого отношенія къ личности г. Клокачева я привелъ и нѣсколько фактовъ изъ его жизни. Могу припомнить въ настоящее время только одно обстоятельство: онъ строилъ въ г. Зубцовѣ тюремный замокъ, на который по смѣтѣ было назначено болѣе 1 милліона кирпича. Кирпичъ этотъ выдѣлывался по соглашенію съ думой на городской землѣ съ платою въ городской доходъ по 10 коп. съ тысячи, и г. Клокачевъ показалъ, что имъ выдѣлано гораздо меньшее количество, а плата за излишнее количество была утаена. Ссылаясь на подобный фактъ, доказательство которому могло быть найдено въ книгахъ думы, я приводилъ въ свое оправданіе, что относиться иначе къ г. Клокачеву, какъ частному лицу, было невозможно. Получивъ мой отвѣтъ, уѣздный судъ былъ поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ по существовавшимъ правиламъ онъ обязанъ былъ по указаннымъ мною фактамъ производить разслѣдованіе, что, повидимому, вовсе не входило въ виды членовъ. Въ такомъ положеніи дѣло пролежало въ судѣ до закрытія уѣздныхъ судовъ и до введенія судебной реформы. По открытіи же мировыхъ судебныхъ учрежденій дѣло поступило къ участковому мировому судьѣ, который и прекратилъ его по отсутствію обвинителя и за давностью“.

[1]) См. Матеріалы, III, 123.

[2]) *Положеніе Тверского Комитета. Обзоръ Основаній и Отдѣльныя Мнѣнія* напечатаны были для членовъ его въ тверской губернской типографіи въ 1859 г. Одинъ экземпляръ имѣлся у меня, и всѣ ссылки я дѣлаю по этому экземпляру, который нынѣ находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

[3]) Послѣ появленія настоящей статьи въ № 5 *Русской Мысли* за 1891 г., въ № 9 того же журнала была напечатана А. М. Унковскимъ слѣдующая поправка: „Всѣ письменныя работы, заявляетъ Унковскій, какія только были въ Твери, по дѣлу освобожденія крестьянъ производились мною *пополамъ* (курсивъ подлинника) съ бывшимъ тогда членомъ Комитета и корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ, Алексѣемъ Адріановичемъ Головачевымъ. Окончательная редакція была моя, но писали мы двое и обсуждали все вмѣстѣ. А. А. Головачевъ изъ всѣхъ наиболѣе расположенныхъ къ дѣлу моихъ сотоварищей былъ въ полномъ смыслѣ слова *единственнымъ* (к. п.) лицомъ, способнымъ къ письменной работѣ. Притомъ большую часть письменной работы въ то горячее время приходилось производить по ночамъ, и мнѣ бы одному безъ Головачева не справиться“.

Въ введеніи Комитетъ прежде всего аргументируетъ основное свое положеніе о необходимости *полнаго*, а не частичнаго и постепеннаго освобожденія крестьянъ.

Крѣпостное право въ Россіи,—говорится въ *Обзорѣ*,—образовалось не вслѣдствіе порабощенія свободныхъ людей посредствомъ завоеванія, а установлено по государственнымъ соображеніямъ, какъ вознагражденіе за обязательную службу въ пользу государства. Будучи слѣдствіемъ не завоеванія, а государственной необходимости, и основываясь *на неопредѣленныхъ обычаяхъ*, освященныхъ временемъ, крѣпостное право не поселяло ненависти къ помѣщикамъ. Но съ того времени, какъ вслѣдствіе *требованій вѣка* патріархальныя отношенія стали замѣняться мало-по-малу *юридическими*, и произволъ помѣщиковъ началъ ограничиваться законами, крестьяне получили сознаніе *о неправомѣрности* крѣпостной зависимости, и крѣпостное право сдѣлалось невыносимымъ бременемъ для народа. Сѣмя раздора было брошено и постоянно поддерживалось полумѣрами, клонившимися къ ограниченію произвола помѣщика. Народъ инстинктивно понималъ, что правительство желаетъ освободить его отъ ига помѣщиковъ, и только упорство помѣщиковъ задерживаетъ освобожденіе.—Указавъ далѣе на то, какъ въ два предшествовавшія царствованія, по случаю разныхъ мѣропріятій, неправильно истолкованныхъ, народъ выражалъ нетерпѣніе по поводу ожидаемой свободы (см. выше § 2, главу 1) *Обзоръ* останавливается на томъ лихорадочномъ возбужденіи, въ которомъ находился народъ съ конца 1857 г. послѣ обнародованія первыхъ рескриптовъ. „Сначала народъ считалъ,—сказано въ Запискѣ Комитета,—остающееся время своей неволи годами, потомъ сталъ считать мѣсяцами и скоро размѣняетъ этотъ счетъ на дни; такъ, въ продолженіе прошедшаго 1858 г. повсемѣстно ходили слухи, что свобода будетъ объявлена въ день Свѣтлаго праздника, въ день тезоименитства Государя Императора, въ Новый годъ“ [1]). Но эти слухи не нарушали общественнаго спокойствія, потому что народъ убѣжденъ былъ, что обѣщанія правительства будутъ свято исполнены. Поэтому только *полное* освобожденіе крестьянъ удовлетворитъ ихъ горячимъ желаніямъ и пройдетъ спокойно, помиривъ всѣ стороны. Если же правительство, — продолжаетъ Комитетъ, — остановится на полумѣрахъ и оставитъ *какіе бы то ни было слѣды* крѣпостной зависимости, то чего можно будетъ ожидать отъ народа, *обманутаго* въ своихъ ожиданіяхъ, и, вдобавокъ, отъ народа, который, зная о существованіи дворянскихъ комитетовъ, отнесетъ эти распоряженія къ недоброжелательству помѣщиковъ?

---

[1]) Какъ извѣстно, такое же лихорадочное нетерпѣніе наблюдалось и въ другихъ губерніяхъ (см. главу I).

Всѣ полумѣры произведутъ повсемѣстный *антагонизмъ* между помѣщиками и крестьянами и будутъ имѣть гибельныя послѣдствія.

Смотря на дѣло съ истинно-государственною дальновидностью, Тверской Комитетъ рѣшительно считалъ вреднымъ „постепенное освобожденіе“ и возставалъ какъ противъ сохраненія, хотя бы и временнаго, натуральныхъ господскихъ повинностей, такъ и противъ вотчинной полиціи помѣщика.

Такъ какъ сущность крѣпостной зависимости,—разсуждалъ Комитетъ,—состоитъ въ правѣ суда и расправы, то удержаніе за помѣщикомъ полицейской и административной власти неминуемо приведетъ къ тому, что крѣпостное право *будетъ оставлено подъ другимъ именемъ*, и свобода будетъ дарована на однихъ словахъ. Отъ такой перемѣны, по справедливому замѣчанію Комитета, могло произойти не улучшеніе, а *ухудшеніе* быта крестьянъ. При крѣпостномъ правѣ, — говоритъ Комитетъ въ подтвержденіе своей мысли,—интересы помѣщика были въ прямой зависимости отъ степени благосостоянія его крестьянъ, а потому произволъ владѣльцевъ значительно умѣрялся ихъ собственною выгодой; при строгомъ же юридическомъ опредѣленіи взаимныхъ экономическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ и *разъединеніи* ихъ интересовъ ничто не будетъ обуздывать произволъ землевладѣльцевъ. Притомъ соединеніе экономическихъ отношеній съ служебными обязанностями всегда вредно и ведетъ къ самому грубому самоуправству, передъ которымъ должны *поблѣднѣть* всѣ воспоминанія о крѣпостномъ правѣ. Такое положеніе уничтожитъ въ народѣ всякое уваженіе къ власти и можетъ привести къ глубокой и вѣчной ненависти между сословіями и совершенной дезорганизаціи общественнаго порядка.

Противъ такого „радикальнаго“ рѣшенія вопроса, предложеннаго Тверскимъ Комитетомъ, возражали, съ крайнею запальчивостью, сторонники „постепеннаго“ освобожденія. Съ внѣшней стороны аргументація ихъ была обставлена прилично и солидно: тутъ фигурировало и „общее благо“, и опасность „дѣлать скачки“, и разрушить давнишнія „патріархальныя узы“ и проч. [1]). Но что опасеніе, высказанное большинствомъ Комитета

---

[1]) Одинъ изъ членовъ губернскаго Комитета, депутатъ Веревкинъ, возражалъ картинно: „Не думаю, чтобъ благоразумно было тѣхъ, коихъ столько времени водили на помочахъ, вдругъ спустить съ оныхъ, оставя безъ поддержки (?), или не видавшихъ свѣта внезапно подвергнуть солнечному сіянію: одни могутъ разбить себѣ носы, а другіе навсегда (?) ослѣпнуть“. См. мнѣніе Веревкина, прилож. къ полож. Тверского Комитета. Что касается существованія „патріархальныхъ узъ“, то помѣщики должны были испытать рѣзкое разочарованіе тотчасъ послѣ объявленія воли. См. письма Ю. Ѳ. Самарина и князя Черкасскаго въ н. с. Лероа-Болье, гл. III.

относительно возможности „ухудшенія“ быта крестьянъ при „постепенномъ“ [1]) освобожденіи, было не гадательно или преувеличено, это лучше всего явствуетъ изъ мнѣнія одного изъ членовъ меньшинства, который съ нескрываемымъ злорадствомъ обнаруживаетъ чаянія, возлагавшіяся на вотчинную полицію.

Извѣстно, что предполагалось при регулированіи обязательнаго труда, взамѣнъ личныхъ отношеній помѣщика къ отдѣльнымъ крестьянамъ, установить сношенія непосредственно съ крестьянской общиной [2]). Отстаивая это мнѣніе, членъ меньшинства Веревкинъ весьма наглядно обрисовываетъ выгоды, получаемыя помѣщикомъ: „Съ уничтоженіемъ крѣпостного права,— пишетъ онъ, — если я и лишусь *незавидной* возможности прибѣгать къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія, а вмѣсто того *получу право* требовать отъ цѣлой общины исполненія того, что отдѣльные члены ея не исполнили добросовѣстно, и, въ случаѣ медленности исполненія моего требованія, на счетъ этой же общины нанять свободныхъ работниковъ и потомъ, *не разбирая виновныхъ лицъ*, чтобы удовлетворить нанятыхъ земледѣльцевъ, взыскивать деньги съ цѣлой общины, а при остановкѣ въ полученіи денегъ продать скотъ изъ общаго стада по жребію или собственному усмотрѣнію, то я увѣренъ, что эта община *несравненно строже* будетъ поступать съ неисправными своими членами, нежели теперь поступаютъ помѣщики съ неисправными крѣпостными“ [3]).

Для всѣхъ безпристрастныхъ людей послѣ этого откровеннаго объясненія стало ясно, что именно скрывалось подъ благозвучнымъ проектомъ постепеннаго освобожденія! Редакціонной Коммиссіи, имѣвшей цѣлью, какъ писалъ предсѣдатель ея, „произвести реформу не палліативно, а раціонально, т.-е. не въ половину, а вполнѣ и навсегда“ [4]), не трудно было

---

[1]) Эту постепенность иные изъ крѣпостниковъ (какъ, напр., Меншиковъ) не прочь были растянуть даже на цѣлое столѣтіе. Другіе, болѣе великодушные, полагали, что прежде уничтоженія крѣпостного права нужно уменьшить въ народѣ пьянство и его образумить, нужно образовать духовенство, чтобы оно, подобно лютеранскому духовенству, могло дѣйствовать на совѣсть народа (*P. Ст.* 1897, 11, 237).

[2]) Я. И. Ростовцевъ, какъ видно изъ его писемъ къ императору Александру II, придерживался еще въ 1858 г. этого взгляда, но впослѣдствіи онъ убѣдился въ его зловредности.

[3]) См. отдѣльное мнѣніе депутата Веревкина отъ 25 августа 1859, стр. 4.

[4]) См. письмо Ростовцева къ Александру II, т. II н. с. Семенова, стр. 929.— Н. П. Семеновъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ членовъ Редакціонной Коммиссіи, человѣкъ, котораго трудно заподозрить въ наклонности къ радикализму, не только въ то время былъ противникомъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, но даже и теперь, когда „не въ авантажѣ“ радикализмъ, онъ продолжаетъ доказывать невозможность „постепеннаго освобожденія“ (см. стр. 67—73 н.

рѣшить, которое изъ двухъ приведенныхъ мнѣній соотвѣтствовало благу Россіи.

Однимъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ, вокругъ котораго происходили самыя ожесточенныя схватки между сторонниками и противниками освобожденія крестьянъ, былъ вопросъ о крестьянской землѣ. Въ первый подготовительный періодъ крестьянской реформы, когда правительство дѣлало робкіе шаги и шло, такъ сказать, ощупью [1]), вопросъ о землѣ стоялъ, какъ уже было замѣчено выше, крайне неудовлетворительно. О предоставленіи крестьянамъ въ собственность всей обрабатываемой ими земли не было и рѣчи, напротивъ, вся она объявлялась собственностью дворянства, а крестьянамъ предоставлялось право безсрочнаго пользованія. Но мало-по-малу стало укореняться въ либеральной части общества убѣжденіе о невозможности *раціональнаго* рѣшенія крестьянскаго вопроса безъ надѣленія крестьянъ землею. Когда и какъ произошла эта важная перемѣна въ общественномъ сознаніи, трудно указать въ точности и во всѣхъ подробностяхъ. Тутъ вліяли, безспорно, одновременно многія причины, въ числѣ которыхъ литература—рукописная и печатная, внутренняя и заграничная—играла важную роль.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела знаменитая статья К. Д. Кавелина: *О новыхъ условіяхъ сельскаго быта*, появившаяся въ 1858 г. въ апрѣльской книгѣ *Современника* и надѣлавшая большого шума. Статья поднимала вопросъ о надѣлѣ крестьянъ полевою землей и выкупѣ въ та-

---

с. Семенова, т. I). Какъ извѣстно, за радикальное освобожденіе крестьянъ стоялъ и Катковъ (см. гл. I).—Закону постепенности все. подчинено въ жизни, бытіе и мысль, говорилъ „Современникъ“. Но постепенность не только во внутреннемъ развитіи, но и во внѣшнемъ дѣйствіи, даже въ простомъ движеніи безконечно различныхъ твореній, безконечно разнообразна. И божія коровка движется *постепенно*, и черепаха ползетъ *постепенно*, и птица летитъ *постепенно*, и паровозъ мчится тоже *постепенно*. Принятіе той или другой постепенности, очевидно, должно вести не только къ различнымъ, но и противорѣчащимъ взглядамъ. Божьей коровкѣ полетъ орла долженъ казаться дѣломъ опаснымъ, чистымъ безуміемъ (1863, № 3, стр. 269).

[1]) Назначенный въ январѣ 1857 г. членомъ секретнаго Комитета, одинъ изъ главныхъ дѣятелей крестьянской реформы, Я. И. Ростовцовъ, отказался было отъ должности въ виду незнакомства съ крестьянскимъ бытомъ и уступилъ только настоянію Государя. Впослѣдствіи Ростовцевъ много и прилежно учился, пользуясь даже указаніями *Колокола* и Герценовскаго сборника *Голоса изъ Россіи*.

Въ засѣданіи 23 марта 1859 г. Я. И. Ростовцевъ заявилъ, что, по особому разрѣшенію, будетъ пересылаться изъ III отдѣленія Е. И. В. канцеляріи 1 экземпляръ *Колокола*, дабы изъ него дѣлать полезныя заимствованія.

Арапетовъ. Какъ, неужели заимствовать у Герцена!?

Ростовцевъ. Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 114).

кое время, когда въ оффиціальныхъ сферахъ еще не была достаточно подготовлена почва для постановки вопроса на такомъ широкомъ основаніи. Статья Кавелина, какъ голосъ передового общественнаго мнѣнія, произвела сильное впечатлѣніе и даже нѣкоторое волненіе и переполохъ, словно неожиданно ворвавшійся въ только что пріотворенное послѣ долгой зимы окно порывъ освѣжающаго буйнаго весенняго вѣтерка:

Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ...
Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подыметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,
И воздухъ, и вода.
Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ...

Сдѣлано было распоряженіе снова вставить двойныя рамы, законопатить всѣ щели, черезъ которыя проходилъ „вольный воздухъ“ въ высшія сферы, т.-е. приняты строгія мѣры по цензурѣ о недопущеніи такихъ статей. Но кто справится со всепобѣднымъ торжественнымъ шествіемъ весенняго возрожденія [1])? Цензурныя мѣры продержались недолго, правительство скоро сдалось.

---

[1]) „Мысль о выкупѣ крестьянскихъ земель,—писалъ впослѣдствіи М. Н. Катковъ,—столько разъ запрещаемая и преслѣдуемая въ литературѣ, наконецъ, принята самимъ правительствомъ; а сколько трудовъ, предпринятыхъ въ пользу этой мысли, остались втуне, и сколько могло бы на каждомъ шагу не встрѣчаться этихъ напрасныхъ препятствій!“ См. Любимова — „М. Н. Катковъ“, стр. 113.—К. Д. Кавелинъ, преподававшій цесаревичу Николаю Александровичу русское право, подалъ въ отставку въ виду толковъ, вызванныхъ при дворѣ его статьею въ *Современникѣ*.

— Въ запискѣ Левшина находимъ нѣкоторыя подробности объ этой знаменитой статьѣ профессора Кавелина.—Статья,—пишетъ Левшинъ,—была вовсе не возмутительная и во многихъ пунктахъ близко подходила къ смыслу рескриптовъ; но въ ней заранѣе осуждалось правительство, если оно въ окончательномъ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ поступитъ несогласно съ мыслями автора. Преждевременное осужденіе это и въ выраженіяхъ рѣзкихъ было не позволительно; а потому, когда цензоръ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, г. Тройницкій, прочелъ эту статью, то не рѣшился пропустить ее и принесъ ко мнѣ, какъ товарищу министра, на разрѣшеніе, а я не усомнился отказать въ позволеніи ее напечатать вполнѣ. Статья была безъ подписи; входить въ торгъ съ редакторомъ объ исправленіи нѣкоторыхъ мѣстъ было бы *неудобно* (!), а потому отказъ мой былъ категорическій. Если бы я зналъ, что статья писана Кавелинымъ, *моимъ добрымъ знакомымъ*, человѣкомъ разсудительнымъ, умѣреннымъ, то я тотчасъ бы написалъ ему частнымъ образомъ два слова; онъ бы пріѣхалъ ко мнѣ, и мы въ полчаса сдѣлали бы только статью его совершенно позволительною. Вмѣсто того редак-

Въ правительственныхъ сферахъ усерднымъ поборникомъ идеи освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею, выступилъ учрежденный въ мартѣ 1850 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ земскій отдѣлъ, руководимый такими убѣжденными поборниками коренной крестьянской реформы, какъ Н. А. Милютинъ и Я. А. Соловьевъ. Мысль о надѣленіи крестьянъ полевыми угодьями была сочувственно принята и въ либеральномъ меньшинствѣ губернскихъ комитетовъ, принадлежавшемъ къ среднему дворянству и воспитанномъ на литературѣ 40-хъ годовъ [1]).

Тверской Комитетъ и въ этомъ вопросѣ оказался на высотѣ своей задачи. Большая историческая заслуга либеральной части тверского дворянства заключается въ томъ, что она своею просвѣщенною и настойчивою иниціативой [2]) очень много способствовала оффиціальному движенію этого вопроса и постановкѣ его предъ всѣми губернскими комитетами.

Объ этой стадіи вопроса въ находящихся у меня матеріалахъ исторіи Тверского Комитета не имѣется никакихъ данныхъ, и приходится руководствоваться единственно скудными свѣдѣніями, заключающимися въ при-

---

торъ журнала, получивъ отказъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, обратился къ предсѣдателю цензурнаго комитета и попечителю университета князю Щербатову, который далъ безусловное дозволеніе напечатать ту статью. Сочинитель книги „Матеріалы и т. д.“ помѣщаетъ (стр. 245, томъ I-й) содержаніе сей статьи, но выпускаетъ тѣ мѣста, которыя подвергали статью запрещенію. Лишь только она показалась въ публикѣ, закоснѣлые любители крѣпостного права бросились на нее и начали крики, очень скоро дошедшіе до Государя. Впрочемъ, тутъ было еще иное побужденіе. Кавелинъ былъ въ числѣ преподавателей наслѣдника престола, опредѣленный къ этой должности по рекомендаціи тайнаго совѣтника Титова, назначеннаго по настоянію императрицы главнымъ воспитателемъ будущаго царя вопреки военной партіи, которая и искала свергнуть и Титова и всѣхъ рекомендованныхъ имъ наставниковъ. Случай этотъ былъ самый удобный, и интрига вполнѣ удалась. Государь, придя въ Совѣтъ министровъ, показалъ имъ эту статью и, съ гнѣвомъ объявивъ князю Горчакову, что Кавелинъ рекомендованъ Титовымъ, обратился къ Ланскому съ приказаніемъ узнать, кто пропустилъ эту статью. Возвратясь изъ Совѣта, Ланской тотчасъ прислалъ книжку „Современника“ при запискѣ. Я все передалъ Тройницкому, и дѣло тотчасъ объяснилось, вслѣдствіе чего министръ послалъ къ Государю оправдательный докладъ, на которомъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе: передать дѣло шефу жандармовъ для дальнѣйшихъ разысканій. Черезъ нѣсколько дней публика узнала, что князю Щербатову объявленъ Высочайшій выговоръ; Титовъ, Кавелинъ и другіе преподаватели получили увольненіе отъ своихъ мѣстъ, а воспитаніе наслѣдника опять перешло въ руки военныхъ надзирателей (стр. 540—541).

[1]) См. назв. соч. Иванюкова, стр. 101.

[2]) Въ началѣ реформы самые горячіе сторонники освобожденія крестьянъ не возражали противъ выкупа личности или труда крестьянъ (въ замаскированномъ видѣ, подъ видомъ *первой* десятины онъ и прошелъ). Даже проектъ, напечатанный въ 1858 г. въ *Колоколѣ*, упоминалъ о выкупѣ личности. По этому поводу я

ложеніяхъ къ положенію Тверского Комитета. Ходъ этого дѣла представляется въ такомъ видѣ. Еще раньше появленія означенной статьи К. Д. Кавелина, *въ январѣ 1858 года*, тверской губернскій предводитель дворянства, А. М. Унковскій, разослалъ въ уѣздныя собранія, созванныя для избранія депутатовъ въ Губернскій Комитетъ, составленную имъ *Записку*, въ коей онъ развивалъ мысль о необходимости надѣленія крестьянъ *полевой землей*. На первомъ собраніи дворянъ 16 февраля 1858 года оказалось, что большинство дворянъ не сочувствовало плану Унковскаго, и только меньшинство (четыре уѣзда) одобрило его. Такимъ образомъ, первая попытка склонить тверское дворянство къ освобожденію крестьянъ съ землею потерпѣла неудачу. Вслѣдствіе этого программа, изложенная въ высочайшемъ рескриптѣ на имя тверского губернатора, въ отвѣтъ на адресъ дворянства, заключала въ себѣ старую стереотипную фразу о выкупѣ „усадебной осѣдлости“ и ни слова не говорила о выкупѣ полевыхъ угодій.

Первая неудача не остановила Унковскаго, и онъ рѣшился возобновить вопросъ при первой возможности. Между тѣмъ буря, поднятая статьею Кавелина, стала стихать, и вопросъ о надѣлѣ все настойчивѣе сталъ выдвигаться общественнымъ мнѣніемъ и дѣлаться популярнымъ даже въ оффиціальныхъ кругахъ; однако, въ высшихъ сферахъ онъ попрежнему все еще игралъ роль „жупела“, наводящаго безотчетный страхъ, хотя Я. И. Ростовцевъ уже съ лѣта 1858 г. началъ склоняться въ пользу выкупа полевыхъ надѣловъ и развивалъ эту мысль въ письмахъ къ императору Александру II.

Въ началѣ августа 1858 г. Тверской Губернскій Комитетъ собрался для составленія Положенія. Этотъ моментъ Унковскій счелъ удобнымъ, чтобы снова поднять вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею. По предложенію его, Губернскимъ Комитетомъ была образована 9 августа, подъ его же предсѣдательствомъ, редакціонная комиссія, которой поручено было составленіе *общаго плана* занятій Комитета. Въ этой именно коммиссіи

получилъ отъ А. М. Унковскаго разъясненія, напечатанныя въ книгѣ (гл. IV) „А. М. Унковскій“. Любопытны цѣны, выставленныя однимъ дворянскимъ комитетомъ:

До 5 лѣтъ				100	руб.
Отъ	5	до	10 лѣтъ	200	руб.
„	10	„	15 „	400	„
„	50	„	60 „	500	„
„	15	„	20 „	600	„
„	40	„	50 „	1000	„
„	20	„	30 „	1500	„
„	30	„	40 „	2000	„

былъ *въ первый разъ* ясно и рѣшительно поставленъ 14 августа 1858 г. вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Но комиссіи предстояло одолѣть, прежде всего, одно препятствіе чисто формальнаго свойства. Обсужденіе этого вопроса, строго говоря, выходило за букву начертанной правительствомъ программы. Комиссіи приходилось сойти съ почвы внѣшней, формальной законности, чтобы стать на точку зрѣнія истиннаго права и справедливости. Точка опоры для такого воззрѣнія находилась отчасти и въ правительственной программѣ, которая ставила задачею реформы не только освобожденіе крестьянъ, но *и улучшеніе и обезпеченіе ихъ быта.* Выдвинувъ впередъ эту цѣль, комиссія нашла, что достиженіе ея *невозможно указанными въ программѣ палліативными средствами*, и представила на утвержденіе Губернскаго Комитета слѣдующія свои три заключенія:

1) Такъ какъ улучшеніе быта крестьянъ можетъ быть достигнуто только однимъ дарованіемъ имъ личныхъ и имущественныхъ гражданскихъ правъ, не стѣсняемыхъ ничѣмъ, кромѣ общихъ государственныхъ законовъ, то первою и главною цѣлью нашего труда должно быть дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ гражданской свободы, а вслѣдствіе того *уничтоженіе принудительнаго труда и всякихъ личныхъ* натуральныхъ господскихъ повинностей, какъ несогласныхъ съ понятіемъ свободы.

2) Принимая во вниманіе п. 1 высочайшаго рескрипта и *неразрывную историческую связь нашего крестьянина съ землею*,—связь, при которой освобожденіе его отъ власти и вмѣшательства въ его быть частныхъ лицъ можетъ осуществиться вполнѣ только при освобожденіи необходимой для его существованія земли отъ всякихъ повинностей въ пользу частныхъ лицъ, Комиссія находитъ, что затѣмъ второю главною цѣлью занятій Комитета должно быть изысканіе *способовъ къ обезпеченію крестьянамъ прочной осѣдлости и предоставленіе имъ оной въ полную собственность* (курсивъ подлинника).

3) Находя, что земли, состоящія во владѣніи крестьянъ Тверской губ. подъ строеніями и огородами, по пространству своему не могутъ обезпечить крестьянамъ прочной осѣдлости, комиссія полагаетъ, что въ видахъ *дѣйствительнаго* улучшенія быта крестьянъ, безъ нарушенія имущественныхъ правъ владѣльцевъ и точнаго исполненія высокихъ предначертаній, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, *подъ крестьянскою осѣдлостью слѣдуетъ непремѣнно разумѣть не однѣ такъ называемыя усадебныя земли, но все количество земли, необходимое для обезпеченія быта крестьянъ* [1]).

---

[1]) Благодаря любезности А. А. Головачева, я имѣю возможность пополнить эти свѣдѣнія. Вотъ что мнѣ пишетъ г. Головачевъ, бывшій членомъ Тверского

Заключенія комиссіи вызвали въ Комитетѣ бурныя и страстныя пренія. Партія, желавшая освобожденія крестьянъ безъ земли, напала на заключенія комиссіи, усматривая въ нихъ принудительное отчужденіе

Комитета и Редакціонной Коммисеіи, вырабатывавшій схему работъ Комитета, а затѣмъ и редакцію его постановленій. Въ трехъ пунктахъ изложена только схема предстоявшихъ работъ, а при обсужденіи возникло очень много частныхъ вопросовъ, которые разрѣшались Комитетомъ по большинству голосовъ отдѣльно. Относительно послѣдняго пункта изъ происходившихъ преній выяснилось, что большинство Комитета вполнѣ раздѣляло взглядъ нашей Редакціонной Коммиссіи; но что въ программѣ, данной Комитету, не было мѣста для вопроса о выкупѣ надѣльной земли и что, такимъ образомъ, внести этотъ вопросъ на обсужденіе Комитета значило выйти изъ предѣловъ данной Комитету программы. Поэтому слѣдовало изыскать способъ предложить вопросъ въ такой формѣ, которая не нарушала бы программы, по крайней мѣрѣ, съ формальной точки зрѣнія. Въ этихъ видахъ вопросъ о томъ, что разумѣть подъ крестьянскою осѣдлостью, представлялъ собою выходъ изъ затрудненія, тѣмъ болѣе, что онъ не вызывалъ необходимости обсужденія вопроса о выкупѣ всей надѣльной земли, подлежавшей отводу крестьянамъ въ пользованіе, а лишь большей ея части, безъ которой крестьянское хозяйство было немыслимо. Къ числу этихъ земель Редакціонная Коммиссія, соображаясь съ мѣстными условіями, считала необходимымъ отнести усадебную землю, пахотныя поля съ тѣми сѣнокосами, которые находились въ поляхъ, и выгонныя земли, гдѣ таковыя находились помимо полевыхъ земель. Редакціонная Коммиссія считала возможнымъ ограничиться только этими землями на томъ основаніи, что запольныя и пустошныя земли въ Тверской губерніи находились въ изобиліи, и крестьяне могли таковыя имѣть по добровольнымъ соглашеніямъ съ помѣщиками, тѣмъ болѣе, что наемъ ихъ могъ быть сдѣланъ и у другихъ землевладѣльцевъ, конкуренція между которыми вполнѣ обезпечила интересы крестьянъ. Что Редакціонная Коммиссія стояла въ этомъ случаѣ на правильной точкѣ зрѣнія, доказывается и послѣдующимъ опытомъ, такъ какъ подобныя земли и до сихъ поръ въ Тверской губерніи сдаются въ аренду и продаются дешевле послѣдней, т.-е. четвертой десятины крестьянскаго надѣла. На основаніи этихъ соображеній на разрѣшеніе Комитета и былъ предложенъ вопросъ: 1) признаетъ ли Комитетъ необходимымъ подъ крестьянскою осѣдлостью разумѣть усадебную, полевую и выгонную землю, и 2) признаетъ ли Комитетъ необходимымъ предоставить крестьянамъ право на выкупъ этой земли. Эти вопросы и были разрѣшены Комитетомъ утвердительно большинствомъ голосовъ 14 противъ 13. Такое постановленіе Комитета вызвало значительное неудовольствіе со стороны меньшинства, которое обратилось черезъ г. Азанчевскаго, бывшаго впослѣдствіи саратовскимъ вице-губернаторомъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ съ доносомъ, что большинство Тверского Комитета нарушило программу занятій и разрѣшило вопросъ о выкупѣ полевыхъ угодій. Этотъ доносъ обратилъ на себя вниманіе министерства, и тверской гражданскій губернаторъ увѣдомилъ предсѣдателя Комитета, что министерство не можетъ допустить подобнаго нарушенія предѣловъ программы, и потому предлагалъ вопросъ о выкупѣ полевыхъ угодій устранить и строго держаться установленной программы. Въ виду такого категорическаго рѣшенія министерства, большинство членовъ Комитета не находило возможнымъ продолжать работы Коммитета вопреки своимъ убѣжденіямъ. Моментъ былъ дѣйствительно критическій. Настоятельная необходимость прекратить всякія обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ по

помѣщичьей земли, а также колебаніе основъ родовой собственности, *всѣхъ коренныхъ основъ* нашего гражданскаго и государственнаго быта;

возможности скорѣе представлялась намъ настолько ясною, что надъ этимъ вопросомъ мы и не задумывались; а подобное рѣшеніе вопроса достигалось только выкупомъ необходимой для крестьянскаго хозяйства земли. Кромѣ того, отдѣлить, какъ того требовала программа, крестьянскую усадебную землю отъ полевой, требующей по условіямъ хозяйства Тверской губерніи постояннаго и значительнаго удобренія и поэтому составляющихъ одну нераздѣльную хозяйственную единицу, и первую предоставить въ собственность крестьянъ, а вторую оставить за помѣщиковъ, по нашему глубокому убѣжденію, было дѣломъ немыслимымъ. Съ другой стороны, не приводить этихъ соображеній въ самомъ проектѣ Положенія и не доказать его практической возможности, другими словами—замаскировать, такъ сказать, наше глубокое убѣжденіе передъ правительствомъ и, оставаясь въ средѣ Комитета, составить проектъ Положенія въ духѣ утвержденной программы намъ казалось не только невозможнымъ, но и недобросовѣстнымъ поступкомъ, а потому долгъ чести обязывалъ насъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ сложить съ себя званіе членовъ Комитета. Но судьба великаго вопроса, стоявшаго передъ нами,—вопроса, съ которымъ мы связывали всю будущность нашего отечества, подсказала намъ выходъ изъ затрудненія. Какъ нимало разсчитывали на возможность осуществленія нашихъ надеждъ, въ особенности въ виду категорически выраженнаго и повсемѣстно оглашеннаго взгляда правительственныхъ сферъ, а также въ виду бюрократическихъ традицій, не допускавшихъ уступокъ и вѣрившихъ въ свою непогрѣшимость, мы рѣшились однако сдѣлать послѣднюю попытку и представить правительству наши воззрѣнія на необходимость выкупа полевыхъ крестьянскихъ земель. Для личнаго же поддержанія нашего ходатайства передъ членами Главнаго Комитета для представленія объясненій на случай какихъ-либо вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ нами на мѣстѣ, мы рѣшились избрать коммиссію изъ четырехъ членовъ: губернскаго предводителя дворянства Унковскаго, члена отъ правительства Бакунина, новоторжскаго депутата Каменскаго и корчевского—Перхурова. Журналъ Комитета по этому поводу и вмѣстѣ представленіе министерству внутреннихъ дѣлъ были редактированы мною, а потому я могу смѣло ручаться за точность главныхъ основаній нашего ходатайства, приведенныхъ выше. Вручивъ наше ходатайство уполномоченнымъ нами членамъ, мы поручили словесно имъ передать министру внутреннихъ дѣлъ и другимъ членамъ главнаго Комитета, что мы подолгу чести *не можемъ* продолжать нашихъ занятій въ Комитетѣ, если намъ не дозволено будетъ обсуждать вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ полевыхъ и выгонныхъ угодій, а затѣмъ пріостановили занятія Комитета впредь до возвращенія нашихъ уполномоченныхъ. Эта отсрочка продолжалась, сколько могу припомнить, не болѣе двухъ недѣль. Наши депутаты возвратились нѣсколько ранѣе, убѣдившись въ томъ, что представленіе наше было принято благосклонно, а вскорѣ затѣмъ получено было увѣдомленіе тверского губернатора, что Главный Комитетъ разрѣшилъ губернскимъ Комитетамъ представить *по желанію помѣщиковъ* и проектъ о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, о чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ и увѣдомилъ циркулярно всѣхъ начальниковъ губерній. Съ облегченнымъ сердцемъ и съ новой энергіей принялись мы за разработку дальнѣйшихъ вопросовъ, и большинство наше усилилось еще однимъ голосомъ, такъ какъ на мѣсто выбывшаго осташковскаго депутата Корбутовскаго вступилъ въ Комитетъ Измайловъ, присоединившійся къ большинству.

но, тѣмъ не менѣе, большинство Комитета (14 голосовъ противъ 13) одобрило заключенія комиссіи.

Но этимъ вопросъ еще не рѣшался. Такъ какъ заключенія комиссіи, если не измѣняли, то существенно дополняли первоначальную правительственную программу, то требовалось получить на это разрѣшеніе высшаго правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, къ которому ѣздили тверскіе депутаты (см. выше), сталъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, на сторону Тверского Комитета. Отъ него не укрылось, что крестьянскій вопросъ вступаетъ *въ новую фазу*. Въ представленіи своемъ Главному Комитету онъ, точнѣе Н. А. Милютинъ, писалъ, что если заключенія Тверского Комитета и не согласны съ буквою высочайшихъ рескриптовъ, то вполнѣ вѣрны *ихъ духу и цѣли*. Главный Комитетъ, скрѣпя сердце, разрѣшилъ Тверскому Комитету заняться вопросомъ о надѣленіи крестьянъ землею „по желанію помѣщиковъ“. Въ ноябрѣ 1858 г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ объ этомъ постановленіи Тверскому Комитету, а также начальникамъ *всѣхъ губерній*, и, такимъ образомъ, вопросъ о надѣлѣ и выкупѣ полевой земли, благодаря настойчивой иниціативѣ Тверского Комитета, былъ оффиціально внесенъ въ *программу занятій* губернскихъ комитетовъ.

По полученіи разрѣшенія на обсужденіе вопроса онадѣлѣ, Тверской Комитетъ составилъ детальный проектъ какъ надѣла (при чемъ за основаніе бралось существующее владѣніе, если оно не превышало 4 десятинъ), такъ и устройства акціонернаго банка для облегченія выкупной операціи [1]). Въ своемъ *Обзорѣ Основаній* Комитетъ убѣдительно доказывалъ недостаточность выкупа однѣхъ усадебъ и необходимость надѣленія землею и высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: личная свобода,—разсуждаетъ Комитетъ,—никогда не можетъ осуществиться безъ свободы имущественной. Все настоящее имущество крестьянъ—въ хозяйственномъ обзаведеніи, которое имѣетъ цѣнность только при владѣніи землею и не можетъ быть легко переносимо съ мѣста на мѣсто. Если признать крестьянина лично свободнымъ, съ правомъ вольнаго перехода, оставивъ всю землю въ неограниченномъ распоряженіи помѣщиковъ,—не значитъ ли это *освободить только помѣщиковъ* отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянамъ, подчинивъ послѣднихъ *еще большему ихъ произволу?* Тогда крестьянинъ будетъ поставленъ въ необходимость соглашаться на всякія требованія помѣщика, а потому все имущество, а слѣдовательно, вся жизнь его будетъ зависѣть отъ произвола землевладѣльца. Этого не было даже и при крѣпостномъ правѣ, которое

---

[1]) Собственно планъ выкупа былъ предложенъ тверскимъ депутатомъ Модестомъ Воробьевымъ (см. выше).

поставляло помѣщикамъ въ обязанность доставлять ихъ крѣпостнымъ людямъ средства къ существованію. Такую свободу нашъ народъ называетъ *волчьею волей*. Если крестьяне получатъ только право пользованія полевыми землями, необходимыми для ихъ существованія, безъ всякой возможности пріобрѣсти ихъ въ собственность, то свобода ихъ будетъ существовать только на однихъ словахъ. Отдавая собственность помѣщика въ вѣчное пользованіе крестьянъ, законъ непремѣнно будетъ *вынужденъ обезпечить права собственника земли* предоставленіемъ ему права *вмѣшательства* въ хозяйственный бытъ крестьянъ, дабы предупредить ухудшеніе качества земли. Такое вмѣшательство частнаго лица въ хозяйственную сферу предполагаетъ предоставленіе ему судебно-административной власти, что исключаетъ уже всякое понятіе о гражданской свободѣ крестьянъ (стр. 4—5).

Благодаря трудамъ тверского и другихъ Комитетовъ, а также благодаря либеральной журналистикѣ, вопросъ *о надѣлѣ и выкупѣ* настолько уже уяснился, что, спустя съ небольшимъ годъ послѣ появленія статьи Кавелина, сторонниками выкупа [1]), между прочимъ, являлись два такихъ

---

[1]) А. А. Головачевъ въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ сообщилъ мнѣ: „дѣйствительно г. Воробьевъ предложилъ (см. стр. 132) опредѣлить денежную повинность за четырехдесятинный надѣлъ крестьянъ въ 9 р., отнеся на первую десятину большую сумму и понижая ее за вторую, третью и четвертую. Большинство Тверского Комитета нашло, что такая мысль вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительному значенію земельныхъ угодій въ Тверской губерніи, такъ какъ лучшія земли всегда окружаютъ усадебную землю, съ удаленіемъ же отъ усадьбы качество угодій понижается, а потому присоединились къ этой мысли. Такимъ образомъ, повинности крестьянъ были опредѣлены всѣмъ составомъ Комитета—большинствомъ и меньшинствомъ. Затѣмъ, когда обсуждался вопросъ о выкупѣ, тогда оставалось только капитализировать установленныя Комитетомъ повинности. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что планъ выкупа предложенъ Воробьевымъ: онъ вотировалъ противъ капитализаціи, какъ и противъ выкупа, въ принципѣ. Говоря о градаціи оброка, падающаго на первую и послѣдующія десятины, нельзя не замѣтить, что эта система, несмотря на всю справедливость ея по отношенію къ Тверской губерніи и вообще къ тѣмъ губерніямъ, гдѣ земли вовсе не удобряются, и въ особенности тамъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы или вовсе не соприкасаются съ ихъ усадьбами, или подходятъ къ селеніямъ узкой полосой. Различія этого нѣкоторые члены Редакціонныхъ Коммиссій, какъ чиновники, не покидавшіе департаментскихъ канцелярій, вовсе не понимали, другіе же не обратили на него вниманія, а третьи, быть можетъ, считали за лучшее вовсе не указывать на это различіе. Какъ бы то ни было, но эта система не встрѣтила возраженія въ средѣ Редакціонныхъ Коммиссій и была распространена на всю Россію. Она повела, при ограниченности надѣловъ въ южныхъ губерніяхъ до 2-хъ десятинъ, къ несоразмѣрному возвышенію выкупныхъ платежей съ доходностью земли. Еслибъ первоначальная мысль Государя Императора (слова эти были нами записаны, представлены князю Долгорукову и напечатаны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Вотъ

крупныхъ и вліятельныхъ дѣятеля по крестьянской реформѣ, какъ С. С. Ланской и Я. И. Ростовцевъ, стоявшіе прежде за предоставленіе крестьянамъ одного только права пользованія землею. Во всеподданнѣйшей запискѣ, составленной въ октябрѣ 1859 года, Ланской писалъ, что „мысль о выкупѣ все болѣе и болѣе укореняется и дѣлается общимъ убѣжденіемъ“. Отношеніе Ростовцева къ вопросу о выкупѣ надѣловъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ его, приводимыхъ въ книгѣ г. Семенова. Это было 29 ноября 1859 г. Засѣданіе Редакціонной Комиссіи происходило на дому предсѣдателя, въ кабинетѣ его. Ростовцевъ, больной, разслабленный, вмѣшался въ споръ, завязавшійся между Милютинымъ и Галаганомъ о надѣлѣ, и сдѣлалъ со смертнаго своего одра слѣдующее замѣчаніе: „Одинъ памфлетистъ изъ высшаго аристократическаго общества,—сказалъ онъ,—сочинилъ обо мнѣ, что якобы я написалъ дворянству: если хотите беречь ваши головы, то отдайте земли. Могъ ли я это сдѣлать, и куда мнѣ было писать? Но какъ отнять отъ насущнаго хлѣба 11 милліоновъ, или, если считать крестьянъ обоего пола, 22 милліона душъ?.. Я *увѣренъ*, что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать земли, будетъ *пугачевщина* (я говорю между своими, въ дружескомъ обществѣ), и не могу не предвидѣть въ такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ, страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію“ [1]). Такимъ образомъ была окончательно отброшена мысль объ освобожденіи крестьянъ безъ надѣловъ, мысль, признанная безумiемъ еще Николаемъ I [2]), но что касается выкупа, то

они: Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ двое изъ вашихъ депутатовъ были приглашены въ Главный Комитетъ для общаго разсмотрѣнія и рѣшенія крестьянскаго вопроса), высказанная имъ Тверскому Комитету, была исполнена, т.-е. еслибъ депутаты губернскихъ комитетовъ были допущены къ обсужденію проекта крестьянскаго положенія въ Главномъ Комитетѣ, то конечно, этого случиться бы не могло. Депутаты сѣверныхъ губерній не могли не указать той разницы, о которой я говорю, а также и на полное отсутствіе какой-либо другой причины—допускать для черноземной полосы указанную градацію“.

[1]) Намекъ на извѣстную брошюру гр. В. П. Орлова-Давыдова: *Lettre d'un député du Comite à M-r le président de la Commission de rédaction aide-de-camp genera Rostovtzeff.* Paris. 1859.

[2]) См. н. с. *Семенова*, т. II, стр. 254.—Сознаніе невозможности обезземелить крестьянъ къ началу 1860 года сдѣлалось почти аксіомою, Даже въ консервативныхъ дворянскихъ кругахъ стали сознавать ее. Еще можно было прежде,—говорилось въ одномъ циркулярномъ обращеніи къ депутатамъ второго призыва,—увлекаться подобными фантазіями: многіе вовсе не знали, что такое русскій крестьянинъ; многіе думали, что его также легко пожаловать въ *бездомники*, какъ эстонца или ливонца. Теперь тѣшить себя надеждою, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли, непозволительно, скажу болѣе—преступно. См. н. с. Иванюкова, стр. 200.

допущенъ, вопреки Тверскому проекту, только добровольный, и лишь въ 1881 г. состоялось предписаніе объ обязательномъ выкупѣ.

Послѣдній отдѣлъ объяснительной Записки Тверского Комитета посвященъ обзору „основаній новаго управленія“. Усматривая непосредственную связь между крѣпостнымъ правомъ и строемъ существовавшихъ при немъ учрежденій, Тверской Комитетъ начерталъ планъ новой организаціи мѣстнаго управленія, вытекавшій изъ отмѣны крѣпостного права и согласованный съ нею. Если въ деталяхъ этого плана и встрѣчаются спорные пункты, то основныя положенія его такъ разумны и убѣдительны, что они не только для своего времени, но даже и для нашего заключаютъ въ себѣ много поучительнаго. Какъ ни стары высказанныя въ нихъ истины, но онѣ изложены съ такимъ благороднымъ воодушевленіемъ, широтою взгляда и твердою вѣрой въ силу разума и правды, что чтеніе тверской записки и теперь производитъ освѣжающее и ободряющее впечатлѣніе.

Комитетъ, прежде всего, настаиваетъ на упраздненіи въ управленіи всякихъ слѣдовъ прежнихъ вотчинныхъ отношеній. По уничтоженіи крѣпостной зависимости и объявленіи крестьянамъ свободы,—читаемъ въ тверской запискѣ,—власть помѣщиковъ лишается всякаго нравственнаго основанія, и потому дальнѣйшее существованіе ея, даже и на самое короткое время, можетъ породить только неудовольствіе со стороны народа и гибельныя послѣдствія: эта власть естественно будетъ напоминать народу ненавистное ему крѣпостное право (стр. 7).

Уничтожая помѣщичью власть въ управленіи, Тверской Комитетъ признавалъ невозможнымъ оставить прежній порядокъ вещей, при которомъ 100.000 полицеймейстеровъ-душевладѣльцевъ служили настоящимъ *instrumentum regni*. Несмотря на все зло крѣпостного права,—разсуждалъ онъ,—власть помѣщика,—его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—*ограничивали произволъ чиновниковъ*. Съ уничтоженіемъ ея останутся для управленія и охраненія порядка и спокойствія только два становыхъ пристава. Съ другой стороны, въ чемъ будетъ ограниченіе произвола чиновниковъ? Крѣпостное право, глубоко пустившее корни *во всѣхъ сферахъ* русской жизни, проникло насквозь и *служебную дѣятельность*: если уничтожить ее только въ чистомъ видѣ, оставивъ все прежнее по-старому, это не будетъ уничтоженіемъ крѣпостного права, а только *передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ* и расширеніе его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ *на два враждебные лагеря*: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ всею необузданностью безотвѣтственнаго про-

извола и безгласныхъ жителей [1]). Такой порядокъ порождаетъ боязливыхъ рабовъ, но не истинныхъ гражданъ. Человѣкъ въ такихъ обстоятельствахъ покоряется только необходимости и исполняетъ свои обязанности нехотя, и разъ сила, заставлявшая его дѣйствовать, въ сторонѣ-онъ постарается обойти законъ. Гдѣ же человѣкъ призванъ къ участію въ

---

[1]) Въ вышеупомянутомъ письмѣ ко мнѣ А. А. Головачевъ пишетъ: „Пророчество Тверского Комитета,—что подобная реформа не будетъ уничтоженіемъ крѣпостного права, а только передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ,—вполнѣ подтвердилось. Позднѣйшія реформы, земская и судебная, не могли заполнить той пропасти, которая отдѣляла полноправную и безответственную бюрократію отъ безправныхъ, или, какъ выражался намъ знаменитый сатирикъ, отъ обладавшихъ якобы правами обывателей. На знамени этихъ реформъ начертаны были громкія слова *самоуправленіе и независимость суда*; въ дѣйствительности же не было ни того ни другого, хотя и нельзя отрицать той пользы, которую онѣ принесли съ собою обществу. Что же касается земскихъ учрежденій, то кругъ ихъ дѣятельности былъ значительно ограниченъ изъятіемъ изъ вѣдѣнія земства не только всѣхъ повинностей, упадавшихъ на государственный земскій сборъ, но и значительная часть губернскихъ перечислена была къ государственнымъ и также изъята изъ вѣдѣнія земства. Въ вѣдѣніи земскихъ учрежденій осталась изъ прежнихъ земскихъ повинностей только одна дорожная, отводъ квартиръ для полиціи и судебныхъ слѣдователей, да содержаніе лошадей для разъѣздовъ исправника и становыхъ приставовъ. Что же касается другихъ вновь возникавшихъ потребностей земства, то въ этомъ отношеніи земствамъ предоставлено было широкое право самообложенія только однѣхъ земель, и то безъ права взысканія сборовъ, что возложено на полицію, вовсе не подчиненную земству и не обязанную исполнять его требованій. Относительно же суда, независимость его осталась только кажущеюся: *карьера* судебнаго персонала осталась въ рукахъ администраціи, а потому ни о какой независимости здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Такъ какъ обѣ эти реформы имѣли чисто бюрократическое происхожденіе, то понятно, почему онѣ не могли заполнить той пропасти, на которую указано выше: онѣ были только легонькимъ мостикомъ надъ этой пропастью. Съ введеніемъ же новаго земскаго Положенія и многочисленныхъ новеллъ къ Судебнымъ Уставамъ и эти мостики исчезаютъ, а пророчество Тверского Комитета осуществляется воочію.— Но если бросить ретроспективный взглядъ на истекшее тридцатипятилѣтіе и хорошо взвѣсить всѣ пожеланія Тверского Комитета, выраженныя имъ въ объяснительной Запискѣ къ проекту Положенія, то невольно является вопросъ: сколькихъ бѣдствій могла бы избѣжать Россія, еслибъ эти пожеланія осуществились? Мысль объ освобожденіи 20 милліоновъ людей отъ крѣпостной зависимости естественно связывается съ мыслью о свободѣ вообще, о самостоятельности какъ отдѣльной личности, такъ и общества; одна отъ другой не можетъ быть отдѣлена никакимъ образомъ. Разъ первая была поставлена на очередь самимъ правительствомъ, естественно, что и другая возникла въ умахъ людей и овладѣла всецѣло людьми наиболѣе способными и наиболѣе впечатлительными. Люди зрѣлыхъ лѣтъ, умудренные опытомъ, сдерживали себя и удовлетворялись возможною дѣятельностью. Наступила реакція! реакція *въ самомъ обществѣ, въ литературѣ*. Россія отодвинулась назадъ на цѣлыя десять лѣтъ. Все затхлое, давно забытое, всплыло на по-

управленіи своимъ обществомъ, гдѣ онъ сознаетъ это участіе и значеніе свое, тамъ онъ не ставитъ ни малѣйшаго препятствія къ исполненію распоряженій лицъ управляющихъ, а, напротивъ, содѣйствуетъ имъ. Отсутствіе самодѣятельности общества ведетъ *къ апатіи* и уничтожаетъ въ обществѣ всякое понятіе о *чести и долгѣ*.

Для прекращенія такого апатичнаго состоянія Комитетъ предлагалъ положить основаніе *самоуправленію*, т.-е. самостоятельному управленію общинъ. Страшиться самостоятельности, какъ начала анархіи,—говоритъ онъ,—не основательно; въ ней лежитъ, напротивъ, залогъ порядка и спокойствія. Человѣкъ, принимая участіе въ интересахъ общества, привязывается къ этимъ интересамъ и дорожитъ ими изъ личнаго интереса—самой сильной пружины человѣческой дѣятельности. Гдѣ для развитія общаго благосостоянія дѣйствуютъ всѣ отдѣльныя личности, тамъ, навѣрное, получаются такіе результаты, какихъ не въ состояніи достигнуть никакое сильное правительство. Сверхъ того, самоуправленіе гораздо лучшая школа для образованія государственныхъ дѣятелей, нежели бюрократическая система, вырабатывающая только механическихъ исполнителей чужихъ предписаній (см. выше гл. I, § 2).

Въ основаніе своей системы самоуправленія Комитетъ кладетъ, начиная съ волостного управленія, всесословность или, скорѣе, безсословность съ нѣкоторымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента, при чемъ во главѣ управленія ставятся волостной попечитель и уѣздный предводитель, избираемые волостнымъ и уѣзднымъ собраніями, вѣдающими всѣ мѣстныя дѣла по управленію и суду. Чтобы самоуправленіе имѣло какое-нибудь значеніе, — говорится въ Запискѣ, — надобно, чтобы интересы населенія были *соединены*, а не разъединены; чтобы интересы различныхъ слоевъ общества не находились въ борьбѣ, какъ это случается при раздѣленіи ихъ по сословіямъ: только при такой общности можетъ создаться общественное мнѣніе.

Въ частности, относительно мудрой, но необычайно смѣлой по тому времени, попытки дарованія политическихъ правъ „вчерашнему рабу“ и допущенія его къ управленію рядомъ со вчерашнимъ его господиномъ, въ тверской Запискѣ находимъ слѣдующія глубоко разумныя соображенія:

верхность и громко вопіетъ противъ всего прогрессивнаго движенія прошедшихъ десятилѣтій. Чему поклонялись тогда, то проклинаютъ теперь. Чего не осмѣливалась проповѣдывать покойная *„Вѣсть“*, то теперь съ нахальствомъ высказываетъ *„Гражданинъ“*. Что же остается дѣлать человѣку на восьмомъ десяткѣ лѣтъ? Не начинать же опять съ начала! Да на это, пожалуй, ни силъ, ни энергіи не хватитъ. Остается опустить руки и отказаться отъ надежды на своемъ вѣку увидѣть родину въ лучшемъ положеніи. *А, казалось, счастіе было такъ близко, такъ возможно!!!*“

исторія указываетъ, что общественная жизнь человѣчества въ своихъ главныхъ основаніяхъ подчиняется одинаковымъ законамъ, разность является лишь въ подробностяхъ. Неосновательно возражать, что не годится для Россіи то, къ чему *неизбѣжно* идутъ всѣ народы и государства. Одинъ изъ законовъ человѣческихъ обществъ есть, съ одной стороны, постепенное возвышеніе низкихъ слоевъ общества и пріобрѣтеніе ими правъ, которыхъ они раньше были лишены, вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ обществъ;—съ другой, постепенное *уничтоженіе всѣхъ привилегій*, которыми нѣкоторые умѣли пользоваться. Это сближеніе правъ сословій есть повсемѣстный историческій законъ, въ пользу котораго дѣйствуютъ люди, независимо отъ ихъ воли. Даже противодѣйствуя этому закону, люди на дѣлѣ способствуютъ его развитію, выставляя всѣ недостатки общественной жизни при его отсутствіи. Итакъ, сближеніе правъ сословій, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, есть историческая необходимость. Поэтому Комитетъ считалъ за лучшее итти навстрѣчу этому закону, чѣмъ затрудняя его развитіе, ускорять взрывъ. Устранить народный элементъ въ управленіи значило положить революціонное начало въ самомъ основаніи обществъ, которое впослѣдствіи могло оказаться гибельнымъ. Предоставленіе крестьянскому сословію участія въ управленіи имѣетъ значеніе *предохранительнаго клапана* на паровомъ котлѣ. Съ другой стороны, соединеніемъ дворянства и крестьянъ въ одно собраніе Комитетъ имѣлъ въ виду заставить смолкнуть мелкіе частные интересы предъ интересами, болѣе общими и болѣе широкими, и живительнымъ началомъ общественныхъ интересовъ соединить воедино всѣхъ жителей края (стр. 22, 24).

Рядомъ съ началомъ самоуправленія Тверской Комитетъ выдвигаетъ, какъ лучшую гарантію для правильнаго дѣйствія мѣстныхъ учрежденій, строгое *раздѣленіе властей*, произведенное на всѣхъ ступеняхъ управленія, учрежденіе гласнаго независимаго суда и суда присяжныхъ, а также установленіе *непосредственной* отвѣтственности передъ судомъ чиновъ администраціи за преступленія по должности безъ предварительнаго испрошенія разрѣшенія начальства.

Указавъ на необходимость раздѣленія властей въ интересахъ успѣшнаго дѣйствія ихъ, въ частности относительно *низшей* ступени власти, Комитетъ возражаетъ противъ мнѣнія, будто въ низшихъ должностяхъ отъ дѣленія властей онѣ мельчаютъ и теряютъ значеніе. При самостоятельности управленія, при личной отвѣтственности должностныхъ лицъ за свои дѣйствія и при уничтоженіи *раболѣпнаго подчиненія*, — замѣчаетъ Комитетъ, никакая должность не теряетъ своего значенія: человѣкъ чувствуетъ, что онъ необходимое звено въ цѣломъ, и, при личной иниціативѣ, видитъ на дѣлѣ свое значеніе.

Необходимость учрежденія независимаго суда мотивируется такъ: ис-

полнительная власть имѣетъ въ рукахъ матеріальную силу, что же касается суда, то онъ долженъ имѣть силу *нравственную*: назначеніе суда замѣнять *матеріальную силу идеею права*. Правительство, учреждая судъ, какъ бы ставитъ посредниковъ изъ среды самихъ гражданъ между собою и лицами подвластными. Этимъ правительство придаетъ особенное могущество судебной власти, которое въ свою очередь поддерживаетъ значеніе правительства.

Затѣмъ Тверской Комитетъ указывалъ на необходимость учрежденія суда присяжныхъ. Противъ возраженія о неразвитости [1]) народа, въ запискѣ А. М. Унковскаго, между прочимъ, приводились слѣдующіе доводы: „что значитъ: недостаточно развитъ [2]), и какая нужна степень развитія для нагляднаго сужденія факта по совѣсти и здравому смыслу? Присяжнымъ именно это только и нужно, а русскій народъ, конечно, не имѣетъ недостатка ни въ здравомъ смыслѣ, ни въ добросовѣстности. Судъ присяжныхъ, судъ гласный и по совѣсти, требуетъ въ судьяхъ гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели всякій другой судъ, а тѣмъ болѣе наше сложное судопроизводство; поэтому можно сказать, что *у насъ возможенъ только судъ присяжныхъ*, и менѣе всего возможно настоящее судопроизводство“. Далѣе, указывая на то, что старые засѣдатели просто прикладывали печати къ приговорамъ или снимали шубы съ почетныхъ посѣтителей, Записка продолжаетъ: устройте самостоятельный судъ, независимый отъ исполнительной власти и притомъ словесный и гласный, т.-е. судъ присяжныхъ (*потому что другого независимаго суда на свѣтѣ нѣтъ и не бывало*) [3]), и тѣ же люди окажутся способными къ произнесенію

---

[1]) У этихъ людей (противниковъ радикальныхъ реформъ), писалъ Катковъ въ 1860 г., всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа, негодность породы и т. п. Они думаютъ, что дѣло пойдетъ лучше, если давать лучшее устройство понемногу. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принесть пользу только тогда, когда взяты ея начала *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Русс. Вѣст. 1860 г., № 2.

[2]) Извлеченія изъ *Обзора* приведены выше въ первой главѣ; тутъ приводятся соображенія изъ Записки А. М. Унковскаго. Эта обширная записка, заключающая ѣдкую и мѣткую характеристику нашего дореформеннаго строя, была представлена отъ имени тверского комитета депутатомъ А. М. Унковскимъ въ Редакц. Комисс. Весьма интересное извлеченіе изъ нея приводится въ н. с. Иванюкова, на стр. 346—363 (опечатка 343). Записка цѣликомъ была напечатана за границею въ № 9 *Голосовъ изъ Россіи*, издававшихся Герценомъ и Огаревымъ.

[3]) Какъ извѣстно, впослѣдствіи, т.-е. вскорѣ послѣ „19-го февраля“, когда прозрѣли на время самые безнадежные слѣпцы, истина эта настолько стала для всѣхъ очевидною, что даже самъ гр. Панинъ вотировалъ въ 1862 г. (см. Дѣло о преобраз. суд. части, т. XIX) въ государственномъ совѣтѣ за судъ присяжныхъ, при чемъ заявилъ, что *дѣйствительно* независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ.

приговоровъ; это ясно, какъ день, и противиться этому благодѣтельному учрежденію могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность *выгоднѣе* [1]).

Относительно гласности Комитетъ ограничивается слѣдующимъ краткимъ, но патетическимъ замѣчаніемъ: „Публичность и гласность! Два великія слова! Свѣтъ разума и истины! Комитетъ не осмѣливается говорить въ доказательство ихъ необходимости, вполнѣ увѣренный, что Государь, поднявшій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, не оставитъ *безъ примѣненія этихъ великихъ началъ*“.

V.

Свою замѣчательную Записку Тверской Комитетъ заканчиваетъ такими словами: „Комитетъ свято исполнилъ свое назначеніе. Не обманывая ни верховной власти, ни владѣльцевъ, ни народа, онъ изложилъ добросовѣстно и съ полною откровенностью свой взглядъ на предстоящую реформу и убѣжденъ, что составленное имъ положеніе представляетъ *единственный* (курсивъ подлинника) мирный путь къ освобожденію крестьянъ, который, охраняя интересы всѣхъ сословій, ведетъ къ развитію производительныхъ силъ и могущества государства“.

И въ этихъ словахъ не было и тѣни преувеличенія. Трудно представить себѣ, что бы вышло, если бы освобожденіе крестьянъ состоялось безъ надѣловъ и не въ томъ либеральномъ духѣ, какой былъ рекомендованъ Тверскимъ Комитетомъ. Съ другой стороны, чтобы судить о значеніи предложенныхъ Тверскимъ Комитетомъ общихъ реформъ, достаточно сказать, что, напр., судъ присяжныхъ еще въ 1859 г., т.-е. въ самый годъ составленія Положенія, вызывалъ въ оффиціальныхъ сферахъ паническій страхъ, и Государственному Совѣту строжайше *воспрещено* было затрогивать этотъ вопросъ. Что касается предположенія о непосредственномъ подчиненіи суду преступленій по должности, то оно и нѣкоторыя другія мѣры до сихъ поръ остаются pium desiderium... Вотъ почему историкъ крестьянской реформы, проф. Иванюковъ, былъ въ правѣ сказать, сравнивая тверское Положеніе съ другими, что Тверской Комитетъ представилъ не только относительно лучшій, но и *абсолютно разумный и либеральный* проектъ освобожденія крестьянъ (стр. 187).

---

[1]) Такіе консерваторы, отстанвающіе выгодныя для нихъ застарѣлыя злоупотребленія, по вѣрному замѣчанію Д. А. Ровинскаго, стары, какъ міръ (см. Русс. Народ. Картины, т. V, 325, прим. 375).

Но эти же крупныя достоинства тверского Положенія вызвали злостные и ожесточенные нападки со стороны членовъ плантаторскаго меньшинства Тверского Комитета. Такъ, депутатъ поручикъ Веревкинъ въ отдѣльномъ мнѣніи заявлялъ, что Положеніе предлагаетъ сдѣлать „судорожные революціонные скачки“, и чтобы не оставалось никакого сомнѣнія относительно этой инсинуаціи, авторъ отдѣльнаго мнѣнія спѣшитъ прибавить, что „скачки эти угрожаютъ породить въ нашемъ отечествѣ тѣ же революціонныя сцены, которыхъ нельзя не ужасаться, читая новѣйшую исторію Франціи (стр. 4 [1]). Депутатъ Кудрявцевъ, критикуя Положеніе, между прочимъ, писалъ: „Каждая волость управляется парламентомъ, въ каждомъ уѣздѣ парламентъ, въ губерніяхъ, вѣроятно, будетъ то же, и тѣмъ же, конечно, должно кончиться въ средоточіи государства; итакъ, въ основаніе управленія положена централизація (sic!), обусловленная парламентаризмомъ. Необходимая обстановка этого гиганта также налицо; судъ гласный, словесность судопроизводства, раздѣленіе властей и въ заключеніе судъ присяжныхъ; однимъ словомъ,—на мѣсто Россіи появляется западное государство. Милостивые государи, господа большинство! Не слишкомъ ли далеко зашли вы на пути преобразованій?..“ [2]).

---

[1]) Обезумѣвшимъ крѣпостникамъ примерещились и не такіе ужасы. — Одинъ изъ нихъ писалъ: „Вмѣстѣ съ дарованіемъ крестьянамъ вольности Государь подпишетъ многимъ и многимъ тысячамъ помѣщиковъ смертный приговоръ. Милліонъ войска не удержитъ народъ отъ неистовствъ“ (*Русс. Стар.* 1897. г. XI, 238). „Надъ нами, — писалъ другой, — топоръ виситъ на волоскѣ и скоро упадетъ на наши шеи, а именно черезъ освобожденіе крестьянъ“ (Тамъ-же). По поводу этихъ трусливыхъ причитаній крѣпостниковъ пишетъ другой помѣщикъ-либералъ: „Теперь не знаю, чему удивляться: или этой закоренѣлой дикой привязанности къ устарѣлой рутинѣ, или тому спокойствію и законному терпѣнію крестьянъ, съ которымъ они ожидаютъ свою эмансипацію; всѣ они объ этомъ знаютъ, въ народѣ носятся нелѣпые толки, но онъ молчитъ, работаетъ по прежнему, ждетъ царскаго слова и исполненія его посредствомъ законныхъ властей“ (350 тамъ же).

[2]) Привязанность консерваторовъ, въ родѣ Кудрявцева и К⁰, къ крѣпостному праву была такъ непоколебима, а съ другой стороны невѣжество ихъ было такъ безпредѣльно, что отмѣна его, по ихъ увѣренію, грозила Россіи всевозможными бѣдствіями: прекращеніемъ вывозной торговли, низведеніемъ Россіи на степень второстепенной державы, внутренними потрясеніями и пр. До чего разыгрывалась фантазія крѣпостниковъ, можно судить по отзыву депутатовъ второго призыва, данному предъ редакціонной коммиссіей. Свидѣтельство это имѣетъ особое значеніе, какъ коллективное заявленіе 36 депутатовъ дворянства и, стало-быть, могущее быть разсматриваемо, какъ правильное выраженіе мнѣнія большинства дворянъ. Въ проектированномъ коммиссіею надѣлѣ депутаты усматривали „постоянную коалицію работниковъ, угрозу умственному труду (?) и капиталу, остановку

Но самыя неприличныя рѣчи и нападки мы находимъ въ діатрибѣ депутата Вышневолоцкаго уѣзда стат. сов. Милюкова, который, не останавливаясь даже предъ извращеніемъ оффиціально удостовѣренныхъ журналами Комитета фактовъ [1]); осуждаетъ тверское Положеніе во всѣхъ его частяхъ и, выставляя его, какъ продуктъ *насилія* 14 голосовъ противъ 12, называетъ его не иначе, какъ „насильственнымъ и возмутительнымъ". „Тверское дворянство,—говоритъ въ началѣ своего заявленія г. Милюковъ,—привыкло во всѣхъ важныхъ отечественныхъ событіяхъ выказывать свое *безкорыстіе и нерѣдко самопожертвованіе* для общей пользы". Но оно не мѣшаетъ автору мнѣнія черезъ нѣсколько строкъ возму-

---

земледѣльческой работы" и пр. Не меньше ужасовъ предвидѣли они и отъ лишенія помѣщиковъ вотчинной полиціи и предоставленія крестьянскимъ обществамъ самоуправленія. „Мы съ трудомъ можемъ вообразить, — писали 36 депутатовъ,—какъ будетъ управляться нынѣшнее крѣпостное населеніе, распредѣленное на 10.000 какихъ-то *республикъ*, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа и, не будучи въ силахъ сохранить, благодаря демократическому своему строю, общественный порядокъ будетъ развивать въ членахъ общины коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ" (см. Скребицкій. Крестьянское дѣло, I, 812—813).—Эти бредящіе наяву озлобленные фанатики крѣпостного права и понынѣ не перевелись. Они и не скоро переведутся. „Пока, — какъ справедливо писалъ симпатичный кн. Одоевскій,—не переведется поколѣніе, испытавшее лично сладость крѣпостного права, до тѣхъ поръ не переведутся и надежды, какъ бы онѣ ни были нелѣпы, о возможности возстановленія крѣпостного состоянія, хотя бы подъ другимъ наименованіемъ, подъ видомъ предложеннаго не разъ въ печати, для улучшенія быта крестьянъ, помѣщичьей полиціи. Наиболѣе образованные дворяне вполнѣ понимаютъ 19-е февраля и сочувствуютъ, — но не тѣ изъ помѣщиковъ, которые привыкли съ дѣтства къ полной праздности, къ удобству при надобности въ деньгахъ выжимать ихъ изъ крестьянъ, брать любую женщину въ любовницы и т. п. Сіи послѣдніе не могутъ забыть прежняго и не разстаются со своей затаенною мыслью, которая подъ разными *благонамѣренными* предлогами прорывается во всевозможныхъ случаяхъ" (*Русск. Архивъ* 1895 г., № 5 — Гражданскіе завѣты кн. В. Ѳ. Одоевскаго). Предъ благороднымъ авторомъ „Гражданскихъ Завѣтовъ" какъ будто носился образъ современнаго глашатая гражданин'скихъ завѣтовъ клики крѣпостниковъ, кн. Мещерскаго, который приходитъ въ бѣшенство при одномъ напоминаніи „19-го февраля", а въ день годовщины объявленія воли бѣснуется совсѣмъ, какъ Иродіада. Въ одну изъ послѣднихъ годовщинъ, изругавъ кн. Черкасскаго и Самарина за проведеніе въ крестьянской реформѣ „соціалистическихъ" началъ, *Гражданинъ* заявляетъ, что Россію спасли—кто же? *титулованные богачи-барчуки* (№ отъ 25 февр. 1895 г.). Этотъ достойный панданъ къ капитолійскимъ гусямъ свидѣтельствуетъ, что скромность не изъ числа многочисленныхъ добродѣтелей, сіяющаго своимъ непомѣрнымъ невѣжествомъ титулованнаго издателя всуе именуемаго *Гражданина*.

[1]) См. отзывъ губ. предв. Унковскаго, стр. 2—3.

щаться даже безвозмезднымъ освобожденіемъ женской дворовой прислуги, принятымъ въ Комитетѣ большинствомъ 20 противъ 7 [1]). Въ заключеніе своего пространнаго мнѣнія г. Милюковъ торжественно объявляетъ, что тверское дворянство „потеряло довѣріе къ своимъ депутатамъ и замѣнило его *презрѣніемъ* къ нимъ“, и громко протестуетъ противъ основъ Положенія, какъ противныхъ законамъ нашего отечества и благой волѣ монарха и кроющихъ въ себѣ начала самой гибельной анархіи“ (стр. 7—10).

Приведенныхъ образцовъ достаточно, чтобы видѣть, до какихъ чудовищныхъ крайностей доходили приверженцы крѣпостного права, стремившіеся прикрыть свои корыстныя вожделѣнія, свои личныя и сословныя выгоды щитомъ политической благонадежности и патріотическаго усердія.

Сколько нужно было искусства, энергіи, самопожертвованія, вѣры въ себя и въ нравственныя силы освобождаемаго народа, чтобы съ неостывающимъ рвеніемъ и мужествомъ отстаивать „святое дѣло“ отъ систематическихъ нападокъ, сильныхъ [2]) своимъ общественнымъ положеніемъ и богатствомъ, враговъ дѣйствительнаго освобожденія и излѣчить Россію отъ глубоко въѣвшейся отвратительной проказы крѣпостного строя, заклейменной навсегда пламеннымъ Пушкинскимъ стихомъ:

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльцевъ;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство толпее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя.
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя.

---

[1]) Въ своемъ отзывѣ противъ мнѣнія г. Милюкова Унковскій приводитъ на справку, что нѣкоторыя постановленія Комитета принимались единогласно, другія значительнымъ большинствомъ, въ томъ числѣ и г. Милюковымъ. Г. Милюковъ называетъ „возмутительными“ иногда и такія постановленія, подъ которыми имѣется его собственноручная подпись (стр. 5, 6, 7).

[2]) „Поборники этого направленія (обезземеленія крестьянъ),—писалъ въ 1859 г. Ланской къ Александру II,—нашли себѣ сочувствіе въ дворянствѣ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ Вамъ, Государь, особахъ и нѣкоторыхъ членахъ Главнаго Комитета“ (намекъ на М. Н. Муравьева, на В. А. Долгорукова и отчасти на гр. В. А. Адлерберга). См. т. II назв. соч. Семенова, стр. 831.

И этотъ-то гнусный рабскій строй находитъ панегиристовъ даже въ наши дни! Находятся безстыжія крѣпостническія перья, которыя въ „благонамѣренныхъ“ фарисейскихъ изданіяхъ оплакиваютъ паденіе гнуснаго эльдорадо развратныхъ тунеядцевъ и, нахально ругаясь надъ тѣмъ, что свято для всякаго честнаго человѣка, громогласно величаютъ это поганое царство безправія и разврата, профанируя гомеровскій стихъ—„*святымъ*“, великимъ, невозвратнымъ Иліономъ“ [1]).

Если даже теперь, черезъ тридцатьсли шкомъ лѣтъ, съ умиленіемъ и воздыханіемъ вспоминаются постыдные крѣпостные порядки, невозвратность коихъ окончательно признана даже героями „Дыма“, то это одно показываетъ, какъ глубоки были корни этой застарѣлой язвы, этого многовѣковаго позорнаго устоя русской жизни, упраздненіе котораго даже люди благонамѣренные, но робкіе, ждали со страхомъ и трепетомъ!..

Тѣмъ больше чести и славы небольшой, но могучей кучкѣ безкорыстныхъ общественныхъ дѣятелей и просвѣщенныхъ руководителей общественнаго мнѣнія, которые, слѣдуя девизу:

Вѣруй вожатому разуму, бодро плыви океаномъ...

имѣли смѣлость взглянуть прямо въ лицо этому „страшному вопросу“ и, во имя права и разума, вступить, для освобожденія народа, въ неравную борьбу съ могущественными поборниками вѣковой неправды и застоя.

Не менѣе велики заслуги и тѣхъ государственныхъ людей, которые, сумѣвъ возвыситься надъ обычною бюрократическою рутиной, возводящею въ идеалъ застой и общественную апатію [2]), оперлись на просвѣщенную часть общества и литературы, на „лучшія силы народа“, въ союзѣ съ

---

[1]) См. „Москов. Вѣдом.“ 1891 г., № 54, фельетонъ Говорухи-Отрока.

[2]) По убѣжденію типичнаго бюрократа, ученика Меттерниха, австр. императ. Франца, государство—это машина, государственное управленіе должно итти, какъ заведенные часы. Нечего трогать, перемѣнять: только все испортишь: Іосифъ II, какъ безпокойный, пытливый ребенокъ, вздумалъ потрогать машину—и что же вышло? — только разстроилъ. „Держитесь старины, — говорилъ Францъ профессорамъ лейбахскаго лицея. — Нашимъ предкамъ хорошо было при старинѣ, отчего же намъ будетъ дурно? Теперь (начало XIX в.) новыя идеи въ модѣ: я ихъ не могу одобрить, никогда не одобрю“. Францъ запретилъ болѣе 2.500 книгъ, изданныхъ при Іосифѣ II. Ѣсть, пить, наслаждаться музыкою и какъ можно меньше отягощать себя мыслью—вотъ главное правило добраго подданнаго (Францъ войны не любилъ, но любилъ музыку. При Францѣ музыкантъ могъ дойти до генералъ-адъютантскаго званія). Всякое дѣло совершается въ канцеляріяхъ.—Какое *дѣло*,— спрашиваютъ иные, но такіе вопросы могутъ поднимать,— иронически замѣчаетъ Соловьевъ, — только либералы-идеологи (см. С. М. Соловьева — Александръ I стр. 194).

которыми „правительство, какъ выразился знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, можетъ быть безнаказанно либеральнымъ“ [1]).

Память этихъ честныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, способствовавшихъ благополучному исходу реформы, „предъ которой, по замѣчанію тверского комитета, блѣднѣютъ всѣ доселѣ представляемыя намъ не только русскою, но и всемірною исторіей“, безспорно перейдетъ на страницу исторіи русской культуры.

И менаэтихъ благородныхъ, мужественныхъ и безкорыстныхъ сѣятелей „разумнаго, добраго, вѣчнаго“ на пользу родины и человѣчества [2]), этихъ доблестныхъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, навсегда сохранятся въ признательной памяти призваннаго къ жизни въ 1861 году [3]) русскаго

---

[1]) См. превосходное мѣсто объ отношеніи правительства къ простому народу и интеллигенціи на стр. 197—198 н. с. Соловьева—Александръ I. Оно отчасти приведено въ эпиграфѣ.—Приводимъ начало: „Настоящее правительство не задерживаетъ своей народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ словъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое, въ минуту искушенія, дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобы ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выступили на свободу“ (стр. 193).

[2]) Старый эмигрантъ Н. И. Тургеневъ († 1871 г.),—одинъ изъ немногихъ декабристовъ, дожившій до счастливаго момента осуществленія грезы своей молодости, до „воли“, — получивъ экземпляръ изданій Редакц. Коммиссіи, писалъ Н. А. Милютину: „Помимо громадности положеннаго труда, всѣ безпристрастные люди должны вспомнить теперь и оцѣнить значеніе нравственной борьбы, которую эти честные и добросовѣстные труженики (члены Ред. Ком.) должны были нести противъ столькихъ враждебныхъ вліяній. Чрезъ это ихъ заслуги предъ Россіею и человѣчествомъ получаютъ новое значеніе, еще болѣе крупное и блестящее. Кромѣ того, въ *Трудахъ Ред. Ком.* я вижу неопровержимое доказательство тому, что въ Россіи можно задумывать и выполнять самыя крупныя реформы. Что касается меня, я никогда въ томъ не сомнѣвался; но теперь доказательство такъ очевидно, что оно должно убѣдить всѣхъ и каждаго“. (Н. с. Лероа-Болье, 91).

[3]) Въ письмѣ своемъ къ кн. А. Ѳ. Орлову отъ 14 февраля 1859 г. Я. И. Ростовцевъ замѣчаетъ, что „Государь *создаетъ* русскій народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало“.—Что въ отзывѣ нѣтъ никакого преувеличенія, это лучше всего видно изъ характеристики г. Валуева, по которой дореформенная Россія оканчивалась XIV классомъ.

народа и свято будутъ почитаться со временемъ, когда народъ придетъ въ возрастъ, разумъ и сознаніе; когда наступятъ, наконецъ, тѣ ясные, красные дни, которыхъ онъ ждетъ не дождется въ теченіе долгихъ вѣковъ, и зарю которыхъ онъ такъ горячо [1]) привѣтствовалъ первыми умильными радостными слезами въ святой [2]), великій день объявленія воли, въ эту „счастливѣйшую, по выраженію академика Пекарскаго, въ жизни каждаго честнаго человѣка минуту“ [3]) нарожденія свободы народной...

Вспоминая, спустя много лѣтъ и послѣ многихъ печальныхъ разочарованій и грозныхъ потрясеній, это благодатное и радостное время объявленія воли, продолжавшее сіять, какъ свѣтлая путеводная звѣзда царствованія Александра II, Государственный Совѣтъ въ своемъ юбилейномъ адресѣ отмѣчалъ рядъ законодательныхъ мѣропріятій, обновившихъ весь

---

[1]) „Сердце мое билось, — писалъ бывшій дворовый, передавая впечатлѣнія дня объявленія, воли,—при видѣ этихъ простыхъ, но восторженныхъ и оживленныхъ мыслію лицъ! Радостно я думалъ: этакое пришло время, что все оживаетъ, все въ движеніе приходитъ; что было *вещью*, то нынѣ стало существомъ, что было безмолвно, теперь стало говорить! Вѣдь, какъ эти люди просвѣтлѣли, какъ воодушевились, и какъ живо говорятъ ихъ восторженныя лица о ихъ способности трудиться, работать, промышлять копейку и беречь ее на черный день (замѣчено было, что въ ожиданіи объявленія воли мѣдная монета, единственно доступная народу, стала уменьшаться въ обращеніи къ 1860 г. См. н. Матеріалы II, 343). Я глубоко убѣжденъ, что этотъ классъ не осрамитъ себя. Да, я въ этомъ увѣренъ, потому что въ нихъ цѣла душа, цѣла вѣра, цѣла любовь ко всякому доброму дѣлу“ (*Моск. Вѣд.* 1861 г., № 56, 11-го марта и 27-го февраля).

[2]) Тотъ же литераторъ—дворовый о чествованіи „святого“ дня 5-го марта писалъ: „Одни говорили: нужно во всякомъ селеніи установить, чтобы день объявленія свободы былъ празднованъ молебствіемъ съ поднятіемъ образовъ за благоденствіе Государя Императора и Россіи; другіе говорили: съ того дня открыть сборъ на какое-нибудь богоугодное заведеніе, названное именемъ Государя Императора. Съ какимъ восторгомъ и чистосердечіемъ говорилось это — я не могу здѣсь передать“. (Тамъ же). Крѣпостники старались заглушить мысль не только о церковномъ, но и о свѣтскомъ празднованіи „гражданскаго воскресенія“. Мысль объ установленіи гражданскаго празднества въ память освобожденія была поднята въ 1900 г. одною петербургскою либеральною газетою. *Московскія Вѣдомости* (1900, № 69) страшно обидѣлись на это предложеніе, заявивъ, что можемъ „мы, а не вы, устраивать праздество 19-го февраля“. Подъ *мы Моск. Вѣд.* разумѣютъ „послушное и великодушное дворянство“, помогшее совершить „подвигъ“ освобожденія. Положимъ, о содѣйствіи дворянства прагматическая исторія приходитъ къ иному заключенію (см. вышеприведенную (стр. 122) ироническую отмѣтку Александра II: „хорошо доказало“, но пусть правы будутъ *Моск. Вѣдом.*, зачѣмъ же дѣло стало? Почему эти „мы“, отъ имени которыхъ онѣ говорятъ, въ теченіе 40 лѣтъ не собрались ознаменовать величайшее событіе русской исторіи?

[3]) См. сборникъ „Братчина“, статья академика Пекарскаго, 221.

строй государства, и память о коихъ „останется неизгладимою въ лѣтописяхъ нашего отечества“, а величайшему изъ нихъ—освобожденію крестьянъ онъ посвятилъ слѣдующія умильныя, но чуждыя лести строки: „Великое, святое дѣло совершилось. — Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за Государя милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ, радостныхъ слезъ оросило русскую землю. *Наименованіе Освободителя въ благодарной памяти народной, связанное съ именемъ Александра II, будетъ навсегда краснорѣчиво-простымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано русскими сердцами*“ [2]).

---

1) Русскій Біограф. Словарь, 875

II.

ОТМѢНА ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІЙ.

Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣлывалися беззаконія самыя безчеловѣчныя. Искусство (опытъ) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими.

§ 85 Наказа Екатерины II.

Право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію.

Ѳ. Достоевскій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

(Справка къ 30-тилѣтію).

Чѣмъ человѣчнѣе будете поступать съ преступниками, тѣмъ человѣчнѣе будутъ и они, и тѣмъ чувствительнѣе будетъ для нихъ всякое благоразумное, а не скотское наказаніе.

Проф. И. Бѣляевъ.

Словно въ сказкѣ какой: Россія въ 1863 году изъ битаго царства вдругъ небитое стало!..

Д. Ровинскій.

I.

17-го апрѣля 1818 г. въ кремлѣ Московскомъ, въ Николаевскомъ дворцѣ родился у великаго князя Николая Павловича первенецъ Александръ. Новорожденнаго поэтъ Жуковскій напутствовалъ, по какому-то вѣщему наитію, на предстоящій жизненный путь, величія котораго въ эту минуту никто не могъ предвидѣть (наслѣдникомъ престола въ то время считался, какъ извѣстно, старшій братъ Николая I, великій князь Константинъ Павловичъ), замѣчательными стихами, коихъ, „плѣнительная сладость, по слову Пушкина, прошла вѣковъ завистливую даль“. Жуковскій, между прочимъ, говорилъ:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ
Да на чредѣ высокой не забудетъ:
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ.

Исполнилось трогательное, воистину благочестивое пожеланіе гуманнаго поэта: ровно черезъ 45 лѣтъ, день въ день 17-го апрѣля, этотъ младенецъ, уже ставшій мужемъ и стяжавшій на обоихъ полушаріяхъ слав-

ное, великое и завидное наименованіе Царя-Освободителя, исполняя напутствіе человѣколюбиваго поэта, а впослѣдствіи и наставника, далъ въ день своего рожденія [1]) жизнь одному изъ величайшихъ и человѣчнѣйшихъ законодательныхъ актовъ—благодѣтельному закону 17-го апрѣля 1863 года о полной отмѣнѣ *жестокихъ тѣлесныхъ наказаній* въ гражданскомъ вѣдомствѣ, въ арміи и во флотѣ.

„Силъ прибываетъ,—писалъ по поводу этого закона И. С. Аксаковъ. Еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготы меньше. Удрученный бременемъ, богатырь выпрямился... Благо тому, кто облегчилъ его бремя, кто снимаетъ гнетъ съ Русской земли! Плети, шпицрутены, клейма, торговыя казни, все это *было*, всего этого уже *нѣтъ*, все рухнуло въ темную бездну минувшихъ золъ пережитаго русскаго горя! Долой, — гласитъ между строкъ Государевъ Указъ Сенату,—всѣ оружія *истязанія и срама*, долой сейчасъ же, немедленно по полученіи указа! [2]). Вонъ изъ нашей рѣчи, вонъ навѣки вся эта терминологія, эти выраженія, съ которыми такъ постыдно свыклись наши уста и нашъ слухъ, эти „сквозь строй“, „засѣчь“, „перепороть“ со всѣми ихъ безчисленными, отвратительными варіантами! „Заплечному мастеру“ нѣтъ уже дѣла въ Русской землѣ“. Пищущій эти строки помнитъ то время, тѣ тяжелыя пережитыя имъ ощущенія, когда по обязанностямъ судьи, съ добросовѣстностью молодого юриста, онъ подписывалъ „законные“ приговоры о преданіи жен-

---

[1]) Чуткое признательное народное чувство, несмотря на отсутствіе всякой оффиціальной помпы, по случаю объявленія человѣколюбиваго Указа 17 апрѣля, само, по сообственной иниціативѣ, инстинктивно сблизило мѣсто и день рожденія Виновника милосерднаго закона съ днемъ его изданія. „Въ Москвѣ 17-го апрѣля заноситъ въ свой дневникъ проф. Никитенко, былъ невыразимый народный энтузіазмъ. Народъ потребовалъ, чтобы молебенъ былъ отслуженъ на площади противъ оконъ тѣхъ комнатъ дворца, гдѣ родился Государь. Народъ палъ на колѣни и молился за Россію и Государя. Очевидцы говорятъ, что это было зрѣлище великолѣпное и трогательное“ (см. Записки и дневникъ Никитенка, т. II, 380). Любопытно, что этотъ фактъ пройденъ совершеннымъ молчаніемъ *Моск. Вѣдом.*, только что перешедшими къ Каткову и Леонтьеву. Положимъ, въ то время газета была поглощена польскими дѣлами, но находила же она время и мѣсто для выставки „кохинхинскихъ куръ“ и т. п, важной матеріи (см. *Моск. Вѣдом.* №№ 82—85 за 1863 г.).—14-го мая 1893 г. на помянутой площади производилась закладка памятника Александру II, сооруженнаго по проекту художника П. В. Жуковскаго, сына поэта.

[2]) Это радостное чувство оказалось у всѣхъ, кромѣ, конечно, закоснѣлыхъ консерваторовъ-кнутофиловъ.—Когда я получилъ извѣщеніе,—пишетъ бывшій губернаторъ Денъ,—что Государь окончательно приказалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія, слезы брызнули изъ глазъ, я послалъ гонцовъ во всѣ уѣзды, чтобы остановить исполненіе приговоровъ на прежнемъ основаніи (Исторія тѣлесныхъ наказаній. Спб. 1897. Тимофеева, 123).

щинъ на всенародный позоръ, на торговую казнь. Съ ужасомъ возстановляя въ нашей памяти картину минувшаго, мы тѣмъ живѣе цѣнимъ добро, дарованное указомъ, невольнымъ умиленіемъ проникается сердце! Легче дышется, вольнѣе живется, слышишь ростъ Русской земли: *силъ прибываетъ*... А еще сколько ихъ можетъ прибыть? Еще цѣлые источники новой силы таятся, нераскопанные или засоренные тиною и иломъ... Еще не совсѣмъ снята печать молчанія съ нашихъ устъ, еще робѣетъ русское слово“ [1]).

Эта могучая побѣда милосердія, благородной отважной вѣры въ силу добра и довѣрія къ человѣчнымъ инстинктамъ „вчерашняго раба“ была вмѣстѣ съ тѣмъ крупною побѣдою честныхъ и человѣколюбивыхъ друзей народной свободы надъ тупыми, мнительными и своекорыстными консерваторами, которые приходили въ ужасъ при одной мысли объ отмѣнѣ плетей и розогъ тотчасъ послѣ объявленія воли. Благополучное повсемѣстное, за небольшими исключеніями, объявленіе воли, вопреки трусливымъ и близорукимъ карканіямъ представителей крѣпостного лагеря, пророчившихъ Россіи всѣ ужасы революціи и пугачевщины,—сильно окрылило сторонниковъ рѣшительныхъ либеральныхъ реформъ. Правда, собственно крестьянской реформѣ нанесенъ былъ довольно чувствительный ударъ удаленіемъ въ апрѣлѣ 1861 г. отъ дѣлъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. С. С. Ланскаго и его товарища, точнѣе руководителя и вдохновителя, Н. А. Милютина; но дѣлая эту уступку въ лицахъ, правительство явственно выражало намѣреніе выступить открыто на путь постепеннаго обновленія нашего законодательства, ставшаго особенно неотложнымъ именно вслѣдствіе отмѣны крѣпостного права—этого коренного устоя стараго порядка. Въ числѣ другихъ поставленныхъ на очереди реформъ (земской, судебной, университетской, цензурной и пр.), первою получила движеніе и рѣшеніе реформа уголовнаго права. Публичное дранье и истязанье на площадяхъ, часто до полусмерти плетьми и розгами, безъ различія пола и возраста, безчеловѣчное прогнаніе сквозь строй, справедливо приравнивавшееся къ жесточайшимъ видамъ смертной казни, наложеніе, тоже публично, клейма,—таковы были характеристическія черты

---

[1]) См. *День* 1863 г., № 17.—Занося въ свою лѣтопись Указъ 17 апрѣля, *Современникъ* писалъ: Мы твердо увѣрены, что ни одно государство не можетъ надѣяться на процвѣтаніе въ будущемъ, если не уничтожить въ себѣ старыхъ институтовъ, задерживающихъ ея ходъ, если не откажется отъ старыхъ преданій и тенденцій узкаго эгоизма и не станетъ на штандпунктъ человѣчески-народныхъ интересовъ. Вотъ почему, желая желаніемъ пламеннымъ славы и счастья нашему отечеству, мы съ восторгомъ привѣтствуемъ всякую законодательную мѣру, имѣющую цѣлью просвѣщеніе массъ, гуманизированіе ихъ нравовъ, распространеніе благосостоянія. *Современникъ*, 1863, № V, 182.

уголовныхъ наказаній, дѣйствовавшихъ въ Россіи всего 30 лѣтъ тому назадъ [1]).

До изданія гуманнаго Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1863 г. тѣлесныя наказанія всевозможныхъ видовъ и степеней составляли основу нашей карательной системы, корни коей восходили къ Уложенію „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича 1649 года [2]).

Различіе между Уложеніемъ 1648 года и Уложеніемъ 1845 г. сводилось, главнымъ образомъ, только къ постановкѣ института смертной казни. Тогда какъ первое назначало смертную казнь въ 60 статьяхъ, Уложеніе 1845 г. ограничивало примѣненіе ея тремя-четырьмя случаями, введя, однако, ее *впервые* въ видѣ общаго правила за важнѣйшія политическія преступленія. Кромѣ того, первое назначало въ 140 случаяхъ наказаніе кнутомъ, смертельный исходъ котораго былъ явленіемъ весьма обычнымъ. Такимъ образомъ смертная казнь, въ теоріи отмѣненная еще указами 1753—1754 гг., до 1845 г. фактически процвѣтала въ квалифи-

---

[1]) Чуждый всякой сантиментальности и либерализма, сенаторъ Лебедевъ такъ характеризуетъ это недавнее „доброе старое время“:—„Повсюду только и слышно: плеть да кнутъ, ссылка и каторга“. (*Русскій Архивъ*, 1893 г.).

[2]) См. Сергѣевскаго.—Наказаніе въ русск. правѣ, стр. 162.—См. также Тимоѳеева—Исторія тѣлесныхъ наказаній. Спб. 1897.

— *Судебникъ* Ивана III въ 1497 г. впервые ввелъ заимствованныя у татаръ тѣлесныя наказанія. До виртуозности довело ихъ Уложеніе 1649 г., назначивъ ихъ болѣе чѣмъ въ ста случаяхъ и въ шести разныхъ видахъ: 1) битье кнутомъ, 2) битье кнутомъ на козлѣ, 3) битье кнутомъ нещадно, чтобъ другимъ было не повадно такъ дѣлать, 5) битье кнутомъ на торгу, 6) битье кнутомъ, водя по торгу, иногда по три дня и больше. Кромѣ того, Уложеніе „тишайшаго“ царя назначало отрѣзанье руки, ноги, носа, ушей, губъ, распарываніе ноздрей. Петръ I для военныхъ придумалъ „легкое наказаніе“ — 1) ношеніе оружія (нагрузятъ на провинившагося ружей десятка два, поставятъ несчастнаго такъ, чтобъ и ногой не переступилъ — стоитъ иногда часовъ 5 или 6). Самъ я въ малолѣтствѣ видѣлъ, — разсказываетъ Бѣляевъ, — какъ отъ такой стойки люди падали и послѣ были отправляемы въ лазаретъ. Нечего сказать, наказанье легкое и назначалось-то за великія провинности, напр., солдатикъ испортилъ фронтъ, выдался впередъ или очень подался. Другія, введенныя Петромъ наказанія были: 1) закованье въ желѣзо ногъ и рукъ; 2) посаженье на деревяннаго коня; 3) прогулка по деревяннымъ кольямъ; 4) батожья (по усмотрѣнію командира безъ счета). (См. статьи проф. И. Д. Бѣляева: „Своевременна ли отмѣна тѣлесн. наказ.“ *День*, 1863, №№ 51 и 52).

— Въ губерніяхъ Эстляндской и Лифляндской вмѣсто плети дѣйствовали „пиррутены“ (прутья), вѣроятно, нѣчто очень близкое къ шпицрутенамъ, судя по тому, что 100 ударовъ плетьми, по легальному тарифу, признавались равными 30 пиррутенамъ и исполнялись въ три воскресенья, по десяти на каждое (см. подробности этого отдѣла „кнутологіи“ въ примѣч. ст. 21 Улож. о наказ., изд. 1857 г.).

цированномъ, то-есть утонченно-жестокомъ видѣ. Уложеніе 1845 года кнутъ замѣнило трехвостною плетью. Впрочемъ, для военныхъ и ссыльно-каторжныхъ оставленъ былъ тотъ же кнутъ въ видѣ палокъ или шпицпрутеновъ.

Сущность произведенной въ 1845 г. карательной реформы, привѣтствованной необыкновенно пышно съ каѳедръ тогдашнею пресмыкающеюся „кнутофильскою“ наукою [1]), въ лицѣ извѣстныхъ братьевъ-криминалистовъ, сводилась, по одной мѣткой характеристикѣ, къ слѣдующему. Еще кнутъ, писалъ маститый ученый Д. А. Ровинскій [2]), мало-по-малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя въ свою очередь сперва приведены въ систему, потомъ *усовершенствованы и отрехвощены* [3]) и, наконецъ, со спины спущены на бо-

---

[1]) Щедринъ далъ этимъ типичнымъ панегиристамъ всякаго statu quo ѣдкую характеристику, которая примѣнима и къ инымъ современнымъ гибкимъ криминалистамъ (см. главу IV).

— На Брюссельскомъ конгрессѣ криминалистовъ въ 1849 г. Цеа заявилъ, что Россія не остается позади просвѣщенныхъ народовъ и уничтожила „ужасное орудіе наказанія“—кнутъ. Это заявленіе было покрыто аплодисментами. Одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что кнутъ только замѣненъ плетью, на что Цеа возражалъ, что плеть нельзя и сравнивать съ кнутомъ. Предсѣдатель собранія указалъ, что одобреніе собранія могло относиться лишь къ отмѣнѣ кнута, но не къ одобренію плети (Тимоѳеевъ, 176).

[2]) См. Русскія Народныя Картины Д. Ровинскаго Спб. 1881, V, 322—323.

[3]) Хвостъ *кнута* состоялъ изъ бѣлаго сыромятнаго ремня, длиною въ 13 вершковъ, шириною $^6/_8$ вершка. Онъ былъ твердъ, какъ кость, и загнутъ съ обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. При ударахъ острые края должны были приходиться къ спинѣ наказываемаго.—Сила ударовъ была такова, что онъ пробивалъ мясо почти до костей. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ мѣняли кнутъ, такъ какъ ремень размягчался отъ крови. Въ часъ давали не болѣе 20 ударовъ, такъ что торговая казнь иногда длилась отъ восхода до захода солнца.

— Плетиво *плети* состояло изъ столбца, 6 вершковъ длиною, съ тремя хвостами, въ 1 аршинъ и 4 вершка длиною. Хвосты оканчивались узлами. Столбецъ и хвосты сдѣланы были изъ цѣльныхъ ремешковъ, нарѣзанныхъ изъ куска толстой кожи (см. н. с. Сергѣевскаго, стр. 170—171).

— *Розги* употреблялись (въ Польшѣ) изъ березовыхъ и ивовыхъ лозъ или прутьевъ, толщиною въ гусиное перо, длиною отъ 2 до $2^1/_4$ аршинъ, связанныхъ по 4 вмѣстѣ; потоньше и покороче избираются для женщинъ и для слабаго сложенія (см. Отзывъ Намѣст. Ц. Польскаго въ Юрид. Вѣстн. 1892, № 7 и 8, стр. 497).—Какъ мужчинъ, такъ и женщинъ били по задней части тѣла.—Въ Остзейскихъ губ. били по спинѣ, а въ Дерптѣ по задней части и по ляжкамъ (тамъ же, 408).

— Мѣстомъ наказанія въ Москвѣ была сначала Красная, потомъ обыкновенно Конная площадь (см. Н. С. Сергѣевскаго, стр. 149 — 164). На Красной площади была наказана въ 1768 г. извѣстная своими звѣрскими поступками съ крѣпостными Салтычиха (гладила дѣвушекъ горячимъ утюгомъ) вмѣстѣ съ соучастни-

лѣе мягкія части, а шпицрутены, это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца, не только оставались и послѣ человѣчнаго указа 1801 г., но еще обогатились введеніемъ новой „Аракчеевской манеры“, наглядно характеризующей кровожаднаго наперсника державнаго ученика сантименталь-наго Лагарпа (см. ниже).

По Уложенію 1857 г. тѣлесное наказаніе составляло для лицъ непривилигированныхъ необходимое дополненіе всякаго уголовнаго наказанія, начиная отъ тяжкаго уголовнаго и кончая легкимъ исправительнымъ. При ссылкѣ въ каторжную работу назначалось публичное наказаніе отъ 30 до 100 ударовъ плетьми чрезъ палача. Вслѣдъ за этимъ производилось клейменіе, наложеніе штемпельныхъ знаковъ или *клейма*, т. е. постановленіе „такъ же публично и чрезъ палача опредѣленнымъ для того способомъ“, какъ выражается ст. 160 Улож., на лбу и щекахъ трехъ буквъ: К. А. Т. (т.-е. „каторжникъ“), съ принятіемъ мѣръ, какъ гласитъ ст. 544 т. XV ч. 2, „указанныхъ для предупрежденія вытравленія наложенныхъ знаковъ“ [1]). Публичное наказаніе плетьми назначалось и при ссылкѣ въ

ками ея, ея же людьми и попомъ, которые тутъ же были биты кнутомъ.—Сѣкли также чуть не на всѣхъ площадяхъ Москвы: Арбатской, у Патріаршихъ прудовъ, Цвѣтного бульвара и т. д. Нынѣшнею осенью,—писалъ проф. Бѣляевъ въ 1862 году,—производилась экзекуція на Арбатской площади надъ однимъ грабителемъ; дѣло обстояло какъ слѣдуетъ, народу было тьма, сѣкли сообразно съ долгомъ службы—исправно; изъ жителей многіе отворачивались, у другихъ кружилась голова, были и такіе, съ которыми дѣлалось дурно, а между тѣмъ въ это время мошенники въ этой же толпѣ шарили по чужимъ карманамъ, обрѣзывали цѣпочки и вовсе не обращали вниманія на то, что ихъ товарища бьютъ до костей и т. п. Авторъ не безъ остроумія сравниваетъ такой способъ устрашенія съ тѣмъ, какъ вѣшаютъ на шестѣ въ огородѣ убитую ворону, что, однако, не мѣшаетъ другимъ воронамъ обирать огородъ (№ 52 *Дня* 1862).

[1]) Варварскія подробности клейменія см. у. Тимоѳеева стр. 142—147.—У него же см. описаніе крестообразной „кобылы“ или „кобылки“ (какъ она деликатно именовалась оффиціально), на которой производилось наказаніе кнутомъ. См. у него же, стр. 162—165.

— Клейменіе введено было закономъ 21 іюля 1845 г. Въ 1846 г. Медицинскимъ Совѣтомъ была составлена инструкція фельдшерамъ для наложенія клеймъ, разосланы инструменты, составъ для натиранія знаковъ (смѣсь изъ индиго и туши) и рисунки руки и лопатки, съ указаніемъ мѣста, гдѣ надлежитъ ставить клейма.—Клейма стирались отъ времени и за это привлекались къ отвѣтственности уѣздный стряпчій и врачъ. Медицинскій Совѣтъ съ прискорбіемъ указывалъ въ 50-хъ годахъ, что „нѣтъ такого средства клейменія, посредствомъ котораго знаки оставались-бы неизгладимыми, что, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ состояніи *науки* (вотъ для чего она была нужна въ доброе старое время!) оно признается недостижимымъ (увы!) и что даже каленое желѣзо, употреблявшееся во Франціи въ исключительныхъ случаяхъ, не вполнѣ соотвѣтствовало ожиданіямъ. Но впослѣдствіи, т.-е. съ началомъ освободительной эпохи, Медицинскій Совѣтъ полу-

Сибирь на поселеніе. При отдачѣ въ арестантскія роты назначалось отъ 50 до 100 ударовъ розгами чрезъ полицейскихъ служителей. Розгами же замѣнялось и кратковременное тюремное заключеніе и арестъ.

Кромѣ того, для ссыльно-каторжныхъ и военно-служащихъ существовали въ Сводѣ Законовъ особыя жестокія наказанія *шпицрутенами* или прогнаніе сквозь строй. Число ударовъ шпицрутенами достигало ужасающей цифры 5000—6000. Это наказаніе сопровождалось для каторжныхъ *прикованіемъ* къ телѣжкѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ.

Нельзя сказать, чтобы жестокія наказанія, унаслѣдованныя отъ XVII—XVIII вв., не встрѣчали протеста со стороны болѣе развитой части общества. Царственная ученица Беккаріи, Вольтера, Монтескье писала еще въ 1767 году въ своемъ знаменитомъ Наказѣ: „Искусство (т.-е. опытъ—*l'expérience*) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими. Сдѣлался вредъ ли въ государствѣ чувствительный отъ какого непорядка,—продолжаетъ Наказъ,—насильное правленіе хочетъ внезапно исправить, и вмѣсто того, чтобы думать и стараться о исполненіи древнихъ законовъ, установляетъ жестокое наказаніе, которымъ зло вдругъ прекращается. Воображеніе въ людяхъ дѣйствуетъ при семъ великомъ наказаніи такъ же, какъ бы оно дѣйствовало и при маломъ; и какъ уменьшится въ народѣ страхъ сего наказанія, то нужно уже будетъ установить во всѣхъ случаяхъ другое“ (§§ 86, 87). „Упомянувши съ ужасомъ и съ внутри содраганіемъ чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тысячъ безчастныхъ людей, которые претерпѣли столько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканнымъ и въ дѣйство произведенныхъ, безъ малѣйшаго совѣсти зазора, людьми давшими себѣ имя премудрыхъ“, гуманный авторъ Наказа заключаетъ: „страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣлывалися беззаконія самыя безчеловѣчныя“ (§ 206).

Но, къ сожалѣнію, эти гуманныя идеи оставались въ области литературныхъ упражненій, и при самой державной почитательницѣ Беккаріи не только господствовалъ кнутъ, но и бывали случали самыхъ жестокихъ видовъ смертной казни въ видѣ колесованія и четвертованія (примѣч. къ

чилъ возможность заступиться „за права науки и достоинство врачей“. Обязанность врача, писалъ Совѣтъ въ 1861 г., облегчать страданія; для успѣшнаго исполненія ея онъ долженъ пользоваться довѣріемъ общества. Какимъ образомъ можно фельдшера обращать въ палача, а врача въ его пособника? „Легко понять, какъ будетъ встрѣченъ въ образованномъ обществѣ врачъ, прибывшій съ лобнаго мѣста и принимавшій личное участіе въ занятіяхъ палача, или фельдшера, вытравлявшаго клейма“. (См. Сводъ Мнѣній и Замѣчан. по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесн. наказ. стр. 63—65).

ст. 16, Зак. Уголов., изд. 1842 г.), а также жестокаго гоненія мысли въ лицѣ Новикова и др. [1]).

Даже внукъ ея, либерально настроенный въ началѣ царствованія Александръ I, отмѣнивъ, конечно въ теоріи только, пытки, вырываніе ноздрей и тѣлесное наказаніе для духовенства, оставилъ въ неприкосновенности чудовищный кнутъ, нѣсколькими ударами коего, по отзыву графа Мордвинова, опытный палачъ могъ засѣчь до смерти сильнаго мужчину [2]), а Аракчеевъ даже изобрѣлъ особую манеру битья шпицрутенами, названною въ честь его „аракчеевскою“ и достойно прославившаго имя изобрѣтателя! Съ этой манерой „проводка сквозь строй въ гарнизонѣ“, свыше 500 ударовъ, часто равнялась безчеловѣчному смертному приговору; въ

---

[1]) „До такихъ громкихъ фразъ, не всегда соотвѣтствовавшихъ дѣлу, была особенная любительница либеральная крѣпостница Екатерина“, замѣчаетъ нашъ знаменитый ученый Д. А. Ровинскій (см. его Русскія народныя картинки, т. V, Спб. 1881, стр. 321). Подъ конецъ царствованія она признавала достойными висѣлицы московскихъ масоновъ. См. ст. проф. Тихонравова въ Сборникѣ „Помощь голодающимъ“, стр. 543. О благородномъ поступкѣ Павла I, на колѣняхъ просившаго прощенія у замученнаго просвѣтителя Новикова см. Незеленовъ—Литер. направ. 385.

[2]) Были „виртуозы“ палачи, которые *одинаковымъ*, повидимому, ударомъ кнута могли чуть прикоснуться къ листу бумаги или переломить спинной хребетъ осужденному и разрубить толстую доску. Все зависѣло отъ пощады или жалости палача, или отъ взятки.

— Въ *Запискахъ изъ Мертваго Дома* находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету. Гражданскій подсудимый предварительно хоть чѣмъ-нибудь, хотя изъ послѣдняго да подарить палача, писалъ Достоевскій. Съ богатыхъ палачи назначаютъ взятку сами, до 30 рублей и болѣе. Но если даже палачъ и возьметъ взятку, чтобы наказать легко, то все-таки первый ударъ дается изо всей силы. Это обратилось въ обычай. Палачъ передъ началомъ наказанія сознаетъ себя властелиномъ; въ эту минуту онъ актеръ; но на него дивится и ужасается публика, и палачъ не безъ *наслажденія* (трудно представить себѣ, замѣчаетъ Достоевскій, до чего можно исказить природу человѣческую!) кричитъ обычныя и роковыя слова *„поддержись, ожгу!“*—Наказанные въ одинъ голосъ передавали свое ощущеніе словами: „жжетъ, какъ огнемъ палитъ!“ Болѣе детальныхъ ощущеній не могъ добиться Достоевскій.—Въ статьѣ, напечатанной въ январской книгѣ *Морского Сборника* за 1861 г. приведенъ такой разсказъ англійскаго солдата: „когда нанесенъ былъ третій ударъ, я сталъ чувствовать жаръ во всемъ организмѣ съ головы до ногъ. Время между ударами казалось страшно долго и походило на агонію, и вмѣстѣ каждый новый ударъ, казалось, слѣдовалъ слишкомъ скоро... Каждый новый ударъ казался страшнѣе, мученія усиливались. Я чувствовалъ, что мнѣ слѣдовало смириться и просить помилованія (у насъ это не повело бы ни къ чему), но я тотчасъ заглушалъ въ себѣ эту унизительную мысль“.—Достоевскій передаетъ со словъ арестантовъ, что розги въ большомъ количествѣ *мучительнѣе* палокъ (шпицрутеновъ). „Розги садче, муки больше“, говорили ссыльные. Розги сильнѣе раздражаютъ нервы, потрясаютъ ихъ свыше возможности (Собр. Соч. Достоевскаго 3-е изд. т. III, 184).

Москвѣ, напримѣръ, какъ передаетъ Ровинскій, въ пятидесятыхъ годахъ гарнизонные гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ по Высочайшему повелѣнію: ему дали всего 400 ударовъ и онъ умеръ на третьи сутки.

А что сказать объ аракчеевскихъ шпицрутенахъ *„сквозь тысячу двѣнадцать разъ безъ медика?!“* Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея, говоритъ Ровинскій и затѣмъ описываетъ слѣдующую ужасную сцену прогнанія сквозь строй, какъ будто выхваченную изъ Дантова Ада [1]).—„Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ-шпицрутенъ,—живая „зеленая улица“, только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ, чтобы шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на „солдатской шкурѣ“; сзади вывозится на дровняхъ *гробъ*. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ, разъ, два!.. и пошла хлестать зеленая улица справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ,

---

[1]) Ильинскій описываетъ экзекуцію въ Казани 1849 г. надъ разбойниками Быковымъ и Чайкинымъ, приговоренными первый къ 12000, второй къ 11600 шпицрутеновъ. „Уже послѣ первой тысячи ударовъ спины преступниковъ побагровѣли, покрылись лоскутьями изрубленнаго мяса и текшею кровью, крики ихъ ослабѣли. Исполнители были жестоки. Полковникъ, распоряжавшійся экзекуціею, кричалъ во все горло: „чтобы били покрѣпче“; солдатъ, бившихъ слабо, замѣняли тотчасъ другими и самихъ наказывали тесакомъ... Послѣ 5000 ударовъ Быкова положили на телѣгу, которую везли два солдата, и еще дали тысячу ударовъ. Чайкина пришлось помѣстить въ телѣгу черезъ 3000 ударовъ и прибавить оказалось возможнымъ только 500. Обоихъ съ слабыми признаками жизни отправили въ госпиталь, гдѣ они и *умерли* въ тотъ же день. Несмотря на множество преступленій, совершенныхъ разбойниками, зрители были не на сторонѣ правосудія: въ толпѣ слышались рыданія, женщины падали въ обморокъ, нѣкоторые молились“.—Въ 1764 г. Екатерина по дѣлу Мировича замѣшанныхъ въ заговорѣ солдатъ „по безприкладному милосердію“ вмѣсто смертной казни приговорила къ 10.000 шпицрутеновъ.—Двухъ евреевъ, обвиненныхъ въ карантинномъ преступленіи, Николай I приговорилъ: „прогнать сквозь 1000 человѣкъ 12 разъ. Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить“. (Тимоѳеевъ, 205, 206, 207).

— Въ 1800 г. былъ засѣченъ кнутами за оскорбленіе Павла I полковникъ Грузиновъ: казнь началась при восходѣ солнца и кончилась въ 2 часа по полудни, когда утомился уже третій палачъ. Умирающему Грузинову наложили клейма, приказали снять его съ эшафота и отнести къ пороховому погребу, гдѣ онъ и умеръ (Тимоѳеевъ, 175).—А оффиціально пускали пыль въ глаза Европѣ увѣреніемъ, что смертная казнь на бумагѣ отмѣнена еще при Елизаветѣ Петровнѣ.

багровѣетъ, летятъ кровавые брызги... „Братцы, пощадите!..“ прорывается сквозь глухую трескотню барабана, но вѣдь щадить значитъ самому тутъ же быть пороту,—и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... Вотъ онъ свалился, а бить осталось еще много; живой *трупъ кладутъ на дровни* и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и *рубятъ кровавую кашу*. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны“ [1]).

Эту леденящую душу картину звѣрскихъ нравовъ „добраго стараго времени“ Ровинскій заканчиваетъ такъ: съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить о жестокихъ пыткахъ и о татарскомъ кнутѣ, и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на

---

[1]) См. н. Сб. Ровинскаго, т. V, стр. 323. — П. Павловъ передаетъ, въ „Воспоминаніяхъ о бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году“, что жителей этихъ поселеній (другой достойный и памятникъ, воздвигнутый себѣ звѣремъ Аракчеевымъ) „сѣкли до выпаденія кишокъ“.—Въ *Русской Старинѣ* 1881 г. былъ разсказанъ случай измѣненія въ 30-годахъ еврею-контрабандисту, убившему таможеннаго стражника, наказанія съ тѣмъ, чтобы шпицрутенами бить по головѣ.— У Достоевскаго находимъ, между прочимъ, разсказъ о шпицрутенахъ ссыльнаго киргиза. Онъ крестился, разсчитывая, „крещенаго жалче будетъ бить“, но ошибся и вынесъ 4.000 палокъ, только благодаря своему умѣнью „обмирать“. „Повели меня,—разсказываетъ онъ,—ведутъ одну тысячу: жжетъ, кричу; ведутъ другую, ну, думаю, конецъ мой идетъ, изъ ума совсѣмъ вышибли, ноги подламываются; я грохъ объ землю: глаза у меня стали мертвые, лицо синее, дыханія нѣтъ, у рта пѣна. Понесли въ госпиталь, и я ожилъ. Такъ меня еще два раза водили и ужъ злились они на меня. Какъ пошелъ четвертую, такъ каждый ударъ какъ ножомъ по сердцу проходилъ, такъ больно били. Остервенились! и кабы не обмеръ передъ самымъ концомъ (оставалось двѣсти палокъ) забили бы тутъ же до смерти. На двухъ-стахъ-то послѣднихъ изо всей злости били, но не забили, а отчего не забили? Оттого,—добродушно прибавляетъ разсказчикъ,—что съ изъ-дѣтства подъ плетью росъ. Охъ, били-то меня, били, и не перечесть... каждый день и по нѣскольку; не билъ, кто не хотѣлъ“. (Стр. 173—174).

— О плетяхъ разсказываетъ другой ссыльный Лучка: Вотъ какъ вошли мнѣ эти пять сотъ плетей; повезли меня въ полномъ парадѣ. Народу привалило видимо-невидимо. Ужъ и глупъ этотъ народъ, такъ не знаю, какъ и сказать! Тимошка (палачъ) раздѣлъ, положилъ, кричитъ: поддержись! ожгу!“ Жду—что будетъ? Какъ онъ влѣпилъ разъ—хотѣлъ было я крикнуть, раскрылъ было ротъ, а крику-то во мнѣ нѣтъ. Голосъ остановился, какъ влѣпить два, я ужъ и не слыхалъ, какъ два просчитали. А какъ очнулся, слышу считаетъ семнадцатый. Раза четыре съ колыбели снимали, по получасу отдыхалъ; водой обливали; гляжу на всѣхъ выпуча глаза, да и думаю: тутъ же помру. (Стр. 107).

вопли „кнутофиловъ“ 1863 г., вопившихъ, какъ и кнутофилы 1767 г., о невозможности защищаться отъ злодѣевъ безъ кнута [1]).

Отмѣненъ кнутъ; но какъ мучительно долго пришлось ждать этой побѣды гуманности!

Столь продолжительное безраздѣльное государство жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, вопреки желанію гуманнѣйшихъ и сильнѣйшихъ монарховъ, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ основѣ всего стараго русскаго государственнаго и общественнаго строя лежало безчеловѣчное крѣпостное право, сохраненіе и охраненіе котораго только и можно было при помощи жесточайшихъ наказаній.

Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія, писала Екатерина въ своемъ Наказѣ, суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій. И если гдѣ сыщется,—продолжала она, — такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною *мучительное владѣніе* (въ подлинникѣ *tyrannie*), которое налагало тѣ же наказанія на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. — Такою областью и была до 1861 г. Россія съ ея ста тысячами полиціймейстеровъ-помѣщиковъ, по мановенію коихъ подвластные имъ крѣпостные могли подвергаться тяжкимъ наказаніямъ, начиная отъ ссылки въ Сибирь и кончая тѣлесными наказаніями и помѣщичьими истязаніями въ родѣ лизанья языкомъ горячей печки и т. п. „фарсами кроваваго добродушія и ехидной веселости“, по выраженію Щедрина. При такомъ режимѣ, лишенномъ всякой нравственной опоры, основанномъ исключительно на страхѣ передъ физическою болью, тѣлесныя наказанія были естественны. Страхъ и насиліе были основою крѣпостного права. Кто могъ пугать больше, — говоритъ Шелгуновъ, характеризуя крѣпостное время, — тотъ и былъ больше, кто могъ пугать меньше, тотъ и былъ меньше. Сознаніе о человѣческомъ достоинствѣ отсутствовало вполнѣ до преобразовательной эпохи [2]), до отмѣны крѣпостного права, при которомъ огромное большинство русскаго народа, низведенное до степени „крещенаго инвентаря“, считалось, въ качествѣ „хамова отродья“, лишеннымъ чести и личнаго достоинства...

Благодаря могучему гуманному движенію 60-хъ годовъ, коего ближайшимъ послѣдствіемъ было упраздненіе крѣпостного права, возникло уваженіе къ достоинству человѣка, стали устанавливаться болѣе человѣчные взгляды на людей и вещи. Въ незабвенномъ манифестѣ 19-го февраля отмѣна крѣпостной зависимости мотивировалась „уваженіемъ къ достоин-

---

[1]) См. н. сб. Ровинскаго, т. V, стр. 324.

[2]) *Русская Мысль*, 1886 г., № 9, стр. 80.—Валуевъ въ своей *Думѣ Русскаго* также указываетъ на презрѣніе къ личности гражданина, какъ на характеристическую черту стараго порядка (Рус. Стар. 1891, V, 440).—Никитенко замѣчаетъ, что русская исторія „мучила, а не воспитывала“ (II, 294).

ству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ". Это широкое гуманное теченіе, столь торжественно выразившееся въ освобожденіи крестьянъ, сказалось и на всѣхъ отрасляхъ общественной жизни и разнородныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и даже человѣка къ животнымъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Это непреложный историческій фактъ, который можно точно доказать. Укажу на одинъ примѣръ. До 1861 года не разъ возбуждался вопросъ о назначеніи наказанія за жестокое обращеніе съ животными. Но всякій разъ выставлялось въ нашихъ законодательныхъ сферахъ противъ этого предположенія то соображеніе, что при существованіи жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и безобразій крѣпостного права невозможно преслѣдовать за жестокое обращеніе съ животными. Только послѣ 1861 г., благодаря гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ вопросомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній разрѣшился и вопросъ о наказаніи за жестокое обращеніе съ животными [1]).

Пока существовало и давало всему тонъ жестокое и безчеловѣчное, какъ по идеѣ, такъ и по примѣненію, крѣпостное право, ни во что не ставившее рожденную свободную личность человѣка, не могли особенно смущать или возмущать ни тайный судъ, ни установленныя для „хамовъ" и „черни" и вообще „податнаго состоянія" жестокія тѣлесныя наказанія, отъ которыхъ изъяты были привилегированные классы, либо по рожденію принадлежавшіе къ „бѣлой кости", либо по богатству (точнѣе выправкою гильдейскихъ свидѣтельствъ) или образованію возвысившіеся надъ „подлымъ" народомъ.

---

[1]) См. объясненіе подъ ст. 43 уст. о нак., нал. мир. суд.

— Одна владимірская помѣщица, штабсъ-капитанша Зинаида Васильевна Архангельская, въ отзывѣ своемъ судебному слѣдователю, возбудившему дѣло о жестокомъ обращеніи ея съ дворовою дѣвушкою, 24-го января, 1858 г., протестуя противъ возбужденія дѣла „изъ-за такого вздора", излагала, безсознательно народируя Аристотеля, въ слѣдующихъ выраженіяхъ крѣпостническую *теорію* о соотношеніи крѣпостного права къ тѣлесному наказанію: Богъ создалъ *особо* господъ и слугъ, которымъ и далъ особую натуру, способную къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ въ услуженіи господамъ, тогда какъ господа натуру имѣютъ отъ Бога болѣе нѣжную. Къ этому *физическому* различію между господами и холопами присоединено Богомъ *нравственное* различіе между ними: способность повелѣвать и повиноваться. Законы гражданскіе, распредѣляя отношенія между людьми, основываются на этомъ *естественномъ* различіи господъ и холоповъ, рѣзко распредѣляя отношенія между ними и въ гражданскомъ быту, поставивъ господъ первыми въ рядахъ гражданственности и во всѣхъ движеніяхъ свѣта (sic) и освободивъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а послѣднихъ, предоставляя имъ тѣлесный грудъ, подвергаетъ и наказанію тѣлесному" (см. *Колок.*, 1859). Чѣмъ это хуже современныхъ словоизверженій *Гражданина*?

Послѣ провозглашенія въ 1861 г. уваженія къ личному *достоинству человѣка и правамъ свободной личности,* стало уже казаться чѣмъ-то безчеловѣчнымъ публичное или тайное, жестокое истязаніе, чинимое во имя закона или обычая (какъ, напр., пытка) [1]) надъ личностью преступника безъ различія пола. Точно завѣса упала съ глазъ, проснулась совѣсть „кающагося дворянина", заговорило, увы! не надолго, сердце человѣка Всѣмъ, конечно, всѣмъ, способнымъ понять смыслъ совершавшагося 19-го февраля великаго общественнаго и соціальнаго переворота, стало стыдно за безграничную жестокость [2]) и явную нецѣлесообразность наказаній, унаслѣдованныхъ отъ варварскихъ временъ. Стонъ и вопли, стоявшіе въ теченіе вѣковъ отъ шпицрутеновъ, плетей и розогъ, повсемѣстно, начиная отъ дѣтскихъ и учебныхъ заведеній и кончая помѣщичьими конюшнями, казармами и городскими площадями, и рѣдко кого смущавшіе въ теченіе вѣковъ, вдругъ предстали послѣ 1861 г. во всемъ своемъ безчеловѣчномъ ужасѣ [3]) и дикомъ безобразіи.

---

[1]) Пытка юридически была уничтожена указомъ 27-го сентября 1801 г., „дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было изъ памяти народной". Но на дѣлѣ пытки существовали до самаго конца крѣпостного права. Помѣщики пытали своихъ людей и дѣвокъ, надѣвая имъ на шею желѣзныя рогатки, приковывая тяжелыми цѣпями къ стѣнѣ и засѣкая плетьми и розгами (см. н. с. Ровинскаго т. V').

[2]) Гуманныя вѣянія 60-хъ годовъ имѣли послѣдствіемъ не только отмѣну жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, но и вообще смягченіе всѣхъ наказаній. Приведу одинъ примѣръ, заимствуя его у Ровинскаго.—По Уложенію (изд. 1857 г.) порубка лѣса на самую незначительную сумму наказывалась лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и т. д.—По положенію же 19-го февраля 1861 года за порубки назначенъ штрафъ maximum до 5 руб. (см. Записку Ровинскаго въ т. XVI, дѣла о преобразов. судебн. ч. въ Россіи).

[3]) Говоря о времени господства кнута, Ровинскій пишетъ: не однихъ только ребятъ въ школѣ били,—господа подчивали свою крѣпостную прислугу березовою лапшой съ ременнымъ масломъ, мужья били своихъ женъ для дѣтей, а дѣтей били „для людей"; мастера били учениковъ, хозяева—рабочихъ; сѣкли дворянъ, сѣкли фрейлинъ, били придворныхъ, и все это по правилу, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, такъ что при этомъ повальномъ битьѣ въ родномъ языкѣ нашемъ выработалось особое свойство, по которому изъ каждаго существительнаго *боевой* глаголъ можно сдѣлать.—Ужъ я те *отстоканю,*—говоритъ половой мальчику, уронившему стаканъ.—*Наегорьте-ка* Антошкѣ спину,—говоритъ артельный староста.—Ну-тка, *припонтійстимъ-ка* (отъ Понтійскаго Пилата!!) его, братцы,—кричитъ артель на Волгѣ.

— Въ старину *учить и бить значило одно и то же.* Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе,—говоритъ Ровинскій,—а боевой глаголъ все еще остался и не скоро, должно быть, выведется. Насъ тоже били,—говоритъ иной,—потому мы въ люди вышли; какое безъ битья ученье,—безъ него ни отъ стараго ни отъ малаго настоящаго толку *не добьешься.* Ну, какъ не проучить разсѣяннаго ученика, не задать ему хорошей встрепки, головомойки или подзатыльника, не вспрыснуть лѣ-

Гуманному движенію и смягченію наказаній оказала громадное содѣйствіе и литература 60-хъ годовъ. Въ ряду литературныхъ вліяній исключительное мѣсто въ дѣлѣ проповѣди гуманности по отношенію „къ несчастнымъ“ принадлежитъ извѣстному писателю Ѳ. М. Достоевскому, испытавшему на себѣ всѣ ужасы каторжной работы, чуть ли не до тѣлеснаго наказанія включительно. Его романъ „Записки изъ Мертваго Дома“, печатавшійся въ 1861—1862 годахъ, подготовилъ почву для закона 17-го апрѣля, какъ *Записки Охотника* или *Хижина дяди Тома* для освобожденія отъ рабства. Передавая въ простыхъ, но поразительныхъ по правдивости и трогательности очеркахъ, подробности ужасающей внѣшней обстановки „несчастныхъ“ и симпатичныя черты внутренняго міра ихъ, Достоевскій умѣлъ показать наглядно, сколько добродушія, мягкости, воспріимчивости къ добру въ этихъ отверженныхъ, выброшенныхъ вонъ навсегда сухою самодовольною фарисейскою моралью и безпощадною казенною юстиціею, у этихъ заклейменыхъ каторжниковъ, съ исполосованными спинами, бритыми головами, закованныхъ въ кандалы, которыя не снимались даже во время агоніи умирающихъ.

Въ разсказѣ Достоевскаго болѣе всего поражала эта самодовольная, утвердившаяся вѣками, иногда рафинированная (такъ, напр., безчеловѣчная т. н. *заволока*) [1]), рутинная жестокость добраго стараго времени, часто безсмысленная, ненужная (такъ, напр., въ больницахъ), и потому особенно возмутительная. Даже чахоточные дышали воздухомъ, отравленнымъ по

ниваго, не отхлестать или не отстегать за испорченную вещь; воришкѣ надо выколотить охоту воровать уже болѣе дѣйствительными мѣрами: высѣчь, отпороть-отодрать;—въ военномъ быту и крѣпостномъ за такую провинность „шкуру съ ногъ до головы сдирали“. Въ домашнемъ быту тоже долго разговаривать нечего, за дѣло такъ и поучить надо: за святые волосы, да за бороду, за виски, да въ ухо, да въ усъ, да въ рыло, да бока пощупать. Ну, а незваннаго гостя какъ тычкомъ не выпроводить, какъ не накласть ему киселю, да не накостылять шею; и на Западѣ такого человѣка выгонятъ, а по-нашему, по-русски: если ужъ гнать, такъ его въ *три шеи*. Въ духовномъ вѣдомствѣ, кромѣ общеупотребительныхъ боевыхъ терминовъ, есть еще свои спеціальные: благословить, вздрючить, пришпандорить и взъефантулить. (См. н. с. Ровинскаго, V, 57, 58). Въ бурсѣ встрѣчались еще выраженія:—взбутетенить, взъерепенить, застребушить.

Въ т. VI н. с. Ровинскаго (стр. 335, 336) приводятся старинные вирши изъ букварей XVII „Похвала розогъ“, начинающіеся такъ:

Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ:
Розгою убо мало здравію вредитъ.

Тамъ же приводятся любопытные стихи извѣстнаго вора Ваньки Каина о томъ, какъ его безпрестанно пороли въ школѣ (337).

[1]) У Достоевскаго она описана съ такими ужасающими подробностями, что нельзя читать безъ содроганія. См. стр. 172 „Записокъ изъ Мертв. Дома“.

ночамъ зловонными ушатами, даже они умирали въ кандалахъ! „Положимъ,—писалъ Достоевскій,—скажетъ кто-нибудь, что арестантъ злодѣй и не достоинъ благодѣяній, но неужели же усугублять наказаніе тому, кого уже и такъ коснулся перстъ Божій?..“

— Тоже вѣдь *мать* была,—чуть слышно говоритъ старый служивый, убирая съ койки обнаженный, изсохшій трупъ въ однихъ кандалахъ.

Этотъ инстинктивный возгласъ служиваго, да иногда ласковое обращеніе лѣкарей, вотъ единственные лучи свѣта и голоса человѣчности въ этомъ мрачномъ царствѣ узаконенной злобы и безпредѣльнаго властнаго ожесточенія. Но зато какъ дорожили этими крупицами человѣчности ссыльные! Достоевскій неоднократно указываетъ, какъ самые старые закоснѣлые каторжники откликались на доброе сочувствіе и „готовы были забыть цѣлыя муки за одно ласковое слово“. „Человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить,—писалъ онъ,—даже того, на которомъ давно уже потускнѣлъ образъ Божій. Съ этими-то „несчастными“ и надо обращаться какъ нельзя болѣе по-человѣчески. Это *спасеніе* и радость ихъ“.

Въ кроваво-яркихъ картинахъ, нарисованныхъ Достоевскимъ, быть можетъ, было нѣкоторое подчеркиваніе, но оно было необходимо, чтобы показать, какое развращающее дѣйствіе производитъ существованіе жестокихъ тѣлесныхъ наказаній на самихъ *исполнителей*, чтобы расшевелить очерствѣвшія высшія бюрократическія сферы и ожесточенное, развращенное, отупѣвшее общество, которое само безсознательно несло на себѣ послѣдствія безчеловѣчнаго обращенія съ преступниками.

„*Есть люди, какъ тигры, жаждущіе лизнуть крови*, — говоритъ Достоевскій, отмѣчая „звѣриныя“ свойства человѣка. — Кто испыталъ разъ эту власть, *это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ* такого же, какъ самъ, человѣка, такъ же созданнаго, брата, по закону Христову; кто испыталъ власть и полную возможность унизить самымъ *высочайшимъ* униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. *Тиранство есть привычка*; оно одарено развитіемъ, оно развивается, наконецъ, *въ болѣзнь*. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. *Кровь и власть* пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, *сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тиранѣ навсегда*, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него уже почти невозможенъ. Къ тому же примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуетъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, *уже само заражено*

въ своемъ основаніи [1]). Однимъ словомъ, *право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества*, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію".

Палачомъ гнушаются въ обществѣ, но не *палачомъ-джентльменомъ*,— замѣчаетъ Достоевскій,—и въ рядѣ образовъ показываетъ до какого, поистинѣ сатанинскаго эзвѣренія можетъ довести человѣка постоянное обращеніе съ безправными людьми и опьяненіе кровью. Достаточно напомнить образъ выведеннаго Достоевскимъ молодого 30-тилѣтняго поручика Жеребятникова, „этого утонченнѣйшаго гастронома [2]) въ исполнительномъ искус-

---

[1]) Академикъ Никитенко въ Дневникѣ своемъ отмѣчаетъ: печальное зрѣлище представляетъ современное общество: въ немъ нѣтъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни чести (1841). 1812 годъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ народномъ духѣ... страшный гнетъ, безмолвное раболѣпство... вотъ что пожала Россія на этой кровавой нивѣ. (Никитенко).

[2]) Такіе поразительно тонкіе аматеры розогъ встрѣчались, страшно вымолвить! и среди *воспитателей юношества*.

До какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходила „порка" въ учебныхъ заведеніяхъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ, когда дореформенная рутинная *ортодоксальная* педагогика руководилась девизомъ:

Розги—вѣтви съ древа знанья!
Наказанья—идеалъ!
Въ силу предковъ завѣщанья,
Родовой нашъ капиталъ—

можно видѣть изъ Воспоминаній Самчевскаго, напечатанныхъ въ маѣ 1894 г. въ *Кіевской Старинѣ*.

Въ числѣ педагоговъ, отмѣченныхъ Самчевскимъ, есть нѣкто Китченко (повидимому, тронутый маніакъ, въ родѣ Жеребятникова), бывшій въ 50-хъ годахъ сперва инспекторомъ черниговской, а потомъ директоромъ житомірской гимназіи.

Во время его инспекторства,—сообщаетъ Самчевскій,—стоялъ стонъ и раздавались вопли во всѣхъ трехъ ученическихъ помѣщеніяхъ: въ зданіи гимназіи, пансіонѣ и общей квартирѣ. *Ежедневно* являлся Китченко въ 8 часовъ утра въ пансіонъ при гимназіи и здѣсь выслушивалъ докладъ воспитателей объ ученикахъ, которые подлежали, по ихъ мнѣнію, наказанію. Злая любовь Китченко къ истязаніямъ дѣтей, воспитатели не скупились и указывали (беру minimum) не менѣе двухъ учениковъ на отдѣленіе, которыхъ было 8, такъ какъ первые 4 класса имѣли по два отдѣленія. Эти несчастные тотчасъ Китченкомъ отзывались „внизъ къ Минѣ". Мина былъ сторожъ при карцерахъ, любимецъ Китченка „по хлесткости ударовъ"; на обязанности его лежало имѣть всегда огромный запасъ розогъ. Осмотрѣвъ пансіонъ, Китченко спускался внизъ къ Минѣ и здѣсь производилась жестокая экзекуція. Затѣмъ отбирались уже въ самой гимназіи ученики съ плохими отмѣтками и тоже посылались на экзекуцію.

„Вопль и плачъ дѣтей оглашалъ все зданіе гимназіи. Безъ всякаго преувели-

ствѣ“, изобрѣтавшаго разныя „штучки“, чтобъ сколько-нибудь расшевелить свою заплывшую жиромъ душу. Вотъ выводятъ арестанта и Жеребятниковъ истязуетъ его такою „штучкою“. Арестантъ молитъ о пощадѣ. Жеребятниковъ сначала сурово отклоняетъ, но затѣмъ, кощунствуя надъ святымъ чувствомъ жалости, какъ бы сдается на „сиротскія слезы“. Аре-

---

ченія можно опредѣлить, сколько *ежедневно* учениковъ Китченко подвергалъ тѣлесному наказанію: въ 8 отдѣленіяхъ было по 4 урока; предположимъ, что только одинъ ученикъ въ отдѣленіи получилъ единицу, итого *32 ученика ежедневно наказывались розгами.* Насладившись истязаніемъ дѣтей въ гимназіи, Китченко отправлялся въ общую ученическую квартиру; здѣсь повторялась та же исторія, что въ 8 час. утра въ пансіонѣ. Такихъ учениковъ общая квартира поставляла Китченку столько же, сколько и пансіонъ—не менѣе 8 учениковъ. Каждый день Китченко подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50 учениковъ, многіе наказывались въ *день по два раза:* ранѣе разрисованные узоры не останавливали Китченка,—онъ на эти узоры наводилъ новыя краски.

„Когда Пироговъ, будучи попечителемъ юго-западнаго округа, потребовалъ въ 1858—59 гг. свѣдѣній отъ гимназіи о числѣ наказанныхъ розгами учениковъ, то, какъ сообщалось въ отчетѣ, напечатанномъ въ журналѣ „Мин. Народн. Просв.“, оказалось, что въ каждой гимназіи наказанные считались десятками, а въ житомірской, гдѣ директорствовалъ Китченко, число сѣченыхъ перевѣсило многія сотни (болѣе 600). Эта цифра въ то время поразила всѣхъ; но, зная Китченка, можно съ увѣренностью сказать, что онъ умышленно утаилъ въ отчетѣ многія сотни, если не тысячи. Сѣченіе учениковъ для Китченка было *истиннымъ наслажденіемъ;* это его единственный трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія Китченко ровно ничего не дѣлалъ. Надо было только видѣть, съ какимъ плотояднымъ выраженіемъ на лицѣ разговаривалъ Китченко съ новичкомъ, только что поступившимъ въ гимназію. Рѣдко эти бѣдняжки и недѣлю проживали, не побывши въ лапахъ Китченка и Мины. Однажды поступилъ въ общую квартиру ученикъ 2-го класса Джогинъ, лѣтъ 12, розовый, кругленькій и красивый мальчикъ—кровь съ молокомъ и отлично выдержанный. Китченко придрался къ нему уже на третій день поступленія и такъ высѣкъ, что, когда наказанный явился обратно, лица на немъ не было; нѣсколько дней мальчикъ плакалъ съ утра до вечера, ночи не спалъ изъ страха. „Если мама узнаетъ, она непремѣнно умретъ“.—говорилъ товарищамъ Джогинъ. Всѣ успокаивали его, принимая участіе въ его горѣ. Послѣ этого случая Китченко такъ привязался къ Джогину, такъ сѣкъ его за всякую мелочь, что къ концу перваго года отъ Джогина осталась только тѣнь,—полнота и розовый цвѣтъ лица были съѣдены Китченкомъ. Когда въ началѣ іюня пріѣхала мать Джогина и увидѣла въ общей залѣ блѣднаго, замученнаго своего сына, съ нею сдѣлался обморокъ, она такъ рыдала, глядя на него, что всѣ ученики прослезились. Это была такая сцена, которая на всю жизнь осталась въ памяти присутствовавшихъ; всѣ дѣти понимали ужасъ и отчаяніе матери.

„И *никто* изъ родителей не жаловался на этого мучителя!

„Послѣ описанныхъ дѣяній Китченка въ черниговской гимназіи невольно возникаетъ вопросъ, кто же былъ въ то время директоромъ и какъ послѣдній могъ допустить устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины, гдѣ ежедневно проливалась кровь дѣтей. Директоромъ въ Черниговѣ въ то время былъ

стантъ обрадованъ, обнадеженъ, растроганъ. Начинается экзекуція шпицрутенами, и тутъ-то Жеребятниковъ бросаетъ маску: „катай его“, кричитъ во все горло Жеребятниковъ.—„Жги его! Лупи!.. лупи! Обжигай. Еще ему, еще ему! Крѣпче сироту, крѣпче мошенника! Сажай его, сажай“. И солдаты лупятъ со всего размаха, искры сыпятся изъ глазъ бѣдняка, онъ

извѣстный педагогъ Януарій Михайловичъ Невѣровъ, въ послѣдствіи попечитель кавказскаго округа, умершій 27-го мая 1893 года. Чрезвычайно странное совпаденіе; съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально-честный директоръ (такъ говорятъ близко знавшіе Невѣрова), а съ другой — Китченко, — полнѣйшее воплощеніе звѣря, палача, оба они стоятъ во главѣ одного и того же воспитательнаго заведенія. Произволъ Китченка происходилъ потому, что гуманистъ Невѣровъ почти никогда не заглядывалъ въ гимназію, въ которой онъ былъ директоромъ“. (*Новое Время* № 6542).—Нѣтъ, должно быть, дѣло было не въ томъ, что не заглядывалъ гуманистъ Невѣровъ, а въ томъ, что онъ далъ себя засосать старой педагогической рутинѣ, предъ которой спасовалъ—даже такой изъ ряда вонъ выдѣлявшійся гуманистъ и мыслитель, какъ Пироговъ, первый выступившій въ „Вопросахъ жизни“ противъ старой педагогической муштровки и въ частности противъ розогъ, а въ послѣдствіи на практикѣ заплатившій дань заманчивому опортюнизму и примирившійся съ розгами, какъ, будто бы, съ неизбѣжнымъ зломъ...

Какъ извѣстно, и среди рутинеровъ самыми закоренѣлыми считаются педагоги. Это наблюденіе подтверждается исторіею борьбы съ школьною розгою. Съ тѣмъ же упрямствомъ, съ какимъ кіевскіе педагоги отстаиваютъ нынѣ (1894 г.) повѣрочныя испытанія, или точнѣе безплодныя истязанія (стараясь даже, risibile dictu, отыскать въ нихъ... поэзію) въ концѣ 50-хъ годовъ грудью стали они за розгу. Знаменитый гонитель розогъ Н. И. Пироговъ вздумалъ, въ должности попечителя Кіевскаго учебнаго округа вывести изъ употребленія розгу, но, встрѣтивъ дружный отпоръ со стороны всего мѣстнаго педагогическаго міра, имѣлъ слабость сдѣлать уступку и вмѣсто отмѣны только „урегулировалъ“ розгу, составивъ кодексъ педагогической порки. Считая попрежнему розги съ нравственно-педагогической точки зрѣнія крайне вредными, Пироговъ, уступая вліянію среды, призналъ, что розги въ школѣ можно будетъ отмѣнить тогда, когда онѣ будутъ изгнаны изъ семьи и вообще осуждены *нравами* общества. Такимъ образомъ, школѣ рекомендовалось стоять не во главѣ, а въ хвостѣ, въ дѣлѣ отмѣны розги, что, само собою разумѣется, обезпечивало ей продолжительное и невозбранное—господство.—Пылкій, благородный, молодой, но уже знаменитый критикъ Добролюбовъ, восходящее свѣтило *Современника*, въ статьѣ „Всероссійская иллюзія, разрушаемая розгами“ напалъ на Пирогова на эту непослѣдовательность или, по нынѣшней терминологіи, опортюнизмъ, который онъ считалъ тѣмъ болѣе вреднымъ, что общество относилось съ большимъ уваженіемъ (между прочимъ, благодаря прежней и восторженной статьѣ Добролюбова) къ Пирогову. Почти вся „серьезная“ журналистика ополчилась за это честное мужество и разумную строгость на Добролюбова, какъ на „мальчишку“; онъ не остался въ долгу предъ серьезными педагогами, преданными розгѣ (см. въ Сочиненіяхъ 1, статью: Отъ дождя да въ воду).

— Одинъ изъ кавказскихъ священниковъ о педагогическихъ порядкахъ ставропольской духозной семинаріи разсказываетъ слѣдующее: „Я былъ сѣченъ въ

начинаетъ кричать, а Жеребятниковъ въ сатанинскомъ упоеніи бѣжитъ за нимъ по фронту и хохочетъ, хохочетъ, *заливается*, бока руками подпираетъ и отъ смѣха распрямиться не можетъ..."—Другая „штучка" Жеребятникова заключалась въ томъ, что онъ въ видѣ снисхожденія дозволялъ не привязывать арестанта къ прикладу ружья. — „Арестантъ, что есть силы пускается бѣжать по „зеленой улицѣ", но, разумѣется, не пробѣгаетъ и пятнадцати шаговъ: палки, какъ барабанная дробь, какъ молнія разомъ вдругъ низвергаются на его спину, и бѣднякъ съ крикомъ упадаетъ, какъ подкошенный, какъ сраженный пулей. — Нѣтъ, лучше ужъ по закону,—говоритъ онъ,—а Жеребятниковъ, который заранѣе зналъ всю эту штуку и что изъ нея выйдетъ, *хохочетъ, заливается...*"

Ужели это человѣкъ, а не порожденіе крокодила? И въ рукахъ такихъ звѣрей, изверговъ была въ доброе старое время почти неограниченная власть надъ арестантами!..

Не мудрено, что послѣ такихъ представителей la bête humaine, „образа звѣрска"—(не даромъ у человѣка сохранились canines — клыки!), — арестанты души не чаяли въ другомъ начальникѣ, Смекаловѣ, который плѣнилъ ихъ своимъ добродушнымъ, хотя и отвратительнымъ, цинизмомъ предъ наказаніемъ розгами. Смекаловъ, повторяя одну и ту же „штуку", заставлялъ арестанта читать „Отче нашъ", и когда лежавшій арестантъ на 4-мъ стихѣ доходилъ до словъ *„яко на небеси"*, Смекаловъ воспламененный кричалъ: стой! и мигомъ съ вдохновеннымъ жестомъ, обращаясь къ солдату, поднявшемму розгу, командовалъ: *„а ты ему поднеси!"* И Смекаловъ заливался хохотомъ. Этому омерзительному кощунству ухмылялся сѣкущій, свидѣтели, чуть ли не ухмылялся, добавляетъ Достоевскій, самъ сѣкомый! [1]).

день по три и четыре раза, а иногда и болѣе, и это почти каждый день; съ колѣнъ, отъ стоянія на нихъ, не сходили язвы; я же былъ свидѣтелемъ, когда начальствующіе, избивъ всѣ розги съ 6-ти деревъ, росшихъ предъ училищемъ, сѣкли всѣхъ классовъ учениковъ принесеннымъ почтарскимъ *кругомъ* (!!) и притомъ розги были не розги, а шпицрутены, а число ударовъ восходило отъ 10-ти до 100 и даже полутораста; о наказаніяхъ поклонами отъ 100 до 1.000 и говорить не стоитъ". (См. стр. 16—17. Записки по поводу основ. полож. въ Дѣлѣ о преобр. суд. части).—Изъ разсказа Н. Лѣскова видно, что даже студенческій мундиръ на всегда могъ сохранить отъ позорной порки. Свирѣпый попечитель кіевскаго учебнаго округа Бибиковъ „поролъ" студентовъ кіевскаго университета и учениковъ гимназій. (См. *Недѣлю* за 1888 г. „Бибиковскія мѣры"—Лѣскова).

[1]) Такой же злодѣй-шутникъ, Боровицкій исправникъ Крыловъ „былъ (въ началѣ 60-хъ годовъ) для крестьянъ ввѣреннаго ему уѣзда чистѣйшимъ бичомъ, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Крестьяне всегда были награждаемы отъ него нецензурными выраженіями и при случаѣ поролись имъ не на животъ, а на смерть. Методъ сѣченія у него былъ таковъ: велитъ раздѣть и положить

Невольно скажешь вмѣстѣ съ Плиніемъ: nihil homini est miserius aut superbius, и дѣйствительно, что можетъ быть и гаже, и выше человѣка?!

II.

Когда извѣстная мысль глубоко проникла въ общественное сознаніе, то за иниціаторомъ дѣло не станетъ.

Не прошло и мѣсяца со дня освобожденія крестьянъ, какъ вопросъ объ освобожденіи податныхъ классовъ отъ тѣлесныхъ наказаній получилъ оффиціальную постановку, благодаря просвѣщенной иниціативѣ [1]) сына зако-

---

мужика, потомъ потребуетъ огня; закуривъ папироску, велитъ сѣчь, конечно, съ двухъ сторонъ, и деретъ до тѣхъ поръ, пока не докуритъ папиросы". Записки Радзиковскаго въ майской книгѣ *Русск. Стар.* за 1895 г.

[1]) Для характеристики духа времени и нравовъ любопытенъ напечатанный въ 85 № газеты „Сѣверная Пчела" за 1862 г. протестъ редактору *Военнаго Сборника* отъ 106 офицеровъ противъ статьи, заключавшей защиту тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ. Въ 1861 г. *Военный Сборникъ* (при Сухозанетѣ) напечаталъ статью кн. Витгенштейна въ защиту тѣлесныхъ наказаній. Противъ этой статьи 106 офицеровъ напечатали (уже при Д. А. Милютинѣ) протестъ слѣдующаго содержанія (приводимъ по цитатѣ г. Тимоѳеева): „Кн. Э. Витгенштейнъ обдумывалъ (sic), написалъ и напечаталъ свои взгляды по-нѣмецки. До него, слѣдовательно, намъ нѣтъ дѣла, но намъ непріятно, что дикія сужденія иностранца (которыя, однако, раздѣлялись тогдашнимъ русскимъ военнымъ министромъ Сухозанетомъ)... переводятся и находятъ мѣсто въ журналѣ, редакція котораго ввѣрена Вамъ, М. Г., не для того, чтобы распространять въ нашемъ военномъ сословіи невѣжество и проводить взгляды—доказывающіе возмутительное непониманіе духа русскаго солдата и потребностей общества".—Какое разительное знаменіе времени! Давно ли именно, на основаніи знанія „духа русскаго солдата (контингентъ котораго доставили крѣпостные и другіе „подлые" люди, и потребностей общества", безпощадное дранье признавалось краеугольнымъ камнемъ военной дисциплины?!—Въ мастерствѣ истязанія преступниковъ не приходится одной національности корить другую. Если шпицрутенъ—изобрѣтеніе нѣмецкое, то „аракчеевское усовершенствованіе" его—12 разъ чрезъ тысячу безъ медика, навсегда опозорившее отвратительное имя его изобрѣтателя (см. Ровинскаго) и установившее въ странѣ, гдѣ оффиціально давно была отмѣнена смертная казнь, самую чудовищную форму ея, какую только могло доселѣ придумать воображеніе, — какое? — До чего изобрѣтателенъ былъ на орудія мученій геній звѣря-Аракчеева, показываетъ другое его изобрѣтеніе — „военныя поселенія", обезпечившія ему не менѣе гнусную страницу въ исторіи. — Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, что это было за безнощадное и безпрерывное мученіе для несчастныхъ солдатъ, достаточно указать, что послѣ военнаго бунта 1838 г. они скорѣе соглашались подвергнуться наказанію шпицрутенами по аракчеевской манерѣ, т.-е. съ вѣрнымъ почти смертельнымъ исходомъ, нежели оставаться въ этомъ аракчеевскомъ аду, устроенномъ посрединѣ между двумя столицами (Тимоѳеевъ, 167, 207).—

ренѣлаго крѣпостника А. Ф., гуманнаго кн. Н. А. Орлова, въ то время посланника въ Брюсселѣ. Въ концѣ марта 1861 года кн. Орловъ († 1885 г.) подалъ черезъ кн. Горчакова Государю записку, въ которой настойчиво доказывалъ необходимость отмѣны жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Указывая на то, что императоры Александръ I и Николай I положили конецъ многимъ истязаніямъ, отмѣнивъ „рванье ноздрей и кнутъ, гнусный памятникъ татарскаго владычества“, Орловъ продолжаетъ такъ: „тѣлесныя наказанія суть зло: въ *христіанскомъ*, *нравственномъ* и *общественномъ* отношеніяхъ. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ

Кн. Н. А. Орловъ.

всякія насильства и истязанія. Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и по подобію Божію. Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ въ одномъ храмѣ могутъ стоять два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ легкимъ арестомъ, другой розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лице

Не лишенъ значенія въ смыслѣ характеристики настроенія въ военныхъ кругахъ 60-хъ годовъ и такой фактъ. Въ 69 № *С.-Петерб. Вѣдомостей* 1861 г. общество офицеровъ западнаго инженернаго округа просило редакторовъ газетъ быть посредниками между ними и студентами и увѣдомить: къ кому могутъ быть высланы деньги, собранныя офицерами по подпискѣ для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ (см. тамъ же стр. 378).

пріятій, и правосудіе верховной власти должно быть подобно правосудію Божію, то-есть равнымъ для всѣхъ.

„Философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ,—говоритъ далѣе кн. Орловъ,—*единодушно* признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто только *даетъ* себя бить (извозчики, ямщики и т. д.—живое свидѣтельство нашихъ словъ). Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ развитію человѣческой личности. Отсюда прежде всего рождается скрытность и лицемѣріе. Поговорите съ незнакомымъ мужикомъ, мѣщаниномъ, съ солдатомъ и увидите, какъ трудно узнать истинныя ихъ чувства и мысли. Простолюдинъ пристально смотритъ на васъ и при малѣйшемъ несогласіи безпокойно озирается, *опасаясь побоевъ*. Писатель, геніально постигшій духъ русскаго народа (И. С. Тургеневъ), неоднократно говаривалъ мнѣ, что самый обыкновенный разговоръ двухъ крестьянъ между собою внезапно принимаетъ иной характеръ при появленіи человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Замѣчанія эти не относятся къ однимъ крѣпостнымъ, это признакъ общій, выражающій, сколь сословія, подверженныя побоямъ, недовѣрчиво смотрятъ на всѣ остальныя“.

Переходя отъ плетей и отъ „варварскихъ наказаній, позорящихъ имя русскаго“, къ розгамъ, кн. Орловъ разсуждаетъ: „многіе скажутъ, что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, съ коими сроднился вѣками. Подобнымъ *розголюбамъ* (курс. подл.) можно бы отвѣтить, что тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіею. Тамъ же, гдѣ русскій человѣкъ развивался внѣ прямого вліянія монголовъ и *чиновниковъ*, тамъ вовсе не было тѣлесныхъ наказаній. На Дону, на Запорожьѣ, въ Сибири не было въ прежнее время ни кнута, ни плетей, ни розогъ. Въ настоящее время изъ человѣколюбія стараются уменьшать въ приговорахъ число ударовъ розгами. Этимъ не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а по прежнему унижаютъ достоинство человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести. Нельзя не упомянуть, что у насъ существуетъ табель или прейсъ-курантъ проступковъ, съ показаніемъ цѣны ихъ ударами розогъ. За кражу трехъ рублей—столько-то ударовъ и т. п. Это верхъ изобрѣтательности русской бюрократіи“ [1]). Въ концѣ записки генералъ-адъютантъ кн. Орловъ пере-

---

[1]) См. Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній 1—6.

— При составленіи этой записки кн. Орлову содѣйствовалъ совѣтами извѣстный своею гуманностью юристъ П. Н. Глѣбовъ, принимавшій дѣятельное участіе въ преобразованіяхъ по морскому вѣдомству, предпринятыхъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

ходитъ къ военнымъ судамъ: „прогнаніе преступниковъ, по приговору военныхъ судовъ, сквозь строй шпицрутенами — есть такая же *квалифицированная смертная казнь*, какъ четвертованіе и колесованіе. При вскрытіи тѣлъ, наказанныхъ шпицрутенами, постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія, если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ итти по фронту, то его должно вести вдоль онаго, и если онъ испустилъ духъ, то его тѣло должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ, кажется, этого нынѣ не исполняютъ.

„Солдатамъ давно стала отвратительна [1]) роль палачей, и при каждой экзекуціи начальство вынуждено повторять офицерамъ: господа, смотрите чтобы люди били покрѣпче.—Между тѣмъ въ гвардіи шпицрутенъ часто только поверхностно касается преступника. Приближается,—такъ заканчиваетъ гуманный кн. Орловъ свою записку,—тысячелѣтіе Россіи: крѣпостное право уничтожено, остается *дополнить* спасительное преобразованіе отмѣной тѣлесныхъ наказаній“.

Записка кн. Орлова, заслушанная въ совѣтѣ министровъ, подъ предсѣдательствомъ Александра II, была передана къ руководству въ Комитетъ при II отдѣленіи Е. И. В. канцеляріи, составлявшей проектъ новаго военнаго устава о наказаніяхъ.

Комитетъ предварительно потребовалъ отзывы военнаго и морского министерствъ. Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, соглашаясь на отмѣну шпицрутеновъ, стоялъ за сохраненіе розогъ до 300 ударовъ. Зато самую горячую поддержку встрѣтила благая иниціатива кн. Орлова въ лицѣ ге-

---

— Въ 1855 г. состоялась отмѣна плетей для женщинъ. Дворовая женщина Анна Колоскова за покушеніе на убійство своей помѣщицы была присуждена къ каторгѣ на 20 лѣтъ и 75 ударамъ плетей. Задолго до окончанія экзекуціи, всего лишь послѣ 17 ударовъ, Колоскова почти замертво была взята въ больницу съ тѣмъ, чтобы по выздоровленіи дополучить остальное. За несчастную Колоскову, которая приходила въ ужасъ при одной мысли о повтореніи экзекуціи, заступилась сердобольная особа, членъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, Н. Б. Потемкина, предпринявшая ходатайство предъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. Ходатайство было уважено, и вскорѣ затѣмъ въ первые же дни новаго царствованія состоялся законъ 25 февраля 1855 г. объ освобожденіи слабосильныхъ преступниковъ отъ наказанія плетьми. Законъ, впрочемъ, казался настолько радикальнымъ, что не рѣшались опубликовать его.

— Замѣчательно, что на Кавказѣ женщины никогда не подвергались тѣлесному наказанію, и оно формально было отмѣнено еще въ 1841 году (См. *Юрид. Вѣстн.* 1892 г., № 8, ст. Бинштока).

[1]) Въ числѣ доводовъ противъ тѣлесныхъ наказаній военный министръ Д. А. Милютинъ указывалъ на невозможность оставить на воинскихъ чинахъ столь тягостную и несовмѣстную съ званіемъ ихъ обязанность.

нералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича. „Тѣлесныя наказанія,—писалъ онъ между прочимъ (см. ниже гл. XX),—составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей. Тѣлесныя наказанія могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности обойтись безъ нихъ, и этою только необходимостью, при существовавшемъ у насъ крѣпостномъ правѣ, можетъ быть объяснена дѣйствующая у насъ система тѣлесныхъ наказаній. Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ-подъ личной зависимости помѣщиковъ необходимо принять другую систему; это необходимо въ чувствахъ человѣчества, а именно: для предупрежденія *конечной порчи* нравственности, и для обезпеченія спокойствія и общественнаго порядка въ государствѣ. Въ сихъ видахъ надлежитъ стремиться къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, принимая нынѣ же безъ всякаго отлагательства соотвѣтствующія мѣры“. Переходя къ военному вѣдомству, генералъ-адмиралъ разсуждалъ такъ: „ни жестокость тѣлесныхъ наказаній, ни частое употребленіе розогъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а напротивъ жестокость ихъ и частое употребленіе ихъ могутъ *ослабить силу военной дисциплины*. Иная болѣе разумная система наказаній способна болѣе благотворно дѣйствовать на возвышеніе въ войскахъ духа нравственности и на развитіе чувства сознательнаго долга, о чемъ столь неослабно заботится правительство“.

Комитетъ [1]) одобрилъ предположенія записки кн. Орлова и между прочимъ высказалъ, что въ прежнее время, когда въ наказаніи правительство ошибочно видѣло только средство устрашенія, тѣлесныя наказанія были необходимы; нынѣ же признается, что цѣлью наказанія преступника должно быть не одно устрашеніе, а тѣмъ менѣе истязаніе преступника, а возможное исправленіе его нравственности, которое не достигается однимъ отсчитываніемъ ему извѣстнаго числа ударовъ плетьми и розгами. Комитетъ ссылается также на то, что тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ ни достоинству человѣка, ни духу времени, ни успѣхамъ законодательства, ибо ожесточаютъ нравы, поражаютъ въ наказываемомъ всякое чувство чести и устраняютъ возможность исправленія. Приводятся далѣе на справку и статистическія данныя, удостовѣряющія, что съ отмѣною кнута въ 1845 году число преступленій уменьшилось на 20%, а

---

[1]) Въ составъ его входили: предсѣдатель-сенаторъ Губе, члены: сенаторъ Кангеръ, представители разныхъ вѣдомствъ: Малевскій, Брунъ, Поповъ, Плавскій, Александровъ, Философовъ, Глѣбовъ, Яневичъ-Яневскій, Перетцъ.

въ послѣдніе годы (1855—1858) также *уменьшилось* число преступниковъ, несмотря на то, что въ силу милостивыхъ манифестовъ 1855 и 1856 годовъ, плети и клейменіе не примѣнялись. Кромѣ того, Комитетъ ссылается на оффиціальныя данныя, изъ которыхъ явствуетъ, что народъ вмѣсто отвращенія къ преступнику чувствуетъ отвращеніе къ истязанію его: на эшафотъ бросаютъ деньги, стараются подкупить палача, соглашаются даже жениться на наказываемыхъ преступницахъ, предполагая этимъ путемъ избавить ихъ отъ тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ приводится тотъ фактъ, что въ послѣднее время невозможно было найти среди преступниковъ желающихъ итти въ палачи, несмотря на то, что по закону 27-го декабря 1833 года принятіе должности „заплечныхъ дѣлъ мастера“ освобождало отъ ссылки въ Сибирь [1]).

---

[1]) Уже съ XVIII вѣка ремесло палача сдѣлалось позорнымъ въ глазахъ народа. Въ 1836 г., въ виду отказа вольныхъ итти въ палачи, предписано брать въ палачи преступниковъ, не взирая на ихъ несогласіе. — Палачи „на покоѣ“ не могли селиться ближе 60-верстнаго разстоянія. Сосѣди гнушались ими (Тимоѳеевъ, н. с. 177—178).

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что честь „реабилитаціи“ званія палача была взята доблестнымъ мин. юстиціи, гр. Паниным, что доказывало, до какой степени былъ правъ Достоевскій, говоря о „палачахъ-джентльменахъ“.—Извѣстно, какой ужасъ и презрѣніе окружало въ народѣ званіе палача. „Палачъ хорошо знаетъ,—писалъ Достоевскій,—что онъ всеобщій *отверженецъ*, что суевѣрный страхъ всѣхъ встрѣчаетъ и провожаетъ его; даже *дѣти знаютъ*, что онъ „отказывается“ отъ отца и матери“ (Зап. изъ М. Д., 186). И вотъ то, что знали дѣти, то, что ясно было простому невозвращенному чувству необразованнаго народа, то было недоступно „нескладному, какъ его называетъ Валуевъ („Русск. Стар.“ 1891 г., X, 141) безсердечному бюрократу-магнату гр. Панину, читавшему въ подлинникѣ Беккарію и ежедневно державшему въ рукѣ *Times*. Въ палачи, по его мнѣнію, неохотно шли даже преступники вотъ почему: „заплечные мастера,—писалъ онъ,—находятся въ отдѣльномъ непрерывномъ (?) заключеніи, и подобное одиночное всегда (??) содержаніе едва ли не *главная* (sic) причина отказа отъ должности палача“ (см. Мнѣніе гр. Панина въ н. Сводѣ, стр. 28).—Стало-быть стоило только отмѣнить quasi-одиночное заключеніе и можно навербовать сколько угодно палачей, что и требовалось доказать... „палачамъ джентльменамъ!“ Гр. Панинъ былъ сродни по духу де-Местру, который написалъ въ Soirées de St-Pétersbourg: „Всякое величіе, всякая власть, всякое подчиненіе покоятся на казни. Палачъ—ужасъ человѣческаго общежитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и связь его. Возьмите изъ міра этого непонятнаго дѣятеля: въ то же мгновеніе порядокъ уступаетъ мѣсто хаосу, престолы низвергаются, и общество исчезаетъ“.

III.

Предположенія Комитета были разосланы на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями. Изъ поступившихъ 17 отзывовъ—15 (въ томъ числѣ военный министръ (нынѣ графъ) Д. А. Милютинъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ и шефъ жандармовъ кн. Вас. Ан. Долгоруковъ, мин. государ. имущ. М. Н. Муравьевъ и друг.) вполнѣ или отчасти отнеслись благопріятно къ проекту Комитета, полагавшаго немедленно отмѣнить жестокія наказанія и временно, впредь до устройства тюремъ, сохранить розги. Противъ заключеній Комитета высказались: государственный контролеръ Анненковъ, высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій, и министръ юстиціи гр. Панинъ [1]).

Доблестный союзникъ гр. Панина, рьяный „кнутофилъ“,—по выраженію сенатора Ровинскаго,—упрямый, злой рутинеръ [2]) Анненковъ слѣдующими мрачными красками рисовалъ ужасныя послѣдствія отмѣны тѣлесныхъ наказаній: „Въ настоящую минуту преобразованій всѣхъ основъ государственнаго быта, когда съ одной стороны власть помѣщика уничтожилась, а съ другой—власть общинная и мировыхъ посредниковъ еще не установилась (?), когда, между тѣмъ, вслѣдствіе политическихъ смутъ, нѣсколько западныхъ губерній объявлены на военномъ положеніи, и враги порядка стремятся самыми неистовыми воззваніями возмутить спокойствіе въ остальной части государства: *всякое измѣненіе* системы наказаній совершенно несвоевременно, *всякое заявленіе* по сему предмету намѣреній опасно и вредно, потому что возбужденные тѣмъ вопросы и толки могутъ еще болѣе ослабить страхъ наказанія, еще сильнѣе поколебать власть, и безъ того уже ослабленную (?), могутъ совершенно ее парализовать“ (н. Сводъ, стр. 21).

Со стороны вѣдомства православнаго исповѣданія поступила особая записка подъ заглавіемъ: „О тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія“. Записка эта была составлена Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, по приглашенію оберъ-прокурора святѣйшаго синода, гр. А. П. Толстого, который, указывая на то, что „въ основаніе предполагаемыхъ мѣръ приводятся соображенія, почерпнутыя будто бы изъ христіанскаго ученія, считалъ весьма

---

[1]) Сводъ мнѣній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 21.

[2]) Такіе консерваторы,—замѣчаетъ Ровинскій,—порицавшіе всякое нововведеніе и похвалявшіе все старое изъ болѣзненнаго опасенія за нажитыя выгоды, извѣстны не только у насъ, но и у всѣхъ народовъ, чуть ли не съ сотворенія міра (примѣч. 278, стр. 325 н. с. Ровинскаго, V).

важнымъ разсмотрѣть *со строгостью* сіи соображенія, подносимыя на Высочайшее разсмотрѣніе, дабы обсудить, согласны ли они съ ученіемъ православной церкви, и не заключается ли въ нихъ какихъ-либо произвольныхъ выводовъ". Съ своей стороны графъ Толстой добавлялъ, что хотя существо вопроса и не касается до духовнаго вѣдомства, но „трудно, кажется, согласиться съ мыслями, будто для предупрежденія конечной порчи народной нравственности и для обезпеченія порядка въ государствѣ необходимо отмѣнить тѣлесныя наказанія, будто они ослабляютъ силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами и поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія [1])".

Въ запискѣ своей митрополитъ Филаретъ, придерживавшійся взглядовъ крѣпостниковъ, высказалъ въ защиту тѣлесныхъ наказаній слѣдующія характерныя соображенія, которыя приводимъ слово въ слово:

„I, Попеченіе объ устройствѣ таковой системы наказаній, которая была бы направлена къ цѣли—исправлять виновныхъ и противодѣйствовать поползновеніямъ къ проступкамъ и преступленіямъ и которая бы съ тѣмъ вмѣстѣ умягчала правосудіе кротостью, коснувшись предѣловъ духовнаго вѣдомства, породило вопросъ, какое можетъ быть правильное воззрѣніе на тѣлесныя наказанія со стороны христіанства? II. При разсмотрѣніи сего вопроса прежде всего надобно имѣть въ виду, что Христосъ Спаситель созидалъ *церковь, а не государство.* Силою внутренняго благодатнаго закона онъ благоустрояетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка. Государство старается силою внѣшняго закона поставить въ порядокъ и охранить въ порядкѣ частную жизнь человѣка и общественную жизнь государства. III. И посему государство не всегда можетъ слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства, а имѣетъ свои правила, не становясь чрезъ то недостойнымъ христіанства. Напримѣръ: христіанство говоритъ: хотящему судитися съ тобою и (посредствомъ неправды въ судѣ) ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (Матѳ., V, 40). Но государство не можетъ сказать ограбленному: отдай грабителю и то, что еще не отнято у тебя. Съ такимъ правиломъ не могло бы устоять государство, въ которомъ есть и добрые, и злые. Оно по необходимости говоритъ ограбленному—иди въ судъ; по суду грабитель (хитрый или наглый) долженъ возвратить отнятое и быть обличенъ или наказанъ. IV. Вотъ изреченіе Христа Спасителя, касающееся наказаній, опредѣленныхъ въ законѣ Моисеевомъ: слышасте, яко речено бысть: око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ: не противитеся злу (Матѳ. V, 35—39), то-есть по закону Моисееву выколовшій у другого глазъ долженъ быть наказанъ выколотіемъ глаза, выбившій зубъ—выбитіемъ зуба: но вы не противоборствуйте дѣлающему вамъ зло, не воздавайте обидою за обиду, терпите великодушно, предоставляйте Богу отмщеніе. И вотъ опять правило, которому не можетъ слѣдовать законодательство государственное. Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ; не о томъ говоритъ, чтобы измѣнить родъ и степень наказанія за обиду. V. Итакъ, вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Если

---

[1]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, т. V, М. 1877, стр. 128.

государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія, находя достаточнымъ болѣе кроткіе роды онаго, христіанства *одобритъ сію кротость*. Если государство найдетъ неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребить тѣлесное наказаніе: *христіанство не судитъ сей строгости*, только бы наказаніе было справедливо и не чрезмѣрно. VI. Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ, чрезъ Моисея, узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному: числомъ четыредесять ранъ да наложатъ ему (Втор. XXV, 3) съ тѣмъ, чтобы это разрушительно дѣйствовало на нравственность еврейскаго народа [1]). VII. Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ въ наказываемомъ всякое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія протпвъ тѣлесныхъ наказаній многое препятствуетъ убѣдиться. Преступникъ убилъ въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшался на преступленіе. Поздно щадить въ немъ сіе чувство во время наказанія. Тюремное заключеніе виновпаго менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство, нежели тѣлесное наказаніе? Можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ подъ розогъ съ *безчестіемъ* [2]), а изъ тюрьмы съ честью выходитъ?

Если какое сознаніе подавляетъ виновнаго, производить въ немъ упадокъ

---

[1]) Приватъ-доцентъ А. Г. Тимоѳеевъ замѣчаетъ: „іерархъ упускалъ изъ виду, что Моисеевымъ закономъ устанавливается и казнь побіенія камнями, о примѣненіи которой на этомъ основаніи, никто не говоритъ“ (н. с. 121).—Любопытная бы картина получилась, если бы къ современному христіанскому общественному строю стали примѣнять архаическія постановлснія Моисеева законодательства, изъ коихъ нѣкоторыя караются не только уголовнымъ, но и каноническимъ правомъ.

[2]) К. С. Аксаковъ, чуждый всякихъ либеральныхъ доктринъ и безупречный съ точки срѣнія православія, писалъ о тѣлесномъ наказаніи: „Что это такое за наказанье, столь оскорбляющее честь и достоинство однихъ сословій или лицъ и не оскорбляющее чести и достоинства другихъ лицъ? Здѣсь скрыта та мысль, что по закону не предполагается ни чести, ни достоинства въ сословіяхъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію. Тѣлесное наказаніе *или* можетъ быть допущено *для всѣхъ, или вовсе* не можетъ быть допущено... Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть *узаконеніе грубой силы*. Побои, какъ и драка, могутъ быть признаны въ мірѣ, какъ случайность; но побои, возведенные въ *законъ*, становятся, будучи признаны въ общемъ ихъ значеніи, явленіемъ положительно *безнравственнымъ*, ибо этотъ взглядъ ихъ оправдываетъ, утверждаетъ, здѣсь уже слышится, чувствуется принципъ (мнѣнія К. С. Аксакова—*День*, 1862 г., № 45). *Добровольное* тѣлесное наказаніе,—продолжаетъ тотъ же Аксаковъ,—какъ бы ни было добровольно, есть тоже прямое проявленіе грубой силы. Добровольно принимаемые побои или тѣлесное наказаніе все остается проявленіемъ грубой силы, хотя бы принимались они не только добровольно, но и съ восторгомъ. Въ тѣлесномъ наказаніи грубая сила не средство, но *существо* наказанія. Это можетъ еще замѣтнѣе становиться при добровольности“ (тамъ же).

— Честную душу Салтыкова всегда возмущалъ видъ крестьянина, идущаго „собственными ногами“ для полученія розогъ. Но ничто такъ не возмущало его, какъ безчеловѣчное требованіе помѣщиковъ, чтобы избиваемый имѣлъ видъ „бодрый“ и благодарилъ за „порку“, какъ за ученье, рискуя иначе попасть въ разрядъ неисправимыхъ (Сочин. II, 305).

духа и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію, то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія. Имѣющіе случай обращаться съ совѣстью такихъ людей замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унизительное наказаніе; симъ удовлетвореніемъ правосудію укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія и побуждаются къ исправленію. Прежде, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, пріѣзжающіе въ Сибирь со страхомъ встрѣчались съ людьми, имѣющими клеймо на лбу и не имѣющими поздрей; но тамошніе увѣряли, что *это люди честные и достойные полнаго довѣрія. Видно, тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности.* Неизвѣстно, такъ ли теперь: *можетъ быть, не бывшіе* подъ наказаніемъ не такой, какъ прежде, подаютъ примѣръ наказаннымъ.— Надо возвратиться снова на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы, претерпѣвъ отъ синедріона безвинно тѣлесное наказаніе, идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишеся *безчестіе пріяти* (Дѣян. V, 41). Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: трижды палицами біенъ быхъ (2 Кор. XI, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. Итакъ, по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе само въ себѣ *не безчестно*, а безчестно только преступленіе. Нѣкоторое полагали бы совсѣмъ уничтожить тѣлесныя наказанія и замѣнить ихъ тюремнымъ заключеніемъ. Для сего, при многолюдномъ городѣ, потребовалось бы построить и содержать *почти городъ тюремный* [1]). Для сего потребовались бы огромныя издержки, единовременныя и непрерывныя. Изъ какихъ суммъ? Изъ государственныхъ доходовъ. Откуда государственные доходы? Изъ налоговъ на народъ. Итакъ, чтобы облегчить истинную или *мнимую* тягость виновныхъ, надобно наложить новую тягость на невинныхъ. На сей случай и христіанское, и просто человѣческое милосердіе можетъ сказать: хорошо миловать виновныхъ, но еще нужнѣе не отягощать невинныхъ [2]). IX. Указано въ запискѣ противъ тѣлесныхъ наказаній слѣдующее изреченіе: „Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію“. Много указано святителей: жаль, что ни одинъ не наименованъ, и не показано, хотя о нѣкоторыхъ, что именно говорятъ они. Указаны даже и не существующіе. То, что мы называемъ святителями, въ нѣкоторыхъ исповѣданіяхъ и не признается, и не существуетъ. Изъ того, что святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божію, *не значитъ защищать личность преступника.* И что значитъ

---

[1]) Слова нѣтъ,—говоритъ нашъ извѣстный криминалистъ проф. Н. С. Таганцевъ,—выполненіе тѣлесныхъ наказаній просто: пришелъ, отсѣкся, ушелъ; для нихъ не нужно ни дорого стоющихъ тюремныхъ построекъ, ни сложной и хорошо подготовленной администраціи. Но едва ли можно серьезно говорить о „дешевизнѣ“ этого наказанія; плохъ тотъ хозяинъ, который необходимый, но не произведенный расходъ, зачислитъ на дѣйствительный приходъ. См. „Лекціи по рус. угол. праву“, стр. 1453, 1459.

[2]) Если это и справедливо, что заключеніемъ причиняетъ матеріальный ущербъ себѣ преступникъ,—замѣчаетъ проф. Кистяковскій,—то не должно забывать, что увѣковѣченіе грубости посредствомъ удержанія тѣлесныхъ наказаній можетъ причинить большій, хотя и невидимый вредъ нравственности народной. Кому не извѣстно, что возвышеніе нравственнаго достоинства человѣка есть лучшій рычагъ улучшенія экономическаго быта. См. „Элемент. учеб. угол права“, стр. 802.

защищать личность человѣка? Не значитъ ли сдѣлать ее неприкосновенною? Но если можно сдѣлать личность виновнаго неприкосновенною для розогъ, можно ли сдѣлать личность всякаго виновнаго неприкосновенною для оковъ? Боговдохновенные писатели защищаютъ личность созданнаго по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій. Ты побіеши его жезломъ: душу же его избавиши отъ смерти (Прит. XXIII, 14). X. Есть мысли, блещущія нравственною красотою, такъ что въ нихъ, какъ въ солнцѣ, не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть. Таково слѣдующее изреченіе: „законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія“. Прекрасно, однако, если разсмотрѣть внимательно, то въ семъ блистательномъ изреченіи найдется нѣкоторое пятно, т.-е. нѣчто не истинное: нельзя осудить всякое насильство безусловно. Если кто буйствуетъ неукротимо, то необходимо употреблять насильство, чтобы связать его. Если надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника: онъ, конечно, не допуститъ сего добровольно, а надобно употребить насильство, чтобы его схватить и сковать. Такимъ образомъ мысль блистательная, но не строго вѣрная, не обѣщаетъ надежныхъ заключеній въ отношеніи къ вопросу о наказаніяхъ. XI. Слышно (sic), что недавно въ Англіи разсматриваемъ былъ вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ военномъ званіи, и что тамошніе военачальники подали голосъ сохранить оное, не опасаясь разрушить въ воинахъ чувство чести, особенно для нихъ важное, и даже признались, что безъ сего имъ трудно было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ военныхъ чинахъ [1]).—Но слово уже выходитъ изъ предѣловъ предложеннаго вопроса. Время молчати“ [2]).

Самою горячею защитою жестокихъ тѣлесныхъ наказаній ознаменовалъ себя архаическій гр. Панинъ. Трудно сказать, чему слѣдуетъ приписать такой образъ мыслей министра гр. Панина: его общеизвѣстной черствости, жестокости [3]), его безграничному презрѣнью къ „подлому“ народу или слѣпому благоговѣнію предъ существующею рутиною [4]), или всѣмъ этимъ свойствамъ вмѣстѣ взятымъ. Но исторія передаетъ тотъ на-

---

[1]) Нашимъ кнутофиламъ померещилась,—пишетъ Д. А. Ровинскій,—что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится; дисциплина,—говоритъ онъ,—не пострадала и въ доказательство приводитъ свидѣтельство враждебной Россіи англійской журналистики, отзывавшейся съ величайшею похвалою о дисциплинѣ и корректномъ поведеніи русскихъ солдатъ въ послѣднюю восточную войну (см. ин. с. Ровинскаго, V, стр. 321).—Кромѣ того, назв. сводъ отмѣчаетъ фактическую невѣрность указанія отвосительно Англіи и приводитъ справку изъ Морского Сборника (1861 г., № 1, стр. III, 171).

[2]) См. назв. сводъ, стр. 21—25.

[3]) См. характеристику безподобнаго графа Панина въ главѣ I, § 3. Добавлю для характеристики чувства справедливости у министра юстиціи. Недовольный статьею иротивъ судовъ, онъ требовалъ примѣрнаго наказанія цензора. Когда ему замѣтили, что нужно сначала потребовать объясненія, гр. Панинъ изрекъ классическую фразу: *сначала наказать*, потомъ потребовать объясненія (см. дневн. Никитенко, II, 114).

[4]) За все почти 30-лѣтнее завѣдываніе гр. Панинымъ судебнымъ вѣдомствомъ (1833—1862) не было произведено *ни одной* реформы.

зидательный фактъ, что въ то время, какъ представители самыхъ жестокихъ видовъ юстиціи—военной и морской,—отказывались отъ шпицрутеновъ и кошекъ, не стѣсняясь требованіями суровой дисциплины, представитель мирнаго гражданскаго вѣдомства считалъ невозможнымъ разстаться съ клейменіемъ, съ шпицрутенами, плетьми, даже по отношенію къ женщинамъ. Съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній, по мнѣнію гр. Панина, установилась бы *полная безнаказанность* для народа. „Тѣлесное наказаніе,—писалъ онъ,—какъ самое физически чувствительное, вполнѣ понятно простолюдину, и, *не имѣя* (sic!) и потерявъ нравственное достоинство, преступникъ сознаетъ въ тѣлесномъ наказаніи чувствительное возмездіе за совершенное имъ злодѣяніе [1]). Въ народномъ понятіи тѣлесное наказаніе есть *единственное* наказаніе, возбуждающее страхъ, и отмѣна разомъ вовсе сего наказанія въ грубыхъ понятіяхъ нѣкоторыхъ преступниковъ и ихъ среды была бы равносильна *отмѣнѣ всѣхъ уголовныхъ* наказаній". Возражая противъ освобожденія женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія, гр. Панинъ разсуждалъ: что касается до нравственнаго посрамленія женщины при ея обнаженіи для наказаній, то женщины совершаютъ часто преступленія, обнаруживающія еще болѣе (?) разврата въ лицахъ, къ ихъ полу принадлежащихъ, чѣмъ въ мужчинахъ, или позволяютъ себѣ дѣйствія, явно свидѣтельствующія объ отсутствіи всякой стыдливости. Развивая свою богатую мысль, гр. Панинъ писалъ: „Любовникъ (sic) засталъ любовницу въ объятіяхъ другого, *голодный* воръ взялъ не кусокъ хлѣба или *копейку* [2]) на попойку, а все состояніе своего благодѣтеля — можно

---

[1]) Вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей,—замѣчаетъ Ровинскій,—видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія *исправительныя* мѣры, которыя не лучше смертной казни (см. н. с. Ровинскаго V, 329).—Проф. Бѣляевъ, считая необходимымъ уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній даже для рецидивистовъ-каторжниковъ, писалъ:—„Если каторжные рецидивисты неисправимы, и ихъ наказываютъ только ради возмездія, въ такомъ случаѣ, говорилъ профессоръ, слѣдовало бы указать на главную цѣль и прямо написать въ законѣ, что неисправимыхъ злодѣевъ, совершающихъ страшныя преступленія и въ ссылкѣ и въ каторгѣ, казнить смертью; тутъ церемониться нечего. А ежели есть хотя слабая надежда, что злодѣи со временемъ покаятся, то нужно прибѣгать не къ шпицрутену и плетямъ, а къ чему-нибудь другому. Пусть законъ вникнетъ въ бытъ ссыльныхъ и каторжныхъ и воспользуется имъ, чтобы наказывать между ними уличенныхъ во вторичныхъ преступленіяхъ, не прибѣгая ни къ шпицрутену, ни къ плетямъ, а лишая ихъ по мѣрѣ вины тѣхъ немногихъ благъ, которыми они пользуются въ своемъ обществѣ. Чѣмъ человѣчнѣе будете поступать съ преступниками, тѣмъ человѣчнѣе будутъ и они, и тѣмъ чувствительнѣе будетъ для нихъ всякое благоразумное, а не скотское наказаніе" (*День* 1862 г., № 96).

[2]) А съ какою безпощадностью расправлялся гр. Панинъ и съ такими „голодными ворами", можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ концѣ 50-хъ годовъ въ сенатѣ судился мальчишка лѣтъ 14, пойманный съ грубо поддѣланнымъ гри-

ли принять въ уваженіе, что въ нихъ не погасло чувство стыдливости“ (sic) [1]).

Соглашаясь на переносъ клейма [2]) съ лица на плечо и какъ бы сокрушаясь о невозможности возстановленія „рванія ноздрей, возбранявшаго преступнику навсегда возможность возвратиться въ общество“, гр. Панинъ полагалъ *возстановить* по крайней мѣрѣ, отмѣненное еще закономъ 10-го ноября 1858 г., бритье головы, въ концѣ концовъ настаивалъ на сохраненіи и плетей и шпицрутеновъ.

Сопоставляя эти вопли „жестоковыйныхъ“ фарисеевъ, „порицавшихъ всякое нововведеніе и похвалявшихъ все старое“, съ ихъ предшественниками въ XVIII столѣтіи, сенаторъ Д. А. Ровинскій замѣчаетъ: „Кнутофилы 1861 г. точно такъ же, какъ ихъ собраты 1767 г., при отмѣнѣ плетей и розогъ вопили нестройнымъ хоромъ прежнюю пѣснь,—что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ, и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится; всуе смятошася и вотще прорѣкоша! Миръ и тишина остались и въ домѣ и въ постели; спать даже стали больше и крѣпче прежняго“.

Словомъ, для этихъ ветхозавѣтныхъ консерваторовъ, „неисправимыхъ“ крѣпостниковъ, не существовало „прихода жениха“, для нихъ прошло совершенно безслѣдно наступленіе 19-го февраля—5-го марта 1861 г., зари новой жизни; остался непонятымъ смыслъ великаго и утѣшительнаго

венникомъ въ булочной, въ то время, какъ онъ въ булочной покупалъ хлѣбъ, Сенатъ, въ силу закона, замѣнилъ мальчику 100 ударовъ плетьми—100 ударами розогъ. Считая однако и это послѣднее наказаніе черезчуръ строгимъ и не имѣя права понизить его своею властью, сенатъ просилъ гр. Панина возбудить ходатайство передъ государемъ объ уменьшеніи числа розогъ до 50. Министръ юстиціи *не счелъ* возможнымъ дать ходъ ходатайству сената, признавъ, что замѣною плетей розгами и безъ того оказанъ преступнику избытокъ милосердія. Александръ II, случайно узнавшій объ участи мальчика, вовсе отмѣнилъ розги (см. записку сенатора Ф. деръ-Ховена въ т. XXVI, ч. 6, № 25 въ Дѣлѣ о преобразованіи судебной части въ Россіи).

[1]) См. назв. сводъ, стр. 28.

[2]) Тамъ же, 29—30. По Двинской грамотѣ клейменіе татей имѣло смыслъ счета рецидива. Подсудимый съ однимъ клеймомъ судился за вторую кражу, съ двумя какъ за третью и т. д. (см. статью проф. Бѣляева въ *Днѣ* 1862, № 52). Хорошо, что графъ Панинъ, презиравшій, какъ прилично солидному бюрократу, „фельетонистовъ“, т.-е. русскую печать, и читавшій аккуратно *Times*, какъ подобаетъ истому лорду даже на берегахъ Невы, не заглядывалъ ни въ *День*, ни въ Двинскую грамоту, а то, навѣрное, не преминулъ бы воспользоваться этимъ до-нельзя простымъ способомъ справки о судимости.

факта благополучнаго освобожденія крестьянъ, такъ краснорѣчиво доказавшаго, съ одной стороны, политическую недальновидность рутинеровъ-консерваторовъ, а съ другой—изумительный тактъ и благодушіе оклеветаннаго ими русскаго народа [1]).

IV.

Къ счастью, старческіе трусливые вопли и фарисейскія причитанія брюзжащихъ мнительныхъ, одичалыхъ крѣпостниковъ, какъ и при крестьянской реформѣ, были заглушены гуманнымъ направленіемъ молодого поколѣнія, господствовавшимъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ общественномъ мнѣніи и частью въ правительственныхъ сферахъ. Самъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, смѣнившій въ апрѣлѣ 1861 г., въ качествѣ представителя консервативнаго начала, либеральное министерство С. С. Ланскаго и Н. А. Милютина, выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. „Положеніе человѣка, совершившаго преступленіе—писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секр. Валуевъ—есть положеніе ненормальное, только не въ физическомъ, а въ нравственномъ смыслѣ, а потому и приведеніе такого человѣка въ нормальное состояніе, т.-е. *исправленіе* преступника, должно быть не физическое, а нравственное. Здѣсь полезнѣе всего умѣть заставить преступника почувствовать всю гнусность и вредъ преступленія, вызвать въ немъ сожалѣніе о потерянныхъ чрезъ преступленія преимуществахъ въ жизни человѣка честнаго, а вмѣстѣ и раскаяніе въ совершенномъ преступленіи. Тѣлесныя же наказанія скорѣе ожесточаютъ, чѣмъ исправляютъ“.

Но самыми убѣжденными и сильными противниками тѣлесныхъ наказаній выступили гуманные юристы: оберъ-прокуроръ московскихъ департаментовъ сената Н. А. Буцковскій и тогдашній московскій губернскій прокуроръ (впослѣдствіи сенаторъ) Д. А. Ровинскій (см. дальше). Послѣдній рядомъ статистическихъ данныхъ и бытовыхъ соображеній, взятыхъ прямо изъ судебной практики, доказывалъ безусловную необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній и полную возможность, при нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ тюремныхъ и слѣдственныхъ порядковъ, немедленной замѣны ихъ заключеніемъ въ существующихъ тюрьмахъ [2]).

Н. А. Буцковскій, въ свою очередь, подробно разбираетъ всѣ доводы защитниковъ тѣлесныхъ наказаній для простого народа или усиленія для него, въ случаѣ отмѣны плетей и розогъ, въ видахъ равномѣрности, срока

---

[1]) См. н. сб. Ровинскаго V, стр. 324.

[2]) Отзывъ г. Ровинскаго. См. н. Сводъ, стр. 83—90.

ссылки. Этотъ человѣколюбивый и просвѣщенный судебный дѣятель, такъ много поработавшій какъ по составленію Судебныхъ уставовъ, такъ и по примѣненію ихъ на дѣлѣ [1]), со всею силою своего опыта и дѣятельнаго гуманизма выступилъ противъ провозглашенной его принципаломъ гр. Паниным̀ъ теоріи о необходимости усиленія наказанія для лицъ „податного состоянія“. Считая вполнѣ справедливымъ, чтобы судъ, по возможности, опредѣлялъ мѣру наказанія, сообразуясь съ индивидуальными особенностями подсудимаго, Буцковскій считалъ вопіющей несправедливостью опредѣлять наказанія не по этимъ конкретнымъ обстоятельствамъ даннаго дѣла, а по формальному признаку принадлежности къ тому или другому привилегированному сословію [2]).

Вопреки мнѣнія г. Панина, полагавшаго, что простолюдину „нечего

---

[1]) См. главу VI моихъ „Основъ судебной реформы“ и ниже.

[2]) Коснувшись этого вопроса, проф. Таганцевъ указываетъ на невозможность правильнаго рѣшенія „кого сѣчь“: „сѣчь по дѣлу или по человѣку глядя? Естественно казалось бы первое, но исторія тѣлесныхъ наказаній указываетъ иное. Вездѣ, гдѣ практиковались тѣлесныя наказанія, возникало различіе по классамъ и сословіямъ. Вездѣ появлялся классъ *избранныхъ*, которыхъ не должна касаться рука палача, а тѣлесныя наказанія предназначались для *черни*, т.-е. для той грязной гущи народонаселенія, которую въ теченіе многихъ вѣковъ законодатель не считалъ способною къ образованію, а лишь пригодною къ такой дрессировкѣ, какой подвергаютъ лошадей и собакъ посредствомъ хлыста (этими традиціями, вѣроятно, объясняется недавняя справка о тѣлесныкъ наказаніяхъ, наведенная *Гражданиномъ* у такого „свѣдущаго лица“, какъ дрессировщикъ клоунъ г. Дуровъ). Едва ли нужно говорить, какъ справедливо указываетъ г. Таганцевъ, на сколько не соотвѣтствуетъ такое сословное неравенство понятію правосудія. Нужно ли серьезно опровергать,—продолжаетъ почтенный криминалистъ,—что проѣвшійся, пропившійся потомокъ столбового дворянина, сбирающій по дворамъ подачки или занесенная, хотя бы и титулованная, въ списки проституированныхъ женщинъ, тѣмъ не менѣе сохраняютъ болѣе развитое понятіе о личномъ достоинствѣ, чѣмъ всякое лицо податного сословія?“ См. Лекціи, т. II, стр. 1437.

— А что сказать объ изъятіи отъ тѣлеснаго наказанія „толстосумовъ“? Стоитъ хищнику-кулаку изъ крестьянъ взять свидѣтельство купца второй гильдіи, и онъ даже за преступленіе, совершенное до „облагороженія“ своего путемъ уплаты денегъ за свидѣтельство, уже не можетъ быть тѣлесно наказанъ, какъ перешедшій изъ касты мужиковъ-паріевъ въ касту „благородныхъ“. На эту возмутительную несообразность указывалъ А. М. Унковскій еще въ 1863 г. (*Современникъ*, № 5, 19), но до сихъ поръ она существуетъ.

„Защита розги, какъ наказанія, представлялась бы сама по себѣ мало обоснованнымъ предразсудкомъ, если бы за нимъ не скрывалось отстаиванье принципа *битья низшихъ классовъ*, выдвигать который самостоятельно не совсѣмъ удобно—приходится прикрываться восхваленіемъ достоинствъ розги, какъ карательной мѣры“. (Тимоѳеевъ, 128). Словомъ розги — крестьянская привилегія, по истинѣ privilegium odiosum!—и служатъ основаніемъ для дѣленія „русскихъ людей на тѣхъ, кого бить можно и кого бить нельзя“ (тамъ же, 129).

терять“ при лишеніи правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь, а потому проектировавшему *добавку* наказаній, Буцковскій заявлялъ, что и простолюдинъ теряетъ въ ссылкѣ семейственныя и имущественныя права, связь съ родиной, съ близкими и пр. Если же принимать во вниманіе различіе общественнаго положенія, то, по мнѣнію Буцковскаго, слѣдовало, по справедливости, взять масштабъ, обратный рекомендуемому гр. Панинымъ. „Изъ двухъ лицъ, совершившихъ одинаковыя, не только по матеріальному вреду, но также и по свойству злого умысла, преступленія, кто болѣе виновенъ,—вопрошаетъ Буцковскій,—тотъ ли, кто посягнулъ на это преступленіе при полномъ свѣтѣ разума, развитаго образованіемъ и укрѣпленнаго воспитаніемъ, поправъ въ своемъ стремленіи къ злу всѣ эти духовныя силы, или тотъ, кто всю жизнь бродилъ впотьмахъ невѣжества и былъ столько же бѣденъ духовными силами, сколько богатъ силами физическими? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать,—говоритъ Буцковскій,—ст. 144, п. 2 Улож., по которой наказаніе тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ *выше* состояніе, званіе и степень образованности преступника. Вотъ правило,—продолжаетъ Буцковскій,—предъ которымъ нельзя не благоговѣть, какъ предъ святою истиною; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть, что правило это при существованіи несоотвѣтствующихъ ему другихъ опредѣленій уголовнаго законодательства сдѣлалось почти мертвою буквою, и что на самомъ дѣлѣ необразованные простолюдины подвергались доселѣ *болѣе строгимъ* наказаніямъ, чѣмъ лица высшихъ сословій, получившія болѣе или менѣе полное образованіе. Неужели эта непослѣдовательность въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ не только повторится, но и *усугубится* въ настоящее время, когда есть возможность исправить ее въ значительной мѣрѣ“? [1]).

Pium desiderium Буцковскаго исполнилось, и путь къ новымъ несправедливостямъ, на которыя толкалъ министръ юстиціи гр. Панинъ, былъ отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ, но истинно благочестивое пожеланіе гуманнаго юриста „о судѣ людей въ мѣру данныхъ имъ талантовъ“ вполнѣ осуществилось лишь съ введеніемъ у насъ суда присяжныхъ, который, отвергнувъ излюбленную точку зрѣнія ханжей-крѣпостниковъ, взыскиваетъ много съ тѣхъ, кому много было дано, а не наоборотъ, какъ поступалъ старый судъ.

Одновременно съ вопросомъ объ отмѣнѣ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній былъ поставленъ на очередь и вопросъ объ отмѣнѣ легкихъ или розогъ, какъ въ судебномъ, такъ и въ административномъ порядкѣ. Го-

---

[1]) См. назв. Сводъ 56—58.—Въ другихъ случаяхъ, такъ напр., при арестѣ во время предварительнаго слѣдствія само законодательство допускало *неравенство*, дѣлая послабленіе *высшимъ* сословіямъ (ст. 132—133. Улож. о нак.)

воря о послѣднемъ, великій князь Константинъ Николаевичъ писалъ: „Наши полицейскіе чиновники привыкли такъ легко смотрѣть на побои простого народа, а высшія мѣстныя власти смотрятъ по большей части съ такою легкостью на эти злоупотребленія, что *каждый* изъ нихъ считаетъ себя вправѣ употребить розги и побои, когда ему вздумается". Единственнымъ средствомъ для искорененія этого застарѣлаго зла великій князь признавалъ преданіе суду виновныхъ за своеручныя расправы [1]). Шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ и тотъ даже заплатилъ дань молодому либерализму и съ своей стороны признавалъ возможнымъ полную отмѣну розогъ на всѣхъ ступеняхъ, высказавъ, что кратковременный арестъ производитъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ розги (н. Сводъ 74).

Самыя обстоятельныя и энергичныя возраженія противъ назначенія *розогъ* за маловажные проступки представилъ вышеупомянутый оберъ-прокуроръ Н. А. Буцковскій [2]), полагая, что онѣ не соотвѣтствуютъ ни одной изъ цѣлей правосудія. Сущность его соображеній сводится къ слѣдующему:

а) Во-первыхъ, наказанія эти, доведенныя по духу нашего времени до незначительнаго числа ударовъ для людей, привыкшихъ къ грубому обращенію и побоямъ съ малолѣтства и обтерпѣвшихся въ суровой жизни, не составляютъ страданія, равнаго причиненному злу, почему не могутъ служить ни достаточнымъ возмездіемъ за преступное дѣяніе, ни средствомъ для предупрежденія его. b) Во-вторыхъ, преступникъ, которому отсчитали извѣстное число ударовъ и отпустили на всѣ стороны, безъ надзора и безъ взысканія убытковъ, можетъ продолжать свой прежній образъ жизни, наводя страхъ на потерпѣвшаго. c) Въ-третьихъ, тѣлесныя наказанія уби-

---

[1]) См. назв. Сводъ стр. 97—98. Прежде нежели приступить къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по суду, писалъ въ 1862 году проф. Бѣляевъ, напередъ нужно вырвать съ корнемъ самое важное зло русскаго общества—это розги, пощечины и иныя подобныя манипуляціи, нерѣдко раздаваемыя безъ всякаго суда, по усмотрѣнію блюстителей благочинія. Отъ полицейскаго самовластья всего болѣе страдаетъ простой русскій человѣкъ. Пока не отнимется у полиціи право наказывать безъ суда, до тѣхъ поръ отмѣна наказаній по суду не принесетъ ожидаемой пользы, ибо простой народъ прежде всего приходитъ въ соприкосновеніе съ властью административною и деморализуется болѣе всего самоуправствомъ полиціи (*День № 52*). На языкѣ охранителей изъ „Гражданина" такое самоуправство нынѣ именуется охраненіемъ престижа властной руки.

[2]) Въ Сводѣ мнѣній (стр. 90) помѣщенъ отзывъ одного помѣщика, который, предвосхищая взгляды современныхъ „розголюбовъ", заявлялъ, что нужно сохранить розгу изъ уваженія... къ міровозрѣнію народа, который считаетъ ее необходимою. Эксцентричный доводъ страннаго народолюбца предвосхищающаго умоначертаніе современныхъ торжествующихъ „гражданиновъ", не удостоился даже и обсужденія.

ваютъ въ немъ достоинство человѣка, *всякое чувство чести* [1]) и поддерживаютъ въ немъ то неуваженіе къ своей и чужой личности, которое такъ сильно внѣдрилось въ наши нравы при господствѣ крѣпостного права. По справедливому замѣчанію Бентама, бичъ въ рукахъ блюстителей общественнаго порядка есть лучшее доказательство жалкаго состоянія народа. Благодаря Бога и великаго Государя нашего, теперь мы смѣло можемъ сказать,—замѣчаетъ Буцковскій,—что вступили на путь, на которомъ все болѣе и болѣе удаляемся отъ этой татарской расправы и неразлучнаго съ нею униженнаго состоянія народа. Конечно, великое благо уже то, что теперь удары бича не раздаются произвольно ни изъ рукъ помѣщиковъ, ни изъ рукъ полицейскихъ служителей, но нравственное возрожденіе народа не можетъ вполнѣ осуществиться, доколѣ будутъ существовать хотя и не произвольныя, а опредѣляемыя правильно организованною судебною властью, однакоже все-таки несообразныя съ достоинствомъ человѣческой личности наказанія. Неуваженіе къ своей и чужой личности, да это цѣлая бездна зла, неисчерпаемый источникъ самоуниженій и правонарушеній!.. Затѣмъ Буцковскій, устанавливая непосредственную связь между этимъ недостаткомъ и многими прискорбными явленіями общественной и семейной жизни (грубость, самодурство, торговые обманы и пр.), полагалъ, что въ числѣ другихъ факторовъ, имѣющихъ цѣлью поднятіе народной нравственности, будетъ имѣть серьезное значеніе и отмѣна уничижающихъ тѣлесныхъ наказаній.

Протестуя противъ взгляда, рекомендующаго тѣлесныя наказанія, какъ наиболѣе дешевыя и наименѣе отражающіяся на семьѣ виновнаго, Буцковскій проектировалъ организацію правильныхъ общественныхъ работъ, которыя могли бы дать средства для содержанія осужденныхъ и для вознагражденія потерпѣвшихъ, и въ смыслѣ исправленія гораздо были бы цѣлесообразнѣе, нежели розги.

V.

Обсудивъ поступившія мнѣнія, комитетъ II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи составилъ проектъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, несмотря на сильное противодѣйствіе реакціонной партіи, которая старалась эксплоа-

---

[1]) Если въ обществѣ развито нравственное достоинство,—говоритъ извѣстный французскій юристъ Росси,—то оно изгонитъ сѣченаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ врага общества навѣки. Но подобная страна еще счастлива; хуже тамъ, гдѣ только-что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только *отряхнуться*, чтобы изгладить послѣднія наказанія; это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости". См. у Таганцева, Лекціи 1458.

тировать въ свою пользу начавшееся въ 1863 г. политическое броженіе, приглашая послѣ сдѣланнаго шага впередъ сдѣлать два назадъ. Но, съ другой стороны, новымъ могучимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ этой реформы явился только что назначенный на постъ военнаго министра генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ.

При обсужденіи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ не только главнымъ, но *единственнымъ* [1]) защитникомъ плети и торговой казни выступилъ все тотъ же безподобный хранитель историческихъ традицій, „нескладный видомъ, идеями, дѣяніями“, по выраженію Валуева,—свирѣпый министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ. Читая въ меморіи Государственнаго Совѣта сужденіе *одного члена*, этого Донъ-Кихота „раціональнаго дранья“, не знаешь, право, чему больше дивиться — упрямству ли влаетнаго рутинера, охраняющаго, какъ святыню, всякую букву дѣйствующаго правила, узкости ли взгляда черстваго бюрократа, всю жизнь проведшаго среди занумерованныхъ бумагъ, или безсердечію тупого, жестокаго деспота, никакъ не могшаго сразу разстаться съ плетьми. Чтобы сохранить драгоцѣнный грузъ отъ шторма невѣсть откуда нахлынувшихъ новыхъ нигилистическихъ, гуманныхъ вѣяній, распространяемыхъ „мальчишками“, гр. Панинъ соглашался выбросить половину груза на жертву „завиральнымъ идеямъ“, лишь бы сохранить другую его половину: гр. Панинъ сталъ торговаться, находя возможнымъ допустить не полную отмѣну плети, а лишь уменьшеніе числа ударовъ со ста на пятьдесятъ:

Immer langsam voran...

И то хорошо, сравнительно... съ звѣремъ Аракчеевымъ! Сравнительно съ гр. Аракчеевымъ, гр. Панинъ дѣлалъ еще одну уступку. „Преданный безъ лести“, графъ Аракчеевъ требовалъ экзекуціи „сквозь тысячу двѣнадцать разъ *безъ медика*“, „преданный всею душою“ графъ Панинъ, по добротѣ сердечной, былъ противъ „истязаній“.

Живя согласно съ строгою моралью,
Онъ никому не дѣлалъ въ жизни зла...

Онъ соглашался *на допущеніе медика* съ тѣмъ, чтобы торговая казнь приводилась въ исполненіе лишь по удостовѣренію врачей, что преступникъ не находится „въ болѣзненномъ состояніи“ (стр. 2 Меморіи). Развѣ это не прогрессъ въ „людодерствѣ?“ Но дѣлая эту уступку духу времени и молодому поколѣнію, гр. Панинъ тѣмъ смѣлѣе сталъ на защиту освященнаго вѣками позорнаго орудія мздовоздаянія, ссылаясь, между прочимъ, и на воззрѣнія народа (вотъ до чего можетъ довести желаніе отстоять во что бы то ни стало излюбленную теорію „братьевъ-кримина-

---

[1]) См. Меморію соед. департ. зак. и гражд. отъ 21 мая 1864 г., № 47.

листовъ“,—даже до подлаго народа спустился брезгливый браминъ гр. Панинъ!), сохранившаго въ сердцѣ истины нашей вѣры и смотрящаго на наказанія, какъ на искупленіе грѣха и средство для успокоенія совѣсти.

Весьма любопытно возраженіе гр. Панина противъ мнѣнія, полагавшаго, что отмѣна плетей не грозитъ опасностью общественному порядку, такъ какъ съ отмѣною кнута не только не увеличилось, но уменьшилось число преступленій на 20%. Находя этотъ процентъ „незначительнымъ“, гр. Панинъ считалъ нежелательнымъ ни общее смягченіе наказаній на половину, принятое Государственнымъ Совѣтомъ (стр. 10—11), ни въ частности отмѣну тѣлеснаго наказанія [1]) для женщинъ и смягченіе наказаній для престарѣлыхъ и слабосильныхъ преступниковъ замѣною тяжкихъ наказаній менѣе тяжкими. Соглашаясь на такую замѣну (каторжной работы вмѣсто рудниковъ въ заводахъ и вмѣсто арестантскихъ ротъ въ рабочемъ домѣ), гр. Панинъ предлагалъ ради *справедливости увеличить сроки работъ* (стр. 7). Тутъ безсердечный кнутофилъ весь налицо, выступивъ во весь свой длинный ростъ („кто неба и ада досягалъ“, по выраженію Тургенева) и представъ вполнѣ in naturalibus! Хорошо смягченіе... приводящее *къ усиленію* наказанія! Даже безстрастныя страницы оффиціальной Меморіи отчасти отражаютъ слѣды того единодушнаго негодованія, которое должна была вызвать эта фальшивая гуманность. „Если,—отвѣчали графу Панину его коллеги, чуждые особой чувствительности, а тѣмъ паче всякихъ радикальныхъ увлеченій, (кн. Гагаринъ, Кочубей, баронъ Корфъ, Литке, Норовъ, Гофманъ, Толстой, Мухановъ), по слабости сложенія или силъ наказываемаго, признается нужнымъ тяжкія *невозможныя* для него работы замѣнить менѣе тяжкими, то было бы несправедливо, *уравновѣсивъ* такимъ образомъ самую тягость работъ съ

---

[1]) Еще со времени Екатерининскаго Наказа (см. выше § 1) признавалось аксіомою, что всякое наказаніе *есть зло* и должно быть допускаемо лишь въ предѣлахъ, безусловно требуемыхъ общественною безопасностью. Всякій излишекъ, выходящій за предѣлы этой необходимости, несправедливость. По теоріи же гр. Панина, наказаніе—*благо* само по себѣ. Имъ можно отчасти пожертвовать, если ожидается развѣ ужъ очень значительное (выше 20%) уменьшеніе преступности. Если же уменьшеніе незначительное или даже вовсе оно не послѣдовало, то уменьшеніе наказанія *несправедливо*. По этой теоріи выходитъ, что если съ отмѣною смертной казни число убійствъ не только не уменьшилось значительно, а хоть просто не увеличилось—отмѣна была несправедлива!.. Это ужъ какая-то стихійная кровожадность, свидѣтельствующая о *переживаніи* первоначальныхъ дикихъ инстинктовъ, когда у людей „клыки“ играли болѣе серьезную роль, чѣмъ теперь.—Замѣчателано, что тотъ же гр. Панинъ (стр. 3) съ сочувствіемъ отзывается объ отмѣнѣ жестокихъ наказаній въ минувшемъ столѣтіи.—Невольно вспомнишь указаніе на своеобразное устройство мыслительнаго аппарата гр. Панина, благодаря которому посылки у него нерѣдко противорѣчили выводамъ (см. н. с. Семенова, т. II, 672).

силами наказываемаго, *усугублять* мѣру кары продолженіемъ срока“ (стр. 7).

17 апрѣля 1863 г., въ день рожденія Царя-Освободителя, былъ подписанъ знаменитый указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, составляющій одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскаго законодательства.

Главное содержаніе закона 17-го апрѣля сводится къ слѣдующему: жесточайшія наказанія — шпицрутены или прогнаніе сквозь строй для военнаго вѣдомства, кошки для морского и плети для лицъ гражданскаго вѣдомства — отмѣняются *вовсе*; отмѣняется также наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ; лица женскаго пола, кромѣ ссыльныхъ, вовсе изъемлются отъ тѣлеснаго наказанія, розги временно были сохранены. Таковы главные пункты этого гуманнаго законодательнаго акта, истинные мотивы коего, вслѣдствіе необъяснимаго недоразумѣнія, попали не въ подлинный указъ Правительствующему Сенату [1]), а въ приказы по военному и морскому вѣдомствамъ. Въ указѣ Правительствующему Сенату, написанномъ самымъ сухимъ, приказно-шаблоннымъ языкомъ и, къ удивленію, почему-то вовсе не содержащемъ указаній на благородные мотивы, его вызвавшіе, такая радикальная мѣра, какъ отмѣна жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, мотивируется желаніемъ „*еще точнѣе* (*sic*) соразмѣрить кару оныхъ (наказаній) съ свойствомъ и степенью преступленія“ — фраза, ничего не разъясняющая! — Гораздо больше имѣетъ значенія и смысла мотивъ, помѣщенный въ приказахъ по военному и морскому вѣдомствамъ и мотивирующій указъ 17 апрѣля желаніемъ государя императора „явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и *возвысить нравственный духъ нижнихъ чиновъ*“.

Культурное значеніе указа 17-го апрѣля было громадно какъ для нашего уголовнаго права, такъ и вообще для воспитанія нравственной личности гражданина. Если въ высшихъ своихъ ступеняхъ тѣлесныя наказанія возмущали своею безчеловѣчною жестокостью по отношенію къ истязуемому публично преступнику, который, изнемогая, долженъ былъ итти сквозь строй или лежать на плахѣ съ изодранною шпицрутенами и плетьми въ клочья спиною на потѣху и порчу толпы, — то въ низшихъ своихъ ступеняхъ оно до нельзя принижало личность гражданина, который рѣшительно ничѣмъ не былъ огражденъ отъ кулачной расправы и про-

---

[1]) Нерѣшительность и опасенія старыхъ партій сказались даже и въ заглавіи указа: не объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, а „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ“ (Тимоѳеевъ, 122).

извольнаго наказанія розгами со стороны административныхъ властей [1]). Отмѣняя жестокія наказанія по суду, законодатель долженъ былъ озаботиться отмѣною „административной расправы“, иначе реформа оставалась бумажною, если не въ важнѣйшей своей, то въ самой обыденной части. Такъ и поступилъ законодатель. „Во избѣжаніе *своеручныхъ* расправъ, практикуемыхъ исполнительными властями“, вышеупомянутый Комитетъ предлагалъ министру внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ внушенію *начальствующимъ полицейскою частью*, что *собственноручные побои* будутъ подвергаться строгому преслѣдованію и наказанію. Въ видахъ обезпеченія болѣе строгаго преслѣдованія Комитетъ полагалъ, что „такія расправы слѣдуетъ передать на разсмотрѣніе *не начальства* виновныхъ, а общихъ судовъ“. Къ сожалѣнію, предложенія Комитета въ этой послѣдней части не осуществились.

Можно ли въ настоящее время считать отмѣну тѣлесныхъ наказаній вполнѣ осуществившеюся? И да, и нѣтъ. Не даромъ на статистическомъ конгрессѣ, бывшемъ во Флоренціи въ 1881 г., изъ двухъ представителей Россіи, предъ изумленными иностранцами, одинъ утверждалъ, что тѣлесныя наказанія отмѣнены въ Россіи, а другой—что они существуютъ. Пожалуй, оба были правы. Какъ факультативная мѣра, розги еще фигурировали въ Уложеніи 1866 года [2]). Но съ новымъ изданіемъ въ 1866 г.

---

[1]) Петербургскій и московскій оберъ-полицеймейстеры возили съ собою въ каретѣ плети, называемыя подлипиками, и наказывали ими по своему усмотрѣнію (Тимоѳеевъ, 192).

[2]) Замѣчательно, что, оставивъ въ 1866 г. розги въ видѣ факультативной мѣры для общихъ судовъ, Государственный Совѣтъ изгналъ ихъ еще въ 1864 изъ мирового суда, исходя, во-первыхъ, изъ того соображенія, что для населенія, привыкшаго съ дѣтства къ розгамъ, она лишена всякой репрессивной силы, а во-вторыхъ, въ виду того, что тѣлесное наказаніе *„признано всѣми въ высшей степени позорнымъ и не соотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ нашего общества* и положительно вреднымъ, препятствуя смягченію нравовъ народа, которое служитъ еще болѣе вѣрною охраною общества, чѣмъ самая строгость уголовнаго преслѣдованія“ (см. т. LXIX Дѣла о преобразов. суд. части въ Россіи. Журн. Госуд. Совѣта 30-го сентября 1864 г., стр. 7).—Кто бы повѣрилъ, что подъ этимъ гуманнымъ журналомъ 1864 г. стоитъ подпись завзятаго панегириста плети и розги гр. Панина?!—Мало того, когда въ 1865 году возникъ вопросъ объ освобожденіи ссыльныхъ женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія, гр. Панинъ сдѣлалъ удивительное сальто-мортале и поплылъ по либеральному теченію. „Мысль объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній всѣхъ рѣшительно женщинъ, *не исключая даже и ссыльныхъ*, отъ *позорнаго* тѣлеснаго наказанія,—писалъ гр. Панинъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ,—заслуживаетъ полнаго сочувствія и уваженія; въ дѣлѣ народнаго развитія и образованія,—продолжалъ онъ,—вопросъ этотъ такъ *важенъ*, что къ осуществленію предположенія означеннаго необходимо принять самыя рѣшительныя мѣры“ (*Суд. Газета* 1892 года, № 50). Но наши быстротечныя либеральныя вѣянія не долговѣчны, и уже въ 1866 г. тотъ же Госуд. Совѣтъ, и въ томъ

Уложенія—въ которомъ впервые показаны *отмѣненными* ст. 78, 80, 81 и 82 Улож., разрѣшавшія до 1885 года судамъ, въ случаѣ явной невозможности подвергнуть заключенію въ рабочемъ и исправительномъ домахъ, тюрьмѣ или подъ арестомъ, замѣнять эти наказанія наказаніемъ розгами отъ трехъ до ста ударовъ,—тѣлесныя наказанія можно признать de jure *окончательно отмѣненными*, такъ что въ судебномъ порядкѣ теперь нельзя присуждать къ наказанію розгами.

Тѣлесныя наказанія въ видѣ розогъ остались въ военномъ вѣдомствѣ въ дисциплинарныхъ батальонахъ для штрафованныхъ [1]), а также для

числѣ и гр. Панинъ, оставили розгу при пересмотрѣ въ 1866 г. Улож.—Замѣтимъ кстати, что приведенныя данныя сильно колеблютъ ходячее мнѣніе о гр. Панинѣ, какъ о твердынѣ консерватизма. Вопреки мнѣнію Ю. Ѳ. Самарина (см. письмо Ю. Ѳ. Самарина въ н. с. Лероа-Болье, L'homme etc., 56), гр. Панинъ также счелъ въ 1864 г. нужнымъ заплатить, согласно своей гибкой морали, дань модному тогда оффиціальному либерализму.—Г. Лероа-Болье отмѣчаетъ любопытные факты въ семьѣ гр. Панина: сынъ его былъ арестованъ за участіе въ революціонномъ движеніи 1861 года, а вдова его была сослана въ 1880 г. въ свое имѣніе за участіе въ революціонной пропагандѣ (ibidem, примѣч.).

[1]) Г. Бушуевъ пишетъ во *Врачѣ* 1897 г. о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ войскахъ и въ частности останавливается на примѣненіи розогъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ. По сообщенію одного изъ врачей, долго служившаго въ дисциплинарномъ батальонѣ, „число заключенныхъ за 18 лѣтъ колебалось отъ 100 до 400 въ теченіе года; за послѣдніе $1^1/_2$ года отъ 250 до 300. За послѣдніе 4 года производилось ежегодно отъ 16 до 20 наказаній розгами. Въ то время, какъ прежде довольно часто наказывали за куреніе и нахожденіе табаку и денегъ, за послѣдніе 4 года, при болѣе человѣчномъ начальникѣ, чѣмъ прежніе два, наказывали почти исключительно за дерзость, брань, драки, притворныя болѣзни и особенно за неповиновеніе. Проступки, дерзости и неповиновенія имѣли мѣсто преимущественно по отношенію къ нижнимъ чинамъ—унтеръ-офицерамъ и фельдфебелямъ, составляющимъ низшій персоналъ учителей и надзирателей. И это по той простой причинѣ, что среди заключенныхъ встрѣчается много людей, стоящихъ по образованію и воспитанію выше, чѣмъ ихъ низшіе начальники, и слѣдовательно, съ болѣе развитымъ самолюбіемъ“. Личныя наблюденія г. Бушуева, конечно, тоже говорятъ не въ пользу этихъ наказаній. „Не далѣе, какъ этимъ лѣтомъ, мнѣ самому,—замѣчаетъ онъ,—пришлось произвести судебно-медицинское вскрытіе осужденнаго рядового, предпочевшаго смерть черезъ самоповѣшеніе дисциплинарному батальону съ его розгами...“ Нравственная обязанность военныхъ врачей по мѣрѣ силъ бороться съ этимъ наказаніемъ въ войскахъ. „Къ сожалѣнію, не всегда спрашиваютъ мнѣніе врача. При наказаніяхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, особенно при назначеніи небольшого количества ударовъ обыкновенно даже вовсе не спрашиваютъ. Дѣлается ли это подъ вліяніемъ стыда передъ врачемъ или обусловливается боязнью, какъ бы тотъ не наложилъ своего veto на сѣченіе, не берусь рѣшать. Вѣрнѣе, все-таки, первое предположеніе. Число любителей *„всыпать“*, *„закатить“*, *„влѣпить“* столько-то *горяченькихъ* солдату рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ. Будемъ надѣяться,—говоритъ г. Бушуевъ,—что и эти любители и „охотники до кулачной расправы“ скоро вовсе переведутся въ рус-

сосланныхъ въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе. Въ случаѣ побѣга или совершенія новаго важнаго преступленія каторжные подвергаются наказанію *плетьми* и прикованію къ телѣжкѣ на время отъ одного года и до трехъ лѣтъ. Но замѣчательно, что *плеть*, которая какихъ-нибудь 30 лѣтъ тому назадъ была самымъ заурядным явленіемъ въ русской уголовной практикѣ и даже вызывала дифирамы съ университетскихъ каѳедръ, современному правосознанію кажется чѣмъ-то столь дикимъ и ужаснымъ, что, изъ боязни оскорбить общественную нравственность, приведеніе приговора о наказаніи плетьми, хотя бы и состоявшагося въ предѣлахъ Европейской Россіи, совершается обязательно въ Азіи, въ Сибири и притомъ не публично (ст. 849 Устава о ссыльн. по прод. 1886 г. [1]).

ской арміи. Пока же будемъ широко пользоваться правомъ своего veto, гдѣ только возможно. А гдѣ нельзя, тамъ будемъ слѣдовать примѣру великаго врача-подвижника Гааза, будемъ просить и молить за провинившихся!“

[1]) Въ интересной лекціи, прочитанной М. А. Стаховичемъ въ г. Орлѣ 17-го декабря 1894 года, онъ передаетъ исторію мучительнаго „прута“, налагавшагося на незакованныхъ арестантовъ и отмѣненнаго вслѣдствіе заступничества добраго генія арестантовъ, великаго гуманиста, доктора Ѳ. В. Гааза (отмѣтимъ, кстати, людскую неблагодарность: одна изъ московскихъ больницъ, гдѣ былъ главнымъ врачемъ благодѣтель бѣдныхъ больныхъ Гаазъ, при жизни его была именована народомъ Газовской, и объ ней говорили: у Гааза—нѣтъ отказа. Послѣ смерти „забыли“ оффиціально утвердить это наименованіе, и оно вышло изъ употребленія).—Неизвѣстно, какимъ путемъ пришло въ Россію это изобрѣтеніе Испанской инквизиціи. Оно состояло изъ желѣзнаго стержня около 8-ми верш. длиною и около 10 фун. вѣсомъ, одинъ конецъ имѣлъ головку, другой ушко, въ которое продѣвалась дужка замка. На руку арестанта повыше кисти надѣвали запястье, а сквозь 6 или 8 запястьевъ пропускали стержень, навѣшивали и запирали замокъ, ключъ отъ котораго слѣдовалъ въ запечатанномъ пакетѣ, который раньше прибытія на этапъ никто не имѣлъ права вскрывать, что бы въ пути ни случилось. Конвойный по своему усмотрѣнію набиралъ пары: старые и молодые, великорослые и малорослые попадались иногда на одинъ и тотъ же прутъ. Легко понять, какимъ мучительнымъ истязаніямъ подвергались слѣдовавшіе такимъ образомъ арестанты. Замѣтьте, что то были не всегда преступники (каторжные шли въ кандалахъ, что было гораздо легче), а попадались и возвращаемые на родину по просрочкѣ паспортовъ или по волѣ помѣщиковъ, попадались дѣти, наконецъ. Въ такомъ видѣ перегонялось въ Россіи ежегодно до 10 т. человѣкъ! И ни одинъ голосъ не поднялся противъ этой мѣры, въ защиту страданья людского, покуда Гаазъ не предпринялъ своей борьбы. Она длилась съ августа 1829 по февраль 1838 г. Нельзя не подивиться одинаково какъ твердому мужеству и убѣдительности Гааза, такъ и заносчивому упорству его главнаго противника, начальника корпуса внутренней стражи, генерала Капцевича. Добрымъ геніемъ Гааза былъ Свѣтлѣйшій князь Голицынъ, заступникомъ Капцевича являлся Военный Министръ. Гаазъ доказывалъ, что прутъ—прямое истязаніе, что благодаря ему запястье протираетъ руку до кости неперестающимъ треніемъ, вызываемымъ

Въ совершенно иномъ положеніи находится родная розга. Она еще не считается способною оскорбить атмосферу и территорію цивилизованной Европы. Розга допускается по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ волостному суду, и признается цѣлесообразнымъ институтомъ для выколачиванія недоимокъ. Область ея примѣненія широка и безконтрольна. При отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ 1863 г., розга была сохранена, главнымъ образомъ, въ силу того соображенія, что нежелательно было поколебать изданное не задолго передъ тѣмъ (см. ниже) Полож. о крест. 19 февраля 1861 г. [1]). Съ другой стороны, Комитетъ II Отдѣленія полагалъ, что уничтоженіе розогъ въ крестьянскомъ быту должно быть достигнуто не (?) путемъ прямой отмѣны этого наказанія, а посредствомъ внушенія (кѣмъ?) обществами, что имъ полезнѣе употреблять провинившихся въ какую-нибудь работу, чѣмъ подвергать ихъ тѣлесному наказанію. Судя по существующей практикѣ волостныхъ судовъ въ теченіе истекшихъ 30 лѣтъ, нужно думать,

---

всякимъ движеніемъ одной изъ прикрѣпленныхъ къ нему рукъ, что на всѣхъ прикованныхъ рукахъ образуются раны, опухоли, и кожа бываетъ содрана, что при немъ нельзя надѣвать рукавицъ, и арестанты отмораживаютъ пальцы, а холодъ надручника причиняетъ страшныя мученія; что, благодаря запертому ключу, если въ дорогѣ занеможетъ или устанетъ арестантъ, остальнымъ приходится тащить его весь перегонъ до этапа на своихъ израненныхъ рукахъ, такъ какъ всѣхъ посадить на повозку невозможно; что ночью не могутъ имѣть покоя потому, что движеніе одного чувствуется всѣми, и когда одному надо выйти, должны вставать всѣ; что обязательная близость, наконецъ, вредно отзывается на нравственность арестантовъ. Капцевичъ ссылался на отзывы, данные подчиненными ему начальниками этаповъ, увѣрявшими, что на прутья отъ арестантовъ жалобъ не поступало. Онъ говорилъ, что начальство знало, что дѣлаетъ, устанавливая отличіе между пересыльными, идущими на прутѣ, и каторжными, слѣдовавшими въ кандалахъ. Подъ-конецъ Капцевичъ прямо нападалъ на Гааза называя его „утрированнымъ филантропомъ“, „капризнымъ чудакомъ“, „сумасброднымъ фанатикомъ, вѣчно обманываемымъ арестантами“, и требовалъ нѣсколько разъ удаленія его отъ занимаемыхъ имъ должностей. Капцевичъ, изъ ненависти къ Гаазу, забраковалъ изобрѣтенные имъ кандалы и замѣнилъ прутъ цѣпью, несмотря на то, что это новое изобрѣтеніе продолжало мученія прута: руку нельзя было класть за пазуху и спать нельзя было ни рядомъ, ни головами вмѣстѣ. Въ 1838 г., благодаря твердому заступничеству и авторитету князя Голицына, Гаазъ одолѣлъ: прутья были отмѣнены, но по смерти въ 1844 г. обожаемаго всей Москвой за свои высокія качества ума и сердца генералъ-губернатора защитники прута возстановили своего любимца, и онъ просуществовалъ до 1868 года, когда въ благодѣтельное царствованіе Императора Александра II прутъ былъ отмѣненъ окончательно („Русскій Инвалидъ“, 2-го марта 1868 г. № 59). Любопытная подробность: прутъ былъ отмѣненъ по настоянію того самаго вѣдомства—Военнаго Министерства, которое такъ упрямо его защищало.

Въ 1897 г. А. Ѳ. Кони напечаталъ превосходную біографію Гааза. Въ томъ же году возникла мысль о сооруженіи ему въ Москвѣ памятника.

[1]) См. т. LXIX Дѣла о преобраз. суд. части, ст. 6.

что внушеніе дѣлалось недостаточно убѣдительно или оно парализовалось другими неблагопріятными явленіями [1]).

Совершенно особое мѣсто занимаютъ тѣлесныя наказанія, практикуемыя иногда высшими административными властями въ видѣ экзекуціи во время народныхъ волненій или даже въ видахъ предупрежденія ихъ. Такія экстраординарныя расправы не имѣютъ подъ собою никакой легальной почвы. Но и съ точки цѣлесообразности польза подобныхъ произвольныхъ мѣръ не выдерживаетъ критики. Самый главный аргументъ, который приводили защитники тѣлеснаго наказанія, сводился къ тому, что оно производитъ устрашающее дѣйствіе на народъ. Но и этотъ сомнительный доводъ могъ имѣть значеніе только относительно тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія—шпицрутеновъ, кнута и плетей, а никакъ не относительно розогъ, которыми трудно терроризовать народъ. А если возстановленіе торговой казни кнутомъ и плетьми немыслимо въ наше время, то не лучше ли отказаться и отъ розогъ, употребленіе коихъ никогда не можетъ предупредить безпорядки, гдѣ бы то ни было?

VI.

Нужно думать, что недалеко время, когда исчезнетъ окончательно это наслѣдіе крѣпостного права, эти послѣдніе жалкіе остатки тѣлеснаго наказанія, въ спасительность которыхъ иные, по старой традиціи, еще вѣрятъ и хотѣли бы вѣрить. Свыше 30-лѣтній опытъ нашъ собственный или почти вѣковой иныхъ европейскихъ законодательствъ ясно свидѣтельствуетъ, что, вопреки опасенію *„кнутофиловъ“* консервативнаго лагеря, *пророчившихъ анархію съ отмѣною* этого освѣщеннаго божескими и человѣческими законами орудія мздовоздаянія, не только *не распадается общество*, не расшатывается дисциплина, и не водворяется анархія, а падаетъ общая преступность, и уменьшается звѣрскій характеръ престу-

---

[1]) Говоря объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, г. Ровинскій указываетъ, что въ другихъ сферахъ розги дѣйствуютъ попрежнему; впрочемъ, не далеко то время, когда съ уничтоженіемъ *личной подати* (курс. подл.) съ татарскою *круговою порукою* (id.) перестанутъ дѣйствовать и административныя розги (это оптимистическое ожиданіе, высказанное въ 1881 г., къ сожалѣнію практикою и законодательствомъ—законоположеніемъ 12-го іюня 1889 г.,—было опровергнуто); а то курьезно смотрѣть, говоритъ онъ, какъ на судѣ какой-нибудь „аблакатъ“ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему кліенту мѣсяцъ-другой ареста, а за стѣнами суда ни по чемъ распорядительному становому *всыпать* тому же кліенту за податную недоимку *сотни три соленыхъ* розогъ, только не самому, а *по приговору общества или волостныхъ судей*, которые о такомъ приговорѣ только черезъ годъ узнаютъ (см. н. с. Ровинскаго, V, 324, примѣч. 273).

пленій. Прожитое Россіею безъ тѣлеснаго наказанія время служитъ новымъ доводомъ въ пользу того, какъ рѣдко бываютъ правы застывшіе въ унаслѣдованныхъ традиціяхъ мнительные рутинеры, готовые возстать противъ всякой гуманной и прогрессивный мѣры подъ предлогомъ преждевременности ея и неприготовленности среды. Истекшее тридцатилѣтіе показываетъ, что едва ли ошибались тѣ, которые вопреки совѣту мудрыхъ и искушенныхъ охранителей, съ юношескою вѣрою въ силу добра и добрые инстинкты русскаго народа, съ благородною отвагою, дерзнули разглядѣть во вчерашнемъ рабѣ нравственное обличье и человѣческое достоинство и признать его достойнымъ дарованныхъ ему правъ и вольностей.

Кто же въ самомъ дѣлѣ оказался правъ? Тѣ ли одичалые „охранители“, которые вмѣстѣ съ графомъ Паниным, привыкшимъ съ гадливымъ высокомѣріемъ относиться къ плебеямъ, утверждали, что русскій народъ такъ грубъ, неразвитъ и незрѣлъ [1]), что не можетъ обойтись безъ плетей и шпицрутеновъ, или же тѣ, которые высказывали убѣжденіе, что гуманныя реформы всегда благовременны [2]), такъ какъ трудно допустить, чтобы

---

[1]) „У этихъ людей (противниковъ рѣшительныхъ реформъ). — писалъ М. Н. Катковъ въ 1860 г.,—всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа, негодность породы и т. п.“ (см. Русск. Вѣстн. 1860 г. № 2).

[2]) Вопреки воззрѣніямъ нынѣшнихъ (1891 г.) „друзей народа“, увѣряющихъ, что его нужно пороть во имя уваженія къ народному міровоззрѣнію, Я. И. Ростовцевъ разсуждалъ иначе (см. ниже). Помѣщанный на розгахъ и защищающій ихъ именемъ народа, кн. Мещерскій напечаталъ въ *Гражданинѣ* (№ 82 за 1895 г). заимствованное у такого же фанатика розогъ, англійскаго лорда, дикое умозаключеніе, что такъ какъ преступность между малолѣтними въ Англіи уменьшается (число заключенныхъ въ тюрьму съ 3.000 упало до 800; число малолѣтнихъ преступниковъ съ 14.000—до 5.000; число бѣдныхъ съ 47.000—до 22.000), то не подлежитъ сомнѣнію польза „ученія“ посредствомъ сѣченія.—Ярые почитатели розогъ упустили изъ виду сущую бездѣлицу: вліяніе ученія, производимаго не розгами, а школою. Дж. Леббокъ въ своемъ очеркѣ: „Какъ надо жить“ статистическими данными ясно доказываетъ, что соотвѣтственно увеличенію числа школъ уменьшается число заключенныхъ въ тюрьмѣ. „1870 г., когда прошелъ образовательный актъ, былъ самой важной эпохой въ общественной исторіи Англіи. Въ то время число дѣтей въ англійскихъ начальныхъ школахъ было 1.400.000; теперь ихъ болѣ 5.000.000. Какія же это дало послѣдствія? Возьмемъ сперва уголовную статистику. До 1887 г. число заключенныхъ въ тюрьмахъ выказывало склонность къ повышенію; въ этомъ году общее число ихъ было 20.800 Съ тѣхъ поръ оно постоянно убывало, и теперь ихъ только 13.000. Слѣдовательно, въ круглыхъ числахъ оно уменьшались на одну треть. Но мы должны помнить, что населеніе постоянно возрастало и съ 1870 г. прибавилось на одну треть. Если бы число преступниковъ увеличивалось въ томъ же отношеніи, то ихъ было бы 28.000 вмѣсто 13.000, т.-е. болѣе, чѣмъ вдвое. Въ такомъ случаѣ, на полицію и тюрьмы пришлось бы израсходовать, по крайней мѣрѣ, 8.000.000 ф. стерл. вмѣсто 4.000.000. Относительно малолѣтнихъ преступниковъ замѣчается убыль, еще болѣе благо-

люди были когда-либо приготовлены для дурного и незрѣлы для хорошаго? Кто же былъ больше правъ,—тѣ ли, которые, обращая свой взоръ только къ прошлому и пренебрегая будущимъ, вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ, увѣряли, что отмѣна тѣлеснаго наказанія даже для женщинъ [1]) несогласна съ самобытнымъ „историческимъ“ развитія русскаго законодательства и преждевременна, или тѣ, которые, не дѣлая себѣ кумира изъ позорнаго историческаго наслѣдія, изъ отвратительнаго существующаго факта—стремились къ обновленію жизни при помощи указаній общечеловѣческой культуры и гуманности, вѣря, что однимъ изъ могучихъ средствъ для *поднятія* культуры и смягченія нравовъ служитъ гуманное и передовое законодательство? Исторія оправдала этихъ смѣлыхъ и „легкомысленныхъ“ доктринеровъ-теоретиковъ, добившихся, во имя разума и человѣчности во имя „бредней“, по выраженіювеликаго сатирика, упраздненія историческаго наслѣдія съ его пытками и кнутами!

Объ этомъ историческомъ фактѣ не лишнее, смѣю думать, вспомнить въ наше время не потому только, чтобы, слѣдуя девизу юриста, воздать *suum cuique*, но и ради насъ самихъ, ради нашего „пестраго“ времени, когда такъ неожиданно воскресаютъ давно и, казалось, безвозвратно погребенные мертвецы, когда извѣстная „историческая“ школа уголовнаго права настолько эманципировалась отъ доктрины, отъ завѣтовъ исторіи и гуманности, что не только съ невѣроятнымъ даже для нашего времени цинизмомъ и озвѣреніемъ смакуетъ „интересныя“ подробности сажанія на колъ, урѣзанія языка, заливанія горла металломъ и т. п. прелестей добраго стараго времени, но и не прочь бы порекомендовать нашему законодательству оставить ложный стыдъ и взамѣнъ дорогихъ тюремъ завести нѣсколько десятковъ палачей и нѣсколько сотъ тысячъ кнутовъ!

пріятная. Въ 1856 г. число несовершеннолѣтнихъ, обвинявшихся въ наказуемыхъ проступкахъ, было 14.000. Въ 1866 г. оно упало до 10.000; въ 1876 г.—до 7.000; въ 1881 г.—до 6.000, а впослѣдствіи до 5.100“.

— Въ *Журналѣ Министерства Юстиціи* (1897, октябрь) напечатана крайне назидательная статья г. Тарновскаго, доказывающая, что преступность въ Англіи сильно падаетъ подъ вліяніемъ принятыхъ широкихъ гуманныхъ и просвѣтительныхъ мѣропріятій и солидной организаціи взаимопомощи.

[1]) Въ доказательство невозможности освободить женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія гр. Панинъ сослался на случай, когда крестьянка не допустила мужа къ половому сношенію. — „Ну какъ не посѣчь такую женщину“, мудро изрекъ гр. Панинъ. (См. Матер. для ист. управ. крѣп. пр., т. III, ст. 89). Дальнѣйшую аргументацію онъ считалъ излишнею. Для него необходимость сѣченія женщинъ была такою же аксіомою, какъ вышеизложенное ученіе (см. выше) владимірской Коробочки, по смыслу коего одни люди бѣлой кости—рождаются съ плетками въ рукахъ, а другіе черной кости—съ веревками на шеѣ.—Но отъ своего „убѣжденія“ вскорѣ отказался, когда подули другіе вѣтры, и онъ прозрѣлъ. См. стр. 208.

И, конечно, не эта „трезвая“ школа безпринципнаго оппортюнизма,— возводящая на степень вѣковѣчныхъ устоевъ человѣческаго общежитія „примѣненіе уголовныхъ каръ къ лицамъ невиновнымъ наравнѣ съ виновными“, тѣлеснаго наказанія и смертной казни *пятаго*, *десятаго* и т. п. институты эпохи „богомерзкаго людодерства“, по выраженію Крижанича,— конечно, говоримъ, не эта школа, занимающаяся „реабилитаціей“ [1]) былыхъ оригинальныхъ институтовъ „групповаго наказанія“ возстала бы противъ возстановленія тѣлесныхъ наказаній во имя науки, во имя той „сноровитой“ науки, которая, готовая именемъ науки освятить всякій су-

---

[1]) Этой богатой темѣ посвящены въ н. с. Сергѣевскаго 31—46 стр.

— Въ видѣ иллюстраціи къ этому почтенному институту, столь незаслуженно оклеветанному западниками-либералами, приводимъ образчикъ его, относящійся къ самому концу XVIII столѣтія. „По прибытіи въ деревню,—писалъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ посланный для усмиренія крестьянъ калужскій вице-губернаторъ Митусовъ,—не нашедъ никого изъ крестьянъ, *пересѣкъ кнутомъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей* (!!) въ страхъ другимъ. Дабы вызвать зачинщиковъ, *сжегъ* особо стоящую клѣть“.—*Русскій Архивъ* 1869 г., Крест. движ. при Павлѣ.

Жандармскій полковникъ Э. такъ описываетъ усмиреніе въ 1834 г. удѣльныхъ крестьянъ: „начали съ 70-тилѣтняго старика, котораго забили до смерти и на мертваго уже надѣли кандалы, затѣмъ были еще 13 человѣкъ, и только 14-й послѣ 300 ударовъ объявилъ, что будетъ повиноваться... Засѣченные ожили: отлили водою“. (Тимоѳеевъ, 218).

Замѣчателенъ взглядъ, высказанный на такія расправы Николаемъ I въ началѣ своего царствованія.—При усмиреніи крестьянъ Новгородской губерніи въ 1826 г. сенаторъ Барановъ рѣшилъ принять строгія мѣры для ихъ усмиренія. Онъ доносилъ государю, что повелѣлъ генералъ-майору Шкурину „выжечь до основанія деревню „Березну“, а Шкуринъ просилъ дозволенія употребить для сего 5-й егерскій баталіонъ, „ради чести воинской“, такъ какъ егеря имѣли столкновеніе съ крестьянами деревни Березны. Изъ оффиціальной переписки по этому дѣлу мы узнаемъ, что молодой императоръ былъ очень недоволенъ такимъ распоряженіемъ: „Его императорское величество съ удивленіемъ и негодованіемъ изволилъ усмотрѣть и таковой постыдный вызовъ генералъ-майора Шкурина, весьма ложно имъ относимый къ чести воинской, отнести скорѣе къ позору“. Если россійскій солдатъ и съ врагами отечества поступаетъ великодушно, „то кольми паче неумѣстно возбуждать въ немъ чувство мщенія противу своихъ же русскихъ, заблуждающихся въ понятіяхъ объ исполненіи обязанностей своихъ“. Начальникъ главнаго штаба Дибичъ писалъ сенатору Баранову: „Когда ваше превосходительство вызвались и приняли на себя водворить порядокъ между непокорствующими крестьянами въ Новгородской губерніи, то государь императоръ, оставаясь доволенъ таковымъ усердіемъ вашимъ, ожидалъ отъ зрѣлой опытности, благоразумія вашего, что вы, сохраняя достоинство званія сенатора, обратитесь прежде всего къ мѣрамъ увѣщательнымъ, стараясь озарить разсудокъ заблудшихъ, и вашими внушеніями вразумите имъ ихъ обязанности; но, къ крайнему сожалѣнію и неудовольствію его величества, ожиданіе сіе совершенно не оправдалось, ибо избранное вами средство къ водворенію порядка ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ допускаемо и терпимо быть не должно“ (*Русск. Стар.* 1897, № 11, стр. 378).

ществующій „порядокъ вещей“ [1]), какъ бы онъ ни былъ возмутителенъ, привыкла „подыскивать обстановку для истины, уже утвержденной и оффиціально признанной таковою“ [2]).—Но пусть бы эти безчеловѣчные институты оправдывались примитивными принципами „волчьей этики“, такъ кратко и убѣдительно изложенной въ извѣстномъ діалогѣ:

...Да, помнится, что еще въ прошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!
— „Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году“;
Ягненокъ говоритъ.—„Такъ это былъ твой братъ.
— „Нѣтъ братьевъ у меня“...—Такъ это кумъ иль сватъ,
И, словомъ, *кто-нибудь изъ вашего же роду*,
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите
И, если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи“.
— „Ахъ, я чѣмъ виноватъ?“—„Молчи, усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!

Такъ нѣтъ же, нужно было „всестороннимъ“ ученымъ отыскать „обстановку“ для такого безнравственнаго института, какъ „наказаніе невиновныхъ вмѣстѣ съ виновными“, отыскать для него основанія и даже „весьма глубокія основанія“—*въ наукѣ*!

Невольно тутъ вспомнишь слова знаменитаго сатирика: „Я понимаю,—писалъ М. Е. Салтыковъ въ послѣдней предъ прекращеніемъ или, по его собственному выраженію, „запечатаніемъ души“ книгѣ *Отечественныхъ Записокъ*,—что можетъ такой казусъ случиться, что, не имѣя за душою ничего, кромѣ праха, поневолѣ приходится имъ однимъ торговать; но вѣдь и съ прахомъ слѣдуетъ обходиться бережно. Прахъ такъ прахъ; но пускай же онъ будетъ одинъ и тотъ же всегда и вездѣ, ибо только тогда онъ сдѣлается владыкой міра. Отрицайте разумъ, прогрессъ, правду, человѣческое право на счастье—прекрасно. Называйте все это опасною утопіею, источникомъ заблужденій и потрясеній—еще того лучше! Утверждайте, *что завтрашняго дня нѣтъ*, что перспективъ не полагается, а есть только то, что торчитъ подъ носомъ. Но держитесь этихъ отрицаній твердо и непризывайте ни разумъ, ни человѣчности и проч. ни въ помощь, ни въ

---

[1]) „Никогда зло не бываетъ такъ сильно,—говоритъ Салтыковъ,—какъ въ то время, когда оно *не* чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито, въ воздухѣ;—что это за зло?—говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣютъ привычку разсматривать предметы не съ одной, а *со всѣхъ сторонъ*; это не зло, а просто порядокъ вещей! И на этомъ успокаиваются“ (Сочиненія, I, 424).

[2]) См. гл. IV, прим. 10. „За рубежомъ“.

свидѣтельство. Совсѣмъ не произносите этихъ словъ, такъ какъ вы выходите изъ принципа, который признаетъ ихъ праздными. Не пишите въ смыслѣ порицанія: такое-то дѣйствіе противно разуму, ибо, согласно вашей программѣ, это и есть дѣйствіе, *достойное похвалы* [1]).

Къ счастью для русскаго народа, „легкомысліе“ и „бредни“ чистыхъ сердцемъ, гуманныхъ прогрессистовъ 60-хъ годовъ сдѣлали невозможнымъ осуществленіе идеаловъ „трезвыхъ“ жрецовъ „серьезной науки 80-хъ годовъ“!.. Объясненіемъ „возврата нѣжности“ къ розгамъ служитъ отчасти замѣчаемое вообще затменіе въ общественномъ сознаніи, отчасти та крѣпостническая закваска [2]), та рутина, которая, будучи поколеблена передъ отмѣною тѣлесныхъ наказаній, снова взяла силу въ послѣднее время, хотя, казалось бы, свыше тридцатилѣтній опытъ ея долженъ былъ бы повліять на самыхъ отчаянныхъ розголюбовъ [3]).

---

[1]) Стр. 277—278 *Отечественныхъ Записокъ* 1884, № 4.

[2]) Вѣроятно,—говоритъ г. Тимоѳеевъ, — по традиціи въ Россіи понятіе объ административномъ попечительствѣ и твердой власти какъ бы связывается съ битьемъ, и законъ о земскихъ начальникахъ, отступая отъ исторически сложившагося отношенія законодателя къ тѣлеснымъ наказаніямъ, расширилъ область примѣненія розогъ (Тимоѳеевъ, 126).

[3]) Рутинеры всегда кричали, что безъ розогъ и шпицрутеновъ невозможно обученіе солдатъ и поддержаніе дисциплины. Извѣстно, что вслѣдъ за солдатами, шедшими на обученіе, слѣдовалъ обозъ розогъ. Съ начала царствованія Александра II розги стали выводиться изъ употребленія, а ученіе пошло лучше, а также преступность въ войскѣ уменьшилась. Отмѣчая этотъ отрадный фактъ, проф. Бѣляевъ писалъ: „Спрашиваю, что же бы отвѣтили ротные и баталіонные командиры (поровшіе несчастныхъ солдатъ и за то, что солдатъ не довернулся, и за то, что перевернулся), если бы они могли увидать теперешнее войско (1862 г.), гдѣ нѣтъ розогъ, но есть гимнастика и фехтованье, гдѣ солдатъ кажется живымъ человѣкомъ, а не автоматомъ. Конечно, они *покраснѣли бы до ушей* и молча постарались бы спрятаться.—То же будетъ и съ нынѣшними поклонниками плетей и розогъ,—говорилъ Бѣляевъ наканунѣ Указа 17 апрѣля,—когда законъ отмѣнитъ тѣлесное наказаніе“. (*День*, 1862, № 50—Своевременна ли отмѣна тѣлеснаго накаванія).—Ошибся проф. Бѣляевъ, онъ не предвидѣлъ такихъ безстыдныхъ человѣко-ненавистниковъ, какъ современные крѣпостники-кликуши, которые, гордясь званіемъ мракобѣса и обскуранта, не способны ни отъ чего краснѣть и еще недавно испускали дикіе вопли со столбцовъ *Гражданина* по поводу отмѣны розогъ для ссыльныхъ женщинъ...

О, современникъ нашъ какъ жалокъ зачастую!
Онъ свѣжей новизны *обидъ* не перенесъ
И обратился вспять на старину гнилую,
Какъ на блевотину свою нечистый песъ...

Правъ былъ Салтыковъ, когда писалъ: „благо тому, кто сумѣетъ достигнуть

Какія бы однако усилія ни дѣлали „розголюбы“ изъ лагеря крѣпостниковъ и человѣко-ненавистниковъ для реабилитаціи „не дорогого и понятнаго народу“ наказанія, цѣсенка розогъ спѣта; какъ бы ни лѣзли вонъ изъ кожи благородные защитники въ печати тѣлеснаго наказанія, ссылающіеся даже на собственный примѣръ, какъ лучшее доказательство пользы порки,—полное изгнаніе ихъ изъ нашего судебнаго обихода едва ли заставитъ долго ждать. Каковы бы ни были случайныя аберраціи въ общественномъ сознаніи,—великая реформа 1863 г. нанесла принципу жестокихъ и позорящихъ тѣлесныхъ наказаній такой жестокій и непоправимый ударъ, отъ котораго имъ никогда не оправиться. Еще недавно былъ изданъ,—несмотря на кликушескіе вопли одичалаго публициста, который

Въ ворота ломится потерянnаго рая,
Гдѣ грезятся ему и розги и рабы—

согласный съ гуманнымъ духомъ закона 17-го апрѣля, новый законъ 29-го марта 1893 года, окончательно освободившій ссыльныхъ женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія.

Въ общемъ итогѣ воспитательное, культурное значеніе закона 17-го апрѣля 1863 года огромно, такъ какъ онъ уничтожилъ не только жестокія казни по суду, но и своеручныя расправы, составлявшія въ полицейской практикѣ обыденное явленіе, а также жестокія *пытки*, практиковавшіяся во время производства слѣдствія даже въ столицахъ [1]), не говоря уже о провинціи, и, наконецъ, изгналъ розгу изъ школы и отчасти изъ семьи.

Пройдутъ годы, улягутся страсти, подведутся итоги дѣятельности легкомысленныхъ либераловъ и „трезвыхъ“ историковъ, и не трудно угадать,

---

яснаго воззрѣнія на міръ, благо тому, кто найдетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы въ упоръ сказать проходящимъ: презирайте меня, я настолько усовершенствовался, что даже болѣе, чѣмъ готовъ“. Этотъ счастливый смертный можетъ быть твердо увѣренъ, что онъ-то и есть тотъ самый бодрый духомъ субъектъ, котораго ни оплевать, ни презрѣть никто не посмѣетъ... Вся внѣшняя форма осталась, какъ-будто сохранился даже и прежній человѣческій обликъ; утратился только стыдъ и что жъ? Пропалъ стыдъ, пропала и потребность внимать, стало быть, ничего больше не осталось, какъ поступать, поступать и поступать“. (Сочиненія II, 302).

[1]) Кормленіе соленымъ сельдемъ „не въ видѣ пытки“, по удостовѣренію бывшаго московскаго губернскаго прокурора Д. А. Ровинскаго, составляло самый обыкновенный пріемъ нашихъ полицейскихъ слѣдователей; а въ 50-хъ годахъ одинъ изъ московскихъ частныхъ приставовъ даже судился за то, что, выворотивъ руки заподозрѣннымъ въ грабежѣ, связалъ ихъ бечевкою и вѣшалъ обвиняемаго на перекосякъ (та же виска), отчего послѣдній потерялъ руки. (См. народн. картины, т. V, примѣч. 271). Въ 1862 г. во время паники, вызванной петербургскими пожарами, въ слѣдственной коммиссіи однимъ членомъ предложено было обратиться къ пыткамъ (см. Дневникъ Никитенко, II, 332).

кому скажетъ сердечное „спасибо“ русскій народъ: оторвавшимся ли отъ народа „либераламъ-гуманистамъ“, освободившимъ его отъ розогъ, или тѣмъ торжествующимъ хранителямъ самобытныхъ историко-народныхъ традицій, которыя „изъ уваженія“ къ воззрѣніямъ народа защищаютъ позорящую розгу для „подлаго“ народа!..

Бросая ретроспективный взглядъ на мрачную дореформенную эпоху, покойный ученый сенаторъ Д. А. Ровинскій, близко ее изучившій, радостно восклицаетъ: „съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это *кровавое время*, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ *пыткахъ*, и о татарскомъ кнутѣ, и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ: *народу данъ судъ присяжныхъ*, при которомъ слѣдователю не зачѣмъ *добиваться* отъ обвиняемаго чистосердечнаго признанія — сознавайся не сознавайся, а если виноватъ передъ обществомъ, обвиненъ все-таки будешь, а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ вопросамъ [1]).

Характеризуя гуманный законъ 17-го апрѣля, тотъ же авторъ продолжаетъ: кнутъ и шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и *замаскированная смертная казнь въ самомъ гнусномъ ея видѣ*, и самое названіе пытки, „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее“, на этотъ разъ должно было *на самомъ дѣлѣ* (de jure пытки были отмѣнены въ 1767 г.) навсегда изгладиться изъ русскаго обихода.

Сенаторъ Ровинскій свой привѣтъ великой гуманной реформѣ 1863 г., подготовкѣ которой такъ много способствовалъ своимъ просвѣщеннымъ участіемъ, заканчиваетъ слѣдующими глубоко симпатичными строками: „не забудетъ народъ этого *кровнаго дѣла* [2]), и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя Дѣлателя его: словно въ сказкѣ какой: *изъ битаго царства вдругъ небитое стало*“!..

Послѣднее утвержденіе, къ сожалѣнію, не вполнѣ точно. Благодаря закону 29-го марта 1893 г., освободившаго отъ тѣлеснаго наказанія даже женщинъ-каторжницъ, впавшихъ въ новыя преступленія, женская половина русскаго народа нынѣ *вполнѣ и безусловно* свободна отъ тѣлеснаго наказанія. Къ несчастью, нельзя того же сказать о мужской половинѣ.

---

[1]) Тотъ же компетентный свидѣтель Ровинскій сообщаетъ, что въ 50-хъ годахъ въ Москвѣ существовали *клоповники* при городскомъ частномъ домѣ и знаменитыя могилы—семь совершенно темныхъ подваловъ, настоящихъ темницъ, при Басманномъ частномъ домѣ, куда басманный приставъ сажалъ подсудимыхъ, не сознавшихся въ преступленіи, и откуда почетный гражданинъ Соповъ вышелъ ослѣпшимъ. (См. н. с., т. V, стр. 327).—Замѣчательно, что устройство подземныхъ темницъ запрещено было, по крайней мѣрѣ на словахъ, еще указомъ Іоанна Грознаго 1560 г. (см. тамъ же прим. 278).

[2]) См. н. с. Ровинскаго, стр. 327.

Позволительно, однако, все-таки надѣяться, что немного осталось ждать, чтобы Россія, дѣйствительно, сдѣлалась небитымъ царствомъ. Положимъ, велика, очень велика сила, на которой держится розга, а именно — *рутина* [1]), „безотчетное варварство“, по выраженію Н. И. Тургенева, но просвѣщеніе сокрушало и не такія твердыни предразсудка, косности и обскурантизма во имя уваженія къ „святѣйшему“ званью человѣка, къ достоинству человѣка, во имя человѣчности, степень приближенія къ которой, какъ гласитъ неуклюжій, но глубокомысленный стихъ Монтеня [2]), приближаетъ человѣка къ божественному идеалу:

D'autant es-tu dieu, comme
Tu te recognois l'homme.—

или какъ писалъ Пушкинъ:

При мысли одной, что я человѣкъ,
Невольно душой возвышаюсь!..

Post-Scriptum.

(Какъ „уцѣлѣла“ розга на судѣ волостномъ?)

Какихъ бы ни вымышлялъ умъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рушится передъ внутреннимъ простымъ чувствомъ, осуждается простотою сердца.

И. С. Аксаковъ.

Привычка и обыкновеніе укоренили зло, а теперь (1860 г.) тѣлесныя наказанія суть не что иное, какъ безотчетное варварство.

Н. И. Тургеневъ.

Въ исторіи отмѣны тѣлесныхъ наказаній есть одинъ эпизодъ, представляющійся страннымъ и непонятнымъ. Подъ вліяніемъ могучаго, гуманно-освободительнаго движенія пало крѣпостное право, уничтожены были закономъ 17-го апрѣля 1863 года шпицрутены, плети, клейменія и другія

---

[1]) Съ Сторѣшниковымъ,—разсказываетъ Чернышевскій,—произошелъ случай, очень обыкновенный въ жизни не только людей несамостоятельныхъ въ его родѣ, а даже и людей съ независимымъ характеромъ. Даже въ исторіи народовъ этими случаями наполнены томы Юма и Гиббона, Ранке и Тьерри; люди толкаются, толкаются въ одну сторону только потому, что не слышатъ слова: „а попробуйтека, братцы, толкнуться въ другую“ — услышатъ и начнутъ поворачиваться направо кругомъ, и пошли толкаться въ другую сторону“.

[2]) Постольку ты богъ, поскольку ты сознаешь себя человѣкомъ — Essais, II, 511.—Ту же мысль Чернышевскій высказалъ въ другой формѣ. Лопуховъ, совершивъ одинъ изъ высокихъ актовъ альтруизма, разсуждаетъ: Тутъ я поступалъ

жестокія и позорящія наказанія, связанныя съ крѣпостнымъ правомъ и имъ обусловленныя, и почему-то уцѣлѣли на волостномъ судѣ жалкіе остатки крѣпостного строя въ видѣ розогъ доселѣ, т.-е. спустя 34 года послѣ паденія его. Какъ могло случиться это странное явленіе, что, когда отмѣнялись въ 1863 году болѣе жестокія тѣлесныя наказанія, — вопреки воплямъ рутинеровъ, увѣрявшихъ, что безъ плетей „нельзя спокойно спать“,—менѣе жестокое, но не менѣе позорное наказаніе въ видѣ розогъ оставлено было для крестьянскаго суда? Справки въ законодательныхъ матеріалахъ послѣдняго 35-тилѣтія ясно показываютъ, что это прискорбное явленіе обязано своимъ происхожденіемъ частью бюрократической нерѣшительности, а частью рутинѣ и канцелярскому недоразумѣнію.

Крѣпостной строй и розги до такой степени связаны были между собою закономъ сосуществованія, что какъ только возникли первые проекты объ упраздненіи рабства изъ уваженія къ достоинству человѣка, самъ собою сталъ на очередь и вопросъ объ уничтоженіи розогъ.

Вещь замѣчательная: первымъ провозвѣстникомъ мысли объ отмѣнѣ розогъ явился Я. И. Ростовцевъ, проведшій большую часть службы въ военно-учебномъ вѣдомствѣ, гдѣ, какъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, порка дѣтей была самымъ заурядным явленіемъ. Гуманныя вѣянія конца 50-хъ годовъ оказали вліяніе и на этого служаку николаевской эпохи, въ душѣ человѣка добраго. Изъ писемъ, писанныхъ Ростовцевымъ Александру II изъ-за границы лѣтомъ 1858 года, видно, что уже при первыхъ наброскахъ плана крестьянской реформы мысль объ уничтоженіи розогъ, какъ одной изъ естественныхъ принадлежностей крѣпостного состоянія, выступала совершенно явственно. Въ письмѣ отъ 3-го сентября 1858 г. Ростовцевъ, между прочимъ, пишетъ Александру II: „Относительно наказаній осмѣлюсь еще присовокупить, что *во всякомъ случаѣ* о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: во-первыхъ, это было бы *пятномъ* настоящаго законодательства, законодательства объ освобожденіи; во-вторыхъ, есть же въ Россіи мѣста, гдѣ тѣлесныя наказанія, къ счастью, вовсе не употребляются. Нѣкоторые говорятъ, — продолжаетъ Ростовцевъ,—что русскій мужичокъ розгу любитъ (sic). Точно

подъ вліяніемъ того, что могу назвать благородствомъ, вѣрнѣе сказать, *благороднымъ разсчетомъ*, разсчетомъ, въ которомъ общій законъ человѣческой природы дѣйствуетъ чисто одинъ, не заимствуя себѣ подкрѣпленія изъ индивидуальныхъ особенностей; и тутъ я узналъ, какое высокое наслажденіе—чувствовать себя поступающимъ, какъ благородный человѣкъ, т.-е. какъ слѣдуетъ поступать вообще *всякому человѣку*, не Ивану, не Петру, а всякому, всякому безъ различія именъ: какое высокое наслажденіе чувствовать себя просто человѣкомъ,—не Иваномъ, не Петромъ, а человѣкомъ, чисто только человѣкомъ“ (Современникъ 1863, V. Что дѣлать? 65).

ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли отъ нея *отучать*... Сверхъ того, исправительныя мѣры, постановленныя Высочайшею властью, какъ и всякій законъ, должны дѣйствовать долгое время. Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя сами собою должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы“ [1]).

При обсужденіи крестьянскаго вопроса въ дворянскихъ комитетахъ вопросъ о розгахъ стоялъ на второмъ планѣ. Большинство комитетовъ вовсе обошло этотъ вопросъ. Нѣкоторые комитеты, какъ-то: большинство вологодскаго, екатеринославскій, витебскій, самарскій, вятскій и др., высказались за сохраненіе розогъ. Самарскій комитетъ (гдѣ участвовалъ и извѣстный Ю. Ѳ. Самаринъ, впослѣдствіи членъ редакціонной коммиссіи) предоставлялъ крестьянамъ курьезное право откупа отъ розогъ, съ платою 30 коп. за ударъ. Противъ этого постановленія самарскій губернаторъ К. К. Гротъ, одинъ изъ горячихъ поборниковъ освобожденія (см. ниже), замѣтилъ, что если комитетъ признаетъ нужнымъ сохранить тѣлесное наказаніе, то гораздо лучше прямо выразить, что тѣлесному наказанію подвергаются одни неимущіе крестьяне. Тульское меньшинство, въ которомъ участвовалъ и кн. Черкасскій [1]), впослѣдствіи членъ редакціонной коммиссіи, допуская въ принципѣ тѣлесное наказаніе, освобождало отъ него женщинъ. Оба владимірскіе проекта высказывались за отмѣну тѣлеснаго наказанія въ порядкѣ суда полицейскаго, оставляя его для суда уголовнаго. Большинство московскаго комитета, въ общемъ очень консервативнаго, высказалось за отмѣну тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ судѣ, „въ видахъ смягченія грубости нравовъ, развитія уваженія къ собственной личности, при чемъ,—разсуждалъ комитетъ,—каждый изъ нихъ пойметъ и то уваженіе, какимъ обязанъ въ отношеніи къ правамъ другихъ согражданъ“. Меньшинство же комитета, подъ предводительствомъ тогдашняго губернскаго прокурора (впослѣдствіи извѣстнаго дѣятеля судебной реформы и археолога, сенатора) Д. А. Ровинскаго († 1895), находя тѣлесныя наказанія безполезными и служащими орудіемъ самаго возмутительнаго произвола, предлагало немедленно уничтожить не только

---

[1]) См. н. сб. Скребницкаго, Крестьянское дѣло, т. I, 911.

[1]) Кн. Черкасскій и раньше въ литературѣ имѣлъ стычку изъ-за розогъ. Въ *Сельскомъ Благоустройствѣ* (1858, № 9) онъ высказалъ мысль, что желательно сохранить за помѣщиками право наказывать освобожденныхъ крестьянъ розгами до 18 ударовъ. *Русскій Вѣстникъ* Каткова (1858, № 18) и вся журналистика единодушно заклеймили предложеніе кн. Черкасскаго, который долженъ былъ публично покаяться въ своей ошибкѣ (*Сельское Благоустройство*, 1858, № 11).

розги, но и плети, шпицрутены и вообще тѣлесное наказаніе во всѣхъ его видахъ [1]).

Изъ дворянскихъ депутатовъ, вызванныхъ въ редакціонную коммиссію нѣкоторые очень энергично высказались противъ тѣлеснаго наказанія. Владимірскій депутатъ Гавриловъ, сославшись на то, что всѣ три владимірскихъ проекта единодушно отвергли розги, между прочимъ заявилъ: „Вопросъ о тѣлесномъ наказаніи въ настоящее время (въ 1860 году!!) можетъ считаться рѣшеннымъ и юридическою наукою, и опытомъ. Трудно защищать наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственное достоинство, ожесточающее и недостигающее даже цѣли устрашенія, если только оно не обращается въ физическое истязаніе“. Считая излишнимъ входить въ подробный разборъ вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, осужденныхъ и обществомъ, и литературою, Гавриловъ указывалъ, что владимірское дворянство, при разногласіи по другимъ вопросамъ, относительно даннаго вопроса было единодушно [2]). Горячо возражали также и депутаты Касиновъ, Соколовъ-Бородкинъ и Грабянка, изъ коихъ послѣдній замѣтилъ, „что оставленіе розогъ въ законѣ можетъ крестьянъ довести до отчаянія“ [3]).

---

[1]) А. И. Скребницкій, Крестьянское дѣло, I, 578.

[2]) Тамъ же, 580.

[3]) Тамъ же, 562. „Розголюбы“, увѣренно заявлявшіе отъ имени народа, что онъ любитъ „розгу“, должны были съ сожалѣніемъ убѣждаться, что, благодаря „волѣ“, розга, до введенія земскихъ начальниковъ, понемногу стала исчезать изъ практики волостныхъ судовъ, приговоры коихъ иногда оставались безъ исполненія (см. *Русскія Вѣдомости*, 1893, № 141). Нѣкоторые земскіе начальники, — вопреки внутреннему смыслу ст. 29 Прав. Вол. Суда, имѣвшей въ виду въ лицѣ земскаго начальника создать органъ для ограниченія, а не распространенія позорнаго наказанія, - поняли свою миссію въ обратномъ смыслѣ и, тотчасъ по вступленіи въ должность, стали настаивать на исполненіи даже старыхъ приговоровъ волостного суда (см. прим. 53) о розгахъ, что *Гражданинъ* ставилъ въ особую историческую заслугу новому институту. Мѣстами такая ревность къ розгамъ наталкивалась на серьезное препятствіе въ видѣ отсутствія въ мѣстномъ населеніи желающихъ принять должность „палача“ (*Русское Богатство*, 1892, № 8). Вообще, повидимому, „воля“ оказала уже отчасти свое благое дѣйствіе.—Позоръ тѣлеснаго наказанія, которое хладнокровно переносили лѣтъ сто тому назадъ титулованные аристократы и даже придворныя фрейлины (см. Народ. Карт. Ровинскаго V, 57), нынѣ сталъ понятенъ и потомкамъ „хамовъ“, изъ которыхъ нѣкоторые прибѣгаютъ къ отчаяннымъ средствамъ для защиты своей чести. Такъ органъ С.-Петербургской Духовной Академіи *Церковный Вѣстникъ*, требующій—въ разрѣзъ взглядамъ „розголюба“ *Гражданина*, до сихъ поръ неспособнаго понять позоръ тѣлеснаго наказанія, — полнаго изгнанія розги изъ суда и школы, отмѣчаетъ свѣжій, поразительный своимъ печальнымъ краснорѣчіемъ, фактъ самоубійства крестьянина во избѣжаніе позора тѣлеснаго наказанія: 12-го марта 1893 г. въ селѣ Порзовѣ, Петровскаго уѣзда (Саратов. губ.) повѣсился въ хлѣвѣ

Смерть знаменитаго предсѣдателя редакціонной коммиссіи Ростовцева, имѣвшая громадное вліяніе на судьбы крестьянской реформы, отразилась неблагопріятно и на вопросѣ объ отмѣнѣ розогъ. На мѣсто мягкаго, гуманнаго энтузіаста Ростовцева, смотрѣвшаго съ довѣріемъ въ будущность „святого дѣла“, т.-е. освобожденія крестьянъ, неожиданно выступаетъ

на черезсѣдельникѣ крестьянинъ Алексѣй Мальцевъ 40 лѣтъ. Вообще, самостоятельный домохозяинъ Мальцевъ былъ приговоренъ волостнымъ судомъ за замѣченное въ послѣднее время пьянство и мотовство. Мальцевъ подалъ жалобу въ съѣздъ, но она не могла быть принята по формальному упущенію. *Страхъ* предъ позорящимъ наказаніемъ былъ причиною трагическаго исхода дѣла.—

Какъ разъ вслѣдъ за оглашеніемъ этого потрясающаго случая *Гражданинъ* рисовалъ своимъ читателямъ радужную перспективу предстоящаго лѣта въ деревнѣ, обѣщая *урожай* не только травъ и хлѣбовъ, но и... розогъ! Вотъ подлинныя слова „розголюба“: „теперь пріятно ѣхать въ деревню,—писалъ *Гражданинъ*,—потому что ожидается урожай, но,—продолжаетъ газета,—*не это одно даетъ свѣтлую обстановку* деревнѣ для ѣдущихъ въ нее: въ деревнѣ стало легче и лучше жить во многихъ губерніяхъ, благодаря явившейся въ ней между (sic) мужиками *острасткѣ въ лицѣ земскаго начальника*. Это, благодаря Бога, не иллюзія, это пріятная дѣйствительность. Крестьянинъ сталъ бояться *розги* (курсивъ *Гражданина*), и жизнь въ деревнѣ стала легче (№ 20 мая, 1893 г.) — Неисправимъ, хоть брось! Невольно скажешь про эту злобствующую литературу, къ которой такъ примѣнимы слова Салтыкова: „Ненавистью и желчью пропитано каждое слово этой литературы, и это горькое чувство могло бы имѣть очень опасныя для общества послѣдствія, если бы не было слишкомъ ясно, что въ словѣ ея лежатъ тѣ безплодныя обращенія къ прошедшему, которыя обусловливаются корыстнымъ или наивнымъ непониманіемъ самыхъ простыхъ, общепризнанныхъ и естественныхъ законовъ человѣческаго развитія“ (Сочин. II, 503—4). Замѣчательно, что „эта ликующая и праздноболтающая“ газета, зачуявъ, что пропаганда земскими начальниками розогъ начинаетъ вызывать неудовольствіе, съ обычною своею нахальною развязностью стала громогласно заявлять въ февралѣ 1895 г., что она „никогда“ не усматривала „связи“ между розгами и земскими начальниками. „Земскіе начальники, это—все люди, съ вѣрою въ добро и съ любовью къ дѣлу взявшіеся за трудъ, — писалъ въ 1895 г. кн. Мещерскій. — Передъ ними такъ свѣтло сіяетъ образъ почившаго Государя, призвавшаго ихъ стать близко къ народу, и вотъ подвинутые сердцемъ, безгранично преданнымъ Монарху и безгранично любящимъ народъ, они исполнили Царскій завѣтъ и стали близко къ народу... *Ихъ, навѣрное,—клянусь въ томъ*, — вопіетъ неисправимый крѣпостникъ, бія себя въ грудь,—*народъ полюбилъ*, въ нихъ добрый крестьянинъ увѣровалъ; что-то родное повѣяло отъ этого земскаго начальника въ душу мужика и, наоборотъ, что-то родное отъ этого мужика повѣяло въ душу земскаго начальника“ (*Гражд.* 1895, № 57). Нужно быть камнемъ, чтобы не прослезиться предъ этими напускными всхлипываніями Іудушекъ *„Гражданина“*, съ такимъ же правомъ и добросовѣстностью могущихъ говорить отъ имени народа, съ какимъ архи-крѣпостникъ гр. Панинъ въ Редакц. Комис. выдавалъ себя за „представителя“ крестьянъ (см. главу I).

Въ литературѣ о злополучномъ институтѣ земскихъ начальниковъ составили эпоху откровенныя, вышедшія въ 1899 г. воспоминанія бывшаго земскаго начальника, г. Новикова подъ заглавіемъ „Записки земскаго начальника“. Окончатель-

мрачный рутинеръ-педантъ, упрямый поборникъ всѣхъ рѣшительно допотопныхъ началъ и порядковъ, графъ В. Н. Панинъ, горячо отстаивавшій не только крѣпостное право, но и цензуру, канцелярскую тайну, плети и клейменіе. Такой ослѣпленный консерваторъ quand même, такой „врагъ всякой мысли, всякаго гражданскаго, умственнаго и нравственнаго совершенствованія“, какъ характеризуетъ его цензоръ Никитенко [1]), не могъ сочувствовать отмѣнѣ розогъ. Гр. Панинъ, назначеніе коего было восторженно привѣтствовано крѣпостниками, какъ знаменіе реакціи противъ либеральной программы Ростовцева, съ первыхъ же шаговъ своихъ дѣлаетъ рѣшительныя попытки для поворота крестьянской реформы согласно видамъ крѣпостниковъ. Если другія попытки гр. Панина (какъ-то: обезземеленіе крестьянъ, сохраненіе вотчинной полиціи и пр.) разбились о дружное сопротивленіе редакціонной коммиссіи, то пламенная защита имъ розги, къ несчастью, увѣнчалась успѣхомъ.

Въ книгѣ Н. П. Семенова передается слѣдующій пикантный діалогъ, происходившій между безтолковымъ апологетомъ розогъ гр. Панинымъ и убѣжденнымъ противникомъ тѣлеснаго наказанія, членомъ коммиссіи Соловьевымъ:

Гр. Панинъ.—Правительство старается о томъ, чтобы его (тѣлеснаго наказанія) избѣгать. Изъятіе для должностныхъ лицъ изъ крестьянъ оно имѣетъ въ виду. Относительно образованныхъ людей всѣ къ тому стремятся. Гдѣ и для какихъ случаевъ должно опредѣлить тѣлесное наказаніе—это легко. Напримѣръ, побилъ кого-нибудь—примѣнить тѣлесное наказаніе къ грубому человѣку. Воровство—это дѣяніе посрамительное. Для вора пойти въ тюрьму ничего не значитъ. За побои тѣлесное наказаніе не только будетъ соотвѣтствовать общему чувству справедливости, но и будетъ полезно. Насчетъ дѣтей, освобожденію ихъ отъ тѣлеснаго наказанія я не сочувствую. Въ деревняхъ они часто воруютъ. Тѣлесное наказаніе будетъ для нихъ благодѣяніемъ. Почему ихъ не высѣчь?! Насчетъ женщинъ—иная дерется; тѣхъ, которыя воруютъ и бьютъ другихъ, слѣдуетъ тоже, мнѣ кажется, сѣчь.

Соловьевъ. (графу Панину). Я положительно признаю, ваше сіятельство, что тѣлесныя наказанія *безчеловѣчны.* Штрафъ дѣйствительнѣе ро-

---

ный выводъ компетентнаго автора—это смертный приговоръ надъ этимъ архаическимъ учрежденіемъ. Г. Новиковъ, какъ экспертъ, изучившій на дѣлѣ институтъ, передаетъ вещи, сравнительно съ которыми злоупотребленія, отмѣченныя либеральной печатью, кажутся пустяками. Авторъ „Записокъ“ на радость *Гражданина* заявляетъ, что земскій хозяинъ въ сущности безконтрольный распорядитель судьбами крестьянъ и можетъ безнаказанно чинить надъ ними всякія беззаконія.—А институтъ завоевываетъ все новыя территоріи.

[1]) „Дневникъ“, II, 76.

зогъ. Я подаю голосъ противъ тѣлеснаго наказанія. Я видѣлъ у государственныхъ крестьянъ, какъ розги не достигаютъ цѣли. Я думаю, что это наказаніе развращаетъ и унижаетъ.

Графъ Панинъ. Надо говорить обо всемъ съ большою точностью. Если наказаніе справедливо (?), то оно не развращаетъ.

Соловьевъ. Наказанный такимъ образомъ теряетъ самолюбіе.

Графъ Панинъ. Хорошо; не потерялъ ли самолюбіе, когда онъ укралъ? Тутъ надо теоріи (!) оставить. Есть цѣлыя деревни, которыя воруютъ. Ужъ примѣръ наказанія удерживаетъ (??).

Соловьевъ. Едва ли не справедливо то, что дворянство, когда для него было отмѣнено тѣлесное наказаніе, было столь же къ нему не приготовлено, сколько нынѣ крестьянство.

Графъ Панинъ. Къ сожалѣнію, это несправедливо (!). Посмотрите въ исторіи—герои носили слѣды этого наказанія.

Соловьевъ. Но именно отмѣна тѣлеснаго наказанія возвысила дворянство.

Графъ Панинъ. Чтобы рѣшить вопросъ, взгляните на западъ Европы. Развѣ воры перестаютъ воровать оттого, что ихъ не сѣкутъ? Эти вопросы рѣшаются съ практической точки зрѣнія.

Соловьевъ. Денежный штрафъ и заработокъ дѣйствительнѣе.

Графъ Панинъ. Но заработки у насъ не *въ привычкѣ* [1]).

Читая эту нескладную, нелогичную, безтолковую защиту розги, сводящуюся въ концѣ-концовъ къ силѣ *привычки*, невольно вспоминаешь, что даже панегиристы графа Панина указываютъ на своеобразное устройство мыслительнаго аппарата графа Панина, благодаря которому выводы часто у него противорѣчили посылкамъ [2]).

Завзятый „розголюбъ“, по выраженію сенатора Д. А. Ровинскаго, гр. Панинъ настаивалъ во что бы то ни стало на сохраненіи розогъ даже для женщинъ. Вотъ его подлинная аргументація: „Я просилъ бы,—говорилъ этотъ маніакъ, — устранить изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній женщинъ, потому что, при всемъ уваженіи къ полу, есть женщины, которыя бьютъ другихъ. О женщинахъ былъ у насъ уголовный случай — этотъ примѣръ у меня на глазахъ, — что жена разрубила своего мужа за то, что онъ требовалъ отъ нея удовлетворенія супружескихъ желаній; тутъ въ дѣлѣ было, вѣроятно, не доказано, — шутливо фантазируетъ гр. Панинъ,—что она имѣла любовника“.

Это нелѣпое, совсѣмъ не идущее къ дѣлу замѣчаніе такъ подѣйство-

---

[1]) См. Семеновъ, Освобож. крестьянъ, т. III, 128.

[2]) См. тамъ же, т. II, 672.

вало, по заявленію Н. П. Семенова, на членовъ Редакціонной Комиссіи, что на женщинъ распространено было тѣлесное наказаніе [1]).

Принципіальныхъ защитниковъ розги, въ родѣ гр. Панина, было очень немного въ составѣ Редакціонной Комиссіи. Другіе члены, какъ, напр., Н. А. Милютинъ, сочувствуя отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, имѣлъ непростительную слабость находить, что вопросъ этотъ нужно *отложить* до общаго пересмотра вопроса о всѣхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ вообще [2]). При голосованіи вопроса о розгахъ голоса членовъ раздѣлились пополамъ. Suum cuique: приводимъ результатъ голосованія:

За сѣченіе:	*Противъ сѣченія:*
Кн. Черкасскій.	Гирсъ.
Самаринъ.	Соловьевъ.
Милютинъ.	Домонтовичъ.
Галаганъ.	Бунге.
Семеновъ П. П.	Арапетовъ.
Семеновъ Н. П.	Кн. Голицынъ.
Булгаковъ.	Любощинскій.
Татариновъ.	Заблоцкій.
Гродянко.	Кульчинъ.
Залѣсскій.	Калачевъ.
Желѣзновъ.	Булыгинъ.

Голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ защитникамъ розги, и такимъ образомъ опасеніе Ростовцева оправдалось, и освободительный актъ былъ „запятнанъ“ розгою.

Сохраненіе Редакціонною Комиссіею розги произвело на общественное мнѣніе крайне тяжелое впечатлѣніе. Не только вся либеральная часть журналистики порицала эту мѣру, но и корифеи славянофильства выступили противъ нея. „Что это за наказаніе, столь оскорбляющее честь и достоинство однихъ сословій или лицъ и не оскорбляющее чести и достоинства другихъ лицъ?—писалъ К. С. Аксаковъ по поводу освобожденія однихъ старостъ отъ тѣлеснаго наказанія, однихъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ. Здѣсь скрыта та мысль, что по закону не предполагается ни чести, ни достоинства въ сословіяхъ и лицахъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія“ [3]).

И. С. Аксаковъ, упоминая съ тяжелымъ чувствомъ о вышеприведенномъ прискорбномъ голосованіи въ Редакціонной Комиссіи, при которомъ,

---

[1]) См. тамъ же, т. III, ч. 2, стр. 190.

[2]) См. тамъ же у Семенова, 129.

[3]) *День*, 1862 г., № 45.

къ удивленію и огорченію всѣхъ искреннихъ друзей народа, единомышленниками презпрающаго народъ гр. Панина оказались *Самаринъ* и *Милютинъ*, писалъ въ 1860 г.: „Конечно, ни Константинъ, ни я не подписались бы *за сѣченіе*, и вовсе не изъ трусости. Какихъ бы умъ ни измышлялъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рушится предъ внутреннимъ простымъ чувствомъ, осуждается простотою сердца. Достаточно взглянуть или написать: *за сѣченіе*, чтобы противорѣчіе всего нашего внутренняго существа обличило хитрость діалектическихъ доказательствъ. Становится просто *невозможнымъ* подать голосъ *за* розгу. Слѣпцы, слѣпцы!.. Какой ложный расчетъ! Что они выиграли? Предупрежденіе нѣсколькихъ частныхъ случаевъ неповиновенія; но эта выгода уничтожается тѣмъ нравственнымъ вредомъ, который наносится обществу, тѣмъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства, которое истекаетъ отъ возведенія въ почетное званіе розги, отъ разумнаго признанія и узаконенія побоевъ! Наконецъ, утрата вѣры общественной въ человѣка — развѣ это не страшный вредъ обществу [1]).

Въ 1862 г. состоялось предусмотрѣнное Редакціонною Комиссіею обсужденіе общаго вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Подъ вліяніемъ гуманныхъ вѣяній, охватившихъ общество съ особою силой послѣ благополучной отмѣны крѣпостного права, состоялась, несмотря на ожесточенное сопротивленіе „кнутофиловъ“, отмѣна какъ по гражданскому, такъ и военному и морскому вѣдомствамъ, шпицрутеновъ, кошекъ, плетей, розогъ, клейменія и другихъ остатковъ варварскихъ наказаній. Тѣлесное наказаніе было изгнано изъ казармъ, изъ военныхъ судовъ, изъ уголовнаго суда всѣхъ вѣдомствъ и изъ учебныхъ заведеній. „Россія, — какъ выразился сенаторъ Ровинскій, — словно въ сказкѣ какой, изъ битаго царства вдругъ небитое стало“. Но по какой-то иронiи судьбы великій освободительный актъ 19-го февраля, давшій толчекъ этому благотворному движенію, остался внѣ его воздѣйствія, и пятно его въ видѣ розогъ осталось несмытымъ.

Причина этого грустнаго и на первый взглядъ непонятнаго явленія кроется, какъ это ни кажется страннымъ, въ чрезмѣрномъ благоговѣніи, доходившемъ до фетишизма, предъ Положеніями 19-го февраля. Если ужъ такой безпринципный оппортюнистъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, старался ловко обходить неудобныя для него постановленія Положеній въ административномъ порядкѣ, не рѣшаясь требовать отмѣны въ законодательномъ порядкѣ, то почитатели освободительной хартіи

---

[1]) И. С. Аксаковъ, въ его письмахъ, III, 149. Герценъ, пораженный тѣмъ, что Милютинъ оказался въ числѣ защитниковъ розги, писалъ, что исторія выставитъ ихъ имена у позорнаго столба.

считали ее просто неприкосновенною. Исходя изъ этого почтеннаго, но нѣсколько утрированнаго чувства, впрочемъ, достаточно оправдываемаго политическими обстоятельствами того времени,—комитетъ, разсматривавшій вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, не желая колебать только что объявленное [1]) Положеніе 19-го февраля, призналъ неудобнымъ отмѣнять тѣлесныя наказанія въ волостномъ судѣ. При этомъ комитетъ полагалъ, что, по мѣрѣ распространенія образованія между крестьянами, они сами откажутся отъ позорящаго наказанія.

Такимъ образомъ вышло поистинѣ изумительное недоразумѣніе: въ 1861 г. отмѣна розогъ была отложена до пересмотра общаго вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, а въ 1863 г., когда состоялся пересмотръ, розги уцѣлѣли въ виду нежеланія колебать законоположенія 19-го февраля 1861 г.

Въ 1864 г. еще разъ сталъ на очередь вопросъ о розгахъ при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ Судебныхъ Уставовъ. Нѣкоторые члены предлагали внести въ Уст. о нак. правило, по которому мировымъ судьямъ предоставлялось бы право назначать за мелкіе проступки розги до 30 ударовъ тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго помѣщенія въ домахъ заключенія. Но огромное большинство членовъ государственнаго совѣта (и въ томъ числѣ бывшій ярый защитникъ розогъ гр. В. Н. Панинъ) высказались противъ розогъ. Указавъ на то, что въ волостномъ судѣ розги были сохранены только по нежеланію быстро колебать вновь введенное Положеніе о крестьян., государственный совѣтъ продолжаетъ: „Наказаніе розгами вовсе не соотвѣтствуетъ своей цѣли, ибо, будучи лишено жестокости совершенно отмѣненныхъ уже шпицрутеновъ и плетей, оно для большинства народа, привыкшаго съ дѣтства къ грубому обращенію, весьма малозначительно и не только не возбуждаетъ (это писалось 30 лѣтъ тому назадъ), говоря вообще, особенно между виновными, страха, но, напротивъ, весьма часто предпочитается лишенію свободы, уплатѣ денежныхъ взысканій или отдачѣ въ общественныя работы. Изъ опыта извѣстно, что

---

[1]) Одинъ изъ крѣпостниковъ, сильно возстававшій противъ отмѣны розогъ, въ мнѣніи своемъ, поданномъ въ комитетъ, указалъ на политическую опасность подобной реформы. Въ его разстроенномъ воображеніи рисовались такіе ужасы: „Во-первыхъ, по простотѣ своей крестьяне не въ состояніи будутъ вмѣстить въ умахъ, что шесть мѣсяцевъ тому назадъ царь не считалъ тѣлеснаго наказанія ни вреднымъ, ни безнравственнымъ, а теперь убѣдился, что оно не нужно и унизительно. Народъ поймет это такъ: Положеніе было подсказано царю помѣщиками, а теперь царь заговорилъ самъ, и вотъ ужъ розгу онъ отмѣнилъ. Во-вторыхъ, они сообразятъ, если безъ ихъ просьбы сверхъ отмѣны неволи низошла льгота, о которой они не гадали, то остается ждать и ждать, и не терять надежды—авось хоть десятину накинутъ или хоть усадьбу подарятъ даромъ, или хоть рубль скинутъ съ оброка“ (Сводъ мнѣній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 94).

тѣлесное наказаніе представляетъ въ сущности безнаказанность, ибо виновный, получивъ извѣстное число ударовъ, отпускается на свободу и имѣетъ всю возможность слѣдовать своимъ порочнымъ наклонностямъ. Между тѣмъ, тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны *положительно вреднымми*, препятствуя смягченію нравовъ народа и не дозволяя развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга, которое служитъ еще болѣе вѣрною оградой общества отъ преступленій, чѣмъ самая строгость уголовнаго преслѣдованія“ [1]).

Казалось бы, столь авторитетное и рѣшительное осужденіе розогъ предвѣщало скорое исчезновеніе этого послѣдняго жалкаго наслѣдія гнуснаго крѣпостного права. Однако, этому ожиданію не суждено было доселѣ, т.-е. въ теченіе 30 лѣтъ слишкомъ, осуществиться. Сначала вопросъ объ изгнаніи розги заглохъ, затѣмъ измѣнились вѣянія, а впослѣдствіи, когда въ самомъ народѣ [2]) стало расти движеніе противъ розги, въ обществѣ

---

[1]) См. т. LX. Дѣла о преобр. Суд. части, журналъ государств. совѣта отъ 30-го сентября 1864 г., стр. 5.

[2]) Наше крестьянское молодое поколѣніе, не испытавшее на себѣ развращающаго дѣйствія крѣпостного права, относится враждебно къ розгѣ. Вотъ какъ здраво разсуждаетъ молодой волостной писарь, могущій устыдить лѣзущаго въ пѣстуны къ „невѣжественному народу“ (см. пред. къ 6 изд.) культурнаго кн. Мещерскаго: „начать съ того,—говоритъ онъ,—что мы не видѣли ни *одного* случая, когда бы розги исправили порочнаго человѣка, и сомнѣваемся, чтобы вообще можно было указать такой случай; тогда какъ въ деревенской жизни заурядъ встрѣчаются факты, ясно свидѣтельствующіе о томъ, что человѣкъ сравнительно хорошій и порядочный, но почему-либо понесшій наказаніе розгами, понижается нравственно, какъ-то опускается, его достоинство, какъ человѣка, падаетъ и въ его собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ его односельчанъ. Но то, что унижаетъ человѣка, не можетъ служить къ исправленію его нравственности. Въ средѣ крестьянъ за тѣлесное наказаніе стоятъ главнымъ образомъ старики, люди старыхъ понятій, перенесшіе гнетъ крѣпостного права. Но,—продолжаетъ онъ,—теперь уже выступаетъ на сцену новое поколѣніе, которое, въ громадномъ большинствѣ, совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло. Особенно это рѣзко сказывается въ молодыхъ людяхъ, побывавшихъ въ народной школѣ, но всего печальнѣе то, что именно эти люди, въ силу исключительныхъ условій захолустной жизни, нерѣдко подвергаются опасности очутиться подъ розгами“.—Съ этимъ свидѣтельствомъ волостного писаря, т. е. человѣка, близко стоящаго къ народной жизни,—объ отношеніи народа къ тѣлесному наказанію,—*Курскія Губернскія Вѣдомости* сопоставляютъ слѣдующій фактъ, сообщенный *Донскою рѣчью*: „Крестьянинъ Гуляй-Борисовской волости, Черкасскаго округа, Ѳедотъ Корсуновъ, человѣкъ пожилой и семейный, имѣющій дочь-невѣсту и пользующійся среди сельчанъ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, сталъ пьянствовать и буйствовать, за что и былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Дѣло о немъ поступило въ волостной судъ, который, по разсмотрѣніи дѣла, постановилъ такого рода приговоръ: „Крестьянина Ѳедота Корсунова за пьянство и за буйство подвергнуть тѣлесному наказанію 15 ударами розогъ, но имѣя въ виду, что въ послѣднее время многими земствами и печатью

на подмогу этого сохраненнаго „по недоразумѣнію“ позорнаго наказанія

возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, какъ позорящаго человѣчество, и принимая во вниманіе лѣта обвиняемаго и его семейное положеніе, замѣнить тѣлесное наказаніе арестомъ при волостной тюрьмѣ на семь дней“. Тотъ же авторъ (вол. писарь) передаетъ, что розги служатъ возмутительнымъ орудіемъ мести въ рукахъ старшинъ изъ міроѣдовъ противъ крестьянъ, получившихъ нѣкоторое образованіе и мѣшающихъ имъ обдѣлывать темныя дѣла („Русс. Вѣдом.“ 1895, №№ 181, 183). См. также № 85 „Русс. Вѣдом.“ за тотъ же годъ, гдѣ разсказана трагическая исторія крестьянина Трещалова. По происками кабатчика и его пріятеля волостного старшины грамотный, развитой столяръ Трещаловъ былъ приговоренъ въ 1887 г. къ 14 ударамъ розогъ. Боролся онъ противъ несправедливо наложеннаго наказанія всѣми способами, но ничего не вышло. Съ введеніемъ земскихъ начальниковъ предложено было немедленно исполнить приговоръ. „При разложеніи Трещалова на полъ“ онъ оказалъ сопротивленіе. Началось уголовное дѣло, которое и кончилось его психическимъ разстройствомъ и завершилось приговоромъ Московской Судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей отъ 15 марта 1894 г., коимъ Трещаловъ былъ приговоренъ на годъ въ арестантское отдѣленіе съ лишеніемъ особыхъ правъ.

— *Волынь* передаетъ о слѣдующемъ характерномъ фактѣ изъ области примѣненія тѣлеснаго наказанія. „Крестьянинъ села Скоболова, Красносельской волости, Житомірскаго уѣзда, Никифоръ С.,—разсказываетъ газета,—за какую-то неважную провинность былъ, по требованію „громады“, высѣченъ публично розгами (получилъ всего два удара). Эта расправа настолько повліяла на С., что онъ, не вынесши позора, на второй же день лишилъ себя жизни, повѣсившись на перекладинѣ въ собственной клунѣ“ („Русс. Вѣд.“ 1897).

— Въ 1895 году приговорено было къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ Вятской губерніи 523 человѣка; болѣе всего по уѣздамъ Сарапульскому и Яранскому: въ первомъ 107, а во второмъ 105 человѣкъ,—и менѣе всего въ Нолинскомъ—25 и Вятскомъ—12 человѣкъ. Эти данныя,—говоритъ „Вятскій Край“,—достаточно свидѣтельствуютъ, что тѣлесныя наказанія въ нашей губерніи все еще имѣютъ широкое примѣненіе. Болѣе полутысячи приговоренныхъ къ наказанію розгами въ одной губерніи и за одинъ годъ—цифра довольно почтенная. Въ 1895 году всѣхъ осужденныхъ мужчинъ въ волостныхъ судахъ по уголовнымъ дѣламъ было 56,476; изъ нихъ, какъ мы видѣли, 523, или 1 изъ каждыхъ 107 человѣкъ приговорены были къ тѣлеснымъ наказаніямъ Но и это уже само по себѣ большое процентное отношеніе приговоренныхъ къ наказанію розгами должно еще увеличиться оттого, что въ числѣ 56,476 осужденныхъ есть не мало лицъ, изъятыхъ по закону отъ тѣлесныхъ наказаній, а также не мало лицъ, осужденныхъ за такія преступленія и проступки, за которые въ законѣ не положено тѣлесныхъ наказаній.

Газета указываетъ на слѣдующій фактъ, разсказанный минувшимъ лѣтомъ сибирскими газетами. Какъ извѣстно, въ 70 верстахъ отъ Иркутска находится Александровская центральная каторжная тюрьма, въ которой число заключенныхъ доходитъ иногда до $2^1/_2$ тысячъ. Въ послѣдніе три года тѣлесныя наказанія въ качествѣ тюремно-дисциплинарной мѣры въ этой тюрьмѣ *вовсе не примѣняются*, и отъ этого дисциплина и порядокъ не только не понизились, но значительно повысились; даже необходимость прибѣгать къ карцеру значительно сократилась,

явилась въ связи съ институтомъ земскихъ начальниковъ [1]), та страшная сила, которая именуется привычкою и рутиною. „Многое само по себѣ непонятное,—по справедливому замѣчанію декабриста Н. И. Тургенева,—

такъ какъ карцеръ потерялъ свое прежнее значеніе относительно снисходительнаго наказанія и сталъ въ глазахъ арестантовъ чѣмъ-то томительно-позорнымъ. Если,—говоритъ „Вятскій Край“,—оказалось вполнѣ возможнымъ обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній при управленіи „тяжкими преступниками, которымъ нечего терять“, то не можетъ быть, конечно, и рѣчи о совершенной ненужности этихъ наказаній для Вятской губерніи. Нельзя не отмѣтить также и неодинаковой частоты примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ различныхъ уѣздахъ губерніи:—въ однихъ сѣкутъ часто, въ другихъ—рѣдко. Въ то время, какъ крестьяне Вятскаго уѣзда почти не знали въ 1895 году этого унизительнаго и позорнаго для человѣческаго достоинства наказанія, въ Сарапульскомъ и Яранскомъ уѣздахъ было приговорено къ наказанію розгами въ каждомъ болѣе 100 человѣкъ. Сами крестьяне нынѣ достаточно уже сознали весь стыдъ и позоръ тѣлесныхъ наказаній; поэтому съ достаточной вѣроятностью можно признать, что частое примѣненіе тѣлесныхъ наказаній зависитъ не отъ состава волостныхъ судовъ, а отъ посторонникъ, чисто внѣшнихъ вліяній на волостные суды.

[1]) Пріятно отмѣтить среди земскихъ начальниковъ отрадное исключеніе въ лицѣ зем. начал. Гжатскаго у. А. И. Чернова, бывшаго, если не ошибаемся, московскаго присяжнаго повѣреннаго. Г. Черновъ не считалъ миссіею своей должности возстановленіе кулачнаго права и розогъ, а, напротивъ, слѣдуя духу новаго законодательства 60-хъ годовъ, систематически не утверждалъ приговоры волостныхъ судовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. За это посыпались на него, какъ „за измѣну“ знамени, яростные нападки со стороны *Гражданина и Москов. Вѣд домостей.* Г. Черновъ выпустилъ прекрасную брошюру *„Изъ волостной юстиціи“*, въ которой на основаніи исторіи права и указаній практики вполнѣ убѣдительно доказываетъ юридическую несостоятельность, нравственный вредъ и практическую безполезность порки. И это еще нужно доказывать въ Россіи въ лѣто отъ Р. Х. 1895-е!..

Отмѣчая въ своей назидательной брошюрѣ, что *розги* были созданы и служили неизбѣжною принадлежностью крѣпостного права, и что онѣ стали съ развитіемъ грамотности и поднятіемъ личнаго достоинства крестьянъ, подъ вліяніемъ интеллигенціи, выходитъ изъ употребленія, авторъ съ недоумѣніемъ останавливается предъ вопросомъ, какъ могло произойти неожиданное, противно исторіи, *оживленіе* розогъ?.. А ларчикъ просто открывается: на реформѣ 12 іюля 1889 г., какъ и на всѣхъ реакціонныхъ мѣропріятіяхъ системы Толстого, видно скрытое или явное стремленіе такъ или иначе реставрировать порядки временъ крѣпостного права. (Ср. Тимоѳеевъ, 125). Въ превосходной статьѣ В. И. Семевскаго „Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній“ („Русс. Мысль“ 1896, №№ 2, 3) вопросъ обработанъ съ исчерпывающею дѣло обстоятельностью и разносторонностью. — Нѣкоторыя земскія собранія (С.-Петербургское, Московское, Тверское, Смоленское и др.) не разъ ходатайствовали объ отмѣнѣ этого вреднаго остатка наказаній варварскихъ временъ... Г. Алисовъ сообщалъ въ концѣ 1897 г. о вторичномъ единогласномъ ходатайствѣ Воронежскаго земскаго собранія о полной отмѣнѣ розогъ („Рус. Вѣдом.“ 1897, № 325).

уясняется привычкою и обыкновеніемъ. На многое уродливое и ужасное люди смотрятъ хладнокровно, потому лишь, что они привыкли смотрѣть на это. Многое уродливое и ужасное люди дѣлаютъ даже сами потому единственно, что отцы ихъ то же дѣлали и что современники ихъ продолжаютъ то же дѣлать“ [1]). Исторія „розги“ показываетъ, какъ опасно не додѣлывать однажды начатое дѣло, какъ необходимо ковать желѣзо, пока оно горячо, особенно у насъ, когда за рѣдкими красными днями прогрессивнаго движенія неизбѣжно слѣдуютъ долгіе сѣрые дни апатіи и регресса. Но даже и въ такое ретроградное время нельзя было ожидать такого порядка вещей, чтобы освобожденіе отъ позорнаго наказанія и наложенія его будетъ рѣшаться не закономъ, не судомъ, а поставлено въ зависимость единственно отъ вкусовъ, симпатій индивидуальныхъ воззрѣній того или другого земскаго начальника, отъ водворенія и смѣщенія коихъ будетъ исчисляться эпоха фактической отмѣны розогъ, либо возстановленій ихъ для данной территоріи русской земли [2]), и что добро-

---

[1]) См. Рукописную записку П. Н. Глѣбова.—Крестьяне уже начинаютъ освобождаться отъ власти этой дикой рутины. Такъ, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (1900 г., № 74) была помѣщена статья, въ которой отмѣчались нѣкоторые факты и цифры, свидѣтельствующіе о новыхъ прогрессивныхъ теченіяхъ народной мысли и жизни. Новое и весьма важное доказательство несомнѣннаго существованія этихъ движеній представляетъ собою отмѣченная на-дняхъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* статистическая работа г. В. Постникова о тѣлесныхъ наказаніяхъ, примѣнявшихся въ Нижегородской губерніи. Г. Постниковъ разработалъ собранныя отъ 243 волостныхъ правленій данныя о примѣненіи тѣлеснаго наказанія въ Нижегородской губерніи за 1868, 1878, 1888 и 1898 годы. Эти данныя касаются двухъ сторонъ вопроса—числа приговоренныхъ къ розгамъ и дѣяній, за которыя волостные суды назначали это наказаніе. По этимъ даннымъ оказывается, что съ каждымъ годомъ, отдаляющимъ деревню отъ временъ крѣпостного права, розга, представляющая наслѣдіе этихъ варварскихъ временъ, мало-по-малу выходитъ изъ обихода деревенской жизни. Вотъ что говорятъ объ этомъ цифры, относящіяся къ Нижегородской губерніи. Въ 1868 году изъ общаго числа осужденныхъ волостные суды приговорили къ розгамъ 57%, въ 1878 году—40%, въ 1888 году—33% и, наконецъ, въ 1898 году—съ небольшимъ 1%. Приводя эти цифры, г Постниковъ ставитъ ихъ въ связь съ распространеніемъ образованія и общеніемъ крестьянъ, благодаря преобразованнымъ учрежденіямъ съ образованными классами.

[2]) „Воронежскій предводитель дворянства г. Алисовъ писалъ въ 1897 г.: Мнѣ лично извѣстно, что въ двухъ уѣздахъ губерніи, гдѣ мнѣ приходилось принимать участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ, въ одномъ—въ продолженіе шести, а въ другомъ—трехъ лѣтъ тѣлесное наказаніе совершенно не примѣнялось. Съ увѣренностью могу сказать, что за все это время ни въ томъ, ни въ другомъ уѣздѣ ничего особеннаго не случилось. Общественная жизнь деревни въ этихъ уѣздахъ шла своимъ порядкомъ, какъ и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ еще не окончательно отрѣшились отъ безполезности тѣлесныхъ наказаній, хотя послѣднія все менѣе и менѣе примѣняются на практикѣ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ явленіи этомъ имѣетъ существенное значеніе тотъ или иной *взглядъ* лицъ, стоящихъ во

совѣстный земскій начальникъ будетъ лишенъ всякаго указанія въ законѣ, когда слѣдуетъ налагать или снимать позорное наказаніе. Земскій начальникъ г. Черновъ, подвергая тщательному анализу законъ 12-го іюля

главѣ уѣзда или даже земскаго участка. Такъ, въ одинъ изъ уѣздовъ, гдѣ болѣе шести лѣтъ не примѣняется тѣлесное наказаніе, прибылъ новый земскій начальникъ, повидимому, убѣжденный въ неоспоримой пользѣ этого рода наказаній, и сталъ такъ или иначе высказывать свое сожалѣніе о совершенномъ непримѣненіи ихъ въ уѣздѣ и что, *по его мнѣнію*, нелишне было бы оживить этотъ вымирающій способъ наказанія; но такой взглядъ новаго земскаго начальника встрѣтилъ энергичный отпоръ какъ со стороны его товарищей, такъ и со стороны предводителя дворянства того уѣзда. Между тѣмъ, бывшій земскій начальникъ этого участка, старожилъ уѣзда, много послужившій ему, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, гуманный и издавна ведущій въ этомъ уѣздѣ свое хозяйство,— заслужилъ общее уваженіе не только жителей своего участка, но и всего уѣзда. Какъ намъ достаточно извѣстно, ничего худого въ его участкѣ не происходило, несмотря на то, что онъ всегда обходился безъ тѣлеснаго наказанія и искренно сочувствовалъ полнѣйшей его отмѣнѣ. Хотя попытка новаго начальника *оживить* тѣлесное наказаніе въ уѣздѣ и не увѣнчалась успѣхомъ, но возможно, что при другихъ условіяхъ, которыхъ въ данномъ случаѣ на лицо не было, могъ быть результатъ совершенно иной: въ участкѣ, въ которомъ населеніе давно уже отвыкло отъ тѣлеснаго наказанія, послѣднее могло снова появиться.

„Повсемѣстная отмѣна тѣлеснаго наказанія несомнѣнно подниметъ уваженіе къ человѣческой личности и рядомъ съ этимъ удержитъ очень многихъ лицъ отъ нерѣдкой еще у насъ рукопашной расправы, которая доводитъ иногда до суда какъ побитаго, такъ и побившаго. Мнѣ, по обязанностямъ службы, не разъ приходилось участвовать въ разсмотрѣніи подобныхъ, крайне нежелательныхъ дѣлъ не только въ уѣздныхъ съѣздахъ, но даже и въ палатѣ. Совершенно непонятно пристрастіе къ тѣлесному наказанію со стороны тѣхъ, кто, отстаивая ихъ, кричитъ о какой-то нашей самобытной культурѣ. Казалось бы, каждый изъ такихъ господъ долженъ испытывать крайне тяжелое чувство при мысли, что множество русскихъ гражданъ могутъ быть на всю жизнь опозорены тѣлеснымъ наказаніемъ и не только за какіе-либо особо позорящіе человѣка проступки, но даже за проступки, имѣющіе чисто *гражданскій* характеръ. Не должны бы господа любители розги забывать и того, что было время, когда не только крестьянъ, но и лицъ другихъ сословій подвергали тѣлесному наказанію. Однако пришло время, когда общество и правительство признали нетерпимымъ для этихъ сословій такое унизительное наказаніе, и оно было по отношенію къ нимъ навсегда отмѣнено. Несомнѣнно, что это наказаніе и для крестьянина не менѣе унизительно, чѣмъ для всякаго другого человѣка.

„Я думаю, что очень многіе сторонники тѣлеснаго нуказанія остаются таковыми еще потому, что имъ никогда не представлялось случая присутствовать лично при этой гнусной процедурѣ, продѣлываемой надъ взрослымъ человѣкомъ. Совершенно случайно еще въ дѣтствѣ пришлось мнѣ видѣть наказаніе плетьми на эшафотѣ. Кромѣ чувства жалости и состраданія къ наказуемому, ясно чувствуешь, что это наказаніе оскорбляетъ и человѣческое достоинство. Съ какой радостью всякій истинно русскій человѣкъ можетъ теперь сказать, что однимъ позорнѣйшимъ наказаніемъ стало меньше въ нашемъ отечествѣ, и что плети и

1889 г., приходитъ къ тому печальному заключенію, что ни въ субъективной, ни въ объективной сторонѣ преступленій, наказываемыхъ розгами, нельзя найти точки опоры [1]) для рѣшенія рокового вопроса—слѣдуетъ ли даннаго подсудимаго подвергнуть унизительному тѣлесному наказанію или освободить его отъ этого позора.

эшафотъ стали теперь достояніемъ исторій. Можно надѣяться, что скоро дождемся также полной отмѣны и розги—этой родной внучки кнута, родной дочери плети. Наказаніе розгами взрослаго человѣка, полноправнаго гражданина—это всегда возмущающая чувство сцена. Представьте себѣ, хотя на одну минуту, всю неприглядность картины, когда пожилого, семейнаго человѣка, домохозяина, хотя быть-можетъ, и не вполнѣ исправнаго, тащатъ на „экзекуцію“. Не всегда человѣкъ можетъ заставить себя добровольно подчиниться этому крайне тяжелому, нерѣдко страшному для него наказанію. Въ такомъ случаѣ приходится силою заставлять подчиниться приговору волостного суда. Одному сторожу волостного правленія, на котораго почему-то возлагается экзекуторская обязанность, въ такихъ случаяхъ не справиться съ обвиненнымъ, участіе же въ этомъ дѣлѣ полицейскимъ чинамъ закономъ воспрещается. Сторожу приходится звать на помощь мирныхъ сельскихъ обывателей... Воображеніе каждаго можетъ дополнить все остальное“ (*Русск. Вѣдом.* 1897, № 325).

[1]) См. н. брошюру, стр. 29 и слѣд.

III.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АВТОНОМІЯ.

Всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется; слѣдовательно, нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойнымъ возрастало въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе.

Указъ 1755 г. объ учр. Моск. Унив.

Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено, умственное развитіе остановлено. Воровство выросло до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу.

Никитенко (1855 г.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Университетскій Уставъ 1863 г.

(Справка къ 30-лѣтію).

Наука никогда не проникала въ Россію, но оставалась въ положеніи касательной линіи.

М. Н. Муравьевъ (1861 г.).

Наука? Науки не было въ Россіи,—была бюрократія.

М. Н. Катковъ (1866 г.).

Ubi solitudinem faciunt pacem appellant.

Taciti Agricola 30.

I.

Общій Университескій Уставъ 18-го іюня 1863 года, замѣненный Уставомъ 15-го августа 1884 г., не дожилъ даже до минимальнаго, 25-тилѣтняго срока, установленнаго обычаемъ для юбилеевъ.

Въ настоящее время онъ представляетъ собою не юридическій, а историческій памятникъ. Матеріалы университетской реформы 1863 г. имѣютъ не одинъ отвлеченный теоретическій интересъ, но и жизненный, практическій, какъ драгоцѣнное свидѣтельство, пригодное для ретроспективнаго освѣщенія эпохи, предшествовавшей и современной составленію Устава 63 г. и слѣдовавшаго за нимъ времени и реакціи 80-хъ годовъ.

Уму нуженъ просторъ, гласитъ девизъ одного русскаго герба. А простора-то именно и не доставало русскимъ университетамъ.

Едва ли въ какой отрасли государственнаго управленія система форменной или оффиціальной лжи [1]) была доведена въ николаевское время

---

[1]) Терминъ оффиціальная ложь, т.-е. бюрократическая фальсификація дѣйствительнаго положенія вещей, пущенный въ ходъ в. к. Константиномъ Николаевичемъ (см. ниже), былъ изобрѣтенъ П. А. Валуевымъ въ бытность его Курляндскимъ губернаторомъ, а впослѣдствіи, въ бытность мин. внутр. дѣлъ, имъ же „возведена въ перлъ созданья“ система оффиціальнаго лганья. Въ извѣстной за-

до такой степени законченности, какъ въ области университетскаго преподаванія и научнаго изслѣдованія, гдѣ свобода и независимость conditio sine quo non для плодотворнаго развитія, и гдѣ всякая явная или замаскированная попытка къ стѣсненію вноситъ фальшь въ умственную жизнь и ведетъ неизбѣжно, хотя и медленно, къ упадку науки, т. е. къ одичанію общества.

Послѣдній министръ народнаго просвѣщенія Императора Николая I, безхарактерный [1]), безыдейный, „старый младенецъ“ [2]) А. С. Норовъ, сдѣлавшійся игрушкою въ рукахъ злого и ограниченнаго честолюбца, своего наперсника Кисловскаго [3]), обозрѣвалъ осенью 1855 г. по повелѣнію Александра II Московскій и Казанскій университеты. Прощаясь съ Казанскимъ университетомъ, Норовъ сказалъ профессорамъ:

— „Наука, господа, *всегда* (?) *была* для насъ одною изъ *важнѣйшихъ* (?) потребностей жизни, но теперь она *первая* (sic). Если враги наши имѣютъ надъ ними перевѣсъ, то *единственно* силою своего образованія“ и т. д. [4]).

пискѣ „Дума Русскаго“ онъ между прочимъ помѣстилъ строки, имѣющія отношеніе къ университетамъ: „Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро *силою*. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія, (см. „Русск. Стар.“ 1891 г., май, Дневникъ Валуева, 357).

[1]) Въ дневникѣ Никитенко приведено много примѣровъ безхарактерности Норова; такъ, напр., отказъ въ утвержденіи проф. Ешевскаго, состоявшійся по навѣту Кисловскаго и отмѣненный вслѣдствіе настоянія попечителя Исакова (Дневникъ, т. II, 46). Норовъ уволилъ цензора Бекетова въ отставку за то, что тотъ „по напечатаніи рескрипта 1857 г. объ освобожденіи пропустилъ въ „Сынѣ Отечества“ извлеченіе о постановленіяхъ для остзейскихъ крестьянъ“. Въ этой перепечаткѣ законовъ усмотрѣнъ былъ злокозненный намекъ на *возможность* освобожденія крестьянъ и въ Россіи (и за такой-то „проступокъ“ еще въ 1858 г., т.-е. послѣ оффиціальнаго объявленія о приступѣ къ освобожденію... цензоръ рисковалъ потерять мѣсто! Какъ это характерно для господствовавшей въ то время путаницы понятій въ правительственныхъ сферахъ).—Цензора спасъ попечитель кн. Щербатовъ. См. тамъ же 27.

[2]) Такъ именно называлъ Норова Я. И. Ростовцевъ. См. н. Дневникъ, т. II, стр. 64.

[3]) Бюрократическія козни и власть Кисловскаго надъ Норовымъ извѣстны другимъ даже лучше, чѣмъ мнѣ, пишетъ Никитенко. См. стр. 38, 48, т. II, его Дневника.

[4]) Въ то самое время, когда наивный министръ народн. просвѣщенія говорилъ, что наука „теперь первая потребность“, разсылался циркуляръ губернаторамъ съ указаніемъ, что строгость цензуры „одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ управленія“. Приведя это извѣстіе, Валуевъ добавляетъ: „видно—мы неисправимы. Неужели конгрегація index'a и полиція Меттерниха не надзирали? Этотъ надзоръ не помѣшалъ, однако, курьерскимъ поѣздамъ папы и всезнавшаго

„Одною изъ важнѣйшихъ потребностей“—сильно сказано!.. И это сказано о времени, когда число студентовъ ограничено было 300, когда каѳедру философіи, сначала загнанной до изнеможенія, а потомъ и вовсе изгнанной въ 1848 г., занималъ полицейскій Держиморда [1]) не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ; и это говорилъ министръ, доведшій печать до послѣдней степени униженія [2]), введшій въ университетъ на мѣсто „завиральныхъ“ наукъ вродѣ философіи или политической экономіи „шагистику“ и фортификацію!?..

— А каково главное, спрашиваетъ цензоръ Никитенко Норова послѣ ревизіи, *какъ* тамъ учатъ и учатся?—*Хорошо*, отвѣчалъ тотъ, — увѣрьте государя, говорили студенты, *мы* [3]) всѣ наши силы посвятимъ *наукѣ*.

Наукѣ! Какой наукѣ? вотъ вопросъ. — Той ли чистой, безкорыстной, возвышенной и возвышающей душу, „самоцѣльной “университетской наукѣ, которая, отыскивая истину, ради истины, служитъ не „избранникамъ“, не сильнымъ, а слабымъ міра сего, которая, говоря словами истиннаго учителя правды, покойнаго петербургскаго профессора Рѣдкина, дѣлаясь „неизмѣнною подругою жизни, становится эгидою правды противъ неправды, щитомъ для беззащитныхъ, орудіемъ свободы для несвободныхъ?“ [4]) Вотъ одна наука, наука неподкупная, мужественно-безкорыстная, свободно ищу-

---

дипломата въ 1848 г.“ („Русск. Старина“, 1891 г., іюнь, 603), по стопамъ котораго пошелъ, впрочемъ, и самъ Валуевъ въ преслѣдованіи свободы слова, и безъ того ограниченной.

[1]) См. стр. 351, ч. I. Замѣчаній на проектъ Общаго Устава И. Рос. универ. Спб., 1862 г. (оффиц. изданіе). Записка Харьков. универ. приводитъ на справку, что въ 1830—1833 годахъ каѳедру философіи занималъ въ немъ, по назначенію попечителя, *частный приставъ* (см. примѣч. къ стр. 351).

[2]) См. Дневникъ Никитенко, II, 76, 3, 5.

[3]) См. н. с. Никитенко, II. — Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, что скрывалось подъ громкимъ „мы“, укажемъ, что въ годъ посѣщенія Норовымъ Казанскаго университета въ немъ на физико-математическомъ факультетѣ было всего 35 студентовъ, изъ коихъ на естественномъ только 4 (см. „Воспитаніе“, 1860 г. № 4, стр. 23).—Какое роковое значеніе имѣла для русскаго просвѣщенія реакція 40-хъ годовъ, можно судить по тому, что подъ ея вліяніемъ впервые правительство приняло мѣры къ искусственному загражденію доступа къ нему. Графъ Уваровъ въ 1845 г. издалъ циркуляръ, въ которомъ прямо указывалъ на приливъ въ среднія учебныя заведенія лицъ „рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества“.— Николай I повелѣлъ вводить плату за ученіе и изыскать способы „затруднить доступъ въ гимназіи разночинцамъ“. Съ 1848 г. число студентовъ въ университетахъ, кромѣ медицинскаго факультета, ограничено 300. — Каково было вліяніе этой мѣры, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ Петербургскомъ университетѣ цыфра студентовъ сразу упала съ 731 до 337, въ Московскомъ съ 1168 до 821, а во всѣхъ 6 университетахъ съ 4016 до 3016...—(См. *Вѣстн. Европы* 1897. Іюль. 648).

[4]) См. ст. 27, т. I. Изъ лекціи заслуж. проф. П. Г. Рѣдкина. Спб. 1889 г.

щая истину, наука какъ свѣточъ человѣчества, какъ убѣжище, источникъ и критерій истины, хотя бы и не абсолютной, а той относительной, ограниченной истины, которой положенъ предѣлъ ограниченностью человѣческихъ способностей—его же никто не преступаетъ!

Но есть и другая наука. Это извѣстная своею продажностью и угодливостью, „снаровитая“ [1]), гибкая, всегда услужливая предъ сильными, наука-приспѣшница, наука-раба, ancilla, сначала продававшаяся теологіи, а потомъ и всякой крупной общественной силѣ, вліятельному классу, государству,—и готовая освятить своимъ фальшивымъ духовнымъ авторитетомъ всякій существующій фактъ и неправду, что ей Гекуба, что ей истина? Не мудрствуя лукаво, она падаетъ ницъ предъ всякою буквою дѣйствующаго законодательства, готовитъ, формуетъ, шлифуетъ и обдѣлываетъ, какъ техникъ и ремесленникъ, разныхъ мастеровъ въ области права, педагогики, медицины и пр. наукъ. Такая „практическая“ наука, или, вѣрнѣе, дѣльцовская дрессура, снаровка не источникъ для нравствен-

---

[1]) Характеристикѣ такой „науки“ М. Щедринъ-Салтыковъ посвятилъ въ „За Рубежомъ“ замѣчательныя строки: „Когда я былъ въ школѣ, — пишетъ Салтыковъ, — то въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ (до 1845 года) еще весьма часто упоминалось слово: „кнутъ“. Профессоръ уголовнаго права такъ или иначе долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ на каѳедрѣ. И что же? выискался профессоръ (Я. И. Баршевъ), который не только не проглотилъ этого слова, не только не подавился имъ въ виду десятковъ юношей, внимавшихъ ему, не только не выразился хоть такъ: какъ, дескать, ни печально такое орудіе, но при извѣстныхъ ѳормахъ общежитія представляется затруднительнымъ обойти его, а прямо и внятно повѣствовалъ, что кнутъ есть одна изъ ѳормъ, въ которыхъ *идея правды и справедливости* находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе. Мало того, онъ утверждалъ, что самая злая воля преступника требуетъ себѣ воздаянія *именно въ видѣ кнута*. Но прошли времена, и кнутъ былъ замѣненъ трехвостною плетью. Насъ, школяровъ, интересовало, прольетъ ли слезу буквоѣдъ на могилѣ кнута или воткнетъ осиновый колъ. Оказалось, что онъ воткнулъ осиновый колъ. Цѣлую лекцію онъ сквернословилъ предъ нами, говоря, какъ скорбѣла идея высшей правды, когда она осуществлялась въ ѳормѣ кнута, и какъ она ликуетъ теперь, когда, съ изволенія вышняго начальства, ей предоставлено осуществляться въ ѳормѣ трехвостной плети, съ соотвѣтствующимъ угобженіемъ. Онъ говорилъ—*и его не тошнило*, а мы слушали, и насъ тоже не тошнило!.. Я не знаю, — продолжаетъ Салтыковъ,—какъ потомъ справился этотъ профессоръ, когда тѣлесныя наказанія были вовсе отмѣнены; но думаю, что и тутъ вышелъ сухъ изъ воды. Кто же, однако, броситъ въ него камень за выказанную имъ научную *снаровитость*? Развѣ отъ него требовалось, чтобы онъ стоялъ на дорогѣ съ свѣточемъ въ рукахъ? Нѣтъ, отъ него требовалось одно: чтобы *онъ подыскалъ обстановку для истины, уже утвержденной и оффиціально признанной таковою*“ (сочиненія М. Е. Салтыкова, т. VI, 41). См. ниже прим. 47.

наго совершенствованія и удовлетворенія, а „дойная корова или пьедесталъ для самовозвышенія“ [1]).

Какой же изъ этихъ двухъ, противоположныхъ по духу и цѣли, наукъ хорошо „учили и учились“ въ дореформенныя времена и въ частности въ норовское министерство? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ у вышеупомянутаго собесѣдника Норова—Никитенко, достаточно компетентнаго по своему званію профессора С.-Петербургскаго университета и достаточно политически благонадежнаго по своей должности цензора. Вотъ что пишетъ Никитенко, какъ разъ послѣ приведенныхъ словъ министра: „все это хорошія слова, дай Богъ, чтобъ они обратились въ дѣло. Теперь всѣ (?) видятъ, какъ поверхностно наше образованіе, какъ мало у насъ существенныхъ умственныхъ средствъ. А мы собирались столкнуть съ земного шара гнющій западъ [2])! Не малому еще предстоитъ у него поучиться. Теперь только открывается, какъ *ужасны* были для Россіи *прошедшія 22 лѣтъ*. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено *умственное развитіе остановлено*; злоупотребленіе и воровство выросло до чудовищныхъ размѣровъ. Все это *плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную* силу“ [3]).

Упадокъ нашихъ университетовъ, и раньше находившихся въ незавидномъ положеніи, особенно сталъ усиливаться послѣ революціоннаго движенія 1848 г. [4]), когда и безъ того стѣсненная свобода слова и мысли была окончательно задавлена. Совѣтъ университета лишился права выбирать ректора, увеличилась власть попечителя, число студентовъ уменьшено до 300, преподаваніе ограничено *неподвижными программами* [5]), отправленіе молодыхъ ученыхъ за границу для приготовленія къ профессорской должности прекращено [6]); каѳедна философіи упразднена, нѣко-

---

[1]) См. н. с. Рѣдкина, 26—27. См. прим. 47.

[2]) Въ Дневникѣ своемъ Никитенко отмѣчаетъ подъ 19 сентября 1855 г.: „Въ публикѣ много говорятъ о статьѣ Погодина, написанной по случаю пріѣзда государя въ Москву. Тамъ много самохвальства: „мы первый народъ въ мірѣ, мы лучше всѣхъ“ и т. д. (т. II, 19).

[3]) См. н. Дневникъ II, 20, 21.

[4]) См. Каченовскаго въ ч. I назв. „Замѣчаній“, стр. 322—325.—Бутурлинъ, по словамъ Валуева, предлагалъ закрыть всѣ гимназіи и университеты (Русск. Стар. 1891, IV, 173).

[5]) Идеаломъ программъ было,—пишетъ проф. Рѣдкинъ,—„устроить преподаваніе въ нашихъ университетахъ законовъ по своду такъ, чтобы *во всѣхъ университетахъ* въ одинъ *извѣстный день и часъ* проходилось, т.-е. просто прочитывалось изъ Свода каждымъ преподавателемъ по своей части именно столько-то статей *безъ какого бы то ни было отступленія* отъ порядка Свода, безъ замѣчанія или даже перефраза“ (см. н. с., стр. 6).

[6]) См. ст. 12, Университетскій Уставъ 1863, Спо. (оффиц. изданіе съ комментаріями).—„Вѣстникъ Европы“ (1897 №№ 6, 7) въ статьѣ, посвященной москов-

торые университеты (Харьковскій и Казанскій) прямо подчинены военному вѣдомству въ лицѣ генералъ-губернаторовъ.

Результатомъ такого „патріархальнаго“ режима было то, что, какъ

скому университету, бросаетъ взглядъ назадъ въ сороковые годы. „Циркулярами 17 ноября 1844 года и 9 января 1847 г. гимназія лишена была статистики и логики, послѣднихъ представительницъ общественныхъ и философскихъ наукъ, уцѣлѣвшихъ въ ея программѣ послѣ реформы 1828 г. Въ 1849 году самый классицизмъ былъ заподозрѣнъ, какъ возможный источникъ революціонныхъ идей, и началось систематическое сокращеніе классической программы. Древніе языки были удержаны лишь для желающихъ продолжать ученіе въ университетѣ; для остальныхъ же, оканчивающихъ свое образованіе въ гимназіи, было усилено преподаваніе математики и введено преподаваніе законовѣдѣнія. Изученіе древнихъ и языческихъ писателей найдено опаснымъ для молодежи: преподаваніе греческаго языка отмѣнено или измѣнено въ смыслѣ чтенія отцовъ церкви вмѣсто классиковъ. Въ 1851 году, въ противовѣсъ классицизму, въ гимназическую программу введены естественныя науки. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, пріобрѣлъ господствующее положеніе совершенно противоположный взглядъ. Эти перемѣны въ мнѣніяхъ руководящихъ сферъ не могли, конечно, имѣть благопріятное вліяніе на развитіе истиннаго просвѣщенія. Сторонникамъ стѣсненій университетскаго преподаванія слѣдуетъ напомнить, что было время, когда ограничительныя теченія не встрѣчали на своемъ пути никакихъ препятствій. Въ 1849 году университеты были лишены права избранія ректоровъ, а право избранія декановъ было ограничено. Ученая дѣятельность профессоровъ и пополненіе состава ихъ новыми силами были крайне затруднены: въ 1847 году послѣдовало распоряженіе, чтобы лекціи и рѣчи профессоровъ печатались только съ разрѣшенія попечителей; чтеніе публичныхъ лекцій съ 1848 года разрѣшалось уже рѣдко, а печатаніе ученыхъ трудовъ встрѣчало массу препятствій. Въ мартѣ 1848 года воспрещено было отпускать и командировать за границу лицъ, служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; въ 1852 году запрещено приглашать иностранныхъ ученыхъ; около этого же времени было ограничено, несмотря на заявленіе министра, право университетовъ выписывать изъ-за границы безъ цензуры книги и періодическія изданія. Съ начала 1850 года введенъ былъ систематическій надзоръ за преподаваніемъ, съ цѣлью заключить его въ строго опредѣленныя рамки; въ началѣ курсовъ профессоры должны были представлять точныя программы ихъ, отъ которыхъ не допускалось впослѣдствіи ни малѣйшихъ отступленій; за соблюденіемъ этого условія, на основаніи инструкціи, слѣдили деканы, въ свою очередь находившіеся подъ надзоромъ ректоровъ; высшій контроль надъ преподаваніемъ и программами былъ возложенъ на главное правленіе училищъ. Еще раньше (въ концѣ 1849 года) прекращено было преподаваніе въ университетахъ государственнаго права европейскихъ державъ; та же участь постигла (1850 г.) науки, составляющія каѳедру философіи, за исключеніемъ логики и психологіи, чтеніе которыхъ было поручено профессорамъ богословія; послѣдніе обязаны были преподавать эти предметы по установленнымъ духовнымъ вѣдомствомъ программамъ и (съ 1852 г.) подъ присмотромъ тѣхъ же наблюдателей, которымъ порученъ былъ надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія въ среднихъ и низшихъ училищахъ. Бывшій этикополитическій факультетъ окончательно превратился въ юридическій, а названіе философскаго факультета вовсе пришлось уничтожить,

гласитъ оффиціальная записка, составленная въ 1862 г. при мин. нар. просв. А. В. Головнинѣ, „научная дѣятельность университетовъ видимо падала; многія каѳедры оставались вакантными; другія замѣщались лицами, не имѣющими ученыхъ степеней“ [1]). Словомъ подъ видомъ замиренія университетовъ достигалось ихъ запустѣніе: ubi solitudinem faciunt pacem appellant.

Если среди всеобщаго запустѣнія и оскудѣнія университетской науки встрѣчались такія исключительно-свѣтлыя явленія, какъ истинно просвѣтительная академическая дѣятельность проф. Грановскаго, который своимъ животворящимъ словомъ и свѣтлою личностью громко свидѣтельствовалъ съ каѳедры о непобѣдимой силѣ духовнаго начала, о живучести истины, вѣчно возрождающейся изъ собственнаго пепла,—то этотъ „чистый, какъ лучь солнца, рыцарь безъ страха и упрека“, спасшій, подобно героямъ Севастополя, честь Россіи, представлялъ собою столько же отрадное, сколько непонятное явленіе, почти сказочный, сверхъестественный оазись среди окружающаго царства мрака и раболѣпства [2]).

раздѣливъ этотъ факультетъ на физико-математическій и историко-филологическій. Наконецъ, въ 1854 году въ университетскій курсъ введено преподаваніе *артиллеріи и фортификаціи*“...

Ѳ. И. Буслаевъ, радостно привѣтствуя воцареніе Александра II, время Николая I характеризовалъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ такъ: онъ говорилъ всегда, что въ 40-хъ годахъ итти къ профессору въ гости можно было только съ опаскою. Нерѣдко звонокъ вечеромъ въ передней профессора *означалъ появленіе жандарма* (см. Русск. Вѣдом. 1897 г. 6-го сентября).

[1]) См. н. Универ. Уставъ, 1—9.

[2]) Смерть Грановскаго цензоръ Никитенко оплакивалъ 7-го октября 1855 года въ такихъ выраженіяхъ: „Боже мой, какое горе, потеря для *науки*, для *мысли*, для *всего высокаго и прекраснаго:* Грановскій умеръ! Это былъ въ нашемъ ученомъ сословіи человѣкъ, котораго можно было уважать за прямоту ума и сердца и которому можно было *безусловно вѣрить*. Онъ былъ *чистъ, какъ лучъ солнца*, отъ всякой скверны нашей общественности. Это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека“ (т. II, 21). Замѣчательно, что оріенталистъ проф. Григорьевъ, впослѣдствіи свирѣпый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, въ своемъ юбилейномъ историческомъ очеркѣ о Грановскомъ упоминаетъ вскользь, Сеньковскаго же оріенталиста, а потомъ безпринципнаго фигляра-журналиста, возводитъ до небесъ, называя его „величайшею знаменитостью Петербургскаго университета“ (251).—Любопытно, что отзывъ Герцена, расходясь, конечно, вполнѣ съ неприличнымъ пристрастіемъ ретрограда Григорьева, крайне близко подходитъ къ трогательной характеристикѣ Никитенко. Сопоставляя дѣятельность Сеньковскаго съ вліяніемъ Грановскаго и Бѣлинскаго, Герценъ говоритъ: „что взялъ Сеньковскій со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литераторами, богатою памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, рязвязный смѣхъ привлекъ всѣхъ къ его журналу—посмотрѣли, посмотрѣли, похохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сеньковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на Ѳоминой

Но Грановскіе были исключеніемъ изъ исключеній, и они создавались, по вѣрному замѣчанію оффиціальнаго комментарія 1863 г. „конечно не уставомъ 1835 г.“, а вопреки ему, будучи живымъ протестомъ и яркимъ диссонансомъ противъ существовавшаго тогда университетскаго режима, для котораго были нужны не люди самостоятельно мыслящіе и будящіе мысль, а только безличные исполнительные чиновники, какъ были не нужны такіе люди и для жизни вообще, основанной на рабскомъ преклоненіи предъ statu qno и китайскомъ, самодовольномъ обоготвореніи его. Юридическій факультетъ, какъ обнимающій циклъ наукъ, вѣдающихъ право, т. е. отношенія гражданина къ гражданину и обществу, всегда служитъ наилучшимъ пробнымъ камнемъ для распознаванія уровня свободы научнаго изслѣдованія въ данное время и чуткимъ барометромъ общественнаго самосознанія.

Что же такое были наши юридическіе факультеты? „Науки политическія были признаваемы тогда нашимъ правительствомъ, — говорилъ въ 1863 году проф. Рѣдкинъ, бросая взглядъ назадъ,—весьма опасными для спокойствія государства (какъ извѣстно, въ 1835 г. этико-политическій факультетъ былъ переименованъ по соображеніямъ не научнымъ, а полицейскимъ, въ юридическій, а философскій—въ историко-филологическій). Употребленіе политическихъ знаній смѣшивали тогда съ ихъ злоупотребленіемъ по той простой причинѣ, что часто видѣли ихъ *злоупотребленіе* тамъ, гдѣ было ихъ *употребленіе.* Всякія политическія разсужденія были нетерпимы не только въ книгахъ и повременныхъ изданіяхъ, но и въ частной, семейной жизни. Да и какое въ самомъ дѣло можно было сдѣлать тогда употребленіе изъ своихъ политическихъ знаній, когда въ благоустройствѣ нашего государства не было *ни малѣйшаго сомнѣнія*, когда все, казалось, было въ совершенномъ порядкѣ; когда извнѣ смотрѣли на насъ со страхомъ, смѣшаннымъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, чужеземныя правительства, завидуя прочности, твердости, непоколебимости на-

---

недѣлѣ какой-нибудь покрытый блестками акробатъ, занимавшій на Святой весь народъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка. Чего ему недоставало? А вотъ того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго—того *вѣчно тревожнаго демона любви и негодованія*, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ. — Ему недостовало такого убѣжденія, которое было бы *дѣломъ* его жизни, *карта*, на которой все поставлено—*страстью, болью.* Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ которымъ работалъ говорящій, оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ... становятся силою, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями“ (*Колок.* 1859, № 44). Избыткомъ этого качества не страдалъ, повидимому, и оффиціальный панегиристъ Сеньковскаго Григорьевъ.—Тотъ же Герценъ указываетъ, что московскій университетъ, благодаря Грановскому, имѣлъ для нравственнаго достоинства Россіи такое же значеніе, какъ Севастопольская оборона.

шихъ государственныхъ учрежденій, нашему могуществу, обилію нашихъ матеріальныхъ силъ (см. § VI); когда всякое малѣйшее участіе въ государственной дѣятельности обусловливалось чиновничествомъ, состоящимъ на государственной службѣ; когда правительственная централизація и бюрократія проникли не въ политическую только, но и въ гражданскую и даже въ семейную жизнь; когда огромное большинство народа *лишено было всѣхъ* почти личныхъ гражданскихъ *правъ*, а остальная часть, болѣе или менѣе привилегированная, отличалась не столько правами, сколько обязанностями“ [1])...

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ этотъ плѣнительный порядокъ вещей заклейменный П. А. Валуевымъ словами: „*сверху блескъ—снизу гниль*“, сталъ понемногу исчезать, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало улучшаться и положеніе университетовъ.

II.

Съ воцареніемъ Александра II въ общественномъ мнѣніи отчасти въ направленіи внутренней политики совершился неожиданный и, казалось, рѣшительный поворотъ. Несмотря на непослѣдовательность первыхъ робкихъ, двусмысленныхъ, часто противорѣчивыхъ шаговъ новаго правительства, несмотря даже на оффиціальное заявленіе о рѣшимости остаться вѣрнымъ окаменѣлымъ принципамъ священнаго союза [2]), требовхвшаго неукоснительнаго охраненія quand-même всего существующаго,—для всѣхъ, не исключая и тѣхъ, которые заинтересованы были въ сохраненіи стараго направленія, ясна была близость пробужденія, возрожденія Россіи, послѣ тридцатилѣтней спячки [3]), приближеніе новой освободительной эры,

---

[1]) См. н. с. Рѣдкина, 10.

[2]) См. Cardonne—L'empereur Alexandre II, p. 219.—Валуевъ заноситъ въ свой Дневникъ въ ноябрѣ 1855 г.: озлобленіе (противъ порядковъ до 1855 г.) безпредѣльное и всеобщее, но затѣмъ нѣсколько разъ слышна у него нота разочарованія, съ указаніемъ, что первые правительственные шаги иногда напоминаютъ старую систему (Рус. Стар. май, 1891 г., 343, іюнь, 603, 605) и даже регрессъ (адресованіе губернаторскихъ отчетовъ не Государю, а въ мин. внут. дѣл.) (607) и только отмѣчаетъ одну крупную прогрессивную мѣру „снятіе съ русскаго народа ареста“, т.-е. разрѣшеніе поѣздокъ за-границу (стр. 611).

[3]) Никитенко, говоря о вышеупомянутой статьѣ Погодина, пишетъ: „тутъ есть одно замѣчательное мѣсто, потому что оно выражаетъ *общее чувство*—это то, что авторъ говоритъ „о любезныхъ намъ именахъ Петра, Екатерины, Александра—о Николаѣ ни слова. Говорятъ, Государь самъ пропустилъ эту статью въ печать. Мусинъ-Пушкинъ (попеч. петерб. округа) *не велѣлъ* ее перепечатывать въ здѣшнихъ газетахъ“ (Дневн. II, 16),

несшей съ собою освобожденіе: крестьянамъ отъ рабства; податнымъ сословіямъ—отъ плетей, розогъ и оплеухъ; наукѣ, мысли и слову—отъ попечительской, цензорской и иной ферулы.

Трогательна и внушительна была эта, увы! краткотечная идиллія кануна объявленія воли, когда образованные люди, безъ различія оттѣнковъ политическаго міровоззрѣнія, дружнымъ хоромъ, сначала втихомолку и шопотомъ, а потомъ, съ облегченіемъ цензурныхъ путъ, вполголоса и фальцетомъ—привѣтствовали если не наступленіе зари, пока едва замѣтной, то конецъ ночи. Славянофилы, только что анаѳематствовавшіе „гнилой западъ“ со всѣми его нечистыми навожденіями, принимали „освободительную программу западниковъ до желѣзныхъ дорогъ включителвно“; безразличные или хамелеоны, безсознательно либо съ расчетомъ принимающіе окраску, господствующую и выгодную въ данное время, поражали полетомъ своихъ либеральныхъ паренiй. Въ эту героическую эпоху перваго упоенія освободительными мечтаніями „патріотъ изъ патріотовъ“ Погодинъ,—старый профессеръ „московскаго пошиба“, самобытный мыслитель Баянъ, неуравновѣшенный фантазеръ и ловкій ученый публицистъ „себѣ на умѣ“, претендовавшій одновременно на амплуа Ростопчина, Ивана Корейши и славянскаго Гарибальди—подавалъ дружески руку новому восходящему свѣтилу радикальнаго лагеря, общепризванному преемнику Бѣлинскаго, молодому геніальному мыслителю, ученому публицисту *Современника,* бывшему саратовскому семинаристу Чернышевскому; благонамѣренные, въ хорошемъ смыслѣ слова, но недальновидные Аксаковы—буйно-честному поборнику свободы Герцену; умѣренный и аккуратный цензоръ-профессоръ Никитенко и „англоманъ“, а впослѣдствіи привилегированный сикофантъ, Катковъ, народолюбцу Салтыкову и другимъ петербургскимъ радикаламъ и т. д. Знаменемъ, объединяющимъ всѣхъ этихъ лицъ, пути которыхъ такъ далеко разошлись впослѣдствіи, была великая освободительная миссія новаго царствованія—съ крестьянскою волею во главѣ!..

Это страшное, но неотступное, неотвратимое, какъ фатумъ, крестьянское дѣло заставило своими колоссальными размѣрами всѣ другія начинанія, молча, но повелительно требуя немедленнаго отвѣта. Гигантское народное дѣло, превозмогая шутя, словно смѣясь, хитросплетенія тонкихъ бюрократическихъ дѣлъ мастеровъ, жалкія усилія знатныхъ чадолюбивыхъ душевладѣльцевъ, истощавшихъ всѣ силы свои, чтобы еще разъ заклясть, по примѣру прежнихъ лѣтъ, этотъ неугомонный духъ свободы, этотъ проклятый крестьянскій вопросъ, не разъ уже похороненный, казалось, навсегда, и увы! все еще не умирающій,—это неотвязное дѣло стояло таинственно и грозно, какъ тѣнь отца Гамлета, предъ смущенными взорами оторопѣвшихъ Гамлетовъ Щигровскаго и другихъ уѣздовъ, взывая объ

уничтоженіи вѣковой неправды. Одни изъ нихъ ужаснулись скоро, увидѣвъ во всемъ объемѣ это колоссальное дѣло о землѣ и волѣ и отпрянули въ ужасѣ, какъ Фаустъ, при появленіи вызваннаго имъ же духа земли; другіе безстрашно и довѣрчиво взглянули въ глаза страшному вопросу.—Но это раздѣленіе произошло впослѣдствіи, а покуда, въ первые годы освободительнаго царствованія, передовое русское общество и правящія сферы, въ общемъ, несмотря на диссонансы, представляли назидательную картину оживленнаго дружнаго приготовленія къ большому дѣлу.

Благодаря усиленно бьющемуся пульсу общественной жизни, чуть не ежедневно приходилось „дѣлать“ исторію; неустанно работавшая реторта исторіи выбрасывала чуть не цѣликомъ „дневникъ происшествій“ и текущую хронику злобъ дня въ видѣ робкихъ попытокъ къ освобожденію той или другой стороны общественной жизни со столбцовъ газетъ на страницы исторіи.

Въ числѣ этихъ „злобъ дня“ было и освобожденіе университетовъ отъ крайняго гнета, которому они подверглись съ 48-го года. На первыхъ же порахъ новаго царствованія были отмѣнены крайнія мѣры (комплектъ въ 300 человѣкъ и проч.), но ничего рѣшительнаго не предпринималось, потому что всему загораживалъ дорогу крестьянскій вопросъ. Такъ или иначе нужно было приступить къ распутыванію этого „гордіева узла“, который парализовалъ всѣ жизненныя силы Россіи. Два съ половиною года прошло въ мучительныхъ работахъ, парализуемыхъ напрасными усиліями враговъ свободы замять, затянуть этотъ роковой вопросъ. Всѣ тонкія соображенія, хитрости и угрозы крѣпостниковъ Секретнаго Комитета, думавшаго не объ уничтоженіи, а объ укрѣпленіи рабства, не повели и не могли повесть ни къ чему. Въ 57-мъ году такъ же грозно-повелительно, какъ и въ 55-мъ году, продолжалъ стоять на очереди, какъ неотвязная злоба дня, вопросъ объ отмѣнѣ рабства, за разрѣшеніемъ котораго молча, но съ крайнимъ нетерпѣніемъ слѣдило 23-милліонное крѣпостное населеніе, прекрасное и страшное въ своемъ сосредоточенно-выжидательномъ положеніи (см. главу I) и вперившее, на подобіе сфинкса, въ рабовладѣльческую Россію свой неумолимо-испытующій взоръ съ роковою угрозою на устахъ: „разрѣши, не то погибнешь!“ [1]).

Сознавая трудность положенія, государственные дѣятели новаго царствованія, довольно долго остававшіеся на старыхъ постахъ, съ трудомъ справлялись даже и съ текущими задачами новаго освободительнаго на-

[1]) Ростовцевъ писалъ въ 1859 г. Государю, что если крестьянскій вопросъ не будетъ разрѣшенъ раціонально, т.-е. крестьяне не будутъ вполнѣ освобождены отъ помѣщиковъ и надѣлены землею, то Россія *погибнетъ* отъ пугачевщины (см. Н. П. Семенова, Освобожденіе крестьянъ, II, 254).

правленія, нерѣдко сознательно или безсознательно ему противодѣйствуя [1]). Въ частности по учебному вѣдомству замѣчались скачки и противорѣчія помимо общихъ причинъ [2]) еще и потому, что стоявшій во главѣ его до марта 1857 года слабоумный, неспособный [3]) министръ не имѣлъ никакого авторитета, такъ что, напр., сравнительно второстепенный, несложный вопросъ объ изъятіи провинціальныхъ университетовъ изъ вѣдѣнія военныхъ генералъ-губернаторовъ съ трудомъ былъ проведенъ Норовымъ [4]). Но впослѣдствіи, какъ сказано, постепенно отмѣнялись несогласныя съ духомъ времени стѣсненія, допущенныя съ 1848 г. Университеты de facto понемногу заняли положеніе, бывшее до этого времени, и университетскія коллегіи стали получать снова нѣкоторое вліяніе на ходъ дѣлъ, хотя попечители попрежнему продолжали быть настоящими хозяевами. Въ этомъ отношеніи особенно благопріятно было положеніе С.-Петербургскаго университета, гдѣ попечителемъ послѣ Мусина-Пушкина былъ назначенъ въ 1858 году кн. Щербатовъ, отнесшійся весьма сочувственно не только къ автономіи профессорской коллегіи, но даже и къ зачаткамъ корпораціи студенческой [5]). Оживленіе, удивительный подъемъ силъ и освободительная горячка, наступившіе въ русскомъ обществѣ, съ оффиціальнымъ приступомъ въ концѣ 1857 года къ освобожденію крестьянъ, особенно сильно отразились и должны были отразиться на университетахъ, которые знаменитый ученый Пироговъ остроумно называетъ „лучшимъ баромет-

---

[1]) Въ августѣ былъ уволенъ министръ внутр. дѣлъ Бибиковъ. — Вскорѣ затѣмъ 9 октября падаетъ главноуп. пут. сообщ. Клейнмихель. „Палъ и уничтожился,—пишетъ ему вдогонку благонамѣренный Никитенко.—Всѣ поздравляютъ другъ друга... съ побѣдою... Въ самомъ ли дѣлѣ,—продолжаетъ Никитенко,—онъ такъ виноватъ? Ума у него столько, чтобы быть надзирателемъ тюремнаго замка. Чѣмъ онъ виноватъ? Его безжалостно опаивали почестями и властью, сдѣлавъ изъ него всевластнаго вельможу, въ насмѣшку русскому обществу“ (Никитенко, II, 22, 23). Другіе николаевскіе министры засидѣлись гораздо дольше. „Не странное ли дѣло,—писалъ въ декабрѣ 1858 г. Никитенко. — Государь видитъ въ нѣкоторыхъ лицахъ (Муравьевѣ) прямое противодѣйствіе освобожденію крестьянъ, а между тѣмъ они крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ?“ (Никитенко, II, 118).— Какъ извѣстно, гр. Панинъ досидѣлъ до 1862 г., а Муравьевъ—до 1863 г.

[2]) Никитенко неоднократно отмѣчаетъ колебанія и скачки, въ особенности относительно печати и университетовъ (Дневн. II, 48).

[3]) „Это человѣкъ благонамѣренный по сердцу, — говорилъ Государь про Норова,—но неспособный“ (Никитенко, II, 83).

[4]) Съ большимъ трудомъ удалось Норову добиться изъятія университетовъ изъ вѣдѣнія генералъ-губернаторовъ (Никитенко, II, 9, 13). Черезъ нѣсколько времени на телеграмму московск. генер.-губернат. Закревскаго о томъ, что въ Московскомъ университетѣ „бунтъ“, Александръ II уже отвѣчалъ: „не вѣрю“ (Никитенко, II, 65).

[5]) Сочиненія В. Д. Спасовича, IV, 23.

ромъ общества“ [1]). Не только въ Петербургѣ, гдѣ открытыя для всѣхъ, безъ различія возраста и пола, аудиторіи переполнялись многочисленною толпою вольнослушателей и вольнослушательницъ, но и въ провинціяхъ оживились университеты, благодаря новымъ освободительнымъ вѣяніямъ. Особенно горячо откликнулась на нихъ университетская, всегда воспріимчивая ко всему доброму и благородному, учащаяся молодежь, даже тамъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ жизни существовалъ антагонизмъ въ средѣ ея. Въ Одессѣ въ 1857 г. едва пришла вѣсть чрезъ иностранныя газеты „объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей“ студенты *первые* собрались и пили за здоровье освобождающаго и освобождаемыхъ [2]), повинуясь одному чувству воодушевленія, охватившаго разноплеменную учащуюся молодежь.

Въ Петербургѣ первоначально студенческая корпорація, съ вѣдома попечителя кн. Щербатова, получила нѣкоторую правильную организацію, преслѣдовавшую цѣли образовательныя, благотворительныя и личнаго усовершенствованія (касса, изданіе сборника, корпоративный судъ). Но печальныя событія 1861 года, созданныя частью неумѣлою [3]) дѣятель-

---

[1]) См. стр. 79 Н. И. Пирогова. Университетскій вопросъ, 1863 (оффиц. изданіе).

[2]) Тамъ же, 76.

[3]) Г. Спасовичъ, подробно излагая событія 1861 г., указываетъ, между прочимъ, какъ на одну изъ причинъ неудовольствія со стороны студентовъ, на новое правило, въ силу котораго „число освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій ограничивалось *двумя* на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа“ (см. IV т. сочиненій, 28). — Самъ пріятель попечителя Филипсона, цензоръ Никитенко, нѣсколько разъ отмѣчаетъ его неумѣлость и нераспорядительность (Дневникъ II, 299—300). Такой же отзывъ находимъ въ письмахъ К. Д. Кавелина къ Милютину (см. Лероа-Болье—Un homme d'état russe, 129) и у проф. Н. И. Пирогова и Андреевскаго (см. ниже гл. IV).—Совершенно противоположнаго взгляда на дѣло держится г. Еленевъ, который въ брошюрѣ „Студенческіе безпорядки“ усматриваетъ въ нихъ одно сплошное умоизступленіе и результатъ вліянія иностранной (sic) интриги (2, 9 и слѣд.), а также и профессоръ Григорьевъ, усвоившій точку зрѣнія автора „Панургова стада“ и „Петербургскихъ трущобъ“ (см. н. т. Спасовича, 21). Ср. отзывъ Пирогова, стр. 284.

— Сенаторъ кн. Одоевскій, говоря объ отрицательномъ настроеніи молодежи, ставитъ ее въ непосредственную связь съ язвами дореформенной жизни. „Откуда, спрашиваетъ онъ, взялось то направленіе, которое обратило на себя вниманіе правительства? Что видѣли дѣти большей, къ сожалѣнію, части семействъ? Отецъ бралъ взятки съ живого и мертваго. Для семейства это не было тайною; напротивъ, взяточникъ хвастался своими подвигами за самоваромъ, за попойкою; получивъ хорошій кушъ, онъ давалъ денегъ на платье, дѣтямъ—на *жуировку*. Теперь за тѣмъ же самоваромъ дѣти слушаютъ гореванье объ уничтоженіи крѣпостного права, иные родители отказываютъ дѣтямъ въ деньгахъ, ссылаясь на то, что теперь уже нельзя брать оброка впередъ, и на прочія тому подобныя вещи. Другіе видѣли въ дѣтствѣ всѣ ужасы помѣщичьяго права, не только наказанія,

ностью стоявшихъ во главѣ университета попечителя округа, кавказскаго боевого генерала Филипсона и министра адмирала Путятина [1]), вызвали студенческіе безпорядки, получившіе впослѣдствіи политическій характеръ, благодаря постороннему вліянію [2]). Безпорядки повлекли столкновенія [3]) попечителя съ совѣтомъ Петербургскаго университета, его закрытіе, а затѣмъ отставку, послѣ полугодового управленія, реакціоннаго министра гр. Путятина и назначеніе на его мѣсто либеральнаго, просвѣщеннаго дѣятеля съ прогрессивными взглядами А. В. Головнина, приближеннаго великаго князя Константина Николаевича, признаннаго представителя либеральной программы [4]).

Добрыя отношенія, установившіяся между попечителемъ кн. Щерба-

---

но битье холоповъ изъ одного *удовольствія бить*; видѣли, какъ помѣщики могли брать въ любовницы любую женщину, а въ случаѣ нужды отдавать мужа въ солдаты или ссылать на поселеніе; видѣли не только взятки, но и всякую неправду судей по движенію страсти или въ угоду сильныхъ, или просто пріятелей; видѣли, словомъ, противорѣчіе между общественнымъ бытомъ и тѣмъ, чему ихъ учили въ классахъ катихизиса или философіи. Это противорѣчіе не осталось безъ дѣйствія. Все это не должно ли было возбудить волненіе въ молодыхъ душахъ? Не должно ли было состояніе такого общества имъ показаться невыносимымъ? У всѣхъ на памяти, какъ самые добрѣйшіе помѣщики считали ни за что выдать дѣвку замужъ поневолѣ, подарить человѣка, напр., мастерового или красивую женщину, секретарю, у котораго производится тяжба. Что происходило у злыхъ помѣщиковъ, о томъ довольно извѣстно. Но и не старики запомнятъ, какъ иногда взыскательная барыня не только била дѣвокъ аршиномъ, но даже заставляла ихъ лизать языкомъ нечистоты, забытыя ими на полу. А изнасилованныя, а засѣченныя до смерти! Въ сенатѣ недавно судилось дѣло Вихвицкаго, повѣреннаго Кочубеевъ, который изнасиловалъ нѣсколько десятковъ женщинъ и засѣкъ до десятка мужчинъ; и все это закрывалось задаренною полиціею, врачами и судьями. А сколько дѣтей, прижитыхъ съ крѣпостными и записанныхъ въ ревизскія сказки!.. Такимъ образомъ,—заключаетъ кн. Одоевскій,—если среди молодежи замѣчается броженіе и недовольство, то это не есть слѣдствіе реформъ, а вызывается продолжающимися впечатлѣніями дореформеннаго быта, сохраняющеюся еще силою старыхъ началъ, недостаточно ослабленныхъ реформою (Русс. Арх., май 1895 г.). См. также въ прим. главы V отзывъ Каткова.

[1]) Никитенко даетъ такую характеристику направленіямъ министровъ народнаго просвѣщенія: Шахматова—помрачающее; Норова—разслабляющее; Ковалевскаго—засыпающее; Путятина — отупляющее (II, 364). Путятинъ не въ состояніи обнять ни задачъ университетовъ, ни нуждъ ихъ, ни средствъ, какъ ихъ преобразовать и улучшать (Никитенко, II, 293).

[2]) См. т. IV, Спасовича, 51.

[3]) Подробности см. въ т. IV, Спасовича, стр. 53 — 54. — Совѣтъ единогласно (въ томъ числѣ и голосъ цензора Никитенко) призналъ несправедливость правилъ о матрикулахъ, проектированныхъ гр. Путятинымъ, который намѣревался изъ университетовъ сдѣлать закрытое учебное заведеніе, доступное только богатымъ аристократамъ (тамъ же, 60—61).

[4]) См. н. д. Никитенко, II, 93.

товымъ и С.-Петербургскимъ университетомъ, имѣли чисто случайный характеръ, и они могли измѣниться, какъ и показали послѣдующія событія, съ перемѣною лицъ, стоящихъ во главѣ университета. Мысль составить взамѣнъ университетскаго устава 1835 г., отъ котораго ничего почти на дѣлѣ не осталось [1]), новый, согласный съ либеральнымъ направленіемъ, возникла еще въ 1858 г. при кн. Щербатовѣ, по предложенію котораго былъ составленъ Петербургскимъ университетомъ проектъ, пролежавшій нѣсколько лѣтъ подъ сукномъ. Онъ бы, вѣроятно, и еще

А. В. Головнинъ.

долго оставался безъ движенія, если бы не великая реформа 19-го февраля, которая, уничтоживъ рабство, произвела переворотъ въ умахъ и дала ходъ всѣмъ освободительнымъ начинаніямъ. Студенческіе же безпорядки 1861 г. дали, какъ ближайшій поводъ, новый толчекъ университетской реформѣ. Еще при гр. Путятинѣ была образована въ концѣ 1861 г. комиссія [2]) для составленія проекта. Проектъ этой комиссіи былъ

---

[1]) т. IV, Спасовича, 20.

[2]) Предсѣдатель попечитель Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) учебнаго округа ф. Брадке, С.-Петербургскаго—ген. Филипсонъ, Кіевскаго—баронъ Николаи, Казанскаго—кн. Вяземскій, Московскаго—ген. Исаковъ, бывшій помощ. попеч. Фойгтъ, бывшій ректоръ Кіевскаго унив. Бунге, профес. Петерб. унив. Ленцъ и Никитенко, Московскаго Соловьевъ и Бабстъ, Харьковскаго—Пахманъ, Казанскаго—Овсянниковъ, Дерптскаго—фонъ Эттингенъ.

опубликованъ и разосланъ во всѣ русскіе университеты и извѣстнѣйшимъ заграничнымъ ученымъ. Поступившія крайне интересныя замѣчанія (два большихъ тома) были напечатаны и переданы, по мысли А. В. Головнина, на обсужденіе состоявшаго при министерствѣ ученаго комитета главнаго правленія училищъ [1]) для составленія окончательнаго проекта, который до внесенія въ Государственный Совѣтъ былъ подвергнутъ еще разсмотрѣнію особаго „Строгановскаго комитета“ [2]) для составленія главныхъ основаній, и, наконецъ, проектъ внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ.

III.

Хотя необходимость новаго университетскаго устава была сознана съ начала новаго царствованія и задолго до студенческихъ безпорядковъ 1861 г., однако они дали непосредственный толчокъ университетскому вопросу, и это чисто внѣшнее обстоятельство [3]) сообщило, несмотря на усилія А. В. Головнина дать реформѣ болѣе раціональную и широкую постановку, особый тонъ всему дѣлу и имѣло громадное вліяніе на ходъ и отчасти на исходъ реформы, давъ несоразмѣрное значеніе полицейской точкѣ зрѣнія. Такъ какъ главную причину безпорядковъ усматривали въ существованіи студенческихъ корпорацій, то основная задача, которая ставилась уставу, сводилась къ тому, чтобы сдѣлать эти безпорядки невозможными. При этомъ выдвинуты были два плана. Одинъ изъ нихъ, принадлежавшій историку Костомарову и встрѣчавшій сочувствіе не только въ умѣренныхъ либералахъ, въ родѣ Никитенко, но и представителяхъ реакціи, какъ попечитель Филипсонъ [4]), высказывался за учрежденіе *безусловно открытыхъ* свободныхъ университетовъ, въ родѣ Collége de France, при чемъ студенты ничѣмъ не отличались бы отъ посторонней публики. Такимъ путемъ предполагалось разомъ и совершенно уничтожить [5]) почву для корпорацій, въ которыхъ усматривались остатки сред-

---

[1]) Въ составъ ея подъ предсѣдательствомъ Воронова, между прочимъ, входили профессора Андреевскій, Спасовичъ, Георгіевскій, Бекетовъ и др. (см. стр. 47—48 наз. унив. устава).

[2]) Въ составъ его входили: предсѣдатель ген.-адъют. гр. Строгановъ, ст. секр. бар. Корфъ, оберъ-гофмейстеръ бар. Мейендорфъ, шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ, министры Валуевъ и Головнинъ.—Гр. Строгановъ шелъ еще дальше реакціонной программы гр. Путятина. (Никитенко, II, 191).

[3]) Н. И. Пироговъ откровенно указываетъ на это неблагопріятное обстоятельство. См. стр. 6 наз. ст. Университетскій вопросъ.

[4]) Филипсонъ немножко неловко и слишкомъ горячо распространился, пишетъ Никитенко о преимуществахъ открытыхъ университетовъ (Никитенко II, 299).

[5]) Баронъ М. А. Корфъ предлагаетъ, пишетъ Никитенко, сдѣлать универси-

невѣковыхъ корпорацій и цеховъ, и отдать студентовъ въ вѣдѣніе общей полиціи [1]). Этотъ проектъ былъ встрѣченъ враждебно со стороны либеральнаго „Русскаго Вѣстника“ Каткова и профессоровъ: Стасюлевича, Чичерина, Андреевскаго, Спасовича, Пыпина и др. Другое непріязненное университетамъ направленіе исходило изъ противоположнаго лагеря ретроградовъ и имѣло цѣлью уничтожить университеты и, основавъ отдѣльныя спеціальныя закрытыя школы (въ родѣ школы правовѣдѣнія), перенести ихъ, по полицейскимъ соображеніямъ, въ провинціальные города.

Энергическими и талантливыми противниками противъ такихъ гонителей университетской науки выступили, между прочимъ, профессора Пироговъ, Чичеринъ и Андреевскій.

Безъ *воспитательныхъ* университетовъ,—писалъ *Чичеринъ*,—не можетъ обойтись ни одно образованное общество, потому что прямое ихъ назначеніе—давать серьезную, спеціальную подготовку людямъ, готовящимся къ важнѣйшимъ поприщамъ общественной жизни. Университетъ можетъ допускать въ свои стѣны публику, но публика въ немъ—гости, а не хозяева. Настоящіе хозяева тѣ, которые сдѣлали науку, навсегда или на время, предметомъ жизненнаго занятія, систематически изучаютъ извѣстную область наукъ. Между ними образуется необходимо связь товарищества и преданія науки: ихъ окружаетъ извѣстная *умственная атмосфера*, ассимилирующая всѣ втекающіе въ университетъ элементы, проникающая всѣхъ, отъ новопоступившаго студента до профессоровъ, оказывающая на всѣхъ могучее вліяніе и составляющая одинъ изъ необходимыхъ *воспитательныхъ элементовъ, важныхъ не менѣе самаго чтенія лекцій* [2]). Этотъ дѣйствующій благотворно университетскій духъ, ко-

---

теты совершенно открытыми для всѣхъ и каждаго, черезъ что *уничтожается самое имя* студентовъ, и такимъ образомъ прекращается ихъ корпоративное значеніе (Никитенко, II, 288).

[1]) Никитенко скорбѣлъ въ своемъ Дневникѣ о передачѣ „этихъ бѣдныхъ юношей во власть нашей грубой полиціи“ (II, 120).

[2]) Н. И. Пироговъ, впрочемъ, предостерегалъ отъ преувеличенныхъ надеждъ на университетское воспитаніе. Приписывая все хорошее въ англійскихъ лордахъ университетскому воспитанію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, забываютъ одно,—писалъ Пироговъ, — *habeas corpus*. А это одно воспитываетъ и не однихъ лордовъ *не хуже всякихъ университетовъ* (Унив. вопр. 70).—Это тонкое, глубоко вѣрное замѣчаніе Пирогова необыкновенно наглядно подтверждается исторіею Habeas corpus'a, прекрасно разсказанною въ выдающейся монографіи проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго подъ этимъ же наименованіемъ. Строгая законность и уваженіе къ личной свободѣ гражданина, съ одной стороны, равенство передъ закономъ и отвѣтственность администраціи передъ судомъ съ другой,—воспитали народъ въ Англіи такъ, что послѣдній рабочій не стѣсняется возбудить искъ за незаконное лишеніе свободы и знаетъ, что выиграетъ дѣло. У г. Дерюжинскаго разсказанъ случай, въ кото-

торый можно назвать духомъ самой науки, замѣтенъ во всѣхъ процвѣтающихъ университетахъ; онъ зависитъ не только отъ учащихъ, но и отъ *учащихся*: онъ существовалъ и въ нашихъ университетахъ, несмотря на Уставъ 1835 года, старающійся противодѣйствовать всякому внѣ лекцій общенію учащихъ съ учащимися, его слѣдуетъ не уничтожать, а подкрѣплять и поддерживать. Уничтожить, *разсыпать какъ песокъ студенчество*—значитъ то же, что *убить университетъ*, втоптать все, что въ немъ самаго благороднаго, въ обыденную *житейскую пошлость*“ [1]).

О положеніи университетовъ въ обществѣ въ связи съ вопросомъ о значеніи и смыслѣ студенческихъ безпорядковъ *Н. И. Пироговъ* писалъ слѣдующее: „Университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, и всѣ общественныя стремленія и духъ времени. Въ университетѣ два рода представителей: одни представляютъ степень просвѣщенія, другіе его молодость, его нужды, увлеченія, страсти, пороки. Все сосредоточено въ одномъ пунктѣ и потому указывается яснѣе и сильнѣе. Всѣ оттѣнки въ матеріалѣ, правда, не выразительномъ, но зато чрезвычайно емкомъ и чувствительномъ. Это положительная сторона университета. Чего въ немъ нѣтъ, того или нѣтъ въ обществѣ, или то спитъ и не живетъ духовно. Это отрицательная сторона, по которой тоже надо судить. Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. *Университетъ есть лучшій барометръ общества.* Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать, лучше все-таки смотрѣть на него и, смотря на время,

---

ромъ типографскому мальчику было присуждено присяжными съ министра за неправильный арестъ въ теченіе *шести часовъ* 300 ф. стерлинговъ (3000 р.). У насъ же „правовѣдъ“ кн. Мещерскій считаетъ обязательнымъ для *мужичья* безпрекословное исполненіе даже *незаконныхъ* требованій земскихъ начальниковъ и считаетъ *слишнымъ* поднимать вопросъ о привлеченіи ихъ къ отвѣтственности за незаконное лишеніе по 61 ст. крестьянъ свободы. Еще бы! Если сопоставить заботы объ охраненіи престижа „властной руки“ и о непогрѣшимости земскаго начальника съ требованіями авторитета закона и огражденія свободы „мужика“, то не трудно сказать, на чьей сторонѣ должны быть симпатіи просвѣщенныхъ юристовъ-тартюфовъ. Вещь извѣстная:

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ!
Такъ ведущее насъ провидѣніе
Указало... Да онъ и привыкъ...

Одичалые крѣпостники архи-благонамѣреннаго *Гражданина* въ защиту розги, какъ извѣстно, между прочимъ, высказываютъ то соображеніе, что лишеніе свободы для мужика „ничего не значитъ“!.. Какой университетъ смоетъ это глубоко въѣвшееся нравственное извращеніе, оставленное по наслѣдству крѣпостнымъ правомъ? Ср. взглядъ кн. Одоевскаго выше въ главѣ II.

[1]) См. н. замѣчанія на унив. уст., ч. 2, II, стр. 346.

дѣйствовать. Въ наукѣ есть свои повороты и перевороты, въ жизни свои; иногда и тѣ и другіе сходятся. Всѣ повороты или перевороты общества отражаются въ наукѣ и чрезъ нее и на университетѣ. Виртембергскій профессоръ стоялъ противъ злоупотребленій папской власти. На лекціяхъ Фихте выражалась готовность умереть за свободу. Только тамъ (какъ, напр., во Франціи), гдѣ политическія стремленія проникли глубоко чрезъ всѣ слои общества—они уже не ясно отражаются въ университетѣ. У насъ, напротивъ, едва повѣяло новою жизнью, едва ебщество почувствовало новыя стремленія, тотчасъ появились рефлективныя движенія въ университетѣ. Но отразительныя движенія не могли быть цѣлесообразны, а потому они перешли въ безпорядки. Анализируя эти безпорядочные рефлексы, намъ не трудно убѣдиться, что *не всѣ* въ одной мѣрѣ были безправны, безсознательны и безпорядочны“ [1]).

Самыя обстоятельныя соображенія противъ *уничтоженія* университетовъ представилъ проф. *Андреевскій* въ обширномъ докладѣ, гдѣ, между прочимъ, писалъ:

Положеніе русскихъ университетовъ въ настоящую минуту чрезвычайно похоже на положеніе германскихъ въ 30-хъ годахъ. Русскіе университеты, дѣйствующіе только съ XIX ст. (дѣятельность московскаго въ XVIII ст. чрезвычайно слаба по отношенію къ нѣкоторымъ факультетамъ), и, собственно говоря, довольно полно только съ 40-хъ годовъ, пошли по тропѣ, проложенной германскими университетами; несмотря на всѣ препятствія, на отсутствіе необходимой для университета автономіи, явившееся однимъ изъ основаній Устава 1835 года, они стремились открыть благородное служеніе наукѣ и уже принесли *неисчислимую пользу обществу*. Нельзя не вспомнить, что ими подготовлено цѣлое поколѣніе, которое *отвратилось отъ крѣпостного права* и такъ облегчило правительству совершить величайшее изъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ русской исторіи—эмансипацію [2]), ими подготовлено поколѣніе, которое сознало необходимость реформы судоустройства и судопроизводства и ждетъ уже, готовое и знающее, помочь правительству въ приведеніи и этой великой идеи въ исполненіе, ими подготовлено поколѣніе, которое разрабатываетъ самостоятельно и широко науку, изучаетъ историческія, этнографическія, географическія условія отчизны, обычаи, экономическія явленія страны, — словомъ всѣ вѣтви наукъ, въ знаніи которыхъ такъ нуждаются государство и общество. Но нужно ли перечислять, да и въ состояніи ли кто-либо исчислить тѣ дорогіе плоды, которые пожинаетъ теперь русское общество отъ дѣятельности своихъ юныхъ и еще не твердо поставленныхъ университетовъ. А между тѣмъ, когда въ университетахъ явились безпорядки, *отчасти вызванные самою же администраціею*, *отчасти обществомъ*, — безпорядки, которые легко могли бы быть подавлены самимъ университетомъ, если бы его положеніе было самостоятельнѣе, то многіе, или не зная благодѣяній университета для общества, или

---

[1]) Универ. вопросъ, стр. 75—76.

[2]) Въ извѣстной книгѣ В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ (II, 397) въ числѣ провозвѣстниковъ отмѣны крѣпостного права съ университетской каѳедры онъ указываетъ на профессоровъ К. Д. Кавелина (дворянина) и К. Д. Мейера

забывъ ихъ, начали кричать о вредѣ университетовъ для Россіи и о необходимости ихъ закрытія и замѣны спеціальными школами. Прислушиваясь къ рѣчамъ такихъ реформаторовъ, легко увидѣть, что въ ихъ возгласахъ нѣтъ чего-либо новаго и неизвѣстнаго; напротивъ, это эхо тѣхъ криковъ, которые раздавались въ 30-хъ годахъ въ Германіи, съ тою только разницею, что въ Германіи эти крики раздавались не голословно, а болѣе систематически, что нападавшіе на университетъ изложили свои доводы печатно, тогда въ защиту университета выступили мыслители такіе, какъ Шопенгауеръ, Савиньи и др. и въ своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ вполнѣ разрѣшили вопросъ объ университетахъ, занимающій въ настоящую минуту въ свою очередь и русское законодательство.

Чтобы рѣшить, не представляютъ ли университеты опасности для общества и ненужно ли ихъ замѣнить спеціальными школами, необходимо посмотрѣть, *нужна ли для общества наука, и не опасно ли ея развитіе?* Это необходимо потому, что *только* университеты представляютъ возможность самостоятельнаго и стройнаго развитія науки. Отдѣльныя спеціальныя школы, представляющія много выгодныхъ сторонъ, имѣютъ тотъ существенный недостатокъ, что не могутъ составить сферы для полнаго самостоятельнаго развитія науки; оттого цѣль спеціальныхъ школъ, какъ ниже покажемъ, совсѣмъ иная: ихъ цѣль *не движеніе науки*, а, напротивъ, примѣненіе добытыхъ наукою началъ къ практическимъ, хлѣб-

---

профессора Казанскаго университета (сына приворнаго музыканта). Одинъ изъ слушателей Мейера, академикъ П. П. Пекарскій, въ сборникѣ *Братчина* такъ характеризуетъ лекціи этого наставника юношества: „Мейеръ былъ врагъ лжи, и въ своихъ лекціяхъ онъ гнушался доказывать (см. выше стр. 239, прим. 5), что черное при извѣстныхъ обстоятельствахъ бываетъ бѣлымъ. Правдивость и откровенность Мейера были главнѣйшею причиною того обаятельнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ слушателей. Бываютъ наставники, — продолжаетъ Пекарскій, — которые вообще невысокаго мнѣнія о молодежи и думаютъ, что ихъ ученикамъ знать то или другое рано или неумѣстно. Другіе такого мнѣнія изъ расчетовъ, умываютъ руки и говорятъ: узнаютъ и безъ меня, когда будетъ нужно. Третьи, не имѣя сами никакихъ убѣжденій, не могутъ сообщить въ своихъ лекціяхъ того, чтобы выработать въ молодыхъ людяхъ истинный взглядъ на предметы. Что же выходитъ изъ того? Лекціи, не оживленныя идеей, кажутся наборомъ словъ безъ смысла или такъ безцвѣтны, что слушать ихъ утомительно. Мейеръ смотрѣлъ иначе на свою науку... Когда онъ доходилъ до отдѣла объ объектахъ имущественныхъ правъ, онъ всегда высказывалъ, что *человѣкъ*, лицо *не можетъ быть объектомъ правъ собственности*... Мейеръ при всякомъ удобномъ случаѣ и на лекціяхъ, и въ бесѣдахъ своихъ съ студентами возвращался къ основной идеѣ своей, и каждый разъ онъ употреблялъ всю силу доводовъ въ пользу своего задушевнаго принципа. Сперва этотъ принципъ озадачивалъ не мало студентовъ-помѣщиковъ, всосавшихъ съ молокомъ ложные и сантиментально-патріархальные принципы о нормальности и непреложности крѣпостного права. Несмотря, однако, на это, Мейеръ успѣлъ достигнуть того, что многіе изъ его студентовъ не только въ университетѣ, но и по выходѣ оттуда считали справедливымъ мнѣніе профессора касательно имущественныхъ правъ на лицо“. Есть достовѣрные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что ученики Мейера изъ дворянъ воздерживались отъ пріобрѣтенія „крещеной собственности“. Самъ Мейеръ не дождался освобожденія крестьянъ, этой „счатливѣйшей минуты въ жизни каждаго честнаго человѣка“.

нымъ цѣлямъ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, спеціальная школа совершенно не то, что ѳакультетъ университета. Ея положеніе, основанія и цѣли совершенно противоположныя положенію, основаніямъ и цѣлямъ ѳакультета университета. Спеціальная школа открывается правительствомъ или частными лицами съ тою цѣлью, чтобы преподавать въ ней совокупность свѣдѣній опредѣленной отрасли наукъ въ такихъ началахъ и основаніяхъ, чтобы слушатели могли по окончаніи курса примѣнить пріобрѣтенныя свѣдѣнія въ этой спеціальной жизненной дѣятельности, къ которой они приготовлялись въ школѣ. Потому самому устроеніе школы, равно какъ и способъ преподаванія, основываются на такомъ главномъ практическомъ принципѣ школы. Преподаваніе здѣсь должно имѣть цѣлью отчетливо представить голые результаты науки и, будучи отдѣльно отъ преподаванія наукъ другихъ спеціальныхъ отдѣловъ, оно не можетъ доставить слушателямъ самостоятельнаго усвоенія основныхъ истинъ науки;—это уже болѣзненная принадлежность каждой, отдѣльно дѣйствующей, спеціальной школы: въ ней наука получаетъ *значеніе хлѣбной науки.* Оттого и результаты такого преподаванія, т. е. успѣхи слушателей носятъ на себѣ отпечатокъ *хлѣбной школы.* Ихъ свѣдѣнія основываются не на живомъ анализѣ существенныхъ основаній науки, но главнымъ образомъ на памяти; оттого они не имѣютъ задатковъ, чтобы самостоятельно итти впередъ, что составляетъ признакъ дѣйствительно ученаго, но требуетъ постоянныхъ руководителей.

Нисколько не сомнѣваясь, такимъ образомъ, что наука можетъ получить свое развитіе только въ университетахъ, легко отвѣтить на вопросъ: можно ли замѣнить университеты спеціальными школами? Ихъ можно замѣнить спеціальными школами, если желать разрушать науку, признавая ее опасною для общества и государства. Не нужно доказывать аксіомы, что правильное развитіе какъ общества, такъ и государства, находится въ *прямой зависимости отъ правильнаго и самостоятельнаго господства науки:* залогъ каждой общественной и государственной дѣятельности есть дѣйствительное знаніе.

Наибольшая язва въ государствѣ и наибольшая опасность для государственной жизни, для государственнаго порядка заключается въ полузнаніи, въ поверхностныхъ свѣдѣніяхъ. Никакое разумное предпріятіе, гибельное для общественной или государственной безопасности, не будетъ страшно для государства, въ которомъ дѣйствуетъ наука: она одна только въ состояніи разоблачить ложность началъ поднимающейся грозы и разсѣять попытки практическаго ея осуществленія. Оттого-то каждое правительство имѣетъ живое призваніе содѣйствовать всѣми имѣющимися у него средствами самостоятельному развитію въ своей странѣ науки. Оно имѣетъ къ наукѣ такое же отношеніе, какъ и къ религіи. Для того, чтобы наука двигалась и развивалась самостоятельно, правительство должно предоставить ее *самостоятельному* теченію; было бы *гибельно* для правительства дать наукѣ *направленіе отъ себя.* Справедливо замѣчаетъ лордъ Брумъ, что стоитъ только въ дѣлѣ знанія немного пойти назадъ, какъ это шествіе къ регрессу начнетъ увеличиваться въ поразительной прогрессіи и, наконецъ, быстро приведетъ отъ состоянія цивилизаціи къ положенію варварства.

Оттого мы смѣло утверждаемъ, заключаетъ благородный адвокатъ университетской науки Андреевскій, что всякій, кому дорого благополучіе Россіи, кто желаетъ сохраненія государственнаго порядка, кто хочетъ своею жизнію и дѣломъ содѣйствовать верховной государственной власти, тотъ согласится, что главнѣйшее благо Россіи заключается въ точнѣйшемъ и *самостоятельномъ развитіи науки,* а слѣдовательно, въ развитіи и полнѣйшемъ усовершенствованіи Русскихъ универ-

ситетовъ, а не въ замѣнѣ ихъ спеціальными школами: замѣнить въ Россіи университеты спеціальными школами, — значитъ убить науку, а убіеніе въ Россіи науки тожественно съ разрушеніемъ ея государственной жизни, съ воцареніемъ произвола страстей и анархіи [1]).

IV.

Университеты были спасены отъ натиска великосвѣтскихъ вандаловъ съ безукоризненными манерами. Вслѣдъ за этимъ возникъ вопросъ объ ихъ устройствѣ. Вредъ, причиненный уничтоженіемъ въ 40-хъ годахъ университетской автономіи въ пользу попечительскаго полновластья, былъ такъ для всѣхъ очевиденъ, что почти единогласно признана была всѣми, съ министромъ А. В. Головнинымъ во главѣ, необходимость университетскаго самоуправленія.

Составители проекта новаго Устава въ объяснительной запискѣ указывали, что цѣлью его было усилить *самодѣятельность* ученаго университетскаго сословія и вліянія его на студентовъ. Въ многочисленныхъ *Замѣчаніяхъ*, поступавшихъ отъ разныхъ ученыхъ и педагоговъ и сохранившихъ доселѣ живой интересъ, весьма обстоятельно разъясненъ этотъ радикальный вопросъ университетскаго самоуправленія какъ съ исторической и практической, такъ и теоретической точекъ зрѣнія.

Въ отзывѣ совѣта *Харьковскаго* университета и члена его проф. *Каченовскаго* съ большою рельефностью указанъ вредъ бюрократическаго попечительскаго полновластья.

Изъ исторіи университетовъ извѣстно, писалъ Совѣтъ, что они были поставлены въ самое неопредѣленное отношеніе къ попечителю округа. Попечительская власть, вначалѣ отдаленная и едва замѣтная, мало по малу вторглась во внутреннюю жизнь университетовъ, стѣснила дѣятельность коллегій и затронула самый составъ профессоровъ. Кромѣ разныхъ злоупотребленій, отсюда произошло безсиліе университетовъ въ ихъ ученой и административной дѣятельности. Дорога къ самоисправленію была для нихъ почти закрыта. Все зависѣло отъ личности попечителя, или, другими словами, отъ *счастливаго случая*. Между тѣмъ никакое учебное заведеніе не можетъ итти впередъ отъ однихъ, такъ сказать, внѣшнихъ толчковъ; нужно, чтобы оно имѣло внутренніе крѣпкіе и самодѣятельные органы, чтобы его составъ былъ огражденъ отъ посторонняго вліянія, обновлялся по закону, чтобы перемѣны въ немъ происходили правильно и спокойно. Для этого совѣтъ призналъ необходимымъ, чтобы опредѣленіе и увольненіе какъ профессоровъ, такъ и доцентовъ, происходило впредь безъ всякаго вмѣшательства попечителя. Прямое и непосредственное участіе факультета и совѣта въ избраніи лицъ на эти должности при полной гласности и съ утвержденіемъ министра, по мнѣнію совѣта, совершенно достаточно, чтобы университетъ отвѣчалъ требованіямъ

---

[1]) См. Журналы засѣданія ученаго Комитета глав. управ. училищъ по проекту Общаго Уст. Росс. Унив. С.-Пб. 1862 (оффиц. изданіе Прилож. № 1, стр. 3—16).

общества и государства. Такъ какъ попечитель не можетъ судить о научныхъ и педагогическихъ достоинствахъ профессоровъ, то его голосъ при этомъ совершенно не нуженъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, лишнія инстанціи и формальности тамъ, гдѣ главное дѣло стоитъ въ устраненіи всякой протекціи и всякаго сильнаго заступничества? Если нѣкоторые думаютъ, что въ самыхъ факультетахъ могутъ быть интриги, которыми будто бы устраняются отъ должностей люди, независимые въ мнѣніяхъ и достойные въ пользу смиренныхъ и угодливыхъ,—противъ этого университетъ имѣетъ силу защитить себя, учреждая конкурсы и публичныя состязанія между кандидатами. Власть попечительская не должна имѣть этого характера; она не можетъ устраивать, разрушать, измѣнять по произволу, но должна дѣйствовать спокойно, такъ сказать, охранительно защищать законъ и потому должна быть проникнута началами законности въ высшей степени. Попечители округа отнынѣ не должны имѣть тѣхъ атрибутовъ, которые имъ принадлежали въ послѣднее время. Университеты пострадали отъ ихъ вмѣшательства собственно потому, что оно не было опредѣлено точными границами. Уставъ 1804 года, сколько мы можемъ судить, еще не далъ имъ начальническихъ правъ; права эти были усвоены не ранѣе, какъ въ концѣ царствованія Александра I-го, когда эти лица получили дискреціонную власть. Затѣмъ уставъ 1835 г. измѣнилъ положеніе университетовъ въ духѣ единоначалія и бюрократіи; попечителемъ дано было право судить даже о способностяхъ, благонравіи и прилежаніи профессоровъ, представлять ихъ къ наградамъ и повышеніямъ, къ опредѣленію и увольненію—что уже совершенно несовмѣстно съ достоинствомъ ученой коллегіи. Какія отсюда произошли послѣдствія, всякому извѣстно. Не только управленіе, хозяйство, полиція, но даже судъ, т.-е. всѣ отрасли власти перешли въ руки попечителя. Было время, когда, можно сказать, судьбы науки и просвѣщенія рѣшались въ *канцеляріи* попечителя чиновниками, не имѣвшими никакого понятія объ университетѣ, которые никогда въ немъ не учились и не привыкли уважать его Изъ попечителей, которые управляли Харьковскимъ учебнымъ округомъ, многіе, говоря по справедливости, не скрывали своего презрѣнія къ профессорскому званію, тѣснили и раздражали студентовъ, распоряжались университетомъ произвольно, смотрѣли на науку и ученыя заслуги свысока, надменно и гордо. Если на насъ дѣйствуетъ сколько-нибудь опытъ, то мы должны желать, чтобы эти времена не возвратились. Намъ говорятъ, что они прошли навсегда. Этому можно не вѣрить: общественныя злоупотребленія имѣютъ свойства *при первомъ удобномъ случаѣ неожиданно возникать*. Прошло то, что запрещено закономъ, наприм., крѣпостное состояніе. И такъ, нужно стараться оградить себя и свое достоинство противъ посягательствъ путемъ закона. Поэтому совѣтъ университета считаетъ долгомъ заявить въ уставѣ спокойно и сознательно свои мнѣнія о попечительской власти и положить ей точныя границы. Опираясь на приглашеніе къ откровенному обсужденію университетскихъ вопросовъ, совѣтъ полагаетъ, что попечитель округа, сохраняя свое названіе и значеніе по училищному вѣдомству, не долженъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла университета [1]).

Подробный разборъ проекта далъ знаменитый педагогъ и ученый авторъ „Вопросовъ жизни“ *Н. И. Пироговъ* сначала въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній, а потомъ въ большой статьѣ „Университетскій вопросъ“, разсматривающей всѣ важнѣйшія стороны университетскаго быта. „Всѣ со-

[1]) См. ч. II, назв. Замѣчаній, ст. 267—300.

гласны въ томъ, — писалъ Пироговъ, — что университетъ не можетъ не быть коллегіальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, коллегія представляетъ болѣе ручательствъ противъ личнаго произвола... Въ централизованномъ государствѣ вся автономія университета можетъ состоять только въ томъ, чтобы его сдѣлать *какъ можно менѣе бюрократическимъ и какъ можно менѣе зависимымъ отъ бюрократіи*. Автономія и чиновничество не идутъ вмѣстѣ. Въ наукѣ есть своя іерархія; сдѣлавшись чиновною, она теряетъ свое значеніе. *Именно у насъ*, чтобы дать университетамъ настоящую самостоятельность, и нужно поставить его *внѣ* (курс. подл.) всего іерархическаго строя. Пусть свѣтитъ оттуда“ [1]).

Требуя такимъ образомъ въ широкихъ размѣрахъ автономіи для университетскихъ коллегій, Н. И. Пироговъ находитъ однако, что автономія не убережетъ ихъ отъ общихъ болѣзней всѣхъ корпорацій—отъ непотизма и стремленія къ личной выгодѣ. Непотизмъ ведетъ къ застою, застой—къ упадку. Противъ этого зла Пироговъ рекомендовалъ только два надежныя средства: общественное мнѣніе и конкуренцію, постоянно образующую резервуаръ свѣжихъ силъ.

Общественное мнѣніе въ дѣлахъ университетскихъ корпорацій, по мнѣнію этого знатока дѣла, должно быть допущено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и ему слѣдуетъ представить полную и всестороннюю свободу проявленія. Это общественное мнѣніе для университетовъ можетъ быть трехъ родовъ: оно образуется или въ ученомъ сословіи, или въ образованной части общества, или, наконецъ, между самими учащимися. До сихъ поръ у насъ мнѣніе одного университета, несмотря на общій уставъ или, можетъ быть, вслѣдствіе устава, мало вліяетъ на другой: между ними есть только формальная связь, — духовной же или внутренней не существуетъ. Поэтому *гласность* въ университетскихъ дѣлахъ и *съѣзды профессоровъ* у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, необходимы, если мы хотимъ развить общественное мнѣніе нашего ученаго микрокозма. Необходимо также стараться усилить научную связь университетовъ съ академіей наукъ, которая до сихъ поръ поставлена у насъ въ какое-то исключительное положеніе. Общественное мнѣніе нашего образованнаго меньшества также слабо. Направленіе учебной дѣятельности университетовъ не приноровлено къ потребностямъ общества, поэтому общество мало заботится объ университетахъ, точно такъ же, какъ и университеты, безгласные, несамостоятельные, но нисколько независимые отъ общества, мало заботятся о мнѣніи общества. Поэтому необходимо сдѣлать университеты не только самостоятельными, но и общественными; необходимо, чтобы университеты *обнародили* науку и разлили свѣтъ ея на большія пространства съ по-

---

[1]) Универ. вопр., стр. 19—20.

мощью публичныхъ лекцій, усиленія прикладной стороны преподаванія и другихъ средствъ. Нужно все употребить, чтобы сблизить общество съ университетомъ и развить общественное мнѣніе, необходимое для его жизни. Но для этого необходима гласность, безъ которой всѣ мѣры будутъ непрочны. Автономія безъ гласности немыслима; безъ гласности она не устоитъ, выродится и вынесетъ на свѣтъ одни недостатки.

Также немыслимъ автономическій университетъ и безъ *общественнаго мнѣнія учащихся*. Университетъ обязанъ прислушиваться къ ихъ голосу, въ которомъ, несмотря на всѣ увлеченія, онъ всегда услышитъ довольно правды, чтобы оцѣнить достоинства своихъ преподавателей, и этотъ голосъ будетъ для него всегда однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ противъ отсталости и застоя. Поэтому Н. И. Пироговъ находилъ нужнымъ для университетской аудиторіи возможность выражать, если не чувства, то *мнѣніе* приличнымъ и законнымъ образомъ. При гласности аудиторія можетъ выразить свое мнѣніе печатно, а то и не доводя до этого, ей нужно дать право высказаться предъ коллегіей или предъ лицомъ ея представителей. Аудиторія можетъ изложить свои требованія на письмѣ или словесно черезъ депутатовъ. Запрещеніе выражать свое мнѣніе ни къ чему не поведетъ: если запретить аудиторіи выражать свое мнѣніе законнымъ образомъ, то нужно ожидать выраженій незаконныхъ, взрывовъ и безпорядковъ [1]).

Горячимъ сторонникомъ автономіи университетской выступилъ тогдашній попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа *И. Д.* (*впослѣдствіи графъ*) *Деляновъ*. Считая несвоевременнымъ изданіе новаго полнаго Устава, г. Деляновъ считалъ, однако, необходимымъ уничтожить одинъ изъ главныхъ недостатковъ дѣйствовавшаго Устава — недостатокъ *автономіи совѣта*. „Хотя въ проектѣ новаго Устава,—писалъ онъ,—и расширены права совѣта, но, кажется, слѣдовало бы ихъ расширить *еще болѣе*, принявъ за главное основаніе, что все внутреннее управленіе и отвѣтственность по оному, вмѣстѣ съ надзоромъ за студентами, должны быть сосредоточены *въ совѣтѣ*, предоставя власть распорядительную и исполнительную ректору, который въ качествѣ предсѣдателя совѣта и правленія и имѣя подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ канцелярію университета, будетъ стоять во главѣ его. Попечителю же оставить только высшее наблюденіе по управленію университетомъ и т. п.“. Говоря въ частности о правѣ совѣта избрать кандидата на вакантныя профессорскія каѳедры, г. Деляновъ возражалъ противъ, допущеннаго въ проектѣ, права министра назначать профессоровъ по собственному выбору. „Предоставленіе такого права назначать въ профессоры на вакантныя каѳедры по своему собственному

[1]) См. тамъ же, 37—39.

усмотрѣнію едва ли должно быть допущено,—писалъ г. Деляновъ,—потому что этимъ *уничтожается* одно изъ *важнѣйшихъ* правъ университетскаго совѣта. Министру должно быть предоставлено право отвергать одобренный попечителемъ выборъ совѣта, но затѣмъ избраніе новаго кандидата должно быть предоставлено совѣту“ [1]).

V.

Въ „Замѣчаніяхъ“ на проектъ находимъ обильный матеріалъ и по организаціи академической жизни. И тутъ *Н. И. Пироговъ* представилъ очень интересныя соображенія. Считая необходимымъ увеличеніе содержанія профессоровъ и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, Пироговъ далекъ былъ отъ мысли видѣть въ нихъ *всю сущность* университетскаго вопроса. „На одно улучшеніе матеріальнаго быта расчитывать нельзя,—писалъ онъ,—точно такъ же, какъ нельзя расчитывать и на то, что усиленныя вспомогательныя средства, богатыя библіотеки, обширные музеи, огромныя лабораторіи одни могли возбудить интересъ къ наукѣ (извѣстно, что самъ Пироговъ учился дѣлать операціи на брюквѣ). Они истинно плодотворны только тогда, когда появляются въ университетской жизни, *какъ слѣдствіе*, а не какъ причина научной дѣятельности. Гдѣ господствуетъ *духъ науки*, тамъ творится *великое и малыми средствами*, а потому ошибочно приписывать причину *апатіи* и и застоя въ нашей университетской жизни недостаточности матеріальныхъ средствъ [2]).

Для поднятія научнаго духа университетовъ необходима, — говорилъ Пироговъ,—*свобода изслѣдованія, свобода обученія и ученія* (Freiheit der Forschung, Lehr-und-Lern-Freiheit). Пироговъ возражалъ противъ обязательности посѣщенія лекцій и экзаменовъ, а такъ же, какъ и И. Д. Деляновъ, противъ обязательности богословія, утверждая, что обязательность для массъ переходитъ въ безплодную формальность, а для избраннаго меньшинства иногда вредитъ, мѣшая свободному развитію научной дѣятельности и талантовъ. Припоминая время своей юности, Пироговъ говоритъ: „меня самого экзамены парализовали: ничего я такъ скоро не забывалъ, какъ то, что обязанъ былъ приготовить къ экзамену; лѣтъ 30 послѣ этого, если я ночью пробуждался отъ непріятнаго чувства—то это почти всегда было приготовленіе къ экзамену во снѣ“.

По вопросу объ *обезпеченіи свободы преподаванія*, почти вовсе не за-

---

[1]) См. ч. I, назв. Замѣчаній, стр. 221—226.

[2]) См. Унив. вопр., стр. 12.

тронутому проектомъ, нашъ знаменитый ученый и публицистъ академикъ [1]) *А. Н. Пыпинъ* сдѣлалъ подробныя замѣчанія, въ которыхъ указывалъ на необходимость серьезной постановки этого вопроса.

„Въ изложеніи многихъ предметовъ (напр., нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ, исторіи всеобщей и русской, исторіи литературы всеобщей и русской, политической экономіи, разныхъ юридическихъ и политическихъ наукъ,—словомъ, цѣлой массы предметовъ университетскаго преподаванія),—писалъ онъ,—преподаватели, излагая даже самыя элементарныя положенія европейской науки, рискуютъ подвергаться со стороны людей и властей постороннихъ, вмѣшивающихся не въ свое дѣло,—нареканіямъ въ крайней свободѣ мнѣній, нарушеніи тѣхъ или другихъ общепринятыхъ понятій и т. п. Примѣры подобнаго рода бывали не разъ: лекція профессора похищалась, доносилась въ испорченномъ видѣ какому-нибудь постороннему начальству, отъ профессора требовали объясненій, для него, конечно, весьма непріятныхъ, потому что, въ сущности, профессоръ, чтобы доказать свое право говорить то или другое, долженъ былъ объяснять совершенно элементарныя вещи тѣмъ людямъ, которые требовали объясненій и на дѣлѣ были весьма *мало способны судить о предметѣ*. Все это можетъ ставить профессора въ положеніе весьма затруднительное: онъ лишается возможности ясно говорить о вещахъ, которыя хотя и принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ положеніямъ науки, но которыя незнакомы его *постороннимъ судьямъ* и кажутся имъ непозволительны. Были случаи, что профессору всеобщей исторіи становилось невозможно почти излагать исторію паденія Рима и появленія христіанства (потому

---

[1]) Избраніе проф. А. Н. Пыпина въ академики имѣетъ любопытную исторію, о которой передаетъ нѣкоторыя подробности Никитенко, человѣкъ далеко не солидарный съ нимъ по политическимъ убѣжденіямъ. „Пыпинъ—человѣкъ почтенный и почтенный ученый, — пишетъ Никитенко, — онъ участвуетъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, который находится въ оппозиціи съ мин. нар. просв. гр. Д. А. Толстымъ, и притомъ Пыпинъ не приверженецъ классицизма и Каткова: ужъ не въ этомъ ли *вся его вина* въ глазахъ нѣкоторыхъ?“ Несмотря на сильную агитацію Каткова, Пыпинъ былъ выбранъ въ адъюнкты академіи 25-ю шарами противъ 9-ти. Такое почетное избраніе проф. Пыпина еще болѣе разозлило его противниковъ. Снаряжена была особая комиссія изъ графовъ Строганова, Толстого, Шувалова, Литке и Валуева для провѣрки (!) *правъ* А. Н. Пыпина на академическое кресло.—А. Н. имѣлъ великодушный тактъ освободить почтенную комиссію отъ непосильной ей задачи и самъ отказался отъ званія академика (см. Никитенко, III, стр. 277, 280).—Какъ извѣстно, 29-го декабря 1891 г. проф. Пыпинъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты академіи, а 5-го февраля 1892 г. получилъ большую золотую медаль отъ Импер. Русскаго Географическаго Общества за одинъ изъ своихъ монументальныхъ трудовъ—Исторія русской этнографіи (см. тамъ же, прим. ред).

что онъ руководился не книгой, изданной для духовныхъ училищъ), профессору русской исторіи запрещали говорить о русскихъ ересяхъ пятнадцатаго столѣтія на томъ основаніи, что это будто бы относится только къ церковной исторіи, и люди свѣтскіе не должны ея касаться, другому профессору русской исторіи дѣлали выговоръ за то, что въ своемъ курсѣ онъ говорилъ о старинныхъ вѣчахъ и соборахъ и этимъ намекалъ будто бы на необходимость конституціи (!), на одного профессора-юриста доносили, что онъ слишкомъ свободно говоритъ объ остзейскихъ учрежденіяхъ и т. п. [1]).

Я очень понимаю,—продолжалъ проф. Пыпинъ, — что въ наше время еще невозможно требовать для русскаго университета даже той свободы преподаванія, какая существуетъ въ большей части европейскихъ универ-

---

[1]) Что такіе случаи были не рѣдки, тому лучшимъ доказательствомъ служатъ отмѣтки въ Дневникѣ цензора Никитенко. „На-дняхъ министръ получилъ изъ Казани,—пишетъ онъ 19-го іюня 1855 г.,—*безыменное* письмо, написанное *безграмотно* и наполненное гнуснѣйшими доносами на Казанскій университетъ. Письмо по тону и содержанію не заслуживало *ни малѣйшаго* вниманія, и министръ, не желая давать оффиціальнаго хода, частнымъ образомъ показалъ его Дуббельту (пом. начальн. III отдѣленія), который, съ своей стороны, нашелъ его заслуживающимъ *одного презрѣнія*. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Министръ получилъ отъ графа Орлова (начальн. III отдѣленія) отношеніе, изъ котораго видно, что доносъ произвелъ впечатлѣніе. Это очень огорчило Авраама Сергѣевича (министра Норова). Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прочесть письмо, чтобы увидѣть, что его писалъ какой-нибудь невѣжда и мерзавецъ изъ личной ненависти къ кому-нибудь изъ университетскихъ, хотя оно и подписано *титуломъ*, но безъ фамиліи. Кажется, подобную бумагу слѣдовало бы бросить просто въ огонь. Между тѣмъ, мы съ добрый часъ провозились, придумывая, какъ лучше отвѣчать на полученное отношеніе“ (II, 13, 14). Доносъ возымѣлъ свое дѣйствіе: черезъ недѣлю Норовъ, по Высочайшему повелѣнію, отправился ревизовать Казанскій университетъ (тамъ же II, 18).—Подъ 18-мъ сентября того же 55-го года Никитенко заноситъ въ Дневникъ: „Секретный разговоръ съ министромъ объ одномъ изъ нашихъ профессоровъ (Утинъ, Спасовичъ, Костомаровъ или Кавелинъ?), который будто бы проповѣдуетъ либерализмъ съ каѳедры: объ этомъ *кто то* донесъ министру. Спрашивалъ моего мнѣнія. Чтобы не дать искрѣ разгорѣться, я взялся переговорить съ ректоромъ. Тутъ, конечно, нѣтъ намѣренія, а или неосторожность, или ложное истолкованіе словъ. Какъ бы то ни было, это очень непріятное дѣло, и *достойный* человѣкъ можетъ *пострадать*, а мы и такъ не богаты подобными людьми“ (тамъ же, II, 23).—Тотъ же проф. Никитенко далѣе передаетъ со словъ графа Блудова не безынтересныя и точныя свѣдѣнія изъ исторіи печальной памяти III отдѣленія: Булгаринъ (литераторъ) участвовалъ въ службѣ по тайной полиціи во время Бенкендорфа... Въ это же время въ одномъ изъ докладовъ III отдѣленія обвинены были въ *крайнемъ либерализмѣ* кн. Вяземскій (впослѣдствіи тов. мин. народн. просв.), министръ юстиціи (!) Дашковъ (въ концѣ 20-хъ годовъ) и самъ гр. Блудовъ (!!) (тамъ же, II, 50). Какъ извѣстно, гр. Закревскій заподозрилъ политическую благонадежность даже митрополита Филарета (Міръ Божій 1897, № 7).

ситетовъ; но во всякомъ случаѣ желательно, чтобы сдѣлано было по крайней мѣрѣ то, что возможно.

Если правительство находитъ преподаваніе извѣстныхъ вещей опаснымъ и непозволительнымъ въ Россіи, то гораздо лучше прямо запретить ихъ, какъ запрещали прежде философію: это было, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Но дозволять преподаваніе предмета и каждую минуту, когда вздумается, дѣлать нападенія на профессора за свободныя мнѣнія, за нарушеніе тѣхъ или другихъ общепринятыхъ предразсудковъ,—это будетъ значить ставить профессора въ совершенно безвыходное положеніе, заставлять его лицемѣрить и маскировать науку, для знакомства съ которой то же самое правительство даетъ часто средства путешествіями по Европѣ, и для преподаванія которой само правительство даетъ профессору его каѳедру. Конечно, такихъ случаевъ было еще немного, но ихъ можетъ явиться цѣлая масса, что и оправдалось впослѣдствіи,—если людямъ ретроградnаго свойства придетъ въ голову открыть походъ противъ университетскаго преподаванія.

Министерство, не давая совѣту право и обязанность наблюдать за преподаваніемъ профессоровъ, имѣетъ самодостаточную гарантію въ правильности и легальности преподаванія и своимъ вліяніемъ можетъ устранить вмѣшательство постороннихъ вѣдомствъ и поставить университетское преподаваніе подъ свой авторитетъ, который, конечно, не долженъ быть нарушаемъ непризванными судьями этого рода. Этотъ просвѣщенный авторитетъ, не допускающій чужого вмѣшательства какъ въ преподаваніи, такъ и въ другихъ положеніяхъ и обстоятельствахъ университетской жизни, при сильной автономіи самихъ университетовъ, при уваженіи къ общественному мнѣнію, при уваженіи къ стремленіямъ научнаго изслѣдованія, дастъ, безъ сомнѣнія, самые вѣрные залоги будущаго развитія нашихъ университетовъ“ [1]).

Вопроса о границахъ академической свободы коснулся и *г. Георгіевскій*, дѣлавшій въ Ученомъ Комитетѣ докладъ по этому предмету. По поводу сдѣланнаго профессорами Московской Духовной Академіи предложенія вмѣнить преподавателямъ въ обязанность „излагать порученный имъ предметъ согласно съ современными требованіями науки, въ какой мѣрѣ онѣ *не противорѣчатъ* истинамъ христіанской религіи и основаніямъ нравственности и общественнаго порядка“. Г. Георгіевскій полагалъ, что „такъ какъ эти истины и основанія и безъ того уже достаточно охраняются общими законоположеніями Россійской имперіи, которыя простираются столько же на преподавателей, какъ и на всѣхъ гражданъ, то внесеніе такого дополненія представляется излишнимъ и даже вреднымъ, такъ какъ

---

[1]) См. ч. I, стр. 152 н. Замѣчаній.

оно можетъ дать поводъ думать, будто бы истины христіанской религіи и основанія нравственности и общественнаго порядка несовмѣстны со многими результатами современной науки“ [1]).

Нѣкоторыхъ сторонъ академической жизни коснулся въ своемъ отзывѣ и г. (*впослѣдствіи графъ*) *Деляновъ*. Такъ онъ возражалъ настойчиво противъ тенденціи проекта затруднить доступъ въ университетъ вольнослушателямъ установленіемъ стѣснительнаго условія въ видѣ достиженія 21-го года. „Чрезъ это,—писалъ онъ,—многіе молодые люди, не проходившіе гимназическаго курса, но посвятившіе себя изученію какой-либо науки или промышленному занятію, будутъ лишены возможности совершенствоваться въ избранной ими спеціальности только потому, что не достигли 21-го года, съ другой стороны, лишатся также возможности наслаждаться преподаваніемъ извѣстныхъ и даровитыхъ профессоровъ и такіе молодые люди, которые пожелали бы слушать ихъ безъ особой цѣли, хотя просто для препровожденія времени. Кажется, для общества и для общественной нравственности гораздо полезнѣе, чтобы наполнялись аудиторіи университетскія, нежели публичныя гулянія, трактиры и тому подобныя мѣста. Это насильственное (sic) удаленіе отъ университетовъ всѣхъ ищущихъ званія или находящихъ удовольствіе слушать любимыхъ ими преподавателей единственно по недостиженію ими совершеннолѣтія будетъ имѣть весьма *вредное* вліяніе *и на преподаваніе*: профессоръ, находясь постоянно предъ своими слушателями студентами, привыкаетъ къ нимъ, какъ къ семьѣ своей; зная, что доступъ постороннимъ въ его аудиторію сопряженъ съ большими затрудненіями, онъ легко привыкнетъ *не приготовляться* къ лекціямъ и *повторять одно и то же* въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. *Открытость* университетовъ съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ установленныхъ для того финансовыхъ правилъ есть *лучшее* средство поддержать преподаваніе на той высотѣ, на которой оно должно стоять для того, чтобы удовлетворить современнымъ требованіямъ науки и общества. Что касается мысли, что отъ сближенія постороннихъ слушателей съ студентами происходили и будутъ происходить безпорядки въ университетѣ, то это есть *предубѣжденіе*, рѣшительно ни на чемъ не основанное. Опытъ доказалъ совершенно противное, по крайней мѣрѣ, по университету С.-Петербургскому. Университетское начальство можетъ, положа руку на сердце, сказать, что посторонніе слушатели никогда не нарушали въ немъ порядка и что тѣ, которые приписываютъ имъ грустныя событія послѣдняго времени, находятся въ совершенномъ заблужденіи“.

Упомянувъ затѣмъ вскользь, что арестъ какъ наказаніе „болѣе или менѣе

---

[1]) См. н. Журналы Ученаго Комитета, стр. 217.

дѣтское“, неудобно примѣнять къ студентамъ, г. Деляновъ признаетъ полезнымъ, чтобы былъ командированъ, въ качествѣ депутата, профессоръ на слѣдствіе по политическимъ дѣламъ, къ коимъ привлекаются студенты. „Профессоръ, какъ бывшій самъ студентомъ, могъ бы представить эти дѣйствія въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Я знаю, по собственному опыту,—заканчиваетъ *г. Деляновъ*,—многихъ молодыхъ людей, которые, бывши студентами, впадали въ крайности, за которыя, въ случаѣ производства формальнаго слѣдствія, могли бы быть наказаны по всей строгости законовъ; но эта строгость была бы въ отношеніи къ нимъ огромною несправедливостью и политическою ошибкою, ибо поразила бы невозвратно въ своемъ зародышѣ отличныхъ людей, которые теперь сами смѣются надъ своими увлеченіями и клеймятъ (sic) ихъ именемъ Донъ-Кишотизма“ [1]).

Любопытно также разсужденіе и заключеніе Ученаго Комитета *о допущеніи* сторонніхъ слушателей и *женщинъ* въ университетъ, *единогласно* принятое и внесенное въ объяснительную записку къ проекту. „Наши университеты съ давняго времени,—пишетъ Ученый Комитетъ,—сдѣлались заведеніями не только воспитательными, но и общеобразовательными; ихъ стали посѣщать люди посторонніе, любознательные, находящіе наслажденіе въ трудѣ мысли и посвящающіе ему свободныя отъ занятій минуты. По всеобщему убѣжденію, высказанному въ собранныхъ на проектъ Устава мнѣніяхъ, нельзя устранить изъ университета публику, не причинивъ чрезъ то *существеннаго вреда народному просвѣщенію и не повредивъ самимъ университетамъ*, какъ его разсадникамъ. Присутствіе публики весьма полезно потому, что оно служитъ средствомъ распространенія въ массахъ истинъ, добытыхъ наукою, но и потому, что оно *не даетъ преподавателямъ заснуть на лаврахъ*, читать одно и то же по тетрадкамъ, разъ навсегда заготовленнымъ, заставляетъ ихъ работать и обновлять свое преподаваніе“ [2]).

При допущеніи публики на лекціи,—писалъ Ученый Комитетъ,—*нѣтъ основанія устранять женщинъ*, ссылаясь при этомъ на мнѣнія компетентныхъ судей въ этомъ дѣлѣ — совѣтовъ коренныхъ русскихъ университетовъ. Всѣ университеты, *за исключеніемъ одного*, высказались положительно въ пользу допущенія женщинъ не только къ слушанію лекцій, но и къ испытаніямъ на ученыя степени. Противнаго мнѣнія былъ одинъ только университетъ *Московскій* (къ нему присоединился и Дерптскій), да и тотъ не подкрѣпилъ этого мнѣнія никакими уважительными

---

[1]) См. н. Замѣчанія, ч. I, стр. 228—230.

[2]) См. стр. 101 — 103 Проекта Общ. Устава Росс. Унив. Спб. 1862 г. (оффиц. изданіе).—Примѣчаніе къ ст. 100 Проекта, разрѣшавшее доступъ женщинамъ въ университетъ, было вычеркнуто „Строгановскою“ коммиссіей.

мотивами, а отозвался только, что присутствіе женщинъ „можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей“.

Самый обстоятельный отзывъ по вопросу о высшемъ женскомъ образованіи представилъ Совѣтъ С.-Петербургскаго университета, основываясь на заключеніи своей Комиссіи (въ составѣ проф. А. Савича, К. Д. Кавелина, М. М. Стасюлевича и К. Голстунскаго). Вотъ что, между прочимъ, писалъ Совѣтъ [1]).—„Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ курсовъ,—говорится въ отзывѣ университета,—могло представлять, и въ нѣкоторыхъ странахъ до сихъ поръ представляетъ, только одно препятствіе, а именно—*новости самаго явленія и исторической привычки* къ противоположному порядку дѣла. Англійскіе, французскіе и нѣмецкіе университеты не допускаютъ присутствія женщинъ на своихъ лекціяхъ по историческому преданію, сложившемуся въ монастырскую эпоху средневѣковыхъ университетовъ; не говоря о допущеніи женщинъ, для Оксфордскаго университета можетъ еще и теперь существовать, какъ серьезный вопросъ, вопросъ о разрѣшеніи студентамъ носить, вмѣсто полумонашескаго костюма, костюмъ свѣтскій. Другіе западные университеты въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, давно уже сдѣлали шагъ впередъ; но по отношенію вопроса о допущеніи женщинъ въ свои аудиторіи они продолжаютъ носить монастырскую форму. Только одна эпоха „возрожденія“ въ XV и XVI вѣкѣ представляла исключеніе въ этомъ случаѣ, и женщины тогда не только изучали университетскіе курсы, но нерѣдко и читали ихъ съ каѳедры профессоровъ. Мы въ своемъ запрещеніи не имѣли бы даже и историческаго оправданія, оно перенесено было къ намъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ другими университетскими формами, и не стояло потому въ связи съ нашимъ общественнымъ духомъ, ни съ гражданскимъ и юридическимъ порядкомъ вещей. Наконецъ, насъ не можетъ удерживать непривычка и новость, потому что въ теченіе послѣднихъ двухъ, трехъ лѣтъ аудиторіи С.-Петербургкаго университета были посѣщаемы лицами женскаго пола въ большомъ числѣ. Потому, на основаніи опыта, мы можемъ утверждать, что присутствіе дамъ въ аудиторіи не только никогда не подавало повода ни къ какому безпорядку, но даже напротивъ, могло держать студентовъ въ предѣлахъ самаго строгаго приличія. Точно также дамы не могли никогда препятствовать ученому систематическому изложенію вопросовъ науки съ каѳедры, потому что не профессора приходятъ читать дамамъ, а дамы приходятъ слушать профессоровъ. Если бы профессоръ былъ стѣсненъ присутствіемъ дамы, на основаніи предположенія неподготовленности и неразвитости, то для него

---

[1]) См. н. Замѣчанія, ч. II, стр. 253.

не менѣе должно быть стѣснительно присутствіе вольнослушателей, которыхъ познанія и развитость ему одинаково неизвѣстны. Между тѣмъ ни одинъ профессоръ не жаловался на присутствіе вольнослушателей въ своей аудиторіи. Если женщинѣ дано право быть читательницею книги, авторомъ произведенія, то на какомъ основаніи можно ей отказать въ правѣ быть слушательницей лекцій? Профессоръ можетъ напечатать свои лекціи; думаетъ ли онъ при этомъ, что его напечатанная лекція не должна попасться въ руки женщины? Отчего же его могла смущать мысль, что при прочтеніи этой же самой лекціи можетъ присутствовать женщина. Различіе только въ органѣ воспріятія. Ни одинъ профессоръ не сдѣлалъ при изданіи своихъ лекцій запрещенія дамамъ читать ихъ; почему же онъ могъ бы искать такого запрещенія при устномъ ихъ прочтеніи?

„Но, кромѣ отсутствія препятствій къ посѣщенію лекцій лицами женскаго пола, совмѣстность такого посѣщенія лекцій со студентами можетъ быть принята за вѣрный знакъ добраго состоянія нравовъ въ нашемъ отечествѣ, присутствіе дамъ на лекціяхъ можетъ быть признано справедливымъ и полезнымъ. Оно справедливо потому, что женщина, по нашимъ законамъ, пользуется одинаковыми гражданскими правами съ лицами мужского пола; она имѣетъ полное право собственности и, какъ владѣтельница, можетъ пользоваться участіемъ въ юридическомъ образованіи. Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію лекцій можетъ быть признано и полезнымъ, если принять въ соображеніе, что женщина несетъ на себѣ много оффиціальныхъ обязанностей по воспитанію и обученію, успѣшное исполненіе которыхъ обусловливается вообще состояніемъ наукъ, представителемъ которыхъ стремится быть университетъ.

„При такомъ взглядѣ на вопросъ, условія къ допущенію лицъ женскаго пола въ университетъ не могутъ и не должны быть отличны отъ общихъ условій съ вольнослушателями, даже не принимая въ соображеніе ту пользу, которую можетъ принести женщина съ просвѣщеннымъ умомъ, какъ мать будущихъ поколѣній. Было бы выгодно *уменьшить* плату съ лицъ женскаго пола за слушаніе лекцій, и это было бы справедливо, потому что едва ли лица женскаго пола запишутся на цѣлый факультетъ и не ограничатся нѣсколькими, двумя или тремя предметами, ихъ особенно интересующими. Наконецъ, допущеніе лицъ женскаго пола къ испытанію на ученыя степени должно быть принято по совершенному отсутствію причинъ противоположнаго. При экзаменѣ на ученую степень дѣло идетъ о чистомъ званіи, и лица мужского пола получаютъ ученую степень вовсе не за то, что они принадлежатъ къ извѣстному полу. Отрицательное рѣшеніе такого вопроса могло бы опираться на несомнѣнныя доказательства невозможности для женщины воспринять истину наравнѣ съ лицами мужского пола, а такихъ доказательствъ мы не имѣемъ. Во

всякомъ случаѣ, допущеніе лицъ женскаго пола въ аудиторіи и къ экзаменамъ не подвергаетъ никого и никакой опасности, а въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть полезно".

По вопросу о высшемъ женскомъ *медицинскомъ* образованіи были высказаны слѣдующія апріорныя соображенія [1]), которыя, какъ извѣстно, были блистательно оправданы послѣдующимъ многолѣтнимъ опытомъ женщинъ-врачей.

1) „Что женщины дѣйствительно способны къ серьезному и дѣльному труду, а слѣдовательно, и къ *медицинскимъ* занятіямъ—въ этомъ теперь нельзя сомнѣваться всякому, сколько-нибудь разсудительному и образованному человѣку, а тѣмъ болѣе медику. Вѣдь медицина есть такая же наука, какъ и другія: она не требуетъ отъ своихъ служителей никакихъ ни сверхъестественныхъ, ни естественныхъ способностей. Для успѣшнаго занятія ею необходимы—здравый разсудокъ, память, наблюдательность, терпѣніе. Первыхъ двухъ способностей никто не можетъ отвергать въ женщинахъ, а послѣднимъ—у нихъ, кажется, могутъ поучиться и мужчины. Если мы до сихъ поръ у себя не видимъ примѣровъ тому, чтобы женщины съ особеннымъ успѣхомъ занимались положительными и опытными науками, въ томъ числѣ и медициной, то это зависитъ не отъ нихъ, а отъ дурныхъ условій, въ которыхъ онѣ находятся и изъ которыхъ имъ не дозволяютъ выйти, оттого, что имъ не даютъ возможности заниматься, наукой, a ab non esse ad non posse consequentia non valet. Невѣрующимъ въ способность женщинъ заниматься медициной укажемъ на то, что на Западѣ и въ Америкѣ женщины съ успѣхомъ занимаются математикой, физикой и медициной; что въ Италіи есть особые факультеты, въ которыхъ женщины занимаются медициной и такъ, какъ и намъ дай Богъ! Дѣло, стало быть, ясно какъ день.

2) „Хотя и горько сознаться, а нельзя умолчать о томъ, что нѣкоторые считаютъ для женщинъ *неприличнымъ* заниматься медициной. Что

---

[1]) См. тамъ же, стр. 527, ч. II н. Замѣчаній. Отмѣтимъ изъ области curiosa замѣчаніе, сдѣланное пресловутымъ „ученымъ" Гречемъ. Предвосхищая аргументацію нынѣшнихъ „мракобѣсовъ", Гречъ усердно рекомендовалъ учредить каѳедру наивнаго „суевѣрія", извѣстнаго подъ именемъ гомеопатіи, и, какъ извѣстно, довольно удачно излѣчивающаго... здоровыхъ. „Тысячи, сотни тысячъ излѣченныхъ этимъ дешевымъ и благодѣтельнымъ способомъ отъ тяжкихъ болѣзней и спасенныхъ отъ смерти вопіютъ, вопилъ Гречъ, о снятіи оковъ (sic), которыя тяжелѣе Колумбовскихъ. У насъ въ Россіи умираютъ въ годъ до милліона младенцевъ на первомъ году жизни: введеніемъ гомеопатіи было бы *непремѣнно* спасено 90%. Россія введеніемъ гомеопатіи въ кругъ медицинскихъ наукъ заслужила бы безсмертную славу и благословенія въ человѣчествѣ" и пр. (стр. 130, ч. II Замѣчаній).

они находятъ здѣсь неприличнаго, этого понять никакъ нельзя, да они и сами не понимаютъ и не могутъ дать никакого раціональнаго объясненія своимъ словамъ. Впрочемъ, причины такого страннаго отзыва объяснить довольно легко. Кому съ самаго дѣтства постоянно твердили, что вотъ это—прилично, а это—неприлично, въ комъ не развили надлежащихъ понятій, на основаніи которыхъ онъ могъ бы произнести здравое и самостоятельное сужденіе о поступкахъ другихъ людей, тотъ, естественно, усвоиваетъ себѣ узкій и тупой взглядъ своихъ наставниковъ и привыкаетъ всѣ поступки подводить подъ фальшивую мѣрку приличія и неприличія. А если спросить этихъ самыхъ господъ: хорошо ли, полезно ли это или дурно, то они не сумѣютъ отвѣтить. Неприлично, отвѣтимъ мы за нихъ, потому, что никогда еще не было примѣра, чтобы женщина занималась медициной, что это ново, не вошло въ моду: можетъ ли тутъ быть какая-нибудь рѣчь о приличіи въ общепринятомъ смыслѣ? Другое дѣло—заниматься вздоромъ, это освящено временемъ,—вездѣ почти принято, а стало быть и прилично. Что же это за люди? Это люди отжившіе, обломки старины, которые враждебно встрѣчаютъ всякое новое и отрадное явленіе, которымъ душно отъ современнаго направленія. Они, не имѣя сами ни охоты, ни способности къ труду, понятно, должны смотрѣть непріязненно на всякую попытку женщины предаться серьезному занятію, потому что попытка эта есть признакъ самостоятельности, есть самая злая критика на ихъ пустое существованіе. Самая медицина въ научномъ отношеніи можетъ выиграть, если женщины станутъ серьезно ею заниматься, потому что она есть наука по преимуществу опытная. Медику вездѣ нужно самому посмотрѣть, послушать, пощупать, измѣрить, многое нужно на себѣ испытать, самому попробовать. Если мы теперь обратимъ вниманіе на женщинъ въ анатомическомъ и физіологическомъ отношеніяхъ, то увидимъ, что, отличаясь отъ мужчинъ строеніемъ тѣла, онѣ отличаются неизбѣжно и отправленіями: женщины имѣютъ особенности въ дыханіи, особенности въ кровообращеніи, женщина бываетъ матерью. Особенности эти играютъ первую роль въ женскихъ болѣзняхъ. Кому же лучше и удобнѣе изслѣдовать, знать, понимать и объяснять эти особенныя состоянія ихъ, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ и со всѣми послѣдствіями и многочисленными уклоненіями, какъ не женщинѣ, спеціально занимающейся медициной?

3) „Если мы теперь посмотримъ на вопросъ съ юридической точки зрѣнія, то и въ этомъ случаѣ онъ рѣшается въ пользу женщинъ. Законъ предоставляетъ имъ оффиціально должности домашнихъ учительницъ, сестеръ милосердія, смотрительницъ при больницахъ, акушерокъ; для послѣднихъ есть даже спеціальныя заведенія. Этимъ самымъ онъ допускаетъ тотъ принципъ, по которому женщины могутъ быть у насъ врачами, такъ

какъ обязанности акушерки и врача, различаясь между собою только степенью и кругомъ дѣятельности, сходятся во многихъ пунктахъ, а по цѣли своей онѣ совершенно тожественны.

4) *Нужны ли женщины-врачи? Положительно необходимы.* Всякому извѣстна стыдливость женщинъ; но не всѣмъ извѣстно, что чувство это, прекрасное само по себѣ, влечетъ за собою большое зло въ медицинской практикѣ и представляетъ врачу непреодолимыя препятствія при лѣченіи. Всякому врачу часто приходится встрѣчать тѣ прискорбные случаи, что больная женщина проситъ его о помощи, и когда врачъ находитъ нужнымъ осмотрѣть ее для опредѣленія болѣзни, то встрѣчаетъ въ этомъ рѣшительный отказъ; тутъ ни просьбы, ни увѣщанія не помогаютъ, и врачу остается довольствоваться только сбивчивымъ и неполнымъ описаніемъ болѣзни со стороны пацiентки. Понятно, что о раціональномъ лѣченіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, и дѣло жизни рѣшается на авось,— обстоятельство пагубное для больной, чрезвычайно непріятное и для врача! Столь же часто приходится видѣть, что женщина, зная, по роду или мѣсту своей болѣзни, что врачъ непремѣнно попроситъ ее подвергнуться осмотру, упорно молчитъ и скрываетъ свою болѣзнь, которая между тѣмъ все растетъ да растетъ, день ото дня становится хуже, и когда больная, не имѣя болѣе силъ переносить свою болѣзнь, наконецъ обращается къ врачу, даже предоставляетъ себя въ полное его распоряженіе, то большею частью болѣзнь оказывается страшно запущенною и оттого часто оканчивается смертью. Самые рѣзкіе случаи подобнаго рода всего легче видѣть въ женскихъ клиникахъ и больницахъ“.

Отмѣтимъ кстати взглядъ на высшее женское образованіе, высказанный въ 70-хъ годахъ М. Н. Катковымъ, который, кажется, только въ одномъ этомъ вопросѣ остался вѣренъ своимъ прежнимъ либеральнымъ взглядамъ. Женщина по существу своему,—писалъ онъ,—не умалена отъ мужчины, ей не отказано ни въ какихъ дарахъ человѣческой природы, и нѣтъ высоты, которая должна оставаться для нея недоступною. *Наука* и искусство могутъ быть открыты для женщинъ въ такой силѣ, какъ и для мужчинъ. Свѣтъ науки черезъ женщину можетъ проникать въ сферы *менѣе доступныя* для мужчины, и она можетъ своеобразно способствовать общему развитію народнаго образованія и человѣческому прогрессу...“ [1]).

Мнѣ хочется, писалъ основатель Кембриджскаго университета въ 1341 г., чтобы какъ можно болѣе людей занимались наукою, чтобы наука, эта дорогая жемчужина, не оставалась подъ спудомъ, а распространялась изъ стѣнъ университета во всѣ стороны, чтобы она также могла свѣтить

---

[1]) См цитату въ Подробномъ Словарѣ Д. А. Ровинскаго, т. II. 498.

и тѣмъ, кто бредетъ ощупью по темной дорогѣ невѣжества. Избранники, занимающіеся наукою, должны смотрѣть на знаніе, какъ на довѣренное имъ сокровище, составляющее собственность *всего* народа...

„Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день“.

Этой великой цѣли должно было служить предположенное проектомъ унив. устава открытіе свободнаго доступа стороннимъ слушателямъ и женщинамъ въ университеты. Благодаря противодѣйствію консерваторовъ это благое намѣреніе не получило осуществленія.

VI.

Приписывая все хорошее въ англійскихъ лордахъ университетскому воспитанію, забываютъ одно: habeas corpus.—А это одно воспитываетъ гражданское достоинство и не въ однихъ лордахъ не хуже всякихъ университетовъ.

Н. Пироговъ.

Если при рѣшеніи университетскаго вопроса вообще студенческіе безпорядки 1861 г. оказывали давленіе, какъ неотвязный кошмаръ, то они a fortiori выступили на первый планъ, когда рѣчь зашла объ устройствѣ студенческаго быта. Иные видѣли въ этомъ печальномъ, но въ то время далеко не разъясненномъ явленіи непререкаемое доказательство умственнаго и нравственнаго убожества, почти поголовнаго умопомѣшательства русскаго юношества и корпоративнаго студенчества, способнаго увлечься самыми нелѣпыми абсурдами, какъ Панургово стадо. Большинство профессоровъ выступило противъ такого невѣрнаго обобщенія (въ томъ числѣ и М. Н. Катковъ).

Одинъ изъ нихъ проф. *В. Д. Спасовичъ* находилъ причины студенческихъ волненій въ недостаткахъ университетскаго устройства. Образовался, писалъ онъ, сильный приливъ жаждущихъ знанія слушателей всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній въ пустыя до сихъ поръ аудиторіи. Всѣ элементы и силы общества пришли въ живое движеніе, которое не могло не сообщиться молодежи. Молодежь вносила изъ общества въ университетъ требованія суда, порядка законнаго, основаннаго не на произволѣ, личныхъ гарантій, личнаго достоинства. Эти потребности, не находя себѣ удовлетворенія въ существующемъ устройствѣ, вызвали цѣ-

лый рядъ столкновеній между студентами и властью попечительскою или между студентами и общею полиціею. Попечители и министерство народнаго просвѣщенія, поставленные лицомъ къ лицу со студентами, должны были вмѣшиваться въ дрязги и мелочи студенческаго быта и изъ всякаго простого полицейскаго проступка или изъ уличной исторіи дѣлать вопросъ правительственный, политическій. Въ подобныхъ столкновеніяхъ между студентами и высшею администраціей совѣтъ университета игралъ странную роль. Изолированный отъ студентовъ по уставу 1835 года, совѣтъ не имѣлъ большею частью ни желанія, ни возможности посредничать съ успѣхомъ между студентами и министерствомъ; онъ былъ лишенъ всякаго юридическаго основанія къ подобному посредничеству. Для радикальнаго излѣченія такого зла и въ предупрежденіе его повторенія въ будущемъ, профессоръ Спасовичъ полагалъ необходимымъ дать университету самоуправленіе, укрѣпить совѣтъ, возложить на него обязанность непосредственнаго управленія и учащими, и учащимися, снабдить этотъ совѣтъ обширною дисциплинарною властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать его и отвѣтственнымъ за всѣ могущіе случиться безпорядки, послѣ чего ограничиться только общимъ надзоромъ и наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы университетъ, пользующійся полною внутреннею свободою, самъ, въ свою очередь, не мѣшался ни въ какія движенія общественныя и служилъ мирною пристанью для науки [1]).

Дабы не было заподозрѣно приведенное мнѣніе въ односторонности, приведемъ еще взглядъ на студенческіе безпорядки, высказанный лицомъ, никогда не заподозрѣннымъ въ чрезмѣрномъ радикализмѣ, профессоромъ Московскаго университета *Ѳ. М. Дмитріевымъ*. Онъ писалъ:

Студентамъ было трудно не раздѣлять того возбужденія, которое, послѣ долгой дремоты, вдругъ овладѣло нашимъ обществомъ, и, рядомъ съ хорошими явленіями, производило также иныя, менѣе желательныя.

Они увлекались, какъ увлекаются другіе, болѣе зрѣлые люди. Это само по себѣ не только не дурно, но, несмотря на практическія неудобства, есть въ сущности довольно *хорошій признакъ*. Мы слишкомъ долго страдали полнѣйшимъ отсутствіемъ идеальныхъ стремленій, печальною прозаичностью общества, проникавшею его сверху донизу, чтобы смотрѣть съ большою строгостью даже на нестройные юношескіе порывы. Но, къ несчастію, наше общественное мнѣніе такъ неопредѣленно, наши политическія теоріи до того не сложились, что увлеченія юности не уравновѣшивались зрѣлою мыслью общества, которая могла бы держать ихъ въ границахъ.

Очень понятно, что молодежь, менѣе, чѣмъ кто либо, могла сохранить мѣру и выступала иногда за предѣлы закона. Рядомъ съ этою общею причиной была другая, частная. Она коренилась въ исторіи самого университетскаго управленія. Послѣ 1848 года для университетовъ началась пора полицейскихъ мѣръ, которыя

---

[1]) См. стр. 176, ч. 2 н. Замѣчаній, а также стр. 22—59, т. IV, соч. Спасовича.

болѣзненно отзывались на цѣломъ ихъ организмѣ. Преподаваніе было стѣснено. Выходили предписанія не только объ общемъ его характерѣ, но даже о разныхъ частностяхъ. Помнится, даже вопросы о годѣ призванія варяговъ и правильности греческаго произношенія были рѣшены *административнымъ образомъ*. Вакантныя каѳедры замѣщались съ трудомъ, и новыя назначенія встрѣчали на пути не одни научныя соображенія. Студенты были подвергнуты мелкому надзору. Имъ громко внушалось, что прежде всего отъ нихъ требуются не серьезныя занятія, не умственное и нравственное развитіе, *а внѣшняя благонадежность*. Комплектъ, введенный въ университеты, содѣйствовалъ, съ другой стороны, ихъ упадку. При невозможности имѣть болѣе трехсотъ слушателей трудно было требовать отъ студентовъ дѣйствительнаго знанія. Всякій нѣсколько строгій экзаменъ падалъ не только на слабо приготовленныхъ молодыхъ людей, но и на тѣхъ, которые должны были смѣнить ихъ. Задерживая одного студента, университетъ лишался права принять на его мѣсто другого. Кромѣ того, дѣтямъ личныхъ дворянъ, если они не находились въ учебномъ заведеніи, было вмѣнено въ обязанность поступать въ военную службу по достиженіи 18-лѣтняго возраста. Разрѣшеніе оставаться на одномъ курсѣ болѣе года было затруднено. Понятно, что добросовѣстныя испытанія становились при такихъ условіяхъ нравственною невозможностью. Въ самомъ дѣлѣ, требованія на экзаменахъ все понижались, и выходившіе студенты оказывались все слабѣе и слабѣе. Такъ было до 1855 года. Въ этомъ памятномъ году правительство вдругъ оживило университеты уничтоженіемъ комплекта и *либеральнымъ взглядомъ на общественное воспитаніе*. Студенты избавились отъ безполезно строгой дисциплины. Но переходъ отъ прежняго порядка къ новому не могъ совершиться безъ нѣкоторыхъ колебаній. Внѣшняя дисциплина, когда она стансвится не средствомъ, а цѣлью, имѣетъ то вредное послѣдствіе, что *отучаетъ* людей отъ самодѣятельности. Не мудрено послѣ этого, что молодые люди, освободясь отъ прежняго надзора, воспользовались своимъ новымъ положеніемъ не для того, чтобы серьезнѣе обратиться къ труду, но для предъявленія разныхъ неумѣренныхъ требованій. Начались небольшіе безпорядки, и такъ какъ причины ихъ вездѣ были одинаковы, то они повторились почти во всѣхъ университетахъ. Эти безпорядки сначала не имѣли въ себѣ ничего серьезнаго, и если на нихъ стоило обратить вниманіе, то только потому, что своимъ повтореніемъ они мѣшали преподаванію и еще болѣе отучали студентовъ отъ труда. Требованія ихъ относились къ тѣсному кругу университетскаго быта и отличались большою неопредѣленностью. Студенты то отстаивали право выражать свое мнѣніе о преподаваніи, то жаловались на какія-нибудь частныя мѣры, вовсе не важныя, то, наконецъ, утверждали, что имъ должна принадлежать нѣкоторая доля въ университетскомъ управленіи. Непрактическій характеръ этихъ неисполнимыхъ притязаній ясно показываетъ, что нужно было дѣлать для прекращенія волненій. Надобно было, *не отказываясь отъ либеральныхъ мѣръ*, возстановившихъ естественный ходъ университетской жизни, твердою рукой останавливать всякое нарушеніе порядка. Но поворотъ общественнаго мнѣнія противъ дисциплинарныхъ пріемовъ былъ слишкомъ силенъ, и вмѣсто такого простого способа дѣйствія искали причины волненій въ самомъ университетскомъ устройствѣ и начали думать, какъ бы измѣнить его въ духѣ новаго времени. Отсюда цѣлый рядъ половинныхъ мѣръ, безъ опредѣленнаго направленія, цѣлый рядъ постановленій, вводившихся въ видѣ опыта [1]).

---

[1]) См. стр. 396, ч. 2 н. Замѣчаній.

Особаго вниманія заслуживаютъ отношеніе къ университетскому уставу 1863 г. М. Н. Каткова, который такъ много способствовалъ и его составленію, и его разрушенію. Съ талантомъ, который онъ сохранилъ до конца дней своихъ, но и съ высокомѣрною непримиримостью, крайнею односторонностью и безпредѣльною самонадѣянностью, которыя, обнаружившись при первыхъ же публицистическихъ дебютахъ [1]) Каткова, потомъ перешли въ повелительное нахальство преуспѣвающаго, зазнавшагося оппортюниста, въ настоящую mania grandiosa [2]) непогрѣшимаго оракула,—громилъ онъ полу-оффиціальный петербургскій проектъ о *свободныхъ* университетахъ. Если мы обратимъ вниманіе на мнѣніе старѣйшихъ университетовъ Европы,—писалъ Катковъ въ „Современной лѣтописи“ *Русскаго Вѣстника*, изобильно уснащая свою рѣчь специфическими „Катковскими“ перлами,—то встрѣтимъ почти единогласный утвердительный отвѣтъ въ пользу воспитательнаго значенія университетовъ. И насъ по этому предмету, какъ почти по всѣмъ (sic) сколько нибудь важнымъ предметамъ, господствуетъ совершеннѣйшій *хаосъ* мыслей. Если мы не ошибаемся, передовому человѣку поставлено у насъ въ обязанность отрицать воспитательное значенье университетовъ. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ русскій передовой человѣкъ *не отрицать* того, что признается всѣмъ свѣтомъ! Этимъ онъ обнаружилъ бы свою самостоятельность, показалъ бы, что онъ недостаточно прогрессивный человѣкъ“ [3]).

Отнеся такимъ образомъ въ лагерь „отрицательный“ не только благонамѣреннаго цензора Никитенко, но и бывшаго попечителя генерала Филипсона и дѣйст. тайн. сов. Брадке, стоявшихъ за „свободный“ университетъ по полицейскимъ, а не субверсивнымъ соображеніямъ, Катковъ выступаетъ въ союзѣ съ другими „отрицателями“ вродѣ проф. Спасовича, Стасюлевича, Кавелина и др., за „преобразованіе, а не разрушеніе университета, а также *за сохраненіе* существующей студенческой корпораціи“. „Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, — писалъ Катковъ, выступившій

---

[1]) Характеризуя этого „неистоваго трибуна съ зелеными глазами“, какъ назвалъ Каткова Мазадъ, Никитенко уже въ августѣ 1863 года отмѣчаетъ: „Московскія Вѣдомости“ иногда со своими совѣтами народу и правительству заходятъ слишкомъ далеко, и какъ онѣ имѣютъ привычку говорить обо всемъ *диктаторскимъ* тономъ, то это становится *нестерпимымъ*. Имъ, по извѣстнымъ причинамъ, даютъ больше воли, чѣмъ другимъ газетамъ“ (II, 397). Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней Никитенко пишетъ: „Трудно имѣть дѣло съ людьми, находящимися въ *ненормальномъ* состояніи, а Катковъ до того упился самолюбіемъ отъ газетнаго своего успѣха, что съ нимъ уже нельзя вести себя, какъ съ человѣкомъ въ здравомъ умѣ“ (II, 399—400).

[2]) Катковымъ овладѣло невыносимое, непомѣрное высокомѣріе, отмѣчаетъ опять Никитенко въ 1870 г. (III, 49).

[3]) Стр. 278, ч. II Замѣчаній.

впослѣдствіи ярымъ агитаторомъ коренной ломки университетскаго устава 1863 г.,—будто бы для свободнаго движенія нуженъ *разрывъ съ прошедшимъ*. Нѣтъ ничего противоположнѣе истинному движенію, какъ эта малодушная готовность, при первой неудачѣ, бросать дѣло и начинать работу сызнова. Ничего нѣтъ *убійственнѣе* для жизни, какъ этотъ духъ ломки и презрѣнія къ прошедшему, признающій всѣ права за несуществующимъ и только возможнымъ, отказывающій въ нихъ тому, что уже существуетъ“ [1]).

Приведя еще нѣсколько подобныхъ доводовъ, которые онъ самъ опровергалъ впослѣдствіи въ 80-хъ годахъ съ самоувѣренною развязностью истаго софиста-ренегата, Катковъ повторяетъ аргументацію Пирогова и др., выступая сторонникомъ широкой автономіи университетскаго совѣта, и требуя устроить такъ, чтобы „не держать студентовъ на степени школьниковъ“. „Самостоятельное мышленіе, а не машинальное повтореніе затверженныхъ лекцій, самостоятельныя убѣжденія, а не *пассивное* склоненіе воли по первому вѣтру или по первому возгласу—вотъ то, къ чему университетъ долженъ приготовлять студентовъ; наши университеты отнюдь не должны превратиться въ спеціальныя школы, соединенныя вмѣстѣ внѣшнимъ образомъ: *спасеніе* нашего образованія зависитъ не отъ развитія спеціальностей, а совершенно напротивъ—отъ усиленія *общечеловѣческаго* элемента въ нашихъ университетахъ“ [2]).

Мѣра „воспитательнаго значенія университета,—писалъ Катковъ,—зависитъ отъ того, въ какой степени университетъ есть *корпорація*, въ какой степени онъ хранитъ въ себѣ живой духъ добрыхъ преданій, выработанныхъ его исторіей. Этотъ-то общій, исторически вырабатывающійся университетскій духъ и оказываетъ на студентовъ то нравственное дѣйствіе, котораго нельзя ожидать отъ отдѣльныхъ профессоровъ, если всѣ они, вмѣстѣ взятые, по выраженію императора Калигулы, не болѣе, какъ песокъ безъ извести. Этого общаго духа нельзя предписать закономъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ оказываетъ дѣйствіе, всѣми чувствуемое, всѣхъ сдерживающее, для всѣхъ благотворное, оживляющее и сближающее всѣхъ, какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Во всѣхъ процвѣтающихъ университетахъ есть этотъ общій, могущественно дѣйствующій духъ, есть эта университетская атмосфера, оказывающая воспитательное дѣйствіе на молодежь и ассимилирующая всѣ разнообразные элементы, которые ежегодно притекаютъ къ университету съ разныхъ сторонъ. Сущность дѣла показываетъ, что этотъ общій духъ долженъ храниться преимущественно въ сословіи профессоровъ; но опытъ показываетъ также, что несмотря на постоянный приливъ и отливъ обучающагося юношества, студенческій бытъ не менѣе способенъ хранить университетскія преданія. Университетъ безъ студентовъ перестанетъ быть университетомъ; *уничтожая студенчество, вы убиваете университетъ*. Университетское корпоративное устройство должно обнимать собой не только профессоровъ, но и студентовъ. Студенческій бытъ есть

---

[1]) См. тамъ же, 285.

[2]) См. тамъ же, стр. 281—282.

одинъ изъ воспитательныхъ элементовъ этого устройства. Если онъ дуренъ въ томъ или другомъ университетѣ, то надобно заботиться объ его улучшеніи, но уничтожать его не слѣдуетъ.

Міръ студенческихъ отношеній есть особенный міръ, въ тысячу разъ менѣе сложный, чѣмъ общество, и потому въ тысячу разъ болѣе удобный для пріобрѣтенія первыхъ опытовъ жизни. Товарищескія связи, товарищескія столкновенія, происходящія въ тѣсномъ кругу студенческаго быта, подъ вліяніемъ вѣковыхъ студенческихъ преданій и на глазахъ доброжелательной корпораціи наставниковъ, воспитываютъ и развиваютъ нравственныя силы молодого человѣка. Студенческая жизнь не даромъ принадлежитъ къ дорогимъ воспоминаніямъ всякаго учившагося въ порядочномъ университетѣ [1]). Это пора безкорыстнаго размѣна первыми мы-

---

[1]) Если среди этой пустыни, представляемою университетской наукою дореформеннаго времени, встрѣчались оазисы съ живою водою, въ которыхъ университетская молодежь утоляла свою духовную жажду, находила какой-нибудь отголосокъ своимъ молодымъ благороднымъ порывамъ къ добру и истинѣ, то это была студенческая товарищеская среда. Вспоминая времена своего студенчества, К. С. Аксаковъ писалъ въ 1862 г.: „Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна молодость человѣка, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени давалось университетомъ и *званіемъ студента*“ (День, 1862 г., № 39). Герценъ такъ отзывается о московскихъ студенческихъ кружкахъ своего времени: „Пестрая молодежь, пришедшая сверху, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ... и студентъ, который вздумалъ бы у насъ хвастаться своей бѣлой костью или богатствомъ, былъ бы отлученъ „отъ воды и огня“... Молодежь была прекрасная въ нашемъ курсѣ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣнь равно исчезали, не замѣняясь еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для усиленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе асессоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ. Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую нравственность студентовъ*. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что приходило въ голову... Чиновники знаютъ только гражданскія и уголовныя дѣла, купецъ считаетъ дѣломъ одну торговлю... По-моему, служить связью, центромъ цѣлаго круга людей—огромное дѣло, особенно въ обществѣ разобщенномъ... Меня никто не упрекалъ въ праздности, кое-что изъ сдѣланнаго мною нравилось многимъ; а знаютъ ли, сколько во всемъ, сдѣланномъ мною, отразились наши бесѣды, наши споры, ночи, въ которыя мы праздно бродили по улицамъ и полямъ“... Въ этой благородной и чисто гражданской школѣ альтруизма, равенства и гуманности получили свое воспитаніе воспитатели поколѣнія дѣятелей освободительной эпохи: великій публицистъ-критикъ,—исключенный изъ университета оффиціально „за неспособность“, а на дѣлѣ за протестъ противъ крѣпостного права,—Бѣлинскій (по словамъ И. С. Аксакова, политическаго противника Бѣлинскаго, все, что было въ провинціи честнаго и мыслящаго въ дореформенной Россіи, воспиталось на

слями и чувствами, это пора, когда легко завязывается дружба, когда проза жизни еще не вступаетъ въ свои права, когда человѣкъ только предвкушаетъ тяжкую борьбу, ожидающую его въ дальнѣйшей жизни, и собирается съ силами, чтобы успѣшно выдерживать житейское испытаніе. Пульверизація студенческаго быта значительно уменьшила бы ту нравственную пользу, которую получаютъ студенты отъ пребыванія въ университетѣ. Но, чтобы не было пульверизаціи, для этого необходимы *болѣе тѣсныя связи между студентами, а не одно слушаніе университетскихъ лекцій*; необходимо, чтобы и въ студенчествѣ были *корпоративныя связи*,— не тѣ, конечно, лжекорпоративныя связи, которыя нуждаются во внѣшней одеждѣ или внѣшнихъ мѣткахъ, возбуждающихъ реакцію противъ себя въ самомъ студенчествѣ европейскихъ университетовъ, а тѣ истинно корпоративныя связи, благодаря которымъ корпоративное начало составляетъ такой важный элементъ въ общественномъ и политическомъ бытѣ. Сущность корпораціи состоитъ *въ охраненіи преданій*; непрерывная преемственность преданій, постоянная работа ассимиляціи условливаются вліяніемъ, которое старшіе члены корпораціи оказываютъ на младшихъ. Оканчивающіе курсъ должны дѣйствовать на нововступающихъ, окончившіе курсъ—на оканчивающихъ, и въ этихъ связяхъ должны быть степени, отъ профессора до нововступающаго студента. Несущіе свѣтильникъ должны преемственно передавать его другъ другу. Въ нашихъ университетахъ до сихъ поръ была слаба эта корпоративная связь, но успѣхъ долженъ состоять *въ усиленіи, а не въ ослабленіи ея* [1]).

Какъ на вѣрный регуляторъ и путеводитель корпоративной жизни студентовъ, Катковъ указываетъ на духъ университетской науки, который долженъ *объединить профессоровъ и студентовъ*. Вообще, центръ тяжести университетскаго вопроса Катковъ видѣлъ, подобно многимъ другимъ, въ оживленіи корпоративной самодѣятельности университетской коллегіи. „Въ университетахъ нашихъ,—писалъ Катковъ,—повторялось въ маломъ видѣ то, что происходило во всей нашей общественной жизни: всякій зналъ *только себя* и мало интересовался дѣлами, имѣющими общее значеніе, живой и дѣятельной связи между членами университета не было, а университетская корпорація была лишь отдаленнымъ, слабымъ и почти не вразумительнымъ намекомъ на то, чѣмъ ей слѣдуетъ быть".

Признавая вліяніе того или другого характера университетскаго устава, но не придавая ему абсолютнаго значенія, Катковъ, какъ бы пророчески, указалъ послѣдующія судьбы университетской науки. „Улучшеніе учрежденій, подобныхъ университету,—говорилъ онъ,— зависитъ не отъ уста-

---

Бѣлинскомъ—см. Письма III, 290 и прекрасныя статьи В. Е. Якушкина „В. Г. Бѣлинскій" въ № 142 и слѣд. *Русскихъ Вѣдомостей* за 1893 г.), утѣшеніе, краса и гордость Московскаго университета Грановскій, а также М. Н. Катковъ, такъ блистательно начавшій свою публицистическую карьеру горячимъ служеніемъ освободительнымъ идеямъ и такъ печально ее кончившій—ретроградствомъ, достойнымъ Магницкаго.

[1]) См. тамъ же.

вовъ только, а отъ духа, въ нихъ живущаго: университетскій духъ есть духъ науки, а его, говоря словами Тацита: faciiius oppreseris quam revocaveris—легче подавить, чѣмъ воззвать къ жизни“ [1]).

Приведемъ въ заключеніе отзывъ командированнаго за границу для ознакомленія съ заграничными университетскими порядками проф. К. Д. Кавелина о тамошнихъ студенческихъ корпораціяхъ.

Всѣ профессора, ректоры, кураторы, университетскіе чиновники и даже педеля, съ которыми А. Д. Кавелину случалось говорить объ этомъ предметѣ, высказывались единогласно въ пользу разрѣшенія свободнаго образованія студенческихъ обществъ. Они находятъ, что существованіе такихъ обществъ представляетъ въ отношеніи къ надзору за студентами, къ разысканію виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, наконецъ, въ отношеніи къ сохраненію дисциплины и порядка между студентами,—ничѣмъ незамѣнимыя преимущества для ближайшаго университетскаго начальства. Эти хорошія стороны заключаются, по ихъ словамъ, въ слѣдующемъ: 1) университетское начальство имѣетъ дѣло не со всею массою студентовъ, а съ ихъ выборными, стоящими во главѣ обществъ, а выборные гораздо лучше умѣютъ держать своихъ студентовъ въ порядкѣ и дисциплинѣ, чѣмъ педеля и университетскія власти; 2) слѣдить за направленіемъ, образомъ жизни, родомъ занятій студентовъ, когда они разгруппированы на общества, гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ за каждымъ студентомъ въ отдѣльности. Такъ какъ самые дѣятельные, подвижные, талантливые, живые и увлекающіеся молодые люди почти всегда непремѣнно принадлежатъ къ какому-нибудь студенческому обществу, а отъ нихъ преимущественно идутъ разные проступки и шалости, то при существованіи общества университетское начальство можетъ сосредоточить все свое вниманіе и надзоръ на нихъ однихъ, въ особенности на тѣхъ, которые въ полицейскомъ и дисциплинарномъ отношеніи оказываются менѣе надежными; 3) въ студенческихъ обществахъ всегда необходимо образуется понятіе о достоинствѣ и чести, которое вноситъ въ студенческій бытъ нравственный элементъ, заставляетъ молодыхъ людей наблюдать другъ за другомъ и тѣмъ воздерживаетъ большинство ихъ отъ предосудительныхъ поступковъ, наносящихъ безчестіе кружку или университету; 4) нравственная отвѣтственность выборныхъ за поведеніе студенческихъ кружковъ заставляетъ и выборныхъ и членовъ обществъ быть осторожнѣе и

---

[1]) См. тамъ же, стр. 279—288. Какъ бы въ примѣръ того, до чего можетъ дойти паденіе университетской науки при безсиліи совѣта университета, Катковъ указываетъ на *плохую латынь* медали, выбитой въ 1855 году въ память столѣтія Московскаго университета, и на то, что тогда же *смѣшали* основателя И. И. Шувалова съ братомъ его П. И. (см. тамъ же, стр. 291).

осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, рождаетъ внутреннюю дисциплину между студентами, безъ которой всѣ усилія университетскаго начальства водворить и поддержать въ университетѣ порядокъ и хорошіе нравы не ведутъ ни къ чему; 5) въ случаѣ проступковъ или преступленій, совершонныхъ неизвѣстно кѣмъ изъ студентовъ, гораздо легче разслѣдовать виновнаго при существованіи общества, чѣмъ когда всѣ студенты слиты въ одну сплошную, безразличную массу. Есть проступки унизительные, безнравственные, подлые, наносящіе безчестіе обществу студентовъ,—такіе разыскиваются очень легко и скоро самими студентами, которые, разумѣется, не хотятъ, чтобы на всѣхъ ихъ падало подозрѣніе. Въ случаѣ проступковъ и преступленій другого рода, когда нельзя ожидать содѣйствія студентовъ въ разысканіи виновнаго, университетское начальство, по свойству проступка, всегда примѣрно знаетъ или можетъ догадываться, изъ какого именно общества могъ выйти тотъ или другой проступокъ, и потому несравненно легче и скорѣе можетъ услѣдить виновнаго, чѣмъ когда направленія разныхъ кружковъ таятся во мракѣ и вслѣдствіе запрещенія обществъ не смѣютъ прямо и открыто выступать на свѣтъ Божій [1]).

По первоначальному проекту унив. устава (§ 122) косвенно разрѣшалось существованіе студенческихъ корпорацій и сходки, если онѣ не преслѣдовали цѣли *незаконной* (пп. б. и в), однако впослѣдствіи, при окончательной редакціи устава, послѣдовало полное ихъ воспрещеніе.

Въ оффиціальномъ комментаріи къ уставу 1863 г. въ объясненіе такого воспрещенія говорилось: „часть нашего общества, не исключая даже нѣкоторыхъ литературныхъ представителей, смотритъ на студентовъ съ какимъ-то страннымъ *предубѣжденіемъ* и видимымъ *враждебнымъ* чувствомъ; она готова всякій поступокъ университетской молодежи, всякое ея стремленіе перетолковать въ дурную сторону. Въ прошломъ (1862 г.) журналы и газеты осмѣлились взвести на студентовъ *гнусную клевету*, будто петербургскіе пожары произошли по ихъ умыслу... Если при такомъ настроеніи общества узаконить студенческія корпораціи и чрезъ это возложить на университеты отвѣтственность за всѣ ихъ дѣйствія, то очевидныя разныя *нелѣпыя обвиненія* обратятся противъ самихъ университетовъ, и тогда наши ученыя сословія, къ явному униженію (?) своего достоинства, вынуждены будутъ защищаться противъ всякихъ нападеній, какія *вздумалось бы* возводить на нихъ издателямъ *газетъ* и малоразвитому обществу“ [2]).

Слабость приведенной аргументаціи сразу бросается въ глаза. Можно

---

[1]) См. оффиц. сбор. „Университетскій вопросъ“ 1863, стр. 42—43.

[2]) См. наз. оффиц. сбор., стр. 92.

подумать, что наши газеты и журналы въ 1862 году пользовались абсолютною свободою, а не выходили подъ строгою предварительною цензурою. Если же она не мѣшала появленію „гнусныхъ клеветъ“ на студентовъ, то на это, вѣроятно, были свои причины [1]), и вообще крайне сомнительно, чтобы именно приведенные оффиціальные мотивы имѣли рѣшающее значеніе при обсужденіи вопроса о студенческихъ корпораціяхъ.

VII.

18-го іюня 1863 г. былъ Высочайше утвержденъ новый университетскій уставъ, въ которомъ мин. нар. просв. А. В. Головнинъ далеко не вполнѣ успѣлъ осуществить свою либеральную программу. Въ указѣ сенату реформа мотивировалась желаніемъ преобразовать университеты „согласно современнымъ потребностямъ“.

Уставъ 1863 г. предоставилъ совѣтамъ значительную долю самоуправленія, сохранивъ однако за попечителемъ неопредѣленную, но довольно широкую дискреціонную власть (§ 26). При организаціи самоуправленія далеко не были соблюдены всѣ гарантіи, какія рекомендовались лицами, дѣлавшими замѣчанія на проектъ...

Подводить итоги [2]) университетской реформѣ 63-го года не соотвѣтствуетъ ни силамъ автора [3]), ни задачѣ его.

Но мы не можемъ не привести свидѣтельства одного авторитетнаго эксперта, поистинѣ наставника юношества и мудреца, проф. Рѣдкина, воспитавшаго множество поколѣній университетской молодежи (въ томъ

---

[1]) Цензоръ Никитенко заноситъ въ свой Дневникъ въ іюнѣ 1862 г.: „Народъ все думаетъ, что поджигаютъ студенты. Мин. народ. просв. Головнинъ писалъ Валуеву (мин. внутр. дѣлъ), чтобы тотъ сдѣлалъ объявленіе въ томъ смыслѣ, что напрасно обвиняютъ студентовъ. Валуевъ *отказалъ*“ (II, 333).

[2]) Число каѳедръ было увеличено на историк.-филол. съ 8 на 11, на физико-матем. съ 8 на 12, на юридич. съ 7 на 13, на медицинскомъ съ 10 на 16.—Число преподавателей увеличено въ общемъ съ 265 на 443 (см. н. сбор. Унив. Уст. 74, 82, 107).

Оклады профессоровъ были возвышены до двухъ и трехъ тысячъ, т.-е. почти удвоены. Общая смѣта университетовъ съ 988.000 р. по новымъ штатамъ была увеличена до 1.760.000 р.

[3]) Въ брошюрѣ проф. Модестова „Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ“ указаны вкратцѣ успѣхи русской университетской науки во всѣхъ областяхъ знанія, особенно же естествознанія. Какъ на одинъ изъ признаковъ поднятія научнаго уровня, г. Модестовъ указываетъ на небывалое явленіе—на приглашеніе бывшаго профессора Московскаго университета М. М. Ковалевскаго въ заграничные университеты (стр. 22).

числѣ и то [1]), которому довелось впослѣдствіи писать уставъ 1863 г.), начиная съ мрачной эпохи 30-хъ — 40-хъ годовъ, продолжая временемъ красной весны 60-хъ годовъ и кончая сѣрою осенью 80-хъ годовъ. Уставъ 1863 г., далекій отъ совершенства, какъ плодъ неискренняго компромисса, былъ, однако, по удостовѣренію этого безпристрастнаго и компетентнаго судьи, предъ нравственнымъ авторитетомъ котораго должны умолкнуть вражда и скептицизмъ самыхъ завзятыхъ laudatores temporis acti, — былъ большимъ шагомъ впередъ.

Открывая свой курсъ энциклопедіи юридическихъ *и политическихъ наукъ*, короче—энциклопедіи *права*, каѳедра коей впервые введена была уставомъ, взамѣнъ прежней энциклопедіи *законовѣдѣнія*, проф. Рѣдкинъ въ своей первой вступительной лекціи 1863 года рельефно очертилъ сущность перемѣны, произведенной университетскою реформою въ области юридическихъ и другихъ наукъ. Въ прежнее время университетамъ ставилось задачею приготовить не юристовъ, а „законниковъ“, выдолбившихъ основательно букву постановленій Свода Законовъ, безъ малѣйшей критики ихъ съ точки зрѣнія юридическихъ и политическихъ наукъ. Уставъ 1863 г. на мѣсто такого механическаго преподаванія одного текста законодательства ввелъ изученіе *права*, какъ науки самостоятельной и не имѣющей иной цѣли, кромѣ отысканія истины и правды чистой, а не приноровленной ad usum delphini. „Судите меня,—говорилъ Рѣдкинъ, приступая къ выполненію крайне сложной, трудной и отвѣтственной задачи, возложенной на *новую* каѳедру,—*судите—на то я сюда и пришелъ*, какъ лицо, публичное, не только признающее, но желающее критики для пользы самаго дѣла, какъ профессоръ университета, того высшаго ученаго и учебнаго учрежденія, гдѣ *замолкаютъ авторитеты* и начинаетъ говорить *сама истина*, сама наука въ современномъ ея состояніи, наука самостоятельная, какъ самостоятельная истина, наука, независимая ни отъ какихъ постороннихъ внѣшнихъ цѣлей, ни отъ какихъ предубѣжденій и предразсудковъ, наука безстрашная, не останавливающаяся ни предъ какими результатами, наука *самоцѣльная*, дорожащая каждою истиною, хотя бы еще неприложимою къ жизни въ настоящее время, въ томъ убѣжденіи, что истина, какъ разумное, рано или поздно осуществится, что, по нашей народной пословицѣ: „все минется, одна правда останется“, а потому вмѣстѣ и практическое въ истинномъ смыслѣ этого слова, ибо непрактичное—не истина, а ложь“ [2]).

---

[1]) Проф. Рѣдкинъ указываетъ, что пригласившій его въ С.-Петербургскій университетъ попечитель округа И. Д. Деляновъ былъ его ученикомъ (изъ лекцій, I, 20).

[2]) См. стр. 20, т. I. Изъ лекцій Рѣдкина.

Упомянувъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ вступительныхъ лекцій о значеніи университетской науки для жизни, маститый правоучитель говорилъ:

„Какъ *истые юристы*, состоя въ должности судьи, адвоката и т. п., вы на первыхъ порахъ не будете, конечно, въ состояніи процитировать слово въ слово множество статей изъ Свода Законовъ, но, знакомые съ *началами права* вообще и права отечественнаго въ особенности, вы возведете къ нимъ все безчисленное множество нашихъ законоположеній, вы поймете ихъ внутреннюю связь, вы вникнете въ то, что поверхостному наблюдателю обыкновенно кажется противорѣчіемъ между законами; вы найдете пробѣлы въ нашемъ законодательствѣ, для восполненія которыхъ не будете безпрестанно тревожить законодателя, а изъ имѣющихся уже, вами сознанныхъ, *общихъ началъ*, будете выводить сами рѣшенія [1]). Вы пріобрѣтете этимъ практическій тактъ въ судебныхъ дѣлахъ, которымъ обыкновенно похваляются посѣдѣлые въ рутинѣ практики и пріобрѣтете гораздо скорѣе ихъ, потому что тактъ пріобрѣтается не столько временемъ, сколько *сознательною дѣятельностью*; тактъ есть инстинктъ дѣятельности, соединенной съ природною даровитостью, а всѣ инстинкты и всякая даровитость развивается преимущественно знаніемъ, наукою.

„*На административномъ поприщѣ*,—говорилъ далѣе проф. Рѣдкинъ, *вы не будете вынуждены прибѣгать, идя ощупью, не освѣщаемые наукою, къ полумѣрамъ къ средствамъ палліативнымъ*, къ разнымъ кунстштюкамъ, перебиваясь ими со дня на день, лишь бы на короткій срокъ вашего служенія, а затѣмъ *après moi le déluge. Нѣтъ, съ твердою помощью началъ науки вы сумѣете радикально лѣчить всякую общественную болѣзнь*, ясно сознавая настоящее, прозрѣвши будущее, какъ пророкъ, и своею раціональною дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству, а себѣ вѣчную память людей, приготовлявшихъ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра“ [2]).

Вотъ какимъ честнымъ и мужественнымъ языкомъ заговорила юридическая наука, представители коей, пресмыкаясь предъ властями и предъ всѣми существовавшими уродливыми явленіями, недавно еще пѣли отъ имени науки, въ этой самой аудиторіи, диѳирамбъ сначала въ честь кнута, а потомъ, послѣ его отмѣны, въ честь трехвостной плети, восхваляли канцелярскую тайну, бумажное производство, розыскныя истязанія, опол-

---

[1]) Полновѣснымъ подтвержденіемъ словъ проф. Рѣдкина можетъ служить замѣчательная книга г. Боровиковскаго „Отчетъ судьи“ (см. разборъ въ статьѣ моей „Гражданское правосудіе въ духѣ Судебныхъ Уставовъ“ въ Сборникѣ въ пользу голодающихъ, изд. *Русской Мысли* и въ № 5 *Русской Мысли* 1893 г.).

[2]) Изъ лекцій, т. I, стр. 37.

чались противъ гласности, противъ адвокатуры и другихъ подобныхъ же „неблагонамѣренныхъ и сумасбродныхъ“ [1]) измышленій гніющаго запада [2]), осуществленныхъ Судебными Уставами...

За подобное, хотя бы и временное, просвѣтлѣніе университетской науки слѣдуетъ быть признательнымъ уставу 1863 года: его составителямъ и примѣнителямъ, и въ особенности вдохновителю университетской реформы и главному ея руководителю въ первые годы (до 1866 г.), министру народнаго просвѣщенія, извѣстному своимъ либерализмомъ, А. В. Головнину, постъ котораго вскорѣ послѣ 4-го апрѣля 1866 года занялъ графъ Д. А. Толстой, представитель реакціоннаго направленія.

---

[1]) См. Никитенко, II, 320.

[2]) См. Я. Баршева—Основ. угол. суд., стр. 67--68.—Братъ предыдущаго, другой криминалистъ С. И. Баршевъ съ каѳедры Московскаго университета защищалъ смертную казнь и тѣлесныя наказанія (до отмѣны ихъ), и розыскной процессъ (до судебной реформы).—Есть случаи, говорилъ проф. С. И. Баршевъ, гдѣ смертная казнь можетъ быть необходима, *хотя* преступленіе *ни въ какомъ отношеніи неопасно* для государства; если государство казнитъ смертью, то не человѣкъ убиваетъ человѣка, но преступленіе, достойное смерти, лишаетъ жизни преступника, кровь требуетъ крови; если государство лишаетъ только жизни, то оно убиваетъ только тѣло, но когда оно осуждаетъ на пожизненное лишеніе свободы въ соединеніи съ тяжкими работами, то оно можетъ *убить и душу* (sic). (См. Общія начала теоріи законодател. о преступл. и наказ. М. 1841, стр. 21, 23). Для лицъ низшаго класса тѣлесное наказаніе представляется цѣлесообразнѣйшимъ. Только одно безотчетное предрасположеніе къ лишенію свободы, которое взошло въ моду въ наше время, могло также вооружить противъ тѣлесныхъ наказаній (см. тамъ же 80, 81, стр. 11, изд. II).

IV.

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ.

Принципъ правительственнаго невмѣшательства не есть что-либо чуждое правительству, идущее наперекоръ ему, умаляющее или стѣсняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого начала заключается весь прогрессъ и правительства, и общества.

М. Н. Катковъ (1864 г.).

Будьте увѣрены—враги великихъ реформъ дарованныхъ русскому народу и впервые вводящихъ его въ кругъ цивилизованныхъ націй, не могутъ не быть врагами своего народа!

Онъ же (1867 г.).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Земское Положеніе 1864 г.

(Справка къ 30-тилѣтію).

Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе съять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей.

П. А. Валуевъ (1855 г.).

I.

Исторія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. можетъ служить наглядным доказательствомъ тому, какъ иной разъ реформа, задуманная при единодушномъ сочувствіи общества, ведетъ къ быстрому разочарованію и къ продолжительнымъ крупнымъ недоразумѣніямъ, благодаря отсутствію національнаго плана у руководителя реформы и стремленію его сочетать противоположные принципы, совмѣстить взаимно исключающія другъ друга системы и тенденціи.

Корень земской реформы 1864 г., какъ и всѣхъ другихъ реформъ 60-хъ годовъ (и частью и 70-хъ: Городовое Положеніе 1870 г. и Уставъ о воинской повинности 1874 г.), лежитъ все въ томъ же великомъ освободительно-гуманномъ движеніи конца 50-хъ годовъ, которому Россія обязана своимъ быстрымъ обновленіемъ и возрожденіемъ послѣ тридцатилѣтняго застоя, завершившагося севастопольскимъ погромомъ. Ближайшимъ же источникомъ земскаго Положенія служитъ русская magna charta liber-

tatum, великій законодательный актъ 19-го февраля 1861 г., явившійся, по справедливому замѣчанію одного журнала [1]), первымъ плодомъ дружнаго, воодушевленнаго общественнаго движенія и, какъ путеводная звѣзда, освѣщавшая(вѣрнѣе было бы сказать, долженствовавшая освѣщать) путь послѣдующимъ преобразованіямъ. Такая тѣсная связь, связь не только внѣшняя, хронологическая, но и внутренняя, нравственная, причинная— признается не только историками и публицистами, но и оффиціальными документами.

Мысль о необходимости переустройства мѣстнаго общественно-хозяйственнаго управленія, равно преобразованіе прочихъ частей управленія— уѣзднаго, городского, губернскаго, читаемъ въ одной обширной оффиціальной исторической запискѣ, возникла при начертаніи въ концѣ 50-хъ годовъ Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и затѣмъ послужила основаніемъ *поступательному*, еще не завершившемуся, *движенію* законодательства въ области преобразованія мѣстнаго управленія, которое, такимъ образомъ, „является *необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ великой реформы* славнаго царствованія блаженной памяти императора Александра II—дарованія свободы 20-тимилліонному крѣпостному населенію“ [2]).

Почему поступательное движеніе въ мѣстномъ управленіи являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ великой реформы, въ чемъ именно заключалась основная тенденція этого движенія и осуществило ли ее Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года? Въ названной оффиціальной запискѣ, составленной въ 89 г., т.-е. въ реакціонное время, крайне неблагопріятное для оцѣнки идей и стремленій 60-хъ гг., конечно, нельзя найти

---

[1]) Только защищаясь закономъ, говорили *Отеч. Зап.*, можно успѣшно бороться съ произволомъ и подвинуть къ этой борьбѣ все общество. Только опираясь на Magna charta, англичане дошли до Habeas Corpus-act'a. Положенія 19-го февраля— это наша первая хартія, пріобрѣтенная общимъ единодушнымъ сознаніемъ его необходимости (1862 г., № 9, стр. 26).

[2]) См. стр. 1 *Исторической Записки о ходѣ работъ по составленію и примѣненію положенія о земскихъ учрежденіяхъ*. Записка составлена въ 1889 году, кажется, въ кодификаціонномъ отдѣлѣ.—Если англичанинъ Макензи Іоэсъ былъ пораженъ эрудиціей, которую онъ встрѣчалъ въ продуктахъ нашей бюрократіи, выводящей на справку законы временъ царя Соломона, пелопонезской войны и пр. (см. La Russie. Paris. 1879, t. I, 304), то не менѣе поразительны и размѣры этихъ продуктовъ, долженствующіе привести въ ужасъ убѣленныхъ сѣдинами членовъ нашихъ законодательныхъ учрежденій (въ виду этого поднятый недавно вопросъ о „переутомленіи“ ихъ не представляется, пожалуй, праздным). Такъ, помянутая „Записка“ занимаетъ 400 печатныхъ страницъ in folio. Судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи подлиннымъ журналамъ госуд. совѣта 1864 г., Записка почти цѣликомъ повторяетъ ихъ.—См. также: М. И. Свѣшникова—„Основы и предѣлы самоуправленія“. Спб., 1892 г., стр. 121—162.

прямого и вѣрнаго отвѣта на эти вопросы, точная постановка и разрѣшеніе коихъ выходили бы даже за предѣлы практической ея задачи, чуждой историческихъ, идейныхъ обобщеній, но нѣкоторый намекъ или отвѣтъ на эти вопросы находимъ и въ сухомъ оффиціальномъ изложеніи хода дѣлъ. Указавъ на то, что цѣлью земской реформы было стремленіе предоставить хозяйственному управленію большее единство, *самостоятельность и довѣріе*, а послѣ освобожденія крестьянъ и необходимость новаго распредѣленія земскихъ повинностей, обѣщаннаго 167 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ, историческая записка, помимо этихъ, такъ сказать, матеріальныхъ, техническихъ или практическихъ поводовъ (не однѣми же заботами о мостахъ и гатяхъ были вызваны, въ самомъ дѣлѣ, та необычайная настойчивость и лихорадочное нетерпѣніе, съ которыми печать и многія дворянскія собранія въ 62—64-мъ гг. ждали и требовали скорѣйшаго открытія земскихъ учрежденій!) къ мѣстной реформѣ, указываетъ и на соображенія нравственно-политическаго порядка. „Независимо отъ сего необходимо было,—сказано въ Запискѣ,—положить *предѣлъ* возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій *несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ* разныхъ сословій“. Такимъ образомъ земская реформа должна была удовлетворить двумъ требованіямъ: стремленію улучшить мѣстное хозяйственное управленіе и дать исходъ „свободнымъ стремленіямъ“ общества, т.-е. единодушному, громкому запросу на самоуправленіе, заявленному общественнымъ мнѣніемъ.

И эти „свободныя стремленія“ не были дѣломъ случайнаго, минутнаго увлеченія, а логическимъ выводомъ тяжкаго историческаго урока, накликаннаго торжествомъ всемогущей бюрократической опеки и полнымъ подавленіемъ общественной мысли, слова и дѣятельности.

Я сдѣлалъ, что могъ; жалѣю, что не могъ сдѣлать лучше,—говорилъ на смертномъ одрѣ Императоръ Николай I, съ горечью констатируя предъ своимъ наслѣдникомъ „непорядокъ въ командѣ“ [1]). Эти простыя, дышащія глубокою искренностью и чуждыя всякой оффиціальной условности, слова, сказанныя вдобавокъ въ такую исключительную по торжественности минуту, когда дыханіе смерти носилось уже надъ головою сильнѣйшаго изъ сильныхъ міра сего, были настоящимъ погребальнымъ звономъ для старой всесильной, всеподавляющей, непогрѣшимой бюрократической системы, основанной на крѣпостномъ правѣ и неизбѣжномъ спутникѣ его—канцелярской рутинѣ и чиновничьемъ произволѣ и опекѣ. Если даже такой сильный волею, извѣстный своею энергіею, твердостью формальныхъ принциповъ, рѣдкимъ трудолюбіемъ и вниканіемъ въ дѣла управленія монархъ не могъ избѣжать крупныхъ промаховъ, то это съ очевидностью

---

[1]) Cardonne — L'empereur Alexandre II. Paris, 1883, p. 216 (см. выше главу I).

доказывало непригодность существовавшей бюрократической системы управленія, или точнѣе „команды“, какъ выражался самъ Николай I. Да, именно „команда“,—этотъ военный терминъ идетъ, какъ нельзя лучше, потому что вся дореформенная система, по вѣрному опредѣленію хорошо знавшаго ее, извѣстнаго государственнаго человѣка Н. А. Милютина, была не что иное, какъ *военно-вотчинное* управленіе въ духѣ временъ 30-тилѣтней войны [1]), имѣя идеаломъ аракчеевскія военныя поселенія. Когда одинъ изъ даровитѣйшихъ изобличителей язвъ дореформеннаго стараго строя [2]), М. Н. Катковъ, говорилъ, что дореформенная администрація была: *все во всемъ*, другими словами, что она чуть не присвоивала себѣ атрибуты, подобающіе одному лишь всемогущему и вездѣсущему божеству [3]), то тутъ не было гиперболы или натяжки. Достаточно вспомнить, что тогдашняя цензура дерзала наложить свою тяжелую руку даже на самое Священное Писаніе [4]), что бюрократія не въ шутку, а вполнѣ серьезно подготовляла „проектъ религіи“ для инородцевъ, составленный эклектически на основаніи Евангелія и Корана [5])... Въ своемъ стремленіи искоренять вездѣ самомалѣйшія проявленія „буйной“ самостоятельности, бюрократія, вѣроятно, не преминула бы исправить „ошибку Провидѣнія“, надѣлившаго человѣка свободою воли [6]), если бы имѣла она на то достаточно досуга, силъ и средствъ.

---

[1]) Leroy-Beaulieu — Un homme d'état russe (N. Milutine). Paris, 1884, p. 16 „Сердце обливается кровью при чтеніи вашихъ депешъ,—писалъ Н. А. Милютинъ 17 марта 1856 года новороссійскому генералъ-губернатору графу Строганову:— таково общее впечатлѣніе, но все, что мы тутъ (въ Петербургѣ) ни сдѣлаемъ, принесетъ ничтожную пользу странѣ, пока она будетъ предоставлена безконтрольному усмотрѣнію арміи, управляемой въ духѣ временъ Валленштейна“.

[2]) *Моск. Вѣдом.* 1866 г., № 198.

[3]) Апост. Павла I Посл. къ коринѳ. XV, 28—„да будетъ Богъ все во всемъ“.

[4]) Полн. собр. сочин. И. С. Аксакова, т. V, 165.—Типичный представитель государственнаго „исламизма“ Д. П. Бутурлинъ требовалъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, напр., такой: Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ! — Когда Бутурлину объяснили, что этимъ онъ осуждаетъ автора акаѳиста, своего патрона, св. Дмитрія Ростовскаго, котораго никогда не считали революціонеромъ, Бутурлинъ замѣтилъ: „кто бы ни сочинялъ, тутъ есть опасныя выраженія“. Гр. Блудовъ возразилъ, что такія выраженія встрѣчаются и въ Евангеліи, на что Бутурлинъ въ шуточномъ тонѣ отвѣтилъ, что если бы Евангеліе не было такою извѣстною книгою, то цензурѣ, конечно, нужно было бы *исправить* ее. См. Энциклопедическій словарь, т. V, слово „Бутурлинъ“.

[5]) Письма о Россіи. Берлинъ, 1879 г., V.

[6]) Борясь съ французскою реакціею 1827 г., стремившеюся стѣснить свободу печати, Ройе-Колларъ писалъ: „въ душѣ реакціонеры думаютъ, что въ великій день творенія была допущена ошибка Провидѣніемъ, даровавшимъ человѣку, въ отличіе отъ другихъ твореній, умъ и свободу; отсюда все зло на землѣ, которое

Стянувъ все къ одному центру [1]), захвативъ и подчинивъ своему давящему произволу всѣ отрасли государственной, общественной и духовной жизни, бюрократія подчинила все и вся своей мертвящей опекѣ, подавивъ всякое проявленіе самостоятельныхъ общественныхъ или индивидуальныхъ силъ. Вотъ каково было положеніе этихъ силъ въ дореформен-

---

надѣется реакція исправить исправленіемъ неумѣстной щедрости и, упразднивъ пагубный даръ, возвысить человѣчество до счастливой невинности... животныхъ". См. Bibliothèque populaire, № 145, p. 133.

[1]) Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, — писалъ въ 1859 г. А. М. Унковскій въ своихъ Соображеніяхъ по докладамъ Редакціонныхъ Коммиссій,—а потому дѣлъ бездна. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу. Все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей. Народъ не смѣетъ нанять общими средствами одной подводы или лачужки для исполненія подводной или квартирной повинности, не можетъ поставить дрянного моста, даже не имѣетъ права нанять общаго учителя грамоты. Наконецъ, эта централизація доведена до того, что планы самыхъ незначительныхъ общественныхъ строеній, не стоящихъ вниманія, должны быть представляемы на утвержденіе Верховной Власти. При всемъ этомъ исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ: и хозяйственныя, и полицейскія, и судебно-слѣдственныя и даже частью судебныя. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческою личностью *всѣ* роды властей, и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически... Дѣла по управленію, при ихъ безчисленномъ множествѣ, являются вездѣ, во всѣхъ исполнительныхъ учрежденіяхъ въ видѣ огромныхъ обозовъ, наполненныхъ бумагой, для разбора которой нужны десятки и даже сотни канцелярскихъ чиновниковъ. Такая правительственная опека надъ всею жизнью народа невозможна на практикѣ и дѣлается сама причиною беззаконій. Неисполнимые законы никогда не исполняются, и даже само правительство должно снисходительно смотрѣть на неисполненіе ихъ. Все это привело къ тому, что дѣла управленія находятся вовсе не въ тѣхъ рукахъ, которымъ они ввѣрены. Большая часть ихъ необходимо должна перейти отъ начальниковъ къ ихъ канцеляріямъ, имѣющимъ возможность казнить и миловать подчиненныхъ и дѣйствующимъ за чужою спиною и безъ всякой отвѣтственности... Естественно, что исполнительныя учрежденія наполняются большею частью людьми, отказавшимися отъ своего человѣческаго достоинства и обратившими государственную службу въ самое постыдное ремесло (стр. 11—15 вып. IX *Голосовъ изъ Россіи*).—Городская Дума безъ разрѣшенія губернскаго правленія не смѣла продать навоза отъ пожарныхъ лошадей стоимостью не болѣе 50 руб. См. матеріалы, относящ. до новаго обществ. устройства въ городахъ Имперіи. Т. I, стр. 85.—На бумагѣ у насъ существовала централизація,—говоритъ А. А. Головачевъ,—а на практикѣ царствовало одно чиновничье самоуправство (см. стр. 149 книги его—„Десять лѣтъ реформъ").—Характеристику дореформеннаго административнаго произвола см. также у Н. А. Любимова—„М. Н. Катковъ". Спб. 1888, гл. I, стр. 182. — Валуевъ писалъ въ 1856 г.: „Недовѣрчивость и неискренность всегда сопровождаются внутренними противорѣчіями. Управленіе доведено въ каждой отдѣльной части до высшей степени централизаціи, но взаимныя связи этихъ частей малочисленны и шатки. Каждое министерство дѣйствуетъ, по возможности, особнякомъ и ревностно примѣняется къ правиламъ древней системы удѣловъ. Централизація имѣетъ цѣлью наивозможно большее вліяніе высшихъ

ной Россіи, по характеристикѣ М. Н. Каткова: „Наука? Науки не было,—писалъ этотъ будущій апологетъ самаго безпощаднаго разгула чиновничьяго полновластья,—была бюрократія. Право собственности? Его не было—была бюрократія. Законъ и судъ? Суда не было—была бюрократія. Администрація? Администраціи не было—было *постоянно организованное повышеніе власти*, съ тѣмъ вмѣстѣ ея бездѣйствіе въ щербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ“ [1]).

Другой публицистъ, честный, благородный, но не дальновидный И. С. Аксаковъ [2]), бросая въ 1884 г. ретроспективный взглядъ на дореформен-

---

властей, но, благодаря массѣ дѣлъ, рѣшеніе ихъ переходитъ къ канцеляріямъ и судьба представленій генералъ-губернаторовъ весьма нерѣдко зависитъ не отъ министровъ, но отъ столоначальниковъ (Дума Русскаго, „Русск. Стар.“ 1891 г., май, 355).

[1]) См. Катковъ и его время. С. Невѣдѣнскаго Спб. 188, стр. 419.—Ив. В. Павловъ въ письмахъ къ единомышленнику Каткова Щедрину-Салтыкову, печатавшему въ *Русскомъ Вѣстникѣ* свои знаменитые „Губернскіе Очерки“, сравниваетъ администрацію дореформеннаго времени съ варягами, призванными княжить и владѣть: „Варяги—это губернаторы, предсѣдатели палатъ, секретари, становые полиціймейстеры,—однимъ словомъ всѣ администраторы, которыми держится какой ни на есть порядокъ въ великой и обильной землѣ нашей. Это вся наша 14-тиклассная бюрократія, это 14-тиглавый змій поѣдучій, чудо поганое нашихъ народныхъ сказаній... Все, что носитъ печать змія, обстоятельствами поставлено во вражду съ народностью и само по себѣ съ нею враждуетъ. Стоитъ администраторамъ оффиціально признать какое-нибудь народное учрежденіе, такъ оно тотчасъ же опошлится въ глазахъ народа. Главная опора змія—крѣпостное право, въ которомъ законъ освящаетъ эксплоатацію человѣка человѣкомъ, произволъ, насиліе и грабежъ.—Всякій варяжскій администраторъ дѣйствуетъ, слѣдовательно, *въ духѣ закона*. Отсюда безсильны всѣ нападки на взяточничество—и Капнистова „Ябеда“ и Гоголевъ „Ревизоръ“ и твои „Губернскіе Очерки“—увы! Пока по *закону* существуетъ крѣпостное право, до тѣхъ поръ въ сплошной твердынѣ взятокъ даже и бреши нельзя сдѣлать“. Въ своихъ отвѣтахъ Салтыковъ, между прочимъ, писалъ: „Есть одна штука (она же единственная), которая можетъ истребить взяточничество: поселить правду въ судахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысить народную нравственность—это возвышеніе *земскаго начала на счетъ бюрократическаго*“ (см. На зарѣ крестьянской свободы—*Русск. Стар.* 1897, XI, 233, 236.

[2]) Какъ извѣстно, И. С. Аксаковъ въ 80-хъ годахъ, по недоразумѣнію, подвизался въ одномъ лагерѣ съ М. Н. Катковымъ, который, сжигая въ это время то, чему поклонялся за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, выступилъ съ обычною всѣмъ отщепенцамъ рѣзкостью, гонителемъ всего, что хоть отдаленнымъ образомъ напоминало его собственныя воззрѣнія о необходимости самодѣятельности общества (см. гл. XIII назв. сбор. Невѣдѣнскаго).—Покойный публицистъ А. А. Градовскій, кокоторый, какъ и всѣ, вѣрилъ въ безусловную чистоту намѣреній честнаго, но близорукаго Аксакова, подтрунивая въ *Голосѣ* надъ его союзомъ съ недобросовѣстными компаніонами, писалъ, что въ то время, какъ Аксаковъ, подобно звѣздочету, будетъ смотрѣть въ небо, его ловкіе союзники вытащатъ у него изъ кармана платокъ.

ный режимъ, характеризовалъ его такъ: „Намъ указываютъ,—писалъ онъ,—что образцомъ *„крѣпкаго и сильнаго правительства“* (ковычки вездѣ подлинника) служитъ правительство николаевскихъ временъ и что слѣдовало бы, значитъ, вернуться къ его системѣ, стремившейся упразднить жизнь и духъ великой страны, не въ ней ли заключается *корень послѣдующихъ золъ?* Всѣмъ намъ, людямъ пожилымъ, памятно знаменитое „тридцатилѣтіе“. Фасадъ его былъ дѣйствительно блестящій до такой степени, что онъ и теперь въ поколѣніяхъ позднѣйшихъ вызываетъ иногда ретроспективное удивленіе. Но не даромъ же и сказано было про Россію, что она—страна фасадовъ и парадовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россія стояла, повидимому, на верху славы и могущества; казалось—„передъ ея державнымъ блескомъ народы молча клонили взоръ“, мы несли на себѣ *оберъ-полиціймейстерство* чуть не въ цѣлой Европѣ, великодушно оплачивая дорого стоящую должность русскими деньгами, силами, интересами и даже кровью; когда вопреки нашей полиціи, Австрія очутилась на краю пропасти, мы сочли долгомъ спасти ее, такъ таки возвѣстивъ міру съ гордостью, нѣсколько простосердечною, что „разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“.

„Въ самой же Россіи,—продолжаетъ Аксаковъ,—по части политики внутренней, фасадъ былъ не менѣе пышенъ: снаружи—припомнимъ—все чинно, прочно и стройно; порядокъ—на диво; дисциплина—на славу; законовъ—пятнадцатитомная благодать; правительство не только крѣпкое и мощное, но, казалось, проникнутое единствомъ системы и духа во всѣхъ своихъ органахъ отъ петербургскаго центра до послѣдняго Держиморды въ захолустномъ городишкѣ; правительство грозное, вседержащее, тысячеокое, тысячерукое, *вездѣсущее* (курс. под.), о которомъ ужъ никакъ не приходилось сказать, что оно въ отлучкѣ—тѣмъ менѣе было нужды возвѣщать подданнымъ впередъ объ его появленіи, призывая громкимъ кри-комъ *„вставайте“...“* (намекъ на Каткова) правительство-де идетъ, правительство возвращается! [1]). Чего ужъ тутъ было вставать! *Россія и безъ того стояла на вытяжкѣ* „во фрунтъ“, двигаясь словно по струнѣ и на неумолчные грозовые окрики команды неумолчно же, испуганно рапортовала: „все обстоитъ благополучно“... Впрочемъ сама эта Россія—вся, съ Русскою землею и народомъ—представлялась въ понятіяхъ пра-

---

[1]) „Эта фраза была сказана Катковымъ въ 1884 г. въ періодъ, когда онъ, какъ говорилъ Невѣдѣнскій, сталъ „представителемъ“ стараго порядка, въ которомъ онъ когда-то видѣлъ темную силу и *несчастіе* Россіи“ (см. 356). И этотъ человѣкъ могъ впослѣдствіи *дописаться* до обвиненія не только земства и городовъ, но и Сената и Государственнаго Совѣта въ разрушительныхъ тенденціяхъ, если они не угождали реакціоннымъ вкусамъ бюрократіи эпохи Толстого!

вительства какою-то обширною „*командою*“, да такъ и называлась—командою, довести которую до полной „исправности“ или до солдатской выправки духовной и внѣшней и составляло его *завѣтнѣйшую мечту*. Да и мало ли о чемъ тогда мечталось! Мечталось и объ единообразіи архитектуры по всей имперіи, и объ единообразіи покроя платья и причесокъ съ укрощеніемъ *своеволія* (к. п.) модъ, даже и о цензурѣ Священнаго Писанія!.. Нельзя ужъ было пожаловаться на противорѣчія, нельзя было обвинять въ распущенности управленіе учебными заведеніями: воспитаніе учреждалось, повидимому, желѣзною энергіею; философія—по боку; верховная власть объявлена была (даже оффиціально) „верховною совѣстью“ (sic), т.-е. началомъ, имѣющимъ упразднить личную, подвижную человѣческую совѣсть... [1]). Въ предѣлахъ таковыхъ понятій насаждалось, съ крутымъ усердіемъ, и самое православіе. Но подъ стройною наружною мощью таилась слабость, гнѣздилась гниль. Что, чѣмъ была въ это время Россія:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!..

Въ это самое время Россія задыхалась отъ духоты, отъ недостатка простора для мысли и души въ своемъ пространномъ царствѣ. Публично слышалось лишь молчаніе, но не слышно шептались въ университетахъ и обществѣ смѣлыя и подчасъ извращенныя думы. Спугнули умъ, но не задавили мысль, и она пошла, пошла себѣ бродить подпольными, тайными путями, озлобляясь и искривляясь, восполняя свою скудость и незрѣлость лживою обольстительностью запретнаго плода“ [2]).

---

[1]) О возведеніи въ принципъ безпрекословнаго исполненія желаній начальства вопреки убѣжденію, см. разсужденія гр. Панина, выше въ примѣч. главы I, § 1.

[2]) См. собр. соч. Аксакова т. V, 163 и слѣд. — М. Н. Катковъ, покуда еще не находившійся въ лагерѣ враговъ реформъ, „которые, по собственному его опредѣленію, *не могутъ не быть врагами своего народа*“ (Моск. Вѣд. 1867 г., № 51), также держался того убѣжденія, что революціонное движеніе въ Россіи вызвано не реформами 60-хъ, а предшествовавшею имъ эпохою гоненія мысли. „Всѣ эти лжеученія, всѣ эти дурныя направленія, писалъ Катковъ въ 1866 г. послѣ окончанія работъ Муравьевской слѣдственной комиссіи, родились и пріобрѣли силу посреди общества, не знавшаго ни науки свободной, уважаемой и сильной, ни публичности въ дѣлахъ касающихся самыхъ дорогихъ для него интересовъ, посреди общества, находившагося подъ цензурою и полицейскимъ надзоромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни. Всѣ эти лжеученія и дурныя направленія, на которыя слышатся теперь жалобы, суть плодъ мысли подавленной, неразвитой, рабской въ своихъ темныхъ трущобахъ“. (Моск. Вѣд. 1866, № 205).

Характеристикѣ дореформеннаго строя посвятилъ въ своей, надѣлавшей много шума, знаменитой *Думѣ Русскаго*, курляндскій губернаторъ П. А. Валуевъ, призванный впослѣдствіи обновить этотъ строй, слѣдующія замѣчательныя строки:

„Благопріятствуетъ ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее (1855 г.) устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія, спрашиваетъ авторъ *Думы* и отвѣчаетъ: отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую *оффиціальную ложь*. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное: вездѣ пріобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная, плоотворная польза. *Сверху блескъ; снизу гниль.* Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками; но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія?

„У насъ самый законъ, продолжаетъ благонамѣренный критикъ, нерѣдко заклейменъ неискренностью. Мало озабочиваясь опредѣлительною ясностью выраженій и практическою примѣнимостью правилъ, онъ смѣло и сознательно требуетъ невозможнаго. Онъ всюду предписываетъ истину и всюду предопредѣляетъ успѣхъ, но не пролагаетъ къ нимъ пути и *не обезпечиваетъ* исполненія своихъ собственныхъ требованій. Кто изъ нашихъ начальниковъ или даже изъ подчиненныхъ можетъ точно и послѣдовательно исполнить все, что ему вмѣнено въ обязанность дѣйствующими постановленіями? Для чего же вмѣняется въ обязанность невозможное? Для того, чтобы въ случаѣ надобности было, на кого обратить отвѣтственность.

„Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, продолжаетъ Валуевъ, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ *ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе.* Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ, или послѣдствіями голода, половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе, или точнѣе, длинный *рядъ гнуснѣйшихъ преступленій* даже остается доселѣ *безнаказаннымъ*. Между тѣмъ, возрастающая механизація дѣлопроизвод-

ства болѣе и болѣе затрудняетъ пріобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя инстанціи уже нынѣ болѣе заняты другъ другомъ, чѣмъ сущностью предметовъ ихъ вѣдомства. Высшія едва успѣваютъ наблюдать за внѣшнею правильностью дѣйствій низшихъ инстанцій; низшія почти исключительно озабочены удовлетвореніемъ внѣшней взыскательности высшихъ. *Самостоятельность мѣстныхъ начальствъ* до крайности ограничена, а высшіе начальники, кажется, забываютъ, что довѣріе къ подчиненнымъ и вниманіе, оказываемое ихъ взгляду на дѣло, суть также награды, хотя о нихъ и не вносится срочныхъ представленій въ комитетъ гг. министровъ“ [1]).

Вотъ что такое дореформенная бюрократическая, чиновничья система, измѣненіе коей стало, съ первыхъ же лѣтъ царствованія Александра II, вопросомъ дня. До какой степени въ то время реакція противъ чиновничьяго полновластья проникала въ самые умѣренные круги, могутъ дать понятіе слѣдующія сильныя строки изъ дневника цензора Никитенко: „Русскій чиновникъ—*ужасная личность*; что будетъ впереди—еще неизвѣстно, а до сихъ поръ онъ былъ естественный *злѣйшій врагъ* народнаго благосостоянія“. Валуевъ съ своей стороны отмѣчалъ, что „*озлобленіе* противъ порядковъ (до 1855 г.) *безпредѣльное* и всеобщее“ [2]).

---

[1]) „*Русск. Старина* 1891, V, 340. Тотъ же Валуевъ писалъ: наша оффиціальная формалистика похожа на извѣстный surprise-attrapes, который состоитъ изъ множества коробочекъ, вкладываемыхъ одна въ другую. Раскрываешь коробочку—другая коробочка, раскрываешь эту—третья, потомъ четвертая, потомъ пятая и такъ далѣе и все меньше и меньше. Наконецъ, послѣдняя — и въ ней ничего. (Тамъ же, 341).

Велик. кн. Константинъ Николаевичъ издалъ извѣстный приказъ въ духѣ „*Думы*“ Валуева (см. дальше). сначала было переполошившій бюрократію. Но она скоро опомнилась, и одинъ изъ представителей ея баронъ Мейендорфъ писалъ: приказъ—parle de vol, de mensonges etc., mais demeurera sans suites fâcheuses. („говоритъ о кражѣ, о лжи, но не будетъ имѣть прискорбныхъ (для кого?) послѣдствій“ (стр. 345 въ Русск. Стар. 1891, май, 354—355).

[2]).См Дневникъ, II, 276.—Валуевъ сначала въ Дневникѣ своемъ смотритъ пессимистически на будущность Россіи: „Тоска невыразимая, — пишетъ онъ въ октябрѣ 1855 г.,—умъ и сердце ждутъ чего-то, но дни проходятъ за днями и чего-то попрежнему нѣтъ... У насъ правительство не замѣчаетъ, что оно сумѣло отучить насъ даже отъ надежды. Всѣ русскіе сознаются въ томъ, что у насъ все могло бы быть лучше. Но никто не вѣритъ въ сбыточность этого лучшаго; ждали, ждали и словно махнули рукою всѣ разомъ и начальники, и ихъ разномундирная рать, и весь православный народъ. Если теперь кто-нибудь скажетъ, что современный урокъ для насъ не останется безполезнымъ, то большинство отвѣчаетъ, что пользы попрежнему будетъ на мѣдный грошъ... Припоминали, что и въ 1812 году ожидали великой науки, но не дождались (стр. 341—342). Впослѣдствіи, однако, Валуевъ отмѣчаетъ перемѣну въ настроеніи (стр. 343 и слѣд. Р. С. 1891, V).

Въ виду такого настроенія полное упраздненіе подавляющей административной опеки стало въ концѣ 50-хъ годовъ, подъ неотразимымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и его важнѣйшей представительницы—печати, неотложною задачею правительственной программы, которая, начинаясь освобожденіемъ крестьянъ, должна была завершиться уничтоженіемъ бюрократической централизаціи и установленіемъ *самоуправленія* общественнаго, свободы слова и независимаго суда.

Съ изданіемъ Положенія о крестьянахъ, установившаго крестьянское самоуправленіе какъ въ сельскомъ, такъ и волостномъ обществѣ, предчувствовалась неизбѣжность мѣстнаго самоуправленія для всего русскаго общества, для всего народонаселенія. Обширный, хорошо обработанный планъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій на началахъ безсословнаго самоуправленія былъ представленъ, напр., тверскимъ губернскимъ комитетомъ (см. главу II § 3) [1]). Въ правительственныхъ рядахъ были люди, какъ, напр. Н. А. Милютинъ, способные съ должною энергіею и послѣдовательностью провести реформы для всесторонняго обновленія всего государственнаго управленія въ духѣ только что народившейся свободы и самоуправленія.

Въ то время, когда прогрессивная часть общества и печати, переживая весною 61-го года минуты идиллическаго упоенія медовымъ мѣсяцемъ свободы [2]), съ нетерпѣніемъ ждала установленія новой системы управленія, произошла реакція.

Не прошло и мѣсяца послѣ обнародованія манифеста о волѣ, когда друзья свободы въ великодушномъ увлеченіи собирались все „забыть и

---

[1]) Ближайшій сотрудникъ А. М. Унковскаго по Тверскому Комитету (см. главу II) А. А. Головачевъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Десять лѣтъ реформъ“ ставитъ въ вину Редак. Комиссіи, что она сдѣлала крестьянскую реформу сословною и отдѣлила ее отъ вопроса объ общихъ реформахъ по всему государственному управленію, вопреки проекту Тверского Комитета (см. тамъ же). Объясняетъ г. Головачевъ эту ошибку частью отсутствіемъ заранѣе обдуманнаго плана при постановкѣ крестьянскаго вопроса, который сначала фигурировалъ въ видѣ „улучшенія быта крестьянъ“, частью тѣмъ, что члены Редакц. Комиссіи не всегда были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ (стр. 162—163).

— Учрежденіе крестьянскаго самоуправленія имѣло, по словамъ Безобразова, громадное нравственное значеніе для всѣхъ сословій, всего народонаселенія. См. стр. 271 книги его Государство и Общество. Спб. 1881 года.

[2]) „Въ первое время послѣ обнародованія Манифеста,—писалъ 7-го мая 1861 г. кн. В. А. Черкасскій Н. А. Милютину,—общество, литература, администрація—всѣ пребывали въ идилліи. Я не могу передать, какъ мнѣ противно было такое настроеніе, которое такъ мало согласовалось съ дѣйствительностью; теперь начинается противоположное направленіе“. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 83.

все простить [1]) поверженнымъ въ прахъ врагамъ народной свободы, лишь бы они увѣровали въ свободу, въ воскресеніе народа,—какъ эти враги уже стояли ни ногахъ.

II.

Побѣда реакціонной партіи была совершившимся фактомъ уже въ половинѣ апрѣля 1861 г. Первыми жертвами ея пали мин. внутр. дѣлъ С. С. Ланской, не пережившій постигшей его неожиданной и крутой перемѣны, и временный (или какъ въ видѣ иронiи называли временно-постоянный) товарищъ министра [2]), главный двигатель крестьянской реформы, „кузнецъ-гражданинъ“ Н. А. Милютинъ. Реакція дѣйствовала такъ ловко, и ударъ подготовлялся такъ таинственно и искусно, что даже для такихъ высокопоставленныхъ друзей свободы, какъ великая княгиня Елена Павловна, онъ былъ совершеннымъ сюрпризомъ [3]). Самая поспѣшность увольненія Ланскаго и Милютина,—причемъ нарушены были не только относительно Милютина, котораго третировали за краснаго яраго революціонера [4]), и потому не церемонились съ нимъ, но и относительно престарѣлаго заслуженнаго сановника С. С. Ланского, даже общепринятыя правила оффиціальнаго этикета [5]),—свидѣтельствовала о необыкновенной

---

[1]) Все забыто, все прощено,—писалъ В. П. Безобразовъ, тотчасъ по обнародованіи Манифеста 19-го февраля, всѣмъ,—кто увѣруетъ въ воскресеніе, кто быстро встанетъ и пойдетъ къ обновленію. См. н. с. его, стр. 273.

[2]) Н. А. Милютинъ имѣлъ репутацію „революціонера“ въ придворныхъ сферахъ, и вслѣдствіе этого въ теченіе трехъ лѣтъ, до самой отставки своей, состоялъ „временнымъ“ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 34.

[3]) 29-го апрѣля 1861 г., т. е. двѣ недѣли спустя послѣ отставки Милютина, вел. к. Елена Павловна, не зная объ ней, писала Милютину: „Если вы будете наединѣ съ государемъ и онъ заведетъ съ вами рѣчь о дворянствѣ, вамъ слѣдуетъ сказать, что вы не противъ дворянства, но что вы огорчены тѣмъ, какъ мало ваша каста соотвѣтствуетъ своему назначенію“. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 172.

[4]) Репутацію „краснаго“ стяжалъ (см. ниже) Милютинъ еще въ 1846 году за составленіе проекта учрежденія въ столицахъ городского самоуправленія, но она особенно утвердилась за нимъ въ 1856 г. по поводу столкновенія с.-петербургской думы съ ген.-губ. Игнатьевымъ. Предъ назначеніемъ Милютина товарищемъ министра Александръ II говорилъ Ланскому: „онъ считается опаснымъ, во всякомъ случаѣ онъ заставляетъ о себѣ много говорить“. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 23, 26.

[5]) С. С. Ланской и Н. А. Милютинъ были уволены безъ прошенія. „Меня *выпроводили*, сдѣлавши сенаторомъ“, писалъ онъ 4-го мая 1861 г. кн. Черкасскому. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 76, 86, 75.

стремительности натиска, сдѣланнаго испугавшейся призрака предстоящаго разоренія придворно-крѣпостническою камарильею, требовавшей *немедленнаго* усѣкновенія главы враждебной „революціонной гидры“ [1]).

Въ чемъ былъ смыслъ этой „близорукой и безъидейной реакціи“, какъ ее называлъ Милютинъ [2])? Другой дѣятель крестьянской реформы кн. В. А. Черкасскій опредѣлялъ наступившее новое настроеніе такъ: „послѣ весенней оттепели намъ предстоитъ вернуться не къ суровой зимѣ, а къ скучной и грязной *слякоти* [3]). Я никому бы не пожелалъ изъ тѣхъ, кого люблю,—писалъ кн. Черкасскій,—управлять въ настоящее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: масса хлопотъ, страшная отвѣтственность, шансы сломать себѣ шею безъ надежды сдѣлать себѣ имя“.

Но въ чемъ другомъ, а въ самонадѣянности никогда не было недостатка у бюрократіи, которая, въ отличіе отъ Архимеда, даже безъ рычага и точки опоры, всегда считала себя въ силахъ, если не поднять нашу планету, то „урегулировать“ однимъ взмахомъ пера, въ силу присущаго ей всевѣдѣнія, всѣ самомалѣйшія и разнообразныя проявленія русской общественной жизни.

Преемникъ С. С. Ланского Валуевъ принадлежалъ къ новой полированной, мягко-стелющей бюрократической генераціи, не столь невѣжественной, какъ старая (примѣръ—предшественникъ Ланского, гр. Перовскій), но не менѣе близорукой, нетерпимой, самодовольной и самонадѣянной, чѣмъ старая [4]).

---

[1]) Помѣщики приходили въ ужасъ, опасаясь въ будущемъ своего разоренія, и для ихъ успокоенія былъ назначенъ П. А. Валуевъ, свободный отъ подозрѣнія во враждѣ къ дворянству. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 72.—Страхъ и угнетеніе господствуютъ всюду,—писалъ кн. Черкасскій въ маѣ 1861 г. изъ Тулы Милютину. Тамъ же, 85. Реакція объясняется, — писалъ 19 мая 1861 г. Самаринъ Милютину, непривычкою высшей среды къ продолжительному напряженію ума и воли Л.-Болье, 87.

[2]) Государь искренно желаетъ,—писалъ Милютинъ кн. Черкасскому 4-го мая 1861 г.,—добросовѣстнаго примѣненія крестьянской реформы; другіе разсчитывали передѣлать по своему. Замышляютъ на первый разъ стѣсненіе университета. Однимъ словомъ, камарилья хочетъ конопатить всѣ скважины Зимняго дворца. Л.-Болье, 76. *Біограф. Словарь* видитъ въ назначеніи Валуева опредѣленное политическое значеніе, какъ уступку дворянству (стр. 561).

[3]) Лероа-Болье, 80.

[4]) См. о Перовскомъ у Лероа-Болье (стр. 14).—Дневникъ Валуева даетъ цѣнный матеріалъ для характеристики личности автора. Талантливая натура, тщеславіе, безхарактерность, хорошія либеральныя слова, безъ соотвѣтственныхъ поступковъ—таковы преобладающія черты. Онъ хорошо понималъ недостатки старыхъ порядковъ, но не умѣлъ отъ нихъ отрѣшиться, частью благодаря средѣ, частью по своей винѣ. Для истинной жизни великихъ государствъ,—писалъ онъ въ 1855 г.,—нужны нравственныя начала, которыя могли бы служить основаніемъ государственныхъ

Блестящій діалектикъ, владѣющій и перомъ, изворотливый энциклопедистъ салоновъ, неистощимый бонмотистъ, съ безукоризненными манерами, прекрасно владѣющій „фразой“, не лишенною порою пикантнаго сарказма, мастеръ въ самомъ обворожительно-легкомъ тонѣ вести свѣтскую causerie—de omni re scibile et quibusdam aliis, умѣющій

Потолковать объ Ювеналѣ
Въ концѣ письма поставить vale.

таковъ былъ новый даровитый министръ, будущій авторъ *Лорина*, получившій въ аристократическихъ салонахъ Петербурга репутацію не только тонкаго государственнаго человѣка, призваннаго сочетать свободу и порядокъ, но и необычайно хитраго, гибкаго политика, ловкаго дѣльца,—словомъ, мага и чародѣя [1]), способнаго объять необъятное, примирить всѣ интересы, всѣхъ обворожить и сдѣлать довольными.

Мода на цѣльныхъ людей съ твердыми *убѣжденіями*, съ раціональными программами прошла [2]), и явился запросъ на ловкихъ „практиковъ“, на эмпириковъ, призванныхъ къ компромиссамъ, къ смягченію односторонности, къ умиротворенію по рецепту: „съ одной стороны нельзя не признаться... но съ другой...“ и пр. Двусмысленная роль П. А. Валуева при составленіи Положенія о крестьянахъ [3]) дѣлала его какъ разъ подхо-

---

дѣяній. Гдѣ и что наше основное государственное начало? Покорность? Кажется, нужно что-нибудь и еще“ (Русс. Стар. 1891, V, 345). Въ другомъ мѣстѣ онъ, между прочимъ, указываетъ такія начала: „начало нравственнаго достоинства въ дѣйствіяхъ высшихъ правительственныхъ властей, сопряженное съ началомъ уваженія къ человѣческой личности“. „Пора усмотрѣть,—говоритъ онъ далѣе,—что искусство быть ненавидимымъ не составляетъ великихъ мужей, что самодовольное упрямство не замѣняетъ дарованій и что давить не значитъ достигать успѣха“ (тамъ же, 541). Если взять факты, приводимые только однимъ Никитенко (см. гл. VII), то они окажутся въ полномъ противорѣчіи съ означенными принципами. Да и факты, приводимые самимъ Валуевымъ (см. ниже прим. 2, стр. 300), тоже свидѣтельствуютъ объ его безхарактерности.—Салтыковъ сильно настаивалъ на отдѣленіи истинныхъ либераловъ отъ „либеральныхъ соловьевъ“, пѣвшихъ временно, вслѣдствіе „засоренія желудка“, либеральныя „фіоритуры“, а про себя думавшихъ: „ахъ! какъ бы я тебя жамкнулъ, если бы только умѣлъ“ (Сочин. II, 12, 15). Къ такому типу принадлежалъ и двуличный Валуевъ.

[1]) Какъ великъ былъ авторитетъ его въ высшихъ петербургскихъ кругахъ въ концѣ 50-хъ годовъ, можно судить по тому, что о чести имѣть его у себя главою или сотрудникомъ спорили два министерства (финансовъ и госуд. имущ.) и Комитетъ министровъ (см. Дневникъ его, Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 421). Гр. Строгановъ, встрѣтивъ Валуева на балу въ концѣ 1861 г., говоритъ: „on vous use, mais on n'use pas de vous. (Васъ истощаютъ, но не пользуются вами“). См. тамъ же, 418.

[2]) Л. Болье, 78.

[3]) Въ ноябрѣ 1861 г. крѣпостникъ Муравьевъ, при которомъ служилъ Валуевъ, возложилъ на него порученіе, которому онъ не могъ сочувствовать. „Я получилъ

дящимъ къ новому настроенію и направленію дѣлъ. Валуевъ, по словамъ Милютина, формулировалъ свою программу слѣдующимъ образомъ: точное и *буквальное* исполненіе Положенія о крестьянахъ, *но* въ духѣ *примирительномъ* [1]). Валуевъ сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ дѣйствовалъ „*мягко и уклончиво*“ [2]); при немъ, несмотря на усилія реакціи [3]), Положеніе о крестьянахъ не было отмѣнено, но искусно обойдено. Буква Положеній о крестьянахъ не была нарушена, но зато Валуевъ открылъ новую эру постепеннаго искаженія духа и смысла законовъ [4]), обратившуюся въ систему [5]); эта система постепенной отмѣны закона въ административномъ порядкѣ, путемъ министерскихъ циркуляровъ, должна была въ конецъ расшатать и безъ того столь непрочный у насъ правовой порядокъ и идею законности.

Появленіе П. А. Валуева въ роли руководителя внутренней политики должно было имѣть непосредственное и крайне вредное вліяніе, помимо крестьянскаго дѣла, и на земскую реформу. Усматривая между ними не-

---

приказаніе,—пишетъ онъ 6-го ноября (по самымъ *шаткимъ основаніямъ*), — пересоставить цѣлую главу“ (о надѣлахъ). „Мое положеніе нестерпимо,—писалъ онъ 7-го ноября.—Я закабаленъ служить. А между тѣмъ быть на службѣ покорнымъ орудіемъ кн. Долгорукова и ген. Муравьева—ужасная доля. Если бы я не несъ ея ради другихъ (?), то, конечно, надѣлъ бы кафтанъ артельщика съ большимъ удовольствіемъ и достоинствомъ, чѣмъ нынѣ статсъ-секретарскій мундиръ“ (Р. Ст. 1891, № 11, 414). А все-таки противное убѣжденіямъ порученіе Муравьева было исполнено Валуевымъ, съ исполнительностью образцоваго чиновника, при помощи „спаекъ“, „параллелограма силъ и діагоналей“, или попросту, болѣе или менѣе искуснаго напусканія тумана. Мало того Удачное исполненіе нелестнаго порученія начальства даже доставило Валуеву минуту авторскаго наслажденія (тамъ же, 415).

[1]) Л.-Болье, 78. Правительство само не выяснило себѣ своихъ видовъ,—говорилъ въ это время Валуевъ (Никитенко, см. Дневникъ его, II, 290).

[2]) См. письмо Милютина отъ мая 1861, стр. 77, Лероа-Болье. Валуевъ обѣщалъ мнѣ,—пишетъ онъ,—поддержать Соловьева. Я. А. Соловьевъ, директоръ земскаго отдѣла, извѣстный дѣятель при крестьянской реформѣ, былъ уволенъ, однако, въ 1863 г. Свидѣтель столько же достовѣрный, сколько и компетентный дир. деп. внутр. дѣлъ А. Д. Шумахеръ (см. ниже біографич. замѣтку), наблюдавшій ближе Валуева, выставляетъ такія характеристическія черты его: двоедушіе, колебаніе, „виляніе“ (парафраза фамиліи Валуева) и молчалинская угодливость, доводившая Валуева до того, что онъ старался расположить въ свою пользу не только членовъ императорской фамиліи, статсъ-дамъ, фрейлинъ, но и гофъ-фурьера и камердинера Государя (см. Позднія воспоминанія Шумахера—Вѣст. Европы, апрѣль стр. 712).

[3]) Поговариваютъ, — писалъ 6-го мая 1861 г. Милютинъ Самарину, — о пересмотрѣ Положенія, и съ этою цѣлью задержано составленіе уставныхъ грамотъ. Л.-Болье, 78.

[4]) См. статью Кавелина „Крестьянскій вопросъ“ въ „Вѣст. Европы“ 1883, № 9

[5]) Л.-Болье, 55.

разрывную связь [1]), Н. А. Милютинъ вслѣдъ за изданіемъ Положенія приступилъ къ работамъ по преобразованію мѣстныхъ учрежденій на началахъ самоуправленія. Уже черезъ три дня послѣ подписанія манифеста 19 февраля въ письмѣ своемъ отъ 22 февраля 1861 г. [2])—въ отвѣтъ на запросъ великаго князя Константина Николаевича—писалъ А. В. Головнину Милютинъ о проектированныхъ, состоявшею подъ его предсѣдательствомъ особою комиссіею, *земскихъ учрежденіяхъ*. Со вступленіемъ въ должность П. А. Валуевъ самъ принялъ предсѣдательство въ этой комиссіи. Несмотря на то, что въ составѣ комиссіи [3]) были многіе весьма замѣчательные люди, показавшіе недюжинныя способности при проведеніи другихъ реформъ [4]), на работахъ Валуевской комиссіи лежитъ отпечатокъ робости и нерѣшительности, что слѣдуетъ, разумѣется, приписать, главнымъ образомъ, преобладающему вліянію предсѣдателя, а не одному только тревожному настроенію, которое замѣчалось въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, въ періодъ бурныхъ засѣданій дворянскихъ собраній 62—63 гг. [5]). Что возбужденное состояніе общества не было въ данномъ случаѣ неодолимымъ препятствіемъ, тому доказательство судебная реформа, подготовлявшаяся одновременно съ земскою и въ отличіе отъ послѣдней получившая тотъ раціональный и либеральный характеръ, который вызываетъ справедливое удивленіе иностранныхъ публицистовъ, именно со стороны ея принципіальной выдержанности, способствовавшей и ея успѣху [6]). Именно такой выдержанности у проекта Валуевской комиссіи, который представлялся палліативною попыткою сочетанія противополож-

---

[1]) Тамъ же, 69.

[2]) Тамъ же, 68. Если бы я превозмогъ свое отвращеніе къ нашей такъ называемой политической дѣятельности, — писалъ изъ Рима Милютинъ брату своему Д. А. (нынѣ графу) Милютину 11-го декабря 1861 г.,—то развѣ только затѣмъ, чтобы принять участіе въ реформахъ, о которыхъ я всегда мечталъ. Л.-Болье, 119.

[3]) Въ составъ комиссіи входили: А. Г. Тройницкій, В. А. Татариновъ, С. Р. Ждановъ, К. К. Гротъ, гр. Д. Н. (?) Толстой, А. Д. Шумахеръ, С. И. Зарудный, К. А. Крживицкій, гр. А. А. Бобринскій, Я. А. Соловьевъ, Е. В. Пеликанъ, Н. Н. Колесовъ, А. К. Жуковскій, В. П. Владиміровъ, А. К. Гирсъ, Н. И. Стояновскій, А. П. Меркуловъ, П. Н. Даневскій, К. И. Марченко, Н. И. Второвъ, Л. Н. Перовскій, М. И. Погожевъ, И. И. Гедеоновъ, М. А. Кучевскій, П. С. Лебедевъ, М. Н. Островскій и Н. Н. Сущевъ. — Этотъ списокъ напечатанъ въ н. Исторической Запискѣ, но въ имѣющихся у меня подлинныхъ журналахъ Комиссіи имѣется гораздо меньше подписей, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что составъ Комиссіи мѣнялся.

[4]) О выдающейся роли члена этой Комиссіи въ судебной реформѣ см. въ книгѣ моей: „С. С. Зарудный и судебная реформа". М., 1887.

[5]) Л.-Болье, 83.

[6]) Leroy-Beaulieu—L'empire des Tzars., t. II, 291.

ныхъ началъ самоуправленія и бюрократическаго всевластія, сословности и безсословности.

Нуженъ былъ широкій взглядъ просвѣщеннаго государственнаго человѣка, чтобы облегчить трудныя условія „политическаго воспитанія“, созданныя для народа освободительнымъ манифестомъ, и уразумѣть истинный

П. А. Валуевъ.

смыслъ событій, сопровождавшихъ объявленіе „воли“, въ общемъ совершившагося съ изумительною быстротою и успѣхомъ [1]). Если тамъ и сямъ для обученія новаго „школьника“ приходилось прибѣгать къ содѣйствію военной силы, то ясно было, что мотивами къ „бунту на колѣняхъ“ было не упорство самоувѣреннаго своеволія и неуваженія къ власти, а завѣщанное добрымъ старымъ временемъ круглое невѣжество и безграмотность народа, не могшаго уяснить себѣ сущность дарованной „воли“. [2]) и питавшаго понятное недовѣріе къ своимъ господамъ и къ мѣстнымъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ и потому склоннаго, по язвительному замѣчанію Ю. Ѳ. Самарина, „въ призывѣ войска видѣть единственную гарантію подлинности Высочайшей воли“ [3]).

---

[1]) Л.-Болье, Un homme etc., 87.

[2]) См. гл. I, § 2, объ обнародованіи Манифеста.

[3]) См. письмо Самарина къ Милютину въ томѣ I, стр. 424 и н. с. L'empire des Tzars.—Помѣщики стали разочаровываться, узнавая, какъ мало довѣряетъ имъ народъ (н. с. Лероа-Болье, 84).

Въ большинствѣ же случаевъ происходило спокойное, но рѣшительное гражданское перерожденіе народа, впервые получившаго сознаніе о своихъ правахъ, о своей „правоспособносни“ [1]). Уравненіе передъ закономъ, уничтоженіе сословныхъ перегородокъ—таковы были требованія минуты, ясно сознаваемыя дѣятелями крестьянской реформы, но не такова была программа реакціонной партіи, дававшей тонъ политикѣ и стоявшей за сохраненіе и усиленіе дворянскихъ привилегій. Эта программа была отчасти усвоена и П. А. Валуевымъ.

Такою именно неискренностью и половинчатостью было отмѣчено отношеніе новаго министерства къ „свободнымъ стремленіямъ“, къ началу земскаго самоуправленія. Н. А. Милютинъ, слѣдившій въ 1861 г. изъ Рима по письмамъ Кавелина за начавшимися студенческими безпорядками и съ горечью замѣчавшій промахи управлявшаго въ отсутствіе государя Верховнаго Совѣта [2]), съ грустью отмѣчалъ отсутствіе у тогдашняго растерявшагося правительства способности „осуществить послѣдовательную *раціональную программу*, будь она составлена хотя бы семью мудрецами и изложена на четвертушкѣ бумаги“ [3]). Съ своей стороны Н. А. Милютинъ полагалъ, „что въ Россіи во сто разъ легче, чѣмъ гдѣлибо, привлечь правительству на свою сторону серьезную часть обще-

---

[1]) Болье—Un homme etc., 89.

[2]) Никогда, писалъ проф. Кавелинъ 27 октября 1861 г. Милютину по поводу закрытія С.-Петербургскаго университета, администрація не показывала большаго непониманія дѣлъ и трусости. См. с. н. Лероа-Болье, 116.

[3]) Л.-Болье, 119. Въ 1862 году Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ: „Прежняя вѣра въ себя, которая при всемъ неразуміи возмѣщала энергію, утрачена безвозвратно но жизнь не создала ничего, чѣмъ можно было бы замѣнить ее. На вершинѣ законодательный зудъ въ связи съ невѣроятнымъ и безпримѣрнымъ отсутствіемъ дарованій; со стороны общества — дряблость, хроническая лѣнь, съ желаніемъ день-ото-дня болѣе явнымъ, дразнить власть. Нынѣ, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ, во всей русской землѣ существуютъ только двѣ силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ, но эти двѣ силы вмѣсто того, чтобы соединиться, отдѣлены промежуточными слоями. Эта нелѣпая среда, лишенная всѣхъ корней въ народѣ и въ продолженіе вѣковъ хватавшаяся за вершину, начинаетъ храбриться и дерзко становиться на дыбы противъ своей собственной опоры (дворянскія собранія, университеты, печать). Ея крикливый голосъ только напрасно пугаетъ власть и раздражаетъ толпу (?). Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой, безъ всякой пользы для общества, которое дразнитъ его изъ-за удовольствія (?) дразнить. Но это долго продолжаться не можетъ, иначе нельзя будетъ избѣжать сближенія двухъ оконечностей—самодержавной власти и простонародья—сближенія, при которомъ все, что въ промежуткѣ, будетъ раздавлено и смято, а то, что въ промежуткѣ,—обнимаетъ всю грамотную Россію, всю нашу гражданственность. Хорошее будущее, нечего сказать!“ (Біогр. Слов. см. Александръ II, 565).

ства: для этого необходимо дѣлать своевременно потребныя уступки, но дѣлать *откровенно*, *съ достоинствомъ*, безъ убійственныхъ апологій (стараго?) и *безъ канцелярскихъ уловокъ*“ [1]).

Какъ разъ на такія искреннія уступки и прямодушныя дѣйствія не способенъ былъ двуличный П. А. Валуевъ, на словахъ стоявшій за законъ и самоуправленіе, а на дѣлѣ горячо охранявшій произволъ бюрократіи и способный, по мѣткой характеристикѣ великой княгини Елены Павловны, *наговорить* „много, но сдѣлать не многое“ [2]). Не будучи самъ убѣжденнымъ сторонникомъ земскаго самоуправленія, онъ подавно не въ состояніи былъ выполнить возлагавшейся на него надежды, разсѣять существовавшія „у высшей власти предубѣжденія противъ слова *земство*“ [3]). Будучи завзятымъ бюрократомъ, П. А. Валуевъ былъ способенъ дать не настоящее самоуправленіе, а лишь блѣдное подобіе его, quelque chose [4]), и какъ только рѣчь заходила въ Государственномъ Совѣтѣ о предоставленіи земству настоящей власти (право избранія мировыхъ судей было дано земству судебными уставами 20-го ноября 1864 г.), Валуевъ былъ тутъ какъ тутъ и, въ мелодраматической позѣ спасителя отечества, произносилъ страшныя слова въ родѣ „государство въ государствѣ“ и т. п. [5]). Съ полною наглядностью сказалось такое отношеніе къ дѣлу во всеподданнѣйшемъ докладѣ Валуева отъ 22-го марта 1862 г., который легъ въ основаніе проекта земскаго Положенія 1863 г. и который гораздо больше распространяется о „сохраненіи и огражденіи“ правъ бюрократіи отъ „неумѣстныхъ притязаній“ общества (стр. 4), нежели объ установленіи правъ мѣстнаго общества отъ власти губернаторовъ, предъ которыми по выраженію Б. Н. Чичерина, все привыкло склоняться и которые привыкли, „чтобы все предъ ними склонялось“ [6]). Словомъ, Валуевскій докладъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто дѣло шло не объ установленіи нѣкотораго контроля общества надъ мѣстнымъ управленіемъ и не объ ограниченіи всемогущей бюрократіи, пустившей глубокіе корни, а о защитѣ ея отъ чрезмѣрныхъ притязаній всесильнаго самоуправленія!

---

[1]) Тамъ же, 118.

[2]) См. письмо вел. кн. Елены Павловны къ Милютину, Л. Болье, 125.

[3]) „Слово *земство* наводитъ страхъ въ высшихъ сферахъ“, писала 26-го января 1862 г. великая княгиня Милютину. См. тамъ же.

[4]) Il faut quelque chose, такъ выражались тогда, по словамъ В. П. Безобразова, наши передовые бюрократы, см. н. с. Безобразова, стр. 500.

[5]) См. н. Истор. Записку, стр. 307.

[6]) См. *Наше время* 1862, № 217.

III.

Осенью 1862 г. были распубликованы въ газетахъ основныя начала земской реформы. Они имѣли тотъ безцвѣтный характеръ „не освѣщенныхъ наукою полумѣръ, палліативныхъ средствъ“, отъ которыхъ такъ настойчиво предостерегалъ знаменитый ученый, проф. Рѣдкинъ (см. выше главу IV § 8). Вліяніе общественнаго мнѣнія на дальнѣйшее теченіе реформы было крайне незначительно. Правда, по внесеніи 26-го мая 1863 г. проекта земскаго Положенія въ засѣданіе соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта приглашены были петербургскіе и московскіе предводители дворянства и городскіе головы, но даже и это ничтожное участіе общественнаго элемента не имѣло никакихъ послѣдствій, потому что замѣчанія „экспертовъ“, даже самыя умѣренныя, никакого воздѣйствія не оказали. Голосъ печати также никакого замѣтнаго вліянія не имѣлъ. Для характеристики тогдашняго настроенія любопытенъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу одного „литературнаго проекта“. Сославшись на статью оффиціальнаго органа *Сѣверной Почты*, гдѣ сказано было, что при обсужденіи земской реформы въ Совѣтѣ будутъ приняты въ соображеніе и труды литераторовъ, московскій предводитель дворянства просилъ позволенія прочесть краткое извлеченіе, сдѣланное имъ изъ проекта *Московскихъ Вѣдомостей*, „объ представительствѣ землевладѣнія“. Противъ такой профанаціи [1]) высшей государственной коллегіи возражалъ не кто иной, какъ самъ вдохновитель вышеупомянутой статьи *Сѣверной Почты* (какъ онъ самъ заявилъ) двоедушный Валуевъ, и обсужденіе Катковскаго проекта дозволено было лишь при той фикціи, что онъ исходитъ какъ бы отъ самого предводителя дворянства.

Предварительное обсужденіе проекта земской реформы при участіи экспертовъ было окончено въ іюлѣ 1863 г., и дѣло грозило затянуться въ ожиданіи составленія устава о земскихъ повинностяхъ, если бы не энергическій толчекъ, данный Государемъ. 1-го ноября 1863 г., въ виду сильнаго нетерпѣнія, господствовавшаго въ обществѣ и печати, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „требую, чтобы дѣло это непремѣнно было окончено до 1 января 1864 г.“ Къ 5-му декабря окончено было обсуж-

---

[1]) Не безъинтересно отмѣтить, что въ томѣ LXVI Дѣла о преобразованіи судебной части въ § 4 поименовано до 30 №№ газетъ (*Моск. Вѣдом.*, *День*, *Голосъ и др.*), оффиціально приложенныхъ, для соображенія. См. стр. 47 Описи этого дѣла, напечатанной въ видѣ приложенія къ книгѣ моей, „Основы Судебной реформы“.— При университетской реформѣ печати отвелъ мин. нар. просв. А. В. Головнинъ видное мѣсто.

[2]) Ист. Зап., стр. 69—70.

деніе проекта въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи [1]), а 14 го, 16-го и 17-го декабря 1863 г. обсуждало его Общее Собраніе Государственнаго Совѣта.

Измѣненія, внесенныя Государственнымъ Совѣтомъ въ проектъ Валуевской комиссіи, касались главнымъ образомъ смягченія сословнаго характера земскихъ учрежденій (проектъ устанавливалъ уменьшенный цензъ для дворянъ-земледѣльцевъ) и ограниченія власти администраціи (такъ напримѣръ, министерство внутреннихъ дѣлъ оставляло за собою право назначать предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ собраній, а также по своему усмотрѣнію (п. XII проекта) измѣнять предметы вѣдомства земства).

Наиболѣе рѣшительными противниками сословнаго начала выступили баронъ Корфъ, Бахтинъ и кн. Суворовъ (къ нимъ въ общемъ собраніи присоединился Тымовскій). Возражая противъ раздѣленія избирателей на три собранія—землевладѣльческое (главнымъ образомъ, дворянское), городское и сельское—четыре члена указывали на то, что цѣль образованія земскихъ учрежденій состоитъ въ томъ, чтобы въ каждой мѣстности призвать къ завѣдыванію мѣстными хозяйственными дѣлами *всѣ классы* общества, земство составляющіе, *безразлично*, такъ какъ самое земство есть не что иное, какъ соединеніе жителей одной мѣстности для удовлетворенія общимъ хозяйственнымъ нуждамъ. Этой цѣли не соотвѣтствуетъ предположенный въ проектѣ порядокъ избранія гласныхъ тремя группами, каждою отдѣльно. Избранныя такими отдѣльными кружками лица будутъ считать себя делегатами избравшихъ ихъ классовъ общества и будутъ дѣйствовать не какъ представители *общихъ* всему земству интересовъ, а какъ защитники особыхъ выгодъ каждаго отдѣльнаго класса. При этомъ не достигается то *единодушіе*, которое должно составлять *главный характеръ* всѣхъ дѣйствій земскихъ учрежденій (см. выше, въ главѣ II, тождественный взглядъ тверского дворянства, изложенный въ Обзорѣ Основаній тверского проекта), въ завѣдываніе коихъ поступаютъ не отдѣльные, часто противоположные другъ другу, сословные интересы, остающіеся попрежнему на попеченіи самихъ сословій, а *земскія дѣла*, представляющія *общіе для всѣхъ интересы*. Только при избраніи гласныхъ въ собраніяхъ, въ коихъ участвуютъ избиратели *безъ различія сословій*, будетъ достигнуто, что гласные будутъ смотрѣть на себя, какъ на представите-

---

[1]) Предсѣдательствовалъ кн. П. П. Гагаринъ, членами были: М. Г. Хомутовъ, бар. М. Л. Корфъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ, Е. П. Ковалевскій, П. А. Мухановъ, гр. В. Н. Панинъ, Н. И. Бахтинъ, гр. В. Ѳ. Адлербергъ, кн. П. А. Долгоруковъ, кн. Италійскій, гр. А. А. Суворовъ-Рымникскій, И. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, Л. Л. Зеленый, П. А. Валуевъ, М. Х. Рейтернъ, П. П. Мельниковъ.

лей всего земскаго общества и считать себя обязанными дѣйствовать безпристрастно, *а не въ выгоду того или другого сословія*.[1]).

Однако подавляющее большинство 40 членовъ Государственнаго Совѣта высказались въ пользу Валуевскаго проекта, находя, что соединеніе избирателей въ одно собраніе было бы механическое, ставило бы крестьянъ въ соотношенія, *несвойственныя* ихъ понятіямъ и ихъ привычкамъ, и вызвало (?) бы антагонизмъ (!) между сословіями.

При обсужденіи вопроса о предсѣдательствѣ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ голоса раздѣлились поровну—23 голоса было [2]) за предоставленіе предсѣдательства лицу, избранному собраніемъ, 23—за уѣзднаго предводителя дворянства. Послѣднее мнѣніе Высочайше утверждено и получило силу закона. Что касается губернскаго собранія, меньшинство (17 членовъ) [3]) высказалось за избраніе предсѣдателя самимъ собраніемъ, а большинство (29 голосовъ)—за предоставленіе предсѣдательства губернскому предводителю. Меньшинство [4]) (графъ Блудовъ, графъ Строгановъ, Хомутовъ, бар. М. Корфъ 2-й, гр. Литке, Прянишниковъ, Вахтинъ, Норовъ, гр. Армфельдъ, Мѣтлинъ, Ковалевскій, Д. А. Милютинъ, Мельниковъ, Зеленый, Головнинъ, Рейтернъ и Краббе), имѣя въ виду, что губернское земское собраніе состоитъ изъ выбранныхъ земствомъ представителей, находило, что вообще было бы несогласно съ выборнымъ началомъ и крайне неудобно назначать въ это собраніе предсѣдателя со стороны, помимо желанія самого общества. Такая мѣра имѣла бы еще ту невыгоду, что предводитель дворянства есть представитель *одного* сословія, выбранный симъ же сословіемъ, и назначеніе предсѣдателемъ земскаго собранія, въ коемъ участвуютъ заинтересованные въ одинаковой мѣрѣ *всѣ классы* общества, было бы такимъ явнымъ *предпочтеніемъ* дворянскаго сословія, въ общемъ для всѣхъ земскомъ устройствѣ, что не могло бы не породить пререканій между сословіями и повредить и успѣху новыхъ учрежденій. Губернское собраніе будетъ заниматься дѣлами, касающимися земскаго хозяйства: кругъ его дѣйствій ясно обозначенъ въ Положеніи и затѣмъ, по убѣжденію 17 членовъ, не могло быть никакой опасности предоставить собранію имѣть предсѣдателя по выбору. Напротивъ, можно было опасаться, по ихъ мнѣнію, что собраніе, въ коемъ значительная часть членовъ не принадлежитъ къ выборнымъ отъ дворянства будетъ *парализовано* въ своихъ дѣйствіяхъ постановленіемъ во главѣ его лица, выбраннаго однимъ только дворянствомъ. Въ такомъ собраніи

---

[1]) Истор. Записка, 105—106.
[2]) Тамъ же, 160.
[3]) Тамъ же, 159.
[4]) Тамъ же, 166.

неминуемо возникнетъ борьба сословныхъ притязаній, не будетъ единодушія, необходимаго для успѣха дѣла.

29 же членовъ (вел. кн. Николай Николаевичъ, принцъ Ольденбургскій, гр. Рибопьеръ, гр. Адлербергъ, гр. Клейнмихель, кн. Гагаринъ, Кочубей, гр. Шуваловъ, бар. Корфъ I, Сухозанетъ, Танѣевъ, гр. Панинъ, кн. Долгоруковъ, Плаутинъ, Чевкинъ, кн. Горчаковъ, бар. Врангель, Брокъ, Анненковъ, Княжевичъ, гр. Игнатьевъ, кн. Суворовъ, Тымовскій, гр. Толстой, гр. Валуевъ, Мухановъ, Татариновъ, Замятнинъ и Платоновъ) въ виду важности ввѣряемыхъ губернскимъ земскимъ собраніямъ дѣлъ и значенія ихъ, какъ выборныхъ отъ мѣстнаго населенія, полагали, что было бы *неосторожно* предоставить избраніе предсѣдателя собранію и что слѣдовало назначить предсѣдателемъ губернскаго предводителя, какъ лицо *благонадежное* и способное [1]).

По вопросу объ организаціи и предѣлахъ власти земскихъ учрежденія представилъ пространныя замѣчанія главноуправляющій II отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи баронъ М. Корфъ. Цѣль земской реформы, писалъ онъ, конечно, не въ томъ, чтобы *на мѣсто однихъ природственныхъ мѣстъ учредить другія*, хотя бы и въ лучшемъ и правильнѣйшемъ составѣ, сущность ея, напротивъ, въ измѣненіи самыхъ *коренныхъ условій* нашей системы мѣстнаго правленія, *въ разрушеніи ея старыхъ основъ* и построеніи ея на началѣ, почти совершенно ей чуждомъ—*децентрализаціи и самоуправленіи*. Указавъ затѣмъ на пагубныя послѣдствія централизаціи, въ особенности для такой обширной и мало культурной страны, какъ Россія, бар. Корфъ замѣчаетъ, если подобная система, хотя и съ постоянными противъ себя нареканіями, могла до послѣдняго времени существовать у насъ, то, безъ сомнѣнія, лишь потому, что на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, большая часть предписаній высшаго правительства на мѣстахъ *не исполнялась*, и дѣйствительная жизнь шла врозь съ ними. Съ другой стороны, централизація отнимаетъ у мѣстныхъ жителей *охоту* заниматься своими общественными дѣлами, вслѣдствіе чего народъ, оставаясь чуждымъ практическимъ трудностямъ управленія, дѣлается болѣе и болѣе способнымъ предаваться политическимъ фантазіямъ и причину всякаго зла въ обществѣ, даже самого естественнаго и неизбѣжнаго, пріучается относить къ правительству [2]).

При разсмотрѣніи проекта въ соединенныхъ департаментахъ С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства высказалъ, что хотя ст. 6 полож. и представляетъ земскимъ учрежденіямъ самостоятельность, но въ другихъ статьяхъ *начало самостоятельности* не только не поддерживается,

---

[1]) Тамъ же, 271—284.

[2]) Тамъ же, 292.

а, напротивъ того, совершенно *уничтожается*—подчиняя составленіе смѣтъ и самое избраніе должностныхъ лицъ и пр. *утвержденію* администраціи. Бар. Корфъ [1]), съ своей стороны, настаивая на необходимости предоставленія самостоятельности земству, говорилъ, что въ виду выказаннаго обществомъ въ послѣднее время (польскаго возстанія) патріотизма слѣдуетъ къ нему обратиться съ довѣріемъ. „Общество прежде всего желаетъ,—сказалъ онъ,—чтобы земскія учрежденія, какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ ихъ дѣятельности, имѣли *дѣйствительную* самостоятельность. Было бы крайне неосторожно нынѣ, когда возбуждено общее ожиданіе устройства земскихъ учрежденій *на началахъ довѣрія* правительства къ обществу, *дать слишкомъ мало, не удовлетворить общія надежды и тѣмъ возбудить только неудовольствіе.* Тогда скажутъ, что вмѣсто дѣйствительнаго земскаго управленія прибавлено только нѣсколько новыхъ административныхъ мѣстъ". Къ этому мнѣнію присоединились военный министръ Д. А. (нынѣ графъ) Милютинъ и министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій [2]). Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, между прочимъ, возражалъ: нареканія на стремленіе бюрократіи весьма *преувеличены* (?—см. выше § 1 отзывъ самого Валуева), и полагалъ, что при самостоятельности земскихъ учрежденій создается *государство въ государствѣ* (sic).

При исчисленіи отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій Е. П. Ковалевскій предложилъ включить „попеченіе о народномъ образованіи". Предложеніе было принято, несмотря на возраженія извѣстнаго гр. Панина, высказавшаго, что эти предметы (попеченіе о народномъ образованіи, народномъ здравіи и о тюрьмахъ) требуютъ многосторонняго разсмотрѣнія и что передать ихъ земству значило бы возбудить надежды и притязанія (!), которыя, можетъ быть, невозможно будетъ удовлетворить [3]).

Московскій городской голова кн. Щербатовъ возбудилъ очень важный вопросъ о раздѣленіи земскихъ повинностей, вызывавшій крайне страстныя пренія. Предметы вѣдомства земскихъ учрежденій окончательно могли быть опредѣлены только съ пересмотромъ уст. о земскихъ повин., который еще не былъ оконченъ. Кн. Щербатовъ полагалъ полезнымъ указать въ земскомъ Положеніи, по крайней мѣрѣ, общій принципъ разграниченія губернскихъ земскихъ повинностей отъ государственныхъ, добавляя, что если всѣ повинности, признаваемыя нынѣ государственными, будутъ считаться государственно-земскими и передадутся въ завѣдываніе

[1]) Тамъ же, 293.
[2]) Тамъ же, 294.
[3]) Тамъ же, 302.

казны, то на долю земскихъ учрежденій останется всего $^1/_5$, т.-е. менѣе 5.000.000 руб. [1]), между тѣмъ они будутъ завѣдывать *всѣми* повинностями и государственными, и губернскими. Имѣя въ виду, что персоналъ земскихъ учрежденій будетъ состоять не менѣе, какъ изъ 2.000 лицъ [2]), можно предвидѣть, что онъ поглотитъ 40% бюджета, что нельзя признать нормальнымъ. Расширеніе правъ земства и то незначительное въ распоряженіи $^1/_5$ частью земскихъ повинностей не оправдываетъ, говорилъ князь, устраненія его отъ всякаго участія въ завѣдываніи остальными $^4/_5$. По симъ соображеніямъ, кн. Щербатовъ полагалъ, что не слѣдовало совершенно устранять вліяніе земства и на ту часть земскихъ сборовъ, которая составляетъ государственныя повинности и, по крайней мѣрѣ, предоставить новымъ учрежденіямъ *участіе* въ составленіи смѣтъ и *обревизованіи* расходовъ по симъ смѣтамъ.

Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ и министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій полагали полезнымъ имѣть въ виду отзывы новыхъ учрежденій по сему предмету. Н. И. Бахтинъ горячо поддержалъ предложеніе кн. Щербатова и замѣтилъ, что *совѣщательный голосъ* земскихъ учрежденій можетъ быть допущенъ безъ всякаго опасенія насчетъ превышенія ими власти и ограниченія свободной правительственной инціативы. Практическая возможность и удобство такого законодательнаго пріема, сказалъ Бахтинъ, подтверждается бывшими примѣрами: правительство не встрѣчало никакихъ неудобствъ и опасеній при созывѣ въ 1857 и 1858 гг. губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, на предварительное обсужденіе которыхъ былъ представленъ вопросъ еще большей важности—крестьянская реформа [3]).

Большинство членовъ не согласилось, однако, съ предложеніемъ кн. Щербатова. П. А. Валуевъ разразился громовою фразистою филиппикой, указывая, что предложеніе кн. Щербатова грозитъ отечеству неминуемою бѣдою (обсужденіе въ послѣдующія времена земскими собраніями проекта подоходнаго налога, какъ извѣстно, основъ государства не поколебало). „Предоставить земскимъ учрежденіямъ участіе въ дѣлахъ общегосударственнаго интереса,—ораторствовалъ Валуевъ,—значило бы раздроблять (sic) единую государственную правительственную власть между 40 или 50 отдѣльными единицами и подвергать *общественный порядокъ и весь государственный строй опасностямъ*, въ важности которыхъ едва ли кто позволитъ себѣ сомнѣваться. Желаніе, чтобы земскія учрежденія произ-

---

[1]) Тамъ же, 304. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губернскій сборъ былъ еще меньше, не доходилъ до $^1/_{10}$; см. н. с. Головачева, стр. 188.

[2]) Тамъ же, 304—305.

[3]) Тамъ же, 307—308.

вели благопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, чтобы возбужденныя ожиданія были по возможности удовлетворены, не можетъ быть основаніемъ къ тому, чтобы расширить кругъ этихъ учрежденій за предѣлы возможнаго (?) и необходимаго, дать имъ законодательную (??) инициативу, предоставить имъ самимъ опредѣлить кругъ своей дѣятельности, *связать правительству руки* [1]) и публично заявить это въ текстѣ самого закона!“ Вотъ сколько ужасовъ усмотрѣлъ захлебнувшійся въ фіоритурахъ собственнаго краснорѣчія „соловей-либералъ“ Валуевъ въ скромномъ предложеніи кн. Щербатова [2]). Еще шагъ, и П. А. Валуевъ могъ обвинить сторонниковъ этого предложенія въ политической неблагонадежности и въ государственномъ преступленіи. Пренія получили такой несвойственный мѣсту бурный характеръ, что предсѣдатель кн. П. П. Гагаринъ прекратилъ ихъ послѣ грозной катилинаріи побѣдоноснаго Валуева, который, уничтоживъ столь опасныхъ враговъ государства, вѣроятно, не безъ гордости произносилъ про себя жестокое цицероновское *vixerunt*.

---

[1]) Далѣе П. А. Валуевъ поясняетъ, почему у правительства связаны были бы руки. „Правительство не должно ставить себя,—говоритъ онъ,—въ такое положеніе, чтобъ у него *выпрашивали милости*“ (стр. 308). Если даже „выпрашиваніе милостей“, никому и никогда не возбраненное (см. стр. 340 Исторической Записки), представлялось, по мнѣнію Валуева, опаснымъ предоставлять органамъ общественнаго самоуправленія, то это одно показываетъ, какъ „своеобразно“ представлялъ себѣ этотъ либералъ на словахъ, а на дѣлѣ бюрократъ до мозга костей, „самостоятельность“ земства. Нельзя не согласиться съ Безобразовымъ, когда онъ, характеризуя такихъ неисправимыхъ бюрократовъ, восклицаетъ: „О, какъ опасны тѣ враги бюрократическаго порядка, которые сами бюрократы и дѣйствуютъ противъ него своими бюрократически сочиненными способами“. См. н. с. Безобразова, стр. 382.—*Отечеств. Записки* тоже подтрунивали надъ заботою „объ устраненіи въ *будущемъ* произвола общества, упускающаго изъ виду настоящій, очевидный произволъ бюрократіи“.—Говоря объ уничтоженіи произвола, журналъ продолжаетъ: „сильныя лица всегда расположены думать, что законы не про нихъ писаны, слѣдовательно, уничтоженіе общаго произвола возможно только тогда, когда лица, задумавшія устранить его, не забудутъ прежде всего устранить его изъ собственнаго сердца“ (1862, № 9, стр. 16, 25).

[2]) А. А. Головачевъ, указывая на то, что старыя дворянскія собранія de jure ближе подходили къ понятію самоуправленія, нежели земскія учрежденія 1864 г., отмѣчаетъ, что тѣ собранія имѣли право контроля не только надъ губернскимъ, но и государственнымъ земскимъ сборомъ. Съ улучшеніемъ этого права и съ перенесеніемъ его на общесословныя земскія собранія, они, замѣчаетъ г. Головачевъ, могли бы сдѣлать многое и послужить зачатками того контроля, который общество, по необходимости, должно имѣть надъ администраціею и который признавался полезнымъ за весь періодъ времени отъ 1805 до 1864 г. Къ сожалѣнію, говоритъ г. Головачевъ, законъ 1864 года не сохранилъ этого права за мѣстнымъ обществомъ, а напротивъ, подчинилъ дѣйствія общества контролю администраціи. См. н. с. Головачева, стр. 188—189.

И подумаешь, всѣ эти перуны спасителя цѣлой Россіи направлены были противъ безобидной мѣры, которая являлась дополненіемъ и развитіемъ дѣйствовавшаго со временъ Николая I законодательства, въ силу котораго дворянство имѣло право провѣрять отчеты не только по губернскому, *но и по государственному* земскому сбору. И такое-то частичное ничтожное участіе общества въ контролѣ надъ администраціею, признававшееся нужнымъ даже въ николаевскія времена, было сочтено П. А. Валуевымъ и его единомышленниками опаснымъ для цѣлости государства! Вотъ кто, по ироніи судьбы, долженъ былъ *обновить* бюрократическій строй и насадить *основы самоуправленія*—самоувѣреннѣйшій изъ бюрократовъ, вѣрившій лишь въ себя и въ государственное разумѣніе департаментскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ агентовъ бюрократіи; фразеръ, на словахъ кокетничавшій (въ *Сѣверной Почтѣ* прямо заявляли, что земскія учрежденія „школа представительныхъ учрежденій“) съ обществомъ и самоуправленіемъ, а въ душѣ боявшійся ихъ, какъ огня!? [1])... Какъ бы не пришлось имени двуличнаго П. А. Валуева перейти въ исторію съ тѣми нелестными эпитетами, которые онъ въ своемъ Дневникѣ такъ щедро расточалъ своему принципалу М. Н. Муравьеву [2])...

---

[1]) Кто бы могъ подумать, что этотъ блестящій вольнодумецъ, съ такимъ презрѣніемъ взиравшій, пока не былъ у власти, на представителей стараго порядка, по понятіямъ которыхъ Россія была для 14-тигранаго зерна простою скорлупою, т.-е. Россія *кончалась* XIV классомъ по табели о рангахъ (см. Дневникъ Валуева въ Русской Старинѣ 1891, № 11, стр. 395), самъ заплатитъ дань этому неизлѣчимому недугу бюрократовъ? И впослѣдствіи не разъ министры de facto извращали законы почти до отмѣны, но никто двуличнаго колебанія законовъ не довелъ до такой виртуозности и цинизма, какъ безпринципный Валуевъ. Помянутый Шумахеръ передаетъ, что Валуевъ, гласно издавая либеральные циркуляры, въ то же время конфиденціально писалъ губернаторамъ, имѣвшимъ связи при дворѣ (напр., гр. Левашову), чтобы они не стѣснялись циркуляромъ. Другой образчикъ двуличія. Въ *Сѣвер. Почтѣ* въ оффиціальной части выхвалялась дѣятельность земства, а въ неоффиціальной части В. Я. Фуксъ, по внушенію Валуева, печаталъ нападки (см. № 4 Вѣстн. Европы 1899 г.). — И это Валуевъ, который въ 1855 г. (см. выше) такъ горячо нападалъ на „оффиціальную ложь“ николаевскаго времени!!

[2]) Желая охарактеризовать пристрастіе къ произволу и двоедушіе мин. госуд. имущ. М. Н. Муравьева, Валуевъ называетъ его ханомъ, пашей, мандариномъ и т. п. и, наконецъ, „государственнымъ хамелеономъ“, добавляя, „что можно говорить не о двуличности его, а о многоличности“ (см. Дневникъ Валуева въ Русск. Стар. 1891, № 10, стр. 179).

IV.

1-го января 1864 г. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ получило законодательную санкцію.

Въ первой книгѣ *Вѣстника Европы*, извѣстный въ началѣ 60-хъ годовъ своимъ либерализмомъ и самостоятельностью, московскій цензоръ и впослѣдствіи выдающійся петербургскій земскій дѣятель Н. Ѳ. фонъ-Крузе въ немногихъ словахъ отмѣтилъ органическій порокъ, который явно замѣчался въ Земскомъ положеніи 1864 г. „Хотя нововведеніе было вызвано,—писалъ онъ,—неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи народнымъ хозяйствомъ, но, тѣмъ не менѣе, устройство нововведенія пришлось поручить тому же канцелярскому порядку и руками, *признанными за неискусныя*, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить“ [1]).

И. С. Аксаковъ въ *Днѣ*, отдавая полусерьезно, полуиронически „должную дань почтенія усердію административныхъ лицъ въ тяжеломъ трудѣ *сочиненія* и изготовленія проектовъ о земскихъ учрежденіяхъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ недоумѣніе по поводу того, что въ данномъ случаѣ правительство дѣйствовало „внѣ помощи общественной, безъ пособія органическаго творчества жизни“. *День* тѣмъ болѣе удивлялся такому игнорированію общественнаго мнѣнія, что еще недавно общество было свидѣтелемъ того, „какимъ плодотворнымъ путемъ предварительныхъ общественныхъ работъ сумѣло правительство усвоить общественному сознанію и вѣдѣнію величайшее свое законодательное дѣло—освобожденіе крестьянъ“ [2]).

М. Н. Катковъ, относясь довольно скептически къ Земскому Положенію, какъ продукту „бюрократическаго умозрѣнія“, привѣтствовалъ земство, какъ начало *общественнаго безсословнаго самоуправленія*. „Законъ 1-го января имѣетъ особенную важность,—говорили *Московскія Вѣдомости*,—не по тѣмъ спеціальнымъ учрежденіямъ (собраніямъ и управамъ), которыя онъ создаетъ, а по тѣмъ *началамъ*, которыя онъ вызываетъ въ нашей народной организаціи. Въ этихъ-то началахъ заключается его *главное* значеніе. До сихъ поръ русскій народъ *не имѣлъ совокупной организаціи*, теперь онъ имѣетъ ее. До сихъ поръ мы имѣли отдѣльныя гражданскія состоянія, чуждыя другъ другу, раздроблявшія народъ или скрывавшія его единство и препятствовавшія теченію его жизни; теперь положено начало живой цѣльной организаціи земства, основанной на всеобщемъ началѣ собственности. До сихъ поръ у насъ было *замкнутое* со-

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1866, № 1.

[2]) Соч. Аксакова, V, 254.

словіе дворянъ-помѣщиковъ; теперь мы получаемъ *вольную* (sic) группу землевладѣльческихъ классовъ, къ которой будутъ принадлежать люди всѣхъ состояній при извѣстномъ размѣрѣ поземельной собственности и въ которой дворянство не просто войдетъ въ соприкосновеніе съ другими сословіями, но вступитъ въ органическую связь съ народомъ“ [1]).

Зато глашатай олигарховъ-крѣпостниковъ *Вѣсть*, — предвосхищая перлы современнаго органа „единственно порядочныхъ гражданъ“, какъ онъ самъ себя называетъ, „или паяца“, „грязнаго хвоста консерватизма“, органа „промотавшихся опричниковъ“, какъ величаютъ его, его же единомышленники, другіе консервативные органы—видѣлъ въ всесословномъ характерѣ земства и особенно въ допущеніи „мужичья“ прямое отраженіе революціонныхъ идей 1789 г. и соціалистическаго движенія вообще вкупѣ съ коммунистическимъ въ частности [2]).

Начиная съ 7-го февраля 1865 г. постепенно стали открываться земскія учрежденія. Въ 1865—1866 г. они были введены въ 27 губерніяхъ Европейской Россіи, въ 1867—1875 г. еще въ 6 губерніяхъ.

Если вообще способъ введенія реформы много значитъ, то онъ особенно былъ важенъ въ данномъ случаѣ, когда законодательство само было крайне несовершенно, въ смыслѣ принципіальной выдержанности, и открывало широкій просторъ для урѣзокъ при столкновеніи земства съ административными властями. Отчасти намекая на этотъ недостатокъ Положенія 1-го января, М. Н. Катковъ писалъ еще 6-го января 1864 года, что при примѣненіи Положенія „желательна зоркая мудрость и *либеральность*“ [3]). Не трудно догадаться, какого „либеральнаго“ духа и направленія могла держаться администрація, руководимая такимъ неискреннимъ другомъ либерализма и самоуправленія, какъ П. А. Валуевъ

Прежде всего онъ настоялъ на томъ, чтобы и безъ того ничтожныя финансовыя средства земскихъ учрежденій были еще больше урѣзаны при составленіи Временныхъ Правилъ о разверстаніи земскаго сбора между казною и земствомъ. Во многихъ губерніяхъ переданный въ распоряженіе земства сборъ не превышалъ 40—50 т. р., а между тѣмъ на содержаніе однихъ земскихъ учрежденій нужно было тратить 80,000—100,000 руб. [4]). Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, земство въ виду крайней обремененности крестьянскаго населенія и сравнительно большаго обремененія поземельной собственности рѣшилось усилить обложеніе фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленно-торговыхъ заведеній.

---

[1]) См. назв. сб. Невѣдѣнскаго, ст. 429—430.

[2]) См. цитату у Аксакова, V, 401.

[3]) См. Московскія Вѣдомости 1864, № 9.

[4]) Н. с. Головачева, 192.

Администрація рѣшительно воспротивилась этому, а на одно изъ земствъ, настаивавшее на своемъ правѣ (петербургское), вылила неожиданно такой потокъ холодной воды [1]) (земскія учрежденія, въ виду доклада Валуева, были закрыты 6-го января 1867 г., и дѣла земства переданы въ старыя присутственныя мѣста), что надолго должна была пропасть охота у земскихъ дѣятелей дѣйствовать „самостоятельно". Рядомъ съ этимъ шло пренебрежительное отношеніе къ земскимъ ходатайствамъ [2]), усиленіе дискреціонной власти предсѣдателя земскаго собранія [3]), стѣсненіе гласности [4]) и пр. и пр.

Въ 1868 г. мѣсто Валуева занялъ ген.-адъют. Тимашевъ, но отношеніе правительства къ земству не улучшалось [5]). „Земскія учрежденія,— писалъ Катковъ въ 1870 г. [6]),—представляютъ печальное зрѣлище. Гласные во многихъ мѣстахъ охладѣваютъ къ своему дѣлу, перестаютъ видѣть въ немъ *серьезное дѣло* государственнаго значенія [7]), начинаютъ сомнѣваться въ его будущности. Они замѣчаютъ въ правительственныхъ властяхъ какое-то *глухое нерасположеніе* къ этому созданію правительствен-

---

[1]) С.-Петербургская земская управа въ 1867 г. отказалась исполнить требованія губернатора объ измѣненіи смѣты, находя ихъ противными закону, и предлагала принести жалобу на министра, который оставилъ безъ послѣдствій 12 изъ 26 ходатайствъ земства. Земскія учрежденія были закрыты, каковую чрезвычайную мѣру и М. Н. Катковъ находилъ неоправдываемою обстоятельствами. Никитенко въ своемъ Дневникѣ также сожалѣетъ о ней (т. III, 135).

[2]) Херсонское земство не получило въ теченіе года по 19 ходатайствамъ ни какого отвѣта (соч. Аксакова, V, 397).

[3]) До чего доходилъ произволъ предсѣдателей, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Священникъ былъ исключенъ изъ масальскаго земскаго собранія вслѣдствіе столкновенія его съ крупнымъ землевладѣльцемъ. Несмотря на требованія 15 гласныхъ, предсѣдатель не допустилъ обсужденія жалобы исключеннаго гласнаго (см. т. V, соч. Аксакова, стр. 410).

[4]) Любопытно, что законъ 13-го іюня 1867 г., подчинившій гласность цензурѣ губернатора, по комментарію Валуевскаго органа „*Сѣверной Почты*", оказывался не стѣсненіемъ, а „распространеніемъ" правъ земства. По поводу этого изумительнаго опыта превращенія „чернаго въ бѣлое" И. С. Аксаковъ писалъ: „это, конечно, *очень смѣло*, но едва ли безвредно, ибо отнимаетъ у правительственной мѣры достоинство прямоты и откровенности". Тамъ же, стр. 409.

[5]) Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе правительственныхъ мѣръ и въ особенности ограниченіе гласности, которая есть для нихъ то же самое, что воздухъ для организма, писалъ Катковъ въ 1868 г., подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ. (См. сб. Невѣдѣнскаго, стр. 442).

[6]) См. сб. Невѣдѣнскаго, стр. 444 — 445. Всякій, кто внимательно слѣдилъ за дѣятельностью нашего земства, говорили *Московск. Вѣдомости* въ 1869 г., не можетъ не замѣтить, что институтъ этотъ имѣетъ *будущность*, если только законодательство поставитъ его въ благопріятныя условія (№ 267).

[7]) При обсужденіи вопроса о пересылкѣ земской корреспонденціи земства приравнены были къ частнымъ учрежденіямъ. (См. н. с. Безобразова, стр. 541).

ной власти. Многія земскія собранія послѣдней сессіи шли вяло за малочисленностью гласныхъ; иныя вовсе не состоялись за неприбытіемъ узаконеннаго числа членовъ".

Земскія учрежденія начали все болѣе и болѣе хирѣть и чахнуть, чему отчасти способствовало также апатичное и реакціонное настроеніе [1]) общества. Какъ ни трудно было вдохнуть жизнь въ общество, находившееся долго подъ гнетомъ,—легче угнетать, говоритъ великій историкъ древности, нежели вновь воззвать къ жизни [2]),—но первые успѣшные шаги земства [3]) показывали, что въ обществѣ были еще живыя силы и что безусловно былъ правъ Катковъ, когда по открытіи земскихъ учрежденій съ торжествомъ говорилъ: „неправда! у насъ есть люди, дайте учрежденія—люди явятся" [4])...

---

[1]) Въ провинціальномъ обществѣ, — писалъ Салтыковъ въ концѣ 60-хъ годовъ, — существуютъ извѣстные слои, въ которыхъ 19-е февраля отозвалось послѣдствіемъ свойства довольно неожиданнаго. Въ противность всякимъ соображеніямъ, оно выдвинуло впередъ въ этихъ слояхъ совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало выдвинуть, и поставило внѣ дѣятельности совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало внѣ дѣятельности поставить. Однимъ словомъ, вышла какая-то безпримѣрная и только у насъ возможная путаница, вслѣдствіе которой вліятельными практическими дѣятелями *на почвѣ 19-го февраля* явились люди, не могущіе и даже не дающіе себѣ труда воздержаться отъ судорожнаго подергиванья при малѣйшемъ намекѣ на эту почву; люди же, всецѣло преданные дѣлу, вѣрящіе въ его будущность, очень часто не только отстраняются отъ всякаго вліянія на правильный исходъ его, но даже, къ великой потѣхѣ многочисленнаго сонмища фофановъ и праздношатающихся, обзываются коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами... Что составляетъ, спрашиваетъ онъ, язву, непрестанно точащую провинціальныхъ исторіографовъ-ненавистниковъ? Эту язву составляетъ упраздненное крѣпостное право, гласные суды, земство, т.-е. то, въ чемъ замыкается существенный смыслъ 19-го февраля. Ненавистничество до такой степени подняло голову, что самое слово „ненавистникъ" сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ рекомендательнаго письма. Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, не скрежещутъ зубами втихомолку, но авторитетно, публично, при свѣтѣ дня и на всѣхъ діалектахъ изрыгаютъ хулу, и, не опасаясь ни отпора, ни возраженій, сулятъ покончить въ самомъ ближайшемъ будущемъ съ тѣмъ, что они называютъ „гнусною закваскою нигилизма и демагогіи", и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистнику нѣтъ никакого дѣла, а преобразованія послѣдняго времени. (Сочин. II, 360—361) Это писалось въ концѣ 60-годовъ.—„Ненавистники" 80-хъ—90-хъ годовъ, какъ извѣстно, заткнули за поясъ своихъ предшественниковъ.

[2]) Taciti, Vita Agricolae, V.

[3]) См. статью В. Ю. Скалона „Земское дѣло" въ № *Русскихъ Вѣдомостей* отъ 7-го февраля за 1890 г., а также назв. с. Свѣшникова, стр. 130 и слѣд.

[4]) Наз. сб. Невѣдѣнскаго, 416.—Въ началѣ 1873 г. Никитенко писалъ: „Вотъ формула того, чѣмъ могли бы удовлетвориться всѣ разсудительные люди нашего времени: съ одной стороны поддержаніе всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія

Кто знаетъ, чего бы можно ждать отъ нашего самоуправленія, если бы въ такой исключительной по важности [1]) моментъ, какъ 60-е годы, эпоха великихъ реформъ и возрожденія Россіи, тонъ внутренней политикѣ давалъ не такой двусмысленный творецъ двусмысленнаго блѣднаго самоуправленія,—которое зло, но мѣтко было уподоблено Катковымъ „гримасѣ человѣка, который хочетъ чихнуть, но не можетъ“ [2]),—а истинный другъ самоуправленія, глубоко вѣрующій въ великіе принципы его и ради нихъ способный понять и извинить его случайные недостатки, промахи и даже припадки нервности, пароксизмы нервнаго раздраженія, неизбѣжные у людей послѣ долгаго гнета?!.

Если за всѣмъ тѣмъ и несмотря на всѣ тяжелыя условія существованія, земскія учрежденія внесли экономію во многихъ расходахъ сравнительно съ казеннымъ хозяйствомъ [3]), если изъ ничего создали народную школу [4]), народную медицину [5]), земское страхованіе и пр., создали со-

---

съ другой—дѣятельность въ предѣлахъ этихъ реформъ“... (стр. 322). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Никитенко пишетъ: „Испугались реформъ тѣ самые, которые ихъ произвели. Они ожидали, что изъ реформъ возникнетъ самая порядочная, сообразная съ ихъ желаніями жизнь, что нравы измѣнятся къ лучшему, промышленность и земледѣліе процвѣтутъ, богатство потечетъ по всей странѣ рѣкою. Печать только и будетъ дѣлать, что *восхвалять*... Всѣ эти золотые сны не оправдались. То, что вѣками портилось и извращалось, не можетъ измѣниться въ нѣсколько лѣтъ. Главная задача реформъ совсѣмъ не въ томъ состояла, чтобы немедленно насладиться благами, элементы которыхъ въ нихъ заключаются, а въ томъ, чтобы положить имъ основаніе и сдѣлать эти блага возможными. Словомъ, реформы имѣютъ въ виду не настоящее, а будущее. Поэтому не слѣдуетъ ихъ подкапывать, а обезпечивать ихъ прекрасныя послѣдствія, выжидать. Естественно, что онѣ произвели много такого, чего администраціи не желалось, много ошибокъ, неумѣнье пользоваться дарованными льготами, даже злоупотребленіе. Но въ высшей степени странно, что этого *не предвидѣли*. Слѣдуетъ ли изъ-за этого возвращаться къ прошедшему и парализовать сдѣланное, лишая его той силы, которая *одна* въ состояніи вывести насъ на лучшій путь“? (Днев. III, 337).

[1]) Наше поколѣніе,—писалъ Катковъ 1-го января 1864 г., какъ-разъ въ день утвержденія Земскаго Положенія,—держитъ въ своихъ рукахъ историческую будущность русскаго народа. Наша задача такъ колоссальна, что поневолѣ становится жутко. (*Московскія Вѣдомости* 1864 г., № 1).

[2]) См. *Моск. Вѣд.* 1880 г. № 212.

[3]) Въ н. с. Головачева (стр. 192) приведены примѣры экономіи въ 30%—50%. Это же подтверждается и сравненіемъ бюджетовъ земскихъ и не земскихъ губерній (см. *Русск. Вѣд.* 1893, 110).

[4]) О томъ, какая гага avis былъ грамотный въ деревнѣ до земской реформы, см. выше въ главѣ I, § свѣдѣнія о чтеніи въ деревняхъ Полож. о крестьянахъ.

[5]) Медицина, по утвержденію знатока дѣла А. А. Головачева, отсутствовала не только въ уѣздѣ и городахъ (см. стр. 199 и оффиціальныя данныя въ статьѣ В. Ю. Скалона, въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* „Двадцатипятилѣтія“ земскихъ учрежденій, стр. 163).

ставляющую гордость русской науки предъ Европою особую земскую стати-

---

— Г. Максимовъ указываетъ въ Юрид. журн., въ какомъ возмутительномъ положеніи находились больницы повсемѣстно, пока „въ нихъ хозяйничала“, до введенія въ 1864 г. земскихъ учрежденій, мѣстная губернская администрація. „Такъ, полтавская земская комиссія 1867 г., принимая эти учрежденія, констатировала, что всѣ зданія ихъ не были приспособлены къ тѣмъ нуждамъ, для удовлетворенія которыхъ они предназначались, что гигіеническія требованія въ нихъ совсѣмъ не соблюдались, что „ремонтъ зданій, освѣщеніе и отопленіе стоили непомѣрно дорого, между коммиссаріатскими статьями числилось много лишняго, для больничнаго хозяйства не было опредѣленныхъ нормъ и должнаго контроля, управленіе находилось въ рукахъ некомпетентныхъ лицъ и т. д. О домѣ душевнобольныхъ въ Полтавѣ, по словамъ старшаго врача, „лучше не говорить, такъ постыдно содержаніе этихъ несчастныхъ въ гигіеническомъ отношеніи и такъ чувствительно отсутствіе приспособленій для надлежащаго содержанія и призрѣнія ихъ“. Саратовское губернское земство, принимая зданія заведеній приказа, установило, между прочимъ, что часть помѣщеній, предназначенныхъ для содержанія и лѣченія умалишенныхъ, была построена еще въ 1806 году и пришла въ крайнюю ветхость; другая часть, хотя и была построена всего за пять лѣтъ до сдачи заведеній въ земство, но имѣла существенные недостатки. Такъ, домъ оказался возведеннымъ на очень сыромъ мѣстѣ едва ли не на родникахъ, а потому, по мнѣнію губернской управы, „нельзя было ручаться, что поправки въ оном, не окажутся необходимыми въ недалекомъ будущемъ. Бессарабское земство приняло домъ умалишенныхъ съ 104 больными и при одномъ служителѣ: все заведеніе это производило самое удручающее впечатлѣніе. Въ Пермской губерніи, гдѣ земскія учрежденія были введены только въ 1870 г., т.-е. когда уже имѣлся нѣкоторый опытъ земской дѣятельности, и, слѣдовательно, были приняты кое-какія мѣры къ упорядоченію общественнаго призрѣнія, это послѣднее перешло къ земству въ самомъ печальномъ состояніи. На двухмилліонное населеніе имѣлось только 11 больницъ всего съ 425 кроватями; но и эти больницы были крайне неудовлетворительны. Достаточно сказать, что въ шести изъ нихъ не было своихъ врачей, что зданія ихъ были ветхи, холодны, стѣны пропитаны нечистотами, печи развалились, потолки угрожали паденіемъ, больные были перемѣшаны, даже сифилитики не отдѣлялись отъ другихъ и т. д.“. Отмѣтивъ далѣе, что при передачѣ больницъ земству значительно урѣзаны были больничные капиталы и сокращены другіе доходы, авторъ справедливо ставитъ въ особую заслугу земскому самоуправленію, что оно, невзирая на свои крайне стѣсненные финансы, вдобавокъ поглощаемые обязательными расходами, все-таки тратитъ на дѣло общественнаго призрѣнія довольно значительныя суммы. Такъ, въ 1890 г. земства расходовали на этотъ предметъ, не считая собственно медицинской части, 2.800,000 руб., что составляло около 10% земскаго бюджета на необязательные расходы. Авторъ продолжаетъ: „Не повторяя общеизвѣстныхъ фактовъ, характеризующихъ крайне неудовлетворительную постановку дѣла призрѣнія въ учрежденіяхъ, передававшихъ свои заведенія земству, отмѣтимъ, что, по свѣдѣніямъ проникшимъ въ общую печать, эта важная отрасль государственнаго и общественнаго управленія находилась въ самомъ печальномъ состояніи еще въ губерніяхъ Казанской, Херсонской, Екатеринославской, Московской, Псковской и во многихъ другихъ“. (Журн. С.-Пет. Юрид. Общ. 1895 г. № 6).

стику [1]), если, помимо всего этого, земскія учрежденія послужили школою политическаго воспитанія для общества [2]) и народа [3]), то это доказываетъ, какъ живительна и плодотворна идея самоуправленія даже въ самомъ неудовлетворительномъ выраженіи и приложеніи ея. Несмотря на всѣ безчисленные и безконечные реакціонные „зигзаги“ [4]) русскаго прогресса, не мертвящей бюрократической рутинѣ преодолѣть эту великую зиждительную и животворящую общественную силу!

---

[1]) См. Рѣчь проф. А. И. Чупрова въ сборникѣ „25-тилѣтія Московскаго Юридическаго Общества“. М. 1888. Развязный авторъ *Современной Россіи* доводитъ свою злостную игривость до того, что называетъ земскую статистику „безобразіемъ, имѣвшимъ цѣлью возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ“ (стр. 196).

[2]) См. н. с. Безобразова 505.—Послѣ городской реформы 1846 г. петербургское дворянство считало унизительнымъ для себя сидѣть въ городской думѣ рядомъ съ купцами и лавочниками, и т. п. людьми.

[3]) См. т. V. соч. Аксакова, стр. 96.

[4]) Пройдетъ много времени, писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ 19-го мая 1861 г. изъ Самары Милютину, въ теченіе котораго мы будемъ двигаться впередъ, но *зигзагами*, см. н. с. Лероа-Болье, 87.

V

ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА.

Ты чудо изъ Божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжество, ложь
Ты вѣчною жизнію ново
Ты къ правдѣ, ты къ благу ведешь,
Свободное слово!
Зачѣмъ огражденья всегда
Власть ищетъ лишь въ рабствѣ народа?
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ—ужаснѣй звѣрей;
На ножъ онъ мѣняетъ оковы.
Оружье свободныхъ людей
Свободное слово.
О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ
Тотъ путь человѣку иной,
Путь рабства кровавый укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ исцѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

К. Аксаковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года.

(Справка къ 30-лѣтію).

Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя и независимыя отъ воли людей. Но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ безъ изъятія, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ: Vive le roi quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ исключительныхъ истинъ. Почитая ее единымъ прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и лицъ, простительно ли, напримѣръ, пугаться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по неисповѣдимымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ни есть на землѣ?

Кн. П. А. Вяземскій.

I.

Исторія подготовки, составленія и примѣненія закона о печати 6-го апрѣля 1865 г. представляетъ много своеобразнаго и поучительнаго сравнительно съ другими законоположеніями эпохи великихъ реформъ. Для подготовки и редактированія такого громаднаго и по объему, и по важности затрогиваемыхъ интересовъ законодательнаго акта, какъ Положенія о крестьянахъ 19-го февраля, потребовалось съ небольшимъ три года (съ

20-го ноября 1857 г. по 19-е февраля 1861 г.). Образцовое по внѣшности и заключавшее полное переустройство сверху до низу всего судебнаго строя законодательство, какъ Судебные Уставы 20-го ноября 1864 г., было составлено тоже въ три года. Еще меньше времени потребовалось для выработки органическихъ законоположеній о земскомъ и университетскомъ самоуправленіи 1862 и 1864 годовъ. На подготовительныя же работы закона о печати ушло 10 лѣтъ, начиная съ 1855 г., при чемъ составлялось нѣсколько проектовъ, образовалось нѣсколько комиссій. Успѣли смѣниться четыре министра народнаго просвѣщенія (Норовъ, Ковалевскій, Путятинъ, Головнинъ). Даже само дѣло цензурнаго надзора успѣло въ это время перейти изъ одного вѣдомства въ другое—изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ результатѣ усиленныхъ десятилѣтнихъ работъ получился крайне неудовлетворительный законъ 6-го апрѣля 1865 г., никого, кромѣ автора его, всегда довольнаго собою П. А. Валуева, не удовлетворившій и одобренный государственнымъ совѣтомъ, скрѣпя сердце и съ спеціальною оговоркою, что законъ вводится какъ „временная мѣра“, „какъ переходняя мѣра“ впредь до устройства судебной части, т.-е. открытія новыхъ судебныхъ установленій. Подобное неудачное рѣшеніе такъ долго стоявшаго на очереди вопроса, не предвѣщавшее ничего хорошаго въ будущемъ, обусловливалось частью личными свойствами главнаго руководителя цензурной реформы—П. А. Валуева, мастера на законодательные паліативы (см. гл. V), частью особыми обстоятельствами, предшествовавшими и сопутствовавшими реформѣ, равно какъ и особымъ свойствомъ самаго предмета реформы.

Въ николаевское время и особенно со времени жестокой реакціи 48-го года вся умственная жизнь Россіи находилась подъ страшнымъ гнетомъ. Съ 48-го года въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, можно сказать, потеряли голову. П. А. Валуевъ, тогда курляндскій губернаторъ, такъ передаетъ тогдашнюю панику, господствовавшую въ Петербургѣ: „послѣ берлинской катастрофы вверху всѣ въ крайнемъ смущеніи. Наши псевдогосударственные мужи не знаютъ за что взяться. Другіе придумываютъ сумасбродныя распоряженія. Д. П. Бутурлинъ, наприм., совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи“ и пр. [1]).

Для надзора за печатью сверхъ обыкновенной цензуры былъ учрежденъ такъ называемый Бутурлинскій комитетъ. Цензурныя строгости Бутурлинскаго комитета (предсѣдатель его—названный архиретроградъ Д. П. Бутурлинъ [2]), какъ извѣстно, настаивалъ даже на вырѣзкѣ нѣсколькихъ

---

[1]) *Русская Старина* 1891, IV, 173.

[2]) О цензурныхъ ужасахъ николаевскаго времени мы имѣемъ показаніе изъ

стиховъ изъ акаѳиста Покрову Пресвятой Богородицы, гдѣ призывается заступничество отъ жестокихъ владыкъ) дошли до того, что закономъ

такого благонадежнаго источника, какъ Ѳ. Булгаринъ, имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ. Въ 30-хъ годахъ онъ писалъ цензору Никитенко: „Было время тяжкое, время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена *даже Красовскимъ*, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій. Ужели я сдѣлался хуже? Господи Боже! хочу только правды и никогда не шелъ противъ видовъ правительства, что до сихъ поръ было имъ признано. Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!“ Если Булгаринъ страдалъ отъ цензуры Никитенки, то еще хуже бывало отъ другихъ цензоровъ. Онъ жалуется Никитенкѣ на Фрейганга, который цензировалъ *Сѣверную Пчелу*: „Прошу васъ покорнѣйше при свиданіи съ Фрейгангомъ (изъ дружбы къ Н. И. Гречу и ко мнѣ) припомнить вашему товарищу (разумѣется, *только* по цензурному комитету), что я и Гречъ не рабы г. Фрейганга, не отданы ему въ услуженіе, и что мы не беззащитныя сироты, которыхъ можно угнетать въ угоду кому-нибудь, а что г. Фрейгангъ дѣлаетъ съ нами, это ужасъ! Только что принесли къ нему *Пчелу*, тотчасъ за красныя чернила, и пошелъ чертить, не обращая вниманія на конецъ и выводы. Этого не бывало и при Магницкомъ. Терпѣнье истощается“...

Это было въ тридцатыхъ годахъ. Въ сороковыхъ цензура сдѣлалась еще строже. Въ 1845 г. Булгаринъ печаталъ свои „Воспоминанія“ и, ужасаясь множеству цензурныхъ вымарокъ, писалъ Никитенкѣ: „Не обвиняю васъ! Время!!! А мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкаго и Рунича! Да это былъ золотой вѣкъ литературы сравнительно съ нынѣшнимъ! Не завидую я мѣсту Уварова въ исторіи. А исторія живетъ, видитъ и пишетъ на мѣди! Имя Торквемады въ сравненіи съ именемъ Уварова есть то же, что имя Людовика XIV въ сравненіи съ именемъ Омара! Набросилъ на все тѣнь, навелъ страхъ и ужасъ на умы и сердца—истребилъ мысль и чувство... Поневолѣ вспомнишь первую страницу изъ жизни Агриколлы — Тацита: „хотѣли бы лишить насъ способности мыслить, какъ лишили средствъ говорить, если бы можно было заставить человѣка не думать, какъ можно заставить его молчать“. Вовсе не гнѣваюсь на васъ, смотря на этотъ букетъ замѣтокъ (цензорскихъ), напротивъ, зная васъ, столько же сожалѣю о васъ, сколько и о себѣ! Amen!“ Прошло нѣсколько лѣтъ, и цензура Уварова была признана слабою, недостаточною; для наблюденія за печатью былъ образованъ такъ называемый Бутурлинскій комитетъ, дѣйствія котораго уже относятся къ области соціальной психіатріи.

Невозможно исчислить, что этими обезумѣвшими вандалами дѣлалось съ литераторами за напечатанныя ранѣе, съ разрѣшенія цензуры, статьи. Какое нужно было животное отупѣніе и притупленіе чувства законности, чтобы ссылать людей за дѣйствія, совершенныя съ одобренія законныхъ властей?—Въ октябрьской книгѣ *Русс. Стар.* за 1899 г. разсказанъ былъ одинъ изъ такихъ случаевъ наглаго попиранія закона: академикъ К. С. Веселовскій чуть было не пострадалъ за статью о жилищахъ рабочихъ въ Петербургѣ. Случайное обстоятельство повернуло гнѣвъ свирѣпаго изувѣра-ищейки въ другую сторону, и Бутурлинскій комитетъ сослалъ въ Вятку М. Е. Салтыкова за повѣсть его, напечатанную въ *Современникѣ*. До какого идіотскаго усердія доходилъ этотъ комитетъ при бар. М. Корфѣ, видно изъ слѣдующаго примѣра: въ *Сѣверной Пчелѣ* было напечатано стихотвореніе, обличавшее москвичей за шумныя и неумѣренныя овацiи, какія

2-го ноября 1852 г. даже въ ученыхъ диссертаціяхъ [1]) воспрещенъ былъ критическій разборъ дѣйствующихъ законовъ, а въ Сводѣ Законовъ еще въ изданіи 1857 г. красовалась великолѣпная 12 ст. ценз. уст., воспрещавшая пропускать въ печать: „всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ улучшенія какой-либо отрасли государственнаго хозяйства и вообще о всѣхъ мѣрахъ, относящихся къ кругу дѣйствій правительства“.

Съ воцареніемъ Александра II и особенно послѣ крымской войны стало постепенно, хотя и съ большимъ трудомъ и неровностями, складываться убѣжденіе о вредѣ крайняго стѣсненія мысли и всякой иниціативы, господствовавшаго въ предшествовавшее царствованіе. Однимъ изъ первыхъ выразителей поворота въ общественномъ мнѣніи былъ помянутый П. А. Валуевъ, который въ своихъ „Думахъ Русскаго“, обратившихъ на себя вниманіе главнаго представителя прогрессивныхъ вѣяній, генералъ-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича, указывалъ, какъ на причину пережитаго Россіею опаснаго кризиса, на господство бюрократіи, *оффиціальной лжи* и стѣсненія мысли. „Вездѣ преобладаетъ у насъ,—писалъ Валуевъ въ половинѣ 1855 г.,—стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними... Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь“. „Что *прежде всего* нужно?—спрашиваетъ

тогда въ Москвѣ дѣлали въ честь знаменитой танцовщицы Фанни Эльслеръ. Въ этомъ стихотвореніи комитетъ по иниціативѣ Корфа увидалъ недозволительное оскорбленіе для большинства москвичей, которые въ балетъ не ходятъ, а отличаются преданностью и за нее не разъ удостоивались монаршихъ благоволеній. Въ такомъ смыслѣ комитетъ и представилъ свой докладъ о преступныхъ стихахъ. Между тѣмъ оказалось, что эти стихи напечатаны съ предварительнаго одобренія самого Государя, и только шефъ жандармовъ гр. Орловъ забылъ увѣдомить объ этомъ Корфа. Докладъ комитета былъ возвращенъ съ надписью: „напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачество части московскихъ тунеядцевъ“. Государь сдѣлалъ замѣчаніе гр. Орлову за его забывчивость и прибавилъ: „за то комитетъ порядкомъ погонялъ меня“.

[1]) Извѣстный цивилистъ Мейеръ въ своей диссертаціи о залогѣ, вышедшей въ 1854 г., чтобы обойти стѣснительный законъ о цензурѣ требовавшій представленія ученаго сочиненія въ подлежащее вѣдомство, т.-е. въ министерство юстиціи, вмѣсто Свода Законовъ вынужденъ былъ ссылаться на сочиненія ученыхъ (см. пред. къ 6 изд. курс. Гражд. Права Мейера). Рьяный консерваторъ, сотруд. *Москвитянина*, Дмитріевъ, въ письмѣ, напечатанномъ въ *Русской Старинѣ* 1899 г., писалъ о строгости цензуры въ 1851 г. Цензура не пропустила двухъ стихотвореній Дмитріева; онъ послалъ ихъ своему пріятелю и писалъ: „Мы живемъ точно до изобрѣтенія книгопечатанія, т.-е. должны переписывать, что получше, и посылать другъ другу въ рукописи, ибо позволяется только то, въ чемъ нѣтъ мысли“...

авторъ *Думъ* въ Дневникѣ своемъ отъ 20-го октября 1855 г. и отвѣчаетъ:—преобразованіе цензуры".

Какъ ни ясно было въ теоріи сознаніе вреда стѣсненія мысли, не легко и не сразу освободилась [1]) печать отъ цензурныхъ стѣсненій. Цензура, какъ писалъ впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ, казалась такимъ же необходимымъ и незамѣнимымъ *устоемъ* благополучія Россіи, какъ крѣпостное право. Въ Дневникѣ цензора Никитенко мы находимъ много любопытныхъ данныхъ о колебаніяхъ прави-

---

[1]) Частью по своей безхарактерности, частью подъ вліяніемъ гр. Панина (см. Дневникъ II, т. 6 и слѣд.) и другихъ столповъ дореформеннаго порядка Норовъ довелъ печать до самаго унизительнаго положенія. „Гоненіе мысли, произволъ невѣждъ,—пишетъ въ 1855 г. Никитенко,—сдѣлали изъ цензуры съѣзжую и съ мыслями обращались, какъ съ ворами и убійцами". О цензорахъ онъ же пишетъ: „Елагинъ завѣдывалъ конюшнею у Шихматова, Ахматовъ, казанскій помѣщикъ, дѣлался цензоромъ, потому что его начальникъ ему долженъ. Фрейгангъ считался самымъ придирчивымъ, а теперь онъ лучшій, хотя самъ нисколько не перемѣнился" (см. Дневникъ II, 3, 5). Какія иногда требованія предъявлялись къ цензурѣ, можно судить по слѣдующему случаю: При № 19 1858 г. *Сынъ Отечества* разослалъ картину парижскихъ модъ, на которой изображена женщина въ платьѣ, „украшенномъ вмѣсто обыкновенныхъ женскихъ уборовъ крестами, подобно тому, какъ изображаются они на церковныхъ священныхъ облаченіяхъ". С.-Петербургскій митрополитъ Григорій просилъ воспретить „устройство означенныхъ платьевъ" Генералъ-губернаторъ Игнатьевъ отвѣчалъ, что воспрещеніе представляется неудобнымъ, ибо многія таковыя платья бываютъ привозимы изъ-за границы или по иностраннымъ рисункамъ изготовляются въ домашнемъ быту. Притомъ воспрещеніе сіе дало бы поводъ къ неумѣстной отговоркѣ, что изображеніе уподобляется не церковному облаченію, а математическому знаку умноженія" (См. *Колок.* 1859 г.).

„Мнѣ кажется,—писалъ Валуевъ,—что легче быть хорошимъ директоромъ въ любомъ министерствѣ, чѣмъ хорошимъ цензоромъ, и что доколѣ цензоровъ будутъ сажать на гауптвахту, вообще не можетъ быть и самыхъ посредственныхъ цензоровъ". (Любопытно, что въ этой программѣ Валуева въ 3-мъ пунктѣ значится „отмѣна крѣпостного состоянія... кого бы вы думали?—не помѣщичьихъ крестьянъ, а... нашихъ промышленныхъ силъ, нынѣ закабаленныхъ главн. урав. пут. сообщ.", см. „Рус. Стар." V, 1891 г., стр. 340. Но такой взглядъ на цензуру не былъ усвоенъ въ правительственныхъ сферахъ, и цензурная практика первыхъ лѣтъ новаго царствованія была въ состояніи анархіи или хаоса (см. въ извѣстной книгѣ А. М. Скабичевскаго: „Очерки исторіи рус. цензуры", Спб., 1892, стр. 389 и слѣд.).

О взглядѣ на цензуру можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто изъ Дневника Валуева: каждый министръ выражаетъ полное сочувствіе печатному слову, но проситъ только изъять свое вѣдомство („Русс. Стар." 1801, X, 149). До іюля 1856 г. имя Бѣлинскаго находилось подъ запрещеніемъ, такъ что Чернышевскій въ статьяхъ своихъ долженъ былъ называть его такъ: „Авторъ статей о Пушкинѣ". и т. п.—Масса интереснаго матеріала изъ исторіи цензуры 1855 по 1862 собрана въ прекрасномъ изслѣдованіи г. Скабичевскаго: „Очерки исторіи цензуры" въ главахъ XX—XXV.

тельства въ направленіи цензуры съ 1855 г. Если, съ одной стороны, онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя послабленія цензуры, то, съ другой, нерѣдко указываетъ онъ и на противоположныя явленія, жалуясь на то, что нѣкоторые цензора сдѣлали изъ цензуры „съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и убійцами“ [1]). Съ благодарностью вспоминая о робкихъ усиліяхъ къ облегченію цензуры благодушнаго, но безхарактернаго и слабоумнаго главы цензуры, министра народнаго просвѣщенія Норова (его Ростовцевъ иначе не называлъ, какъ сѣдой младенецъ), Никитенко заявляетъ, что „враги всякой мысли, всякаго гражданскаго, умственнаго и нравственнаго совершенствованія—министръ юстиціи графъ Паninъ, Чевкинъ и др.—внушали Государю, что всѣ революціи бываютъ отъ литературы“ [2]).

Въ такихъ колебаніяхъ прошло почти три года, и только въ началѣ 1858 г. съ рѣшительнымъ приступомъ къ освобожденію крестьянъ цензура была значительно смягчена и то далеко не сразу. Еще въ концѣ 1857 г. Норовъ уволилъ въ отставку цензора Бекетова за то, что онъ въ *Сынѣ Отечества* разрѣшилъ къ печати *послѣ* обнародованія рескрипта 1857 г. объ улучшеніи быта крестьянъ извлеченія изъ постановленій объ остзейскихъ крестьянахъ.—Хотя правительство уже приступило de facto къ освобожденію крестьянъ, но оффиціально это такъ не именовалось, и оно не могло допустить даже намека на освобожденіе въ газетной статьѣ. Эта непривычка выслушивать свободное мнѣніе, это недовѣріе къ мысли, „движущейся безъ особаго на то разрѣшенія“, этотъ преувеличенный, безотчетный, паническій страхъ и экзальтированная вѣра въ могущество печатнаго слова не разъ сказывались и въ послѣ-

---

[1]) „У насъ хотятъ тѣснить и не тѣснить, позволить и не позволить,—пишетъ Никитенко въ апрѣлѣ 1858 г.—Р[illegible] Государѣ поколебали расположеніе къ литературѣ, и онъ требуетъ отъ цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснять мысль. Какъ это согласить?“ (Никитенко, II, 48). „Мы на попятный дворъ; запрещено употреблять слово *прогрессъ* въ печати“, пишетъ онъ въ маѣ (тамъ же II, 94, 95). На докладѣ мин. народн. просв. Е. П. Ковалевскаго о необходимости устраненія нѣкоторыхъ стѣсненій, находящихся въ противорѣчіи съ *прогрессомъ* гражданственности, написана была Александромъ II резолюція: „Что за прогрессъ!!! прошу слова этого не употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ“. Резолюція была циркулярно сообщена министрамъ графомъ Блудовымъ 18 мая 1858 года (см. матеріалы по истор. крѣпостн. права, т. I, 292 прим.).

[2]) См. Дневникъ II, 76. При всѣхъ смѣнахъ министровъ народнаго просвѣщенія, которыя были такъ часты въ 50-хъ годахъ (съ 1855 по 1861 министрами были Норовъ, Ковалевскій, Путята, Головнинъ), Александръ II, какъ передаетъ Никитенко, обращалъ вниманіе на реформу цензуры; предлагая новому министру облегченіе цензуры, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда выражалъ недовѣріе къ свободѣ печати (II, 150, 160).

дующихъ стадіяхъ развитія крестьянскаго вопроса и въ частности въ вопросѣ о выкупѣ надѣловъ.

Нужно отдать справедливость русской журналистикѣ того времени: она умѣла подняться до пониманія истиннаго значенія свободы печати, которую она видѣла въ правѣ высказать мнѣніе, не только согласное съ своею и съ правительственною точкою зрѣнія, но и противоположною. При этомъ отдѣльные органы печати не спѣшили монополизировать свободу только для себя, а, напротивъ, считали необходимою свободу и для противниковъ. „Преобразованіе сельскаго быта,—писалъ одинъ изъ московскихъ публицистовъ, М. Н. Катковъ,—должно итти не темнымъ канцелярскимъ путемъ, но открыто, гласно, всенародно; намѣтивъ самые общіе предѣлы, въ которыхъ должно совершиться преобразованіе, правительство даетъ обществу участіе въ дѣлѣ и свободу въ его обсужденіи. Въ указанныхъ предѣлахъ есть просторъ для самыхъ разнообразныхъ мнѣній, и *чѣмъ онъ полнѣе, тѣмъ точнѣе* можетъ послѣдовать рѣшеніе вопроса. Намъ кажется,—продолжаетъ онъ,—что для этой цѣли полезно давать свободу мнѣніямъ, которыя проистекаютъ изъ *самыхъ ошибочныхъ* и односторонніхъ воззрѣній, ибо пока они не выскажутся, общественное мнѣніе *не будетъ* вполнѣ свободно отъ нихъ. Обыкновенно думаютъ, что разнаго рода несостоятельныя мысли, высказанныя гласно, могутъ испортить общественное мнѣніе и повредить дѣлу: *совершенно напротивъ*. Общество, призванное къ изученію дѣла, только тогда и можетъ сосредоточить свою мысль на точной сущности его, когда мало-по-малу выкажутся во всей своей несостоятельности воззрѣнія неточныя. Каждая мысль, не высказанная гласно, остается скрытою пружиною общественнаго мнѣнія. Но какъ скоро личная мысль выскажется, она становится простымъ предметомъ общественнаго мнѣнія; все ошибочное или неточное въ ней мало-по-малу раскроется и потомъ сложится въ архивъ“ [1]).

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ*, 1858, мартъ.

— Если бы Катковъ ничего не написалъ, кромѣ этой прекрасной защиты свободы слова и печати, и тогда бы имя его не пропало безслѣдно. И этотъ публицистъ могъ впослѣдствіи дойти до того, чтобы всякое противорѣчіе ему считать государственною измѣною, чтобы имѣть нахальство выдавать своихъ литературныхъ противниковъ „за мошенниковъ пера и за разбойниковъ печати!“ этотъ убѣжденный защитникъ свободы печати могъ договориться до такихъ нелѣпостей, будто свобода печати возможна только въ Россіи, потому что... существуетъ цензура... Личныя ли страсти или счета тому причиною (какъ извѣстно, походы Каткова противъ университета, суда слѣдовали вскорѣ послѣ личныхъ столкновеній съ ними. См. ниже § Н. С. Тихонравовъ), или то органическое увяданіе умственныхъ силъ, котораго рѣдко кто избѣгаетъ и отъ воздѣйствія котораго заранѣе такъ предусмотрительно открещивался Ренанъ въ своихъ Souvenirs de l'enfance et de jeunesse, но фактъ циничнаго осмѣянія и оплеванія подъ ста-

Услуги, оказанныя печатью государству при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, были громадны, причемъ особенно выдѣлился *Современникъ* съ умѣлою и энергичною защитою надѣла и общины въ статьяхъ Кавелина и Чернышевскаго. Огромныя заслуги печати не только призналъ прогрессистъ министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ (см. его отзывъ, стр. 12), но и чуждый всякихъ либеральныхъ увлеченій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Левшинъ, который прямо заявляетъ, что до разъясненія крестьянскаго вопроса журналистикою онъ представлялъ собою terra incognita [1]).

Участіе печати въ разработкѣ крестьянскаго вопроса, осуществившееся благодаря допущенной de facto значительной свободѣ, не только сдѣлало для всѣхъ очевиднымъ первостепенное общественное значеніе ея, но сыграло и другую роль чисто *психическаго* свойства. Правительство, никогда раньше не слыхавшее свободнаго слова и такъ сильно противъ него предубѣжденное, сдѣлало первый опытъ выслушиванія независимаго общественнаго мнѣнія. Правда, закоренѣлое предубѣжденіе не исчезло, но оно было отчасти расшатано. Все это вмѣстѣ взятое въ связи съ усилившимися послѣ благополучнаго объявленія воли либеральными вѣяніями сулило печати свѣтлую будущность, но, къ сожалѣнію, частью неблагопріятныя политическія обстоятельства, частью колебанія въ высшихъ

рость убѣжденій, высказанныхъ въ возрастѣ зрѣлаго мужа,—явленіе столько же прискорбное, сколько и скандальное. Замѣчательно, что М. Е. Салтыковъ, раньше всѣхъ съ изумительною проницательностью разгадавъ по первымъ пробамъ пера въ области литературной монополіи и съиска полетъ будущихъ „московскихъ премудрыхъ совъ“, горячо защищалъ начало терпимости. „Свобода мысли,—писалъ онъ,—такое святое дѣло, что правомъ гражданства должны пользоваться даже такія мысли, которыя кажутся намъ несправедливыми. Если общественный идеалъ еще не выяснился до такой степени, чтобы быть признаннымъ всѣми одинаково, и если, съ другой стороны, общество довольствуется въ оффиціальной, торжествующей своей формѣ однѣми азбучными истинами, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ члены общества непремѣнно обязывались довольствоваться азбучными истинами, и чтобы тотъ или другой членъ не могъ имѣть своего особаго представленія объ идеалѣ“... Возставая противъ „неблаговидной страсти *Русскаго Вѣстника* Каткова къ единоторжію мысли и суда“, Салтыковъ писалъ въ концѣ 1863 г.: „Спорьте, мм. гг., опровергайте, даже доказывайте, что „Современникъ“ несправедливъ съ вашей точки зрѣнія, но позвольте вы ему быть справедливымъ съ своей точки зрѣнія! Вѣдь притязанія ваши клонятся ни много, ни мало къ тому, чтобы сдѣлать изъ всѣхъ дѣятелей литературы чистописцевъ, смиренно заносящихъ на бумагу изреченія М. Н. Каткова... ну, нѣтъ мы на это не согласны! И совсѣмъ не потому мы не согласны, чтобы считали для себя унизительнымъ писать подъ диктантъ М. Н. Каткова, а просто потому, что имѣемъ свой собственный образъ мыслей“. (М. Е. Салтыковъ—Пыпина, стр. 74).

[1]) *Русскій Архивъ*, 1885, № 11.

сферахъ, главнымъ же образомъ сама личность новаго руководителя цензурной реформы, создавали крайне неудобныя условія для законодательнаго проведенія ея на твердыхъ раціональныхъ основаніяхъ, какъ это было, напр., съ судебною реформою.

II.

Нѣтъ свободы безъ злоупотребленій, но нѣтъ и никакого блага безъ свободы.

Цен. А Никитенко.

Цензурныя послабленія, допущенныя со второй половины 50-хъ годовъ, внося въ практику массу противорѣчій и произвола, нисколько не упрочивали положенія печати. Въ виду единодушнаго требованія общественнаго мнѣнія, высказавшагося за свободу печати, вопросъ о пересмотрѣ законовъ о печати не сходилъ съ очереди съ самаго воцаренія Александра II, при чемъ, согласно Высочайшему повелѣнію, взято было за основаніе: „*разумная бдительность* со стороны цензуры необходима“ [1]).

Министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій внесъ 8 мая 1859 г. въ Государственный Совѣтъ проектъ устава о цензурѣ, который представлялъ собою компиляцію разнородныхъ постановленій, изъ коихъ они относились къ концу 40-хъ годовъ, ко времени наибольшаго стѣсненія свободы печати, а другія—къ эпохѣ сравнительно болѣе мягкой—къ концу 59-го года, когда фактически признано было за печатью право обсужденія государственныхъ вопросовъ и критики законовъ.

Противъ проекта возсталъ со всею силою своего многолѣтняго служебнаго и юридическаго авторитета гр. Д. Н. Блудовъ. Онъ порицалъ проектъ прежде всего за повтореніе „тѣхъ стѣсненій для умственнаго развитія страны“, которыя были изданы съ 1848 г. [2]), и предлагалъ

---

[1]) См. стр. 59-ю представленія Ковалевскаго въ Государственный Совѣтъ 1859 г., № 1068, стр. 1. Представленія Валуева, 1864 г. № 183.

[2]) Сосредоточиваясь въ самихъ себѣ и размышляя о вещахъ міра сего, вы,— писалъ Салтыковъ въ 1860 г. объ этомъ времени, — невольнымъ образомъ мысленно переноситесь къ временамъ вашей юности, къ тѣмъ золотымъ временамъ, когда съ каѳедры къ вамъ обращалась живая рѣчь, если не самого Грановскаго, то одного изъ его учениковъ, вызывая къ дѣятельности благороднѣйшіе инстинкты души, когда съ иной, болѣе обширной каѳедры, лилось къ вамъ полное страсти слово Бѣлинскаго, волнуя и утѣшая васъ и наполняя сердца ваши скорбью и негодованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая цѣль для нашихъ стремленій... Да, замѣчательное было это время, когда слово служило не естественною формою для выраженія человѣческой мысли, а какъ бы покровомъ, сквозь который неполно

вернуться къ уставу 1828 г., который „не препятствовалъ постепенному развитію умственныхъ силъ народа и выраженію общественнаго мнѣнія независимо отъ личныхъ видовъ и только удерживалъ ихъ въ надлежащихъ (?) предѣлахъ“. Извѣстно и опытъ послѣднихъ лѣтъ снова доказалъ сію истину,—писалъ гр. Блудовъ,—что излишне, а слѣдственно и неосторожно стѣсненная мысль ищетъ и *всегда почти находитъ средства* проявляться и распространяться или чрезъ рукописныя, или чрезъ тайно-печатаемыя здѣсь или внѣ государства статьи и разсужденія, уже не подлежащія никакому надзору и контролю и не влекущія за собой никакой отвѣтственности“.

Не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ проекта Ковалевскаго, графъ Блудовъ указывалъ на то, что недостатками проекта могутъ „воспользоваться недоброжелательные дѣятели *заграничной* журналистики и выставить намѣреніе правительства въ превратномъ видѣ“. Въ заключеніе гр. Блудовъ высказалъ мнѣніе, что изданіе полнаго Устава несвоевременно и предпочтительно возстановленіе и дополненіе Устава 1828 года.

Государственный Совѣтъ по департаменту законовъ одобрилъ мнѣніе гр. Блудова, и затѣмъ проектъ Ковалевскаго былъ возвращенъ 15-го іюня 1859 г. въ министерство народнаго просвѣщенія.

Со вступленіемъ въ министерство въ концѣ декабря 1861 г., послѣ кратковременнаго управленія адмирала Путятина, А. В. Головнина—возобновились съ новою энергіею работы по реформѣ законодательства о печати. Но предварительно Головнинъ старался нѣсколько упорядочить цензурную практику, на которую всѣ жаловались. Правительство недовольно было снисходительностью цензоровъ. Цензоры въ свою очередь жаловались, что они теряются въ противорѣчивыхъ указаніяхъ, исходящихъ отъ разныхъ министерствъ. Журналистика сѣтовала на произволъ и медленность цензоровъ. Для устраненія этихъ неудобствъ Головнинъ распорядился о составленіи Свода Постановленій по цензурѣ. „Имѣя въ виду, что если необходимо усиливать строгость цензуры, то не менѣе нужно съ другой—доставлять литературѣ, какъ средству для просвѣщенія народнаго, всевозможныя льготы и облегченія“, Головнинъ исходатайство-

---

и словно намеками свѣтились очертанія этой мысли, и чѣмъ хитрѣе, чѣмъ путаннѣе сплетенъ былъ этотъ покровъ, тѣмъ скорбнѣе, тѣмъ нетерпѣливѣе трепетала подъ нимъ полная мощи мысль, и тѣмъ горячѣе отдавалось ея эхо въ молодыхъ душахъ читателей и слушателей! То было время, когда мысль должна была оговариваться и лукавить, когда она тысячу разъ вынуждена была окунуться въ помойныхъ ямахъ житейскаго базара, чтобы выстрадать себѣ право хоть однажды, хоть на мгновеніе засіять надъ міромъ лучомъ надежды лучшаго грядущаго обновленія! И стало быть крѣпки были эти люди, если и при такой обстановкѣ не изолгались, не сдѣлались отступниками (сочин. II, 144—145).

валъ *упраздненіе спеціальныхъ цензуръ*, дозволеніе всѣмъ газетамъ печатать объявленія, облегченіе въ полученіи изъ-за границы книгъ и газетъ, облегченіе пересылки газетъ и пр. „Исполненіе этого плана,—писалъ Головнинъ,—начало уже ознаменовываться весьма благотворными результатами. Въ обсужденіи нѣсколькихъ важныхъ вопросовъ нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманнымъ тономъ, и многіе ея органы вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, *старались служить ему опорою*. Къ несчастью, въ то самое время, когда печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной *зрѣлости* своей,—продолжаетъ Головнинъ,—для пользованія разумною свободою, произошли событія, не дозволившія расширять ея права“ (появленіе прокламацій, революціонная пропаганда). Въ виду этого изданы были разсмотрѣнныя въ Совѣтѣ Министровъ временныя правила 14-го мая 1862 г., имѣвшія цѣлью точнѣе опредѣлить предметы государственнаго управленія, которые *разрѣшалось* обсуждать печатью, и указаніе налагаемыхъ взысканій (пріостановленіе изданія на 8 мѣсяцевъ) и проч.“.

Рядомъ съ улучшеніемъ цензурной практики шли подготовительныя работы по реформѣ законодательства о печати: собраны были матеріалы по исторіи законодательствъ о печати у насъ и заграницею, дозволено было въ печати обсужденіе лучшаго устройства цензуры и разрѣшено литераторамъ высказать свои соображенія по этому предмету [1]). Въ мартѣ 1862 г. учреждена была подъ предсѣдательствомъ кн. Д. Оболенскаго комиссія для „составленія проекта Устава о книгопечатаніи“. Но ещ> до составленія проекта А. В. Головнинъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе 10-го марта 1862 г., коимъ возлагалось наблюденіе за печатью съ карательной, полицейской точки зрѣнія на министерство внутреннихъ дѣлъ. Оно сообщало замѣчанія свои министерству народнаго просвѣщенія коему попрежнему оставались подчиненными цензурныя учрежденія. Кромѣ того, упразднялись спеціальныя цензуры, кромѣ духовной и придворной. Затѣмъ [2]) названными Правилами 12-го мая 1862 г. преподаны были цензоромъ и нѣкоторыя указанія къ облегченію цензуры.

---

[1]) Весьма любопытный отзывъ М. Е. Салтыкова приведенъ въ статьѣ г. Пыпина въ Вѣстникѣ Европы 1889 г., № 10.

— Любопытенъ былъ также проектъ И. С. Аксакова съ установленіемъ полной свободы печати и подчиненіемъ преступленій печати исключительно вѣдѣнію суда. § 1 проекта гласилъ: „Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской имперіи безъ различія званія и состоянія“. См. собр. соч., т. IV, 366.

[2]) Стр. 47 Отзыва Головнина отъ 7-го декабря 1863 г., № 11510.

— По поводу этого мѣропріятія Никитенко пишетъ: Валуевъ хотѣлъ установить карательную цензуру, взялся за это, не сумѣлъ сдѣлать и проволочилъ дѣло до появленія на сцену Головнина; этотъ теперь его и обошелъ Сущность

Комиссіею кн. Оболенскаго былъ приготовленъ проектъ къ началу 1863 г. Внося проектъ въ Совѣтъ Министровъ, А. В. Головнинъ счелъ необходимымъ разрѣшить предварительно важный вопросъ—слѣдуетъ ли оставить цензуру въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія или передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Самъ Головнинъ высказалъ по этому вопросу слѣдующія соображенія: „Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о развитіи, о преуспѣяніи оной; посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ (?) быть ея строгимъ судьею (какъ извѣстно, исторія цензуры не подтверждаетъ этого взгляда). Сверхъ того, министерство народнаго просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки, и для этого необходима свобода анализа: посему цензура, находясь въ вѣдѣніи сего министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное (!!), стремящееся къ тому, чтобы медленно и осторожно *отодвигать границы*, поставленныя свободѣ разсужденій. При нынѣшнемъ же всеобщемъ броженіи умовъ, необыкновенномъ развитіи умственной дѣятельности, обращающейся преимущественно къ обсужденію вопросовъ общественныхъ, дѣятельность цензуры становилась все болѣе и болѣе затруднительною въ томъ вѣдомствѣ, которое обязано содѣйствовать развитію умственной дѣятельности. Положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за нарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнить *важность нарушенія;* роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе“.

Такимъ образомъ, тенденціи и сущность предположенной реформы сводились къ передачѣ печати въ вѣдѣніе болѣе „строгаго“ начальства [1]).

цензуры забралъ себѣ, а ея темную невыгодную сторону оставилъ Валуеву. Вышла совершенно басня: „Ворона и лисица“ (II, 31).—Оказывается,—писалъ Никитенко,—у Валуева гораздо болѣе бюрократическій взглядъ на вещи, чѣмъ онъ заставлялъ меня думать сначала. II, 335.

[1]) Пр. Фойницкій (Сборникъ Государ. Знаній, т. II) видитъ въ такой передачѣ шагъ впередъ въ исторіи нашего законодательства о печати, свидѣтельствующій, что печать вышла изъ періода „опеки“ и вступила въ періодъ „полицейскаго“ управленія, которое авторъ приравниваетъ къ положенію „временно-обязанныхъ“ крестьянъ. Настоящее освобожденіе наступитъ, по мнѣнію автора, съ переходомъ дѣлъ о печати въ область „права“, т.-е. въ вѣдѣніе суда. — М. Е. Салтыковъ довольно скептически относился къ указанному „прогрессивному шагу“ и съ пророческою проницательностью высказывалъ опасеніе, что „полиція, привыкнувъ имѣть дѣло въ врагами общества, незамѣтно для самой себя, перенесетъ это воззрѣніе и на литературу“ (стр. 585, н. ст. Пыпина).

Согласно мнѣнію Головнина, послѣдовало 10-го января 1863 года Высочайшее повелѣніе о передачѣ цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ, куда переданъ былъ и проектъ комиссіи кн. Оболенскаго.

III.

Движенье—святое дѣло. Все въ Божіемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ, и не должно стоять. Неподвижность—смерть, непримѣтная, тихая, но все же смерть, производящая только гниль. Движеніе постоянное, мирное безъ потрясеній, но безпрестанное есть жизнь. Останавливать движеніе или насильственно ускорять его (т.-е. въ обоихъ случаяхъ лишать жизни) равно погибельно и для частнаго человѣка, и для народа.

Жуковскій.

Съ начала 1863 г. руководство реформою законодательства о печати переходитъ къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву, противнику рѣшительныхъ, раціональныхъ реформъ и мастеру на палліативные (см. гл. IV) „кунстштюки“, по выраженію проф. Рѣдкина. 14-го января Валуевъ образовалъ подъ предсѣдательствомъ того же кн. Оболенскаго вторую комиссію, въ составъ которой вошли гг.: Никитенко, Ржевскій, Бычковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Погорѣльскій, Ѳеоктистовъ (бывш. начал. глав. управ. по дѣламъ печати) и Фуксъ. Къ концу мая былъ составленъ обширный проектъ Устава о книгопечатаніи, обнимавшій всѣ стороны реформы, какъ полицейско-административную, такъ и судебно-карательную. Уставъ этотъ, основанный на реакціонномъ французскомъ законодательствѣ временъ Второй имперіи (оно было заимствовано и Турціею), легъ въ основу дѣйствующаго закона 6-го апрѣля о печати. Самое главное изъ предложенныхъ проектовъ нововведеній—это освобожденіе нѣкоторой части литературы (книги объемомъ до 20-ти листовъ, издаваемыя въ столицахъ) [1]), и періодическія изданія, съ особаго разрѣшенія министра, отъ предварительной цензуры. Для повременныхъ изданій устанавливался залогъ для (?) „покрытія пени“, и они подвергались, сверхъ наказанія по суду, административнымъ взысканіямъ за „вредное направленіе“, въ видѣ

---

[1]) Первоначально предполагалось это временное ограниченіе допустить лишь до введенія судебной реформы (прим. къ § 1 проекта), но впослѣдствіи оно сдѣлалось общимъ правиломъ, такъ что и по открытіи новыхъ судовъ на провинцію не была распространена эта льгота.

предостереженій отъ министра. Послѣ третьяго предостереженія изданіе прекращалось (§ 105 проекта) [1]). Что же касается книгъ, то онѣ могли подвергаться только судебному взысканію, и для точнаго опредѣленія его проектъ въ раздѣлахъ III и IV давалъ длинный перечень преступленій и проступкомъ печати (§§ 93—143) и весьма подробныя правила о судопроизводствѣ по дѣламъ печати (198 параграфовъ), при чемъ важнѣйшія дѣла предлагалъ отдать въ Петербургѣ и Москвѣ—къ чести составителей проекта—на *судъ присяжныхъ*, избираемыхъ изъ гласныхъ мѣстной думы (§§ 1 и 4).

Въ Іюнѣ 1863 г. проектъ Устава о книгопечатаніи, нѣсколько измѣненный министромъ П. А. Валуевымъ, былъ разосланъ до внесенія въ Государственный Совѣтъ на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ. Изъ поступившихъ отзывовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія В. А. Головнина и барона М. А. Корфа. Головнинъ, привѣтствуя сочувственно освобожденіе части печати отъ цензуры и подчиненіе ея (печати) судебному режиму, высказывается рѣшительно противъ „административныхъ взысканій“. Система эта,—пишетъ Головнинъ,—получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ по существующимъ условіямъ невозможно было *возстановить* цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе *приблизиться* къ ней, какъ можно, болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т.-е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и выдержанность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, *не въ состояніи* развить въ литературѣ этихъ качествъ. Опытъ убѣждаетъ, что подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то *раздраженіе*, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду... Цензура не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи; административная кара постигаетъ статью, когда она уже проникла въ публику; взысканія не ослабляютъ произведеннаго ею впечатлѣнія; напротивъ, вниманіе публики еще привлекается къ ней, и она

---

[1]) Въ виду того, что въ настоящее время между предостереженіями иногда проходятъ годы и десятилѣтія (въ 1891 г. былъ случай—дачи второго предостереженія *Русскимъ Вѣдомостямъ* спустя 13 слишкомъ лѣтъ послѣ перваго предостереженія), не безынтересно ознакомиться съ текстомъ ст. 105 проекта, которая гласитъ такъ: „Повременное изданіе, въ теченіе *одного* года подвергшееся *двумъ* предостереженіямъ, по *третьему* считается прекращеннымъ, если это предостереженіе состоится въ теченіе того же самаго года или послѣдующихъ 3 мѣсяцевъ (см. стр. 21 проекта уст. о книгопеч., составленнаго въ 1863 г. при мин. внутр. дѣлъ).

получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣетъ никакого права. Публика становится въ такихъ случаяхъ какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней“ [1]).

Затѣмъ Головнинъ считалъ несправедливымъ лишеніе послѣ третьяго предостереженія путемъ административнымъ права собственности на изданіе (оно прекращалось), нерѣдко представляющее значительную имущественную цѣнность. „Послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ,—писалъ въ заключеніе министръ народнаго просвѣщенія,—я вообще нахожу предварительную цензуру *несостоятельною* для достиженія цѣлей правительства и потому, полагаю, всего бы полезнѣе вовсе *отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду*; но такъ какъ нѣтъ ни малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я допускаю переходные мѣры, какъ временную уступку обстоятельствамъ“.

Самый обстоятельный разборъ проекта мы находимъ въ обширной запискѣ главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ Е. И. В. кан,,еляріи барона В. Н. Корфа, занимающей 64 печатныхъ страницы *in folio*. Баронъ Корфъ бывшій членъ ужасной памяти Бутурлинскаго комитета (см. выше), ставитъ въ вину комиссіи кн. Оболенскаго, что она не обратила должнаго вниманія на необходимость *коренного* измѣненія законодательства въ смыслѣ перехода отъ системы предварительной цензуры къ карательной Указавъ на то, какъ наканунѣ еще крестьянской реформы люди мнительные признавали ее преждевременною, баронъ Корфъ замѣчаетъ, что въ сходномъ положеніи находится и вопросъ о цензурѣ, съ тою разницею, впрочемъ, что вредъ цензуры не для всѣхъ такъ очевиденъ, какъ вредъ крѣпостного права. „Какъ въ крѣпостномъ правѣ,—пишетъ баронъ Корфъ,—по вѣковой къ нему привычкѣ, многіе видѣли основаніе стойкости нашего государственнаго организма, и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство *безотчетнаго страха*, такъ и цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и не мало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядокъ [2]).

Переходя затѣмъ къ вопросу о вредѣ цензуры, бар. Корфъ оговаривается, что онъ затрудняется изложить вполнѣ свои соображенія въ оффиціальной бумагѣ и старается быть, сколь возможно, краткимъ и менѣе отвлеченнымъ. Главный вредъ цензуры онъ видитъ не въ произволѣ, который болѣе или менѣе встрѣчается во всякой (?) административной и политической дѣятельности, а въ *основной идеѣ* цензуры. „На первый

---

[1]) Стр. 48—49 Отзывы Головнина.

[2]) Стр. 59 Отзыва. бар. Корфа. Группировка доказательствъ сильно напоминаетъ аргументацію Дж. Ст. Милля въ его „Свободѣ“.

взглядъ по идеѣ своей цензура,—говоритъ баронъ Корфъ,—могла бы показаться учрежденіемъ самымъ благодѣтельнымъ, необходимымъ въ благоустроенномъ государствѣ. Ея назначеніе, повидимому, указывать *лучшую* и правильную *дорогу* умственному развитію общества, устранять изъ области его все ложное и вредное, опасное и расчищать путь всему истинному и полезному. Въ самомъ дѣлѣ, *если* бы существовало такое неизмѣнное, безошибочное мѣрило для распознаванія, что истинно и что ложно, что въ произведеніяхъ человѣческой мысли можетъ принести пользу и что обратиться во вредъ; *если бы* нашелся ареопагъ, который, обнимая прошедшее, настоящее и будущее человѣчества, въ состояніи былъ бы непогрѣшимо указать, какимъ путемъ должна итти наука, и въ какія окончательныя формы должно вылиться общество; *если бы* при этомъ контролируемая правительствомъ печать была единственнымъ средствомъ распространенія мнѣній и ученій между людьми,—установленіе цензуры *было бы* идеаломъ, лучше котораго нечего было бы и желать". Ссылаясь на многовѣковой опытъ, баронъ считаетъ однако доказаннымъ, что цензура не въ состояніи была выполнить эту миссію, *превосходящую силы человѣческія*: многія, если не всѣ, истины, которыми постепенно обогащалось человѣчество, первоначально встрѣчались *съ недовѣріемъ* и должны были выдержать *борьбу* и только среди ея выяснялись, пріобрѣтали силу и окончательно утверждались; а, съ другой стороны, ложныя и опасныя доктрины распространялись, несмотря на всѣ запрещенія. Только карательная система, предоставляющая печати свободу и карающая только за посягательства на главныя начала общественнаго порядка, чужда указанныхъ недостатковъ.

Обращаясь къ Россіи, баронъ Корфъ замѣчаетъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что *только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ*, и само высшее правительство, передавшее на литературное сужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою. „На опытѣ правительство убѣдилось, что *только въ свободѣ* печати находится *противоядіе* противъ злоупотребленія печатью. Въ этомъ свободномъ обращеніи нѣкоторой доли неправды на ряду съ истиною одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ карательной системы, и черезъ это она дѣлается могущественнымъ орудіемъ воспитанія народа".

Исходя изъ такого воззрѣнія, бар. Корфъ полагалъ, что въ Россіи, въ виду отсутствія правильныхъ судовъ (новые суды еще не были открыты) и привычки къ свободному слову, невозможно было полное осуществленіе карательной системы. „Въ жизни общественной и частной,—говоритъ

онъ,—ближайшею цѣлью не всегда бываетъ тотчасъ безусловно хорошее, часто приходится искать сперва не лучшаго, а *наименѣе худшаго*". Въ этомъ смыслѣ онъ склоняется на сторону смѣшанной системы и переходныхъ мѣръ, но осуждаетъ проектъ Валуева, видя въ немъ не проникновеніе духомъ карательной системы, *а лишь подновленіе дѣйствующаго цензурнаго устава* и даже введеніе для періодической прессы и литературы, не изъятой отъ предварительной цензуры (книги объемомъ менѣе 20-ти листовъ), *новыхъ строгостей и ограниченій* [1]).

Въ частности, относительно „предостереженій" баронъ Корфъ пишетъ: „Административныя взысканія—это *новая язва*, заключающая въ себѣ такую *массу вреда, произвола и несправедливости*, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ *всѣ благомыслящіе люди*. Система административныхъ взысканій *еще болѣе заражена* произволомъ и несправедливостью, нежели предупредительная цензура; ибо наказываетъ за вину, *непредвидѣнную* никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла оказаться необходимою тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное орудія предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвращаться; но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ *не утѣсненія, а расширенія свободы слова*?.. [2]) „Самая же опасная сторона административныхъ взысканій, какъ они, напримѣръ, примѣнялись во Франціи,—пишетъ баронъ,—состоитъ въ томъ, что *одному лицу дается власть* по индивидуальному воззрѣнію, иногда по одному *минутному настроенію духа* безъ всякой дальнѣйшей передъ закономъ отвѣтственности лишать человѣка права собственности, права на занятіе, которымъ онъ, можетъ быть, жилъ, и что еще важнѣе—исключаетъ изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе".

Въ возраженіяхъ своихъ П. А. Валуевъ, съ обычною своею неискренностью (см. гл. IV) оставилъ это мѣсто безъ отвѣта, но впослѣдствіи, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 10—23-го января 1865 г., онъ объяснилъ, что „допущеніе административныхъ взысканій необходимо по свойству журнальной литературы, которая всегда носитъ на себѣ болѣе или менѣе оттѣнки политическаго характера и потому вызываетъ нѣкоторыя мѣры ограниченія для того, чтобы сдерживать направленіе періодическихъ изданій въ законныхъ (?) предѣлахъ" [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 75.

[2]) Ibid., 68.

[3]) Журн. деп. зак. Государ. Совѣта, 1865, № 4. Вообще большинство сдѣланныхъ противъ проекта замѣчаній Валуевъ оставилъ безъ вниманія и обыкновенно ограничивался стереотипною фразой: „остаюсь при моемъ мнѣніи", и не выходилъ, по словамъ Никитенко, изъ тѣсной рамки бюрократизма (см. Дневникъ его въ „Русской Старинѣ" 1891 года, № 6, стр. 619). Ср. § 29 гл. VI.

Баронъ Корфъ возражалъ также противъ установленія 20-тилистовой нормы для освобожденія отъ предварительной цензуры. Во Франціи и Германіи, откуда заимствована эта норма, литературная дѣятельность сосредоточивалась въ сочиненіяхъ значительнаго объема. У насъ же, гдѣ объемистыя, капитальныя сочиненія составляютъ рѣдкость, подъ такую норму подошла бы развѣ $^1/_7$ всѣхъ сочиненій. Баронъ Корфъ предлагалъ понизить норму до 10 листовъ и расчитывалъ, что этою льготою воспользуются не болѣе $^1/_3$ всѣхъ сочиненій. Мнительный рутинеръ П. А. Валуевъ находилъ такое пониженіе *опаснымъ*, ссылаясь на то, что книги объемомъ въ 10 листовъ касаются „самыхъ щекотливыхъ вопросовъ государственныхъ и общественныхъ“ и по преимуществу (?) являются „популярными сочиненіями съ матеріалистическими, соціалистическими и т. п. тенденціями“ [1]).

Весьма энергично возражалъ бар. Корфъ и противъ установленія „залоговъ“ для періодической прессы. Оправданіе комиссіею кн. Оболенскаго залоговъ, какъ источника для „пополненія пеней“, оппонентъ находилъ недостаточнымъ, такъ какъ уголовный законъ ни отъ кого никогда не требуетъ обезпеченія *на случай* (курсивъ въ подлинникѣ) совершенія преступленій. Истинный (хотя и не высказанный) мотивъ для залоговъ бар. Корфъ видѣлъ въ желаніи сосредоточить періодическую печать въ рукахъ людей *болѣе зажиточныхъ* и удержать прессу отъ *слишкомъ сильнаго развитія*. „Но первое условіе,—говоритъ онъ,—нисколько не служитъ гарантіею для увеличенія въ журналистикѣ здравомыслія и другихъ желаемыхъ качествъ. Что касается сокращенія журналистики, то оно искусственно создаетъ *монополію* для немногихъ изданій, которыя получаютъ власть и возможность господствовать надъ умами. При отсутствіи же искусственнаго стѣсненія журналы хотя и умножаются, но исчезаетъ ихъ неестественное обаяніе: народъ начинаетъ относиться къ

---

[1]) Самое же освобожденіе вообще *книгъ извѣстнаго объема* отъ предварительной цензуры Валуевъ въ своемъ представленіи Государственному Совѣту мотивировалъ „серьезностью содержанія ихъ, значительностью продажной платы и ограниченностью въ обращеніи“ (см. пред. отъ 17 ноября 1864, № 183, стр. 12). Такимъ образомъ яснымъ, точнымъ критеріемъ для распознанія типографіею изданія, подлежащаго предварительной цензурѣ, отъ освобожденныхъ отъ нея, былъ внѣшній видъ книгъ (въ проектѣ Валуева вездѣ говорится о *книгахъ*, и только въ Государственномъ Совѣтѣ, расширившемъ, а не стѣснившемъ свободу печати сравнительно съ проектомъ, слова книги замѣнены были сочиненіями), объемъ ихъ 10 листовъ для оригинальныхъ сочиненій и 20 для переводовъ. Ни буква закона 6-го апрѣля, ни духъ его не согласуются съ установившеюся съ 1896 г. цензурною практикой, въ силу коей требуется предварительная цензура, напр., для предисловія и примѣчаній къ иностранному переводу или къ оригинальному сочиненію.

печатному слову, какъ къ „обыкновенному говору людскому, въ которомъ смѣсь дурного и хорошаго, ложнаго и истиннаго никого не смущаетъ". „Стремиться къ водворенію такого порядка вещей,—пишетъ бар. Корфъ,—намъ въ настоящее время въ особенности необходимо: мы теперь вступили въ тотъ именно періодъ полуобразованности и *полузнакомства* съ гласностью и съ печатнымъ словомъ, который неизбѣженъ въ жизни каждаго народа, но черезъ который для блага государства желательно пройти, *какъ можно, скорѣе*".

IV.

Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное!—Просторъ слова нужнѣе всѣхъ реформъ послѣ освобожденія крестьянъ: нужнѣе и земскихъ, и другихъ учрежденій, ибо въ этомъ просторѣ заключается условіе жизненности для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него—они едва ли взойдутъ .

И. С. Аксаковъ.

Въ январѣ 1865 г. департаментъ законовъ Государственнаго Совѣта приступилъ къ обсужденію проекта Валуева въ составѣ членовъ: Норова, барона Корфа, Литке, кн. Долгорукова, Бахтина, Буткова, кн. Горчакова, Валуева, Головнина, Замятнина, при статсъ-секретарѣ Зарудномъ. Единственный членъ, сдѣлавшій серьезную оппозицію проекту, былъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Норовъ [1]). Онъ возражалъ противъ смѣшенія предупредительной и карательной цензуры и видѣлъ въ такомъ смѣшеніи доказательство „нестойкости мнѣній при начертаніи устава". Въ частности Норовъ возсталъ противъ расширенія власти министра внутреннихъ дѣлъ и лишенія главнаго управленія по дѣламъ печати всякой самостоятельности и низведенія его на степень министерской канцеляріи. Ссылаясь на собственный опытъ по министерству народнаго просвѣщенія, Норовъ утверждалъ, что „громадная отвѣтственность за проявленія мысли въ государствѣ едва ли не *свыше* силъ одного человѣка". Для сохраненія престижа министерской власти Норовъ проектировалъ переносить въ Комитетъ Министровъ разногласія между нимъ и Главнымъ Управленіемъ. Но мнѣніе это не было принято, и проектъ Валуева прошелъ въ

---

[1]) Записку для Норова редактировалъ академикъ А. В. Никитенко (см. Дневникъ его. Русск. Стар. 1891, № 16, стр. 619).

департаментѣ почти цѣликомъ [1]). Измѣненія были сдѣланы только въ частностяхъ: такъ, отъ представленія залога освобождены были періодическія изданія, выходящія съ разрѣшенія предварительной цензуры; третье предостереженіе, влекшее за собою прекращеніе изданія, могло быть сдѣлано только съ разрѣшенія I-го департамента сената.

Что касается суда по дѣламъ печати, то тутъ произошла значительная перемѣна къ худшему противъ первоначальныхъ предположеній. Какъ извѣстно, въ 1862 г. существовало предположеніе подчинить государственныя преступленія суду спеціальныхъ присяжныхъ, избираемыхъ особымъ комитетомъ [2]). Такому же суду предположено было передать и важнѣйшія дѣла печати. Но мысль эта не получила осуществленія, и присяжные засѣдатели были замѣнены по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ сословными представителями. Что касается до другихъ дѣлъ по дѣламъ печати, то Валуевъ, къ чести его, проектировалъ спеціальный судъ присяжныхъ (обладаніе имущественнымъ цензомъ, требуемымъ для избранія въ мировые судьи) [3]).

Предположеніе Валуева было поддержано II-мъ отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи въ лицѣ трехъ его главноуправляющихъ—бар. М. А. Корфа, даже гр. В. Н. Панина, и кн. С. А. Урусова. Послѣдній въ своемъ обстоятельномъ отзывѣ 1865 г., между прочимъ, приводилъ слѣдующія соображенія въ пользу необходимости допущенія присяжныхъ. „Благотворное дѣйствіе судебныхъ приговоровъ на настроеніе общества невоз-

---

[1]) „Когда похвалилъ,—пишетъ подъ 23-мъ января 1865 г. въ своемъ Дневникѣ Никитенко,—записку М. А. Корфа М. Н. Любощинскому (впослѣдствіи членъ Государств. совѣта, † 1891), Маркъ мнѣ сказалъ: „Записка можетъ быть хорошею, но думаете ли вы, что Корфъ будетъ поддерживать свои мысли? Повѣрьте, онъ отъ всего отречется, если ему представится малѣйшая возможность кому-либо угодить“. Такъ и случилось. Когда Норовъ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, честный, началъ упрекать Корфа, что тотъ отступаетъ отъ собственныхъ своихъ мнѣній, Корфъ отвѣчалъ: „Да изъ-за чего, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь! Вѣдь это все пустяки“.—Подъ 28-мъ января у Никитенко находимъ такую запись: Совѣтъ (государств.) сначала стремился ограничить неограниченную власть мин. внутр. дѣлъ и исправить многіе недостатки проекта, а кончилъ полнымъ на него согласіемъ. Первый Корфъ протестовалъ противъ собственныхъ мнѣній, написанныхъ такъ умно. Хотя Норовъ и представилъ въ нашей съ нимъ запискѣ мнѣніе противъ, однако это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.—„Неужели,—спросилъ я у статсъ-секретаря С. И. Заруднаго,—у васъ всѣ дѣла такъ дѣлаются?“—„А то какъ же иначе: разумѣется, такъ!—отвѣчалъ онъ.—Выходитъ, что я преувеличивалъ мое недовѣріе къ подобнымъ толкамъ... Валуевъ торжествуетъ, а здравый смыслъ и общая польза плачутъ“ (Русск. Стар. 1891, № 6, стр. 623—625).

[2]) Подробныя соображенія Государственной Канцеляріи по этому предмету приведены въ главѣ XIII моихъ „Основъ Судебной Реформы“.

[3]) § 181 проекта Валуева.

можно,—пишетъ онъ,—если судъ не будетъ пользоваться *полнымъ довѣріемъ и нравственною поддержкою* со стороны самого общества, а для этого прежде всего нужно, чтобы его рѣшенія вытекали изъ началъ убѣжденій и взглядовъ, обществу вполнѣ сродныхъ. Коронные судьи по самому положенію своему не могутъ не быть нѣсколько оторваны отъ окружающей жизни, и приговоры ихъ по дѣламъ печати часто бывали бы плодомъ отвлеченныхъ умозаключеній. Въ дѣлахъ прессы эта односторонность можетъ вести къ большимъ неудобствамъ, ибо свобода слова менѣе чѣмъ что-либо должна измѣряться какимъ-либо безусловнымъ, общимъ для всѣхъ странъ масштабомъ“ [1]). Несмотря, однако, на столь авторитетную поддержку, департаментъ законовъ не принялъ предложенія Валуева, главнымъ образомъ, въ виду *нежеланія колебать* Судебные Уставы (что, впрочемъ, не помѣшало (см. ниже) полгода спустя послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ, измѣненію ихъ новеллою 12-го декабря 1886 г. въ смыслѣ стѣснительномъ для печати).

Въ началѣ марта 1865 г. проектъ Валуева изъ общаго собранія Государственнаго Совѣта поступилъ обратно въ департаментъ законовъ. Въ точности прослѣдить судьбу проекта въ общемъ собраніи по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи оффиціальнымъ даннымъ нельзя. Сколько можно судить по матеріаламъ для журнала засѣданія (форменнаго журнала, кажется, не было составлено), проектъ во всей цѣлости не нашелъ сочувствія въ общемъ собраніи. По иниціативѣ Н. А. Милютина, поддержанной братомъ его, военнымъ министромъ Д. А. (нынѣ графомъ) Милютинымъ, Государственный Совѣтъ предложилъ департаменту законовъ ограничиться вмѣсто общаго цензурнаго устава отдѣльными дополнительными мѣропріятіями впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта.

„Проектъ,—высказалъ Д. А. Милютинъ,—если смотрѣть на него, какъ на законченное законоположеніе, не удовлетворитъ требованіямъ, заявляемымъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе литературою и публикою, а между тѣмъ создастъ *новыя затрудненія*. Если же видѣть въ немъ лишь переходную мѣру, то „можно смотрѣть снисходительно на *многія* (курсивъ въ подлинникѣ) слабыя стороны проекта“. Съ такой новой точки зрѣнія вторично былъ разсмотрѣнъ проектъ 10-го и 13-го марта 1865 г. въ Департаментѣ Законовъ. Признавая всѣ преимущества карательной системы, департаментъ законовъ, въ виду неустройства еще судебной части [2]), единогласно одобрилъ, въ видѣ *переходной мѣры*, смѣшанную

---

[1]) См. отзывъ II-го отдѣл., стр. 19.

[2]) Въ первоначальномъ проектѣ Высочайшее повелѣніе начиналось такъ: „Признавая за благо дать печатному слову всю степень свободы, совмѣстную съ настоящимъ положеніемъ судебной части, и пр.

систему, съ чѣмъ согласился и Норовъ, мотивируя свое согласіе тѣмъ, что „правительство не произноситъ еще теперь послѣдняго слова, и рѣчь идетъ только о мѣрахъ переходныхъ“.

Затѣмъ по существу проекта Департаментъ Законовъ принялъ мнѣніе бар. Корфа о пониженіи нормы свободныхъ отъ цензуры книгъ до 10 листовъ, при чемъ Главному Управленію предоставилъ одновременно съ заарестованіемъ книги возбужденіе уголовнаго преслѣдованія.

По вопросу объ организаціи главнаго управленія восемь членовъ (Литке, Бахтинъ, Норовъ, Ковалевскій, Д. Милютинъ, Ахматовъ, Бутковъ, Н. Милютинъ) стояли за предоставленіе главному управленію самостоятельности и за переносъ, въ случаѣ несогласія министра, дѣла въ Комитетъ Министровъ, а пять членовъ (бар. Корфъ [1]), кн. Долгоруковъ, Валуевъ, Головнинъ, Замятнинъ)—за предоставленіе управленію лишь совѣщательнаго голоса [2]).

---

[1]) Ранѣе въ отзывѣ своемъ отъ 19-го декабря 1863 года бар. Корфъ рѣшительно высказывался за отвергнутое имъ теперь мнѣніе (см. стр. 82—85 его отзыва).

[2]) Большинство отдѣльныхъ замѣчаній членовъ общаго собранія Государственнаго Совѣта клонилось къ усиленію цензурной репрессіи.

I. *Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій* полагалъ увеличить до 7 дней срокъ просмотра цензурою книгъ до 20 печатныхъ листовъ. Указывая на то, что несмотря на арестованіе нумера журнала (?) *Вѣсть*, въ коемъ былъ напечатанъ извѣстный адресъ московскаго дворянства о представительствѣ, оставшіеся въ публикѣ экземпляры должны были произвести извѣстное дѣйствіе, принцъ полагалъ, что такимъ (?) же образомъ могутъ быть изданы не только замаскированные переводы нѣкоторыхъ запрещенныхъ сочиненій Бюхнера, Молешота, Бунзена и др., но и зажигательнѣйшія изъ ученій Герцена.—Онъ возражалъ также противъ дозволенія частнымъ лицамъ имѣть ручные станки, ссылаясь на то, что *Земля и Воля и Юная Россія* печаталась на такихъ станкахъ.—Онъ же возражалъ противъ освобожденія отъ залоговъ ученыхъ журналовъ. Е. В., обращая вниманіе на то, что ученые, особенно натуралисты и медики, суть весьма часто матеріалисты, полагалъ примѣнять къ нимъ болѣе строгія взысканія. Онъ же полагалъ предоставить, какъ во Франціи, дѣлать предостереженія префектамъ-губернаторамъ, дабы наказаніе слѣдовало тотчасъ за преступленіемъ (sic), и вообще находилъ неправильнымъ смягченіе наказаній, допущенное проектомъ сравнительно съ Улож. о нак. (см. стр. 1—4 Замѣчаній).

II. Кн. *II. II. Гагаринъ* высказался вмѣстѣ съ гр. Панинымъ за то, чтобы предостереженія дѣлались отъ совѣта главнаго управленія, полагая, что тогда они будутъ имѣть болѣе нравственнаго авторитета, а также за предоставленіе *самостоятельности*, полагая, что отвѣтственность его будетъ болѣе реальною, чѣмъ отвѣтственность министра внутр. дѣлъ, и что промахи будутъ рѣже, такъ какъ министръ, какъ бы геніаленъ ни былъ, не можетъ избѣгнуть ихъ.

III. Ген.-Адъют. *Сухозанетъ* указывалъ на то, что лицамъ, содержащимся въ крѣпости за политическія преступленія, дозволялось въ недавнее время зани-

Что касается формы законоположенія, то рѣшено было всѣ перемѣны, имѣющія предметомъ поощрительныя для нашей литературы льготы, изложить въ формѣ именного Высочайшаго указа, непосредственно отъ престола исходящаго, а подробности мѣръ и ограниченій изложить въ видѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта.

Въ исполненіе этого плана 6-го апрѣля 1865 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, гласившее такъ: „Желая дать отечественной печати возможныя *облегченія и удобства*, Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ *переходномъ* положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, перемѣны и дополненія“ [1]).

Такимъ образомъ, по мысли законодателя законъ 6-го апрѣля составлялъ только *первый* шагъ по пути освобожденія печати и, какъ таковый, имѣетъ видное значеніе въ исторіи нашего законодательства о печати хотя самъ по себѣ, по вѣрному замѣчанію проф. Фойницкаго, онъ стоитъ ниже даже реакціонныхъ законодательствъ: прусскаго 1851 года и австрій-

---

маться литературою (Н. Г. Чернышевскій), полагалъ не распространять на нихъ права издавать книги безъ предварительной цензуры.

IV. Ген.-Адъют. *Игнатьевъ* полагалъ требовать залоги и отъ подцензурныхъ повременныхъ изданій. Никому нѣтъ пользы, писалъ онъ, чтобы органы общественнаго мнѣнія выходили изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества. Чѣмъ выше, независимѣе индивидуальное положеніе, тѣмъ безпристрастнѣе сужденіе, тѣмъ болѣе сближаются частные интересы съ общественною пользою (стр. 14 Замѣчаній).

V. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода предлагалъ внести особую статью о воспрещеніи критическаго разсмотрѣнія законовъ, которыми управляется православная церковь (стр. 21).

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній сдѣлалъ бывшій мин. нар. просв. Е. Ковалевскій.—Самыя полныя и разумныя замѣчанія были сдѣланы военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ (стр. 21—28). Часть этихъ замѣчаній приводится въ текстѣ.

[1]) Въ 1864 г. былъ внесенъ также въ Государственный Совѣтъ проектъ о штемпельномъ сборѣ съ повременныхъ изданій, но проектъ былъ отвергнутъ. Изъ приложенныхъ статистическихъ данныхъ видно, что въ 1863 г. въ Россіи выходило 301 періодическое изданіе. Въ этомъ числѣ частнымъ лицамъ принадлежало 124, изъ коихъ 70 политическаго содержанія. Размѣръ предположеннаго сбора опредѣлялся въ 70.000 р., при чемъ больше всего должны были платить: *Сынъ Отечества и Русскія Вѣдомости*—по 11.000 руб. въ годъ (съ 20.000 подписчиковъ по 55 коп. съ экз.). *Московскія Вѣдомости* 7.200 р. (съ 12.000 подп. по 60 к. съ год. экз.), *Сѣверная Пчела* — 3.000 руб. (съ 5.000 подп.), *Голосъ* (годъ основанія) — 1.200 руб. (съ 2.000 подп.), *С.-Петербургскія Вѣдомости*—4.000 руб. (съ 8.000 подп.), *День*—1.440 руб. (съ 8.000 подп.), *Искра* — 1.260 руб. (съ 7.000 подп.), *Отечественныя Записки*—2.000 р. (съ 4.000 подп.), *Русскій Вѣстникъ*—2.850 р. (съ 5.700 подп.) *Современникъ*—3.540 р. (съ 7.000 подп.), *Русское слово*—2.500 руб. (съ 4.000 подп.) и т. д. (стр. 25—27 проекта).

скаго 1852 г. [1]). Г. Головачевъ, прекрасно выяснившій многочисленныя слабыя стороны этого закона [2]), тѣмъ не менѣе въ правѣ былъ воскликнуть: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ... Въ самомъ дѣлѣ, если припомнить, что еще Сводомъ Законовъ изданія 1857 г. воспрещалось вообще всякое „разсужденіе въ печати о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи“, то законъ 6-го апрѣля, разрѣшившій обсужденіе какъ „отдѣльнаго, такъ и цѣлаго законодательства и опубликованныхъ распоряженій правительства“, разумѣется, знаменуетъ собой нѣкоторый шагъ впередъ.

V.

Но отъ теоретическаго законодательнаго прогресса до практическаго осуществленія его на дѣлѣ еще очень далеко. Законъ, проходя чрезъ руки исполнителей, подвергается уклоненію въ ту или другую сторону, подвергается преломленію подъ воздѣйствіемъ среды подобно преломленію луча свѣта, проходящаго чрезъ призму. Суровое законодательство Николаевской эпохи подъ сравнительно мягкимъ управленіемъ либерала А. В. Головнина дало русской печати такую свободу, какою она ни раньше, ни позже не пользовалась и которая, по замѣчанію бар. Корфа, была „близка къ полной свободѣ“ [3]). Тутъ мы видимъ благопріятное для печати уклоненіе практики отъ первоначальнаго законодательнаго намѣренія, клонившагося къ возможно большему стѣсненію печати.

Слишкомъ хорошо извѣстно, при какихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать и въ какую сторону уклониться съ нелегкой руки П. А. Валуева „льготному“ законодательству 6-го апрѣля, вызванному къ жизни стремленіемъ предоставить отечественной печати возможныя облегченія или, какъ гласитъ первоначальный проектъ указа, „всю степень свободы, совмѣстимую съ нынѣшнимъ (1865 г.) положеніемъ судебной части“... [4]).

Что касается законодательной практики, то и она также уклонилась въ сторону отъ первоначальнаго направленія, легшаго въ основу закона 6-го апрѣля. Этотъ „временный“ законъ, изданный сначала въ видѣ „переходной мѣры“, просуществовалъ гораздо дольше, чѣмъ другіе коренные законы. А съ другой стороны перемѣны, послѣдовавшія въ этомъ законѣ,

---

[1]) См. Сборн. госуд. знаній, т. II, 433.

[2]) А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, стр. 257—276.

[3]) См. отзывъ его, стр. 83.

[4]) См. проектъ по дѣламъ печати въ дѣлѣ Госуд. Совѣта по департаменту законовъ, стр. 1.

какъ свидѣтельствуетъ законодательная хроника, имѣли не освободительный, а стѣснительный или репрессивный характеръ, знаменовавшій перемѣну взглядовъ на роль и положеніе печати въ обществѣ.

Уже 17-го октября 1866 г., по иниціативѣ П. А. Валуева, послѣдовалъ послѣ разсылки редакціей пріостановленнаго на пять мѣсяцевъ *Русскаго Слова* сборника *Лучъ*, законъ, воспретившій разсылать подписчикамъ въ періодѣ пріостановки какое-либо изданіе отъ имени редакціи [1]).

Послѣ перваго журнальнаго процесса *Современника* на новомъ судѣ былъ изданъ, по настоянію того же П. А. Валуева, 12-го декабря 1866 г. законъ, передавшій дѣла печати изъ окружныхъ судовъ въ судебныя палаты, въ качествѣ первой инстанціи.

Закономъ 13-го іюня 1867 г. печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ сословныхъ и общественныхъ собраній поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго начальства (см. гл. IV, § 4).

Закономъ 7-го іюня 1872 г. установлены болѣе строгія правила для заарестованія и преслѣдованія книгъ помимо суда.

Закономъ 12-го іюля 1873 года предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать временно безъ опредѣленія, однако, срока (вслѣдствіе этого есть воспрещенія, длящіяся до 10—12 лѣтъ) оглашеніе и обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности и за нарушеніе этого распоряженія пріостанавливать изданіе на три мѣсяца.

Временными правилами 5-го апрѣля 1879 г. предоставлено было генералъ-губернаторамъ право пріостанавливать или прекращать за вредное направленіе изданія журналовъ и газетъ, а положеніемъ 4-го сентября 1881 г. предоставлено право пріостанавливать ихъ изданія главноначаль-

---

[1]) Этотъ *спеціальный* законъ о воспрещеніи редакціямъ пріостановленныхъ журналовъ изданія сборниковъ служитъ a contrario лучшимъ доказательствомъ неправильности установленной при М. П. Соловьевѣ съ 1896 г. цензурной практики, въ силу коей всѣ сборники, какого бы они ни были объема, подвергаются предварительной цензурѣ. Если бы законъ 6-го апрѣля 1865 года не распространялся на сборники, то не было бы надобности въ изданіи особаго закона 17-го октября 1865 г. Изъ представленія, при коемъ П. А. Валуевъ вносилъ 7 іюня 1866 г. въ Государственный Совѣтъ проектъ этого закона, видно, что ни онъ, при всемъ его нерасположеніи къ печати, ни даже начальникъ II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи графъ В. Н. Панинъ, не считали сборники, объемомъ въ 10 листовъ, подлежащими предварительной цензурѣ.—Когда редакція пріостановленнаго „*Русскаго Слова*“ выпустила безъ предварительной цензуры сборникъ *Лучъ*, то П. А. Валуевъ въ помянутомъ представленіи указывалъ не на то, что сборникъ выпущенъ съ нарушеніемъ закона 1865 г., которое давало бы ему право задержать сборникъ, а на совершенно иной мотивъ: на парализованіе дѣйствія кары о пріостановкѣ журнала. Въ 1900 г. признана была, наконецъ, судомъ противозаконность установленной практики о сборникахъ.

ствующему въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны.

Высочайше утвержденнымъ 27-го августа 1882 г. положеніемъ Комитета Министровъ временно узаконены слѣдующія новыя репрессивныя мѣры: газеты, возобновившія изданія послѣ третьяго предостереженія, предоставляется въ цензуру наканунѣ выхода номера, при чемъ цензору предоставляется въ случаяхъ усматриваемаго имъ значительнаго вреда (этого до-нельзя тяжелаго режима не могла выдержать до сихъ поръ ни одна газета) пріостанавливать выходъ въ свѣтъ безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Повременныя изданія обязываются сообщать, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, имена авторовъ анонимныхъ статей. Совершенное прекращеніе изданія повременныхъ изданій, съ воспреще-
ніемъ редакторамъ и издателямъ принимать эти званія впослѣдствіи, предоставлено особому совѣщанію, въ составъ котораго входятъ: министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода.

Этотъ краткій перечень достаточно говоритъ о направленіи, усвоенномъ нашимъ законодательствомъ относительно печати.

Едва ли не въ такомъ неблагопріятномъ для свободы печати направленіи кроется одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго дѣйствія реформъ 60-хъ годовъ. Безъ свободы слова новыя свободныя учрежденія неизбѣжно обречены были на захирѣніе [1]), такъ какъ гласность для нахъ, по вѣрному замѣчанію Каткова, то же, что воздухъ для организма [2]).

---

[1]) См. Собраніе сочиненій И. С. Аксакова, IV, 407.

[2]) *Московск. Вѣдом.* 1868 г., № 208.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первые шаги безцензурной печати.

(Справка къ 30-тилѣтію).

Чтобы было въ государствѣ благоденствіе, необходимо нужно, чтобы все, что составляетъ жизнь души человѣческой, жило безъ всякаго утѣсненія.

Жуковскій.

Свобода мысли такое святое вдѣло, что правомъ гражданства должны пользоваться даже такія мысли которыя кажутся намъ несправедливыми.

М. Салтыковъ.

I.

Тридцать лѣтъ тому назадъ имѣло мѣсто довольно крупное въ исторіи нашей общественной жизни событіе: *4-го сентября 1865 г.* впервые за все время существованія русской печати вышли въ свѣтъ, въ силу закона 6-го апрѣля 1865 г. произведенія печатнаго слова *безъ предварительнаго цензурнаго просмотра и одобренія.*

Освобожденію печати отъ предварительной цензуры предшествовало устройство того учрежденія, въ которомъ должно было сосредоточиться общее руководство, надзоръ и карательная дѣятельность относительно произведеній словесности—Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Оно было открыто 1-го сентября министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ въ присутствіи предсѣдателя комиссіи, выработавшей законъ 6-го апрѣля, кн. Д. А. Оболенскаго. Въ составъ главнаго управленія вошли: въ качествѣ предсѣдателя, начальникъ его, бывшій предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, сенаторъ М. П. Щербининъ, на правахъ чле-

новъ: бывшій предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, служившій въ III отдѣленіи, Туруновъ, члены бывшаго совѣта по дѣламъ книгопечатанія Гончаровъ и Варадиновъ, завѣдывавшій дѣлами означеннаго совѣта, Фуксъ, состоявшій по военному вѣдомству Толстой, правителемъ канцеляріи былъ назначенъ П. А. (впослѣдствіи графъ) Каннистъ. Послѣ молебствія, совершеннаго въ помѣщеніи Главнаго Управленія, министръ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на важную роль, выпадающую на долю новаго учрежденія [1]).

3-го сентября въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ *Сѣверной Почтѣ*, появилась передовая статья, разъяснявшая значеніе новаго режима русской печати. „Открытіе главнаго управленія *можетъ*,—гласитъ статья,—составить *новую эру* для русской литературы. Законодательство,—продолжалъ оффиціальный Валуевскій органъ,—исполнило свою задачу: печати даны возможныя (?) облегченія и льготы. Администраціи предстоитъ блюсти, чтобы пользованіе ими оставалось въ предѣлахъ новаго закона, который не ставитъ слишкомъ много преградъ для честнаго пользованія свободою выражаться въ печати“. Обращаясь къ литературнымъ дѣятелямъ, *Сѣверная Почта* замѣчала, что они сами (?) должны озаботиться о своемъ будущемъ, о томъ, чтобы для нихъ дѣйствительно настала новая эра.

Обстоятельства, при которыхъ литература вступаетъ въ новый періодъ, были, по мнѣнію оффиціальнаго органа, благопріятны. Свобода, которою печать пользовалась *на дѣлѣ* въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, могла служить полезною школою для литературныхъ дѣятелей. Печать должна имѣть въ виду условія, соблюденіе которыхъ необходимо и для пользы печати, и въ интересахъ общества, и безъ которыхъ немыслимо достоинство писателя, изъявляющаго притязаніе на пользованіе свободою слова. „*Свобода*“,— писала названная газета,—*обязываетъ*; право неразрывно съ обязанностью; самостоятельность призываетъ къ самообладанію“. Указавъ затѣмъ, что правительство въ послѣднія 10 лѣтъ охотно (?) выслушивало многія заявленія въ печати и пользовалось ими въ интересахъ общества, *Сѣверная Почта* выражала увѣренность, что готовность эта и впредь *не уменьшится*. Она только приглашала печать взвѣшивать практическія средства выполненія того, что она предлагаетъ [2]).

---

[1]) См. № 189 *Сѣверн. Почты* за 1865 г.

[2]) См. тамъ же 190.

II.

Изъ петербургскихъ изданій первыми воспользовались новымъ режимомъ свободы или, какъ вѣрнѣе назвалъ его проф. Фойницкій [1]), „временно-обязаннымъ“ состояніемъ полусвободы, *С.-Петербургскія Вѣдомости* и *Голосъ*. Въ номерахъ, вышедшихъ 4-го сентября 1865 года, и та и другая газета, разумѣется, занимаются обсужденіемъ новыхъ условій дѣятельности печати.

Старѣйшая изъ русскихъ газетъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, въ небольшой передовой статьѣ встрѣчаетъ довольно сдержанно наступившую „новую эру“. „Сегодня мы получили,—заявлялъ редакторъ В. Ѳ. Коршъ,—право на изданіе газеты безъ цензуры. *Крѣпостная* зависимость наша отъ цензуры, отъ личной воли и личнаго усмотрѣнія постороннаго лица кончилась (?); признанные совершеннолѣтними, мы будемъ зависѣть съ настоящаго дня отъ нашей собственной (sic) воли, отъ нашего собственнаго усмотрѣнія въ тѣхъ предѣлахъ (газета съ прискорбіемъ вскорѣ должна была убѣдиться, какъ неясны были эти предѣлы), какіе представляетъ законъ для публичной дѣятельности. Нынѣ отошла отъ насъ попечительная опека, и мы очутились, какъ люди свободные, лицомъ къ лицу съ закономъ (?), ничѣмъ, кромѣ собственнаго благоразумія, незащищенные отъ его грозы и кары“ [2]).

Переходя засимъ къ вопросу о будущности русской печати, академическая газета выражала надежду, что „строгій законъ“ будетъ смягченъ, благодаря „просвѣщенному взгляду“ исполнителей. „Нигдѣ такъ не будетъ чувствоваться,—писали *П. В.*,—надобности въ благосклонномъ толкованіи, какъ при переходѣ отъ предупредительной цензуры къ карательной. Открывается обширное поле для ошибокъ, *недоразумѣній* (первою жертвою такого недоразумѣнія, какъ увидимъ ниже, сдѣлалась академическая газета, которой дано было прежде всѣхъ первое предостереженіе), для невольныхъ промаховъ съ одной стороны, для *излишней осторожности* — съ другой. Только опытъ покажетъ путь, на которомъ русская литература можетъ безопасно пользоваться предоставленною свободою“. Вступая не безъ тревоги передъ неизвѣснымъ будущимъ въ новыя условія дѣятельности, газета Корша видѣла залогъ лучшей будущности въ довѣріи общества къ печати и въ союзѣ всѣхъ честныхъ дѣятелей печати.

Голосъ посвятилъ закону 6-го апрѣля большую передовую статью.—

---

[1]) См. Сборникъ государственныхъ знаній, т. II: „Моменты въ исторіи законодательства о печати“.

[2]) *С.-Петер. Вѣд.*, № 229.

„Сегодня въ первый разъ отъ самаго начала нашей журнальной дѣятельности,—писалъ старѣйшій изъ русскихъ публицистовъ, А. К. Краевскій,—обращаемся мы къ читателямъ съ рѣчью, не просмотрѣнною предварительно цензоромъ. Намъ нечего скрывать чувства радости, съ которымъ мы начинаемъ вести такую рѣчь; радость наша не выразится шумно именно потому, что эта радость искренняя, глубокая. Мы приступаемъ къ болѣе свободной дѣятельности не съ дѣтскимъ восторгомъ, какой ощущаетъ школьникъ, выходя изъ училища, съ намѣреніемъ забыть уроки, разорвать связь съ прошедшимъ. Мы ничего не забываемъ, ничего разрывать не хотимъ (sic), мы не *можемъ* даже сказать, что для нашей прессы настаетъ новая эра, эра возрожденія. Нѣтъ, намъ не слѣдуетъ ни забывать, ни разрывать. Наша пресса въ послѣднее полустолѣтіе оказала услуги, которыми по справедливости она можетъ гордиться. Она по мѣрѣ возможности высказывала стремленія общества: чѣмъ стѣснительнѣе бывала иногда доступная ей форма выраженія, чѣмъ ограниченнѣе бывало поле ея дѣйствія, тѣмъ больше ея заслуги. Многіе изъ горячихъ, благородныхъ дѣятелей ея не дождались настоящаго дня, того дня, когда слову серьезнаго, благоразумнаго (?) писателя дается болѣе простора“.

Указывая на то, что въ Россіи, въ отличіе отъ другихъ странъ, свобода печати явилась по иниціативѣ правительства, а не была результатомъ революціонныхъ дѣйствій, *Голосъ* совѣтовалъ не упускать въ будущемъ изъ виду эту особенность русской печати. Дѣятелямъ же печати онъ рекомендовалъ имѣть въ виду служеніе обществу. Какъ бы предугадывая нѣкоторыя послѣдующія прискорбныя явленія изъ исторіи нашей печати, *Голосъ* называлъ презрѣнными тѣхъ дѣятелей, которые воспользуются реформою „для балаганнаго представленія“ и превратятъ печать „въ орудіе личныхъ цѣлей“. Болѣе же всего негодовала газета Краевскаго на тѣхъ публицистовъ, которые воспользуются новымъ правомъ, чтобы *инквизиторски* преслѣдовать новое слово, производить дознаніе, почему что сказано и почему чего-либо не сказано, словомъ, учредить *инквизицію слова* [1]). Въ заключеніе *Голосъ* выражалъ пожеланіе, чтобы правительство расширяло постепенно предѣлы свободной печати и не увлекалось „подозрительностью, если бы даже въ печати стали появляться неблагонамѣренные *доказчики*“.

Къ сожалѣнію, такіе „доказчики“, какъ извѣстно, явились, особенно въ печати 80-хъ годовъ, которая, къ стыду русской прессы, открыто нарушила основной завѣтъ русской печати, такъ прекрасно изложенный въ слѣдующихъ чудныхъ строкахъ князя П. Вяземскаго: „Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ

---

[1]) См. *Голосъ* 1865 г., № 244.

святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя и независимыя отъ воли людей. Но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ безъ изъятія, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ Vive le roi quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ исключительныхъ истинъ. Почитая его единымъ прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и частныхъ лицъ, простительно ли, напримѣръ, пугаться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по неисповѣдимымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ни есть на землѣ? Писатель, который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ *доносчикомъ* на него, — говоритъ князь,— подобенъ врачу, который, призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностью своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ“ [1]).

Не правда ли, какъ странно звучатъ эти достойныя слова въ наше безъидейное ретроградное время господства литературнаго доноса, когда съ легкой руки М. Н. Каткова, кн. Мещерскаго и К° on a changé tout cela...

Въ Москвѣ стали выходить безъ предварительной цензуры: *Московскія Вѣдомости*, *Современная Лѣтопись* и *Русскій Вѣстникъ* М. Н. Каткова, *День* И. С. Аксакова.

Московскія Вѣдомости вышли 4-го сентября съ небольшой передовой статьей, которая начиналась такъ: Первымъ словомъ освобожденной печати да будетъ слово хвалы и благодарности Монарху, полагающему свое счастье въ томъ, чтобы видѣть русскій народъ „охраненнымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ“ [2]). „Отнынѣ печать наша находится на твердой (?) почвѣ закона (ниже увидимъ, какъ скоро должна была исчезнуть эта оптимистическая иллюзія, навѣянная первымъ порывомъ радостнаго настроенія) и не подлежитъ *произволу*, который и при самыхъ лучшихъ условіяхъ никогда *не можетъ*

---

[1]) См. Чернышевскаго „Очерки Гоголевскаго періода и литературы“ 109.

[2]) Слова эти взяты изъ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго 30-го августа 1865 г. на имя московскаго митрополита Филарета, въ отвѣтъ на принесенное имъ Государю поздравленіе со днемъ тезоименитства. См. *Московскія Вѣдомости*, 1865 г., № 199.

замѣнить то, что называется законностью, то, что называется справедливостью и въ чемъ состоитъ *истинный смыслъ того, что называется свободою*". Разъясняя далѣе значеніе новаго юридическаго положенія печати, *Московскія Вѣдомости* съ ударѳніемъ указывали, что „свобода печати не есть интересъ тѣснаго круга *литераторовъ* и издателей, *а великій интересъ* цѣлой страны; это—политическое право, даруемое цѣлому народу". „Въ наши государственныя и общественныя дѣла,—писалъ московскій публицистъ,—вносится начало публичности, и каждому предоставлено законное участіе въ дѣлахъ общаго интереса. *Общественное мнѣніе впервые возводится на степень законной силы* и празднуетъ теперь свое политическое совершеннолѣтіе: о чемъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ можно было мечтать, то становится теперь живою дѣйствительностью".

Ставя высоко значеніе новаго закона, университетская газета не скрывала однако отъ себя, что то или другое положеніе печати всецѣло будетъ зависѣть отъ исполненія закона. „Общія основанія закона,—писали *Моск. Вѣд.*,—очень (?) широки (какъ мы видѣли выше, оффиціальный органъ довольствовался только констатированіемъ, что новый законъ ставитъ „не слишкомъ много преградъ"). Но законъ есть только начало, остается желать, чтобы исполненіе соотвѣтствовало благимъ намѣреніямъ закона. Все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, среди которыхъ законъ будетъ дѣйствовать. При благопріятныхъ условіяхъ свобода окажетъ свое благотворное дѣйствіе; *она облагородитъ и возвыситъ* нашу общественную среду и сообщитъ нашей печати болѣе достойный характеръ и полезное значеніе".

III.

Самое горячее и обстоятельное разъясненіе смысла новаго законодательства о печати мы находимъ въ газетѣ И. С. Аксакова *День*. Какъ извѣстно, свобода печати входила, какъ одинъ изъ основныхъ догматовъ, въ политическое ученіе славянофиловъ. Еще до изданія закона 6-го апрѣля *День* въ цѣломъ рядѣ статей трактовалъ о разныхъ сторонахъ вопроса о свободѣ печати. Считая пользу свободы печати и вредъ цензуры за аксіомы, признаваемыя всѣми *разумными* (курсивъ въ подлинникѣ) людьми, газета старалась опровергнуть предубѣжденіе, которое существовало противъ нея въ оффиціальныхъ кругахъ [1]). Покойный Аксаковъ полагалъ, что свобода слова есть прирожденное право человѣка [2]), и смотрѣлъ на вопросъ о свободѣ печати, какъ на самый важный для Россіи

---

[1]) См. *День* отъ 12-го мая 1862 г.

[2]) См. *День* отъ 23-го января 1863 г. и 22-го декабря 1862 г.

послѣ освобожденія крестьянъ [1]). „Мѣра простора, предоставленнаго мысли и выраженію ея въ словѣ,—писалъ Аксаковъ,—будетъ служить въ то же время мѣрою нашего общественнаго развитія; просторъ слова *нужнѣе всѣхъ реформъ* послѣ освобожденія 20-ти милліоновъ русскихъ крестьянъ, нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается *условіе жизненности* для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него они едва ли взойдутъ“ [2]).

Въ первомъ нумерѣ *Дня*, вышедшемъ безъ цензуры, И. С. Аксаковъ въ живой и прочувственной передовой статьѣ обрисовалъ значеніе и послѣдствія произведенной реформы, высказалъ вкратцѣ свою profession de foi и накипѣвшее подъ дѣйствіемъ мучительной, придирчивой цензуры раздраженіе, всю мучительность которой можетъ понять только тотъ, кто ее испыталъ. „*Наконецъ-то*!..—такъ начинаетъ свою статью вздохнувшій въ первый разъ свободно бѣдный Аксаковъ.—Сегодняшній № выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее напишемъ; сегодня мы не обязаны сообразоваться со вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ „господъ, команду на заставахъ и шлага“ баумахъ имѣющихъ (какъ писалось на старинныхъ паспортахъ). Сегодня кошмаръ, въ образѣ цензора, не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживать перо, и мы получимъ неслыханное и невиданное право: *не лгать, не кривить словомъ*, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ.

„Не благоразумнѣе, не тактичнѣе ли было бы, однако,—говорится дальше,—вступить въ пользованіе новыми правами горделиво и важно не поминая стараго? Но такое поведеніе грѣшило бы противъ искренности: русскому печатному слову стыдно было бы не радоваться своему освобожденію, хотя бы еще далеко не полному, изъ долгаго, долгаго тягостнаго плѣна.

Но не было бы, однако, дѣломъ великодушія пощадить отъ упрековъ прежній порядокъ и предать забвенію старое? Мы не будемъ великодушны,—говоритъ Аксаковъ:—мы считаемъ такое великодушіе неумѣстнымъ. Мы поминаемъ лихомъ, мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась рус-

---

[1]) *День* 19-го мая 1862 г.

[2]) *День* 6-го января 1864 г. Въ письмахъ своихъ въ 1855 году И. С. Аксаковъ, въ самый разгаръ Крымской кампаніи: „никакія военныя опасности не могутъ отвлечь насъ отъ любимаго занятія, т.-е. преслѣдованія литературы и вообще всякихъ проявленій ума и духа. Вообразите: Сборникъ пѣсенъ малороссійскихъ съ нотами, который я уже видѣлъ отпечатаннымъ въ Кіевѣ, остановленъ зурою, которая нашла нужнымъ еще кое-что повыкинуть“ (Письма III, 100—101).

ская печать. Къ тому же это старое еще вовсе не есть что-либо окончательно отжившее и схороненное; напротивъ, *оно живетъ*, обнаруживаетъ и *обнаружитъ еще не разъ* живучесть своего принципа, хотя и подъ другими формами".

Останавливаясь на прежнихъ цензурныхъ порядкахъ, *День* ставитъ имъ въ вину то, что они внесли *кривду* въ область печатнаго слова. „Мало было кривды,—пишетъ Аксаковъ,—во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія; мы добились того, что самое *слово искривилось*: авторъ думалъ не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свою мысль, а только о томъ, чтобы протащить свою мысль контрабандою сквозь цензурную стражу: отсюда условный языкъ—чтеніе между строкъ. Нравственныя пытки,—продолжаетъ Аксаковъ,—которымъ при предварительной цензурѣ (см. гл. VI) подвергался писатель, могутъ быть сравнены развѣ только съ пыткою художника кисти, когда не прошенный цѣнитель мазнетъ толстымъ пальцемъ по его свѣжему рисунку. Писатель зависѣлъ,—продолжаетъ онъ,—не отъ твердо установленныхъ правилъ, а отъ чужого ума и чужого вкуса. Слово изъ-подъ цензорскихъ рукъ выходило взъерошенное, искалѣченное и привѣтствовалось публикою, какъ тріумфъ побѣды, вкушалось съ жадностью, какъ запрещенный плодъ".

Чтобы устранить весь тотъ вредъ, который проникъ въ общество, благодаря этому стѣсненію, нуженъ теперь уже,—говоритъ *День*,—„не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы, нужно, чтобы даруемая свобода печати стала *дѣйствительною правдою, а не подобіемъ*".

Развивая свою мысль, Аксаковъ продолжаетъ: „Подобіе правды! Неужели намъ еще не надоѣло подобіе? Всмотритесь пристальнѣе кругомъ себя, что вы увидите? Толпу призраковъ, тѣней, или, вѣрнѣе сказать, подобій; вы окружены подобіемъ всего живого, дѣйствительнаго, реальнаго, но только подобіемъ, а вовсе не самымъ этимъ живымъ, дѣйствительнымъ, реальнымъ. *Все у насъ существуетъ будто бы;* ничто не кажется серьезнымъ, настоящимъ, а имѣетъ видъ чего-то временнаго, поддѣльнаго, показнаго, и все это отъ самыхъ мелкихъ явленій до крупныхъ. У насъ *будто бы есть и законы* и даже пятнадцать томовъ Свода Законовъ, обнимающихъ всѣ отрасли управленія государственной и общественной жизни, а между тѣмъ половина этихъ управленій въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, а законы не уважаются. У насъ есть очень либеральныя учрежденія, такія либеральныя, что либеральнѣе ихъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ; но *и это все будто бы*, всѣ эти либеральныя права не вносятъ въ общественную жизнь и просто даже въ душу отдѣльныхъ людей никакой животворной свободы,—все исполняется по наружности, все либеральничаетъ по формѣ и данному образцу, а плоды порождаетъ какъ извѣдано опытомъ, самые непригодные!—Мы чуть не восторженно

привѣтствовали отмѣну тѣлесныхъ наказаній; но однако же лишены права сказать, что тѣлеснаго наказанія въ Россіи не существуетъ: *его будто бы нѣтъ*, и дѣйствительно нѣтъ по суду, но оно есть, да и въ какомъ еще широкомъ размѣрѣ, налагаемое по усмотрѣнію полицейской власти! Правительство истощается въ благородныхъ усиліяхъ, желая создать какую-нибудь живую дѣятельную силу въ обществѣ, но и тутъ успѣваетъ создать только—видимость... Подобіе правосудія, подобіе муниципалитетовъ (на самомъ дѣлѣ признающихъ свои муниципальныя права за повинность, отъ которой муниципалы спѣшатъ уклоняться), подобіе самоуправленія (примѣръ городскихъ думъ въ столицахъ, не смѣющихъ израсходовать двухъ рублей съ полтиной безъ разрѣшенія начальства), подобіе просвѣщенія, подобіе науки, подобіе классическаго образованія, подобіе университетовъ, подобіе либерализма, прогресса, независимости церкви, порядка, общественной силы, общественныхъ дѣйствительныхъ интересовъ, общественнаго мнѣнія, подобіе самостоятельности у публицистовъ, подобіе правды въ отчетахъ, подобіе жизни"...

День высказываетъ надежду, что отнынѣ печать будетъ поставлена въ возможность говорить правду, а не подобіе правды. „Этотъ недостатокъ правдивости въ русскомъ обществѣ,—говоритъ онъ,—эта непривычка высказывать свою мысль со всею откровенностью, во всей ея полнотѣ, безъ унизительныхъ для нея двусмысленностей, оговорокъ и иносказаній, затрудняетъ не только развитіе нашей общественности, но и ходъ государственныхъ отправленій [1]).

Отечественныя Записки въ своемъ первомъ нумерѣ, вышедшемъ безъ цензуры, въ статьѣ, озаглавленной: „Безъ цензуры", такъ опредѣляли значеніе закона 6-го апрѣля. Указывая вмѣстѣ съ другими изданіями, что все будетъ зависѣть отъ способа примѣненія новаго закона, журналъ замѣчаетъ: „Достовѣрно однако [2]), что даже самое неблагопріятное примѣненіе новаго закона все-таки должно быть *неизмѣримо* (??) лучше самаго идеальнаго состоянія печати подъ цензурною властью; если и можно сказать, что въ новыхъ правилахъ дано мѣсту произволу, то этотъ произ-

---

[1]) См. т. IV Собранія сочиненій Аксакова, стр. 431—439. Привѣтствуя извѣстный приказъ 1855 г. вел. кн. Константина Николаевича противъ оффиціальной лжи донесеній (см. гл. XVIII § 1 и главу V), И. С. Аксаковъ пишетъ: „они не то понимаютъ подъ оффиціальною ложью: это не значитъ ложь донесеній, а ложь формализма, истекающая изъ самаго начала административнаго, изъ понятія о казнѣ, и пр., и пр." (Письма, III, 217).

[2]) *Отечественныя Записки* 1865 г., № 5.

волъ поставленъ въ необходимость обнаруживаться явно, долженъ при всякомъ проявленіи своемъ возбуждать общественное вниманіе, и уже по одному этому можно надѣяться, что онъ не будетъ такимъ непріятнымъ, каковъ былъ тайный и безапелляціонный произволъ цензора".

IV.

Ближайшая практика министра внутр. дѣлъ П. А. Валуева по примѣненію правилъ объ отмѣнѣ предварительной цензуры и замѣнѣ ея карательною показала, какъ правы были тѣ государственные люди [1]) и публицисты, которые утверждали, что неопредѣленная постановка въ конѣ вопроса о предостереженіяхъ можетъ дать поводъ къ весьма печальнымъ недоразумѣніямъ. Безмятежное существованіе безцензурной печати продолжалось недолго. Не прошло и *двухъ недѣль* со дня введенія новаго закона, какъ 18-го сентября послѣдовало *первое* изъ первыхъ предостереженій.

Оно дано было *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*. Обстоятельства, при которыхъ оно состоялось, наглядно показываютъ, какія неудобства сопряжены съ системою предостереженій. Въ означенной газетѣ появилась полемическая (противъ *Сѣверной Почты*) статья, въ которой вы-

---

[1]) Профессоръ-цензоръ Никитенко, очень близко стоявшій къ цензурному вѣдомству и принимавшій участіе въ составленіи проекта новаго закона о печати, смотрѣлъ очень мрачно на будущность русской литературы.—Подъ 16-мъ мая 1865 г. онъ заноситъ въ свой Дневникъ: „Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли: *онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ*. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія" и сдѣлать ее „вполнѣ благонадежной", т.-е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были сдѣлать, да едва ли и хотѣли сдѣлать до 1855 г. Тогда презирали литературу, но не считали возможнымъ формировать на *свой* ладъ. Валуевъ тоже *ее презираетъ* и думаетъ, что административныя мѣры сильнѣе всякой мысли".—Изданіе журналовъ съ освобожденіемъ отъ предварительной цензуры становится крайне затруднительнымъ. Прежде цензоръ все-таки не могъ пренебрегать вполнѣ тѣмъ, „что скажутъ о немъ въ обществѣ", и издатели освобождались отъ отвѣтственности. Теперь надъ редакторами помѣщенъ *Дамокловъ мечъ* въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановленіе.—Эта перспектива такъ мало улыбалась журналамъ, что намѣревались было *отказаться* отъ „эмансипаціи". Но волей-неволею пришлось оставить эту мысль, такъ какъ Валуевъ пригрозилъ большими цензурными строгостями. Никитенко полагалъ однако, что планъ Валуева разлетится какъ дымъ, какъ и всѣ подобные планы. (*Русс. Стар.* 1891, № 6, стр. 644).

сказано было мнѣніе, что осуществленіе *предположеннаго*, по газетнымъ извѣстіямъ, проекта о залогѣ части государственныхъ имуществъ и о второмъ выпускѣ 5% банковыхъ билетовъ невозможно, безъ выкупа перваго выпуска, который обезпеченъ государственными имуществами. 18 сентября, въ *Сѣверной Почтѣ* появилось *первое* предостереженіе, данное именно за эту статью *С.-Петербургскимъ Вѣдом.*, въ лицѣ ихъ редактора, В. Ѳ. Корша. Съ внѣшней стороны предостереженіе отличалось большою обстоятельностью. Указанъ былъ не только № газеты и статья, вызвавшая административную кару, но и мѣста въ статьѣ съ точнымъ обозначеніемъ строкъ. Предостереженіе было мотивировано тремя соображеніями. Прежде всего ставилось въ вину газетѣ, что она высказала сужденіе, несогласное съ интересомъ государственнаго кредита, по поводу мѣры, не объявленной въ установленномъ порядкѣ. Затѣмъ выставлялось, что газета оспаривала принадлежащее правительству право на залогъ государственныхъ имуществъ и, наконецъ, указывалось, что газета неправильно приписывала государственнымъ имуществамъ характеръ спеціальнаго обезпеченія 5% банковыхъ билетовъ и тѣмъ возбуждала сомнѣніе, могущее имѣть вліяніе на довѣріе, которымъ пользуются билеты.

Первый блинъ вышелъ комомъ: предостереженіе встрѣчено было общимъ недоумѣніемъ и неудовольствіемъ. Выраженіемъ этихъ чувствъ служила статья, напечатанная въ № 288 *Московскихъ Вѣдомостей*. Газета прежде всего удивляется первому юридическому мотиву предостереженія. Если законъ 6-го апрѣля разрѣшалъ обсужденіе опубликованныхъ законовъ, то *тѣмъ болѣе* онъ разрѣшалъ критику только еще предположенныхъ мѣропріятій. Переходя затѣмъ къ содержанію статьи, *Московскія Вѣдомости* находятъ, что статья, вызвавшая административное взысканіе, ничего злонамѣреннаго по цѣли не заключаетъ; по тону она также вполнѣ спокойна и прилична. Стало быть, заключаетъ московская газета, кара вызвана сущностью сужденія. Считая съ своей стороны мнѣніе, высказанное петербургскою газетою, неосновательнымъ, *Московскія Вѣдомости* удивляются, что предостереженіе дано за „ошибочное“ сужденіе. „Неужели государственный кредитъ есть вещь до такой степени колеблющаяся,—ядовито замѣчали *Московскія Вѣдомости*,—что подъ вліяніемъ неосновательнаго, ошибочнаго, даже вопіюще-нелѣпаго сужденія той или другой независимой газеты онъ подвергается колебанію? Отъ свойства сужденія газеты зависитъ ея собственный, а не государственный кредитъ“ [1]).

---

[1]) Въ дневникѣ академика Никитенко находимъ слѣдующее мѣсто касательно этого перваго предостереженія: „Гернгросъ, тов. мин. госуд. имущ., вмѣстѣ съ

Послѣ небольшой передышки предостереженія посыпались отъ П. А. Валуева съ новою силою, въ которой явственно слышалась нота *личнаго раздраженія* [1]). Не прошло и года со времени введенія новаго закона, какъ подъ предостереженіями очутились журналы и газеты самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ направленій.

Предостереженія, мотивированныя самыми разнообразными соображеніями (изъ коихъ далеко не всѣ приводились оффиціально), были даны: радикальнымъ—*Современнику* и *Русскому Слову*, умѣренно-либеральнымъ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* и *Голосу*, крѣпостнической *Вѣсти*, славянофильскому *Дню* и *Москвѣ*; даже столпъ и привилегированный спасатель отечества—*Московскія Вѣдомости*, не были пощажены.

Предостереженіе *Современнику* ставило ему въ вину косвенное и прямое порицаніе началъ брачнаго союза, а также возбужденіе вражды къ высшему сословію [2]).

Второе предостереженіе *Русскому Слову* дано было за статью Писарева объ ученіи Конта. Умѣреннѣйшій изъ умѣренныхъ акад. Никитенко, относившійся крайне враждебно къ этому журналу, не могъ удержаться въ своемъ Дневникѣ отъ слѣдующаго протеста по поводу этого предостереженія: „Это уже придирка. Мы, значитъ, поворачиваемъ назадъ къ архи-цензурному времени. Одно изъ двухъ: или надо при расширеніи

тѣмъ состоитъ и директоромъ Френкелевскаго банка. Когда въ Госуд. Совѣтѣ была произнесена фраза, что и казна можетъ закладывать свои имущества, обезпечивая ихъ всѣмъ государственнымъ достояніемъ, то Гернгросъ далъ тотчасъ знать о томъ Френкелю, который въ свою очередь, поспѣшилъ разгласить о томъ по всей Европѣ. Это страшно взволновало нашихъ капиталистовъ. Поднялись толки, невыгодные для правительства, и появилась статья въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Гернгросъ *большой пріятель* Валуева и тотчасъ бросился къ нему, а Валуевъ, желая угодить нѣкоторымъ лицамъ, суммы которыхъ находятся въ банкѣ Френкеля, поспѣшилъ разразиться грозою надъ газетою, *совершенно невинною*. Значитъ, тутъ главную роль играли личные интересы, угодливость Валуева этимъ интересамъ. Впрочемъ, всѣ эти вещи такъ не новы, что никого и удивлять не могутъ. Въ публикѣ всеобщее негодованіе противъ Валуева“ (см. *Русск. Стар.* 1891, № 7, стр. 92—93).

[1]) Подъ 5-мъ октября 1866 г. академикъ Никитенко заноситъ въ свой Дневникъ: „Валуевская администрація, кажется, видитъ въ печати *личнаго врага*; и далѣе, подъ 5-мъ ноября: совершилось то, чего боялись люди мыслящіе, наступаетъ время поворота назадъ, время реакціи“ (*Русск. Стар.* 1891, № 9, стр. 575, 581) (которой по счету? Никитенко въ первый разъ о реакціи упоминаетъ уже въ апрѣлѣ 1858 г. Никит. II, 94).

[2]) Академикъ Никитенко, относившійся отрицательно ко всѣмъ предостереженіямъ, даннымъ Валуевымъ, по поводу перваго предостереженія *Современнику* съ возмутительнымъ злорадствомъ замѣчаетъ: „по дѣламъ вору и мука!“ (*См. Русс. Стар.* 1891, № 7, стр, 104).

свободы допустить разныя воззрѣнія и толки о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде толковалось не иначе, какъ оффиціально, и предоставить другимъ воззрѣніямъ опровергать первыя, или остаться при прежнемъ стѣсненіи печати“ [1]). Возвращаясь къ этому предостереженію еще разъ, Никитенко прибавляетъ: „во второмъ предостереженіи *Русскому Слову* приведена причина: *косвенное* намѣреніе дать приложеніе коммунизму. Это одно слово: *косвенное*, въ состояніи привести въ *отчаяніе* всякаго пишущаго, ибо чего нельзя представить въ видѣ косвеннаго нападенія на Бога, царя и т. д.“ [2]).

Отмѣтивъ фактъ систематическаго преслѣдованія СПБург. Вѣд., этой порядочной, но крайне осторожной газеты, пріостановленной въ сентябрѣ 1867 года, Никитенко замѣчаетъ: „итакъ, Валуевъ, не одолѣвъ медвѣдя въ лѣсу (Каткова), набросился на бѣднаго беззащитнаго зайца и немилосердно травитъ его съ Щербинымъ и Фуксомъ (начальникъ и правитель дѣлъ главн. управл. по дѣламъ печати) [3]).“

Голосу давалось предостереженіе и за непочтительный отзывъ о туркестанской администраціи и за неуважительный отзывъ о Наполеонѣ, и объ остзейскихъ баронахъ [4]). „Я прочелъ,— пишетъ академ. Никитенко,— №№ 109 и 114 *Голоса* за 1866 г., на которые ссылается предостереженіе, но рѣшительно не понимаю законности послѣдняго. Оно понадобилось развѣ для того, чтобы показать публикѣ, что министерство преслѣдуетъ не однѣ *Моск. Вѣд*, а на всѣхъ равно распространяетъ свои дары,—но вѣдь при такихъ предостереженіяхъ дѣлается невозможнымъ издавать газеты. Какъ предвидѣть, за что она можетъ подвергнуться предостереженію?“.

Указавъ на предостереженіе, данное *Вѣсти* по поводу мысли объ общемъ земскомъ сборѣ, акад. Никитенко присовокупляетъ: „но вѣдь объ этомъ было говорено и печатано уже не разъ во время земскихъ собраній въ Петербургѣ. Вообще, министерство очень щедро на предостереженія. Имъ, кажется, овладѣла мысль *уничтожить* тѣ пріобрѣтенія послѣднихъ десяти лѣтъ, изъ которыхъ многія *гарантированы* верховною властью. Разумѣется, все это имѣетъ видъ пресѣченія злоупотребленія въ печати; но то, что министру внутреннихъ дѣлъ *кажется* злоупотребленіемъ, составляетъ только послѣдствіе совершившагося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самимъ правительствомъ.

---

[1]) *Русск. Стар.* 1891, № VIII, стр. 282.
[2]) См. тамъ же, стр. 284.
[3]) *Рус. Стар.* 1891, № IX, 572.
[4]) *Русск. Стар.* 1891, № XI, 440.

Такой образъ дѣйствій производитъ только неудовольствіе и стѣсненіе нашей бѣдной мысли и образованности“ [1]).

Москвѣ въ теченіе одного года дано было шесть предостереженій. И. С. Аксаковъ съ рѣдкимъ мужествомъ и достоинствомъ отпарировалъ нападенія и въ первомъ же номерѣ вслѣдъ за предостереженіемъ подвергалъ предостереженіе подробнѣйшей и серьезнѣйшей критикѣ. По поводу одной статьи (*Москва*, № 45 за 1867 г.) Никитенко пишетъ: „презрительнѣе о цензурѣ отозваться нельзя“ [2]).

Нужно отдать вообще справедливость печати того времени, что она, не исключая и *Моск. Вѣдом.*, не гордилась ролью доносчика и забывала партійные раздоры въ дѣлѣ защиты общихъ интересовъ литературы. Мы приводили выше примѣръ *Моск. Вѣдом.*, выступившихъ на защиту *С.-Петерб. Вѣдом.* по поводу постигшаго ихъ перваго предостереженія. Тѣ же *Моск. Вѣд.* въ № 239 за 1867 г. горячо заступились за враждебный имъ *Голосъ* по поводу даннаго ему предостереженія. „*Моск. Вѣд.*,—писалъ въ Дневникѣ своемъ Никитенко,—сильно допекаютъ Валуева за распоряженія по дѣламъ печати“ [3]).

Первое предостереженіе, данное *Моск. Вѣд.* отъ 1-го апрѣля 1866 г. вызвало большую сенсацію. Газета въ то время пользовалась такимъ авторитетомъ, что приверженцы ея, по словамъ Никитенко [4]), распускали слухъ, что правительство *не осмѣлится* поступить съ *Моск. Вѣд.*, какъ съ другими, и были увѣрены, что если это случится, въ Москвѣ произойдетъ нѣчто въ родѣ *бунта* (sic). Противники же ихъ, напротивъ, находили, что пора вылить ведро холодной воды на головы опьянѣвшихъ издателей. Къ такому взгляду, кажется, склонялся и самъ Никитенко относительно перваго предостереженія, для котораго, какъ онъ пишетъ, „предлогомъ“ былъ взятъ № 61 *Моск. Вѣд.* [5]). Относительно второго предостереженія *Моск. Вѣд.* Никитенко замѣчаетъ [6]): „*Моск. Вѣд.* возбуждаютъ непріязнь и недовѣріе къ правительственнымъ лицамъ. Это настоящая *конституціонная оппозиція*. Конечно, наши государственные люди не отличаются ни способностями, ни характерами, но обвинять ихъ чуть ли не *въ измѣнѣ*, какъ то дѣлаютъ (обычная манера Каткова) *Моск. Вѣд.*, это ужъ черезчуръ крѣпко и значитъ взывать къ анархіи. Кѣмъ же замѣнить ихъ?“ [1]). Впослѣдствіи, когда рѣшена была пріостановка *Моск.*

---

[1]) *Русск. Стар.* 1891 г., № VIII, 306—307.
[2]) *Русск. Стар.* 1891, № VIII, 282.
[3]) *Русск. Стар.* 1891, № IX, 164.
[4]) *Русск. Стар.* 1891, № IX, 575.
[5]) *Русск. Стар.* 1891, № VIII, стр. 294.
[6]) Тамъ же, 305.

Вѣд., которая, однако, вскорѣ была взята назадъ, Никитенко оплакивалъ закрытіе *Моск. Вѣд.*, какъ доказательство побѣды бюрократіи надъ „общественнымъ“ умомъ и сочувствіемъ [1]).

Въ первые два года существованія безцензурной печати дано было 24 предостереженія [2]). *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Голосъ*, *Москва*, *Московскія Вѣдомости* пріостановлены были послѣ третьихъ предостереженій. Прекращены были, ко всеобщему неудовольствію, *Современникъ*, *Русское Слово* [3]), *Москва*, и сами *Московскія Вѣдомости* висѣли на волоскѣ [4]).

---

[1]) Впрочемъ изъ дальнѣйшаго изложенія Никитенко ясно видно, что въ своей борьбѣ съ Валуевымъ *Моск. Вѣдом.* опирались, главнымъ образомъ, на оффиціальныхъ союзниковъ, въ особенности на только что назначеннаго въ 1866 г. мин. нар. просв. гр. Д. А. Толстого, который, какъ удостовѣряетъ Никитенко, *благоговѣлъ* предъ *Моск. Вѣд.*, выказывалъ имъ *сыновнюю почтительность* (*Рус. Стар.* 1891 г. № IX, стр. 579): ѣздилъ совѣтоваться съ Катковымъ въ Москву (тамъ же № 11, стр. 444). Графъ же Толстой и отстоялъ *Моск. Вѣд.* (тамъ же № 9, стр. 308). Изъ книги Любимова „М. Н. Катковъ“ видно, что у Каткова были и другіе, болѣе сильные союзники и покровители, какъ, напр., мин. двора гр. Адлербергъ и др. (см. прим. 5).

[2]) Всего съ 1865 г. до 1880 года дано было 177 предостереженій и сдѣлано 52 пріостановки (*Вѣст. Евр.* 1880 № 6).

[3]) „Я не помню давно,—пишетъ въ своемъ Дневникѣ акад. Никитенко, явно враждебный этимъ журналамъ—(„около *Русск. Слова*,—писалъ онъ,—группируются отчаянные радикалы, нигилисты, отвергающіе всѣ (?) законы нравственные, эстетическіе и религіозные и пр.“ — см. *Русск. Стар.* 1891, № 7, стр. 130), — чтобы какая-либо мѣра производила такое *единодушное* и всеобщее недовольство, какъ запрещеніе двухъ журналовъ — *Современника* и *Русскаго Слова*; послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано внѣ правилъ“ (*Русск. Стар.* 1891, № IX, стр. 556).

[4]) По словамъ Никитенко, гр. Д. А. Толстой разсказывалъ, что ему „удалось отстоять у Государя *Моск. Вѣд.*“ (*Русск. Стар.* 1891, № VIII, стр. 308). Судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Любимовымъ, судьба *Моск. Вѣд.* рѣшена была въ Москвѣ. Чрезъ гр. В. А. Адлерберга передано было Государю въ с. Ильинскомъ письмо М. Н. Каткова.—20-го іюня Катковъ былъ принятъ Государемъ въ Петровскомъ дворцѣ. Государь, между прочимъ, сказалъ Каткову: „Сохрани тотъ священный огонь (тотъ feu sacré, какъ выразился Государь), который есть въ тебѣ; я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. *Тебѣ не о чемъ безпокоиться.* Я внимательно слѣжу за *Моск. Вѣд.*, постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ. Понимаешь ли силу того, что говорю тебѣ?“ Коснувшись далѣе сепаратизма, Государь замѣтилъ: „не надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ: Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушенія этого рода есть, я знаю, и съ тобою согласенъ. Величіемъ и единствомъ имперіи я дорожу, конечно, не менѣе тебя (съ улыбкою)... А я на тебя посердился, прибавилъ, вновь улыбаясь, Государь. Предостереженіе все-таки надо было напечатать“. При прощаніи Государь опять пожалъ крѣпко руку Каткова и повторилъ: „помни, я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ“.

Безпрестанныя и совершенно неожиданныя предостереженія, сыпавшіяся на печать, создали для нея невыносимое положеніе и вызвали толки о предстоящей отмѣнѣ ихъ. По поводу третьяго (а въ общей сложности—шестого за одинъ 1867 годъ) предостереженія, даннаго въ 1867 году *Москвѣ*, возникла между *Сѣверною Почтою* и *Современными Извѣстіями* полемика вообще о цѣлесообразности системы предостереженій. Издатель этой газеты, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, привелъ мнѣніе меньшинства комиссіи, которая составляла проектъ закона 6-го апрѣля, и въ составъ которой онъ самъ входилъ, мнѣніе, признававшее, что система предостереженій неудобна, такъ какъ она основывается исключительно *на личныхъ соображеніяхъ*. *Сѣверная Почта* въ свою очередь опубликовала мнѣніе большинства комиссіи, которое, не оспаривая, что „основаніемъ административнаго взысканія служитъ *произволъ*, что онъ противенъ понятію законности и формальной легальности", признавало *пока* (до устройства судебной части) нужнымъ сохранить предостереженіе въ видѣ чрезвычайной мѣры. Въ полемикѣ принялъ участіе также и выходившій вмѣсто *Москвы—Москвичъ*, который, указывая на то, что съ открытіемъ въ 1866 г. новыхъ судовъ главное соображеніе, въ силу котораго былъ изданъ временный законъ 6 апрѣля 1865 года, потеряло значеніе, полагалъ, что слѣдовало бы отмѣнить предостереженія.—Вопросъ о предостереженіяхъ былъ поднятъ потомъ въ 1880 году въ комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ графа Лорисъ-Меликова, но, какъ извѣстно, никакихъ практическихъ результатовъ не получилось.

Рядомъ съ административными взысканіями шли въ 65—66 гг. судебныя преслѣдованія газетъ и журналовъ. Чтобы дать понятіе о крайностяхъ, въ которыя впадала въ этомъ отношеніи полиція мысли, достаточно указать на обвиненіе, воздвигнутое валуевскою цензурою въ 1866 году противъ редактора *Голоса* А. А. Краевскаго. Въ *Голосѣ* появилась статья, въ которой нападали на администрацію за преслѣдованія раскольниковъ вопреки Высочайшей волѣ (выраженной въ рѣчи, обращенной къ раскольникамъ въ 1863 году).—Цензура подвела эту статью подъ статью Улож., предусматривающую *возстаніе* противъ правительства и незаконное *объявленіе* Высочайшей воли лицомъ, на то неуполномоченнымъ, и требовала ни болѣе ни менѣе, какъ ссылки Краевскаго въ *каторжныя*

Газета была возвращена Каткову. 25-го іюля 1866 г. вышли *Моск. Вѣд.*, передовая статья коихъ была написана съ поразительною смѣлостью, приведшею въ восторгъ и удивленіе публику, не посвященную въ закулисныя тайны: „Мы возвращаемся къ нашей дѣятельности, — писалъ Катковъ, съ новою бодростью, съ новымъ болѣе чѣмъ когда-либо возвышеннымъ чувствомъ признанія" и пр. (см. н. с. Любимова, стр. 343—344).

работы! [1]). Нечего и говорить, что судъ не могъ согласиться съ такою ни съ чѣмъ несообразною квалификаціею и приговорилъ Краевскаго къ кратковременному аресту.—Отсюда первые поводы для столкновенія съ новымъ судомъ заносчиваго Валуева, не выносившаго противорѣчій и вслѣдствіе этого сдѣлавшагося непримиримымъ врагомъ [2]) новаго суда, который не хотѣлъ и не имѣлъ права ломать законы въ угоду администраціи.

Резюмируя свои наблюденія, Никитенко пишетъ уже 5-го ноября 66 г. „Совершилось, чего боялись люди мыслящіе: наступаетъ время поворота назадъ, *время реакціи*.—Затѣмъ онъ такъ характеризуетъ отношеніе къ печати двуличнаго Валуева, заявлявшаго о себѣ, что у печати нѣтъ болѣе ревностнаго защитника, чѣмъ онъ.—Управленіе по дѣламъ печати идетъ совершенно ложнымъ путемъ. Оно усвоило себѣ только одинъ элементъ силы—элементъ полицейскій, забывъ вовсе, что въ кругу, въ которомъ оно дѣйствуетъ, есть еще очень важный элементъ силы—элементъ нравственный. Кажется, оно рѣшилось совсѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не признавать значенія силы мыслительной и силы нравственной... Самое грубое ослѣпленіе, недостойное не только государственнаго человѣка, но даже обыкновеннаго чиновника, думать, что въ наше время можно управлять посредствомъ однѣхъ полицейскихъ мѣръ, циркуляровъ, запрещеній и тому подобнаго. Управленіе, продолжаетъ онъ,—рѣшилось дѣйствовать совершенно наперекоръ величайшаго изъ властителей земныхъ—*духа времени*, который неотразимо требуетъ свободы мысли и слова. Это уступка, которую ему необходимо сдѣлать, если не хочешь допустить опять самаго гибельнаго своеволія и злоупотребленій мысли и слова впослѣдствіи, когда все-таки придется снова ослабить натянутыя возжи. Валуевъ—человѣкъ не безъ ума, но съ ногъ до головы бюрократъ, который понимаетъ государственныя дѣла не иначе, какъ канцелярскія отношенія и рапорты, хотя и говорилъ иногда пышно и кудряво. Валуевъ сдѣлалъ то, чего само общество, можетъ быть, и не сдѣлало бы: онъ приведетъ его къ полнѣйшей вѣрѣ, *что ничему вѣрить нельзя*... Теперь Валуевъ думаетъ, что онъ принялъ важную мѣру, перемѣнивъ Щербинина на Похвиснева, т.-е. замѣнивъ чиновника одряхлѣвшаго чиновникомъ помоложе...

„Когда разъ допустили извѣстную мѣру свободы мысли и слова, то

---

[1]) См. стр. 5 Отзыва министра юстиціи Замятнина отъ 28 октября 1866 г. противъ проекта Валуева о подчиненіи прокуратуры цензурному вѣдомству по судебнымъ дѣламъ о печати.

[2]) Никитенко удостовѣряетъ, что отовсюду слышалось неудовольствіе по поводу раздутаго обвиненія, возбужденнаго противъ *Голоса* (*Русск. Стар.* 1891, № VIII стр. 284).

возвращаться назадъ уже нельзя. Надо допустить и признать эту свободу, какъ новый элементъ, подобно тому, какъ признаютъ и допускаютъ необходимость разныхъ измѣненій—общественныхъ и административныхъ. На нѣкоторыя злоупотребленія печатнаго слова надо уже смотрѣть какъ на *необходимое зло*.—Злоупотребленій этихъ не желаютъ оставлять безъ взысканія—хорошо!—Но что считать за злоупотребленія? Въ этомъ должно непремѣнно умѣрить до послѣдней крайности свою щекотливость и притязательность. Вообще, не должно показывать, что въ печатномъ словѣ видятъ своего личнаго врага, какъ то дѣлаетъ нынѣшнее управленіе по дѣламъ печати. Вообще, на это дѣло нельзя смотрѣть полицейскими глазами“ [1]).

Такимъ образомъ, ближайшая практика (о болѣе отдаленной нечего и говорить!) показала, что при извѣстномъ настроеніи администраціи „льготное“ положеніе эманципированной печати и особенно періодической можетъ на дѣлѣ оказаться столь тягостнымъ, что оно ничѣмъ не будетъ уступать самымъ тяжелымъ дореформеннымъ временамъ [2]).

---

[1]) Дневникъ, III, 127—129.

[2]) „Писатели, — заноситъ акад. Никитенко въ свой Дневникъ въ декабрѣ 1866 г.,—*самые благоразумные* не знаютъ, чего имъ держаться. То имъ кажется, что они могутъ высказать нѣчто болѣе, кромѣ общихъ мѣстъ, то, чувствуя надъ собою Дамокловъ мечъ, смущаются, и перо, обмокнутое въ чернильницу, замираетъ въ ихъ рукахъ. Таково теперь положеніе нашей печати. Правительству слѣдовало или пріостановить еще на нѣсколько времени изданіе новаго закона о печати, имѣющаго либеральный видъ, или, издавъ новый законъ, допустить и неизбѣжныя его послѣдствія (*Русск. Стар.* 1891, № VIII, стр. 183).

VI.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.

Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый, не боясь, живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый.
Свобода мудрая свята!..

Карамзинъ.

Основныя положенія преобразованія судебной части представляютъ такой громадный шагъ по пути нашего общественнаго развитія, что одна эта реформа сама по себѣ могла бы прославить нынѣшнее царствованіе и заслужить ему вѣчную благодарность всѣхъ грядущихъ поколѣній.

А. М. Унковскій (1863 г.).

Во всякомъ государствѣ, будетъ ли въ немъ неограниченная или ограниченная форма правленія, будетъ ли это монархія или республика, лучшая гарантія гражданъ—хорошіе суды. Безъ правосудія, можно сказать, нѣтъ настоящей свободы, а при существованіи его смѣю сказать, нѣтъ мѣста произволу или по крайней мѣрѣ, тираніи.

Лероа-Больe.

...И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ!

Ѳ. Кони (1866 г.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Судебные уставы Императора Александра II.

(Справка къ 30-ти лѣтію). [1]).

———

Предъ нами вмѣсто объемистаго научнаго матеріала лежитъ небольшая книга нашего положительнаго законодательства: Судебные Уставы. Скажемъ себѣ, и мы не ошибемся, съ насъ довольно этой книги, малой по объему, великой по содержанію. Начала, въ ней проведенныя и признанныя всѣмъ человѣчествомъ, такъ высоки и чисты, вліянія и послѣдствія ихъ такъ благодѣтельны для русской жизни, что дальше ихъ намъ не за чѣмъ и некуда итти.

Проф. М. Н. Муравьевъ (1875 г.).

Судебные Уставы даровали Россіи итогъ того, до чего въ теченіе цѣлыхъ столѣтій додумалось человѣчество въ области правосудія.

Изъ Сибир. рѣчи министра юстиціи Н. В. Муравьева (1897 г.).

I.

Нынче въ модѣ негодовать и поднимать на смѣхъ *радикализмъ* судебной реформы. Когда и почему, однако, получила она радикальный или раціональный характеръ, составляющій ея главную силу и преимущество, сравнительно съ другими реформами?

Ходячее мнѣніе, пущенное въ ходъ ретроградною печатью съ реакціонной эпохи Толстого, привыкло представлять дѣло въ такомъ видѣ: до

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о судебной реформѣ и послѣднихъ новеллахъ см. въ книгѣ моей: „Основы судебной реформы“. М. 1891. См. также предисловіе къ 5-му изданію этой книги.

1861 г., т. е. пока дѣло судебнаго преобразованія находилось въ надежныхъ рукахъ мудраго юриста николаевской эпохи гр. Д. Н. Блудова, все шло какъ по маслу. Предполагалось безъ „радикальной“ ломки, безъ теоретическихъ увлеченій произвести преобразованіе, которое должно было внести нѣкоторое усовершенствованіе въ наше старое судопроизводство. Съ передачею же въ 1862 г. руководства судебной реформою государственному секретарю новообращенному либералу В. П. Буткову и его главному помощнику С. И. Зарудному, либералу pur sang, происходитъ разительная перемѣна: являются новые люди (въ томъ числѣ Н. А. Буцковскій, Д. А. Ровинскій, Н. И. Стояновскій, К. П. Побѣдоносцевъ), приглашенные по Высочайшему повелѣнію въ Государственную Канцелярію, и сразу все мѣняется. Всѣ старыя работы гр. Блудова отбрасываются въ сторону, и новые реформаторы, не заботясь ни о „традиціяхъ“ прошлаго, ни объ условіяхъ среды, съ изумительнымъ легкомыслiемъ сочиняютъ проекты изъ своей головы или, того хуже, „списываютъ“ съ иностранныхъ кодексовъ или учебниковъ законы, идущіе въ разрѣзъ съ кореннымъ строемъ русской жизни.

Словомъ, выходитъ такъ, что Судебные Уставы какъ бы въ одно мгновеніе вышли изъ головы молодыхъ юристовъ государственной канцеляріи, какъ Минерва изъ головы Юпитера, но не во всеоружіи зрѣлой мудрости, какъ это дивное созданіе великаго олимпійца, а какъ недоношенный плодъ ребяческаго недомыслія и политическаго легкомыслія. Такова ходячая версія о возникновеніи Судебныхъ Уставовъ, настойчиво повторяемая въ послѣднее время не только въ летучихъ замѣткахъ реакціонной прессы, но и въ болѣе обстоятельныхъ журнальныхъ статьяхъ и даже въ спеціальныхъ монографіяхъ.

Такого взгляда держался и запѣвало этой прессы, покойный Викторъ Фуксъ, напечатавшій въ восьмидесятыхъ годахъ длинный рядъ статей о судебной реформѣ. По изложенію автора оказывается, что до 1862—1864 гг. дѣло судебной реформы совершало свое покойное и стройное теченіе, направляемое такимъ опытнымъ и свѣдущимъ кормчимъ, какъ высоко почитаемый имъ бывшій начальникъ II-го отдѣленія Е. И. В. канцеляріи графъ Д. Н. Блудовъ. На межѣ 1861—1862 годовъ появились не вѣсть откуда вандалы-либералы, и наступилъ конецъ „историко-органическому“ направленію. Словно изступленные, набросились они „въ дѣтской рѣзвости“ на прекрасное созданіе гр. Блудова, на проекты II-го отдѣленія, и, только переломавъ и исковеркавъ ихъ во имя *радикальной доктрины*, они успокоились. „Эти осторожные и практичные проекты II-го отдѣленія, сѣтуетъ Фуксъ,—были сданы въ архивъ и были замѣнены въ 1861—1864 гг. по иниціативѣ теоретиковъ судебной реформы комбинаціею, которая по своей *политической тенденціозности*, а еще болѣе по своему

сантиментальному оптимизму, не представляла никакихъ задатковъ для правильнаго органическаго развитія. Не коренясь въ исторической почвѣ, не соотвѣтствуя практическимъ условіямъ современной дѣйствительности,—продолжаетъ авторъ,—эта комбинація представляла собою не усовершенствованіе нашихъ *прежнихъ формъ и органовъ*, но нѣчто *совершенно новое, извращавшее* въ конецъ законы (!) нашего историческаго развитія".

Итакъ, главная вина авторовъ судебнаго законодательства 1864 года заключается въ томъ, что они вопреки практическимъ, т.-е. мудрымъ предначертаніямъ гр. Блудова, вмѣсто „усовершенствованія старыхъ формъ" и сохраненія старой „исторической почвы", увлекшись *радикальной доктриной*, легкомысленно внесли въ нашу жизнь нѣчто совершенно новое и чуждое ей.

Такое тяжкое, и по нынѣшнимъ временамъ, небезопасное обвиненіе отличается однако болѣе страстностью, чѣмъ точностью, болѣе предубѣжденностью, чѣмъ основательностью. Источникъ такого ходячаго воззрѣнія лежитъ въ одномъ почти невѣроятномъ по своей грубости *недоразумѣніи* а именно: *въ незнакомствѣ съ подлинными документами* судебной реформы, которое вводитъ въ заблужденіе даже людей, повидимому, стремящихся отнестись къ ней безпристрастно. Оно заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Вотъ гдѣ кроется, если не источникъ, то поводъ къ упомянутому недоразумѣнію. Трудами одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей судебной реформы, знаменитаго ея руководителя С. И. Заруднаго, бывшаго, можно сказать, ея душею, усерднѣйшимъ и преданнѣйшимъ ея дѣятелемъ съ самаго дня ея зарожденія (см. дальше), давно уже собраны и разсортированы обширные *подлинные* матеріалы, легшіе въ основу великаго законодательнаго акта 1864 г. Эти любопытные матеріалы, составляющіе 74 тома (большинство *in folio*) „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи" [1]), даютъ самый надежный ключъ къ уразумѣнію хода и исхода дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи. Обширность и малодоступность этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ служитъ причиною тому, что до сихъ поръ они никѣмъ еще не обработаны должнымъ образомъ.

Но, какъ извѣстно, существуетъ прекрасное и очень популярное изданіе въ 4-хъ томахъ „Судебныхъ Уставовъ съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны", заключающее массу цѣнныхъ законодательныхъ соображеній и появившееся въ свѣтъ, благодаря трудамъ того же С. И. Заруднаго. Однако, само собою разумѣется, что этотъ образцовый компендіумъ, изданный для повседневныхъ надобностей судебной практики, эта

[1]) См. въ н. к. моей Опись этого Дѣла.

такъ сказать, судебная *vulgata* не можетъ замѣнить знакомства съ подлинными 74-мя томами „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“. Для ежедневнаго практическаго обихода это популярное изданіе, извѣстное подъ названіемъ „Судебныхъ Уставовъ съ комментаріями“, представляетъ весьма удобное и незамѣнимое пособіе для толкованія ихъ; но для полнаго ознакомленія и правильнаго историческаго сужденія о всѣхъ фазахъ судебной реформы этого громаднаго предпріятія, растянувшагося на протяженіи шестнадцати лѣтъ, необходимо ознакомиться съ подлинными документами, а не довольствоваться болѣе или менѣе подробными извлеченіями изъ нихъ, приведенными въ помянутомъ изданіи государственной канцеляріи.

Только при знакомствѣ съ подлиннымъ Дѣломъ уясняется настоящій *генезисъ* реформы [1]), выясняется движеніе и развитіе идей, теченій и правовыхъ системъ, вліявшихъ на ходъ и постепенное развитіе работъ по судебной реформѣ. А иначе легко впасть въ односторонность и ошибку, въ которую впалъ и помянутый Викторъ Фуксъ. Въ своей книгѣ: *Судъ и Полиція*, онъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе о томъ, что проекты Блудова 1857—1861 годовъ отличались благоразумною *постепенностью* (?), „которая *не колебала* (?) установившагося порядка внезапными и всеобъемлющими перемѣнами“ и т. д. Словомъ, выходитъ опять варіація на старую тему, что, молъ, до 1861 года все шло благополучно, тихо и покойно; являются съ 1861 года либералы-теоретики, которые ломаютъ проекты гр. Блудова, носившіе „историко-органическій“ характеръ, и, заплативъ дань неумѣстному радикализму, открываютъ доступъ въ русское законодательство вреднымъ чужестраннымъ доктринамъ.

Такую „сказку о радикализмѣ“ судебной реформы, будто бы впервые появившемся съ 1861 года, можетъ сочинить только тотъ, кто абсолютно незнакомъ съ исторіею судебной реформы, кто не видалъ ни одного тома подлиннаго „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ и только довольствовался бѣглымъ чтеніемъ извлеченій, напечатанныхъ въ вышеупомянутомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ. Тотъ же, кто пожелаетъ *sine ira et studio* познакомиться съ подлинными матеріалами судебной реформы, неминуемо придетъ къ заключенію, что еще за четыре года до 1861 г., т.-е. съ началомъ новаго царствованія, происходитъ подъ вліяніемъ духа времени *радикальный переворотъ* въ направленіи судебной реформы.

Говоря такъ, мы нисколько не умаляемъ великихъ заслугъ дѣятелей судебной реформы періода 61—64 гг. и безспорнаго громаднаго вліянія на

---

[1]) См. II томъ „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“, Общ. объясн. записки къ пр. уст. гр. суд.

дальнѣйшее направленіе ея вѣчнопамятнаго освободительнаго акта 19-го февраля. Великая хартія 1861 г., вліяніе коей прямо или косвенно отразилось на *всѣхъ* сферахъ законодательства и общественной жизни, конечно, оказала огромное вліяніе и на постановку судебной реформы. Мы не противъ той мысли возражаемъ, что съ 1861 года судебная реформа вступила въ новый раціональный, либерально-научный фазисъ и что въ это время были задуманы институты (напримѣръ, судъ присяжныхъ), о которыхъ до „воли“ нельзя было и мечтать. Мы оспариваемъ лишь увѣреніе, что только съ этихъ поръ судебная реформа въ отличіе отъ проектовъ гр. Блудова, будто желавшаго „постепеннаго преобразованія“, получила *радикальный* характеръ. Нѣтъ, не теоретики 60-хъ годовъ, и не кто иной, какъ самъ благонадежный практикъ гр. Блудовъ, принимавшій участіе въ судѣ надъ декабристами и съ этихъ поръ весьма мало наклонный къ радикализму, этотъ *sui generis* „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый“, вникнувъ „въ сущность дѣла“, *первый* оффиціально выкинулъ знамя *радикализма* и доказалъ необходимость рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ, неизбѣжность полнаго измѣненія прогнившаго насквозь, безпорядочнаго, безъидейнаго стараго судебнаго строя, отъ котораго ничего нельзя было сохранить безъ ущерба для реформы.

Какъ ни парадоксально на первый взглядъ защищаемое нами положеніе, но безстрастные подлинные документы, исходящіе отъ гр. Блудова, съ очевидностью убѣждаютъ, что какъ разъ именно онъ, осторожнѣйшій изъ осторожныхъ постепеновцевъ, всегда державшійся девиза *festina lente*, былъ родоначальникомъ *радикальнаго* направленія судебной реформы и пропагандистомъ *полнаго разрыва* съ мнимыми „законами историческаго развитія“. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна большая объяснительная записка (149 печатныхъ страницъ) графа Блудова отъ 1857 г., съ которою не мѣшаетъ познакомиться тѣмъ, которые привыкли неумѣренно восторгаться работами его и клясться ими, какъ *in verba magistri*, безъ достаточнаго знакомства съ ними.

Въ этой любопытной запискѣ мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, какъ этотъ завзятый поклонникъ „частичныхъ улучшеній“ (припомнимъ его Уложеніе 1845 г., которое онъ не безъ авторской гордости называлъ „усовершенствованнымъ сводомъ“) долженъ былъ отступить отъ своего возлюбленнаго образа мыслей и дѣйствій. Гр. Блудовъ съ полною искренностью сознается и какъ бы кается въ томъ, что „ближайшее знакомство съ сущностью порученнаго ему дѣла“ заставило его совершить актъ грѣхопаденія и выступить на путь *радикальной* реформы. Во избѣжаніе обвиненія въ неправильномъ истолкованіи словъ графа, считаемъ не лишнимъ привести in ixtenso нѣкоторыя мѣста изъ этого замѣчательнаго и по формѣ, и по содержанію документа.

„Съ перваго взгляда можетъ показаться,—говоритъ гр. Блудовъ,—что было бы достаточно ограничиться лишь нѣкоторыми *частными исправленіями* (какъ кажется и нынѣ, заднимъ числомъ, реакціоннымъ критикамъ судебной реформы!) нынѣшняго порядка производства дѣлъ гражданскихъ, напримѣръ, лучшимъ надежнѣйшимъ доставленіемъ вызововъ суда, точнѣйшимъ назначеніемъ сроковъ для разныхъ дѣйствій какъ тяжущихся, такъ и судебныхъ мѣстъ и Канцелярій ихъ (NB. прописная буква въ подлинникѣ), установленіемъ яснѣйшей удовлетворительнѣйшей формы для докладныхъ записокъ, сокращеніемъ сроковъ апелляціонныхъ, уменьшеніемъ числа бумагъ, принимаемыхъ отъ тяжущихся, и т. п. Сей образъ дѣйстія при исправленіи узаконеній о производствѣ имѣетъ и долженъ имѣть многихъ защитниковъ, ибо оному удобнѣе и легче слѣдовать на практикѣ. Сверхъ того, какъ обыкновенно, а въ большей части случаевъ и справедливо замѣчаютъ, успѣхъ вводимыхъ постепенно и медленно преобразованій вѣроятнѣе и надежнѣе. *Мнѣ также казалось* при началѣ моего труда, продолжаетъ графъ, что можно бы было улучшить наше судопроизводство гражданское посредствомъ исправленія лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ онаго постановленій. Но чѣмъ *тщательнѣе* я вникалъ въ сущность порученнаго мнѣ Высочайшимъ довѣріемъ дѣла, разсматривая съ разныхъ сторонъ всѣ неудобства нынѣшняго порядка судопроизводства гражданскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ *причины* и, буде смѣю употребить сіе слово, самое *происхожденіе* (курсивъ въ подлинникѣ) сихъ неудобствъ, имѣя притомъ въ виду, что между всѣми постановленіями существуетъ естественная, *неразрывная связь*, тѣмъ *очевиднѣе и сильнѣе мнѣ представлялась истина* (слушайте!), уже признанная многими свѣдущими и опытными по сей части людьми, что *чрезъ частныя* измѣненія *мы не только не достигнемъ желаемой*, указанной намъ *цѣли*, но *едва ли* даже въ нѣкоторомъ отношеніи *не удалимся* отъ нея. Дабы исправить надлежащимъ, удовлетворительнымъ образомъ наши узаконенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ, не довольно усовершенствованія той или другой изъ сторонъ онаго, надобно стараться устранить *причины зла*, т. е. безпорядковъ въ самомъ *ихъ корнѣ;* а для сего необходимо принять другую, *совершенно отличную* отъ настоящей системы, основанную на тѣхъ общихъ, *непреложныхъ началахъ*, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства гражданскаго въ строгомъ смыслѣ слова... Намъ въ особенности, говоритъ дальше гр. Блудовъ, нельзя и думать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства безъ измѣненія *самой основной мысли* ея, безъ принятія не только *отличныхъ*, но до нѣкоторой степени *противныхъ* ей началъ“ [1]).

---

[1]) См. „Дѣло о преобр. суд. части“, т. II, Общ. объясн. записка въ уст. гражд. судопр., стр. 4, 5, 8.

Что и требовалось доказать!

Приведенная выписка, кажется, достаточно ясно показываетъ, какими причинами обусловливался *радикализмъ судебной реформы*, который ставится нынѣ въ вину „легкомысленнымъ либераламъ 60-хъ-годовъ“, и кто именно былъ его родоначальникомъ. Источникъ радикализма лежалъ не въ томъ, что эти послѣдніе питали „влеченіе, родъ недуга“, къ либерализму и доктринѣ, а въ самомъ свойствѣ задачи, поставленной судебной реформѣ. Если ужъ такой Фабій Кунктаторъ, какъ гр. Блудовъ, считалъ необходимою ломку *всего* стараго, да вдобавокъ въ самой консервативной части процесса, въ гражданскомъ судопроизводствѣ, это доказываетъ, что оно прогнило насквозь.

Вотъ къ какому заключенію приводитъ безпристрастное изслѣдованіе подлинныхъ источниковъ судебной реформы. *Радикализмъ* судебной реформы вызывался сознаніемъ негодности всего стараго процесса, съ очевидностью для всѣхъ обнаружившейся ко второй половинѣ 50-хъ годовъ, къ началу новаго царствованія, когда впервые обнаружилось и много другихъ язвъ дореформеннаго строя жизни, прикрытыхъ дотолѣ лакомъ „оффиціальной лжи“. Да, невѣроятно, но это безспорный фактъ: въ эту „эпоху всеобщаго просвѣтлѣнія умовъ“, которое доктринеры застоя называютъ теперь „эпохою умопомраченія“, настолько для всѣхъ выяснилась необходимость коренной реформы всей судебной системы, что самъ безстрастный представитель ортодоксальнаго консерватизма, гр. Блудовъ, выступилъ поборникомъ „коренного“ измѣненія процесса, на защиту котораго могъ выступить только такой закоснѣлый обскурантъ, какъ гр. Панинъ. Мало того, самъ Катковъ, впослѣдствіи обвинявшій въ государственной измѣнѣ составителей Судебныхъ Уставовъ, былъ въ тѣ времена, incredibile dictu, знаменосцемъ радикализма въ судоустройствѣ и не обинуясь высказывалъ такія еретическія мысли: „иные думаютъ, что правило благоразумія *будто бы* требуетъ не вдругъ заводить хорошее, но понемножку и по частямъ. У этихъ людей всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа и т. п. Они думаютъ, что дѣло пойдетъ лучше, если давать лучшее устройство понемногу. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиваться и принести пользу *только тогда*, когда взяты ея начала во *всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Отрывочная частица не только не принесетъ пользы, но причинитъ существенный и, быть можетъ, *непоправимый вредъ*“ [1]).

Послѣ сказаннаго ясно, насколько справедливо увѣреніе Виктора Фукса, что проекты гр. Блудова 1854—61 годовъ отличались „благоразумною *постепенностью*, которая не колебала (?!) установившагося порядка вне-

---

[1]) См. *Русскій Вѣстникъ*, 1860, г. № 2, стр. 304—311.

запными и всеобъемлющими реформами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ *ipsissima verba* гр. Блудова доказываютъ какъ разъ обратное, свидѣтельствуя, что онъ *вынужденъ* былъ отказаться отъ мысли о „частичныхъ улучшеніяхъ“ и рекомендовать принятіе „совершенно отличной отъ настоящей системы судопроизводства“, основанной на *противныхъ* ей общихъ, т.-е. теоретическихъ *непреложныхъ началахъ*“. И послѣ этого еще рѣшаются утверждать, что гр. Блудовъ былъ далекъ отъ „теоретическихъ экспериментовъ!“

Такъ идеализируетъ Фуксъ все вышедшее изъ подъ пера гр. Блудова. Ну, идеализація проектовъ гр. Блудова еще куда ни шла! Но мы не можемъ постичь, какъ можно упрекать дѣятелей 60-хъ годовъ „въ сантиментальномъ оптимизмѣ“ и въ то же время самому идеализировать нашъ столь печальной памяти „старый судъ“, какъ это дѣлаетъ Фуксъ, увѣряя, что „не во всемъ объемѣ и не во всѣхъ традиціяхъ (*sic*) старый судъ долженъ былъ быть замѣненъ новымъ“.

Безъ сердечной, горячей, пожалуй, наивной вѣры въ силу добра и разума или, если угодно, безъ „сантиментальнаго оптимизма“ не совершалось никогда ничего великаго, благодѣтельнаго въ исторіи. Такимъ образомъ, противъ идеализаціи или оптимизма вѣры въ будущее нельзя возставать. Весь вопросъ только въ томъ, каковъ *объектъ* этой идеализаціи. Но едва ли въ этомъ отношеніи дѣятели 60-хъ годовъ впали въ ошибку, избравъ объектомъ идеализаціи или „сантиментальнаго оптимизма“, — какъ выражается Фуксъ,—тѣ великія идеи, учрежденія и традиціи, которыми дорожитъ и гордится все цивилизованное человѣчество [1]), а не тѣ традиціи „стараго суда“, которыя идеализируетъ самъ Фуксъ, того самаго суда, при одномъ воспоминаніи о которомъ, по справедливому замѣчанію знатока старыхъ судебныхъ порядковъ И. С. Аксакова, „волосъ встаетъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ“. Идеализація стараго суда — это такое же патологическое явленіе, какъ апологія плети и крѣпостного права, до которой договорились, наконецъ, нынѣ, откровенные до безстыдства, крѣпостники.

---

[1]) См. Лероа-Больe. „L'empire des Tzars II, 291, 292.

II.

Нашъ нормальный путь не подражаніе, а разумное примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою.

Н. А. Буцковскій.

Обращаемся къ исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ. Въ теченіе всей почти двадцатилѣтней подготовки своей, судебная реформа шла мимо того самаго вѣдомства, которое непосредственно было заинтересовано въ реформѣ судебныхъ учрежденій,—мимо министерства юстиціи. Объясняется это помимо общихъ причинъ тѣмъ, что съ 1832 г. во главѣ министерства стоялъ „нескладный видомъ, идеями и дѣяніями“, по выраженію Валуева, гр. В. Н. Панинъ, холопъ въ душѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ деспотъ, выше закона и правосудія ставившій причуды своего сумасброднаго произвола и обозленной фантазіи, ярый защитникъ крѣпостного права, плетей, клейменія, цензуры, словомъ, окаменѣлый консерваторъ, типичнѣйшій представитель тридцатилѣтняго тупого коснѣнія, при всеобщемъ безмолвіи провозглашавшій для самоуслажденія, согласно принципамъ „оффиціальной лжи“: „все обстоитъ благополучно“ [1]).

---

[1]) За весь 30-тилѣтній періодъ (1832—1862) гр. Панинъ, низведшій до нуля значеніе сената и, прикрываясь именемъ Государя, хозяйничавшій безконтрольно, при содѣйствіи своего директора и l'homme pour tout faire Топильскаго (см. выше главу I, § 1), въ судебномъ вѣдомствѣ, какъ въ своей вотчиной конторѣ,—не провелъ *ни одной* значительной реформы по судебному вѣдомству.—Всѣ почти мѣропріятія гр. Панина касались канцелярскаго распорядка и сокращенія письменной работы, но они были такъ цѣлесообразны, что скорѣе увеличивали, чѣмъ уменьшали переписку. Чтобы справиться какъ-нибудь съ непосильной работою, канцеляріи (даже въ сенатѣ) должны были нанимать писцовъ на сторонѣ и собирать контрибуцію съ публики.—Нѣкоторыя же „реформы“ отличались такимъ нелѣпымъ характеромъ опереточной буфонады, что послѣ перваго удовлетворенія каприза гр. Панина, отмѣнялись, какъ неисполнимыя.—Такъ, по обнаруженіи подлога въ одномъ аттестатѣ, гр. Панинъ приказалъ не иначе принимать на службу, какъ по предварительной повѣркѣ подлинности аттестата, а для этого иной разъ въ теченіе цѣлаго года нужно было вести переписку.—Свѣдавъ откуда-то, что въ московскомъ сенатѣ бумага обходится дорого, графъ приказалъ дѣлать заготовки въ Петербургѣ, для чего бумага должна была сначала доставляться изъ Москвы въ Петербургъ, а потомъ изъ Петербурга обратно въ Москву.- Желая воспретить чиновникамъ веденіе *чужихъ* дѣлъ въ своихъ судахъ, онъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, коимъ чиновникамъ воспрещалось, безъ разрѣшенія начальства, веденіе *ихъ* собственныхъ дѣлъ во всѣхъ судахъ.—Признавъ необходимымъ, чтобы въ запискахъ иностранные документы печатались въ подлинникѣ, гр. Панинъ поставилъ въ безвыходное положеніе сенатскую типографію. Для удовлетворенія причуды гр. Панина, — а всѣ его приказы были святы, какъ законы или, вѣрнѣе, какъ должны быть святы законы, — пришлось за наборъ

Работы по судебному преобразованію находились въ рукахъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріей, гр. Д. Н. Блудова. Одновременно съ составленіемъ проекта Уголовного Уложенія 1845 г. начаты были подготовительныя работы и по улучшенію гражданскаго процесса. Въ 1843 г. гр. Блудовъ затребовалъ отъ членовъ судебнаго вѣдомства замѣчанія о доказанныхъ практикою недостаткахъ дѣйствующаго судебнаго законодательства и, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, составилъ „предложеніе“ о нѣкоторыхъ необходимыхъ улучшеніяхъ. Не трудно догадаться о характерѣ ихъ. Въ это время всеобщаго умственнаго гнета и законодательнаго застоя, время боязни предъ рѣшительными преобразованіями и пристрастія къ полумѣрамъ, заплатамъ на старомъ рубищѣ, предложенное гр. Блудовымъ мѣропріятіе также носило чисто палліативный характеръ (стало быть, вотъ къ какому заскорузлому времени относится планъ „частичныхъ реформъ“, рисующійся въ такомъ обольстительномъ свѣтѣ Фуксу и его единомышленникамъ!). О необходимости полнаго переустройства и дезинфекціи зараженнаго насквозь зданія стараго тайнаго суда, извѣстнаго всѣмъ своею чудовищною продажностью

англійскаго текста заплатить 1000 р. изъ казны и т. д. (См. *Голоса изъ Россіи*, вып. VII).

— Будучи самъ противникомъ всякихъ „новшествъ“, гр. Панинъ и на другихъ новаторовъ смотрѣлъ подозрительно, зная хорошо, что всякая серьезная реформа, а особенно введеніе гласности, должны положить конецъ его безцеремонному топтанію ногами закона.—При Николаѣ I существовала въ 1850 г. комиссія для принятія радикальныхъ мѣръ къ упрощенію производства и, между прочимъ, предлагалось освободить судъ отъ наблюденія за исполненіемъ рѣшеній.—Catilina ante portam, примерещилось гр. Панину въ виду этой „ужасной“ реформы. Сначала онъ старался повліять на членовъ комиссіи, но, потерпѣвъ фіаско, онъ сдѣлалъ императору Николаю I докладъ, въ которомъ доказывалъ, что тутъ кроется революціонное начало. Этого было довольно: комиссія прекратила свое существованіе.—Когда въ сентябрѣ 1857 г. *Русскій Вѣстникъ* впервые заговорилъ о гласности судопроизводства, то гр. Панину показалось, что приближается конецъ міра. Вслѣдствіе его всеподданнѣйшаго доклада состоялось повелѣніе не пропускать такихъ *возмутительныхъ* статей.—Гр. Панинъ не ошибся: статья катковскаго журнала предвѣщала конецъ, но не міра, а самовластнаго попиранія самодуромъ гр. Панинымъ законовъ.—Впослѣдствіи также не разъ онъ требовалъ примѣрнаго наказанія цензоровъ за пропускъ такихъ статей: Однажды на замѣчаніе попечителя округа, что нужно, прежде чѣмъ наказать цензора, потребовать отъ него объясненія, у министра *юстиціи* гр. Панина повернулся языкъ высказать такую чудовищную сентенцію: „сначала наказать, потомъ потребовать объясненія“ (Никитенко, II, 120). Калмыковъ, бывшій сослуживецъ гр. Панина, вопреки общеизвѣстнымъ историческимъ даннымъ, старался реабилитировать своего принципала, выставляя его даже сторонникомъ освобожденія крестьянъ (*Русс. Стар.* 1887 г., № 10 и слѣд.).

невѣроятнымъ невѣжествомъ, безконечной волокитой, никто и не думалъ, менѣе же всѣхъ министръ юстиціи гр. Панинъ.

Гр. Блудовъ ограничивался проектированіемъ второстепенныхъ техническихъ улучшеній, въ родѣ: отмѣны рукоприкладства, указанія секретаремъ „приличныхъ къ дѣлу“ законовъ, сокращенія числа инстанцій и т. п. Онъ входилъ по этимъ предметамъ въ безконечную переписку съ тогдашнимъ министромъ юстиціи гр. В. Н. Панинымъ, который, находя „новшества“ слишкомъ смѣлыми „теоретическими“ (sic) увеличеніями, съ неустанною энергіею отстаивалъ каждую мелочь дѣйствующаго процесса, какъ драгоцѣнное наслѣдіе „столѣтняго творчества“ (вотъ, наконецъ, объявились тѣ пресловутые подьяческіе „законы историческаго развитія“, нарушеніе которыхъ ставятъ реакціонеры въ вину судебной реформѣ!).

Гр. Блудовъ, догадавшись, что изъ этой безплодной переписки, что изъ этого „труда, тяжкаго до безконечности“, не можетъ выйти ничего путнаго, рѣшилъ махнуть рукою на неизлѣчимаго маніака гр. Панина [1]) и

---

[1]) Чтобы лишній разъ доказать, до чего доходилъ тупой консерватизмъ гр. Панина, приведемъ данныя о ревизіи петербургскаго надворнаго суда 1843 г., приводимыя въ запискахъ бар. Корфа (*Русск. Стар.* 1899 г., № 10). Эссенъ долго стоялъ во главѣ петербургскаго управленія, болѣе двѣнадцати лѣтъ. Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскій произвелъ въ 1842 году ревизіи губернскихъ учрежденій. Въ особенно ужасномъ состояніи оказался *надворный судъ*. Въ немъ скопилось огромное количество нерѣшенныхъ дѣлъ. Для того, чтобы покончить съ этими дѣлами, повелѣно было назначить въ надворный судъ новый комплектъ членовъ и секретарей, поручивъ имъ всѣ новыя дѣла, а прежній составъ былъ оставленъ для разбора старыхъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы они покончили все въ два года; если же это го они не исполнятъ, они будутъ лишены жалованія. Но оказалось, что два года прошли, а дѣла все не были кончены, и, повидимому, судьи находили для себя выгоднымъ продолжать разборъ дѣлъ даже и безъ жалованья. Подобная ревизія представила положеніе дѣла въ ужасномъ видѣ. Не будемъ указывать здѣсь подробностей, но приведемъ общій отзывъ, какой дѣлается Корфомъ. Картина, вскрытая ревизіей, „была тѣмъ ужаснѣе, что вмѣсто дѣйствія происходило въ столицѣ, въ цензурѣ управленія, почти *окно въ окно съ царскимъ кабинетомъ* и еще въ энергическое управленіе императора Николая I, и послѣ взгляда на нее, конечно, уже трудно было согласиться съ тѣми, которые находили явившійся не задолго передъ тѣмъ „*Мертвыя души*“ Гоголя одною лишь преувеличенною карикатурой. Сколько долговременный опытъ ни закалилъ престарѣлыхъ членовъ Государственнаго совѣта противъ всевозможныхъ административныхъ ужасовъ, однако, и они при докладѣ этого печальнаго дѣла были сильно взволнованы и, такъ сказать, внѣ себя. Что же должа была ощущать тутъ юная, менѣе еще ознакомленная съ человѣческими жертвами душа цесаревича наслѣдника! Слушая нашъ докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ“... Государственный Совѣтъ рѣшилъ принять строгія мѣры къ упорядоченію дѣлопроизводства въ столичномъ надворномъ судѣ. На засѣданіи присутствовалъ Эссенъ и все время молчалъ, и только послѣ засѣданія говорилъ Корфу въ свое оправ-

сосредоточить дѣло судебнаго преобразованія при состоящемъ подъ его главнымъ управленіемъ II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Съ этою цѣлью онъ исходатайствовалъ въ 1850 и 1852 годахъ Высочайшія повелѣнія объ учрежденіи при II отдѣленіи комитетовъ для составленія проектовъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ. Въ составъ гражданскаго комитета вошли—товарищъ министра юстиціи Илличевскій, сенаторы Веймарнъ, Губе (потомъ членъ государственнаго совѣта), Карніолинъ-Пинскій, членъ консультаціи министерства юстиціи Карцевъ, замѣненный впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ 1-го департамента сената Любощинскимъ. Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ астрономъ по образованію и юристъ-самоучка, впослѣдствіи знаменитый цивилистъ С. И. Зарудный, вложившій впослѣдствіи всю свою душу въ дѣло судебной реформы и такъ много сдѣлавшій въ послѣдній фазисъ ея развитія [1]).

Не трудно сообразить, чѣмъ бы окончились труды этого комитета, если бы они были доведены до конца. По всей вѣроятности, мы полу-

---

данiе, что и въ другихъ судахъ столицы такіе же безпорядки, „а въ управѣ благочинія, можетъ-статься, еще хуже“. Продолжаемъ выписку изъ разсказа Корфа: „журналъ былъ написанъ мною со всѣмъ жаромъ того справедливаго негодованія, которое выражалось между членами, и я съ горестнымъ любопытствомъ ожидалъ когда и какъ сойдетъ меморія отъ Государя, скорбя впередъ о впечатлѣніи, которое она произведетъ на его сердце. Дѣйствительно, посвятить всю жизнь, всѣ помыслы, всю энергію мощной души на благо державы и на искорененіе злоупотребленій, неуклонно стремиться къ тому въ продолженіе 17-ти лѣтъ; утѣшаться мыслью, что достигнутъ хотя какой-нибудь успѣхъ, и вдругъ—вмѣсто плода всѣхъ этихъ попеченій, усилій цѣлой жизни, жертвъ и заботъ—увидѣть себя передъ такою зіяющею бездной всевозможныхъ мерзостей, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшейся постепенно, черезъ многіе годы, невѣдомо ему, передъ самымъ его дворцомъ—тутъ было отъ чего упасть рукамъ, лишиться всякой бодрости, всякаго рвенія, даже впасть въ человѣконенавидѣніе... Это глубокое сокрушеніе и выразилось, хотя кратко, но со всѣмъ негодованіемъ обманутыхъ чаяній въ собственноручной резолюціи, съ которою возвратилась наша меморія. „Неслыханный срамъ!—написалъ государь,—безпечность ближняго начальства неимовѣрна и ничѣмъ неизвинительна; мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ“.

Какіе же были результаты ревизіи? Шушера, вродѣ членовъ надворнаго суда, была прогнана. Эссенъ былъ отставленъ генералъ-губернаторомъ, но чрезъ нѣсколько времени онъ получилъ награду, при чемъ Николай I сказалъ, что не Эссенъ, а онъ самъ виноватъ, что держалъ его на мѣстѣ. А что же дальше?—Ничего. Ни министру юстиціи, ни кому другому не приходитъ въ голову, что нужно же устранить повтореніе подобныхъ безобразій... Реформа, сохрани Боже! Поахали немного и перевернулись на другой бокъ: все обстоитъ благополучно, а злоупотребленія предупредятъ жандармскіе офицеры...

[1]) См. книгу мою: „С. И. Зарудный и судебная реформа“, М. 1888 г., ниже главу о Зарудномъ.

чили бы опять новый образчикъ „усовершенствованнаго Свода“ наподобіе Уложенія 1845 г., т.-е. компромиссъ и компиляцію стараго и новаго, лишенную цѣльности, послѣдовательности и, стало быть, жизнеспособности. Но до окончанія работъ комитета произошло событіе, сообщившее реформѣ *новую* силу и окраску и вообще вдвинувшее дѣло судебной реформы въ новый фазисъ.

Наступившій въ обществѣ, вслѣдъ за воцареніемъ императора Александра II-го, нравственный и умственный подъемъ, такъ сильно сказавшійся на всей политической и умственной жизни русской, сказался и на работахъ Блудовскаго комитета.

Встрепенулся и воспрянулъ духомъ и старый либералъ и бывшій „арзамасецъ“ Д. Н. Блудовъ, восторженно рукоплескавшій нѣкогда словамъ Александра I-го, что „либеральныя начала одни могутъ служить *основою счастія народовъ*“. Казалось, тридцатипятилѣтній реакціонный режимъ (1820—1855), подъ которымъ прошла вся почти государственная дѣятельность гр. Блудова, долженъ былъ до конца вытравить въ немъ всѣ зачатки либерализма; однако, вышло иначе, и при первомъ же благопріятномъ для нихъ вѣяніи, они воспрянули къ новой жизни, конечно, въ той мѣрѣ, какъ это возможно было у человѣка преклонныхъ лѣтъ. Въ 1857—1860 гг. графъ Блудовъ далъ сильный толчокъ работамъ по судебной реформѣ и внесъ въ Государственный Совѣтъ Уставъ гражданскаго судопроизводства, Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ, Уставъ уголовнаго судопроизводства, и, наконецъ, Уставъ судоустройства. Сравнительно съ палліативныии предположеніями 40-хъ годовъ гр. Блудова проекты его 1858—1860 годовъ составляли громадный, почти разительный шагъ впередъ. Даже въ области наиболѣе консервативной, въ гражданскомъ процессѣ, намѣчены были довольно радикальныя измѣненія сообразно требованіямъ „непреложныхъ началъ юридической науки“ [1]).

Въ числѣ этихъ „непреложныхъ началъ“, принятыхъ въ руководство гр. Блудовымъ, были: почти полное отдѣленіе власти судебной отъ административной, уничтоженіе канцелярской тайны и введеніе адвокатуры, гласности и устности, такъ пугавшей гр. Панина (см. выше), введеніе состязательнаго процесса и учрежденіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ, рѣшеніе дѣлъ по существу только въ двухъ инстанціяхъ и пр. Въ уголовномъ процессѣ предлагалось: устраненіе полиціи отъ производства слѣдствія, введеніе устности, состязательности, упраздненіе слѣдственнаго начала, введеніе обвинительной системы и института защиты, значительное ослабленіе теоріи законныхъ доказательствъ и представленіе нѣкотораго простора судейскому убѣжденію, уничтоженіе сословныхъ

---

[1]) См. т. II Дѣла о преобр. судебн. части Общ. Объясн. Зап., стр. 3—6

судовъ и пр. Таковы были тѣ новыя и противныя дѣйствовавшему тогда законодательству „непреложныя общія начала“, введеніе которыхъ считалъ необходимымъ графъ Блудовъ. Примѣненіе *нѣкоторыхъ* „непреложныхъ началъ“ стало возможнымъ для графа Блудова только благодаря тому прогрессивному направленію мысли, которое охватило наши правительственные и общественные круги во второй половинѣ 50-хъ годовъ послѣ паденія Севастополя, кровавая и геройски-мучительная эпопея коего бросила столь печальный и поучительный отблескъ на господствовавшую въ Россіи дотолѣ систему управленія.

III.

Публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ администраціи... Если бы въ прежнія времена вздумалъ бы кто только помечтать о подобныхъ вещахъ, и мечта его какъ-нибудь вылетѣла бы изъ его устъ—тотъ былъ бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника.

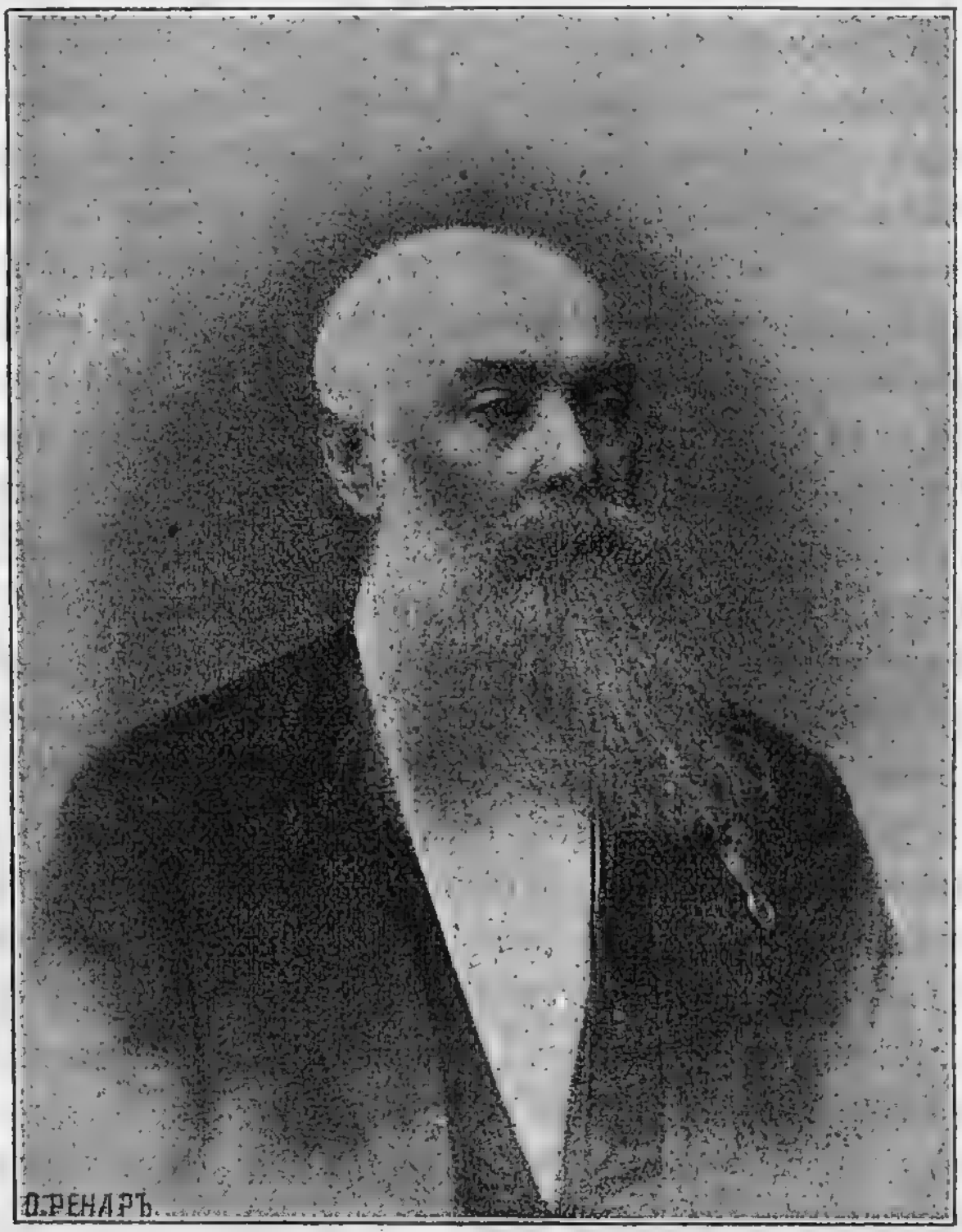
А. В. Никитенко (1862 г.).

Въ 1861—1862 годахъ судебная реформа дѣлаетъ новую и послѣднюю эволюцію по пути развитія „непреложныхъ общихъ началъ“, вызванную объявленіемъ „воли“. Великій актъ освобожденія крестьянъ оказалъ частью прямое, частью косвенное, но въ общемъ громадное воздѣйствіе на дальнѣйшее движеніе и ускореніе этого преобразованія. Воздѣйствіе это заключало въ себѣ весьма опредѣленное содержаніе и мысль, а не имѣло такого утрированнаго не то метафизическаго, не то мистическаго значенія, по смыслу котораго, какъ увѣряютъ „самобытники“, Положеніе 19-го февраля имѣло и должно имѣть вліяніе на *всѣ* будущія времена и на *всѣ* наши преобразованія [1]).

Вотъ въ чемъ выразилось прямое вліяніе 19-го февраля. Для многомилліоннаго населенія „вчерашнихъ рабовъ“, впервые возвратившихъ себѣ, благодаря освободительному акту 19-го февраля, гражданскія права, необходимо было взамѣнъ уничтоженнаго *помѣщичьяго суда*, если только возможно назвать судомъ этотъ варварскій произволъ, учредить государственный судъ. Косвенное же воздѣйствіе „дѣла 19-го февраля“ было то прогрессивное воодушевленіе и гуманное настроеніе, которое вызвало благополучное окончаніе этого громаднаго предпріятія и которое влило новыя силы въ передовыхъ дѣятелей того времени. „Если бы въ 1861

[1]) См. „Освобожденіе крестьянъ“ Н. П. Семенова, стр. I—3; XII.

году не состоялось по волѣ Самодержца Всероссійскаго освобожденіе крестьянъ *съ землею*,—пишетъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ важнѣйшій авторитетъ по исторіи судебной реформы, С. И. Зарудный,—то *ни въ какомъ случаѣ* не были бы утверждены 20-го ноября 1864 года Судебные Уставы. При крѣпостномъ правѣ,—продолжаетъ онъ,—въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями


О. РЕНАРЪ.

С. И. Зарудный.

были тогда только помѣщики; надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Помѣщики не могли ему не покориться; но въ ихъ рукахъ сосредоточилась власть надъ большинствомъ народонаселенія. Крестьяне расправлялись съ помѣщиками судомъ Линча. Послѣ 19-го февраля и высшіе наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость въ судѣ скоромъ и справедливомъ“ [1]). Наконецъ, огромное идейное значеніе отмѣны крѣпостного права заключалось въ томъ, что она, будучи вызвана протестомъ во имя права и человѣческаго достоинства,

[1]) *Русская Старина*, 1888 г., № 9.

давала удовлетвореніе требованіямъ свободной личности. Пока крѣпостное право тяготѣло бы хоть надъ однимъ человѣкомъ, не могло быть рѣчи *о правѣ* русскаго гражданина. Только съ 61-го года установлены были первые элементы *правового* порядка,и потому вслѣдъ за этимъ сталъ на ближайшую очередь вопросъ о разумной, раціональной организаціи первой опоры и охраны правового порядка—*независимаго суда*.

Отмѣтивъ общій характеръ вліянія освобожденія крестьянъ, перейдемъ теперь къ подробностямъ.

Событія развивались въ такомъ порядкѣ. Осенью 1861 года вернулся въ Петербургъ изъ Крыма императоръ Александръ II, бодрый, веселый, довольный, удовлетворенный, счастливый,—счастливый тѣмъ особымъ и великимъ счастьемъ, которое даетъ лицамъ, располагающимъ судьбами народовъ сознаніе исполненнаго долга и твердаго выполненія завѣщанной исторіей, трудной, но благородной миссіи. Геній свободы и гуманности, несмотря на промахи управлявшаго въ отсутствіе Государя Верховнаго Совѣта, несмотря на „зигзаги“ русскаго прогресса [1]), виталъ въ то время надъ Россіей. Политическій барометръ, не взирая на безпрестанныя колебанія, частенько отъ „перемѣнно“ подходилъ къ „ясно“. Благородное воодушевленіе, чувство внезапно, но—увы!—не надолго, вспыхнувшаго „конфуза“, жгучаго стыда предъ исторіей, сознаніе нравственнаго долга „кающагося дворянина“ предъ „меньшею братіею“ создавали въ обществѣ неудержимое стремленіе обновить старый крѣпостной строй жизни, державшійся только на насиліи, произволѣ и беззаконіи. Чего-чего только нельзя предпринять и быстро и удачно выполнить при такомъ бодромъ и гуманномъ настроеніи, которое только очерствѣлому, злому рабовладѣльческому сердцу современныхъ крѣпостниковъ можетъ казаться временемъ бѣлой „горячки“?.. [2]).

Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, Государь пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло о судебномъ преобразованіи. Государственный секретарь В. П. Бутковъ во всеподданнѣйшей запискѣ указывалъ на встрѣченныя государственною канцеляріею затрудненія при докладѣ составленныхъ гр. Блудовымъ въ разное время и не согласованныхъ между собою проектовъ Уставовъ гражд. и угол. судопроизводства и судоустройства и высказалъ, что детальному разсмотрѣнію означенныхъ проектовъ должно предшествовать „опредѣленіе и утвержденіе *основныхъ началъ*“ предполагаемаго судопроизводства. Докладъ В. П. Буткова былъ высочайше одобренъ, и въ исполненіе состоявшагося на основаніи онаго

---

[1]) См. Лероа-Больё. Un homme d'état, 116, 87.

[2]) См. статью г. Григорова: „Кое-что о мировомъ судѣ“. *Моск. Вѣд.* 1889 г., № 35.

высочайшаго повелѣнія, былъ изготовленъ 19-го октября 1861 г. В. П. Бутковымъ по соглашенію съ предсѣдавшимъ въ Государственномъ Совѣтѣ гр. Д. Н. Блудовымъ новый и болѣе подробный докладъ о *порядкѣ разсмотрѣнія* въ Государственномъ Совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія. 23-го октября 1861 г. уже состоялось Высочайшее утвержденіе этого доклада, вдвинувшее дѣло судебнаго преобразованія въ третій и послѣдній фазисъ его развитія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было неудобнымъ поручить въ этой новой стадіи дѣла руководство имъ старому, даже очень старому, кормчему его, гр. Блудову (ему минуло въ 1862 году 77 лѣтъ). Новое вино опасно было вливать въ старые мѣхи. По всему видно, что это чувствовалось всѣми не исключая и самого графа Блудова, котораго съ этихъ поръ почтительно, но явственно удаляютъ съ поста, болѣе несоотвѣтствовавшаго его положенію и силамъ. Эту цѣль и преслѣдовалъ, между прочимъ, означенный докладъ, принадлежавшій перу вышеупомянутаго С. И. Зарудnаго, состоявшаго въ 1856 году статсъ-секретаремъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта.

Сущность названнаго доклада сводилась къ тому, что поручалось государственной канцеляріи, сообща съ „прикомандированными къ ней юристами“, извлечь изъ блудовскихъ проектовъ, составленныхъ при II отдѣленіи Его Императорскаго Величества канцеляріи, „главныя основныя начала“. Съ оффиціальной точки зрѣнія перемѣна была небольшая. Въ работахъ государственной канцеляріи должны были принимать участіе также и чиновники того же II-го отдѣленія и министерства юстиціи, и даже номинальное „высшее наблюденіе“ оставалось за гр. Блудовымъ. Но въ дѣйствительности дѣло судебной реформы явственно выступало на новый, болѣе раціональный путь. Инициатива и главное руководство имъ замѣтно переходило къ В. П. Буткову (протеже гр. А. Ф. Орлова, недавно еще ярому крѣпостнику, но съ 1861 г. со всѣми своими armes et bagages перешедшему въ либеральный лагерь) и его главному сотруднику С. И. Зарудному, при дѣятельномъ участіи новыхъ, свѣжихъ силъ „прикомандированныхъ юристовъ“: Н. А. Буцковскаго, Н. И. Стояновскаго, Д. А. Ровинскаго, К. П. Побѣдоносцева, А. М. Плавскаго, и чиновъ государственной канцеляріи: П. Н. Даневскаго, С. П. Шубина и А. П. Вилинбахова. Одно уже привлеченіе къ дѣлу „юристовъ“ какъ таковыхъ, т.-е. какъ представителей „права“, а не просто чиновниковъ „законовѣдовъ“ [1]), свидѣтельствовало о томъ, что въ оффиціальныхъ сферахъ „но-

---

[1]) Нашъ маститый юристъ П. Г. Рѣдкинъ въ вышедшей не задолго до его смерти книгѣ своей отмѣчалъ, что до Устава 1863 года профессорамъ строжайше предписано было замѣнить слово „правовѣдѣніе“—„законовѣдѣніемъ“. См. выше главу IV.

вое начало“, юридическая наука, „право“, сдѣлало довольно серьезное завоеваніе на счетъ и въ ущербъ традиціонной табели о рангахъ и „законовѣдѣнія“. Оставалось закрѣпить это цѣнное завоеваніе и обезпечить „прикомандированнымъ юристамъ“, воодушевленнымъ гуманными и либеральными стремленіями, возможность широкаго общенія съ юридическою наукою. Этотъ шагъ не заставилъ себя долго ждать.

Уже къ концу 1861 года „юристы“ живо разобрали Блудовскіе проекты и нашли въ нихъ то, что и слѣдовало ожидать. Извлеченныя „основныя начала“ показали, что проекты не согласованы между собою и что необходимъ пересмотръ и полная переработка ихъ на основаніяхъ научныхъ или на основаніи тѣхъ „общихъ непреложныхъ началъ“, о которыхъ писалъ гр. Блудовъ еще въ 1857 г., но провести которыя пришлось другимъ.

Съ начала 1862 года гр. Блудова смѣняетъ, по должности предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ, кн. П. П. Гагаринъ (тоже крѣпостникъ и авторъ извѣстнаго „нищенскаго“ надѣла, также плывшій въ это время по фарватеру либерализма), и съ этихъ поръ гр. Блудовъ окончательно сходитъ со сцены. Но къ чести его нужно замѣтить, онъ не счелъ умѣстнымъ держать оппозицію *quand même* тѣмъ „новшествамъ“, которыя проникли послѣ него въ судебную реформу, и, считая ихъ появленіе естественнымъ развитіемъ начатаго имъ дѣла, принялъ ихъ просто и безъ протеста.

Первымъ дѣломъ кн. Гагарина было исходатайствовать „юристамъ“ оффиціальное разрѣшеніе на полную свободу дѣйствій и возможность свободнаго пользованія вышеупомянутыми „непреложными началами“, т.-е. указаніями науки и практики цивилизованныхъ народовъ. Разрѣшеніе это было дано знаменательныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ января (число, къ сожалѣнію, неизвѣстно) 1862 года, гдѣ впервые вещи названы ихъ собственными именами. Этотъ первостепенный для исторіи русскаго процесса и прогресса документъ гласилъ: „изложить въ общихъ чертахъ соображенія Государственной Канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, *несомнѣнное достоинство* коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ* и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи“.

Рубиконъ былъ перейденъ! Китайская стѣна, отдѣлявшая въ теченіе сорока пяти лѣтъ наши законодательныя сферы отъ непосредственнаго воздѣйствія европейской науки и современнаго прогресса, пала. Начала европейскаго публичнаго права и науки, проникавшія къ намъ дотолѣ контрабаднымъ путемъ (слово прогрессъ было формально запрещено еще въ 1858 г. или въ видѣ замаскированныхъ анонимовъ (какъ, напр.,

„общія непреложныя“ начала у гр. Блудова), получили, наконецъ, открытый доступъ и къ нашей законодательной практикѣ. Благодаря этому крупному событію, а также господствовавшему въ то время въ русскомъ обществѣ либеральному настроенію, сдѣланъ былъ тотъ послѣдній, логическій шагъ, безъ котораго предпринятое гр. Блудовымъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ дѣло судебной реформы осталось бы на полпути и недодѣланнымъ.

„Юристы“ 1862 г. возымѣли благородную рѣшимость сдѣлать этотъ окончательный шагъ, который инымъ казался черезчуръ рискованнымъ. Вѣря въ здравый смыслъ русскаго народа, крѣпость русской культуры и воспитательную силу хорошихъ учрежденій, либеральные юристы рѣшились, наприм., предложить судъ присяжныхъ, который, такъ сказать, навертывался на языкѣ у гр. Блудова, но который онъ не имѣлъ рѣшимости открыто выставить. Въ составленныхъ юристами „главныхъ началахъ“ мы видимъ не скачки и не бредъ буйной теоретической мысли, какъ иные думаютъ, а только *логическое развитіе* институтовъ, раньше намѣченныхъ. Это лучше всего можно показать на примѣрѣ самаго важнаго нововведенія, на судѣ присяжныхъ, предложенномъ Зарудниною „могучею кучкою“.

Враги судебной реформы привыкли твердить, что судъ присяжныхъ былъ введенъ у насъ изъ слѣпого подражанія иностраннымъ образцамъ и по мотивамъ чисто политическимъ. Мнѣніе это лишено всякаго основанія. Что касается подражательности, то вотъ какъ смотрѣли „юристы“ 60-хъ годовъ на вопросъ о заимствованіи: „Нашъ нормальный путь,— говорятъ они,—*не подраженіе, а разумное* примѣненіе общихъ началъ выработанныхъ юридическою наукою“. Что же касается политической стороны этого института, то ее тщательно устраняютъ они изъ нашего суда присяжныхъ, настаивая на мотивахъ исключительно юридическихъ [1]).

Въ чемъ же они состояли? Вотъ путь того разсужденія, который побудилъ „юристовъ“ государственной канцеляріи сдѣлать изъ посылокъ гр. Блудова логическіе выводы. Гр. Блудовъ, признавая теорію „законныхъ доказательствъ“ несостоятельною, не рѣшился однако вполнѣ отказаться отъ нея и остановился на компромиссѣ. „Юристы“, основываясь на трудахъ германскихъ юристовъ Кестлина, Генна, Пухты, Гагена, Буштеля, Бринкмана, Молинара, Миттермайера и др., пришли къ заключенію, что тутъ нѣтъ средины, tertium non datur, что или должна быть строгая легальная регламентація силы доказательствъ, обязательная для судей, или имъ долженъ быть предоставленъ путь оцѣнки доказательствъ по внут-

---

[1]) См. т. IX Дѣла о преобраз. суд. части. Записка Н. А. Буцковскаго, стр. 7. Стр. 5 Записки Зарудnаго.

реннему убѣжденію. Отвергнувъ теорію „законныхъ доказательствъ“ на основаніи указаній науки и нашей собственной практики (эта сторона дѣла особенно тщательно разработана въ запискѣ Д. А. Ровинскаго (см. ниже), прекрасно знакомаго съ судебною практикою по должности московскаго губернскаго прокурора) и признавъ необходимость рѣшенія вопроса о виновности по убѣжденію судей, юристы переходятъ къ вопросу о судоустройствѣ. Они указываютъ на то, что наши старые судебные засѣдатели не приносили никакой пользы и были простыми ширмами или пѣшками въ рукахъ секретарей, такъ какъ должны были рѣшать не только вопросъ о виновности на основаніи теоріи доказательствъ, но и примѣнять законы о наказаніяхъ. Вслѣдствіе этого „юристы“ признаютъ нужнымъ предоставить засѣдателямъ рѣшеніе только вопроса о виновности, который они, въ качествѣ людей знакомыхъ съ дѣйствительною жизнью, рѣшатъ лучше коронныхъ судей, людей кабинетныхъ. Вопросъ же о наказаніи предоставляется рѣшенію судей юристовъ. Отсюда переходъ чрезъ нашихъ „судебныхъ засѣдателей“ къ европейскимъ присяжнымъ засѣдателямъ былъ такъ естественъ, что онъ подсказывался самъ собою. Придумывать непремѣнно что-то „свое“, отличное отъ хорошо извѣстнаго и испробованнаго европейскаго суда присяжныхъ—значило бы впадать въ оригинальничанье, значило бы стучаться въ открытую дверь. Дѣятели 60-хъ годовъ были слишкомъ серьезные люди, чтобы носиться съ такою „пустою“ претензіею, къ которой, по замѣчанію Вл. С. Соловьева, сводится наша *внѣевропейская и противо-европейская самобытность* [1]).

---

[1]) Націон. вопросъ въ Россіи, стр. VI.

— Наглядным предостереженіемъ противъ такого оригинальничанья quand même служитъ опытъ съ печальной памятью III отдѣленіемъ. Это самобытное учрежденіе должно было, на посрамленіе Европы, доказать, что и помимо гласности и вообще раціональной судебной организаціи возможно водвореніе законности и правды. Назначеніемъ этого новаго не то свѣтскаго ордена, не то полицейскаго масонства, было, какъ рязъясняла инструкція учредителя его, гр. Бенкендорфа, „обращать вниманіе на безпорядки во всѣхъ частяхъ управленія; наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены людьми властными; внимать гласу страждущаго человѣчества и защищать беззащитнаго и безгласнаго гражданина“. Такимъ образомъ эти новые Гарунъ-аль-Рашиды, тайно, но дѣятельно наблюдая за всѣми, должны были при помощи сердцевѣдѣнія и смотрѣнія исполнять функціи, которыя въ другихъ странахъ, и то не всегда хорошо, выполняютъ судъ, адвокатура, печать и общественное мнѣніе. Хорошо извѣстно, во что превратилось это учрежденіе, которому ставилась столь высокая и совершенно ему непосильная задача. Привѣтствуя упраздненіе въ 1880 г. III отдѣленія, Катковъ между прочимъ писалъ: „Принадлежа къ той системѣ, которая отрицала всякую свободу жизни и уже потеряла свою силу, учрежденіе это вносило собою только *смуту и ложь* въ жизнь при ея измѣнившихся условіяхъ“

Главный аргументъ противъ присяжныхъ была неразвитость „вчерашняго раба“, неразвитость народа, „котораго, по выраженію Я. И. Ростовцева, до освобожденія крестьянъ *не существовало*“ [1]). Вотъ какъ возражаютъ на это „Соображенія“ юристовъ Государственной Канцеляріи: „Конечно, развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и *совершенствуютъ общество*. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятіе о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа представляетъ основанія для *скорѣйшаго* введенія суда присяжныхъ, потому что такой именно народъ и нуждается *въ особыхъ* огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали. Нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчаются чрезвычайно рѣзкія различія [2]).

Весьма подробно разобрали „юристы“ Государственной Канцеляріи и то возраженіе, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ. Судъ присяжныхъ, какъ одна изъ лучшихъ гарантій правосудія вообще, конечно, имѣетъ и крупное политическое значеніе. „При отсутствіи правосудія,—говоритъ Лероа-Болье,—нѣтъ болѣе просвѣщенной свободы, а при наличности правосудія, я полагаю, нѣтъ болѣе деспотизма или по крайней мѣрѣ тираніи“. Съ такой точки зрѣнія носитъ политическій характеръ не только судъ присяжныхъ, но и предположенныя графомъ Блудовымъ усовершенствованія правосудія, въ родѣ сокращенія инстанцій, введенія состязательнаго процесса, не говоря уже о введеніи гласности, которая, по опредѣленію Н. А. Буцковскаго, „служитъ самымъ надежнымъ контролемъ для всякой общественной дѣятельности и *единственно прочною уздою* для удержанія общественныхъ дѣятелей въ предѣлахъ законности“. Но не въ такомъ общемъ, а еще въ особомъ специфическомъ смыслѣ возражали и, смѣшно сказать, даже въ наши дни возражаютъ,—противъ суда присяжныхъ, ссылаясь на то, что это учрежденіе якобы

(„Моск. Вѣд.“, 1880, № 222). Объ оставленной незавидной памяти III отдѣленія можно судить уже по тому, что сочтено было невозможнымъ IV отдѣленіе переименовать въ III.

[1]) См. письмо Ростовцева къ Александру II; стр. 49 „Освобожденія крестьянъ“ Семенова.

[2]) См. т. XVII „Дѣла о пр. суд. части“, стр. 39.

революціонно-демократическое, несовмѣстное съ самодержавіемъ. Противъ такого фальшиваго освѣщенія предмета выдвинули „юристы“ длинный рядъ соображеній, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ исторіи русскихъ судебныхъ учрежденій [1]).

IV.

Въ апрѣлѣ-іюлѣ 1862 г. „Главныя начала“, выработанныя Государственною Канцеляріею, были разсмотрѣны соединенными департаментами Государственнаго Совѣта. Общее Собраніе Совѣта разсмотрѣло ихъ 27-го августа, 3-го и 4-го сентября 1862 г. Въ общемъ собраніи совѣта присутствовали: предсѣдатель кн. П. П. Гагаринъ и члены: великій князь Николай Николаевичъ, гр. В. Ѳ. Адлербергъ, гр. С. Г. Строгановъ, В. Н. Панинъ (министръ юстиціи), кн. В. А. Долгоруковъ (шефъ жандармовъ), К. В. Чевкинъ, кн. А. М. Горчаковъ, Брокъ, Тымовскій, П. А. Мухановъ, Краббе, Донауровъ, Тройницкій, гр. П. А. Шуваловъ, Танѣевъ, Гасфортъ, баронъ М. А. Корфъ, Н. И. Бахтинъ, А. С. Норовъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ, А. М. Княжевичъ, свѣтл. кн. А. А. Суворовъ, И. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, А. В. Головнинъ, М. Х. Рейтернъ, П. А. Валуевъ, Гернгросъ, Хомутовъ, Анненковъ и А. С. Зеленый. Докладывалъ дѣло государственный секретарь В. П. Бутковъ. Судъ присяжныхъ и важнѣйшіе институты нашего новаго судебнаго права прошли *единогласно*. Въ защиту суда присяжныхъ сказалъ рѣчь,—кто бы повѣрилъ?—самъ прозрѣвшій, наконецъ, гр. Панинъ, заявившій, что „дѣйствительно независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ“.

29-го сентября 1862 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе „Основныхъ началъ“. По мысли С. И. Заруднаго, бывшаго въ этой послѣдней стадіи реформы главнымъ руководителемъ дѣла судебной реформы, „Основныя Начала или Положенія“ были распубликованы въ „*Собраніи узаконеній и распоряженій правительства*“ для того, чтобы вызвать всестороннее обсужденіе предстоящей судебной реформы.

Нечего и говорить, какое сильное и радостное впечатлѣніе произвели „Основныя Положенія“, обѣщавшія вполнѣ раціональное судоустройство. Цензоръ Никитенко, привѣтствуя съ умиленіемъ основныя начала судеб-

---

[1]) См. записку Буцковскаго, стр. 44—53; записку Заруднаго, стр. 5—24, т. IX „Дѣла о преобраз. суд. части“.

— Подобными же чисто юридико-бытовыми и раціонально-научными соображеніями были мотивированы: несмѣняемость судей, независимость адвокатуры, упраздненіе сословности въ судахъ и установленіе: равенства предъ закономъ, устности, состязательности, широкой гласности и другихъ основъ судебной реформы.

ной реформы, отмѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ“ (см. выше эпиграфъ), что въ николаевскія времена за такія „мечты“ можно было прослыть „сумасшедшимъ или политическимъ преступникомъ“ (какъ извѣстно, петрашевцы пострадали за то, что на „пятницахъ“ у Петрашевскаго обсуждали вопросы объ освобожденіи крестьянъ, гласномъ судѣ и т. п.), и присовокупляетъ: „въ трудахъ по новому судопроизводству преобладала и преобладаетъ здравая либеральная партія“. Самый фактъ опубликованія основныхъ началъ судебной реформы ихъ свидѣтельствовалъ о признаніи если не совершеннолѣтія, то нѣкоторой зрѣлости русскаго общества и русской неоффиціальной юриспруденціи. Чтобы дать понятіе о степени оживленія, вызваннаго распубликованіемъ „Основныхъ положеній“, достаточно сказать, что при всей бѣдности Россіи юридическими силами, поступило 446 разныхъ замѣчаній со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая и самыхъ глухихъ закоулковъ Сибири и Закавказья. По мысли того же Заруднаго, который давно уже неуклонно преслѣдовалъ плодотворную идею о наибольшей огласкѣ матеріаловъ судебной реформы, всѣ поступившія „Замѣчанія“ были отпечатаны и составили 6 большихъ томовъ *in folio*. Эти „Замѣчанія“ судебныхъ практиковъ, профессоровъ и вообще приватныхъ юристовъ до нѣкоторой степени составляли въ судебной реформѣ суррогатъ участія мѣстныхъ силъ на подобіе губернскихъ комитетовъ крестьянской реформы. О болѣе реальномъ участіи представителей общества, на которое намекалъ И. С. Аксаковъ въ „*Днѣ*“, пока нельзя было и думать, потому что даже земскія учрежденія еще только подготовлялись.

Съ распубликованіемъ „Основныхъ положеній судебнаго преобразованія“ можно было считать дѣло судебной реформы почти уже выиграннымъ. Заложены были основы его и притомъ такъ послѣдовательно твердо и умѣло, что вызвали и вызываютъ до сихъ поръ справедливое одобреніе со стороны не только русскихъ, но и лучшихъ иностранныхъ юристовъ и публицистовъ [1]).

---

[1]) См. весьма сочувственный отзывъ извѣстнаго криминалиста Миттермайера въ журналѣ „*Министерства Юстиціи*“, 1864 г., № 10, а также книгу Лероа-Больe: „L'empire des Tzars“, tome II.

— Говоря о началахъ, на коихъ построены Судебные Уставы (въ томъ числѣ и судъ присяжныхъ), министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ въ рѣчи своей 30 апрѣля 1894 г. при открытіи коммиссіи по пересмотру Суд. Устав. выразился такъ: „Это въ сущности общепризнанныя и наилучшія изъ всѣхъ до сихъ поръ выработанныхъ въ цивилизованномъ мірѣ ручательствъ того, что судебная истина будетъ обнаружена, что законъ будетъ точно примѣненъ и что каждый изъ судящихся получитъ по заслугамъ. Они составляютъ средній и, повидимому, безспорный итогъ всего того, до чего додумалось человѣчество въ сферѣ правосудія; они, кромѣ того, уже успѣли войти въ плоть и кровь страны, сдѣлались привычнымъ и дорогимъ достояніемъ нашего народа; они образуютъ охранительный, консервативный, если такъ можно выразиться, элементъ нашихъ судебныхъ порядковъ“.

Оставалась еще трудная и сложная работа составленія новыхъ проектовъ Уставовъ, согласно Высочайше утвержденнымъ „Основнымъ Положеніямъ“, но это была трудность чисто-юридическая, техническая. Бодро и радостно взялись за дѣло лица, коимъ выпала счастливая доля послужить въ этомъ дѣлѣ родинѣ.

Для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ образована была при Государственной Канцеляріи коммиссія, къ которой привлечены были лучшія юридическія силы, начиная отъ сенаторовъ и профессоровъ и кончая присяжными стряпчими и слѣдственными приставами. Оффиціальнымъ предсѣдателемъ былъ назначенъ В. П. Бутковъ, но въ дѣйствительности дѣломъ руководилъ корифей судебной реформы С. И. Зарудный. Коммиссія раздѣлилась на три отдѣленія. Въ составъ гражданской секціи входили: предсѣдатель С. И. Зарудный, члены: К. П. Побѣдоносцевъ, Н. В. Калачевъ, А. Ѳ. Бычковъ, С. П. Шубинъ, предсѣдатель курской гражданской палаты Шечковъ, товарищъ предсѣдателя екатеринославской палаты Гуринъ, А. П. Вилинбаховъ, А. А. Книримъ, Г. К. Рѣпинскій, князь И. С. Волконскій, О. О. Квистъ и Баршевскій.

Уголовная секція состояла изъ предсѣдателя Н. А. Буцковскаго и членовъ: П. А. Зубова, М. Е. Ковалевскаго, Я. Г. Есиповича, Любимова, Е. А. Перетца, губернскихъ прокуроровъ А. Н. Попова и Н. Г. Принтца, проф. Н. И. Утина и А. М. Плавскаго.

Отдѣленіе судоустройства было подъ предсѣдательствомъ А. М. Плавскаго, въ составѣ членовъ: бар. Врангеля, П. Н. Даневскаго, Я. Г. Есиповича, Д. А. Ровинскаго и Н. Г. Принтца.

Закипѣла дружная работа! Съ неслыханною быстротою и образцовою обстоятельностью составлены были въ теченіе *11 мѣсяцевъ* проекты Учрежденія Судебныхъ Установленій и Уставы Гражданскаго и Уголовнаго судопроизводствъ. Проекты сопровождались превосходными и обширными (1758 печатныхъ страницъ *in folio!*) объяснительными записками, составляющими доселѣ непревзойденные *chef-d'oeuvre*'ы законодательнаго творчества.

Осенью 1863 г. коммиссія окончила возложенную на нее задачу, и проекты поступили на заключеніе II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи и министра юстиціи Д. Н. Замятнина. Послѣдній не только самъ доставилъ, при содѣйствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго (см. ниже) весьма цѣнныя замѣчанія, составляющія солидный томъ въ 500 страницъ *in folio*, но, вполнѣ сочувствуя либеральнымъ основамъ судебной реформы, потребовалъ еще замѣчаній на проекты отъ сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ [1]).

Въ декабрѣ 1863 года проекты Судебныхъ Уставовъ, вмѣстѣ съ по-

---

[1]) См. мою „Страницу изъ исторіи судебной реформы“. М., 1893, гл. IV.

ступившими на нихъ многочисленными замѣчаніями, переданы были на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Докладомъ дѣла руководилъ государ. секр. В. П. Бутковъ, пользуясь содѣйствіемъ С. И. Заруднаго, Н. А. Буцковскаго и А. М. Плавскаго. Обсужденіе проектовъ, въ которомъ, по ходатайству министра юстиціи Д. Н. Замятнина, принималъ участіе и товарищъ его Н. И. Стояновскій (потомъ предсѣдатель гражданскаго департамента государственнаго совѣта), шло весьма скоро и успѣшно. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ бодрымъ настроеніемъ, которое все еще господствовало въ то время въ обществѣ, хотя уже замѣчалось нѣкоторое разочарованіе послѣ событій 1863 года; во-вторыхъ, тѣмъ, что вопросы были тщательно разработаны и всесторонне освѣщены, такъ что Совѣту оставалось сдѣлать лишь немногое...

Впрочемъ, у руководителей судебной реформы, быть можетъ, была и особенная причина торопить дѣло. Они знали, какъ быстротечны у насъ либеральныя вѣянія и какъ скоро, послѣ непродолжительнаго подъема силъ, наступаетъ у насъ, особенно въ высшихъ сферахъ, упадокъ энергіи.—Но пока еще дулъ по судебному вѣдомству рѣдкій попутный вѣтеръ, и проекты съ небольшими поправками и частичными измѣненіями благополучно прошли какъ въ соединенныхъ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта [1]).

2-го октября было окончено разсмотрѣніе Судебныхъ Уставовъ. Въ общемъ собраніи 2-го ноября были разсмотрѣны штаты и оклады судебныхъ чиновъ, и уже 20 ноября того же года послѣдовала въ Царскомъ Селѣ Высочайшая санкція и знаменитый указъ правительствующему сенату отъ того же числа, повелѣвшій распубликовать Судебные Уставы во всеобщее свѣдѣніе.

„По вступленіи на прародительскій престолъ,—такъ начинается указъ,—однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 19-го марта 1856 года, было: „правда и милость да царствуетъ въ судахъ“. Съ того времени, среди другихъ преобразованій народной жизни, Мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой

---

[1]) Въ соединенныхъ департаментахъ присутствовали: князь Гагаринъ, принцъ П. Г. Ольденбургскій, Кочубей, Хомутовъ, Литке, Игнатьевъ, Бахтинъ, Замятнинъ, Мухановъ и Норовъ. (См. т. LI „Дѣла о преобр. губ. земст.“). Въ общемъ собраніи присутствовали: кн. Гагаринъ, П. Г. Ольденбургскій, кн. А. Н. Горчаковъ, гр. Клейнмихель, г. Адлербергъ, бар. Корфъ I-й, Танѣевъ, Гасфортъ, Княжевичъ, Игнатьевъ, Тымовскій, Толстой. Зеленый, Стояновскій, Кочубей, Литке, гр. Панинъ, Бахтинъ, Норовъ, кн. Суворовъ. Мельниковъ, Татариновъ, Мухановъ, Тройницкій, Мальцовъ, кн. Урусовъ, Краббе, Плаутеръ. Брокъ, Мѣтлинъ, Гернгросъ, Тройницкій и Рейтернъ, при государственномъ секретарѣ В. П. Бутковѣ. (См т. LXIX „Дѣла о преобр. суд. ч. въ Россіи“).

цѣли". Сославшись затѣмъ на тѣ многостороннія предварительныя работы, которыя предшествовали составленію проектовъ Судебныхъ Уставовъ, указъ въ слѣдующихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ очерчиваетъ ихъ сущность: „разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы,—говоритъ императоръ Александръ II,—находимъ, что они *вполнѣ* соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ, *скорый*, *правый*, *милостивый*, *равный* для всѣхъ подданныхъ нашихъ, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то *уваженіе къ закону*, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть *постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго*".

Памятныя слова, заслуживающія того, чтобы ихъ заучивала молодежь наизусть, подобно тому, какъ въ Римѣ заучивались *carmina* XII таблицъ!!

Указъ заканчивался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого *великаго* дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ, по волѣ Нашей, на *новыхъ* началахъ образуемаго..."

Таково было происхожденіе этого великаго законодательнаго акта, „истекавшаго, какъ вѣрно замѣчено его авторами, не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ" [1]), акта, который, по мѣткому замѣчанію В. П. Безобразова, „есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ *умственный* памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею честью нашего времени" [2]). И что тутъ нѣтъ національнаго самообольщенія, тому лучшее доказательство—отзывы иностранцевъ. Такъ Лероа-Больe, отдавая полную справедливость трудамъ дѣятелей судебной реформы, умѣло заимствовавшихъ все лучшее изъ иностранныхъ законодательствъ, поясняетъ и причину сравнительно большого успѣха судебной реформы, при чемъ развиваетъ тѣ же мысли, которыя въ 1860 году высказывалъ М. Н. Катковъ о необходимости радикальной реформы судовъ (см. выше § 1). „Если,—говоритъ г. Лероа-Больe,—судебная реформа была задумана и осуществлена шире, чѣмъ другія реформы Александра II, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что она имѣетъ основаніемъ не эмпирическія данныя и минутныя соображенія, *а общія*

---

[1]) См. предисловіе къ Судебн. Устав., изд. Госуд. Канцеляріи 1886 года, стр. III.
[2]) „*Русск. Вѣстн.*", 1866 г., № 10.

идеи, усвоенныя всѣми новыми націями, и практику наиболѣе цивилизованныхъ государствъ“ [1]).

Спустя нѣсколько лѣтъ по введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, въ 1870 году проф. каноническаго права Московскаго университета Н. К. Соколовъ такъ опредѣлялъ громадное культурное значеніе судебной реформы 1864 г. „Судъ, основанный на твердыхъ началахъ,—писалъ онъ,—независимый отъ внѣшнихъ и случайныхъ вліяній и пользующійся общественнымъ довѣріемъ, есть, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ величайшихъ благодѣяній, какое только можетъ доставить государство своему гражданину. Не говоримъ здѣсь о внѣшнихъ преимуществахъ, о практической пользѣ, которую можетъ доставить правильно устроенный судъ, обезпечивая гражданина въ справедливомъ пользованіи всѣми его правами и предоставляя всѣ средства къ огражденію и возстановленію ихъ—эта сторона очевидна для всякаго, но она еще не самая важная. *Важнѣе*, по нашему мнѣнію, то нравственно-*воспитательное* вліяніе, какое оказываетъ такой судъ на общество. Онъ воспитываетъ какъ власть, представляющую собою правосудіе и служащую для него органомъ, такъ и *всѣхъ членовъ общества*, прибѣгающихъ къ содѣйствію правосудія и со стороны наблюдающихъ за его отправленіями. Въ этомъ отношеніи вліяніе суда быть можетъ еще могущественнѣе, чище и нравственно выше на послѣднюю группу *простыхъ наблюдателей*, нежели на первую, матеріально заинтересованную въ отправленіяхъ правосудія. Развивая въ нихъ чувство *законности, правды и уваженія къ личности и интересамъ другихъ*, судъ въ то же время возвышаетъ собственное личное самосознаніе и достоинство, *воспитываетъ увѣренность, энергію личной дѣятельности* во многихъ случаяхъ, когда отсутствіе прочныхъ гарантій могло бы совершенно парализовать ее. Фактъ не новый и легко наблюдаемый, что въ томъ обществѣ, которое пользуется благодѣяніями раціонально устроеннаго правосудія, дѣятельность частныхъ лицъ гораздо свободнѣе, энергичнѣе, открытѣе, бодрѣе; человѣкъ какъ-то правильнѣе и свободнѣе движется въ тѣхъ предѣлахъ, внутри которыхъ поставлена его служебная или частная дѣятельность. Напротивъ, *безличность, задавленность, вялость*, отсутствіе всякой энергіи, наклонность выбирать окольные пути, вмѣсто прямой дороги, къ совершенно ясной цѣли, боязнь, часто безпричинно убивающая живую и свободную дѣятельность, и, наконецъ, затемнѣніе въ понятіяхъ и жизни самыхъ представленій о правомъ и неправомъ, о законномъ и незаконномъ и образованіе цѣлой системы *условныхъ правъ*,

---

[1]) „L'empire des Tzars„, II, 291.

условныхъ законовъ [1]), допускающихъ различныя изъятія и нарушенія— вотъ явленіе, обыкновенно наблюдаемое въ тѣхъ обществахъ, гдѣ правосудіе находится въ рукахъ произвола и не имѣетъ строго опредѣленныхъ основаній и гарантій [2]).

Таково было колоссальное значеніе изданія Судебныхъ Уставовъ, составившихъ эпоху въ исторіи русской гражданственности.

---

[1]) См. ст. Н. Соколова „О началахъ и формахъ духовнаго суда“, стр. 21—3: „*Православнаго Образованія*“ 1870, № 5.

[2]) См. выше въ главѣ VII слова Аксакова о „будто-бы законахъ“.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Предтечи гласнаго суда.

(Апрѣль—октябрь—1865—1890 гг.).

Избави насъ, Боже, отъ всякой вещи, во тьмѣ преходящей!

М. Катковъ.

I.

Начало нашего новаго гласнаго судопроизводства обыкновенно принято относить ко времени открытія новыхъ судебныхъ учрежденій, дѣйствующихъ на основаніи Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. Такой счетъ не совсѣмъ правиленъ. Гласный судъ, т.-е. публичное судоговореніе, начался у насъ еще въ старыхъ учрежденіяхъ, въ силу закона 11-го октября 1865 г., перенесшаго туда нѣкоторыя начала новаго процессуальнаго строя и въ томъ числѣ гласность.

Но еще ранѣе изданія этого закона, весною 1865 г., *впервые* [1]) публика ознакомилась съ гласнымъ процессомъ въ тяжелой обстановкѣ воен-

---

[1]) Впрочемъ, въ интересахъ исторической точности слѣдуетъ отмѣтить къ чести Редакціонной Комиссіи, что начатки гласности впервые введены были ею въ Полож. о крест. (Ст. 57 Полож. о губерн. и уѣздн. присут.). Но гласность, какъ и другія либеральныя начала Положенія 19-го февраля (такъ, напр., несмѣняемость мировыхъ посредниковъ), была фактически упразднена, благодаря тому систематическому извращенію духа освободительной хартіи, которое практиковалось при П. А. Валуевѣ (см. выше главу V, § 2). Уже осенью (1862) С. С. Громека писалъ въ „*Отечеств. Запискахъ*“: „само правительство установило гарантіи въ видѣ гласности, а между тѣмъ и публичность, и гласность исчезли быстро, яко исчезаетъ дымъ всякаго русскаго либерализма“. — (См. № 11, стр. 7). — На Кавказѣ гласное судоговореніе по манежнымъ дѣламъ открыто было въ 1862 г.—(См. нижэ § „Е. П. Старицкій“).

ныхъ *полевыхъ* судовъ, которые учреждались, въ силу особыхъ Высочайшихъ повелѣній, по дѣламъ особой важности [1]). Первый такой судъ происходилъ въ апрѣлѣ 1865 года въ Новгородѣ для сужденія четырехъ лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ вдовы надв. совѣтн. Лейтенфельдъ. Въ тогдашнихъ газетахъ мы находимъ очень мало данныхъ, могущихъ возстановить ходъ и обстановку *перваго* гласнаго процесса. Изъ „*Петербургскихъ Вѣдомостей*“ мы узнаемъ только, что разбирательство происходило въ крайне неудобномъ помѣщеніи уѣзднаго суда, что публики набралось въ судѣ очень много, что въ залъ засѣданія пускали только „въ мундирахъ“. Всѣ четверо подсудимыхъ были приговорены къ разстрѣлянію.

Гораздо больше подробностей сохранилось *о первомъ гласномъ процессѣ*, разбиравшемся *въ Москвѣ* 29-го мая 1865 г. Онъ также имѣлъ мѣсто въ *военно-полевомъ судѣ*. Суду его, по Высочайшему повелѣнію, были преданы: временно отпускной солдатъ Комаровъ и крестьяне Черемухинъ и Щукинъ, по обвиненію въ убійствѣ и ограбленіи кабатчика Подшивалова и его жены и нанесеніи смертельныхъ ранъ тремъ его дочерямъ.

Полный стенографическій отчетъ по этому дѣлу, составленный учениками А. Н. Артоболевскаго, мы находимъ въ „*Современной Лѣтописи*“ [2]). Засѣданіе происходило въ бывшей гостиницѣ „Европа“, на Солянкѣ, въ помѣщеніи управленія мѣстныхъ войскъ. Стеченіе публики было громадное. Судъ начался въ 2 часа. Предсѣдательствовалъ полковникъ Святогоръ-Штепинъ, обвинялъ Л. Л. Цвиленевъ, защищалъ кандидатъ правъ А. В. Зоринъ.

Судоговореніе началось обвинительною рѣчью прокурора, который, какъ гласитъ отчетъ, произнесъ обвиненіе мѣрнымъ и стройнымъ голосомъ. Небольшая стычка между сторонами произошла въ то время, когда прокуроръ сталъ показывать „публикѣ“ (sic) шкворень, найденный въ избѣ одного изъ подсудимыхъ...

Защитникъ. Шкворень, находящійся въ судѣ, не тотъ самый, которымъ совершено преступленіе.

Прокуроръ. Шкворень на подобіе этого.

Предс. Черемухинъ. Это не тотъ шкворень?

---

[1]) До изданія Судебныхъ Уставовъ преданіе военному суду за общегражданскія преступленія было явленіемъ обычнымъ. Помимо дѣлъ, передаваемыхъ военному суду по особымъ повелѣніямъ, Сводъ Законовъ допускалъ до 40 случаевъ передачи дѣлъ военному суду. Судебные Уставы отмѣнили этотъ порядокъ, исходя изъ того соображенія, что всякія спеціальныя коммиссіи, назначаемыя для суда по извѣстному дѣлу, вызываютъ основательное недовѣріе (см. стр. 25—28 т. XVIII „Дѣла о преобраз. суд. части“, а также главу XIII моихъ „Основъ судебной реформы“).

[2]) См. № 22 іюня 1865.

Прок. На подобіе.

Черемухинъ. Тотъ мы бросили.

Прок. Ну да, подобный этому, я говорю.

Затѣмъ начался допросъ подсудимыхъ, при чемъ предсѣдатель говорилъ съ ними на *ты*.

Черемухинъ, сознавшійся на предварительномъ слѣдствіи, сталъ рѣшительно отрицать свою виновность. На вопросъ прокурора, почему онъ прежде давалъ другое показаніе, Черемухинъ отвѣчалъ: ваше благородіе! слѣдователь Щелкаловъ билъ на слѣдствіи два раза, схватилъ ножъ и замахнулся на меня.

Предс. Ну, хорошо, а вы не сговаривались съ Комаровымъ?

Черемухинъ. Съ Комаровымъ?

Предс. Да, да.

Черемухинъ. Съ нимъ... я... нѣтъ... не могу знать.

Предс. (обращаясь къ священнику). Позвольте попросить васъ, батюшка, сказать преступнику (*sic*!), что нераскаяніе есть одинъ изъ тягчайшихъ грѣховъ.

Священникъ, надѣвъ эпитрахиль и взявъ крестъ и Евангеліе, началъ увѣщевать тихимъ голосомъ.

Черемухинъ. Ей-Богу, батюшка, такихъ дѣловъ не дѣлалъ. Никто во всей деревнѣ на меня не пожалится; кажется, курицы не обидѣлъ. Что я сказалъ вамъ правду, вотъ вамъ, коли хотите, и крестъ Христовъ, и святое Евангеліе. А я знать ничего не знаю и не виноватъ, вотъ что!..

Энергичная защита и неожиданное упорное запирательство подсудимаго, повидимому, произвели и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и на публику сильное впечатлѣніе.

Между прокуроромъ и защитникомъ начался слѣдующій любопытный діалогъ.

Прокуроръ. Что вы думаете, г. защитникъ, о такомъ запирательствѣ преступника?

Защитникъ. Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ. Сознаться или не сознаться за подсудимыхъ я не могу—это дѣло ихъ самихъ.

Прок. Однако объясненіе этого запирательства необходимо. Вы *видѣлись* съ подсудимымъ въ мѣстахъ заключенія и читали самое дѣло...

Черемухинъ. Я говорю, какъ передъ смертью.

На этомъ заканчивается допросъ Черемухина; его уводятъ и вводятъ въ залъ Комарова. Онъ сознается, но сваливаетъ главную вину на другихъ подсудимыхъ.

Защитн. Это сознаніе подкрѣплено обстоятельствами дѣла и прежнимъ показаніемъ Черемухина.

Свящ. Что тебя принудило быть участникомъ въ убійствѣ?

Комаровъ. Я сознаюсь какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, батюшка. Я рѣшился обворовать Подшивалова, но намѣренія убить не имѣлъ.

Вводятъ третьяго подсудимаго Щукина. Щукинъ также запирается и объясняетъ возбужденіе обвиненія наущеніемъ „зловреднаго“ шурина своего. На увѣщанія священника онъ отвѣчаетъ: „ну, что же, поцѣлую... вѣдь и у насъ есть батьки“ (съ наглостью хватаетъ и цѣлуетъ крестъ). На замѣчаніе предсѣдателя, что крестьяне не одобрили поведенія подсудимыхъ, Щукинъ скороговоркою отвѣчаетъ: „помилуйте, гг. сенаторы! крестьяне говорятъ по злобѣ, потому что я не попалъ въ рекруты. Ваше благородіе, войдите въ мое положеніе и гражданскій (губернаторъ) князь Оболенскій ..

Прокур. (перебивая его). Это не идетъ къ дѣлу.

Защитн. Дайте ему говорить, можетъ и договорится до чего-нибудь. Запрещать подсудимому оправдываться нельзя.

Прокур. Это не есть запрещеніе, а оцѣнка выслушаннаго.

Щукинъ. Князь гражданскій Оболенскій, губернаторъ, сказалъ мнѣ: „въ Богородскѣ не возьмутъ, а въ Москвѣ я самъ буду, а съ тобой языкъ будетъ...“

Прокур. Зачѣмъ ты путаешься?

Щукинъ. Зачѣмъ? Потому что, гг. сенаторы, крестьяне по злобѣ показывали и проч. На этомъ окончился допросъ подсудимыхъ. Свидѣтелей не допрашивали.

Защитн. (взволнованнымъ голосомъ) началъ свою рѣчь такъ: Сами обстоятельства разсказаннаго дѣла такъ отчетливо представили суду и *публикѣ* картину страшнаго злодѣянія, а г. прокуроръ такъ убѣдительно вывелъ свои обвиненія что въ глубинѣ совѣсти каждаго изъ присутствующихъ уже составлено убѣжденіе въ безусловной виновности подсудимыхъ.

Затѣмъ защитникъ старался предостеречь судей отъ увлеченія и, выяснивъ роль каждаго изъ подсудимыхъ, находилъ, что не всѣ они одинаково виновны. Указывая на то, что показаніе маленькой дѣвочки Тани служитъ главнымъ базисомъ обвиненій, защитникъ замѣтилъ, что „хотя младенецъ и не можетъ солгать,—ложь есть принадлежность взрослыхъ,—но дѣвочка могла и ошибиться въ своихъ показаніяхъ“. Закончилъ защитникъ свою рѣчь слѣдующими словами: „помните, что примѣненіе страшнаго наказанія ко всѣмъ тремъ преступникамъ будетъ болѣе, нежели несправедливо, будетъ тяжкій грѣхъ; вспомните несчастные процессы невинно-казненныхъ, вспомните „Послѣдній день“ Виктора Гюго, когда осужденный на смертную казнь любуется во время чтенія приговора солнечнымъ зайчикомъ, играющимъ на стѣнѣ тюрьмы; вспомните, что заточеніе въ рудникахъ тяжелѣе моментальнаго страданія. Не отнимайте у общества три рабочія единицы,—въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи, они все-таки будутъ ему полезны. Не отнимайте у подсудимыхъ возможности раскаяться въ своемъ преступленіи передъ Богомъ и людьми. При послѣднихъ словахъ арестанты бросились съ воплемъ на колѣни. „Пожалѣйте насъ, несчастныхъ,—вопили они,—и войдите въ наше горемычное положеніе“.

Публика, не привыкшая къ сценамъ публичнаго суда, была потрясена этимъ эпизодомъ и выразила свое сочувствіе къ рѣчи защитника громкими рукоплесканіями, которыя, впрочемъ, были прекращены по первому слову предсѣдателя.

Судъ приговорилъ всѣхъ троихъ къ *разстрѣлянію*.

Описанный процессъ и раздавшіеся аплодисменты произвели въ обществѣ сенсацію. Въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*“ появилось письмо, въ которомъ ставилось на видъ защитнику, что онъ не долженъ былъ стремиться вліять на чувства судей, не имѣвшихъ по закону полевого судопроизводства даже права допускать смягчающія обстоятельства и поставленныхъ между диллемою оправданія или присужденія къ смертной казни.

Редакціонная статья „*Московскихъ Вѣдомостей*“ [1]), не вполнѣ раздѣляя точку зрѣнія автора письма, однако сочла нужнымъ указать на существо-

---

[1]) 1866 г., № 13.

ваніе двухъ типовъ адвокатуры—французской и англійской. Отдавши всѣ свои симпатіи послѣдней, отличающейся дѣловитостью и свободой отъ риторики, статья приходила къ заключенію, что наша адвокатура должна бы идти по стопамъ англійской, способствовать правильному приложенію закона. Нельзя, однако, не замѣтить, что совершенно упускались изъ виду въ этихъ нотаціяхъ условія дѣятельности англійскаго суда и военно-полевого суда. Тогда какъ первый отъ смертной казни можетъ переходить къ кратковременному аресту, полевой судъ не можетъ дать снисхожденія. Къ чему же, при такихъ условіяхъ, сводится роль защиты?

II.

Въ 1865 году было еще нѣсколько гласныхъ процессовъ военно-полевого суда, но мы касаться ихъ не будемъ и перейдемъ къ гласности въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ она введена была закономъ 11-го октября 1865 года и изъ явленія случайнаго превратилась въ правильное постоянное.

Когда въ правительственныхъ сферахъ окончательно воспреобладала мысль о невозможности одновременнаго введенія въ дѣйствіе Судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года во всей Европейской Россіи, то было признано необходимымъ хоть нѣсколько обновить и освѣжить прогнившее зданіе стараго суда. Съ этою цѣлью было рѣшено ввести въ нашъ старый процессъ нѣкоторые элементы судебной реформы, и въ томъ числѣ устность и гласность. Таковы мотивы, приведшіе къ изданію такъ называемыхъ „облегчительныхъ“ правилъ 11-го октября 1865 г., дѣйствующихъ и понынѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ не открыты еще новые суды.

Вслѣдъ за изданіемъ этихъ правилъ были разосланы министромъ юстиціи, Д. Н. Замятнинымъ, составленныя имъ правила о порядкѣ допущенія постороннихъ лицъ къ присутствію при докладѣ въ судебныхъ мѣстахъ. Содержаніе этихъ правилъ таково: предсѣдатель судебнаго мѣста, соображаясь съ обширностью и удобствомъ помѣщенія, опредѣляетъ, какое число лицъ можетъ быть допущено въ присутственную комнату, о чемъ вывѣшивается объявленіе въ пріемной комнатѣ. Публика допускается по билетамъ, или безъ билетовъ, по усмотрѣнію предсѣдателя. До чего былъ великъ страхъ предъ новымъ обрядомъ гласности, можно судить по тому, что предсѣдателю предоставлялось для предупрежденія безпорядковъ требовать отъ публики, получающей билеты, расписки въ книгѣ.

Съ октября 1865 года сталъ функціонировать *впервые нашъ гласный судъ* гражданскаго вѣдомства. Въ этотъ день происходило въ Петербургѣ засѣданіе первыхъ трехъ департаментовъ сената въ присутствіи министра юстиціи Д. Н. Замятнина и его товарища Н. И. Стояновскаго. Первыми

опытами гласности публика очень мало интересовалась: на помянутое засѣданіе общаго собранія явилось „наибольшее число лицъ“, а это число было 20, въ другихъ департаментахъ бывало отъ 5 и до 10. Впрочемъ, и число мѣстъ, отведенныхъ для публики, было крайне ограничено; такъ, въ общемъ собраніи было всего 20 мѣстъ.

„*Журналъ Министерства Юстиціи*“, какъ бы недоумѣвая предъ равнодушіемъ публики, старался объяснить его недостаточнымъ знакомствомъ публики съ открытіемъ гласнаго суда [1]). И дѣйствительно, въ послѣдующіе дни число посѣтителей въ департаментахъ с.-петербургской уголовной палаты доходило до 70, а въ харьковской палатѣ дошло до 300. Вообще, въ провинціи гласное судопроизводство произвело, повидимому, большую сенсацію, благодаря пустотѣ провинціальной жизни... Такъ, изъ Екатеринослава писали въ „*Журналъ Министерства Юстиціи*“, что 1-го декабря, когда слушалось одно интересное дѣло, посѣтителей собралось такъ много, что должны были отворить дверь въ переднюю, чтобы могли слушать столпившіеся тамъ посѣтители (въ томъ числѣ и дамы), и многіе должны были возвратиться домой по недостатку мѣста...

Первыя адвокатскія рѣчи произвели благопріятное впечатлѣніе. Оффиціальный „*Журналъ Министерства Юстиціи*“ констатировалъ фактъ, что наша адвокатура не впадаетъ въ недостатки французской и приближается къ англійскому образцу, заботясь о дѣльности рѣчей, а не о цвѣтахъ краснорѣчія.

На подсудимыхъ гласное судоговореніе производило довольно сильное впечатлѣніе. Въ противоположность вышеприведеннымъ образчикамъ упрямаго запирательства на военно-полевомъ судѣ, предсѣдатель екатеринославской уголовной палаты свидѣтельствуетъ, что „хотя подсудимые и утверждали прежнія показанія, но въ отвѣтахъ ихъ замѣтны были нерѣшительность и смущеніе, при чемъ они искоса посматривали на публику“ [2]).

Первые шаги гласности произвели на общество очень сильное впечатлѣніе. Какъ ни скверны были формы нашего стараго судопроизводства, все же оно нѣсколько улучшилось подъ освѣжающимъ вліяніемъ гласности. Съ первыхъ же мѣсяцевъ стало замѣтно ускореніе движенія дѣлъ; исконное недовѣріе къ суду, обусловленное канцелярскою тайною, стало ослабѣвать; послѣ рутины, буквоѣдства и жестокости стали проникать въ судъ болѣе здравыя и гуманныя начала. Словомъ, преимущества гласнаго судопроизводства сразу и наглядно для всѣхъ обнаружились, и русское общество съ радостнымъ нетерпѣніемъ стало ожидать открытія *настоящаго* гласнаго суда, которое уже было не за горами...

---

[1]) См. „*Журналъ Министерства Юстиціи*“, 1865 г., № 9, стр. 203
[2]) „*Журналъ Министерства Юстиціи*“, 1865 г., № 12, стр. 637.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Открытіе «новаго суда» въ Петербургѣ.

(Справка къ 30-тилѣтію).

———

Окружный судъ есть для народа училище правовѣдѣнія.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій.

Всякій чувствуетъ, что безъ новаго суда невозможна никакая безопасность, и всякій ожидаетъ его, какъ манны небесной.

А. В. Никитенко.

Съ упроченіемъ новаго судопроизводства становится возможнымъ жить въ Россіи, какъ въ странѣ цивилизованной.

М. Катковъ (1866 г.).

I.

Съ утвержденіемъ образцовыхъ [1]) Судебныхъ Уставовъ самая главная задача судебной реформы была разрѣшена. Оставалось обсудить порядокъ ихъ введенія въ дѣйствіе. Несмотря на сравнительно второстепенное значеніе этой стадіи дѣла, она заняла довольно много времени—безъ малаго

---

[1]) Читалъ, заноситъ 5-го декабря 1864 г. въ свой „Дневникъ“ проф. Никитенко, обнародованные на дняхъ законы о судахъ. Вотъ великолѣпный монументъ нашего времени! Дѣло это станетъ рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Между тѣмъ, о немъ, за исключеніемъ небольшого круга непосредственно соприкасающихся съ этимъ дѣломъ, очень мало говорятъ и думаютъ въ обществѣ. Какая-нибудь журнальная сплетня производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ это *безсмертное* дѣло. Я пробовалъ говорить объ этомъ хоть съ нѣкоторыми изъ товарищей по академіи, но нашелъ мало сочувствія („Русск. Стар.“, 1891, № 6, стр. 420),

годъ, что особенно бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что сами Судебные Уставы составлены были почти въ $2^1/_2$ года (январь 1862—ноябрь 1864 г.). При обсужденіи вопроса о порядкѣ введенія судебной реформы пришлось считаться съ практическими затрудненіями и возраженіями, подъ которыми, впрочемъ, лежало довольно важное теоретическое разномысліе.

Одно направленіе—представителемъ его былъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. П. П. Гагаринъ—высказывалось за одновременное и повсемѣстное введеніе судебной реформы, но съ постепеннымъ увеличеніемъ соетава судовъ; другой взглядъ—представителемъ его былъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ—высказывался за введеніе реформы, въ видѣ опыта, въ одномъ или двухъ округахъ, но въ полномъ объемѣ.

Императоръ Александръ II, заслушавъ оба мнѣнія въ Совѣтѣ Министровъ, повелѣлъ 12-го января 1865 года образовать для выработки окончательнаго плана введенія судебной реформы комиссію подъ предсѣдательствомъ того же В. П. Буткова, который стоялъ во главѣ комиссіи, составлявшей проекты Судебныхъ Уставовъ [1]). Въ составъ этой *второй* Бутковской комиссіи вошли знаменитые дѣятели судебной реформы: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, А. М. Плавскій, а также юристы: П. А. Зубовъ, Я. Г. Есиповичъ, М. Е. Ковалевскій, О. И. Квистъ, Н. Г. Принтцъ, Г. К. Рѣпинскій и А. А. Книримъ.

На дѣятельности комиссіи отразилось дѣйствіе обычнаго въ нашей государственной и общественной жизни явленія: послѣ кратковременнаго лихорадочнаго возбужденія, поражающаго иной разъ громаднымъ своимъ подъемомъ, наступаетъ быстрое охлажденіе, упадокъ энергіи, если не преждевременное разочарованіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Члены комиссіи относились съ полнымъ сочувствіемъ къ либеральнымъ основамъ Судебныхъ Уставовъ, но по вопросу о времени и порядкѣ введенія ихъ мнѣнія раздѣлились на двѣ группы—на радикальную и умѣренную.

Къ послѣдней принадлежало большинство комиссіи, и оно отстаивало мнѣніе министра юстиціи Д. Н. Замятнина, который считалъ, въ виду новости дѣла, возможнымъ лишь постепенное введеніе Уставовъ въ видѣ опыта, начавъ съ столичныхъ судебныхъ округовъ. Меньшинство же (въ составъ его входили: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, О. И. Квистъ) полагало необходимымъ единовременное введеніе новыхъ судебныхъ установленій на всей территоріи Европейской Россіи, съ тѣмъ, чтобы персоналъ ихъ пополнялся постепенно, по мѣрѣ накопленія дѣлъ въ судебныхъ округахъ.

---

[1]) См. т. LXV „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ № 12, стр. 12 и слѣд.

Считая невозможнымъ передавать всѣ подробныя соображенія, приведенныя обѣими сторонами въ пользу ихъ плана, познакомимъ съ нѣкоторыми доводами меньшинства. Стремленіе къ опыту, говоритъ оно, положительно вредно, какъ потому, что въ настоящее время не опытъ нуженъ, а введеніе Уставовъ въ дѣйствіе, такъ и потому, что опытъ, устроенный на невѣрныхъ началахъ, приводитъ къ фальшивымъ выводамъ и пагубнымъ результатамъ. Судебные Уставы это—*цѣльная, живая органическая сила*, которая можетъ обнаружить свое значеніе и желаемое дѣйствіе только въ цѣльной, а не въ разрозненной части Россіи. При опытѣ въ разрозненныхъ мѣстностяхъ можно придти къ отмѣнѣ, если не всего лучшаго, что есть въ Уставахъ, то многаго. Если по финансовымъ соображеніямъ нельзя повсемѣстно ввести Судебные Уставы, то, по мнѣнію меньшинства, лучше бы вовсе отложить введеніе ихъ.

На самомъ дѣлѣ финансовыя соображенія, повидимому, служили лишь благовиднымъ флагомъ, подъ которымъ скрывалось скорѣе преждевременное охлажденіе къ судебной реформѣ, подъ вліяніемъ реакціи, особенно усилившейся послѣ событій 1863 г. [1]). На это указываетъ прежде всего то обстоятельство, что при осуществленіи плана меньшинства требовался расходъ гораздо меньшій, нежели тотъ, который былъ предположенъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1862 г., при разсмотрѣніи основныхъ началъ судебной реформы. Въ 1862 г. Совѣтъ находилъ, что на судебную реформу нужно ассигновать до 9 милліоновъ и разсуждалъ такъ: *никакая цифра* не должна останавливать введенія въ дѣйствіе судебнаго преобразованія, безусловная важность и безотлагательная потребность котораго не подлежитъ сомнѣнію и давно уже признана правительствомъ“ [2]), а въ 1865 г. даже проектируемый трехмилліонный расходъ на открытіе новаго суда встрѣчалъ возраженіе. Что въ данномъ случаѣ главную роль игралъ именно страхъ передъ „радикализмомъ“ [3]) судебной реформы,

---

[1]) 17-го іюня 1865 г. акад. Никитенко, въ числѣ другихъ признаковъ реакціи отмѣчаетъ въ „Дневникѣ“: Говорятъ, что судебная реформа откладывается въ долгій ящикъ. А между тѣмъ ею возбуждена томительная жажда. Всякій чувствуетъ, что безъ нея невозможна никакая безопасность, и всякій ожидаетъ ея какъ *манны небесной*. Но административная или *бюрократическая сила не хочетъ выпустить власти* изъ своихъ рукъ („Русск. Стар.“, 1891, № 6, стр. 652).

[2]) Т. XIX. „Дѣла о преоб. суд. чист., „Журн. Госуд. Совѣта“, 1862 г., № 65, стр. 336—367.

[3]) Многіе думаютъ, писалъ М. Н. Катковъ въ защиту радикализма, что правило благоразумія требуетъ не *вдругъ* заводить хорошее, но понемножку, по частямъ. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принести пользу только тогда, когда взяты ея начала *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Важны не разрозненныя части системы, важенъ *жизненный духъ ея, важны ея начала*. („Русск. Вѣст.“, 1860, № 2).

„предъ невозможностью справиться съ учрежденіями, заимствованными изъ иностранныхъ законодательствъ“, это видно также и изъ заключенія министра финансовъ Рейтерна, который на-ряду съ финансовыми затрудненіями и чуть не съ большею настойчивостью указывалъ на затрудни тельность пріисканія достаточнаго числа лицъ даже для замѣщенія судебныхъ должностей въ двухъ округахъ [1]).

Въ виду этого, меньшинство комиссіи сочло себя вынужденнымъ еще разъ коснуться тѣхъ возраженій, которыя приводились раньше, въ 1862 г., противъ плана радикальной судебной реформы и устранены были тогда же. Противъ довода, что общество не подготовлено, приводилось слѣдующее возраженіе: „если законодательныя предположенія правильны, то они *благовременны*: трудно думать, чтобы люди гдѣ-нибудь и когда-нибудь были приготовлены къ дурному и были не зрѣлы для хорошаго. Разумный законъ, разсуждаетъ меньшинство, никогда не сдѣлаетъ зла. Можетъ быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона новаго онъ не будетъ исполняемъ согласно съ истиннымъ его смысломъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ же глубоко пуститъ свои корни (какъ извѣстно, эта разумная вѣра вполнѣ оправдалась, въ особенности относительно суда присяжныхъ) и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства“.—Иные „патріоты“ даже въ наше время поднимаютъ на смѣхъ этотъ „оптимистическій и идеалистическій“ взглядъ и съ ироніею указываютъ на невозможность примѣненія современнаго европейскаго строя къ „дикарямъ“ Дагестана [2]). Но „легкомысленные“ либералы судебной реформы не были такими плохими патріотами, чтобы русскій народъ приравнивать къ „дикарямъ“.

Опасеніе затрудненій въ Приложеніи Судебныхъ Уставовъ, говорили ихъ составители, неосновательно, такъ какъ Уставы эти основаны на началахъ, выработанныхъ не одною только теоріею, но и опытомъ *всего образованнаго человѣчества*. Опасеніе непримѣнимости этихъ началъ къ нашей общественной жизни столь же немыслимо, какъ и сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ *общечеловѣческія способности и потребности* [3]).

Затѣмъ, переходя къ обсужденію вопроса, дѣйствительно ли невоз-

---

[1]) См. т. *LXIX* н. д., стр. 36, оконч. сообр. комиссіи.

[2]) См. поразительные своимъ легкомысліемъ „Очерки современной Россіи“ стр. 402.—А. М. Унковскій признавалъ столь естественнымъ судъ присяжныхъ, что считалъ его примѣнимымъ даже и къ дикарямъ (См. выше главу 1 § 9).—Въ 1895 г. при министерствѣ юстиціи созвано было совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ и оно почти единогласно (18 голосовъ противъ 2) признало дѣятельность суда присяжныхъ безупречною. См. статью руководителя совѣщанія А. Ѳ. Кони въ № 4 „*Журн. Мин. Юст.*“ 1895 г., а также брошюру мою „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“. М., 1895.

[3]) См. н. д., т. LX. Сообр. ком., ст. 34.

можно повсемѣстное введеніе судебной реформы по неимѣнію финансовыхъ средствъ и достаточнаго, подготовленнаго персонала юристовъ, меньшинство высказываетъ слѣдующія соображенія: „Недостатокъ денежныхъ средствъ, коими можетъ располагать правительство, независимо отъ общихъ экономическихъ условій, происходитъ въ особенности отъ несовершенства основныхъ органовъ отправленія правосудія, составляющаго главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги безъ кредита не составляютъ капитала производительнаго, а кредита не можетъ быть при безпорядкѣ въ судебномъ вѣдомствѣ, и потому, если дѣйствительно нѣтъ денегъ, то усовершенствованія судоустройства не только полезны, но и необходимы, и горестное обстоятельство, что денегъ нѣтъ, составляетъ не возраженіе противъ усовершенствованій, а доказательство ихъ необходимости.

„Недостатокъ людей еще менѣе можетъ,—разсуждало меньшинство,—остановить правильныя предположенія преобразованія судебныхъ мѣстъ. Законы не могутъ создавать людей, но тѣмъ не менѣе, если законы таковы, что люди находятъ въ нихъ средство для достиженія дурныхъ цѣлей, то люди развращаются; если законы эти такъ неясны, что ихъ не понимаютъ и не могутъ понять, то люди и не знаютъ законовъ; если законы таковы, что они не могутъ быть строго исполняемы даже добросовѣстными людьми, то люди не исполняютъ законовъ, а потому, если возраженія о недостаткѣ людей понять въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно приводится, т.-е., что нѣтъ достаточнаго числа людей добросовѣстныхъ, знающихъ законы и могущихъ ихъ приводить въ дѣйствіе, то усовершенствованія законовъ становятся необходимыми, ибо безъ того и не будетъ людей въ этомъ смыслѣ; слѣдовательно и это возраженіе составляетъ также не возраженіе, а доказательство необходимости преобразованія судоустройства въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законы по этому предмету считаются по какой-либо причинѣ недостаточными. При томъ не слѣдуетъ преувеличивать недостатка собственно въ образованныхъ юристахъ. У насъ существуютъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шесть университетовъ, четыре лицея и училище правовѣдѣнія. Число обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ юридическимъ наукамъ не можетъ быть незначительно. Изъ окончившихъ курсъ въ одномъ училищѣ правовѣдѣнія состоитъ на службѣ 435 юристовъ. Если вообще до сихъ поръ въ судебномъ вѣдомствѣ было немного образованныхъ юристовъ, то явленіе это объясняется тѣмъ, что доселѣ всѣ служебныя преимущества и законныя выгоды были не на сторонѣ судебнаго вѣдомства. Но если судебная часть получитъ организацію, достойную ея важнаго назначенія, и если служба по судебному вѣдомству, какъ того требуетъ справедливость и польза, будетъ имѣть особенныя преимущества, то не подлежитъ сомнѣнію, что

число образованныхъ юристовъ, желающихъ служить на томъ поприщѣ, къ которому они преимущественно приготовлялись въ училищахъ, будетъ весьма достаточно для преобразованія судебной части".

Мнѣнія большинства и меньшинства Бутковской комиссіи были переданы на заключеніе министровъ, сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ и спеціалистовъ, знакомыхъ теоретически и практически съ процессомъ [1]). Среди *практиковъ* многіе одобряли мнѣніе меньшинства.

При окончательномъ обсужденіи вопроса было принято Государственнымъ Совѣтомъ мнѣніе большинства Бутковской комиссіи и, такимъ образомъ, рѣшено было ввести Судебные Уставы только въ с.-петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ (въ 10 губерніяхъ) съ тѣмъ расчетомъ, чтобы во всей Европейской Россіи открыть новые суды въ теченіе четырехъ лѣтъ (на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно даже къ двадцатипятилѣтію не осуществлено это намѣреніе). Что касается вопроса объ отдѣльномъ введеніи мировыхъ установленій, то въ Государственномъ Совѣтѣ возникло разногласіе: 17 членовъ [2]) полагали возможнымъ ввести ихъ въ 19 губерніяхъ, 24 [3]) признавали такое частное введеніе неудобнымъ.

II.

19-го октября 1865 г. было Высочайше утверждено Положеніе о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ въ двухъ судебныхъ округахъ— с.-петербургскомъ и московскомъ. Тотчасъ послѣ обнародованія Положенія начались въ министерствѣ юстиціи, подъ высшимъ наблюденіемъ министра Д. Н. Замятнина и при главномъ руководствѣ товарища его Н. И. Стояновскаго, обширныя и разнообразныя подготовительныя работы по открытію новыхъ судебныхъ установленій. Предстояла масса кропотливой и хлопотливой работы по ликвидаціи старыхъ судовъ по устройству внутренняго быта новаго суда. Въ теченіе полугода въ департаментѣ министерства юстиціи (директоромъ въ это время былъ баронъ Врангель, вице-директоромъ Б. Н. Хвостовъ) кипѣла работа, можно сказать, день и

---

[1]) См. т. LXIII Дѣла о преобр. суд. части.

[2]) Кн. Гагаринъ, гр. Сумароковъ, Бахтинъ, Норовъ, кн. Горчаковъ, Брокъ Мятлинъ, Ковалевскій, Княжевичъ, Назимовъ, Тымовскій, Платоновъ, Мухановъ, гр. Толстой, Гернгроссъ.

[3]) Великій князь Константинъ Николаевичъ, гр. Клейнмихель, бар. Корфъ, графъ Строгановъ, Танѣевъ, Гасфортъ, Литке, гр. Паниинъ, Плаутинъ, гр. Муравьевъ 2-й, гр. Муравьевъ-Амурскій, Игнатьевъ, кн. Суворовъ, бар. Ливенъ, Толстой, Д. Милютинъ, Валуевъ, Рейтернъ, Татариновъ, Н. Милютинъ, Замятнинъ, Граббе, Герстфельдъ, Мезенцевъ.

ночь. Министерство озабочено было не только пріисканіемъ персонала для замѣщенія массы новыхъ судебныхъ должностей и приспособленіемъ зданій для помѣщенія судовъ, но и выработкой мелочныхъ, но необходимыхъ правилъ канцелярскаго распорядка, изготовленіемъ формъ дѣлопроизводства, составленіемъ рисунковъ знаковъ для должностныхъ лицъ и даже составленіемъ руководствъ по русской стенографіи [1]).

Не мало было затрудненій, какъ это ни кажется страннымъ, по пріисканію приличнаго зданія для новаго суда въ самомъ Петербургѣ. Въ этомъ по преимуществу „казенномъ“ городѣ оказалось крайне труднымъ найти и приспособить зданіе для петербургскаго окружнаго суда и судебной палаты. Были толки о приспособленіи зданія Синода, инженернаго замка и проч., но, наконецъ, Д. Н. Замятнинъ остановился на неуклюжемъ зданіи стараго арсенала на Литейномъ. Архитекторъ Шмидтъ взялся приспособить зданіе, и всю зиму 1865 года работы продолжались безостановочно, и даже ночью работали при электрическомъ освѣщеніи. Выборъ былъ не изъ очень удачныхъ, но при данныхъ обстоятельствахъ ничего нельзя было лучше придумать, во избѣжаніе затянуть открытіе новаго суда. Въ Москвѣ было приспособлено монументальное зданіе сената; въ губернскихъ же городахъ, куда лично ѣздилъ Д. Н. Замятнинъ, пришлось довольствоваться старыми зданіями присутственныхъ мѣстъ, въ общемъ очень ветхими и неудобными [2]).

Другой вопросъ, вопросъ несравненно большей важности—это было назначеніе на судебныя должности. Этотъ вопросъ сильно озабочивалъ творцовъ Судебныхъ Уставовъ. Чтобы не откладывать реформу въ долгій ящикъ, они рѣшились даже на исключительную мѣру, и предлагали въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ лишить судей прерогативы несмѣняемости. Но Государственный Совѣтъ имѣлъ дальновидную проницательность сообразить, что отмѣна несмѣняемости, *именно въ первые годы*, можетъ совершенно исказить молодое учрежденіе, и отвергъ проектированное огра-

---

[1]) Какое большое значеніе придавалось этому вопросу, явствуетъ изъ того, что сначала министерство юстиціи сносилось по этому предмету съ дрезденскимъ стенографическимъ обществомъ, а потомъ была образована, согласно Высочайше утвержденному положенію Совѣта Министровъ, спеціальная комиссія подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа И. Д. (впослѣдствіи графа) Делянова. Она объявила конкурсъ за лучшее руководство въ русской „быстрописи“ или „краткописи“ и признала нужнымъ ввести преподаваніе стенографіи въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гимназіяхъ и открыть публичные курсы (См. „*Журн. Мин. Юстиціи*“, 1865 г., № 11, стр. 257—259).

[2]) См. подробности въ моей: „Страницѣ изъ исторіи судебной реформы“. М. 1883 г., гл. VI, а также: въ превосходной статьѣ сенатора д-ра А. Ѳ. Кони („*Книжки Недѣли*“, 1882, № 3) „Новые мѣхи и новое вино“, въ живомъ очеркѣ передающей исторію устройства новаго суда и его первыхъ дебютовъ.

ниченіе [1]). Министру юстиціи приходилось, такимъ образомъ, дѣлать выборы крайне отвѣтственные, безповоротные и почти предрѣшавшіе судьбу великаго начинанія. Затруднительность положенія Замятнина увеличивалась тѣмъ, что нужно было сразу, одновременно найти кандидатовъ на огромное число должностей: 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей и ихъ товарищей, 144 члена палатъ и окружныхъ судовъ, 192 судебныхъ слѣдователя, 123 чина прокурорскаго надзора. Съ другой стороны, Замятнинъ лишенъ былъ того драгоцѣннаго подспорья, которое даетъ ст. 213 учр. суд. уст. въ видѣ рекомендаціи судебныхъ коллегій на открывшуюся вакантную должность. Однако Замятнинъ, благодаря дѣятельному содѣйствію Н. И. Стояновскаго, съ честью вышелъ изъ своего крайне затруднительнаго и щекотливаго положенія.

Чтобы удачно выполнить свою трудную задачу, Д. Н. Замятнинъ рѣшилъ отступить отъ административной рутины, обыкновенно руководствовавшейся или числомъ лѣтъ сидѣнія на одномъ мѣстѣ, или „протекціей". Замятнинъ взялъ другой критерій: личныя дарованія, основательное знакомство кандидатовъ съ юридическими науками и судебную опытность, а также личное знакомство съ ними и близкое наблюденіе надъ ихъ дѣятельностью. Съ этою цѣлью онъ часто посѣщалъ судебныя мѣста и внимательно слѣдилъ за гласнымъ судоговореніемъ, которое съ конца 1865 г. уже открыто было въ старыхъ судахъ [2]), обозрѣвалъ дѣлопроизводство и проч. Благодаря этому новому методу, Замятнинъ, въ общемъ, подобралъ такой блестящій персоналъ перваго назначенія [3]), который и прежде, и теперь вызываетъ всеобщее удивленіе и признательность. Память объ этихъ первыхъ благородныхъ піонерахъ суда „праваго и милостиваго" до сихъ поръ живетъ въ памяти новаго суда.

Откуда явилось столько талантливыхъ, знающихъ и честныхъ людей, сразу сумѣвшихъ освоиться съ новыми, незнакомыми формами судопроизводства, возвысить судебное дѣло и судейское званіе такъ, что вчерашній невѣжественный продажный судъ казался чѣмъ-то страшно отдаленнымъ, преданіемъ старины глубокой? Кромѣ высокихъ нравственныхъ качествъ въ общемъ удачно подобраннаго персонала, тутъ очень много значила *школа*, созданная судебною реформой, благодаря несмѣняемости и

---

[1]) См. с. LXVIII Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи.

[2]) См. объ обстоятельствахъ, при коихъ состоялось назначеніе перваго предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда Г. Н. Мотовилова, „*Жур. Граж. и Угол. Права*", 1881 № 6.

[3]) Списокъ напечатанъ въ приложеніи къ названной книгѣ моей.—Въ указанной статьѣ сенатора Кони имѣются и мѣткія характеристики первыхъ судебныхъ дѣятелей.—Полный списокъ персонала петербургскихъ судебныхъ установленій см. въ юбилейномъ изданіи Хартулари—„Итоги прошлаго", Спб. 1891 г.

тому духу довѣрія и уваженія къ честной независимости судьи, къ его человѣческому достоинству, которыми проникнуты Судебные Уставы. По справедливому замѣчанію одного изъ публицистовъ того времени, а именно Каткова, „различіе между старыми и новыми судами заключалось въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ“: *Великое учрежденіе* тѣмъ и бываетъ велико,—говорилъ тотъ же публицистъ,—что *создаетъ* людей, способныхъ проводить въ жизнь созданное имъ новое начало“ [1]).

Судебная реформа доказала,—говорилъ „*Вѣстникъ Европы*“ вскорѣ послѣ открытія новыхъ судебныхъ установленій,—что наше общество не такъ безлюдно, какъ на то ссылаются часто, желая доказать, что у насъ реформы преждевременны. Реформа сдѣлана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшіе на себя съ самоотверженіемъ и охотою тяжкія обязанности судей. Не служитъ ли это доказательствомъ, что такъ называемое безлюдье бываетъ часто не что иное, какъ *отсутствіе возможности для людей честнаго характера, прямого ума обнаружить свою дѣятельность?* Намъ нерѣдко говорятъ: „вы будьте прежде сыты, а затѣмъ мы дадимъ вамъ ѣсть“, между тѣмъ не замѣчаютъ того, что можно жить въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя не дозволяютъ человѣку обнаружить своихъ достоинствъ [2]).

III.

Трудныя и сложныя приготовленія были окончены, и на 17-е апрѣля, день рожденія Царя-Освободителя, было назначено открытіе въ Петербургѣ *первыхъ* судебныхъ установленій новаго образца. Въ виду печальнаго событія 4-го апрѣля 1866 г., сначала предполагалось отложить торжество открытія новаго суда, но впослѣдствіи рѣшено было держаться первоначальной программы.

14-го апрѣля Александръ II посѣтилъ только что отдѣланное зданіе новаго суда на Литейномъ проспектѣ. Замятнинъ представилъ Государю вновь назначенный судебный персоналъ, къ которому на прощанье Александръ II обратился съ слѣдующими словами: „Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что, впрочемъ, одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло“. Освященіе зданія судебныхъ установленій происходило 16-го апрѣля, а торжественное открытіе—17-го апрѣля. По описанію то-

---

[1]) См. „*Моск. Вѣд.*“, 1866 г. № 273.

[2]) См. „*Вѣстникъ Европы*“, 1866 г., № 4

гдашнихъ газетъ, торжество сопровождалось непріятными метеорологическими предзнаменованіями: въ этотъ день въ Петербургѣ стояла отвратительная погода—съ утра дулъ холодный вѣтеръ и шелъ снѣгъ и дождь вскрывшаяся передъ тѣмъ Нева покрылась тонкимъ слоемъ льда [1]).

Въ половинѣ второго, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу, собрались въ зданіи новаго суда послы, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы и новый судебный персоналъ. Товарищъ министра юстиціи, Н. И. Стояновскій, прочелъ высочайшія повелѣнія 19-го марта и 13-го апрѣля 1866 г. объ открытіи судебныхъ установленій; директоръ департамента, бар. Врангель,—списокъ лицъ, назначенныхъ на судебныя должности, и списокъ присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ министръ юстиціи, Д. Н. Замятнинъ († 1881 г.), произнесъ слѣдующую рѣчь:

„На вашу долю выпалъ завидный жребій,—такъ началъ Замятнинъ,—провести въ жизнь многознаменательныя слова августѣйшаго монарха: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Велико довѣріе, оказанное вамъ этимъ выборомъ. Вамъ довѣряется охраненіе самымъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно успѣшнаго достиженія высокой цѣли. Царь-Освободитель, даровавшій сперва крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ отъ высшихъ и до низшихъ *полную самостоятельность*. Но вспомнимъ,—продолжалъ ораторъ,—что чѣмъ выше благо, тѣмъ большія оно налагаетъ обязанности и отвѣтственности. Не сомнѣваюсь, что вы ими вполнѣ прониклись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полные Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на предписанія начальства. Государь, и съ нимъ вся Россія, — продолжалъ министръ,—ждутъ отъ васъ водворенія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона, когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ *равную* защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и *самое* противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза передъ *всякими внѣшними и посторонними вліяніями*, вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній.

„Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недо-

---

[1]) См. „*Моск. Вѣд.*“, 1886 г., № 63.

статочно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту передъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнить,—сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ,—предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите; поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что

Д. Н. Замятнинъ.

вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе“ [1]).

---

[1]) *„Журналъ Министерства Юстиціи“*, 1886 г., № 4.

Въ 1897 г. и Сибирь дождалась, наконецъ, введенія Судебныхъ Уставовъ, но къ несчастью, безъ главнаго органа истиннаго правосудія, безъ суда присяжныхъ.

Открытіе новаго суда было встрѣчено восторженнымъ сочувствіемъ со стороны общества и печати. С.-Петербургская Дума во всеподданнѣйшемъ

Очень рельефно и мѣтко очерчены въ рѣчи, произнесенной 2-го іюля 1897 г. г. министромъ юстиціи Н. В. Муравьевымъ въ Иркутскѣ при открытіи новыхъ судебныхъ установленій, какъ значеніе новой судебной магистратуры, такъ и духа и основной тенденціи правосудія по уставамъ Александра II, которые съ теченіемъ времени стали, къ сожалѣнію, забываться и въ коренной Россіи подъ вліяніемъ окружающихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. „Судъ по Судебнымъ Уставамъ,—сказалъ статсъ-секретарь Муравьевъ, — тотъ судъ, надъ входомъ котораго нѣтъ другихъ словъ, кромѣ правды и милости,—это судъ, отправляемый отъ царскаго имени высокостоящею судебною властью, судъ отдѣльный и независимый—не тѣмъ, конечно, чтобы органы его составляли объединенное, ревниво замкнутое въ себѣ вѣдомство, а тѣмъ, что никто и ничто сверхъ закона и совѣсти не управляетъ и не руководитъ правосудіемъ. Задачи суда обусловливаютъ дружное въ законныхъ предѣлахъ единеніе его съ другими правительственными властями, но тѣ же задачи не допускаютъ, безъ ущерба для дѣла, смѣшенія полномочія и вѣдѣнія. И потому полицейское слѣдствіе отходитъ въ область прошедшаго; судебныя дѣйствія, приговоры и рѣшенія повѣряются единственно въ порядкѣ судебныхъ инстанцій и уже не подлежатъ ничьему постороннему контролю или утвержденію. Судъ отправляется не заурядными чиновниками, а *судебными дѣятелями*, совмѣщающими вмѣстѣ съ нравственными и умственными качествами, требуемыми судебною службою, еще строгія условія образованія и практической подготовки. Судебная карьера судебныхъ чиновъ обставлена точными правилами; судьба каждаго прежде всего въ его собственныхъ рукахъ, завися отъ его трудовъ и способностей; свобода судейской совѣсти ограждается *несмѣняемостью* коллегіальныхъ судей; суды сами поддерживаютъ и охраняютъ внутреннюю свою дисциплину, но зато въ отдѣльности и коллективно несутъ и отвѣтственность за всякое ея нарушеніе“. Если не de facto, то de jure, таковъ именно судъ, созданный Уставами Александра II, но строй этотъ, къ сожалѣнію, сильно поколебленъ послѣдующими новеллами и практикою.

Разъясненію духа судебной реформы г. министръ посвятилъ слѣдующія прекрасныя строки: „Судъ совершается устно, т.-е. судьи видятъ передъ собою живыхъ людей, слышатъ живую ихъ рѣчь, судятъ по непосредственнымъ личнымъ своимъ впечатлѣніямъ, а не по мертвымъ бумагамъ, которыя такъ часто бываютъ слѣпы и глухи къ жизненной правдѣ. Судъ творится публично, открыто, на виду у всѣхъ, на глазахъ у общества и не съ ограниченнымъ, какъ бы едва терпимымъ допущеніемъ посторонннихъ слушателей и зрителей, а съ тою широкою обычною гласностью, которая, составляя основную черту новой юстиціи, вошла въ плоть и кровь ея и предполагаетъ не одно только удовлетвореніе любопытства или любознательности, но и свободное обсужденіе, критику. Сбросившій оковы формализма и письменности, выведенный на свѣжій воздухъ изъ мрака и духоты канцеляріи, новый судъ не столько разыскиваетъ, сколько съ спокойствіемъ безпристрастія разрѣшаетъ безъ ухищреній, по закону и убѣжденію, происходящій передъ нимъ правомѣрный судъ двухъ равноправныхъ сторонъ: обвинителя и обвиняемаго, истца и отвѣтчика. Всякій считается правымъ и честнымъ, пока противное не будетъ доказано тѣмъ, кто ищетъ или обвиняетъ. Изъ столкновенія фактовъ и мнѣній добывается истина, но всякое въ ней сомнѣніе толкуется не

адресѣ своемъ, между прочимъ, писала: „открытіе новаго суда наполнило радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія“.

Что касается печати, то она въ стихахъ и въ прозѣ горячо привѣтствовала радостное событіе, „долженствовавшее положить ясную черту между настоящимъ и грядущимъ“ [1]). Отецъ извѣстнаго юриста Ѳ. А. Кони, на обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ въ клубѣ художниковъ 17-го апрѣля въ честь открытія новаго суда, привѣтствовалъ это событіе въ слѣдующихъ стихахъ:

На рубежѣ тысячелѣтья
Возникъ въ Россіи человѣкъ,
Какого ждали мы столѣтья,
Кто славой озарилъ нашъ вѣкъ.
Питомецъ пылкаго поэта
И правды ревностной стратигъ,

въ сторону подозрѣнія или взысканія, а въ пользу правоты и невинности. Судъ вѣдаетъ по дѣламъ, не по лицамъ; передъ нимъ равны сильный и слабый, богатый и бѣдный; судъ воздаетъ каждому должное, но помнитъ, что кому много дано, съ того много и взыщется. Судъ признаетъ въ каждомъ предъ нимъ предстоящемъ его *человѣческую и гражданскую* личность, его неотъемлемыя права. Даже карая и взыскивая, судъ *бережетъ человѣка, а не угнетаетъ и унижаетъ его.* И самый законъ, этотъ высшій принципъ судебной дѣятельности, прилагается новымъ судомъ не какъ механическое, сухое воздѣйствіе на людей, а какъ благотворная сила, вносящая въ общежитіе миръ, покой и порядокъ. Общественная жизнь и частное личное существованіе должно сдѣлаться легче при новомъ судѣ“.

Съ искреннимъ удовольствіемъ прочтутъ почитатели Судебныхъ Уставовъ эти старые завѣты ихъ, отошедшіе, казалось, въ область „забытыхъ словъ“.

Приглашая дѣятелей судебнаго вѣдомства „къ сознательному и идейному служенію высокимъ началамъ преобразованнаго суда“, г. министръ юстиціи напомнилъ, что судьи существуютъ для общества, а не обратно, что правый и равный судъ можетъ быть только при скорости, потому что всякая правда теряется при судебномъ томленіи. Въ заключеніе своей рѣчи статсъ-секретарь Муравьевъ указалъ новымъ піонерамъ правосудія объ ихъ высокомъ призваніи водворить законность на окраинѣ, искони лишенной этого блага: „нѣкогда Русь,—говорилъ онъ,—силою, оружіемъ, кровью покорила Сибирь, теперь чередъ завоеванія свѣтомъ, законностью, справедливостью“. Говоря о трудностяхъ новаго положенія, ораторъ съ чрезвычайною теплотою отозвался объ условіяхъ живого отправленія судейскихъ обязанностей. „Послѣднимъ общимъ моимъ пожеланіемъ да будетъ,—сказалъ онъ,—то драгоцѣнное свойство убѣжденной работы, тотъ чудный даръ неба, который одушевляетъ самаго скромнаго труженика, животворитъ самую тяжелую дѣятельность. Любите, господа, судебное дѣло, вамъ ввѣренное, — оно достойно того; влагайте въ него душу живую, болѣйте за него сердцемъ, радуйтесь преуспѣянію его—и, укрѣпляясь и совершенствуясь, оно само подкрѣпитъ и поддержитъ насъ въ горькія минуты уединенія и испытаній“. („Ж. М. Ю.“ 1897, № 7)

[1]) См. „*Моск. Вѣд.*“, 1866, № 156.

Среди дворца, въ младыя лѣта—
Онъ боли русскія постигъ
И порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ,
Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, правду и законъ.

* * *

„Намъ рано, рано!“ въ злобѣ страстной
Кричалъ испуганъ барства цвѣтъ...
— Пора! сказалъ Онъ имъ въ отвѣтъ;
Махнулъ рукой своей всевластной—
И бысть въ Россіи свѣтъ!
Печальный гулъ народныхъ стоновъ
Онъ въ кликъ восторга превратилъ;
Снялъ узы рабства съ милліоновъ
И цѣпи узниковъ разбилъ.
Свободной мысли и глаголу
Онъ далъ гражданскія права,
И смѣло къ царскому престолу
Пошла народная молва.
Гордится Русь! Ликуютъ села!
Свободной волѣ нѣтъ препонъ,
И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ.

IV.

Лучшая часть политической прессы безъ различія оттѣнковъ съ нескрываемымъ восторгомъ привѣтствовала введеніе Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе, какъ зарю „обновленія Россіи“ и водвореніе въ ней порядковъ, благодаря которымъ „становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ странѣ цивилизованной“ [1]). „Одно изъ самыхъ необходимыхъ и самыхъ плодотворныхъ условій цивилизаціи,—писали „*Моск. Вѣд.*“ въ разъясненіе значенія новаго суда,—есть правильное судебное устройство, и его *впервые* получаетъ Россія. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, *не способна* ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи *варварства и безсилія;* все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, предполагаетъ *прежде всего* идею *законности* и обезпечивается прежде всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. Законность же и право становятся дѣйствительностью, гдѣ судъ есть *сила независимая* и *самостоятельная. Только* съ точки зрѣнія *новаго* судебнаго преобразованія раскрывается широкая перспектива нашей полити-

---

[1]) См. „*Моск. Вѣд.*“, 1866, № 198.

ческой будущности. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь *совершенно новое* начало, которое положитъ явственную грань между прошедшимъ и грядущимъ, которое не замедлитъ отозваться *во всемъ*... Дѣйствіе его не ограничится только сферой собственно судебныхъ установленій: какъ тонкая стихія, она *разольется повсюду* и всему дастъ новое значеніе, новую силу. Судъ, отправляемый публично и *при участіи присяжныхъ*, будетъ *живою общественною силою*. Судъ независимый и самостоятельный, *не подлежащій административному контролю, возвыситъ и облагородитъ общественную среду*, ибо черезъ него этотъ характеръ независимости сообщится и *всѣмъ проявленіямъ* общественной жизни. Только благодаря этому нововведенію, то, что называется законною свободою и обезпеченіемъ права, будетъ уже *не словами*, а дѣломъ... Вотъ какому великому дѣлу полагается теперь основаніе, вотъ до чего суждено было дожить намъ, вотъ что представляется живущему нынѣ поколѣнію [1]) *утвердить и ввести въ силу*".

Выполнило ли современное открытію новаго суда поколѣніе это свое благородное назначеніе и, если не выполнило, то какія были къ тому препятствія? Лучшій отвѣтъ [2]) на этотъ вопросъ находимъ въ статьяхъ

---

[1]) См. „*Моск. Вѣд.*", 1866, № 86. До какой неразборчивости въ средствахъ борьбы противъ суда доходили „родовитые представители этого поколѣнія, „революціонные консерваторы", какъ ихъ назвалъ Самаринъ, можно судить по слѣдующему образцу, сообщаемому Никитенко: въ англійскомъ клубѣ (въ Петербургѣ) члены сдѣлали складчину для выкупа долговъ грязнаго памфлетиста И. Арс. за то, что „онъ взялся ругать новые суды", что онъ и исполнилъ тотчасъ послѣ выхода изъ долговой тюрьмы, къ удовольствію своихъ высокопоставленныхъ покровителей (Никитенко, III, 161). Самые опасные враги наши, замѣчаетъ Никитенко, не поляки, не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкапыватели судовъ. Ничего нѣтъ невозможнаго, если наше земство и суды наши будутъ подорваны этими врагами.—Лучше не давать ничего, чѣмъ, давши, брать назадъ. У крѣпкаго здороваго тѣла выросла на носу бородавка. Вмѣсто того, чтобы употребить мѣстное средство или даже оставить ее такъ, потому что она въ сущности ничему не мѣшала, невѣжда докторъ отрѣзаетъ носъ. Въ будущности Россіи я не отчаиваюсь, потому что народъ есть все-таки сила, но я отчаиваюсь въ томъ, чтобы въ Россіи установилась когда-нибудь хорошая администрація („Дневникъ" III, 156).

[2]) Еще въ 1884 г. акад. Никитенко писалъ: новые законы (Судебные Уставы, сначала надѣлаютъ много суматохи. Ихъ не сумѣютъ ни понять, ни оцѣнить, ни примѣнить. Но не должно отъ этого приходить въ отчаяніе, какъ не должно приходить въ отчаяніе отъ лѣтняго дождя, который смачиваетъ на васъ платье, но приготовляетъ обильную жатву („*Русск. Стар.*", 1891, № 5, стр. 420).

Чрезвычайно неблагопріятнымъ условіемъ для правильнаго дѣйствія новыхъ судовъ было то обстоятельство, что вдохновителемъ внутренней политики въ 60-хъ годахъ былъ П. А. Валуевъ, человѣкъ неумѣреннаго властолюбія, самонадѣянности и нетерпимости. Выдвинувшійся въ 1855 году, благодаря своимъ ли-

той же газеты, наглядно указывающихъ на неблагопріятныя условія, среди которыхъ пришлось дѣйствовать новымъ судебнымъ учрежденіямъ. „Новый вступающій въ жизнь порядокъ,—заявляла газета М. Н. Каткова,—встрѣчается со старыми понятіями и навыками, и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что онъ будетъ понимаемъ неправильно. Новые порядки должны сталкиваться съ старыми, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ

беральнымъ взглядамъ (см. гл. V), онъ сталъ въ 1862 г. орудіемъ „мягкостелющей“ реакціи, „мягкія формы“ коей особенно возмущали Салтыкова („ахъ! какъ бы я тебя жамкнулъ, кабы только умѣлъ“, Соч. II, 12). Въ „Думѣ Русскаго“ осуждавшій николаевскія времена за „нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія“, П. А. Валуевъ, ставъ министромъ, сдѣлался нетерпимымъ до крайности, съ особенною, чисто болѣзненною, по свидѣтельству Никитенко, раздражительностью началъ относиться къ первымъ самостоятельнымъ шагамъ печати, освобожденной отъ предварительной цензуры (см. гл. VII), и долженъ былъ неминуемо столкнуться съ независимымъ новымъ судомъ. Если даже старые суды, вполнѣ зависимые отъ администраціи, не всегда рѣшались ломать законы въ угоду прихотливымъ указаніямъ Валуева, то новые суды должны были оказаться еще менѣе способными угодить ему. Первый же литературный процессъ въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ въ августѣ 1866 г. вывелъ Валуева изъ себя. Судились временный редакторъ *„Современника“* А. Н. Пыпинъ и одинъ изъ главныхъ его сотрудниковъ (впослѣдствіи управляющій Государственнымъ банкомъ) Ю. Г. Жуковскій за „Вопросъ молодого поколѣнія“, въ которомъ П. А. Валуевъ видѣлъ оскорбленіе дворянства. Окружный судъ (конечно, безъ присяжныхъ) оправдалъ подсудимыхъ, отъ чего П. А. Валуевъ пришелъ въ страшную ярость, хотя дѣло подлежало еще обжалованію во вторую инстанцію. Раньше, чѣмъ состоялось рѣшеніе второй инстанціи (она подсудимыхъ обвинила и назначила имъ легкій арестъ, чему они крайне обрадовались, такъ какъ опасались административной высылки въ случаѣ вторичнаго оправданія), вошелъ къ государю съ докладомъ о немедленной смѣнѣ, вопреки ст. 243 Учр. суд. уст., безъ слѣдствія и суда предсѣдателя окружного суда Г. Н. Мотовилова. Удаленіе Мотовилова совсѣмъ было уже дѣло рѣшенное, не состоялось только благодаря современному вмѣшательству министра юстиціи Д. Н. Замятнина, сославшагося на неудобство смѣны судьи безъ слѣдствія и суда послѣ только что провозглашенной несмѣняемости, тѣмъ болѣе, что Мотовиловъ не только не участвовалъ въ засѣданіи по дѣлу *„Современника“*, но и отсутствовалъ изъ Петербурга, пользуясь вакантнымъ временемъ. Но Валуевъ не унялся. Онъ внесъ въ Государственный Совѣтъ, даже не снесясь вопреки ст. 201, т. I Общ. Наказ. съ министромъ юстиціи, проектъ новыхъ правилъ о судѣ по дѣламъ печати, въ коемъ онъ, между прочимъ, требовалъ безусловнаго подчиненія прокуратуры по дѣламъ печати указаніямъ цензурнаго вѣдомства. Это домогательство было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ, но Валуевъ добился изданія *первой* новеллы къ Судебнымъ Уставамъ—закона 12 декабря 1866 г., коимъ для дѣлъ о печати первою инстанціею назначалась судебная палата, и число инстанцій съ трехъ сводилось къ двумъ. М. Н. Катковъ выразилъ сильный протестъ противъ такого стѣсненія правъ печати, ссылаясь на неудобство уничтоженія для нея цѣлой инстанціи.

бюрократическая администрація была у насъ *все во всемъ*. Прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое должно оказать дѣйствіе *повсюду* и видоизмѣнить весь строй нашего гражданскаго быта. Будутъ дѣлаемы разнаго рода покушенія [1]), попытки,—меланхолически замѣчала газета,—подорвать силу новаго порядка. Такъ вездѣ (?) и всегда (?) бываетъ" [2]).

Когда это опасеніе стало оправдываться, и уже лѣтомъ 1866 г. стали обнаруживаться „покушенія подорвать силу" новыхъ судебныхъ порядковъ (ограничить гласность и независимость суда), „*Московскія Вѣдомости*" отвѣтили цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ по искренности и убѣдительности статей [3]), направленныхъ противъ враговъ судебной реформы,

---

[1]) Сравнивая форму дѣятельности суда и администраціи, та же газета писала: „покуда судъ будетъ дѣйствовать размѣрно на одной хотя и большой своей дорогѣ, не *дерзая* отступать отъ опредѣленій закона, у администраціи будутъ въ распоряженіи *тысячи проселочныхъ* путей, на которыхъ она можетъ дѣйствовать быстро и свободно распоряжаться по своему усмотрѣнію" (*Моск. Вѣд.*, 1865 г. № 92).

[2]) „*Моск. Вѣд.*", 1866 г. №№ 146 и 198.

[3]) Акад. Никитенко, отмѣчая съ сочувствіемъ борьбу М. Н. Каткова съ Валуевымъ и вообще съ администраціею изъ-за новаго суда, приводитъ массу фактовъ въ подтвержденіе крайне враждебнаго отношенія администраціи къ новому суду. Главная задача гр. П. А. Шувалова (шефа жандармовъ) и П. А. Валуева (мин. внутр. дѣлъ), — пишетъ онъ еще осенью 1866 г.,—вдвоемъ управлять Россіею полицейскимъ образомъ, одинъ посредствомъ общей, другой посредствомъ тайной полиціи, и подорвать суды, т.-е. взять ихъ *подъ опеку администраціи*.— Онъ же передаетъ, что Валуевъ отстоялъ „*Вѣсть*", гдѣ была напечатана по его заказу (sic) статья, обвиняющая суды въ революціонныхъ стремленіяхъ (см. „Дневникъ" III, 115—119). Особенное ожесточеніе противъ суда вызвало оправданіе чиновника Протопопова, обвинявшагося въ нанесеніи удара начальнику своему гр. Кошкелю (см. „Итоги Прошлаго", К. Ф. Хартулари, СПБ., 1891, стр. 3 и слѣд.) и признаннаго душевно-больнымъ. Несмотря на это, Валуевъ и др. дѣлали большія усилія, чтобы добиться кассаціи вердикта. По поводу оправданія Протопопова „*Вѣсть*", пишетъ Никитенко, прямо обвиняетъ судъ въ революціонныхъ стремленіяхъ (статья была внушена П. А. Валуевымъ, стр. 119 „Дневника"). Не удивительно,—продолжаетъ Никитенко,—если съ судами послѣдуетъ то же, что съ земскими учрежденіями (т.-е. парализація, стр. 159). Вотъ будетъ скандалъ, если Сенатъ отмѣнитъ рѣшеніе суда и велитъ наказать бѣднаго Протопопова, признаннаго сумасшедшимъ, какъ этого желаютъ Валуевъ и нѣкоторые другіе чиновники „для примѣра другимъ". Кому? сумасшедшимъ?—спрашиваетъ Никитенко (стр. 146—147). Послѣ дѣла Протопопова, сообщаетъ Никитенко, отняли портфель у мин. юст. Замятина (стр. 148), а когда Сенатъ отвергъ протестъ прокурора по дѣлу, Никитенко пишетъ: „событіе замѣчательное и отрадное" (т. III. „Дневникъ", стр. 153).—П. А. Валуевъ враждовалъ съ новымъ судомъ также за литературные процессы, въ которыхъ судьи не могли безъ нарушенія закона усвоить „политику" Валуева, основанную на личныхъ интересахъ (см. Никитенко III, 48, о мо-

„принимающихъ *личину консерватизма*“. „*Все, что есть живого, мыслящаго, разумѣющаго*,—писалъ Катковъ,—не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго на Руси новаго порядка. Не было ли бы грустно, если бы отмѣна крѣпостного права ограничилась только его формою и оставила его сущность? Но было бы не менѣе грустно, если новый порядокъ былъ только формою *безъ сущности*. Вотъ почему оскорбителенъ всякій *намекъ*, клонящійся къ тому, чтобы затемнить сущность новаго порядка вещей, чтобы изъ него *вынуть его душу* и оставить шелуху, которая давала бы сильнѣе чувствовать тщету начинанія. Дѣйствительно ли наше судебное преобразованіе должно вывести на *новые* пути, дабы Россія могла держаться *достойнымъ образомъ среди другихъ націй*, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? *Правда ли*,—патетически вопрошалъ Катковъ, употребляя любимую Герценовскую фигуру,—что это *всеоживляющее, всевозбуждающее* начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества,—начало, безъ котораго ничто не *можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія*, ничто не можетъ быть обезпечено отъ обмановъ и злоупотребленій, *правда ли*, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только *мерцаніе*, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть? *Правда ли*, что въ настоящее время положены основы независимой судебной власти; *правда ли*, что мы имѣемъ судебныя учрежденія, которыми обезпечивается законъ и право, и *весь народъ* привлекается къ дѣйствительному участію въ правосудіи? Есть ли это дѣйствительность или это только *фантомъ*? Для вида ли только судебная власть признана независимою и самостоятельною, и она поставлена такъ, что для нея обязательны только законъ и правда?“

Послѣ извѣстнаго рескрипта на имя предсѣдателя Комитета Министровъ князя П. П. Гагарина, послѣдовавшаго 13 мая 1866 года [1]), и изданія

тивахъ перваго предостережен. „С.-Петерб. Вѣдом.“), личной враждѣ и стремленіи de facto отнять у печати дарованныя закономъ льготы (см. тамъ же 58, 75, 128—129). Даже старые суды отвергали раздутыя обвиненія, предъявляемыя цензурою, наприм., по дѣлу Краевскаго и др. (стр. 77) и тѣмъ болѣе независимости показывали новые суды, наприм., по дѣлу Пыпина и Жуковскаго (стр. 116). Вслѣдъ за этимъ дѣломъ, какъ сказано, Валуевъ добился измѣненія подсудности по дѣламъ печати.

[1]) Рескриптъ,—пишетъ Никитенко,—произвелъ непріятное впечатлѣніе. Полагаютъ, что онъ еще больше уронитъ нашъ кредитъ за границею, а внутри онъ можетъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ власти. Я думаю, главное его неудобство—неловкое изложеніе, если ужъ сочтено нужнымъ излагать то, что, въ немъ содержится. („Дневникъ“, III, 102). Въ рескриптѣ говорилось, между прочимъ,

Положенія Комитета 22-го іюня 1866 г. о пространствѣ и предѣлахъ губернаторской власти мин. юстиціи Замятнинъ вынужденъ былъ разослать согласно Положенію циркуляръ [1]), въ которомъ онъ разъяснилъ, что чины судебнаго вѣдомства „въ случаѣ вызова ихъ или приглашенія обязаны непремѣнно подчиниться законнымъ требованіямъ его и оказывать ему должное уваженіе, на которое онъ, какъ представитель высшей въ губерніи власти, имѣетъ неотъемлемое право".

„*Московскія Вѣдомости*" съ нескрываемымъ неудовольствіемъ отнеслись къ тенденціи и цѣли этого циркуляра. Свое неудовольствіе сорвалъ Катковъ прежде всего на газетѣ „*Судебный Вѣстникъ*", въ которомъ циркуляръ былъ названъ *предписаніемъ*. Сославшись на то, что судебныя мѣста не находятся въ прямомъ подчиненіи министерству юстиціи, Катковъ указывалъ, что оно не можетъ сноситься съ ними предписаніями, и потому это неправильное названіе онъ относилъ къ недосмотру редакціи „*Судебнаго Вѣстника*". Обращаясь къ разбору циркуляра по существу московскій публицистъ писалъ: „Тщательно справляясь съ Судебными Уставами, *единственнымъ* законодательствомъ, которое, вызвавъ къ жизни новые суды, служитъ нормой отношеній послѣднихъ ко всѣмъ бывшимъ до него государственнымъ учрежденіямъ, мы не находимъ *ни малѣйшаго*, хотя бы самаго отдаленнаго, указанія на то, въ какихъ случаяхъ могъ бы представиться губернатору поводъ вызвать или пригласить къ себѣ лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству. Соображаясь съ Судебными Уставами, мы, напр., *никакъ не можемъ вообразить себѣ* такой случай, чтобы губернатору представилась надобность въ видахъ ли интересовъ общаго управленія, съ одной стороны, или интересовъ правосудія съ другой—вызвать къ себѣ предсѣдателя мирового съѣзда или окружнаго суда, находящихся въ уѣздахъ, и чтобы тотъ или другой все въ тѣхъ же интересахъ должны были оставить свои текущія занятія, ѣхать

что нужно имѣть въ виду для борьбы съ соціальными ученіями „содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія обильна". Затѣмъ упоминалось, чтобы начальствующіе требовали отъ подчиненныхъ „того прямого, точнаго и неуклоннаго исполненія обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія" („*Сѣвер. Почта*" 1866, № 62). Слова эти были поняты реакціонною „*Вѣстью*" (№ 38) такъ, что не должны оставаться на службѣ лица, не раздѣляющія ея взгляда на дворянство. На ошибочность такого пониманія возражали „*Отечест. Записки*" (іюнь 1866, стр. 11—116).

[1]) Мин. внутр. дѣлъ П. А. Валуевъ также разослалъ циркуляръ губернаторамъ.—Какъ своеобразно поняли иные губернаторы свое новое положеніе, можно судить по слѣдующему факту: калужскій губернаторъ представилъ высшему начальству о необходимости выслать изъ Калуги не то предсѣдателя, не то члена Гражданской Палаты за его неблагонадежность въ случаѣ могущаго послѣдовать въ Калужской губерніи возмущенія" (Никитенко, II, 131).

быть можетъ, за сотни верстъ, чтобы явиться по зову губернатора. Повторяемъ, Судебные Уставы 20 ноября не содержатъ въ себѣ ни одного указанія на возможность какого-либо соприкосновенія судебныхъ мѣстъ и власти губернатора. Это до такой степени вѣрно, что, сколько намъ извѣстно, во всѣхъ уставахъ, не исключая и позднѣйшихъ прибавленій къ нимъ, слово *губернаторъ* только упоминается при составленіи списка присяжныхъ. А между тѣмъ нельзя сказать, что Судебные Уставы оставили сколько-нибудь неяснымъ вопросъ о порядкѣ подчиненности судебныхъ мѣстъ (ст. 249 учр. суд. уст.). Надобно полагать, что права, предоставленныя губернаторамъ по отношенію къ лицамъ судебнаго вѣдомства, какъ сказано въ самомъ Положеніи Комитета Министровъ, „совершенно независящимъ“ въ своей служебной дѣятельности отъ ихъ вліянія, нисколько *не касаются отправленія правосудія*, равно какъ то уваженіе, къ которому при всей независимости своей обязываются лица судебнаго вѣдомства по отношенію къ губернаторамъ, не можетъ состоять въ исполненіи какихъ-либо распоряженій или *внушеній въ дѣлахъ правосудія*. Не относясь къ судебнымъ должностямъ, Положеніе, о которомъ идетъ рѣчь, поэтому можетъ быть принимаемо только въ самомъ общемъ смыслѣ. Такъ, въ высокоторжественные дни служащія лица всѣхъ вѣдомствъ, хотя бы и совершенно не зависящія отъ губернатора, являются къ нему съ поздравленіемъ; такъ же точно предполагается случай, когда губернатору можетъ представиться надобность объясниться съ предсѣдателемъ палаты или окружнаго суда по какому-нибудь дѣлу, не имѣющему прямого отношенія къ ихъ служебнымъ по суду обязанностямъ (ибо дѣла судебныя строго ограждены отъ всякаго вмѣшательства администраціи), и въ такомъ предположеніи губернатору предоставлено право приглашенія къ себѣ точно такъ же, какъ иногда приглашаетъ онъ къ себѣ частныхъ и ни на какой службѣ не состоящихъ лицъ. При этомъ всякій, конечно, пожелаетъ, чтобы съ успѣхами благоустройства *не выростала, а уменьшалась* возможность подобныхъ случаевъ“ [1]).

Черезъ нѣсколько времени пришлось снова выступить талантливому защитнику основъ судебной реформы по поводу нападокъ на мировыя учрежденія тогдашнихъ „революціонныхъ консерваторовъ“, подвизавшихся въ реакціонной „*Вѣсти*“, и Катковъ заключилъ свою честную отповѣдь такими словами: „Одно мы считаемъ себя вправѣ сказать,—заявляетъ онъ,—уже и теперь великая (судебная) реформа *вполнѣ оправдала* [2]) тѣ

---

[1]) „Московск. Вѣдом.“, 1866, № 240.

[2]) Въ 1867 г. Никитенко самъ исполнялъ обязанности присяжнаго засѣдателя и вынесъ изъ суда самое благопріятное впечатлѣніе. „Все велось,—заноситъ онъ въ свой „Дневникъ“,—съ большимъ достоинствомъ, добросовѣстно и съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій. Подсудимые видѣли, что ничего не

горячія надежды, какія на нее возлагались, *и лучшее пожеланіе русскаго патріота* состоитъ въ томъ, чтобы изъ этого зданія не было вынимаемо камней, чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласовались съ *общимъ* духомъ новой системы“ [1]).

Трудно было рельефнѣе, краснорѣчивѣе и искреннѣе выразить сущность новаго суда и протестъ противъ тѣхъ враждебныхъ условій, которыя окружали его дѣятельность!.. За эту горячую поддержку, оказанную Судебнымъ Уставамъ въ трудное время ихъ существованія М. Н. Катковымъ, быть можетъ многое ему простится изъ послѣдующаго возмутительнаго поведенія его относительно новаго суда...

Объ условіяхъ дѣятельности новаго суда трактовала и газета „*Голосъ*“. Въ статьѣ, появившейся 17 апрѣля 1866 г., „*Голосъ*“, назвавъ судебную реформу „изведеніемъ русскаго народа изъ юридической неволи“, писалъ между просимъ: „Можетъ быть, даже вѣроятно, что при этомъ исходѣ, подобно ветхозавѣтнымъ евреямъ, и мы, отученные горькимъ подневольнымъ прошлымъ отъ честной и разумной гражданской жизни, со всѣми подобающими ей правами, не вдругъ, не тотчасъ вступимъ въ обѣтованную землю; быть можетъ, даже вѣроятно, придется пространствовать по безплодной пустынѣ ошибокъ и промаховъ и *опять поклоняться золотому тельцу*, котораго такъ долго обожали. Но что за дѣло? Все-таки да будетъ благословенъ Моисей, изведшій насъ изъ неволи, пишущій и дающій намъ скрижали новаго завѣта для новой жизни“ [2]).

Всѣ эти болѣе или менѣе мрачныя предсказанія сбылись: блужданіе по „пустынѣ промаховъ“ началось скоро и продолжалось долго и длится вплоть до нашихъ дней. По ироніи судьбы впереди всѣхъ въ операціи „вынимания камней изъ зданія новаго суда“ оказался впослѣдствіи въ своихъ нападкахъ на новый судъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ публицистовъ—М. Н. Катковъ, когда-то самый горячій поборникъ судебной реформы.

было упущено для облегченія ихъ судьбы, и если они подверглись карѣ, то эту кару наложилъ на нихъ законъ, а не произволъ судей. Говорятъ,—пишетъ онъ далѣе,—министръ юстиціи (гр. Паленъ, единомышленникъ Валуева) объяснялся съ предсѣд. окружнаго суда и замѣтилъ, что присяжные не оправдали (? см. ниже § 3 главы XII Отчетъ мин. юст. Замятина) ожиданій правительства, которое надѣялось найти въ нихъ консервативный элементъ, и находитъ противное (?).— Предъ уходомъ изъ суда Никитенко бесѣдовалъ съ прокуроромъ. Онъ съ глубокимъ прискорбіемъ жаловался на то, что администрація всячески старается вредить судамъ, и если встрѣтится какая-нибудь ошибка съ ихъ стороны, администрація съ ума сходитъ отъ радости. Коснувшись нынѣшнихъ сессій, прокуроръ говорилъ, что онъ былъ удивленъ здравомысліемъ и безпристрастіемъ присяжныхъ изъ крестьянъ (III, 156—157).

[1]) „*Моск. Вѣд.*“ 1866, № 263.

[2]) „*Голосъ*“, 1866, № 105.

Не дорожимъ
Мы шагомъ къ прочному прогрессу,
День, два всѣ полны грезъ и вѣры.
А завтра съ радостью глядятъ,
Какъ рановременныя мѣры
Теряютъ должные размѣры
И съ трескомъ пятятся назадъ!!! ..

Грустно вспомнить объ этомъ тяжеломъ для новаго суда времени. Новый гласный судъ, судъ равный, правый и милостивый, очутился въ 80-хъ годахъ подъ немилостивымъ Шемякинымъ судомъ его недавнихъ друзей въ положеніи травимаго краснаго звѣря. Въ защиту принциповъ новаго суда при двусмысленномъ молчаніи министерства юстиціи едва раздавались отдѣльные голоса. Въ числѣ ихъ нельзя не помянуть съ признательностью авторитетный, честный голосъ И. С. Аксакова: „Съ легкой или вѣрнѣе тяжелой руки „*Московскихъ Вѣдомостей*“,—писалъ онъ въ 1884 году,—прочія газеты и газетки съ публикой вкупѣ хоромъ ревутъ на новый судъ: „ату его! ату!“ глумятся, ругаются, мечутъ грязь со свистомъ и хохотомъ во весь судебный персоналъ, во весь судебный институтъ съ его прошедшимъ и настоящимъ, какъ будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать его авторитетъ, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ... Кричатъ и голосятъ о нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ,—съ грустью указывалъ Аксаковъ,—и молчатъ *о десяткахъ тысячъ* рѣшеній правыхъ, молчатъ о той обильной дѣятельности правосудія, которая водворилась теперь на нашей такъ *еще недавно правосудной землѣ!* Забываютъ и о множествѣ честныхъ скромныхъ, истинно доблестныхъ труженниковъ“.

Указавъ въ заключеніе на десятки тысячъ дѣлъ, ежегодно рѣшаемыхъ присяжными, Аксаковъ заканчиваетъ свою горячую и честную отповѣдь недобросовѣстнымъ врагамъ новаго суда слѣдующими словами, которыя особенно кстати вспомнить нынѣ: „И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ—ни одинъ не запятнанъ *корыстью*. Сладкая, благодатная увѣренность! Россія ли заплатитъ за нее неблагодарностью? Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость—все вернется: и взятки, и мошенничество, и кривосудье!!!“ [1]).

Объ этомъ пророческомъ предостереженіи честнаго публициста, близко знакомаго съ нашими дореформенными порядками, не безполезно вспомнить и современнымъ ослѣпленнымъ врагамъ новаго суда.

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Аксакова, т. VI, стр. 664.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Москвѣ и провинціи.

(Справка къ 30-тилѣтію).

Немногое изъ того, что совершилось прежде, и немногое изъ того, что можетъ намъ объщать впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться по важности съ судебною реформою, съ этимъ великимъ преобразованіемъ! Одно изъ самыхъ необходимыхъ и плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство, и его впервые теперь получаетъ Россія... Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живою общественною силою, и идея законности и права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни.

Изъ статьи М. Н. Каткова по случаю открытія москов. судеб. устан.

I.

23-го апрѣля 1866 года въ московскомъ Кремлѣ въ зданіи стараго Сената, происходило знаменательное торжество, за которымъ вся Москва слѣдила за напряженнымъ вниманіемъ: то было оффиціальное открытіе въ монументальной Екатерининской залѣ новаго гласнаго суда московскихъ судебныхъ установленій. Прежде чѣмъ излагать подробности торжества, не лишнее будетъ напомнить довольно оригинальную судьбу этой залы, служившей до 1866 г. мѣстомъ для склада сначала казенной муки, а потомъ старыхъ дѣлъ военнаго министерства. Эта своеобразная метаморфоза составляетъ любопытную страничку изъ культурной исторіи недавняго прошлаго.

Зданіе Сената въ Кремлѣ было построено въ 1787 г. знаменитымъ

архитекторомъ Митр. Θед. Казаковымъ, и такимъ образомъ падаетъ ходящая въ публикѣ легенда, будто въ немъ и именно въ круглой залѣ происходили собранія депутатской комиссіи для составленія Уложенія, созванной Екатериною II въ 1767 г. [1]). Все зданіе Сената, начиная отъ гранитнаго фундамента и до самаго карниза, поражаетъ массивностью, солидною простотою линій и замѣчательною пропорціональностью частей. Но въ этомъ замѣчательномъ сооруженіи самое замѣчательное—ротонда или круглая зала, построенная въ подражаніе римскому Пантеону. По красотѣ и гармоніи линій нѣтъ другой подобной ротонды ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, да и за границею найдется немного [2]). Вышина залы 13 саж. 1 арш., въ діаметрѣ 11 саж. $1^3/_4$ аршина. Превосходное впечатлѣніе производитъ великолѣпная колоннада коринѳскаго стиля съ канелюрою, идущая вокругъ всей залы. Надъ колоннами хоры. Зданіе вѣнчаетъ огромный сводъ, усѣянный кассетонами, сведенными малъ-мала-меньше къ большому вѣнку, охватывающему замокъ свода. Вокругъ свода надъ хорами 48 медальоновъ съ изображеніемъ россійскихъ государей [3]).

На самое цѣнное украшеніе ротонды—это 18 прекрасныхъ горельефовъ (работы нѣмцевъ Юсти и Таненберга), аллегорически изображающихъ важнѣйшія событія Екатерининскаго царствованія [4]), съ подписями, изъясняющими смыслъ ихъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Своею опасностью другихъ спасаетъ“ (привитіе Екатериною себѣ оспы). „Пустыни превращаетъ въ грады“ (поселеніе въ Россіи колонистовъ, вызванныхъ изъ-за границы). „Не дань, а законы пріемлетъ“ (желаніе жить по сердцу народа). „И сѣверъ художества рождаетъ“ (учрежденіе академіи художествъ). „И вы подобно подвизаетесь“ (награда военной доблести—учрежденіе ордена св. Георгія [5]). „Великому великая“ (сооруженіе Петру В. памятника). „Погибавшихъ спасаетъ“ (учрежденіе воспитательнаго дома). Укажемъ еще на одинъ горельефъ „Желаніе Россіи“, имѣющій прямое отношеніе къ указанному выше торжеству, исполненія котораго ей пришлось ждать почти сто лѣтъ. Горельефъ выражаетъ мольбу подданныхъ: даровать *правый судъ и человѣколюбивые законы* [6]).

---

[1]) См. ст. г. Иванова въ „*Чтеніяхъ Общества любителей исторіи и древностей россійскихъ*“, 1865 г.

[2]) Въ зданіи варшавской конторы государственнаго банка имѣется такая же ротонда, только она гораздо меньшихъ размѣровъ.

[3]) См. ст. г. Рамазанова въ „*Современной Лѣтописи*“, 1865 г., № 45.

[4]) Описаніе и объясненіе этихъ горельефовъ было сдѣлано г. Лебедевымъ въ „*Русскомъ Инвалидѣ*“, 1860 г., № 179.

[5]) Замѣтимъ, что, по ироніи судьбы, мѣста, занимавшіяся извѣстными Струсбергомъ и Ландау во время процесса ссуднаго банка, какъ разъ приходились подъ этою надписью.

[6]) „*Современная Лѣтопись*“, 1866, № 29.

Архитекторъ Аѳанасьевъ, реставрировавшій въ 1866 г. это монументальное зданіе, помѣстилъ въ „*Нашемъ Вѣкѣ*“ статью, въ которой съ негодованіемъ указывалъ на то, что эта замѣчательная зала, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ русскаго зодчества, была обращена сначала въ амбаръ для храненія нѣсколькихъ тысячъ кулей казенной муки, а потомъ въ архивъ старыхъ дѣлъ, полусъѣденныхъ мышами. Н. Ф. Павловъ, помѣщая эту статью, съ своей стороны выразилъ удивленіе по поводу вандальской метаморфозы, постигшей эту художественную ротонду. „Какимъ непонятнымъ процессомъ діалектики,—пишетъ Павловъ,—дошла человѣческая мысль до вывода, что великолѣпная зала съ берельефами не что иное, какъ самое удобное мѣсто для склада кулей муки и для храненія архивныхъ сокровищъ военнаго министерства; мы желали бы знать *имя* того человѣка, кто первый, войдя въ эту ротонду и окинувъ ее глазомъ, сказалъ: „Вотъ и прекрасно! Тутъ помѣстится 500.000 кулей муки“!...

Любопытство Павлова было удовлетворено: въ одной изъ газетъ того времени было указано имя этого человѣка, сразу все объяснившее. Это былъ извѣстный... *Аракчеевъ*, кровожадный временщикъ при Александрѣ I, печально-извѣстный, между прочимъ, какъ изобрѣтатель „военныхъ поселеній“ и еще... особой манеры прогнанія сквозь строй „безъ медика“ (см. главу III). Дикому Аракчееву именно приписывается дикая фраза о 500.000 [1]) кулякъ муки!..

Вандальское обращеніе съ художественною ротондою продолжалось 50 слишкомъ лѣтъ, и только въ концѣ 1865 г. рѣшено было дать ей достойное ея красоты и гармоніи назначеніе—быть мѣстомъ отправленія гласнаго суда праваго и милостиваго. Приспособленіемъ зданія къ его новому благородному назначенію занимался академикъ зодчій Аѳанасьевъ. Академикъ Аѳанасьевъ былъ командированъ за границу для подробнаго осмотра лучшихъ тамошнихъ зданій „дворцовъ правосудія“. Внеся въ дѣло то благородное воодушевленіе, которымъ проникнуты были всѣ лица, прямо или косвенно соприкасавшіяся съ великими освободительными реформами 60-хъ годовъ, имѣвшихъ цѣлью возрожденіе Россіи, Аѳанасьевъ необыкновенно быстро объѣхалъ важнѣйшіе города и приготовилъ весьма обстоятельный докладъ о результатахъ своей поѣздки.

Съ осени 1865 г. приступлено было къ работамъ по приспособленію стараго зданія Сената для публичнаго судоговоренія и отправленія правосудія чрезъ представителей общественной совѣсти. Несмотря на холодъ, ненастье, работы продолжались безостановочно. Аѳанасьевъ, самъ проникнутый благоговѣніемъ къ выпавшей на его долю задачѣ поработать на пользу великаго дѣла, воодушевлялъ словомъ и примѣромъ и другихъ

---

[1]) „*Современная Лѣтопись*“, 1866, № 29.

„къ скорому осуществленію, какъ онъ писалъ, благотворной мысли монарха, взывающаго къ воцаренію правды и милости въ судахъ“.

Къ веснѣ 1867 г. реставрація ротонды и ремонтъ сенатскаго зданія были окончены, и великолѣпная круглая зала предстала во всемъ своемъ величіи и красѣ, невольно соединяя воедино память основательницы этого зданія Екатерины II и возобновителя Александра II. Отголоскомъ этого впечатлѣнія было пожеланіе, высказанное еще въ 1866 г., чтобы въ одной изъ двухъ нишъ была поставлена мраморная статуя Екатерины. „Въ другой же,—писалъ авторъ предложенія,—слѣдуетъ воздвигнуть мраморную статую... Кому? Про то знаетъ чувство благоговѣйной признательности каждаго русскаго“ [1])...

Этому трогательному желанію увѣковѣчить мраморнымъ изваяніемъ память творца новаго суда суждено было осуществиться впослѣдствіи, хотя и при другихъ и при томъ весьма печальныхъ обстоятельствахъ, служащихъ контрастомъ тому радостному и бодрому настроенію, которымъ встрѣчено было открытіе новаго суда. Изъ учрежденія излюбленнаго и сосредоточившаго на себѣ самыя дорогія чаянія русскаго народа и общества, какимъ новый судъ былъ въ 60-хъ годахъ, онъ перешелъ въ 80-хъ годахъ въ разрядъ учрежденій только „терпимыхъ“, но нежеланныхъ... Противъ ниши, гдѣ находится портретъ Екатерины II, въ другой нишѣ былъ открытъ 23-го апрѣля 1884 г. мраморный памятникъ Александру II, сооруженный чинами судебнаго вѣдомства. О печальныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ открытіе памятника, можетъ дать понятіе статья, появившаяся въ этотъ день въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*“. Усмотрѣвъ на бѣломъ мраморѣ изваянія „кровавыя пятна“, литературный временщикъ М. Н. Катковъ, увѣренный въ своей безнаказанности, имѣлъ чудовищную дерзость поставить въ вину новому суду эти „кровавыя пятна“. Воистину то было saevum et infestum virtutibus tempus!..

Но обратимся отъ этой возмутительной картины наглаго издѣвательства надъ новымъ судомъ къ свѣтлому времени зарожденія его.

II.

Торжество открытія судебныхъ учрежденій въ Москвѣ происходило согласно тому же Высочайше утвержденному церемоніалу, какой былъ соблюденъ и въ Петербургѣ: 22-го апрѣля, наканунѣ открытія новаго суда, было совершено въ присутствіи министра юстиціи Д. Н. Замятнина и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, въ большой уголовной, нынѣ такъ называемой „Митрофаньинской“ (здѣсь разбиралось извѣстное дѣло игу-

[1]) „*Современная Лѣтопись*“, 1865, № 45.

меньи Митрофаніи), залѣ окружнаго суда торжественное соборное молебствіе съ водоосвященіемъ, послѣ котораго окроплены были святою водою всѣ помѣщенія новаго суда.

На другой день, 23-го апрѣля, происходило въ залѣ судебной палаты торжественное открытіе новаго суда. Министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ занялъ мѣсто за особымъ столомъ, имѣя по правую руку и. д. оберъ-прокурора общаго собранія московскихъ департаментовъ сената, П. Н. Зубова, вице-директора департамента министерства юстиціи, Б. Н. Хвостова (†). Вокругъ стола заняли мѣста: московскій генералъ-губернаторъ генералъ адъютантъ кн. В. А. Долгоруковъ (†), высшее духовенство, сенаторы. Впереди стола, лицомъ къ министру, помѣстился новый судебный персоналъ: предсѣдатели и члены московской судебной палаты (изъ нихъ въ настоящее время остался въ судебной палатѣ только Ѳ. В. Вешняковъ, занимая въ теченіе 30-ти лѣтъ ту же должность члена палаты) [1]) и окружнаго суда (въ настоящее время въ составѣ суда остался только бывшій членъ суда, М. Н. Лопатинъ, нынѣ занимаетъ постъ предсѣдателя департамента московской судебной палаты, и бывшій членъ суда А. И. Вицынъ, перешедшій впослѣдствіи въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, нынѣ предсѣдатель московскаго коммерческаго суда) и прокурорскаго надзора (въ составѣ прокурорскаго надзора находится бывшій въ 1866 г. тов. прок. окружнаго суда Ѳ. М. Громницкій, перешедшій впослѣдствіи въ адвокатуру, а нынѣ товарищъ прокурора судебной палаты); изъ другихъ товарищей прокурора: Л. В. Крушинскій—присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ, и мировые судьи (изъ нихъ до сихъ поръ остается въ составѣ мирового института почетный мировой судья: гр. М. С. Ланской (сынъ извѣстнаго министра).

По прочтеніи Высочайшихъ повелѣній отъ 19-го марта и 13-го апрѣля 1866 г. объ открытіи судебныхъ установленій и списка вновь назначенныхъ Высочайшею властью судей, утвержденныхъ Сенатомъ мировыхъ

---

[1]) Въ теченіе 25 лѣтъ были старшими предсѣдателями судебной палаты: Д. В. Полѣновъ (†), А. Н. Шаховъ (†), В. Р. Завадскій и А. Н. Поповъ; предсѣдателями окружнаго суда Е. Е. Люминарскій (†), П. А. Дейеръ (нынѣ сенаторъ угол. касс. департ.), В. Н. Лавровъ (†), Ѳ. П. Ивковъ, Н. В. Давыдовъ. Прокурорами палаты Д. А. Ровинскій (впослѣдствіи сенаторъ угол. касс. департ.), Г. Н. Мотовиловъ (†) А. Н. Манассеинъ (впослѣдствіи министръ юстиціи), гр. П. А. Каннистъ (впослѣдствіи попечитель московскаго учебнаго округа) С. С. Гончаровъ (впослѣдствіи старшій предсѣдатель тифлисской судебной палаты и сенаторъ), Н. В. Муравьевъ (впослѣдствіи государственный секретарь, нынѣ министръ юстиціи) и Н. П. Посниковъ. Прокурорами окружнаго суда были Л. И. Ланге (нынѣ предсѣдатель нѣжинскаго окружнаго суда) (†), Ѳ. М. Громницкій, И. К. Жуковъ (въ отставкѣ), В. Н. Лицкой (†), П. Н. Обнинскій (нынѣ въ отставкѣ, извѣстный публицистъ), М. П. Домерщиковъ и А. А. Макаровъ.

судей, выбранныхъ московскою городскою думою, а также списка товарищей прокурора окружнаго суда, министръ юстиціи Замятнинъ произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

„Государь Императоръ,—сказалъ онъ,—утвердивъ 20-го ноября 1864 г. новые Уставы судопроизводства и судоустройства, соизволилъ признать Уставы эти соотвѣтствующими желанію Его водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ котораго невозможно общественное благосостояніе. Знаменательныя, дорогія каждому русскому слова Его Величества, указывающія *значеніе и цѣль* судебнаго преобразованія, должны служить руководствомъ для всѣхъ дѣятелей на судебномъ поприщѣ; они должны быть *особенно памятны* вамъ, господа предсѣдатели, члены и прокуроры московской судебной палаты и окружнаго суда, какъ удостоившимся счастья быть въ числѣ самыхъ *первыхъ*, избранныхъ Августѣйшимъ нашимъ Монархомъ, для осуществленія его предначертаній по судебной части. Вновь установленный порядокъ судопроизводства,—продолжалъ министръ,—обезпечиваетъ легкое и быстрое обнаруженіе нарушеній закона, а дарованная судамъ самостоятельность даетъ полную возможность твердо и нелицепріятно охранять святость законовъ и точное ихъ исполненіе“ [1]).

Затѣмъ, обращаясь къ московскимъ мировымъ судьямъ, министръ юстиціи выразился такъ:

„Вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями въ эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности. Вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя *наиболѣе* нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей священною волею Государя Императора, и сдѣлать изъ нея *краеугольный камень* гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда. Если вы, *избранные* Москвою, сердцемъ Россіи, пойдете рука объ руку съ судьями, назначенными Державнымъ Главою, то, нѣтъ сомнѣнія, ваши общія усилія увѣнчаются успѣхомъ, и осуществится желаніе нашего возлюбленнаго Монарха: правда и милость будутъ царствовать въ судахъ“.

Въ томъ же духѣ, какъ министръ юстиціи, говорили и высшіе члены магистратуры, коимъ приходилось давать первыя указанія органамъ суда. Такъ, предсѣдатель департамента московской судебной палаты, покойный А. Н. Шаховъ (†), при приводѣ къ присягѣ первыхъ московскихъ при-

---

[1]) См. „*Журналъ Министерства Юстиціи*“, 1866 г., № 4, стр. 207—209.

сяжныхъ повѣренныхъ (изъ нихъ въ сословіи оставались къ 1889 году Н. П. Архиповъ, В. К. Дубровскій, А. И. Имбергъ, Л. Д. Лютеръ, В. А. Панинъ, А. И. Тольхъ, А. М. Фальковскій) произнесъ слѣдующую рѣчь: „Господа! Палатѣ извѣстно, что окружный судъ при обсужденіи правъ лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, былъ строгъ,—разумѣется справедливо строгъ. Онъ не только разсматривалъ ваши письменные документы, но принималъ въ соображеніе и свѣдѣнія, указывающія на личныя ваши качества и образъ прежнихъ вашихъ дѣйствій. Иначе и быть не могло, потому что одно формальное удовлетвореніе тѣмъ условіямъ, которыя требуются закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, еще не служитъ ручательствомъ, что избранный въ повѣренные будетъ правдиво и честно охранять интересы своихъ довѣрителей. Будучи включены окружнымъ судомъ въ это сословіе, вы, господа, значитъ, удовлетворили всѣмъ условіямъ, значитъ, вы оказались во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойными состоять въ немъ. Приступайте же къ исполненію ожидающихъ васъ нелегкихъ обязанностей и продолжайте ихъ съ честью, и вы заслужите уваженіе отъ правительства и отъ общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду“ [1]).

Для характеристики духа того времени не лишено значенія то обстоятельство, что первый предсѣдатель московскаго окружнаго суда Е. Е Люминарскій—не путемъ грозныхъ циркуляровъ, а въ дружеской бесѣдѣ объяснялъ вновь образуемому институту судебныхъ приставовъ ихъ обязанности, стараясь пробудить въ нихъ высокое уваженіе къ принимаемому ими званію. Достойный членъ московской магистратуры, оставившій по себѣ память судьи честнаго и безусловно независимаго (извѣстно, что онъ во время посѣщенія суда министромъ юстиціи гр. Паленомъ встрѣтилъ его не на крыльцѣ, а занимался у себя въ кабинетѣ), сказалъ судебнымъ приставамъ слѣдующую рѣчь:

„Гг. судебные пристава! Поздравляю васъ съ принятіемъ присяги на новую должность. Надѣюсь, вы оправдаете ожиданія общества и правительства; на васъ лежитъ священная обязанность не только поддержать, но возбудить упавшее нынѣ довѣріе къ силѣ и власти суда,—довѣріе, безъ котораго парализуется и самое отправленіе правосудія. Необходимость скораго и точнаго исполненія рѣшеній постоянно сознавалась нашимъ законодательствомъ: начиная съ 1721 года мы находимъ въ указахъ неоднократныя подтвержденія блюстителямъ правосудія какъ высшимъ, такъ и низшимъ, имѣть надзоръ, чтобы дѣла вершились не только на бумагѣ, но чтобы рѣшенія безостановочно и скоро были приведены въ дѣйствительное исполненіе. Къ сожалѣнію, предписанія закона по сему

---

1) „*Судебн. Вѣстн.*“, 1866, № 2.

предмету весьма часто не исполнялись. Приведеніе въ дѣйствіе рѣшенія въ большей части случаевъ возлагалось на полицію, а полиція, обремененная множествомъ разнородныхъ занятій, всегда смотрѣла на приведеніе въ дѣйствіе судебныхъ рѣшеній, какъ на обязанность второстепенную, исполненіе коей можно отложить. Послѣдствія этого вамъ, господа, извѣстны. Рѣшенія судебныхъ мѣстъ, нерѣдко и Правительствующаго Сената, исполнялись не недѣли, не мѣсяцы, а цѣлые года, даже десятки лѣтъ. Выиграть дѣло въ судѣ не значило выиграть его дѣйствительно и получить искомое и присужденное. Цѣлыя состоянія переходили изъ рукъ въ руки, а иногда и совершенно растрачивались отвѣтчикомъ прежде, чѣмъ истецъ, выигравшій тяжбу, получалъ удовлетвореніе. Для устраненія столь важныхъ злоупотребленій и учрежденъ институтъ судебныхъ приставовъ, къ которому вы имѣете честь принадлежать. Господа! Вы клялись честно и добросовѣстно исполнять всѣ обязанности принимаемой на себя должности. Исполните же, господа, вашу клятву, возстановите довѣріе къ суду и закону, составляющимъ основу государственнаго порядка, безъ которыхъ немыслимо и самое государство. Соединитесь дружно для достиженія высокой цѣли. Пусть всякій убѣдится, что со введеніемъ въ дѣйствіе Уставовъ 1864 года дѣла вершаются не только на бумагѣ, но и исполняются на самомъ дѣлѣ. Пусть не бѣдность страшится богатства, а, напротивъ, богатый, но неисправный должникъ спѣшитъ удовлетворить своего незнатнаго кредитора. Пусть исполнительный листъ въ вашихъ рукахъ будетъ *сильнѣе денегъ и связей сильныхъ міра сего.* Съ этимъ оружіемъ вамъ некого и нечего бояться. Защитой вашею будетъ судъ и законъ. Поддержите же, господа, значеніе судебныхъ учрежденій и заставьте умолкнуть поклонниковъ *стараго порядка,* съ недовѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ скрытымъ недоброжелательствомъ относящихся къ новому суду“ [1]).

Вслѣдъ за открытіемъ московскихъ судебныхъ установленій стали открываться провинціальные окружные суды осенью 1866 г. Большая и оживленная борьба происходила между уѣздными городами изъ-за чести и преимущества имѣть у себя окружный судъ. Особенно горячая полемика завязалась между представителями Бѣлозерска и Череповца. Этотъ споръ, какъ равно и другіе, Д. Н. Замятнинъ рѣшалъ на мѣстѣ послѣ

---

[1]) „*Судебн. Вѣстн.*“, 1866, № 1. Этимъ добрымъ пожеланіямъ далеко не вполнѣ суждено было осуществиться. Такъ, въ 70-хъ годахъ нѣкоторые чины высшей мѣстной московской администраціи, гражданской и военной, пользовались настоящею экстерриторіальностью, и судебные пристава, съ исполнительными листами въ рукахъ, бывали безсильны привести ихъ въ исполненіе.

тщательнаго ознакомленія съ географическими, топографическими и судебно-статистическими данными [1]).

Мѣстныя общества, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ предстоящему открытію новаго суда, не скупились на матеріальныя пожертвованія, вслѣдствіе чего расходы казны были значительно сокращены.

Сенаторомъ Гольтгоеромъ были открыты въ ноябрѣ 1866 г. окружные суды: новгородскій, бѣлозерскій [2]), устюжскій [3]), псковскій [4]).

Старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, сенаторомъ В. П. Полѣновымъ, были открыты окружные суды: владимірскій, ярославскій, рыбинскій, кашинскій, калужскій, рязанскій, тульскій, тверской ржевскій [5]).

III.

Къ концу 1866 года новый гласный судъ со всѣми новыми и невиданными дотолѣ принадлежностями, судомъ присяжныхъ, мировымъ судомъ, адвокатурою и пр. уже дѣйствовалъ въ десяти губерніяхъ двухъ судебныхъ округовъ. Новыя формы суда, съ уравненіемъ всѣхъ предъ лицомъ закона, съ гуманнымъ отношеніемъ ко всѣмъ и съ сугубымъ снисхожденіемъ къ случайно впавшему въ преступленіе, производили громадное воспитательное впечатлѣніе на народъ и общество, привыкшее дотолѣ видѣть явную поблажку людямъ сильнымъ и богатымъ со стороны подкупленныхъ либо запуганныхъ судей, или безсиліе закона и судей предъ запирательствомъ ловкаго мошенника и душегубца.

Съ понятнымъ любопытствомъ и затаеннымъ вниманіемъ слѣдило правительство и печать за тогдашними процессами. Залы судебныхъ засѣданій въ столицахъ и въ провинціи ломились отъ напора слушателей, жаждавшихъ посмотрѣть на новую обстановку и формы гласнаго и человѣчнаго суда. Каждая новая прокурорская и адвокатская рѣчь составляла событіе дня. Всѣ газеты того времени переполнялись судебными отчетами. Даже дамы въ салонахъ говорили о новыхъ казусахъ, новыхъ разъясненіяхъ кассаціонной практики.

И общество, и правительство какъ бы упивались замѣчательнымъ успѣхомъ новаго дѣла, въ особенности суда присяжныхъ, съ которымъ

---

1) „*Новгородскія Губернскія Вѣдомости*“, 1865, № 4.

2) См. „*Новгородскія Губернскія Вѣдомости*“, 1866, № 40, 50.

3) „*Губерн. Вѣстн.*“, 1866, № 26.

4) См. „*Псковскія Губернскія Вѣдомости*“, 1866 г., № 85.

5) См. „*Судебный Вѣстникъ*“, 1866 г., №№ 85, 92, 93, и „*Тверскія Губернскія Вѣдомости*“, 1866 г., № 47.

соединялось столько дорогихъ чаяній, но которое внушало столько опасеній, повидимому, очень основательныхъ.

Уже въ своемъ первомъ—и увы! послѣднемъ—всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій министръ юстиціи, Д. Н. Замятнинъ, съ справедливою гордостью упомянулъ о громадномъ успѣхѣ открытыхъ мировыхъ учрежденій [1]).

Отмѣтивъ затѣмъ плодотворную дѣятельность общихъ судебныхъ учрежденій, отчетъ продолжаетъ: „и здѣсь глубокое сочувствіе всѣхъ сословій къ судебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣла предъ судомъ. Быстрота рѣшенія дѣлъ при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ судопроизводства производила, какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, поразительное впечатлѣніе“.

Сильно ошибся бы тотъ, кто принялъ бы приведенную оцѣнку отчета за плодъ оффиціальнаго оптимизма и столь распространеннаго у насъ пристрастія къ учрежденіямъ „своего“ вѣдомства. Лучшимъ доказательствомъ справедливости приведенной характеристики можетъ служить отзывъ о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, появившійся изъ „чужого“ лагеря. Вотъ этотъ отзывъ, помѣщенный въ „*Сѣверной Почтѣ*“, оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (рядомъ съ этимъ оффиціальнымъ панегирикомъ шло отъ двуличнаго П. А. Валуева то противодѣйствіе, о которомъ упоминается выше во главѣ X). „Благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы,—писали въ концѣ 1866 года въ названной газетѣ,—одинаково признаются *всѣми безъ исключенія* правительственными вѣдомствами и свидѣтельствуются *губернаторами всѣхъ губерній*, гдѣ уже введены новыя судебныя установленія“.

Не трудно представить себѣ тотъ горячій энтузіазмъ, съ которымъ общественное мнѣніе привѣтствовало оффиціальное удостовѣреніе блистательнаго успѣха новыхъ судебныхъ учрежденій. Самымъ краснорѣчивымъ выразителемъ благодарнаго общественнаго мнѣнія выступили „*Московскія Вѣдомости*“. „Поистинѣ, едва вѣрится, — съ непритворнымъ умиленіемъ восклицалъ будущій зоилъ новаго суда М. Н. Катковъ въ статьѣ 28-го марта 1867 г., — чтобы въ столь короткое время такъ *крѣпко* и такъ *успѣшно* принялось дѣло столь *важное* и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ *основной* мысли и до мельчайшихъ подробно-

---

[1]) Въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ за воровство-мошенничество среднимъ числомъ осуждалось въ годъ 500 человѣкъ. Послѣ открытія новаго суда въ однихъ мировыхъ учрежденіяхъ за тѣ же преступленія среднимъ числомъ около 1.500 человѣкъ, т.-е. втрое.

стей. *Исторія не забудетъ*,—такъ заканчивалъ онъ статью — *ни одного имени, связаннаго съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи*".

Какою ироніею звучитъ этотъ благородный и идущій отъ сердца панегирикъ новому суду, когда сопоставишь его съ тѣми безчисленными злостными инсинуаціями, съ тѣмъ систематическимъ бросаніемъ грязи, которое усвоилъ себѣ впослѣдствіи тотъ же Катковъ въ союзѣ съ гонителями святыхъ началъ правды и справедливости, положенныхъ въ основаніе судебной реформы. Однако, это безостановочно возобновляющееся въ извѣстной части печати поруганіе основъ новаго суда должно, по справедливому замѣчанію гуманнаго французскаго поэта, не умалить, а усугубить уваженіе къ нимъ въ глазахъ истинныхъ ихъ почитателей:

Храмъ поруганъ нечестивой,
Святотатственной рукой
И стоитъ онъ молчаливый
И печальный, и пустой...
Всѣ бѣгутъ толпой изъ храма,
Но служитель вѣрный въ немъ,
Гуще клубы ѳиміама
Онъ вознесъ предъ алтаремъ.
У поруганной святыни
Весь простерся онъ во прахъ,
Горячѣе, чѣмъ до нынѣ,
Вѣры жаръ въ его мольбахъ!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Введеніе мирового суда.

(Справка къ 30-тилѣтію).

Если судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное, живое право на мѣсто призрака права, то мировой судъ вноситъ право въ такую сферу, гдѣ не существовало и призрака права, даже и понятія о возможности права.

В. П. Безобразовъ.

17-го мая 1866 года открыты были въ Петербургѣ и Москвѣ первыя въ Россіи мировыя судебныя учрежденія, и такимъ образомъ нынѣ (1896 г.) исполнилось первое тридцатилѣтіе со дня существованія этого, еще такъ недавно столь популярнаго въ правительственныхъ сферахъ и столь симпатичнаго народу института, находящагося теперь далеко не въ завидномъ, скажемъ прямо, въ тяжеломъ положеніи. Упраздненныя или находящіяся наканунѣ упраздненія мировыя учрежденія, какъ и всѣ вообще учрежденія, выходящія изъ моды, нерѣдко и особенно въ послѣднее время дѣлались предметомъ явно несправедливой и пристрастной критики, не признающей за ними никакихъ заслугъ и представляющей въ самомъ извращенномъ видѣ смыслъ и цѣль учрежденія мирового суда и значеніе выполненной имъ крупной культурной миссіи. Какія бы превратности ни ждали въ будущемъ мировыя учрежденія, уяснить и отмѣтить ихъ историческую роль въ прошедшемъ столько же дѣло исторической справедливости по отношенію къ нимъ, сколько и практической необходимости въ интересахъ правильнаго оріентированія въ явленіяхъ современной общественной жизни.

I.

Благодаря тому систематическому игнорированію подлинной исторіи нашего современнаго судоустройства, которое составляетъ отличительную черту нынѣшнихъ злостныхъ критиковъ новаго суда, стала безпрепятственно гулять созданная больнымъ воображеніемъ невѣжественныхъ консерваторовъ басня, будто нашъ *выборный* мировой судъ есть не что иное, какъ осуществленіе самой крайней демократической программы à la Руссо, осуществленной радикалами 60-хъ годовъ въ разгаръ либеральныхъ увлеченій, на мѣсто благоразумныхъ предположеній гр. Д. Н. Блудова [1]). Между тѣмъ исторія нашего процесса показываетъ, что первая мысль объ учрежденіи у насъ „мировыхъ судей“ (juge de paix) возникла еще въ 1826 г. и была впервые предложена предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта гр. Кочубеемъ [2]).

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о разысканіи отдаленныхъ корней нашего мирового суда, достаточно для разъясненія дѣла обратиться къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей составленію Судебныхъ Уставовъ. Въ томѣ IV *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи* мы находимъ записку гр. Блудова, гдѣ онъ съ полною откровенностью объясняетъ причину и цѣль учрежденія мирового суда. „Основаніемъ предложеній объ учрежденіи судей мировыхъ,—говорится въ Запискѣ 1859 года,—были два важныя обстоятельства: *уничтоженіе крѣпостного состоянія и рѣшительное отдѣленіе* власти судебной отъ административной. Доселѣ крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину крестьянскаго населенія, не имѣли никакихъ дѣлъ гражданскихъ, и не было повода учреждать гражданскіе суды для разбирательства споровъ по имуществамъ движимымъ незначительной цѣны, какъ сіе установлено въ отношеніи къ маловажнымъ проступкамъ, кои предоставлены вѣдѣнію полиціи. Но когда въ одно время предполагается (это писалось въ 1859 г.) не только освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, но и устраненіе полиціи отъ *всякаго* вмѣшательства въ дѣла судебныя, то власть и дѣятельность становыхъ приставовъ необходимо замѣнить *судебнымъ* установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно ввѣрить и веденіе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ существуютъ такія судебныя лица и мѣста; они тѣмъ въ особенности полезны, что споры въ оныхъ оканчиваются большею частью примиреніемъ или рѣшаются всегда сокращеннымъ порядкомъ, всего чаще при первой явкѣ

---

[1]) См. В. Фукса — „Судъ и полиція“, 193, 222, 236, 237. См. также выше главу VIII.

[2]) См. „Курсъ угол. суд.“ Фойницкаго, стр. 153.

сторонъ, на основаніи словесныхъ между ними объясненій, безъ издержекъ“ [1]). Такимъ образомъ, уже въ 1859 г. были намѣчены гр. Блудовымъ, этимъ авторитетнѣйшимъ въ глазахъ противниковъ новаго суда государственнымъ человѣкомъ, основныя черты мирового института.

Что же касается выборнаго начала, то и оно точно такъ же было предложено тѣмъ же юристомъ; до освобожденія крестьянъ онъ предлагалъ предоставить право избранія мировыхъ дворянскому сословію [2]), а послѣ освобожденія крестьянъ естественно предоставилъ это право всѣмъ сословіямъ [3]). Этотъ же порядокъ былъ принятъ и редакторами Судебныхъ Уставовъ и не по соображеніямъ, заимствованнымъ изъ Contrat Social, какъ увѣряютъ враги судебной реформы, а по соображеніямъ чисто практическимъ и согласно указаніямъ исторіи русскаго законодательства. „Мировые судьи,—сказано въ журналѣ Государственнаго Совѣта 1862 года,—должны быть по преимуществу мѣстными судьями и хранителями мира; общее *довѣріе* мѣстныхъ обывателей составляетъ необходимое условіе ихъ назначенія, а потому правительство было бы поставлено *въ крайне затруднительное* положеніе, если бы приняло на себя ихъ избраніе: *ибо начальствующимъ лицамъ, во всякомъ случаѣ, труднѣе найти столь значительное число вполнѣ достойныхъ лицъ* для замѣщенія всѣхъ должностей мировыхъ судей, чѣмъ обывателямъ каждой мѣстности пріискать людей для опредѣленнаго округа“ [4]).

Вотъ какими чисто дѣловыми соображеніями было вызвано выборное начало въ мировомъ судѣ. Только при полномъ незнакомствѣ съ исторіею русскаго процесса можно видѣть въ выборѣ судей, издавна знакомомъ русскому законодательству, нѣчто опасное, революціонное. Всего 30 лѣтъ тому назадъ, т.-е. до открытія новаго суда, весь почти составъ первой и второй инстанціи назначался по выборамъ сословій (всѣ пять членовъ уѣзднаго суда и всѣ четыре члена магистрата были выборные, въ уголовной палатѣ предсѣдатель и члены были выборные и только товарищъ предсѣдателя—по назначенію отъ правительства). Мало того, даже полицейскія власти были выборныя! [5]). Теперь же невѣжественные критики судебной реформы увѣряютъ, что назначеніе судей по выбору населенія — это такая радикальная реформа, которую только коммунары [6]) вносятъ въ свою программу, какъ pium desiderium!.. Такъ-то нынче пишется исторія!..

---

[1]) См. т. IV, отд. 2-е „Дѣла о преобраз. судебн. части въ Россіи“, стр. 40—41.
[2]) См. т. IV того же „Дѣла“, § 286 Блудовскаго проекта судоустройства.
[3]) См. т. XVI н. д. Журн. Госуд. Совѣта 1861 г., № 48, объ основныхъ началахъ судоустройства, стр. 7—8.
[4]) См. т. XIX н. д., стр. 308.
[5]) См. т. XVII „Дѣла о преобразованіи судебн. части въ Россіи“. Матеріалы №№ 12 и 25 Записки Ровинскаго.
[6]) См. статью г. Ціона въ *„Русскомъ Вѣстникѣ“*.

II.

Правильному сужденію объ исторической роли мирового института, кромѣ завѣдомо невѣрныхъ, распространяемыхъ врагами его, искаженныхъ свѣдѣній объ его происхожденіи, мѣшаетъ также и неправильное освѣщеніе условій его дѣятельности. Рядомъ съ преобразованнымъ судомъ должна была содѣйствовать охранѣ общественнаго порядка и полиція, реформа которой до сихъ поръ еще не осуществилась. „Можно ли утверждать,— писалъ въ 1888 г. одинъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ новаго суда, В. Фуксъ, менѣе всего наклонный относиться съ чрезмѣрною строгостью къ дѣйствіямъ полиціи, что наша полиція уже соотвѣтствуетъ своему назначенію, что она имѣетъ всѣ необходимыя средства для надзора за благосостояніемъ и для охраненія внутренней безопасности, что она состоятельна въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, что она, наконецъ, пользуется подобающимъ ей уваженіемъ? Къ сожалѣнію, — говоритъ Фуксъ,—на всѣ эти вопросы можно дать одинъ отвѣтъ: формально— да, по существу—*нѣтъ*“ [1]). А если это такъ, то справедливо ли всю вину за отсутствіе порядка и безопасности сваливать на мировыя судебныя учрежденія, которыя замкнулись и должны были замкнуться въ роль судей и блюстителей закона?“

Мировому суду ставятъ въ вину его малодоступность, сложность, формализмъ. Упрекъ не лишенъ основанія, но поучительный смыслъ его совсѣмъ не тотъ, какой хотятъ вывести противники мировой юстиціи. Всѣ эти недостатки, привитые реакціонными новеллами, не только не вызываются духомъ этого учрежденія, но прямо имъ исключаются. Могли ли составители Судебныхъ Уставовъ предвидѣть, что въ мировомъ судѣ, производство въ которомъ они освободили въ видахъ его доступности отъ сборовъ, установленныхъ въ общихъ судахъ, будетъ установлена судебная пошлина, *вдвое превосходящая* размѣръ пошлины, существующей въ общихъ судахъ (ст. 202 уст. гр. суд.)? Могли ли они предвидѣть, что мировые судьи будутъ завалены такою массою сложной канцелярской работы и отчетности, которая будетъ невыносимо обременять ихъ въ ущербъ ихъ прямыхъ судейскихъ обязанностей?

Да и самая судебная процедура современнаго мирового судопроизводства, развѣ она не представляетъ иронію надъ тѣмъ упрощеннымъ процессомъ, о которомъ мечтали составители Судебныхъ Уставовъ? Разъясняя значеніе мирового института въ отличіе отъ общихъ судебныхъ учрежденій, они, между прочимъ, писали: „На мирового судью возлагается разсмотрѣніе всѣхъ менѣе важныхъ дѣлъ, ежедневно почти возникающихъ

---

[1]) См. „Судъ и Полиція“, стр. 214.

между большинствомъ населенія, значительная часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ *формализма*, уважаетъ естественную справедливость и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше заботится о скоромъ и на своихъ понятіяхъ основанномъ рѣшеніи. Значительную часть этихъ дѣлъ мировому судьѣ предоставляется рѣшить окончательно, и при этомъ онъ судитъ единолично. Главнѣйшая задача и высшее качество его правосудія — *примиреніе*. Для успѣшнаго исполненія такого важнаго призванія мировой судья долженъ пользоваться особымъ довѣріемъ мѣстныхъ жителей, а довѣріе это онъ можетъ заслужить не столько юридическимъ образованіемъ, сколько знаніемъ народныхъ понятій, нравовъ, обычаевъ, вообще всѣхъ условій мѣстной жизни и въ особенности своимъ здравымъ умомъ, честнымъ характеромъ и безукоризненною жизнью".

Типъ доступнаго всѣмъ судьи, быстро и безъ формальностей рѣшающаго дѣла, и въ самыхъ Судебныхъ Уставахъ не былъ проведенъ достаточно послѣдовательно. Послѣдующая же законодательная и кассаціонная практика еще болѣе измѣнили этотъ типъ, приблизивъ или почти сливъ съ типомъ судьи-юриста, дѣйствующаго въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

III.

Почему же мировыя учрежденія, несмотря на всѣ законодательные и кассаціонные промахи, успѣли, однако, сразу стяжать громадную популярность въ народѣ и сумѣли сдѣлаться самымъ цѣннымъ и плодотворнымъ проводникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей судебной реформы? Отвѣтъ на это мы находимъ въ условіяхъ той дѣйствительности, среди которыхъ пришлось выступить первымъ мировымъ судьямъ.

„Судебная реформа,—писалъ В. П. Безобразовъ,—вноситъ въ народную жизнь право, какъ живой дѣйствительный фактъ, на мѣсто права, существовавшаго лишь какъ мертвая буква закона, какъ смутное понятіе, не исчезавшее, конечно, никогда изъ вѣрованій и понятій народа, но носившееся въ облакахъ надъ его головами, какъ нѣчто неуловимое, неосязаемое, никогда не воплощавшееся въ настоящее практическое дѣло. Если,—говоритъ онъ далѣе,—судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное, живое право на мѣсто призрака, то мировой судъ—вноситъ право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ *не существовало и призрака права*, даже понятія о возможности права" [1]).

Въ такой характеристикѣ нѣтъ и тѣни преувеличенія. Кому не извѣ-

---

[1]) См. „*Русскій Вѣстникъ*", 1866 г.

стно, что право сильнаго и богатаго въ дореформенныя времена было настоящимъ instrumentum regni, было возведено въ систему, въ особенности по маловажнымъ дѣламъ, если сталкивались, съ одной стороны, безправный обыватель, и съ другой — располагающій силою по своему общественному положенію помѣщикъ, богатый купецъ, умѣвшій, послѣдній, при помощи „барашка въ бумажкѣ“, первый же просто однимъ своимъ *властнымъ словомъ*, подкрѣпленнымъ подобающими жестомъ и мимикою, прекращать жалобы потерпѣвшихъ отъ ихъ самовластнаго самодурства и отъ безсовѣстнаго надувательства и обсчитыванія.

Покойный Фуксъ, постоянный сотрудникъ „*Русскаго Вѣстника*“ и „*Московскихъ Вѣдомостей*“ 80-хъ годовъ, отнюдь не расположенный рисовать въ преувеличенно мрачныхъ краскахъ дореформенные порядки, представляетъ въ такомъ состояніи судъ и расправы при полицейскихъ управленіяхъ наканунѣ открытія новаго суда. „До начала 60-хъ годовъ,—пишетъ Фуксъ,—общественное сознаніе въ отношеніи къ полиціи выражалось двояко: въ *высшихъ* и даже *среднихъ* общественныхъ слояхъ на полицію у насъ смотрѣли свысока, *съ презрѣніемъ*, въ низшихъ—*со страхомъ*. Высшіе слои по своему родовому или имущественному привилегированному положенію вовсе не считали своимъ долгомъ исполнять требованій полиціи и даже сами еще предъявляли къ ней свои притязанія для огражденія своихъ юныхъ птенцовъ отъ послѣдствій ихъ собственнаго безчинства; военные же и лица, состоящія на службѣ, даже мелкіе чиновники, опираясь на защиту своего начальства, смотрѣли на полицію *еще безцеремоннѣе*; а средніе промышленники и торговые классы освобождались отъ всякихъ требованій полиціи или пріобрѣтали, гдѣ было нужно, ея содѣйствіе посредствомъ *взятокъ*, получившихъ, напр., на фабрикахъ, заводахъ, въ лавкахъ и по питейной части характеръ *постояннаго жалованья* полицейскимъ чинамъ. Оставалась затѣмъ *безправная масса* низшихъ городскихъ обывателей, а въ уѣздахъ—поселяне, но для нихъ полиція была уже не охраной, а самимъ строгимъ и придирчивымъ начальствомъ, отъ притязаній коего необходимо было *откупаться* [1]). Правда, у населенія было право жаловаться на исправниковъ и становыхъ, и городничихъ, но оно было поставлено въ такія условія, которыя иные хотѣли бы перенести на нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ, и которое сводилось къ нулю. Мы знаемъ изъ „Ревизора“, къ чему сводилось громкое по названію право обжалованія даже для „самоварниковъ“. Остальное же населеніе и не дѣлало попытокъ не только къ обжалованію противозаконныхъ дѣйствій полиціи [2]), но даже къ осуществленію своего права

---

[1]) См. В. Фукса—„Судъ и полиція“, стр. 218—219.

[2]) Ibid., ч. II, стр. 188.

на предъявленіе къ полиціи гражданскихъ исковъ. До какой степени старый полицейскій судъ *отвадилъ* народъ отъ суда, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. На обязанности городской полиціи лежалъ, между прочимъ, „словесный разборъ“ мелкихъ споровъ, съ запискою жалобъ и рѣшеній по нимъ въ особую книгу. И что же? Когда губернаторы ревизовали полицейскія учрежденія, означенныя книги оказывались *чистыми отъ первой до послѣдней страницы*! [1]).

Ошибочно было бы думать, что среди этого безправнаго населенія [2])

---

[1]) Въ „*Былomъ и Думахъ*“ Герцена находимъ слѣдующую, записанную съ натуры картину полицейской расправы, прекрасно иллюстрирующую причину образцовой *чистоты* полицейскихъ книгъ, которой такъ не доставало у совѣсти содержателей книгъ... —Предъ квартальнымъ стоятъ обвинительница (содерж. публичнаго заведенія) и обвиняемый (сидѣлецъ). „Вмѣсто суда, — разсказываетъ Герценъ, видѣвшій сцену „патріархальнаго суда“ во время ареста своего въ Москвѣ въ частномъ домѣ,—Соломонъ-квартальный бранилъ ихъ обоихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. — Съ жиру собаки бѣсятся, — говорилъ онъ, — сидѣли бы, бестіи, спокойно у себя, благо мы молчимъ и мирволимъ. Вишь, важность какая! поругались—да и тотчасъ *начальство безпокоить!* И что вы за фря такая? словно вамъ въ первый разъ... Полпивщикъ (обвиняемый) тряхнулъ головой и передернулъ плечами въ знакъ глубокаго удовольствія. Квартальный тотчасъ напалъ на него.— А ты что изъ-за прилавка лаешься, собака? Хочешь въ сибирку? Сквернословъ эдакой, да лапу еще подымать,—а березовыхъ, горячихъ... хочешь?.. „Для меня эта сцена имѣла всю прелесть новизны, это былъ первый патріархальный русскій процессъ, который я видѣлъ“,—пишетъ Герценъ и затѣмъ продолжаетъ:—„содержательница и квартальный кричали до тѣхъ поръ, пока взошелъ частный приставъ. Онъ, не спрашивая, зачѣмъ эти люди тутъ и чего хотятъ, закричалъ еще больше дикимъ голосомъ: „*Вонъ, отсюда, вонъ*, что здѣсь—торговая баня или кабакъ?“ Прогнавши „сволочь“, онъ обратился къ квартальному: „Какъ вамъ это не стыдно допускать такой безпорядокъ? Сколько разъ вамъ говорилъ? Уваженіе къ мѣсту теряется—шваль всякая станетъ послѣ этого содомъ дѣлать. Вы потакаете слишкомъ этимъ мошенникамъ“ (Сочин. VI, 220—221). — Вѣроятно, слюнки потекутъ у нынѣшнихъ „Гражданнин'скихъ“ почитателей „властной руки“, при чтеніи этой живописной сцены „патріархальнаго суда“, о возстановленіи котораго не перестаютъ они мечтать...

[2]) О безправности населенія и полновластіи администраціи въ дореформенное николаевское время у Н. А. Любимова находимъ слѣдующія игривоѣдкія строки: „Начальство сдѣлалось *все* въ странѣ. Все кесареви; Богови оставалось весьма немного. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго. Въ начальствѣ совмѣщались законъ, правда, милость и кара. — Губернаторъ при какой-то ссылкѣ на законъ, взявшій со стола томъ Свода Законовъ и *съѣвшій на него* съ вопросомъ—гдѣ законъ? былъ лицомъ *типическимъ* и въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ... Купецъ торговалъ,—продолжаетъ въ Щедринскомъ духѣ г. Любимовъ,—потому, что на то была милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ обѣда—въ силу начальническаго позволенія. Приказный пилъ водку, женился, плодилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисхожденія. Дышали воздухомъ потому, что начальство, снисходя къ

господствовалъ хоть внѣшній городской порядокъ и благоустройство. Какъ всегда и вездѣ наблюдается, при отсутствіи должной охраны правъ гражданъ они и къ обязанностямъ своимъ относятся съ полнымъ пренебреженіемъ. Вотъ почему при полицейскомъ полновластіи, при которомъ безцеремонно нарушались права гражданъ, все-таки не было у насъ порядка и чистоты даже въ столицахъ. Въ „Дневникѣ“ академика Никитенко за 1864 г., между прочимъ, приведенъ такой фактъ. Разносчики, стоявшіе подъ арками Гостинаго двора (въ Петербургѣ), производили тамъ нечистоты и обращались грубо съ публикою. Полиція разгоняетъ ихъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, а публика должна была ходить, чтобы купить десятокъ яблокъ, за нѣсколько верстъ [1]).

Назначеніемъ мирового института было внесеніе въ сферу повседневныхъ гражданскихъ отношеній первыхъ элементовъ благоустроеннаго общежитія—*сознанія гражданами своихъ правъ и обязанностей.* Если новый гласный судъ называютъ—и справедливо называютъ—школою гражданскаго воспитанія, то мировыя учрежденія съ тысячами камеръ, разбросанныхъ по самымъ отдаленнымъ захолустьямъ нашего обширнаго отечества, являлись первою и самою важною ступенью этой школы. Не даромъ министръ юстиціи, Д. Н. Замятнинъ, въ рѣчи своей, произнесенной при открытіи новаго суда, назвалъ мировой судъ „*краеугольнымъ камнемъ* гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда!“ Въ самомъ дѣлѣ, общія судебныя учрежденія и по отдаленности мѣста своего нахожденія, и по сравнительно большей важности подсудныхъ имъ дѣлъ имѣли и имѣютъ

слабости нашей, опускало въ атмосферу достаточное количество кислорода, рыба плавала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу, потому что такъ разрѣшено начальствомъ. Начальникъ былъ безотвѣтственъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ въ тѣхъ же условіяхъ начальство надъ собою... Военные люди, какъ представители дисциплины, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ синодѣ въ качествѣ оберъ-прокурора и т. д. (см. 182—183 н. н. „Катковъ и его истор. заслуга“). Грозою казанскихъ жителей въ 30-хъ годахъ былъ полицеймейстеръ Поль. „Много я на своемъ вѣку видалъ чиновныхъ изверговъ,—разсказываетъ Михайловъ,—но равнаго Полю не встрѣчалъ. Не говорю объ алчности его къ деньгамъ: это была общая всѣмъ слабость въ ту пору. Поль дѣлалъ зло изъ одного удовольствія дѣлать его, не имѣя отъ этого никакой выгоды. Законъ и право для этого человѣка не существовали. У него была неудержимая страсть къ тѣлеснымъ наказаніямъ, и онъ истязалъ людей совершенно невинныхъ. Полицейскимъ чинамъ стоило взять совершенно непричастнаго ни къ какому проступку человѣка и донести на другой день полицеймейстеру, что взятый задержанъ за пьянство и буйство, Поль безъ всякой повѣрки донесенія тотчасъ же приказывалъ его при себѣ растянуть и высѣчь. Этой участи подвергались не только простолюдины, но даже и мелкіе чиновники. Одного портного засѣкли до смерти („*Русск. Стар.*“, 1899, № 10). Жалобы были безполезны“.

[1]) „*Русск. Стар.*“, 1891 г., № 5, стр. 403.

соприкосновеніе съ народными массами гораздо рѣже мировыхъ. Можно прожить много лѣтъ и ни разу не имѣть случая попасть на засѣданіе окружнаго суда и на судъ присяжныхъ; но рѣдко кто въ томъ или другомъ качествѣ не видѣлъ обстановки мирового судоговоренія, и въ этомъ отношеніи мировыя учрежденія, какъ своего рода элементарная народная школа, имѣли для народнаго воспитанія громадное значеніе.

Добрыя традиціи, сразу привившіяся подъ вліяніемъ господствовавшаго въ 60-хъ годахъ либерально-гуманнаго направленія мировому институту почти повсемѣстно, сдѣлали то, что онъ съ первыхъ же дней сдѣлался необыкновенно популяренъ именно въ *народныхъ массахъ* [1]). Мировые судьи дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы *пріохотить* народъ къ суду, чтобы возстановить къ нему довѣріе, чтобы поколебать укоренившееся въ немъ убѣжденіе о безполезности и даже опасности „тягаться съ сильнымъ и богатымъ“. Дѣлалось это, конечно, не въ видахъ поощренія кляузнаго сутяжничества, а въ видахъ привитія русскому человѣку сознанія своего человѣческаго достоинства, правового сознанія, безъ котораго немыслимо никакое гражданское развитіе, сознанія, что обезпеченное закономъ право находитъ защиту въ судѣ, несмотря на силу и могущество обидчика.

Широко распахнули мировые судьи двери камеръ своей „судебной школы“ предъ изумленными очами сермяжнаго народа. Въ Москвѣ бывали случаи, что мировые судьи „въ первые медовые мѣсяцы“ устраивали засѣданія, за невозможностью помѣстить публику въ камерѣ, наподобіе древняго римскаго суда sub Jove, на дворѣ подъ открытымъ небомъ! Въ наше „охлажденное,“ „трезвенное“, но и скучное и скудное идеями время поклоненія золотому тельцу современнаго убогаго, безъидейнаго опортюнизма съ его реставрированными упрощенными манипуляціями дореформенной „властной руки“—все это можетъ показаться ребячествомъ, донкихотствомъ, но развѣ не такія героическія усилія нужны были для того, чтобы „заманить“ народъ въ судъ, котораго онъ дотолѣ обѣгалъ, какъ зачумленнаго мѣста? Диву давался народъ при видѣ этого новаго,—новаго во всѣхъ отношеніяхъ, и по внѣшней обстановкѣ, и по внутреннему смыслу, суда! Вмѣсто грубаго окрика и зуботычинъ онъ встрѣчалъ привѣтливаго „мирового“, который говорилъ всѣмъ „вы“, внимательно выслушивалъ и одинаково судилъ и знатнаго барина, генерала, адмирала, милліонера, и лапотнаго мужика, и не давалъ въ обиду „маленькаго чело-

---

[1]) Въ с. Васильевѣ, Уфимской губ., какъ сообщали мѣстныя „Губернскія вѣдомости“, такъ заинтересовались сценами мирового разбирательства, печатавшимися въ столичныхъ газетахъ, что выучили ихъ наизусть и разыгрывали въ разныхъ домахъ. „*Журн. Мин. Юст.*“, 1867, № 5, стр. 412.

вѣка“, хотя бы пришлось ему столкнуться съ полицейскими властями или богатымъ и сильнымъ противникомъ. На мѣсто стародавняго выраженія: „для насъ законъ не писанъ“, народъ сталъ говорить: „нынѣ драться не велятъ“, „за это мировой по головѣ не погладитъ“, „нынче всѣ равны предъ судомъ“ и пр.

Вѣря въ высокое призваніе свое, мировые судьи перваго избранія съ необычною энергіею и любовью къ дѣлу принялись за исполненіе своихъ обязанностей. Уже съ 18-го мая мировые суды стали принимать въ Москвѣ просителей. Засѣданія происходили не только по утрамъ, но и по вечерамъ. Прошенія принимались „во всякій часъ дня и ночи, и гдѣ бы ситель судью ни встрѣтилъ“. „Московскіе мировые судьи,—читаемъ въ „*Судебномъ Вѣстникѣ*“,—очень ревностно принялись за дѣло, обнаруживъ притомъ не мало смѣтливости и умѣнья самому узнать истину. Такъ, одинъ изъ нихъ по жалобѣ какой-то дамы на дерзость и ругательство со стороны кухарки немедленно отправился, будучи въ тотъ часъ свободенъ, въ указанный домъ, и прежде чѣмъ виновная успѣла узнать, кто былъ этотъ неожиданный посѣтитель, ему пришлось самому быть свидѣтелемъ ругательствъ, которыя не замедлила повторить дерзкая кухарка. Многіе судьи, замѣтивъ сами какія-либо безчинства на улицѣ, отсылали виновныхъ къ суду. „Всѣми судьями рѣшено,—писали въ ту же газету,—употребить всевозможныя усилія, чтобы искоренить уличное сквернословіе, эту язву нашего народа. Сквернословіе, рядомъ съ нимъ непомѣрная нечистота нашихъ тротуаровъ, вслѣдствіе слишкомъ откровенныхъ привычекъ нашего народа, дѣлаютъ въ Москвѣ для дамъ и дѣтей почти совершенно невозможнымъ ходить по улицамъ. Наши мировые рѣшили не пропускать ни одного такого случая сквернословія или иной неблагопристойности, дѣйствуя сначала внушеніемъ, а потомъ другими взысканіями“ [1]).

IV.

Впечатлѣніе, произведеное первыми шагами дѣятельности мирового суда, было громадно и поразительно. По справедливому замѣчанію одного публициста того времени, уже первые мѣсяцы дѣятельности мировыхъ учрежденій произвели настоящій „переворотъ“ въ бытовыхъ отношеніяхъ и умахъ [2]). „Чтобы убѣдиться,—писалъ Безобразовъ —какъ мало въ этихъ

---

[1]) См. „*Суд. Вѣстн.*“, 1866 г., № 3.

[2]) Говоря о времени открытія мировыхъ учрежденій, юбилейный отчетъ сообщаетъ характерныя подробности, свидѣтельствующія о чрезвычайной популяр-

словахъ преувеличенія, надо видѣть *изумленіе* людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиняться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе, изумленіе, подавляющее своею силою, даже раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры *господа*, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованья за полгода службы только потому, что скужители имъ не понравились; *рабочіе*, самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма вопреки письменному контракту только потому, что цѣна на работы поднялась; *пьяницы*, *никогда не* слыхавшіе, что нельзя было валяться и ругаться на улицахъ; *мужья*, не имѣвшіе никакого понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ; *баринъ*, ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ, и т. д., и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—необходимы были прежде всего *неимовѣрныя* усилія, чтобы люди всѣхъ званій и состояній поняли, что они вызваны къ мировому суду не для шутки, и что приговоръ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе. *Это истинный переворотъ въ умахъ* и къ тому же еще чрезвычайно быстро совершающійся послѣ двухъ строкъ приговоровъ, энергически приведенныхъ въ исполненіе посреди людей, пораженныхъ изумленіемъ, не вѣрящихъ своимъ глазамъ, чтобы покровитель-

---

ности мирового суда съ самаго его возникновенія. Въ первые же дни мировые судьи были завалены массою прошеній и жалобъ по дѣламъ, подлежавшимъ и даже не подлежавшимъ ихъ разбирательству. Новый судъ, читаемъ въ отчетѣ, кромѣ интереса новизны, быстро сдѣлался популярнымъ своею доступностью, быстротою и несложностью формальностей сравнительно съ прежнимъ судомъ; въ народной массѣ явилось сознаніе *правъ и гарантій*, которыя или не существовали ранѣе, или существовали только по имени, но были упразднены на практикѣ за фактическою невозможностью ихъ осуществленія. Естественно, что потребность въ осуществленіи ихъ при первой возможности проявилась огромнымъ наплывомъ просителей и публики въ камерахъ мировыхъ судей. Нѣкоторыя камеры не могли вмѣщать всѣхъ являющихся, и были случаи, что судьи, не желая стѣснять столь необходимую, въ особенности на первыхъ порахъ, гласность, производили разбирательство *на дворѣ при камерѣ*, чтобы не лишить всѣхъ явившихся возможности присутствовать на разбирательствѣ. „Естественныя въ каждомъ новомъ дѣлѣ, — продолжаетъ отчетъ,—недоразумѣнія везникали со всѣхъ сторонъ, „новыя права“ подвергались преувеличеннымъ толкованіямъ, вслѣдствіе чего къ мировымъ судьямъ обращались съ такими просьбами, которыя явно выходили изъ предѣловъ вѣдомства мирового суда, если не вовсе не подлежали судебному разбирательству. Начиная отъ просьбы вникнуть въ семейныя отношенія и уладить семейные разлады, до просьбъ, имѣвшихъ характеръ бракоразводныхъ дѣлъ, начиная отъ жалобъ на оскорбленія выраженіями самаго невиннаго свойства, до жалобъ на истязанія и грабежи,—все это направлялось къ мировому судьѣ, который съ первыхъ же дней явился *живымъ истолкователемъ* правъ, предоставляемыхъ каждому, и обязанностей, возлагаемыхъ на него закономъ“. (С м 25-тилѣтіе Мир. Суд. Уст.)

ство, оказанное ими исправнику, не освобождало ихъ отъ обязанности платить жалованье слугамъ, или чтобы дружественныя попойки съ засѣдателемъ полицейскаго управленія не давали имъ права *бить* не только рабочихъ, но и *самихъ полицейскихъ служителей*. Изумленіе, однако, быстро смѣняется другими чувствами, и *толпа народа валитъ* къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ такія дѣла, которыя на памяти людской никогда иначе не рѣшались, какъ кулачнымъ правомъ, а въ самомъ лучшемъ случаѣ *терпѣніемъ и забвеніемъ*“ [1]).

Оффиціальныя данныя вполнѣ подтверждаютъ эту характеристику и значеніе мирового института. „Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—писалъ министръ юстиціи, Д. Н. Замятнинъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ по министерству,—простота мирового разбирательства, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали *всеобщее къ мировому институту довѣріе*. Въ особенности *простой народъ*, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять Верховнаго Законодателя за дарованіе Россіи суда, *столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ*. Довѣріе къ мировымъ судьямъ,—продолжаетъ министерскій отчетъ,—доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ въ прежнихъ судахъ *вовсе не возникали*. Равнымъ образомъ, приносили мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія [2]).

---

[1]) См. октябрьскую книжку „*Русск. Вѣстн.*“ за 1866 г.

[2]) Въ сибирской рѣчи своей 1897 г., упомянувъ о мировыхъ судьяхъ, призванныхъ служить въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ Сибири и быть почти единственными органами, непосредственно соприкасающимися съ населеніемъ по обыденнымъ его дѣламъ, статсъ-секретарь Муравьевъ сказалъ: „Между вновь назначенными мировыми судьями есть немало людей молодыхъ, но мы не боимся этого, увы, скоропреходящаго свойства: опытъ неуклонно и неразлучно сопровождаетъ ревностный трудъ, выдержка и характеръ восполняютъ года, а молодость—значитъ бодрость, энергія, выносливость, и въ молодости, руководимой образованіемъ и воспитанностью, всегда свѣжѣе и ярче благородные идеалы добра. Правительство твердо надѣется, что сибирскіе мировые судьи окажутся на высотѣ этого исключительнаго призванія и будутъ творить царское правосудіе съ честью, съ усердіемъ, скажу больше—съ благоговѣніемъ. Въ глуши, въ одиночествѣ, среди суровой природы и чуждыхъ людей—это будетъ своего рода *подвигомъ*, но пусть даже и такъ,—сознательный подвигъ и безкорыстная жертва возвышаютъ

Приводимыя въ отчетѣ Замятнина цифры показываютъ, какъ быстро расла популярность мировыхъ учрежденій въ столицахъ. Съ 17-го мая по 17-е ноября въ 28 участкахъ Петербурга было возбуждено 56.144 дѣла, изъ нихъ рѣшено и прекращено миромъ 44.770 дѣлъ (12,504 уголовныхъ и 32,266 гражданскихъ). Въ 17 участкахъ Москвы за тотъ же полугодовой періодъ было возбуждено 31.608 дѣлъ (уголовныхъ 12.784 и гражданскихъ 18.824), рѣшено 17.171. На каждаго мирового судью, несмотря на новизну и трудность новой гласной процедуры, приходилось среднимъ числомъ около 2.000 дѣлъ! Такая энергичная дѣятельность [1]) особенно

того, кто способенъ на нихъ. Въ подобномъ служеніи ярко засвѣтится искра Божія, озаряющая темноту, и если съ теченіемъ времени цѣпь мирового судьи сдѣлается въ Сибири живымъ символомъ закона и правды, то новые судьи сослужатъ великую незабвенную службу Царю и Отечеству". „Ж. М. Ю.", 1897 г., № 7. Нужно надѣяться, что эти прекрасныя слова, такъ живо напоминающія настроенія первыхъ дѣятелей судебной реформы, найдутъ откликъ и въ сердцахъ преемниковъ ихъ. Къ сожалѣнію, нынѣшнее общественное настроеніе очень мало похоже на тогдашнее. „Въ 60-хъ годахъ,—писалъ въ 1894 году въ „*Гражданинѣ*" самъ князь Мещерскій, публицистъ, далеко имъ не сочувствующій,—*все кипѣло* жаждою духовною, тогда *лучшіе люди* шли на общественную службу, тогда какъ въ каждомъ русскомъ человѣкѣ билось сильнѣе сердце, тогда либералы создали цѣлую Ніагару мыслей, стремленій и пр. То ли нынѣ наблюдается?" Не во власти людей вызывать нравственный подъемъ и воодушевленную бодрость. „Не всегда возможенъ,—справедливо указывалъ г. Муравьевъ въ другомъ мѣстѣ,—животворящій духъ горячаго увлеченія высокими идеалами, который окрыляетъ силы и заставляетъ не замѣчать препятствій". См. его вступительное слово въ судебной комиссіи („*Ж. М. Ю.*", 1895 г., № 1, стр. 47).

[1]) Приводимъ изъ составленнаго мировымъ судьею В. К. Вульфертомъ сборника „Двадцатипятилѣтіе московскихъ столичныхъ мировыхъ судебныхъ установленій" еще нѣкоторыя данныя объ нихъ. Чтобы судить о размѣрахъ дѣятельности, проявленной мировыми судебными учрежденіями, достаточно принять на видъ, что перешедшія къ нимъ дѣла вѣдались до 1866 года слѣдующими семью учрежденіями: уѣзднымъ судомъ, надворнымъ судомъ, комиссіей для словесной расправы между рядчиками и рабочими, девятью словесными судами при полицейскихъ частяхъ города и управленіемъ 17 частей города Москвы. Если сопоставить рядомъ съ этою многочисленностью учрежденій количество производившихся въ нихъ дѣлъ, незначительность его сразу бросается въ глаза. Уголовныхъ дѣлъ производилось въ годъ 1.793, а гражданскихъ 6.200, всего, стало быть, около 8.000. Какъ велика въ этомъ отношеніи перемѣна, происшедшая со введеніемъ мировыхъ учрежденій, явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1890 году у мировыхъ судей возникло:

Уголов. дѣлъ	28.850
Гражданскихъ	38.137
	66.987

т. е. въ теченіе 25 лѣтъ число дѣлъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ 8 разъ. Что явленіе это слѣдуетъ приписать не естественному росту населенія (оно въ Москвѣ увеличилось нѣсколько больше двухъ разъ) или развитію городской жизни, а

бросалась въ глаза при сопоставленіи ея съ предшествовавшимъ временемъ, когда полицейскія книги, назначенныя для записи приговоровъ, въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняли свою дѣвственную чистоту! Представители общества, являясь органомъ общественной признательности, всякими способами выражали свою симпатію мировому суду. Но представители общества выражали свою симпатію не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Когда по первому вызову С.-Петербургской городской думы явилось въ виду назначеннаго скуднаго вознагражденія въ 2.200 р. очень немного лицъ, изъявившихъ желаніе баллотироваться на должность мирового судьи, дума возвысила окладъ съ 2.200 р. до 4.500 р. [1]). Какъ только оказалась надобность, въ виду накопленія дѣлъ, въ увеличеніи числа участковъ, петербургская дума ассигновала необходимыя средства. Точно такъ же и московская общая дума, несмотря на стѣсненное положеніе городскихъ финансовъ, не затруднилась назначить добавочное содержаніе на мировыя судебныя учрежденія.

V.

Но какъ всякое учрежденіе, поставившее себѣ цѣлью искорененіе широко распространеннаго зла и застарѣлыхъ привычекъ, новыя мировыя учрежденія были встрѣчены въ высшей степени враждебно со стороны тѣхъ слоевъ общества, которымъ было на руку господствовавшее дотолѣ безправное состояніе массъ. Особенно ополчились противъ мирового института органы крѣпостнической партіи, которые, не смѣя думать о возвратѣ былого добраго стараго времени въ его чистомъ видѣ, хотѣли бы удержать, по крайней мѣрѣ, привилегированное положеніе, обезпечи-

именно строю и направленію новыхъ мировыхъ судебныхъ установленій, это можно вывести изъ сопоставленія данныхъ о дѣятельности ихъ за первые же мѣсяцы ихъ существованія. Московская городская дума, исходя изъ того соображенія, что къ мировымъ судьямъ будетъ поступать значительное количество мелкихъ дѣлъ, для которыхъ до судебной реформы „не было ни суда, ни расправы“, при дѣленіи гор. Москвы на участки предполагала, что общее число дѣлъ сравнительно съ прежними увеличится вдвое, т.-е. будетъ 16.000 въ годъ. На самомъ дѣлѣ въ первое же полугодіе число дѣлъ, возникшихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, достигло 38.000, т.-е. превысило число дѣлъ, возникавшихъ въ дореформенныхъ учрежденіяхъ за соотвѣтственное время *болѣе, чѣмъ въ 9 разъ*. Что касается быстроты производства дѣлъ, то о ней могутъ дать понятіе слѣдующія данныя: изъ общаго числа возникшихъ въ 1890 г. 28.850 уголовныхъ дѣлъ рѣшено въ томъ же году 28.179, а изъ числа 38.137 гражданскихъ дѣлъ рѣшено 37.321. Всего мировыми судьями рѣшено въ теченіе 25 лѣтъ—1.368.546 дѣлъ, среднимъ числомъ около 55.000 въ годъ.

[1]) См. „*Журн. Мин. Юст.*“, 1867 г., № 5. стр. 184.

вающее безнаказанное самоуправство. Почитатели дореформенныхъ порядковъ особенно возмущались „непозволительнымъ вольнодумствомъ“ мировыхъ судей, которые говорили всѣмъ *вы*, осмѣливались ставить на *одну доску* барыню и кухарку при обвиненіи первой въ самоуправствѣ либо оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ [1]). Судьи, исполнявшіе свято воз-

[1]) Подъ характернымъ заглавіемъ „Обломки разбитаго корабля“ В. Н. Никитинъ выпустилъ въ 1891 г. къ „судебному юбилею“ книгу, въ которой собраны сцены у мировыхъ судей 60-хъ годовъ, представляющія крайне назидательную картину нравовъ извѣстной части нашего общества, не могшей примириться съ началомъ равноправности, введеннымъ судебною реформой. Такихъ сценъ масса. Въ одной изъ нихъ фигурируетъ генералъ Симборскій, страшно обидѣвшійся на мирового судью, который въ отвѣтъ на его требованіе, чтобы ему, какъ кавалеру ордена св. Владиміра, поданъ былъ стулъ, приказалъ подать два стула: одинъ генералу Симборскому, другой истцу мѣщанину (стр. 139).—Контръ-адмиралъ Арбузовъ былъ возмущенъ тѣмъ, что мировой судья попросилъ его итти за рѣшетку (въ публику) и тамъ дожидаться очереди. Въ апелляціонной жалобѣ своей съѣзду г. Арбузовъ, между прочимъ, писалъ: „Услыша поочереди призывъ ... дь и: «г. Арбузовъ и г. Соколовъ», конечно, по идеѣ *соціализма* или непонятнаго *энгелизма* (sic), часто повторяемой отъ многихъ неучей мышленія, какъ будто ведущихъ къ прогрессивности, что, къ сожалѣнію, отъ непониманія сущности ведетъ наше должное развитіе къ ущербу съ понятіемъ о ложномъ, мнимомъ равенствѣ состояній или закона, что слышанныхъ, къ сожалѣнію, отъ многихъ мировыхъ судей при народномъ собраніи разбирательства исковъ, въ чемъ мое опредѣленіе подвергаю рѣшенію судей, какъ здравомыслящихъ по непреложнымъ законамъ природы (тамъ же 128)“.—До какой степени это дикое наслѣдіе дореформенныхъ порядковъ непонятно было европейцамъ, видно изъ того, что надъ ними иронизировала даже архиконсервативная прусская газета. „Крестовая Газета“ (тамъ же, 145).

— Какимъ обиднымъ и вопіющимъ диссонансомъ кажутся эти старыя сословно-крѣпостническія притязанія, если вспомнить, что въ Англіи еще по Великой хартіи 1215 г. признано равенство всѣхъ свободныхъ гражданъ передъ закономъ. Робертъ Пиль имѣлъ полное право поставить въ особую заслугу англійской аристократіи такое уваженіе къ равноправности. „Милорды,—говорилъ онъ въ 1770 году въ палатѣ лордовъ,—вашимъ предкамъ, англійскимъ баронамъ, обязаны мы законами и конституціею, которою обладаемъ. Я думаю, что не воздали должной справедливости ихъ образу дѣйствій, когда они исторгли у своего сюзерена то великое признаніе національныхъ правъ, которое заключается въ Великой хартіи. Они не присвоили ихъ себѣ однимъ, но сдѣлали ихъ *общимъ благомъ* и достояніемъ *всего народа*. Они не сказали: таковы права большихъ бароновъ или таковы права большихъ прелатовъ. Нѣтъ, милорды, языкомъ грубой латыни того времени сказали они: nullus liber homo (ни одинъ свободный человѣкъ), и столь же заботливо отнеслись къ самому *ничтожному изъ подданныхъ, какъ и къ самому знатному*. Это чудныя слова; нехорошо звучатъ они только въ ушахъ буквоѣдовъ; они обращаются къ человѣческому сердцу. Эти три слова—nullus liber homo—имѣютъ значеніе для *всѣхъ насъ*; они стоятъ того, чтобы ихъ запомнить, заучить наизусть; они стоятъ всѣхъ классиковъ“... (см. превосходную монографію В. Ѳ. Дерюжинскаго—Habeas corpus act., стр. 5).

ложенную на нихъ закономъ обязанность чинить судъ „равный для всѣхъ“, безъ церемоніи обвинялись въ опасныхъ, революціонныхъ наклонностяхъ. Но первое время защитники крѣпостническихъ тенденцій были крайне малочисленны, и лучшая и большая часть печати стояла горою за судебную реформу. Отвѣчая на крѣпостническія выходки „*Вѣсти*“ противъ мирового суда, „*Московскія Вѣдомости*“, между прочимъ, указывали на недобросовѣстность критиковъ этого молодого учрежденія, игнорировавшихъ его цѣль и новыя условія его дѣятельности. „Щедрость общественныхъ учрежденій относительно мирового института при стѣсненныхъ городскихъ финансахъ получаетъ,—писала эта газета,—значеніе *непререкаемаго* заявленія о пользѣ мировыхъ учрежденій, сознаваемой всѣми обывателями. А между тѣмъ мировая часть судебныхъ учрежденій подверглась и подвергается *наиболе злобнымъ* нападкамъ со стороны нашихъ *консерваторовъ извѣстнаго сорта*, сердящихся, повидимому, на судебную реформу, какъ и на другія преобразованія, всего болѣе за то, что они идутъ не безъ успѣха. Мировые судьи замѣнили у насъ, главнымъ образомъ, разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ. Кто не помнитъ, что это такое было?—Кто будетъ утверждать, что прежнее судебное полицейское разбирательство было способно къ развитію? И наоборотъ, кто не видитъ, что самыя упущенія мировыхъ судей не пропадаютъ даромъ для дѣла; что они становятся предметомъ обсужденія въ мировыхъ съѣздахъ, устроенныхъ корпоративно и, слѣдовательно, способныхъ хранить результаты пріобрѣтенной опытности; что они, наконецъ, подлежатъ контролю публики и всяческой критикѣ какъ устной, такъ и печатной. Теперь всякое ихъ упущеніе выходитъ наружу, и всякому доброжелателю *и недоброжелателю* правосудія на Руси открыта полная возможность слѣдить за дѣйствіями мирового суда и при первомъ поводѣ подвергать его порицанію *и даже не заслуженному*. Было ли что нибудь подобное прежде, когда господствовала канцелярская тайна. Насколько же добросовѣстно

Европа такъ привыкла вѣрить въ подкупность русскаго суда, что, когда разнесся слухъ о преданіи суду архимилліонера Овсянникова, юмористическое изданіе „*Кладерадачъ*“ помѣстило слѣдующую злую, но оправдываемую прошлымъ русскаго суда корреспонденцію изъ Петербурга: „*12-тикратный* милліонеръ Овсянниковъ арестованъ. Непостижимо! Или у него вовсе нѣтъ 12-ти милліоновъ или же на дняхъ услышимъ, что *11-тикратный* милліонеръ освобожденъ отъ преслѣдованія“. Къ чести русской прокуратуры и суда присяжныхъ предсказаніе „*Кладерадача*“ не исполнилось, но какъ оно было правдоподобно, видно изъ того, что, какъ удостовѣряетъ сенаторъ А. Ѳ. Кони, за Овсянниковымъ въ прошломъ было десять судимостей (въ томъ числѣ побои, нанесенные должностному лицу), и во всѣ десять разъ онъ выходилъ сухъ изъ воды. (См. „Юридическія поминки“, стр. 10).

хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда и мнимый (и такимъ-то явно фальшивымъ методомъ завѣдомо недобросовѣстной критики могъ пользоваться и мутить общество впослѣдствіи самъ авторъ цитируемой статьи, ренегатъ М. Н. Катковъ, давшій въ своихъ возмутительныхъ нападкахъ на новый судъ перлы искусства превращенія бѣлаго въ черное и наоборотъ!), и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры *о цѣломъ учрежденіи*?.. Est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Панургово, все-таки нельзя увѣрять ихъ, что въ старыхъ судахъ упущенія и были возможны потому, что все тамъ происходило *келейно, подъ сильнымъ давленіемъ администраціи*?.." [1]).

Но, къ сожалѣнію, подобныя заявленія нисколько не обезоруживали партію, враждебную принципамъ новаго суда. Указывая на тѣ или другія злоупотребленія администраціи, обнаруживаемыя при гласномъ разбирательствѣ, враги новаго суда обвиняли его въ томъ, что онъ колеблетъ престижъ государственной власти, стройность управленія [2]) и пр. Вся

---

[1]) См. № 263 за 1866 г.

Въ 1866 г. Сухотинъ писалъ: „Опять начинается разыгрываться тайная сила, на время было умолкнувшая. Нѣкоторые люди, упоенные властью произвола, не терпятъ значенія и силы судебной реформы, которая есть единственная разумная сила, уважаемая добрыми и разумными и колющая глаза самодурамъ, ложнымъ либераламъ и нашимъ soit disant петербургскимъ прогрессистамъ, которые въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по словамъ нашего автора, популярничали и либеральничали, а при начавшейся реакціи, потерявъ даже всякій стыдъ, „лицемѣрятъ какъ лакеи". Въ концѣ 1867 г. читаемъ: „Носятся печальные слухи о томъ, что администрація хочетъ наложить руки на судебную реформу и будто дѣла о столкновеніи съ полиціей и жалобы на нее будутъ изъяты изъ суда присяжныхъ. Впрочемъ, это все слухи, и вообще послѣднее время наша политическая, судебная и административная жизнь находится въ самомъ неопредѣленномъ и туманномъ положеніи". И позднѣе Сухотинъ замѣчаетъ: „всякій, кто желаетъ независимости для новыхъ судебныхъ учрежденій, тотъ заподозривается правительствомъ и петербургской знатью, какъ демократъ, красный или какъ наивный человѣкъ" („Русск. Арх." 1894 г., № 4). Нелѣпый до невмѣняемости „*Гражданинъ*" въ своихъ нападкахъ на реформы 60-хъ годовъ дошелъ до бреда наяву. Неустанно бранитъ онъ суды и земство (нынѣшнее—жалкую пародію самоуправленія!) за малѣйшее проявленіе независимости относительно губернатора, а ужъ тѣмъ болѣе министра, и мечтаетъ объ управленіи Россіею посредствомъ сатраповъ и сподручныхъ лихихъ земскихъ начальниковъ. Но, видя вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ прелести современнаго непомѣрно развивающагося бюрократизма, заткнувшаго за поясъ и николаевскія времена, газета съ ужасомъ отворачивается отъ этой „толстѣющей, расползающейся гидры, стиснувшей свободную, яркую жизнь" („*Гражданинъ*" 3 февр. 1900). Не угодно ли разобрать эту чепуху: и бюрократія-гидра гибельна, и призванные для смягченія ея болячекъ самоуправленіе и судъ присяжныхъ—пагубны!?

[2]) До чего доходила вражда администраціи къ суду и манія ея охранить престижъ свой, можно судить по разсказу акад. Никитенко. Въ ноябрѣ 1866 г. дѣлили

благомыслящая часть печати возстала противъ такой фальшивой точки зрѣнія, развиваемой „*Вѣстью*“, но не встрѣчавшей въ то время прямого сочувствія въ правительственныхъ сферахъ. „Воздвигаясь среди обломковъ отчасти разрушившагося, отчасти еще разрушающагося соціальнаго быта,—писалъ И. С. Аксаковъ,—встрѣчаясь лицомъ къ лицу каждый день и каждый часъ со старыми, еще живучими, но уже осужденными на смерть порядками и преданіями, нашъ новый судъ переживаетъ трудное время. Потребна не малая мудрость, не малая стойкость отъ тѣхъ, кому поручено насажденіе новой правды на Руси для разумнаго ухода за нею для того, чтобы не тревожиться зловѣщими криками: „объ уничтоженіи *достоинства власти*“, „объ опасности для общественнаго спокойствія“ и пр. Уничтоженіе достоинства власти!.. Но развѣ самъ судъ не есть одно изъ отправленій государственной власти, и развѣ не въ тысячу кратъ выше прежняго сплотилась и укрѣпилась новая судебная власть? Развѣ не пріобрѣло, наконецъ, государство, казалось, на вѣкъ уже утраченное довѣріе къ своему суду? Уничижено не достоинство власти, но отъ блеска истиннаго достоинства нашего обновленнаго правосудія поблекла и посрамилась *мишура* прежнихъ *административныхъ гарантій спокойствія и порядка*. Толкуютъ объ опасности. Опасность, дѣйствительно, грозитъ, но не общественной тишинѣ и благоустройству, а именно новому суду, который хотятъ свести съ его юридической основы на зыбкую почву *административныхъ соображеній*, привить ему традиціи и свойство старыхъ судовъ, которыхъ назначеніе, какъ извѣстно, состояло не въ томъ, чтобы творить судъ и правду на независимыхъ, твердыхъ началахъ, а въ томъ, чтобы узаконить, или вѣрнѣе, давать законную *юридическую обдѣлку административному произволу*—быть услужливымъ выраженіемъ и орудіемъ административныхъ временныхъ, непрестанно видоизмѣняющихся воззрѣній на правду [1])“.

Тотъ же публицистъ съ большою наглядностью указывалъ на вредъ, проистекавшій отъ систематической травли, предпринятой реакціонной печатью противъ мировыхъ и вообще судебныхъ учрежденій. „Тутъ—по

Петербургъ на полицейскіе участки. Предположено было принять для этого въ основаніе дѣленіе города на судебные мировые участки. Оберъ-полиц. Треповъ, ненавидѣвшій новые суды, энергически отвергъ такой планъ дѣленія, ссылаясь на то, что „авторитетъ полиціи какъ бы подчинится (sic) авторитету судовъ“ („Русская Стар.“, 1891, № 9, стр. 585).—Тотъ же Никитенко передаетъ, что отъ всякой ошибки со стороны новаго суда, какъ, напр., было съ дѣломъ свящ. Борисоглѣбскаго, обвиненнаго въ оскорбленіи дамы (подробности см. въ „Обломкахъ разбитаго корабля“—Никитина, стр. 130), администрація чуть ли съ ума не сходитъ отъ радости („Русск. Стар.“, 1891, № 10, стр. 180).

[1]) „*Москвичъ*“ отъ 8 февраля 1868 г.

справедливому замѣчанію Аксакова, — правдивой и честной критикѣ не оставалось почти никакого мѣста, она легко могла послужить даровымъ лишь матеріаломъ для тѣхъ самыхъ недобросовѣстныхъ порицаній и отрицаній, которыя грозили нѣкоторое время даже существованію новаго суда". Съ другой стороны, Аксаковъ указывалъ, какъ неблагопріятно должно было отозваться на дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій ихъ постоянное шельмованіе и запугиваніе. „Новому суду,—писалъ онъ,— предоставляется такъ много серьезнаго и притомъ совершенно новаго дѣла, что всякая побочная забота объ огражденіи своихъ правъ или неувѣренность въ своей крѣпости и самостоятельности могла бы только мѣшать его внутренней дѣятельности и неуклонному исполненію его высокаго призванія: служить закону и законности въ Россіи. Закулисная борьба между прочно установившимися и вѣками сложившимися административными силами и едва возникающею самостоятельностью судовъ не можетъ обѣщать никакихъ добрыхъ результатовъ. Одно уже предположеніе, что борьба эта существуетъ, грозило бы не малою опасностью *нравственной* (курсивъ подлинника) *независимости суда*, который, въ ожиданіи невѣдомаго исхода этой борьбы, по одному чувству *самосохраненія* легко бы могъ, въ лицѣ единичныхъ своихъ органовъ, увлекаться такими *уступками*, какія нисколько не согласны съ духомъ новыхъ судебныхъ учрежденій, ни съ самими намѣреніями, выраженными ихъ основателемъ. А тотъ духъ и эти намѣренія — *самое дорогое* во всемъ судебномъ преобразованіи; отнимите ихъ отъ новаго суда, останется одна мертвая форма, одинъ балаганный спектакль чего-то новаго, что въ сущности, пожалуй, выйдетъ *хуже даже разлагающагося стараго*" [1]).

Указанныя неблагопріятныя условія, конечно, отразились и не могли не отразиться вредно на дѣятельности какъ общихъ, такъ и мировыхъ учрежденій. Но духъ этихъ учрежденій, добрыя традиціи, крѣпко заложенныя въ первые годы ихъ дѣятельности, оказали настолько благотворное дѣйствіе, что въ общей суммѣ мировыя учрежденія, за ничтожными исключеніями, по оффиціальному удостовѣренію (1889 г.), находятся въ *удовлетворительномъ*, а мѣстами даже въ блестящемъ состояніи.

При послѣдней сенаторской ревизіи, предпринятой въ началѣ 80-хъ годовъ, одинъ изъ ревизоровъ, сенаторъ М. Е. Ковалевскій, ревизовавшій довольно глухія сѣверо-восточныя губерніи, далъ о мировыхъ учрежденіяхъ весьма хорошій отзывъ, а относительно одного мирового съѣзда, а именно Казанскаго, онъ прямо выразился, что онъ *не оставляетъ ничего желать болѣе.*

Какъ разъ вскорѣ послѣ изданія законоположенія 12-го іюля 1889 г.

---

[1]) *Москва*, 2 февр. 1867 г.

о земскихъ начальникахъ, упразднявшаго мировыя установленія, въ „*Правительственномъ Вѣстникѣ*“ опубликованы были, какъ бы въ видѣ исторической эпитафіи погребаемому институту, оффиціальныя данныя, изъ коихъ явствовало, что дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій (послѣ извѣстнаго сенатскаго указа 1886 г.) стала „*весьма удовлетворительною*, какъ въ смыслѣ *правильности постановляемыхъ мировыми судьями* рѣшеній, такъ и въ отношеніи *быстроты судопроизводства* [1]). Дождутся ли такой лестной эпитафіи [2]) носители идей „властной руки“, смѣнявшіе представителей закона и равноправности?

Какая бы участь ни ждала въ будущемъ мировой институтъ, истекшая тридцатипятилѣтняя плодотворная дѣятельность его по водворенію въ безправной дотолѣ народной массѣ идеи права и законности, сознанія своего человѣческаго достоинства, не могла не оставить слѣда въ народѣ; дѣятельность эта составляетъ громадную и безспорную заслугу мирового суда предъ отечествомъ и займетъ видное мѣсто въ исторіи культуры русскаго народа.

P. S.

Особенно счастливо подобрался персоналъ московскаго мирового института, который въ массѣ стоитъ гораздо выше короннаго. Если оправдается предположеніе о замѣнѣ выборнаго мирового суда чиновничьимъ, то

---

[1]) Оффиціальныя данныя перепечатаны въ № 241 „*Русскихъ Вѣдомостей*“ за 1889 г.

[2]) См. выше предисловіе къ 6-му изданію.—Въ обширной литературѣ этого двуличнаго уродливаго архаическаго института, воскресившаго мѣстами времена очаковскія и покоренія Крыма, особое мѣсто заняли „Записки“ бывшаго земскаго начальника г. Новикова, печатавшіяся сначала въ „*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*“, а потомъ вышедшія отдѣльною книгою. Изъ этого свободнаго отъ либеральнаго яда источника съ ужасомъ должны были узнать больше, чѣмъ изъ разоблаченій всѣхъ либеральныхъ изданій.—Г. Новиковъ a posteriori вполнѣ подтверждаетъ то, что защитники Судебныхъ Установъ a priori приводили противъ узаконенія произвола „властной руки“.—Книга г. Новикова во-очію доказываетъ, что личность и имущество крестьянина de facto отданы на прихотливое усмотрѣніе земскаго или, какъ теперь точнѣе стали называть, крестьянскаго начальника. Ни съѣздъ, ни предводитель, ни губернаторъ, контроль которыхъ ограничивается писаніемъ бумагъ и поверхностнымъ образомъ, не оградитъ крестьянъ, судьбу которыхъ въ дѣйствительности со всѣхъ сторонъ держитъ въ своихъ рукахъ его всесильный попечитель“... И такими-то блистательными результатами, приведшими массу населенія къ лишенію элементарныхъ правъ личности, восторгаются панегиристы произвола (См. „*Москов. Вѣд.*“, 1900, № 71).

Такъ отвѣчаютъ на поставленный поэтомъ вопросъ — „Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?“—монополисты народнаго блага, на словахъ преклоняющіеся предъ мудростью народа, а на дѣлѣ третирующіе его какъ звѣря, животное или въ лучшемъ случаѣ какъ „хама“ или дитя неразумное.

можно ожидать лишь перемѣны къ худшему. Какъ довольна Москва своими судьями, это видно изъ рѣчей гласныхъ и постановленій думы.

Достаточно напомнить о дѣятельности одного изъ нихъ Л. В. Любенкова, этого лучшаго изъ лучшихъ судей, которымъ гордилась бы любая магистратура.

Въ засѣданіи московской городской думы обсуждался вопросъ о назначеніи пенсіи этому заслуженному представителю нашей мировой юстиціи. Представители города Москвы съ рѣдкимъ единодушіемъ отмѣчали выдающіяся заслуги общественнаго дѣятеля, котораго только злой недугъ могъ оторвать въ 1899 г. отъ дорогого, но труднаго дѣла, расшатавшаго здоровье этого самоотверженнаго труженика. Дума назначила г. Любенкову пенсію въ размѣрѣ 3,000 руб. и сверхъ того постановила просить мировой съѣздъ помѣстить въ залѣ общихъ собраній, гдѣ имѣется уже большой портретъ творца мирового института Александра II и нѣкоторыхъ мировыхъ судей, портретъ уходящаго на заслуженный покой судьи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти доказательства глубокой признательности со стороны городского представительства найдутъ громкій откликъ среди московскаго населенія и въ особенности низшихъ слоевъ его, которые по преимуществу соприкасаются съ мировыми учрежденіями. Г. Любенкова знали какъ „праведнаго судью“ не только въ его собственномъ участкѣ, но и жители другихъ частей, которые видѣли его въ качествѣ предсѣдательствующаго въ съѣздѣ. Достаточно было разъ видѣть этого добраго, привѣтливаго, ласковаго, со всѣми равнаго и до обворожительности предупредительнаго судью, чтобы навсегда сохранить въ душѣ образъ его какъ идеальнаго *мирового* судьи, который, можно смѣло сказать, въ совершенствѣ осуществилъ идеалъ судьи-человѣка, судьи-миротворца, носившійся предъ умственнымъ взоромъ творцовъ Судебныхъ Уставовъ.

Кто не знаетъ, какой это тяжелый, подавляющій трудъ—служба въ московскихъ мировыхъ учрежденіяхъ? Масса мелочей сложной столичной жизни, масса мелкихъ обыденныхъ дѣлишекъ маленькихъ людей, которыя, однако, для нихъ часто важнѣе важныхъ, множество горькихъ обидъ и правонарушеній, которыя въ недавнее время переносились безропотно, по невозможности „найти управу“ на обидчика, несется ежедневно въ камеры мировыхъ судей. Нужно желѣзное здоровье, ангельское терпѣніе, огромный запасъ житейскаго опыта, быстрая сообразительность, а главное—состраданіе и неисчерпаемая любовь къ темному народу, умѣнье выспросить его и заслужить его довѣріе, чтобы съ пользой и честью нести эти мало замѣтныя, но имѣющія огромное воспитательное значеніе обязанности. На этой труднѣйшей изъ судебныхъ должностей, требующей страшнаго напряженія физическихъ, умственныхъ и въ особенности нрав-

ственныхъ силъ, часто физически крѣпкіе люди не выдерживаютъ, тогда какъ бодро стоятъ много лѣтъ крѣпкіе духомъ піонеры правосудія. Сознаніе исполненія высокаго общественнаго долга, служба не въ угоду лицамъ, не изъ-за погони за наградами и отличіями, а во исполненіе своихъ гражданскихъ обязанностей передъ народомъ—великіе стимулы, создавшіе добрыя традиціи современнаго мирового суда. И если Москва справедливо гордилась съ самаго введенія въ 1866 г. своимъ мировымъ институтомъ, давшимъ столько прекрасныхъ образчиковъ дѣятельности праваго и равнаго для всѣхъ суда, то даже въ этой избранной средѣ особенно выдѣляется Л. В. Любенковъ. Если принять во вниманіе, что онъ не былъ въ числѣ первозванныхъ дѣятелей великой судебной реформы, что онъ вступилъ въ должность въ такое время (1875 г.), когда уже наступало и въ мировомъ институтѣ обычное у насъ быстрое охлажденіе послѣ горячаго увлеченія, а конецъ его службы совпалъ со временемъ, когда и сюда стали проникать изъ смежныхъ областей, въ силу законовъ сосуществованія, чуждыя замашки въ видѣ обращенія на *ты* или окриковъ нетерпѣнія, то еще рельефнѣе выступитъ значеніе общественно-судебнаго служенія г. Любенкова.

Все въ немъ соединилось для созданія типа образцоваго мирового судьи. Внушительная, но не отпугивающая наружность, замѣчательно доброе лицо съ привѣтливыми глазами, негромкій, мягкій голосъ, все привлекало въ немъ съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. И съ тѣхъ поръ популярность Л. В. все болѣе и болѣе росла. Адвокаты съ радостью шли въ камеру ласковаго судьи, зная напередъ, что они не только сами встрѣтятъ самое предупредительное обращеніе, но даже не будутъ поставлены въ непріятное положеніе нѣмыхъ свидѣтелей иного, далеко не дружелюбнаго обращенія съ просителями изъ непривилегированной публики. А съ какимъ довѣріемъ шелъ простой народъ къ „праведному судьѣ“, и говорить нечего. За долгіе годы службы Л. В. едва ли хоть одинъ проситель ушелъ отъ него недовольный. Всякій видѣлъ воочію, что для каждаго просителя, безъ различія ранга и общественнаго положенія, судья дѣлаетъ все возможное, не зная ни вспышки досады и нетерпѣнія, ни устали. Съ утра и до вечера смѣнялись пестрые ряды просителей, свидѣтелей, обвиняемыхъ, тяжущихся со своими страстными спорами и невзгодами, и одинъ только добрый и внимательный ко всѣмъ мировой судья съ начала до конца остается все въ томъ же ровномъ настроеніи, не уставая распутывать темныя дѣла, изыскивая способы наилучшаго рѣшенія ихъ и дѣлая невѣроятныя усилія для совѣстливаго, полюбовнаго окончанія дѣла миромъ. Если бы не внѣшніе аттрибуты власти и не стража, то камеру г. Любенкова можно бы принять за аудиторію хорошаго педагога, и съ любовью и ласкою поучающаго просителя и воздаю-

щаго каждому должное. Едва ли хоть одинъ обвиняемый или тяжущійся вышелъ съ обидою и досадою изъ камеры Л. В. Любопытно знать статистическія данныя о числѣ дѣлъ, оконченныхъ въ этой камерѣ миромъ. Они бы служили самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ плодотворной дѣятельности этого, въ полномъ смыслѣ слова, образцоваго судьи и общественнаго дѣятеля и убѣжденнаго шестидесятника, воспитаннаго на сочиненіяхъ Бѣлинскаго, Герцена и друг.

Добавимъ, что не менѣе славную память оставляетъ г. Любенковъ и въ лѣтописяхъ богородицкаго земства, гдѣ онъ, на ряду съ другими старыми земцами, вѣрными завѣтамъ своихъ учителей, служилъ, пока позволяли силы, народному благу, отстаивая интересы народной массы отъ напора воскресшихъ алчныхъ крѣпостническихъ вожделѣній.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Открытіе присяжнаго суда.

(Справка къ 30 лѣтію).

Послѣ освобожденія крестьянъ у насъ будутъ гласные процессы, присяжные, большая свобода въ печати, реформа въ общественномъ воспитаніи и народныхъ школахъ.

Изъ письма А. С. Пушкина.

Выросшій въ Англіи, принятый затѣмъ во Франціи, судъ присяжныхъ сталъ нынѣ міровымъ институтомъ, характеризующимъ цивилизованныя націи. Палладіумъ личной свободы и политической независимости народной, ревностный стражъ общественной безопасности и строгій судья злодѣяній, это установленіе болѣе и болѣе дѣлается для культурнаго міра судомъ естественнымъ по преимуществу. Принятое Уставами Александра II, оно стало центральнымъ узломъ новой судебной системы, ея лучшимъ украшеніемъ и самою твердою ея опорою.

Проф. Фойницкій.

I.

Тому назадъ тридцать лѣтъ, 21-го августа 1866 года, въ московскомъ кремлѣ, въ монументальномъ зданіи екатерининской эпохи, видѣвшемъ въ своихъ стѣнахъ и Екатерину II съ ея сподвижниками, и Наполеона съ его маршалами [1]), происходило скромное, но знаменательное по важности историческое событіе. Въ продолговатой залѣ со сводами, съ ви-

---

[1]) См. „*Ж. М. Ю.*“, 1896, № 3, статью Иванова „Очеркъ исторіи зданія судебныхъ установленій въ Москвѣ“, 293, 305.

домъ на Ивана Великаго, соборы и Чудовъ монастырь, въ залѣ, получившей послѣ процесса игуменьи Митрофаніи наименованіе Митрофаніинской, открыта была первая сессія суда присяжныхъ.

Слушалось дѣло крестьянина Ивана Тимоѳеева, обвиняемаго въ кражѣ со взломомъ. Составъ суда былъ таковъ: Д. С. Синеоковъ-Андреевскій, П. М. Щепкинъ (†), Н. И. Шестаковъ (†), секретарь С. В. Щелканъ (†). Обвинялъ товарищъ прокурора И. М. Остроглазовъ (†),[1]), защищалъ присяжный повѣренный Б. У. Бениславскій (†). Присяжными засѣдателями жребій указалъ: стат. сов. Виноградова (старшина), Демидова, Плетнева, Дьяконова, Покровскаго, Миндера, Андронова, Мамонова, Гивартовскаго, Груздева, Филиппова, Александрова; запасными: Катуара и Ильина. Присяжные вынесли подсудимому обвинительный приговоръ и признали его заслуживающимъ снисхожденія. Судъ приговорилъ—къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ арестантскія роты на 2 года и 9 мѣсяцевъ [2]).

Такъ вступило въ жизнь это новое, невиданное, неслыханное учрежденіе суда присяжныхъ или суда съ присяжными, какъ вначалѣ называли учрежденіе, служившее самою важною и самою интересною частью новаго судебнаго строя, но значеніе коего далеко не всѣми было сразу понято и оцѣнено въ одинаковой мѣрѣ. Привѣтствуя открытіе новыхъ судебныхъ установленій, М. Н. Катковъ между прочимъ писалъ: „Немного изъ того, что совершилось и немногое изъ того, что можетъ обѣщать намъ впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравняться по важности и значенію съ этимъ великимъ преобразованіемъ“.

Въ частности о значеніи суда присяжныхъ тотъ же публицистъ писалъ: „судъ присяжныхъ лучшая гарантія личной свободы. Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ *живой общественной силой*, и идея законности и права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни. Только благодаря этому нововведенію, то, что называется законной свободой и обезпеченіемъ права, будетъ не словами, а дѣломъ... Великое преобразованіе“ [3]).

Если для образованнаго общества судебная реформа и вѣнецъ ея, судъ присяжныхъ. открывали такія свѣтлыя и многообѣщавшія перспективы въ будущемъ, то для народныхъ массъ введеніе суда присяжныхъ имѣло на первый разъ иное, болѣе тѣсное и непосредственное, но не менѣе важное нравственное и бытовое значеніе. Какой-то иностранный

---

[1]) Впослѣдствіи предсѣдатель тульскаго окружнаго суда. О дѣятельности его см. ниже въ отдѣлѣ „Скорбныхъ справокъ“.

[2]) См. „*Судебн. Вѣстникъ*“ 30-го августа 1866 г.

[3]) „*Моск. Вѣдом.*“ 1866, № 86.

корреспондентъ, отражая то презрительное недовѣріе, съ которымъ встрѣченъ былъ судъ общественной совѣсти у насъ въ старыхъ крѣпостническихъ сферахъ, съ худо скрытой иронією писалъ въ „*Revue des deux Mondes*“, что, по мнѣнію народа, судъ присяжныхъ означаетъ, что „судьи присягаютъ не брать взятокъ“.

Что же? Въ этой иронической характеристикѣ было много поучительной правды, легко объясняемой исторіею русской юстиціи. Взяточничество составляло такую общую и характеристическую черту стараго суда, безъ различія ранга и степени, до такой степени въ немъ все было продажно, что судъ присяжныхъ прежде всего долженъ былъ вызвать, произвести именно своею неподкупностью и независимостью особое сочувствіе въ народѣ, да и не въ одномъ народѣ. Когда въ 1884 г. въ разгаръ реакціи противъ суда и присяжныхъ, забывъ его громадныя заслуги предъ отечествомъ, реакціонная печать стала травить судъ совѣсти и раздувать ничтожные его недочеты, И. С. Аксаковъ, хорошо помнившій время и до, и послѣ введенія суда присяжныхъ, указалъ его врагамъ, что уже за одно уничтоженіе въ судахъ взяточничества, казавшагося въ дореформенное время злomъ неотвратимымъ, неизбѣжнымъ, какъ стихійное явленіе,—можно бы простить нелицепріятному суду совѣсти всѣ его ошибки, если бы онѣ даже и не были продуктомъ больного воображенія крѣпостниковъ.

Но неподкупность—понятіе отрицательное, хотя и безусловно необходимое для суда. Одной неподкупностью не могъ судъ присяжныхъ пріобрѣсть ту чрезвычайную и благодарную популярность, которую онъ стяжалъ быстро, какъ предъ правительствомъ и обществомъ, такъ и предъ народомъ. Рядомъ съ неподкупностью стали выдвигаться другія отличительныя свойства суда присяжныхъ: его внутренняя жизненная правда, отзывчивость, человѣчность.

Взятки-взятками, но не всегда же въ старыхъ судахъ дѣла рѣшались взятками. Вѣдь немало было такихъ „неинтересныхъ“ дѣлъ, по которымъ самый безсовѣстный судейскій крючокъ не могъ ничего содрать. Вотъ тутъ-то выступали другія язвы дореформеннаго судопроизводства: его невѣжественное буквоѣдство, его мертвящій формализмъ и сословное неравенство, доходившее до жестокости, въ особенности по отношенію къ „подлому“ народу, т.-е. къ огромному большинству его, не изъятому отъ податей и тѣлесныхъ наказаній. Если дѣла дворянъ и другихъ привилегированныхъ классовъ, даже безъ прямого участія подсудимыхъ, а силою одной, такъ сказать, инерціи благородства, сами собою восходили на ревизію высшихъ судебныхъ инстанцій, то простолюдинъ, осужденный на каторгу засѣдателями-манекенами, можетъ быть, только потому, что не могъ насытить алчность секретаря, могъ не иначе добиться разсмотрѣнія

жалобы въ сенатѣ, какъ подвергнувшись предварительно наказанію плетьми по приговору палаты, на которую онъ приносилъ жалобу [1]). И вдругъ послѣ всѣхъ подобныхъ возмутительныхъ пародій на правосудіе является судъ гласный, равный для всѣхъ безъ различія сословій, судящій спокойно и безъ оскорбленія человѣческаго достоинства, безъ озлобленія и ненависти карающій провинившагося и милостиво прощающій человѣка, случайно впавшаго въ преступленіе. Было отъ чего придти народу въ радостное изумленіе, которое все болѣе и болѣе увеличивалось.

Чѣмъ дальше шло въ глубь Россіи распространеніе суда совѣсти, тѣмъ все болѣе и болѣе теряло почву подъ собою исторически сложившееся недовѣріе народа къ суду и оффиціальному законодательству. Гдѣ законъ, тамъ и неправда—таковъ былъ приговоръ, произнесенный народомъ надъ дореформеннымъ правосудіемъ, и въ этомъ приговорѣ была горькая правда. Судъ присяжныхъ сталъ разсѣевать это предубѣжденіе народа, внѣдренное старымъ жестокимъ законодательствомъ и буквоѣдскою практикою приказной юриспруденціи. Народъ воочію сталъ видѣть, что не только судъ но и законъ измѣнился, что не только плети и розги пропали изъ приговоровъ, но что все дѣло разбирается и вина подсудимаго опредѣляется по божески, по совѣсти, по сущей правдѣ, а не по закону, по казенному, какъ это было прежде при существованіи оффиціальной таксы доказательствъ. Народъ видѣлъ и другую разительную перемѣну—это составъ суда. Положимъ и прежде призывались засѣдатели въ суды, но народъ хорошо помнилъ, что засѣдатели были только ширмою, за которою орудовалъ секретарь, что засѣдатели не дѣло разбирали, а исполняли обязанности прислуги [2]), а въ нужное время ихъ призывали для приложенія печти къ невѣдомымъ приговорамъ. Теперь не то. Всякій видѣлъ, что дѣла рѣшаютъ не господа въ мундирахъ, а сами присяжные, простые мѣщане и крестьяне, и предъ приговорами ихъ преклоняется само началь-

---

[1]) Для характеристики дореформеннаго судопроизводства слѣдуетъ добавить, что въ случаѣ оставленія жалобы безъ послѣдствій жалобщикъ подвергался *снова* 60-ти ударамъ розогъ. (Зап. сенатора Ховаэна).

[2]) Колмаковъ разсказываетъ слѣдующую сцену: министръ юстиціи графъ Паninъ какъ-то разъ заѣхалъ въ петербургскій уѣздный судъ, гдѣ встрѣтилъ одного человѣка въ нижнемъ бѣльѣ съ метлою въ рукахъ. На вопросъ министра: „гдѣ судья“, онъ отвѣчалъ, что „судьи нѣтъ“, а на вопросъ: „гдѣ засѣдатель“, отвѣчалъ: „я засѣдатель“.—Графъ въ смущеніи произнесъ: „вы... ты...“ и удалился („*Русск. Стар.*“, 1886, № 12). Впрочемъ, эта буколическая ецена не помѣшала попрежнему утверждать, что только неблагонамѣренные люди могутъ требовать преобразованія судовъ.

ство. Народъ видѣлъ, что это судъ одинаковый для всѣхъ: для мужиковъ и господъ, и что „вчерашній рабъ“, который, по мановенію руки помѣщика, могъ быть истязуемъ и сосланъ въ Сибирь,—сидитъ рядомъ съ нимъ и подаетъ голосъ по убѣжденію совѣсти наравнѣ съ нимъ; что приговоръ ихъ немедленно получаетъ силу, и разъ присяжные по совѣсти сказали: не виноватъ,—почти по мановенію волшебства падаютъ узы, и подсудимый дѣлается свободнымъ человѣкомъ. Радостно встрепенулся, при видѣ этого новаго суда, народъ, извѣрившійся въ возможность правды на судѣ земномъ. Народъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не вѣрилъ своимъ ушамъ, слыша въ приговорѣ присяжныхъ отголосокъ той сущей правды, которую смутно ощущалъ онъ въ себѣ самомъ, но осуществленіе которой еще такъ недавно, при крѣпостномъ правѣ, казалось такою же химерою, какъ мечта о молочныхъ рѣкахъ, текущихъ среди кисельныхъ береговъ.

II.

Форменная келейная расправа стала превращаться въ дѣйствительный судъ только съ момента учрежденія суда присяжнаго.
А. Бобрищевъ Пушкинъ.

Неожиданное появленіе суда присяжныхъ должно было поразить не одинъ народъ, только что сбросившій съ себя узы рабства. Одно уже проектированіе его поразило удивленіемъ даже интеллигентное русское общество. Долгое время судъ присяжныхъ имѣлъ характеръ запретнаго плода. Когда въ 1862 г. опубликованы были основныя положенія судебной реформы, и въ томъ числѣ судъ присяжныхъ, человѣкъ образованный, съ передовыми взглядами, академикъ Никитенко съ умиленіемъ заносилъ въ свой дневникъ, что если бы въ недавнее николаевское время кто-нибудь помечталъ бы о подобныхъ предметахъ и мечта его сдѣлалась бы извѣстна начальству, онъ неминуемо попалъ бы либо въ крѣпость, либо въ сумасшедшій домъ [1]).

Иниціатива суда присяжныхъ, какъ и самаго освобожденія крестьянъ, по признанію самихъ славянофиловъ [2]), шла изъ лагеря либеральныхъ западниковъ.

Первый, кто осмѣлился публично заговорить о такомъ подозрительномъ

---

[1]) См. „*Дневникъ*“ Т. II.
[2]) См. „Письма Аксакова“, т. II.

предметѣ, какъ судъ присяжныхъ, былъ извѣстный дѣятель [1]) крестьянской реформы Тверской губерніи, предводитель дворянства А. М. Унковскій, предложившій еще въ 1858 г. въ крестьянскомъ комитетѣ въ числѣ другихъ реформъ и судъ присяжныхъ. Возражая противъ довода о недостаточной развитости русскаго народа для выполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, Унковскій писалъ: „что значитъ народъ недостаточно развитъ и какая нужна степень развитія для нагляднаго сужденія по совѣсти и здравому смыслу? Присяжнымъ именно это только и нужно, а русскій народъ, конечно, *не имѣетъ недостатка ни въ здравомъ смыслѣ ни въ добросовѣстности*. Неужели нашъ народъ менѣе развитъ, нежели англійскій въ XIII столѣтіи? Англичане ввели судъ присяжныхъ и въ Новой Зеландіи. Неужели нашъ народъ ниже ново-зеландскихъ дикарей? Судъ присяжныхъ—судъ гласный и по совѣсти—требуетъ въ судьяхъ гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели всякій другой судъ, а тѣмъ болѣе наше сложное судопроизводство; поэтому можно скорѣе сказать, что у насъ возможенъ *только* судъ присяжныхъ и менѣе возможно настоящее сложное судопроизводство. Устройте самостоятельный судъ и притомъ присяжный (потому что другого независимаго суда *нѣтъ и быть не можетъ*) и тѣ же люди, которые только снимаютъ шубу съ почетныхъ посѣтителей и прикладываютъ печати, окажутся способными къ произнесенію приговоровъ; это ясно какъ день, и противиться этому благодѣтельному учрежденію могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность *выгоднѣе*“. Исполненное довѣрія къ закрѣпощенному еще народу, предложеніе Унковскаго, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило сильный отпоръ со стороны крѣпостниковъ, которые открыто называли проектъ Унковскаго революціоннымъ, но большинство тверского комитета приняло судъ присяжныхъ.—Унковскій вторично и подробно развивалъ свой проектъ въ 1859 г. въ редакціонной коммиссіи по крестьянскому дѣлу, а затѣмъ послѣ извѣстнаго столкновенія депутатовъ съ членами ея онъ въ всеподданнѣйшемъ адресѣ вновь высказался за необходимость учрежденія суда присяжныхъ. Въ программѣ реформъ, изложенной въ этомъ адресѣ и вызвавшей гнѣвъ Государя [2]), въ п. 3-мъ 5 депутатовъ просили объ учрежденіи „независимой судебной власти“, т.-е. суда присяжныхъ.

Хотя мысль о судѣ присяжныхъ была встрѣчена въ 1859 г. правительствомъ не дружелюбно, но она не заглохла. Ее поддержали нѣкото-

---

[1]) Подробности см. въ моихъ историко-біографическихъ справкахъ: „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“.

[2]) Въ письмѣ къ Ростовцеву Александръ II назвалъ этотъ адресъ дерзкимъ (см. т. II Н. П. Семенова—„Освобожденіе крестьянъ“).

рыя дворянства. Главную же поддержку ей оказало передовое общественное мнѣніе въ лицѣ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ: „*Современника*“ и „*Русскаго Вѣстника*“.

Съ осени 1861 г. послѣ освобожденія крестьянъ возобновились работы по судебной реформѣ при очень благопріятномъ настроеніи. Великое дѣло отмѣны крѣпостного права, внушавшее столько страховъ, осуществилось благополучно. Вопреки предсказанію мнительныхъ бюрократовъ и консерваторовъ, пугавшихъ народными волненіями, народъ велъ себя безукоризненно. Благополучное проведеніе столь труднаго и сложнаго дѣла усилило кредитъ либерально-гуманныхъ вѣяній, и когда въ 1861 г. государственная канцелярія приступила къ пересмотру проектовъ судебной реформы, составленныхъ гр. Блудовымъ, почва для введенія суда присяжныхъ уже была достаточно подготовлена.

Честь перваго предложенія суда присяжныхъ принадлежитъ Д. А. Ровинскому, тогдашнему московскому губернскому прокурору. Прекрасный знатокъ не только судебной практики, но и народной жизни, Д. А. Ровинскій въ дѣльной и остроумной запискѣ опровергалъ всѣ страхи и недомыслія о судѣ присяжныхъ, которые навѣяны были ложною мудростью кабинетныхъ знатоковъ русскаго народа, никогда не выѣзжавшихъ изъ Петербурга.

Разбирая обычные доводы о неприготовленности русскаго народа, Д. А. Ровинскій между прочимъ писалъ:

„Предположеніе, что народъ нашъ смотритъ на преступленіе снисходительно и признаетъ преступника „только несчастнымъ“,—замѣчаетъ г. Ровинскій,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ, но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что *не имѣетъ никакого довѣрія ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

„Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія въ явное разоренie своего семейства и государственной казны—и это правда. За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нрав-*

ственнсе достоинство, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія".

„Гораздо важнѣе и *справедливѣе*,—говоритъ авторъ,—обвиненіе народа въ томъ, что понятіе о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того *неразвиты* и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. И дѣйствительно, кража всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и мелкой экономіи казенныхъ дровъ и провіанта и кончая колоссальными подрядами на строительныя работы и всякія поставки, *кража составляетъ въ общественной жизни нашей самое обыкновенное явленіе.* Многіе виды освящены *обычаями*, другіе даже *узаконились отъ давности.*

Но такой странный порядокъ вовсе не зависитъ отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью *къ такому анализу и логическимъ выводамъ.* Да если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ *иностранцевъ*, то почему эти господа, перебравшись на *нашу почву, такъ скоро осваиваются* съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями и такъ *быстро теряютъ* и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками *его слѣдитъ общество*, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не совсѣмъ сложилось, и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще *такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ съ скопомъ и заговоромъ*? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда *слить свои интересы съ нуждами общества.* Говорятъ, что введеніе такого суда у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ прежде всего юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ *предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самыхъ судей*, что только въ немъ народъ *научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло.*

Это простыя и прекрасныя мысли, въ которыхъ сквозитъ такая теплая вѣра въ добрые инстинкты и культурныя способности только что освобожденнаго народа и которыя еще и нынѣ для многихъ непостижимы

были приняты единодушно передовыми юристами, прикомандированными къ государственной канцеляріи: С. И. Зарудным̀ъ († въ 1888 г.), Н. А. Буцковскимъ († въ 1873 г.), Н. И. Стояновскимъ, К. К. Побѣдоносцевымъ.

Въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1862 г. также единодушно прошелъ судъ присяжныхъ.—За него стоялъ и самъ архиконсерваторъ, министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ, еще въ 1855 г. усматривавшій революціонный духъ даже въ проектѣ о сокращеніи въ судахъ письменности, а въ 1862 г. такъ рѣшительно проникшійся либеральными вѣяніями, что онъ открыто заявилъ въ Совѣтѣ: „если правительство желаетъ дѣйствительно независимаго суда, то нѣтъ другого выхода, какъ ввести судъ присяжныхъ“.

III.

Вся будущность Россіи зависитъ отъ процвѣтанія народнаго суда присяжныхъ. Современное наше общество едва ли даже въ состояніи понять тотъ громадный шагъ къ прогрессу, который оно сдѣлало съ того момента, какъ стало активно участвовать въ отправленіи правосудія. Едва ли оно также въ состояніи понять, какъ тщательно слѣдуетъ беречь это драгоцѣнное учрежденіе, полное и нормальное развитіе котораго увидятъ только грядущія поколѣнія. И только будущему историку нашего времени вполнѣ ясно станетъ, что періодъ истинной общественной дѣятельности начался въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ ней скамья присяжныхъ засѣдателей.

Проф. Л. Владимірovъ.

Среди тревожныхъ надеждъ однихъ и недоброжелательнаго скептицизма другихъ сталъ производиться съ осени 1866 г. смѣлый до дерзости, по выраженію проф. Фойницкаго, опытъ введенія суда общественной совѣсти въ странѣ, только что освобожденной отъ рабства и подавляющей бюрократической опеки. Даже люди, искренно желавшіе успѣха этого великаго, внушеннаго довѣріемъ къ русскому народу, начинанія преобразовательной эпохи, невольно задумывались надъ будущими судьбами его. Патріархъ германской юридической науки знаменитый Миттермайеръ, съ восторгомъ привѣтствовавшій введеніе суда присяжныхъ въ Россіи, не могъ скрыть своего опасенія относительно будущности его въ виду отсутствія въ Россіи развитого общественнаго мнѣнія, свободы печати и другихъ условій и гарантій западно-европейской жизни. Считая основы

судебной реформы безусловно правильными, маститый ученый дружески предостерегалъ русское правительство отъ поспѣшнаго разочарованія при возможныхъ первыхъ неудачахъ. „Опираясь на долголѣтнія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій,—писалъ Миттермайеръ—мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ ожидаемыхъ, не было бы запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній, и чтобы оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напомнимъ ему то интересное явленіе, что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ *несозрѣвшимъ*, даже тамъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выгоды, доставляемыя ими, выказываются все болѣе и болѣе; а люди, призываемые въ присяжные, оказались, наконецъ, и тамъ способными выполнить свое назначеніе“ [1]).

Но ближайшій же опытъ первыхъ мѣсяцевъ разсѣялъ сомнѣнія и друзей, и недруговъ суда присяжныхъ. Ему не пришлось взывать къ великодушному долготерпѣнію правительства, такъ какъ необыкновенный успѣхъ суда присяжныхъ сразу бросился всѣмъ въ глаза. Неподготовленность народа и на этотъ разъ оказалась пустою отговоркою въ устахъ трусливыхъ рутинеровъ, и торжественно подтвердилась еще разъ разумность принятого творцами Судебныхъ Уставовъ правила: „если законодательныя предположенія вѣрны, они и своевременны; трудно думать, чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены для дурного и не зрѣлы для хорошаго“.

Особенно знаменательно было то, что именно на крестьянахъ вполнѣ оправдалось это правило, что эти „хамы“, еще недавно приниженные до положенія крещенаго инвентаря или вещи, не замедлили обнаружить свое нравственное достоинство, убереженное ими при всѣхъ безобразіяхъ крѣпостного права. Объ этомъ столько удивительномъ, сколько неожиданномъ открытіи считалъ долгомъ засвидѣтельствовать министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ. Свидѣтельствуя о замѣчательномъ успѣхѣ, сопровождавшемъ открытіе мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденій, въ частности о присяжныхъ изъ крестьянъ Замятнинъ выражается такъ: „присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ (напр. въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей было 11 крестьянъ), вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды: имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно *затрудняются* люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголов-

---

[1]) „*Ж. М. Ю.*“, 1864 г. № 10.

ныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ *правильно* и *удовлетворительно* [1]).

Нечего и говорить, что опубликованіе столь благопріятныхъ для новаго института данныхъ произвело наилучшее впечатлѣніе на всѣхъ, кто съ сочувствіемъ относился къ гуманно-освободительнымъ реформамъ, призывавшимъ общество безъ различія сословій къ дѣятельному участію въ дѣлахъ суда и правленія. Однимъ изъ яркихъ выраженій этого радостнаго настроенія общества служитъ статья М. Н. Каткова, посвященная помянутому министерскому отчету: „Поистинѣ *едва вѣрится*,—писалъ онъ въ мартѣ 1866 г., — чтобъ въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе

---

[1]) См. „*Жур. Мин. Юстиціи*“, 1867 г., № 2. Всеподд. отчетъ министра юстиціи за 1866 г.—Въ статьѣ („*Книжки Недѣли*“, 1902 г., № 3) „Новые мѣхи и новое вино“, принадлежащей перу извѣстнаго судебнаго дѣятеля сенатора А. Ѳ. Кони, находимъ слѣдующій отзывъ о нашемъ судѣ присяжныхъ: „Ихъ желали, ихъ ждали. Въ нихъ хотѣлось вѣрить заранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшему о новомъ судѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще непоявившемуся на сцену присяжному: „незримый—ты мнѣ былъ ужъ милъ“... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый теоретическій присяжный долженъ былъ облечься въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ реальный образъ простолюдина, всего пять лѣтъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости,—въ образъ того мужика, котораго незадолго передъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного изъ своихъ громкихъ героевъ, назвалъ „таинственнымъ незнакомцемъ“... И что же? Теперь, черезъ 25 лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственный незнакомецъ *оправдалъ* оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни здраваго чувства русскаго народа. Безпристрастная исторія нашего суда присяжныхъ покажетъ современемъ, въ какія тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а представлялись злорадно или близоруко дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долженъ будетъ признать, что по отношенію къ этому суду у насъ велась своеобразная бухгалтерія, при чемъ на страницѣ кредита умышленно ничего не писалось, а на страницу дебета вписывался каждый промахъ крупнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ. Онъ признаетъ, этотъ историкъ, что между большинствомъ приговоровъ, которые ставились въ вину присяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было *почти ни одного*, который, зная данное дѣло, нельзя было бы понять и объяснить себѣ“... Слова эти заслуживаютъ особеннаго вниманія въ виду исключительной компетентности автора, который, занимая сначала должности прокурора и предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда, а потомъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, имѣлъ въ продолженіе своей продолжительной карьеры всѣ средства близко ознакомиться съ дѣятельностью суда присяжныхъ.

наши порядки, начиная съ основной идеи до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ два года тому назадъ можно было только *мечтать*, что возбуждало столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній, теперь находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и уже въ первое полугодіе въ своемъ итогѣ представляетъ столь блистательные результаты. Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія* гражданской свободы, совершается у насъ воочію, и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне, тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія".

Статью свою „*Московскія Вѣдомости*" заканчивали словами, которыя особенно умѣстно будетъ напомнить по случаю нынѣшней 30-й годовщины суда присяжныхъ: „Честь и слава правительственному вѣдомству,—говорилъ Катковъ,—которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль Преобразователя, сберегая ее отъ тайнаго и явнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условіе *новаго гражданскаго порядка*. Исторія не забудетъ,—справедливо указывалъ онъ,—ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ *великимъ* дѣломъ гражданскаго *обновленія Россіи*" [1]).

IV.

Могъ ли авторъ приведеннаго диѳирамба въ честь суда присяжныхъ предвидѣть, что самъ будетъ черезъ 15 лѣтъ приведенъ въ лагерь тѣхъ принципіальныхъ противниковъ суда присяжныхъ, кого онъ раньше именовалъ „крѣпостниками, принимающими личину консерватизма". Но другія предвидѣнія его, совпавшія съ указаніями Миттермайера, оказались вѣрными, и несмотря на блестящій дебютъ новаго суда и въ частности суда присяжныхъ, „явная и тайная вражда" почитателей дореформенныхъ порядковъ, при которыхъ „всемогущая администрація, по характеристикѣ Каткова, была все во всемъ", все болѣе и болѣе усиливалась. Положеніе дѣлалось особенно опаснымъ въ виду того, что въ это время (въ 1866 — 1868 гг.) руководителемъ внутренней политики былъ человѣкъ такого самомнѣнія и узкой нетерпимости, какъ мин. внутр. дѣлъ П. А. Валуевъ.

Казалось, все было сдѣлано при составленіи Судебныхъ Уставовъ, чтобы предупредить столкновеніе суда съ администраціею по политическимъ вопросамъ. Уголовныя дѣла политическаго характера были изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы въ особое учрежденіе судебно-

---

[1]) „*Моск. Вѣдом.*", 1867, № 69.

административнаго состава, дѣла о печати отданы въ вѣдѣніе короннаго суда, а все-таки столкновеніе произошло и очень быстро. Первый же литературный процессъ „*Современника*“ лѣтомъ 1866 г., кончившійся оправданіемъ А. Н. Пыпина и Ю. Г. Жуковскаго, вызвалъ сильное неудовольствіе противъ суда со стороны П. А. Валуева, поставившаго себѣ цѣлью, по словамъ академика Никитенко, во что бы то ни стало сдѣлать печать послушнымъ орудіемъ своей программы. Раздраженіе Валуева противъ новаго суда было такъ велико, что онъ тотчасъ послѣ этого процесса добивался смѣщенія только-что введенныхъ „несмѣняемыхъ“ судей, но, потерпѣвъ неудачу, провелъ все-таки первую новеллу 18-го декабря 1866 г., коею дѣла о печати изъ окружнаго суда переносились въ судебную палату, какъ первую инстанцію. Мировые судьи вызывали неудовольствіе администраціи тѣмъ, что, слѣдуя закону, не всегда могли оправдать предъявляемыя полиціею къ обывателямъ требованія, и за это въ оффиціальной бумагѣ петербургскій градоначальникъ Треповъ, не стѣсняясь, обвинялъ мировой судъ въ стремленіи колебать авторитетъ администраціи передъ обществомъ [1]).

Спеціальное неудовольствіе П. А. Валуева навлекъ на себя судъ присяжныхъ по дѣлу чиновника Протопопова. Въ 1867 г. былъ преданъ суду присяжныхъ за оскорбленіе дѣйствіемъ директора департамента иностранныхъ исповѣданій Кешкуля названный чиновникъ. Вызванные на судъ эксперты единогласно признали, что Протопоповъ въ моментъ совершенія преступленія находился въ состояніи невмѣняемости, послѣ чего присяжнымъ ничего болѣе не оставалось, какъ оправдать подсудимаго. Такой исходъ дѣла привелъ въ ярость П. А. Валуева, который усмотрѣлъ въ немъ чуть ли не личную обиду. Въ „Дневникѣ“ благонадежнаго академика Никитенко разсказаны невѣроятныя средства борьбы съ новымъ судомъ, пущенныя въ ходъ Валуевымъ, дошедшимъ до того, что при посредствѣ крѣпостнической „*Вѣсти*“ сталъ обвинять судебныя учрежденія и въ частности судъ присяжныхъ въ революціонныхъ стремленіяхъ [2]). Отмѣтивъ съ удовольствіемъ, что чрезвычайныя усилія Валуева добиться отмѣны оправдательнаго вердикта не увѣнчались успѣхомъ, тотъ же благонамѣренный авторъ продолжаетъ: „Валуевъ и нѣкоторые другіе чиновники требуютъ, чтобы Протопоповъ былъ непремѣнно наказанъ, несмотря на то, что онъ совершилъ преступленіе въ ненормальномъ состояніи; требуютъ они этого „для примѣра другимъ“. Кому? Сумасшедшимъ?“ [3]).

Какъ ни нелѣпъ былъ указанный поводъ неудовольствія противъ суда

---

[1]) См. „Матеріалы относящ. до новаго общ. устр.“, т. II, 453.

[2]) „Дневникъ“, III, 115.

[3]) Тамъ же, 147.

присяжныхъ, нападки на него съ этихъ поръ не прекращались, находя почву частью въ старой крѣпостнической враждѣ къ этому институту, частью въ дореформенныхъ традиціяхъ всесильной бюрократіи, не желавшей примириться съ существованіемъ законовъ, ограждающихъ самостоятельность судебной власти. Всякій самостоятельный шагъ судебной власти, не согласованный съ минутными видами администраціи, всякій вердиктъ присяжныхъ, отступающій во имя справедливости отъ буквы устарѣлаго закона, выставлялись реакціонною печатью какъ колебаніе основъ государственнаго порядка.

Но въ первое десятилѣтіе существованія суда прясяжныхъ всѣ попытки колебать самостоятельность суда встрѣчали несочувствіе въ самыхъ умѣренныхъ кругахъ общества и печати. Названный выше Никитенко лѣтомъ 1867 г. писалъ: „Самые опасные внутренніе враги наши не поляки, не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкапыватели судовъ“ [1]). Тутъ же онъ добавляетъ, что новый министръ юстиціи, графъ Паленъ, относится съ недовѣріемъ къ суду присяжныхъ.

Еще съ большею энергіею выступалъ на защиту судебныхъ учрежденій Катковъ. Всякій разъ, когда поднимался вопль въ реакціонной печати по поводу того или другого „возмутительнаго“ оправданія присяжными (т.-е. оправданія въ виду особыхъ извинительныхъ обстоятельствъ, несмотря на формальную вину), „*Московскія Вѣдомости*“ указывали, что „интересы общества *всегда* достаточно ограждаются его представителями на судѣ“ [2]). „Когда же *прекратятся*, наконецъ,—писалъ еще въ 1873 г. Катковъ,—эти вѣчные *пересуды* по поводу того или другого приговора присяжныхъ?.. Если нѣтъ указаній на то, что на судѣ были какія-нибудь нарушенія тѣхъ существенныхъ условій, которыя наукою права и положительнымъ закономъ признаны необходимыми для того, чтобы судебный процессъ выработалъ *достижимую для человѣка правду*, то *кто* можетъ взять *на себя* рѣшить, что его личное мнѣніе болѣе согласно съ правдою, чѣмъ состоявшійся на судѣ приговоръ? Не Сидоръ, Карпъ и др. судятъ и приговариваютъ на судѣ присяжныхъ, а „великій анонимъ“ (ковычки въ подлинникѣ), взятый, по указанію жребія, изо всѣхъ слоевъ общества“ [3]).

Указывая на неблагопріятное вліяніе дурно поставленной слѣдственной части, онъ же, Катковъ, основательно указывалъ, что „нельзя валить на однихъ присяжныхъ всѣ ненормальности въ ходѣ нашей юстиціи: приходится на этотъ разъ бить не по коню, а по оглоблямъ“ [4]).

---

[1]) „Дневникъ“, III, 156, 157.

[2]) „*Моск. Вѣд.*“, 1868, № 173.

[3]) Тамъ же, № 227.

[4]) Тамъ же, № 1873, 283.

Настаивая на строгомъ отдѣленіи судебной власти отъ административной и видя „силу новаго устройства, *главнымъ образомъ*, въ несмѣняемости“ [1]), знаменитый публицистъ относился съ крайнимъ несочувствіемъ къ Валуевскимъ и Тимашевскимъ проектамъ объ усиленіи губернаторской власти насчетъ судебной. Находя, что въ интересахъ объединенія властей на началахъ законности слѣдовало держаться обратнаго пути [2]), Катковъ писалъ: „судъ именуется органомъ закона, по новому же проекту ему предоставляется честь быть органомъ административныхъ лицъ; такое служебное положеніе отнимаетъ у суда главную цѣну его“ [3]). Резюмируя положеніе партій относительно учрежденій, созданныхъ Уставами 20-го ноября, Катковъ открыто высказывалъ, что новому суду могутъ не сочувствовать только „закоснѣвшіе крѣпостники и оффиціальные либералы, относящіеся презрительно къ русскому народу“.

VI.

Потрясающія событія 70-хъ и 80-хъ годовъ оказали крайне неблагопріятное дѣйствіе на судьбу преобразованій 60-хъ годовъ. Благодаря недостатку политическаго воспитанія, сдѣлалось возможнымъ явно неправильное истолкованіе помянутыхъ событій, косвенная отвѣтственность за кои возложена была на преобразованныя учрежденія, ничего общаго съ ними не имѣющія. Въ общей сумятицѣ, вызванной тревожнымъ настроеніемъ общества, перемѣшались былые убѣжденные защитники реформъ и ихъ принципіальные враги; такъ, напримѣръ, М. Н. Катковъ протянулъ руку тѣмъ самымъ публицистамъ, которыхъ раньше называлъ „закоснѣлыми крѣпостниками“.

Началась безпощадная травля всѣхъ новыхъ судебныхъ учрежденій. Независимость суда стала выдаваться за начало антигосударственное, законность за анархическое начало, а судъ общественной совѣсти за невѣжественный и произвольный „судъ толпы, противный духу государственнаго строя Россіи“. Заподозрѣнный, преслѣдуемый, едва терпимый и постоянно сокращаемый, судъ присяжныхъ влачилъ незавидное существованіе до самаго начала 1895 г., когда впервые открылась для него перспектива лучшаго будущаго, послѣ того, какъ созванные въ судебную комиссію высшіе представители судебной практики дали о немъ въ высшей степени благопріятный отзывъ [4]).

---

[1]) „*Моск. Вѣд.*“, 1866, № 87.
[2]) Тамъ же, 1868, № 4.
[3]) Тамъ же, 1870, № 19 и др.
[4]) См. статью Кони въ „*Ж. М. Ю.*“, 1895, № 2.

Предугадать будущія судьбы присяжныхъ, суда общественнаго правосознанія довольно трудно, но что касается прошлаго, то заслуга и громадное воспитательное значеніе этого великаго института такъ безспорны, что ихъ не въ силахъ заглушить никакія крики зоиловъ. Еще въ первый годъ дѣйствія суда присяжныхъ академикъ Никитенко, передавая впеча-

---

Въ „Московскомъ Сборникѣ“, изданномъ К. П. Побѣдоносцевымъ, суду присяжныхъ посвящается 4 страницы (53—57), изъ коихъ на первыхъ трехъ приводятся слова Мэна объ этомъ институтѣ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ „несчастному (sic!) учрежденію въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ тѣхъ историческихъ и культурныхъ условій, при коихъ онъ образовался въ Англіи“, т.-е. ко всей континентальной Европѣ съ Россіею включительно. „И вотъ,—говорится далѣе,—по прошествіи долголѣтняго опыта всюду, гдѣ введенъ съ примѣра Англіи судъ присяжныхъ, возникаютъ уже вопросы о томъ, какъ *замѣнить* его для устраненія той случайности (?) приговоровъ, которая изъ года въ годъ усиливается“. Въ подтвержденіе этихъ изумительныхъ словъ, къ сожалѣнію, *никакихъ* данныхъ не приводится, а между тѣмъ не только въ Западной Европѣ, гдѣ о замѣнѣ суда присяжныхъ серьезно никто и не думалъ, но даже и у насъ ему не грозитъ теперь опасность. Когда въ 1895 г. созваны были въ Петербургѣ высшіе представители судебной власти и прокуратуры, они почти въ одинъ голосъ заявили, что судъ присяжныхъ *лучшая* форма суда, пользующаяся довѣріемъ не только въ образованномъ обществѣ, но и среди простого народа. Въ частности было указано, что приговоры коронныхъ судей подвержены большимъ колебаніямъ, нежели суда присяжныхъ, и что именно за послѣдніе годы вслѣдствіе улучшенія нѣкоторыхъ частей нашего законодательства, дѣятельность суда присяжныхъ также улучшилась (см. «Журналъ Мин. Юстиціи» 1895 № 4 ,статью А. Ѳ. Кони, а также брошюру мою „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“. М. 1896). Въ промежутокъ времени между выходомъ 1-го изданія и 3-го изданія „Московскаго Сборника“ вышелъ капитальный трудъ г. Бобрищева-Пушкина о русскомъ судѣ присяжныхъ, но онъ прошелъ для сборника незамѣченнымъ, и голословно бранная глава о судѣ присяжныхъ въ названномъ сборникѣ осталась безъ перемѣнъ. Между тѣмъ этотъ плодъ многолѣтняго кропотливаго труда („Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ“. Съ атласомъ изъ 84 таблицъ и діаграмъ. М. 1896 г.) представляется первымъ серьезнымъ изслѣдованіемъ о русскомъ судѣ присяжныхъ и игнорировать его невозможно, когда серьезная рѣчь идетъ о немъ. Къ сожалѣнію, это замѣчательное изслѣдованіе по объему своему мало доступно публикѣ, выводы же компетентнаго автора (см. статьи мои: „Правда о судѣ присяжныхъ“ въ „Русск. Вѣд.“ 1896 г., № 247 и слѣд.) заслуживаютъ полнаго ея вниманія. Въ предисловіи г. Бобрищевъ-Пушкинъ (нынѣ предсѣдатель с.-петербургскаго окружного суда); говоря о современномъ настроеніи, пишетъ: „*страшно* за русскій судъ, именно за судъ вообще, а не только за судъ присяжныхъ“.—„Форменная келейная расправа,—продолжаетъ онъ,—стала превращаться въ дѣйствительный судъ *только съ момента* учрежденія суда присяжныхъ и притомъ въ зависимости отъ этого освѣжающаго элемента; нельзя забыть этого факта нашей судебной исторіи“. Въ частности относительно „возмутительныхъ приговоровъ“ суда присяжныхъ (т.-е. объ оправданіи при сознаніи подсудимаго), по поводу коихъ ослѣпленная реакціонная пресса привыкла поднимать гвалтъ, названный компетентный судья, съ величайшимъ вниманіемъ изучавшій массу приговоровъ суда присяжныхъ, замѣчаетъ: „эти приговоры, какъ

тлѣніе, вынесенное имъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, писалъ: „вообще я вынесъ изъ суда самое благопріятное впечатлѣніе. Все велось съ большимъ достоинствомъ, добросовѣстно и со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій. Подсудимые видѣли, что *ничего* не было упущено для облегченія ихъ судьбы, и если они подверглись карѣ, то эту кару наложилъ на нихъ законъ, а не произволъ судей“ [1]).

И это благотворное воздѣйствіе суда присяжныхъ, уничтожившее застарѣлое недовѣріе къ суду присяжныхъ и водворившее довѣріе къ новому суду совѣсти, продолжало въ теченіе 30-ти лѣтъ оказывать высокое нравственное вліяніе не только на подсудимыхъ, но и на самихъ присяжныхъ и на все русское общество. „Репрессивность суда присяжныхъ, по справедливому замѣчанію проф. Случевскаго, сказывается не только въ количествѣ постановленныхъ ими обвинительныхъ приговоровъ, но проявляетъ себя также и въ самомъ свойствѣ приговоровъ, въ томъ обстоятельствѣ, что осужденный чувствуетъ карательное значеніе состоявшагося о немъ приговора съ *большею* интенсивностью, нежели тотъ, кто осужденъ приговоромъ кореннаго суда, такъ какъ въ лицѣ присяжныхъ виновникъ осуждается представителями того общества, къ которому самъ принадлежитъ всѣми своими многообразными житейскими интересами“. Тотъ же уважаемый юристъ отмѣчаетъ и другое крупное достоинство, присущее суду общественному и ему только одному: „судъ присяжныхъ рядомъ со своими судебными достоинствами характеризуется также его *внѣсудебнымъ* значеніемъ, выражающимся въ подъемѣ того *нравственнаго чувства*, которое онъ въ обществѣ развиваетъ. Можно указать на немало занесенныхъ въ литературу фактовъ, подтверждающихъ несомнѣнность этого вліянія присяжныхъ засѣдателей. По окончаніи своей обязанности присяжный возвращается въ свою деревню какъ бы *преображенный*: онъ отправлялъ въ судѣ въ качествѣ присяжнаго такую важную функцію, которая *подняла* его въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ близкихъ ему людей и даетъ основаніе, путемъ разсказовъ домащ-

---

это ни странно на первый взглядъ, въ *подавляющемъ* большинствѣ случаевъ въ глазахъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, является *послѣднимъ словомъ справедливости*“. „Сладкая, благодатная увѣренность, Россія ли отплатитъ за это неблагодарностью, — какъ писалъ И. С. Аксаковъ, — суду присяжныхъ? Въ ноябрьской книгѣ „*Журн. Мин. Юстиціи*“ за 1897 годъ напечатана интересная статья г. Тарновскаго „Объ оправдательныхъ приговорахъ за 1889—1893 гг.“. Изъ нея видно, что нашъ судъ присяжныхъ по числу оправданій гораздо ближе къ европейскому, нежели коронный; такъ: въ Россіи было оправдано присяжными — 36%, безъ участія присяжныхъ—26%; во Франціи присяжными—29%, безъ участія присяжныхъ—7 (стр. 171).

[1]) „Дневникъ“ III, 156.

нимъ и сосѣдямъ о вынесенномъ изъ суда, содѣйствовать распространенію свѣдѣній о томъ, что преступленіе, какъ ни велика сила его, находитъ свое возмездіе въ правосудіи“ [1]).

---

[1]) См. „*Ж. М. Ю.*“, 1896 г. № 3-й, В. К. Случевскій: „О судѣ присяжныхъ и его противникахъ“.

— Въ апрѣльской книгѣ за 1897 г. „*Журнала Мин. Юстиціи*“ появилось обширное сообщеніе о работахъ Высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра судебныхъ законоположеній—по вопросу объ участіи общественнаго элемента въ отправленіи правосудія. Какъ извѣстно, громадное большинство коммиссіи, съ предсѣдателемъ ея, министромъ юстиціи Н. В. Муравьевымъ, высказалось за сохраненіе суда присяжныхъ съ удержаніемъ въ существѣ организаціи этого института по Судебнымъ Уставамъ. Мотивы, которыми руководствовалась коммиссія, постановляя это рѣшеніе, подробно изложены въ запискѣ перваго отдѣла ея, обсудившаго вопросъ предварительно, и въ рѣчи Н. В. Муравьева, произнесенной въ общемъ собраніи коммиссіи 23-го ноября 1896 года. Министръ юстиціи въ слѣдующихъ выраженіяхъ охарактеризовалъ важное значеніе суда присяжныхъ:

„Едва-ли кто-нибудь теперь сомнѣвается,—говорилъ министръ,—что въ области уголовной юстиціи весьма трудно, если не вовсе невозможно, обойтись безъ содѣйствія гражданъ, обывателей въ качествѣ непрофессіональныхъ судей, призываемыхъ изъ общества и народа раздѣлить съ судьями правительственными тяготу суда надъ нарушителями уголовнаго закона. Во всякомъ случаѣ, такого сомнѣнія никогда не возникало для законодательной мудрости нашего отечества; она во всѣ эпохи исторіи обращалась къ участію въ уголовномъ судѣ общественныхъ судей, были ли то судные мужи древней Руси, губные старосты и цѣловальники Московскаго государства, выборные сословные судьи послѣ петровскаго періода или присяжные засѣдатели судебной реформы Императора Александра II. А потому нынѣ, въ концѣ XIX вѣка, отрицаніе самой идеи вспомогательнаго общественнаго суда прежде всего не соотвѣтствовало бы нашимъ вѣковымъ судебно-историческимъ преданіямъ. Въ 1864 году судъ съ участіемъ присяжныхъ явился лишь новою формою стародавняго начала; нынѣ же судъ коронный безъ общественнаго элемента былъ бы у насъ совершеннымъ новшествомъ, безпочвенною пробою, неизвѣданною загадкою будущаго. Въ установленіи такого суда не безъ основанія можно было бы видѣть недовѣріе къ общественной и народной зрѣлости, косвенное признаніе или неспособности неслужилаго русскаго человѣка посильно помогать власти въ ея борьбѣ съ преступленіями, или излишества этой помощи для самодовлѣющихъ судебныхъ чиновъ. Однако же, ни въ окружающей дѣйствительности, ни въ правительственныхъ воззрѣніяхъ, насколько они досихъ поръ выразились въ рядѣ узаконеній и мѣропріятій по судебной части, нѣтъ никакого повода къ подобнымъ заключеніямъ, которыя не оправдались бы и условіями, вызвавшими судебный пересмотръ въ видахъ улучшенія судебнаго строя, а не ломки его. И въ процессуальномъ отношеніи отсутствіе въ судѣ общественнаго элемента, служащаго одною изъ существенныхъ гарантій окончательности приговора, имѣло бы естественнымъ послѣдствіемъ распространеніе на всѣ безъ исключенія дѣла апелляціоннаго порядка, т.-е. усвоеніе цѣлой дорого стоющей системы многихъ судебныхъ инстанцій съ ея неизбѣжною медленностью, безжизненностью и формализмомъ. Является затѣмъ и небезосновательное опасеніе, что при этой системѣ на судейскомъ креслѣ прочно водворяется профессіональ-

Таково возвышающее и облагораживающее дѣйствіе суда присяжныхъ, этого вѣнца и лучшаго украшенія судебной реформы, этого истинно-гласнаго и народнаго суда совѣсти. И такой-то судъ М. Н. Катковъ имѣлъ

ная сухость и рутина, часто неразлучныя съ постояннымъ примѣненіемъ карательныхъ законовъ. Въ замкнутомъ должностномъ судѣ легко пріучаются смотрѣть на людей и ихъ дѣянія только какъ на механическіе объекты легальнаго воздѣйствія, и эта односторонность не находитъ себѣ противовѣса въ свѣжемъ притокѣ непредубѣжденныхъ взглядовъ и простого житейскаго здраваго смысла. Вотъ почему хотя всѣ сужденія наши свободны и опредѣляются только стремленіемъ къ истинѣ, но ради сбереженія труда и времени не представляется, казалось бы, надобности включать въ программу ихъ общій вопросъ о необходимости и полезности общественнаго участія въ отправленіи уголовнаго правосудія. Если онъ и не предрѣшенъ для насъ безповоротно, то все-таки настолько разъясненъ и исчерпанъ и въ теоріи, и на практикѣ, что нечего и ждать какихъ-либо новыхъ или неизвѣстныхъ аргументовъ противъ всѣми, повидимому, раздѣляемаго положительнаго его рѣшенія.

„Такимъ образомъ, вопросъ этотъ въ сущности сводится къ вопросу о дѣйствующемъ судѣ присяжныхъ, о его формѣ, постановкѣ, суррогатахъ; другими словами—о желательныхъ въ немъ поправкахъ и объ учрежденіяхъ, могущихъ такъ или иначе замѣнить его. Здѣсь нельзя не отмѣтить самый моментъ разсмотрѣнія вопроса о нашемъ судѣ присяжныхъ. Уже не молодымъ мы застаемъ его: большинство изъ насъ успѣло вмѣстѣ съ нимъ состариться на судебномъ поприщѣ въ теченіе тѣхъ долгихъ годовъ, которые прошли со времени введенія его сначала на небольшомъ пространствѣ, а потомъ постепенно почти во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ. За этимъ учрежденіемъ уже стоитъ долговременный и многосторонній опытъ, сложившійся на твердой почвѣ безчисленныхъ фактическихъ данныхъ, широко открытыхъ провѣркѣ и изслѣдованію. Къ существованію и дѣятельности суда присяжныхъ давно привыкло населеніе, въ понятіяхъ котораго съ нимъ неразрывно соединено отправленіе правосудія по всѣмъ болѣе тяжкимъ общимъ преступленіямъ. Вообще нѣсколько равнодушный къ общественному дѣлу русскій человѣкъ склоненъ уклоняться отъ присяжной повинности не болѣе, если даже не менѣе, чѣмъ отъ другой. При всемъ томъ въ общемъ онъ несетъ ее усердно и добросовѣстно, сознавая высоту и святость господства въ судѣ такихъ великихъ и добрыхъ словъ, какъ присяга, совѣсть, внутреннее убѣжденіе. Если отдѣльныя лица иногда и тяготятся обязанностью присяжнаго, то все *общество* несомнѣнно дорожитъ этимъ учрежденіемъ. Съ такимъ положеніемъ вещей нужно считаться, и рѣчь о непригодности суда присяжныхъ для русской жизни могла бы итти единственно въ томъ случаѣ, когда было бы неопровержимо доказано, что судъ этотъ вслѣдствіе органическихъ своихъ недостатковъ не только не выполнилъ своего назначенія, но и совершенно неспособенъ къ исправленію и усовершенствованію. Ничего подобнаго не указываетъ практика, приводящая скорѣе къ противоположнымъ выводамъ. Многія тысячи уголовныхъ дѣлъ разрѣшены и ежедневно разрѣшаются присяжными въ силу клятвеннаго обѣщанія, даваемаго ими передъ крестомъ и евангеліемъ,—и я не думаю, чтобы у самаго непримиримаго ихъ противника достало духу или смѣлости утверждать, что въ этомъ множествѣ преобладаютъ неправильныя или ошибочныя рѣшенія. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ безусловной достовѣрности и по единогласному свидѣтель-

смѣлость незадолго до своей смерти пренебрежительно назвать „улицею“. Впрочемъ, какъ вѣрно указалъ одинъ изъ извѣстныхъ судебныхъ ораторовъ, С. А. Андреевскій, въ этомъ оскорбительномъ, по намѣренію, уподобленіи невольно выразились самыя дорогія черты суда общественной совѣсти: „И правда,—сказалъ въ одной рѣчи г. Андреевскій, обращаясь къ присяжнымъ,—пусть вы—улица! Мы этому рады. На улицѣ свѣжій

ству компетентныхъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣятельностью нашего суда присяжныхъ за многолѣтній ея періодъ, злоупотребленія въ ней были случаями крайне рѣдкими и единичными, а болѣе или менѣе значительныя ошибки, къ тому же иногда скорѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя, почти исчезаютъ въ громадномъ большинствѣ вполнѣ правосудныхъ приговоровъ. Зато кому не памятны и кто рѣшится отрицать крупныя заслуги суда присяжныхъ при разрѣшеніи тѣхъ выдающихся по значенію и сложности процессовъ, въ которыхъ ревностное исполненіе обязанностей присяжныхъ засѣдателей иногда прямо граничило съ гражданской доблестью? Еще, быть можетъ, важнѣе большая общественная польза, приносимая ординарнымъ повседневнымъ трудомъ нашихъ присяжныхъ на всемъ огромномъ протяженіи ихъ подсудности по дѣламъ, хотя не громкимъ и не виднымъ, но глубоко затрогивающимъ общіе и частные интересы. Какъ бы то ни было, государство имѣетъ въ присяжныхъ засѣдателяхъ безмездныхъ судей, честно несущихъ отвѣтственную службу, безъ которыхъ платные коронные судьи въ ихъ ограниченномъ составѣ едва-ли могли бы справиться съ процессіей“.

Въ запискѣ перваго отдѣла комиссіи, съ соображеніями котораго въ пользу суда присяжнымъ и его нынѣшней организаціи согласилось общее собраніе 22-го и 23-го ноября, указано прежде всего на дѣйствительное состояніе этого института. Судъ присяжныхъ, говорится тамъ, впервые введенный въ Россіи на основаніи Судебныхъ Уставовъ 1864 года, несмотря на громко высказавшіяся тогда указанія на недостаточную для того развитость русскаго народа, только что освобожденаго отъ крѣпостной зависимости, и на опасность, представляемую означеннымъ институтомъ съ точки зрѣнія политической, просуществовалъ уже свыше тридцати лѣтъ и, хотя за это время подвергся ряду частичныхъ преобразованій, тѣмъ не менѣе сохранилъ до сихъ поръ неизмѣнными главнѣйшія черты первоначальной своей организаціи. Такимъ образомъ, судъ присяжныхъ оказался у насъ вполнѣ жизнеспособнымъ, за тридцать лѣтъ своего существованія глубоко проникъ въ русскую жизнь, завоевалъ себѣ несомнѣнныя симпатіи какъ самаго населенія, такъ и представителей нашего судебнаго вѣдомства, мнѣнія которыхъ имѣютъ, конечно, въ данномъ случаѣ особое значеніе, какъ лицъ, участвующихъ въ отправленіи правосудія совмѣстно съ присяжными. Въ подтвержденіе основательности такого заключенія нельзя не указать на сочувственное отношеніе къ суду присяжныхъ нашей печати, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ ея органовъ (въ запискѣ названы эти органы: это „*Гражданинъ*“, „*Московскія Вѣдомости*“ и „*Русскій Вѣстникъ*“), возстающихъ въ существѣ противъ самой возможности привлеченія общественнаго элемента въ той или иной формѣ къ дѣлу отправленія суда, а также на многочисленныя, посвященныя дѣятельности упомянутаго института и признающія его вполнѣ удовлетворяющимъ своему назначенію сочиненія, изслѣдованія и отдѣльныя монографіи, принадлежащія при томъ перу какъ юристовъ-теоретиковъ, такъ и судебныхъ дѣятелей.

воздухъ; мы бываемъ тамъ безъ различія, именитые и ничтожные; тамъ мы всѣ равны, потому что на глазахъ народа чувствуемъ свою безопасность; передъ улицей никогда не позволятъ себѣ безстыдства; когда вы по улицѣ провожаете близкаго покойника, незнакомые люди снимутъ шапку и перекрестятся... На улицѣ помогутъ заболѣвшему, подадутъ милостыню нищему, остановятъ обидчика, задержатъ бѣгущаго вора! Когда у васъ въ домѣ—грабежъ, убійство, пожаръ—куда вы бѣжите за помощью?—На улицу. Потому что всегда найдутся люди, готовые служить началамъ общественной *справедливости*. Вносите къ намъ въ наши суды эти начала... Приходите съ улицы, потому что самъ законодатель пожелалъ брать своихъ судей именно оттуда, а не изъ кабинетовъ и салоновъ“ [1]).

Только близкое общеніе съ самобытнымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ народа или, если угодно, *улицы* предохранило судъ общественной совѣсти отъ преждевременнаго одряхленія и апатіи, отъ профессіональнаго и рутиннаго формализма; только благодаря безостановочному приливу изъ народнаго резервуара вѣчно свѣжихъ струй справедливости и человѣчности онъ, этотъ „судъ улицы“, несмотря на окружающія крайне неблагопріятныя условія, отъ которыхъ захирѣли другіе сверстники его, и къ 30-й годовщинѣ своей:

Какъ свѣжій островъ цвѣтетъ
Безвредно средь морей...

Исторія учрежденія и введенія въ дѣйствіе нашего суда присяжныхъ имѣетъ глубокій смыслъ, особенно поучительный въ наше безпринципное время пренебрежительнаго отношенія къ теоріи или наукѣ. Слѣдуя Высочайше указанному раціональному плану, предписывавшему составить проекты согласно началамъ, „несомнѣнное достоинство коихъ признано *наукою* и *опытомъ* европейскихъ государствъ“, составители Судебныхъ Уставовъ не усомнились даровать Россіи судъ присяжныхъ и другіе институты современнаго европейскаго процессуальнаго законодательства. На замѣчанія рутинеровъ-бюрократовъ о незрѣлости народа они отвѣчали такъ: „Разумный законъ *никогда* не сдѣлаетъ зла; можетъ быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона *новаго* (кур. подл.) онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ истиннымъ его смысломъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубоко свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства“ [2]). Исторія оправдала ихъ. Какъ истинные государственные люди, они смо-

---

[1]) „Защитительныя рѣчи“, 348.
[2]) Соображенія государственной канцеляріи.

трѣли вдаль и были чужды свойственнаго близорукимъ почитателямъ палліативныхъ мѣръ пренебрежительнаго недовѣрія къ указаніямъ теоріи, т.-е. совокупнаго опыта человѣчества. Дѣти своей бодрой эпохи, съ такою трогательною искренностью вѣрившей въ силу разума и добра, „теоретики судебной реформы“, какъ ихъ привыкли обзывать ретрограды, слѣдовали завѣту знаменитаго учителя права проф. Рѣдкина, который на зарѣ преобразовательной эпохи говорилъ о значеніи теоріи съ каѳедры своимъ слушателямъ: „На административномъ поприщѣ вы не будете вынуждены прибѣгать, идя ощупью, *не освѣщаемые наукою*, къ полумѣрамъ, къ средствамъ палліативнымъ, къ разнымъ кунстштюкамъ, перебиваясь со дня на день, лишь бы на короткій срокъ вашего служенія, а затѣмъ aprés nous le déluge. Нѣтъ, съ *твердою* помощью *началъ науки* вы сумѣете радикально лѣчить всякую общественную болѣзнь, ясно сознавая настоящее, прозрѣвши будущее, какъ пророкъ, и своею *раціональною* дѣятельностью приготовите благосостояніе нашему отечеству, а себѣ *вѣчную память* людей, приготовлявшихъ почву и сѣявшихъ сѣмена добра“ [1]).

Да будетъ же вѣчная и благословенная память этимъ благороднымъ насадителямъ суда присяжныхъ, смѣло и энергично послѣдовавшимъ мудрому завѣту достойнаго представителя университетской науки. Отмѣчая необычайно смѣлый шагъ, сдѣланный „теоретиками“ 60-хъ годовъ, пренебрегшими мнительными предостереженіями ложной мудрости, проф. Фойницкій пишетъ: „Введеніе у насъ суда присяжныхъ тотчасъ послѣ отмѣны рабства было смѣлымъ, скажемъ болѣе, *дерзкимъ* шагомъ *теоретическаго* ума; однако его увѣнчалъ *успѣхъ*, затмившій опасенія *практиковъ*“ [2]).

Вотъ каковы плоды раціональнаго законодательнаго творчества, руководимаго наукой и опытомъ.

---

[1]) „Изъ лекцій“ т. I, 37.
[2]) „Курсъ уг. суд.“ Спб., 1896, изд. 2-е, т. I, 460.

Post scriptum.

(*Либерализмъ и новый судъ*).

Amicus certus in re incerta cernitur.

Въ наукахъ политическихъ и юридическихъ не тотъ исполняетъ свою обязанность, кто умѣетъ „мудро помолчать“ въ такое время, когда слѣдуетъ говорить, а кто рѣшается въ нужную минуту сказать прямое слово, хотя бы оно было и непріятно для общества. Наука не дипломатическое искусство, и откровенная рѣчь здѣсь имѣетъ больше значенія, чѣмъ „тактичное“ молчаніе. Цѣль науки—истина; стремясь къ ней, можно по временамъ впадать въ заблужденіе, но въ наукѣ не должны имѣть примѣненія аксіомы житейскаго savoir faire.

Проф. Владимировъ.

Десятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ ознаменовалось выраженіемъ Высочайшаго благоволенія чинамъ судебнаго вѣдомства (см. „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства за 1874 г.“, № 100).

Двадцатипятилѣтіе же новыхъ судебныхъ учрежденій не было отмѣчено никакихъ оффиціальнымъ торжествомъ или сочувственнымъ заявленіемъ.

Въ газетахъ появились статьи, посвященныя „судебному юбилею“. 17-го апрѣля 1891 года въ „*Новомъ Времени*“ также появилась статья, привѣтствовавшая съ большимъ сочувствіемъ двадцатипятилѣтіе новаго суда (см. выдержку ниже).

По поводу изданной мною къ двадцатипятилѣтію новаго суда книги: „Основы Судебной реформы“, въ томъ же „*Новомъ Времени*“ появилась 22-го мая странная статья „О либерализмѣ суда“, заслуживающая вниманія, какъ признакъ времени и симптомъ существующей путаницы въ понятіяхъ.

Въ статьѣ этой указывается не одно „*печальное* недоразумѣніе, возникшее *одновременно* съ новымъ судомъ и сопутствующее ему до сегодня“. Недоразумѣніе, почему-то такъ долго продолжающееся, состоитъ въ томъ, что новые суды считались и считаются за „нѣчто либеральное“. Ссылаясь на то, что, начиная съ Ярослава Мудраго и вплоть до царствованія Николая I-го, „забота о правосудіи“ всегда образовала одну изъ составныхъ частей государственнаго управленія, газета считаетъ неправильнымъ стремленіе „либерализма“ „примазаться“ къ новому суду. „Все оправданіе (sic) новаго суда,—говоритъ далѣе „*Новое Время*,“—очевидно, не въ томъ, что его основы „либеральны“, а только и единственно въ томъ, что *эти*

основы обезпечиваютъ правосудіе: и можно предвидѣть — продолжаетъ газета,—что до тѣхъ поръ новый судъ не будетъ имѣть у насъ нормальнаго, здороваго роста, пока не исчезнетъ это *печальное недоразумѣніе*".

Намъ неизвѣстно, на чемъ основаны предсказаніе и опасеніе автора статьи, но только нельзя не видѣть, что крайне оригинальная точка зрѣнія [1]), защищаемая газетою, и исторически невѣрна, и по существу несправедлива.

До сихъ поръ, какъ вѣрно замѣчаетъ газета, и противники и сторонники основъ новаго суда, платя дань „печальному", но всеобщему недоразумѣнію, ни на минуту не сомнѣвались въ томъ, что начала новаго суда либеральны,—такъ безспоренъ былъ этотъ вопросъ. Споръ между ними происходилъ только о томъ, полезны ли, разумны ли, желательны ли эти начала въ интересахъ правосудія. Теперь же „*Новое Время*" выступаетъ съ необыкновенно оригинальнымъ взглядомъ, носящимъ отпечатокъ свойственнаго нашему времени шатанія мысли. Что „основы эти обезпечиваютъ правосудіе", газета въ этомъ, не сомнѣвается (и за то спасибо!), но вся бѣда, по ея мнѣнію, въ томъ, что къ нимъ примѣняютъ эпитетъ „либеральный". Только этотъ эпитетъ мѣшаетъ „здоровому, нормальному росту [2])" новыхъ судебныхъ учрежденій!.. Если это такъ, то слѣдуетъ признать, что присущій имъ „порокъ" *неустранимъ*, такъ какъ либеральный характеръ основъ судебной реформы нельзя отвергнуть, несмотря на всѣ благонамѣренныя усилія этой газеты обработать по-своему или вовсе игнорировать данныя исторіи.

„Почему,—спрашиваетъ „*Новое Время*",—*забота* о правосудіи выставляютъ точно привилегію либерализма?" Никто никогда такой привилегіи за нимъ не признавалъ. *Забота* о правосудіи болѣе или менѣе присуща всѣмъ законодателямъ и судьямъ всѣхъ временъ, начиная съ эпохи царя Соломона и кончая современными законодателями Европы и Азіи. Вопросъ не въ этомъ, а вопросъ только въ томъ, какіе *пути, средства* слѣдуетъ считать вѣрнымъ орудіемъ для раскрытія на судѣ истины и обезпеченія правосудія? И вотъ тутъ-то въ пестрой исторической чредѣ смѣнялись разные взгляды и системы. Всѣ они болѣе или менѣе исходили изъ добраго намѣренія о водвореніи правосудія, но нерѣдко устанавливали такую про-

---

[1]) Въ „*Юридической Лѣтописи*", занимавшей (прекратилась въ 1892 г.), благодаря своему двусмысленному нейтралитету, совершенно изолированное положеніе въ юридической прессѣ, появилась статья, написанная въ томъ же духѣ (1891) № 7).

[2]) Въ „*Русской Мысли*" (1891 г., № 8) было помѣщено обстоятельное возраженіе противъ этой статьи, въ которомъ ясно доказывалось, что невозможно обезоружить враговъ „основъ судебной реформы" простымъ измѣненіемъ номенклатуры или маскарднымъ ренегатствомъ.

цедуру, которая служила сильнѣйшимъ тормазомъ и даже неодолимымъ препятствіемъ для осуществленія этого благого намѣренія, коимъ вымощенъ самый адъ. Бывало время, когда испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, удачный исходъ поединка и т. п. средства считались цѣлесообразными орудіями правосудія. Было время, когда застѣнокъ и пытка, дыба и тайный допросъ съ „пристрастіемъ“ признавались наилучшими способами для открытія правды на судѣ. Были судьи въ родѣ безчеловѣчнаго Джефрайса, которые считали невинность лучшей защитой подсудимаго, а себя наиболѣе компетентными органами ея!

Но зачѣмъ уходить въ глубь временъ для иллюстраціи мысли, что не всякія средства, установленныя въ интересахъ торжества правосудія, *eo ipso* ведутъ къ достиженію его? Достаточно оглянуться на недавнее прошлое [1]), на время, непосредственно предшествовавшее судебной реформѣ

---

[1]) Сенаторъ Принтцъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ дѣятелей великой судебной реформы, говоря о времени, непосредственно ей предшествовавшемъ, между прочимъ, писалъ въ „*Журналѣ Министерства Юстиціи*“ 1895 года: молодое поколѣніе, выросшее въ царствованіе Александра II, врядъ ли имѣетъ отчетливое представленіе о томъ судебномъ строѣ, при которомъ жили не только ихъ предки, но и отцы. Иначе оно содрогнулось бы и не повѣрило, что могли такъ недавно существовать порядки, столь мало отвѣчающіе справедливости и народному благосостоянію. Обширная область суда и расправы принадлежала безконтрольно помѣщикамъ, полиціи и другимъ начальствамъ; масса лицъ судилась военнымъ судомъ; самый судъ происходилъ подъ покровомъ тайны въ отсутствіи тяжущихся и подсудимыхъ; господствовала примѣрная волокита; защиты не было; преданія суду не было, а при отсутствіи уликъ клеймили оставленіемъ въ подозрѣніи; принесеніе жалобы въ Сенатъ не останавливало ссылки въ Сибирь и тѣлеснаго наказанія и пр. (см. № отъ декабря 1895 г.). См. также мои: „Основы судебной реформы“, главу „Что такое новый судъ?“.

— О дореформенной полицейской расправѣ могутъ дать представленіе характерные разсказы суд. слѣд. Лучинскаго. Про городничаго, при которомъ служилъ Лучинскій въ черкасской городской полиціи, онъ разсказываетъ: „Городничій Щербцовъ принадлежалъ къ типу тѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, которые тогда правились начальству и считались отличными дѣятелями... Прежде онъ служилъ въ Кіевѣ частнымъ приставомъ въ то время, когда тамъ былъ старшимъ полицеймейстеромъ Голяткинъ, памятный старымъ кіевлянамъ и прославившійся на всю губернію. Онъ объѣзжалъ городъ на тройкѣ пожарныхъ лошадей съ четырьмя казаками, изъ которыхъ одинъ скакалъ впереди, два сзади, и одинъ сидѣлъ на козлахъ съ кучеромъ. Когда полицеймейстеръ что-либо замѣчалъ, то тотчасъ же производилъ и расправу: кучеръ останавливалъ экипажъ, казаки спрыгивали съ своихъ лошадей, хватали указанную жертву, растягивали ее на землѣ, одинъ садился на голову, другой—на ноги, третій отсчитывалъ удары нагайкою по обнаженному тѣлу, а четвертый держалъ верховыхъ лошадей“... Вотъ въ какой полицейской школѣ воспитался городничій, и онъ воспринялъ всѣ ея начала. Такъ, напримѣръ, всякое утро городничій выслушивалъ докладъ и призывалъ для допроса арестованныхъ; при этомъ нерѣдко случалось, что допрашиваемый „выле-

1864 г. Тутъ ли не были приложены старанія для водворенія въ Россіи законности и правосудія! И Сводъ Законовъ былъ напечатанъ, и новое Уложеніе было составлено, и спеціальный разсадникъ юристовъ былъ созданъ! Мало того, въ интересахъ вящшаго торжества правосудія было создано даже спеціальное административное учрежденіе (III отдѣленіе) съ многочисленными чрезвычайными мѣстными агентами, на обязанности коихъ лежало денно и нощно „наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены людьми сильными, властными; внимать гласу страждущаго человѣчества и защищать „беззащитнаго и безгласнаго гражданина“ [1]). „Мишура административныхъ гарантій“, по выраженію Аксакова (см. выше), не замедлила обнаружиться. Когда рядомъ съ провозглашеніемъ благородной цѣли водворенія правды устанавливалось келейное, бумажное, инквизиціонное судопроизводство, съ полнымъ упраздне-

---

талъ изъ присутствія, а вслѣдъ за нимъ вылеталъ и городничій съ побагровѣвшимъ лицомъ, съ пѣною у рта и производилъ кулачную расправу“... Въ особенности это производилось всегда съ тѣмъ, кто при своихъ объясненіяхъ рѣшался упомянуть слово „законъ“. Тогда городничій немедленно вылеталъ изъ присутствія, произнося: „вотъ я тебѣ покажу законъ!“ и при этомъ раздавалась громкая пощечина: „вотъ тебѣ законъ“ (другая пощечина). „Городъ Высочайше мнѣ ввѣренъ, а ты мнѣ смѣешь говорить про законъ, — понимаешь ли, городъ Высочайше мнѣ ввѣренъ,—я тебѣ законъ! Вотъ я пропишу тебѣ законъ, взять его!“ („Русск. Стар.“ 1897, сент.).

— Вотъ, что писалъ Погодину Даль весной 1851 г. о старыхъ судебныхъ порядкахъ. „Мельниковъ замотался по слѣдствіямъ, которыя поручаетъ ему министръ онъ мало гоститъ въ Нижнемъ. А дѣла дѣлаются здѣсь хорошія, напримѣръ: богатый мужикъ Тимоѳей подозрѣваетъ бѣднаго Василія изъ сосѣдней деревни въ воровствѣ; идетъ къ нему міромъ съ обыскомъ, ничего не находитъ, но пьяная его ватага избиваетъ всю семью Василія до полусмерти. Хмель прошелъ — какъ быть? Засѣдатель все поправилъ: Василій обвиненъ въ воровствѣ безъ малѣйшаго повода и уликъ и отданъ въ солдаты По слѣдствію Мельникова открывается, что, вѣроятно, и кражи-то не было, и Василія подозрѣвать нѣтъ повода. Или: четыре вора обокрали церковь; ихъ поймалъ староста съ мужиками на мѣстѣ и отобралъ деньги и вещи всѣ налицо. За тридцать рублей сер. воры оставлены въ подозрѣніи, а староста и 11 крестьянъ поклепщиковъ приговорены въ арестантскую роту за разнорѣчивыя показанія Или: мужикъ пріѣхалъ изъ Семенова въ Нижній на базаръ съ товаромъ; зазѣвался, лошади ушли съ санями; онъ бѣжитъ слѣдомъ, спрашивая встрѣчныхъ, дальше, дальше, наконецъ, добѣгаетъ по Волгѣ до Макарьева, а лошадямъ слѣдъ простылъ. Бѣднякъ идетъ въ земскій судъ заявить пропажу. А гдѣ у тебя паспортъ? — Какой паспортъ? я прибѣжалъ чуть живой съ базару, изъ Нижняго. И его, какъ безыменнаго бродягу, приговариваютъ: заклеймить и отдать въ арестантскую роту. Приговоръ былъ уже утвержденъ, когда я успѣлъ спасти бѣдняка“ (см. Барсуковъ — жизь Погодина кн. II).

[1]) „*Русск. Архивъ*“, 1889, № 7, инструкціи гр. Бенкендорфа чинамъ корпуса жандармовъ.

ніемъ судейской самостоятельности; когда административный произволъ возводился въ „перлъ созданія“; когда даже люди науки говорили съ университетскихъ каѳедръ о вредѣ гласности, о необходимости системою утонченныхъ инквизиторскихъ пріемовъ [1]) добиваться сознанія подсудимаго,—нечего было ждать водворенія законности и правосудія.

Вѣдь ни для кого теперь не тайна, что своеобразныя „заботы“ о правосудіи простирались такъ далеко, что, допытываясь чистосердечнаго сознанія, еще въ пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ безъ церемоніи подвергали пыткѣ, оффиціально отмѣненной еще указомъ 1801 г. Лицо, компетентность коего внѣ всякаго сомнѣнія, бывшій московскій губернскій прокуроръ (потомъ сенаторъ) Д. А. Ровинскій, удостовѣряетъ, что еще во время гр. Закревскаго въ Москвѣ существовали „клоповники“ при Городскомъ частномъ домѣ, „Аскольдовы могилы“ (то-есть совершенно темныя ямы подъ Басманнымъ частнымъ домомъ), куда сажали „несознавшихся подсудимыхъ“, и откуда они выходили слѣпыми [2]). Кормленіе сельдями составляло до открытія новаго суда явленіе заурядное въ московской слѣдственной практикѣ, которой не была чужда, по словамъ того же свидѣтеля, и древняя „виска“ [3]). *Только съ учрежденіемъ суда присяжныхъ*, по удостовѣренію этого авторитетнаго источника, пытка стала выходить изъ употребленія [4]).

Приподнимемъ еще уголокъ завѣсы, скрывающей темныя дѣла дореформеннаго суда добраго стараго времени, чтобы показать, каковы были на дѣлѣ „заботы“ его о правосудіи. Какъ разъ передъ открытіемъ новыхъ судовъ, въ Рязанской уголовной палатѣ разбиралось дѣло молодого исправника, перепоровшаго массу людей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и такъ неслыханно надругавшагося надъ крестьянскими дѣвушками, что въ печати невозможно было назвать по имени „омерзительные поступки“ блюстителя порядка. Судила-рядила мать-палата. По закону исправнику слѣдовало итти въ каторгу, но губернаторъ принималъ живое участіе въ своемъ любимцѣ, стало быть... онъ долженъ быть оправданъ. Такъ и поступила палата, приговоривъ „юнаго повѣсу“, какъ назвали исправника „*Моск. Вѣдом.*“, къ домашнему аресту на нѣсколько дней.

Справедливо возмущенный этимъ Шемякинымъ судомъ, Катковъ излилъ свое негодованіе въ слѣдующихъ горячихъ строкахъ: „Какая оскорбительная насмѣшка,—говорили „*Моск. Вѣдом.*“ по поводу этого приговора,—надъ тѣмъ, что люди зовутъ справедливостью и чтутъ, какъ общественную

---

[1]) См. проф. Я. Баршева. Основаніе угол. судопр., Спб. 1841 г., стр. 155.
[2]) См. „Русскія народныя картины“, Ровинскаго, т. V, стр. 327.
[3]) См. тамъ же, стр. 322.
[4]) См. тамъ же, стр. 324.

нравственность. *Одно другого стоитъ*: и поступки усерднаго блюстителя благочинія, и приговоръ надъ нимъ *губернской юстиціи*! Но что такое наша *нынѣшняя*, отживающая свои дни губернская юстиція. Что такое эти судьи, которые черезъ нѣсколько времени должны уступить свое мѣсто *другому* судоустройству, долженствующему *не имѣть съ нимъ почти ничего общаго*? Они *лишены всякой самостоятельности*, особенно когда губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными“ [1])...

Когда и какъ явилось это другое *новое* судоустройство?

Послѣ паденія крѣпостного права, налагавшаго, по справедливому замѣчанію Государственнаго Совѣта, свой отпечатокъ на всѣ отправленія государственной жизни [2]), стала на очередь судебная реформа. Для осуществленія ея ничего болѣе не оставалось, какъ отказаться совершенно отъ существующей системы судоустройства и судопроизводства, отъ „административныхъ гарантій“ и обратиться къ прямо противоположной системѣ, выработанной опытомъ цивилизованныхъ народовъ. На необходимость обращенія къ „*противоположной системѣ* и *непреложнымъ истинамъ*, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства“, указалъ некто иной, какъ благонадежнѣйшій коронный юристъ гр. Д. Н. Блудовъ [3]).

Въ виду этого и появилось въ 1862 г. Высочайшее повелѣніе о составленіи основныхъ положеній судебнаго преобразованія, „несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ*“ [4]). Тутъ-то и появились тѣ *гуманно-либеральныя* начала современнаго европейскаго судоустройства (несмѣняемость суда и независимость его отъ администраціи, судъ присяжныхъ, независимая адвокатура, уваженіе къ личности обвиняемаго, огражденіе его правъ, уравненіе защиты съ обвиненіемъ, гласность и пр.), которыя легли въ основаніе Судебныхъ Уставовъ. Въ этомъ смыслѣ и можно и должно называть новый судъ *учрежденіемъ либеральнымъ*, и въ этомъ именно смыслѣ, какъ совершенно вѣрно указалъ еще М. Н. Катковъ, судебная реформа 1864 г. была „не столько реформой, сколько *созданіемъ* судебной власти“ [5]). Поясняя это, на первый взглядъ парадоксальное, но въ сущности совершенно вѣрное положеніе, тотъ же публицистъ указывалъ, что „хотя и до 1866 г. существовали суды, но это были суды *только по названію*, потому что они, будучи лишены всякой самостоятельности, были

---

[1]) „*Московскія Вѣдомости*“, 1886, № 49.

[2]) См. Журн. Госуд. Совѣта, 1862 г., № 65.

[3]) См. Записку Блудова въ т. II „Дѣла о преобраз. суд. части“. См. выше главу VII, § 1.

[4]) Т. XVIII того же Дѣла.

[5]) „*Моск. Вѣд.*“, 1867 г., № 69.

только *придаткомъ администраціи*“ [1]). Вліяніе этого новаго *либеральнаго* судебнаго строя, не имѣвшаго ничего общаго, по словамъ того же публициста [2]), „съ прежними порядками, начиная съ основной идеи до мельчайшихъ подробностей“, было поразительно, почти чудодѣйственно. Въ 1891 г. одна газета, привѣтствуя „судебный юбилей“, слѣдующими краснорѣчивыми словами характеризовала невѣроятный, почти сказочный переворотъ, произведенный судебною реформой.

„Новый судъ,—говорила эта газета,—произвелъ коренной переворотъ *не только собственно въ правосудіи*, но и вообще въ *правовомъ положеніи*. Создалось, можно сказать, *почти вновь* обезпеченіе каждому русскому тѣхъ правъ, которыя ему даны закономъ. Законъ всегда былъ, но было такое положеніе, что каждый сильный человѣкъ имѣлъ право говорить: законы для того и пишутся, чтобы слабый не тягался съ сильнымъ. Законъ всегда былъ, *но не было правосудія*. Судъ и волокита, судъ и разореніе, судъ и подкупъ, судъ и крючкотворство—вотъ съ какими понятіями сочетался тогдашній судъ... И вдругъ, вмѣсто этого 25 лѣтъ тому назадъ *дѣйствительно* правда и милость *засіяли* въ нашемъ судѣ. Россія словно бы очутилась на *другой планетѣ*, словно бы совершилось съ нею какое-то *дивное превращеніе*“ [3]).

„*Новое Время*“ въ приведенныхъ прекрасныхъ строкахъ, вѣроятно, не усмотритъ тѣхъ цвѣтовъ напыщенной адвокатской риторики, которые оно усматриваетъ въ моихъ „Основахъ судебной реформы“, если потрудится вспомнить, что эти строки ipsissima verba... его же собственной „юбилейной“ статьи, появившейся 17-го апрѣля 1881 г.—Что замѣною стараго, продажнаго, жестокаго, лишеннаго всякой самостоятельности, суда независимымъ, гуманнымъ судомъ Россія обязана *именно либерально-гуманнымъ* основнымъ началамъ судебной реформы, а не новому персоналу, это всего лучше видно изъ того, что громадное большинство персонала новаго суда было взято изъ состава старыхъ судовъ [4])... Теперь же, по новому „исправленному“ взгляду „*Новаго Времени*“, оказывается, что только тогда будутъ правильно функціонировать новые суды, когда они вовсе откажутся отъ своего первороднаго грѣха — либеральнаго происхожденія, и отъ того духа и направленія, которые съ особенною силою сказались „въ началѣ судебной реформы“.

Двусмысленность и непослѣдовательность воззрѣнія „*Новаго Времени*“ наглядно обнаруживается именно въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ

---

[1]) „*Моск. Вѣдом.*“, 1886 г., № 198.
[2]) „*Моск. Вѣдом.*“, 1867 г. № 69.
[3]) См. „*Новое Время*“ отъ 17 апрѣля 1891 г.
[4]) „*Журн. мин. юстиціи*“, 1866, № 5.

лучшей эпохѣ дѣятельности новаго суда, эпохѣ, когда съ особенною силою выражался присущій ему *специфическій* духъ, который, по справедливому замѣчанію одного изъ составителей Суд. Уставовъ, К. П. Побѣдоносцева, бываетъ свой особенный у всякой системы учрежденій. „Дѣйствіе учрежденій,—писалъ г. Побѣдоносцевъ въ декабрѣ 1861 г. при редактированіи либеральныхъ основъ судебной реформы,—зависитъ отъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ вида, что и люди образуются въ *духѣ* тѣхъ или другихъ учрежденій, и что есть такія учрежденія при дѣйствіи коихъ нельзя ожидать развитія людей въ томъ направленіи и духѣ, которому учрежденія не соотвѣтствуютъ“ [1]).

Какому именно направленію и духу могъ и долженъ былъ соотвѣтствовать духъ новыхъ судебныхъ учрежденій, *очевидно* было для всѣхъ въ самый моментъ зарожденія ихъ. Это не было секретомъ не только для непосредственныхъ участниковъ реформы, но и для постороннихъ. Цензоръ Никитенко тотчасъ по обнародованіи въ 1862 г. Основ. нач. суд. преобр., не обинуясь, привѣтствуетъ ихъ, какъ побѣду „*либерализма*“ въ правительственныхъ кругахъ [2]).

Для всѣхъ истинныхъ почитателей основъ новаго суда первое время именно и было временемъ расцвѣта основныхъ началъ судебной реформы. Отдѣльныя ошибки, конечно, возможны были и тогда, но общій *духъ* ея былъ таковъ, что въ сохраненіи его истинные друзья новаго суда видѣли залогъ его преуспѣянія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ въ 1867 г. И. С. Аксаковъ, котораго трудно заподозрить въ пристрастіи къ либерализму. Когда появились толки о томъ, что администрація относится недружелюбно къ независимости и несмѣняемости новыхъ судебныхъ дѣятелей, Аксаковъ доказывалъ, что въ немъ, въ этомъ именно духѣ независимости, заключается основной смыслъ судебной реформы. „Этотъ духъ,—писалъ Аксаковъ въ „*Москвѣ*“ отъ 2-го февраля 1867 года,—*самое дорогое* во всемъ судебномъ преобразованіи; отнимите его отъ новаго суда, и отъ него останется одна *мертвая форма*, одинъ *балаганный спектакль* чего-то новаго, что въ сущности, пожалуй, даже выйдетъ *хуже* разлагающагося стараго“ [3]).

Новые же „истинные“ друзья новаго суда изъ „*Новаго Времени*“ полагаютъ, что „для нормальнаго, устойчиваго, органическаго развитія“ судебныхъ учрежденій имъ необходимо отречься отъ своихъ лучшихъ традицій и истиннаго своего духа!...

Было время, когда оффиціально провозглашалось, что „либеральныя

---

[1]) См. Записку К. П. Побѣдоносцева въ т. XIII, ч. 3 „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“.

[2]) См. „Дневникъ“, II, 1882 г.; стр. 352.

[3]) См. Собраніе сочиненій Аксакова, IV, стр. 591.

учрежденія не только не опасны, но „составляютъ залогъ порядка и благоденствія“. Оно, конечно, въ порядкѣ вещей „открещиваться“ теперь отъ либеральныхъ основъ судебной реформы, разъ онѣ вышли изъ моды, но, къ сожалѣнію, съ непріятными историческимъ фактами не легко справиться. Поэтому упрекъ „*Новаго Времени*“ либерализму въ томъ, что онъ „примазывается“ къ новому суду, представляется болѣе, чѣмъ страннымъ. Желаніе же этой газеты поставить успѣхи новаго суда внѣ зависимости отъ его либеральныхъ основъ и выставить эти основы даже враждебными интересамъ правосудія поражаетъ больше своею неблагодарностью и смѣлостью, чѣмъ основательностью. Новый судъ, если бы и желалъ, не можетъ отказаться отъ первороднаго грѣха своего происхожденія, не переставая быть самимъ собою. Дальнѣйшее процвѣтаніе новаго суда возможно только при вѣрности его своимъ либеральнымъ основнымъ началамъ: иначе это будетъ не новый судъ въ истинномъ его значеніи, а, какъ выразился М. Н. Катковъ, „одно только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть“ или, по сильному выраженію Аксакова, „балаганный спектакль чего-то новаго“. Къ Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 г. вполнѣ было примѣнимо правило: Sint ut sunt aut non sint!

Нѣтъ, что бы ни говорили ровнодушные друзья судебной реформы, непоколебимость основныхъ началъ ея составляетъ conditio sine qua non успѣшнаго дѣйствія ея. Справедливость этой аксіомы еще не такъ давно была подтверждена оффиціально. „Незыблемость *основныхъ началъ великихъ преобразованій* минувшаго царствованія, — гласитъ Указъ Александра III Сенату отъ 4-го сентября 1881 г.,—составляетъ *наиболѣе прочный залогъ благоденствія и преуспѣянія* дорогого нашего отечества“.

Въ заключеніе два слова по поводу вышеупомянутой статьи „*Юридической Лѣтописи*“, поющей въ унисонъ съ „*Новымъ Временемъ*“. Журналъ негодуетъ на „неумѣлыхъ“ друзей нашего суда, которые „своею легкомысленною защитою“ только вредятъ ему. Этимъ безъ вины виноватымъ защитникамъ новаго суда только остается спросить:

Гдѣ жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?..
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!..

По правилу: amicus certus in re incerta cernitur — защита дорога въ минуту опасности. А что-то не слыхать было голосовъ этихъ черезчуръ „трезвыхъ“, но нѣсколько двусмысленныхъ друзей новаго суда, именно тогда, когда онъ наиболѣе нуждался въ авторитетной, ученой защитѣ. Достаточно припомнить начало 80-хъ годовъ, разгаръ бѣшенаго натиска

временъ Каткова противъ Судебныхъ Уставовъ, вызвавшаго смѣлую и честную отповѣдь со стороны Аксакова (см. выше), недостойную травлю суда присяжныхъ, предпринятую въ 89-мъ г., какъ разъ предъ судебнымъ юбилеемъ, „*Московскими Вѣдомостями*“, которыя въ дикой расправѣ обезумѣвшей уличной толпы американцевъ усматривали „кровавый приговоръ надъ самимъ судомъ присяжныхъ“ [1]). Трезвые друзья суда присяжныхъ предпочитали хранить въ это время невозмутимое молчаніе, подобающее „олимпійскимъ“ представителямъ „серьезной“ науки. Не такъ поступали менѣе „трезвые“, но болѣе искренніе почитатели Судебныхъ Уставовъ въ наукѣ и журналистикѣ, не такъ поступали неутомимые защитники принциповъ судебной реформы: „*Вѣстникъ Европы*“, „*Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*“, „*Юридическій Вѣстникъ*“, „*Судебная Газета*“, „*Русь*“ и др. [2]), изъ коихъ въ первомъ неутомимый знаменитый нашъ публицистъ К. К. Арсеньевъ, а во второмъ самъ редакторъ В. М. Володиміровъ шагъ за шагомъ обороняли съ большимъ знаніемъ, энергіею и мужествомъ основы судебной реформы отъ яростныхъ нападокъ „литераторовъ-гасильниковъ“ и въ особенности отъ злѣйшаго изъ нихъ въ то тревожное время, когда

. . . свободной мысли врагъ,
Съ осанкой важной, съ нравомъ смѣлымъ,
Со свитой сыщиковъ-писакъ
И сочиняющихъ лакеевъ,
Какъ власть имѣющій, возникъ
Изъ насъ газетный Аракчеевъ,
Литературный временщикъ.

Въ такое критическое время едва ли позволительно было хранить нейтралитетъ истиннымъ друзьямъ, какъ бы ни были глубокомысленны и тонки соображенія высшей политики оппортюнизма:

И не иди во станъ безвредныхъ,
Когда полезнымъ можешь быть!..

---

[1]) „Москов. Вѣдом.“, 17-го марта 1891 г.

[2]) Съ такой именно точки зрѣнія привѣтствовалъ въ „*Юридической Библіографіи*“ редакторъ „*Юрид. Вѣстн.*“ проф. Сергѣевскій появленіе курса проф. Фойницкаго въ 1884 г. въ разгаръ нападокъ М. Н. Каткова. См. ниже § И. Я. Фойницкій, примѣч.

VII.

ОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

Ходитъ, чиститъ аммуницію,
Набѣлилъ ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ—такія хватскія!
Артикулъ ружьемъ выкидывалъ,
Такъ, что весь домишко вздрагивалъ;
Какъ журавль стоялъ на ноженькъ
На одной—носокъ вытягивалъ.
Вдругъ метнулся... смотритъ жалобно,
Повалился—плачетъ, кается,
Крикнулъ: „Ваше благородіе!“
„Ваше!“... вижу задыхается.

Некрасовъ.

Въ наше время нужны не дѣла славы, озаряющія только немногихъ избранныхъ, а дѣла правды, Божіей правды, благодѣтельныя для всѣхъ и каждаго.

В. А. Жуковскій.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Воинскій Уставъ 1-го января 1874 г.

(по поводу 20-тилѣтія).

Каторга есть нормальное состояніе войска.
Сенаторъ Лебедевъ (1859 г.).

Пальцы рубитъ, зубы рветъ,
Въ службу царскую нейдетъ...
Ваньку въ рекруты берутъ,
Всѣ деревни заревутъ...
Изъ солдатской пѣсни.

I.

1-го января 1894 г. исполнилось двадцать лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе одного изъ важнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ законодательныхъ актовъ царствованія Александра II, а именно Устава о всеобщей воинской повинности 1-го января 1874 г. Если дореформенный общественный и государственный бытъ, основанный на крѣпостномъ правѣ, отличался свойственнымъ ему безправіемъ и приниженіемъ личности гражданина, то эти черты съ особенною рельефностью должны были проявляться въ военномъ дѣлѣ, которое въ существѣ своемъ построено на стѣсненіи правъ отдѣльной личности въ интересахъ цѣлаго, на предпочтеніи формы существу, на безпрекословномъ и безмолвномъ подчиненіи началу іерархическаго старшинства, нерѣдко приводящемъ къ вопіющимъ несправедливостямъ. Если таковы болѣе или менѣе неизбѣжныя черты военнаго быта вообще, то легко представить себѣ, какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигали онѣ въ дореформенныя времена: рекрутская повинность ложилась всею своею тяжестью на паріевъ общества, на самую бѣдную, обездоленную часть населенія, на такъ называемыя „податныя сословія“, т.-е крѣ-

постныхъ и мѣщанъ, и притомъ на бѣднѣйшихъ изъ нихъ, которые не могли откупиться отъ тяжкой, безконечной воинской повинности, близкой по существу къ гражданской смерти въ теченіе 25-ти лѣтъ жизни.

Куда ужъ какъ не сладка была жизнь „крещеной собственности“, но, тѣмъ не менѣе, родные крестьянина, которому „забривали лобъ“, съ ужасомъ провожали, словно въ могилу, рекрута, осужденнаго въ теченіе 25-ти лѣтъ лучшей поры жизни на безконечный рядъ лишеній, обидъ, безпрерывныхъ нравственныхъ и физическихъ истязаній [1]), сло-

---

[1]) Если „бить“ и „учить“ по дореформенной терминологіи значило одно и то же, то въ жестокомъ военномъ быту и подавно эти понятія казались тождественными. Военный авторъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ такъ живописуетъ дореформенные военные нравы: „Учить и бить, бить и учить было тогда синонимами,— такъ начинаетъ авторъ свой разсказъ.—Если говорили: поучи его хорошенько, это значило: задай ему хорошую трепку“. Для „ученія“ пускались въ ходъ кулаки, ножны, барабанныя палки и т. п. Сѣченіе розгами употреблялось сравнительно рѣже, такъ какъ это наказаніе требовало больше времени, приготовленій, а кулаки или палка были всегда готовы. Солдатъ било прежде всего ихъ ближайшее начальство: унтеръ-офицеры и фельдфебеля, били также и офицеры. „Капралы и фельдфебеля дрались, такъ сказать, преемственно, по традиціи: вѣдь ихъ самихъ тоже били несчетное число разъ, прежде чѣмъ они научились уму-разуму, и вотъ когда наступала ихъ очередь учить другихъ, они практиковали надъ своими подчиненными пріемы той же суровой школы, которую прошли сами. Большинство офицеровъ того времени тоже бывало бито дома и въ школѣ, а потому били солдатъ изъ принципа и по убѣжденію, что иначе нельзя и что того требуетъ порядокъ вещей и дисциплина“. Особенную жестокость въ наказаніи солдатъ проявляли тѣ унтеръ-офицеры и фельдфебеля, которые предварительно прошли курсъ ученья въ „палочной академіи“, какъ тогда называли въ арміи учебные кантонистскіе батальоны. Для примѣра авторъ разсказываетъ такую сцену. „Вдоль выстроенной во фронтъ роты проходитъ такой „академистъ-фельдфебель“ и останавливается передъ молодымъ солдатомъ. „Ты чего насупился? Сколько разъ учить васъ, что начальству весело слѣдуетъ смотрѣть въ глаза!“—кричитъ фельдфебель, сопровождая слова свои увѣсистою пощечиною. Получивъ такое внушеніе, молодой солдатъ какъ-то жалостно щуритъ глаза, но это вовсе не удовлетворяетъ грознаго учителя.—Веселѣй смотри! Веселѣй смотри, тебѣ говорятъ, истуканъ ты этакій!“ — приказываетъ фельдфебель, продолжая наносить удары неумѣющему весело плакать. Поучаемый солдатикъ таращитъ глаза на свое сердитое начальство, и губы его складываются въ какую-то болѣзненную гримасу, долженствующую изображать улыбку. Довольный своимъ „ученьемъ“, фельдфебель удаляется, а старый ветеранъ, съ тремя нашивками на рукавѣ, въ утѣшеніе своему молодому товарищу и сосѣду говоритъ: „Вотъ что значитъ, братъ, настоящая служба: бьютъ и плакать не даютъ“... Такія сцены были тогда явленіемъ обыденнымъ въ нашихъ армейскихъ полкахъ“ („Русск. Стар.“, 1894 г., іюль, стр. 110—111).

За солдатами, шедшими на обученіе, обязательно слѣдовалъ обозъ розогъ (см. прим. главы III), безъ коихъ, писалъ митрополитъ Филаретъ, немыслимо поддержаніе дисциплины. — О безчеловѣчномъ истязаніи солдатъ шпицрутенами см. III.—Авторъ названныхъ „Воспоминаній“ разсказываетъ „о примѣрномъ“ на-

вомъ, на безправный образъ жизни, едва ли не горшій, нежели жизнь несущихъ наказанія за тяжкія преступленія. Преступникъ находилъ примиреніе хоть въ томъ, что видѣлъ въ наказаніи возмездіе за свой грѣхъ, видѣлъ хоть попытку соразмѣрить съ виною и наказаніе, а тутъ—единственная вина рекрута была въ томъ, что онъ родился небогатымъ, что не могъ поставить за себя охотника или внести выкупъ, единственнымъ правомѣрнымъ актомъ, осудившимъ на пожизненное позорное тяжкое прозябаніе—слѣпой жребій, либо дикій произволъ самодура-помѣщика или злоупотребленіе властей.

Государственный Совѣтъ по особому присутствію въ предсѣдательствѣ великаго князя Константина Николаевича, признавъ дореформенный порядокъ отправленія воинской повинности несоотвѣтствующимъ правильной организаціи военныхъ силъ и крайне несправедливымъ въ виду неуравнительнаго распредѣленія тягостей военной службы между различными слоями населенія, между прочимъ писалъ:

„Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что существующій у насъ порядокъ отправленія воинской повинности, съ одной стороны, не соотвѣтствуетъ правильной и вполнѣ успѣшной организаціи военныхъ силъ государства, а съ другой представляется крайне несправедливымъ, вслѣдствіе неуравнительнаго распредѣленія тягостей военной службы между различными слоями его населенія. Какъ то, такъ и другое объясняется долго господствовавшимъ у насъ взглядомъ на значеніе обязательной военной службы. Еще не очень давно служба эта, почти пожизненная и сопряженная съ лишеніями всякаго рода, считалась не столько почетнымъ и естественнымъ для каждаго подданнаго служеніемъ отечеству, сколько *наказаніемъ* за преступленія или за развратную жизнь. Отдача въ солдаты прямо опредѣлялась закономъ уголовнымъ наравнѣ съ ссылкою въ Сибирь и содержаніемъ въ арестантскихъ ротахъ, а также разрѣшалась обществамъ и помѣщикамъ въ видѣ окончательнаго средства избавиться отъ людей порочныхъ, въ отношеніи къ которымъ другія мѣры исправленія оказывались уже недѣйствительными. Вполнѣ понятно, что при существованіи такого взгляда законодательство наше не могло не допустить въ широкихъ размѣрахъ изъятій отъ воинской повинности, изъятій, вызывавшихся самыми разнообразными уваженіями: не только правами по происхожденію, особенно полезными для государства занятіями или окончаніемъ

казаніи шпицрутенами. Въ 1852 г. во время смотра подошелъ солдатъ къ Николаю I съ намѣреніемъ подать жалобу. Онъ приказалъ прогнать солдата „сквозь строй“ черезъ три тысячи шпицрутеновъ, что равносильно было мучительной смертной казни; — впослѣдствіи велѣно было провести по „зеленой улицѣ“ лишь *примѣрно* (для кого примѣръ?), т. е. чтобы солдаты не били лозами, а лишь прикасались (см. н. № „*Русск. Стар.*“, стр. 112).

курса въ учебныхъ заведеніяхъ, но даже просто запискою въ купеческую гильдію, доступною каждому, вносящему извѣстную пошлину, и разными другими, не особенно существенными обстоятельствами, въ виду которыхъ признавалось нужнымъ представить льготу отъ рекрутства. Этимъ путемъ число изъятыхъ отъ обязательной военной службы достигло чрезвычайныхъ размѣровъ: какъ видно изъ дѣла, общее число ихъ составляетъ въ настоящее время пять съ половиною милліоновъ, т. е. даже болѣе одной пятой части всего подлежащаго повинности населенія (24,500,000 человѣкъ). Вслѣдствіе сего, вся тяжесть обязательной военной службы лежитъ исключительно на мѣщанахъ и крестьянахъ, которые, независимо отъ отбыванія оной натурою, обязаны еще были до послѣдняго времени нести и сопряженные съ отправленіемъ рекрутства расходы, составлявшіе при наборѣ по шести человѣкъ съ тысячи душъ около пяти милліоновъ рублей въ годъ. Несправедливость сего очевидна“ [1]).

II.

„Несправедливость сего очевидна!“ Вѣрно—что и говорить!!! Но когда и какъ обнаружилась эта несправедливость и отчего не такъ еще давно самомалѣйшій намекъ на несправедливость рекрутской повинности преслѣдовался, какъ непозволительное вольнодумство, нечестивая попытка колебать освященный вѣками и необходимый „порядокъ вещей“, осмѣивался людьми положительными, какъ пустая либеральная „бредня“ мечтателей, подобно другимъ ихъ „эгалитарнымъ бреднямъ“, о равенствѣ, свободѣ и пр., возмущающимъ дивный, стародавній строй Россіи, этой лучшей части въ этомъ лучшемъ изъ міровъ?..

Покуда существовало крѣпостное право, покуда это явное надругательство надъ правомъ и справедливостью считалось краеугольнымъ камнемъ установленнаго „порядка вещей“, ни слезы и раздирающія душу причитанія семьи, провожавшей рекрута на военную службу, какъ на плаху, ни звонкія затрещины и зуботычины, съ „улыбкою“ принимаемыя солдатами отъ начальства, ни несмолкаемые стоны солдатъ, раздававшіеся съ казарменныхъ задворковъ, въ унисонъ крикамъ: „ай, батюшки, не буду“, доносившимся съ помѣщичьихъ конюшенъ и съѣзжихъ домовъ, не могли никого ни заинтересовать, ни удивить, ни растрогать. Но когда „завиральныя идеи“, „бредни“ вошли временно въ силу, когда осуществилась на дѣлѣ „величайшая изъ бредней“ [2]), по выраженію Салты-

---

[1]) См. „Журналъ Особаго Присутствія“, стр. 3.

[2]) Сочин. VI, 218. Въ запискахъ Д. Н. Свербеева находимъ, между прочимъ, относительно рекрутчины общія указанія о главныхъ чертахъ крѣпостного быта:

кова,—упраздненіе крѣпостного права, тогда съ безобразій добраго стараго времени сталъ спадать охранительный покровъ, наложенный полиціею мысли, тогда понемногу стали поддаваться дѣйствію либерально-гуманной бредни и другіе устои стараго порядка вещей: жестокія тѣлесныя наказанія, тайный судъ, административный произволъ, угнетавшая

„По обычаю, крѣпостной часто былъ продаваемъ явнымъ образомъ даже не помѣщику, но какому-нибудь чужому, зажиточному, также крѣпостному крестьянину, который пріобрѣталъ его покупкой на имя своего помѣщика, съ тѣмъ, чтобы купленнаго отдать за свою семью въ рекруты". Противъ этой торговли людьми въ рекруты законъ издавна принималъ мѣры, но торговля эта продолжала существовать, такъ какъ помѣщики находили всегда возможность обойти законъ. Продажа крестьянъ въ рекруты была постояннымъ явленіемъ, нисколько не осуждалась общественнымъ мнѣніемъ. Свербеевъ разсказываетъ поразительный случай, какъ одна княгиня, образованная и религіозная женщина, принялась исправлять запутанныя дѣла своего мужа: она отдала изъ его обширныхъ имѣній 700 человѣкъ въ рекруты не въ зачетъ и получила за нихъ квитанціи на сумму 700.000 рублей; квитанціи эти она продала, а на крѣпостныхъ мужа оставила отправленіе текущихъ рекрутскихъ наборовъ своимъ порядкомъ. Такихъ рѣзкихъ примѣровъ среди крупныхъ помѣщиковъ было немного, но среди мелкопомѣстныхъ торговля рекрутами была явленіемъ обычнымъ. Когда законъ воспретилъ ставить въ рекруты новокупленнаго крестьянина раньше года послѣ покупки, рекрутъ стали покупать заблаговременно, подвергая купленныхъ особо строгому надзору до времени набора. Къ какимъ неожиданнымъ комбинаціямъ эта торговля рекрутами приводила иногда, можно видѣть изъ такого случая: „Въ Ярославской губерніи,— разсказываетъ Свербеевъ, — крупная вотчина одного помѣщика купила на имя своего господина сосѣднюю деревню въ 60—70 душъ, обложила ихъ оброкомъ въ свою пользу и затѣмъ брала изъ этой маленькой деревни всѣхъ рекрутъ за всю вотчину. Когда мѣры правительства стѣснили торговлю рекрутами, стали прибѣгать къ такому способу: продавали *охотниковъ*, т. е. за деньги давали отпускную крѣпостному человѣку, который ставился въ наборъ, какъ „охотникъ", за очереднаго рекрута, большею частью вовсе не зная, что онъ уже свободенъ и можетъ отказаться отъ солдатчины. Въ томъ или иномъ видѣ торговля рекрутами держалась до самаго освобожденія и нерѣдко составляла существенную статью дохода для помѣщиковъ. Сюда надо отнести и еще одно явленіе. Были помѣщики, которые не торговли рекрутами, но все же извлекали доходъ изъ рекрутскаго набора". Свербеевъ разсказываетъ: „Многіе самые лучшіе изъ помѣщиковъ, желая сохранить или предохранить отъ разстройства лучшія зажиточныя крестьянскія семьи, спасти ихъ отъ рекрутства, ставили за такіе дома штрафныхъ одинокихъ крестьянъ или дворовыхъ дурного поведенія. Но и въ такихъ случаяхъ вмѣшалось безнравственное корыстолюбіе, соблазнъ, которымъ и я сначала увлекался, ибо и я самъ бралъ съ богатыхъ крестьянъ деньги отъ 1.000 до 1.500 рублей ассигнаціями, ставя за зажиточныя семьи дворовыхъ или штрафныхъ даже изъ другихъ имѣній. Только „лѣтъ за 15 до эмансипаціи додумался я, что поступать такимъ образомъ недобросовѣстно", и установилъ за освобожденіе отъ очереднаго рекрутства плату въ 500 руб. въ крестьянскую мірскую кассу".

народъ жестокая „солдатчина“ и пр. Уже въ 1862 г. на очередь стала отмѣна несправедливой „сословной“ воинской повинности, подъ непосредственнымъ вліяніемъ демократическаго гуманнаго духа великаго освободительнаго акта 19-го февраля, какъ оффиціально удостовѣряетъ Записка военнаго министра Д. А. (нынѣ графа) Милютина [1]). На долю этого знаменитаго государственнаго дѣятеля выпалъ великій трудъ и честь намѣтить еще въ 1862 г. необходимость уравненія всѣхъ сословій относительно воинской повинности и затѣмъ медленно, но неуклонно, подготовлять почву для этой справедливой реформы и, наконецъ, провести ее въ законодательномъ порядкѣ въ 1874 г. согласно основному духу равноправности, не потворствуя узкимъ аристократическимъ и плутократическимъ вожделѣніямъ, очень громко и настоятельно заявлявшимъ свои притязанія.

Такимъ образомъ военная реформа, родственная по своему либерально-гуманному духу эпохѣ великихъ реформъ, запоздала по времени лѣтъ на десять, если считать наиболѣе цвѣтущую пору этой эпохи завершившеюся 20-го ноября 1864 г. изданіемъ Судебныхъ Уставовъ.

Начиная съ 1863 г., въ манифестахъ о рекрутскихъ наборахъ смягчались постепенно наиболѣе тягостныя условія отправленія старой рекруттчины, какъ-то: сокращенъ былъ срокъ службы до 15 лѣтъ, отмѣнена отдача въ солдаты за преступленія, улучшено содержаніе солдатъ, начато обученіе грамотѣ, ограничены тѣлесныя наказанія и кулачная расправа, и пр. Для составленія же проекта новаго Устава о воинской повинности образована была въ томъ же 1863 г. при военномъ министерствѣ ко-

---

Кромѣ рекрутъ, особенно распространена была торговля женщинами; ихъ продавали и мелкопомѣстные, и средніе помѣщики, и эта продажа зависѣла въ значительной степени отъ условій, въ которыя былъ тогда поставленъ бракъ крѣпостного, съ одной стороны, строгими каноническими правилами о родствѣ и свойствѣ, а съ другой—произволомъ помѣщика. Очень часто крестьянинъ не находилъ себѣ невѣсты въ своей деревнѣ и долженъ былъ хлопотать о покупкѣ для него невѣсты у другого помѣщика. Торговля невѣстами была такою же обычною и такою же прибыльною, какъ и торговля рекрутами. Свербеевъ разсказываетъ объ одной хозяйственной ярославской помѣщицѣ, Смолиной, которая получала очень высокій доходъ со своихъ 500 душъ, постоянно продавая дѣвокъ и вдовъ въ замужество на сторону, а царней въ рекруты. „Все это дѣлалось сплошь да рядомъ на моей памяти и развѣ только весьма немногихъ приводило въ негодованіе; все это были одни цвѣточки, а не ягодки крѣпостничества. Указывая на темныя его стороны, я привожу только тѣ примѣры, которые были въ обычаѣ у всѣхъ помѣщиковъ вообще, дурныхъ и хорошихъ, такіе случаи, которые выходили изъ рабства“.

[1]) Стр. 2. Записки военнаго министра отъ 19-го января 1873 г. по главному штабу.

миссія. Но работы ея двигались медленно, и постепенно увеличивавшійся въ обществѣ и правительствѣ реакціонный духъ (особенно съ 4-го апрѣля 1866 г., съ появленіемъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого, и юстиціи—гр. К. Н. Палена) препятствовали главному иниціатору и вдохновителю великой гуманной реформы Д. А. Милютину, опиравшемуся главнымъ образомъ на содѣйствіе великаго князя Константина Николаевича, двигать реформу съ желательною быстротою [1]). Крѣпостники, не забывшіе еще „обиды“ 19-го февраля, и слышать не хотѣли о томъ, чтобы ихъ дѣти были уравнены съ „мужичьемъ“. Богатые купцы, изъ коихъ нѣкоторые еще вчера, можно сказать, были сидѣльцами въ кабакахъ или крѣпостными, негодовали чуть ли не больше еще на то, что при ихъ капиталѣ да не вправѣ они будутъ откупиться отъ непріятной повинности! Трудно сказать, сколько потребовалось бы времени, чтобы высшіе слои общества, издавна воспитанные въ традиціяхъ крѣпостного права, ради горсти избранниковъ жертвовавшаго интересами милліоновъ кормильцевъ русской земли, чтобы наши привилегированныя сословія, закоснѣлыя на сословныхъ и денежныхъ привилегіяхъ, усвоили себѣ столь элементарную идею, какъ равенство предъ воинскою, равно для всѣхъ тяжелою, но неизбѣжною государственною повинностью, если бы не внѣшнія событія, сразу давшія сильный толчокъ военной реформѣ.

Прусскія побѣды 1870 г. и разгромъ французской арміи подсказали, помимо соображеній права и справедливости, необходимость реорганизаціи военныхъ силъ съ военной точки зрѣнія. Такъ какъ все прусское, начиная съ касокъ и кончая школьною системою, сильно поднялось съ этихъ поръ въ общественномъ кредитѣ и вошло въ силу, то и мысль объ устройствѣ военномъ по прусскому образцу, т. е. съ установленіемъ общей воинской повинности и съ увеличеніемъ наличнаго состава арміи, сокращеніемъ службы и пр., стала популярна у насъ и очистила путь реформѣ, задуманной гр. Милютинымъ еще въ 1862 г.

Для выработки новаго Устава были образованы двѣ новыя комиссіи. Военный министръ Милютинъ составилъ „*Общія основанія*“, которыя были Высочайше утверждены 20-го декабря 1870 года и переданы для руководства комиссій. Основанія эти предрѣшали вопросъ объ уравненіи всѣхъ сословій предъ воинской повинностью и основныя черты предстоящей реформы.

§ 1 заключалъ въ себѣ сущность реформы и гласилъ такъ: защита

---

[1]) Не только реформа воинской повинности, но и другихъ отраслей военнаго дѣла, даже чисто техническихъ, напр., интендантской, встрѣчали отчаянное противодѣйствіе со стороны почитателей дореформенныхъ порядковъ (см. „Военныя реформы при Александрѣ II“, въ „*Вѣстникѣ Европы*“, 1882, № 1).

отечества составляетъ священную обязанность *каждаго* русскаго подданнаго. Затѣмъ въ дальнѣйшихъ параграфахъ устанавливалось: поступленіе на службу рѣшается жеребьемъ. Отъ призыва изъемлются только лица, которыя по физическимъ недостаткамъ признаны навсегда неспособными къ военной службѣ. Временныя отсрочки отъ призыва допускаются въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ и исключительно въ видахъ поддержки семей, обезпеченія *народнаго образованія*, а также въ интересахъ народнаго хозяйства и промышленности. Замѣщенія или откупы отъ военной службы не допускаются. Срокъ службы назначенъ въ 15 лѣтъ, изъ коихъ на дѣйствительной въ мирное время не болѣе 7-ми. Опубликованіе основныхъ положеній было встрѣчено сочувственно со стороны многихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ и даже, къ чести ихъ, нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній [1]), подавшихъ благодарственные адресы.

При составленіи проекта устава въ комиссіи, состоявшей подъ высшимъ руководствомъ Д. А. Милютина, изъ 38 членовъ, по нѣкоторымъ вопросамъ возникли разногласія. Такъ меньшинство (10 членовъ) полагало освободить вовсе отъ дѣйствительной службы, въ интересахъ промышленности, семейныхъ одиночекъ, которые непосредственно управляютъ доставшимся имъ по наслѣдству хозяйствомъ или промысловымъ заведеніемъ. Но большинство (28 членовъ) отвергло это мнѣніе, исходя изъ той точки зрѣнія, что льготы по имуществу при *общеобязательной личной* военной повинности не могутъ имѣть въ виду самихъ имуществъ, но могутъ быть допущены единственно во вниманіе къ затруднительному положенію лица, владѣющаго имуществомъ и внезапно призваннаго къ отбыванію воинской повинности, и признало болѣе правильнымъ, вмѣсто освобожденія отъ службы, допустить отсрочку на одинъ годъ (стр. 45 н. Записки). Со стороны купечества сдѣлана была попытка провести право откупа, хотя временное, при чемъ дѣлались заманчивыя предложенія обезпечить на поступившія суммы инвалидовъ, но эта неумѣстная меркантильная точка зрѣнія была рѣшительно отвергнута военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ.

Щедрою рукою установлены были въ проектѣ льготы по образованію. „Проникнутые мыслью, — говорится въ запискѣ просвѣщеннаго министра Д. А. Милютина,—что военная повинность не только не должна вредить развитію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, а, напротивъ, насколько воз-

---

[1]) Чадолюбивые кликуши „*Гражданина*“, не знающіе другихъ мотивовъ, кромѣ интересовъ дворянскаго „кармана и желудка“, доселѣ не могутъ примириться съ духомъ равенства, коимъ проникнута воинская реформа 1874 г., и еще недавно съ гикомъ поднимали на смѣхъ тѣхъ либеральныхъ дворянъ, которые подавали благодарственные адресы по поводу уравненія дворянъ съ vilain'ами, съ „подлымъ народомъ“ („Граж.“, 10 марта 1895 г.).

можно, *способствовать его распространенію* и что установленіе съ этою цѣлью льготъ для однихъ только вольноопредѣляющихся, подобно принятому за-границею, было бы у насъ совершенно недостаточно, такъ какъ мы стоимъ на сравнительно низшей ступени образованія, комиссія *единогласно* признала необходимымъ оградить интересы образованія *во всѣхъ его ступеняхъ* даже для лицъ, поступающихъ въ армію по жребію. Съ этою цѣлью допущены были отсрочки до окончанія образованія и сокращенія срока дѣйствительной службы, начиная отъ полугода (для лицъ съ высшимъ образованіемъ) и до четырехъ лѣтъ (окончившіе курсъ въ начальныхъ училищахъ).

Просвѣщенныя усилія военнаго министерства дать импульсъ народному образованію настолько были очевидны, что впослѣдствіи Государственный Совѣтъ, обсуждая проектъ, счелъ справедливымъ занести въ свой журналъ слѣдующія знаменательныя и лестныя для тогдашняго военнаго министра строки: „Проектъ производитъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе: при необходимомъ охраненіи интересовъ арміи и потребностей военнаго вѣдомства въ немъ не только не забыта важность просвѣщенія, но можно даже съ увѣренностью сказать, что проектированныя постановленія будутъ служить наиболѣе дѣйствительнымъ и могущественнымъ орудіемъ *къ распространенію* просвѣщенія. По мнѣнію присутствія, нельзя не принести за это составителямъ проекта справедливой доли признательности“ [1]).

Никогда оффиціальное выраженіе признательности не имѣло болѣе справедливости и реальнаго основанія.

III.

19-го января 1873 г. Д. А. Милютинъ внесъ свой проектъ въ Государственный Совѣтъ и разослалъ его одновременно на заключеніе министровъ. Поступила масса замѣчаній, изъ коихъ немногія были прямо враждебны основному принципу уравнительной всеобщей воинской повинности, большинство же отстаивало тѣ или другіе интересы привилегированныхъ сословій, но замѣчательно, что не было ни одного, которое клонилось бы къ лучшей и большей защитѣ интересовъ народной массы. Какъ бы молчаливо признавалось всѣми, что для нея и безъ того достаточно (а по мнѣнію иныхъ, черезчуръ много) сдѣлано военнымъ министромъ.

Принципіальнымъ противникомъ общей воинской повинности выступилъ самый стойкій союзникъ гр. Д. А. Толстого по насажденію грамма-

---

[1]) См. журналъ Государственнаго Совѣта по Высочайше учрежденному особому присутствію 2-го апрѣля, 6-го ноября 1873 г., № 1, стр. 14.

тическаго классицизма, управляющій государственнымъ коннозаводствомъ, генералъ-адъютантъ Гринвальдъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ подлиннаго заключенія этого разносторонняго консерватора, считавшаго себя, помимо техники коннозаводской производительности, равно компетентнымъ какъ въ вопросахъ чисто педагогическихъ, такъ и военно-юридическихъ; но, какъ можно заключить изъ журнала Государственнаго Совѣта, онъ шелъ противъ демократическаго духа военной реформы; онъ считалъ опаснымъ для дисциплины допустить общеніе свободолюбивыхъ образованныхъ молодыхъ людей изъ разночинцевъ съ солдатами изъ народа, а самую военную реформу „преждевременною“. Первое опасеніе раздѣлялъ и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Вестманъ, который признавалъ полезнымъ освободить на десять лѣтъ лицъ съ высшимъ образованіемъ,—не то въ награду, не то какъ macula, въ наказаніе за ихъ политическую неблагонадежность,—отъ воинской повинности [1]). Особое присутствіе Государственнаго Совѣта отвергло эти заскорузлыя ухищренія мнительныхъ бюрократовъ, консерваторовъ согласно заключенію Д. А. Милютина по слѣдующимъ соображеніямъ: „Весьма значительное число молодыхъ людей изъ образованныхъ классовъ общества поступаетъ и теперь ежегодно въ составъ войскъ въ качествѣ юнкеровъ; между тѣмъ, по засвидѣтельствованію военнаго начальства, лица эти не только не оказываютъ дурного вліянія на нижнихъ чиновъ изъ простолюдиновъ, но подаютъ даже *добрый примѣръ* охотнаго исполненія служебныхъ обязанностей. То же самое, должно надѣяться, останется и впредь. Предполагать противное можно было бы въ томъ лишь случаѣ, если бы со введеніемъ реформы молодые люди поставлены были въ условія, не соотвѣтствующія ни образованію ихъ, ни привычкамъ, чего на самомъ дѣлѣ не предположено“ [2]).

По поводу же обычнаго припѣва трусливыхъ рутинеровъ о „неподготовленности“ народа къ принятію общеобязательной военной службы и установленія права выкупа для привилегированныхъ высшихъ классовъ Государственный Совѣтъ разсуждалъ такъ: „Въ виду совершившихся уже преобразованій во всѣхъ отрасляхъ государственнаго устройства, со введеніемъ общихъ всѣмъ сословіямъ земскихъ учрежденій и судебной реформы, которыми уже устранены многія изъ преградъ, раздѣлявшихъ у насъ сословія, сохраненіе различія однихъ отъ другихъ, именно въ отношеніи къ обязанности защищать родину, было бы, напротивъ того, рѣзкимъ и ничѣмъ необъяснимымъ отступленіемъ отъ общаго строя государственнаго развитія. Если правительствомъ признано было возможнымъ

---

[1]) См. измѣненный проектъ о воен. повин., стр. 68.
[2]) См. назв. журн. Госуд. Совѣта, № 1, стр. 10.

и благовременнымъ ввести упомянутыя реформы, несмотря на относительно низкій уровень умственнаго развитія массы населенія, то это обстоятельство тѣмъ менѣе можетъ служить препятствіемъ общеобязательной воинской повинности, которая по самому ея свойству и условіямъ военной службы представляетъ весьма дѣйствительное средство не только къ распространенію народнаго образованія, но и къ нравственному развитію населенія и вообще къ правильному соединенію и къ направленію ихъ къ одной общей цѣли“ [1]). Далѣе Государственный Совѣтъ ссылается на примѣры иностранныхъ государствъ, гдѣ не допускается никакихъ отступленій въ пользу высшихъ классовъ отъ основного начала общеобязательности военной службы, и въ частности на примѣръ Пруссіи, гдѣ она была введена вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостного права.

Нѣсколькими министрами были высказаны пожеланія о разныхъ льготахъ въ пользу привилегированныхъ классовъ: министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ требовалъ, чтобы особые призывные участки были образованы для „неподатныхъ состояній“, министръ юстиціи гр. Паленъ настаивалъ на предоставленіи имъ права избранія мѣста службы по собственному желанію. Но военный министръ Д. А. Милютинъ, согласно духу равенства новой реформы, настойчиво возражалъ [2]) противъ подобныхъ изъятій, вызванныхъ старыми сословными предразсудками и претензіями. Онъ призналъ, однако, возможнымъ допустить, согласно мнѣнію министра финансовъ Рейтерна, въ интересахъ промышленности отсрочку отправленія воинской повинности на два года для завѣдывающихъ торгово-промышленнымъ дѣломъ.

Оберъ-прокуроръ св. синода, гр. Д. А. Толстой, требовалъ освобожденія семинаристовъ отъ воинской повинности, указывая на то, что „безкорыстная жажда знанія пробуждается почти исключительно въ зрѣлыхъ (?) лѣтахъ и что юношество въ періодъ воспитанія руководствуется представленіемъ тѣхъ выгодъ, какія изученіе наукъ обѣщаетъ въ будущемъ, и что трудно ожидать, чтобы молодые люди, судьба которыхъ уже опредѣлилась жеребьемъ, стали съ увлеченіемъ предаваться богословскимъ, филологическимъ и др. изысканіямъ, чуждымъ (sic!) будущей ихъ дѣятельности, и что большинство ограничится окончаніемъ курса въ среднихъ заведеніяхъ“. Д. А. Милютинъ, „не касаясь вопроса о томъ, какому возрасту—юношескому или зрѣлому—болѣе свойственны корыстныя побужденія въ стремленіи къ пріобрѣтенію научныхъ познаній“, отвергъ предложеніе гр. Толстого въ виду льготъ, представляемыхъ высшимъ образованіемъ или поступленіемъ въ духовное званіе.

---

[1]) См. назв. журналъ, стр. 12—13.

[2]) См. изм. проектъ, стр. 12—13.

Самое характерное и невѣроятное въ устахъ министра юстиціи замѣчаніе было сдѣлано гр. Паленомъ, предлагавшимъ важнѣйшія дѣла о нарушеніи законовъ о воинской повинности, подсудныя суду присяжныхъ, *изъять* изъ ихъ вѣдѣнія въ виду того, что „едва ли отъ присяжныхъ засѣдателей можно ожидать сознанія (!) всей важности вины лицъ, уклоняющихся отъ военной службы". Военному министру пришлось выступить въ защиту достоинства русскаго суда присяжныхъ отъ нападокъ министра юстиціи, котораго онъ призвалъ къ порядку напоминаніемъ объ основныхъ началахъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. [1]). Судъ присяжныхъ настолько былъ популяренъ, что Государственный Совѣтъ даже и не удостоилъ обсужденія эту неприличную выходку министра юстиціи.

IV.

Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя, независимыя отъ воли людей. Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ истинъ исключительныхъ.

Князь П. А. Вяземскій.

Едва ли не самый интересный эпизодъ въ исторіи военной реформы, это—характерная ожесточенная полемика, завязавшаяся между представителями двухъ противоположныхъ политическихъ міросозерцаній, между Д. А. Милютинымъ, который, говоря словами кн. Вяземскаго (товар. мин. народ. просв.), приведенными въ эпиграфѣ, вѣрилъ въ просвѣщеніе и стоялъ за его распространеніе quand-même,—и министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, мрачнымъ носителемъ узко-дворянскихъ интересовъ, бюрократомъ до мозга костей, стремившимся сдѣлать величайшее изъ благъ земныхъ, высшее образованіе, исключительнымъ достояніемъ знатныхъ и богатыхъ. Не даромъ военное министерство временъ Д. А. Милютина иные называли истиннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія сравнительно съ тогдашнимъ оффиціальнымъ научно-педагогическимъ вѣдомствомъ. Въ то время, когда гражданскія гимназіи превращались въ корпуса съ „классической муштровкою", военные кадетскіе корпуса, освобождаясь отъ язвъ профессіональныхъ школъ, указанныхъ въ извѣстныхъ статьяхъ Н. И. Пирогова „Вопросы жизни", превращались въ „военныя гимназіи", т.-е. общеобразовательныя заведенія, слегка

---

[1]) Испр. проектъ, 55, 80.

приноровленныя къ потребностямъ военнаго вѣдомства. Чтобы судить о широтѣ взглядовъ военнаго министра Д. А. Милютина на дѣло просвѣщенія, достаточно добавить, что онъ возымѣлъ смѣлую и благородную рѣшимость открыть при военномъ министерствѣ,—о, ужасъ!—первый не только въ Россіи, но и въ Европѣ, женскій медицинскій факультетъ, за что ему и искреннее спасибо, великая честь и слава отъ всѣхъ друзей русскаго народнаго просвѣщенія...

Но въ числѣ этихъ друзей никакъ нельзя было считать бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого, ожесточеннаго врага Д. А. Милютина. Какъ только полученъ былъ гр. Толстымъ изъ военнаго министерства прсектъ о воинской повинности, онъ въ поданномъ отзывѣ своемъ отъ 20-го февраля 1873 года выступилъ рѣшительнымъ противникомъ системы льготъ по образованію, установленныхъ въ проектѣ. Затѣмъ гр. Толстой вторично развивалъ свои замѣчанія въ особой запискѣ на имя государственнаго секретаря отъ 18-го октября 1879 года. Все это замѣчательное и похвальное, съ чиновничьей точки зрѣнія, усердіе гр. Толстого клонилось къ тому, чтобы доказать, во-первыхъ, что нѣтъ просвѣщенія внѣ введеннаго имъ, по вдохновенію Каткова и Леонтьева, мрачнаго, схоластическаго классицизма и гр. Толстой его пророкъ, во-вторыхъ, дать выходъ жертвамъ новаго гимназическаго строя, тѣмъ fruits secs, недоношеннымъ плодамъ ложнаго классицизма, которыхъ ежегодно выбрасывали гимназіи въ угрожающей прогрессіи, и, въ третьихъ, по возможности затруднить пути къ высшему образованію вообще и въ частности для людей съ недостаточными средствами, для дѣтей „дворниковъ, лакеевъ, прачекъ *и т. п. людей*“, какъ выразился впослѣдствіи преемникъ гр. Толстого И. Д. (впослѣдствіи графъ) Деляновъ.

Въ роли ревнителя и адвоката собственнаго классицизма, роли, напоминающей положеніе усердствующаго procurator'a in rem suam, гр. Толстой негодовалъ прежде всего противъ уравненія льготъ по образованію прогимназій, гдѣ дается, по его словамъ, „предварительное научное (!) образованіе“, съ уѣздными училищами, лишенными благъ единоспасающей классической грамматики, а потому, по его мнѣнію, ни къ чему не пригодныхъ и подлежащихъ уравненію съ низшими школами грамотности [1]). Единственно кажущеюся попыткою къ покровительству просвѣщенія въ отзывѣ гр. Толстого представляется предложеніе его сократить съ 4-хъ лѣтъ до 3-хъ срокъ службы для окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ... Но истинный смыслъ этого предложенія явствуетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, изъ котораго видна главная цѣль гр. Толстого: какъ можно ниже держать въ народѣ уровень образованія. Въ этихъ видахъ

---

[1]) Отз. мин. нар. просв. отъ 20-го февраля 1873 г., стр. 4.

онъ рѣшительно возсталъ противъ льготъ, установленныхъ проектомъ въ пользу *высшаго и средняго* образованія, и требовалъ, чтобы не только окончившіе курсъ гимназій, но и лица съ высшимъ образованіемъ уравнены были съ гимназистами 6-го класса и учениками школъ грамотности, т. е. оставались на дѣйствительной службѣ *три* года (вмѣсто предположенныхъ проектомъ 9 мѣсяцевъ и полутора года). Исходя изъ убѣжденія своего (см. выше § 3), что молодые люди во время прохожденія курса ученія руководствуются „выгодами“, гр. Толстой не безъ основанія разсчитывалъ, что, благодаря этой военной приманкѣ, масса лицъ, „которыя не имѣютъ или *средствъ*, или способностей учиться“, бросятъ гимназіи съ 6-го класса. Въ арміи, по мнѣнію гр. Толстого, „всегда найдется мѣсто для нихъ“ (вотъ ужъ поистинѣ: „на̀ тебѣ, небоже, что̀ мнѣ не гоже“!), а если число ищущихъ высшаго образованія чрезъ это значительно уменьшится,—тѣмъ лучше, полагалъ гр. Толстой, ибо „предпочтительнѣе, чтобы такія лица не наполняли собою „безъ всякой пользы для науки, а иногда и со вредомъ для серьезнаго ученія“ (это Пироговы, Соловьевы, Щуровскіе, Буслаевы, Тихонравовы, Мейеры и другіе „бѣдные“ студенты „конфузили“, серьезность ученія!) аудиторіи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній“ [1]). Это мнѣніе было поддержано въ Государственномъ Совѣтѣ всего только пятью членами: министромъ финансовъ Рейтерномъ, гр. Шуваловымъ (начальн. III-го отдѣленія), Набоковымъ, гр. Паленомъ (министромъ юстиціи) и Лесовскимъ.

Какъ противъ мнистра юстиціи (см. выше § 3) пришлось Д. А. Милютину выступить въ защиту достоинства русской юстиціи, такъ и противъ министра народнаго просвѣщенія ему пришлось ратовать за русское просвѣщеніе. Тутъ, какъ сказано, сталкивались два противоположныхъ міровоззрѣнія: одно—безсословное демократическое, признающее образованіе высшимъ благомъ и наибольшее его распространеніе безусловно желательнымъ, и другое—аристократическое или бюрократическое, дворянско-чиновничье, смотрящее на образованіе, какъ на ненужную роскошь или даже какъ на неизбѣжное зло̀, распространеніе коего должно быть удерживаемо всѣми силами въ кругу привилегированнаго меньшинства. Послѣдняго обскурантскаго мнѣнія держался министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой; перваго, какъ сказано, военный министръ Милютинъ, къ которому присоединились 22 члена и въ числѣ ихъ, по техническимъ соображеніямъ, нѣкоторые столпы консерватизма. Члены эти были: великіе князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи, принцъ Ольденбургскій, гр. Бергъ, кн. Горчаковъ, Игнатьевъ, Чевкинъ, Мѣтлинъ, баронъ Ливенъ, Новосильскій, Фундуклей, Левшинъ, Валуевъ, баронъ Будбергъ, Мельни-

[1]) См. назв. журн. Госуд. Совѣта, 46.

ковъ, гр. Барановъ, Тимашевъ, кн. Урусовъ, кн. Оболенскій, Мансуровъ, Небольсинъ [1]). Указавъ на важное значеніе для военнаго вѣдомства лицъ съ высшимъ образованіемъ, 22 члена подробно излагаютъ свои соображенія о необходимости наибольшаго поощренія у насъ высшаго образованія.

„Еще несравненно важнѣе,—сказано въ журналѣ Государственнаго Совѣта представляющееся по настоящему вопросу,—соображеніе *общегосударственное*, состоящее въ томъ, что лицъ, получившихъ высшее научное образованіе, надлежитъ въ мирное время удерживать на дѣйствительной службѣ лишь въ теченіе того срока, который *крайне необходимъ* для усвоенія ими порядковъ военной службы и пріемовъ военнаго дѣла. Въ такомъ только случаѣ военное вѣдомство, пользуясь въ трудную для государства пору войны лучшими силами населенія и общества для возможно успѣшной защиты отечества отъ врага, не будетъ однако въ остальное время дѣйствовать въ ущербъ другимъ не менѣе важнымъ потребностямъ страны и не будетъ такимъ образомъ препятствовать мирному и правильному гражданскому ея развитію. Въ отношеніи къ Россіи соображеніе ато имѣетъ чрезвычайную важность, ибо, къ сожалѣнію, число лицъ, получившихъ высшее образованіе, у насъ относительно весьма еще невелико и далеко *не соотвѣтствуетъ потребности* въ нихъ, постоянно ощущаемой во всѣхъ отрасляхъ государственной и общественной дѣятельности. Не говоря уже о недостаткѣ у насъ ученыхъ техниковъ разнаго рода, крайне необходимыхъ для устройства и поддержанія въ порядкѣ путей сообщенія, для развитія фабрикъ и вообще промышленности, для усовершенствованія сельскаго нашего хозяйства, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что даже высшія правительственныя власти нерѣдко бываютъ крайне затруднены въ пріисканіи вполнѣ достойныхъ кандидатовъ на разнаго рода должности, сопряженныя и съ обезпеченною пенсіею въ будущемъ. Достаточно указать на то, что къ 1-му января 1872 года по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія было *двѣсти семь* незанятыхъ профессорскихъ каѳедръ въ университетахъ; а сколько нужно намъ еще учителей не только для существующихъ, но и для постоянно открываемыхъ учебныхъ заведеній разнаго рода? Хотя, можетъ быть, и не въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ, но трудность пріисканія вполнѣ образованныхъ дѣятелей для занятія различныхъ правительственныхъ должностей встрѣчается и во всѣхъ почти другихъ вѣдомствахъ“.

По приведеннымъ соображеніямъ 22 члена считали, съ своей стороны, безусловно необходимымъ какъ въ видахъ справедливости, такъ и для поощренія стремленія къ высшему образованію, назначить для окончи-

---

[1]) См. назв. журн. Госуд. Сов., 48.

вшихъ курсъ въ университетѣ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ менѣе продолжительный срокъ дѣйствительной службы, нежели для лицъ, хотя бы даже окончившихъ гимназическій курсъ. Съ другой стороны, и огражденіе интересовъ молодыхъ людей, прошедшихъ полный курсъ наукъ въ гимназіяхъ и вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, разсуждали члены Совѣта, имѣетъ восьма важное значеніе: число такихъ лицъ у насъ также весьма незначительно, а между тѣмъ гимназіи и соотвѣтствующія имъ учебныя заведенія составляютъ единственный источникъ для пополненія слушателями университетовъ и другихъ высшихъ училищъ; поэтому всякая мѣра, ведущая къ ослабленію этого источника, должна отразиться вредно на успѣхѣ научнаго образованія.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—говорится далѣе,—что съ дарованіемъ высшей отъ воинской повинности льготы ученикамъ 6-го класса гимназій число выходящихъ изъ этого класса непремѣнно увеличилось бы, и соотвѣтственно тому *уменьшилось* бы число оканчивающихъ полный гимназическій курсъ и поступающихъ въ университеты. Самое убѣдительное доказательство вѣрности такого предположенія представляетъ Пруссія, гдѣ, несмотря на большое развитіе просвѣщенія, право одногодичнаго срока военной службы за шестилѣтнее ученіе въ гимназіяхъ и вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оказываетъ всѣми признаваемое вліяніе на уменьшеніе числа оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ училищахъ“ [1]).

V.

Еще большее фіаско потерпѣлъ гр. Толстой по другому своему ретроградному мнѣнію, въ которомъ онъ возражалъ противъ предоставленнаго Милютинскимъ проектомъ окончившимъ курсъ въ прогимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ права поступать на службу вольноопредѣляющимися и черезъ три года быть произведенными въ офицеры. Въ этомъ постановленіи гр. Толстой усматривалъ, во-первыхъ, опасную для прогимназій конкуренцію уѣздныхъ училищъ и, во-вторыхъ, возможность переполненія офицерскаго персонала лицами мѣщанскаго и купеческаго сословія, что представлялось ему нежелательнымъ съ точки зрѣнія политической благонадежности. Этотъ затхлый отголосокъ старыхъ крѣпостническихъ предразсудковъ относительно vilain'овъ и потуги чрезмѣрнаго усердія въ пользу собственнаго злополучнаго дѣтища—классической муштровки—прозвучалъ совершенно одиноко въ Государственномъ Совѣтѣ, не привлекши

---

[1]) См. назв. журналъ особаго присутствія Государственнаго Совѣта, стр. 48 и слѣд.

въ свою сторону *ни одного голоса*. Огромнымъ большинствомъ 24 голосовъ (Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, нынѣ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, графъ Паленъ, Тимашевъ, Валуевъ и др.) отвергли это мнѣніе въ виду большой потребности въ офицерахъ и поставили на видъ заранортовавшемуся гр. Толстому, что допущеніе вольноопредѣляющихся изъ податныхъ сословій, существовавшее *даже* и по старому законодательству николаевскихъ временъ, отнюдь не можетъ вести къ вредному измѣненію духа войскъ[1]).

Потерпѣвъ неудачу въ особомъ присутствіи Государственнаго Совѣта, упрямый, самонадѣянный гр. Толстой не унывалъ и рѣшился попытать счастья въ общемъ собраніи его, но результатъ былъ тотъ же. Членамъ Государственнаго Совѣта гр. Толстой разослалъ обширную записку (50 печатныхъ страницъ), въ которой, повторяя, вопреки совѣту классиковъ—non bis in idem,—свои прежніе доводы, предлагалъ съ настойчивостью, достойною лучшаго примѣненія, *сократить льготы по образованію*. Maximum льготы (служба до 1 года) онъ допускалъ только для вольноопредѣляющихся, при чемъ лица съ высшимъ образованіемъ уравнивались съ окончившими курсъ 6-ти классовъ классическихъ гимназій; для поступавшихъ же по жребію не допускалось *никакого* изъятія, и окончившій курсъ въ университетѣ долженъ былъ остаться на службѣ столько же, колько и окончившій въ начальной школѣ. Затѣмъ гр. Толстой отвергалъ отсрочку для окончанія образованія и настаивалъ на отправленіи студентами воинской повинности непремѣнно *во время* прохожденія университетскаго курса по политическимъ соображеніямъ.

Военный министръ Д. А. Милютинъ подробно разобралъ всѣ возраженія гр. Толстого и, между прочимъ, доказывалъ, что, вопреки мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, смѣло утверждавшаго что съ *военной* точки зрѣнія *невозможно* сокращеніе службы для лицъ съ высшимъ образованіемъ до 3—6 мѣсяцевъ [2]), такая льгота не будетъ вредна для военнаго дѣла. А, съ другой стороны, отправленіе воинской повинности во время прохожденія университетскаго курса Д. А. Милютинъ считалъ несовмѣстнымъ съ правильнымъ ходомъ научныхъ занятій вообще и въ частности для *недостаточныхъ студентовъ*, которые во время лѣтнихъ вакацій зарабатываютъ средства къ существованію.

Рѣдко можно встрѣтить въ исторіи законодательствъ болѣе оригинальное qui pro quo, нежели вышеупомянутое, въ которомъ министръ народ-

---

[1]) См. назв. журналъ, стр. 89.

[2]) См. Записку гр. Толстого, 8.

наго просвѣщенія ратуетъ горячо за военные интересы, стремясь въ сущности къ сокращенію распространенія просвѣщенія, а военный министръ готовъ даже отчасти поступиться военными интересами, лишь бы оказать поддержку народному просвѣщенію.

Государственный Совѣтъ, разобравъ чрезвычайно внимательно доводы обоихъ министровъ, принялъ вполнѣ заключенія Д. А. Милютина по соображеніямъ, заслуживающимъ особаго вниманія, въ виду возникшаго въ 60-хъ годахъ предположенія воскресить планъ гр. Толстого. Вотъ что, между прочимъ, записано въ журналѣ Совѣта:

„Просвѣщеніе наше на всѣхъ его степеняхъ, не исключая и высшихъ, нуждается въ сильномъ охраненіи и *постоянномъ поощреніи*. Пруссія (на нее ссылается гр. Толстой) не можетъ въ этомъ отношеніи служить намъ примѣромъ: тамъ считается въ университетахъ слишкомъ 8.000 слушателей, а въ 407 гимназіяхъ, прогимназіяхъ, реальныхъ и высшихъ бюргерскихъ училищахъ около 100 тысячъ учащихся; соотвѣтственно этому, при нашемъ населеніи, въ $3^1/_2$ раза большемъ, въ нашихъ университетахъ должно бы быть около 28.000 слушателей, а ихъ менѣе 7.000; точно такъ же мы должны бы имѣть гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ до 1.420 и учащихся въ нихъ до 350.000, а имѣемъ мы такихъ учебныхъ заведеній менѣе 150 и учащихся въ нихъ не болѣе 40.000. Цифры эти достаточно объясняютъ недостатокъ въ образованныхъ лицахъ у насъ и изобиліе ихъ въ Пруссіи, гдѣ при принятіи въ гражданскую службу можно дѣлать выборъ между многими и требовать, кромѣ аттестата учебнаго заведенія, еще выдержанія особаго служебнаго испытанія (Staatsexamen). Поэтому въ Пруссіи оказывается возможнымъ не давать никакихъ льготъ за образованіе поступающимъ въ военную службу по жребію; лица эти не пользуются отсрочкою для окончанія образованія и по достиженіи 20-тилѣтняго возраста немедленно призываются на службу. При такой системѣ, въ Пруссіи не можетъ быть даже и случаевъ отправленія воинской повинности по окончаніи университетскаго курса, совпадающемъ съ болѣе позднимъ возрастомъ.

„Полное примѣненіе прусской системы у насъ при относительно низкомъ еще уровнѣ образованія было бы *тяжкимъ ударомъ для отечественнаго просвѣщенія*. Съ цѣлью возможнаго поощренія къ ученью намъ совершенно необходимо допустить льготы по образованію и для лицъ, призываемыхъ на службу по жребію, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить и соразмѣрность, принятую уже нашимъ законодательствомъ относительно распредѣленія льготъ по различнымъ степенямъ образованія. Дарованіе особыхъ по воинской повинности льготъ за прохожденіе курса въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не можетъ не имѣть существеннаго значенія: сокращая сроки обязательнаго пребыванія въ дѣйствитель-

ной военной службѣ, единогласно признаваемой наиболѣе тяжелою изъ всѣхъ существующихъ повинностей, такія льготы должны почитаться *важнѣйшими* изъ правъ, которыя могутъ быть предоставлены закономъ за окончаніе курса въ томъ или въ другомъ училищѣ. Въ сравненіи съ означенными льготами, въ значительной мѣрѣ облегчающими и сокращающими весьма тягостную для каждаго образованнаго человѣка службу въ нижнихъ военныхъ чинахъ, блѣднѣютъ и отодвигаются на второй планъ всѣ остальныя преимущества, пріобрѣтаемыя окончаніемъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и наиболѣе цѣнившагося до сихъ поръ права на чины по службѣ гражданской.

„Въ виду приведеннаго уже недостатка у насъ въ лицахъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, составляющаго несомнѣнный фактъ, едва ли можетъ быть признана справедливою мысль, что лица, достигшія университета и даже высшаго класса гимназіи, по самой степени своего развитія должны побуждаться къ продолженію занятій не какими-либо преимуществами, а интересомъ знанія и любовью къ наукѣ, и что посему предоставленіе имъ той или другой льготы по воинской повинности не имѣетъ существенной важности. Если наши высшія учебныя заведенія, даже при тѣхъ особыхъ привилегіяхъ, которыми они пользуются издавна, не настолько еще привлекаютъ учащихся, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ государства въ лицахъ образованныхъ, то не слѣдуетъ ли ожидать, что всякое уменьшеніе привилегій для высшихъ учебныхъ заведеній еще болѣе затруднитъ достиженіе указанной цѣли.

„Привлеченіе молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія не особыми льготами, а посредствомъ развитія въ нихъ самихъ потребности просвѣщенія, было бы, безъ сомнѣнія, весьма желательно. Но осуществленіе этого оказывается возможнымъ только въ самой слабой степени даже въ наиболѣе образованныхъ странахъ; у насъ же стремленіе къ сему было бы пока преждевременно и потому пагубно отозвалось бы на дальнѣйшемъ развитіи нашего образованія. Если же держаться противоположнаго взгляда, то по важности предмета необходимо было бы войти по оному въ общія соображенія и представить этотъ вопросъ въ полномъ его объемѣ, со всѣми необходимыми объясненіями, на отдѣльное разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ, и не только по отношенію къ льготамъ при отправленіи воинской повинности, а въ примѣненіи ко всѣмъ вообще правамъ, предоставляемымъ у насъ различными степенями образованія. До того же времени, пока общій этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ въ приведенномъ выше смыслѣ, пока въ законодательствѣ нашемъ будутъ существовать столь еще недавно подтвержденныя новыми уставами университетовъ, разныхъ высшихъ спеціальныхъ заведеній, а равно гимназій и прогимназій, весьма существенныя постановленія о правахъ, предоста-

вляемыхъ окончившимъ курсъ наукъ въ тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ, предлагаемое нововведеніе объ уравненіи правъ лицъ, удостоенныхъ университетомъ ученой степени, съ молодыми людьми, не окончившими даже гимназическаго курса, едва ли было бы возможно“ [1]).

VI.

1-го января 1874 г. Уставъ о воинской повинности былъ утвержденъ. Высочайшій манифестъ, при которомъ онъ былъ распубликованъ, происхожденіе и сущность реформы разъяснялъ такъ: „По дѣйствовавшимъ до нынѣ узаконеніямъ воинская повинность возлагалась лишь на сословія мѣщанъ и крестьянъ, и значительная часть русскихъ подданныхъ изъята была отъ обязанности, которая должна быть для всѣхъ одинаково священна. Такой порядокъ, сложившійся при иныхъ обстоятельствахъ, не согласуясь съ измѣнившимися условіями государственнаго быта, не удовлетворяетъ и настоящимъ военнымъ требованіямъ. Новѣйшія событія доказали, что сила государствъ не въ одной численности войска, но преимущественно въ *нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ*, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ народа, когда всѣ безъ различія званій и состояній соединяются на это святое дѣло“.

Благодаря энергичной и умѣлой защитѣ проекта, военному министру удалось провести военную реформу чрезъ Государственный Совѣтъ не только въ общемъ, но и въ деталяхъ. согласно съ требованіями справедливости, согласно первоначальному, раціональному плану и гуманно-просвѣтительнымъ и уравнительнымъ принципамъ, безъ уступокъ реакціонному духу и сословнымъ предразсудкамъ. Наградою гр. Д. А. Милютину, этому истинно просвѣщенному дѣятелю, было утѣшеніе видѣть стройный и прогрессивный Уставъ о воинской повинности 1-го января 1874 г., который послѣ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. является самымъ передовымъ, цѣльнымъ и строго придуманнымъ законодательнымъ актомъ, и сознавать, что новый Уставъ о воинской повинности служитъ, какъ то прямо и говорилось въ Высочайшемъ указѣ Сенату отъ 1-го января 1874 г., при коемъ Уставъ былъ обнародованъ, новымъ подтвержденіемъ и закрѣпленіемъ освободительно-человѣколюбивыхъ началъ преобразовательной эпохи. „Мы не имѣемъ намѣренія,—открыто гласилъ указъ 1-го января,—отступить отъ *началъ*, которымъ *неуклонно слѣдовали* во все наше царствованіе“. Затѣмъ законодатель высказалъ убѣжденіе, что новый законъ

---

[1]) См. назв. журн. Государ. Совѣта, стр. 52 и слѣд.

будетъ новымъ орудіемъ *къ распространенію въ народѣ истиннаго просвѣщенія* и послужитъ основаніемъ и залогомъ будущаго его благоденствія.

1-го того же января послѣдовалъ рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта Великаго Князя Константина Николаевича съ выраженіемъ искренней признательности за его „теплое участіе“ въ этомъ дѣлѣ.

Крупныя заслуги Д. А. Милютина въ дѣлѣ проведенія военной реформы были оффиціально признаны въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 11-го января 1874 г., въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Постоянно слѣдя за ходомъ этого дѣла, какъ при работахъ подготовительныхъ, такъ и окончательномъ обсужденіи, Я имѣлъ возможность убѣдиться, насколько вашему просвѣщенному рвенію, неутомимой дѣятельности и вѣрному пониманію предуказанной Мною цѣли Я обязанъ тѣмъ, что всѣ стороны сего важнаго преобразованія были тщательно разработаны, возникавшіе вопросы основательно разъяснены, и составлено законоположеніе, вполнѣ отвѣчающее Моимъ видамъ. Проникнутый горячею заботливостью о пользахъ арміи и общемъ благѣ государства, вы стремились во внесенномъ вами въ Государственный Совѣтъ проектѣ къ пріумноженію не только матеріальной, но преимущественно *нравственной силы* войска, и въ то же время не упустили изъ виду необходимости огражденія *другихъ важныхъ интересовъ*: быта семейнаго, промышленности, торговли и искусствъ и *въ особенности просвѣщенія во всѣхъ его степеняхъ*. Главнѣйшія постановленія, проектированныя во ввѣренномъ вамъ министерствѣ, были уважены Государственнымъ Совѣтомъ, въ обсужденіяхъ котораго вы принимали самое ревностное и полезное участіе. Тяжелыми трудами вашими въ этомъ дѣлѣ и просвѣщеннымъ на него взглядомъ вы оказали государству услугу, которую Я ставлю себѣ въ особое удовольствіе засвидѣтельствовать и за которую выражаю вамъ Мою истинную душевную признательность. Законъ, Мною утвержденный и нынѣ обнародованный, да будетъ при вашемъ содѣйствіи приводиться *въ исполненіе въ томъ же духѣ*, въ какомъ онъ составленъ, съ сохраненіемъ твердо и незыблемо основного начала объ обязанности каждаго нести воинскую повинность и со всѣми въ отбываніи этой повинности облегченіями, возможными безъ ущерба для существенныхъ интересовъ государства, для силы и достоинства арміи“.

Въ такомъ именно человѣколюбивомъ и просвѣщенномъ духѣ равенства, гуманности и справедливости проводилъ въ жизнь гр. Д. А. Милютинъ задуманную имъ реформу до самаго [1]) конца своей продолжитель-

[1]) Народная грамотность несравненно больше обязана своимъ распространеніемъ военному министерству, нежели министерству народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, невозможно указать въ точности число грамотныхъ, обязанныхъ гра-

ной и плодотворной службы, когда онъ въ апрѣлѣ 1881 г. вмѣстѣ съ своимъ единомышленникомъ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ долженъ былъ, въ виду наступившей реакціи, выйти въ отставку.

Военная реформа 1874 г. сравнительно съ другими реформами была поставлена въ особо счастливыя условія примѣненія. Тогда какъ крестьянскую и судебную реформу пришлось вводить въ дѣйствіе лицамъ, равнодушнымъ къ ихъ духу или явно враждебнымъ (какъ П. А. Валуевъ и гр. К. Н. Паленъ), военная реформа—и она *одна*—избѣгла этого важнаго неудобства, имѣвшаго послѣдствіемъ постепенное искаженіе духа и сущности вводимыхъ реформъ, и примѣнялась вполнѣ согласно ея основному духу равенства, гуманности и просвѣщенія.

Благіе результаты не замедлили обнаружиться необыкновенно быстро и осязательно. Сила обстоятельствъ вынудила Александра II, заявившаго еще 1-го января 1874 г. при изданіи Устава о воинской повинности, „что онъ не ищетъ, какъ не искалъ дотолѣ, блеска военной славы“, испытать физическія и нравственныя силы молодого преобразованнаго войска гораздо раньше, чѣмъ это допускало человѣческое предвидѣніе. Уже черезъ три года по введеніи устава о воинской повинности, внушавшаго консерваторамъ столько опасеній своимъ „демократическимъ, либеральнымъ духомъ“, Россія вынуждена была двинуть на поле битвы впервые свое преобразованное въ духѣ равенства, человѣколюбія и справедливости молодое войско. И что же? Своими боевыми качествами, своимъ достойнымъ поведеніемъ, которому должны были отдать справедливость друзья и недруги [1]), новыя войска на Балканахъ и Армянскомъ плоскогорьѣ не посрамили апріорной вѣры друзей прогресса въ русскій народъ и a posteriori наглядно подтвердили разумность гуманно-просвѣтительныхъ началъ, положенныхъ въ основу великой военной реформы 1874 года.

мотностью прохожденію воинской повинности. Благодаря любезности одного компетентнаго военнаго ученаго, я могу привести слѣдующія соображенія и приблизительныя данныя. На военной службѣ почти всѣ солдаты выучиваются грамотѣ. Число же лицъ, исполнившихъ воинскую повинность съ 1874 по 1891 г., по отчетамъ военнаго министерства достигаетъ болѣе 2.500.000. Если отсюда вычесть число грамотныхъ новобранцевъ, въ среднемъ (за послѣдніе годы) приблизительно 30%, да скинуть нѣсколько на больныхъ и умершихъ, то безъ большой ошибки можно принять, что воинской повинности обязаны грамотностью по меньшей мѣрѣ (до 1891 г.) 1.600.000 человѣкъ.

[1]) См. у Д. А. Ровинскаго похвальные отзывы англійскихъ журналистовъ о поведеніи русскихъ и солдатъ. „Народныя Картины“, т. V, 321.

VIII.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ.

Сословное дѣленіе общества въ отношеніи къ реформѣ городского управленія не практично, даже вредно, ибо разрывая основную связь общества сословнымъ раздѣленіемъ, мы тѣмъ самымъ вводимъ вредныя для общаго блага столкновенія нашихъ интересовъ и взаимное ихъ противодѣйствіе. Гораздо справедливѣе и практичнѣе было бы принять единство нашихъ интересовъ за основаніе общественнаго благоустройства... Сословное разграниченіе для дѣлъ общихъ нарушаетъ ту живую связь, которая всегда присуща дѣйствительной жизни. Вообще сословное начало даетъ свой особый узкій тонъ дѣламъ общаго городского управленія.

Отзывы членовъ Могилевской и Самарской городскихъ коммиссій (1862).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Городовое положеніе 1870 года.

(Справка къ 25-тилѣтію).

Представители сословій, являясь въ Думу, оставляли за ея порогомъ всякіе сословные счеты и интересы. Благодаря новому устройству общественныхъ учрежденій въ Москвѣ 1862 г., городскія сословія, такъ сказать, перетирались, шлифовались одно о другое, и въ результатѣ совмѣстной работы на пользу общаго дѣла и взаимнаго подчиненія получилось то, что московская Общая Дума изъ всесословнаго учрежденія совершенно незамѣтно выработалась въ учрежденіе безсословное. Другими словами, на глазахъ города совершался благотворный процессъ сліянія сословій, безъ котораго немыслимо никакое развитіе общественнаго дѣла.

М. П. Щепкинъ.

I.

Городское самоуправленіе много старше земскаго. Задуманное въ эпоху великихъ реформъ, Городовое Положеніе 16-го іюня 1870 г., правда, и не дожило даже до 25-тилѣтія, но собственно принципъ или идея безсословнаго городского самоуправленія въ Россіи считаетъ уже за собою болѣе ста лѣтъ, если не процвѣтанія, то кое-какого худосочнаго существованія. Начало городскихъ „вольностей“ было положено знаменитою Екатерининскою [1]) Городовою Грамотою или Городовымъ [2]) Положеніемъ

[1]) По случаю столѣтія этой Грамоты московская городская дума предполагала поставить на одной изъ городскихъ площадей памятникъ Екатеринѣ II, но разрѣшеніе послѣдовало лишь на постановку въ зданіи думы.

[2]) Государственный Совѣтъ далъ Положенію 1870 г. наименованіе „Городо-

21-го апрѣля 1785 г., составившею знаменательную эпоху въ исторіи русскаго законодательства. Общій планъ городского общественнаго, т.-е. безсословнаго самоуправленія, начертанный этимъ замѣчательнымъ законодательнымъ актомъ, названнымъ „Жалованною Грамотою на право и выгоды городамъ имперіи“, былъ задуманъ на такихъ широкихъ и разумныхъ основаніяхъ [1]), что далеко опережалъ свой вѣкъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (такъ, напримѣръ, относительно установленія образовательно-нравственнаго ценза и даже нѣкотораго возвышенія его надъ имущественнымъ при опредѣленіи избирательныхъ правъ гражданина) оставилъ за собою не только нынѣшнее Городовое Положеніе 12-го іюня 1892 года, но и болѣе прогрессивное предшествовавшее Положеніе 16-го іюня 1870 г. [2]). Къ сожалѣнію, отчасти недостаточная опредѣленность постановленій Екатерининской великой хартіи, отчасти наступленіе жестокой реакціи въ послѣдующее царствованіе Павла I, главнымъ же образомъ несоотвѣтствіе раціональныхъ началъ Грамоты 1785 года господствующимъ бюрократическимъ взглядамъ и бытовымъ условіямъ русской жизни привели къ тому, что благодѣтельная—по выраженію Государственнаго Совѣта—реформа Екатерины далеко не принесла всей ожидаемой отъ нея пользы.

Городская самоуправляющаяся община предполагаетъ наличность нѣсколькихъ данныхъ, какъ-то: выдѣлившихся своими промышленными или вообще спеціальными городскими *профессіями равноправныхъ* гражданъ, управляющихъ *самостоятельно*, въ качествѣ хозяевъ, всѣмъ хозяйствомъ общины и вообще завѣдующихъ всѣми его матеріальными и духовными нуждами. Если обратиться къ исторіи царствованія Екатерины II и всего послѣдующаго времени господства крѣпостного права, то ясно увидимъ, что въ эту эпоху централизаціи и безраздѣльнаго господства бюрократическаго произвола, крайняго, рѣзкаго сословнаго антагонизма и расчлененія общества, съ его неизбѣжнымъ дѣленіемъ на привилегированныхъ и „подлыхъ“, податныхъ и неподатныхъ, изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній почва была непригодна для зарожденія самоуправляющихся на началахъ равноправности горожанъ, городскихъ общинъ и вообще развитой городской жизни.

вого“ (вмѣсто городского) въ память этой „благодѣтельной, какъ выразился Совѣтъ, реформы“. См. Матеріалы, относящіеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ имперіи. Изд. хозяйст. департ. Спб., т. III, 487.

[1]) Разборъ см. у И. И. Дитятина: „Городское самоуправленіе“.

[2]) См. Общественное хозяйство города Москвы въ 1863—1887 гг. Историко-статистическое описаніе, ч. I, вып. 1-й, составилъ М. П. Щепкинъ. Изданіе московской городской думы. М. 1888 г., стр. 90.

II.

Мѣриломъ развитія городской жизни въ нѣкоторой степени могутъ служить городскіе финансы, а наглядное понятіе о нихъ могутъ дать слѣдующіе факты. Черезъ 12 лѣтъ послѣ дарованія городамъ жалованной грамоты доходы столичнаго города С.-Петербурга не превышали 36,000 р. [1]). Въ бюджетѣ богатой Москвы въ 1806 г. доходы показаны въ 811,910 р., но изъ этой суммы на обязательные расходы (полиція, войска и проч.) тратилось 650,000 р., а на всѣ остальныя нужды остатокъ 161,900 р. (въ томъ числѣ на содержаніе школъ и благотворительныхъ заведеній— 37,800 р. [2]). А о губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и говорить нечего. Еще въ половинѣ 60-хъ годовъ не мало было городовъ съ мизерными бюджетами. Изъ общаго числа 595 городовъ доходы простирались:

въ	10	городахъ	отъ	250 р.	до	500 р.
„	36	„	„	500 „	„	1,000 „
„	159	„	„	1,000 „	„	2,500 „
„	189	„	„	2,500 „	„	5,000 „
„	79	„	„	5,000 „	„	10,000 „
„	57	„	„	10,000 „	„	25,000 „
„	20	„	„	25,000 „	„	50,000 „
„	13	„	„	болѣе	„	50,000 „ [3]).

27 городовъ имѣли населенія менѣе 1,000 душъ, 74—отъ 1,000 до 2,000 и т. д. [4]).

А городъ съ населеніемъ менѣе 1,000 душъ и бюджетомъ въ 1,000 и даже въ 250 р. развѣ по условной оффиціальной, „казенной“ терминологіи можетъ быть величаемъ „городомъ“?

Какъ извѣстно изъ исторіи русскихъ городовъ, большинство изъ нихъ обязано своимъ происхожденіемъ „бюрократическому“ творчеству. На западѣ города создавались потребностями жизни, какъ оплотъ противъ феодальнаго поземельнаго дворянства, какъ мѣсто раздѣленія труда сельскаго и городского и мѣсто средоточія зачинавшейся въ „бургахъ“ промышленной, торговой и умственной городской жизни [5]). Русскіе „казенные“ или „штатные“ города вызваны къ жизни административнымъ ге-

---

[1]) См. н. Матеріалы I, 317.

[2]) См. н. Общ. хоз. г. Москвы, ч. I, в. I, 108—109.

[3]) Матеріалы I, 183, II, 141—146,

[4]) Тамъ же I, 184.

[5]) М. П. Щепкинъ,—Опыты изученія хозяйства и управленія городовъ М. 1882 г., ч. I. 4.

ніемъ, его потребностями и удобствами, его соображеніями о необходимости извѣстнаго положеннаго „по штату“ числа городовъ, создавшихся не то для симметріи, не то для оживленія тоскливаго однообразія сплошной бѣлизны карты Россіи. Екатерина II не безъ гордости указывала на то, что ею создано по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г. ни мало, ни много 216 городовъ! Можно бы поистинѣ дивиться этому сверхъестественному государственному зиждительству, если бы на повѣрку результаты этого законодательнаго „fiat“, „да бысть“, не оказывались крайне скромными, если не ничтожными. Когда предъ изданіемъ Городового Положенія 1870 г. правительство приступило къ изученію быта городовъ [1]), то въ результатѣ его получились слѣдующія любопытныя, но нѣсколько неожиданныя данныя. Изъ 595 городскихъ поселеній Европейской Россіи только $^1/_6$ часть ихъ могла быть признана по занятіямъ жителей чисто промышленными пунктами, $^1/_3$ полупромышленными, полуземледѣльческими, остальные города, т.-е. *половина*, чисто земледѣльческими или занимающимися отхожими промыслами.

Благодаря административному происхожденію русскихъ городовъ, въ исторіи ихъ встрѣчается явленіе, едва ли не единственное въ своемъ родѣ—это внесеніе города въ „штатъ“ и исключеніе изъ него, пожалованіе селъ волею администраціи въ „чинъ“ города или разжалованіе ихъ за несоотвѣтственный городу образъ жизни. Аткарскъ (Сарат. губ.) въ 1780 г. былъ пожалованъ въ городъ, а въ 1799 г. разжалованъ въ село, а черезъ пять лѣтъ опять выслужилъ чинъ города. Такъ же было съ Балашовымъ. Въ 1836 г. села Чертанлы, Царевна пожалованы въ города—Николаевскъ, Царевъ, но они и доселѣ занимаются хлѣбопашествомъ, подобно купцамъ и мѣщанамъ города Вольска, обрабатывающимъ и нынѣ до 20,000 десятинъ земли [2]).

Земля русская велика и обильна, и чего, чего только въ ней нѣтъ! Въ лѣтописяхъ ея записаны событія недавнія и едва ли гдѣ слыханныя: это—бунтъ крестьянъ, надѣляемыхъ „правами гражданъ“ при помощи штыковъ (такъ было въ 1836 г. при „образованіи“ гор. Царева) или мѣщанъ, наказываемыхъ при содѣйствіи военной команды, въ качествѣ рецидивистовъ,—за возвращеніе къ хлѣбошеству, какъ напр.,

---

[1]) Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи въ 1861—62 г., 2 ч. Спб. 1863 г.

[2]) Н. С. Щепкина, 7 и слѣд.—Авторъ указываетъ на существованіе рядомъ съ земледѣльческими городами селъ, занимающихся изготовленіемъ оптическихъ инструментовъ (тамъ же, 9). Еще въ началѣ 60-хъ годовъ въ городъ Новоузенскъ выписывали за 200 верстъ мясо и бѣлый хлѣбъ по почтѣ черезъ Саратовъ. См. тамъ же.

въ 1858 г. въ Сольцахъ, Псков. губ., и въ 1860 г. въ Спасскѣ, Рязанской губ. [1]).

Другое неблагопріятное условіе для укрѣпленія городской общественной жизни заключалось въ крайнемъ развитіи начала сословности. Въ то самое время, когда въ Западной Европѣ расчлененіе государственнаго организма на строго замкнутыя сословія стало ослабѣвать, въ то время когда сословныя привилегіи по рожденію, уступая вліянію гуманно-просвѣтительнаго XVIII вѣка, стали исчезать, Екатерина II клала въ Россіи новые устои для сословной разобщенности и сословныхъ привилегій, особенно дворянскихъ. Тогда именно, когда русскій народъ послѣ освобожденія при Петрѣ III въ 1760 г. дворянъ отъ воинской повинности питалъ вполнѣ законную надежду на отмѣну крѣпостного права, обусловленнаго этою повинностью, Екатерина II давала дворянству новыя привилегіи, окончательно закрѣпляя за дворянствомъ рабовладѣніе съ лишеніемъ крестьянъ права жалобы и распространеніемъ рабства на Малороссію [2]).

Создавая одною рукою сословныя перегородки, другой она устанавливала начала равноправности. Ст. 77 Городового Положенія 1785 г. устанавливала такое широкое понятіе правоспособнаго гражданина или городского обывателя, подъ которое должны были подойти, съ одной стороны, домовладѣлецъ-дворянинъ и богатый купецъ, а съ другой—всѣ живущіе своимъ личнымъ трудомъ, начиная отъ чиновника, художника и пр. и кончая ремесленникомъ и даже простымъ рабочимъ („старожилы, которые въ городѣ промысломъ, рукодѣліемъ или работою кормятся“). Но, какъ и слѣдовало ожидать, это широкое безсословное обывательское понятіе, съ установленіемъ избирательнаго права въ размѣрихъ suffrage universel, осталось на бумагѣ, не находя ни въ окружающей жизни, ни въ самомъ законодательствѣ почвы для своего процвѣтанія. Вводя начало безсословности въ городское управленіе, Екатерина тутъ же вводила и сословность въ видѣ „людей средняго рода“ или „гражданъ въ особенности“, т.-е. податное сословіе купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ. Но, главное, весь дореформенный укладъ жизни, построенный на крѣпостническо-сословномъ фундаментѣ, исключалъ всякую общественную, т.-е. безсословную дѣятельность на поприщѣ общегражданскомъ. Среда, гдѣ человѣческое достоинство, „званье человѣкъ“, было такъ унижено, что слово „человѣкъ“ въ житейскомъ обиходѣ стало уничижительнымъ и примѣнимымъ только къ прислугѣ, была слишкомъ неблагопріятна для процвѣтанія общегражданскихъ или общечеловѣческихъ учрежденій.

---

[1]) Матеріалы 181, I, примѣч.
[2]) И. Д. Бѣляевъ. Крестьяне на Руси, 275—277.

Смѣлая мысль Екатерины, включеніемъ высшаго дворянскаго сословія въ число полноправныхъ городскихъ обывателей, ввести въ городское управленіе элементъ высшаго общественнаго служенія потерпѣла полное фіаско, главнымъ образомъ благодаря политической и умственной неразвитости этого высшаго сословія. Обыватели податного сословія высшаго разряда, т.-е. меньшинство (купцы), за деньги покупая право выдѣлиться изъ разряда „подлыхъ“ людей, освободиться отъ тѣлеснаго наказанія и рекрутской повинности, смотрѣли недружелюбно [1]) на предоставленіе правъ городского обывателя дворянству и безъ того надѣленному громадными привилегіями. Но и само дворянство, дорожившее только своими узкими, рабовладѣльческими привилегіями, совершенно равнодушное къ интересамъ общественнымъ и съ высокомѣрною спесью глядѣвшее на низшія сословія, считало ниже своего достоинства опуститься до занятія городскими дѣлами.

Да и могло ли быть иначе въ средѣ, пропитанной духомъ крѣпостного права? Если такой выдающійся вельможа, какъ министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ, человѣкъ, считавшійся образованнымъ и ежедневно читавшій „*Times*“ и древнихъ классиковъ въ подлинникѣ, считалъ лицъ менѣе знатнаго рода или чиномъ-двумя ниже себя простолюдинами, а лицъ податныхъ сословій — существами другого порядка творенія [2]), то какой широты взгляда и эманципированія отъ сословнаго эгоизма и барскаго чванства, какого безкорыстнаго сочувствія городскому самоуправленію можно было ждать отъ рядовыхъ дворянъ? Когда въ 1827 г. поднятъ былъ вопросъ о болѣе рѣшительномъ проведеніи въ народномъ самоуправленіи начала всесословности, то противъ него возстало не только московское именитое, но невѣжественное купечество, усмотрѣвшее въ проектѣ ученаго Балугьянскаго копированіе съ французской палаты депутатовъ и начала анархіи [3]), но и само московское дворянство считало неумѣстнымъ участіе дворянъ въ городскомъ управленіи въ виду „естественнаго (sic!) права разсуждать о коммерціи купцу, о помѣстьѣ помѣщику“. Да что необразованное московское купечество! Одинъ изъ „государственныхъ“ людей, извѣстный гонитель мысли Бутурлинъ, находившій нецензурныя вольности даже въ акаѳистѣ Пресвятой Богородицѣ [4]), полагалъ унизительнымъ для дворянства такое „смѣшеніе сословій“, считая его просто несообразнымъ съ монархическимъ бытомъ нашего государства [5]).

---

[1]) Предисловіе къ т. 1 н. Матеріаловъ, ст. III.
[2]) См. сб. Н. П. Семенова. Освобожд, крест., II, 71. 669.
[3]) Общ. хоз. г. Москвы, ч. I, в. 1, 66.
[4]) См. Энцикл. словарь Брокгауза, слово Бутурлинъ.
[5]) Н. сб. Общ. хоз, I, в. 1, 66.

Какъ извѣстно, такая „анархическая“ реформа была проведена въ 1846 г. министромъ Перовскимъ при помощи „краснаго“ Н. А. Милютина, но до какой степени былъ еще живучъ духъ сословнаго антагонизма и барской надменности въ дворянствѣ, можно судить по тому, что еще въ 1858 году, стало быть уже послѣ начала преобразовательной дѣятельности и приступа къ отмѣнѣ крѣпостного права, извѣстный „олигархъ“ [1]) и „плантаторъ“, какъ тогда звали ярыхъ крѣпостниковъ, М. А. Безобразовъ сдѣлалъ безобразный скандалъ при предложеніи ему петербургскою думою установленной закономъ грамоты на званіе петербургскаго обывателя, считая для стараго московскаго дворянина оскорбительнымъ такое званіе [2]).

Значеніе дореформеннаго крѣпостного строя, какъ тормаза для нормальнаго развитія общественной жизни, съ особою рельефностью обнаружилось, какъ только показались, съ наступленіемъ эпохи великихъ реформъ, первые провозвѣстники предстоящаго очищенія зараженной рабствомъ атмосферы. Уже въ началѣ 1859 года то же московское дворянство, которое презрительно предоставляло купцамъ въ силу „естественнаго права“ вѣдѣніе городскими дѣлами, само ходатайствовало о дозволеніи московскимъ домовладѣльцамъ изъ дворянъ принять участіе въ городскомъ управленіи, что и было допущено съ распространеніемъ въ 1863 г. на Москву дѣйствовавшаго въ Петербургѣ съ 1846 г. Положенія. И тутъ съ первыхъ же дней дѣятельности московскаго всесословнаго городского управленія, съ чрезвычайною наглядностью сказалась благодѣтельная перемѣна, произведенная великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля. То же самое, весьма ограниченное по Положенію 1846 года городское самоуправленіе впервые на московской почвѣ дало, благодаря новымъ прогрессивнымъ вѣяніямъ, весьма цѣнные плоды. Въ городскіе головы былъ впервые выбранъ не купецъ, а родовитый, видный общественный дѣятель, просвѣщенный кн. А. А. Щербатовъ, чуждый узкосословныхъ дворянскихъ предразсудковъ. Благодаря безпристрастному руководству кн. Щербатова и при сочувственномъ содѣйствіи гуманнаго и разумнаго администратора, московскаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова, въ Москвѣ впервые черезъ 80 лѣтъ выполнена была поставленная Екатериною II задача городского всесословнаго управленія. „Городскія сословія, по сло-

---

[1]) Такъ назвалъ его Александръ II (н. сб. Семенова, II, 95).

[2]) Никитенко передаетъ объ этомъ случаѣ такія подробности. Крѣпостникъ Безобразовъ заявилъ, что „онъ принадлежитъ къ древнему московскому дворянству и не хочетъ состоять въ числѣ людей средняго рода“. Дума въ протоколѣ своемъ привела статью закона, обязывающую ее выдать дипломъ, и напечатана протоколъ для разсылки его членамъ. Протоколъ былъ перепечатанъ Катковымъ въ „*Русск. Вѣст.*“, за что цензора Н. Ѳ. Крузе удалили („*Дневникъ*“, II, 114, 118).

вамъ извѣстнаго знатока и историка московскаго городского самоуправленія М. П. Щепкина, благодаря новому устройству общественныхъ учрежденій въ Москвѣ, перетирались, шлифовались одно о другое, и въ результатѣ такой совмѣстной работы *на пользу общаго дѣла и взаимнаго подчиненія* получилось то, что московская общая дума изъ всесословнаго учрежденія совершенно незамѣтно выработалась въ учрежденіе *безсословное*; другими словами: на глазахъ всего города совершался благотворный процессъ *сліяній* сословій, безъ котораго немыслимо никакое развитіе общественнаго дѣла [1]).

Относительно *третьяго условія* самоуправленія—самостоятельности и независимости—не зачѣмъ распространяться. Кому неизвѣстно, какъ дореформенная всевластная бюрократія, захвативъ и спеленавъ всѣ отрасли управленія, не оставляла мѣста для общественной самодѣятельности. Уже преемникъ Екатерины II, Павелъ I, подъ впечатлѣніемъ революціонной дѣятельности парижской коммуны, призналъ умѣстнымъ отмѣнить въ 1798 г. невинное Городовое Положеніе своей матери. Александръ I, хотя и возстановилъ въ 1800 г. Екатерининскую грамоту, какъ „непреложный законъ“, но на дѣлѣ городскія учрежденія вполнѣ возстановлены не были, и городское хозяйство приходило въ большой упадокъ. Злоупотребленія административныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ городскимъ хозяйствомъ, были такъ вопіющи, что Александръ I въ указѣ Сенату счелъ нужнымъ указать, какъ полиція съ одного и того же имущества взыскивала *тройныя* и четверныя деньги, и на притѣсненія бѣднѣйшей части городского населенія, „кои безгласностью своей менѣе представляли препятствій такому притѣсненію“ [2]).

Какъ ни подозрительно относилась николаевская администрація къ общественной дѣятельности, какъ ни господствовала въ это время „оффиціальная ложь“ съ ея девизомъ: „все обстоитъ благополучно“, но для прекращенія явныхъ злоупотребленій полицейскаго хозяйничанія сочла себя вынужденною допустить для одного только Петербурга участіе городскихъ сословій, и съ этою цѣлью введено было Положеніе 16-го февраля 1846 г. Оно ввело общую думу, въ составъ которой входили гласные въ количествѣ 250 отъ пяти сословій и которая собиралась крайнерѣдко (съ 1846 по 1860 г. всего 17 разъ), и распорядительную, состоящую изъ 12 ти членовъ съ преобладаніемъ купеческаго элемента. Все управленіе было сосредоточено въ рукахъ этой послѣдней, которая сама находилась въ *полномъ* подчиненіи генералъ-губернатору [3]). Если въ

---

[1]) Общ. хоз. Москвы, I, I, 86. См. также главу II, § 4.

[2]) Тамъ же, 55.

[3]) Тамъ же, 79.

такомъ состояніи находилось дѣло городского самоуправленія въ Петербургѣ по Положенію 1846 г., за составленіе котораго Н. А. Милютинъ прослылъ „краснымъ“ [1]), то не трудно вообразить себѣ, что происходило въ царствѣ провинціальныхъ „помпадуровъ“ и Сквозниковъ-Дмухановскихъ, гдѣ для произвола административнаго при безгласности общества и отсутствіи всякаго контроля высшихъ властей не было никакихъ препонъ.

III.

Съ конца 50-хъ годовъ, когда только-что началось въ Россіи пробужденіе общественной мысли и наступила эра возрожденія, со всѣхъ сторонъ стали указывать на необходимость уничтоженія административной опеки, сковывавшей и парализовавшей всякую общественную самодѣятельность. Въ это же время начали поступать ходатайства о реформѣ городского управленія по типу всесословнаго управленія, существовавшаго въ Петербургѣ. Послѣ освобожденія крестьянъ въ преобразовательной программѣ П. А. Валуева значилось и преобразованіе городовъ. 20-го марта 1862 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе *о безотлагательномъ* принятіи мѣръ къ улучшенію, точнѣе, къ созданію общественнаго управленія. Въ тотъ же день Высочайше утверждено было „Положеніе объ общественномъ управленіи города Москвы“, которое осуществляло часть прогрессивныхъ предложеній проекта московскаго Тучковскаго комитета [2]), составлявшихъ шагъ впередъ сравнительно съ петербургскимъ образцомъ.

Элементъ сословности былъ нѣсколько ослабленъ, благодаря полному отдѣленію сословныхъ учрежденій отъ городскихъ, допущены были впервые въ городское управленіе крестьяне и уничтожено привилегированное положеніе дворянъ и купцовъ въ составѣ распорядительной думы въ ущербъ мѣщанамъ и ремесленникамъ. Городскія учрежденія получили сравнительно большую самостоятельность, приближаясь къ самоуправленію. Дума созывалась городскимъ головою безъ предварительнаго разрѣшенія губернатора, а изъ распорядительной думы удаленъ коронный чиновникъ.

---

[1]) См. н. Лероа Больё, 24.

[2]) Подъ предсѣдательствомъ московскаго генералъ-губернатора, П. А. Тучкова, въ составъ комиссіи входили, кромѣ коронныхъ чиновниковъ, предводитель дворянства, городской голова и представитель купечества. Въ благодарность за услуги, оказанныя городскому самоуправленію либеральнымъ администраторомъ, Москва приняла на свой счетъ похороны умершаго въ 1862 г. Тучкова, основала стипендію его имени, поставила памятникъ на его могилѣ и портретъ въ залѣ думскихъ засѣданій. Общ. хоз. Москвы, I, 1, 79, прим.

Въ прекрасной запискѣ генералъ-адъютанта Тучкова приведены такія вѣскія соображенія въ пользу его удаленія: коронный чиновникъ „фактически становится какъ бы начальникомъ своихъ товарищей и своимъ присутствіемъ подрываетъ довѣріе къ нимъ со стороны выбравшихъ ихъ сословій и ослабляетъ ихъ усердіе къ пользѣ общественной, которое растетъ только въ трудѣ самостоятельномъ“ [1]). Кромѣ того, возвышено было положеніе общей городской думы, которая въ Петербургѣ была въ непосредственномъ вѣдѣніи генералъ-губернатора, а распорядительная дума, сносившаяся съ губернскимъ правленіемъ рапортами, возведена на равную съ нимъ степень губернскаго мѣста. При этомъ Тучковскій комитетъ приводилъ въ основаніе такого измѣненія какъ размѣры московскаго городского хозяйства, такъ равно и то, что распорядительная Дума имѣетъ въ общей думѣ „опору своей самостоятельности и гарантіи противъ недовѣрія правительства и общества“.

Одновременно съ введеніемъ въ Москвѣ новаго Положенія министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ собиранію матеріаловъ для постановленной на очередь городской реформы. Осуществленіе городской реформы затянулось на 8 слишкомъ лѣтъ, частью благодаря смѣнѣ главы министерства въ 1868 г., когда на мѣсто П. А. Валуева былъ назначенъ генералъ-адъютантъ А. Е. Тимашевъ, частью благодаря сложному законодательному плану, надъ выполненіемъ котораго много и добросовѣстно поработалъ одинъ изъ видныхъ и убѣжденныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи, директоръ хозяйственнаго департамента (нынѣ сенаторъ) А. Д. Шумахеръ, руководившій всѣмъ дѣломъ подготовки и введенія реформы въ дѣйствіе.

Первая стадія работы заключалась въ собираніи историческаго статистическаго и бытового матеріала о состояніи русскихъ городовъ, и она была выполнена въ 1863—1864 г. Результатами работъ были слѣдующія изданія министерства:

1) Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по устройству городского общественнаго управленія.

2) Муниципальныя учрежденія въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы.

3) Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи, въ двухъ томахъ [2]).

4) Сводъ соображеній мѣстныхъ комиссій объ улучшеніи городского общественнаго управленія.

---

[1]) Общ. хоз. Москвы, I, 1, 83.

[2]) Кромѣ вышеуказаннаго въ прим. на стр. 574, въ 1882 г. былъ выпущенъ 6 и 7, посвященный городамъ Сибири, и другія изданія, которыя будутъ указаны ниже.

Самая любопытная часть матеріаловъ это—сводъ отзывовъ мѣстныхъ городскихъ комиссій. Это единственное по размѣрамъ мѣстное, общественное разслѣдованіе, которое ни раньше, ни впослѣдствіи, къ сожалѣнію, не повторялось. Иниціатива и исполненіе этой незамѣнимой мѣры принадлежитъ А. Д. Шумахеру. Для руководства комиссій разослана была обширная программа, составленная А. Д. Шумахеромъ [1]) и обнимавшая всѣ стороны городского управленія. Комиссіи составлялись губернаторомъ изъ мѣстныхъ гражданъ, мнѣнія коихъ въ подлинникѣ представлялись въ министерство. Такихъ заключеній или пожеланій мѣстныхъ жителей поступило 595, и одно краткое изложеніе ихъ содержанія занимаетъ 140 печатныхъ страницъ [2]).

Какъ и слѣдовало ожидать, провинція оказалась не такъ безмолвна и безсмысленна, какою ее привыкла выставлять петербургская бюрократія. Съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ заключеній мы познакомимъ дальше, теперь же отмѣтимъ, что какъ ни забито и невѣжественно было городское населеніе, все-таки огромное большинство заключеній выражало совершенно разумныя основанія для будущей организаціи: уничтоженіе административнаго гнета и подавляющей чиновничьей опеки, уравненіе сословныхъ правъ и т. п. Попадались и немногія курьезныя мнѣнія, шедшія изъ „медвѣжьихъ угловъ“ и поражавшія своимъ убожествомъ: такъ гор. Бабиновичи (Могил. г.) высказывался за устройство въ городахъ управленія по образцу сельскаго. 27 ничтожныхъ, но „счастливыхъ“ городовъ оказались затянутыми такою непроницаемою тиною китайскаго квіетизма, что не усматривали „никакой надобности“ въ измѣненіи существующихъ учрежденій. Перекопская комиссія была необычайно сурова къ холостымъ и требовала, чтобы и выборные, и гласные были люди *женатые* [3]). Но въ общемъ провинціальные города лицомъ въ грязь не ударили.

По полученіи отзывовъ мѣстныхъ комиссій хозяйственный департаментъ составилъ въ 1864 г. два проекта Положенія о городскомъ общественномъ управленіи и о городскомъ хозяйствѣ съ очень дѣльными объяснительными къ нимъ записками [4]), въ коихъ А. Д. Шумахеромъ сгруппированы были отзывы мѣстныхъ комиссій. Проекты были посланы на заключеніе II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи.

II отдѣленіе разобрало подробно проектъ, и управлявшій имъ статсъ-секретарь Д. Сольскій высказалъ слѣдующее интересное, заслуживающее

---

[1]) Матеріалы 7, 1—30.
[2]) Тамъ же, 33—173.
[3]) Тамъ же, I, 220,—120.
[4]) Она занимаетъ почти 300 страницъ (тамъ же, I, 173—467).

полнаго сочувствія, мнѣніе: „Второе Отдѣленіе, съ особеннымъ вниманіемъ изучивъ это многосложное дѣло, признаетъ нужнымъ, прежде чѣмъ войти въ подробности, выразить общее мнѣніе свое о составленной въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ работѣ, между прочимъ и о методѣ, наблюдавшемся при ея совершеніи. Избраніе хорошей методы при проектированіи важной перемѣны въ законодательствѣ есть одно изъ главнѣйшихъ условій успѣшности задуманнаго преобразованія, и посему предметъ этотъ не долженъ быть оставляемъ безъ вниманія. Ходъ настоящаго дѣла въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ, по мнѣнію Второго Отдѣленія, самымъ взыскательнымъ требованіямъ и можетъ служить образцомъ того порядка, отъ котораго желательно бы никогда не отступать при составленіи новыхъ обширныхъ законоположеній. Предварительная разработка главнѣйшихъ вопросовъ на мѣстахъ лицами, близко знакомыми съ практическою стороною дѣла, изложеніе всѣхъ полученныхъ, такимъ образомъ, отзывовъ въ правильной системѣ, въ особенности же замѣчательное собраніе статистическихъ свѣдѣній о положеніи нашихъ городовъ, равно какъ изслѣдованія объ историческомъ ихъ развитіи и о муниципальномъ устройствѣ другихъ европейскихъ государствъ—придаютъ настоящему труду министерства внутреннихъ дѣлъ полноту и законченность, представляющія ручательство зрѣлости и обдуманности всѣхъ предначертаній. Сверхъ того, большая часть указанныхъ свѣдѣній и изслѣдованій имѣетъ важное значеніе въ отношеніи научномъ, и лица, направлявшія эти работы, безъ сомнѣнія, заслужатъ благодарность отъ всякаго интересующагося судьбами нашего отечества“.

Переработавъ проектъ въ нѣкоторыхъ частяхъ согласно замѣчаніямъ II отдѣленія, П. А. Валуевъ внесъ 31-го декабря 1866 г. свой проектъ въ Государственный Совѣтъ, при чемъ онъ полагалъ ввести новое городское управленіе въ 248 городахъ, остальные же, т.-е. большую часть ихъ, переименовавъ въ посады, оставить при старомъ порядкѣ управленія. Въ мартѣ 1868 г. Валуевъ былъ смѣщенъ и проектъ его былъ возвращенъ его преемнику А. Е. Тимашеву. Проектъ былъ пересмотрѣнъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, при чемъ приглашены были и нѣкоторые губернаторы, находившіеся въ Петербургѣ. Но какимъ-то нечаяннымъ образомъ въ эту исключительно чиновничью комиссію попалъ одесскій городской голова Новосельскій (правда, дѣйств. стат. совѣтникъ), сдѣлавшій нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній [1]). Затѣмъ проектъ изъ этой комиссіи былъ переданъ въ другую инстанцію того же министерства, въ совѣтъ министра, и 28 марта 1869 г. снова внесенъ въ Государственный Совѣтъ.

---

[1]) Матеріалы II, 293.

Здѣсь дѣло неожиданно получило новое направленіе. Государственный Совѣтъ былъ недоволенъ тою исключительно бюрократическою системою составленія проекта, которая дотолѣ господствовала. Послѣ обращенія къ мѣстнымъ комиссіямъ въ 1863 г. можно было ожидать приглашенія мѣстныхъ дѣятелей, на подобіе редакціонной комиссіи по крестьянскому вопросу, для участія въ составленіи проекта. Но ни о чемъ подобномъ не думалъ двоедушный П. А. Валуевъ, на словахъ осуждавшій бюрократическую опеку надъ обществомъ, а на дѣлѣ никогда ему искренно не довѣрявшій. При разсмотрѣніи второго проекта Государственный Совѣтъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе на этотъ пробѣлъ и на неудобства исключительно бюрократическаго порядка составленія проекта. Указавъ на то важное значеніе для экономическаго развитія всего государства, которое будетъ имѣть хорошее законодательство по устройству городовъ, а равно и на тѣ вредныя послѣдствія, которыхъ надлежитъ опасаться отъ всякаго постановленія, недостаточно согласованнаго какъ съ дѣйствительными потребностями, такъ и съ условіями практическаго примѣненія, Совѣтъ продолжаетъ: „посему сколь не (ни) важна теоретическая разработка относящихся сюда вопросовъ, ее одну еще нельзя признать достаточною для полнаго обезпеченія успѣха“. Сославшись затѣмъ на то, что, несмотря на многократное обсужденіе дѣла, участіе нѣсколькихъ губернаторовъ и одесскаго городского головы принесло „существенно полезныя указанія“, Государственный Совѣтъ призналъ, что столько же желательно было бы имѣть практическія замѣчанія и соображенія отъ большаго числа лицъ, непосредственно участвующихъ въ завѣдываніи общественными дѣлами городовъ и наглядно знакомыхъ съ условіями городского управленія и хозяйства при различныхъ степеняхъ населенности и вообще развитія городскихъ поселеній“ [1]).

Во исполненіе предложеннаго Совѣтомъ плана былъ составленъ комиссіею изъ представителей разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи кн. Урусова новый (четвертый) проектъ, который подвергся пересмотру при участіи приглашенныхъ 10 экспертовъ—городскихъ головъ и гласныхъ [2]). Комиссія имѣла въ полномъ составѣ 14 засѣданій съ 14-го февраля по 19-е

---

[1]) Матеріалы, III, 3.

[2]) Экспертами были приглашены: городскіе головы: 1) с.-петербургскій—ст. сов. Погребовъ; 2) московскій—д. с. с. кн. Черкасскій; 3) одесскій—д. с. с. Новосельскій; 4) харьковскій—пот. поч. гражд. Шатуновъ; 5) динабургскій—отст. ген.-майоръ Гагельстромъ; 6) елецкій—пот. поч. гражд. Русановъ; 7) череповецкій—пот. поч. гр. Милютинъ; 8) вознесенскій-посадскій—ман. совѣт. Гарелинъ, и гласные: Петербурга—тов. пред. окружного суда Лихачевъ, гор. Москвы—д. с. с. Шумахеръ. Матеріалы, III, 201.

марта 1870 г. и послѣ тщательнаго обсужденія [1]) предмета при дѣятельномъ содѣйствіи экспертовъ выработала окончательный (пятый) проектъ, который и былъ внесенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ 31-го марта 1870 г. въ Государственный Совѣтъ.

Въ виду того, что въ теченіе семилѣтней обработки проекта и въ особенности при послѣдней стадіи ея вопросы были обсуждены подробно и съ возможною при данныхъ условіяхъ полнотою, обсужденіе проекта, къ коему были приглашены и столичные городскіе головы, Погребовъ и кн. Черкасскій, заняло въ Государственномъ Совѣтѣ всего два засѣданія (15-го и 16-го апрѣля 1870 г.). При обсужденіи соединенные департаменты вмѣсто проектированнаго „Городского Положенія“ новый законъ въ память Екатерининской грамоты назвали „Городовымъ Положеніемъ“. Они же измѣнили къ лучшему наименованія городскихъ учрежденій, принявъ вмѣсто городского общественнаго собранія и городской думы болѣе соотвѣтственныя названія: для исполнительнаго органа—городская управа (какъ въ первомъ проектѣ), а для совѣщательнаго—городская дума.

Любопытно, что сама 1 ст. Город. Положенія, формулирующая сущность городской реформы и постановляющая: „попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству предоставляется городскому общественному управленію, а надзоръ за законнымъ сего исполненіемъ—губернатору на точномъ основаніи правилъ настоящаго Положенія“, была впервые внесена департаментами Государственнаго Совѣта [2]).

Въ общемъ собраніи Совѣта проектъ былъ разсмотрѣнъ въ одно засѣданіе, 11-го мая 1870 г., и 16-го іюня 1870 г. Городовое Положеніе было утверждено Александромъ II въ г. Веймарѣ.

IV.

Задачи, поставленныя въ эпоху великихъ реформъ городской реформѣ, далеко не всѣ были разрѣшены удовлетворительно Городовымъ Положеніемъ 1870 г. Но нѣкоторые принципіальные вопросы городского самоуправленія, затронутые при этой реформѣ и такъ или иначе ею разрѣшенные, имѣютъ и понынѣ живой практическій интересъ, а потому не лишнее напомнить о томъ, какъ стояли эти вопросы передъ изданіемъ помянутаго законоположенія.

Прежде всего выступалъ вопросъ о юридическихъ качествахъ „обы-

---

[1]) Журн. ком. Матер., III, 201—297.
[2]) Матер. III, 487.

вателя", какъ носителя избирательнаго права. Замѣчательно, что либеральное Городовое Положеніе 1870 г. въ этомъ отношеніи оказалось позади Екатерининской Грамоты 1785 г. Эта послѣдняя рядомъ съ домовладѣльцами, купцами и ремесленниками право городского обывателя предоставляла представителямъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, именитымъ гражданамъ, какъ-то: лицамъ съ университетскими аттестатами, художникамъ трехъ художествъ, т.-е. архитекторамъ, живописцамъ, скульпторамъ и „музыкосочинителямъ". Впослѣдствіи, когда при Павлѣ Екатерининская реформа подверглась разгрому и общая дума на дѣлѣ почти перестала существовать даже въ столицахъ, все городское управленіе перешло къ шестигласной, скорѣе безгласной, думѣ, состоявшей изъ купцовъ и бывшей въ полномъ подчиненіи у мѣстнаго начальства, точнѣе его канцеляріи.

Какъ только общество получило возможность заявлять о своихъ нуждахъ, оно не преминуло указать на ненормальность такого положенія. Московскій (Тучковскій) комитетъ рѣшительно высказался въ своемъ проектѣ въ пользу допущенія образовательнаго ценза и указывалъ на „важность научнаго образованія во всѣхъ отрасляхъ администраціи и на благотворное его вліяніе на общественное мнѣніе" [1]), но министръ П. А. Валуевъ даже и не удостоилъ вниманія это заявленіе. Когда министерство стало собирать отзывы отъ мѣстныхъ жителей, то хотя въ разосланной программѣ существовавшая въ Петербургѣ избирательная система считалась какъ бы предрѣшенною, тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ были поданы голоса за предоставленіе въ томъ или другомъ видѣ избирательнаго права умственно-образовательному цензу при уменьшенномъ имущественномъ цензѣ или вовсе безъ него. Такъ, мстиславская комиссія полагала уменьшить наполовину размѣръ стоимости ценза для лицъ, окончившихъ курсъ въ какихъ-либо среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Тогда духовные и учителя—писала комиссія,—сдѣлаются членами городского общества и примутъ участіе въ выборахъ, изъ коихъ они нынѣ исключены, несмотря на существенную приносимую ими пользу" [2]).

Другія комиссіи шли еще дальше. Архангельская комиссія сверхъ лицъ, владѣющихъ недвижимою собственностью и приписанныхъ къ городу, полагала предоставить гражданамъ города право принимать въ свою среду лицъ, оказавшихъ особенныя услуги обществу наукой, искусствомъ, ремесломъ и проч. Таганрогская комиссія находила справедливымъ предоставить думѣ лицъ, обратившихъ на себя вниманіе города своими личными заслугами, пожертвованіями на общую пользу и тому подобными подви-

---

[1]) Общ. хоз. Москвы 1, 61, 62.

[2]) Матеріалы I, 47.

гами, причислять къ почетнымъ членамъ городского общества, съ присвоеніемъ имъ права засѣдать въ общей думѣ и быть избираемыми въ общественныя должности. Комиссіи въ гор. Верей (Московской губ.) и Козельскѣ (Калужской губ.) причисляли къ составу городского общества лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія въ пользу города или городскихъ богоугодныхъ заведеній не менѣе 3,000 р. Тверская комиссія полагала считать членами городского общества, во вниманіе къ пользѣ, какую они могутъ принести своимъ образованіемъ и опытностью, лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если они постоянно живутъ въ городѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Черниговская же комиссія безусловно причисляетъ къ членамъ городского общества всѣхъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и изъявившихъ желаніе записаться въ обывательскую книгу. А комиссіи въ гор.: Воронежѣ, Землянскѣ, Нижнедѣвицкѣ и Новохоперскѣ признаютъ членами городского общества лицъ, получающихъ жалованья не менѣе 300 руб. Наконецъ, комиссіи Александровская (Владимірской) и Каргопольская (Олонецкой губ.) желали предоставить безусловному усмотрѣнію городского общества принимать въ свою среду лицъ, признаваемыхъ ими того заслуживающими [1]).

Министерство съ своей стороны, исходя изъ того соображенія, что въ общественномъ управленіи съ правомъ голоса могутъ участвовать только жители, уплачивающіе въ пользу города какія-либо „повинности“ (подъ чѣмъ разумѣлись прямые налоги), не признало возможнымъ въ первомъ проектѣ распространить избирательное право на основаніи образовательнаго ценза [2]). Но косвенно проектъ допускалъ къ общественному управленію интеллигенцію, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже существовалъ квартирный налогъ [3]). Впослѣдствіи при дальнѣйшей разработкѣ проекта вопросъ о квартирномъ налогѣ былъ поставленъ прямо при составленіи новаго проекта при министрѣ Тимашевѣ.

Поставилъ его при разсмотрѣніи проекта въ совѣтѣ министра членъ совѣта извѣстный статистикъ П. П. Семеновъ, признавая участіе квартирантовъ въ городскомъ управленіи и полезнымъ, и справедливымъ. Г. Семеновъ указывалъ, что составъ городского общества опредѣленъ недостаточно полно и что, по его мнѣнію, было бы справедливо и полезно присоединить къ составу городскихъ обществъ тѣхъ изъ наиболѣе значительныхъ нанимателей квартиръ, которые при высокомъ квартирномъ цензѣ имѣютъ постоянное пребываніе въ городѣ.

Въ подкрѣпленіе своего взгляда онъ приводилъ слѣдующіе доводы:

---

[1]) Мат., I, 38.
[2]) Тамъ же, 204.
[3]) Матеріалы I, 361. Проектъ 7, I, 304.

„принявъ въ основаніе опредѣленія состава городского общества владѣніе въ городѣ недвижимыми имуществами, проектъ Положенія не ограничиваетъ его, однако же, только этими лицами, а присоединяетъ къ нимъ еще такихъ жителей, которые, будучи представителями движимыхъ капиталовъ, несутъ установленныя повинности съ производимыхъ ими торговъ и промысловъ, ибо эти лица не могутъ не быть также заинтересованными какъ въ городскомъ благоустройствѣ, такъ и въ употребленіи денежныхъ средствъ города. Но если сіи лица заинтересованы въ городскихъ дѣлахъ и привлекаются къ участію въ оныхъ, то не менѣе того заинтересованы на томъ же самомъ основаніи и наниматели квартиръ, для которыхъ одинаково важно поддержаніе и развитіе городского благоустройства во всѣхъ отношеніяхъ, и которые въ дѣйствительности несутъ, косвеннымъ образомъ, всѣ тѣ повинности, какія существуютъ въ данной мѣстности въ пользу городской кассы съ мѣстныхъ жителей. Наниматели значительнѣйшихъ квартиръ несутъ сихъ повинностей даже больше, чѣмъ владѣльцы недвижимыхъ имуществъ низкой цѣнности; напримѣръ, наниматель квартиры въ 500 р. уплатитъ повинностей въ пользу города несравненно болѣе, чѣмъ владѣлецъ дома въ какой-либо отдаленной части города стоимостью не свыше 100 руб. Въ губернскихъ же и уѣздныхъ городахъ найдется много такихъ домовладѣльцевъ, имущества коихъ имѣютъ ничтожную цѣнность и изъ коихъ нѣкоторые по бѣдности освобождены совсѣмъ отъ налоговъ съ собственности; между тѣмъ лица эти потому только, что они домовладѣльцы, вводятся въ составъ городского общества, а наниматели значительныхъ квартиръ исключаются изъ него, несмотря на то, что между ними есть люди весьма состоятельные и даже капиталисты. Такое положеніе квартирантовъ едва ли было бы справедливо. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что лица, отличающіяся достаткомъ, хотя бы они и не владѣли недвижимою собственностью, по своему развитію стоятъ гораздо выше недостаточныхъ домовладѣльцевъ, составляющихъ, между тѣмъ, большинство въ провинціальныхъ городахъ. Такимъ образомъ, въ сихъ городахъ вліяніе на общественно-хозяйственныя дѣла города могло бы перейти къ означенному недостаточному большинству въ ущербъ образованнымъ классамъ городского населенія, и вслѣдствіе сего вновь проектируемое городское управленіе могло бы, въ извѣстныхъ случаяхъ, получить то же одностороннее направленіе, какое имѣетъ оно нынѣ при преобладающемъ вліяніи мѣщанства. Вообще уѣздные и отчасти губернскіе города, не имѣя въ составѣ своего населенія достаточнаго сравнительно съ общимъ его числомъ количества образованныхъ людей домовладѣльческаго разряда, особенно нуждаются *въ оживленіи общественной ихъ дѣятельности образованнымъ элементомъ*. Посему неразвитость большинства нашихъ городовъ должна служить главнымъ и

весьма сильнымъ побужденіемъ *къ привлеченію* въ составъ общества, въ видахъ усиленія интеллигенціи онаго, болѣе значительныхъ нанимателей квартиръ, которые притомъ представляютъ изъ себя элементъ не менѣе консервативный, чѣмъ домовладѣльцы“ [1]).

Противъ мнѣнія г. Семенова возражали нѣкоторые губернаторы, всуе ссылаясь на то, будто оно несогласно съ кореннымъ законодательствомъ Екатерины. Приводилось губернаторами еще слѣдующее странное соображеніе, особенно не понятное въ устахъ чиновниковъ: „не говоря уже о чиновникахъ, для большинства коихъ *чужды* (sic) интересы городского управленія, между нанимателями значительныхъ квартиръ встрѣчаются разнаго рода диллетанты (!) и игроки (!), интересы коихъ еще менѣе представляютъ основаній отождествлять съ интересами города; что касается капиталистовъ, если бы для нихъ близки были интересы города, то они сдѣлались бы (sic) домовладѣльцами“ [2]). Согласно предложенію А. Д. Шумахера, рѣшено было предоставить самимъ городамъ ходатайствовать о предоставленіи квартирантамъ избирательнаго права.

Вопросъ объ образовательномъ цензѣ еще разъ былъ разсмотрѣнъ въ присутствіи экспертовъ и свелся къ вопросу о квартирномъ налогѣ. При рѣшеніи его голоса экспертовъ раздѣлились. Московскій городской голова, князь *Черкасскій*, и гласный петербургской общей думы, *В. И. Лихачевъ*, объяснили, что, по ихъ мнѣнію, установленіе квартирнаго налога представляется мѣрою необходимой и вполнѣ справедливою въ смыслѣ экономическомъ, т.-е. съ точки зрѣнія увеличенія денежныхъ средствъ городовъ; кромѣ того, эта мѣра была бы особенно важна въ тѣхъ видахъ, чтобы привлечь къ составу городского общества и къ участію въ общественныхъ дѣлахъ возможно большее количество образованныхъ людей, недостатокъ въ коихъ вредно вліялъ доселѣ на складъ городского управленія. Установленіе квартирнаго налога привлекло бы къ общественному управленію мировыхъ судей, адвокатовъ, докторовъ и т. п. лицъ, и они принесли бы значительно больше пользы, чѣмъ торговцы и мелкіе промышленники, допускаемые проектомъ къ означенному участію. Уровень городского общественнаго устройства можетъ быть поднятъ подъ тѣмъ и едва ли не единственнымъ въ малыхъ городахъ условіемъ, чтобы допущенъ былъ налогъ на квартиры, и обстоятельствомъ симъ, быть можетъ, *обусловливается весь успѣхъ* примѣненія новаго Городового Положенія [3]).

Провинціальные городскіе головы (Милютинъ, Русановъ и Шатуновъ)

---

[1]) Матеріалы II, 299—300.

[2]) Матеріалы II, 322.

[3]) Матеріалы III, 295, 300.

отвергали квартирный налогъ въ виду технической трудности взиманія его и ничтожности его размѣровъ. Московскій гласный Д. Д. Шумахеръ, признавая пользу квартирнаго налога, полагалъ предоставить на усмотрѣніе городовъ введеніе его, съ чѣмъ согласилось и большинство комиссіи. Государственный Совѣтъ со своей стороны тоже согласился съ этимъ мнѣніемъ, добавивъ, чтобы министерство по установленіи городами этого налога въ виду его справедливости и для привлеченія къ участію возможно большаго числа людей образованныхъ и достаточныхъ внесло въ законодательномъ порядкѣ общій проектъ квартирнаго налога [1]).

Ожиданіямъ этимъ не суждено было осуществиться. Государство само успѣло ввести квартирный налогъ, а городскія Думы, благодаря преобладанію въ нихъ купеческаго элемента (Городовое Положеніе 1892 г., какъ извѣстно, въ этомъ направленіи пошло еще дальше), и не думали о расширеніи избирательнаго права въ пользу образованныхъ классовъ. Въ Москвѣ такой проектъ былъ отвергнутъ въ 1878 г. [2]), и, благодаря Городовому Положенію, создалось такое положеніе, что заслуженный профессоръ, видный ученый или медикъ долженъ былъ фиктивно выправить за два года приказчичье свидѣтельство или купить какую-нибудь развалину на окраинѣ города, чтобы получить право участія въ городскихъ выборахъ.

V.

Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ Городового Положенія 1870 г.— это столь вредное и съ теоретической, и съ практической точекъ зрѣнія соединеніе въ лицѣ городского головы предсѣдательства въ городской думѣ и въ городской управѣ. Исторія этого неудачнаго постановленія, которому вовсе не причастно министерство внутреннихъ дѣлъ, такова. Еще мѣстныя комиссіи указывали на неудобство соединенія предсѣдательства въ одномъ лицѣ для двухъ собраній, ихъ коихъ одно контролируетъ другое. Этого не было и въ дореформенное время, такъ какъ общихъ думъ нигдѣ въ дѣйствительности въ провинціи не существовало [3]). Хотя такое соединеніе и существовало въ Петербургѣ по Положенію 1846 г., но отношенія общей думы къ распорядительной, въ которой и сосредоточивалась въ дѣйствительности та небольшая власть, которую оставляла администрація городскому обществу, были такъ ненормальны [4]), что ни-

---

[1]) Матеріалы, III, 477.

[2]) Общ. хоз, Москвы I, I, 93, 56. Тамъ же, 92.

[3]) Матеріалы, I, 212.

[4]) Распорядивельная дума, будучи подчиненною общей, могла пріостанавливать ея постановленія и протестовать предъ администраціею.

кому не могла придти въ голову мысль о перенесеніи этой аномаліи въ преобразованныя учрежденія.

Въ первомъ же проектѣ, составленномъ А. Д. Шумахеромъ при Валуевѣ, прямо устанавливалось избраніе думою особаго предсѣдателя (§ 12) и въ подкрѣпленіе этого постановленія приводились соображенія, высказанныя нѣкоторыми мѣстными комиссіями относительно необходимости, чтобы думы общая и распорядительная имѣли не одного, но особаго въ каждой изъ нихъ предсѣдателя. „Дѣйствительно, — говорится въ запискѣ А. Д. Шумахера,—если дума общая должна быть учрежденіемъ, постановляющимъ опредѣленія и контролирующимъ, а дума распорядительная—учрежденіемъ исполнительнымъ, то для того, чтобы оба эти учрежденія вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію, необходимо въ самой организаціи ихъ устранить все то, что могло бы противорѣчить ихъ назначенію. Предсѣдательство городского головы въ обоихъ учрежденіяхъ имѣетъ то существенное неудобство, что это можетъ стѣснять свободу общей думы въ повѣркѣ дѣйствій исполнительной власти общественнаго управленія, которая преимущественно, а во многихъ мѣстностяхъ (гдѣ не будутъ учреждены распорядительныя думы) исключительно будетъ находиться въ рукахъ городского головы; а съ другой стороны этотъ порядокъ можетъ ставить самого городского голову въ ложное положеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣнія обѣихъ думъ не будутъ между собою согласоваться, напр. когда распорядительная дума найдетъ приговоръ общей думы (при составленіи коего предсѣдательствовалъ голова) несогласнымъ съ законами. Подобное сему неудобство имѣлось въ виду и при изданіи Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, ибо Положеніемъ этимъ опредѣлено, чтобы уѣздныя и губернскія управы имѣли особыхъ отъ земскихъ собраній предсѣдателей (ст. 43, 46, 53, 56). Поэтому съ возложеніемъ на городского голову обязанностей по исполнительной части общественнаго управленія, будетъ ли онъ исполнять эти обязанности, какъ предсѣдатель распорядительной думы или какъ отдѣльное должностное лицо, правильнѣе было бы установить, чтобы предсѣдательство въ общей думѣ возложено было на особое лицо, избираемое самою думою изъ своей среды, а городской голова пользовался лишь правами ея члена“ [1]).

Эти соображенія были такъ практичны и логичны, что съ ними вполнѣ согласилось и II отдѣленіе Е. И. В. канцеляріи, а также составители второго проекта при Тимашевѣ. Впервые неудачная мысль о соединеніи обоихъ предсѣдательствъ была настойчиво высказана экспертами. Большинство изъ нихъ (петербургскій голова Погребовъ, московскій—кн. Черкасскій, а также харьковскій, елецкій, вознесенскій и петербургскій глас-

[1]) Матеріалы, I, 225.

ный Лихачевъ) стояли за соединеніе въ лицѣ головы предсѣдательства въ думѣ и управѣ и между прочимъ указывали на практику столичныхъ Думъ и неудобство имѣть двѣ (?) власти, на положеніе головы, какъ главнаго (?) распорядителя городского хозяйства, неизбѣжность столкновеній (?) между предсѣдателями и пр. Кн. Черкасскій еще указывалъ на удобство для правительства такого соединенія въ случаяхъ столкновенія интересовъ администраціи съ городскими [1]).

Противъ соединенія высказалось меньшинство и въ томъ числѣ директоръ хозяйственнаго департамента А. Д. Шумахеръ и московскій гласный Д. Д. Шумахеръ. А. Д. Шумахеръ, между прочимъ, говорилъ: „Хотя кн. Черкасскій (въ пользу соединенія) приводилъ то, что голова, соединяя въ своихъ рукахъ предсѣдательство въ городскомъ собраніи, легко могъ бы провести въ ономъ нѣкоторыя дѣла соотвѣтственно желаніямъ администраціи, но это самое указаніе въ то же время убѣждаетъ и въ томъ, что голова въ другихъ дѣлахъ, нисколько не интересующихъ администрацію, можетъ вліять на собраніе, на исходъ дѣла *согласно собственнымъ его желаніямъ* и видамъ. Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что каждому общественному дѣятелю, преданному своему дѣлу и сколько-нибудь энергичному, присуще желаніе провести задуманное имъ дѣло и для достиженія этой цѣли употребить свое вліяніе, гдѣ то окажется возможнымъ. Поэтому всякій городской голова, даже самый благонамѣренный, предсѣдательствуя въ городскомъ собраніи, едва ли могъ бы быть до такой степени безпристрастнымъ руководителемъ преній, чтобы совершенно отрѣшиться отъ своихъ воззрѣній и отказаться отъ естественнаго желанія провести ихъ въ собраніи. Вообще *едва ли соединимы* въ одномъ лицѣ *двѣ роли*—главнаго защитника разсматриваемаго представленія и безпристрастнаго руководителя преній при обсужденіи этого представленія“ [2]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ высказался также противъ соединенія и между прочимъ сослался на Земское Положеніе 1864 г., введшее раздѣленіе должностей предсѣдателей земскаго собранія и земской управы [3]). Государственный Совѣтъ однако согласился съ мнѣніемъ большинства экспертовъ. Мотивы Государственнаго Совѣта приведены въ оффиціальномъ изданіи Городового Положенія, выпущенномъ Хозяйственнымъ Департаментомъ, а потому приводить ихъ здѣсь не будемъ. Они повторяютъ тѣ же соображенія, которыя были высказаны экспертами. А. А. Головачевъ въ своемъ трудѣ „Десять лѣтъ реформъ“ подробно разби-

---

[1]) Матеріалы, III, 252.
[2]) Тамъ же, III, 259.
[3]) Тамъ же, III, 458.

раетъ эти мотивы. Доказавъ весьма убѣдительно всю несостоятельность этихъ мотивовъ, г. Головачевъ высказываетъ догадку, что основаніемъ для созданія господствующаго положенія городского головы, имѣющаго, кромѣ предсѣдательства въ думѣ и управѣ, блюсти и за законностью ихъ постановленій, было „опасеніе, что представители города вслѣдствіе увлеченія могутъ вступить въ оппозицію и выйти изъ предѣловъ предоставленнаго имъ круга дѣйствій“ [1]), и желаніе имѣть для подобныхъ случаевъ прямое отвѣтственное лицо. Догадка г. Головачева оказывается совершенно справедливою. Сличая выписки изъ журнала общаго собранія Государственнаго Совѣта, приведенныя въ помянутомъ оффиціальномъ изданіи подъ ст. 48 Городового Положенія, въ нихъ находимъ пропускъ, какъ разъ затрогивающій вопросъ именно съ этой точки зрѣнія. Вотъ что говорится въ этомъ пропущенномъ мѣстѣ журнала, повторяющемъ доводы эксперта кн. Черкасскаго:

„Совмѣщеніе предсѣдателя думы и управы въ одномъ лицѣ представляется важнымъ и для самого правительства, въ интересахъ котораго необходимо, чтобы во главѣ городского управленія стояло лицо, значеніе коего давало бы ему способы во-время сдержать увлеченія и надлежащимъ образомъ направить общество; такое значеніе головы есть лучшее ручательство противъ незаконныхъ постановленій какъ въ думѣ, такъ и въ управѣ. При раздѣленіи же властей, правительство поставило бы себя въ необходимость имѣть дѣло съ двумя представителями городскаго общества, изъ которыхъ одинъ, сдѣлавшись почти правительственнымъ чиновникомъ, не имѣлъ бы по извѣстнымъ вопросамъ надлежащаго въ глазахъ общества вѣса, тогда какъ другой, побуждаясь, напротивъ, желаніемъ казаться вполнѣ независимымъ отъ всякаго вліянія административной власти, могъ мы нерѣдко преслѣдовать невполнѣ согласныя съ видами правительства цѣли“ (Журн. общ. собр. Госуд. Совѣта 11-го мая 1870 г.) [2]).

Полицейскія опасенія, коими внушено было соединеніе должностей предсѣдателя думы и управы, какъ показалъ многолѣтній опытъ, не имѣли никакой реальной почвы, а между тѣмъ практическія неудобства этого постановленія, открывшія широкій просторъ для произвольныхъ дѣйствій и самодурства городскихъ головъ, одержимыхъ крайнимъ самомнѣніемъ и относившихся враждебно къ критикѣ со стороны гласныхъ дѣйствій ихъ, какъ предсѣдателей управы, принесли не мало вреда правильному развитію городского хозяйства на началахъ самоуправленія. При нашихъ нравахъ, далеко не поощряющихъ стойкое отстаиваніе мнѣнія и далеко не благопріятствующихъ борьбѣ съ фактическими носителями власти на

---

[1]) Головачевъ—„Десять лѣтъ реформы“. 243.

[2]) Матеріалы. III, 501.

почвѣ законности, заранѣе предсказанныя А. Д. Шумахеромъ и др. неудобства такого нежелательнаго совмѣщенія не только съ избыткомъ оправдались, но были и превзойдены, напр., во время пресловутаго „Алексѣевскаго режима“ въ Москвѣ.

VI.

Едва ли не самое главное назначеніе новаго общественнаго устройства было освобожденіе городского управленія отъ угнетающей, все тормозящей опеки административной власти. Какъ только въ 1859 г. министерство запросило провинцію о ея пожеланіяхъ, то единодушно, хотя и безъ всякаго предварительнаго уговора, она отвѣчала: самостоятельности и освобожденія отъ парализующаго гнета губернатора, губернскаго правленія и мѣстнаго полицейскаго начальства.

Обозрѣвая содержаніе отвѣтовъ мѣстныхъ комиссій, министерство такъ резюмируетъ сущность дѣла. „Неудовлетворительность существующаго положенія городскихъ учрежденій и отношеній ихъ къ административнымъ властямъ комиссіи *единогласно* объясняютъ отсутствіемъ самостоятельности первыхъ во всѣхъ главнѣйшихъ дѣйствіяхъ по городскому хозяйству и благоустройству. Мысль эта пробивается въ соображеніяхъ комиссій *всюду*, гдѣ представляется къ тому удобство и возможность“. Затѣмъ составитель проекта приводитъ нѣсколько образчиковъ изъ отзывовъ комиссій. Тверская комиссія заявляла: „въ настоящее время дума подчинена, кромѣ начальника губерніи, губернскому правленію, казенной палатѣ и строительной комиссіи. Эта многосторонняя зависимость города отъ губернскихъ властей, замедляя успѣхъ всякаго дѣла продолжительною перепискою и безполезными формальностями, стѣсняетъ и думу, и городское общество въ исполненіи самыхъ иногда необходимыхъ предпріятій, тѣмъ болѣе, что губернское начальство, на разрѣшеніе котораго восходятъ какъ всевозможныя мелочи (такъ, напримѣръ, городская дума должна просить разрѣшенія губернскаго правленія даже на продажу *навоза отъ пожарныхъ лошадей* (курс. подл.) стоимостью не болѣе 50 р., для чего назначаются торги), не всегда дѣйствуетъ сообразно потребностямъ города и, не зная хорошо его нуждъ, часто не утверждаетъ предположеній думы и перемѣшиваетъ сборы; такъ, налогъ, существующій въ Твери для замощенія города, слитъ съ другими доходами и $^{19}/_{20}$ города остаются невымощенными[1]).

Бузулукская и Самарская комиссіи указываютъ: „Зависимость город-

---

[1]) Матеріалы, I, 84, 85.

ского управленія отъ губернскаго правленія и казенной палаты безъ *дачи отчетности* въ городское управленіе [1]) признается крайне неудобною, потому что оно, будучи стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлается какъ бы равнодушнымъ къ городскимъ интересамъ и заботится не столько о пользахъ его, сколько о томъ, чтобы все имѣло законное основаніе, т.-е. разрѣшеніе губернскаго правленія, а между тѣмъ общество, не зная назначенія городскихъ доходовъ и расходовъ, смотритъ на это дѣло, какъ на совершенно для него чуждое, и остается ни мало въ немъ незаинтересованнымъ". Далѣе комиссіи указываютъ на убыточность для города старой чиновничьей опеки; городскія оброчныя статьи, благодаря множеству формальностей, даютъ мало, постройки обходятся дорого, ремонты задерживаются и увеличиваются. Нижегородская комиссія оглашаетъ слѣдующій фактъ: „Въ продолженіе 28-ми лѣтъ сряду было передано на стѣны Кремля въ строительную комиссію до 24.000 р., но стѣны сіи, несмотря на ихъ непрерывный ремонтъ, не только не приведены въ исправность, но въ настоящее время требуютъ на улучшеніе уже не 857 р., а 2.600 руб. на томъ основаніи, что поврежденія по сѣверной сторонѣ и въ 11 башняхъ, по мнѣнію строительной комиссіи, *весьма увеличилась*" (курс. подл.) [2]).

Даже въ столицахъ, гдѣ городскому обществу была предоставлена хоть небольшая доза самоуправленія, администрація de facto могла совершенно безнаказанно парализовать дѣятельность городскихъ распорядительныхъ думъ, если почему-либо постановленія ихъ не нравились ей. Администраціи не нужно было вести никакой активной борьбы, а достаточно было ей просто не давать ходу [3]) приговору думы, и думѣ не оставалось никакихъ средствъ добиться исполненія своего приговора, развѣ только „поклониться" чинамъ губернаторской канцеляріи.

---

[1]) М. П. Щепкинъ указываетъ, что Московскій попечительный о тюрьмахъ комитетъ ежегодно получалъ отъ городской кассы суммы свыше дѣйствительной надебности и никогда ихъ не возвращалъ, и не зачитывалъ ихъ, а образовалъ запасный капиталъ (см. назв. соч. Щепкина, ч. I, 45).

[2]) Матеріалы 1, 87.—Нашлись даже такіе зоилы преобразовательной эпохи, которые утверждаютъ, что именно это время существованія „безгласныхъ думъ, кои служили ширмами для своевольнаго хозяйничанія губернаторской канцеляріи было временемъ наибольшаго процвѣтанія нашихъ муниципалитетовъ, когда „города жили спокойною дѣловою жизнью и не представляли зрѣлища борьбы партій" (Современная Россія, 189). Такъ рисуетъ поборникъ реакціонной сословности Пазухинъ порядки, о которыхъ оффиціальные ревизоры писали, что „представители общества нерѣдко думаютъ только о томъ, какъ поживиться на счетъ общества пользуясь покровительствомъ мѣстныхъ властей" („Общ. хоз. Москвы" I, I, 61).

[3]) Обществ. хоз. Москвы. Тамъ же, 94.

Просвѣщенный руководитель городской реформы, А. Д. Шумахеръ [1]), человѣкъ образованный, основательно знакомый съ городскимъ хозяйствомъ въ Россіи и въ Европѣ, хорошо сознавалъ необходимость самостоятельности муниципалитетовъ. Въ составленной имъ при дѣятельномъ содѣйствіи вице-дир. Л. Н. Второва первой же запискѣ читаемъ: „Установленіе правильныхъ отношеній городского общественнаго управленія къ административнымъ властямъ составляетъ весьма важное условіе для того, чтобы преобразованіе сего управленія имѣло надлежащій успѣхъ. Нельзя отрицать, что независимо отъ строгой опеки со стороны правительства, которой нынѣ подчинено оно, особенно по дѣламъ хозяйственнымъ, неопредѣленность упомянутыхъ отношеній, дающая поводъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ и пререканіямъ, служитъ отчасти *причиною* того *равнодушія* къ общественнымъ дѣламъ, въ которомъ обыкновенно упрекаютъ городскія общества. Въ новомъ проектѣ Пол. о город. хоз. точнѣе опредѣлены отношенія административныхъ властей къ общественному управленію, причемъ предположено управленію сему (согласно Высочайшимъ повелѣніямъ 25-го марта и 13-го октября 1859 г.) предоставить большую *самостоятельность и большее довѣріе*... Такъ какъ,—продолжаетъ записка,—административная губернская власть по существу своихъ обязанностей есть блюстительница государственныхъ пользъ и повсемѣстнаго точнаго исполненія законовъ (писалось до судебной реформы), то она должна наблюдать, чтобы управленіе это не выходило изъ круга предоставленныхъ ему дѣйствій и не допускало нарушеній закона. Но для огражденія общественныхъ учрежденій отъ неправильныхъ дѣйствій администраціи необходимо точнѣе опредѣлить самый порядокъ наблюденія“ [2]). Далѣе упоминается, что съ этой цѣлью губернатору предоставляется въ извѣстный срокъ въ случаѣ несогласія своего съ общественнымъ управленіемъ переносить возникшее пререканіе на разсмотрѣніе Сената.

Соотвѣтственно этимъ соображеніямъ было проектировано, что губернаторъ (по губернскому правленію) можетъ опротестовать приговоры городской думы, если находитъ ихъ неправильными, а затѣмъ, въ случаѣ несогласія думы съ протестомъ, перенести дѣло въ двухнедѣльный срокъ въ Сенатъ. Второе отдѣленіе Е. И. В. канцеляріи съ своей стороны полагало болѣе удобнымъ, примѣнительно къ ст. 1320 Уст. гр. суд., учредить особое смѣшанное губернское присутствіе, въ составъ котораго внести предсѣдателя окружнаго суда, предсѣдателя земской управы и казенной

---

[1]) До конца дней своихъ († 1-го января 1898) А. Д. Шумахеръ остался вѣренъ принципамъ преобразовательной эпохи и въ званіи старшаго сенатора 1 департамента Сената всегда стойко отстаивалъ гарантированныя закономъ права мѣстнаго самоуправленія.

[2]) Матеріалы I, 23.

палаты, городского голову [1]). При обсужденіи вопроса въ большой комиссіи при участіи экспертовъ большинство комиссіи высказалось за учрежденіе такого присутствія, но меньшинство считало введеніе его неудобнымъ, такъ какъ оно можетъ лишить самостоятельности городскую думу [2]). Другіе эксперты (кн. Черкасскій и В. И. Лихачевъ) стояли за учрежденіе губернскаго присутствія и полагали, что коллегіальное обсужденіе дѣла не только не умалило бы, но усилило самостоятельность общественнаго управленія.

Гласный Лихачевъ при этомъ предложилъ, чтобы губернатору предоставлено было право протеста только въ случаѣ, когда дѣйствія „общественнаго управленія противны законамъ“, но „не общимъ пользамъ государственнымъ“, какъ значилось въ проектѣ (и какъ установлено Положеніемъ 1892 г.). Ссылаясь на то, что это выраженіе неопредѣленно и въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть предметомъ слишкомъ широкаго толкованія, въ ущербъ самостоятельности общественнаго управленія, Лихачевъ предлагалъ исключить это выраженіе изъ проекта, и большинство комиссіи согласилось на это [3]).

А. Д. Шумахеръ считалъ вреднымъ предоставленіе губернскому мѣсту права *толкованія* закона. Соображенія опытнаго государственнаго дѣятеля имѣютъ серьезное значеніе, особенно нынѣ, въ виду существованія съ 1889 г. губернскихъ присутствій, постановляющихъ окончательныя рѣшенія по дѣламъ, подсуднымъ земскимъ начальникамъ. „Пререканія о смыслѣ закона не могли быть предоставлены разрѣшенію мѣстнаго присутствія,— писалъ А. Д.,—ибо въ такомъ случаѣ въ каждой губерніи открывалось бы особое учрежденіе съ компетенціею въ толкованіи закона, — компетенціею, принадлежащею по основнымъ законамъ *одному* Правительствующему Сенату, что независимо отъ противорѣчія кореннымъ началамъ государственнаго устройства, имѣло бы послѣдствіемъ то, что одинъ и тотъ же *общій* (курс. под.) для всѣхъ (а не мѣстный) законъ былъ бы толкуемъ и примѣняемъ различно въ различныхъ губерніяхъ. Такое разнообразіе въ разрѣшеніи вопросовъ о смыслѣ закона едва ли можетъ быть терпимо въ государствѣ, имѣющемъ *единую* (к. п.) законодательную власть, которая не можетъ допускать, чтобы общій для разныхъ мѣстностей законъ былъ всюду понимаемъ и примѣняемъ не въ одинаковомъ смыслѣ“ [4]).

Эти явныя опасности устранены тѣмъ, что установлено было право обжалованія рѣшеній присутствія думою и частными лицами въ Сенатъ

---

[1]) Матеріалы, I, 484.
[2]) Тамъ же, III, 391.
[3]) Тамъ же, III, 205.
[4]) Тамъ же, III, 337.

(§ 144 проекта). Но замѣчательно, что А. Д. Шумахеръ въ почтенныхъ заботахъ о большей самостоятельности самоуправленія до послѣдней минуты боролся противъ губернскаго присутствія, и въ представленіи, при коемъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ вносилъ проектъ въ Государственный Совѣтъ, между прочимъ, говорилось: „Предоставленіе присутствію не только утверждать или отмѣнять опредѣленія городского собранія (думы), но и права постановлять взамѣнъ оныхъ свои рѣшенія, подлежащія исполненію со стороны городского управленія должно бы подорвать ту *самостоятельность*, которая предоставлена въ дѣлахъ городского хозяйства и устройства городскому управленію другими статьями проекта, и въ этомъ отношеніи Городское Положеніе существенно отступало бы отъ Полож. о земск. учрежд., которое несравненно болѣе ограждаетъ земство отъ вмѣшательства въ дѣла онаго губернской власти, чѣмъ были бы ограждены города при предоставленіи губернскому присутствію рѣшать городскія дѣла по существу“ [1]).

Государственный Совѣтъ высказался за учрежденіе губернскаго присутствія. Указавъ на то, что губернское присутствіе предназначается для обсужденія не *хозяйственныхъ* дѣлъ города, а лишь постановленій думы съ точки зрѣнія законности, Совѣтъ считалъ неопаснымъ для самостоятельности городовъ введеніе присутствій въ виду того, что окончательнымъ судьею въ этого рода дѣлахъ будетъ попрежнему Сенатъ. Далѣе, присоединившись къ соображеніямъ экспертовъ, Совѣтъ высказалъ: „Одно изъ главныхъ возраженій противъ предполагаемаго новаго присутствія заключается въ томъ, что съ передачею на его разсмотрѣніе найденныхъ губернаторомъ неправильными постановленій городского собранія уничтожится *всѣми* признаваемая необходимою самостоятельность городского общественнаго управленія. Съ мнѣніемъ этимъ трудно согласиться, ибо окончательнымъ судьею въ дѣлахъ сего рода попрежнему будетъ Правительствующій Сенатъ. Сверхъ того, опасаться уменьшенія самостоятельности городовъ вслѣдствіе учрежденія присутствія нѣтъ основанія еще и потому, что присутствіе это будетъ обсуждать тѣ же самые вопросы, которые безъ него разсматривалъ бы одинъ губернаторъ; слѣдовательно, предѣлы губернскаго надзора въ обоихъ случаяхъ будутъ одинаковы и притомъ въ обоихъ случаяхъ въ качествѣ лишь *первой* инстанціи и съ правомъ для каждаго переносить дѣло въ сенатъ. Вопросъ, посему, заключается только въ томъ, какая опека въ этихъ условіяхъ могла бы быть опаснѣе для самостоятельности общественнаго управленія — *единоличная* или *коллегіальная*“. Поставивъ и подчеркнувъ этотъ вопросъ, Государственный Совѣтъ счелъ излишнимъ отвѣчать на него и продолжалъ: „Къ

---

[1]) Матеріалы, III, 460.

тому же, если не будетъ учреждено присутствіе, то губернатору дается право *пріостанавливать* до воспослѣдованія рѣшенія Сената исполненіе постановленій городского собранія, а такая пріостановка во многихъ случаяхъ будетъ равносильна отмѣнѣ ихъ и, какъ доказалъ опытъ земскихъ учрежденій (напр., по протестамъ губернаторовъ противъ смѣтъ), поведетъ къ чрезвычайнымъ затрудненіямъ. Независимо отъ сего нельзя не остановиться на единогласныхъ почти отзывахъ городскихъ головъ и гласныхъ, заявившихъ, что предположенное присутствіе, какъ составленное изъ лицъ безпристрастныхъ и болѣе или менѣе отъ губернатора независящихъ, признается ими за учрежденіе, охраняющее интересы городовъ и весьма важное въ томъ отношеніи, что вопросы разрѣшались бы Сенатомъ не по личнымъ объясненіямъ одного губернатора какъ было доселѣ, а и по отголоску общественнаго мнѣнія, выраженіемъ коего могли бы служить рѣшенія присутствія въ связи съ постановленіями городскихъ собраній“ [1]).

Практика вполнѣ подтвердила правильность взгляда Совѣта: учрежденіе губернскаго присутствія считается такимъ компетентнымъ судьею, какъ М. П. Щепкинъ, за одно изъ лучшихъ нововведеній Гор. Положенія 1870 г. „Учрежденіе такого присутствія на чисто коллегіальныхъ началахъ можетъ,—писалъ г. Щепкинъ,—не только послужить оплотомъ противъ единоличныхъ рѣшеній губернаторовъ, но и пріучить даже ихъ самихъ къ большей подчиненности голосу коллегіи; вотъ почему въ этомъ новомъ учрежденіи нельзя не видѣть гарантіи для общественной самостоятельности“ [2]).

VII.

Въ числѣ типичнѣйшихъ чертъ дореформеннаго быта была крайняя неопредѣленность власти начальства, олицетворяемой главнымъ образомъ въ видѣ ближайшаго полицейскаго чина. Если такое цѣнное благо, какъ личная свобода, не было ограждено положительнымъ закономъ отъ произвола полиціи до изданія Судебныхъ Уставовъ, то нечего было и думать объ огражденіи обывателей отъ неосновательныхъ требованій полиціи, которая, располагая судебною и исполнительною властью de jure, благодаря неопредѣленности закона, захватывая de facto еще и законодательную, налагала на населеніе такія денежныя и натуральныя повинности, которыя не имѣли оправданія въ законѣ. „Къ обязанностямъ полиціи,—писалъ одинъ изъ членовъ воронежской комиссіи,—между прочимъ, отно-

---

[1]) Матер. III, 484—485.

[2]) См. назв. соч., 120.

сится наблюденіе за чистотою и порядкомъ, за постройками и мощеніемъ улицъ, за биржевыми извозчиками и трактирными заведеніями, за свѣжестью припасовъ и здоровьемъ скота и проч. Всѣ эти функціи такого рода, что составляютъ прямую обязанность города. Если онѣ до сихъ поръ возлагались на управленіе, совершенно чуждое общественному элементу, то конечно потому, что на города смотрѣли до настоящаго времени, какъ на *малолѣтокъ*, неспособныхъ къ самоуправленію и къ самосохраненію и требующихъ за собою ухода няньки. Эту послѣднюю должность и занимаетъ у насъ до сего времени городская полиція. Какія же изъ этого проистекаютъ послѣдствія? Постоянныя недоразумѣнія и столкновенія между думою и полиціею, непріязнь, если только не вражда, между послѣднею и городскимъ населеніемъ. Изъ чего и выходитъ, что полиція, къ числу обязанностей которой относится соблюденіе тишины и порядка въ обществѣ, нерѣдко служитъ поводомъ къ *нарушенію* оныхъ. Иначе и быть не можетъ. Чиновникъ городской полиціи, опредѣляемый правительствомъ безъ вѣдома и согласія общества и не подлежащій контролю общественнаго мнѣнія, не сочувствуетъ пользамъ этого общества и безъ опасенія имѣетъ возможность дѣйствовать иногда по своему произволу, прикрываясь на всякій случай волею высшаго начальства. Чтобы дѣйствительно вызвать городъ къ самостоятельности и самоуправленію нужно положить *прочный фундаментъ* этому прекрасному зданію, именно охраненіемъ личности отъ произвола городскихъ администраторовъ, и тѣмъ возвысивъ его въ собственныхъ глазахъ, внушить ему понятія права и долга, изъ которыхъ родится убѣжденіе, что каждый членъ общества долженъ ставить интересъ общественный если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ своимъ личнымъ интересомъ. Достигнуть такихъ результатовъ, и то не въ близкой будущности, возможно лишь съ подчиненіемъ городской полиціи или городскому управленію, или думѣ; иначе законъ, охраняющій личность отъ произвола, какъ бы онъ ни былъ написанъ, до тѣхъ поръ не будетъ имѣть у насъ силы, пока наблюденіе за исполненіемъ его не будетъ предоставлено тому самому обществу, для охраненія правъ и благосостоянія котораго самая полиція учреждается“ [1]).

Въ какомъ видѣ находилось благоустройство городовъ въ дореформенное время и каковъ былъ нравственный уровень полиціи, слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы нужно было объ этомъ распространяться; здѣсь только имѣемъ въ виду отмѣтить полную безпомощность городскихъ думъ для огражденія обывателей отъ незаконныхъ требованій полиціи. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ этого явленія, достаточно обратиться

[1]) Матеріалы, I, 81.

къ исторіи московскаго городского хозяйства. Справедливо указывая на то, что сознаніе безсилія своего и безплодности своей дѣятельности отнимало всякую энергію у общественнаго дѣятеля, г. Щепкинъ такъ характеризуетъ даже реформированное Положеніемъ 1862 г. городское хозяйство. „Въ настоящее время московское общественное управленіе,—пишетъ онъ наканунѣ городской реформы 1870 г.,—имѣетъ единственное право—дѣлать свои постановленія, касающіяся городской жизни и благоустройства, а затѣмъ весь *дѣйствительный* складъ жизни, весь городской порядокъ находится внѣ его вліянія, почти всецѣло завися отъ *усмотрѣнія* полицейскаго начальства, которое во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ руководствуется данными ему административной властью инструкціями *помимо* какихъ бы ни было постановленій думы". Это положеніе поясняетъ онъ наглядным примѣромъ. Руководствуясь закономъ, возлагающимъ на думу заботу о возможной необременительности налоговъ, въ послѣдніе годы дума, сообразуясь съ состояніемъ городской казны, признавала возможнымъ назначать процентный налогъ не болѣе 9% съ чистаго дохода и считала такой размѣръ не особенно обременительнымъ. На дѣлѣ же оказывалось, что процентный налогъ былъ не единственный для домовладѣльцевъ и что, какъ высказалась сама дума, отправленіе различныхъ натуральныхъ повинностей было въ значительной степени усилено полицейскими распоряженіями, и оно сильно отягощаетъ недвижимую собственность, вызывая расходы, быть можетъ, *гораздо большіе*, нежели прямые налоги, взимаемые въ видѣ процентнаго сбора" [1]). Указывая на крайне обременительную и часто совершенно безплодную для города тяготу, налагаемую полиціею на домовладѣльцевъ въ видѣ преждевременной очистки мостовыхъ отъ снѣга, думская комиссія писала: „Эта повинность обходится до половины подоходнаго сбора, платимаго въ думу, и даже болѣе. Несмотря однако на всю тяжесть ея, владѣльцы терпѣливо исполняютъ ее и вывозятъ снѣгъ въ размѣрахъ громадныхъ, превосходящихъ дѣйствительную въ томъ надобность. И къ чему все это дѣлается? А сколько для такой очистки требуется рукъ, сколько тратится денегъ, которыя могли бы быть употреблены болѣе производительно? Спѣшная сколка снѣга весною падаетъ тяжелымъ налогомъ не на однихъ домовладѣльцевъ, но болѣе или менѣе на всѣхъ жителей. Отъ ранняго прекра-

---

[1]) „Къ сожалѣнію,—добавлялъ М. П. Щепкинъ,—этотъ стародавній порядокъ продолжается въ Москвѣ донынѣ" (1882 г.). Г. Щепкинъ могъ бы то же самое сказать и 13 лѣтъ спустя, когда московская дума весною 1895 г. вынуждена была принести жалобу на московскую полицію, обязавшую домовладѣльцевъ съ громадными издержками къ вывозкѣ снѣга и преждевременному (начала марта) оголенію мостовой.

щенія въ городѣ санной ѣзды въ то время, какъ она продолжается въ полѣ, множество санныхъ подводъ, пріѣзжающихъ въ Москву съ разными припасами и нерѣдко изъ дальнихъ мѣстъ, возвращаются обратно по невозможности ѣхать на саняхъ по городу. Вслѣдствіе этого цѣна припасамъ преждевременно увеличивается, и дороговизна держится продолжительнѣе, чѣмъ она держалась бы при обыкновенной распутицѣ“ [1]).

Треповская полиція въ Петербургѣ, какъ извѣстно, еще болѣе щеголяла декоративными эффектами преждевременной весны безъ пользы для населенія и съ крайнимъ обремененіемъ для него. Отсюда первыя столкновенія петербургской полиціи съ новыми мировыми судьями, которые старались ввести часто фантастическія требованія полиціи въ границы закона. Отголосокъ этихъ памятныхъ, порою глухихъ, порою открытыхъ столкновеній мы находимъ въ матеріалахъ исторіи городского самоуправленія. Въ естественномъ требованіи суда, чтобы согласно ст. 29 Уст. о нак. обращенныя полиціею къ гражданамъ домогательства были основаны на законѣ, не привыкшій стѣсняться закономъ петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Треповъ видѣлъ для администраціи (полиціи) „положеніе крайне невыгодное (!), такъ сказать, невозможное (?) въ отношеніи къ обществу и суду“ [2]).

Этотъ ненормальный порядокъ вещей, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ былъ уничтоженъ городскою реформою 1870 года, предоставившею думамъ, по соглашенію съ полиціею, установлять обязательныя постановленія по городскому благоустройству. Этимъ путемъ жители были хоть нѣсколько ограждены отъ незаконныхъ притязаній полиціи [3]).

VIII.

Введеніе А. Е. Тимашевымъ Городового Положенія 1870 г. состоялось при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, нежели земскихъ учрежде-

---

[1]) Назв. соч. Щепкина, 22.

[2]) Т. III н. Матеріалы, стр. 453.

[3]) До послѣдняго времени, т.-е. оглашенія разъясненія Государственнаго Совѣта по дѣлу Келлеръ (см. № 195 „*Русск. Вѣдом.*“ 1895 г.), администрація, неправильно толкуя смыслъ Положенія объ усиленной охранѣ 1881 г., издавала безъ согласія думъ обязательныя постановленія по городскому благоустройству. Московская полиція ежедневно штрафовала сотни извозчиковъ, напр., за ѣзду по лѣвой сторонѣ улицъ, за произнесеніе ругательствъ и т. п. И все это на основаніи Пол. объ усилен. охр. Нужно думать, что въ виду разъясненія Государственнымъ Совѣтомъ, что означенное Положеніе имѣетъ въ виду *только* охрану государственнаго порядка и борьбу съ политическими преступленіями, всѣ эти постановленія будутъ отмѣнены или самою издавшею властью, или Сенатомъ, куда, по разъясненію Госуд. Совѣта, могутъ отнынѣ быть приносимы жалобы.

ній, которымъ такъ много повредила двуличная политика П. А. Валуева. При Тимашевѣ городское самоуправленіе стало вводиться, благодаря разумному руководителю, искренно преданному началу законности и самоуправленія, директору хозяйственнаго департамента А. Д. Шумахеру, безъ потрясеній, безъ эффектныхъ coup de théâtre, какъ это любилъ Валуевъ, безъ придирчивой критики, безъ завистливой ревности къ признаннымъ закономъ правамъ городскихъ общинъ. Министерство со вниманіемъ и, можно сказать, съ любовью отмѣчало первые шаги молодого самоуправленія, отнюдь не хватаясь за его вольныя и невольныя упущенія, чтобы дискредитовать въ глазахъ высшей власти начало самоуправленія и возвышать престижъ непогрѣшимой бюрократіи.

Рядъ оффиціальныхъ изданій, предпринятыхъ А. Д. Шумахеромъ въ 1870-хъ годахъ, имѣлъ цѣлью, съ одной стороны, знакомить правительство и общество съ успѣшною дѣятельностью новыхъ общественныхъ учрежденій, а съ другой—эти послѣднія съ историческимъ смысломъ Городового Положенія. „Городская Хроника“, изданная въ 1879 году въ видѣ приложенія къ „Сборнику распоряженій и постановленій по общественному управленію въ городахъ съ введеніемъ въ нихъ новаго Городового Положенія“, тщательно и сочувственно отмѣчала первые шаги нашихъ освобожденныхъ отъ опеки бюрократіи городовъ по введенію первыхъ элементовъ городского благоустройства, начиная отъ мостовыхъ и освѣщенія улицъ и кончая учебно-благотворительными учрежденіями [1]). Желая дать ключъ къ вѣрному пониманію истиннаго смысла дарованныхъ городскихъ вольностей, А. Д. Шумахеръ, на подобіе Заруднинскаго изданія Судебныхъ Уставовъ, выпустилъ прекрасное изданіе „Городового Положенія съ объясненіями“, заключающее мотивы этого законоположенія и сдѣлавшееся необходимымъ руководствомъ для всякаго, интересующагося городскими дѣлами. Независимо отъ этого онъ выпустилъ въ трехъ томахъ весьма цѣнное, столь часто упоминавшееся здѣсь, изданіе „Матеріаловъ, относящихся до новаго общественнаго устройства въ городахъ имперіи“, заключающее въ себѣ подробную документальную исторію городской реформы.

Въ мою задачу не входитъ подведеніе итоговъ городской реформы, положившей начало благоустройству русскихъ городовъ. Я ограничусь приведеніемъ нѣсколькихъ характерныхъ данныхъ изъ исторіи столичнаго самоуправленія, могущихъ выяснить основную тенденцію нашего безсословнаго городского самоуправленія.

Въ 1871 г. (наканунѣ введенія Городового Положенія 1870 г. въ Петербургѣ) городъ расходовалъ 3,491,481 руб. при доходѣ въ 4,095,935 р.; въ 1891 г., городъ расходовалъ 9,452,711 р. при доходѣ въ 9,473,295 р.,

---

[1]) См. стр. 53—168 „Городской Хроники“.

стало быть, въ 20 лѣтъ доходы города больше чѣмъ удвоились, главнымъ же источникомъ увеличенія доходовъ служило лучшее пользованіе городскими имуществами и оброчными статьями и созданіе новыхъ (бойня, рынки пр.), дававшими въ 1871 г.—417,257, а въ 1891 г.—2,579,263 р. [1]).

Еще большее значеніе, нежели общій ростъ доходовъ, имѣетъ распредѣленіе по усмотрѣнію думы того остатка (въ 1871 г. онъ составлялъ $0,_5\%$, въ 1891 г.—$26,_5\%$) его, который получается за покрытіемъ обязательныхъ для думы расходовъ (полиція, мировой судъ, освѣщеніе, мостовыя и пр.). Какъ показываетъ статистика, на первомъ планѣ, какъ *самое дорогое* для городского самоуправленія дѣло, было *народное образованіе*. Въ 1873 году при старой думѣ въ Петербургѣ было 16 училищъ, на что городъ вносилъ въ кассу министерства народнаго просвѣщенія 33,000 р. Съ 1877 г. завѣдываніе школьнымъ дѣломъ впервые перешло съ учрежденіемъ городского школьнаго совѣта къ городу, и съ тѣхъ поръ прогрессивно стало расти число школъ и ихъ благоустройство. Съ 1877 по 1880 г. число городскихъ училищъ возросло съ 16 до 88, къ 1883 г. достигло 153 [2]), а въ 1892 г. дошло до 281 съ 13,750 учащимися, въ томъ числѣ 7,625 учениковъ и 6,124 ученицы [3]). Расходы города на народное образованіе выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1871 г.—27,364 р., въ 1881 г.—265,496 р., въ 1691 г.—671,914 р., а съ присоединеніемъ пособій разнымъ учрежденіямъ (въ томъ числѣ 3,000 р. Обществу для доставленія средствъ высшимъ женскихъ курсамъ [4]) въ Петербургѣ) общая сумма получается 705,090 р. Къ 1-му января 1895 г. состояло 320 училищъ съ 16,668 учащимися, и на нихъ израсходовано было 689,807 р., а съ пособіями разнымъ учрежденіямъ на народное образованіе израсходовано Петербургомъ было 836,416 р.

Общая картина городского хозяйства Москвы раскрывается во всей полнотѣ въ извѣстномъ образцовомъ юбилейномъ изданіи: „Общественное

---

[1]) См. Петербургское городское общественное управленіе въ 1892 г. Отчеты городской управы, стр. V.—Въ числѣ доходныхъ статей показаны столь несправедливые налоги, какъ адресный и больничный сборъ, но отчетъ указываетъ, что ходатайство думы о замѣнѣ ихъ квартирнымъ налогомъ, а также о замѣнѣ больничнаго сбора налогомъ на всѣхъ жителей и вообще о привлеченіи къ налогамъ болѣе состоятельныхъ классовъ, пользующихся городскими удобствами безъ платежа прямыхъ налоговъ, не имѣло успѣха (стр. IV).

[2]) „Десять лѣтъ спб. город. общ. упр.“ стр. 47.

[3]) См. отчетъ за 1891 г., стр. LXXXV.

[4]) Нравственная и матеріальная поддержка, оказанная высшему женскому медицинскому образованію въ самое трудное, критическое для него время, составляетъ одну изъ крупныхъ заслугъ петербургскаго общественнаго управленія предъ русскимъ просвѣщеніемъ.

хозяйство города Москвы", предпринятомъ по иниціативѣ гласныхъ, покойныхъ А. Н. Маклакова и А. А. Шилова [1]), и исполненномъ главнымъ образомъ благодаря безкорыстному и напряженному труду и чрезвычайной любви къ дѣлу извѣстнаго спеціалиста городского хозяйства М. П. Щепкина [2]). Статистическія данныя обработаны такъ тщательно и умѣло, что даютъ возможность уяснить всѣ разнообразныя стороны городского хозяйства, и притомъ данныя обработаны по пятилѣтіямъ, что даетъ возможность рельефно прослѣдить значеніе городской реформы 1870 г. Доходы Москвы были:

въ	1863	— 1867	гг. —	9,040,542 р.
„	1868	— 1872	„ —	11,620,000 „
„	1873 [3])	— 1877	„ —	16,710,000 „
„	1878	— 1882	„ —	20,855,043 „
„	1883	— 1887	„ —	23,784,841 „
„	1888	— 1892	„ —	31,232,000 „

До городской реформы 1870 г. обязательные расходы поглощали почти половину городского бюджета (въ 1863—1867 гг. они составляли до 45%), и лишь постепенное сокращеніе ихъ (въ 1883—1887 гг. они составляли 28%) открыло возможность ассигновать болѣе или менѣе значительныя суммы на нужды народнаго образованія. Процентъ ассигновокъ на этотъ предметъ постепенно возрасталъ. Въ 1-е пятилѣтіе (1863—1867) онѣ составляли $1_{,3}$%, во второе пятилѣтіе — 2%, 3-е пятилѣтіе — $3_{,3}$%, 4-е пяти-

---

[1]) Иниціаторы, указывая на то, что не имѣется никакихъ данныхъ изъ прошлаго городского хозяйства Москвы, предложили въ 1886 г. ознаменовать предстоящее 25-лѣтіе городского самоуправленія (съ 1863 г.) составленіемъ историко-статистическаго описанія. А. Н. Маклаковъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ гласныхъ московской думы, вынужденъ былъ сложить съ себя званіе гласнаго въ 1892 г., когда диктаторскія замашки городского головы, грубо останавливавшаго, при апатіи большинства гласныхъ, всякую попытку самостоятельной критики дѣйствій управы и въ частности плана милліонныхъ городскихъ предпріятій, предрѣшенныхъ имъ, Алексѣевымъ, дѣлали невозможнымъ добросовѣстное общественное служеніе.

[2]) За 15 лѣтъ отчеты думы никѣмъ не повѣрялись, и г. Щепкину пришлось исполнять чисто египетскую работу: разрывать груды подчасъ безпорядочно нагроможденныхъ цифръ, разыскивать мелкія копейки, чтобы собрать однородныя числовыя величины, то соединять ихъ вмѣстѣ, то расчленять, дабы хоть какъ-нибудь уяснить ихъ внутренній смыслъ. По справедливому замѣчанію г. Щепкина, только горячая любовь къ общественному дѣлу могла помочь ему одолѣть этотъ колоссальный трудъ и благополучно выбраться изъ лабиринтовъ городскихъ смѣтъ и отчетовъ г. Москвы (стр. 39—32, ч. I, вып. I „Общ. хоз. гор. Москвы").

[3]) Годъ введенія въ Москвѣ Город. Полож. 1870 г.

лѣтіе—5,5%, 5-е пятилѣтіе—7,2%. Собственно расходы на городскія училища въ соотвѣтствующіе періоды расли въ такой прогрессіи: въ 1-е пятилѣтіе—5,500 р., во 2-е—97,285 р., въ 3-е—451,480 р., въ 4-е—1,074,615 р., въ 5-е—1,751,341 р., въ 6-е пятилѣтіе—2,164,800 р. Городскія школы стали открываться собственно съ 1867 г., но настоящее развитіе дѣло это получило лишь съ введеніемъ въ Москвѣ Положенія 1870 г. Чтобы наглядно показать, какъ городское самоуправленіе горячо сочувствовало народному образованію, приведемъ данныя, изъ коихъ видно, какъ расходы на городскія училища далеко *опережали* [1]) ростъ городскихъ доходовъ за исключеніемъ *послѣдняго* 5-тилѣтія [2]).

Годы.	Увеличеніе доходовъ.	Увеличеніе расходовъ на училища.
1873—1877 г.	45%	364%
1878—1882 „	27%	138%
1883—1887 „	11%	62%
1888—1892 „	31%	24%

Цифры сами говорятъ за себя [3]).

Если принять во вниманіе трудность всякаго новаго дѣла въ связи съ долговременною дореформенною административною опекою, при которой „городское общество, свободное многіе десятки лѣтъ отъ отвѣтственности, пріобрѣло, какъ вѣрно указывала петербургская комиссія, издавна привычку ждать и побужденій и помощи отъ администраціи“ [4]), то нельзя не воздать должнаго успѣхамъ городского самоуправленія и въ особенности почтеннымъ заботамъ его о народномъ просвѣщеніи. Только партійная вражда или непозволительное легкомысліе могутъ отрицать эти

---

[1]) „Общ. хоз. г. Москвы“, прил. къ 1-й части, стр. 33—25. Извѣстный реакціонный дѣятель Пазухинъ, идеализируя дореформенный строй съ его сословными дѣленіями, не постѣснился поставить, какъ указано выше (§ 6), въ образецъ современному самоуправленію дореформенныя безгласныя думы, служившія ширмами для безцеремоннаго хозяйничества чиновниковъ губернаторской канцеляріи а легковѣрный авторъ „Современной Россіи“, служащій и вашимъ и нашимъ, поспѣшилъ повторить этотъ очевидный вздоръ.

[2]) Это пятилѣтіе почти совпадаетъ съ временемъ, когда господствовала въ думѣ воля столь извѣстнаго городского головы Н. А. Алексѣева (1885—1892 г.).

[3]) На 1-е января 1895 г. въ Москвѣ числилось 90 (двойныхъ) училищъ съ 12,886 учащимися, въ томъ числѣ—6,895 мальчиковъ, 5991 дѣвочка. Содержаніе училищъ, городу стопло 441,581 р.

[4]) См. н. сбор. „Десять лѣтъ спб. гор. общ. упр.“ стр. V.

успѣхи, которые оффиціально были засвидѣтельствованы еще недавно указомъ Александра III 11-го іюня 1894 г. [1]). Какъ ни крупны были нѣкоторые недостатки Городового Положенія, проникавшій его духъ самоуправленія и дарованное имъ право самостоятельнаго управленія городскими дѣлами были такъ благодѣтельны, необходимы и современны, что не могли не оставить отраднаго слѣда въ исторіи русской культуры.

---

[1]) „Городовое Положеніе 1870 г.,—говорилось въ этомъ указѣ,—принесло въ теченіе 20-ти лѣтъ своего примѣненія немаловажную пользу“.

IX.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

Благочестивыми воздвигнутъ былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россіи новый строй,
Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой,
И вѣрующихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ.
Теперь онъ опустѣлъ; всѣ входы прахъ занесъ;
Священнодѣйствій нѣтъ; онъ темень и печаленъ.
И ползаетъ въ немъ гадъ; и, лая, бродитъ песъ,
Какъ средь заброшенныхъ развалинъ.

А. М. Жемчужниковъ.

Idéal! idéal! sur tes traces divines
Combien déjà se sont égarés et perdus!
Les meilleurs d'entre nous sont ceux que tu fascines;
Ils se rendent à toi sans s'être défendus.

Ackermann.

(X)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Какъ возникло Московское Юридическое Общество [1]).

I.

Признаться, не безъ сильнаго смущенія вхожу я на эту парадную каѳедру нашей almae matris. Меня смущаетъ не только тотъ сонмъ великихъ именъ и тотъ рой величавыхъ традицій и воспоминаній, которыя витаютъ надъ этою вѣщею трибуною. Меня смущаетъ также и та задача, которую я взялъ на себя по порученію Московскаго Юридическаго Общества, задача—сообщить вамъ лѣтопись, откуда пошло наше Юридическое Общество.

И есть отчего придти въ смущеніе!

Я былъ бы поставленъ въ безвыходное положеніе, если бы вы вздумали, мм. гг., потребовать отъ меня разсказать по *личнымъ* воспоминаніямъ подробную исторію зарожденія Московскаго Юридическаго Общества, имѣвшаго мѣсто въ то время, когда мы, наше поколѣніе, сидѣли еще на школьной скамьѣ. Личныя воспоминанія мои объ Обществѣ не идутъ далѣе второй половины 70-хъ годовъ.

Мнѣ остается одинъ выходъ: передать вамъ то представленіе, которое по традиціи сложилось у членовъ Московскаго Юридическаго Общества болѣе поздняго наслоенія о времени и обстоятельствахъ, вызвавшихъ его къ жизни. Но это мое положеніе сторонняго зрителя имѣетъ и свои удобства, и, пожалуй, довольно значительныя. Непосредственнымъ участникамъ и свидѣтелямъ общественнаго дѣла трудно учесть размѣры участія въ немъ личнаго и общественнаго элементовъ. Находясь въ зонѣ извѣ-

---

[1]) Первоначальный остовъ этой статьи составляла рѣчь, произнесенная 13-го марта 1888 г. въ торжественномъ засѣданіи Моск. Юридич. Общества по случаю 25-ти-лѣтія его основанія.

стнаго движенія, имъ трудно уяснить себѣ вполнѣ его значеніе и послѣдствія. Они нерѣдко впадаютъ въ ошибку, принимая физическихъ виновниковъ, иногда являющихся безсознательными, почти невольными орудіями движенія, за настоящихъ его авторовъ. Сторонній свидѣтель болѣе застрахованъ отъ подобной ошибки. Ему легче соблюсти законы исторической перспективы, ему виднѣе параллелограмъ силъ, обусловливающихъ явленія общественной жизни.

Вотъ почему, если я не въ состояніи буду разсказать вамъ, кто, когда и какъ возводилъ фундаментъ Юридическаго Общества (что уже отчасти сдѣлалъ въ своей исторической запискѣ первый предсѣдатель Общества, достойнѣйшій В. Н. Лешковъ), то, быть можетъ, мнѣ удастся очертить передъ вами характеръ того общественнаго движенія, которое сгруппировало учредителей нашего Общества и заставило ихъ вольно или невольно работать надъ сооруженіемъ будущаго зданія перваго союза юристовъ. Я сказалъ: „работать невольно“. Не подумайте, что это lapsus linguae! Нѣтъ, это фактъ историческій, и его могу доказать ссылкою на вышеупомянутую „историческую записку“. Изъ нея мы узнаемъ, что главными виновниками учрежденія Московскаго Юридическаго Общества были профессора С. И. Баршевъ и В. Н. Лешковъ. Эти два имени, поставленныя рядомъ, говорятъ весьма много и вразумительно! Насколько естественно видѣть надъ созиданіемъ Юридическаго Общества В. Н. Лешкова, этого неустаннаго защитника начала свободной общественной самодѣятельности, настолько неожиданно видѣть въ той же роли представителя противоположнаго міросозерцанія, С. И. Баршева. Участіе Баршева въ этомъ дѣлѣ особенно знаменательно и интересно. Если Лешковъ, работая надъ созиданіемъ Юридическаго Общества, свободно отдавался своимъ природнымъ влеченіямъ и научнымъ симпатіямъ, то Баршевъ, входя въ это дѣло и даже беря на себя его иниціативу, дѣлалъ шагъ, не имѣвшій оправданія во всей его прежней научной и литературной дѣятельности, посвященной восхваленію нашего дореформеннаго бюрократическаго строя и тайнаго инквизиціоннаго процесса. Вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю интереснымъ „невольное“ участіе Баршева въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ сказаннаго я, кажется, вправѣ заключить, что для уясненія происхожденія нашего Общества не столько важно знать его, такъ сказать, оффиціальныхъ воспріемниковъ отъ купели, сколько уяснить ту группу силъ, теченій и явленій, которыя вызвали къ жизни въ 1863 г. чествуемое нами учрежденіе.

Какія же это были явленія?

Обыкновенно принято считать причиною возникновенія Московскаго Юридическаго Общества судебную реформу, или, точнѣе, обнародованіе 1-го октября 1862 г. Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября основныхъ по-

ложеній судебной реформы. Таково мнѣніе, между прочимъ, и перваго историографа его, В. Н. Лешкова. Не скажу, чтобы это мнѣніе было невѣрно, но, по моему мнѣнію, оно не совсѣмъ точно и убѣдительно. Начало судебной реформы относится къ 1842 году, а иные не безъ основанія относятъ его даже еще за 100 лѣтъ—къ 1747 г. Отчего же въ этотъ длинный періодъ времени никому не приходила и не могла придти въ голову мысль объ основаніи гдѣ-либо Юридическаго Общества?! А съ другой стороны, развѣ и сама судебная реформа въ томъ видѣ, какъ она вылилась въ присно-памятномъ законодательномъ актѣ 20-го ноября 1864 г., развѣ она сама не есть продуктъ или, лучше, дальнѣйшее развитіе еще болѣе значительнаго законодательнаго памятника великой хартіи 19-го февраля 1861 года? Свидѣтельствуюсь въ этомъ случаѣ авторитетомъ безусловной достовѣрности и компетентности, покойнымъ С. И. Заруднымъ, не отходившимъ отъ дѣла судебной реформы, начиная отъ образованія первой завязи ея въ 1842 году и вплоть до изданія въ 1866 г. Государственною Канцеляріею Судебныхъ Уставовъ съ разсужденіями, на конхъ они основаны. Онъ-то именно категорически заявляетъ, что безъ освобожденія крестьянъ никогда не видать бы этой странѣ Уставовъ 20-го ноября.

А если это такъ, то не вправѣ ли мы счесть за болѣе коренную причину возникновенія Юридическаго Общества освобожденіе крестьянъ, крестьянскую реформу и то великое освободительное движеніе, которое въ свою очередь дало жизнь и крестьянской реформѣ, и всѣмъ проистекавшимъ изъ нея послѣдующимъ реформамъ: земской, судебной, городовой, университетской; отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, реформѣ законодательства о печати, о воинской повинности и пр., и пр.?

Вотъ мы и подошли къ тому главному стволу, къ освободительному движенію 60-хъ годовъ, коего небольшимъ, но естественнымъ развѣтвленіемъ было основаніе Московскаго Юридическаго Общества.

II.

Шестидесятые годы! Какое это чу́дное и чудно́е, непонятное для насъ, для нашего бѣднаго вѣрою и воодушевленіемъ поколѣнія, время, время идеаловъ, время титановъ мысли, гигантовъ вѣры, богатырей дѣла! Въ какіе-нибудь 3—4 года уничтожаются: и крѣпостное право, и тѣлесное наказаніе, и старый инквизиціонный судъ, насаждается нѣкоторое подобіе самоуправленія и свободы печати! Что это за кипучая и всеобъемлющая дѣятельность по обновленію всѣхъ отраслей общественной и частной жизни, начиная съ законодательства и литературы и кончая домашнею обстановкою и семейными отношеніями, начиная отъ философскихъ системъ и кончая дѣтскими пеленками!!.

Вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Нежданная рѣчь прозвучала—
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи славы и свѣта!..

Нынѣшнимъ „охлажденнымъ умамъ“ не по сердцу эта бьющая ключемъ энергія жизни, пробудившейся послѣ полувѣковой спячки. Наши „умники“ не прочь подчеркнуть съ злорадствомъ тотъ или другой неудачный штрихъ этой героической законодательной и общественно-творческой эпопеи, не прочь бросить ихъ благороднымъ литературнымъ дѣятелямъ педантическій упрекъ въ поспѣшности, въ увлеченіяхъ, въ „незрѣлости“ [1]). Но гдѣ же послѣ этого справедливость? Вѣдь, если эти

---

[1]) Этотъ упрекъ въ „незрѣлости“ и „тенденціозности“ слышенъ былъ еще въ 60-хъ годахъ, и вотъ какъ разумно отвѣчалъ въ 20 лѣтъ уже знаменитый Д. И. Писаревъ „*Русскому Вѣстнику*“ Каткова, уже тогда не скрывавшаго своего призванія къ литературному-полицейскому сыску: „Эта незрѣлость составляетъ существующій фактъ, но въ существованіи его не виноваты наши писатели. Всѣ мы воспитывались въ душной средѣ, въ узкихъ понятіяхъ, подъ вліяніемъ мертвящихъ предразсудковъ; всѣ мы, становясь на свои ноги, принуждены были разрывать связь съ нашимъ прошедшимъ, передѣлывать сверху до низу весь строй нашихъ понятій, выкуривать изъ нашего мозга ту нелѣпую демонологію, которая замѣняла намъ въ дѣтствѣ трезвыя понятія о мірѣ, о природѣ и человѣкѣ; вступая въ борьбу съ тѣми элементами, которые, благодаря вліянію родителей и педагоговъ, приросли къ нашей природѣ, отрывая съ болью и кровью дѣтскія вѣрованія, дѣтскія привязанности, дѣтскіе взгляды на жизнь, мы воодушевляемся и ожесточаемся въ одно и то же время. Мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ выжидаемъ случая, когда бы намъ можно было выразить свое негодованіе противъ всего того, что остановило развитіе многихъ даровитыхъ личностей... Когда мы беремся за перо, мы еще почти ничего не знаемъ, но сторона *отрицанія* оказывается уже вполнѣ развитою. Нелѣпостей и несообразностей насмотрѣлся на своемъ вѣку каждый ребенокъ; слѣдовательно, каждый молодой человѣкъ, принимающійся за перо, имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы всею силою критики разбивать міръ преданія и рутины. Когда умъ занятъ такого рода работою, тогда нѣтъ мѣста для спокойнаго пріобрѣтенія знаній; находясь въ такой порѣ развитія, мы съ наслажденіемъ хватаемся за сочиненія, проникнутыя полемическими тенденціями, и оставляемъ въ сторонѣ многотомныя изслѣдованія кабинетныхъ ученыхъ. За это нельзя быть на насъ въ претензіи. Мы ищемъ того, что соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ нашего ума. Когда ребенокъ растетъ, у него обнаруживаются странные аппетиты: онъ ѣстъ съ наслажденіемъ мѣлъ, уголь, известку, глину, и эти вещества приносятъ ему больше удовольствія и даже больше *пользы*, чѣмъ питательная говядина или крѣпкій бульонъ; дѣло въ томъ, что ему надо ввести въ кровь именно тѣ вещества, къ которымъ онъ чувствуетъ странное влеченіе; на пути нашего умственнаго развитія мы часто бываемъ поставлены въ

неутомимые труженики торопились, работали день и ночь, то это было не дѣломъ каприза и вѣтреннаго увлеченія ложными идеями, а сознательнего расчета. Они очень хорошо знали, какъ непродолжительны и непрочны бываютъ въ нашей общественной жизни ясные „дни Аранжуеца“, весна либеральныхъ вѣяній, послѣ обычной продолжительной и суровой зимы, какъ краткотечны счастливые красные дни прогрессивныхъ вѣяній и какъ быстро смѣняются они долгими тоскливыми мѣсяцами осенней слякоти и ненастья:

Вѣдь счастье—дѣвочка пустая:
На мѣстѣ не сидится ей,
Откинетъ волосы да чмокнетъ
Разокъ—другой, и прочь скорѣй.
Несчастью жъ, добренькой старушкѣ,
Другое дѣло—спѣху нѣтъ!
Она подсядетъ къ вамъ къ подушкѣ
И ну вязать... хоть на сто лѣтъ!..

На этотъ разъ противъ обыкновенія выдалась болѣе продолжительная красная весна, и всѣ спѣшили ею воспользоваться, боясь, какъ бы не пришлось дѣло, начатое весною, додѣлывать въ сырые, холодные осенніе дни!

Впрочемъ, можетъ быть тутъ не было даже какого-нибудь преднамѣреннаго сознательнаго расчета, а просто безсознательная работа пробудившейся послѣ продолжительной спячки кипучей общественной жизни, въ которой:

Волна на волну набѣгала,
Волна нагоняла волну...

„Болѣе великаго момента,—говоритъ одинъ изъ почтенныхъ дѣятелей этой эпохи, Н. В. Шелгуновъ, какъ этотъ переходъ отъ идей крѣпостного права и служилаго государства къ идеѣ новаго государства, въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ; но мы, современники этого перелома, стремились къ личной и общественной свободѣ и работали только для нея; конечно, не имѣя времени думать, дѣлаемъ ли что-нибудь великое или невеликое, мы просто стремились къ простору, и

такое же положеніе; если нашему уму надо что-нибудь вродѣ извести или острой кислоты, тогда и не предлагайте намъ ни телятины вродѣ ученыхъ изслѣдованій Буслаева, Устрялова и Соловьева, ни миндальнаго печенья, вродѣ лирическихъ стиховъ Фета или Полонскаго“. (Сочин. II, 183—86 изд. Павленкова). — Замѣчательно, что въ оцѣнкѣ причинъ, вызвавшихъ отрицательное литературное движенье 60-хъ гг., сходятся и литературные противники Писарева, какъ Аксаковъ, Пироговъ, проф. Дмитріевъ, кн. Одоевскій и даже Катковъ (см. главы V и IV), усматривающіе въ этомъ движеніи естественный продуктъ уродливыхъ условій дореформеннаго строя жизни, который *самъ* благонамѣренный Валуевъ характеризовалъ словами: *„сверху ложь—снизу гниль“*. (См. выше).

каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ, и отъ чего ему было нужно“ [1]).

Это было какое-то стихійное увлеченіе, какое-то неотразимое дѣйствіе неизвѣстно откуда нахлынувшихъ волнъ тепла и свѣта, глубоко и сильно отозвавшихся и на всегда воспріимчивой душѣ пылкой молодежи и на охлажденной годами старости. Студентъ ли въ новой обстановкѣ воскресной школы, поучающій народъ, цензоръ ли въ своемъ кабинетѣ, прилагающій свой старый уставъ о цензурѣ (помѣщенный въ сводѣ законовъ, какъ будто на смѣхъ, между уставами о бѣглыхъ и уст. о пред. преступленій!), ясно чувствовали вѣяніе новаго времени, повелительно требовавшаго измѣненія старозавѣтныхъ пріемовъ сужденія и дѣйствія. Геній свободы и гуманности, витавшій въ то время надъ этою страною, производилъ разительныя перемѣны, которыя можно было бы принять за сказки, если бы еще не были живы свидѣтели и очевидцы ихъ. Старые законы о цензурѣ словно замерли, загипнотизированные чарами новаго духа времени; даже сама плеть и розга, кажется, не такъ жестоко и самоувѣренно выполняли свою провиденціальную функцію. Всѣ почувствовали какой-то необыкновенный притокъ силъ и подъемъ духа, потребность *жить*, т.-е. мыслить, говорить и дѣйствовать, чуть не совершать подвиги. „Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись,—говоритъ тотъ же авторъ,—*всѣ* стали думать и *всѣми* овладѣло критическое настроеніе, заключается разгадка мистическаго секрета 60-хъ годовъ: *всѣ*—вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ“. Всѣ честные люди какъ-то выросли въ своихъ и чужихъ глазахъ. Вчерашній пигмей, разночинецъ, малодушный, неувѣренный въ себѣ „лишній человѣкъ“, сегодня ощущалъ какой-то притокъ богатырской мощи, словно Илья Муромецъ, собиравшійся на подвигъ послѣ того, какъ сиднемъ сидѣлъ онъ тридцать лѣтъ и три года!

Бываетъ невзначай,
Что тотъ, кто низокъ нынче,
На завтра сталъ великъ:
То духъ любви, повѣявъ,
Избранника воздвигъ
Гигантомъ изъ пигмеевъ...

Въ это благодатное время минувшаго просвѣтлѣнія—свершилось чудо, размягчились, хоть не надолго, даже сердца рабовладѣльцевъ по отношенію къ „хамамъ“ [2]). Дивное, свѣтлое время!—на которое нашему поколѣнію лишь

---

[1]) „*Русск. Мысль*“, 1878 г., № 11, стр. 22, 1886 г., № 3, стр. 195.

[2]) Кн. Мещерскій, у котораго въ отличіе отъ безшабашныхъ опричниковъ—псовъ консерватизма, по выраженію Т. И. Филиппова, встрѣчаются иногда проблески благодушія, правдивости и терпимости, въ „*Гражданинѣ*“ (10 ноября 1896 г.) однажды такъ характеризовалъ освободительную эпоху. „Освободительныя рефор-

издали приходится любоваться съ восторгомъ, смѣшаннымъ съ завистью, съ такимъ же завистливымъ восторгомъ, съ какимъ мы смотримъ на окруженныя лучезарнымъ блескомъ эпохи пробужденія человѣческаго духа въ XVI и XVIII столѣтіяхъ. „Духъ человѣка пробуждается, становится весело и ясно жить“, восклицаетъ могучій боецъ за человѣческій духъ, авторъ Epistolae obscurorum virorum, знаменитый гуманистъ Ульрихъ Гуттенъ. Такіе же возгласы слышались и въ эпоху нашего возрожденія.

мы императора Александра II,—писалъ онъ,—представляли собою совершенно стройную систему. Освобожденіе крестьянъ, созданіе безцензурной печати, отдѣленіе административной и судебной властей, городское и земское самоуправленіе—все это представляло одну стройную систему, одно начало, проведенное черезъ всѣ реформы. Это—преддверіе конституціоннаго образа правленія. Въ складкахъ этихъ реформъ несомнѣнно заключалась и „свобода“. Она вѣяла, она чувствовалась, она носилась въ воздухѣ. И въ частной жизни, и въ общественной, и въ государственной замѣчался сильнѣйшій подъемъ духа. Воспрянуло, заговорило и поднялось все лучшее въ обществѣ, всѣ лучшія стремленія, всѣ высшія проявленія души лучшей части общества. Словно Духъ Божій, нѣдрящійся (*sic*) въ душахъ лучшихъ людей Россіи, запертый тамъ, какъ *въ темницахъ*, и проявлявшій себя по временамъ въ чудныхъ твореніяхъ колоссовъ русской литературы, словно онъ явился на свѣтъ, носился въ атмосферѣ и воспроизводилъ тотъ *удивительный подъемъ духа*, который окружалъ освободительныя реформы императора Александра II. И что же? Теперь какъ-то странно даже вспомнить этотъ подъемъ духа. Теперь, когда мы присутствуемъ на похоронахъ всѣхъ этихъ реформъ, когда мы видимъ затоптанными въ грязь всѣ высшіе идеалы людей 60-хъ годовъ, когда мы наблюдаемъ (!) повсюду главенство толпы съ ея отвратительными, чисто животными инстинктами, становится жутко на душѣ, слезы душатъ горло, словно стоите вы передъ еще незасыпанной могилой, въ которой лежитъ похороненнымъ все дорогое вашему сердцу, вся ваше духовная жизнь“. Почему же все это случилось?—спрашиваетъ князь... Дальше ужъ не интересно. Начинается обычная „гражданская“ сказка про бѣлаго бычка, какъ дворянъ обидѣли, какъ крестьянъ озолотили (продавши землю выше стоимости),—словомъ, какъ вмѣсто крѣпостного эльдорадо возникъ „либеральный хаосъ“. Странно только одно, отчего въ этомъ идеальномъ дореформенномъ строѣ „Духъ Божій представляется запертымъ, какъ въ темницѣ“. Но, являясь плохимъ соціологомъ, благодаря неспособности отвлечься отъ грубыхъ своекорыстныхъ классовыхъ интересовъ, кн. Мещерскій достовѣрно свидѣтельствуетъ объ „удивительномъ подъемѣ духа“, о всеобщемъ стремленіи работать во имя общаго блага съ вѣрою въ силу добра. Этому стремленію была не чужда образованная часть дворянства. Его, этотъ желанный духъ, какъ справедливо указалъ статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ при открытіи въ 1894 г. Судебной Комиссіи, искусственно создать или предписать невозможно: тому доказательство сухосочные плоды этой Комиссіи, равно какъ и Комиссій гражданскаго и уголовнаго уложеній, несмотря на наличность сравнительно съ 60-ми годами многочисленныхъ крупныхъ научныхъ силъ. Да и можно ли создать что-нибудь цѣльное и жизнеспособное, когда и самъ не знаешь, куда идешь, и самъ не вѣришь въ плодотворность своего труда. Эпоха реакцій — „не создавать, а разрушать мастера“.

„Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“, говорилъ 28-го декабря 1857 г. при громѣ рукоплесканій публицистъ Н. Ф. Павловъ на общественномъ обѣдѣ, устроенномъ въ Москвѣ по иниціативѣ радакціи *„Русскаго Вѣстника“* [1]). „Мы стоимъ,—говорилъ одинъ изъ членовъ ея, Н. А. Любимовъ, въ Татьянинъ день 1858 г. на Парижскомъ банкетѣ,—при дверяхъ свѣтлой эпохи оживленія мысли, когда слышится голосъ высказывающій нужды, потребности, желанія общества; эпохи, когда начинающаяся гласность не нравится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта“ [2]).

„Если у меня, старика, у котораго нѣтъ будущаго, — говорилъ покойный Шелгуновъ,—бываютъ еще теплыя и свѣтлыя минуты, то только въ воспоминаніяхъ о людяхъ 60-хъ годовъ“ [3]).

Намъ непонятна, намъ чужда эта свѣтлая эпоха идеаловъ, эпоха либерализма и гуманизма, появившаяся и исчезнувшая, какъ метеоръ или какъ та комета, которая появилась въ годъ нарожденія на Руси свободы. Намъ непонятно то сердечное умиленіе, съ которымъ вспоминаютъ эту героическую эпоху счастливцы, жившіе и дѣйствовавшіе въ это славное время.

Съ открытыми глазами мы потеряли способность духовнаго зрѣнія, способность отличать свѣтъ отъ тьмы:

> Notre oeil perçoit encore, oui! mais, supplice horrible!
> C'est notre esprit qui ne voit plus.

---

[1]) О подъемѣ общественнаго воодушевленія можетъ дать понятіе слѣдующій эпизодъ. Вскорѣ послѣ помянутаго обѣда откупщикъ В. А. Кокоревъ собирался устроить грандіозный обѣдъ-митингъ въ Москвѣ. Число участвовавшихъ достигло до огромной цифры—1.500. Обѣдъ предполагался въ большомъ театрѣ. Ложи должны были занимать кадеты. Съ обѣда должны были полетѣть телеграммы въ оба полушарія для возвѣщенія о наступленіи новой эры свободы для Россіи. Обѣдъ былъ воспрещенъ ген.-губ. Закревскимъ (см. Матер. для истор. упразд. крѣп. права, т. II, 190).

[2]) *„Русс. Вѣст“*. 1888 г. № 1, стр. 5.

— Описывая этотъ обѣдъ, Е. М. Феоктистовъ въ корреспонденціи изъ Парижа говорилъ: „Въ то время, какъ общество, среди котораго мы находимся и которое шло до сихъ поръ во главѣ цивилизованной Европы, не страшится той мысли, что порядокъ долженъ для него сдѣлаться синонимомъ какого-то *оцѣпенѣнія*, не отрадно ли сознавать себя гражданиномъ страны, смѣло и съ увѣренностью выступающей на путь великихъ и благодѣтельныхъ реформъ? Въ то время, какъ видите предъ собою власть все болѣе и болѣе чуждающеюся просвѣщеннаго сословія, въ которомъ она не ожидаетъ встрѣтить себѣ содѣйствія, не отрадно ли думать, что есть страна, гдѣ правительство съ восторгомъ привѣтствуется именно всѣмъ, что есть въ ней просвѣщеннаго, всѣмъ, что стоитъ во главѣ слова и мысли“ (*„Русск. Вѣстн.“* 1858, № 2).

[3]) *„Русская Мысль“*, 1885 г., № XI, стр. 357.

Или, какъ характеризовалъ современность въ своемъ гражданскомъ воплѣ нашъ поэтъ-гражданинъ:

...смѣлость доблести въ насъ никнетъ, духъ нашъ спитъ;
Звучатъ еще слова, но мысли ни единой,
Ни искры Божьей нѣтъ. Затянутаго тиной
Болотнаго пруда таковъ сонливый видъ...
Грѣшны и жалки мы, безъ пользы жизнь кончая,
Что сѣешь, то пожнешь.
И сердце черствое и голова пустая—
Такъ въ жизнь вступаетъ молодежь.

III.

Не подумайте, мм. гг., что я дерзнулъ взять на себя непосильную мнѣ задачу представить вамъ полную картину этого, безпримѣрнаго въ Россіи, общественнаго подъема и литературнаго движенія, благодаря которымъ вызваны въ жизни были наши либеральныя реформы. Для моей цѣли, для установленія связи между ними и возникновеніемъ Московскаго Юридическаго Общества достаточно отмѣтить два-три крупныхъ явленія этой величавой эпохи, могущія дать ключъ къ уразумѣнію этой связи.

На первомъ мѣстѣ я, конечно, долженъ отмѣтить великій законодательный актъ 19-го февраля, прозвучавшій какъ возвышающій душу благовѣстъ надъ этою страною, исполнившій надеждами все забитое, приниженное и обиженное и смутившій все, строящее свое благополучіе на вѣковой рутинѣ, застарѣлой неправдѣ, на привилегіи и эксплоатаціи. Паденіе крѣпостного права, этого краеугольнаго камня дореформеннаго строя жизни, дѣлало возможными и неизбѣжными реформы не только во всѣхъ отрасляхъ управленія, но и во всемъ міросозерцаніи или, какъ выражалась Екатерина II, умоначертаніи народа и общества.

„Крѣпостное право,—говоритъ нашъ маститый публицистъ-сатирикъ,—проникало не только въ отношенія между помѣстнымъ дворяниномъ и подневольною массою, но и во *всѣ вообще формы общежитія*, одинаково втягивая всѣ сословія (привилегированныя и непривилегированныя) въ омутъ *унизительнаго безправія*, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспективою быть ежечасно задавленнымъ. Съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя,—пишетъ Щедринъ,—какъ могли жить люди, не имѣя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и перспективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ терзаній поруганнаго и ни-

откуда не защищеннаго существованія? — и къ удивленію отвѣчаешь: — однакожъ жили“ [1]).

Да, жили, но, наконецъ, не въ моготу стала эта, основанная на безправіи и насиліи, постылая жизнь, эта, по выраженію того же сатирика, „обезпеченная необезпеченность“,—и гуманно-освободительное движеніе, медленно проникавшее къ намъ изъ Европы, смыло, наконецъ, благодаря настойчивости немногочисленной либеральной интеллигенціи, это трехвѣковое позорное пятно.

Весьма обидное для русскаго самолюбія, но совершенно справедливое замѣчаніе Карамзина о томъ, что у русскаго человѣка, какъ таковаго, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ „правъ“, получало въ Высочайшемъ Манифестѣ 19-го февраля, провозглашавшемъ право на свободный трудъ, первое торжественное опроверженіе. „Уваженіе къ достоинству человѣка и христіанская любовь“, какъ сказано въ Манифестѣ, побудили даровать русскому человѣку первѣйшее изъ правъ — право на личную свободу и свободный трудъ.

Уваженіе къ человѣческому достоинству! свободный трудъ! — какъ странно звучатъ эти слова въ 1861 г., когда не далѣе, какъ за три года передъ тѣмъ, въ концѣ 57-го года, запрещено было говорить объ освобожденіи крестьянъ въ печати!

Уничтоженіе рабства и провозглашеніе правъ свободной личности дѣлали неизбѣжнымъ пересмотръ всѣхъ институтовъ и учрежденій, съ нимъ связанныхъ, на немъ основанныхъ, и прежде всего учрежденій судебныхъ. Объ этомъ категорически заявлялось во всеподданнѣйшемъ адресѣ знаменитыхъ „пяти“ дворянскихъ депутатовъ 1858 г., составленномъ извѣстнымъ дѣятелемъ крестьянской реформы А. М. Унковскимъ (см. гл. II, § 2). Эта же мысль проводилась въ 1859 г. въ рядѣ дворянскихъ адресовъ Тверской, Ярославской и др. губерній, которые единодушно домогались гарантій личности, утвержденія на мѣсто произвола закона, учрежденія въ этихъ видахъ независимой судебной власти и суда присяжныхъ. Но замѣчательно, что до освобожденія крестьянъ всѣ эти просьбы оставлялись безъ удовлетворенія, и просители подвергались большимъ или меньшимъ непріятностямъ, начиная отъ выговора и кончая полицейскимъ надзоромъ и административною высылкою.

Но съ конца 1861 г. замѣчается, благодаря освобожденію крестьянъ, рѣзкій поворотъ въ направленіи работъ по судебной реформѣ. Тогда какъ въ 1858 г. объявлено было Государственному Совѣту Высочайшее повелѣніе отнюдь не касаться вопросовъ объ адвокатурѣ, судѣ присяжныхъ и заниматься Блудовскими проектами о частичныхъ преобразованіяхъ, въ

---

[1]) „*Вѣст. Евр.*“ 1888, № 2, „Пошехонская Старина“, стр. 601.

1862 г. Блудовъ вовсе отстраняется отъ дѣла, и на мѣсто его выступаетъ поборникъ либеральныхъ основъ судебной реформы, кн. П. П. Гагаринъ. Вслѣдъ за этимъ приглашаются для разработки ея не чиновники по соображеніямъ табели о рангахъ и продолжительности сидѣнія на мѣстѣ, *а юристы* съ основательною научною подготовкою. Юристы эти: наши почетные члены Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій (†), К. П. Побѣдоносцевъ и др., во главѣ ихъ покойный нашъ почтенный членъ С. И. Зарудный (†). Въ январѣ 1862 года кн. Гагарину удается исходатайствовать весьма важное высочайшее повелѣніе произведшее переворотъ въ направленіи работъ по судебной реформѣ и открывшее для русской юридической мысли совершенно неизвѣстные ей дотолѣ горизонты. Высочайшее повелѣніе это предписывало прикомандированнымъ къ государственной канцеляріи юристамъ: „изложить въ общихъ чертахъ соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ* и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи“.

Это знаменитое высочайшее повелѣніе составляетъ эпоху въ исторіи развитія русскаго законодательства и русской юридической мысли. Магическая формула была произнесена! Клятва, лежавшая на наукѣ, была снята! Открытъ былъ, наконецъ, доступъ къ той европейской наукѣ, которая развилась въ Европѣ подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII столѣтія и либеральныхъ доктринъ начала XIX столѣтія, и которая у насъ такъ долго хранилась за семью печатями отъ нескромныхъ взоровъ публики.—Правда, лѣтъ за сто передъ тѣмъ вѣнценосная прогрессистка (ставшая потомъ либеральною крѣпостницею), ученица Беккаріи, Монтескье, Вольтера, сдѣлала было попытку пріобщить эту страну къ плодамъ передовой европейской мысли, но, какъ извѣстно, попытка имѣла только характеръ блестящаго фейерверка и не оставила въ жизни прочныхъ слѣдовъ.

И вотъ теперь не только разрѣшалось, но прямо предписывалось черпать свободно изъ этого живого источника, изъ этой запретной сокровищницы европейскаго ума и опыта. Легко представить себѣ, какъ должны были быть смущены ортодоксальные представители нашей старой университетской науки, обязанные не только за страхъ, но и за совѣсть пѣть съ университетской каѳедры дифирамбы кнуту (см. главу III), нашему инквизиціонному старому процессу съ его канцелярскою тайною и бумажнымъ дѣлопроизводствомъ [1]). Едва они стали приспособляться къ новымъ требованіямъ духа времени, едва они стали замѣнять въ своихъ старыхъ тетрадкахъ восторженныя похвалы канцелярской тайнѣ скром-

[1]) Основ. Угол. Суд. Я. Баршева. Стр. 68.

нымъ и нерѣшительнымъ указаніемъ на достоинство новаго гласнаго суда, какъ быстро слѣдовавшія другъ за другомъ событія еще болѣе изумили нашихъ старыхъ юристовъ и порадовали новыхъ.

Съ чѣмъ-нибудь въ полгода были составлены и обнародованы Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 года „Основныя Положенія преобразованія судебной части въ Россіи“, громко на всю Россію провозглашавшія необходимость введенія у насъ тѣхъ самыхъ институтовъ европейскаго правового порядка, за предложеніе которыхъ три года тому назадъ, въ эпоху „первой реакціи“ 1859 года, пострадалъ не одинъ предводитель дворянства. Россія съ изумленіемъ и радостью узнала, что она находится наканунѣ полученія гласнаго суда, независимой судебной власти, адвокатуры и суда присяжныхъ, которые еще такъ недавно считались зловредными революціонными учрежденіями.

Откуда такая быстрая и неожиданная перемѣна? Спросимъ свидѣтеля, стоявшаго съ самаго начала у самаго кормила судебной реформы и хорошо знавшаго всѣ ея перипетіи.

С. И. Зарудный категорически удостовѣряетъ [1]), что Судебные Уставы *созданы* Положеніемъ 19-го февраля (см. ниже главу XVIII). Вотъ, стало быть, гдѣ разгадка этого на первый взглядъ непонятнаго явленія. Освобожденіе крестьянъ произвело настоящій переворотъ не только въ соціальномъ строѣ, но и въ общемъ настроеніи. Притаившіяся было послѣ „первой реакціи“ 1859 г. либеральныя вѣянія снова, хотя и не надолго, воспрянули и влили новую энергію, бодрость и отвагу въ нашъ политическій организмъ. Спокойное принятіе народомъ объявленія „воли“, котораго такъ боялись робкіе умы, снова окрылило прогрессивную, передовую часть нашихъ правительственныхъ сферъ и ослабило мнительность сторонниковъ дореформеннаго строя. Только этимъ объясняется, что, напр., такой завзятый консерваторъ, какъ гр. Панинъ, такъ много тормазившій и портившій дѣло освобожденія крестьянъ, этотъ врагъ и гонитель суда присяжныхъ, самъ явился защитникомъ его (искреннимъ или неискреннимъ, Богъ его знаетъ,—см. главу I), когда въ 1862 году Государственный Совѣтъ разсматривалъ вышеупомянутыя Основныя Положенія судебной реформы.

IV.

Дальнѣйшая судьба этихъ Основныхъ Положеній имѣла сильное и уже непосредственное вліяніе на дѣятельность русскихъ юристовъ и въ частности—на возникновеніе Московскаго Юридическаго Общества. С. И. За-

[1]) См. „*Русскую Старину*“, 1888 г., № 5.

рудный возымѣлъ крайне смѣлое по тогдашнему времени, но въ высшей степени плодотворное намѣреніе—опубликовать во всеобщее свѣдѣніе Высочайше утвержденныя Основныя Положенія, съ приглашеніемъ юристовъ и вообще публицистовъ, интересующихся дѣломъ судебной реформы, доставлять свои замѣчанія объ Основныхъ Положеніяхъ въ Комиссію, образованную подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ.

Въ нашихъ глазахъ этотъ фактъ опубликованія не представляетъ ничего особеннаго въ виду того, что въ послѣдующее время неоднократно печатались законопроекты съ цѣлью вызвать замѣчанія публицистовъ или же разсылались цѣлыя законодательныя работы (какъ, напр., проекты Комиссіи, составляющей уголовное Уложеніе) для публичнаго обсужденія въ юридическихъ обществахъ.

Не то было въ 1862 году.

Опубликованіе Основныхъ Положеній въ *Собраніи узаконеній* было *первымъ* актомъ прямого оффиціальнаго обращенія къ публицистамъ и юристамъ къ представителямъ науки и опыта, съ приглашеніемъ принять участіе въ законодательныхъ работахъ. Этотъ фактъ имѣлъ громадное историческое значеніе какъ для печати, науки, такъ и для общественнаго развитія вообще. Онъ впервые, можно сказать, производилъ *секуляризацію* законодательной дѣятельности и открыто признавалъ значеніе публицистики. Въ силу закона и установившихся традицій законодательныя канцеляріи должны были дотолѣ съ особеннымъ тщаніемъ оберегать законодательныя предначертанія отъ нескромныхъ взглядовъ публики. Онѣ должны были наблюдать денно и нощно, чтобы законопроекты безмятежно совершали свое теченіе въ дебряхъ канцелярской тайны и отнюдь не приходили въ соприкосновеніе съ тѣмъ profanum vulgus, для котораго они предназначались, ранѣе появленія на свѣтъ во всеоружіи властнаго повелѣнія, подлежащаго безмолвному и безпрекословному исполненію. Словомъ, законодательная дѣятельность была совершенно изолированнымъ отъ жизни міромъ, который былъ одинаково сокрытъ какъ для празднаго любопытства, такъ и для серьезной любознательности и просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. Весьма наглядно охарактеризовано такое состояніе обязательнаго *всеобщаго молчанія* въ одной изъ статей М. Н. Каткова. „Бываютъ времена [1])

---

[1]) Замѣчательно, что это мѣсто статьи выпущено изъ сборника статей Каткова, редижированнаго при его жизни. Онъ выпустилъ эту часть статьи подъ тѣмъ предлогомъ, что она „была напечатана не въ томъ видѣ, въ какомъ была написана“. Но біографъ Каткова, г. Любимовъ, совершенно вѣрно догадывается, что главнымъ и истиннымъ мотивомъ было коренное измѣненіе отношенія самого Каткова къ идеѣ и факту общественнаго мнѣнія („*Русскій Вѣстникъ*“, 1888 г., № 1, стр. 10—11).

въ народной жизни,—писалъ онъ въ 1863 году,—когда правительство принимаетъ характеръ диктатуры. При правильномъ ходѣ такой системы совершенно послѣдовательно принимаютъ мѣры къ тому, чтобы никакого общественнаго мнѣнія не было. Политическая печать при диктаторскомъ управленіи существовать не можетъ. Никакого мнѣнія о дѣйствіяхъ власти, о началахъ, которыми она руководствуется, объ учрежденіяхъ, которыя она создаетъ, о законахъ, которые она обнародываетъ, *не только порицательно, но и одобрительно* не должно высказываться. Никому при этой системѣ не дозволяется принимать участія въ дѣлѣ общаго интереса, и общаго дѣла между людьми не допускается. Люди разрознены, общественныхъ силъ нѣтъ, и *нѣтъ общественнаго мнѣнія.* О всѣхъ предметахъ общаго интереса должны исключительно заботиться *оффиціальные люди*, взятые, какъ *рекруты*, изъ общества и отдѣленные отъ него особою, совершенно замкнутою правительственною организаціею, какъ *опричниной*".

Такова была дореформенная организація.

Обнародованіе Основныхъ Положеній 1862 года было явленіемъ, указывавшимъ на наступленіе другого времени, времени, когда, говоря словами того же публициста, „обществу дается голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволяется заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда допускается свобода въ выраженіи мнѣнія о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, когда печать получаетъ и можетъ имѣть вліяніе, когда *пробуждаются и даже призываются* къ дѣятельности *общественныя силы*".

И такое именно время настало въ 60-хъ годахъ!

Вотъ каково было значеніе этого, на видъ скромнаго, но по существу очень важнаго мѣропріятія—распубликованія Основныхъ Положеній для обсужденія. Это былъ первый (участіе дворянъ во время крестьянской реформы имѣло болѣе сословный, чѣмъ общегосударственный характеръ, а опубликованіе Основныхъ Положеній земской реформы, вслѣдствіе ея палліативности, не произвело никакого впечатлѣнія), хотя и скромный, но для всѣхъ очевидный актъ признанія и значенія общественнаго мнѣнія, юридической науки и публицистики. Если прибавить къ сказанному, что этотъ актъ уваженія и довѣрія къ свободнымъ общественнымъ силамъ давалъ право надѣяться, что при дальнѣйшемъ движеніи судебной реформы будетъ допущено и содѣйствіе земства, на что намекалъ „День" Аксакова [1]), то легко представить себѣ, какія радужныя и бодрящія перспективы открывались для общественной самостоятельности.

---

[1]) Въ № отъ 13 октября 1862 г.

V.

Если таково было значеніе опубликованія Основныхъ Началъ для русской интеллигенціи вообще, то легко догадаться, съ какимъ восторгомъ и радостнымъ увлеченіемъ встрѣчали этотъ шагъ русскіе юристы. Указанное выше Высочайшее повелѣніе 1862 года оффиціально признавало значеніе *юридической мысли.* Обнародованіе Основныхъ Положеній оффиціально разрѣшало юристамъ, даже требовало отъ нихъ не боготворенія, а критическаго отношенія къ предположеніямъ правительства и *свободнаго* высказыванія своихъ сужденій и взглядовъ, строжайше воспрещеннаго еще указомъ 2-го ноября 1852 г. (см. главу XVIII). Русскій юристъ, для котораго критика закона и намѣреній правительства на основаніи указаній европейской науки и опыта была запретнымъ плодомъ, впервые почувствовалъ себя свободнымъ отъ цензурныхъ начальственныхъ стѣсненій. Едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ русскій юристъ, такъ долго испытавшій гнетъ и стѣсненіе, шагъ за шагомъ долженствовавшій отвоевывать у цензуры каждое свое слово, каждую свѣжую мысль.

Не всякій повѣритъ, что всего за нѣсколько лѣтъ до судебной реформы цензоръ задержалъ сочиненіе, принадлежавшее нашему почетному члену, одному изъ корифеевъ судебной реформы, нынѣ предсѣдателю гражданскаго департамента Государственнаго Совѣта, Н. И. Стояновскому, подъ заглавіемъ „Практическое руководство по уголовному судопроизводству“. И за что? За то, что авторъ, не ограничиваясь простымъ изложеніемъ содержанія законовъ, прибавилъ „отъ себя“ нѣсколько соображеній. И вотъ, послѣ такого-то гоненія на юридическую мысль, послѣ такой-то жестокой цензуры юристамъ громогласно говорятъ: отнынѣ вы не должны считать за послѣднее слово юридической мудрости чахлые продукты доморощеннаго *законовѣдѣнія* (извѣстно, что до университетскаго Устава 1863 г. профессора обязаны были довольствоваться простымъ пересказомъ статей закона), что они могутъ говорить и писать о законахъ все, что внушаетъ имъ совѣсть и жизненный опытъ, и руководствоваться тѣмъ, что привыкли чтить у лучшихъ представителей европейской юридической мысли и публицистики.

Встрепенулись и воспрянули духомъ наши юристы, да и какъ было не воспрянуть отъ этого громкаго клича, раздававшагося по широкимъ степямъ Руси, гдѣ дотолѣ слышалось молчаніе на всѣхъ языкахъ, клича, звавшаго на общее дѣло, на работу, имѣвшую цѣлью закрѣпить въ этой странѣ только что дарованную свободу учрежденіемъ праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ суда. Не мудрено, что этотъ призывъ нашелъ

восторженный откликъ во всѣхъ юристахъ, въ которыхъ не замерло чувство правды и гуманности. Не говоря о молодыхъ юристахъ, даже самые старые служаки, давно уже отставшіе отъ всего, что было свѣжаго и новаго въ наукѣ и публицистикѣ, и они не въ силахъ были превозмочь явившуюся у нихъ, подъ вліяніемъ общаго увлеченія либерально-гуманными идеями, неудержимую потребность сказать свое слово, принести свою лепту въ это общее дѣло насажденія свободы, права и правды въ этомъ столь недавно еще царствѣ рабства, неправосудія и произвола. И вотъ, посыпались со всѣхъ концовъ Россіи, начиная отъ Петербурга и Москвы и кончая Тобольскомъ и Баку, масса замѣчаній юристовъ (до 450), напечатанныхъ впослѣдствіи въ шести большихъ томахъ.

Подъ вліяніемъ этого могучаго общественнаго воодушевленія и подъема либеральныхъ идей и стали группироваться юристы въ отдѣльные кружки въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Петербурга и Москвы и кончая Симбирскомъ и Керчью. Въ это-то благодатное время,—откуда, по прекрасному выраженію предшествовавшаго оратора, А. И. Чупрова, идетъ „все, чѣмъ красна наша жизнь“,—стала образовываться и та маленькая кучка или завязь юристовъ, изъ которой образовалось впослѣдствіи Московское Юридическое Общество.

При такомъ подъемѣ общественныхъ силъ роль отдѣльныхъ личностей бываетъ довольно скромна. Могучее теченіе, однажды возникшее, несется впередъ по инерціи и несетъ съ собою всѣхъ. Смѣна лицъ почти не имѣетъ никакого вліянія. Мы это наблюдаемъ и на исторіи нашего общества.

Съ разныхъ концовъ Москвы, изъ разнообразныхъ слоевъ общества, собирается оно въ 1862 г. около оффиціальнаго представителя юридической науки, около декана Московскаго юридическаго факультета С. И. Баршева. Рядомъ съ представителемъ крупной буржуазіи, милліонеромъ Бостанжогло, мы видимъ скромнаго студента, будущее свѣтило русской экономической науки, нашего уважаемаго почетнаго члена А. И. Чупрова, рядомъ съ профессоромъ—скромнаго практика, рядомъ съ образованнымъ юристомъ—представителя стараго крючкотворства. Это разношерстное собраніе повинуется властному духу времени, требующему установленія и распространенія въ народѣ началъ права и свободы. При такомъ массовомъ, стихійномъ движеніи и увлеченіи роль отдѣльныхъ личностей бываетъ второстепенною.

Въ самомъ дѣлѣ, смѣняется на первыхъ же порахъ, въ самый моментъ зарожденія нашего Общества, лицо руководителя: на мѣсто Баршева становится Лешковъ, и столь опасная въ такой критическій моментъ смѣна кормчаго не вызываетъ въ жизни Общества никакого болѣзненнаго потрясенія.

Я этимъ не хочу умалить личныя заслуги нашего перваго предсѣдателя и безсмѣннаго руководителя въ теченіе 20 лѣтъ дѣятельностью общества, В. Н. Лешкова, симпатичный образъ котораго доселѣ живетъ между нами. Но едва ли я оскорблю память покойнаго Лешкова, такъ много и съ пользою потрудившагося впослѣдствіи на пользу Московскаго Юридическаго Общества, если я скажу, что возникновеніемъ своимъ оно болѣе обязано либерально-гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, нежели личнымъ усиліямъ того или другого учредителя. Этотъ краснорѣчивый и неутомимый поборникъ личной свободы, началъ свободной общественной самодѣятельности и самоуправленія, этотъ горячій защитникъ права и правды, свободы слова и мысли, свободы совѣсти и ассоціацій—едва ли бы сталъ спорить противъ той мысли, что именно этимъ великимъ и необходимымъ для правильнаго развитія личности и общества началамъ и обязано своимъ происхожденіемъ наше Юридическое Общество.

И дѣйствительно, мы едва ли не вправѣ сказать, что геній свободы парилъ надъ колыбелью нашего Общества, вызваннаго къ жизни освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и послѣдовавшимъ вслѣдъ затѣмъ стремленіемъ освободить русскую жизнь и русскую мысль отъ язвъ и путь дореформеннаго строя жизни.

Вотъ какъ мы, младшее поколѣніе нашего Общества, представляемъ себѣ его возникновеніе по дошедшему до насъ преданію!

Быть можетъ, сложившееся у насъ представленіе не совсѣмъ точно, но въ существѣ своемъ едва ли оно ошибочно.

Но noblesse oblige! Такое высокое и благородное происхожденіе также ко многому обязывало и обязываетъ Московское Юридическое Общество.

Возникнувъ при расцвѣтѣ и торжествѣ идеи свободы, права и гуманности, оно обязано было служить имъ всегда съ неизмѣнною преданностію и въ особенности въ тѣ печальныя времена одичанія и шатанія мысли, когда эти идеи подвергаются осмѣянію и даже гоненію со стороны невѣждъ и обскурантовъ.

Не намъ, конечно, лицамъ, болѣе или менѣе прикосновеннымъ къ дѣятельности Юридическаго Общества, судить, насколько оно удачно выполнило свою высокую миссію въ смыслѣ положительномъ; но мы можемъ, не грѣша противъ скромности и справедливости, заявить, что оно свято блюло свои завѣты въ смыслѣ отрицательномъ. Если, быть можетъ, оно не всегда дѣлало, что могло и должно было дѣлать, то навѣрное можно сказать, что въ томъ, что оно дѣлало донынѣ, ни одинъ и притомъ самый строгій судья не найдетъ слѣдовъ измѣны его знамени и традиціямъ. Это, конечно, немного. Но въ нашъ жестокій и одичалый вѣкъ, въ наше безпринципное и „пестрое“ время и это немногое тоже имѣетъ, смѣю думать, нѣкоторую цѣну.

Дозвольте, мм. гг., высказать пожеланіе и надежду, чтобы Московское Юридическое Общество, донесшее незапятнаннымъ до конца первой четверти—и какой четверти!—вѣка своего существованія свое знамя, осталось вѣрнымъ и въ будущемъ своимъ высокимъ и благороднымъ традиціямъ и тѣмъ оказалось достойнымъ того великаго учрежденія, которое пріютило его подъ своею сѣнью въ труднѣйшее время его жизни, и подъ гостепріимнымъ кровомъ котораго чествуемъ мы сегодня нашъ скромный праздникъ. Да сохранится и въ будущемъ непрерывною эта дорогая и столь плодотворная для нашего Общества связь съ древнѣйшимъ разсадникомъ русскаго просвѣщенія—связь, которая не мало облегчала Юридическому Обществу вѣрное служеніе его славному и честному знамени права и свободы въ переживаемое смутное время, когда

Вдругъ стало неизвѣстно:
Что̀ глупо, что̀ умно, что̀ честно, что̀ безчестно [1]).

P. S. Во время Пушкинскихъ празднествъ 1899 г. предсѣдатель Московскаго Юридическаго Общества, С. А. Муромцевъ, прочелъ въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности приводимый ниже адресъ по случаю столѣтія рожденія Пушкина. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало распоряженіе мин. нар. просв. Н. П. Боголѣпова о закрытіи Юридическаго Общества. Если вѣрить „*Московскимъ Вѣдомостямъ*“, Общество пострадало за несочувствіе реакціонному направленію 80—90-хъ годовъ. Вотъ этотъ адресъ:

„Московское Юридическое Общество въ настоящій торжественный день присоединяетъ свой голосъ къ общему хору привѣтствій. Въ исторію гражданскаго развитія нашего отечества неизгладимыми чертами вписано, какъ среди общества, печально поражавшаго чуткую совѣсть великаго народнаго поэта своимъ презрѣніемъ къ мысли и равнодушіемъ ко всякому долгу, справедливости и правдѣ, звучалъ героическій гимнъ, посвященный красотѣ и человѣческому достоинству. Проникнутый съ юности мечтами о просвѣщенной свободѣ и законности, какъ лучшихъ опорахъ государственнаго порядка, не щадилъ поэтъ своихъ гигантскихъ усилій пробудить современную ему толпу отъ позорнаго сна, ударяя съ невѣдомою силою выстраданнымъ стихомъ по людскимъ сердцамъ, хотя и безъ надежды найти въ нихъ немедленный откликъ своему тяжкому сердечному стону. Но этотъ стонъ былъ стономъ почуявшей свою силу русской личности. Борьба, вынесенная Пушкинымъ, была борьбой личности за независимость и свободное развитіе. Великій поэтъ былъ могучимъ провозвѣстникомъ русскаго возрожденія. Празднуя нынѣ память поэта, мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русскою личностью надъ рутиною жизни и властной опеки“.

---

[1]) Стихотворенія Жемчужникова, I, 174.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“.

(Мартъ 1866—1891 гг.).

Въ мартѣ 1866 г. вышла *первая* книга возобновленнаго историко-политическаго журнала „*Вѣстника Европы*,“ издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ коего состоялъ и состоитъ бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета М. М. Стасюлевичъ [1]), а ближайшимъ сотрудникомъ былъ отставной профессоръ того же университета Н. И. Костомаровъ.

Большіе журналы наши не живучи, и изъ нынѣшнихъ нашихъ такъ называемыхъ „толстыхъ“ журналовъ ни одинъ [2]) не можетъ соперничать съ „*Вѣстникомъ Европы*“ относительно старшинства. Знаменитыхъ же ветерановъ: „*Современника*,“ „*Отечественныхъ Записокъ*“ давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Двадцатипятилѣтняя годовщина почтеннаго петербургскаго журнала составляетъ крупное и отрадное явленіе въ общественной жизни въ виду того выдающагося положенія, которое онъ съ самаго начала занялъ въ современной русской журналистикѣ, гдѣ онъ нынѣ занимаетъ по общему признанію исключительное, первенствующее мѣсто не только по возрасту, но также по вліянію и нравственному авторитету. Вѣрность принципамъ, живая отзывчивость на вопросы дня, всегда серьезное отношеніе къ нимъ, спокойный, исполненный достоинства тонъ, добросовѣстное и неизмѣнно приличное отношеніе даже къ самымъ недобросовѣстнымъ и нечистоплотнымъ литературнымъ противникамъ—таковы всѣмъ извѣстныя качества

---

[1]) М. М. Стасюлевичъ покинулъ въ концѣ 1861 года университетъ вслѣдствіе столкновенія съ администраціею одновременно съ профессорами К. Д. Кавелинымъ, Б. И. Утинымъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и ректоромъ П. А. Плетневымъ. См. „За много лѣтъ“ В. Спасовича, стр. 39.

[2]) Существующій съ 1859 г. „*Русскій Вѣстникъ*“ съ 1887 года послѣ смерти М. Н. Каткова издается подъ новою редакціею.

этого журнала, стяжавшія ему громкую и прочную извѣстность и сочувствіе среди весьма значительнаго круга читателей, а также общее уваженіе не только среди друзей, но и враговъ. Здѣсь не мѣсто дѣлать общій обзоръ и подводить итоги истекшей двадцатипятилѣтней плодотворной дѣятельности петербургскаго журнала: для этого пришлось бы коснуться исторіи русской общественной мысли за истекшее двадцатипятилѣтіе. Ограничимся только указаніемъ того историческаго момента и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ появилась первая книга „*Вѣстника Европы*“, и той задачи и публицистической программы, которую онъ взялся выполнить на своей исторической чредѣ.

I.

Если сравнить первую книгу за первый годъ „*Вѣстника Европы*“ съ теперешними ея книгами, то различіе окажется немалое. За той же традиціонной обложкой кирпично-краснаго цвѣта съ порталомъ-виньеткою, составленною Шарлеманомъ, мы находимъ томъ, по объему и содержанію сильно отличающійся отъ нынѣшнихъ книгъ „*Вѣстника Европы*“. Вы имѣете предъ собою большой томъ въ 40—41 листъ, выходящій, на подобіе нѣкоторыхъ англійскихъ обозрѣній, не ежемѣсячно, а по четвертямъ, т.-е. по четыремъ временамъ года, приблизительно около 9-го числа. Еще больше бросается въ глаза различіе при сравненіи содержанія книгъ. Вотъ, напр., содержаніе первой мартовской книги 1866 года: Смутное время—Н. И. Костомарова. Первая эпоха преобразованій Александра I—М. М. Богдановича. Русская колонизація въ сѣверо-западномъ краѣ—С. В. Ешевскаго. Средне-вѣковой историкъ и отношеніе его къ своему обществу—М. М. Стасюлевича. Пугачевщина—Д. Л. Мордовцева. Ломоносовъ и реформа Петра—О. Ѳ. Миллера. Новѣйшая исторія Австріи. Литературная хроника—обзоръ книгъ и статей по русской исторіи за 1865 г. Педагогическая хроника. Историческая хроника. Земское обозрѣніе—Н. Ѳ. Крузе. Экономическое обозрѣніе—М. Н. Колюпанова. Иностранное обозрѣніе. Новости исторической сцены—П. В. Анненкова и, наконецъ, Археологическая замѣтка о постановкѣ „Рогнѣды“—В. В. Стасова.

Въ томъ же духѣ были составлены и другія книги. Такимъ образомъ исключалась поэзія, беллетристика (кромѣ историческихъ романовъ), естествознаніе, и журналъ носилъ характеръ спеціально историко-политическаго и даже, скорѣе, чисто историческаго изданія.

Само собою разумѣется, такое содержаніе книги не могло быть и не было дѣломъ случая, а являлось результатомъ сознательно принятой про-

граммы. Ключемъ къ ней были двѣ даты, поставленныя на фронтиспи-сѣ обложки новаго журнала: 1802 и 1866 гг. Первая дата указывала на годъ основанія Н. М. Карамзинымъ журнала „*Вѣстника Европы*“, вторая—на годъ возрожденія его. Этими двумя числами обозначались нѣкоторымъ образомъ характеръ, направленіе и маршрутъ журнала. „Прежде всего мы желали бы,—заявляла редакція,—самымъ выборомъ такого названія почтить память нашего достойнѣйшаго историка въ тотъ годъ, когда время открытія новаго историческаго журнала совпадаетъ съ первымъ столѣтнимъ юбилеемъ его рожденія. Такимъ образомъ, возобновляемый нынѣ „*Вѣстникъ Европы*“ вступитъ въ тридцатый [1]) годъ своего существованія, но будетъ дѣйствовать по своей программѣ, которая хотя и отступаетъ отъ первоначальной его задачи, какъ журнала, главнымъ образомъ, политическаго, но зато, можетъ быть, ближе подойдетъ къ настоящему значенію самого своего основателя, который, оказавъ сначала Россіи услугу, какъ публицистъ, пріобрѣлъ потомъ безсмертіе, какъ историкъ. Н. М. Карамзинъ перешелъ скоро отъ политики къ исторической наукѣ; пусть же послѣдуетъ теперь за своимъ основателемъ въ ту же область и самый его журналъ, посвящаемый нынѣ *историкополитическимъ* наукамъ, какъ *главной* основѣ всякой политики [2]).

Но ошибочно было бы думать, что журналъ, становившійся подъ знамя Карамзина и принимавшій названіе его журнала: „*Вѣстникъ Европы*“, понималъ слѣдованіе исторіи въ смыслѣ *рабскаго* преклоненія предъ авторитетомъ старины или самого Карамзина въ смыслѣ слѣпого почитанія старинныхъ формъ общежитія. Какъ бы желая съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности устранить всякій поводъ къ недоразумѣнію, редакція вслѣдъ за вступительною редакціонною замѣткою помѣстила въ видѣ дополненія къ ней письмо извѣстнаго друга Пушкина, П. А. Плетнева, незадолго передъ тѣмъ оставившаго одновременно съ г. Стасюлевичемъ и другими профессорами петербургскій университетъ, гдѣ онъ былъ въ теченіе 20 лѣтъ ректоромъ. Въ письмѣ отъ 23-го декабря 1865 г. [3]) въ отвѣтъ на приглашенія о сотрудничествѣ Плетневъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Прочь авторитеты, повторялъ нѣсколько разъ въ статьяхъ своихъ одинъ писатель, принимавшійся, подобно вамъ, за изданіе новаго журнала. Авторитетъ представлялся ему въ видѣ обиднаго для всѣхъ кумира, поставленнаго на подножіе, съ котораго пришло время сбросить его... Вы думаете иначе... Итакъ, не всѣ и не всегда смотрѣли враждебно на

---

[1]) Съ 1803 по 1830 г. „*Вѣстн. Европы*“ выходилъ подъ редакціею Жуковскаго и Коченовскаго.

[2]) Стр. VI, т. I. „*Вѣстн. Европы*“ 1866.

[3]) Плетневъ умеръ въ Парижѣ 29-го декабря того же года.

авторитеты, которыхъ *отличительный* характеръ состоитъ именно въ томъ, что они, не измѣняя внутренняго своего достоинства, оставляютъ каждому *свободный путь труда...* Не ихъ вина, если писатель иногда рабски тянется въ каждой чертѣ по чужимъ слѣдамъ, не чувствуя, что онъ не только не возсоздаетъ ничего творческаго, но и разрушаетъ его въ основаніи. Авторитетъ, какого бы онъ ни былъ времени, въ отношеніи къ намъ то же, что природа. Онъ животворитъ насъ и вдохновляетъ, не связывая нашихъ силъ и не налагая на насъ обязанности бездушнаго повторенія".

Указавъ затѣмъ на громадныя заслуги Карамзина въ литературѣ и наукѣ, Плетневъ замѣчаетъ, что тѣмъ не менѣе нельзя за нимъ слѣдовать рабски, что необходимо полное обновленіе. „Жизнь и мысль народа, говоритъ онъ, не могутъ остановиться. Какъ самое время, онѣ безпрерывно мчатся впередъ. Окружаемые при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ *властительству новыхъ силъ...* Пути направленія мыслей развѣтвляются и расширяются. Источники новыхъ изслѣдованій и воззрѣній безостановочно открываются и заставляютъ перерабатывать часто вѣковыя идеи". Плетневъ одобрялъ вполнѣ намѣреніе редакціи обрабатывать каждый отдѣлъ не иначе, какъ „по требованіямъ господствующаго направленія".

Отношеніе свое къ современному, при появленіи первой книжки *„Вѣстника Европы"*, направленію журналъ опредѣляетъ такъ: „отношеніе нашего журнала къ духу современной образованности опредѣляется легко само собою господствующимъ нынѣ направленіемъ. Мы являемся предъ публикою, оставляя позади себя мало выгодное время вообще для всѣхъ *гуманныхъ* наукъ: естествознаніе какъ вслѣдствіе внутренняго достоинства своего точнаго и наблюдательнаго метода, такъ и вслѣдствіе крайней слабости у насъ гуманнаго образованія, заняло *первое* мѣсто въ ходѣ нашего умственнаго просвѣщенія. Никто болѣе насъ не радовался бы этому, отдавая всю справедливость просвѣтительному значенію естествознанія, если бы мы не сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что у насъ въ той же мѣрѣ *ослабло* изученіе явленій нашего духа, каковы *философія, филологія, исторія*, между тѣмъ такое изученіе должно было бы сдѣлаться *еще болѣе настоятельнымъ*, именно *вслѣдствіе успѣха* естественныхъ наукъ. Послѣднія могутъ оставаться безцѣльными, если продолжая постоянно стремиться изъ себя во внѣшній міръ, мы никогда не захотимъ вернуться отъ внѣшней природы къ самимъ себѣ, чтобы сдѣлать новый шагъ въ самосознаніи и подвести общіе итоги своимъ опытнымъ свѣдѣніямъ. Въ этомъ отношеніи историческая наука способна оказывать намъ большую услугу".

Являясь органомъ научной разработки историко-политическитъ наукъ, новый журналъ долженъ былъ точно указать свое отношеніе къ обще-

человѣческой исторіи и культурѣ, что должно было служить дальнѣйшимъ разъясненіемъ его программы и публицистическаго направленія. „Мы не подраздѣляемъ,—заявляла редакція,—въ своемъ журналѣ каждаго отдѣла на рубрики по предметамъ отечественной и всеобщей исторіи уже и потому, что у насъ всеобщая исторія займетъ мѣсто, главнымъ образомъ, настолько, насколько она, такъ сказать, является сама *второю* отечественною исторіей или, какъ выразился Жанъ-Батистъ-Вико, говоря, что всеобщая исторія называется *всеобщею* потому, что она предполагаетъ во всѣхъ народахъ *общую* человѣческую природу. Нѣтъ такого великаго народа, который не считалъ бы человѣчество своею второю родиною; и чѣмъ выше предназначеніе какого-нибудь общества, тѣмъ родство его съ человѣчествомъ ближе и живѣе. *Никто* не имѣлъ притязанія считать, напримѣръ, *христіанство* явленіемъ, принадлежащимъ исключительно одному какому-нибудь изъ великихъ современныхъ народовъ; то, что называется *классическою* стороною въ настоящей европейской образованности, также не есть исключительная принадлежность какой-нибудь новѣйшей европейской національности; феодализмъ, монархія, парламентаризмъ вытекаютъ скорѣе изъ общей всѣмъ народамъ природы, нежели изъ духа римскихъ учрежденій и древней германской образованности; ибо вліянію тѣхъ идей подчиняются не однѣ германскія и романскія, но и вообще всѣ народности“.

II.

Предпринимая широкую всестороннюю разработку историко-политическихъ наукъ, „*Вѣстникъ Европы*“ съ самаго начала удѣляетъ серьезное вниманіе вопросамъ, „которые связываютъ науку и жизнь, вытекая изъ первой и сильно воздѣйствуя на послѣднюю“, т.-е. вопросамъ народнаго образованія и общественнаго воспитанія. Съ этою цѣлью журналъ заводитъ особую „педагогическую хронику“, въ которой трактуются какъ вообще педагогическіе вопросы, такъ и въ частности вопросъ о преподаваніи исторіи. Свою основную profession de foi журналъ выражаетъ въ первой же книгѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ: „въ прошедшемъ сдѣлано все или почти все, что можно было совершить въ области народнаго просвѣщенія правительственнымъ путемъ; то, что оставалось бы осуществить въ нашей исторіи, можетъ быть сдѣлано общественными силами, а эти силы слабы безъ извѣстнаго капитала знанія и образованности; въ основѣ народнаго образованія должны лежать *народныя школы*“.

Журналъ, написавшій на своемъ знамени разработку гуманитарныхъ наукъ, въ видахъ устраненія односторонняго увлеченія естественными

науками, ео ipso не могъ не обратить серьезнаго вниманія на обострившійся въ то время (1866 г.) вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ. Тщательная и добросовѣстная разработка этого вопроса, продолжавшаяся почти безъ перерыва въ теченіе 25-ти лѣтъ, составляетъ едва ли не одну изъ главнѣйшихъ заслугъ этого почтеннаго журнала предъ русскимъ просвѣщеніемъ. Вопреки увѣреніямъ защитниковъ нашего современнаго грамматическаго псевдо-классицизма, „*Вѣстникъ Европы*“ не былъ *никогда* противникомъ классицизма въ истинномъ его смыслѣ. Такое положеніе, a priori несовмѣстимое съ рельефно выставленною задачею новаго журнала противодѣйствовать одностороннему увлеченію естествознаніемъ, опровергается a posteriori всею дѣятельностью журнала. „*Вѣстникъ Европы*“ ратовалъ и ратуетъ „противъ мертвой школы“ схоластическаго классицизма, а не противъ самого гуманитарнаго классицизма. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно взять *послѣднюю* [1]) книгу за 1891 г., и въ ней мы увидимъ, что „*Вѣстникъ Европы*“ ратуетъ не противъ классицизма вообще, а противъ неудачной постановки его у насъ, нынѣ болѣе или менѣе всѣми признаваемой. Не лишено назидательности, что точно такую же точку зрѣнія защищалъ журналъ въ *первой* своей книгѣ, вышедшей 25 лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1866 г., и возражавшей противъ крайности какъ классицизма, такъ и реализма. Въ первой же педагогической хроникѣ проводится та мысль, что не въ классицизмѣ или естественныхъ наукахъ главная воспитательная сила, а *въ разумной постановкѣ* преподаванія. Журналъ возстаетъ не противъ насажденія у насъ классицизма, а противъ привитія его искусственными мѣрами и монополизаціи въ его пользу всего средняго образованія, а также противъ „мистическаго увлеченія латинскою грамматикою“. Журналъ съ горечью констатировалъ еще въ 1866 г. патологическое явленіе, ставшее нынѣ очевиднымъ для всѣхъ: „у насъ учатъ латинскому языку, а классическаго образованія въ обществѣ нѣтъ“.

Въ этой же хроникѣ не лишне отмѣтить, какъ далекъ былъ съ самаго основанія „*Вѣстникъ Европы*“ отъ слѣпого преклоненія предъ Западомъ. Говоря о преподаваніи исторіи, журналъ замѣчаетъ, что недостаточно ссылаться на авторитетъ западныхъ школъ: при подражаніи имъ слѣдуетъ переносить къ намъ не формы, выработанныя тамъ подъ вліяніемъ того или другого теченія общественнаго ума, но внутренній ихъ смыслъ, который долженъ у насъ пріискать *свои* формы и отвѣтить на *наши живыя* потребности.

Весьма своеобразно и здраво опредѣлялъ журналъ свое отношеніе къ текущимъ событіямъ и злобамъ дня. Заведя для нихъ „историческую

---

[1]) „*Вѣстникъ Европы*“, 1891 г., № 3, стр. 417—422.

хронику", „*Вѣстникъ Европы*" исходилъ изъ этой мысли, что современная историческая жизнь представляетъ много случаевъ для научныхъ наблюденій надъ живыми обществами и служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ для провѣрки тѣхъ общеисторическихъ законовъ, которые выводятся изъ опытовъ надъ отжившими обществами и народами. Подобно тому, какъ въ прошедшей исторіи журналъ предполагалъ останавливаться не на одной политической исторіи, не на однихъ внѣшнихъ событіяхъ и оффиціальной сторонѣ жизни, такъ и въ событіяхъ текущей жизни онъ имѣлъ въ виду слѣдить за внутреннею жизнью общества, за тѣми идеями и теченіями, которыя циркулируютъ въ обществѣ и вліяютъ на практику жизни.

Въ исторической хроникѣ первое мѣсто отвелъ „*Вѣстникъ Европы*" „земскому обозрѣнію". „Стоя посрединѣ между прошедшимъ и будущимъ нашей исторіи,—говоритъ обозрѣніе,—это учрежденіе весьма естественно не могло явиться безъ того, чтобы, съ одной стороны, не понести на себѣ слѣдовъ прежняго порядка вещей, который произвелъ земство, какъ бы вслѣдствіе сознанія своей несостоятельности и, такъ сказать, вслѣдствіе отрицанія самого себя; съ другой стороны, будущее возложило свои надежды на то же земство и желало въ немъ видѣть, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, возможность своего существованія. Хотя нововведеніе было вызвано неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи народнымъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе устройство нововведенія пришлось по необходимости поручить тому же канцелярскому порядку и руками, *признанными за неискусныя*, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить. А потому Полож. о земск. учрежд., составленное канцелярскимъ порядкомъ, могло понести на себѣ извѣстныя предвзятыя формы, безъ близкаго отношенія къ жизни, мало извѣстной бюрократизму".

Послѣ появленія первой книги „*Вѣстника Европы*" выражено было въ печати недоумѣніе по поводу того, что „*Вѣстникъ Европы*" не счелъ нужнымъ точнѣе обозначить свое „направленіе", примкнуть всецѣло къ тому или другому изъ существовавшихъ литературныхъ лагерей. Но, заканчивая свой первый годъ, журналъ продолжалъ настаивать, что его главная задача—оживленіе въ публикѣ интереса къ историко-политическимъ наукамъ, сильно ослабѣвшаго въ послѣднее время, что рядомъ съ изученіемъ природы должно итти изученіе человѣческаго духа во всѣхъ его направленіяхъ. „Идя на всѣхъ парахъ впередъ, — сказано въ редакціонной замѣткѣ,—отыскивая новыя формы для новыхъ идей, мы должны особенно часто оглядываться на пройденный нами путь, справляться съ исторіей прошедшаго. Но и при этомъ не должно забывать превосходныхъ

словъ нашего историка Н. М. Карамзина въ письмѣ къ Тургеневу: „жить есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше *мыслить, чувствовать и дѣйствовать*“ [1]).

III.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ—болѣе или менѣе спеціальнаго научно-историческаго изданія—„*Вѣстникъ Европы*“ выходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ 1866—1867 гг. Съ 1868 г. онъ, оставаясь „преимущественно“ историческимъ журналомъ, принялъ тотъ видъ и характеръ нашихъ большихъ литературно-политическихъ журналовъ, который онъ сохраняетъ доселѣ. 1-го января 1868 г. вышла первая книга журнала въ преобразованномъ видѣ, и съ тѣхъ поръ каждое первое число, за исключеніемъ случаевъ, оправдываемыхъ force majeur, «непреодолимою силою [2]), въ Петербургѣ появляются книги „*Вѣстника Европы*“ съ необычною у насъ пунктуальностью. Первое чисто беллетристическое произведеніе, появившееся въ журналѣ, былъ разсказъ Тургенева „Бригадиръ“, напечатанный на первомъ мѣстѣ январьской книги за 1868 г.

Являясь въ преобразованномъ видѣ предъ большою, неспеціальною публикою, „*Вѣстникъ Европы*“ долженъ былъ volens nolens завести рѣчь о „направленіи“ журнала, хотя она, очевидно, была не по душѣ редакціи его, не сочувствовавшей вообще широковѣщательнымъ, голословнымъ заявленіямъ, часто не оправдываемымъ на дѣлѣ. „Наше общество,—сказано въ редакціонномъ заявленіи 1868 г.,—прожило эпоху журнальныхъ „направленій“, когда всѣ, какъ верстовые столбы, занимались указаніемъ пути и, какъ верстовые столбы, всѣ оставались на мѣстѣ, если только не двигались назадъ. Мы не существовали въ ту эпоху и могли потому вмѣстѣ съ другими только читать различныя направленія: направо, налѣво, назадъ, впередъ. Наступила эпоха недовѣрія къ направленіямъ; читатели стали догадываться, что „направленіе“ въ журналахъ есть только *фраза*... Кончилось тѣмъ, что журналы потеряли свое значеніе, хотя и сохранили прежнія имена“...

„Между тѣмъ,—говоритъ далѣе редакція,—жизнь нашла себѣ другой исходъ, *другія школы*, и въ числѣ такихъ школъ явились *публичные суды*. Тамъ общество начало читать новые безыскусственные романы; предъ его

---

[1]) „*Вѣстникъ Европы*“, 1866, № 1.

[2]) „*Вѣстнику Европы*“ даны были предостереженія три раза: первое въ 1871 г., второе—въ 1873 г. и затѣмъ еще разъ первое въ 1889 г. Журналъ запаздывалъ выходомъ, по цензурнымъ условіямъ, нѣсколько разъ.

глазами развивалась драма и высокая комедія, написанная самою жизнью, и общество не ограничивалось при этомъ ролью зрителя: его призвали къ строгой критикѣ, въ основѣ которой должна лежать совѣсть, а надъ всѣмъ этимъ раздался голосъ судьи, который всѣмъ указывалъ одно направленіе и требовалъ: *правды, одной правды.* Возникла у насъ въ это послѣднее время и другая общественная школа, это—*земскія учрежденія*: они заставили насъ своими руками коснуться самихъ вещей, принять на себя отвѣтственность за ихъ цѣлость и выслушать другое требованіе: *дѣла, одного дѣла!* Новое требованіе отъ насъ „правды“ можетъ быть удовлетворено развитіемъ общественной совѣсти, а для дѣла нужно обогащеніе и воспитаніе мысли“. Въ стремленіи стать орудіемъ къ тому и другому „*Вѣстникъ Европы*“ просилъ видѣть его направленіе, считая излишнимъ ставить какое-нибудь „прилагательное“ къ направленію. „Наше направленіе,—говоритъ въ заключеніе журналъ—*есть трудъ, дѣло, знаніе;* наше направленіе и до сихъ поръ можно было признавать настолько, насколько мы обнаруживали труда, знанія, и потому мы адресуемъ отыскивающихъ наше направленіе къ оглавленію журнала за годъ“.

Такимъ образомъ, „*Вѣстникъ Европы*“ возражалъ не противъ необходимости имѣть опредѣленное „направленіе“ вообще, безъ котораго не можетъ обойтись ни одно сколько-нибудь сознательно ведомое политико-литературное изданіе, а только противъ „направленій“, выражаемыхъ однѣми общими фразами, могущими покрыть и не разъ прикрывавшими несоотвѣтственное имъ содержаніе. Хотя въ такомъ строго выдержанномъ, въ смыслѣ направленія, журналѣ, какъ „*Вѣстникъ Европы*“, всѣ статьи его болѣе или менѣе служатъ выраженіемъ направленія его, но главнымъ источникомъ для распознанія направленія редакціи, какъ извѣстно, служатъ ежемѣсячныя обозрѣнія. Съ январьской книги 1868 г. стала появляться ежемѣсячно рубрика „внутренняя политика“, замѣненная съ октября того же года названіемъ „внутреннее обозрѣніе“, въ которомъ читатели „*Вѣстника Европы*“ привыкли видѣть самую обстоятельную разработку текущихъ вопросовъ внутренней политики. Съ марта 1882 г. въ дополненіе къ нему стала появляться завѣдываемая знаменитымъ публицистомъ К. К. Арсеньевымъ новая рубрика: „изъ общественной хроники“, посвященная обзору наиболѣе животрепещущихъ событій дня. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы вмѣстѣ съ литературно-критическимъ отдѣломъ, завѣдываемымъ доблестнымъ ветераномъ русской журналистики А. Н. Пыпинымъ, настолько ясно обозначали предъ обществомъ литературную физіономію журнала, что ему теперь нѣтъ болѣе надобности отсылать для ознакомленія съ направленіемъ къ оглавленію журнала за годъ или даже за двадцатипятилѣтіе.

Если ознакомленіе съ только что вышедшимъ объемистымъ каталогомъ

„Вѣстника Европы“ за 25 лѣтъ въ полтораста слишкомъ страницъ поучительно, то не столько для ознакомленія съ направленіемъ журнала, и безъ того теперь для всѣхъ яснымъ, сколько для констатированія той массы труда и энергіи, съ которою журналъ стремился проводить, несмотря на всякаго рода неблагопріятныя обстоятельства, свою программу „дѣла“ и „правды“, программу преобразовательной эпохи; для констатированія той выдержки и настойчивости, съ которою онъ отстаивалъ и отстаиваетъ дѣло русскаго просвѣщенія отъ разновидныхъ враговъ его, начиная съ перваго года своего появленія и до нашихъ дней, можно сказать, до самой послѣдней мартовской книги, гдѣ журналу приходится „съ горечью и со стыдомъ выступить на защиту азбучныхъ истинъ“, на защиту общечеловѣческаго образованія въ виду навалившагося нынѣ съ разныхъ сторонъ обскурантизма). Сличая содержаніе первой мартовской книги *„Вѣстника Европы“* за первый годъ съ мартовской же книгою, вышедшею черезъ 25 лѣтъ, нельзя не замѣтить, что въ послѣдней приходится, къ сожалѣнію, журналу *повторять* почти тѣ же азбучныя истины науки и общежитія, которыя указаны въ первой. Укажемъ хотя бы на предостереженіе, высказанное журналомъ еще въ 1866 году, отъ „мертвой школы“ классицизма. То же самое можно бы отмѣтить и по вопросу о необходимости размноженія народныхъ школъ всякаго рода [2]) и по многимъ другимъ, столь же элементарнымъ вопросамъ. Изъ этого, конечно, нельзя дѣлать вывода, что истекшее двадцатипятилѣтіе прошло даромъ для русскаго самосознанія и усилія почтеннаго журнала были безплодны, а только тотъ, что еще много и много остается сдѣлать для очищенія и просвѣтленія общественнаго сознанія.

Въ заключеніе настоящей справки нельзя не указать еще на одну сторону двадцатипятилѣтней безукоризненной публицистической дѣятельности *„Вѣстника Европы“*, составляющую не послѣднюю изъ его заслугъ предъ русской литературою и обществомъ: это—безусловная *порядочность* и рѣдкая *терпимость*, которымъ, по общему признанію, ни разу не измѣнилъ этотъ журналъ за все время своего существованія, несмотря на все озлобленіе и неразборчивость въ средствахъ борьбы, отличавшія его литературныхъ противниковъ, несмотря даже на то, что „безграмотная наглость и зазорное корыстолюбіе въ журналистикѣ“, на которыя жаловался въ 1830 году уходившій редакторъ *„Вѣстника Европы“* Каченовскій, далеко не исчезли и послѣ возобновленія этого журнала въ 1866 году.

---

[1]) См. статью В. С. Соловьева „Идолы и идеалы“, *„Вѣстникъ Европы“*, 1891 г., № 3, ст. 367.

[2]) См. мартов. книгу *„В. Е.“* за 1866 годъ, стр. I, и мартов. книгу *В. Е.* за 1891, стр. 408.

Въ основѣ своей литературной критики и полемики, получившей, въ особенности въ послѣдніе годы, такіе крупные размѣры и значеніе, „*Вѣстникъ Европы*“ въ первой же книгѣ поставилъ себѣ такой принципъ: „не слѣдуетъ забывать правила, что съ книгами нельзя обращаться хуже, чѣмъ мы привыкли и условились обращаться съ людьми въ нашихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ и встрѣчахъ въ обществѣ“. Когда по выходѣ первой книги одинъ изъ журналовъ указалъ въ своемъ привѣтствіи на то, что „*Вѣстникъ Европы*“, подобно Карамзину, послужитъ „самостоятельно, благоразумно и благородно“ русской наукѣ и литературѣ, „*Вѣстникъ Европы*“ отвѣчалъ слѣдующими скромными словами: „Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права дѣлать какое-нибудь *исключительное* притязаніе на разумное и благородное служеніе русской наукѣ и литературѣ и на самостоятельность, какъ на качества, которыми мы желали бы *отличиться* отъ прочихъ органовъ печати; все это составляетъ, по нашему убѣжденію, общее достояніе *всѣхъ* журналовъ; всѣ имѣютъ право дѣлать на то притязанія; едва ли найдется такой органъ печати, который, по крайней мѣрѣ, самъ не былъ бы убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ честно“ [1]).

---

[1]) 16-го ноября 1897 г. въ Петербургѣ происходило чествованіе 50-лѣтія литературно-научной и общественной дѣятельности М. М. Стасюлевича, завѣдывающаго петербургскими городскими училищами. Привѣтствія приносились въ сооруженномъ по мысли М. М. зданіи училищнаго дома, гдѣ помѣщаются нѣсколько училищъ. Отклоняя съ обычною своею скромностью размѣры своихъ заслугъ, М. М. между прочимъ въ отвѣтной рѣчи сказалъ:

„Между тѣмъ, эта аксіома „нѣтъ дѣйствія безъ причины“ есть причина и этому празднику, и она такова, что нельзя не радоваться ея существованію. Такою причиною служитъ вовсе не моя личность; эта причина находится въ эту минуту въ средѣ самого собранія, которое я вижу предъ собою. Но, конечно, при этомъ и на мою долю выпало немалое счастье, которымъ, впрочемъ, могутъ свободно пользоваться всѣ, кто родился вмѣстѣ со мною въ самомъ концѣ первой четверти нынѣ истекающаго вѣка. И я съ ними также дожилъ, наконецъ, до такихъ дней, когда *народное просвѣщеніе*, этотъ единственно солидный устой *образованности* въ каждой странѣ, дождался своей очереди и даже, какъ будто, тѣснится на ближайшую очередь, находясь у всѣхъ не только на языкѣ, но у весьма многихъ и на умѣ; въ эту же минуту и въ нашемъ собраніи подъ кровомъ народнаго училища я увѣренъ, что народное просвѣщеніе составляетъ даже преобладающую надъ всѣмъ мысль. Намъ скажутъ, однако, что наше русское *образованное* общество ни въ чемъ не уступитъ любому образованному обществу въ какой бы то ни было странѣ; мы давно имѣемъ въ средѣ этого общества отдѣльныя личности, которыя стоятъ—въ литературѣ, наукѣ, художествѣ—наряду съ лучшими ихъ представителями на Западѣ; въ послѣднее время нашихъ писателей начали переводить на иностранные языки; пожалуй, Льва Толстого читаютъ за границей если не болѣе, то и не менѣе, чѣмъ въ его отечествѣ; по выраженію же одного изъ поэтовъ прошедшаго столѣтія, мы имѣли уже тогда „собственныхъ Ньютоновъ“. Но этимъ кончается сходство и равенство нашей

Часто ли можно встрѣтить и въ болѣе развитой европейской публицистикѣ такое безпристрастное, истинно джентльменское отношеніе къ своимъ собратіямъ по перу? Насколько оно было заслужено и оправдано противниками „*Вѣстника Европы*“, особенно, когда,

Какъ власть имѣющій, возникъ
Изъ насъ газетный временщикъ,
Литературный Аракчеевъ,

это другой вопросъ.

образованности съ западно-европейскою, и тутъ же начинается громадная разница. Въ то время. когда на Западѣ образованность является опирающеюся на широкомъ базисѣ народнаго просвѣщенія, у насъ она представляетъ, такъ сказать, базисъ въ обширной пустынѣ народнаго невѣжества,—свѣтлое, даже яркое пятно на темномъ его фонѣ... Для измѣренія матеріальнаго, физическаго благосостоянія и благоустройства избираютъ обыкновенно мѣриломъ per mille смертности въ городѣ или въ цѣлой странѣ и говорятъ, что тамъ, гдѣ она превышаетъ 30 на 1,000 per mille, тамъ и для здоровыхъ субъектовъ жизнь дѣлается не безопасною, и, наоборотъ, гдѣ смертность падаетъ ниже 20, тамъ и слабое здоровье найдетъ себѣ подкрѣпленіе, не говоря уже о здоровыхъ организмахъ. То же самое можно сказать и о просвѣщеніи: тамъ, гдѣ % безграмотности особенно высокъ, умственная смерть рано поражаетъ людей, и имъ остается жить только для того, чтобы дождаться наконецъ и физической смерти. А мы едва возвышаемся,—не по образованности, а по народному просвѣщенію,—надъ странами, которыя мы сами же считаемъ малокультурными. Просвѣщеніе можетъ справедливо называться народнымъ только тамъ, гдѣ оно не ограничивается тѣмъ, что заимствуетъ у народа свой эпитетъ, но гдѣ весь народъ дѣлается его участникомъ и пользуется благами просвѣщенія нераздѣльно, какъ всѣ мы нераздѣльно пользуемся такими благами, какъ воздухъ и свѣтъ. Мнѣ думается, что такія мысли начинаютъ въ наше время раздѣляться многими и многими; особенно онѣ должны пріобрѣсти интенсивность въ такомъ собраніи, каково настоящее; и вотъ эти мысли искали себѣ исхода, простого повода, чтобы высказаться, а потому для меня теперь сдѣлалось совершенно понятнымъ, что даже и я могъ послужить такимъ поводомъ къ настоящему празднику. Конечно, для меня лично представляетъ много лестнаго уже и то, что случайное событіе въ моей жизни могло послужить поводомъ къ выраженію любви, воодушевляющей такое высокообразованное собраніе, какъ настоящее, къ народному просвѣщенію... Въ такомъ, однако, дѣлѣ и при его настоящемъ положеніи недостаточно даже и любви, необходима страсть къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Я вовсе не опасаюсь, что и эта страсть, какъ и всѣ страсти, можетъ оказаться скоропреходящею, лишь бы надъ нами исполнился завѣтъ одного изъ великихъ германскихъ поэтовъ: „Die Leidenschaft flieht,—die Liebe muss bleiben“! (*„Вѣстн. Евр.“ 1897, № 12*).

X.

ДѢЯТЕЛИ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭПОХИ.

Подумать—страхъ беретъ, что нынѣ меньшинство,
Покуда вѣрное гражданственнымъ началамъ,
Ужъ представляется явленьемъ запоздалымъ.
Таковъ переворотъ. Чѣмъ объяснимъ его?
Что возбуждаетъ въ насъ враждебность и сомнѣнье
Иль барщина честнѣй свободнаго труда?
Иль мракъ невѣжества полезнѣй просвѣщенья?
Безсудье-ль правильнѣй суда?..
Та проповѣдь средь насъ опасностей полна,
Что будто бы они [1]) съ порядкомъ несовмѣстны;
Порядка вѣрный стражъ—тотъ въ наши времена,
Кто ихъ послѣдователь честный,

А. Жемчужниковъ.

И до конца я вѣры не утрачу,
Что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ.
Пускай я здѣсь, какъ въ морѣ капля, значу,
Но каждый честный бой оставитъ долженъ слѣдъ.

А. Плещеевъ.

---

[1]) „Святыя начала“, т.-е. принципы преобразовательной эпохи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Корифей судебной реформы С. И. Зарудный [1]).

† 18 декабря 1887 г.

Когда они, безъ воли и безъ силъ,
Не будутъ твоему внимать глаголу,
Съ высотъ своихъ ты властно имъ кричи!
Окованныхъ неелъжествомъ и страхомъ
Заставь ты ихъ разстаться съ тьмой и прахомъ
И смѣлому полету науки!

Жемчужниковъ.

Первый отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ по праву вручается С. И. Зарудному, какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ.

Изъ резол. госуд. секр. В. П. Буткова.

Къ 30-тилѣтію Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. умѣстно будетъ напомнить въ общихъ чертахъ [2]) о плодотворной дѣятельности одного изъ самыхъ видныхъ и типичныхъ представителей блестящей плеяды гуманно-либеральныхъ богатырей эпохи великихъ реформъ 60-хъ годовъ, Сергѣя Ивановича Заруднаго, принимавшаго, по должности статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, дѣятельное и сердечное участіе во всѣхъ великихъ реформахъ вообще, въ особенности же въ судебной, ко-

---

[1]) Въ настоящій обзоръ внесены только нѣкоторые изъ дѣятелей преобразовательной эпохи, скончавшихся въ 90-хъ годахъ. Исключеніе сдѣлано только для Буцковскаго и Н. Милютина.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ книгѣ моей: „С. И. Зарудный и судебная реформа". М. 1888 г.

торой онъ былъ самымъ убѣжденнымъ руководителемъ, пламеннымъ вдохновителемъ и неутомимымъ труженикомъ, словомъ, истиннымъ ея корифеемъ.

Зарудный родился 17 го марта 1821 г. Онъ происходилъ изъ стараго украинскаго обѣднѣвшаго дворянскаго рода, представители коего, не чуждые французской литературѣ и эстетическимъ интересамъ, платили дань раціонализму и вольнодумству XVIII вѣка. Дѣду Заруднаго, Андрею Елисеевичу, принадлежала значительная часть Харьковской губерніи; отецъ же его, Иванъ Андреевичъ, унаслѣдовалъ немного и былъ стѣсненъ въ средствахъ. Владѣя небольшимъ имѣніемъ въ Купянскомъ уѣздѣ, И. А. тѣмъ не менѣе довольно усердно платилъ дань двумъ наслѣдственнымъ страстямъ: любви къ книгамъ и цвѣтоводству. Со стороны матери С. И. Зарудный происходилъ отъ харьковскаго же дворянина Михаила Матвѣевича Куликова, извѣстнаго своими чудачествами.

Съ дѣтства Зарудный обращалъ на себя вниманіе своими недюжинными способностями. особенно къ математикѣ, трудолюбіемъ, аккуратностью, твердостью характера, серьезностью и любознательностью. Въ отличіе отъ своихъ предковъ, для которыхъ излюбленная карьера была военная служба въ гвардіи и арміи, Зарудный, влекомый врожденною любознательностью, пожелалъ сдѣлаться морякомъ. Случайное обстоятельство (ошибка въ метрическомъ свидѣтельствѣ) помѣшало ему, къ счастью, поступить въ морской корпусъ, что, навѣрное, отклонило бы его въ сторону отъ той дѣятельности, которая принесла столько пользы Россіи и прославила его имя. Зарудный сталъ готовиться къ ученой карьерѣ математика. Съ 14-ти лѣтъ предоставленный самому себѣ, живя въ чужомъ городѣ, въ Харьковѣ, Зарудный безъ учителей сталъ готовиться къ университету, претерпѣвая порою сильную матеріальную нужду, которая не покидала его и въ университетѣ.

Въ 1842 г. онъ окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата математики. Во время прохожденія университетскаго курса, живой, пылкій, впечатлительный хохолъ, не зарываясь по уши въ свою спеціальность, живо интересовался современною русскою литературою, въ которой въ это время, въ концѣ 30-хъ годовъ, уже расправлялъ свои крылья мощный властитель думъ людей 40-хъ годовъ, великій дѣятель русскаго просвѣщенія и общественнаго развитія В. Г. Бѣлинскій. Благодаря знанію нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ (французскаго, англійскаго, нѣмецкаго, итальянскаго), Зарудный близко ознакомился и съ иностранными литературами и немало увлекался господствовавшими въ то время романтизмомъ и идеализмомъ, изъ коихъ послѣдній на всю жизнь оставилъ въ немъ глубокій слѣдъ.

Въ 1842 же г. Зарудный пріѣхалъ въ Петербургъ, намѣреваясь поступить

на штатную должность астронома въ Пулковскую обсерваторію, но судьба распорядилась иначе, и этотъ звѣздочетъ in spe вдругъ неожиданно очутился вмѣсто обсерваціонной башни въ потемкахъ петербургскихъ канцелярій, подъ начальствомъ самаго мрачнаго и черствaго представителя старой бюрократической системы, министра юстиціи гр. В. Н. Панина. 24-го апрѣля 1843 г. Зарудный былъ назначенъ старшимъ помощникомъ столоначальника, и дальнѣйшая судьба его была рѣшена: онъ сдѣлался департаментскимъ чиновникомъ. Но живая, талантливая натура, не остывающій интересъ къ наукѣ и къ литературѣ,—гдѣ съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ уже слышалась, преодолѣвая всѣ тиски цензурные, мочучая проповѣдь человѣчности и состраданія къ меньшей братіи,—предохранили Заруднаго отъ опасности сдѣлаться сухимъ и узкимъ бюрократомъ, а счастливая случайность поставила его сразу въ условія, крайне благопріятныя для подготовки его къ будущей важной роли въ проведеніи судебной реформы.

По какой-то дѣйствительно рѣдкой и любопытный игрѣ случая, первая бумага, которая была составлена и подписана С. И., былъ циркуляръ министра юстиціи о собираніи данныхъ для преобразованія гражданскаго процесса. Начальникъ II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи, гр. Блудовъ, задумавъ это дѣло, просилъ гр. Панина собрать отзывы предсѣдателей и прокуроровъ судовъ о недостаткахъ дѣйствующихъ гражданскихъ процессуальныхъ законовъ. Скрѣпа этого циркуляра была первою точкою соприкосновенія Заруднаго съ этимъ первымъ зародышемъ судебной реформы, дальнѣйшее участіе въ которой составило главный подвигъ его жизни и съ которою онъ болѣе не разлучался въ теченіе 26 лѣтъ вплоть до конца 1868 г., когда онъ былъ насильно отторгнутъ, благодаря происканъ реакціи и къ общему сожалѣнію всѣхъ друзей новаго суда.

II.

Понемногу стали поступать отвѣты отъ судебныхъ дѣятелей на помянутый циркуляръ министра юстиціи. Тогда какъ ближайшее и высшее начальство Заруднаго не обращало никакого вниманія на цѣнныя свѣдѣнія, поступившія отъ практиковъ, наблюдательный юристъ-самоучка крайне заинтересовался новыми явленіями судебно-правовой жизни, открывшимися передъ нимъ во всемъ своемъ разнообразіи и сложности, что принесло ему громадную пользу. Въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) Зарудный такъ передаетъ значеніе этой стадіи своихъ работъ: „Моя обязанность по поводу

[1]) См. „*Сборникъ Правовѣдѣнія*“, III, 3.

переписки о судебной реформѣ ближе всего подходила къ обязанности почтальона: я долженъ былъ вскрывать пакеты, адресованные на имя графа Панина, отъ разныхъ практиковъ о несовершенствахъ нашихъ законовъ гражданскаго судопроизводства (здѣсь нѣтъ рѣчи объ уголовныхъ законахъ—это особое дѣло, которое завершилось уложеніемъ 15-го августа 1845 года) и пересылать вложенныя туда бумаги къ графу Блудову. Серьезныхъ занятій по столу было довольно много, а такого рода бумаги считались отпиской, и на нихъ никто не обращалъ вниманія. Самъ я, какъ кандидатъ математическаго факультета, едва поступившій на службу, не имѣлъ ровно никакого понятія о законахъ вообще и о нашихъ въ особенности, но меня заинтересовалъ вопросъ о несовершенствахъ нашихъ законовъ: съ этихъ недостатковъ я началъ изученіе самихъ законовъ. Вмѣсто того, чтобъ отправлять эти бумаги прямо къ графу Блудову, я сталъ брать ихъ къ себѣ на домъ, читать ихъ, дѣлать изъ нихъ выписки, а лучшія мнѣнія просто переписывать и изучать, и чѣмъ болѣе недостатковъ нашихъ законовъ узнавалъ я, тѣмъ болѣе нравилось мнѣ ихъ изученіе. Это была моя школа. И, кажется, я не солгу, сказавши, что это—единственная польза этихъ мнѣній практиковъ. Думаю, что никто, кромѣ меня, не изучалъ ихъ. Мой начальникъ отдѣленія—Василій Максимовичъ Харченко—очень хорошій и честный человѣкъ, не обращалъ на эти бумаги ровно никакого вниманія. Какъ истый чиновникъ, онъ заботился исключительно о томъ, чтобы онѣ отсылались къ графу Блудову, и по временамъ освѣдомлялся объ этомъ".

Это была порвая юридическая школа для Заруднаго и притомъ несравненно болѣе плодотворная, чѣмъ тогдашняя университетская юридическая школа, которая, занимаясь пережевываніемъ матеріала дѣйствующаго законодательства, возводя въ догматъ чуть не каждую статью Свода Законовъ, не смѣла и думать о критическомъ ихъ разборѣ [1]). Отнесясь, какъ всегда, серьезно къ предмету своего изученія, Зарудный сталъ знакомиться и съ иностранными законодательствами, сравнивать съ ними русскіе законы, предпринималъ поѣздки за границу, гдѣ онъ въ Парижѣ сталъ изучать французскую судебную практику, слышалъ Берье, Жюля Фавра. Къ 1849 г. онъ успѣлъ настолько освоиться съ несложнымъ бага-

---

[1]) Первый научный курсъ гражданскаго права былъ открытъ въ 1845 г. Д. И. Мейеромъ въ Казанскомъ университетѣ. См. статью А. Гольмстена въ „Журн. Юрид. Общ.", 1894, № 6, стр. 101.—Что касается печатныхъ научныхъ трудовъ, то о количествѣ и качествѣ ихъ можно составить себѣ понятіе изъ того, что еще 2-го ноября 1852 г. состоялся законъ (пол. собр. № 26734), предписывавшій научныя произведенія, въ которыхъ теорія права примѣняется къ русскому праву, пересылать въ тѣ правительственныя учрежденія, до которыхъ относятся сочиненія.

жемъ тогдашней русской юриспруденціи, что могъ съ честью занять важное въ то время мѣсто юрисконсульта при консультаціи министерства юстиціи. Благодаря своимъ способностямъ, трудолюбію и разносторонней подготовкѣ, а еще болѣе благодаря употребляемымъ новымъ юридическимъ пріемамъ при разработкѣ текущихъ вопросовъ судебной практики, Зарудный выдвинулся сразу впередъ, какъ даровитый и знающій юристъ: онъ сталъ употреблять историческій методъ для уясненія смысла законовъ, отдѣльные казусы сводилъ къ общимъ принципамъ права, въ разроненную практику консультаціи сталъ вносить единство и, можно сказать, первый создалъ школу практической русской юриспруденціи. Вскорѣ С. И. пріобрѣлъ такой авторитетъ, что съ нимъ стали совѣтоваться въ затруднительныхъ случаяхъ оберъ прокуроры и сенаторы. Доклады его какъ по содержанію, такъ и внѣшней отдѣлкѣ, были такими образцовыми, что по поводу одного изъ нихъ (о земляхъ гор. Смоленска 1852 г.) у министра юстиціи гр. Панина, человѣка крайне жесткаго и несловоохотливаго, невольно вырвалось такое трогательное замѣчаніе: „если бы я разъ въ жизни написалъ такой докладъ, то я считалъ бы, что жизнь моя прожита не напрасно“.

Участвуя въ текущей судебной практикѣ, С. И. не упускалъ однако изъ виду начавшееся въ 1843 г. приготовленіе къ судебной реформѣ, которая двигалась черепашьимъ шагомъ благодаря оппозиціи гр. Панина, считавшаго даже крайне умѣренныя предположенія гр. Блудова, напр., отмѣну рукоприкладства, черезчуръ смѣлыми и радикальными. Въ 1852 г. была послѣ долгой безплодной переписки между ними образована Комиссія для составленія проекта гражданскаго судопроизводства, и С. И. былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ ея. Принимая въ трудахъ ея самое дѣятельное участіе, Зарудный, несмотря на свой скромный постъ, оказалъ на ея работы огромное вліяніе и старался внести въ гражданскій процессъ возможныя по духу тогдашняго времени второстепенныя техническія усовершенствованія, не смѣя даже думать о такихъ революціонныхъ, по понятіямъ безподобнаго гр. Панина, новшествахъ, какъ устность, а тѣмъ паче гласность. Къ концу царствованія Николая I проектъ былъ изготовленъ.

Съ началомъ новаго царствованія, когда послѣ тридцатилѣтняго застоя очнулось, окрылилось лучшими надеждами все, что было въ Россіи живого, свѣжаго и честнаго, открылось новое широкое поприще для свободолюбиваго юриста Заруднаго, ненавидѣвшаго крѣпостное право и всѣ связанные съ нимъ виды дореформеннаго произвола и боровшагося съ ними еще въ консультаціи министерства юстиціи. Съ 1856 г. выпала на долю С. И. эпизодическая, но славная задача разоблаченія повальнаго казнокрадства и взяточничества временъ крымской кампаніи. Онъ былъ

назначенъ дѣлопроизводителемъ Комиссіи кн. Васильчикова 2-го, учрежденной для раскрытія злоупотребленій по интендантству Южной и Крымской армій. Зарудный взялся за это трудное дѣло съ тѣмъ жаромъ и благороднымъ увлеченіемъ, которые внушало ему глубоко возмущенное чувство оскорбленнаго патріотизма. Онъ производилъ строжайшее разслѣдованіе въ Николаевѣ, Одессѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Ялтѣ, Херсонѣ, Харьковѣ, Москвѣ и др. городахъ и лично могъ убѣдиться, какіе колоссальные размѣры приняло въ николаевское время открытое казнокрадство и взяточничество не только по военному вѣдомству, но и по всѣмъ другимъ, въ какомъ ужасающемъ видѣ находились во всѣхъ частяхъ Россіи судъ и управленіе при господствѣ административнаго произвола и безгласности общества. Словомъ, онъ могъ воочію ознакомиться со всѣми язвами провинціальной жизни, съ которыми впервые въ печати знакомили Россію только что появившіеся безсмертные „Губернскіе очерки“ Салтыкова. Тутъ у Заруднаго должна была окончательно окрѣпнуть вражда противъ дореформеннаго строя жизни и утвердиться гражданская рѣшимость, не щадя силъ, способствовать ея уничтоженію [1]).

---

[1]) Изучивъ досконально бытъ нашей раболѣпной и мертвящей бюрократіи, С. И. Зарудный въ шутливой формѣ (см. „Письмо опытнаго чиновника сороковыхъ годовъ младшему брату, поступающему на службу“, напечатанное въ „Русск. Старинѣ“ 1899 г. № 12) излагаетъ правила для успѣшной карьеры. — Зарудный, между прочимъ, пишетъ:

1) Кланяйтесь начальству вашему тѣмъ ниже, чѣмъ выше стоитъ оно въ порядкѣ чиноначалія, и давайте подчиненнымъ для пожатія тѣмъ меньшее количество пальцевъ правой руки, чѣмъ ниже стоятъ они въ порядкѣ подчиненности

2) Не надѣйтесь столько на способности свои, сколько на протекцію. Несмотря на всѣ ваши достоинства, старайтесь укрыться подъ крылышко этой благодѣтельной волшебницы; если у васъ есть протекція,—вы геній, вы на все способны, вы скоро пойдете впередъ, но если у васъ протекціи нѣтъ: — вы дуракъ набитый, вы ровно никуда не годитесь, вы рѣшительно ничего не знаете, вы никогда не выиграете по службѣ.

3) Не думайте сдѣлаться значительнымъ лицомъ, служивши постоянно въ одномъ мѣстѣ; нѣтъ: старайтесь шнырять изъ одного мѣста въ другое, изъ канцеляріи губернатора въ Комитетъ министровъ, изъ Комитета въ министерство; оттуда въ Сенатъ и вѣрно скоро прыгнете въ вице-директоры.

4) Говорите всегда, что у васъ есть дѣла, но не говорите, въ чемъ состоятъ они, давайте замѣтить, что это тайна; подумаютъ что вы постоянно заняты государственными дѣлами; просителей выслушивайте терпѣливо, но отвѣчайте имъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: дѣло ваше разсматривается, въ докладѣ, дано предложеніе, посланъ указъ и т. п.

5) Если вы хорошо работаете, но не кричите, что у васъ бездна дѣлъ, то вы нисколько не выиграете въ общемъ мнѣніи: кричите, что вы завалены работой, между тѣмъ какъ другіе ничего не дѣлаютъ, что вы работаете день и ночь; бе-

Случай не заставилъ себя ждать. Пробывъ по возвращеніи въ Петербургъ съ полгода за оберъ-прокурорскимъ столомъ, Зарудный получилъ 27-го апрѣля 1857 г., благодаря государственному секретарю В. П. Буткову, мѣсто помощника статсъ-секретаря Государственного Совѣта. Бутковъ, освѣжая государственную канцелярію молодыми силами, въ виду предположенныхъ реформъ, пригласилъ С. И., какъ знатока гражданскаго

рите всегда домой портфель, наполненный бумагами, и хотя дома вы можете заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, но говорите, что занимаетесь дѣлами.

6) Не рѣшайте ни одного дѣла, но отъ всѣхъ отписывайтесь. Ничего не дѣлайте con amore, не старайтесь окончить всѣхъ дѣлъ и помните, что вы всегда, какъ бѣлка въ колесѣ, будете бѣжать, ожидая, что добѣжите до чего нибудь,—но ни до чего не добѣжите.

7. Отписывая дѣла, заглушите врожденное въ васъ чувство справедливости и пусть незнакомо для васъ будетъ состраданіе къ несчастному, и потому:

а) никогда не старайтесь держать сторону истины, когда вооруженная противъ нея ложь сильнѣе и прикрыта законными формами; этимъ навлечете на себя только подозрѣніе; нѣтъ: въ такихъ случаяхъ отказывайте всегда, держите сторону сильнаго и прослывете правдивымъ чиновникомъ.

б) Не обращайте никогда столько вниманія на существо дѣла, сколько на лица, въ немъ участвующія.

в) Никогда не дѣлайте того, что нужно дѣлать, а дѣлайте то, что желаетъ высшее начальство.

г) Откажитесь отъ собственнаго взгляда на вещи, усвойте себѣ взглядъ начальниковъ вашихъ, не имѣйте мыслей своихъ, развивайте только мысли начальниковъ и постарайтесь все, даже почеркъ вашъ, сдѣлать, сколько можно болѣе, похожимъ на ихъ почеркъ.

д) Никогда не говорите опредѣлительно: на основаніи такого-то закона, говорите неопредѣленно: на законномъ основаніи.

8) Если въ головѣ у васъ есть предположеніе, клонящееся къ усовершенствованію закона, судопроизводства или судоустройства, къ упрощенію порядка и хода дѣлъ, не старайтесь привести мысли своей въ исполненіе — Боже васъ сохрани! вы прослывете новаторомъ, безпокойнымъ и безтолковымъ человѣкомъ. Сохраните эту мысль на случай, если васъ спросятъ объ этомъ. Развивая новую идею людямъ, закоренѣлымъ въ погубномъ рутинизмѣ, грубомъ застоѣ и захирѣніи, вы только затрудните ихъ, и потому мысли вашей не дадутъ хода, а послѣ вамъ нечего будетъ отвѣчать на циркулярное предписаніе, и вы прослывете дуракомъ.

9) Осторожно, предусмотрительно и соразмѣрно употребляйте выраженія: повергаю во благоусмотрѣніе вашего сіятельства, имѣю честь донести, увѣдомить, сообщить, увѣдомляю, сообщаю, извѣщаю, поставляю въ извѣстность, объявляю, предписываю, приказываю, и старательно различайте милостиваго государя отъ его превосходительства.

10) Если по дѣлу открылось какое-нибудь упущеніе или безпорядокъ, и отъ васъ требуютъ объясненія, никогда не сознавайтесь виновнымъ и пишите объясненіе какъ можно длиннѣе, непонятнѣе и запутаннѣе; никто не прочтетъ его, но, увидѣвъ, что вы написали много, признаютъ васъ правымъ.

судопроизводства, проектъ котораго, составленный при его участіи, поступилъ въ то время на обсужденіе Совѣта.

Съ этого момента еще болѣе приближается Зарудный къ дѣлу судебной реформы и, несмотря на свой невысокій постъ, дѣлается настоящимъ ея двигателемъ и руководителемъ. Настроеніе въ правительственныхъ сферахъ тогда было колеблющееся, часто шедшее по стопамъ николаевскаго режима и далеко не послѣдовательно прогрессивное. Докладъ помянутаго проекта въ Государственномъ Совѣтѣ 15 ноября 1857 г. начался чтеніемъ Высочайшаго повелѣнія, коимъ *воспрещалось* Совѣту касаться суда присяжныхъ, адвокатуры и гласности.

При такомъ положеніи дѣла ничего болѣе не оставалось, какъ довольствоваться палліативными мѣрами чисто техническаго свойства и ждать для проведенія судебной реформы на раціональныхъ основаніяхъ лучшихъ временъ, которыя, къ счастью, вскорѣ и наступили.

Уже 20 ноября 1857 г. былъ опубликованъ знаменитый рескриптъ на имя генералъ-губернатора Назимова объ освобожденіи крестьянъ, давшій толчокъ и другимъ либеральнымъ реформамъ 60-хъ годовъ. Съ этого времени мало-по-малу и въ дворянскихъ собраніяхъ, и въ печати общественное мнѣніе стало высказываться за радикальное измѣненіе всего стараго бюрократическаго строя. Это освободительное направленіе стало вліять и на судьбу судебнаго преобразованія. Кн. Оболенскій, членъ либеральнаго кружка, группировавшагося около в. к. Константина Николаевича и уже поднявшаго къ ужасу гр. Панина вопросъ о введеніи гласнаго суда въ морскомъ вѣдомствѣ, въ литографированной брошюрѣ сильно напалъ на внесенный гр. Блудовымъ въ Государственный Совѣтъ проектъ гражданскаго судопроизводства. Выступая защитникомъ гласности и устности, кн. Оболенскій предлагалъ принять цѣликомъ французское судопроизводство, дѣйствующее въ Царствѣ Польскомъ. С. И. горячо возражалъ противъ такого заимствованія en bloc, и эта полемика, возбудивъ вниманіе членовъ Государственнаго Совѣта къ принципіальнымъ вопросамъ процесса, заставила ихъ глубже вникнуть въ дѣло и склониться къ болѣе широкой постановкѣ судебной реформы. Рѣшено было первоначально выработать *главныя начала* реформы, и съ этою цѣлью постановлено было, по мысли Заруднаго, предварительныя заключенія Государственнаго Совѣта передать на разсмотрѣніе судебныхъ практиковъ, что до нѣкоторой степени вносило въ дѣло участіе общества. Зарудный, придавая громадное значеніе печатному тисненію и гласности, посовѣтовалъ поступившія замѣчанія *напечатать* и разослать членамъ Государственнаго Совѣта. Кромѣ того, печатные экземпляры разосланы были ученымъ юристамъ и спеціалистамъ. Такимъ незамѣтнымъ путемъ проникли мало-по-малу въ законодательные проекты и гласность, и адвокатура, замѣненная (слово адво-

катъ еще со временъ Николая I находилось подъ запрещеніемъ) словомъ присяжный повѣренный, и начало отдѣленія власти судебной отъ административной. Но въ общемъ, съ 1857 года по 1861 годъ работы шли вяло и нерѣшительно. Въ этотъ промежутокъ времени Зарудный ѣздилъ въ заграничную командировку для изученія западнаго судопроизводства и судоустройства и выпустилъ рядъ спеціальныхъ работъ по процессу, частью появившихся въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. Онѣ занимаютъ цѣлый томъ (IX) въ „Дѣлѣ о преобр. суд. части“ и затрогиваютъ всѣ стадіи процесса, начиная отъ *мирового* суда и кончая *кассаціоннымъ*.

Въ работахъ этихъ, возражая, какъ выше упомянуто, противъ слѣпого рабскаго копированія съ французскаго образца, С. И. выступаетъ горячимъ сторонникомъ отобранія отъ администраціи и полиціи всякой судебной власти, состязательнаго процесса и, какъ необходимаго его условія, адвокатуры, единаго кассаціоннаго производства, какъ мѣры, направленной къ охраненію единства въ пониманіи закона и устраненію судебнаго произвола. Возражая противъ мнѣнія мнительныхъ рутинеровъ, считавшихъ несвоевременнымъ коренное преобразованіе судопроизводства, С. И. высказываетъ слѣдующія прекрасныя мысли, усвоенныя и одобренныя впослѣдствіи и перешедшія въ комментарій къ Судебнымъ Уставамъ съ небольшими варіантами [1]): „Противъ изложенныхъ въ настоящей статьѣ (объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній) основаній,—писалъ Зарудный 24 февраля 1859 года,—можетъ быть, между прочимъ, представлено возраженіе *хорошо, да не во-время* (курс. подл.). Противъ этого *софизма*, который сдѣлалъ много зла на свѣтѣ, можно сказать одно только: если изложенныя основанія правильны, то они благовременны. Трудно думать,—продолжаетъ онъ,—чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены для дурного и не зрѣлы для хорошаго. Правильное устройство судебныхъ учрежденій составляетъ вопросъ *самый настоятельный* для Россіи, притомъ же правильный законъ *никогда* не сдѣлаетъ зла; можетъ быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона новаго онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ точнымъ онаго разумомъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубокіе корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія народа“ [2]). Сквозящая въ этихъ строкахъ горячая вѣра въ силу добра и человѣческое достоинство, вѣра въ благотворное дѣйствіе хорошихъ учрежденій и гуманныхъ принциповъ, глубокая, но свободная отъ кичливости вѣра въ духовныя силы русскаго народа,—каковая вѣра была присуща и прогрес-

---

[1]) См. стр. XLIII къ Учр. Суд. ч. 3 Суд. Уставовъ, изъ Госуд. Канцеляріи.

[2]) См. с. 47 Записки Заруднаго въ т. IX: „Дѣла о преобразованіи судебной части“.

сивнойшу публицистикѣ 60-хъ годовъ,—сохранилась у С. И. до конца дней вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ послѣдней.

Въ 1859—60 г. С. И. принималъ участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ, которому онъ, само собою разумѣется, сочувствовалъ отъ всей души. Онъ былъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Комиссіи, составлявшей проектъ о мировыхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ. 25 сентября 1860 г. онъ былъ Высочайше прикомандированъ къ Главному Комитету въ помощь В. П. Буткову при разсмотрѣніи составленнаго Редакціонными Комиссіями Положенія о крестьянахъ. 7-го января 1861 г. назначенъ и. д. статсъ-секретаря въ Департаментѣ законовъ, гдѣ докладывалъ помянутое Положеніе. Бутковъ, извѣщая Заруднаго о благодарности, выраженной Государемъ ему лично и его помощникамъ „за всѣ добросовѣстные и неутомимые труды“ по крестьянскому дѣлу, добавлялъ, что ему особенно пріятно сообщить объ этой Высочайшей резолюціи С. И.,—„какъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ работѣ“. Зарудный въ память трудовъ по освобожденію крестьянъ получилъ золотую медаль, которую онъ цѣнилъ выше всѣхъ другихъ наградъ. (Съ этою медалью изображенъ Зарудный на портретѣ, приложенномъ выше, гл. VIII).

III.

Съ 1861 г. работы по судебной реформѣ вступили въ послѣдній рѣшительный фазисъ, благодаря освобожденію крестьянъ съ землею, безъ чего, т.-е. безъ раціональнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, какъ неоднократно заявлялъ впослѣдствіи С. И., никогда не могла бы состояться раціональная судебная реформа, не были бы изданы Судебные Уставы въ томъ видѣ, какъ они появились 20-го ноября 1864 г. Вотъ что говорилъ объ этомъ въ 1885 г. Зарудный. „Весьма важно,—писалъ С. И. Зарудный,—*вѣяніе времени*—отъ него *все зависитъ*. Трудно понять, почему извѣстныя воззрѣнія представляются не только правильными, но даже необходимыми въ государственномъ устройствѣ; между тѣмъ за нѣсколько дней до того тѣ же воззрѣнія считались вредными и даже губительными для государственнаго распорядка. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года служатъ доказательствомъ этой истины. При крѣпостномъ правѣ,—продолжаетъ онъ,—въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были только помѣщики. Надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Положенія 19-го февраля 1861 г. прекратили эти завзятые порядки. Тогда и высшіе наши сановники сознали, что на-

ступаетъ время, когда и для Россіи такъ же точно, какъ и для всякаго порядочнаго (основаннаго на порядкѣ) государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ. Вотъ задача Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Она возникла, она задалась сама собою вслѣдствіе событія, совершившагося по волѣ Самодержца Всероссійскаго. Необходимо проникнуться этою мыслью. Если бы въ 1861 году не состоялось совобожденіе крестьянъ съ землею, то *ни въ какомъ случаѣ* не были бы 20 ноября 1864 года утверждены наши Судебные Уставы“ [1]). Въ общемъ благополучное осуществленіе великой освободительной реформы 19-го февраля укрѣпило въ концѣ 1861 г. либеральную фракцію въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, несмотря на отставку С. С. Ланского и Н. А. Милютина, принесенныхъ въ жертву реакціонной крѣпостнической партіи. Зная, какъ быстротечны, какъ непрочны у насъ либеральныя вѣянія, Зарудный спѣшилъ, какъ „кузнецъ-гражданинъ“, ковать желѣзо, пока горячо, и освободить судебную реформу отъ тѣхъ путъ, какими она была дотолѣ опутана, благодаря нерѣшительности ея иниціатора гр. Блудова и противодѣйствію министра юстиціи гр. В. Н. Панина. Дѣйствуя чрезъ В. П. Буткова и предсѣдательствовавшаго въ Госуд. Совѣтѣ кн. П. П. Гагарина, Зарудный въ два мѣсяца успѣлъ повернуть дѣло такъ, что уже въ январѣ 1862 г. дѣло было поставлено на раціональныхъ началахъ (см. выше главу VIII § 3) и почти наполовину выиграно.

Планъ свой Зарудный развивалъ такъ. Въ октябрѣ 1861 года онъ приготовилъ для В. П. Буткова, изъ ретрограда ставшаго съ 1861 г. ярымъ либераломъ, всеподданнѣйшій докладъ, въ коемъ указывалось на трудности, встрѣченныя при разсмотрѣніи проектовъ гр. Блудова, составленныхъ въ разное время и несогласованныхъ между собою. 24-го октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи при Государственной Канцеляріи особой Комиссіи съ прикомандированіемъ къ ней извѣстныхъ юристовъ для извлеченія изъ проектовъ Блудова „главныхъ основныхъ началъ“. Чрезъ это достигались двѣ важныя цѣли: во 1-хъ, проекты превращались въ простой законодательный матеріалъ и становилось необходимымъ составленіе новыхъ проектовъ по общему цѣльному плану; во 2-хъ, устранялся отъ руководства престарѣлый гр. Блудовъ, который, хотя и склонялся на нѣкоторыя уступки либерализму, но по преклонности (ему было тогда 88 лѣтъ) не могъ уже стоять во главѣ столь крупнаго дѣла. Помянутая комиссія, душою которой былъ Зарудный, къ концу 61-го года окончила свою работу и убѣдилась въ недостаточности проектовъ.

Нужно было сдѣлать еще одинъ шагъ и предоставить Комиссіи составить основныя положенія по раціональному плану, не стѣсняясь то-

---

[1]) „*Рус. Стар.*“ 1885, № 5.

щими и робкими Блудовскими предложеніями. Этотъ послѣдній и рѣшительный шагъ сдѣлалъ С. И. при помощи преемника гр. Блудова, предсѣдательствовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ, князя П. П. Гагарина, для котораго и раньше составлялъ записки по судопроизводству. По докладу кн. Гагарина въ январѣ 1862 г. послѣдовало огромной важности Высочайшее повелѣніе, составляющее эпоху въ исторіи русской культуры и разрѣшавшее: составить основныя начала судебной реформы согласно указаніямъ *науки и опыта европейскихъ государствъ*.

IV.

Съ этихъ поръ судьба предстоящаго преобразованія была предрѣшена для Россіи открывался доступъ ко всѣмъ великимъ институтамъ европейскаго судебнаго права. Зарудный и его товарищи, понявъ все величіе выпавшей на ихъ долю задачи, съ необыкновеннымъ жаромъ и усердіемъ взялись за ея выполненіе. Съ первыхъ же засѣданій былъ выдвинутъ вопросъ о судѣ присяжныхъ, первая оффиціальная постановка коего принадлежала Д. А. Ровинскому (см. ниже гл. XXI), горячо поддержанному С. И. Будучи хорошо знакомъ какъ съ иностранными законодательствами, такъ и русскою судебною практикою, Зарудный, подробно изложивъ исторію института, считалъ вовсе не затруднительнымъ преобразованіе безсловесныхъ засѣдателей. Возражая тѣмъ, которые видѣли въ судѣ присяжныхъ институтъ политическій, несовмѣстный съ самодержавіемъ, Зарудный и др. указывали, что и другіе важнѣйшіе институты судебнаго права, какъто: гласность, отдѣленіе суда отъ администраціи, имѣютъ несомнѣнный политическій характеръ, ограничивая произволъ администраціи, но что такіе институты, невозможные въ деспотіяхъ, возможны въ монархіяхъ, гдѣ уважаются законы. Судъ присяжныхъ проектировался С. И. также и по политическимъ и литературнымъ дѣламъ [1]).

Соображенія государственной канцеляріи были доложены Зарудным Государственному Совѣту, Высочайше утверждены 29 сентября 1862 г. и по мысли его были не только разосланы практикамъ, но и опубликованы въ *Собраніи узаконеній и распоряженій*. Знакомство съ ними вызвало удивленіе не только у насъ, но и за границей, гдѣ неожиданно узнали, что Россія находится наканунѣ полученія судебныхъ учрежденій, которыя не должны уступить европейскимъ. О силѣ впечатлѣній, произведенныхъ

---

[1]) См. т. XVII н. Дѣла—матеріалы №№ 13 и 14.

опубликованіемъ Основныхъ Положеній въ Россіи, можно судить по вышеприведенному отзыву цензора Никитенко [1]).

Для составленія подробныхъ проектовъ Судебныхъ Уставовъ образована была при Государственной Канцеляріи новая большая Комиссія. Хотя оффиціальнымъ предсѣдателемъ ея былъ назначенъ В. П. Бутковъ, но всѣмъ дѣломъ управлялъ и двигалъ собственно Зарудный, который даже не былъ утвержденъ еще въ должности, а только исправлялъ должность статсъ-секретаря. Подъ предсѣдательствомъ его было только отдѣленіе гражданскаго судопроизводства, но и во всѣхъ другихъ отдѣленіяхъ и особенно въ общемъ собраніи онъ работалъ съ энергіею, жаромъ и настойчивостью, вызывавшими общее удивленіе. С. И. старался привлечь въ Комиссію все, что было замѣтнаго среди представителей науки и практики. Принимая близко къ сердцу это дѣло всей своей жизни, С. И. неоднократно подвергалъ переработкѣ проектированныя статьи, горячо споря и стараясь разъяснить дѣло со всѣхъ сторонъ. Просиживая ночи за корректурами, онъ выбивался изъ послѣднихъ силъ, стремясь, чтобы его любимое дѣтище появилось на свѣтъ какъ можно скорѣе и совершеннѣе. Меньше, чѣмъ въ годъ, Комиссія составила проекты Судебныхъ Уставовъ и къ нимъ образцовыя научно-мотивированныя обширныя объяснительныя записки (около 1.800 печатныхъ страницъ in foli »). Проектъ былъ разосланъ для представленія замѣчаній министрамъ и заключенія ихъ вмѣстѣ съ поступившими раньше замѣчаніями были доложены Зарудnымъ Государственному Совѣту.

20 ноября 1684 г. были подписаны Александромъ II Судебные Уставы и Зарудный имѣлъ драгоцѣнное утѣшеніе видѣть появленіе на свѣтъ великаго законодательнаго акта, на который онъ положилъ въ теченіе 20-ти лѣтъ свои лучшіе годы жизни, не щадя трудовъ. Ближайшій свидѣтель ихъ В. П. Бутковъ препроводилъ къ нему 22-го ноября *первый* экземпляръ только что вышедшихъ изъ печати Судебныхъ Уставовъ съ слѣдующею припискою: „этотъ *первый* отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ вручается Серг. Ив. Зарудному, какъ лицу, которому Судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ. Онъ занимался этимъ дѣломъ со времени поступленія въ Государственный Совѣтъ первыхъ проектовъ II отдѣленія и *велъ все дѣло до конца*. Онъ участвовалъ въ работахъ по составленію основныхъ положеній, руково-

---

[1]) См. выше эпиграфъ къ § 3 главы VIII. Впрочемъ, болѣе дальновидные публицисты предостерегали отъ излишняго оптимизма и совѣтовали не слишкомъ увлекаться отъ одного только провозглашенія великихъ принциповъ на печатной бумагѣ. Таково было мнѣніе Унковскаго; см. прил. 1 къ книгѣ моей: „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. М., 1894 г.

дилъ работами по уст. гражд. суд., дѣятельно занимался при обсужденіи всѣхъ другихъ проектовъ. При такихъ его трудахъ, цѣль коихъ было одно—искреннее желаніе совершить всю столь необходимую для пользы Россіи реформу—конечно, *первый* отпечатанный экземпляръ по праву долженъ принадлежать Сергѣю Ивановичу".

Послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ [1]) Зарудный, утвержденный, наконецъ, въ должности статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, принималъ участіе въ составленіи дополнительныхъ къ нимъ узаконеній (объ охранительномъ судопроизводствѣ и пр.) и состоялъ членомъ образованной при Государственной Канцеляріи новой Комиссіи для выработки правилъ о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, на что было положено имъ также очень много труда. Большинство членовъ склонялось къ мнѣнію министерства юстиціи, предлагавшаго открывать новыя судебныя установленія не сразу повсемѣстно, а постепенно, ссылаясь на практическія затрудненія. С. И. же вмѣстѣ съ Н. А. Буцковскомъ и О. И. Квистомъ, опасаясь столь обычнаго у насъ охлажденія къ реформамъ, настаивалъ на единовременномъ введеніи Уставовъ во всѣхъ земскихъ губерніяхъ съ постепеннымъ усиленіемъ состава судовъ.

Заканчивая работы по судебной реформѣ, Зарудный привелъ въ порядокъ обширный матеріалъ „*Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*", раздѣливъ его на 74 тома [2]), и передалъ нѣсколько экземпляровъ „*Дѣла*" въ петербургскія книгохранилища и архивы. Кромѣ того, онъ оказалъ большую услугу русской наукѣ и судебной практикѣ и вообще русскому общественному развитію, напечатавъ въ 1866 г. классическій трудъ свой подъ названіемъ „Судебные Уставы съ разсужденіями, на коихъ они основаны". Это драгоцѣнное изданіе сдѣлалось настольною книгою для нашихъ судебныхъ дѣятелей. Объ успѣхѣ его въ публикѣ можно судить по тому, что меньше, чѣмъ въ годъ, разошлось 1-е изданіе въ количествѣ 6,000 экземпляровъ. Оно даетъ въ сжатомъ очеркѣ тѣ научныя соображенія и гуманно-либеральные принципы, коими руководствовались про-

---

[1]) Кромѣ вышеупомянутыхъ работъ, въ разныхъ томахъ „Дѣла о преобразован. суд. ч. въ Россіи" имѣются еще слѣдующія работы С. И.: 1) Извлеченіе изъ доклада Сардинскаго министра юстиціи о преобразованіяхъ гражд. суд. въ Италіи въ 1859 г. 2) Правила объ обязательной явкѣ тяжущихся въ связи съ монополіею повѣренныхъ. 3) О реформѣ судопроизводства въ Италіи въ 1862 г. 4) Судебно-статистическія данныя о Харьковской губ. 5) Законъ о доказательствахъ по французскому гражд. уставу. 6) Матеріалы для разработки вопроса объ охранительномъ порядкѣ производства. 7—9) Переводы Уставовъ гражд. суд. Сардиніи 1854 г., Венгріи 1852 г. и зак. судоустр. Піемонта 1859 г.

[2]) См. опись этого „Дѣла", напечатанную въ видѣ приложенія къ книгѣ моей: „Основы судебной реформы".

свѣщенные составители Судебныхъ Уставовъ. На этомъ изданіи воспитались старшія поколѣнія новой магистратуры, давшія образцы честнаго и смѣлаго служенія судейскому долгу и введшія впервые въ русскіе суды и общественно-народное сознаніе понятія о законности и о судѣ милостивомъ, правомъ и равномъ для всѣхъ.

V.

Вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ настали, въ виду наступившей реакціи, печальные дни какъ для новаго суда, такъ и для главнаго виновника его Заруднаго. Смѣнившій Д. Н. Замятнина на посту министра юстиціи К. Н. фонъ-деръ-Паленъ, относившійся враждебно къ основамъ Судебныхъ Уставовъ, приступилъ къ отмѣнѣ ихъ въ административномъ порядкѣ, de facto упразднивъ начало несмѣняемости для судебныхъ слѣдователей и назначая лишь и. д., а затѣмъ сталъ дѣлать попытки къ измѣненію новаго судебнаго законодательства въ порядкѣ законодательномъ. Зарудный, какъ вѣрный стражъ „основныхъ положеній“ судебной реформы, оказывалъ возможную оппозицію реакціоннымъ поползновеніямъ новаго министра, представляя въ качествѣ статсъ-секретаря департамента законовъ не предусмотрѣнныя закономъ, но вошедшія съ 1862 года въ обычай „соображенія Государственной Канцеляріи“. Благодаря авторитету, которымъ пользовался С. И. у членовъ Государственнаго Совѣта, соображенія его принимались охотно, что еще болѣе усиливало его репутацію, какъ „краснаго“, которую онъ имѣлъ наравнѣ съ другими убѣжденными защитниками либеральныхъ реформъ [1]).

1-го января 1869 г. Зарудный, еще полный силъ и энергіи, былъ усиліями реакціи насильно отторгнутъ отъ законодательныхъ работъ и назначенъ былъ сенаторомъ, incredibile dictu, не въ кассаціонный департаментъ, гдѣ онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, имѣлъ право по своему прошлому засѣдать и гдѣ его опытъ и познанія были бы такъ полезны для разумнаго изъясненія Судебныхъ Уставовъ, а въ старый департаментъ, кажется, межевой. Удаленіе Заруднаго изъ Государственной Канцеляріи вызвало

---

[1]) Для всѣхъ этихъ слѣпыхъ и неразумныхъ ревнителей умирающей старины,— писалъ Хрущевъ еще въ 1859 г. о нашихъ консерваторахъ-крѣпостникахъ,—люди новаго времени, желающіе для отечества разумнаго движенія впередъ, представляются какими-то искателями приключеній, себялюбцами, красными, такъ что эти дѣятели мирнаго прогресса уподобляются дѣятелямъ французскаго террора. См. Матеріалы ист. упр. крѣп. права, II, 250.

сожалѣніе среди многихъ членовъ Государственнаго Совѣта. Въ бумагахъ С. И. сохранились нѣкоторые изъ отзывовъ членовъ Совѣта. Вотъ что они сказали:

„Великій князь *Константинъ Николаевичъ*—что онъ жалѣетъ, что я выхожу, но что я могу быть доволенъ тѣмъ, что много сдѣлалъ для Государственной Канцеляріи и для Совѣта. Судебные Уставы для второго, а для канцеляріи—ихъ изданіе съ комментаріями; что онъ никогда со мною не ссорился и я оставляю о себѣ самую лучшую память.

„*Гр. Строгановъ* — что онъ жалѣетъ и знаетъ всѣ продѣлки, всѣ интриги; что меня трудно обвинять въ чемъ-либо; что обвиняли меня въ подражаніи иностраннымъ законодательствамъ, но и это несправедливо.

„*Кн. Суворовъ*—вы были моею любимою и самою умною привычкою въ Государственномъ Совѣтѣ.

„*Бахтинъ*—я радуюсь за васъ, но признаю, что это несправедливо и вредно для дѣла. Васъ нельзя было устранять отъ судебной реформы.

„*Кн. Гагаринъ* (П. П.): 1) что я самъ болѣе другихъ работалъ надъ уничтоженіемъ стараго сената и попалъ въ его развалины; 2) что когда Сольскій (государ. секр.) взялъ на себя обязанности статсъ-секретаря, а баронъ Корфъ — обязанности государственнаго секретаря, то я принялъ на себя *произвольно* [1]) обязанности предсѣдателя департамента законовъ [2])".

Страхъ передъ авторитетомъ Заруднаго былъ такъ великъ, что онъ до конца жизни такъ и не получилъ возможности участвовать въ дѣятельности высшаго регулятора новаго суда, въ созиданіи котораго онъ принималъ такое горячее и плодотворное участіе.

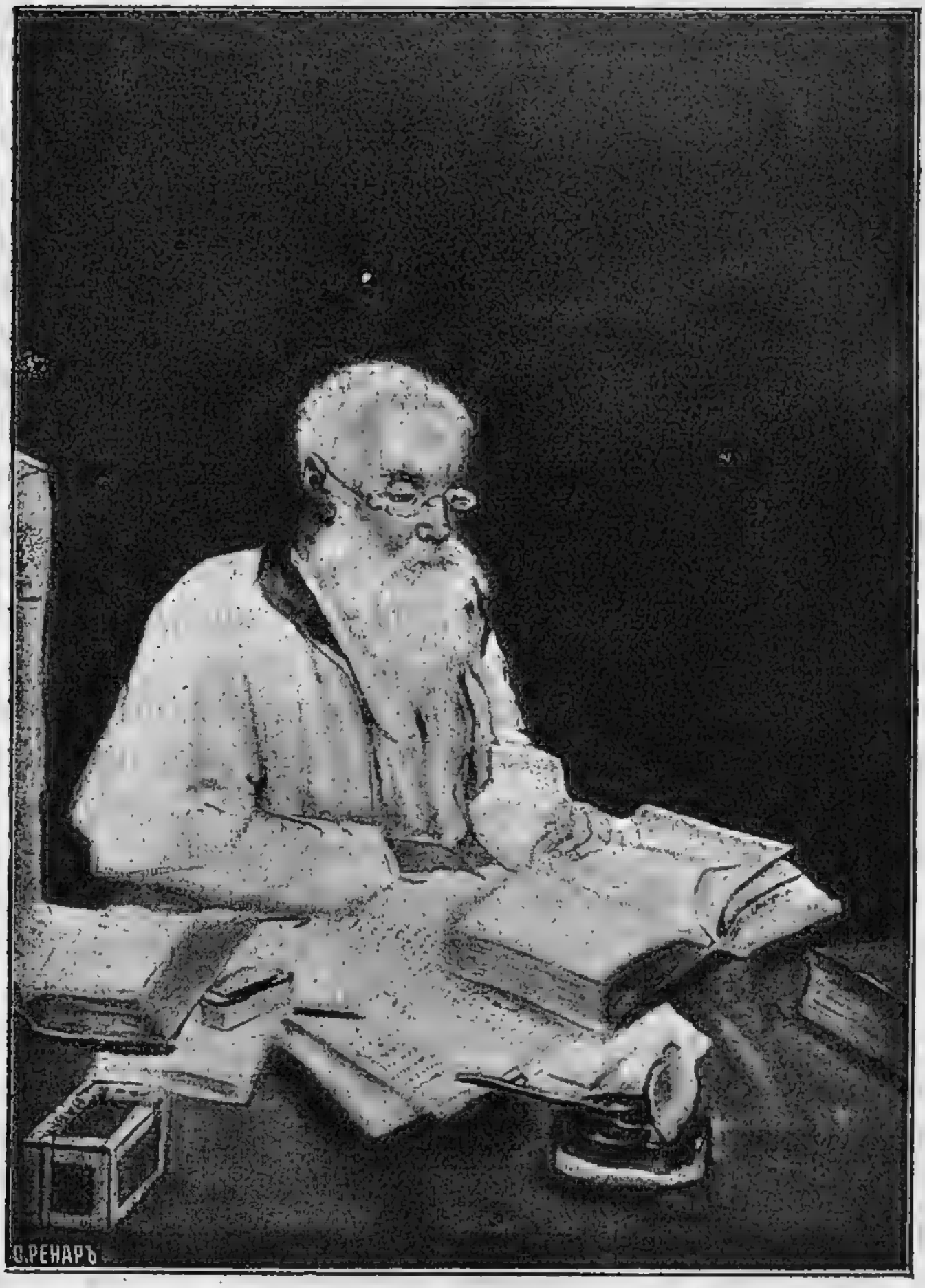
Но, любя великое дѣло гласнаго суда, Зарудный не могъ удержаться отъ желанія хоть косвеннымъ путемъ проникнуть въ храмъ новаго суда куда новые руководители его преграждали ему путь. Онъ баллотировался въ почетные мировые судьи въ Купянскомъ уѣздѣ по мѣсту нахожденія своего родового имѣнія. Здѣсь онъ проводилъ обыкновенно лѣтнія каникулы. Любя природу, предаваясь наслѣдственной страсти къ цвѣтоводству, здѣсь опальный С. И. на лонѣ матери-природы находилъ утѣшенія отъ постигшихъ его невзгодъ и только ей одной ввѣрялъ свои справедливыя сѣтованія на неблагодарность людскую:

---

[1]) Намекъ на то исключительно авторитетное положеніе, которое занималъ С. И. Зарудный въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ въ должности простого статсъ-секретаря департамента законовъ сдерживалъ реакціонныя попытки министерства юстиціи гр. Палена въ 67—68 г.

[2]) См. н. т. Сборника Правовѣдѣнія.

Земля! Что жъ такъ влекутъ меня стремленья думъ
И сердца пылъ къ тебѣ? Не знаю... Оттого ли,
Что отъ меня далекъ тревожной жизни шумъ?
Иль правды я ищу? Иль я усталъ отъ боли
Разрушенныхъ надеждъ, оплаканныхъ потерь?
Иль твой къ покою зовъ мнѣ слышится теперь?



С. И. Зарудный за переводомъ Данта.

Во время лѣтнихъ своихъ пріѣздовъ С. И. аккуратно посѣщалъ засѣданія купянскаго съѣзда.

Съ отправленіемъ обязанностей этого званія связано воспоминаніе о послѣднемъ изъ огорченій, которыми такъ богата была жизнь Заруднаго.

Сенатъ разослалъ 6-го іюня 1886 г. извѣстный циркуляръ мировымъ съѣздамъ, въ которомъ, ссылаясь на случаи нерадѣнія со стороны мировыхъ судей (неназначеніе ни одного засѣданія въ теченіе года и т. п.), предписывалъ съѣздамъ требовать отъ судей ежемѣсячныхъ отчетовъ и пересылать ихъ въ сенатъ. Многихъ изумилъ этотъ циркуляръ, ронявшій достоинство мирового института и едва ли согласный съ закономъ, но изъ 600 мировыхъ судей одинъ Зарудный поднялъ голосъ противъ мѣры, которую считалъ произвольною. Онъ вошелъ въ купянскій мировой съѣздъ съ предложеніемъ пріостановиться приведеніемъ въ исполненіе указа и донести сенату о неудобствахъ указа, согласно ст. 76 Основ. Зак. Въ своемъ подробно мотивированномъ предложеніи Зарудный, между прочимъ, заявлялъ, что „судебная администрація обязана была указать на отдѣльные случаи нерадѣнія, но не имѣла права циркулярно приписывать всѣмъ мировымъ судьямъ совершенно единичныя явленія, не имѣющія ничего сродственнаго съ общимъ направленіемъ мировыхъ съѣздовъ, и налагать несвойственныя ихъ занятіямъ обязанности". Купянскій мировой съѣздъ принялъ предложеніе С. И. Сенатъ (по соединенному присутствію 1-го и касс. департ.), не разсматривая вопроса по существу и не имѣя возможности наказать своего сочлена, сдѣлалъ купянскому съѣзду in corpore замѣчаніе, всю горечь котораго долженъ былъ воспріять незадолго до своей смерти одинъ Зарудный.

Въ свой невольный досугъ съ 1869 г. Зарудный издалъ: сравнительно-юридическое изслѣдованіе „Гражданское Уложеніе Итальянскаго Королевства и Русскіе гражданскіе законы", въ 1870 г. „Торговое Уложеніе Итальянскаго Королевства и Русскіе торговые законы". Въ 1873 г. онъ составилъ для перваго съѣзда русскихъ юристовъ рефератъ: „О необходимости полнаго изданія Граж. Законовъ съ 1857 г. и согласованіе ихъ со всѣми послѣдующими узаконеніями", что было исполнено только въ 1888 г. Въ 1879 г. онъ издалъ переводъ книги Беккаріа „О преступленіяхъ и наказаніяхъ", съ интересными сближеніями съ русскимъ законодательствомъ и характерными юридико-общественными примѣчаніями. Послѣдніе годы С. И. работалъ надъ переводомъ „*Ада*" Данте, который успѣлъ выпустить съ обширными комментаріями не задолго до смерти. Въ 1886 г. Зарудный былъ выбранъ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ въ число своихъ почетныхъ членовъ. Этотъ знакъ вниманія чрезвычайно тронулъ доблестнаго ветерана судебной реформы, давно всѣми забытаго.

Ища облегченія своимъ недугамъ, нажитымъ въ стѣнахъ холоднаго мрачнаго Петербурга, подъ лучами южнаго солнца, Зарудный умеръ въ 1887 г. на пути въ Ниццу, гдѣ онъ, подобно Герцену, нашелъ у свѣтлаго

лазурнаго моря упокоеніе отъ жизни, полной славныхъ дѣлъ и неизбѣжныхъ съ ними страданій.

Законность, правосудье, честь
И вольности святое пламя...
Вѣдь кто несетъ такое знамя,
Тотъ обреченъ и крестъ свой несть.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Сподвижникъ Царя-Освободителя в. к. Константинъ Николаевичъ

† 13 января 1892 года.

Ничего не можетъ быть выше на землѣ, какъ царь или сынъ царя, достойный имени человѣка.

Жуковскій.

Comment? la liberté déchaîne ses colères
Partout, contre l'effort des erreurs séculaires,
La Vérité combat pour s'ouvrir un chemin;
Et je ne prendrai pas parti dans ce grand drame?

L. Ackermann.

I.

Традиціонное чествованіе годовщины дня подписанія освободительной хартіи и тризна по творцамъ ея, ежегодно совершаемыя въ Петербургѣ 19-го февраля въ кружкѣ дѣятелей крестьянской реформы, носили въ 1892 году особенно грустный характеръ: незадолго передъ тѣмъ скончался одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей минувшей славной эпохи гуманно-либеральныхъ реформъ—великій князь Константинъ Николаевичъ, „*вложившій душу*“ въ великое дѣло освобожденія крестьянъ [1]).

Историческія справки, посвященныя преобразовательной эпохѣ 60-хъ годовъ, не могутъ не отмѣтить признательнымъ словомъ плодотворную, кипучую дѣятельность того изъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, который своимъ отзывчивымъ добрымъ сердцемъ горячо откликнулся на его гуманные запросы и чаянія и своимъ умѣлымъ, просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и непреклонною энергіею не разъ спасалъ судьбу реформъ, въ

---

[1]) См. Н. П. Семенова „Освобожденіе крестьянъ“. Спб., 1892, т. III. ч. 2, стр. 753.

особенности крестьянской, въ столь частыя минуты нерѣшительности, колебанія и шатанія мысли въ высшихъ сферахъ.

Будучи богато одаренъ отъ природы [1]), получивъ замѣчательно разностороннее [2]), широкое образованіе, постоянно впослѣдствіи пополняемое, закаливъ съ дѣтства свой характеръ въ аккуратныхъ привычкахъ и твердыхъ принципахъ [3]), обогативъ свой умъ наблюденіемъ иностранныхъ

---

[1]) См. „*Русскую Старину*“ 1892, № 2, стр. I.

[2]) Необходимость разносторонняго энциклопедическаго образованія для вел. кн., безъ сомнѣнія, была внушена В. А. Жуковскимъ.—Въ „*Русскомъ Архивѣ*“ 1867 г. появилась въ высшей степени любопытная переписка его съ юнымъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Сначала, повидимому, юный корреспондентъ тяготился этою перепискою, которая имѣла характеръ еженедѣльнаго принудительнаго школьнаго упражненія въ русскомъ языкѣ. Но затѣмъ она заняла его, и переписка получила непринужденный, задушевный характеръ. Эта переписка можетъ дать будущему біографу вел. кн. очень интересныя данныя для уясненія характера его и его политической дѣятельности.—Такъ, въ письмахъ своихъ Жуковскій очень настойчиво рекомендовалъ великому князю пополнять какъ можно больше свое образованіе.

Великіе князья,—пишетъ онъ,—должны понимать *свое время*, должны поставить себя на высоту своего вѣка своимъ *всеобъемлющимъ просвѣщеніемъ* (см. письмо отъ 28 окт. 1842 г.). Въ другой разъ онъ, отечески журя великаго князя за легковѣсный отзывъ о Рембрандтѣ (я не судья по этой части, говорилъ съ оттѣнкомъ пренебрежительнаго верхоглядства вел. кн. въ письмѣ своемъ изъ Гааги 1841 г.), Жуковскій внушаетъ своему юному (14-ти лѣтъ) корреспонденту: не пренебрегайте тѣмъ, что облагораживаетъ душу. Искусство нужно вамъ, какъ человѣку, нужно какъ царскому сыну, который съ своего высокаго мѣста, самъ доступный любви къ прекрасному, долженъ своимъ вліяніемъ разливать сію любовь и посреди общества (1400 стр., „*Русск. Арх.*“ 1867).

[3]) Въ письмахъ своихъ Жуковскій постоянно ставилъ на видъ вел. кн., что въ виду предстоящей важной государственной дѣятельности необходимо выработать аккуратность, твердыя привычки, самостоятельное мышленіе, *сильную волю*. „Сильная *воля*—это могущество души, которымъ мы побѣждаемъ наши желанія всякій разъ, когда они противятся нашему долгу, которымъ мы все низкое приносимъ въ жертву высшему; *знаніе*—это истинное просвѣщеніе ума, который всѣ наши понятія, всѣ наши свѣдѣнія приводитъ къ одному знаменателю, къ одному главному знанію, къ знанію *долга* вообще и къ знанію нашего назначенія въ особенности“. Далѣе Жуковскій поясняетъ, что для разумной дѣятельности необходимъ запасъ хорошихъ привычекъ, пріобрѣтаемыхъ путемъ постепеннаго самонаблюденія и самоусовершенствованія, привычки дѣйствовать собственнымъ *умомъ* (относительно пріобрѣтенія знаній) и собственною *волею* (относительно доброй нравственности). См. письмо 29 декабря 1840, „*Русск Арх.*“, 1867, стр. 1395.

Въ числѣ привычекъ, выработанныхъ вел. кн., было веденіе дневника, который онъ велъ аккуратно въ теченіе 50-ти лѣтъ, начавъ его въ концѣ 30-хъ годовъ (т. е. лѣтъ 10—12) и доведя до 7-го іюля 1889 г., т. е. до кануна дня, когда его сразилъ злой недугъ (параличъ) („*Русская Старина*“, 1892, № 2, стр. IV).

государствъ въ свои неоднократныя поѣздки [1]) и опытомъ государственнаго управленія [2]), покойный великій князь Константинъ Николаевичъ къ началу новаго царствованія въ лицѣ своемъ являлъ типъ новаго, молодого поколѣнія государственныхъ людей 50-хъ годовъ, хорошо сознававшихъ близость поворота въ судьбахъ Россіи, хотя еще не вполнѣ ясно опредѣлившихъ себѣ содержаніе и пути его. Ясно было для всѣхъ просвѣщенныхъ людей, способныхъ понимать смыслъ и значеніе пережитаго грознаго урока, одно: это невозможность сохраненія statu quo ante; необходимость измѣненія „курса“ государственнаго корабля; своевременность и, стало быть, *необходимость* коренныхъ, всесторонникъ *реформъ* [3]).

---

[1]) Первое морское плаваніе вел. кн. совершилъ въ 1835 г., т.-е. восьми лѣтъ. До 1878 г. имъ было совершено до 50-ти плаваній, и въ теченіе ихъ онъ былъ на морѣ 1375 дней, т.-е. болѣе $3^1/_2$ лѣтъ („*Русск. Стар.*“, тамъ же, стр. V).

[2]) Съ конца 40-хъ годовъ вел. кн. принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ отрасляхъ морского, военнаго, а также общегосударственнаго управленія (тамъ же см. послужной списокъ вел. кн.).

[3]) Жуковскій, не довольствуясь совѣтами о личномъ самоусовершенствованіи, старался внушить вел. кн. правильное отношеніе къ проблемамъ общественной жизни и къ вопросамъ государственной политики. Онъ ему разъясняетъ ничтожность военной славы, смыслъ *прогресса*, *реформъ* и пр.

Въ наше время,—писалъ Жуковскій въ 1845 г. 18-тилѣтнему юношѣ Константину Николаевичу, мечтавшему о томъ, чтобы прибить Олеговъ щитъ на вратахъ Царьграда (что Жуковскій считалъ не только праздною, но и *вредною* мечтою),—нужны не дѣла славы, озаряющія только *немногихъ избранныхъ*, *а дѣла правды*, Божіей правды, благодѣтельныя для *всѣхъ и каждаго* (1412). (Avis нынѣшнимъ адвокатамъ кастовыхъ интересовъ!) Впрочемъ, военныя мечтанія вел. кн. продолжались недолго, и изъ письма Жуковскаго отъ 1848 г. мы узнаемъ, что послѣ венгерской кампаніи, въ которой онъ заслужилъ георгіевскій крестъ, великій князь крайне скептически относится къ войнѣ (стр. 1430). Изъ другихъ писемъ Жуковскаго наиболѣе любопытны тѣ, въ которыхъ онъ развиваетъ свой взглядъ на прогрессъ, на *реформы* (въ этотъ взглядъ тоже не мѣшаетъ вникнуть современнымъ защитникамъ застоя и попятнаго движенія).

Говоря о революціи и застоѣ, Жуковскій пишетъ въ 1841 г.: Движеніе—*святое* дѣло; все въ Божіемъ мірѣ *развивается*, *идетъ впередъ* и не можетъ, и не должно стоять. *Неподвижность — смерть* (курс. подл.), непримѣтная, тихая, но все же смерть, производящая только гниль. *Движеніе*, развитіе порядка, постоянное, безъ потрясеній, но *безпрестанное*, есть жизнь. Останавливать движеніе или насильственно ускорить его (т.-е. въ обоихъ случаяхъ мѣшать жизни)—*равно погибельно*. Это равно справедливо и въ жизни частнаго человѣка, и въ жизни народа (стр. 1406).—Къ этой же темѣ Жуковскій возвращается въ 1850 г. послѣ революціоннаго движенія 1848 г. въ Германіи. Осуждая это движеніе, Жуковскій осуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и германскія правительства, которыя пренебрегли „вѣчными правилами“ мудраго управленія и, не сумѣвъ во-время дать удовлетворенія нуждамъ, вызвали взрывъ. „Революція,—пишетъ Жуковскій,—есть безумно губительное усиліе перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду. Но и усиліе перескочить изъ понедѣльника *назадъ* въ воскресенье столь же напрасно и столь

Полный силъ и живой энергіи, въ цвѣтѣ лѣтъ (около 30) и въ счастливомъ сознаніи своей способности и готовности работать на общее благо, вел. кн. Константинъ Николаевичъ служитъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ центромъ и источникомъ самыхъ разнообразныхъ начинаній, имѣющихъ цѣлью всесторонне изучить Россію съ тѣмъ, чтобы обновить ея государственно-общественный бытъ на новыхъ началахъ. Съ первыхъ же мѣсяцевъ новаго царствованія великій князь рѣшается объявить войну всесильной бюрократической рутинѣ съ ея форменною или *оффиціальною ложью*. Для того, чтобы уяснить себѣ истинное положеніе дѣлъ, онъ рѣшается на шагъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ русской бюрократіи, отдѣльныя вѣдомства коей всегда представляли тщательно огороженные, часто взаимно враждующіе и всегда взаимно ревнующіе укрѣпленные лагери. Уже въ мартѣ 1855 года великій князь требуетъ изъ *чужого* вѣдомства, изъ министерства народнаго просвѣщенія, профессоровъ университета для обревизованія *своихъ* морскихъ училищъ [1]). Нужно принять во вниманіе, помимо указанной междоусобной войны между разными вѣдомствами, еще и то презрительное отношеніе военныхъ, представителей силы, къ представителямъ ума, науки и вообще къ гражданскому вѣдомству, которое составляло характеристическую черту николаевскаго режима, чтобы оцѣнить все глубокое значеніе этой „революціонной мѣры“.

Затѣмъ въ декабрѣ 1855 г. появляется знаменитый приказъ великаго князя Константина Николаевича, въ которомъ онъ съ отвагою юнаго Геркулеса мечтаетъ очистить конюшни Авгія: онъ бросаетъ въ лицо старому бюрократическому строю обвиненіе въ систематической фальсификаціи истины и требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы они въ отчетахъ своихъ *не лгали*, увѣряя, по обыкновенію, что все обстоитъ благополучно [2]).—Легко представить себѣ,—нѣтъ, впрочемъ, не легко представить же можетъ быть губительно. Одно есть революція *впередъ*, другое—революція *назадъ*... Что же совѣтуетъ *теорія*, которая учитъ тому, что надлежитъ *всегда* дѣлать? Она говоритъ: не насильствуй того, чего не можешь пересилить; не швыряй понедѣльника черезъ вторникъ въ среду, но не тащи его и *назадъ въ воскресенье*.—А что говоритъ практика? Практика, согласная съ сестрою своею теоріей, зоркимъ взглядомъ различаетъ ту математическую линію, *перешагнувъ* черезъ которую, понедѣльникъ становится вторникомъ, *провозглашаетъ громогласно этотъ переходъ*, и это громогласное провозглашеніе, опредѣляющее дѣйствіе, ему соотвѣтственное, т.-е. дѣйствіе уже принадлежащее вторнику, а не понедѣльнику, есть *реформа* (к. п.) *во-время, къ мѣсту, по закону вѣчной правды* (см. письмо 2-го марта 1850 г., „*Русск. Арх.*“ 1867, стр. 1438). — Что бы заглянуть въ эти письма современнымъ благонамѣреннымъ глашатаямъ регресса!

[1]) См. Дневн. Никитенко II, 4 и Дневн. Валуева въ „*Русской Старинѣ*“ 1891, V, 355.

[2]) Ссылаясь на записку Валуева, гдѣ говорилось, что тогдашнее бѣдственное

вить себѣ!—переполохъ, произведенный этимъ неожиданнымъ, но сильнымъ ударомъ колокола, раздавшимся изъ морского вѣдомства и, съ одной стороны, ошеломившимъ цѣпкихъ представителей старой системы, а съ другой—освѣжившимъ, какъ очищающее и оживляющее дуновеніе съ моря, обѣщая очистить застоявшуюся загнившую атмосферу правящихъ сферъ [1])...

Морское вѣдомство, которому по роду своей спеціальности не было дотолѣ никакого дѣла до „постороннихъ вѣдомствъ“ и до котораго тоже не было никому дѣла изъ лицъ другихъ вѣдомствъ, дѣлается съ половины 50-хъ годовъ средоточіемъ разнообразной кипучей дѣятельности, живо заинтересовавшей все мыслящее русское общество. Начиная отъ этнографическихъ экспедицій для изученія разныхъ мѣстностей Россіи (при участіи такихъ писателей, какъ Писемскій, Григоровичъ, Гончаровъ и др.) и кончая вопросами гласности, гласнаго судопроизводства [2]) и отмѣны тѣлесныхъ наказаній (и это, замѣтьте, въ вѣдомствѣ, гдѣ необходимость безчеловѣчныхъ наказаній ради поддержанія дисциплины почти вездѣ признавалась неопровержимой аксіомою!), и даже вопросами ра-

---

положеніе Россіи вызва́но оффиціальною ложью, вел. кн. указывалъ, что „въ будущихъ отчетахъ онъ требуетъ не похвалы, а истины, а въ особенности откровеннаго изложенія недостатковъ управленія и сдѣланныхъ ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ будетъ нужно читать *между строкъ*, будутъ возвращены съ большею *гласностью*“. (*„Русск. Стар.“* 1891, № 5, стр. 359).

[1]) Приказъ вел. кн. Константина Николаевича,—пишетъ Никитенко,—производитъ большой шумъ въ городѣ. Министрамъ и всѣмъ, подающимъ отчеты, приказъ очень не нравится. Въ сущности же это прекрасное дѣло. Многимъ (гр. Панину и др.) вообще не нравится, что начинаютъ подумывать о гласности и объ общественномъ мнѣніи. (Тамъ же, 26 и „Дневникъ“ Валуева въ *„Русск. Стар.“* 1891, май, 345). См. также выше стр. 295 прим. 1.

[2]) Энергичнымъ сотрудникомъ в. к. по военно-судебной реформѣ былъ П. Н. Глѣбовъ; въ концѣ 50-хъ годовъ онъ помѣстилъ въ *„Морскомъ Сборникѣ“* рядъ статей о гласности, состязательности и прочихъ предметахъ раціональнаго судопроизводства, за защиту которыхъ въ то время еще можно было прослыть сумасшедшимъ или политическимъ преступникомъ (см. Дневникъ Никитенко, II, 352). Газеты наши, — пишетъ Валуевъ,—живутъ только перепечатками изъ *„Морского Сборника“* (*„Русск. Стар.“* 1891, № 5, стр. 341). Въ видахъ улучшенія *„Морского Сборника“* в. к. разослалъ циркуляръ, въ которомъ назначалъ щедрую премію за статьи, написанныя *смѣло и сильно* съ цѣлью: a) опорочить и осмѣять недостатки, существующіе между моряками: систему лжи, самовосхваленіе, образъ взгляда на казенное имущество, на расчеты съ углемъ, дровами, систему наказаній и обращенія съ нижними чинами; b) изъясненія правильнаго пониманія нѣкоторыхъ предметовъ (взглядъ на награды, на товарищескія отношенія). Желательно бы колкою насмѣшкой порицать зло,—добавляетъ в. к., бывшій впослѣдствіи почитателемъ сатиръ Щедрина,—и хвалить добро умно, а не приторно (*„Русск. Старина“*, 1891 г., май, 360).

ціональной педагогики—все интересуетъ морское вѣдомство, имѣющее во главѣ живого, пылкаго энциклопедиста и гуманиста, великаго князя Константина Николаевича. Журналъ морского министерства—„*Морской Сборникъ*“—дѣлается, благодаря А. В. Головнину, однимъ изъ самыхъ живыхъ и популярныхъ органовъ печати (достаточно напомнить знаменитыя статьи Н. И. Пирогова „Вопросы жизни“, впервые поставившія педагогику на

Великій князь
Константинъ Николаевичъ.

почву гуманитарную и сдѣлавшія брешь въ старой ремесленной школѣ профессіональной муштровки), а само министерство убѣжищемъ [1]), гдѣ спасаются всѣ люди независимаго характера отъ самодурства самовластныхъ бюрократовъ стараго закала въ родѣ гр. Панина [2]), либо много-

---

[1]) См. статью сенатора А. Ѳ. Кони „Новые мѣхи и новое вино“ въ № 3 „*Книжки Недѣли*“ за 1892 г., стр. 28.

[2]) Характеристику гр. Панина см. выше, гл. I, § 1.

численныя жертвы дикихъ безчинствъ патріархально свирѣпствовавшихъ дикихъ представителей „властной руки“ въ родѣ Бибикова [1]), Клейнмихеля и Муравьева. Словомъ, морское вѣдомство, руководимое либеральнымъ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, этимъ „le plus libéral et le plus éclairé prince de l'empire“, какъ достойно величаетъ его знаменитый французскій публицистъ Лероа-Болье [2]), сдѣлалось настоящимъ разсадникомъ или главнымъ штабомъ всего того преобразовательнаго движенія 60-хъ годовъ, которое привело къ реформамъ, „составляющимъ, какъ гласилъ рескриптъ Александра III на имя кн. А. М. Горчакова, гордость нашу и славу минувшаго царствованія“.

II.

Для исторіи русской культуры особенное значеніе имѣетъ дѣятельное и рѣшительное участіе великаго князя Константина Николаевича въ ве-

---

[1]) Привѣтствуя съ восторгомъ увольненіе „великихъ государственныхъ мужей старой школы“, министровъ Бибикова и Клейнмихеля, цензоръ Никитенко замѣчаетъ, что первый могъ бы быть развѣ хорошимъ брантмайоромъ, а второй смотрителемъ тюрьмы. Ихъ систему *рѣшительныхъ мѣръ* (курс. подл.) Никитенко характеризуетъ словами сказки: „а нашъ богатырь, что медвѣдь въ лѣсу—гнетъ дуги, не паритъ, сломитъ—не тужитъ“ (см. Днев. II, 19). Отставка Бибикова послѣдовала 20 августа 1855 г., т.-е. на другой день по окончаніи 6-ти мѣсячнаго траура (см. Дневникъ П. А. Валуева въ „*Русской Старинѣ*“ 1891, № 4, стр. 181). Удаленіе Клейнмихеля Валуевъ привѣтствуетъ, какъ *внутреннюю побѣду* (тамъ же № 5, стр. 340).

— Въ „*Историч. Вѣстникѣ*“ напечатаны воспоминанія путейскаго офицера, показывающія, до чего могъ доходить въ своемъ дикомъ самовластіи этотъ „бичъ Божій, Атилла всего инженернаго корпуса, неумолимо злобный графъ Клейнмихель“. Николай I, сильно разсердившись на путейскаго молодого офицера, который ночью, не узнавъ государя, толкнулъ его нечаянно, потомъ простилъ офицера, сказавъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Клейнмихель, ты *не помышляй* съ него взыскивать, такъ какъ я простилъ его! А ты теперь можешь идти домой съ Богомъ!“ На этомъ однако дѣло не окончилось, и по пословицѣ: „милуетъ царь, да не милуетъ псарь“ офицера ждала жестокая расправа со стороны звѣря Клейнмихеля. „Рано утромъ,—пишетъ онъ,—мой сладкій сонъ былъ внезапно нарушенъ стукомъ двери въ мою комнату. Я открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою свирѣпую фигуру жандарма... Восемь дней и ночей безъ малѣйшаго отдыха мчалъ меня жандармъ, пока не передалъ кавказскому начальству при конвертѣ изъ штаба путей сообщенія. Въ немъ, въ этомъ конвертѣ, оказалось строжайшее предписаніе, за собственноручною подписью Клейнмихеля, меня, Ясинскаго „за политическую неблагонадежность *припрятать на Кавказѣ и ни подъ какимъ видомъ и никогда отсюда не выпускать ни съ отпускъ, ни въ отставку*“ („*Истор. Вѣстн.*“ 1893, май).

[1]) См. Leroy-Beaulieu—Un homme d'état russe (N. Milutine). Paris 1884, стр. 159.

личайшей изъ реформъ нынѣшняго столѣтія [1])—въ крестьянской. Незабвенныя, исключительныя заслуги покойнаго великаго князя были оффиціально признаны еще въ 1861 г. въ знаменитомъ рескриптѣ, данномъ въ одинъ день съ подписаніемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

„Подписавъ сегодня манифестъ о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, Я и *по влеченію сердца и по долгу моему*,—писалъ Александръ II,—желаю въ этотъ самый *достопамятный для Россіи* [2]) день изъявить Вамъ мою живѣйшую и глубокую признательность за точное, скорое, вполнѣ моей волѣ и моимъ ожиданіямъ соотвѣтствующее окончаніе сего важнаго государственнаго дѣла. Съ самаго назначенія Вашего 15-го іюля 1857 г. членомъ Комитета, учрежденнаго для предпринятаго преобразованія, Вы принимали дѣятельное участіе во всѣхъ онаго дѣйствіяхъ, и, по окончаніи въ октябрѣ 1860 г. состоявшими при семъ Комитетѣ Редакціонными Коммиссіями порученныхъ имъ работъ, призывая главный Комитетъ къ подробному представленныхъ ими проектовъ разсмотрѣнію, Я, по особому къ вамъ довѣрію, назначилъ Ваше Высочество предсѣдателемъ въ семъ Комитетѣ. Вы вполнѣ оправдали сіе довѣріе. Глубоко и тщательно изучивъ все, относящееся къ важнымъ, разнообразнымъ вопросамъ, Вы съ *пламеннымъ ко благу общему усердіемъ* посвящали ежедневно трудамъ въ главномъ Комитетѣ всѣ Ваши усилія, все Ваше время *и, безъ сомнѣнія, благодаря Вамъ*, подробное разсмотрѣніе сего обширнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ и составленіе нѣсколькихъ положеній приведены къ окончанію въ назначенное время".

Искренній, сердечный тонъ этого документа уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, что тутъ мы дѣло имѣемъ не съ одной изъ тѣхъ оффиціальныхъ условностей, fable convenue, побасенокъ, которыми, по разнымъ соображеніямъ, иногда прикрашивается оффиціальная версія государственныхъ событій [3]) и противъ которыхъ возсталъ бы первый самъ адресатъ, рьяный изобличитель „оффиціальной лжи". Пылкій по темпераменту [4]), по справедливому замѣчанію одного изъ ближайшихъ свидѣ-

---

[1]) См. тамъ же, 29.

[2]) Выраженіе *„день достопамятный для Россіи"*, вѣроятно, было поставлено вмѣсто слова „радостный", которое значилось въ первоначальномъ проектѣ манифеста и которое было вычеркнуто, по предложенію митрополита Филарета (см. главу I, § 3).

[3]) Удалившемуся по болѣзни первому предсѣдателю Главнаго Комитета кн. Орлову, завзятому крѣпостнику, также была выражена въ рескриптѣ за *услуги*, оказанныя освобожденію крестьянъ, оффиціальная благодарность, имѣвшая характеръ ироніи. (См. Матеріалы для истор. упраздн. крѣп. сост. III, 150).

[4]) Горячій, какъ человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, вел. кн. умѣлъ, однако, когда требовали обстоятельства, сдерживать свою горячность. „Въ началѣ своего служенія на посту предсѣдателя Государственнаго Совѣта, — писалъ покойный М. И. Семевскій, служившій подъ начальствомъ вел. кн.,—пылкость и страстность характера великаго князя нѣсколько порывисто прорывались, но съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ собою и былъ на высотѣ своего положенія, быстро усваивая суть обсуждавшихся вопросовъ, сглаживая оттѣнки разномыслія и приводя собраніе къ единогласному рѣшенію („*Русская Старина*", 1892. № 3, стр. III).

телей дѣла освобожденія, вел. кн. Константинъ Николаевичъ вложилъ въ это великое дѣло *всю свою душу* и былъ ревностнѣйшимъ помощникомъ Александру II въ осуществленіи его воли [1]).

И тутъ нѣтъ и тѣни преувеличенія!

Сочувствуя по человѣчеству горькой долѣ милліоновъ обездоленныхъ крестьянъ, лишенныхъ правъ человѣческой личности, и признавая современность, стало быть, и необходимость освобожденія крестьянъ, съ точки зрѣнія государственнаго блага, Константинъ Николаевичъ отдался этой благородной, но трудной и опасной (опасной даже при его высокомъ общественномъ положеніи) проблемѣ со всѣмъ жаромъ теплаго братскаго сочувствія и съ неуклонною настойчивостью закаленнаго и просвѣщеннаго государственнаго человѣка. Предпочитая сладкому „безопасному безdѣлью“, inertiae dulcedo [2]) всѣ трудности и опасности убѣжденнаго борца за правое дѣло, вел. кн. покинулъ холодныя сферы полуравнодушнаго, оффиціальнаго безстрастія, нерѣдко прельщающія своею безмятежностью лѣнивыя натуры и далеко не такого высокаго происхожденія. Не имѣя ничего общаго съ этими равнодушными къ общественному благу людьми—(по поводу которыхъ апокалипсисъ говоритъ: поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ),—знаменитый поборникъ народной свободы съ самаго начала [3]) крестьянской реформы открыто, грудью сталъ за дѣло свободы, давая отпоръ властнымъ врагамъ ея, и нерѣдко для защиты ея лично вмѣшивался въ самыя ожесточенныя боевыя схватки, происходившія около этой великой реформы, испытывая и огорченія, и радости, выпадающія въ удѣлъ всѣмъ благороднымъ бойцамъ за свободу.

Одно время послѣ смерти перваго предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи, Я. И. Ростовцева, существовало предположеніе назначить на его мѣсто вел. кн. Константина Николаевича. Мысль эта была оставлена въ тѣхъ видахъ, дабы не сдѣлать члена императорской фамиліи мишенью тѣхъ безчисленныхъ злостныхъ клеветъ и враждебныхъ демонстрацій, на которыя были такъ щедры жадные и злые крѣпостники по отношенію къ

---

[1]) См. н. с. Семенова, III, 753.

[2]) Taciti Vita Agricolae, III.

[3]) „Весьма естественно было императору Александру II,—говорилъ бывшій секретарь Редакціонной Коммиссіи сенаторъ П. П. Семеновъ въ рѣчи, посвященной памяти вел. кн. Константина Николаевича, — искать не только утѣшенія, но и нравственной поддержки внѣ Комитета (враждебнаго реформѣ) и въ особенности въ своей семьѣ, въ которой онъ нашелъ двухъ горячихъ и *безбоязненныхъ* сторонниковъ освобожденія крестьянъ. Это были великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна“ („*Русская Старина*“ 1892, № 3. Рѣчь сен. Семенова, на 31-й годовщинѣ „19 февраля“, стр. 814).

своимъ противникамъ [1]). Тщетная предосторожность! Покойный вел. кн. Константинъ Николаевичъ слишкомъ много и слишкомъ горячо поработалъ для народной свободы, чтобы его могли миновать тернія, неизбѣжныя при исполненіи такой благородной, человѣчной миссіи...

До іюля 1857 г. великій князь не принималъ оффиціальнаго участія въ Секретномъ Комитетѣ, вѣдавшемъ крестьянскій вопросъ, хотя и былъ посвященъ въ тайну императоромъ Александромъ II [2]), котораго онъ горячо поддерживалъ въ его благородномъ начинаніи вмѣстѣ съ великою княгинею Еленою Павловною. Но, какъ извѣстно, мысль государя объ освобожденіи была встрѣчена крайне враждебно со стороны приближенныхъ Государя и всѣхъ высшихъ придворныхъ сановниковъ, а также большинства членовъ Секретнаго Комитета и Государственнаго Совѣта:

Намъ рано, рано! въ злобѣ страстной
Кричалъ испуганъ барства цвѣтъ.

Всякій разъ, какъ темныя силы,—дружному и искусному натиску ихъ долженъ былъ уступить самъ Николай I [3]),—дѣлали отчаянныя попытки, чтобъ остановить поступательное движеніе, начавшееся съ новымъ царствованіемъ, чтобы поколебать рѣшимость. Царя объявить волю; всякій разъ, какъ у мягкаго Монарха подъ дѣйствіемъ окружающей, враждебной свободѣ среды являлись колебанія и вырывался скорбный возгласъ: „елоі, елоі!..“ [4]), отъ котораго не застрахованы самые могущественные владыки земные,—в. к. Константинъ Николаевичъ былъ тутъ-какъ-тутъ, чтобы сильнымъ доводомъ ума укрѣпить колеблющуюся волю, чтобы дружескимъ участіемъ успокоить мнительность, чтобы разсѣять несокрушимою вѣрою въ силу добра внушаемое старыми бюрократами недовѣріе къ свободѣ, къ народу, къ печати и вообще къ свободному общественному развитію...

Въ теченіе полугода Секретный Комитетъ ничего путнаго не сдѣлалъ и очевидно, разсчитывалъ похоронить крестьянскій вопросъ, какъ и шесть прежнихъ подобныхъ комитетовъ, существовавшихъ при Николаѣ I [5]). Вернувшись изъ заграничной поѣздки, Александръ II, поддержанный въ своемъ намѣреніи дать свободу королемъ прусскимъ Вильгельмомъ и ба-

---

[1]) Тамъ же, стр. 818.

[2]) См. выше стр. 17, прим. 1.

[3]) См. гл. I, стр. 8—9.

[4]) „Я даже отъ самыхъ близкихъ мнѣ людей,—съ грустью говорилъ Александръ II Я. И. Ростовцеву,—слышу *только упреки и сѣтованія* за то, что началъ это дѣло освобожденія“. См. брошюру г. Еленева: „Первые шаги освобожденія крестьянъ“, 59.

[5]) Боясь рѣшительныхъ мѣръ и не сочувствуя реформѣ, сановники по обыкновенію прикрывалися необходимостью осмотрительности и осторожности въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ. См. н. рѣчь сен. Семенова, стр. 814.

рономъ Гастгаузеномъ [1]), остался недоволенъ, узнавъ „о политикѣ“ Секретнаго Комитета. Въ видахъ внесенія въ дѣятельность его свѣжей струи въ іюлѣ 1857 г. былъ назначенъ членомъ его вел. кн. Константинъ Николаевичъ, который и не замедлилъ поставить ребромъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права передъ озадаченными и испуганными сановниками, расчитывавшими покончить съ вопросомъ изморомъ. 15, 16, 17 августа 1857 г. вел. кн. имѣлъ горячія стычки съ защитниками крѣпостного права, но они остались въ большинствѣ. Впрочемъ, рѣшено было сдѣлать ничтожный шагъ впередъ: приступить къ *собранію данныхъ для улучшенія быта крестьянъ*,—объ освобожденіи крестьянъ никто еще не смѣлъ оффиціально заикнуться. Вѣря въ великое значеніе печати [2]) и общественнаго мнѣнія,—не даромъ писалъ тогда Катковъ, „что общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени“,—вел. кн. Константинъ Николаевичъ сдѣлалъ было попытку внести *гласность* въ обсужденіе крестьянскаго вопроса [3]) и тѣмъ сразу поставить его,—какъ и сдѣ-

---

[1]) См. н. Матеріалы I, 127.

[2]) Вел. кн. Константинъ Николаевичъ всегда стоялъ за необходимость предоставленія печати широкой свободы. „Это былъ, по замѣчанію историка Семевскаго, государственный мужъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, признававшій необходимость возможно болѣе *широкой свободы* печати и права обсужденія общественной и государственной дѣятельности всѣхъ и каждаго. Убѣжденіе это сохранено было великимъ княземъ во всю его жизнь, и оно было до того [*сильно*, — добавляетъ Семевскій,—что его не поколебали даже и тѣ нападки и обвиненія, которыя сыпались на него въ русской печати, напр., во время польской смуты, изъ обоихъ лагерей“ („*Русск. Стар.*“, 1892, № 2). Чтобы оцѣнить такое разумное, достойное истиннаго джентльмена и государственнаго человѣка отношеніе даже къ такимъ беззастѣнчивымъ литературнымъ противникамъ, каковъ былъ извѣстный московскій маніакъ-публицистъ Катковъ (ср. Дневникъ Никитенко, II, 399), достаточно припомнить, какъ другіе расправлялись съ своими литературными врагами; достаточно припомнить исторію съ „*Голосомъ*“, прекращеннымъ гр. Д. А. Толстымъ, удаленіе котораго въ 1880 г. тотъ имѣлъ неосторожность привѣтствовать какъ *третье* освобожденіе, совершенное Александромъ II послѣ освобожденія крестьянъ и болгаръ.

[3]) См. н. Матеріалы I, 135. Начальникъ III [отдѣленія кн. В. А. Долгоруковъ, само собою разумѣется, былъ естественнымъ противникомъ гласности. Поэтъ Тютчевъ по этому поводу сострилъ, что кн. Долгоруковъ не прочь бы даже и страшный судъ произвести при закрытыхъ дверяхъ (н. с. Лероа-Болье, 155, прим.). Изъ другихъ представителей партіи крѣпостниковъ особенно ратовали противъ гласности кн. Менщиковъ, тотъ самый, который проектировалъ освобожденіе крестьянъ растянуть на 70 лѣтъ. По словамъ князя, съ допущеніемъ гласности въ журналахъ будутъ [писать не помѣщики, а *профессора и студенты*, и ничего добраго изъ этого не выйдетъ, а будетъ одно только зло (см. н. Матеріалы II, 134).

„*Тайна* была нужна и страшна, — пишетъ въ запискахъ своихъ А. И. Левшинъ, ближайшій помощникъ министра внутреннихъ дѣлъ при Ланскомъ,—при

лано было нѣсколько позже,—на твердую почву [1]). Но попытка встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны большинства Секретнаго Комитета которое усмотрѣло въ такомъ необычайномъ шагѣ революціонную мѣру [2]).

Великая жизненная реформа рисковала быть отложенной въ долгій ящикъ и завязнуть въ стадіи безплоднаго бюрократическаго пережевыванія вопроса, т. е. собиранія все новыхъ и новыхъ данныхъ, если бы не „внушенный“ адресъ литовскаго дворянства, давшій спасительный

самомъ приступѣ къ крестьянской реформѣ, потому что боялись преждевременнаго открытія ея милліонамъ крѣпостныхъ людей; къ тому же въ понятіяхъ наибольшей части пожилыхъ людей, не исключая многихъ членовъ высшаго правительства, освобожденіе крестьянъ должно было неминуемо вызвать кровопролитіе и требованіе политической свободы. Послѣ этого легко себѣ представить,—говорилъ Левшинъ,—что рѣчь государя московскимъ предводителямъ 1856 г. (о неизбѣжности освобожденія по требованіямъ вѣка) была громовымъ ударомъ для большинства публики и свѣтовымъ лучемъ надежды для немногихъ“. См. „Достопамятныя минуты въ моей жизни“. Записки А. И. Левшина. „*Русскій Архивъ*“ 1885, № 8, стр. 476.

[1]) Только благодаря гласности, правительство дѣлало, по мнѣнію Милютина, рѣшительный шагъ, связывавшій его самого. См. Лероа-Болье, 14. Любопытно, что „хамы“, которыхъ родовитые аристократы и за людей не считали, сразу сообразили, что значитъ гласность. Дѣло пошло на огласку, говорили они, теперь господа его не скроютъ (см. Н. Крыловъ — „Очерки изъ далекаго прошлаго“ въ „*Вѣстн. Европы*“, 1900, № 5, стр. 154).

[2]) См. Матеріалы, I, 137. См. ниже главу о Н. А. Милютинѣ.

О допущеніи гласности въ „Запискѣ“ Левшина находимъ слѣдующія подробности: Въ концѣ 1857 г. на большомъ придворномъ балу Левшинъ заявилъ государю, что для уясненія подробностей дѣла недостаетъ свѣдѣній и что въ этомъ нужно содѣйствіе публики и литературы. Въ этихъ видахъ онъ предлагалъ открытіе въ оффиціальныхъ правительственныхъ журналахъ разработку крестьянскаго вопроса и для начала самъ предложилъ статью. Государь сдѣлалъ на статьѣ надпись: „совершенно согласенъ съ его мнѣніемъ“, хотя и призналъ нѣкоторыя мѣста рѣзкими. Главный Комитетъ счелъ излишнимъ печатаніе статьи, „полагая болѣе удобнымъ оффиціальнымъ путемъ объявлять намѣренія правительства, нежели путемъ журнальной статьи. Но то, что не было принято по моему мнѣнію и представленію, не безъ огорченія вспоминаетъ Левшинъ, то вскорѣ допущено было вліяніемъ великаго князя Константина Николаевича и окружающихъ его съ гораздо большею свободою для всѣхъ, безъ исключенія, журналовъ. Малаго не хотѣли дать, а многое дали. Это показываетъ, какая *шаткость* была *во всѣхъ дѣйствіяхъ* правительства. Впрочемъ, говоря *многое*, я не имѣю цѣлью осуждать допущенную гласность, а только сказать, что она была допущена безъ послѣдовательности, безъ обдуманнаго плана, *на авось*, подъ вліяніемъ угожденія царскому брату или второпяхъ при выходѣ изъ засѣданія, когда члены комитета, утомленные несоразмѣрною съ ихъ силами работою, голодомъ, спѣшили домой къ обѣду“. (См. „Записку“ Левшина, въ „*Русск. Архивѣ*“, 1885, № 8, стр. 540). Несмотря на эту оговорку, пристрастіе Левшина, стараго бюрократа, къ оффиціозной, т.-е. односторонней и искаженной гласности, рѣзко бросается въ глаза.

толчекъ дѣлу. По мѣткому замѣчанію извѣстнаго дѣятеля крестьянской реформы П. П. Семенова, адресы эти послужили рычагомъ [1]), давшимъ возможность вывести крестьянскій вопросъ изъ летаргическаго состоянія. Подъ вліяніемъ горячихъ сторонниковъ освобожденія Секретному Комитету повелѣно было въ кратчайшій срокъ обсудить заявленіе литовскаго дворянства, которое изъявило согласіе на освобожденіе крестьянъ хоть и безъ земли. Даже и это умѣренное предложеніе не было одобрено Секретнымъ Комитетомъ, и только группа великаго князя (Я. И. Ростовцевъ, С. С. Ланской и Д. Н. Блудовъ) стояла за объявленіе оффиціальнаго приступа къ освобожденію крестьянъ. Государь согласился съ мнѣніемъ этой группы, и въ памятный день *20 го ноября 1857 г.* послѣдовалъ рескриптъ на имя литовскаго дворянства съ разрѣшеніемъ устройства Губернскаго Комитета для составленія проекта „объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ“. Въ дополнительномъ „секретномъ“ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ уже прямо говорилось „объ уничтоженіи крѣпостной зависимости“, правда не вдругъ, а постепенно.

Сѣмя было брошено, нужно было обезпечить ему добрый всходъ—приливъ свѣта и тепла!.. Видя источникъ ихъ въ гласности, великій князь предложилъ Секретному Комитету необычайно смѣлую по тогдашнему времени, но счастливую мысль разослать рескриптъ и министерскій „секретный“ циркуляръ по всѣмъ губерніямъ. Комитетъ, хотя и неохотно, согласился на эту мѣру. Въ одну ночь, въ знаменитую ночь 21-го ноября, благодаря друзьямъ свободы, особенно знаменитому дѣятелю ея Н. А. Милютину [2]), были отпечатаны рескриптъ и циркуляръ, и на другой день,

---

[1]) *„Русская Старина“* 1892, № 3.

[2]) По словамъ Лероа-Болье, Милютину принадлежитъ въ разсылкѣ циркуляра главная руководящая роль. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 15, прим. 1. Но настоящимъ двигателемъ крестьянскаго вопроса въ этотъ моментъ былъ, по замѣчанію г. Р., вел. князь Константинъ Николаевичъ („Заря крестьянск. свободы“. *„Русск. Стар.“* 1897 г., XII, 451).

— „Циркуляръ этотъ испугалъ меня,—пишетъ тогдашній тов. мин. внутр. дѣлъ Левшинъ,—ибо, во-первыхъ, онъ вызывалъ косвенно все русское дворянство на общее преждевременное движеніе; во-вторыхъ, заключалъ въ себѣ *неправду*, которая вовсе не была нужна и, вѣроятно, вкралась отъ поспѣшности (!). Комитеты ковенскій, гродненскій и виленскій вовсе *не говорили* о неизбѣжности освобожденія, и, слѣдовательно, министръ не могъ сказать въ циркулярѣ на всю имперію, что тѣ комитеты признали необходимымъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (см. записку его въ *„Русскомъ Архивѣ“* 1885, № 8, стр. 5). Въ противоположность моему мнѣнію, министръ такъ спѣшилъ разсылкою этого циркуляра, что мимо меня послалъ его въ типографію и приказалъ въ теченіе ночи отпечатать Когда я пріѣхалъ къ нему поутру, всѣ экземпляры были уже готовы и я, прочитавъ одинъ изъ нихъ, не обинуясь, объявилъ, что признаю эту публикацію преждевременною, неосмотрительною и несогласною съ истиннымъ поло-

22-го ноября, циркуляры летѣли уже во всѣ концы Россіи, разнося „секретную“ благую вѣсть о предстоящемъ освобожденіи народа. Если это и не была полная гласность, то было нѣчто довольно къ ней близкое.

Не на шутку встревожились и ужаснулись „спасатели отечества“, засѣдавшіе въ Секретномъ Комитетѣ, увидѣвъ такое поспѣшное приведеніе въ исполненіе подъ вліяніемъ „красныхъ“ постановленія Комитета. Привыкшіе къ потемкамъ канцелярской тайны, эти государственные мудрецы столько же боялись послѣдствій этого небывалаго шага, сколько и съ гадливымъ скептицизмомъ останавливались предъ такою профанаціею законодательной дѣятельности въ глазахъ profanum vulgus, толпы, какъ бы дѣлавшейся ея свидѣтелемъ, если не участникомъ и контролеромъ. Хранители ветхозавѣтныхъ традицій старой системы, консерваторы сдѣлали попытку остановить эту мѣру (разсылку циркуляровъ), которая, какъ они чуяли, должна была умалить могущество ихъ олигархической оппозиціи и вырвать изъ рукъ интригановъ судьбу великаго начинанія. Но было уже поздно. Стрѣла была пущена, и почта разносила по всѣмъ концамъ Россіи радостную вѣсть о грядущей свободѣ.

Значеніе мудрой мѣры, предложенной вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, было громадное для судебъ крестьянскаго вопроса. Оглашеніе начала приступа къ отмѣнѣ крѣпостного права имѣло первостепенное значеніе и для правительства, и для народа. Въ правительствѣ должны были прекратиться господствовавшія въ немъ дотолѣ колебанія и сомнѣнія. Оно сжигало корабли, отрѣзывало себѣ отступленіе и обязывалось

женіемъ дѣла, а потому не могу скрѣпить циркуляра. Ланской, уже начинавшій тяготиться слухами о томъ, что дѣло освобожденія веду болѣе я, нежели онъ, отвѣчалъ положительно, что онъ избавляетъ меня отъ скрѣпы всѣхъ вообще бумагъ и что товарищу министра это не совсѣмъ и прилично. Въ настоящемъ случаѣ я принялъ его слова къ исполненію безпрекословно; потому что самъ того желалъ, но прочія бумаги по крестьянскому дѣлу продолжалъ подписывать, пока увидѣлъ, что мы не знаемъ, куда идемъ, и пока убѣдился, что въ комитетѣ имѣютъ намѣреніе все дѣлать наперекоръ Ланскому, не уважая его мнѣній, а онъ не имѣетъ ни достаточно энергіи въ характерѣ, ни дара слова для поддержанія ихъ. На другой день по отправленіи циркуляра 21 ноября члены Комитета спохватились, что сдѣлали оплошность, и присылали въ министерство внутреннихъ дѣлъ узнать, нельзя ли остановить циркуляръ, но онъ уже былъ отправленъ на почту. Можетъ быть, эта опрометчивость и была полезна тѣмъ, что двинула дѣло повсемѣстно вопреки убѣжденіямъ Комитета; но тогда никто изъ людей осторожныхъ не оправдывалъ этой мѣры: ибо никто не смѣлъ надѣяться, что народъ русскій такъ благоразумно и терпѣливо будетъ ожидать окончательнаго разрѣшенія своей участи. Если ходъ дѣла будетъ такъ же благополученъ, какъ до сихъ поръ былъ, то я скажу: *Слава Богу, что меня не послушали!* Тѣмъ не менѣе, для исторической истины заношу этотъ фактъ въ мои записки такъ, какъ онъ былъ“. (См. назв. „Записку“, стр. 525).

безповоротно такъ или иначе довести дѣло до конца [1]). Кромѣ того, благодаря гласности и только ей одной, правительство получало могучаго союзника въ лицѣ либеральнаго общественнаго мнѣнія и литературы, при помощи которыхъ оно только и было въ состояніи одолѣть могущественныхъ противниковъ освобожденія—придворную и чиновную знать [2]). Для народа гласность имѣла также весьма серьезное значеніе. Какъ только разнесся въ концѣ 1857 г. слухъ о готовящемся освобожденіи, народъ уже съ конца царствованія Николая I ждавшій воли съ нетерпѣніемъ [3]), пришелъ въ крайне возбужденное, лихорадочное состояніе. Благодаря тѣмъ потемкамъ, которыя создавала допущенная полугласность, въ народѣ стали циркулировать слухи о томъ, что помѣщики скрываютъ отъ нихъ указъ о волѣ, и начались волненія. Для прекращенія ложныхъ слуховъ предписано было циркуляромъ отъ 3-го февраля 1858 г. напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ рескрипты [4]). И замѣчательно, что какъ только надежда на освобожденіе получила осязательную форму въ видѣ оффиціальнаго обѣщанія правительства, толки и волненія прекратились тотчасъ, и помѣщичьи крестьяне держали себя спокойно, какъ никогда, и съ этихъ поръ прекратились вовсе убійства помѣщиковъ [5]). Народъ до конца реформы оказалъ замѣчательную нравственную выдержку [6]) и оставался твердъ, но покоенъ, чѣмъ сильно помогъ благополучному исходу дѣла, немало огорчивъ консерваторовъ крѣпостническаго лагеря, разсчитывавшихъ

---

[1]) См. „*Русск. Стар.*“ 1892, № 3, стр. 816.

[2]) „Только благодаря поддержкѣ общественнаго мнѣнія, — говоритъ Лероа-Болье,—восторжествовали два наиболѣе спорные и важные пункта крестьянской реформы: надѣленіе крестьянъ землей и самоуправленіе крестьянскихъ обществъ“. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 53. Г. Крыловъ въ помянутыхъ запискахъ отмѣчаетъ громадную роль печати, которая помогла и правительству, и дворянскимъ депутатамъ, и всему дворянству оріентироваться въ сложномъ крестьянскомъ вопросѣ (см. „*Вѣстн. Европы*“ 1900, № 5, стр. 153).

[3]) О нетерпѣніи народа см. н. главу I, § 1.

[4]) См. н. Матеріалы II, 154.

[5]) См. тамъ же 174—175.

[6]) См. „*Русскую Старину*“ 1886, № 2, стр. 375, и выше главу I.

Это величавое спокойствіе народной массы при видѣ разрѣшенія множества жизненныхъ государственныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ послѣдніе четыре года, служитъ, по нашему мнѣнію, писала „*Сѣверная Пчела*“ въ № отъ 1-го января 1860, доказательствомъ, что въ русскомъ народѣ много задатковъ политическаго такта, что современемъ, когда разовьются государственныя способности этого, еще младенчествующаго теперь въ отношеніи внутренней политики народа, онъ представитъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи развитія человѣчества.

эксплоатировать народныя волненія въ интересахъ замедленія крестьянской реформы [1]).

Въ 1858 г. центръ тяжести крестьянскаго вопроса переходитъ въ провинціи, въ губернскіе комитеты; въ столицахъ правительственная дѣятельность ослабѣваетъ, но зато литература, несмотря на всѣ цензурныя стѣсненія, ухитряется пустить въ оборотъ мысль о необходимости освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ надѣломъ [2]). Само собою разумѣется, что в. к. Константинъ Николаевичъ становится на сторону этого „раціональнаго“ рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Въ 1859 г. открывается Редакціонная Коммиссія для составленія проекта Положенія о крестьянахъ. Знаменитая Коммиссія, какъ извѣстно, вынесла на своихъ плечахъ все бремя этого труднаго законодательнаго подвига и всю злобу ожесточеннаго крѣпостничества, перешедшаго въ своихъ нападкахъ на Коммиссію всякія границы не только приличія, но и самой элементарной честности [3]).

В. к. Константинъ Николаевичъ не входилъ въ составъ Коммиссіи, но онъ оказалъ въ это время ей и, стало быть, дѣлу свободы громадныя, хотя и незамѣтныя для публики, услуги. „Дѣятели крестьянской реформы, читаемъ въ одной кавказской газетѣ, редактируемой сыномъ Н. А.—Ю. Н. Милютинымъ, постоянно болѣзненно чувствовали *необезпеченность* своего дѣла, которое такъ странно поражаетъ насъ, не могущихъ себѣ представить, что въ ту пору (1859—60 г.) было еще вопросомъ, будутъ ли освобождены крестьяне, или все дѣло будетъ признано вредною затѣею. Въ это-то трудное время поддержка двухъ особъ императорской фамиліи, великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича, не разъ спасала дѣло. Какъ братъ и другъ императора Александра II, в. кн. Константинъ Николаевичъ много могъ вліять на успѣшный исходъ затрудненій, а чрезъ близкихъ ему людей (особенно А. В. Головнина) онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами Редакціонной Коммиссіи.—О всѣхъ опасностяхъ, тревогахъ и затрудненіяхъ сообщалось в. к. Константину Николаевичу, и отъ него приходили одобренія, обѣщанія защиты, совѣты и предостереженія. Эта сторона дѣла, не оставившая слѣдовъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, составляетъ самую

---

[1]) О томъ, какъ предполагали террорировать государя слухами о народныхъ волненіяхъ шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ и М. Н. Муравьевъ, см. выше главу I, § 1.

[2]) Исторію вопроса о надѣлахъ см. въ главѣ II, § 3.

[3]) Объ озлобленіи противъ Редакціонной Коммиссіи, „какъ очага красныхъ революціонеровъ“, см. въ главѣ 1, § 1.

существенную заслугу великаго князя. Это мелочи, но эти мелочи, охранили и выростили великое дѣло“ [1]).

Съ окончаніемъ работъ Редакціонной Коммиссіи и съ переносомъ дѣла въ Главный Комитетъ началась для великаго князя Константина Николаевича новая серія усиленныхъ трудовъ и чрезвычайныхъ заботъ о благополучномъ довершеніи крестьянскаго дѣла. Крѣпостническая партія напрягала всѣ усилія, чтобы добиться въ Главномъ Комитетѣ если не полнаго обезземеленія, что уже по духу времени казалось невозможнымъ, то возможно большаго сокращенія крестьянскихъ надѣловъ [2]). Фраза, неосторожно употребленная Государемъ, во время прощальной аудіенціи въ рѣчи, обращенной къ членамъ Редакціонной Коммиссіи („Можетъ быть, придется *многое* измѣнить“), окрылила надеждами консервативную партію. За то, чтобы *не* пришлось многое измѣнить, *постоялъ*, какъ вѣрно отмѣчаетъ лѣтописецъ этой Коммиссіи, уполномоченный довѣріемъ государя вел. кн. Константинъ Николаевичъ [3]).

Неожиданный случай пришелъ на этотъ разъ на помощь друзьямъ народа и свободы. На мѣсто князя Орлова, пораженнаго параличемъ *наканунѣ* (люди, привыкшіе къ земнымъ дѣламъ примѣшивать по своему произволу участье небесныхъ силъ, усмотрѣли тутъ руку Провидѣнія, какъ раньше [4]) крѣпостники радостно узрѣли наличность ея во внезапной смерти Ростовцева) открытія засѣданія Главнаго Комитета, предсѣдателемъ его былъ назначенъ великій князь. Понимая всю трудность и величіе выпавшей на его долю благородной миссіи, онъ отдался своимъ новымъ обязанностямъ всѣми силами своей души. Всегда отличавшійся добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ [5]), на сей разъ онъ отдалъ беззавѣтно

---

[1]) Газ. „*Кавказъ*“, 1892, № 14.

[2]) О взглядѣ крѣпостныхъ на надѣлъ см. въ главѣ I. § 1.

[3]) См. н. с. Семенова: Освобожденіе крестьянъ, 2 ч., III т., стр. 753.

[4]) См. Днев. Валуева. „*Русск. Стар.*“ 1891, X, 143.

[5]) М. И. Семевскаго поражали память и трудолюбіе вел. кн. Константина Николаевича. „Каждое сколько-нибудь важное дѣло, говоритъ онъ, изучаемо имъ было лично, нерѣдко безъ посредства докладчика, было ли то въ Главномъ Комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, въ главномъ присутствіи по воинской повинности или, наконецъ, въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Вел. кн. всегда приступалъ къ засѣданію лишь послѣ тщательнаго ознакомленія съ дѣломъ. Видя иногда утомленіе въ лицѣ августѣйшаго предсѣдателя, говоритъ тотъ же свидѣтель. мы спрашивали близкихъ къ нему о причинахъ утомленія и узнававали, что наканунѣ до глубокой ночи Е. В. читалъ дѣла, предназначенныя къ докладу, изучалъ ихъ, при чемъ зачастую справлялся въ нѣкоторыхъ книгахъ своей обширной библіотеки. Да, это былъ труженикъ государственный, заключаетъ Семевскій, труженикъ замѣчательныхъ способностей, дѣятель, всею душею желавшій пользы и блага горячо имъ любимой Россіи“ „*Русск. Стар.*“ 1892, №. 2, стр. 3“.

на служеніе правому народному дѣлу всѣ отпущенныя ему природою богатыя природныя дарованія, оплодотворенныя блестящимъ образованіемъ, безостановочнымъ саморазвитіемъ и жизненнымъ опытомъ. Если въ предыдущей стадіи крестьянской реформы великій князь въ качествѣ доброжелательнаго пѣстуна охранялъ Редакціонную Коммиссію, какъ колыбель народной свободы, отъ многочисленныхъ и могущественныхъ враговъ, пользуясь, главнымъ образомъ, своимъ высокимъ положеніемъ, близостью своею къ трону, то теперь, вступая въ champ clos, въ открытое единоборство съ корифеями плантаторской партіи, онъ могъ положиться только на свои личныя силы и умственныя способности, на свое замѣчательное образованіе, даръ слова, способность къ усидчивому труду и удивительную память [1]). Кромѣ того, онъ долженъ былъ возымѣть твердую и благородную рѣшимость пострадать за правду, принять ту горькую чашу тяжкихъ огорченій, клеветъ, на которыя были такъ щедры обозленные крѣпостники относительно всѣхъ крупныхъ дѣятелей крестьянской реформы [2]), отъ которыхъ далеко не защищало в. к. его высокое положеніе ни при жизни [3]), ни послѣ смерти.

Великій князь пошелъ навстрѣчу своему тяжкому, но завидному историческому жребію! Изучивъ его раньше [4]) во всѣхъ подробностяхъ про-

---

[1]) „Весьма часто бывало, разсказываетъ Семевскій, въ Главномъ Комитетѣ великій князь, остановивъ докладчика, самъ продолжалъ докладъ, съ поразительною ясностью излагая подробности спутанныхъ дѣлъ“ (тамъ же, стр. IV.)

[2]) О смерти Ростовцева, вызванной ожесточенными нападками крѣпостниковъ, см. въ главѣ I, § 1. С. С. Ланской, павшій, по происканъ реакціи, тотчасъ по обнародованіи манифеста, не могъ перенести своего неожиданнаго паденія (см. у Лероа-Болье, н. с. главу III). О систематической травлѣ крѣпостниками Н. А. Милютина, какъ „краснаго“, см. главы I—III н. с. Лероа-Болье. Указывая на тѣ нападки, оскорбленія и гоненія, коимъ иногда несправедливо подвергаются въ демократіяхъ общественные дѣятели, французскій публицистъ на примѣрѣ Н. А. Милютина показываетъ, какъ часто и при монархической формѣ правленія государственные люди, дѣйствующіе въ интересахъ народнаго блага, должны выносить молча всевозможныя горькія обиды и страданія (стр. 35 н. с.).

[3]) Говоря о семейномъ, частномъ празднованіи у вел. кн. въ 1886 г. юбилея великаго дня 19-го февраля—оффиціальное празднованіе, какъ извѣстно, не было разрѣшено гр. Д. Толстымъ,—сенаторъ П. П. Семеновъ говоритъ: „свѣтелъ и радостенъ былъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ въ этотъ день; великодушно забылъ онъ *тяжелое и горькое*, имъ пережитое въ трудную эпоху его дѣятельности; живо шла за столомъ бесѣда съ нами великаго князя, и ярко возстановляла его бойкая память одни свѣтлыя воспоминанія пережитаго, а особенно свѣтлыя они были потому, что великій князь и въ старые годы не утратилъ *пылкой вѣры* въ будущность русскаго государства и русск. народа“ („*Русск. Стар.*“ 1892 г. № 3, стр. 823).

[4]) Вел. кн. Константинъ Николаевичъ—говоритъ сенаторъ П. П. Семеновъ, —*одинъ* изъ всѣхъ членовъ Главнаго Комитета слѣдилъ шагъ за шагомъ за по-

ектированное Редакціонною Коммиссіею поземельное устройство крестьянъ, великій князь Константинъ Николаевичъ употребилъ чрезвычайныя усилія, чтобы склонить въ его пользу Главный Комитетъ. Большинство Комитета было однако противъ, образуя нѣсколько группъ. Горячо и ясно доказывалъ великій князь, что при осуществленіи предложеній гр. В. Н. Панина, у крестьянъ *отойдетъ одна треть* обезпечивавшихъ ихъ бытъ при крѣпостномъ правѣ надѣловъ, что при предположеніяхъ М. Н. Муравьева будетъ отобрана у нихъ *большая половина* надѣловъ, а при предложеніи кн. П. П. Гагарина *три четверти*, и бытъ крестьянъ такимъ образомъ *улучшенъ не будетъ*. Всебыло напрасно. Корыстныя вождѣленія дѣлали глухими ко всѣмъ доводамъ разума и общественной пользы—всѣ три меньшинства [1]).

Наконецъ, в. к. Константинъ Николаевичъ рѣшился на своего рода Геркулесовъ подвигъ: разубѣдить гр. Панина, дабы съ присоединеніемъ его голоса составить большинство хоть изъ пяти голосовъ. Это былъ необыкновенно смѣлый шагъ, потому что гр. Панинъ, не имѣя никакихъ политическихъ убѣжденій, въ истинномъ значеніи слова, отличался необычайнымъ упрямствомъ въ своихъ предубѣжденіяхъ и даже завѣдомо ошибочныхъ взглядахъ [2]). „Никогда не изгладятся изъ моей памяти, — вспоминалъ недавно сенаторъ П. П. Семеновъ, — тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ послѣ двухъ-часовыхъ горячихъ споровъ [3]), происхо-

---

степеннымъ развитіемъ законопроекта (составляемаго Редакціонною Коммиссіею) и при дѣятельномъ содѣйствіи А. В. Головнина (впослѣдствіи министра народ. просвѣщенія) всегда зналъ все, что тамъ происходило. Этимъ объясняется то, что когда въ октябрѣ 1860 г. законопроектъ, составленный Редакц. Ком., былъ ввесенъ въ Главный Комитетъ, то и изъ всѣхъ его членовъ, не исключая даже предсѣдателя комиссіи В. Н. Панина, великій князь ближе всѣхъ былъ знакомъ не только съ подробностями проекта, но и съ мотивами, руководившими его составителями, что было тѣмъ болѣе важно, что объяснительной записки Редак. Комиссія, вслѣдствіе *поспѣшности закрытія*, составить не успѣла (см. тамъ же, стр. 817).

[1]) Тамъ же, стр. 814.

[2]) Черты упрямаго самодурства гр. Панина см. въ главѣ I, § 1.

[3]) Споръ этотъ былъ оконченъ при комической и неприличной обстановкѣ (см. главу I), подробно описанной Н. П. Семеновымъ въ послѣдней части его Сборника (ч. 2, т. III, стр. 765—773). Гр. Панинъ настоялъ на отнятіи у крестьянъ сѣнокосовъ, отсутствіе которыхъ такъ вредно отразилось на хозяйствѣ ихъ. Мало того, съ какимъ-то упрямствомъ взбалмошнаго маніака онъ оттягивалъ у П. П. Семенова, защищавшаго норму крестьянскихъ надѣловъ, установленную Редакціонными Коммиссіями, $^1/_2$ десятины, $^1/_4$ десятины (стр. 771), не понимая и не будучи въ состояніи понять благодаря своему незнанію жизни и узко-бюрократическому воззрѣнію, какими неудобствами и затрудненіями должны были отразиться даже подобные ничтожные отрѣзки. (Въ письмѣ своемъ И. А. Милютину, отъ 25 сентября 1861 г. Ю. Ѳ. Самаринъ съ прискорбіемъ отмѣчаетъ,—какое тя-

дившихъ въ кабинетѣ великаго князя, ему удалось, наконецъ, убѣдить гр. Панина присоединиться къ мнѣнію большинства“ [1]).

Великій князь спасъ въ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ надѣлы, проектированные Редакціонною Коммиссіею, хотя и не вполнѣ [2]).

Императоръ Александръ II высоко цѣнилъ громадность услугъ, оказанныхъ в. к. Константиномъ Николаевичемъ крестьянской реформѣ, и въ памятномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28-го января 1861 года горячо благодарилъ его и цѣловалъ нѣсколько разъ [3]). „Я не забуду, и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ,—писалъ государь въ своемъ рескриптѣ 19 февраля 1861 г.,—*какъ* дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ В. И. В., и какъ *другіе* члены Главнаго Комитета“.

Въ тотъ же день этотъ временный комитетъ былъ переименованъ въ постоянный Комитетъ о сельскомъ состояніи, просуществовавшій до 1882 года. В. к. Константинъ Николаевичъ во все это время былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ Комитета и, насколько было возможно, охранялъ крестьянскую реформу отъ реакціи, наступившей уже съ апрѣля 1861 г. и постоянно усиливавшейся впослѣдствіи...

IV.

Во всѣхъ другихъ реформахъ Царя-Освободителя великій князь Константинъ Николаевичъ принималъ самое дѣятельное участіе, но самое сильное и рѣшительное вліяніе оказано было имъ на выработку благодѣтельнаго закона 17-го апрѣля 1863 г. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и Устава объ общей воинской повинности 1874 г. (см. главу XIII). Въ то время, какъ другіе цивилизованныя страны (какъ, напримѣръ, Англія) не рѣшались, въ виду особыхъ условій военно-морской дисциплины, отступить отъ установленныхъ съ незапамятныхъ временъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ, черезъ посредство органа своего вѣдомства „*Морского Сборника*“, бывшаго въ то время самымъ усерднымъ проповѣдникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей, подготовлялъ почву для смягченія и даже полнаго уничтоженія кошекъ и розогъ. Когда въ половинѣ марта кн. Орловъ (см. выше главу III) взялъ на себя иниціативу возбужденія вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ

желое впечатлѣніе производили на народъ затѣянные гр. Панинымъ отрѣзки „полудесятинъ“.—См. н. с. Лероа-Болье, стр. 98, примѣч.).

[1]) См. „*Русскую Старину*“ 1892 г., № 13, стр. 820.

[2]) См. н. сб. Семенова, ч. 2, т. III, стр. 762 о гагаринскомъ или „нищенскомъ“ надѣлѣ.

[3]) См. Матеріалы, III, 108.

наказаній, первый, кто привѣтствовалъ и поддержалъ это гуманное начинаніе, былъ в. к. Константинъ Николаевичъ. Въ обстоятельной запискѣ, проектъ которой былъ составленъ извѣстнымъ юристомъ, флота генералъ-аудиторомъ П. Н. Глѣбовымъ, игравшимъ важную роль какъ въ этой, такъ и въ судебной реформѣ, онъ всецѣло поддерживалъ предложенія кн. Орлова и даже шелъ дальше ихъ.

Признавая главныя мысли, изложенныя въ запискѣ князя Орлова, весьма основательными, великій князь полагалъ, что онѣ заслуживаютъ самаго серьезнаго, внимательнѣйшаго и неотложнаго обсужденія. „Тѣлесныя наказанія составляютъ,—писалъ онъ,—для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей; тѣлесныя наказанія могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности обойтись безъ нихъ, и этою только необходимостью, при существовавшемъ у насъ личномъ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, можетъ быть объяснена дѣйствующая у насъ система уголовно-исправительныхъ тѣлесныхъ наказаній. Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ-подъ личной зависимости помѣщиковъ, настоятельно необходимо озаботиться о принятіи другой системы наказаній и взысканій: *это необходимо не только въ чувствахъ человѣчества, но и для предупрежденія конечной порчи народной нравственности, для обезпеченія спокойствія и общественнаго порядка въ государствѣ.* Въ сихъ видахъ надлежитъ стремиться постоянно къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, *принимая нынѣ же, безъ всякаго отлагательства*, соотвѣтствующія мѣры, сколько для ослабленія жестокости тѣлесныхъ наказаній и для ограниченія случаевъ употребленія ихъ, столько же и для взысканія, въ городахъ *и селахъ*, способовъ въ постепенной замѣнѣ тѣлесныхъ наказаній иными взысканіями. Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на употребленіе тѣлесныхъ наказаній и въ войскахъ: ни жестокость тѣлесныхъ казней и наказаній, ни частое употребленіе ихъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины; а, напротивъ, жестокость тѣлесныхъ наказаній и неумѣренное употребленіе ихъ, безъ крайней въ томъ необходимости и безъ достаточнаго зрѣлаго обсужденія проступка виновнаго, могутъ ослаблять силу военной дисциплины, подрывая [illegible]ную связь между офицерами и нижними чинами, поселяя въ нихъ чувство взаимнаго неуваженія и нерасположенія. Въ виду этого великій князь вполнѣ соглашался съ бывшимъ военнымъ министромъ, что возможно [illegible]нить наказаніе шпицрутенами, не употреблять вовсе тѣлеснаго наказанія по суду, какъ наказанія прибавочнаго, и ограничить власть начальниковъ въ назначеніи тѣлеснаго наказанія, по собственному ихъ усмотрѣнію, 50-ю ударами розогъ.

По мнѣнію великаго князя, всѣ эти мѣры могли быть объявлены по военному и морскому вѣдомствамъ, *не ожидая* окончательнаго пересмотра и утвержденія проекта воинскаго устава о наказаніяхъ, а вмѣстѣ съ этимъ весьма полезно было бы постановить, для ограниченія самопроизвольныхъ, необдуманныхъ распоряженій начальниковъ, и нѣкоторыя правила относительно самаго порядка назначенія тѣлесныхъ наказаній безъ суда".

Далѣе, великій князь въ своемъ мнѣніи заявляетъ, что сколь ни желательно, чтобы плети рукою палача и розги, какъ прибавочное наказаніе, были отмѣнены по гражданскому вѣдомству въ возможно скорѣйшемъ времени, но если по какимъ-либо обстоятельствамъ признается нужнымъ отложить это на нѣкоторое время, то, при дѣйствіи въ военномъ вѣдомствѣ особыхъ постановленій о судѣ и наказаніяхъ, не усматривается достаточнаго основанія отлагать объявленіе вышеозначенныхъ мѣръ по военному вѣдомству впредь до того времени, когда плети и розги будутъ отмѣнены въ гражданскомъ вѣдомствѣ [1]).

Затѣмъ и при дальнѣйшемъ развитіи вопроса в. к. Константинъ Николаевичъ все время шелъ впереди человѣколюбивыхъ дѣятелей, боровшихся противъ защитниковъ тѣлесныхъ наказаній, которые старались ослабить или понизить силу новаго гуманнаго движенія. Такъ, надменный человѣконенавистникъ гр. Панинъ настаивалъ на томъ, чтобы въ виду отмѣны тѣлеснаго наказанія *усилено* было для простолюдиновъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, наказаніе увеличеніемъ срока ссылки. Генералъ-адмиралъ рѣшительно возсталъ противъ такого несправедливаго, явно жестокаго предложенія, исходящаго изъ того ложнаго основанія, будто ссылаемый въ Сибирь простолюдинъ ничего не теряетъ. „Лишеніе человѣка всѣхъ тѣхъ благъ,—писалъ онъ,—которыми пользуется онъ въ обществѣ, какъ бы повидимому они ни были незначительны, разрывъ всѣхъ его привязанностей къ людямъ и къ мѣстамъ не можетъ не ужасать подвергающихся сей потерѣ" [2]). Точно такъ же онъ горячо ратовалъ и противъ предложеннаго злымъ рутинеромъ гр. Панинымъ переноса клейма съ лица подсудимаго на плечо его [3]). Равномѣрно настаивалъ на отмѣнѣ не только розогъ, но и своеручныхъ побоевъ, имѣвшихъ столь широкое примѣненіе какъ въ военномъ и морскомъ, такъ и гражданскомъ быту [4])...

Но какъ ни важна была дѣятельность великаго князя относительно

---

[1]) См. Сводъ мнѣній [illegible]ній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 11 и слѣд.

[2]) Тамъ же 54.

[3]) Тамъ же 61.

[4]) Тамъ же 99.

другихъ реформъ, роль его въ крестьянской реформѣ, какъ уже сказано, имѣетъ особо выдающееся значеніе.

Имя великаго князя Константина Николаевича неразрывно связано съ вѣчно памятнымъ дѣломъ отмѣны крѣпостного состоянія крестьянъ. Имена дѣятелей его,—говорилъ В. К. Чевкинъ въ 1860 году,—будутъ „черезъ нѣсколько лѣтъ во святыхъ“ [1]). Предсказаніе не вполнѣ оправдалось, по крайней мѣрѣ, относительно времени. Даже тѣ,—освобожденные крестьяне,—которые наиболѣе выиграли отъ освободительнаго акта, не знаютъ, благодаря своему невѣжеству, именъ дѣятелей его. Что же касается субъектовъ крѣпостного права, бывшихъ душевладѣльцевъ, то они, тоже по невѣжеству, хотя и менѣе извинительному, и донынѣ все еще изрыгаютъ человѣконенавистническую хулу и проклятія на этихъ доблестныхъ государственныхъ дѣятелей и честныхъ слугъ своего народа [2]).

Но придетъ время, когда и эти слѣпцы уразумѣютъ, наконецъ, отъ какой нравственной проказы избавили ихъ дѣятели крестьянской реформы, освободивъ и ихъ самихъ отъ нравственной язвы владѣнія душами, которая, по мѣткому выраженію великаго пророка [3]) русской земли, знаменитаго лѣтописца „*Пошехонской Старины*“ М. Щедрина-Салтыкова, втягивала „*всѣхъ въ омутъ унизительнаго безправія*“. Тогда и крѣпостники благословятъ имена своихъ „благодѣтелей“, дѣятелей крестьянской реформы, которыхъ они нынѣ стараются смѣшать съ грязью...

Хочется вѣрить въ такое конечное торжество правды, какъ ни стары и многочисленны факты, ему противорѣчащіе. Хочется вѣрить, что въ концѣ концовъ имена тѣхъ „qui ont contribué au triomphe du bien“ [4]), имена безкорыстныхъ дѣлателей добра покроются немеркнущею славою.

Петребность такой вѣры въ силу добра такъ велика, что ей платятъ дань самые отважные скептики [5]). Да и какая была бы цѣна жизни безъ такой вѣры въ силу правды, въ силу тѣхъ великихъ, хотя и „забытыхъ“, альтруистическихъ „*бредней*“, которыми поддерживается и совершается все, что есть праваго, высокаго и честнаго въ человѣческихъ дѣлахъ?! Заплативъ по человѣчеству дань такимъ благороднымъ бреднямъ, давшимъ жизнь, по вѣрному замѣчанію Салтыкова [6]), величайшему событію

---

[1]) См. н. Матеріалы, томъ III, 102.

[2]) См. извлеченіе изъ „*Гражданина*“ въ примѣч. главы I.

[3]) Такъ именно называлъ Салтыкова А. Н. Островскій („*Русск. Вѣд.*“, 1884, № 153). О выдающейся роли М. Е. Салтыкова въ крестьянскомъ вопросѣ см. превосходное изслѣдованіе знатока крестьянскаго вопроса В. И. Семевскаго въ „Сборникѣ Правовѣдѣнія“. Спб. 1893, т. I, стр. 125—210.

[4]) E. Renan. Feuilles détachées p. 624.

[5]) Ibidem. Préf. XV.

[6]) См. назв. изслѣд. Семевскаго, 180.

XIX столѣтія—освобожденію съ землей 23-хъ милліоновъ,—великій князь Константинъ Николаевичъ исполнилъ долгъ гражданина и „человѣка“.

По рожденію сынъ могущественнаго царя, в. к. Константинъ Николаевичъ стремился стать „достойнымъ званья человѣка“, согласно начертанной его знаменитымъ ментором программѣ, долгимъ и упорнымъ трудомъ готовился онъ къ предстоящему высокому жизненному поприщу, стараясь всестороннимъ образованіемъ расширить свой умственный кругозоръ, очистить сердце, укрѣпить волю. Когда приспѣло удобное время выйти (съ 18-го февраля 55 г.) на новый трудный и отвѣтственный путь самостоятельнаго государственнаго служенія для обновленія Россіи, воспитанникъ Жуковскаго, вѣроятно, вспомнилъ и вышеуказанныя мудрыя наставленія его, что „движеніе—*святое дѣло*, останавливать движеніе *гибельно*“, что „нужны не дѣла славы, озаряющія *только немногихъ*, а дѣла правды, Божіей правды, *благодѣтельныя для всѣхъ и каждаго*“ (см. выше)...

Кто въ „дни своей весны златой“ не внималъ такимъ вѣщимъ глаголамъ, въ трепетномъ ожиданіи счастливой возможности превратить слово въ дѣло?

Житейская проза, малодушіе, своекорыстіе, рутина и т. п. послѣдствія „пошлаго опыта“ часто на самомъ порогѣ практической дѣятельности отрѣзываютъ крылья „мечтамъ юности“:

Вы удалились безвозвратно,
Мечты моихъ прекрасныхъ дней!

говоритъ, печально понуря голову, „трезвенный“ дѣлецъ „съ охлажденнымъ умомъ“.

Но благо тѣмъ, кому выпалъ счастливый жребій хоть отчасти осуществить мечты дней юности своей. Такой именно завидный жребій выпалъ на долю в. к. Константина Николаевича... Запечатлѣвъ въ умѣ и сердцѣ своемъ великое слово наставника своего, что истинное призваніе государственнаго человѣка думать о „дѣлахъ правды, благодѣтельной *для всѣхъ и каждаго*“, а не объ интересахъ „немногихъ избранниковъ“, онъ отдался и долженъ былъ отдаться всѣми своими силами—и по соображеніямъ государственной политики, и по внушенію человѣколюбія—великой *назрѣвшей* задачѣ новаго царствованія: смыть пятно рабства съ Россіи, облегчить великое, безысходное горе,—ибо какое горе горше неволи?!—23-хъ милліоновъ „крещеной собственности“, лишенныхъ человѣческихъ правъ и переданныхъ во власть „немногихъ избранниковъ“, сотни тысячъ привилегированныхъ душевладѣльцевъ!.. Признавъ же „понедѣльникъ перешедшимъ во вторникъ“, по выраженію Жуковскаго, т. е. реформу „назрѣвшею“, в. к., слѣдуя опять-таки разумному совѣту своего наставника,

долженъ былъ „*громогласно провозгласить* этотъ переходъ и *совершить* соотвѣтственное ему *дѣйствіе*“. Такъ именно и поступилъ в. к. Константинъ Николаевичъ, заслуживъ тѣмъ и обѣщанную наставникомъ достойную награду. Отнять у покойнаго великаго князя эту свѣтлую и яркую страницу исторіи, эти неувядающіе лавры никто и ничто не въ силахъ, ни зависть, ни злоба, ни тупоуміе, такъ какъ эта заслуженная нетлѣнная награда нераздѣльна съ подвигомъ добра, имъ совершеннаго, — для пріобрѣтенія не громкаго, но славнаго имени *человѣка*!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Корифей крестьянской реформы Н. А. Милютинъ.

† 26 января 1872 г.

(Справка къ 25-тилѣтію).

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ,
Лишь не остыло въ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.

Н. Некрасовъ.

I.

Шумно и беззаботно „кутила“ московская аристократическая молодежь, провожая широкую масленицу 1835 г. Какъ водится, въ послѣдній день ея устроенъ былъ цѣлодневный кутежъ, т. н. folle journée, — истинно сумасшедшій день. Въ числѣ кутившихъ былъ 16-тилѣтній красавецъ-юноша, высокій, стройный, съ необыкновенно правильными, выразительными и симпатичными чертами лица. Онъ въ этотъ день въ первый разъ надѣлъ toga virilis, по просту фракъ, и съ утра поѣхалъ въ благородное собраніе на утренній балъ. Съ бала молодой человѣкъ поѣхалъ на обѣдъ. На дворѣ стояли трескучіе морозы. Съ наслажденіемъ вдыхая освѣжающій ароматъ холоднаго чистаго воздуха, катитъ бальный герой по лоснящей глади московскихъ улицъ,

Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.

Какъ прекрасенъ Божій міръ! думаетъ юноша. Съ обѣда, гдѣ пришлось ему встрѣтиться съ предметомъ своей страсти, онъ опять на танцы и, наконецъ, далеко за полночь воротился домой, вполнѣ довольный самъ собою.

На другой день за утреннимъ чаемъ дружески попеняла матушка на сына за его жестокое равнодушіе къ кучеру, котораго онъ продержалъ на козлахъ безъ пищи и отдыха, несмотря на стоящіе на дворѣ трескучіе морозы...

Не взирая на нѣжный, заранѣе прощающій тонъ материнской нотаціи,—куда ужъ матерямъ серьезно распекать дѣтей-любимцевъ!—впечатлительный юноша понурилъ голову. Весь чадъ буйно-разгульной folle-journée мигомъ испарился и даже поэзія пережитыхъ нѣжныхъ грезъ и жизнерадостныхъ ощущеній поколебалась въ своихъ основаніяхъ. Такъ вотъ какою цѣною куплена возможность беззаботнаго порханья отъ удовольствія къ удовольствію: безотвѣтный, безличный „хамъ“, дворовый долженъ былъ 15 часовъ подъ рядъ торчать на козлахъ на 25-тиградусномъ морозѣ!—Этого не должно быть, и крѣпостное право, узаконяющее такое издѣвательство надъ человѣческою личностью, должно *пасть*, рѣшилъ въ своемъ добромъ сердцѣ благородный юноша. Онъ навсегда запечатлѣлъ въ своемъ умѣ эту сравнительно невинную картину крѣпостническаго быта и спустя двадцать слишкомъ лѣтъ отдалъ всю свою душу, весь запасъ своихъ умственныхъ силъ и нравственной энергіи на выполненіе своей Ганнибаловой клятвы, на освобожденіе своей родины отъ этой отвратительной болѣзни [1]).

Юноша этотъ былъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, впослѣдствіи одинъ изъ столповъ преобразовательной эпохи вообще и самый видный дѣятель въ частности въ крестьянской реформѣ.

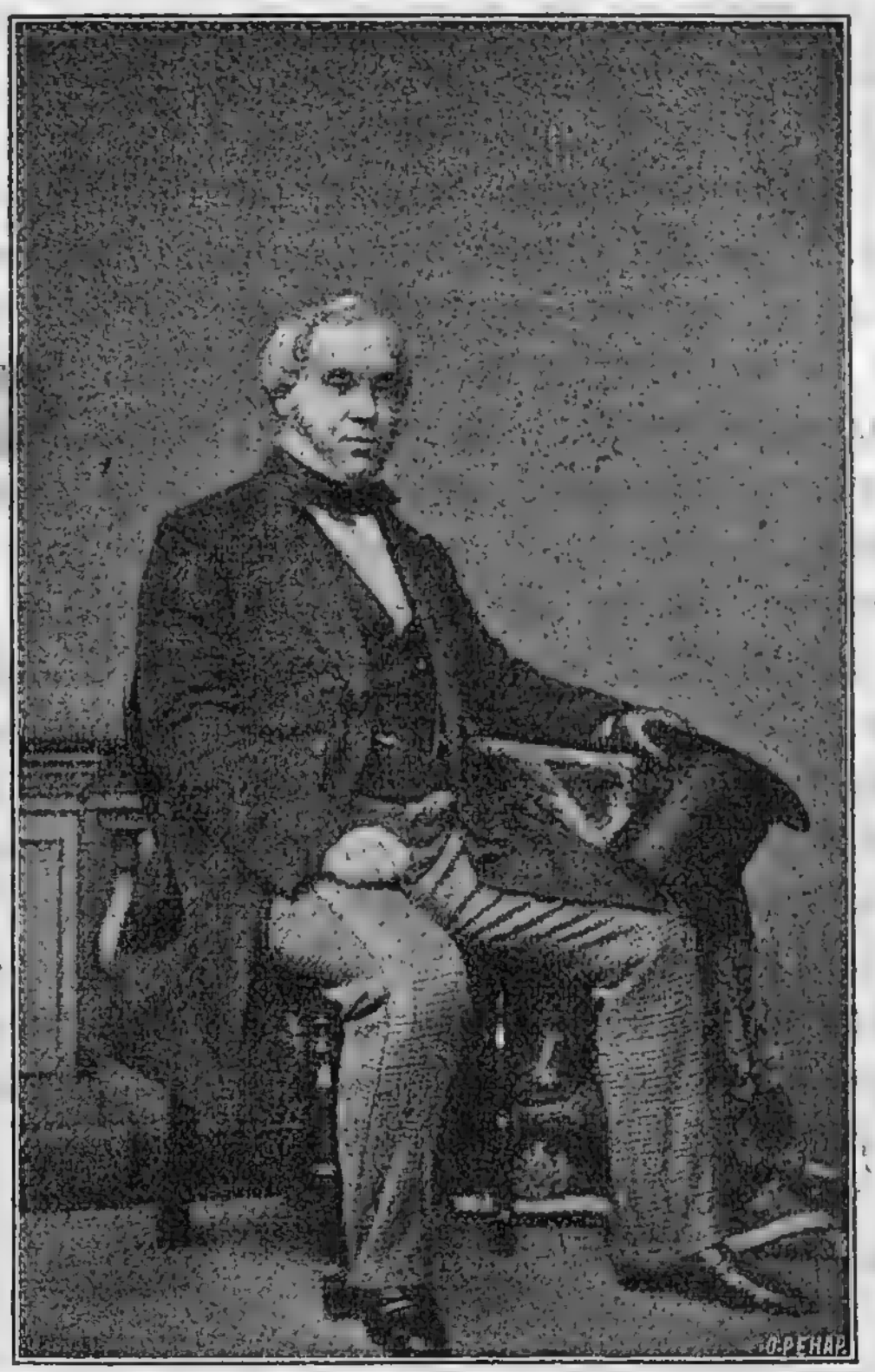
Н. А. Милютинъ родился 6-го іюня 1818 г. въ Москвѣ въ небогатой дворянской семьѣ. Родъ Милютиныхъ отличается не столько стариною происхожденія, сколько традиціями истиннаго благородства [2]) и любовью къ просвѣщенію, которая особенно усилилась подъ вліяніемъ матери

---

[1]) Есть ли этотъ разсказъ, повторенный Милютинымъ на смертномъ одрѣ, плодъ семейной легенды или дѣйствительно этотъ случай сыгралъ въ міросозерцаніи Милютина роль извѣстнаго Ньютонова яблока, такъ кстати упавшаго съ дерева, важно только то, что уже съ юныхъ лѣтъ Н. А. вынесъ подъ вліяніемъ семьи (мать Милютина была сестрою знаменитаго графа Киселева, искренняго, единственнаго, по словамъ Николая I (см. главу I, § 1), поборника освобожденія крестьянъ изъ окружавшихъ его государственныхъ людей) ненависть къ крѣпостному праву и любовь къ народу и равноправности (см. тамъ же).

[2]) Милютины, выходцы изъ Сербіи, искони отличавшейся демократическими нравами. Въ числѣ предковъ ихъ былъ одинъ святой, Стефанъ Милютиновичъ. При Петрѣ одинъ изъ Милютиныхъ былъ командированъ за границу для изученія шелковаго производства и впослѣдствіи построилъ фабрику для выдѣлки шелковыхъ тканей. Милютины издавна были крупными домовладѣльцами. Въ Петербургѣ есть Милютины ряды, въ Москвѣ Милютинскій пер. (на Мясницкой). См. Leroy-Beaulieu—Un homme d'état russe, стр. 7.

Н. А., сестры одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ государственныхъ людей Николаевскаго времени, графа П. Д. Киселева, искренняго поборника освобожденія крестьянъ. Милютинъ учился въ московскомъ университетскомъ дворянскомъ пансіонѣ, но поступить въ университетъ ему не удалось, такъ какъ разстроенныя семейныя дѣла послѣ смерти матери требо-



Николай Милютинъ

вали, чтобы 17-тилѣтній юноша, воспитанный въ довольствѣ и холѣ, шелъ въ „работники“,—зарабатывалъ себѣ и отцу хлѣбъ.

Тяжелая давящая рука нужды!.. Но зато какъ часто она полезна, если только тяжесть ея не переходитъ границъ отпущенныхъ природою силъ и способности сопротивленія. Конечно, въ такой талантливой и трудолюбивой семьѣ, какъ Милютинская, которая членовъ своихъ пріучала смо-

трѣть на трудъ, какъ на самое благородное и пріятное дѣло и лишь въ чванномъ тунеядствѣ видѣть источникъ зла (первый литературный трудъ старшій братъ Н. А., Д. А. Милютинъ, написалъ 16-ти лѣтъ, а младшій,— В. А. 20-ти лѣтъ пишетъ первую ученую статью „Пролетаріи и пауперизмъ“ [1]), быть можетъ и не было надобности въ такой суровой школѣ, но вреда она Н. А-у принести не могла. Эта суровая школа нужды повелительно требовало привести въ движеніе съ раннихъ лѣтъ весь запасъ богатыхъ дарованій, отпущенныхъ природою Н. А-у.

Въ 1835 г. 17 лѣтъ Н. А. поступаетъ на службу въ Петербургъ, въ мрачное царство занумерованныхъ бумагъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Живой умъ, мастерское перо, умѣнье схватывать самую существенную сердцевину дѣла и серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ сразу обезпечили Н. А-у видное и почтеное мѣсто среди обезличивающей нивелирующей, бюрократической среды [2]). 20 лѣтъ, однако, прошли почти безплодно для богато одареннаго, ищущаго живой и разумной работы, замѣченнаго мин. внутр. дѣлъ гр. Строгановымъ еще въ 1836 г., молодого талантливаго чиновника, какъ замѣчательно владѣвшаго перомъ.—Только разъ въ теченіе 30-тилѣтней спячки встрепенулось министерство вн. дѣлъ и ввело въ столицахъ и въ Одессѣ въ 1846 г. слабое подобіе всесословнаго городского самоуправленія. Въ этой законодательной работѣ Н. А. принималъ самое дѣятельное участіе, чѣмъ впервые обратилъ на себя неблагосклонное вниманіе высшаго петербургскаго общества, враждебнаго реформамъ. Поддерживая сношенія съ литературно-ученымъ кругомъ, Н. А. въ это время знакомился также и съ крестьянскимъ бытомъ, принимая участіе въ ревизіяхъ учрежденій государственныхъ крестьянъ. Само собою разумѣется, что онъ внимательно слѣдилъ и за попытками къ освобожденію крестьянъ, неоднократно, но безплодно дѣлавшимися въ царствованіе Николая I.

---

[1]) Старшій братъ Н. А.—Д. А. (нынѣ графъ) Милютинъ, бывшій военный министръ (см. ниже), извѣстный ученый историкъ; младшій—Владиміръ, талантливый юристъ, профессоръ Петербургскаго университета, первый, примѣнившій методъ сравнительнаго историческаго изученія (см. Энциклопедическій словарь), и Н. А. извѣстенъ своими замѣчательными статистическими работами.

[2]) Лероа-Болье, хорошо постигшій духъ нашей бюрократической системы, пишетъ: „Въ этомъ темномъ царствѣ человѣчества, гдѣ почти военная дисциплина уничтожаетъ почти всякую индивидуальность и гдѣ бюрократическія традиціи и формализмъ порождаютъ очень часто рутину и преобладаніе посредственности Н. А. Милютинъ долженъ, помимо любви къ труду, выдвинуться двумя качествами, болѣе рѣдкими и опасными въ Россіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было: способностью къ иниціативѣ и твердостью характера“. Тамъ же, 12.

II.

Настоящее широкое поприще для приложенія дарованій и сознательной любви къ народу Н. А. открылось лишь съ воцареніемъ Александра II. Не безъ смущенія и колебаній развернуло оно свое освободительное знамя, служеніе коему поставилъ себѣ задачею жизни Н. А. Нѣкоторыя мѣры (первый циркуляръ Ланского, обѣщавшій неприкосновенность крѣпостного права) опечалили друзей свободы. Ужель, думали они, начинается новый періодъ спячки и Россія съ одного бока перевернулась на другой?.. Смущеніе друзей русскаго народа было непродолжительно—

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
Это стало темнѣй—предъ зарею.

Такъ и случилось. Крайне мѣшкотно, безъ плана и руководящей идеи, въ потемкахъ канцеляріи, среди строжайшей тайны, уже съ 1856 г. нащупывалась почва для освобожденія крестьянъ.

Секретный крестьянскій комитетъ, подобно многимъ своимъ предшественникамъ, собирался оттяжками затушить дѣло свободы, начатое молодымъ государемъ. Но весьма кстати осенью 1857 г. явился адресъ литовскаго дворянства, за который поспѣшили уцѣпиться друзья свободы. Послѣдовалъ рескриптъ 20 ноября 1857 г., неожиданно положившій начало освобожденія крестьянъ [1]).

Съ конца 1857 г. дѣло пошло вполнѣ ходко, благодаря простому, но необыкновенно смѣлому шагу, который былъ сдѣланъ министромъ Ланскимъ подъ вліяніемъ Н. А. Милютина. Зная хорошо печальную судьбу крестьянскихъ комитетовъ царствованія Николая I, освободительныя намѣренія коего, благодаря отсутствію гласности, были заглушены въ потемкахъ канцелярщины петербургскою знатью и бюрократіею, Милютинъ

---

[1]) Несогласія во мнѣніяхъ Секретнаго Комитета, говорится въ письмѣ одного современника; неудачное распоряженіе Ланского о созывѣ губернскихъ коммиссій, только взволновавшее общественное мнѣніе и породившее бездну недовольства, наконецъ усиленіе реакціонныхъ взглядовъ среди лицъ, окружавшихъ государя, побудило его приказать Ланскому составить рескриптъ на основаніи адреса литовскаго дворянства, мнѣній Комитета и порядка освобожденія крестьянъ въ остзейскихъ губ. Комитетъ и министерство внутреннихъ дѣлъ принялись общими силами согласовать несогласуемое, сочинять, сами не зная, чего хотятъ. Писали, переписывали, опять сочиняли. Сосчитано, что въ это время надъ этимъ дѣломъ работало 18 человѣкъ. Въ результатѣ появился знаменитый рескриптъ 20 ноября. („*Русск. Стар.*“ 1897, XII, 472).

убѣдилъ либеральный кружокъ, группировавшійся около в. к. Елены Павловны и в. к. Константина Николаевича, настоять на опубликованіи рескрипта 20 ноября 1857 г., коимъ принималось предложеніе литовскаго дворянства объ освобожденіи крестьянъ (см. выше главу I).

Эта радикальная мѣра публично, стало-быть, безповоротно ставила на очередь крестьянскій вопросъ, и погребеніе его въ нѣдрахъ канцелярій дѣлалось невозможнымъ. Какъ ни запутано было еще положеніе, какъ ни смутны были черты предстоящей крестьянской реформы, этотъ шагъ имѣлъ огромное политическое и нравственное значеніе (см. главу I). Значеніе этой простой, какъ Колумбово рѣшеніе задачи объ яйцѣ, но рѣшительной мѣры не укрылось отъ вниманія понимающихъ дѣло современниковъ.

„Какъ описать,—писалъ изъ-за границы кн. Д. Оболенскій, по полученіи извѣстій объ оглашеніи рескрипта 20 ноября, Ал. Вас. Головнину,—вамъ наше удивленіе при полученіи послѣднихъ извѣстій? Великому дѣлу положено начало! и какое прекрасное начало! Господь умудряетъ слѣпцовъ, и въ этомъ дѣлѣ нельзя не признать Его видимаго присутствія. Ничто не обѣщало такого прекраснаго результата, ни приготовительная работа, ни качества большинства дѣятелей. Будущее намъ неизвѣстно, но каково бы оно ни было, оно не уменьшитъ значенія сей великолѣпной страницы въ исторіи Государя. Вдали отъ Россіи такіе рескрипты производятъ, быть можетъ, болѣе сильное впечатлѣніе; я его читалъ въ первый разъ съ замираніемъ сердца. Вы не могли имѣть такого ощущенія, потому что слишкомъ близко видѣли всю внѣшнюю обстановку этого дѣла. Какъ умно и ловко было воспользоваться частнымъ случаемъ, чтобы поднять вопросъ для всей Россіи. Какъ мастерски отнимается у дворянства возможность жаловаться на произволъ правительства... Вамъ, какъ одному изъ главныхъ дѣятелей, слава, честь и благодареніе! Но какъ не позавидовать счастію Ланского? Знаетъ себѣ подписываетъ одинъ циркуляръ за другимъ и прямо идетъ въ безсмертіе въ розовомъ галстукѣ и клѣтчатыхъ штанахъ“.

„Нечего упоминать,—говоритъ далѣе кн. Оболенскій, — что въ рескриптѣ и въ циркулярѣ проходила рука государственнаго человѣка *Н. А. Милютина*“ [1]).

Съ этихъ поръ начинается неуклонное и преданное служеніе Н. А. дѣлу освобожденія. Насколько стойкая и сложная дѣятельность Н. А., самоотверженнаго поборника народной свободы, приводила въ восторгъ друзей его, настолько же, и даже еще сильнѣе, она смущала и возмущала крѣпостниковъ которые не останавливались ни передъ какими кле-

---

[1]) См. „*Русск. Стар.*“ 1897 г., № XII „На зарѣ крестьянской свободы“, 471.

ветами [1]) для того, чтобы очернить въ глазахъ Александра II Милютина и оттѣснить его отъ дѣла, къ которому онъ готовился всю жизнь. Удобный предлогъ для проявленія накопившейся противъ либерала Милютина въ придворныхъ и высшихъ бюрократическихъ сферахъ ненависти послужило пустое столкновеніе въ концѣ 1858 г. петербургскаго генералъ-губернатора съ тамошнею думою, раздутое въ крупное событіе политической важности.

Скандалъ устроилъ извѣстный крѣпостникъ М. А. Безобразовъ, лицо близкое также ярому крѣпостнику, предсѣдателю Секретнаго Комитета графу Орлову, и впослѣдствіи отличившійся самыми беззастѣнчивыми нападками на Редакціонную Коммиссію за ея стремленіе по возможности дать крестьянамъ земельное обезпеченіе. Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что М. А. Безобразовъ, будучи гласнымъ петербургской думы, отказался въ самой неприличной формѣ получать установленный закономъ дипломъ на званіе гласнаго, указывая на то, что онъ, какъ столбовой московскій дворянинъ, не хочетъ состоять „въ числѣ людей средняго рода“. Дума въ отвѣтъ на эту циничную выходку помѣстила въ протоколѣ статью закона, обязывающую ее выдать дипломъ. Протоколъ былъ напечатанъ для разсылки гласнымъ. Одинъ экземпляръ попалъ въ Москву, и либералъ Катковъ, негодуя на выходку крѣпостника, или, по тогдашней терминологіи, „плантатора“ Безобразова, напечаталъ протоколъ въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“. Поднялась настоящая буря. Катковскій журналъ попалъ подъ опалу. Цензоръ Краузе, впослѣдствіи извѣстный земскій дѣятель, слетѣлъ съ мѣста, и дѣло было передано въ совѣтъ министровъ. М. Н. Муравьевъ и другіе крѣпостники, уже давно подкапывавшіеся подъ Милютина, сочли этотъ поводъ удобнымъ для окончательнаго ниспроверженія опаснаго врага. Они стали доказывать, что виною всему тотъ революціонный духъ, который положенъ въ основу городского Положенія 1846 г. и которымъ проникнутъ и авторъ его, Милютинъ. Ланскому прямо ставили въ вину, что онъ держитъ около себя такого опаснаго человѣка. Изъ всѣхъ членовъ Совѣта за него заступился только кн. Горчаковъ [2]). Въ концѣ засѣданія Государь сдѣлалъ замѣчаніе: „Этотъ Милютинъ давно уже имѣетъ репутацію краснаго, за нимъ нужно наблюдать“.

Милютину больше ничего не оставалось, какъ подать въ отставку. Да и положеніе самого Ланского было довольно щекотливое. Незадолго передъ

---

[1]) Въ этомъ дѣлѣ (крестьянскомъ), писалъ въ 1858 г. одинъ московскій крѣпостникъ, замѣшана цѣлая шайка враговъ Россіи и именно такихъ людей, которые были замѣшаны 14 декабря 1825 года („*Русск. Стар.*“ 1897, XII, 470). Кажется, понятно!

[2]) Дневникъ Никитенко, т. II, 118.

тѣмъ тотъ же Ланской долженъ былъ выдержать тоже цѣлую бурю изъ-за записки, составленной кружкомъ Милютина противъ Ростовцевскаго проекта объ учрежденіи генералъ-губернаторствъ съ чрезвычайными полномочіями (см. выше, стр. 39 и слѣд.) и чуть не стоившей Ланскому министерскаго портфеля. Но, къ чести Ланского, нужно сказать, что онъ былъ чуждъ обычной бюрократической рутины—не выдвигать на видныхъ постахъ людей талантливыхъ. Съ другой стороны, онъ искренно предался дѣлу народной свободы, а для нея онъ считалъ Милютина необходимымъ человѣкомъ.

Съ отставкой Милютина въ карманѣ Ланской поѣхалъ къ Государю съ докладомъ и старался защитить свою правую руку. „Это человѣкъ опасный,—сказалъ Государь,—во всякомъ случаѣ онъ заставляетъ много говорить“. Въ концѣ разговора Государь задалъ вопросъ: „Сергѣй Степановичъ, можешь ли отвѣчать за него?“ „Какъ за себя“, — былъ отвѣтъ Ланского.

Милютинъ остался на мѣстѣ и вскорѣ занялъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, хотя и не безъ затрудненій и оскорбительныхъ знаковъ недовѣрія. Когда выяснилось, что правительство оставляетъ первоначальный планъ постепеннаго освобожденія, то главный авторъ его, тов. мин. вн. дѣлъ Левшинъ [1]), вышелъ въ отставку. Ланской имѣлъ

---

[1]) Одинъ изъ мнительныхъ сторонниковъ освобожденія, тов. мин. внутр. дѣлъ Левшинъ, смотрѣлъ на изданіе рескрипта 20-го ноября, какъ на „такое salto mortale, отъ котораго все государственное управленіе могло пойти верхъ дномъ“ (см. Записку Левшина въ „*Русск. Архивѣ*“, 1885, № 8, стр. 524). Довольно характерно отношеніе его къ крестьянскому вопросу. Левшинъ, зондировавшій во время коронаціонныхъ празднествъ почву среди дворянъ, пишетъ: подъ звуки бальной музыки и кликовъ *ура*, Государю словесно доложено было и имъ одобрено, что дворянство трехъ западныхъ губерній, которое, находясь въ сосѣдствѣ съ остзейскими свободными земледѣльцами, не питало паническаго страха къ слову освобожденіе, какъ другіе, *первое* произнесетъ слово освобожденіе (н. Записки, стр. 484). Но въ какомъ актѣ собственно впервые произнесено было святое слово „освобожденіе“? Литовское дворянство, стремясь къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и... земли, говорило лишь въ общихъ выраженіяхъ, что пришло время положить *конецъ* крѣпостному состоянію и замѣнить его добровольными соглашеніями съ крестьянами (см. н. з. Левшина). Рескриптъ 20 ноября говоритъ лишь объ улучшеніи быта крестьянъ, и только въ дополнительномъ циркулярѣ Ланского отъ 21 ноября говорится о желаніи литовскаго дворянства и „въ видахъ помѣщичьихъ крестьянъ *освободить* ихъ отъ крѣпостной зависимости“. Левшинъ находитъ, что тутъ была сказана Ланскимъ *неправда*, но едва ли въ данномъ случаѣ не говоритъ въ немъ чувство затаенной зависти или горькаго сѣтованія на свою близорукость и мнительность, благодаря коимъ онъ былъ по собственной винѣ удаленъ отъ крестьянскаго дѣла, которое онъ зналъ и которому сочувствовалъ, хотя и съ тою аккуратною умѣренностью (ни холоденъ, ни теплъ), которая вызываетъ негодованіе автора Апокалипсиса. Замѣчательна вслѣдствіе такой не-

честное мужество отступить отъ бюрократической традиціи не выдвигать опасныхъ соперниковъ на постъ товарища [1]) и рекомендовалъ Милютина.

рѣшительности нелогичность поведенія Левшина. Ланской предлагаетъ 18 октября, 1857 г. Левшину составить проектъ рескрипта на имя ген.-губ. Назимова, который служилъ бы приступомъ къ общему освобожденію по всей Россіи (а Левшинъ вмѣстѣ съ Главнымъ Комитетомъ былъ противъ одновременнаго освобожденія). Назначается восьмидневный срокъ согласно повелѣнію Государя. Такой короткій срокъ назначилъ Государь, будучи выведенъ изъ терпѣнія безконечными проволочками Главнаго Комитета. Левшинъ такую поспѣшность, *по мнительности своей* въ которой впослѣдствіи самъ сознался и *каялся*, счелъ непозволительною и, къ чести своей, отказался, несмотря на требованіе своего начальника, отъ шага, въ которомъ видѣлъ вѣтренность (стр. 525 Записки). Но впослѣдствіи, спохватившись и сообразивъ, какъ лестно какъ-нибудь косвенно, хоть сбоку, въ видѣ „поддужнаго“ пристегнуться къ зачинающемуся великому дѣлу, скрѣпилъ уже безъ всякой надобности вышеупомянутый циркуляръ Ланского, въ которомъ онъ отмѣчалъ вышеуказанную *неправду* (Записки его, стр. 533—834) Непостижимая логика!.. Не безъ горечи уступилъ Левшинъ мѣсто Н. А. Милютину и, отнесенный новымъ теченіемъ въ лагерь „отсталыхъ“, сталъ именовать новыхъ болѣе отважныхъ пловцовъ „красными“ и „нивеллерами“ (стр. 551 Записки), и утѣшаться въ своихъ Запискахъ „гордостью, самодовольствіемъ и убѣжденіемъ“, что ему удалось подписать актъ, составляющій краеугольный камень законодательства о крестьянахъ. — Тщетное самообольщеніе! Едва ли претензія Левшина на признательность потомства основательна. Если онъ до 20 ноября и работалъ, какъ усердный чиновникъ, аккуратно компилируя, самъ не зная хорошенько для чего, бумаги своихъ предшественниковъ, то за это и получалъ соотвѣтственные чины и знаки отличія (предъ отставкою ему былъ данъ Александръ Невскій), а если онъ добивается славы государственнаго человѣка, то тутъ, кажется, должна быть мѣрка иная: отвага, дальновидность, глубина взгляда и сила убѣжденій! Если бы мнительность Левшина, заставившая его спасовать въ рѣшительную, критическую минуту (при составленіи рескриптовъ 20 ноября) и пойти *вправо* съ крѣпостниками, которые хотѣли оттянуть дѣло чуть не на сто лѣтъ, и которымъ онъ вовсе не сочувствовалъ; если бы вмѣсто того онъ имѣлъ благородное дерзновеніе и вѣру въ народъ и въ свободу, онъ, какъ знатокъ крестьянскаго быта, вѣроятно, игралъ бы видную и завидную роль, доставшуюся послѣ него Милютину. А коли струсилъ, вслѣдствіе чрезмѣрной осторожности, какъ евангельскій заскорузлый рабъ, зарывшій свой талантъ тоже изъ чрезмѣрной осторожности въ землю, нечего роптать и напрасно протягивать руки къ наградѣ и чести, уготованной только для храбрыхъ, предпріимчивыхъ, отважныхъ пловцовъ, которые не довольствуются рутиннымъ каботажнымъ плаваніемъ и которыхъ рутинеры обзываютъ „безумцами“, „радикалами“, „нивеллерами“! Эти послѣдніе, пускаясь въ смѣлые опыты „радикальнаго лѣченія общественныхъ недуговъ, своею раціональною дѣятельностью приготовляютъ себѣ, по вѣрному замѣчанію проф. Рѣдкина, въ будущемъ вѣчную память“. Suum cuique.

[1]) Лероа-Болье указываетъ на стремленіе министровъ представлять на постъ товарищей изъ чувства самосохраненія людей бездарныхъ. Эти въ свою очередь, дѣлаясь впослѣдствіи министрами, отдаютъ предпочтеніе еще болѣе бездарнымъ, такъ что уровень министерскаго персонала долженъ бы прогрессивно понижаться,

Государь не сразу согласился и только въ 1858 г. назначилъ его, и то только какъ „временнаго“ товарища. Недовѣріе Государя къ Милютину было такъ велико, что онъ такъ до конца службы и оставался „временнымъ“, такъ что въ шутку его называли „временно-постояннымъ“.

III.

По мысли Милютина была образована въ 1859 г. подъ скромнымъ названіемъ Редакціонной Коммиссіи настоящая законодательная коммиссія, которая сдѣлалась главнымъ рычагомъ въ дальнѣйшемъ движеніи крестьянскаго вопроса. Заключая въ себѣ помимо представителей „вѣдомствъ“ до 20 членовъ-экспертовъ изъ помѣщиковъ разныхъ губерній, это своеобразное полу-чиновничье, полу-общественное учрежденіе не могло хоть нѣсколько не импонировать крѣпостническому большинству Главнаго Комитета, если не силою своего внѣшняго авторитета, то знаніемъ жизни и разумностью своихъ предложеній. Милютинъ зналъ, какое трудное и отвѣтственное дѣло начинаетъ онъ, вступая въ рѣшительную борьбу съ крѣпостниками, опиравшимися на узкіе, своекорыстные, но могущественные интересы властныхъ, богатыхъ, знатныхъ людей, опиравшимися на мнительность однихъ, на равнодушіе къ общему благу многихъ и на невѣжество большинства. Что же могъ онъ сдѣлать для борьбы съ темными силами, какъ не обратиться къ гласности, къ знанію и безкорыстной любви къ народу своихъ единомышленниковъ, не располагавшихъ инымъ орудіемъ, кромѣ слова и письма? Приглашая въ члены Редакціонной Коммиссіи Ю. Ѳ. Самарина, съ которымъ онъ и раньше велъ переговоры по крестьянскому вопросу, онъ ему писалъ:

„Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ! Въ дополненіе къ оффиціальному приглашенію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостію исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому вы издавна были преданы всей душой.... Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостного узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода, вѣроятно, будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не

если бы другія обстоятельства не разрушали эти расчеты своекорыстія (Лероа-Больё, 19).

измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ коммиссію, я болѣе всего разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ. Здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Обнимаю васъ отъ всей души въ надеждѣ на радостное свиданіе"...

Собравшіеся въ Редакціонной Коммиссіи борцы за народную свободу, сильные нравственной поддержкой передовой части общественнаго мнѣнія и прогрессивной публицистики, безъ различія оттѣнковъ политическаго разномыслія, смѣло вступили въ неравный бой съ страшными силами косности и своекорыстія въ лицѣ разсвирѣпѣвшихъ крѣпостниковъ. Эта могучая кучка гребцовъ, везшихъ на утлой ладьѣ свободу и счастье русскаго народа, выдержала не одну бурю, готовую, казалось, вотъ-вотъ потопить смѣлыхъ иловцовъ и ихъ драгоцѣнный грузъ. Таинственныя судьбы хранили этотъ убогій челнъ, за судьбою котораго съ жаднымъ вниманіемъ слѣдилъ „терпѣніемъ изумляющій народъ", съ нечеловѣческими усиліями сдерживавшій свой естественный порывъ до дня, когда буря кончилась и... 19-го февраля засіяла звѣзда народной свободы:

Любуясь ясностью лазури
На берегу, когда-нибудь
Вы пожалѣйте тѣхъ, чья грудь
Встрѣчала въ морѣ ярость бури.

Полтора года работала Редакціонная Коммиссія (съ марта 1859 по октябрь 1860 г.) и за это время совершила неимовѣрную по размѣрамъ и трудностямъ работу, разобравъ всѣ проекты губернскихъ Комитетовъ и массу проектовъ и записокъ частныхъ и всю литературу. Достаточно взглянуть на одни только печатные труды Коммиссіи (въ библіографическомъ указателѣ Межова одно исчисленіе содержанія ихъ занимаетъ 12 страницъ), чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ труда членовъ Коммиссіи. Въ числѣ этихъ доблестныхъ и безкорыстныхъ работниковъ на пользу народа главнымъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи работникомъ былъ, по общему признанію, Н. А. Милютинъ. Въ указателѣ, приложенномъ къ извѣстному труду Семенова „Освобожденіе крестьянъ", одно исчисленіе страницъ, на которыхъ значится имя Милютина, занимаетъ два столбца и достигаетъ цифры свыше 700. Въ качественномъ отношеніи вліяніе Милютина было такъ велико, что его справедливо называли душою или Эгеріею Редакціонной Коммиссіи. Зная крестьянскій вопросъ, какъ немногіе, Милютинъ, благодаря своему дару слова, находчивости, способности отчетливо разъяснять самые сложные вопросы и глубокой убѣжденности, умѣлъ дѣйствовать и на враговъ, и на друзей, которые невольно группировались вокругъ этой крупной и

привлекательной личности, умѣвшей, несмотря на свою мягкость, твердо держаться своихъ убѣжденій.

Значеніе Милютина особенно сильно сказалось, когда послѣ Ростовцева былъ назначенъ гр. Панинъ, не скрывавшій своего намѣренія не мытьемъ, такъ катаньемъ добиться отмѣны уже принятыхъ Коммиссіей основныхъ положеній по крестьянскому землевладѣнію (безсрочное пользованіе) и самоуправленію. Если бы не стойкость Милютина, сумѣвшаго сплотить около себя прочную группу членовъ, отстаивавшихъ интересы крестьянъ, то тактика графа Панина, быть можетъ, принесла бы свой плодъ. Надѣленіе крестьянъ землею и дарованіе имъ общественнаго самоуправленія, эти два устоя крестьянской реформы, имѣли самаго талантливаго и убѣжденнаго защитника въ лицѣ Милютина, который въ силу одного этого обстоятельства долженъ былъ сдѣлаться мишенью нападокъ со стороны крѣпостниковъ [1]). Среди благородныхъ дѣятелей крестьянской реформы Н. А-у должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ. Старый поборникъ освобожденія крестьянъ, декабристъ Н. И. Тургеневъ, ознакомившись съ трудами Редакціонной Коммиссіи, вправѣ былъ написать Н. А. Милютину: „Помимо громадности положеннаго труда, всѣ безпристрастные люди должны вспомнить теперь и оцѣнить значеніе нравственной борьбы, которую члены Редак. Коммиссіи должны были вести противъ столькихъ враждебныхъ вліяній; чрезъ это ихъ заслуги предъ Россіею и человѣчествомъ получаютъ новое значеніе, еще болѣе крупное и блестящее. Кромѣ того въ *„Труд. Ред. Ком.“* я вижу,—писалъ старый либералъ,—неопровержимое доказательство тому, что въ Россіи можно задумывать и выполнить самыя крупныя реформы; но теперь доказательство такъ очевидно, что оно должно убѣдить всѣхъ и каждаго“ [2]).

IV.

Не менѣе важно было участіе Милютина въ работахъ министерства внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу, которыя направлялись его непосредственнымъ вліяніемъ. Прежде всего нужно было успокоивать и разсѣивать сомнѣнія Государя, котораго (см. выше, I главу) крѣпостники

---

[1]) Одинъ крѣпостникъ, стоявшій за „волчью волю“ крестьянъ, т. е. за обезземеленіе крестьянъ: „Отчего просто не взять въ образецъ переворотъ, совершенный нѣкогда въ Польщѣ и въ губерніяхъ остзейскихъ?— писалъ этотъ образованный помѣщикъ. — Къ чему мечты объ общинѣ, о какомъ-то пролетаріатѣ, у насъ не существующемъ?.. Чувствую какъ-то невольно революціонеровъ, монтаньяровъ: эти люди могутъ испортить дѣло и лишить всѣхъ правъ дворянство“. („*Русск. Стар.*“ 1898 г. № 1. На зарѣ крестьян. свободы).

[2]) Лероа-Болье, 87—88.

старались запугать измышленными или раздутыми сообщеніями о народныхъ волненіяхъ. Затѣмъ необходимо было успоконвать крѣпостныхъ, которые, путаясь въ смутныхъ толкахъ о предстоящей волѣ, не знали, чему вѣрить и чему не вѣрить, тѣмъ болѣе, что пошелъ слухъ, будто помѣщики скрываютъ волю, „какъ то и прежде бывало“. Разрѣшенная по мысли Милютина гласность сразу разъяснила положеніе, и народъ оказался достойнымъ довѣрія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ министерства было видоизмѣненіе роли дворянскихъ депутатовъ. Не повторяя здѣсь сказаннаго въ главѣ II, укажемъ только на записку Милютина 1859 г., дающую общій обзоръ дѣятельности дворянскихъ комитетовъ и представляющую истинный шедевръ дѣловой бумаги.

Вначалѣ отмѣчается, что большинство дворянства не оправдало довѣрія правительства, что оно оказалось явно неспособнымъ къ безпристрастному соблюденію интересовъ обоихъ сословій и, обнаруживая даже непониманіе самыхъ выгодъ помѣщиковъ, стремилось къ обезземеленію крестьянъ, и что только въ мнѣніяхъ меньшинства нельзя не признать зрѣлости образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ. Переходя къ подробному разбору комитетскихъ положеній, всеподданнѣйшая записка отмѣчаетъ три мнѣнія:

Первое мнѣніе тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика. Нельзя подвергать ихъ безусловному и строгому осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостного права, не могутъ постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ въ будущемъ разореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ Губернскіе Комитеты 1-ю статьею своихъ положеній единогласно постановили отреченіе отъ крѣпостного состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ подъ разными видами встрѣчается почти во всѣхъ Комитетахъ и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большинство.

Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта. Къ числу такихъ попытокъ въ особенности слѣдуетъ отнести представленную Вашему Величеству безымянную записку подъ литерою А, въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи. Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ, какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они или стараются сохранить барщинный трудъ и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестьянами, или же, соглашаясь на безусловное освобожденіе и личности крестьянъ и, выхваляя свободу труда, желаютъ

уменьшить крестьянскіе надѣлы и ограничить пользованіе землями однимъ 12-лѣтнимъ срокомъ, а если можно, то и вовсе не дать крестьянамъ земельнаго надѣла. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостного состоянія обратить въ выгодную для себя операцію.

Второе мнѣніе. Оно выдѣлилось изъ направленія личнаго матеріальнаго интереса вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе *сословнаго интереса.* Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобно англійской, и вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ ввести другую, не менѣе привилегированную, на началахъ феодальныхъ. За предоставленныя крестьянамъ въ собственность усадьбы и въ пользованіе полевыя угодья оставляютъ за помѣщиками подъ именемъ „вотчинныхъ правъ“ особыя, чуждыя доселѣ нашему законодательству права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привилегіи на Западѣ. Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе есть со стороны этого направленія только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держались люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли. Они увлекаются сословнымъ интересомъ и примѣромъ Англіи, не принимая въ соображеніе различіе времени и обстоятельствъ. Мало зная Россію и почти вовсе не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, если бы оно осуществилось. Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе и въ остальномъ дворянствѣ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ Вамъ, Государь, особахъ и нѣкоторыхъ членахъ Главнаго Комитета. Вопросъ о „вотчинныхъ правахъ“ первоначально возбужденъ былъ въ Санктпетербургскомъ Комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе.

Третье мнѣніе принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостного права. Они составляютъ, хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство и, можно сказать, меньшинство Тверского Комитета, большинство Харьковскаго и Кіевскаго и меньшинство многихъ Комитетовъ, въ особенности Самарскаго, Тульскаго, Рязанскаго, Владимірскаго и Симбирскаго. Сочувствуя видамъ правительства относительно огражденія отъ произвола личности крестьянина и прочнаго обезпеченія его землею, они, впрочемъ, во многихъ частныхъ вопросахъ между собою расходятся. Но мнѣнія ихъ, будучи плодомъ самостоятельныхъ убѣжденій, пріобрѣтенныхъ труднымъ путемъ долговременнаго и всесторонняго изученія предмета, расходясь въ подробностяхъ, единогласно защищаютъ совершенную отмѣну помѣщичьей власти и выкупъ, обязательный или необязательный всего или части крестьянскаго надѣла въ полную собственность, на условіяхъ, по возможности умѣренныхъ.

Между лицами, которыя придерживаются первыхъ двухъ мнѣній, стало обнаруживаться въ послѣднее время желаніе вызвать какое-либо явное появленіе того, что они называютъ *общественнымъ мнѣніемъ*, дабы измѣнить направленіе правительства, которое ищетъ соглашенія взаимныхъ выгодъ двухъ сословій, а не односторонняго разрѣшенія вопроса въ интересахъ одного изъ нихъ. Нельзя также умолчать объ ожиданіи рѣшенія со стороны крестьянскаго сословія. Давно

уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что Государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу.

Не взирая однако на всѣ происки крѣпостниковъ, 19-го февраля былъ подписанъ манифестъ о волѣ.

V.

Въ осуществленіи великаго законодательнаго акта 19-го февраля не пришлось принять участія его главному редактору, Милютину. Уже въ апрѣлѣ 1861 г., подъ вліяніемъ реакціонной партіи, состоялась неожиданная отставка и стараго Ланского, награжденнаго графскимъ титуломъ, и Милютина, назначеннаго сенаторомъ. Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его отставку, Милютинъ писалъ въ письмѣ отъ 4 мая 1861 г. посланномъ кн. Черкасскому съ „оказіею“: „Пользуюсь, любезный князь, вѣрною оказіею, чтобы побесѣдовать съ Вами безъ унизительныхъ предосторожностей и лицемѣрныхъ умалчиваній. Готовлюсь къ путешествію за границу, котораго давно желалъ. Мнѣ данъ отпускъ на цѣлый годъ, или, вѣрнѣе, меня *выпроводили*, назначивъ сенаторомъ и сохранивъ мое содержаніе. Я считаю для себя этотъ отъѣздъ за благословеніе, ниспосланное небомъ. Чтобы не дать повода къ обвиненію въ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ, я просилъ только четырехмѣсячнаго отпуска, но реакція пришла мнѣ на помощь. Ланской и я удалены изъ министерства (безъ всякаго прошенія съ нашей стороны) изъ угожденія дворянству. Да послужатъ ему удовлетвореніемъ столь скромныя жертвы. Что изъ всего этого выйдетъ, трудно предсказать... Государь желаетъ добросовѣстнаго примѣненія реформы. Другіе, хотя и привыкли выше всего ставить вопросы о личности, на этотъ разъ питаютъ глубокую надежду все передѣлать по-своему. На первую очередь назначенъ пересмотръ университетскаго устава... Однимъ словомъ, хотятъ законопатить всѣ щели, чрезъ которыя проходитъ свѣжій воздухъ въ высшія сферы [1])“.

За рубежомъ съ болью въ сердцѣ Милютинъ слѣдилъ, какъ преемникъ Ланского—Валуевъ, этотъ любимецъ „безыдейной и близорукой реакціи“, мягко, но настойчиво ломалъ великій законодательный актъ, и только добрыя вѣсти о благополучномъ объявленіи воли и о первыхъ благотворныхъ послѣдствіяхъ свободы утѣшали „гражданина-кузнеца“, невольно оторваннаго отъ любимаго дѣла. Говоря о неизбѣжности „зигзаговъ“ въ русскомъ прогрессѣ, Ю. Ѳ. Самаринъ въ письмѣ отъ 19 мая 1861 г. утѣшалъ Н. А. тѣмъ, что не вѣрилъ въ возможность наступленія „послѣдовательной реакціи“. „Чтобы убѣдиться въ этомъ,—писалъ онъ,—до-

[1]) Лероа-Больe, 87—88.

статочно бросить бѣглый взглядъ на народъ. Безъ преувеличенія онъ измѣнился съ ногъ до головы. Положеніе о крестьянахъ развязало ему языкъ, оно разбило узкій кругъ идей, среди которыхъ онъ вращался какъ заколдованный. Его языкъ, манеры, походка,—все измѣнилось. Вчерашній рабъ [1]) сегодня уже чувствуетъ себя выше государственнаго крестьянина не только въ экономическомъ отношеніи, но и какъ *гражданинъ* (къ ужасу „*Гражданина*“ кн. Мещерскаго!), знающій, что у него есть права, которыя онъ долженъ и можетъ защищать“.

Къ несчастью, такъ успѣшно начатое дѣло народнаго освобожденія и обезпеченія дальше пошло далеко не безостановочно, и друзьямъ народа не разъ впослѣдствіи приходилось задаваться вопросомъ:

Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ...

Только что открытыя теплыя строки печальника горя народнаго опять напомнили объ обязанностяхъ истинныхъ друзей народа:

Въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжество, мракъ.
Гдѣ же ты, тайна довольства народнаго?
Воронъ въ отвѣтъ мнѣ прокаркалъ: „дуракъ“ [2]).

Въ послѣдующихъ реформахъ участіе Милютина въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта было крайне незначительно.

Въ апрѣлѣ 1864 г. Н. А. былъ вызванъ въ Россію по польскимъ дѣламъ. При устройствѣ польскихъ крестьянъ Милютинъ проводилъ свои старыя идеи, но при иныхъ условіяхъ и совершенно особой обстановкѣ: его союзниками были его принципіальные противники, какъ, наприм., крѣпостникъ Н. М. Муравьевъ. Обслѣдованіе этой стороны дѣятельности Н. А. выходитъ за предѣлы нашей задачи.

Имя Н. А. Милютина прежде всего и больше всего связано съ величайшею реформою нашего вѣка, съ освободительною хартіею 19-го февраля. „Пока будутъ существовать на Руси свободные,—сказалъ И. С. Тургеневъ въ 1864 г. предъ возвращеніемъ Н. А. въ Россію въ числѣ немногихъ, составляющихъ гордость Россіи,—имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особенною благодарностью и почетомъ“.

Много потрудился Н. А. для народа. Не даромъ же названный печальникъ народа напутствовалъ его на мѣсто вѣчнаго покоя словами:

Спи безмятежно съ спокойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ.

---

[1]) Лероа Болье, 96—97.

[2]) Стихотвореніе Некрасова, хранившееся въ бумагахъ сенатора В. И. Лихачева, напечатано въ № 1 „*Жизни*“ за 1898 г.

Всѣ, знавшіе близко Н. А., свидѣтельствуютъ объ обаяніи его личности. Кавелинъ въ одномъ изъ писемъ заявляетъ, что Н. А. и не подозрѣвалъ, какое благоговѣніе внушала его личность [1]). А. П. Заблоцкій-Десятовскій на обычныхъ товарищескихъ поминкахъ 19-го февраля о Н. А., между прочимъ, говорилъ: Милютинъ обладалъ „политическимъ талантомъ усваивать себѣ живую идею, соотвѣтствующую новымъ современнымъ потребностямъ общества, и вотъ почему все, что̀ сочувствовало этой идеѣ, становилось подъ его знамя; вотъ почему люди съ высокими умственными дарованіями, съ твердымъ характеромъ, подчинялись ему невольно“. Даже враждебно настроенныя противъ Милютина лица подчинялись его вліянію при встрѣчѣ съ нимъ. Это черты характера Н. А., которыя были открыты для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія. „Но какъ выразить чувства, съ которыми будутъ беречь о немъ память тѣ, кто были почтены его дружбой? Они будутъ помнить, что дружба эта была постоянна, что она выражалась не словами только, но и самымъ дѣломъ; для Н. А. не было той жертвы, какой онъ не былъ бы готовъ принести за человѣка, котораго онъ любилъ и уважалъ... Н. А. заслужилъ всю ту любовь и уваженіе, на которыя человѣкъ можетъ имѣть право... Да будетъ же честно и славно имя Н. А., да будетъ благословенна его память!..“

Поэтъ „М. Р.“ въ газетѣ „*Голосъ*“ памяти Милютина посвятилъ слѣдующее стихотвореніе:

Ты въ мірѣ не гремѣлъ побѣдными громами,
Но подвиги твои славнѣе всѣхъ побѣдъ.
Великій труженикъ, ты скромно между нами
Прошелъ, но по себѣ оставилъ вѣчный слѣдъ.
И славный этотъ слѣдъ изъ памяти народной
Ни время, ни вражда, ни зависть не сотретъ,
И голосъ согражданъ, правдивый и свободный,
Надъ многими тебя высоко вознесетъ.
Врачуя старыя отечества невзгоды,
Какъ доблестный боецъ за родину свою,
Подъ знаменемъ ея единства и свободы
Ты бился до конца и палъ въ святомъ бою...

---

[1]) „Руская Мысль“ 1899 г., № 9.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣятель крестьянской реформы В. А. Арцимовичъ.

† 2-го марта 1893 г.

Печальной памятью отмѣчена пора,
Въ которую тебѣ угаснуть было надо,
Передъ святынею добра
Неугасимая лампада.

А. Жемчужниковъ.

Имя В. А. Арцимовича будетъ неразрывно связано съ исторіею крестьянскаго дѣла въ Россіи, и эта же исторія занесетъ на свои страницы описаніе его упорной борьбы съ сословною исключительностью и отжившимъ старымъ крѣпостнымъ строемъ.

И. С. Аксаковъ (1863 г.).

I.

2-го марта 1893 г. скончался на 73-мъ году жизни одинъ изъ послѣднихъ могиканъ эпохи великихъ реформъ, сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Это былъ едва ли не самый стойкій и видный представитель сходящаго со сцены славнаго поколѣнія государственныхъ дѣятелей, вынесшаго на своихъ плечахъ трудное дѣло гражданскаго обновленія Россіи. Если вообще справедливо изреченіе, что жизнь прожить—не поле перейти, то оно особенно примѣнимо къ длинному, многотрудному и плодотворному жизненному поприщу покойнаго Арцимовича, который изъ 72 лѣтъ своей жизни 52 отдалъ дѣятельному, разумно-сознательному служенію государству, народу и обществу. Всего лишь за два мѣсяца до смерти покинулъ онъ столь трудный, щекотливый и отвѣтственный постъ первенствующаго члена [1]) I департамента Сената.

---

[1]) По ст. 19 Учрежд. Сената въ 1 департаментѣ особаго первоприсутствующаго не полагается, и обязанности его исполняетъ старшій изъ сенаторовъ.

Значеніе нашего высшаго судебно-административнаго судилища, въ составъ котораго сами министры входятъ на правахъ простыхъ членовъ, какъ извѣстно, особенно усилилось послѣ реформъ 60-хъ годовъ съ переносомъ на I департаментъ функціи высшей инстанціи по крестьянскимъ, земскимъ (въ томъ числѣ и утвержденіе мировыхъ судей) и городскимъ дѣламъ. Нуженъ былъ весь нравственный авторитетъ В. А., его выдержка

В. А. Арцимовичъ.

и непреклонная энергія, его стойкость убѣжденій и вѣрность гуманнымъ принципамъ, нужно было его тонкое юридическое чутье, глубокое знаніе нашего законодательства и безпредѣльное уваженіе къ началу законности и человѣчности, наконецъ, его богатый и разнообразный служебный опытъ и знаніе жизни, чтобы съ такимъ достоинствомъ, тактомъ и успѣхомъ

держать кормило учрежденія въ такое время, когда видимо и вполнѣ осязательно наступила реакція противъ духа поставленныхъ подъ контроль сената новыхъ преобразованныхъ учрежденій.

Съ этою необычайно трудною задачею могъ справиться только Арцимовичъ. Глядя на эту колоссальную фигуру мощнаго духомъ старца-богатыря, съ богатою бѣлоснѣжною шевелюрою, съ выразительными умными и добрыми чертами лица, невольно вспоминался завѣщанный классическою древностью величавый образъ иныхъ римскихъ patres conscripti, безтрепетныхъ служителей долга и закона. Каждый сенаторъ, читаемъ въ ст. 247 Учрежд. сен., какъ истинный сынъ отечества, имѣя всегда въ виду долгъ свой къ Богу, государству и законамъ, долженствуетъ памятовать, что обязанность судьи, которая на него возложена, есть: почитать отечество свое родствомъ, а честность—дружбою и проч. Если чья дѣятельность невольно воскрешала этотъ классическій типъ и образъ „истиннаго сына отечества“, начертанный на статутѣ созданнаго геніемъ Петра Великаго учрежденія, то именно нелицепріятное, чуждое моднымъ реакціоннымъ теченіямъ, увлеченіямъ и угодливости, служеніе закону и правдѣ В. А—ча, которое можно бы формулировать девизомъ любимаго его юриста Миттермайера: Wahrheit gegen Feind und Freund (правда по отношенію къ недругу и другу). Зато же и други, и недруги Арцимовича, которыхъ у него, какъ у всякой рѣзко очерченной индивидуальности, всегда было достаточно, отдавали ему ту справедливость, что всѣ признавали его безусловную честность. Даже тѣ, которые не соглашались съ нимъ, невольно вынуждались платить дань его искренности, правдолюбію, человѣколюбію, честному мужеству говорить прямо правду въ глаза и полной отрѣшенности его отъ какихъ-нибудь личныхъ, а тѣмъ паче своекорыстныхъ соображеній. Такіе цѣльные характеры и честные убѣжденные бойцы за правду вообще и вездѣ—рѣдкость, а въ особенности въ Россіи, гдѣ по словамъ Левшина, бывшаго тов. мин. внутр. дѣлъ, „никто не дорожитъ своими мнѣніями и своею репутаціею, и всѣ думаютъ только, какъ бы угодить верховной власти и получить за то какую-либо награду“ [1]).

II.

Служебную карьеру свою Арцимовичъ началъ довольно рано, въ 1841 г. Правовѣдъ 1-го выпуска, 20-тилѣтній юноша, онъ вмѣстѣ съ небольшою горстью своихъ столь же молодыхъ товарищей пошелъ на смѣ-

---

[1]) См. Записку Левшина въ „*Руск. Архивѣ*“ 1885 г., № 8, стр. 7435.

лый бой съ тѣми вѣковыми язвами стараго дореформеннаго строя—взяточничествомъ, буквоѣдствомъ и бюрократическимъ произволомъ, для искорененія коихъ и было учреждено въ 1835 г. близъ Цѣпного моста Училище Правовѣдѣнія, бокъ о бокъ съ III отдѣленіемъ, которое, какъ извѣстно, тоже имѣло цѣлью, по инструкціи своего причудливаго основателя гр. Бенкендорфа, споспѣшествовать сверхъестественными способами торжеству правды [1]). Не легко было этой доблестной, но слабосильной молодой дружинѣ „рыцарей права“ искоренить „черную неправду“, господствовавшую въ нашихъ судахъ и очевидную уже всѣмъ, кромѣ неспособнаго видѣть даже очевидности тогдашняго главы судебнаго вѣдомства, министра юстиціи, графа В. Н. Панина, помѣшаннаго на консерватизмѣ и до послѣднихъ дней своего управленія твердившаго—„все обстоитъ благополучно“ [2]).

Но что могла сдѣлать эта горсть благонамѣренныхъ молодыхъ людей, дѣйствовавшая на свой страхъ, по системѣ случайнаго „единоборства“, среди охватившаго ихъ кругомъ темнаго царства взяточничества и невѣжества, беззаконія и кривосудія? Въ безсиліи у нихъ опускались руки, что лишній разъ подтверждало давно извѣстную истину, что безъ хорошихъ учрежденій прекраснѣйшіе люди ничего или почти ничего не могутъ сдѣлать. Все, что могли сдѣлать эти піонеры права—это соблюсти себя, т.-е. самимъ оставаться честными, не навязывая честность другимъ. Рѣдкія попытки правовѣдовъ переходить въ активную борьбу съ взяточничествомъ или съ явнымъ неправосудіемъ обыкновенно кончались не въ пользу „горячихъ“ головъ [3]). Большинство же, затягиваемое тиною бюрократической рутины, предавалось со всѣмъ усердіемъ канцелярскимъ своимъ упражненіямъ въ ожиданіи чего-либо лучшаго.

Такое „лучшее“ для Арцимовича были сенаторскія ревизіи, эти внезапныя грозы, время отъ времени очищавшія душную и грязную атмосферу дореформенныхъ учрежденій. Человѣкъ чуткій, энергичный, онъ не могъ, какъ иные, вложить всю свою душу въ бездушное дѣло стараго сенатскаго бумажнаго правосудія. Молодого даровитаго юриста, не порвавшаго связь

---

[1]) См. „*Руск. Арх.*“ 1889 г., № 7.

[2]) Еще въ 1860 г. гр. Панинъ жаловался на цензуру за допущенную въ печати критику „его“ судебныхъ учрежденій. См. „*Руск. Стар.*“ 1892 года № 3.

[3]) Таковъ былъ случай, бывшій съ другимъ правовѣдомъ, впослѣдствіи знаменитымъ публицистомъ, И. С. Аксаковымъ. Въ московскомъ сенатѣ въ концѣ 40-хъ годовъ разбиралось дѣло богатаго помѣщика, обвиняемаго въ систематическомъ растлѣніи имъ своихъ крестьянокъ. Сенатъ оправдалъ знатнаго преступника, и объ этомъ попраніи правосудія не могъ равнодушно говорить Аксаковъ, спустя 40 лѣтъ (см. т. I его писемъ). Онъ пробовалъ протестовать, но ничего не вышло, и онъ долженъ былъ оставить должность оберъ-секретаря, испортить карьеру и сохранить на всю жизнь репутаціею „безпокойнаго“.

съ живыми общественными и литературными интересами сороковыхъ годовъ, манилъ широкій просторъ дѣйствительной жизни, гдѣ бы онъ могъ стать лицомъ къ лицу съ безчисленными нуждами и горестями ея, дать имъ хоть временное, хоть частичное облегченіе, минуя изсушающую процедуру мертвеннаго канцелярскаго разбора, вѣрнѣе, погребенія дѣлъ. Такіе именно случаи давали сенаторскія ревизіи, черезъ извѣстные промежутки коекакъ очищавшія Авгіевы конюшни стараго суда и администраціи.

Просматривая послужной списокъ Арцимовича, поражаешься этимъ неугомоннымъ влеченіемъ юнаго правовѣда къ командировкамъ при ревизующихъ сенаторахъ. Уже въ февралѣ 1842 года, стало быть, всего семь мѣсяцевъ спустя послѣ поступленія на службу въ сенатъ, В. А. командируется для письменныхъ занятій къ сенатору Бѣгичеву, ревизовавшему Орловскую и Калужскую губерніи. Въ слѣдующемъ 1843 году онъ участвуетъ, на этотъ разъ въ качествѣ завѣдующаго канцеляріею, въ ревизіи Таганрогскаго градоначальства, произведенной сенаторомъ Жемчужниковымъ, и затѣмъ въ 1850 г. въ сенаторской ревизіи учрежденій западной Сибири. Сенаторъ Жемчужниковъ, выдавшій впослѣдствіи за Арцимовича дочь свою, въ блестящей аттестаціи, данной молодому юристу, свидѣтельствовалъ, что онъ „оправдалъ полное къ нему довѣріе и оказалъ основательное знаніе законовъ, отличныя способности, благородныя правила и постоянную дѣятельность“.

Этими же качествами запечатлѣна и вся послѣдующая служба его по должности оберъ-секретаря Сената и тобольскаго гражданскаго губернатора (съ 1854 г.). Энергія, безкорыстіе и справедливость были въ то время качествами весьма рѣдкими даже среди высшихъ представителей администраціи въ Россіи, а потому легко понять, какъ должны были оцѣнить такую просвѣщенную дѣятельность человѣколюбиваго юриста, какъ Арцимовичъ, сибиряки, страдавшіе отъ взяточничества чиновниковъ еще болѣе, нежели жители внутреннихъ губерній.

Какъ велика была популярность В. А. среди сибиряковъ, это обнаружилось впослѣдствіи, въ 1862 г., замѣчательнымъ способомъ, характернымъ и для духа времени, и для силы симпатіи, внушенной В. А. сибирякамъ. Когда появилась въ печати (см. ниже) злостная діатриба одного изъ крѣпостниковъ противъ дѣятельности Арцимовича, какъ калужскаго губернатора, то граждане Тобольска proprio motu и безъ вѣдома его напечатали протестъ, въ которомъ они между прочимъ писали:

„Не будучи хорошо знакомы съ ходомъ крестьянскаго вопроса въ Калужской губерніи, мы не можемъ входить въ подробное разбирательство этого дѣла. Мы увѣрены, что обвиненія, взводимыя г. Потуловымъ на бывшую калужскую администрацію, вызовутъ скорый отвѣтъ изъ Калуги (что и оправдалось отчасти) отъ честныхъ и безпристрастныхъ людей,

въ глазахъ которыхъ происходило тамъ разрѣшеніе крестьянскаго дѣла. Мы же, зная Виктора Антоновича по его административной дѣятельности въ нашей губерніи, сильно сомнѣваемся въ справедливости всѣхъ этихъ обвиненій. В. А. Арцимовичъ вовсе не изъ числа такихъ людей, для которыхъ законъ заключается въ личномъ произволѣ. Это совершенно несообразно ни съ его образованіемъ, ни съ его убѣжденіями. Напротивъ, бывъ свидѣтелями его дѣятельности въ Тобольскѣ, мы открыто говоримъ, что Викторъ Антоновичъ всегда ставилъ *законъ выше своего личнаго мнѣнія* [1]) *и исключительныхъ, сословныхъ интересовъ*, между тѣмъ какъ у насъ при отсутствіи самаго вліятельнаго сословія, дворянъ-помѣщиковъ, представлялось очень много случаевъ для личнаго произвола. Управляя Тобольскою губерніей въ продолженіе четырехъ лѣтъ, Викторъ Антоновичъ былъ для насъ добросовѣстнымъ представителемъ правительства и честнымъ *гражданиномъ*. Всякое правое дѣло имѣло въ немъ ревностнаго поборника; всякій, невинно угнетенный, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, находилъ въ немъ твердаго защитника. Не нравились его дѣйствія только тѣмъ людямъ стараго закала, которые привыкли, или находили для себя выгоднымъ смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрѣли въ невозвратное минувшее время и какъ смотрятъ нынѣ всѣ ревнители *сословной исключительности*, въ ущербъ общему государственному интересу, и вообще всѣ тѣ, которые то низкими происками и интригами, то картинами какихъ-то ужасовъ, стараются препятствовать правительству въ проведеніи его благихъ реформъ. Прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ В. А. Арцимовичъ оставилъ Тобольскъ, но мы такъ помнимъ и такъ цѣнимъ его честную дѣятельность, что не могли остаться безмолвными слушателями порицателей его достойнаго имени и сочли священнымъ долгомъ отвѣчать имъ заявленіемъ о его вполнѣ благотворной и истинно-гуманной дѣятельности въ нашемъ краѣ“. Подъ протестомъ стоятъ 145 подписей [2]).

III.

Съ 1858 г. судьба переноситъ В. А. въ иную область Россіи и въ новую болѣе обширную сферу дѣятельности. Назначенный съ 1-го августа калужскимъ губернаторомъ, Арцимовичъ нашелъ, наконецъ, ту широ-

---

[1]) Изъ біографическихъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ №№ 11 и 12 „*Вѣст. Евр.*“ за 1897 г., видно, что В. А., слѣдуя своему основному правилу службы, въ данномъ случаѣ слѣдовалъ и повелѣнію Николая I, который, отправляя его въ Сибирь, сказалъ: „чѣмъ отдаленнѣе край, тѣмъ строже должно быть наблюденіе за сохраненіемъ порядка и исполненіемъ законовъ“.

[2]) См. „*Современную Лѣтопись*“ 1862, № 13.

кую арену дѣятельности, которой давно уже жаждала его благородная и дѣятельная натура, умудренная житейскимъ опытомъ. Это была чуть ли не самая критическая пора въ исторіи освободительнаго движенія конца 50-хъ годовъ, приведшаго къ паденію крѣпостного права и надѣленію крестьянъ землею. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ уже оффиціально поставленъ на очередь, но онъ встрѣчалъ еще сильное противодѣйствіе [1]) въ высшихъ сферахъ, и само правительство не имѣло пока окончательнаго и полнаго плана рѣшенія вопроса. Тверское дворянство первое въ августѣ 1858 г. выдвинуло оффиціально на очередь вопросъ о надѣлѣ землею; но правительство, разрѣшивъ его обсужденіе, соблюдало пока нейтралитетъ.

Переводъ изъ Сибири на новое губернаторство поставилъ Арцимовича лицомъ къ лицу съ великимъ крестьянскимъ вопросомъ, къ которому онъ съ самаго начала относился съ величайшимъ интересомъ и глубокимъ сочувствіемъ. Положеніе В. А. было не изъ легкихъ. Калужская губернія была одна изъ первыхъ по количеству крѣпостного населенія [2]), а калужское дворянство далеко не сочувственно отнеслось къ этой великой либеральной реформѣ, и оно одно изъ послѣднихъ подало адресъ объ освобожденіи крестьянъ [3]). Нуженъ былъ тактъ Арцимовича, его горячая вѣра въ свободу, чтобы, если не убѣдить завзятыхъ крѣпостниковъ, что было выше силъ человѣческихъ, то хоть расшевелить у передовыхъ, болѣе развитыхъ представителей калужскаго дворянства лучшія человѣческія чувства. Открывая 6-го декабря калужскій комитетъ, Арцимовичъ въ рѣчи своей обратился къ дворянамъ съ простымъ, но задушевнымъ воззваніемъ: „прямое содѣйствіе ваше къ устройству многочисленнаго трудящагося сословія, сказалъ онъ, даруетъ вамъ *высокое право* участвовать въ отмѣнѣ того положенія дѣлъ, которое такъ рѣзко противорѣчитъ духу нашего времени, въ устраненіи многихъ глубокихъ страданій, завѣщанныхъ намъ временемъ давно прошедшимъ, и въ установленіи такого порядка, чтобы возстановленіе этихъ страданій и неустройствъ въ будущемъ сдѣлалось *невозможнымъ*“ [4]). Благотворное вліяніе обаятельной личности Арцимовича, мастера въ умѣніи будить въ самыхъ скромныхъ и

---

[1]) См. Ѳ. Еленева—Первые шаги освобожденія крестьянъ. СПб. 1886, стр. 59.

[2]) См. монументальный трудъ А. Скребицкаго—Крестьянское дѣло. Боннъ 1862, стр. XXIV.

[3]) См. тамъ же у Скребицкаго.

[4]) Матер. для ист. упраздн. крѣпостн. права въ Россіи 1860, т. I, 293. На обѣдѣ дворянскомъ Арцимовичъ провозгласилъ тостъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „за успѣхи крестьянскаго дѣла и соглашенія частныхъ интересовъ съ общею государственною пользою на славу и процвѣтаніе нашего отечества“ (тамъ же, 295).

зачерствѣлыхъ людяхъ лучшія стороны ихъ природы, сказалось вскорѣ [1]). Несмотря на то, что большинство калужскаго комитета принадлежало къ ярымъ защитникамъ дворянскихъ интересовъ, по нѣкоторымъ вопросамъ онъ шелъ впереди всѣхъ прогрессистовъ. Такъ, напр., благодаря иниціативѣ Арцимовича [2]), комитетъ выдвинулъ вопросъ о *выкупѣ* надѣловъ, за который высказалось не только болѣе прогрессивное его меньшинство, но и весь комитетъ въ полномъ составѣ [3]).—Кромѣ того В. А. принималъ участіе въ трудахъ коммиссіи при министр. внут. дѣлъ, составлявшей проектъ о крестьянскихъ мировыхъ учрежденіяхъ.

Съ изданіемъ Положеній 19-го февраля, Арцимовичъ всецѣло отдался задачѣ добросовѣстнаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ примѣненія ихъ. Радуясь, какъ немногіе, освобожденію народа отъ помѣщичьяго ига Арцимовичъ въ ожиданіи объявленія воли принялъ разнообразныя мѣры, къ тому, чтобы по возможности въ одинъ день по всей Калужской губерніи поскорѣе и сразу народъ узналъ, что пало съ его плечъ позорное вѣковое бремя [4]). Стремясь къ правильному устройству, согласно съ духомъ освободительнаго акта 19-го февраля, гражданскаго и поземельнаго быта новаго свободнаго земледѣльческаго класса, Арцимовичъ умѣлъ

---

[1]) Преосвященный Григорій епископъ Калужскій и Боровскій не былъ противъ отмѣны рабства, какъ нѣкоторые другіе іерархи, и сказалъ дворянамъ, предъ открытіемъ собранія: „улучшить бытъ крестьянъ дѣло *богоугодное*. Правда, здѣсь необходимо представляется мысль о нѣкоторомъ ущербѣ вашихъ собственныхъ выгодъ въ пользу крестьянъ. Но таково свойство всякаго богоугоднаго дѣла. А гдѣ нѣтъ пожертвованія, тамъ нѣтъ и угожденія Богу. Человѣкъ, который умѣетъ дѣйствовать только по побужденію личной выгоды, только по расчетамъ собственной корысти, такой человѣкъ живетъ, очевидно, только для себя, а не для Бога и не для общества: онъ эгоистъ, онъ чуждъ благочестія христіанскаго“ (н. Матеріалы, т. I, 288).

[2]) См. назв. трудъ Скребицкаго, стр. XLVI.

[3]) См. назв. трудъ, т. IV, стр. 247. Предводитель дворянства г. Щукинъ, негодуя на неумѣстное вмѣшательство литературы въ домашнее (sic) дѣло дворянъ, выразилъ въ своей рѣчи сожалѣніе по поводу того, что „обсужденіе его (крестьянскаго вопроса) не могло совершиться при частныхъ взаимныхъ совѣщаніяхъ въ *домашнихъ* собраніяхъ владѣльческаго сословія, гдѣ практическое познаніе отношеній помѣщика къ крестьянину гораздо болѣе открываетъ истины (??), нежели всѣ ученыя теоретическія фразы (здѣсь подразумѣвалась и статья К. Д. Кавелина, выдвинувшая вопросъ о надѣлѣ!) краснорѣчивыхъ, но неопытныхъ въ хозяйствѣ современныхъ ораторовъ“ (см. н. Матеріалы, 294).

[4]) Одинъ изъ сослуживцевъ Арцимовича Н. В. Сахаровъ, впослѣдствіи суд. слѣд. Московскаго окружнаго суда, въ запискахъ своихъ (см. „Русская Мысль“ 1899, августъ) передаетъ интересную инструкцію Арцимовича объ объявленіи, въ которой предусмотрѣны и разъяснены всѣ подробности процедуры. Но инструкція не могла быть выполнена, такъ какъ благодаря распутицѣ и книги Положенія о крестьянахъ запоздали, и объявленіе воли растянулось на три дня.

собрать вокругъ себя единственный въ своемъ родѣ либеральный кружокъ изъ лучшихъ представителей мѣстной и столичной университетской молодежи, которая, воодушевляемая благороднымъ примѣромъ своего достойнаго, неутомимаго руководителя, усердно и съ честью послужила въ должности мировыхъ посредниковъ [1]) народному дѣлу. Одинъ изъ этихъ добрыхъ сѣятелей на нивѣ народной, П. Н. Обнинскій [2]), въ воспоминаніяхъ своихъ такъ передаетъ напутствіе, слышанное имъ отъ Арцимовича: „вѣрьте въ свое дѣло,—говорилъ онъ,—*чтите законъ во что бы то ни стало*, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ—я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, все, что только вы потребуете отъ меня". Но, какъ и слѣдовало ожидать, твердый и безпристрастный образъ дѣйствій

---

[1]) Въ составъ этого кружка входили: Свистуновъ, кн. Оболенскій, Щепкинъ, Грешищевъ, Гавриловъ, Рихтеръ, Бибиковъ, Рахмановъ, Пусторослевъ, Муромцевъ, Сельванъ, Пещуровъ, Долгово-Сабуровъ, Рагозинъ и П. Н. Обнинскій (См. его воспоминанія).

[2]) Передаемъ со словъ этого знаменитаго посредника, нынѣ извѣстнаго юриста публициста П. Н. Обнинскаго (см. ниже), имѣвшаго счастье начать свое общественное служеніе въ „красные дни" нашего общественнаго возрожденія и нынѣ благословляющаго судьбу, „избаловавшую" его этимъ счастьемъ, подробности перваго свиданія его, какъ мирового посредника, съ губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ: „Я радъ въ васъ видѣть,—сказалъ губернаторъ, усадивъ меня въ своемъ кабинетѣ (тогда это былъ пріемъ, выходящій изъ ряда),—будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, *гражданина*, полезнаго своему отечеству. Люди съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они нужны мнѣ, необходимы дѣлу: я ищу ихъ съ огнемъ... потому что они, во-первыхъ, молоды, чисты душою, не испорчены жизнью и существующими судебными порядками, а во-вторыхъ что не менѣе важно для дѣла, независимы отъ среды, въ которой придется имъ работать! Вѣрьте въ свое дѣло, *чтите законъ во что бы то ни стало*, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ—я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, все, что только вы потребуете отъ меня". („*Русскій Архивъ*", 1892, № 1, стр. 121).—Чтобы очевидно было все значеніе этого напутствія, достаточно сопоставить его съ рѣчью, съ которою обратился къ посредникамъ новый калужскій губернаторъ г. Лерхе, назначенный вскорѣ послѣ того, когда, со вступленіемъ въ 1861 г. П. А. Валуева на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, началось въ угоду „близорукой и безъидейной реакціи" (см. Léroy-Beaulieu—Un homme d'état russe, стр. 76) обычное „смягченіе" только что изданнаго закона, т. е. попросту отмѣна закона въ административномъ порядкѣ, путемъ министерскихъ циркуляровъ.—Вотъ что говорилъ мировымъ посредникамъ преемникъ В. А. Арцимовича Всѣ вы, господа мировые посредники, стараетесь объяснять законъ, растолковываете крестьянамъ ихъ *права*. Къ чему? Это только обостряетъ отношенія; если крестьяне домогаются, и исполняются эти домогательства, то старайтесь при этомъ внушать имъ, что на то была *добрая воля* помѣщика, его внимательность въ нуждахъ бывшихъ крѣпостныхъ, и что они получаютъ его согласіе, какъ „*милость*" („*Русск. Арх.*", тамъ же, стр. 26).

Арцимовича вызвалъ неудовольствіе со стороны помѣщиковъ, которые стали обвинять его прямо въ демагогическихъ стремленіяхъ...

Введеніе въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ представляло чрезвычайныя трудности. Отставка С. С. Ланского и Н. А. Милютина, состоявшаяся уже въ апрѣлѣ 1861 г., сильно пріободрила крѣпостниковъ, получившихъ надежду передѣлать „на дѣлѣ“ всю освободительную реформу, т.-е. примѣнять ее, не нарушая буквы закона, однако въ разрѣзъ съ его духомъ. В. А. Арцимовичъ, преданный всею душою именно духу крестьянской реформы, съ большою энергіею вступилъ въ борьбу съ такими тенденціями, рискуя навлечь на себя небезопасное неудовольствіе помѣщичьей партіи, располагавшей сильными связями въ высшихъ сферахъ. В. А. смѣло вступилъ въ этотъ ожесточенный бой и если палъ, то палъ, покрывъ свое имя честью и славой.

Однимъ изъ поводовъ къ столкновенію Арцимовича съ калужскими помѣщиками былъ вопросъ о рекрутскихъ квитанціяхъ, операція съ коими составляла одну изъ выгодныхъ, но грязныхъ спекуляцій помѣщиковъ и практиковалась открыто, несмотря на свою противозаконность и явную неблаговидность, граничащую съ уголовнымъ обманомъ. Помѣщикъ бралъ выкупъ съ богатаго крестьянина за рекрутскую повинность и, никогда почти *не покупая* [1]) рекрутской квитанціи, силою своей власти отдавалъ за выкупившагося другого, бѣднаго. Съ введеніемъ Положенія о крестьянахъ крѣпостные, заплатившіе помѣщикамъ деньги и взятые тѣмъ не менѣе въ рекруты, стали обратно требовать съ нихъ уплаченныя суммы. Помѣщики стали защищаться ссылкою на ст. 18 Положенія, воспрещавшую принимать жалобы на дѣйствія помѣщиковъ, совершенныя *въ силу* существовавшаго крѣпостного „права“. Гг. помѣщики считали себя независимыми за этою формальною защитою, какъ за каменною стѣною, мало интересуясь некрасивостью своего поступка съ точки зрѣнія самой элементарной порядочности и забывая, что non omne quod licet honestum est (не все законное прилично). Когда дѣло дошло до калужскаго губернскаго присутствія, въ которомъ предсѣдательствовалъ Арцимовичъ, сдѣлана была тщательная провѣрка, съ точки зрѣнія строго-законной, возраженій помѣщиковъ и признано, что такіе обманные поступки были совершены не въ силу крѣпостного права (ст. 1027—1137 т. IX Св. Зак.), не допускавшаго подобныхъ операцій, а вслѣдствіе злоупотребленія имъ (за что иногда брали помѣщиковъ въ опеку [2]). Присутствіе стало присуждать обобраннымъ крестьянамъ съ помѣщиковъ противозаконно удерживаемыя деньги. Inde ira № 1.

---

[1]) См. *„День“*, 1863, № 3, стр. 11. Примѣч. редактора И. С. Аксакова.

[2]) См. тамъ же, 12—13 стр.

Затѣмъ массу нареканій навлекъ на себя Арцимовичъ стремленіемъ внести хоть нѣкоторый элементъ права въ темную крѣпостническую среду, насквозь пропитанную сознаніемъ своего полновластья и полнаго безправья „хамовъ“. Положимъ, воля была объявлена, но что значитъ воля, если мѣстная полиція является послушнымъ орудіемъ для безцеремоннаго обиранія крестьянъ, и если можно бить ихъ и дубьемъ, и рублемъ, благодаря круговой порукѣ? Какъ извѣстно, многіе крѣпостники охотно мирились съ такою *мнимою* волею, при которой они получали въ свое распоряженіе и организованную „вотчинную“ полицію, и обезпеченіе въ видѣ ручательства міра (см. выше, гл. II, § III).

Таковы были не въ мѣру разыгравшіеся аппетиты и калужскихъ дворянъ, которые съ первыхъ же дней по объявленіи воли самымъ рѣшительнымъ образомъ стали вводить въ границы закона Арцимовичъ. По предложенію его, калужское губернское присутствіе уже 27-го марта 1861 г. единогласно одобрило циркулярное разъясненіе по полиціи, коимъ ограждалась личность крестьянъ отъ „раздражительныхъ требованій помѣщиковъ“, требовавшихъ розогъ по поводу самомалѣйшей неисправности ихъ. Губернское присутствіе исходило изъ той мысли, что съ „отмѣною крѣпостного права всякое нарушеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ не можетъ уже имѣть никакого иного характера, значенія и послѣдствія, какъ нарушеніе обыкновенныхъ обязательствъ, причиняющее вредъ или убытокъ и требующее возмѣщенія потерпѣвшему лицу порядкомъ *чисто гражданскимъ*, но отнюдь не уголовнымъ, кромѣ случаевъ открытаго сопротивленія“ [1]). Отсюда еще бо́льшіе вопли по поводу анархіи, заведенной Арцимовичемъ. Лидеръ [2]) калужскихъ крѣпостниковъ, г. Потуловъ, меча громы противъ него, писалъ между прочимъ: „поля или вовсе остались безъ обработки, или обрабатывались столь плохо, что не могли давать надлежащаго урожая“ [3]). Указывая затѣмъ, что оброки съ крестьянъ *вовсе* не взыскиваются г. Потуловъ, между прочимъ, писалъ: „да, дворяне-крѣпостники въ смыслѣ крѣпости (?) закона и въ значеніи охранительнаго начала спокойствія въ государствѣ въ прямую противоположность тѣмъ жалкимъ личностямъ,

---

[1]) См. „*Современную Лѣтопись*“, 1863, № 16.

[2]) Единомышленниковъ у г. Потулова оказалось 171 человѣкъ, заявившихъ ему печатно свою солидарность въ характеристикѣ управленія Арцимовича (см. „*Соврем. Лѣтопись*“, 1863, №№ 28 и 21).

[3]) Петръ Свистуновъ и кн. Андрей Оболенскій съ точными статистическими данными въ рукахъ доказали, что это утвержденіе было совершенно ложно и что количество обрабатываемой земли „послѣ воли“ увеличилось, а не уменьшилось въ Калужской губ. (см. „*Совр. Лѣтопись*“, 1863, № 21).

которыя подъ личиною человѣколюбія [1]) и никогда ясно не высказываемаго ими своеобразнаго передового образа мыслей стараются для осуществленія своихъ идей обходить (!) законъ произвольными перетолкованіями [2]), не стыдятся желать надѣлять, кого по ихъ расчетамъ (sic) нужно, похищеніями (?!) изъ чужого достоянія, а въ довершеніе, подрывая (?) въ народѣ уваженіе къ закону и развивая (!) въ крестьянахъ тлетворную мысль *отрицанія правъ собственности*, готовятъ для отечества страшную будущность“ [3]).

Если такую чудовищную родомонтаду трусливые и жадные крѣпостники не стѣснялись выносить публично, то не трудно догадаться, какимъ букетомъ инсинуацій и клеветъ должны были отдавать интимныя „сообщенія“ и „донесенія“ — куда слѣдуетъ, начиная отъ зазнавшагося магната-архимилліонера генерала Мальцева, безумныя дѣйствія коего, только лишь благодаря энергіи Арцимовича, не возымѣли своихъ пагубныхъ послѣдствій, и кончая безчестными и жестокими помѣщиками средней руки, готовыми содрать шкуру съ бывшихъ своихъ рабовъ и негодовавшими на Арцимовича за стремленіе отстоять законъ [4]).

---

[1]) Прекрасною иллюстраціею къ тому, какъ „крѣпостники“ понимали истинное человѣколюбіе, можетъ служить исторія устройства крестьянъ въ имѣніяхъ самого г. Потулова. Крестьяне оставались на барщинѣ, несмотря на ихъ настойчивое требованіе перевести на оброкъ, въ виду несогласія помѣщика. Еще до назначенія мировыхъ посредниковъ Потуловъ жаловался на неисполненіе крестьянами барщины, и уѣздный предводитель дворянства, не снесясь съ губернаторомъ, своею властью ввелъ роту въ имѣніе Потулова и выпоролъ его крестьянъ. Затѣмъ еще вторично была совершена экзекуція въ томъ же имѣніи и за прогульные дни были взысканы деньги, послѣ чего крестьяне сами уже не пожелали итти на оброкъ, на чемъ на этотъ разъ сталъ настаивать самъ г. Потуловъ. При объѣздѣ губерніи Арцимовичемъ, въ виду жалобъ крестьянъ, онъ принялъ нѣкоторыя административныя мѣры. Затѣмъ, въ третій разъ въ имѣніе Потулова введена была рота изъ-за того, что крестьяне не хотѣли передать „знака“ старостѣ, назначенному мировымъ посредникомъ по указанію Потулова. На этотъ разъ пріѣзжалъ для экзекуціи самъ губернаторъ Лерхе (преемникъ Арцимовича) и наказалъ розгами *пятаго* изъ наличныхъ крестьянъ. Вопросъ о „знакѣ“, который оказался брошеннымъ въ рѣку, мин. внутр. дѣлъ Валуевъ разрѣшилъ съ классическою простотою суда Соломонова—онъ приказалъ пріобрѣсти *новый* знакъ... Любопытно, что тотъ же г. Потуловъ обвинялъ администрацію за *непринятіе* никакихъ мѣръ по взысканію оброка съ крестьянъ, („*Соврем. Лѣтопись*“, 1863, № 21),

[2]) Это мѣсто особенно возмутило жителей Тобольска (см. выше), хорошо знавшихъ, что Арцимовичъ былъ вездѣ и всегда самымъ рѣшительнымъ врагомъ произвольныхъ мѣръ.

[3]) „*Соврем. Лѣтопись*“, 1863, № 10.

[4]) Владѣлецъ извѣстныхъ заводовъ въ Калужской и Орл. губ. Мальцевъ, располагавшій огромными богатствами и обширными связями (дочь была любимою фрейлиной при дворѣ), недовольный тѣмъ, что крестьяне осмѣливаются читать

Для провѣрки доносовъ поднявшихъ гвалтъ калужскихъ крѣпостниковъ была назначена въ 1862 году сенаторская ревизія черезъ сенатора Кашгера. Но никакія ревизіи не были страшны для Арцимовича, который былъ безукоризненно чистъ и передъ совѣстью, и передъ закономъ! Ревизующій сенаторъ аттестовалъ блестящимъ образомъ строго-законное и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчное, просвѣщенное управленіе губерніею и въ особенности вполнѣ удовлетворительное введеніе Положенія о крестьянахъ. Укажу на одинъ знаменательный фактъ. Несмотря на то, что Калужская губернія кишмя кишѣла самыми завзятыми крѣпостниками и ожесточенные помѣщики предъявляли самыя требовательныя и притязательныя условія, все-таки оказалось, что, благодаря уму, такту и находчивости сотрудниковъ Арцимовича, достигнутъ былъ необыкновенно счастливый результатъ: изъ 3000 уставныхъ грамотъ 1400 были заключены по миролюбивому соглашенію [1]).

Хотя заключенія сенаторской ревизіи были крайне лестны для репутаціи Арцимовича, однако, онъ былъ удаленъ изъ Калуги въ видахъ успокоенія обезумѣвшихъ отъ страха, корыстолюбивыхъ калужскихъ крѣпостниковъ [2]). Удаленіе его вызвало всеобщее сожалѣніе, особенно въ крестьянскомъ и городскомъ населеніи.

розданное Положеніе о крестьянахъ, несмотря на его воспрещеніе, троихъ изъ заводскихъ крестьянъ, какъ главарей бунта, заковалъ въ кандалы и послалъ къ Арцимовичу въ Калугу. Возмущенный этимъ противозаконнымъ поступкомъ наглеца-помѣщика, Арцимовичъ расковалъ крестьянъ и выслалъ ихъ обратно и тѣмъ успокоилъ начавшееся волненіе. Мальцевъ и др. крѣпостники стали бомбардировать Петербургъ телеграммами и вопили, что Арцимовичъ возмущаетъ народъ. Пока былъ министромъ Ланской, Мальцевъ, несмотря на всѣ связи, не могъ повернуть дѣла въ свою пользу. Но съ назначеніемъ министромъ кандидата крѣпостниковъ Валуева, стремившагося по обыкновенію угодить и вашимъ, и нашимъ, шансы Мальцева поднялись. Впослѣдствіи, при ревизіи, хотя Мальцеву сдѣланъ Высочайшій выговоръ, а образъ дѣйствія Арцимовича былъ признанъ безукоризненнымъ, тѣмъ не менѣе въ угоду калужскихъ крѣпостниковъ ему пришлось оставить губернію. Уже много лѣтъ спустя, Юркевичъ (бывшій вице-губернаторъ при Арцимовичѣ) какъ-то разговорился объ этомъ дѣлѣ съ бывшимъ крѣпостнымъ Мальцева, и тотъ не обинуясь говорилъ, что если бы не заступничество Арцимовича за закованныхъ крестьянъ и не вѣра въ его справедливость—Мальцеву бы не сдобровать.

[1]) Подробный и превосходный обзоръ и разборъ дѣятельности Арцимовича по крестьянскому дѣлу см. въ статьяхъ: П. Н. Обнинскаго въ „*Русск. Мысли*“, 1896, №№ 3, 4, 5.

[2]) Въ 1863 г. Сухотинъ пишетъ: „Кончилъ вечеръ въ клубѣ, гдѣ опять отзывались объ Арцимовичѣ съ озлобленнымъ чувствомъ; онъ точно сдѣлался эпическимъ лицомъ. Надо сознаться, что 19-е февраля породило какія-то странныя ненависти между извѣстными представителями либеральныхъ принциповъ и защитниками дворянскихъ привилегій. Эти ненависти приняли характеръ какой-то озлобленный и часто безотчетный“. И съ противной стороны слышатся такія же

Въ газетѣ И. С. Аксакова „*День*“ одинъ изъ калужанъ въ такихъ выраженіяхъ передалъ тогдашнее настроеніе калужскаго общества. „14 минувшаго декабря (1862),—писалъ онъ,—пронесся по Калугѣ слухъ о назначеніи начальника нашей губерніи, Виктора Антоновича Арцимовича, на новый и высшій постъ государственной службы. Подобные слухи и прежде часто посѣщали Калугу; они такъ же скоро стихали, какъ легко появлялись; но послѣднему суждено было исполниться. Достовѣрность его съ каждымъ днемъ подтверждалась все болѣе и болѣе. И хоть не было о томъ оффиціальныхъ извѣстій, никто больше не сомнѣвался, что пришло время калужанамъ разстаться съ своимъ любимымъ, дорогимъ, замѣчательнымъ губернаторомъ. Толкамъ, сожалѣніямъ не было конца. Мѣщане, купцы, чиновники,—всѣ живо заинтересованы были новымъ назначеніемъ начальника губерніи, равнаго которому по достоинствамъ не вспомнятъ калужскіе старожилы: тяжело было имъ помириться съ мыслію о предстоящей разлукѣ. Радовались этому событію только поборнники крѣпостного права, которыхъ въ нашей губерніи, къ несчастію, еще слишкомъ довольно. Но дѣлать было нечего: нужно было покориться волѣ благопопечительнаго правительства и спѣшить выразить свою признательность человѣку, котораго мы такъ искренно любили, начальнику, котораго мы такъ глубоко уважали, бывши свидѣтелями его дѣйствій въ самую трудную эпоху для Россіи,—эпоху прекращенія крѣпостныхъ отношеній. Еще не было получено извѣстія о новомъ назначеніи Виктора Антоновича, а между калужскимъ купечествомъ заходили толки о томъ, какъ бы увѣковѣчить дорогую о немъ память въ Калугѣ. Рѣшено было просить у правительства разрѣшенія поднести благодарственный адресъ Виктору Антоновичу, а портретъ его поставить въ залѣ калужской думы.

„Потомъ въ честь начальника губерніи даны были два прощальные обѣда: одинъ отъ купечества 27-го декабря, другой отъ чиновниковъ 29-го числа. Я не буду подробно описывать всего, что было на этихъ обѣдахъ. Замѣчу только, что эти обѣды не были, какъ нерѣдко это бываетъ, одними оффиціальными обрядами. Они были полны живого общественнаго интереса. Въ нихъ и на нихъ выразились всѣ симпатіи общества къ тому лицу, въ честь котораго они давались, и къ тѣмъ жизненнымъ началамъ, которыя постоянно одушевляли его дѣятельность. Всѣ, принимавшіе участіе въ этихъ обѣдахъ, пришли сюда по живому искреннему влеченію сердца: лишнихъ людей—*крѣпостниковъ тутъ не было.*

рѣзкія нападки противъ представителей тѣхъ началъ, которыя, по словамъ Сухотина, всегда были извѣстны, какъ азбука хорошихъ правилъ, но за послѣдніе годы стали признаваться многими за пошлость и тупоуміе“. („*Русскій Архивъ*“, 1884, № 4).

Безъ преувеличенія можно сказать, что здѣсь были большею частью люди передовые нашего края, честные труженики, защитники и поборники всѣхъ общественныхъ улучшеній и реформъ, совершенныхъ, предпринятыхъ и вводимыхъ правительствомъ, а слѣдовательно, защитники современнаго, человѣчнаго образа мыслей и дѣйствій Виктора Антоновича. Это было, можно сказать, огромное, тѣсно сплоченное товарищество, положившее себѣ дѣйствовать во имя правды и христіанской любви къ человѣку. Оттого на всемъ, что ни говорилось на этихъ обѣдахъ какъ начальникомъ губерніи, такъ и другими, лежала печать глубокаго убѣжденія и неподдѣльнаго чувства; произнесенныя рѣчи были краткою характеристикою правительственной и общественной дѣятельности г. Арцимовича и живымъ отраженіемъ современныхъ общественныхъ потребностей... Послѣ обѣда началась и продолжалась подписка на содержаніе двухъ пансіонеровъ въ гимназіи въ память Виктора Антоновича.

„Наконецъ, пришло отъ правительства разрѣшеніе на составленіе адреса, который и былъ поднесенъ отъ калужскаго купечества г. Арцимовичу въ самый Новый годъ послѣ благодарственнаго молебна въ соборѣ. Въ день отъѣзда начальника губерніи его провожали многіе до первой станціи... Но самые лучшіе проводы ему — это тысячи молитвъ и благословеній калужскаго крестьянства, котораго человѣческія и законныя права онъ такъ ревностно и горячо отстаивалъ“ [1]).

Перейдя съ 1863 г. изъ Калужской губерніи въ Москву, В. А. увозилъ съ собою драгоцѣнные сувениры: въ видѣ золотой медали въ память освобожденія крестьянъ и серебрянаго креста за введеніе въ дѣй-

---

[1]) „Къ этимъ послѣднимъ строкамъ,—писалъ отъ себя редакторъ „*Дня*“ И. С. Аксаковъ,—прибавлять нечего: похвалы лучше и *полновѣснѣе* этой быть не можетъ, и мы бы не допустили ея на страницахъ нашей газеты, если бы это не была *правда*. А мы, вполнѣ знакомые и съ личнымъ характеромъ и служебною дѣятельностью г. Арцимовича, знаемъ положительно, что это—точно правда. Въ 1-мъ № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ помѣщена вѣрная и правдивая характеристика его дѣятельности какъ губернатора, на которую считаемъ нужнымъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Имя В. А. Арцимовича будетъ неразрывно связано съ исторіею крестьянскаго дѣла въ Россіи, и эта же исторія занесетъ на свои страницы описаніе его упорной борьбы съ сословной исключительностью и отживающимъ старымъ крѣпостнымъ порядкомъ“ (*„День“*, 1863, № 3).

Одновременно и по однороднымъ причинамъ, т. е. подъ натискомъ крѣпостнической реакціи, былъ удаленъ и товарищъ Арцимовича по училищу правовѣдѣнія, другъ и единомышленникъ его до послѣднихъ дней, извѣстный дѣятель преобразовательной эпохи, вводившій въ дѣйствіе Положеніе о крест. въ бытность свою губернаторомъ Оренбургской и Саратовской губерній Е. И. Барановскій, а также пензенскій губернаторъ Я. А. Купріановъ, оказавшій въ бытность свою нижегородскимъ вице-губернаторомъ въ концѣ 50-хъ годовъ большое вліяніе на ходъ крестьянской реформы. (*„День“*, 1863, № 13).

ствіе Положенія о крестьянахъ, а также высшую для всякаго общественнаго дѣятеля награду—общую признательность образованнаго общества и самого народа. Доселѣ въ глухихъ деревняхъ [1]) Калужской губерніи можно встрѣтить въ избахъ крестьянъ,—фактъ небывалый,—фотографическій портретъ Арцимовича и его честныхъ сотрудниковъ, мировыхъ посредниковъ.

IV.

Изъ Калуги В. А. былъ переведенъ сенаторомъ въ Москву въ VII департаментъ Сената. Затѣмъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ Царствѣ Польскомъ, куда онъ долженъ былъ отправиться по настоянію Александра II, заранѣе убѣжденный въ безплодности своей [2]) миссіи,

---

[1]) См. „*Русск. Вѣдом.*“, 1891 г., № 164.

[2]) Сопоставляя въ сравнительной параллели дѣятельность Виктора Антоновича въ Калужской губерніи съ дѣятельностью его въ Царствѣ Польскомъ, мы видимъ,—пишетъ г. Обнинскій,—что онѣ развивались при одинаковыхъ по внѣшности, хотя и совершенно различныхъ по существу условіяхъ среды, имъ нормируемой въ духѣ и разумѣ освободительнаго закона. Въ Калугѣ Викторъ Антоновичъ встрѣтилъ противъ себя сплотившееся дворянство, въ Польшѣ онъ засталъ положеніе дѣлъ, съ которымъ также и по тѣмъ же причинамъ не могъ примириться. Работать ему приходилось тамъ съ людьми, довольно своеобразно понимавшими свою освободительную миссію. Взглядовъ ихъ раздѣлить онъ не могъ: въ освобожденіи крестьянъ онъ не могъ видѣть нѣчто вродѣ кары, экзекуціи, подготовляемой для крамольныхъ помѣщиковъ,—онъ не могъ сочувствовать ни дешевому либерализму карьеристовъ, развивающемуся на почвѣ узкаго лжепатріотизма, ни показному народничеству на чужой счетъ; онъ не могъ ради „высшихъ соображеній“ смотрѣть сквозь пальцы на узурпацію законныхъ владѣльческихъ правъ, на травлю помѣщиковъ крестьянами и не понималъ возможности внѣдрять въ „хлопахъ“ надлежащія чувствованія путемъ награжденія ихъ собственностью бывшаго владѣльца. И здѣсь, какъ и въ Калугѣ, онъ, „судья по призванію“, принялъ сторону права и закона, сторону слабаго и незаконно угнетаемаго; такою стороной тамъ являлись крестьяне, здѣсь—помѣщики, и если процессъ надѣленія крестьянъ землею и опредѣленія за нее повинностей въ послѣднемъ случаѣ принималъ характеръ военной контрибуціи, онъ считалъ своимъ долгомъ сдерживать подобныя тенденціи. Отсюда обвиненія въ крѣпостничествѣ. Клевета на этотъ разъ хлынула черезъ край; страшное слово „измѣна“, сорвавшись съ устъ, „едва умѣвшихъ лепетать“, перекати-полемъ понеслась по вѣтру и кое гдѣ гуляетъ еще и до сихъ поръ.

„Ахъ,—вздыхали возвращавшіеся съ поля битвы „ташкентцы“ и „обрусители“,—Викторъ Антоновичъ теперь уже не тотъ!“ Людямъ, хорошо и близко знавшимъ его, смѣшно и гадко было слушать эти „благонамѣренныя рѣчи“ и эти близорукія, не рискованныя инсинуаціи, одинаково напоминавшія лай изъ подворотни. Его въ высшей степени прямая и честная натура, его свѣтлый и глубокій

В. А. переходитъ на службу въ новый кассаціонный Сенатъ. Съ открытіемъ въ 1866 году новаго суда В. А. отдаетъ всѣ свои силы и дарованія, весь пылъ своей неостывшей энергіи, убѣжденной мысли и добраго сердца на трудное, благородное, но не всегда благодарное служеніе его высокой миссіи. Войдя вмѣстѣ съ друзьями своими, Буцковскимъ и Зубовымъ, въ составъ перваго присутствія уголовнаго касаціоннаго департамента, сообща съ этими доблестными хранителями гуманно-освободительныхъ основъ судебной реформы онъ положилъ первые прочные принципы нашего новаго уголовнаго процесса и далъ *первые* [1]) образцы неустрашимаго служенія идеаламъ новаго суда. По болѣзни первоприсутствующаго почти безпрерывно до 1870 года исполнялъ В. А. его обязанности, направляя дѣятельность этого высшаго регулятора новой судебной практики въ столь важное и трудное время.

Кому неизвѣстно, какія серьезныя затрудненія встрѣчались на пути просвѣтительной миссіи новаго суда по водворенію законности и правды. Во внѣ нужно было охранить суды отъ посягательствъ администраціи, которая, будучи дотолѣ всесильною, не легко мирилась съ передѣлами, указанными новымъ судебнымъ законодательствомъ. Нужно было ограждать законъ и судъ и отъ судебной администраціи, которая послѣ ухода министра юстиціи Д. Н. Замятнина стала колебать судейскую независимость косвенными мѣрами вродѣ назначенія исправляющихъ должность судебныхъ слѣдователей.

Не менѣе трудны были задачи и въ нѣдрахъ самого новаго суда. Новыя начала гласности, равноправности сторонъ, гуманнаго отношенія къ подсудимому съ уваженіемъ его человѣческаго достоинства и признан-

---

умъ, его рыцарское сердце,—все это такъ чуждо было возмутительной безсмысленной клеветѣ, не понимавшей того, что обѣ эпохи дѣятельности Виктора Антоновича,—калужская и польская,—были слиты въ неразрывномъ гармоническомъ единствѣ воли и разума, направленныхъ къ одной и той же высокой и чистой цѣли—торжеству права и правды на землѣ. Тамъ, въ первую эпоху, законъ по отношенію къ правамъ и благу освобождаемыхъ недоисполнялся,—здѣсь, во вторую, онъ въ томъ же отношеніи переисполнялся; и тамъ, и здѣсь администратору, склонному поступаться закономъ и справедливостью ради политическихъ соображеній,—администратору-дипломату, несравненно легче и безопаснѣе было „плыть по теченію“, не рискуя ничѣмъ ни сверху, ни снизу; но Викторъ Антоновичъ и тамъ, и здѣсь, и прежде, и теперь продолжалъ дѣлать то, что повелѣвалъ ему служебный долгъ и собственная совѣсть, оставаясь государственнымъ дѣятелемъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. (См. Воспоминанія Обнинскаго въ „*Русской Старинѣ*“, 1897 г., № 4).

[1]) Въ старыхъ судахъ при отсутствіи несмѣняемости исторія, какъ указываетъ проф. Утинъ, не знала вовсе типа судьи, праведно судящаго, и вовсе не сохранила памяти о лицахъ, безстрашно держащихъ вѣсы правосудія. „*Отечеств. Записки*“, 1862 г., № 11, стр. 5.

ныхъ закономъ правъ, не легко прививались къ жизни. Прокуроры, помня свое недавнее прошлое, не легко мирились съ новымъ, болѣе скромнымъ положеніемъ на судѣ. Предсѣдатели, невольно втягиваясь въ перипетіи горячихъ судебныхъ схватокъ, не всегда умѣли сохранять подобающее имъ безстрастіе судебнаго нейтралитета. Самъ судъ, увлекаясь иной разъ похвальнымъ, но неумѣреннымъ усердіемъ по раскрытію истины, не всегда умѣлъ сдерживать въ границахъ закона свои благородные, но неумѣстные порывы, и не всегда уважалъ въ должной мѣрѣ законныя права подсудимаго. Высшій блюститель духа и основъ новыхъ Судебныхъ Уставовъ, кассаціонный Сенатъ, руководимый такимъ опытнымъ и стойкимъ кормчимъ, какъ Арцимовичъ, являлся всегда во-время съ своимъ олимпійскимъ: quos ego! и съ внушительнымъ напоминаніемъ, что для суда нѣтъ иного пути къ истинѣ, какъ почва закона, и что всякое нарушеніе началъ равноправности и безстрастія противорѣчитъ достоинству суда [1]). Имя Арцимовича неразрывно связано съ этимъ первымъ наиболѣе труднымъ и наиболѣе плодотворнымъ періодомъ дѣятельности нашего кассаціоннаго судилища.

Не менѣе важны, какъ уже замѣчено, заслуги Арцимовича по должности первенствующаго сенатора I департамента, которую онъ занималъ съ 1880 года и почти до послѣднихъ дней своей жизни. Масса серьезныхъ и тонкихъ вопросовъ административнаго права проходила и проходитъ черезъ эту высшую инстанцію нашей административной юстиціи, на обязанности коей лежитъ примирять высшія требованія твердой законности при столкновеніи ихъ съ временными, но подчасъ крайне властными, притязательными и могущественными соображеніями административной цѣлесообразности; охранять самостоятельность органовъ нашего столь хрупкаго и непрочнаго самоуправленія, скромныя права коего нерѣдко вызывали серьезныя нападки. Громадный полувѣковой административно-судебный опытъ В. А., его тонкое юридическое развитіе, стойкость характера и твердость въ убѣжденіяхъ, безъ сомнѣнія, оказывали не малое содѣйствіе нашему высшему блюстителю законности по дѣламъ мѣстнаго самоуправленія для достойнаго выполненія его вообще трудныхъ, а часто и щекотливыхъ функцій [2]) въ разгарѣ реакціоннаго натиска эпохи Толстого.

---

[1]) Въ извѣстной книгѣ К. К. Арсеньева „Судебное слѣдствіе“ приведена масса интересныхъ рѣшеній, относящихся къ этой наиболѣе цвѣтущей порѣ нашей кассаціонной практики. Укажемъ для примѣра рѣш. 1867, № 522, въ которомъ сенатъ установилъ извѣстную постепенность въ примѣненіи дисциплинарной власти предсѣдателя къ защитникамъ, или на воспрещеніе читать сознаніе, данное подсудимымъ на предварительномъ слѣдствіи.

[2]) Въ прекрасномъ некрологѣ, напечатанномъ въ „*Послѣднихъ Годахъ*“, А. Ѳ. Кони пишетъ о дѣятельности В. А. въ I департаментѣ слѣдующее: Складъ его

Заслуги эти въ общихъ чертахъ слишкомъ общеизвѣстны, чтобы нужно было о нихъ напоминать, а съ другой стороны захватываютъ слишкомъ близкій къ намъ періодъ времени, съ его злобами дня, чтобы возможно было говорить о нихъ подробно и откровенно.

Можно сказать одно, что, отстаивая на почвѣ легальности права слабыхъ и беззащитныхъ, будетъ ли то простолюдинъ или еврей, или захудалый провинціальный городъ, В. А. не боялся столкновенія ни съ торжествующими временщиками, ни съ зазнавшимися наглецами-опричниками печати, которые, въ унисонъ съ Катковымъ, бѣшено набрасывались на Сенатъ (не даромъ Т. И. Филипповъ говорилъ, что есть консерваторы опричники-псы, гордящіеся своимъ званіемъ), который не считалъ возможнымъ ломать законъ въ угоду бюрократическаго произвола и моднаго оффиціальнаго ханжества. Но времена становились все болѣе и болѣе тяжелыми, и борьба дѣлалась неравною. Арцимовичъ изнемогъ физически и вынужденъ былъ покинуть свой постъ. Его достойный другъ, поэтъ-гражданинъ Жемчужниковъ, вправѣ былъ вложить ему въ уста слова:

...Я больше не могу.
Усталъ. Сдаюсь, но не безъ бою.
Да, буду памятенъ и другу, и врагу.

ума и характеръ требовалъ широкихъ взмаховъ кисти,—возможности, какъ говорятъ французы „tailler en plein drap“. Мелкая мозаичная работа, съ забвеніемъ о ея назначеніи, размѣрахъ и значеніи въ общей картинѣ, не находила въ немъ живого сочувствія Судьба дала ему слишкомъ большія и сильныя крылья, — и клѣтка *конкретнаго слуачая* давила его и стѣсняла его широкій полетъ въ область общихъ началъ и принципіальныхъ взглядовъ. Разносторонняя и гораздо болѣе широкая сфера дѣятельности перваго департамента сената, которому, между прочимъ, принадлежитъ, по выраженію закона, высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія, обнародованіе законовъ, охраненіе правъ различныхъ сословій и попеченіе о средствахъ къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, гораздо болѣе была по душѣ покойному, и ей отдался онъ съ 1880 г. со свойственною ему энергіею. 12-ть лѣтъ стоялъ онъ во главѣ этого учрежденія, будучи старшимъ сенаторомъ, отдавая такимъ образомъ послѣдніе годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работѣ по сложнымъ вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно споровъ и разногласій. Эта борьба мнѣній не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной діалектикѣ. — Она отражается тотчасъ же въ своемъ окончательномъ результатѣ на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь въ разныхъ ея областяхъ многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійской безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а ставъ на сторону того, что казалось ему правымъ или полезнымъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку: „eiamsi omnes—ego non!“.

V.

В. А. принималъ всегда близко къ сердцу и всѣ живые общественые вопросы дня. Стоя за самое широкое распространеніе образованія, В. А. въ качествѣ представителя поколѣнія идеалистовъ 40-хъ годовъ не считалъ справедливымъ лишать этого блага, одного изъ важнѣйшихъ въ жизни, цѣлую половину рода человѣческаго, а потому всегда горячо ратовалъ и словомъ, и дѣломъ за женское образованіе, не исключая и высшаго. До конца жизни онъ состоялъ предсѣдателемъ общества для вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ 1886 г. Арцимовичъ къ двадцатипятилѣтію освобожденія крестьянъ былъ избранъ въ число почетныхъ членовъ Московскаго Юридическаго Общества за крупныя заслуги его въ великой реформѣ 19-го февраля.

Въ 1891 г. по случаю 50-тилѣтія государственной службы В. А. получилъ Владиміра 1 ст. По этому же случаю одинъ изъ „старыхъ калужанъ“ (одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ московскаго университета) въ слѣдующихъ симпатичныхъ выраженіяхъ вспомнилъ плодотворную дѣятельность В. А. въ Калугѣ: „едва ли гдѣ съ такою яркостью проявились особыя свойства его натуры—неутомимая энергія и любовь къ правдѣ,—писалъ онъ,—какъ при управленіи Калужской губерніей. Занимая съ начала 1858 года постъ губернатора въ Калугѣ, В. А—чъ являлся образцомъ неутомимѣйшаго работника, который, казалось, ни на минуту не складывалъ рукъ, который притомъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ—словомъ и примѣромъ возбуждать другихъ къ доброму и разумному труду. Онъ горячо вѣрилъ въ людей и умѣлъ отыскать въ самыхъ скромныхъ и забитыхъ личностяхъ добрыя начала и цѣнныя способности и возбудить въ нихъ силы надеждой на лучшую будущность. Одаренный живой и ясной мыслью, смѣлый въ словѣ и дѣлѣ, всегда благородно прямой и ровный, онъ былъ гордостью и радостью всѣхъ честныхъ людей, имѣвшихъ къ нему отношенія по службѣ или по знакомству. Воспоминанія о В. А—чѣ, спустя почти 30 лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ службу въ Калугѣ, остается доселѣ живымъ между людьми всѣхъ классовъ. Въ городскихъ домахъ, а нерѣдко въ крестьянской избѣ какой-нибудь глухой деревни, можно и теперь встрѣтить его фотографическое изображеніе, какъ олицетвореніе высокой гуманности и безграничной преданности долгу.

„В. А—чъ во время калужскаго губернаторства вносилъ свѣтъ во *всѣ области* мѣстной жизни. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ губернія, которая раньше представляла образецъ дореформенной спячки, сдѣлалась неузнаваемой. Не только въ самой Калугѣ, но и въ мелкихъ городахъ

закипѣла бодрая умственная и общественная работа. Имя В. А—ча привлекло къ нему на службу изъ Петербурга много людей съ высокимъ образованіемъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ, которые оставляли столичную карьеру, чтобы вести скромную служебную работу подъ руководствомъ просвѣщеннаго начальника. Отчасти подъ вліяніемъ этого пришлаго элемента и мѣстные дѣятели, дотолѣ лѣниво влачившіе свои дни, воспрянули къ жизни. *Центромъ*, который объединялъ всю эту работу и служилъ главнымъ источникомъ силы, была личность Виктора Антоновича. Лучшимъ памятникомъ его дѣятельности за это время навсегда останутся незабвенные труды по крестьянскому вопросу. Безъ всякаго потворства сословнымъ интересамъ, но и безъ всякихъ насилій онъ сумѣлъ, благодаря своему свѣтлому уму, гуманному сердцу и безпримѣрному трудолюбію, благополучно распутать сложныя отношенія, возбудившіяся освобожденіемъ крестьянъ, и быстро установить на мѣсто прежняго произвола прочный строй легальныхъ отношеній. Конечно, честь водворенія новаго порядка въ губерніи В. А—чъ долженъ раздѣлить съ своими помощниками — мировыми посредниками, изъ которыхъ нѣкоторые были истинными друзьями народа, но ему принадлежитъ великая заслуга выбора такихъ людей и непрерывнаго руководства ихъ дѣйствіями.

„В. А—чъ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости широкаго разлива *образованія* въ освобожденномъ народѣ. Онъ никогда не соглашался съ мнѣніемъ, будто потребность грамотности не ощущается низшими классами. Онъ полагалъ, что грамотность не есть какая-нибудь прихоть человѣка. Считая грамоту великимъ рычагомъ духовнаго общенія и житейскаго благосостоянія, онъ признавалъ ея распространеніе безусловною необходимостью для всѣхъ слоевъ народа. Народная школа въ деревнѣ даже въ наши дни встрѣчаетъ не мало препятствій; въ тѣ же времена эти препятствія были неисчислимы. Подавленный бѣдностью, крестьянинъ былъ равнодушенъ къ школѣ, а о помощи прочихъ сословій не было даже и помину. Правда, по отчетамъ считалось какъ будто не мало училищъ, но они существовали только на бумагѣ; никакого дѣйствительнаго ученія въ нихъ не было. Съ перваго же объѣзда В. А—чъ сумѣлъ заставить всю губернію заговорить объ этой насущной потребности народа. Владѣя рѣдкимъ даромъ убѣждать людей, онъ во всѣхъ уголкахъ отыскалъ лицъ, которыя положили основаніе настоящимъ школамъ въ современномъ смыслѣ слова. Первыми помощниками В. А—ча въ этомъ дѣлѣ были мировые посредники, затѣмъ земство довершило начатое дѣло. Кромѣ постоянныхъ училищъ, В. А—чъ видѣлъ могучее орудіе къ распространенію грамотности въ *воскресныхъ классахъ*. По иниціативѣ и при непосредственномъ участіи В. А—ча и его ближайшихъ сотрудниковъ въ одной Калугѣ скоро устроилось 6 воскресныхъ школъ, изъ которыхъ въ

нѣкоторыхъ обучалось по *нѣскольку сотенъ лицъ*. В. А—чъ всячески поощрялъ эти школы, видя въ нихъ олицетвореніе лучшихъ стремленій и упованій той свѣтлой эпохи. Каждая школа была обставлена серьезно и внимательно. Отрадно вспомнить о томъ одушевленіи, какимъ проникнуты были преподаватели и руководители воскресныхъ школъ и о той напряженной работѣ, которую они добровольно на себя принимали.

В. А—чу удалось даже создать мѣстную прессу. Подъ его вліяніемъ оффиціальный органъ, *„Губернскія Вѣдомости“*, сталъ помѣщать статьи, доступныя и полезныя по содержанію для всѣхъ мѣстныхъ жителей. Этотъ листокъ, дотолѣ никѣмъ не читаемый, скоро сдѣлался любимой и интересной провинціальной газетой. Мѣстные дѣятели, врачи, учителя, духовныя лица, техники, чиновники стали помѣщать въ *„Губ. Вѣд.“* свои наблюденія и мысли, такъ что *„Губ. Вѣд.“* явились органомъ для той бодрой умственной работы, о которой была рѣчь выше.

„Вспоминая жизнь и службу В. А—ча въ Калугѣ, было бы несправедливо упустить изъ виду то незабвенное участіе, съ которымъ относился онъ къ *бѣдному люду* и въ особенности къ малолѣтнимъ сиротамъ, помѣщеннымъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ. Онъ не удовлетворялся обычнымъ типомъ сиротскихъ домовъ, въ которыхъ давались сиротамъ лишь насущный хлѣбъ и скудная одежда. Калужскій сиротскій домъ по новому уставу, собственноручно написанному В. А—чемъ, сталъ доставлять призрѣваемымъ правильное воспитаніе и образованіе. Многіе юноши, питомцы сиротскаго дома, получили возможность достигнуть впослѣдствіи даже университетскаго образованія и стать полезными гражданами“ [1]).

Такое искреннее и горячее признаніе великихъ заслугъ, оказанныхъ за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, было однимъ изъ немногихъ послѣднихъ утѣшеній В. А.

VI.

Если, какъ справедливо говорятъ, свѣтлый и ясный закатъ жизни бываетъ удѣломъ только истинно добрыхъ и честныхъ людей, то этой рѣдкой и заслуженной наградою вполнѣ воспользовался В. А.

Сохраненіе до глубокой старости способности къ труду, къ любимому труду, безспорно, одно изъ величайшихъ благъ, какія только возможны на землѣ. Этимъ благомъ также дано было пользоваться Арцимовичу почти до послѣднихъ дней жизни.

Еще въ концѣ 1892 года можно было видѣть величественную фигуру

---

[1]) См. *„Русск. Вѣд.“* 1891 г. № 164, а также Воспоминанія Н. С. въ сборникѣ „Братская Помощь постр. въ Турціи армянамъ“. М. 1897 г.

этого „классическаго“ и по внѣшнему виду, и по внутреннимъ достоинствамъ сенатора, медленною, но твердою поступью идущаго въ Сенатъ, чтобы, — слѣдуя традиціямъ, увы! столь рѣдкихъ Я. Долгоруковыхъ,— сказать свое вѣское и смѣлое слово въ защиту правды и закона, не мирволя никакимъ моднымъ теченіямъ и дѣйствительно не взирая, какъ выражается съ своимъ наивнымъ краснорѣчіемъ ст. 718 Уст. о Служ., „ни на какое лицо, ни на какое предложеніе, а тѣмъ менѣе на партикулярныя письма, хотя бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ“...

Никому не могло придти въ то время въ голову, что смерть уже сторожила этого бодраго, цвѣтущаго, несмотря на свой преклонный возрастъ, старца-красавца, выразительныя черты котораго, неся глубокіе слѣды пережитаго и передуманнаго за столь долгій и обильный событіями вѣкъ, получили какой-то изящный рельефъ осмысленной монументальности, согрѣтой добрымъ чувствомъ. Словно вы видѣли передъ собою сошедшую съ плафона Сикстинской капеллы изъ дивнаго сонма героевъ-пророковъ созданнаго могучею кистью Микель-Анджело, величавую фигуру могучаго старца великана, но не грознаго, а добродушнаго, съ глубокими, ясными очами, съ тою мягкою, таинственною улыбкою на тонкихъ губахъ, которая встрѣчается на произведеніяхъ да-Винчи и смыслъ которой до сихъ поръ не разгаданъ.

Невозможно было пройти мимо и не залюбоваться на эту колоссальную статную фигуру съ прекрасными, умными, добрыми чертами лица, съ красивою головою, увѣнчанною пышною короною серебристыхъ сѣдинъ, стяжавшею этому стойкому либералу и человѣколюбивому стражу закона знаменательное наименованіе: *Монблана либерализма и гуманности.*

Такъ и хотѣлось сказать этому столь бодрому духомъ и тѣломъ въ 73 года старцу стихами Лессинга:

Alter, du bist alt in Haaren,
Blühend aber ist dein Geist [1]).

Такая ясность духа, возможная только при чистой совѣсти и живомъ сознаніи добросовѣстно исполненнаго долга, не покидала доблестнаго ветерана-прогрессиста и на смертномъ одрѣ во время мучительной предсмертной болѣзни, при которой онъ оправдалъ характеристику, сдѣланную его другомъ и шуриномъ, маститымъ поэтомъ А. М. Жемчужниковымъ:

... въ немъ въ отпоръ его недугамъ
Духовныхъ силъ запасъ великъ.

Подобно стоикамъ, В. А. не боялся, но и не жаждалъ смертнаго часа:

---

[1]) Старецъ, старъ ты волосами, но цвѣтущъ твой бодрый духъ.

Summum nec metuas diem nec optes.

Онъ тихо опочилъ, сознавая, что честно служилъ всю жизнь тому, чему вѣрилъ.

Чему же вѣрилъ Арцимовичъ?

Тому, чему нынѣшніе гибкіе, линючіе оппортюнисты такъ мало вѣрятъ—въ „святѣйшее изъ званій—человѣкъ“ [1]), въ человѣческое достоинство, и вѣрилъ онъ не такъ, какъ представители того типа флюгера-либерала, который французскій публицистъ характеризовалъ словами: il est à vingt libéral et à quarante canaille,—а всѣми силами души! Въ устахъ Арцимовича не было сильнѣйшаго порицанія, какъ слова: „людишки“, „козявки“, коими онъ обзывалъ мелкихъ людей съ крупными чинами, измѣнявшихъ своимъ убѣжденіямъ и продававшихъ свое человѣческое достоинство за чечевичную похлебку или за другія болѣе современныя лакомыя и сытныя блюда. А съ другой стороны, не было у Арцимовича и высшей похвалы, какъ отзывъ: „вотъ это человѣкъ“!..

Вотъ что можно было начертать въ видѣ эпитафіи на гробницѣ Арцимовича, какъ яркое выраженіе его жизненнаго девиза, какъ неизмѣнное его знамя.

Культъ альтруизма, человѣчности, вотъ что дѣлало личность Арцимовича столь обаятельною въ кругу лицъ, коимъ выпадало счастье такъ или иначе придти въ соприкосновеніе съ нимъ; вотъ что спасло и сохранило его гражданскую личность незапятнанною и въ мрачную дореформенную эпоху господства „неправды черной“, и въ послѣдующія сѣрыя сумерки переходнаго времени или безвременья, бывшаго свидѣтелемъ столькихъ неожиданныхъ и поразительныхъ случаевъ нравственнаго линянія, одичанія, ренегатства... „Смѣлый въ словѣ и въ дѣлѣ, всегда благородный, прямой и ровный, В. А. по приведенной задушевной характеристикѣ былъ *гордостью и радостью* всѣхъ честныхъ людей, имѣвшихъ къ нему отношенія по службѣ или по знакомству“.

Но значеніе и вліяніе личности, подобной Арцимовичу, далеко выходитъ за кругъ его современниковъ и личныхъ свидѣтелей его дѣятельности. Это свыше полувѣковое честное и смѣлое служеніе правдѣ и закону, несмотря на самыя тяжелыя условія дѣятельности, великій образецъ для назиданія и подражанія. Да будетъ вѣдомо всѣмъ почитателямъ нелегальныхъ путей,—писалъ Тацитъ, — что и при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ возможно скромное, но честное служеніе государству, если имѣется налицо нравственная стойкость, гражданское мужество и

---

[1]) Извѣстно, что „трезвые“ публицисты 80-хъ годовъ съ Катковымъ во главѣ слегка журили „романтика“ Жуковскаго за „сантиментальное“ преклоненіе его передъ такимъ интереснымъ кумиромъ, какъ „званіе человѣка“.

пр. [1]). Постараемся,—училъ тотъ же великій историкъ древности,—отыскать между сопротивленіемъ, ведущимъ къ погибели и раболѣпствомъ, лишающимъ чести, средній путь, свободный отъ нравственнаго паденія и отъ опасностей [2]). Арцимовичъ умѣлъ найти безъ бравады, но и безъ позорныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, этотъ средній путь легальнаго, скромнаго, но *неустаннаго* служенія долгу *гражданина*...

Человѣчность прежде всего, — училъ Грановскій. — На этомъ основномъ правилѣ жизни строилъ Арцимовичъ свой кодексъ „гражданина“. Черты гражданской дѣятельности В. А. сказались не только въ либеральную эпоху, когда былъ сильный запросъ на нихъ, но и въ дореформенное время полнаго приниженія гражданской личности. Въ это именно время, какъ видно изъ приведеннаго сибирскаго адреса, Арцимовичъ-губернаторъ дѣйствовалъ какъ *гражданинъ*, смотря на мѣстное населеніе какъ на согражданъ, а не какъ anima vilis, бездушный матеріалъ, пригодный для всевозможныхъ бюрократическихъ манипуляцій. Основанная на человѣчности *гражданская энергія* составляла едва ли не самую выдающуюся черту закаленнаго, на стоическій манеръ, изумительнаго характера Арцимовича. Высшее и настоящее достоинство человѣка,— писалъ Никитенко, — *въ характерѣ*: генію можно удивляться, какъ великой силѣ природы, но въ характерѣ человѣкъ является *творцомъ* себя, природа же даетъ ему только матеріалы [3]). Такимъ поистинѣ виртуозомъ-творцомъ своего характера былъ Арцимовичъ. Ни духъ времени, ни средства отнюдь не способствовали выработкѣ цѣльныхъ характеровъ. Только мѣсто воспитанія [4]) и литература 40-хъ годовъ, гдѣ Бѣлинскій и др., несмотря на всѣ безчисленныя препоны, будили мысль и шевелили гражданское чувство, могли дать стимулъ къ образованію крѣпкихъ убѣжденій... Біографія В. А. разъяснитъ, вѣроятно, этотъ столь же удивительный, сколько и отрадный фактъ общественной психологіи, какъ образованіе, при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, стойкаго характера этого неутомимаго борца за правду, этого честно пожившаго и честно почившаго гражданина-человѣка, оставшагося до гроба вѣрнымъ идеаламъ юности—

---

[1]) Taciti Agricola, 42.

[2]) Его же, Annalium IV, 20.

[3]) Дневникъ, III, 166.

[4]) Духъ училища въ мое время,—пишетъ школьный товарищъ Арцимовича, А. М. Жемчужниковъ,—былъ превосходный, благодаря принцу П. Г. Ольденбургскому, способствовавшему развитію въ насъ чувства собственнаго достоинства, человѣчности и уваженія къ законности, справедливости, просвѣщенію. Вліяли потомъ и люди 40-хъ годовъ. См. Стихотворенія А. М. Жемчужникова, т. I, стран. X.

въ укоръ и назиданіе нашему, кичащемуся своею безъидейностью, дряблому, жестокому, но самодовольному времени:

Не вывезли реформы!
Не вышло ничего.
Все, не дозрѣвъ, пропало...
Кругомъ—темно, мертво;
Нѣтъ силъ, нѣтъ *идеала*;
И интересъ одинъ:
Кармана да желудка.
О, русскій гражданинъ!
Ужель тебѣ не жутко?!... [1]).

---

1) Тамъ же, 101.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Дѣятель судебной реформы Д. А. Ровинскій.

† 11-го іюля 1895 г.

Кто жъ отъ меня не отнимаетъ
Еще спасительной руки?
Меня съ любовью провожаетъ
До гробовой моей доски?
. . . . . .
Ты, мирный трудъ, идешь со мною.
И, ничего не разрушая,
Все зиждешь твердою рукою;
Для цѣли общей ты сбираешь,
Быть можетъ, атомы одни,
Но въ свиткъ вѣчности стираешь
Часы, минуты, годы, дни.

Шиллеръ (Линевъ).

I.

11-го іюля 1895 г. умеръ въ Вильдунгенѣ сенаторъ, почетный членъ академіи наукъ и нѣсколькихъ ученыхъ обществъ Дмитрій Александровичъ Ровинскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ, а также выдающійся ученый археологъ и неутомимый коллекціонеръ. Ровинскій родился въ Москвѣ въ 1824 году и здѣсь же онъ получилъ первоначальное домашнее образованіе. Затѣмъ онъ былъ отданъ въ только что открытое въ 1835 г. Училище Правовѣдѣнія, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1844 г. Государственную службу свою онъ началъ въ тотъ же годъ въ сенатской канцеляріи, а въ 1848 г. онъ перешелъ въ Москву на службу по судебному вѣдомству и здѣсь зани-

малъ сначала должность губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, потомъ совѣтника и товарища предсѣдателя Московской уголовной Палаты и, наконецъ, имѣвшую громадное значеніе въ дореформенное время должность губернскаго прокурора, обязаннаго, какъ „царево око“, по выраженію Петра Великаго, слѣдить за законностью во всѣхъ отрасляхъ управленія. На этой должности застала Д. А. великая эпоха реформъ, начавшаяся во второй половинѣ 50-хъ годовъ.

Служба Ровинскаго въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ носила такой же боевой отпечатокъ глухой, но ожесточенной борьбы, какимъ запечатлѣна была благородная, очистительная дѣятельность правовѣдовъ первыхъ выпусковъ—Арцимовича, Жемчужникова, Барановскаго, Стоянов-

Д. А. Ровинскій.

скаго, Аксакова и др. привилегированныхъ юристовъ, призванныхъ ex officio вести борьбу съ господствовавшею въ то время въ судахъ неправдою черною, т.-е. просто-напросто съ повальнымъ взяточничествомъ, вопіющимъ беззаконіемъ и административнымъ произволомъ. Интересна для характеристики эпохи эта симпатичная, но наивная мысль—бросить въ качествѣ своего рода missi dominici во всѣ концы Россіи кучку молодыхъ, воодушевленныхъ возвышенными идеалами юристовъ и возложить на нихъ превышающую человѣческія силы миссіонерскую задачу: оздоровить гнилыя болота дореформеннаго тайнаго продажнаго суда и административнаго строя.

Такъ какъ стоявшій во главѣ судебнаго вѣдомства министръ юстиціи гр. Панинъ съ упорствомъ истаго консерватора-маніака возставалъ про-

тивъ самомалѣйшей попытки къ преобразованію судебныхъ учрежденій (судебная гласность, предаваемая анаѳемѣ съ университетскихъ каѳедръ, считалась въ 40-хъ годахъ, по удостовѣренію цензора Никитенко, институтомъ революціоннымъ), то и придумана была такая комбинація: не трогая ничего въ системѣ существующаго тайнаго, подчиненнаго администраціи судебнаго строя, завести особый разсадникъ образованныхъ неподкупныхъ юристовъ для постепенной моральной дезинфекціи, въ гомеопатическихъ дозахъ, прогнившихъ насквозь старыхъ судовъ и Сената. Такова была цѣль учрежденія Училища Правовѣдѣнія. Борьба завязалась между старою подьяческою кликою взяточниковъ и образованною судебно-правовѣдскою молодежью „съ завиральными идеями“ не на животъ, а на смерть, и съ этихъ именно поръ у старой бюрократической администраціи укоренилось подозрѣніе противъ судебнаго вѣдомства въ вольнодумствѣ, каковаго подозрѣнія, какъ извѣстно, не избѣгъ даже и Ляпкинъ-Тяпкинъ, „прочитавшій пять или шесть книгъ“. Кончилась эта неравная борьба такъ, какъ и слѣдовало ожидать—побѣдою стараго начала. Образованная молодежь дѣлала, что могла. Сама она оставалась незапятнанною, но кругомъ царили взятки, явное потворство беззаконію и безграничный административный произволъ, доходившій до пользованія бланками Высочайшихъ повелѣній. Болѣе пылкіе изъ правовѣдовъ, не будучи въ состояніи выдержать этого повседневнаго зрѣлища вопіющаго торжества въ судахъ несправедливости, бѣжали изъ вертеповъ стараго суда, какъ, напр., Аксаковъ, бросившій службу послѣ того, какъ сенаторы оправдали развратнаго титулованнаго помѣщика, уличеннаго въ гнусныхъ преступленіяхъ и съ цинизмомъ домогавшагося оправданія на томъ основаніи, что онъ „по милости царской—сынъ барскій“ [1]). Другіе, люди болѣе холоднаго темперамента, примѣнились къ обстоятельствамъ и оставались на службѣ въ ожиданіи лучшихъ временъ.

Въ числѣ ихъ былъ Ровинскій. Трудность положенія для него усиливалась тѣмъ, что Москвою въ то время правилъ снабженный чрезвычайными полномочіями, крутой, взбалмошный, свирѣпый, не терпѣвшій возраженій, не признававшій силы закона администраторъ стараго закала графъ Закревскій, который безъ всякихъ стѣсненій требовалъ отъ судей и прокуроровъ [2]), чтобы они слѣдовали, при рѣшеніи дѣлъ, его приказаніямъ, а не предписаніямъ закона, и котораго за его сатрапскія замашки весь Петербургъ называлъ „Чурбанъ пашею“ [3]). Ровинскій, благодаря своему такту и твердости, умѣлъ отстоять свое личное служебное

---

[1]) Соч. Аксакова, IV, 661.

[2]) См. записки Синельникова въ „*Русск. Архивѣ*“ 1895, № 5.

[3]) „*Русск. Арх.*“ 1895, сентябрь, записки Смирновой.

достоинство и даже пріобрѣлъ довѣріе гр. Закревскаго; довѣрія другого самодура гр. Панина такъ и не сподобился до конца службы.

Д. А. обратилъ особенное вниманіе на тюремную часть, которая находилась въ страшно запущенномъ состояніи. Предпринявъ рядъ тщательныхъ и всесторонніхъ ревизій, Д. А. открылъ невѣроятные злоупотребленія и порядки, которые напоминали средніе вѣка или дикіе азіатскіе нравы. Въ городскомъ частномъ домѣ онъ открылъ настоящій *клоповникъ*, а въ Басманномъ—*могилы*: семь совершенно непроницаемыхъ для свѣта темницъ въ подвалѣ. Сюда Басманный приставъ сажалъ несознавшихся арестантовъ, и одинъ изъ нихъ, почетный гражданинъ Соповъ, отъ продолжительнаго пребыванія въ одной изъ этихъ темныхъ могилъ ослѣпъ. Ровинскій же открылъ, что пытка въ видѣ кормленія солеными селедками была обыкновеннымъ дѣломъ во всѣхъ полицейскихъ частяхъ, и даже старинная „виска“ еще не вывелась изъ употребленія [1]) И всѣ эти варварскіе порядки были въ полномъ ходу въ Москвѣ еще въ началѣ 50-хъ годовъ въ назиданіе „гніющему Западу“! Вспоминая впослѣдствіи эти жестокія времена пытокъ, Ровинскій съ чувствомъ законнаго, нравственнаго удовлетворенія писалъ, что съ реформами 60-хъ годовъ и „съ дарованіемъ народу суда присяжныхъ, для котораго вовсе не нужно сознаніе подсудимаго, вывелись пытки“.

II.

Только съ наступленіемъ эпохи великихъ реформъ открылась настоящая арена для дѣятельности Ровинскаго. Опытный практикъ съ глубокими историческими познаніями и съ солидной теоретическою подготовкою, гуманный, просвѣщенный юристъ Ровинскій, подобно другимъ своимъ сверстникамъ, „встрепенулся, какъ орелъ“, какъ только настала во второй половинѣ 50-хъ годовъ возможность выйти изъ заколдованнаго оффиціальнаго круга съ китайскимъ лозунгомъ: „все обстоитъ благополучно“, и принять дѣятельное участіе въ начинавшемся гражданскомъ обновленіи Россіи.

На первомъ планѣ стояло освобожденіе 20-милліоннаго крѣпостного населенія отъ рабства, и Ровинскій спѣшитъ принять участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ. Въ качествѣ члена московскаго губернскаго дворянскаго комитета отъ Звенигородскаго уѣзда онъ примыкаетъ къ либеральному меньшинству и едва ли не первый высказывается за изгнаніе изъ воло-

---

[1]) См. Ровинскаго —„Народныя картины“, томъ V, стр. 327.

стного суда позорнаго наказанія въ видѣ розогъ, присовокупляя, что ихъ можно отмѣнить и въ другихъ судахъ „безъ всякаго вреда для общества“.

Послѣ благополучной отмѣны крѣпостного права, какъ извѣстно, освѣжилась общественная атмосфера и очистилась почва для проведенія гуманно-либеральныхъ реформъ, казавшихся еще недавно „юношескими бреднями“. Уже въ апрѣлѣ 1861 г. начались первыя законодательныя работы по отмѣнѣ назначаемыхъ уголовнымъ судомъ жестокихъ и позорящихъ тѣлесныхъ наказаній: шпицрутеновъ, кошекъ, плетей, розогъ, клейменія, привязыванія къ телѣжкѣ и пр. Въ то время какъ главное начальство Ровинскаго въ лицѣ министра юстиціи гр. Панина съ самою неумолимою, тупою настойчивостью защищало всѣ существующія тѣлесныя наказанія даже и для женщинъ, Д. А. выступилъ рѣшительнымъ и убѣжденнымъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній. Онъ смѣло высказался не только противъ безчеловѣчныхъ „аракчеевскихъ“ тысячныхъ шпицрутеновъ, въ которыхъ онъ видѣлъ „замаскированную смертную казнь въ самомъ гнусномъ видѣ“, но и противъ всѣхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній, сила коихъ, какъ онъ указывалъ, совершенно зависѣла отъ произвола взяточника-палача и которыя оскорбляли человѣческое достоинство. Горячо любя русскій народъ и не менѣе горячо вѣря въ его добрые инстинкты и культурныя способности, Ровинскій заявлялъ, что русскій крестьянинъ не звѣрь [1]), который по увѣренію консерваторовъ, бросится на людей, какъ только будутъ смягчены лютыя наказанія, а обыкновенный человѣкъ, для котораго лишеніе свободы будетъ вполнѣ достаточною мѣрою возмездія. Такъ какъ ссылались на практическія трудности къ устройству „тюремныхъ городовъ“, какъ выражались „розголюбы“, то Ровинскій счелъ нужнымъ точными цифровыми данными опровергнуть это соображеніе, внушенное мнительностью трусливыхъ поборниковъ statu quo [2]).

Дѣльныя замѣчанія просвѣщеннаго авторитетнаго практика оказали существенную поддержку благому дѣлу отмѣны тѣлесныхъ наказаній.

---

[1]) Великое дѣло крестьянской реформы,— писала въ 1860 г. полуоффиціальная „*Сѣверная Пчела*“,—совершается столь мирно, что современемъ, когда новыя поколѣнія смѣнятъ нынѣ живущихъ, историки съ удовольствіемъ остановятъ взоры на переживаемой ими эпохѣ. Это *величайшее спокойствіе* народной массы при видѣ разрѣшенія множества жизненныхъ государственныхъ вопросовъ доказываетъ, что въ русскомъ народѣ есть много задатковъ высокаго политическаго такта, что современемъ, когда разовьются государственныя способности этого, еще младенчествующаго теперь народа, онъ представитъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи (1860 г. № 1).

[2]) Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, 48.

Скорбя о томъ, что розга осталась на волостномъ судѣ [1]) и вспомнивъ мрачныя предсказанія и трусливыя причитанія свѣтскихъ и духовныхъ „кнутофиловъ“, Ровинскій такъ характеризовалъ настроеніе консервативнаго лагеря съ его духовными и свѣтскими апологетами плети и розогъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, предъ отмѣною тѣлесныхъ наказаній: „отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на то, что кнутофилы 1862 г. точно такъ же, какъ и собраты ихъ въ 1767 г., вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ, и что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится. Всуе смятошася, вотще прорекоша!—восклицаетъ Ровинскій.—Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постели, спать даже стали больше и крѣпче прежняго, дисциплина тоже не пострадала... И не забудетъ русскій народъ,—справедливо замѣчаетъ человѣколюбивый юристъ по поводу отмѣны указомъ 17-го апрѣля 1863 г. жестокихъ наказаній,—этого *кровнаго* дѣла, и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя дѣлателя его, благодаря которому Россія, словно въ сказкѣ какой, изъ битаго царства вдругъ *небитое стало*“ [2]).

III.

Не менѣе рѣшительно и полезно было участіе покойнаго Ровинскаго и въ третьей великой реформѣ 60-хъ годовъ—въ составленіи судебныхъ уставовъ Александра II. Ему принадлежитъ великая честь оффиціальной постановки на очередь вопроса о судѣ присяжныхъ. Въ 50-хъ годахъ кое-гдѣ въ передовыхъ дворянскихъ комитетахъ, какъ, напримѣръ, въ тверскомъ (см. главу II), поднимался вопросъ о судѣ присяжныхъ, но въ оффиціальныхъ сферахъ на немъ лежало строжайшее veto, такъ какъ еще въ 1858 году объявлена была Государственному Совѣту Высочайшая воля: не касаться вопроса о судѣ присяжныхъ, какъ учрежденія опаснаго.

---

[1]) Говоря объ оставленныхъ на волостномъ судѣ „административныхъ“ розгахъ, получившихъ новую силу и развитіе съ изданіемъ Положенія о земскихъ начальникахъ, г. Ровинскій писалъ: Курьезно смотрѣть, какъ на судѣ какой-нибудь „аблакатъ“ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему „кліенту“ мѣсяцъ-другой ареста, а за стѣнами суда распорядительный становой тому же кліенту за податную недоимку ни почемъ сотни три соленыхъ розогъ всыпетъ, только не самъ, а „по приговору волостныхъ судей, которые о такомъ приговорѣ только *черезъ годъ* узнаютъ“ (н. т. Ровинскаго, стр. 324, прим. 273). Въ то время когда писалъ Ровинскій эти строки, онъ и не подозрѣвалъ, что въ ближайшемъ будущемъ розги получатъ новый расцвѣтъ, благодаря земскимъ начальникамъ (см. гл. III P.S.).

[2]) См. н. т. Ровинскаго. 327.

Но либеральныя вѣянія незабвеннаго 1861-го года, давшія прогрессивнымъ начинаніямъ сильный толчекъ и поколебавшія много старыхъ предразсудковъ, снесли и предразсудокъ противъ суда присяжныхъ. Въ январѣ 1862 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о вызовѣ въ Государственную Канцелярію юристовъ для составленія основныхъ положеній судебной реформы согласно указаніямъ „науки и опыта европейскихъ государствъ“. Чрезъ это снималось косвенно прежнее veto съ „революціоннаго“ суда присяжныхъ. Вызванный въ числѣ другихъ юристовъ въ Государственную Канцелярію, Ровинскій привезъ съ собою изъ Москвы нѣсколько записокъ и, между прочимъ, записку о введеніи суда присяжныхъ. За исходную точку Д. А. взялъ записку (1860 г.) гр. Блудова, который, стоя въ принципѣ за судъ присяжныхъ, признавалъ введеніе его въ Россіи покуда нежелательнымъ.

„Въ настоящее время,—писалъ гр. Блудовъ,—едва ли полезно установить судъ черезъ присяжныхъ. Легко представить себѣ дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго (sic), но и первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и не ясны (?), что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ (?) дѣломъ, иныя преступленія—только удальствомъ (?) и преступники—только несчастными. Допущеніе людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ и невинности, требующаго способности къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, угрожаетъ не только неудобствами, но едва ли не прямымъ беззаконіемъ“.—Такъ разсуждалъ гр. Блудовъ a priori въ 1860 г. Въ настоящее время, когда извѣстно a posteriori, что русскій народъ съ перваго же дня вступленія своего въ судъ присяжныхъ блистательно [1]) опровергъ эти кабинетныя измышленія мнительнаго бюрократа, вовсе не знавшаго народа, глубокомысленныя разсужденія его вызываютъ улыбку. Но не то было въ 1862 году. Тогда всѣ такія мрачныя и пессимистическія запугиванія казались многимъ и многимъ [2]) верхомъ серьезности, дальновидности и государственной предусмотрительности.

---

[1]) Въ первомъ же своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ министръ юстиціи Замятнинъ съ особенною похвалою отзывался о присяжныхъ изъ крестьянъ, которые удачно разрѣшали дѣла, затруднявшія даже юристовъ (см. выше стр. 459).

[2]) Вспомнимъ, что даже такіе выдающіеся люди, какъ В. Д. Спасовичъ, считали въ концѣ 50-хъ годовъ невозможнымъ введеніе въ Россіи суда присяжныхъ.

Большая заслуга Д. А. Ровинскаго заключается въ томъ, что онъ имѣлъ рѣшимость, тактъ и искусство разоблачить спокойнымъ, но безпощаднымъ анализомъ ложную мудрость этихъ, казавшихся вѣскими, соображеній, слѣдя за ними шагъ за шагомъ, блистательно ихъ опровергнуть не безъ тонкой язвительности, притомъ не абстрактными теоретическими доводами, а данными, заимствованными изъ близкаго знакомства съ бытомъ русскаго народа и съ русскою судебною практикою. Приводимъ это остроумное опроверженіе Д. А. Ровинскаго, которое и теперь читается съ большимъ интересомъ.

„Предположеніе, что народъ нашъ смотритъ на преступленіе снисходительно и признаетъ преступника „только несчастнымъ“,—замѣчаетъ Д. А. Ровинскій,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія ни къ добросовѣстности полиціи, которая можетъ замять дѣло, ни къ правосудію судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія. Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда. За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ глубокое нравственное *достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія.

„Гораздо важнѣе и справедливѣе,—говоритъ Д. А.—обвиненіе народа въ томъ, что понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того не развиты и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими *самымъ обыкновеннымъ* дѣломъ. И дѣйствительно, кража всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и мелкой экономіи казенныхъ дровъ и провіанта и кончая колоссальными подрядами на строительныя работы и всякія поставки,—кража составляетъ въ общественной жизни нашей самое обыкновенное явленіе. Многіе виды освящены обычаями, другіе даже узаконились отъ давности.

„Но такой странный порядокъ вовсе не зависитъ отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще по-

хвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ. Да, если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ, то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро осваиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ *порицать и наказывать* его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не совсѣмъ сложилось и гдѣ попытка *надзора* со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ *со сколомъ и заговоромъ*? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда *слить свои интересы* съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ прежде всего юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ *предшествовать* всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что *только въ немъ народъ научится правдѣ* и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло.

„Опасаются допустить въ настоящую минуту неразвитый и необразованный народъ къ участію въ судѣ и считаютъ, что это участіе поведетъ не только къ неудобствамъ, но и къ беззаконію. Разумныя правила для составленія списка присяжнымъ засѣдателямъ значительно ослабятъ эти опасенія, и можно надѣяться, что на дѣлѣ новый судъ, который будетъ обвинять на основаніи одного убѣжденія въ виновности преступника, ни въ какомъ случаѣ не будетъ беззаконнѣе [1]) и неудобнѣе того суда, который, на основаніи одной и той же теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ, оставляетъ въ подозрѣніи, обвиняетъ и, наконецъ, вовсе освобождаетъ одного и того же преступника; а въ томъ, что такой судъ *одинъ* и можетъ удовлетворить теперешнимъ требованіямъ нашего общества, и что *только* такой судъ можетъ ожидать полнаго сочувствія и уваженія со стороны его, то въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія“.

---

[1]) Этого, какъ извѣстно, не осмѣливаются утверждать даже самые беззастѣнчивые зоилы новаго суда.

Опровергнувъ доводы гр. Блудова противъ введенія суда присяжныхъ Ровинскій переходитъ затѣмъ къ устройству его. Указывая на то, что общественный элементъ издревле участвовалъ въ Россіи въ отправленіи правосудія и что въ современномъ судоустройствѣ сословные представители занимаютъ видное мѣсто, онъ предлагалъ только измѣнить роль ихъ и дать имъ цѣлесообразное положеніе. Ссылаясь на то, что сословные представители обязаны наравнѣ съ коронными судьями примѣнять совершенно недоступныя имъ правила о силѣ доказательствъ, о наказаніи и разрѣшать всѣ другіе возникающіе по дѣлу юридическіе вопросы, Ровинскій заявлялъ, что благодаря такой неудачной постановкѣ дѣла, роль засѣдателей сведена къ нулю, и они, безсознательно подписывая приговоръ, служатъ ширмами для секретарей, рѣшающихъ дѣло по своему произволенію. Если предоставить представителямъ общества рѣшать по совѣсти только вопросъ о виновности, а вопросъ о примѣненіи наказанія и вообще руководство хода процесса предоставить свѣдущему юристу, то состоится безъ всякаго затрудненія преобразованіе современныхъ безсловесныхъ сословныхъ засѣдателей, являющихся игрушками въ рукахъ канцеляріи, въ настоящихъ присяжныхъ засѣдателей, сознательно рѣшающихъ по совѣсти вопросъ о винѣ и невинности подсудимаго". Что касается до правильности рѣшенія, то нѣтъ никакого повода полагать,—писалъ Ровинскій,—что эти рѣшенія будутъ хуже и незаконнѣе рѣшеній теперешнихъ уголовныхъ инстанцій: присяжные всегда подчиняются вліянію дѣльнаго и добросовѣстнаго предсѣдателя, и только недостатокъ этихъ качествъ можетъ вызвать со стороны ихъ *полезное* противодѣйствіе".

Записку свою Ровинскій заканчиваетъ такъ: „Правительство, можетъ быть, не рѣшится отдать на судъ присяжныхъ дѣла о такъ называемыхъ преступленіяхъ государственныхъ, о преступленіяхъ противъ цензуры и т. п. Но если бы и эти преступленія были отданы на судъ общества, то нѣтъ сомнѣнія, что оно и тогда бы выставило въ лицѣ своихъ присяжныхъ засѣдателей людей порядка, которые бы гласно осудили всякое безсвязное волненіе и назвали бы настоящимъ именемъ то, что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія. Конечно, такой судъ представляя разумную поддержку законной власти, разоблачилъ бы и всѣ злоупотребленія ея, но тѣмъ легче было бы предупреждать ихъ, знакомиться съ нуждами общества, итти во главѣ его и предлагать постоянно необходимыя преобразованія сверху, не дожидаясь требованій ихъ снизу" [1]).

Записка Ровинскаго была принята въ Государственной Канцеляріи очень сочувственно и послужила исходнымъ моментомъ для обширныхъ

---

[1]) См. записку Ровинскаго въ XVII томѣ Дѣла о преобр. суд. ч.

работъ, приведшихъ ко включенію суда присяжныхъ въ число „Основныхъ положеній“ судебнаго преобразованія, Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября 1862 г.

Съ утвержденіемъ „Основныхъ положеній“ была окончена важнѣйшая, принципіальная часть дѣла, но оставалась другая, не менѣе серьезная— составленіе проекта Судебныхъ Уставовъ. И въ этотъ періодъ работъ Ровинскій оказалъ значительныя услуги судебному преобразованію, войдя въ члены, образованной для этой цѣли, большой коммиссіи по отдѣленію судоустройства.

Какъ извѣстно, первою ласточкою преобразовательной весны былъ институтъ судебныхъ слѣдователей, введенный въ 1860 г. Радуясь передачѣ производства слѣдствій отъ полиціи молодымъ юристамъ, Ровинскій въ рѣчи, обращенной къ нимъ, съ неподражаемой простотою, благородсовомъ и чарующею искренностью обрисовываетъ свой взглядъ на обязанность службы:

„Большая часть изъ васъ, господа, только что окончила образованіе. Вы еще не опытны въ дѣлѣ. Намъ дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ *нѣмую цифру*, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни. Опытности вамъ научиться не долго, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы, же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только что начатому дѣлу, будьте людьми, господа, а не чиновниками! Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь одной награды: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ; дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

„Что вы служили дѣлу, а не лицамъ.

„Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу.

„Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ—чиновниками“... [1])

Но осуществить вполнѣ эти принципы безкорыстнаго служенія правосудію было крайне затруднительно даже при подновленномъ судебномъ законодательствѣ. Только съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ стало воз-

---

[1]) См. превосходную біографію Ровинскаго въ „Послѣднихъ годахъ“ А. Ѳ. Кони, 621.

можнымъ хоть частичное осуществленіе программы просвѣщенныхъ либераловъ, положившихъ въ основу своихъ, на мѣсто молчалинскихъ, добродѣтелей служеніе долгу. Съ весны 1866 г. Ровинскій дѣлается прокуроромъ Московской Судебной Палаты и даетъ тонъ одной изъ важнѣйшихъ отраслей судебной службы въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ районовъ. Сразу и безъ усилій Ровинскій сталъ въ самыя простыя, полныя взаимнаго довѣрія отношенія со всѣми сторонними вѣдомствами, но особенный глубокій слѣдъ оставилъ онъ для новой прокуратуры, для которой онъ создалъ первыя *традиціи и школу*. Эта полусудебная, полуадминистративная должность проявляетъ, благодаря своему зависимому положенію, особенную чувствительность къ давленію высшихъ атмосферъ и вѣяніямъ высшихъ сферъ. Событіе 4-го апрѣля вызвало странный гагаринскій „покаянный“ циркуляръ о сомкнутіи консерваторовъ, что одинаково поразило своею неожиданностью и нескладностью не только Герцена, но и благонамѣреннаго Никитенко. Хотя только что вступающій новый судебный строй не имѣлъ никакого повода къ покаянію въ прошломъ, котораго у него и не было вовсе, но и онъ былъ притянутъ къ общему публичному акту *mea culpa*. Мало того, первымъ громкимъ политическимъ актомъ по отношенію къ новому судебному вѣдомству было изъятіе слѣдствія о Каракозовѣ и др. изъ его рукъ и передача генералъ-адъютанту М. Н. Муравьеву, политическіе и этическіе принципы коего было достаточно хорошо всѣмъ извѣстны. Но это былъ случай совсѣмъ изъ ряда вонъ выходящій, и пока во главѣ министерства юстиціи стояли люди, преданные духу Судебныхъ Уставовъ, новые суды могли входить въ жизнь безъ потрясеній, хотя и не безъ толковъ. Пользуясь этою кратковременною свѣтлою полосою, Ровинскій успѣлъ собрать вокругъ себя кружокъ талантливыхъ молодыхъ людей, которые, души не чая въ своемъ руководителѣ-наставникѣ, отдавали съ молодымъ энтузіазмомъ свои силы на служеніе дорогимъ учрежденіямъ.

Простыми чисто товарищескими отношеніями онъ подчинялъ своихъ сослуживцевъ такой крѣпкой благотворной нравственной дисциплинѣ, которую никогда не дадутъ надменныя величанія іерархическимъ старшинствомъ или внѣшними декоративными преимуществами. — Предоставляя каждому проявлять свою личность, пріучая жить интересами дѣла, какъ дѣлами чести, въ которыхъ всѣ заинтересованы, Ровинскій умѣлъ давать своимъ товарищамъ и просторъ, благодаря которому молодое и столь трудное дѣло сразу налаживалось блистательно, и крѣпко держать бразды общаго духовнаго руководства и, когда нужно, съ неумолимою строгостью дѣйствовать относительно провинившихся. Въ прелестныхъ воспоминаніяхъ М.

О. Громницкій [1]), такъ живо рисующій Ровинскаго и преемниковъ. съ умиленіемъ вспоминаетъ это свѣтлое время, однимъ изъ лучшихъ продуктовъ и украшеній котораго былъ самъ авторъ воспоминаній...

Но реакція не дремала, и когда во главѣ министерства юстиціи появилась фигура г. Палена, ничего общаго не имѣвшаго съ юстиціею и въ частности съ Судебными Уставами, всѣ поняли, что пѣсенка составителей Уставовъ спѣта. Ровинскій уступилъ мѣсто другимъ, болѣе умѣлымъ гнуть шею и законъ, когда начальству то угодно, болѣе искушеннымъ поддерживать нравственный авторитетъ помощью блеска галуновъ и плюмажа шляпъ, съ которыми не разставались. даже и въ засѣданіи суда.

Ровинскій оставался въ Москвѣ не долго. Въ концѣ 1868 г. онъ принялъ должность предсѣдателя департамента судебной палаты, съ 1870 г. вошелъ въ составъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, удѣляя значительную часть времени научнымъ занятіямъ.

Пишущему эти строки пришлось видѣть Дим. Ал. вскорѣ послѣ его 50-ти лѣтняго юбилея государственной службы. Онъ обнаруживалъ попрежнему (и несмотря на новеллы послѣдняго времени) вѣру въ непоколебимость основъ Судебныхъ Уставовъ и высказывалъ надежду, что при предстоящемъ пересмотрѣ „спадутъ ветхою чешуею дикіе наросты“ позднѣйшаго времени. Съ особеннымъ умиленіемъ Д. А. говорилъ о судѣ присяжныхъ. Считая его самою здоровою и удавшеюся частью судебной реформы, Ровинскій, иниціаторъ суда присяжныхъ, не безъ законной гордости и нравственнаго удовлетворенія замѣтилъ: „какъ хотите, а русскій мужикъ перехитрилъ нашихъ тонкихъ кабинетныхъ юристовъ“. И если, какъ справедливо писалъ Катковъ, исторія не забудетъ ни одного имени, связаннаго съ судебною реформою, съ этимъ великимъ дѣломъ обновленія Россіи, то въ ряду этихъ славныхъ именъ будетъ отведено почетное мѣсто и Д. А. Ровинскому, какъ одному изъ родоначальниковъ суда присяжныхъ.

IV.

Разносторонне образованный человѣкъ съ живымъ и дѣятельнымъ темпераментомъ, Ровинскій не замыкался исключительно въ свою юридическую спеціальность. Онъ особенно живо интересовался археологіей, русскою исторіею и исторіею искусства. Онъ собралъ коллекцію гравюръ Рембрандта, считавшуюся одною изъ лучшихъ въ Европѣ, а также коллекцію русскихъ лубочныхъ изданій, единственную во всей Европѣ [2]).

[1]) Они печатались въ 1898 и 1899 гг. „*Русск. Мысли*“.

[2]) Коллекціи по духовному завѣщанію Ровинскаго поступятъ въ Румянцевскій музей и въ Эрмитажъ.

Въ теченіе сорока лѣтъ своей ученой дѣятельности Д. А. успѣлъ выпустить массу ученыхъ трудовъ [1]). Наиболѣе замѣчательны: „Русскія народныя картины“ въ 5 томахъ, съ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 1.780 лубочныхъ изданій; „Словарь гравированныхъ портретовъ“ съ массою фототипій въ текстѣ; „Полное собраніе гравюръ Рембрандта“ съ 1.000 фототипій. Такъ какъ книги Ровинскаго подвергались особой льготной цензурѣ, то въ нихъ попадается множество любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, которыхъ нельзя найти ни въ какомъ другомъ изданіи. Высокое научное достоинство изданій Ровинскаго давно уже признано не только у насъ, но и въ Западной Европѣ. Незадолго до смерти Д. А. успѣлъ приготовить дешевое изданіе „Русскихъ народныхъ картинъ“, съ 400 картинами, которыя онъ хотѣлъ пустить въ продажу по баснословно дешевой цѣнѣ—по 3 руб. за экземпляръ. А въ послѣдніе дни и мѣсяцы своей жизни онъ весь ушелъ въ работы надъ подготовляемымъ изданіемъ Остада. Несмотря на то, что малѣйшее движеніе по городской мостовой причиняло Д. А. нестерпимыя боли, онъ еще весною 1895 года посѣщалъ европейскіе музеи, пополняя свои коллекціи и свѣдѣнія. Не зная, что такое скука, не понимая „сладости бездѣлья“, этотъ неутомимый труженикъ всю свою жизнь работалъ и работалъ на пользу ближняго, на пользу благого просвѣщенія. Умственная работа для него была цѣлью жизни и источникомъ высочайшихъ наслажденій. Послѣ умственнаго труда наиболѣе наслажденій дала Д. А. любовь къ природѣ, которая поддерживала двѣ его страсти: къ путешествіямъ и цвѣтоводству.

Отправившись въ Вильдунгенъ для хирургической операціи, онъ вскорѣ забываетъ о своей болѣзни и, увлеченный планомъ предстоящихъ работъ, пишетъ въ маѣ на родину: „О себѣ скажу, что совсѣмъ выправился, и потому не очень кручинюсь, что докторъ заболѣлъ. Можетъ, и

---

[1]) Приводимъ списокъ трудовъ Ровинскаго, изданныхъ имъ съ 1856 года: 1) Исторія русскихъ школъ иконописанія. 2) Русскіе граверы и ихъ произведенія. 3) Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. 4) Русскій граверъ Чемесовъ, съ 17 портретами. 5) Русскія народныя картины, 5 томовъ съ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 1.780 картинъ. 6) Достовѣрные портреты московскихъ государей, съ 47 рисунками. 7) Н. И. Уткинъ, его жизнь и произведенія, съ 34 портретами и рисунками. 8) Виды Соловецкаго монастыря, съ 51 рисункомъ. 9) Матеріалы для русской иконографіи; 12 выпусковъ, съ 480 рисунками. 10) Одиннадцать гравюръ Берсенева. 11) Ѳ. И. Іорданъ. 12) В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія, съ 60 фототипіями. 13) Двадцать видовъ изъ привислинскихъ губерній. 14) Сборникъ сатирическихъ картинъ 15) Полное собраніе гравюръ Рембрандта, съ 1.000 фототипій. 16) Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ, съ 478 фототипіями. 17) Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, 4 тома съ 700 фототипіями.

безъ его инструмента еще *на годъ* обойдусь. Работа моя съ Остадомъ идетъ успѣшно. Отсюда 24-го мая въ Парижъ и Лондонъ *на работу* и пробуду тамъ 18—20 дней".

Такъ писалъ 70-тилѣтній больной старикъ, 50-тилѣтній ветеранъ науки и государственнаго служенія, полный умственной свѣжести, бодрый, веселый и жизнерадостный, несмотря на свой тяжелый, неизлѣчимый недугъ, готовый приняться за работу, какъ будто ничего не успѣлъ сдѣлать!...

А неумолимая смерть уже носилась надъ этою сѣдовласою свѣтлою, полною новыхъ намѣченныхъ задачъ головою неутомимаго труженика, съ юношескою бодростью собиравшагося на дальнѣйшій жизненный путь, какъ будто и не предвидя конца своему быстротечному вѣку! Если считается завиднымъ жребій воина, павшаго въ борьбѣ за родину и свободу, то едва ли менѣе завиденъ жребій застигнутаго за работою съ перомъ въ рукѣ честнаго труженика на поприщѣ гражданскаго преуспѣванія, на поприщѣ мирнаго зиждительнаго труда, который, говоря словами Шиллера, не знаетъ усталости, всегда творитъ, не разрушая...

Этотъ добрый, неразлучный другъ,—безкорыстный трудъ на пользу благого просвѣщенія былъ великимъ утѣшителемъ для Д. А. въ послѣдніе годы его жизни, омраченные зрѣлищемъ разрушенія или колебанія великихъ институтовъ, для насажденія которыхъ онъ такъ много работалъ въ эпоху общественнаго „просвѣтленія". Съ грустью и надеждою онъ ждалъ, что пройдетъ апатичное настроеніе общества, что отвернется оно отъ проповѣдниковъ невѣжества и человѣконенавистничества, что явятся же, наконецъ, *преемники* для продолженія великаго дѣла обновленія Россіи въ духѣ свободы, человѣчности, просвѣщенія.

О, пусть придутъ они, чтобъ намъ хоть мигъ единый
Взглянуть на ихъ борьбу, на ихъ побѣдный слѣдъ;
Чтобъ солнце новое увидѣть предъ кончиной,
Сказать: „оно идетъ", и пѣснью лебединой
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ.

Но не суждено было Ровинскому дождаться этого радостнаго „новаго солнца". Легкое умственное движеніе, появившееся въ русскомъ обществѣ въ концѣ 1894 г., имѣло такой туманный характеръ, что самые проницательные люди не могли рѣшить, есть ли это здоровое пробужденіе общественной мысли или не болѣе, какъ „плѣнной мысли" безплодное раздраженье.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Дѣятель судебной реформы Н. А. Буцковскій.

† 25 сентября 1873 г.

I.

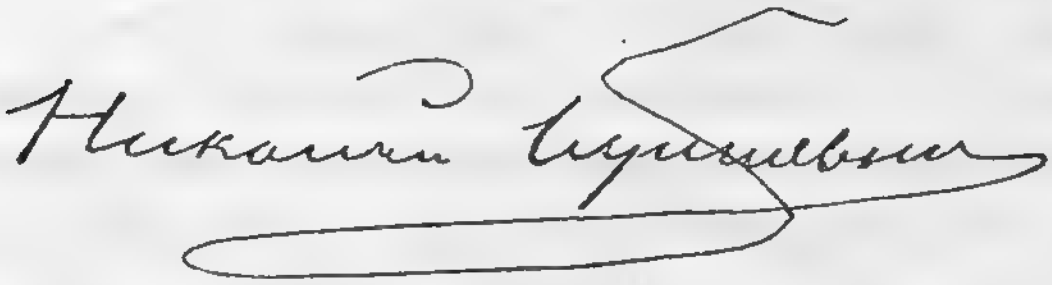
Николай Андреевичъ Буцковскій (род. въ 1811 году, умеръ 25-го сентября 1873 года) принадлежитъ къ числу самыхъ видныхъ дѣятелей судебной реформы. Первостепенная роль, которую онъ игралъ какъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ и дополнительныхъ къ нимъ законоположеній о введеніи уставовъ въ дѣйствіе, такъ и въ практическомъ ихъ примѣненіи съ 1866 года по должности сенатора уголовнаго кассаціоннаго департамента, даетъ ему право въ исторіи судебной реформы на одно изъ первостепенныхъ мѣстъ.

Вліяніе и роль другого воодушевленнаго борца за основы судебнаго преобразованія, С. И. Заруднаго, были совсѣмъ исключительны и безпримѣрны какъ по силѣ, такъ и по продолжительности.

Дѣятельность Н. А. Буцковскаго по судебной реформѣ не захватываетъ такого продолжительнаго періода, но зато она относится къ самой живой, важной и плодотворной эпохѣ ея, къ 60-мъ годамъ (съ конца 1861 года и до окончанія въ 1866 г. всѣхъ законодательныхъ работъ по открытію новыхъ судовъ). А съ другой стороны, Н. А. Буцковскій—въ отличіе отъ С. И. Заруднаго, который такъ-таки до конца своей жизни не былъ допущенъ изъ-за репутаціи „опаснаго либерала“ въ кассаціонный сенатъ,—имѣлъ счастливое преимущество и утѣшеніе лично способствовать истолкованію и примѣненію созданнаго при его дѣятельномъ участіи новаго уголовнаго процесса, согласно благимъ и гуманнымъ на-

мѣреніямъ его составителей, и положенныхъ въ основу его научныхъ доктринъ.

Буцковскій не былъ юристомъ, т.-е. не былъ патентованнымъ, профессіональнымъ юристомъ, прошедшимъ оффиціальную юридическую школу



(если только можетъ быть рѣчь о существованіи у насъ въ концѣ 20-хъ годовъ какой-нибудь „юридической“ школы). Этотъ впослѣдствіи столь извѣстный и какъ юристъ-практикъ, и какъ авторъ замѣчательныхъ монографій по уголовному процессу, до сихъ поръ цѣнимыхъ нашею юридическою литературною критикою, былъ, такъ сказать, *юристъ-самоучка*.

Буцковскій, подобно С. И. Зарудному, по образованію математику-астроному, прошелъ математическую школу и своимъ юридическимъ развитіемъ и образованіемъ обязанъ былъ только самому себѣ.

Но не этому ли на первый взглядъ неблагопріятному, а въ дѣйствительности счастливому обстоятельству, т.-е. отсутствію среди руководителей судебной реформы преобладанія или господства „заправскихъ", патентованныхъ юристовъ, быть можетъ, мы обязаны тѣмъ, что она была закончена съ такимъ блескомъ и успѣхомъ? Мы были бы невѣрно поняты, если бы слова наши были истолкованы въ смыслѣ отрицанія юридическихъ наукъ. Но юридическія школы бываютъ разныхъ качествъ и достоинствъ. Есть такіе представители юридическихъ наукъ, которые все свое призваніе видятъ въ обремененіи памяти своихъ слушателей массою ничѣмъ не связанныхъ и никакою идеею не освѣщенныхъ юридическихъ формулъ и буквальныхъ постановленій положительнаго права, поклоненіе передъ которымъ они считаютъ альфою и омегою юридическаго глубокомыслія. Это—не развивающая и оживляющая юридическая доктрина, „которая даетъ, по опредѣленію Савиньи, способность *самостоятельно* мыслить", а то изсушающее мозгъ и сердце „законовѣдѣніе" (въ отличіе отъ „правовѣдѣнія"), которое создаетъ школу полированныхъ подьячихъ на подобіе византійскихъ хорошо „натасканныхъ" буквоѣдовъ-законниковъ, поставившихъ на мѣсто права, какъ органа правды, букву закона и схоластическую казуистику [1]).

Не трудно представить себѣ, какова была и могла быть у насъ „юридическая наука" въ 30—40-хъ годахъ ,когда Я. Баршевъ съ каѳедры возставалъ даже противъ такого чисто техническаго улучшенія судопроизводства, какъ введеніе устности, состязательности въ уголовномъ процессѣ, а тѣмъ болѣе гласности [2]). Остаться подъ вліяніемъ *такой* юридической школы значило подвергаться опасности извратить свой моральный и умственный кругозоръ и выродиться въ тотъ типъ безсердечныхъ

---

[1]) См. Н. Л. Дювернуа—*Лекціи по русскому гражд. праву*, Спб. 1899, выпускъ 1, стр. 168, 219. И смѣшно, и жалко было видѣть,—говоритъ А. М. Филиппов объ университетскихъ лекціяхъ 30-хъ гг.,—какъ они подводили научныя начала подъ сочиненныя Сперанскимъ „положенія". А о времени, непосредственно предшествовавшемъ введенію университетскаго устава 1863 г., проф. П. Г. Рѣдкинъ въ своихъ Senilia (*Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина, 1889, Спб.*) разсказываетъ, что о развитіи „самостоятельнаго мышленія" не могло быть и рѣчи и что подъ „науками о законахъ" разумѣли изложеніе статей свода законовъ, при чемъ рекомендовалось „прочитывать изъ свода извѣстное число статей безъ самомалѣйшаго замѣчанія со стороны профессора и даже парафраза" (стр. 5—6).

[2]) Устность судопроизводства „служитъ, по мнѣнію Баршева, *обыкновенно* источникомъ незрѣлаго и необсудливаго рѣшенія дѣлъ" („Основанія угол. суд.", стр. 68).

юристовъ, которые въ средніе вѣка вызвали поговорку: Juristen—böse Christen. Вотъ почему было небольшою потерею для Буцковскаго то обстоятельство, что онъ не прошелъ въ молодости юридическую школу того времени. Благодаря своему трудолюбію, добросовѣстности, любознательности и высшему образованію, онъ позже самъ пополнилъ съ избыткомъ этотъ пробѣлъ.

Окончивъ домашнее образованіе, Буцковскій, отличный математикъ, первоначально готовилъ себя къ инженерной карьерѣ. Въ 1828 году онъ поступилъ на службу въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища, въ 1831 г. выдержалъ первый офицерскій экзаменъ, а въ 1833 г. окончилъ полный курсъ наукъ въ офицерскихъ классахъ и поступилъ въ с.-петербургскую инженерную команду, гдѣ онъ служилъ до 1836 года. Затѣмъ Буцковскій перешелъ на педагогическое поприще и поступилъ учителемъ математики въ гатчинскій воспитательный домъ (нынѣ сиротскій институтъ), гдѣ и оставался три года.

Въ іюнѣ 1839 года онъ перешелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи и въ декабрѣ того же года получилъ первую штатную должность старшаго помощника столоначальника съ жалованьемъ въ 28 руб. въ мѣсяцъ. Проходя медленнымъ шагомъ, установленнымъ педантическими правилами министра юстиціи, гр. В. Н. Панина, по административной лѣстницѣ департамента, Буцковскій, хотя и весьма рано замѣченный гр. Панинымъ, только въ 1845 г. получилъ должность редактора, а въ 1848—начальника отдѣленія. Въ 1849 г. онъ перешелъ на оберъ-прокурорскій столъ одного изъ департаментовъ сената, гдѣ основательно изучилъ уголовную практику. Съ 1851 по 1853 годъ онъ состоялъ вице-деректоромъ департамента юстиціи, а съ 1853 перешелъ въ Москву, гдѣ занималъ должность оберъ-прокурора 6-го и 7-го департаментовъ и общаго собранія московскихъ департаментовъ сената.

Внимательный къ исполненію своихъ обязанностей, всегда ровный, терпѣливый, обходительный съ подчиненными, не подобострастный съ начальниками, Буцковскій сумѣлъ заслужить уваженіе старшихъ, благодарность и любовь низшихъ. Гр. Панинъ видимо цѣнилъ и отличалъ, насколько допускали его педантическія правила, своего образцоваго чиновника, и послужной списокъ Буцковскаго испещренъ многочисленными чрезвычайными порученіями, данными ему министромъ юстиціи и послѣдовавшими за примѣрное исполненіе ихъ выраженіями „признательности“ и „благодарности“. Чуждый всякаго искательства, Буцковскій не домогался быстраго возвышенія, чрезвычайныхъ наградъ и отличій и первую награду получилъ лишь послѣ 22-лѣтней службы.

Помимо изумительнаго трудолюбія, образцовой аккуратности и скорости въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, Буцковскій обра-

щалъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что обнаруживалъ весьма основательное знакомство не только съ бѣдною русскою, но и богатою французскою, а отчасти англійскою и нѣмецкою юридическою литературою. Несмотря на свои ограниченныя средства, Буцковскій успѣлъ составить богатую по разнымъ отраслямъ знанія и, главнымъ образомъ, по юридическимъ наукамъ библіотеку. Высшее математическое образованіе и основательное знакомство съ теоріею уголовнаго права и процесса не разъ оказывали ему услугу. Въ началѣ 50 годовъ имѣла мѣсто судебная ошибка: былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ каторжную работу калужскою палатою и сенатомъ, на основаніи *собственнаго сознанія*, мужъ за убійство жены [1]). Но каково же было общее изумленіе, когда послѣ исполненія приговора жена оказалась *въ живыхъ*, а протоколъ подложнымъ. Буцковскій, принимавшій участіе въ этомъ дѣлѣ, былъ и прежде за оправданіе въ виду отсутствія corpus delicti. Но тонкіе дѣльцы, и въ томъ числѣ гр. Панинъ, такими „теоретическими пустяками“ не стѣснялись и засудили невиннаго человѣка. Предстояло послѣ обнаруженія судебной ошибки разъяснить „непогрѣшимому“ гр. Панину его ошибку. Въ качествѣ знатока латинской литературы гр. Панинъ, конечно, зналъ пословицу: Cujusvis hominis est errare, nullius, nisi insapientis, in errore perseverare (всякій можетъ ошибиться, и лишь глупецъ упорствуетъ въ своихъ ошибкахъ). Но гр. Панинъ никогда не сознавалъ своихъ ошибокъ. А тутъ нужно было не только убѣдить Панина въ его ошибкѣ, но и заставить его сознаться въ ней открыто. Исполнить эту трудную и неблагодарную задачу взялся Буцковскій; сначала Панинъ ничего не хотѣлъ слышать и страшно разсердился, но затѣмъ вынужденъ былъ сознаться въ ошибкѣ, и невинно пострадавшій былъ возвращенъ изъ Сибири.

Съ 8-го ноября 1861 года для Буцковскаго открылась новая широкая арена для дѣятельности, на которой онъ могъ примѣнить свой обширный судебный опытъ, свои серьезныя юридическія познанія и тѣмъ сослужить великую службу Россіи. Въ этотъ знаменательный для него годъ состоялось Высочайшее повелѣніе о прикомандированіи его вмѣстѣ съ другими юристами къ государственной канцеляріи [2]).

Ниже мы будемъ говорить спеціально объ участіи Буцковскаго въ работахъ по учрежденію суда присяжныхъ, а теперь отмѣтимъ только, что онъ имѣлъ весьма сильное вліяніе на обработку всего нашего дѣйствующаго уголовнаго процесса вообще. Онъ исполнялъ обязанности статсъ-секретаря при разсмотрѣніи „основныхъ началъ“ въ соединенныхъ де-

---

[1]) См. главу I моихъ „Основъ Судебной реформы“.

[2]) Объ участіи Буцковскаго въ работахъ по отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній см. выше главу III.

партаментахъ Государственнаго Совѣта. Затѣмъ въ качествѣ предсѣдателя уголовной секціи комиссіи В. П. Буткова, составлявшей проектъ судебныхъ уставовъ, Буцковскій, съ свойственной ему добросовѣстностью и трудолюбіемъ, принялъ самое дѣятельное участіе какъ въ редактированіи текста статей устава угол. суд., такъ и въ составленіи обширной къ нему объяснительной записки. При обсужденіи въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта проекта уст. угол. суд. онъ опять исполнялъ обязанности докладчика и составителя журнала:

По возвращеніи изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ въ 1864 году для ознакомленія на мѣстѣ съ тамошними судебными порядками, 1-го января 1865 года Буцковскій былъ назначенъ сенаторомъ. Въ 1865—66 гг. онъ участвовалъ въ трудахъ комиссіи В. П. Буткова, занимавшейся окончательными работами по преобразованію судебной части и изготовленіемъ законоположеній о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. 1-го января 1866 года Буцковскому повелѣно присутствовать въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената, гдѣ онъ и оставался до своей смерти.

Трудная задача выпадала на долю первыхъ членовъ нашего кассаціоннаго сената и въ томъ числѣ Н. А. Буцковскаго. Затрудненія, встрѣченныя на пути этимъ даровитымъ хранителемъ и истолкователемъ закона, призваннымъ, съ одной стороны, давать судамъ разъясненія „общихъ началъ“, лежащихъ въ основѣ дѣйствующаго законодательства, а съ другой—охранять полную независимость судейскаго званія и судебной дѣятельности, были двоякаго рода,— частью юридическаго, частью бытового и политическаго свойства.

Теперь уже съ 1881 г., съ учрежденіемъ комитетовъ для составленія проекта новаго уголовнаго и гражданскаго уложеній, оффиціально признана негодность нашего дѣйствующаго уголовнаго и гражданскаго законодательствъ [1]). Но каково было первымъ сенаторамъ оперировать надъ этимъ негоднымъ, устарѣлымъ матеріаломъ и при помощи научныхъ пріемовъ толкованія стремиться къ извлеченію изъ него „общихъ началъ“, которыхъ или вовсе тамъ не было, или были лишь слабые намеки на нихъ. Нужно читать пространныя и превосходныя кассаціонныя рѣшенія, принадлежащія перу первыхъ сенаторовъ, Н. А. Буцковскаго, П. А. Зубова, М. Н. Любощинскаго, В. А. Арцимовича и др., чтобы видѣть, какую массу труда положили эти почтенные труженики на пользу правильнаго развитія нашего законодательства.

---

[1]) Научнымъ образомъ это положеніе было давно уже доказано относительно гражданскихъ законовъ превосходными работами безвременно умершаго цивилиста И. Оршанскаго, а относительно уголовнаго—трудами гг. Таганцева, Фойницкаго и др.

А между тѣмъ сколько незаслуженныхъ упрековъ за *„внесенныя противорѣчія“* выслушали и вынесли эти даровитые юристы, призванные найти общія начала и тамъ, гдѣ даже такой снисходительный критикъ, какъ графъ Блудовъ, засвидѣтельствовалъ ихъ полное отсутствіе [1]), или примирить постановленія, изъ коихъ одни относились къ жестокимъ временамъ „тишайшаго царя“, съ ихъ „нещаднымъ битьемъ кнутомъ“, а другіе—къ гуманно-освободительной эпохѣ, приведшей къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Не малы были и бытовыя затрудненія, ибо не легко было обществу, воспитанному на произволѣ и видѣвшему въ законѣ не общеобязательную норму, а лишь красивую и внушительную декорацію, грозную только для людей безъ денегъ и связей, усвоить себѣ, что новый судъ равенъ для всѣхъ и никому не мирволитъ, рѣшительно никому; что онъ рѣшаетъ дѣла по закону, не обращая вниманія, какъ выражалось еще наше старое законодательство, „на приватныя письма, хотя бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ“ (ст. 718, т. III св. зак.). Буцковскій оставался буквально глухъ для всѣхъ самыхъ тонкихъ подходовъ, разсчитанныхъ на то, чтобы captare benevolentiam его, какъ судьи, если не путемъ задабриванія и застращиванія,—на что никто бы не рѣшился, то хотя бы путемъ искусной эксплоатаціи его гуманности и благородства.

Но самыя серьезныя затрудненія встрѣчало правильное и согласованное съ духомъ судебныхъ уставовъ направленіе кассаціонной практики со стороны установившихся „свычаевъ-обычаевъ“ дореформенной администраціи. Ей не легко было разставаться съ аттрибутами и функціями всемогущества. Въ частности, судебная администрація не охотно мирилась съ тою почетною, но строго очерченною ролью, которую создали для нея судебные уставы 20-го ноября. Являясь стороною на судѣ, прокуратура не могла переварить мысли, что она, украшенная всѣми наружными аттрибутами власти и силы, назначенная представлять въ своемъ лицѣ отраженіе престижа могущественныхъ сферъ, вооруженныхъ всею мощью государственной власти,—что она должна въ качествѣ *казеннаго обвинителя* стоять предъ судомъ на одной доскѣ съ адвокатомъ, съ этимъ скромнымъ представителемъ частнаго интереса единичнаго гражданина, не имѣющаго иныхъ средствъ воздѣйствія для защиты его свободы, чести и имущества, какъ разумъ законовъ и законы разума и справедливости. Отсюда первый поводъ для неудовольствія судебной администраціи противъ такихъ сенаторовъ, какъ Буцковскій, т.-е. такихъ, которые вни-

---

[1]) См. т. II. Дѣла о преобр. суд. част., п. II, Объяснит. Зап. къ уст. гражд. суд.

каютъ во внутренній смыслъ закона и глухи къ внѣшнимъ давленіямъ и нашептываніямъ плывущаго по теченію оппортюнизма.

Другой поводъ для столкновенія съ судебною администраціею дало обычное у насъ явленіе, состоявшее въ томъ, что проведеніе въ жизнь реформъ поручалось людямъ, имъ не сочувствующимъ. Благодаря этому явленію, реформы рано начали понемногу „исправляться и смягчаться“,— словомъ, скоро произошла столь извѣстная у насъ отмѣна закона въ *административномъ порядкѣ*, сначала мотивируемая временными обстоятельствами, а потомъ получившая хроническій характеръ. Не мало такихъ отмѣнъ послѣдовало и по судебному вѣдомству со времени послѣдовавшей въ 1867 г. отставки перваго генералъ-прокурора новаго суда, Д. Н. Замятнина, и наступившей вслѣдъ за этимъ реакціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ такія „новшества“ встрѣчали въ Буцковскомъ, какъ въ убѣжденномъ и стойкомъ защитникѣ основъ судебной реформы, самаго горячаго противника. Такъ, онъ рѣшительно выступилъ противъ приравненія „настоящихъ“, т.-е. „несмѣняемыхъ“, судебныхъ слѣдователей къ тѣмъ „оловяннымъ“ слѣдователямъ, т.-е. къ молодымъ людямъ, командируемымъ для исправленія должности судебнаго слѣдователя, которыхъ избралъ реакціонный духъ семидесятыхъ годовъ [1]).

Безъ преувеличенія можно сказать, что Буцковскій по должности члена высшаго судебнаго мѣста въ циклѣ новыхъ судебныхъ учрежденій осуществлялъ вполнѣ тотъ идеалъ судьи трудолюбиваго, честнаго, независимаго, неподкупнаго (не только въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ лихоимства, но и въ болѣе тонкомъ смыслѣ психологическаго воздѣйствія сильныхъ окружающихъ вліяній), о которомъ онъ мечталъ, когда писалъ Судебные Уставы и отсутствіе котораго въ дореформенной Россіи отмѣчаетъ проф. Утинъ (см. выше предисл. къ 5-му изд.).

Помимо своей судебной дѣятельности, Н. А. Буцковскій сдѣлался извѣстнымъ въ нашей юридической литературѣ нѣсколькими цѣнными вкладами въ область уголовнаго права и процесса, какъ-то: *Очеркъ кассаціоннаго порядка отмѣны рѣшеній по судебнымъ уставамъ*; *О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей*; *О дѣятельности прокурорскаго надзора*; *Основанія кассаціонной практики по вопросамъ преюдиціальнымъ*; *О самоуправствѣ*, и пр. Труды Буцковскаго вышли въ 1874 году отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года*. Изданіе это до сихъ поръ пользуется большимъ авторитетомъ и составляетъ настольную книгу для всякаго серьезнаго криминалиста [2]).

---

[1]) См. Кассац. рѣш. угол. касс. деп. 1870, № 1411; 1871, № 1269.

[2]) См. Н. Муравьевъ „Прокурорскій надзоръ“, II, стр. 483—484.

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка внѣшней дѣятельности Буцковскаго отмѣтимъ послѣднюю его волю, наглядно рисующую его свѣтлую личность и благородную душу. „Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ,— писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи,— я получаю значительное содержаніе (сверхъ сенаторскаго содержанія въ 7.000 р. онъ получалъ за труды по составленію судебныхъ уставовъ съ 1864 года по 2.500 р.) и постоянно дѣлаю сбереженія въ тѣхъ видахъ, чтобы обезпеченіемъ своего существованія собственными средствами составить себѣ *независимое положеніе* и чтобы по смерти своей оказать помощь ближайшимъ ко мнѣ лицамъ и завершить свою жизнь какимъ-либо полезнымъ дѣломъ". Съ этою цѣлью Буцковскій завѣщалъ скопленный имъ капиталъ въ 50.000 р. близкимъ лицамъ въ пожизненное пользованіе; послѣ смерти ихъ онъ назначилъ обратить его въ благотворительный фондъ *для первоначальнаго пособія* въ предѣлахъ округа С.-Петербургской судебной палаты тѣмъ *по суду оправданнымъ*, которыхъ невинность окажется очевидною, а не признанною только по неполности уликъ, и тѣмъ осужденнымъ, которые впали въ преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ и для которыхъ своевременная помощь можетъ быть спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни. Завѣдываніе раздачею изъ фонда Буцковскій довѣрилъ петербургской корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, очевидно, исходя изъ той мысли, что они въ качествѣ защитниковъ поставлены въ наилучшія условія для ознакомленія съ интимнымъ характеромъ преступленій и подсудимыхъ [1]).

II.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ дѣятельность Н. А. Буцковскаго въ области суда и законодательства, остановимся подробнѣе на участіи его въ учрежденіи у насъ суда присяжныхъ. Оно заслуживаетъ особаго вниманія по многимъ соображеніямъ. Судъ присяжныхъ состав-

---

[1]) Такова была послѣдняя воля этого благороднаго судьи-человѣка! Любопытно отмѣтить, что судебная администрація временъ гр. Палена встрѣтила „либеральное" духовное завѣщаніе Н. А. Буцковскаго крайне недружелюбно и намѣревалась даже ходатайствовать объ оставленіи его безъ исполненія. Случайное обстоятельство задержало докладъ по этому дѣлу, и впослѣдствіи, по иниціативѣ министра юстиціи Д. Н. Набокова, послѣдовало разрѣшеніе на учрежденіе фонда Буцковскаго. Съ 1881 г. фондъ находится въ распоряженіи петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, и возросъ до 71.666 руб. (подробности см. въ книгѣ Н. В. Макалинскаго: „С.-Петербургская адвокатура", стр. 226—237).

ляетъ вѣнецъ судебной реформы. Въ этомъ согласны какъ друзья, такъ и недруги судебной реформы.

Н. А. Буцковскій былъ однимъ изъ піонеровъ великаго института. Въ запискѣ объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства анализируетъ онъ прежде всего проектъ графа Блудова, предполагавшаго рѣшенія вопросовъ о виновности и наказаніи безраздѣльно предоставить судьямъ-юристамъ и сословнымъ засѣдателямъ, и затѣмъ переходитъ къ ученію объ общихъ гарантіяхъ правосудія, а именно: 1) раздѣленіе вопросовъ о винѣ отъ вопроса о наказаніи; 2) многочисленность коллегіи, рѣшающей дѣло; 3) широкое право отвода; 4) предоставленіе вопроса о виновности рѣшенію общественныхъ представителей и о наказаніи судьямъ-техникамъ. Каждое изъ этихъ положеній можетъ быть выведено,— говоритъ Буцковскій, — независимо *отъ всякихъ политическихъ видовъ*, изъ однихъ только юридическихъ соображеній.

Строгость наказанія нерѣдко побуждала судей признавать *невиннымъ совершенно изобличеннаго преступника*. Равномѣрно бывали и преувеличенія виновности, если преступникъ возбуждалъ противъ себя негодованіе или омерзѣніе. Такимъ образомъ преступники наказывались *по усмотрѣнію судей*, а не согласно уставамъ закона. Если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ недостатокъ этотъ устраняется отъ *раздѣленія* вопросовъ о винѣ и наказаніи.

При рѣшеніи вопроса о винѣ по внутреннему убѣжденію предполагается, что каждый судья даетъ мнѣнія по чистой совѣсти, ничѣмъ не стѣсняемой. Такъ какъ это есть единственное качество, которое требуется отъ судейскаго мнѣнія, и по этому собственно качеству данное мнѣніе почитается истиннымъ, то отсюда слѣдуетъ, что вѣроятность правдивости рѣшенія, даннаго по внутреннему убѣжденію судей, зависитъ не отъ качества выраженнаго въ немъ мнѣнія, которое во всякомъ случаѣ должно подходить подъ общій уровень по своему существенному свойству, но единственно *отъ количества голосовъ*, соединившихся въ одномъ рѣшеніи. Чѣмъ болѣе лицъ, признающихъ вину или невинность подсудимаго, тѣмъ болѣе шансовъ, что предполагаемая истинность ихъ убѣжденій есть истина дѣйствительная. Когда судьи въ мнѣніяхъ своихъ связаны закономъ, то и меньшее число голосовъ можетъ имѣть преимущество передъ большимъ, если первое ближе подходитъ къ требованіямъ закона, чѣмъ послѣднее. Но когда судьи даютъ мнѣнія лишь по внутреннему убѣжденію, для котораго не существуетъ никакого внѣшняго мѣрила, тогда сильнѣйшимъ можетъ быть только то мнѣніе, которое соединяетъ въ себѣ болѣе голосовъ. Вотъ почему необходимо, чтобы судъ, рѣшающій вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго по совѣсти, былъ по возможности въ *наибольшемъ числѣ*.

Право отвода судей тогда только доставляетъ надлежащее огражденіе, когда отводъ можетъ быть предъявляемъ безъ представленія къ тому причинъ. Не легко доказать причины отвода и даже не всегда можно ихъ выставить, а между тѣмъ при существованіи этихъ причинъ нельзя положиться на безпристрастіе судьи.

Въ уголовномъ уложеніи, болѣе чѣмъ во всякой другой части законодательства, обнаруживается безсиліе закона вмѣстить въ общихъ правилахъ все разнообразіе жизни и предусмотрѣть всѣ случаи, ею представляемые, потому что въ этой сферѣ житейскихъ страстей отдѣльные случаи столь же разнообразны, какъ разнообразны порождающія ихъ страсти, характеры, положенія и отношенія людей.

Гдѣ не можетъ дать надлежащаго руководства законъ, тамъ должна служить руководительницею совѣсть, и именно *совѣсть общества*, какъ такого коллективнаго лица, котораго юридическія воззрѣнія служатъ *главнымъ источникомъ самого законодательства*. Но общество не можетъ быть судьею въ полномъ своемъ составѣ, слѣдовательно, оно должно подавать свой голосъ черезъ своихъ представителей, и тамъ, гдѣ общество не слилось еще въ одну общую массу, гдѣ существуютъ различныя сословія, представители его должны быть сословными. Мысль эта проявляется въ нашемъ законодательствѣ въ установленіи присяжныхъ засѣдателей, назначаемыхъ по выборамъ. Къ тѣмъ же выводамъ приводятъ и другія соображенія: у насъ невозможно наполнить одними свѣдущими въ правовѣдѣніи лицами составъ судилищъ, необходимый при опредѣленіи виновности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей; вообще люди многообразной внѣшней дѣятельности способнѣе оцѣнить выходящіе изъ нея факты, чѣмъ судьи-техники, теряющіе иногда за своими кабинетными занятіями живое созерцаніе дѣйствительности и впадающіе отъ долговременнаго обращенія *съ подсудимыми въ равнодушіе къ ихъ участи*; наконецъ, между судьями, опредѣляющими виновность подсудимаго по совѣсти, должны быть такія лица, кои, не имѣя порочныхъ свойствъ его, принадлежали бы къ одной съ нимъ *средѣ по ихъ понятіямъ*, *нравамъ* и обычаямъ для вѣрнѣйшаго обсужденія какъ значенія уликъ, такъ и свойства виновности подсудимаго, опредѣляемой вообще кругомъ его понятій и общимъ уровнемъ нравственности, для того, чтобы судьи были *олицетворенною* совѣстью *обвиняемаго*. Наказаніе же опредѣляютъ судьи-техники.

Всѣ вышеобъясненныя гарантіи указываютъ прямо,—говоритъ Буцковскій,—*на присяжное въ судѣ начало*. Дѣйствительно, трудно или даже почти невозможно представить себѣ какое-либо существенное улучшеніе въ уголовномъ судопроизводствѣ, не прибѣгая къ присяжному началу. Многіе изъ нашихъ юристовъ убѣждены, что введеніе у насъ суда при-

сяжныхъ возможно и принесло бы большую пользу поднятіемъ судебной власти на подобающую ей степень достоинства, силы и уваженія и распространеніемъ въ народѣ здравыхъ юридическихъ понятій и чувства законности. Но существуетъ и противное тому мнѣніе, въ подкрѣпленіе котораго приводятся обыкновенно два возраженія: во-первыхъ, что судъ присяжныхъ есть судъ общества, *несовмѣстный съ правами самодержавной власти*, а во-вторыхъ, что общество наше недостаточно развито для того, чтобы входить въ судейскія соображенія, требующія и тонкаго анализа, и юридическихъ выводовъ.

Но присяжное начало *не есть какая-нибудь новость въ Россіи*. Еще во время дѣйствія Русской Правды и затѣмъ Судебниковъ важнѣйшія уголовныя дѣла предоставлены были разбирательству исключительно выборныхъ людей, *губныхъ старостъ и цѣловальниковъ*, сначала въ видѣ привилегіи, а со времени Грознаго, который пользовался неограниченно своими самодержавными правами—въ видѣ *общаго учрежденія*. Мысль о необходимости удержанія на судѣ присяжнаго или, по крайней мѣрѣ, выборнаго начала никогда не была оставляема вполнѣ нашимъ правительствомъ и послѣ Петра. Екатерина II дворянскому и городскому сословіямъ предоставила право судиться одними равными, а впослѣдствіи и волостнымъ и сельскимъ расправамъ предоставлено было право суда по маловажнымъ дѣламъ и удаленія людей порочнаго поведенія. Сводъ законовъ 1857 г. также признаетъ присяжное начало въ видѣ вердикта 12-ти лицъ о членовредительствѣ, приговоровъ мѣщанскихъ обществъ о порочныхъ или оставленныхъ въ подозрѣніи судомъ членахъ.

Въ виду этихъ данныхъ можно ли утверждать,—спрашиваетъ Буцковскій,—что судъ присяжныхъ не примѣнимъ у насъ. Если же наблюдается то странное явленіе, что наши древніе судные мужи болѣе удовлетворяли общество, чѣмъ наши позднѣйшіе судебные засѣдатели, то причина его простая—въ томъ, что первые примѣняли вполнѣ знакомое имъ обычное право, а послѣдніе теряются въ огромныхъ сборникахъ законовъ, доступныхъ только спеціалистамъ по законовѣдѣнію. Этимъ также объясняется, почему присяжное начало, отъ котораго правительство наше никогда положительно не отказывалось, не получало надлежащаго развитія въ судебныхъ учрежденіяхъ новѣйшаго времени. Сословные засѣдатели, которые ни научнымъ образованіемъ, ни прежними занятіями своими большею частью не приготовлены къ тому, чтобы подвизаться *на поприщѣ законовѣдѣнія*, попали въ руки, съ одной стороны, членовъ отъ правительства, болѣе или менѣе знакомыхъ съ теоріею, а съ другой—секретарей-практиковъ, искусившихся въ подборѣ статей закона для всякаго рѣшенія, праваго или неправаго, и такимъ образомъ утратили свое судейское достоинство и обратились въ совершенные нули. Извѣстно, что

сельскіе засѣдатели въ судахъ употреблялись нерѣдко для исполненія служительскихъ обязанностей, топки печей и чистки комнатъ.

При такомъ положеніи сословныхъ засѣдателей скорѣе можно было бы помышлять объ уничтоженіи этого установленія, чѣмъ о дальнѣйшемъ его развитіи (какъ предполагалъ проектъ графа Блудова). Но политично ли, справедливо ли лишить общество *послѣдней опоры народнаго суда*, которымъ такъ дорожатъ всѣ гражданскія общества? Если народная любовь къ Грозному, несмотря на всѣ его жестокости и неистовства, была не вымысломъ, а дѣйствительностью, какъ увѣряютъ всѣ наши историки, если смерть ни одного, можетъ быть, государя прежнихъ временъ не была такъ оплакиваема народомъ, какъ смерть Грознаго, то не служитъ ли это яснымъ доказательствомъ того, *какое сочувствіе находили въ народѣ* главныя мѣры, которыми отличалось правленіе Грознаго, старавшагося *развить въ общинахъ начатки самоуправленія и народнаго суда*. Итакъ, судебное преобразованіе должно сремиться не къ устраненію и нашихъ судовъ сословныхъ засѣдателей, не къ тому, чтобы затруднительными и почти неисполнимыми условіями выбора, какъ, напр., требованіемъ отъ засѣдателей юридическаго образованія (таково было требованіе Блудовскаго проекта) *сдѣлать народное представительство мнимыхъ* или только номинальнымъ; но, напротивъ того, къ постановленію сословныхъ засѣдателей въ положеніе, соотвѣтствующее кругу ихъ понятій и свѣдѣній, чтобы они могли исполнять свои обязанности, *не краснѣя предъ людьми и сознавая въ глубинѣ своей совѣсти*, что имъ доступно святое дѣло суда, что они исполнили его со вниманіемъ и безъ всякихъ личныхъ видовъ и лицепріятія.

Для этого нужно прежде всего,—говоритъ Буцковскій,—совершенно отдѣлить въ уголовныхъ дѣлахъ вопросъ о виновности или невинности подсудимыхъ отъ вопроса объ опредѣленіи наказанія и предоставить: первый—разрѣшенію сословныхъ засѣдателей въ качествѣ присяжныхъ, которыхъ организація представляла бы всѣ вышеисчисленныя гарантіи, а второй—соображенію судей-техниковъ.

Нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ полагать,—утверждаетъ авторъ записки,—что при такомъ раздѣленіи судейскихъ занятій сословные засѣдатели, какъ судьи одной фактической стороны дѣла, будутъ ниже своихъ обязанностей. Напротивъ того, есть много основаній думать, что сословные засѣдатели въ этомъ ограниченномъ кругѣ судопроизводства *будутъ лучшими органами правосудія, чѣмъ закопавшіеся въ бумагахъ судьи-техники*. Дѣйствительно, что обыкновенно требуется отъ присяжныхъ судей? Рѣшить, изобличается ли подсудимый въ томъ преступленіи, которое выставлено обвиненіемъ и слѣдствіемъ. Если законъ требуетъ отъ судей фактической стороны дѣла одного полнаго внутренняго

убѣжденія, не стѣсненнаго никакими формальными доказательствами, то, очевидно, что для справедливаго рѣшенія такого вопроса присяжные, избираемые обыкновенно изъ того же разряда людей, къ которому принадлежитъ обвиняемый, имѣютъ болѣе средствъ, чѣмъ судьи-техники. Какъ тѣ, такъ и другіе, пользуются одними и тѣми же данными, обнаруженными слѣдствіемъ, и едва ли возможно допустить, чтобы изъ этихъ данныхъ естественная логика, присущая каждому человѣку съ болѣе или менѣе проницательнымъ умомъ, не могла вывести относящихся къ предмету обвиненія соображеній, въ которыхъ *наглядная непосредственность сужденія во многихъ случаяхъ вѣрнѣе ученыхъ и тонкихъ анализовъ.*

Но сверхъ этихъ общихъ данныхъ присяжные для открытія истины могутъ пользоваться какъ указаніями народной молвы, которая скорѣе дойдетъ до нихъ, чѣмъ до постоянныхъ судей, такъ и ближайшею извѣстностью имъ сословныхъ и мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и порядковъ домашней жизни, что проливаетъ иногда свѣтъ на такія обстоятельства, которыя для людей, не посвященныхъ въ этотъ обиходъ, кажутся *или темными, или неимѣющими значенія.*

Правда, что задача присяжныхъ иногда усложняется опредѣленіемъ въ смыслѣ дѣйствующихъ законовъ свойства или степени умысла подсудимаго, или обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ его вину; но въ этихъ случаяхъ присяжнымъ могутъ быть сдѣланы предсѣдателемъ суда всѣ надлежащія объясненія о существующихъ въ законѣ правилахъ и практическомъ ихъ примѣненіи, какъ это постоянно соблюдается въ судахъ присяжныхъ въ Англіи. Впрочемъ, если бы даже присяжные не поняли вполнѣ объясненія предсѣдателя и не соблюли какой-либо тонкости, то едва ли это можно считать не только большимъ, но даже какимъ-либо зломъ. Уголовные законы въ главныхъ ихъ основаніяхъ понятны и извѣстны каждому человѣку, какъ требованіе естественной справедливости и общественной пользы, и такія элементарныя свѣдѣнія не могутъ быть чужды присяжнымъ. *Но тонкости уголовнаго права* суть такія воззрѣнія, которыя выработаны въ кабинетахъ ученыхъ криминалистовъ и часто вовсе не входятъ въ кругъ понятій необразованной массы людей. Если присяжные, принадлежащіе обыкновенно къ одному съ подсудимымъ разряду людей, не понимаютъ какой-либо тонкости, это вѣрный признакъ, что она *не входитъ въ кругъ понятій*, обращающихся въ извѣстномъ слоѣ общества, и была бы въ данномъ случаѣ неумѣстна. Въ этомъ обнаруживается *не слабая, а твердая сторона присяжныхъ.* Законы пишутся для всѣхъ, безъ различія слоевъ общества и индивидуальностей, и въ такомъ обобщенномъ видѣ они могутъ быть названы справедливыми только въ отвлеченномъ смыслѣ. Задача суда состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ справедливыми *и въ практическомъ ихъ прим*ѣ-

нeніи... Постоянные судьи не могутъ исполнить эту задачу удовлетворительно потому, главнымъ образомъ, что, стоя на высотѣ отвлеченныхъ истинъ законодательства, они съ трудомъ могутъ снизойти до непосредственнаго взгляда на дѣйствительную жизнь и видятъ ее только черезъ окно своего кабинета и черезъ груды письменности, за которою *не видно живыхъ людей*, т.-е. индивидуальныхъ личностей. Отсюда происходитъ наклонность постоянныхъ судей вставлять *всевозможные случаи въ извѣстныя, заранѣе опредѣленныя рамки отвлеченныхъ понятій*. Много несправедливыхъ и много явныхъ послабленій *произошло съ тѣхъ поръ, какъ дѣло суда попало исключительно въ руки судей-техниковъ*.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся присяжные. Не стѣсняясь никакими формальными предписаніями въ признаніи вины или невинности подсудимаго, внося въ судъ свѣжесть и непосредственность взгляда на дѣйствительную жизнь, какъ люди многообразной внѣшней дѣятельности, неотуманенной исключительными кабинетными занятіями, и, будучи чужды того категорическаго недовѣрія, которое образуется у судей-техниковъ изъ постояннаго и продолжительнаго обращенія съ уголовными дѣлами, присяжные представляются лучшими *примирителями требованій правды съ дѣйствительною жизнью*, неспособными приносить въ жертву отвлеченнымъ теоріямъ и понятіямъ индивидуальность дѣйствительныхъ случаевъ и живыхъ личностей. Это высокое значеніе суда присяжныхъ, понятое первоначально только въ Англіи, цѣнится все болѣе и болѣе на западѣ Европы и цѣнится *не только съ политической, но и съ чисто юридической точки зрѣнія*.

Распространившееся повѣрье, что судъ присяжныхъ имѣетъ преимущественно *политическій* характеръ,—замѣчаетъ Буцковскій,—много препятствовало распространенію этого *ничѣмъ незамѣнимаго учрежденія*. Не говоря о томъ, что такое повѣрье, какъ доказано теперь многими уче-ными криминалистами, не имѣетъ надлежащаго основанія и образовалось только изъ того, что требованія о введеніи суда присяжныхъ предъявлялись преимущественно въ эпохи большей самостоятельности общественнаго мнѣнія, нельзя не замѣтить, что отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера, какъ это сдѣлано въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ, установившихъ у себя въ недавнее время судъ чрезъ присяжныхъ. Такимъ образомъ у насъ въ Россіи,—заключаетъ авторъ,—для отклоненія всякаго политическаго характера отъ суда присяжныхъ можно было бы изъять изъ его вѣдомства не только преступленія государственныя, но также преступленія противъ порядка управленія и государственной и общественной службы.

Но за этими изъятіями введеніе суда присяжныхъ въ Россіи *необхо-*

димѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ къ высшему сословію и подсудимыхъ изъ низшаго сословія, существуетъ цѣлая пропасть.

Говорятъ, что народъ нашъ слишкомъ мало развитъ для того, чтобы имѣть судъ присяжныхъ. Но, казалось бы, это самое положеніе народа, т.-е. его неразвитость, представляетъ основаніе къ совершенно *противоположному* заключенію, потому что такой-то именно народъ и нуждается въ особыхъ гарантіяхъ на судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе.

Затѣмъ, представивъ еще нѣсколько дополнительныхъ соображеній, Н. А. Буцковскій излагаетъ и самый проектъ организаціи суда присяжныхъ. Приведенная записка авторитетнаго практика оказала громадное вліяніе, и имя Буцковскаго навсегда связано съ дарованіемъ Россіи благодѣтельнаго судебнаго института, водворившаго впервые истинное правосудіе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣятель акцизной реформы К. К. Гротъ.

† 30 октября 1897 г.

I

30-го октября 1897 г. скончался одинъ изъ просвѣщенныхъ администраторовъ и крупныхъ дѣятелей эпохи великихъ реформъ членъ Государственнаго Совѣта статсъ-секретарь Константинъ Карловичъ Гротъ, принимавшій близкое участіе во всѣхъ важныхъ преобразованіяхъ Александра II, а въ особенности въ уничтоженіи гнѣзда казнокрадства, подкуповъ и всякихъ гнусностей—винныхъ откуповъ. Природныя дарованія, разностороннее образованіе, обширный административный опытъ, твердость въ убѣжденіяхъ при всей внѣшней мягкости, человѣколюбіе, преданность просвѣщенію, уваженіе къ законности, необыкновенная аккуратность и трудолюбіе—таковы были выдающіяся черты Грота. Онѣ открывали бы ему широкую административную карьеру во всякое время, но особенно выдвинула его эпоха кипучей государственной дѣятельности 60-хъ годовъ, которая, обновляя русскую жизнь во всѣхъ направленіяхъ предъявляла сильный запросъ на людей знанія и опыта, твердыхъ принциповъ, крѣпкаго нравственнаго закала, неподкупной честности и независимаго характера. Бодрое общественное воодушевленіе радостно привѣтствовало рѣшимость правительства уничтожить всѣ застарѣлыя язвы государственнаго организма, начиная съ крѣпостного права и кончая розгами; не вѣсть откуда явилась цѣлая фаланга молодыхъ знающихъ, трудолюбивыхъ, преданныхъ дѣлу, воодушевленныхъ любовью къ отечеству государственныхъ дѣятелей, шутя двигавшихъ вопросы, вѣками ждавшіе очереди и наглядно показывавшихъ всю неосновательность обычныхъ

жалобъ на „неимѣніе людей“. Въ числѣ этихъ благородныхъ піонеровъ русской гражданственности, усердно поработавшихъ надъ привитіемъ первыхъ началъ свободы личности, законности, общественной самодѣятельности, былъ и К. К. Гротъ, до конца жизни съ честью подвизавшійся на разнообразныхъ отрасляхъ государственной и общественной службы.

Окончивъ въ 1835 г., 20-ти лѣтъ, курсъ въ Александровскомъ лицеѣ, съ того же года К. К. началъ свою служебную карьеру, которая продолжалась свыше 60-ти лѣтъ безъ перерыва почти до послѣднихъ дней его, и достигъ высшихъ степеней и почестей, безъ протекціи, исключительно благодаря своимъ трудамъ и способностямъ. Первые годы службы его прошли въ гофъ-интендантскомъ вѣдомствѣ, на которомъ лежало управленіе Императорскими дворцами. Прекрасно владѣвшій иностранными языками, молодой лицеистъ особенно плѣнилъ своего начальника графа Кутайсова своею изящною и утонченною французскою стилистикою, дававшею возможность даже непріятныя для адресата вещи писать въ округленныхъ, звучныхъ французскихъ фразахъ [1]). Пожаръ, случившійся въ Зимнемъ дворцѣ въ 1838 г., привелъ къ отставкѣ графа Кутайсова, за которымъ послѣдовалъ и его молодой секретарь и редакторъ Гротъ.

Эти первые три года были, такъ сказать, „пробами пера“ для молодого и способнаго лицеиста, а затѣмъ открылось для него болѣе широкое и серьезное поприще въ только что учрежденномъ знаменитымъ графомъ Киселевымъ новомъ и важномъ министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ которое онъ старался привлечь молодыхъ, даровитыхъ и честныхъ людей и которымъ ввѣрялись матеріальные и духовные интересы милліоновъ государственныхъ крестьянъ. Въ 1840 г. была открыта въ Митавѣ курляндская палата государственныхъ имуществъ, гдѣ Гротъ состоялъ ассесоромъ до 1844 г. За шестилѣтнее время пребыванія своего въ Курляндіи, онъ уже успѣлъ обнаружить свои недюжинныя способности мягкаго и просвѣщеннаго администратора, который предпочиталъ господствовавшему въ то время методу ежевыхъ рукавицъ ласковое обращеніе и возможно непосредственное вниканіе въ нужды населенія. Молодому, образованному чиновнику удалось быстро достигнуть того, къ чему иные долго и напрасно стремились: даже замкнутое, надменное курляндское дворянство широко распахнуло предъ нимъ двери своихъ салоновъ. Но и простому люду, латышскому крестьянскому населенію, онъ успѣлъ внушить уваженіе и довѣріе. Считая, въ качествѣ дальновиднаго администратора, знаніе языка населенія conditio sine qua non для сознательнаго управленія ввѣренными дѣлами, Гротъ началъ учиться

---

[1]) См. „*Русск. Вѣд.*“ 1896 г., № 208 и слѣд., гдѣ помѣщены біографическія (частью автобіографическія) свѣдѣнія о К. К. Гротѣ.

латышскому языку и вскорѣ достигъ такихъ успѣховъ, что могъ свободно говорить и читать по латышски.

Выдающіяся способности Грота скоро были замѣчены въ Петербургѣ, и онъ уже въ 1844 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ попалъ подъ руководство

Н. А. Милютина, впослѣдствіи знаменитаго дѣятеля крестьянской реформы. На первыхъ же порахъ К. К. пришлось заняться вопросами, которые были послѣдними въ его длинной административной карьерѣ, а

именно: призрѣніемъ бѣдныхъ. Дѣятельный подвижный чиновникъ Гротъ находился въ постоянныхъ командировкахъ, не имѣя даже постоянной квартиры въ Петербургѣ. Благодаря этимъ частымъ разъѣздамъ (во время одной изъ нихъ онъ сопровождалъ М. Н., впослѣдствіи графа, Муравьева), Гротъ могъ изучить разныя стороны быта и управленія Россіи, какъ немногіе изъ петербургскихъ чиновниковъ.

Скудное на реформы николаевское время ввело, однако, одно существенное измѣненіе—это городское самоуправленіе въ Петербургѣ. Гротъ принималъ, въ качествѣ главнаго сотрудника Милютина, самое дѣятельное участіе въ этомъ первомъ опытѣ соединенія гражданъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, хотя и съ сохраненіемъ сословныхъ перегородокъ.

Въ 1853 г. Гротъ назначается самарскимъ губернаторомъ. Если вспомнить, что такое былъ губернаторъ, „хозяинъ губерніи“ стараго дореформеннаго времени, то легко понять, какое обширное, благородное, но трудное поприще открывалось для молодого, дѣятельнаго, неподкупнаго, образованнаго администратора. Городское благоустройство, порядокъ и безопасность губерніи, судъ, тюрьма, пути сообщенія, откупа, бездоимочное поступленіе податей, борьба съ расколомъ и пр. и пр. и даже торговля порохомъ,—все это разнообразіе матеріальныхъ и духовныхъ предметовъ, нынѣ состоящихъ въ вѣдѣніи многихъ самостоятельныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій,—подлежали прямому или косвенному вѣдѣнію губернатора-энциклопедиста! Объять необъятное, конечно, не могъ и Гротъ, но проявилъ замѣчательную и разнообразную дѣятельность, слѣды которой и до сихъ поръ существуютъ въ Самарѣ: прекрасный городской садъ, городская библіотека, устройство мостовыхъ и освѣщенія, улучшеніе тюремной части (въ самарской тюрьмѣ впервые въ Россіи стали обучать грамотѣ и ремесламъ) въ городѣ и въ губерніи.

Понимая хорошо, что продажные чиновники, находящіеся на откупу у откупщиковъ, способны изгадить самыя лучшія намѣренія центральной администраціи, К. К. старался привлечь на службу университетскую молодежь. Благодаря близости казанскаго университета, ему удалось составить кадры честнаго административнаго персонала, составлявшаго какой-то оазисъ среди царившаго окрестъ продавшагося откупщикамъ чиновничества.

Но освобождая своихъ чиновниковъ отъ крѣпостной зависимости отъ откупа, Гротъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы возвысить существовавшіе въ то время нищенскіе оклады. Съ этой цѣлью онъ задумалъ поднять цѣну на порохъ, но встрѣтилъ несочувствіе въ высшихъ сферахъ. Вступая въ борьбу съ всесильнымъ откупомъ и взяточничествомъ, Гротъ не разъ приходилъ въ столкновеніе и съ мѣстнымъ обществомъ и петербургскими властями. Онъ удаляетъ съ должности взяточника—зем-

скаго исправника, избранника дворянства, и это же дворянство выбираетъ его въ лику губернатору на должность предсѣдателя уголовной палаты. Тогда Гротъ прибѣгаетъ къ отчаянному средству—дѣлаетъ распоряженіе о недопущеніи завѣдомаго взяточника ко вступленію въ должность. Министръ юстиціи безподобный графъ Панинъ не только не поддержалъ честныхъ усилій губернатора, но усмотрѣлъ обидное вмѣшательство въ „свое вѣдомство“ и возбудилъ противъ Грота дисциплинарное производство.

Другое столкновеніе было съ министерствомъ финансовъ. Неподкупный Гротъ, освободивъ администрацію изъ-подъ гнета откупщиковъ, получилъ возможность нанесть имъ ударъ по самому чувствительному для нихъ мѣсту, по карману. Строгій блюститель законности, Гротъ и самъ уважалъ законы и отъ другихъ требовалъ того же. Откупщики, въ нарушеніе закона и контракта, спаивали народъ отвратительною водкою и брали за нее втридорога. Всѣ отлично знали, начиная отъ губернаторовъ и кончая министрами, про это вопіющее нарушеніе закона, но тѣмъ не менѣе всесильный откупъ продолжалъ свое наглое издѣвательство надъ закономъ. Гротъ напечаталъ въ „*Губернскихъ Вѣдомостяхъ*“ условія откупщиковъ и таксу. Народъ сталъ требовать исполненія условій контракта. Несмотря на жалобы и угрозы откупщиковъ, Гротъ остался непреклоненъ. Послѣдніе всполошились, стали вопить, что они разорены. Петербургскіе департаменты заступились за своихъ патроновъ. Министръ финансовъ Княжевичъ находилъ поведеніе Грота возмутительнымъ и требовалъ его смѣщенія... Но это ужъ были послѣднія конвульсіи откупа. Дни его были сосчитаны: уже занималась заря преобразовательной эпохи.

II.

Величайшая изъ реформъ Александра II, крестьянская, застала К. К. Грота на посту самарскаго губернатора. Въ то время какъ Н. А. Милютинъ, Головнинъ и другіе товарищи и друзья его, составлявшіе душу кружка, группировавшагося около Великой Княгини Елены Павловны, двигали впередъ съ тяжелыми усиліями дѣло народной свободы въ центрѣ, Гротъ вмѣстѣ съ немногими образованными дворянами велъ неравную борьбу на мѣстѣ противъ закоснѣлаго крѣпостничества большинства дворянства. Частью по тупой косности, частью по политическому недоразвитію и по незнанію народа, помѣщики съ ужасомъ смотрѣли на перспективу освобожденія крестьянъ, съ которымъ они неизбѣжно связывали

не только разореніе свое, но чуть не поголовное избіеніе [1]). Когда дворянство убѣдилось, что паденіе рабства неизбѣжно, оно волею-неволею отказалось отъ личности крѣпостныхъ и уцѣпилось за земли, требуя освобожденія крестьянъ безъ земли. Только небольшая горсть образованныхъ и благомыслящихъ дворянъ стояла за раціональное рѣшеніе вопроса, т.-е. за надѣленіе крестьянъ землею и дарованіе имъ общиннаго самоуправленія. Раздѣляя вполнѣ эту передовую программу, Гротъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы ее усвоило самарское дворянство. Съ этою цѣлью онъ добился назначенія въ самарскій комитетъ по крестьянскому вопросу знаменитаго дѣятеля крестьянской реформы Ю. Ѳ. Самарина. Извѣстно, какія клеветы и враждебныя дѣйствія были пущены въ ходъ противъ этого честнѣйшаго [2]) и благороднѣйшаго дѣятеля, который долженъ былъ принимать особыя мѣры для своей личной безопасности [3]). Но если Гроту не удалось преодолѣть упрямства большинства комитета, не могшаго подняться выше узкосословныхъ вожделѣній, то меньшинство оказалось на высотѣ своего положенія, предложивъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ духѣ справедливости и государственныхъ интересовъ.

Кромѣ того, К. К. принималъ живое участіе въ извѣстной Милютинской коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ, гдѣ засѣдали наиболѣе видные дѣятели крестьянскаго дѣла и въ томъ числѣ нашъ великій сатирикъ М. Е. Салтыковъ, тогда тверской вице-губернаторъ. Являясь всегда строгимъ блюстителемъ законности, и тутъ К. К. отстаивалъ взгляды, имѣвшіе цѣлью оградить и личность крестьянъ, и права крестьянскаго общества отъ произвола и опеки администраціи и помѣщиковъ. Какъ одинъ изъ ветерановъ крестьянскаго дѣла, до послѣдняго времени К. К. занималъ предсѣдательское мѣсто на ежегодныхъ „освободительныхъ“ обѣдахъ 19-го февраля въ Петербургѣ.

Въ введеніи въ дѣйствіе положеній 19-го февраля К. К. не принималъ участія. Въ это время (въ 1861 г.) по приглашенію великаго князя Константина Николаевича онъ взялся за уничтоженіе одной изъ самыхъ отвратительныхъ язвъ дореформеннаго порядка, а именно за очищеніе авгіевыхъ конюшенъ виннаго откупа. Осуществленіе этой, намъ

---

[1]) А. М. Тургеневъ въ частномъ письмѣ прямо выражалъ злорадство, что рядомъ съ нами на фонаряхъ будутъ висѣть виновники эмансипаціи, петербургскіе чиновники („*Русск. Стар.*“ 1897, № 10, стр. 31).

[2]) Заподозрѣно было даже безкорыстіе Самарина, всю жизнь остававшагося титулярнымъ совѣтникомъ, отказавшагося даже отъ ордена Владиміра. И про этого человѣка крѣпостники писали: „Самаринъ надѣется играть роль и заранѣе заявляетъ себя поборникомъ общаго блага“. („На зарѣ народн. свободы“). „*Русск. Стар.*“ 1897 г. № 9, стр. 30.

[3]) Матер. для ист. упразд. крѣп. пр. 1, 163.

кажущейся шуточной, мѣры требовало громадной энергіи и большого напряженія силъ.

Въ настоящее время трудно себѣ даже и представить размѣры и пространство силы, захваченной откупщиками на пространствѣ всей Россіи. Вотъ нѣкоторыя данныя, заимствованныя изъ оффиціальныхъ источниковъ. Имѣя къ своимъ услугамъ всю закупленную администрацію [1]), эта многоголовая гидра спаивала народъ фальсифицированною вредною водкою, продаваемою втридорога, съ устраненіемъ „зловредной конкуренціи“.—Предъ самою отмѣною откуповъ эта почтенная корпорація эксплоататоровъ казны и народа состояла изъ 146 лицъ, обязанныхъ платить въ годъ 127.769.488 руб. 32 коп. (сами откупщики получали около 600 милл.). Во главѣ пирамиды стоялъ Бенардаки, вносившій въ годъ безъ малаго 20.000.000 р., затѣмъ слѣдовало 26 милліонеровъ, вносившихъ отъ 6—до 1 милліоновъ, далѣе слѣдовали средніе и мелкіе, вносившіе однако не менѣе 101.000 р. Въ распоряженіи этихъ генераловъ находилась цѣлая армія служащихъ разныхъ степеней въ числѣ 36.148 человѣкъ [2]). Вся эта дисциплинированная въ духѣ преслѣдованія хозяйскаго и своего интереса всякими правдами и неправдами команда преслѣдовала основную цѣль откупа, теоретически обоснованную въ 1844 г. въ письмѣ В. А. Кокорева на имя министра финансовъ Вронченко и имъ съ энтузіазмомъ одобренную. Развивая свою теорію раціональнаго обиранія народа, Кокоревъ указывалъ на необходимость выловить сполна ускользавшую отъ откупщиковъ „часть денегъ изъ капитала, свободно обращающагося въ народѣ“. Съ этою цѣлью онъ совѣтовалъ „дать дѣлу утонченно-торговый видъ и уничтожить соперничество, встрѣчаемое откупами отъ нѣкоторыхъ торговлей“ [3]).

Эта система открытаго спаиванія народа скверною водкою, съ явнымъ нарушеніемъ условій откупа, продолжалась при благосклонномъ содѣйствіи или бездѣйствіи предержащихъ властей до самой эпохи великихъ реформъ. Напрасно такіе честные и дальновидные государственные люди, какъ, напр., Киселевъ, пробовали въ 40-хъ годахъ возстать противъ от-

---

[1]) Въ Воспом. Михайлов. („*Русск. Стар.*“ 1899, № 10) о казанскомъ губернаторѣ читаемъ: Стрекаловъ считался честнымъ человѣкомъ и не бралъ вообще взятокъ, но онъ былъ большой любитель женскаго пола и раздавалъ теплыя мѣста мужьямъ своихъ любимицъ. Не беря взятокъ, онъ получалъ „по положенію“ съ откупщика, что называлось тогда безгрѣшнымъ доходомъ. За нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ онъ предоставлялъ всю губернію въ полное распоряженіе откупщиковъ, которые грабили, какъ хотѣли, и вообще распоряжались всѣмъ полновластно по своему усмотрѣнію.

[2]) См. Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи. 1860, оф. изд., ч. 3. стр. 9 и 105.

[3]) Тамъ же 1 часть, 131—132.

куповъ. Страхъ высшихъ сферъ предъ всякими реформами, воспособляемыми „заинтересованнымъ“ отъ откупщиковъ милліонеровъ финансовымъ вѣдомствомъ, превозмогалъ отвращеніе предъ злоупотребленіями откупа. Да вѣдь и то сказать: въ предложеніяхъ гр. Киселева „объ ограниченіи (sic) откупщикамъ средствъ къ развращенію народа“ имѣлись въ виду государственные крестьяне, [1]) до остального же народа никому не было дѣла. Графъ Канкринъ, однако, затормозилъ дѣло, боясь съ уменьшеніемъ развращенія уменьшить и доходъ казны. До чего доходило искусство откупщиковъ въ пропагандѣ теоріи обиранія народа въ интересахъ казны, это можно видѣть на одномъ эпизодѣ борьбы народа съ пьянствомъ.

Въ 1858 г., когда разнеслась великая вѣсть о предстоящей волѣ, народъ вопреки предсказаніямъ „знатоковъ народнаго быта“, помѣщиковъ, не только не сталъ безчинствовать и пьянствовать, но, какъ бы готовясь къ возрожденію въ новую жизнь, сталъ сосредоточенно къ ней готовиться.—Сталъ копить копейку не на черный, а на „свѣтлый“ день [2]), воздерживаться отъ вина, а мѣстами и цѣлыя общества дѣлали постановленія о воздержаніи отъ вина и о наказаніи за злоупотребленія имъ. Но откупщики добились, что министръ финансовъ Княжевичъ остановилъ борьбу... съ пьянствомъ [3])...

Вотъ съ такою-то непобѣдимою силою вступили въ борьбу передовые люди 60-хъ годовъ и въ ихъ числѣ саратовскій губернаторъ Гротъ. Исходъ ея казался сомнительнымъ.

Не говоря уже о громадномъ числѣ закупленныхъ и „заинтересованныхъ“ чиновниковъ всѣхъ ранговъ и степеней, даже и неподкупленные по лѣности ума, по косности и трусости считали неизбѣжнымъ это глубоко въѣвшееся въ государственный организмъ зло, какъ необходимое условіе процвѣтанія россійскихъ финансовъ. Пользуясь мнительностью и незнакомствомъ съ дѣломъ высшихъ сферъ, ихъ отвращеніемъ къ крупнымъ новшествамъ, нарушающимъ сонное теченіе бюрократической рутины, откупщики-патріоты стали доказывать неизбѣжность разоренія казны въ случаѣ отмѣны откуповъ. Нужно было то бодрое и исполненное вѣры въ будущность народа настроеніе, господствовавшее въ обществѣ въ 1861 году, чтобы Россія могла развязаться съ этимъ застарѣлымъ недугомъ. Но замѣчательно, что какъ только выданъ былъ законъ 4-го іюля 1861 года объ отмѣнѣ откуповъ, тутъ только раскрыли откупщики свои карты. Они предлагали чрезъ высокопоставленныхъ лицъ самыя заманчивыя условія казнѣ, даже соглашались построить три тысячи верстъ

---

[1]) См. н. Сб. ч. I, 102 и слѣд.

[2]) Мѣдныя деньги, какъ сообщаютъ Матер. для ист. крѣп. права, стали рѣдки вслѣдствіе дѣлаемыхъ народомъ сбереженій.

[3]) См. н. Свѣдѣнія ч. I, стр. 206.

желѣзныхъ дорогъ [1]) даромъ, лишь бы сохранить своего благодѣтеля-кормильца—откупъ, который, по опредѣленію одной записки, „разорялъ и развращалъ народъ, держалъ на откупѣ мѣстную администрацію, дѣлая чрезъ то безсильными всѣ мѣры къ водворенію въ ней честности и правоты“. Но въ 1862 г. Александръ II приказалъ прекратить разъ навсегда пріемъ такихъ прошеній, и приступлено было къ введенію акцизной системы.

Наиболѣе трудная часть этого дѣла,—пріисканіе персонала и первоначальное руководство имъ,—всецѣло выпала на К. К., который съ замѣчательнымъ успѣхомъ справился съ этой задачей, благодаря своей опытности и умѣнью отыскивать и привязать къ чистому дѣлу людей. Нужно вспомнить ту среду, которая „работала“ около откуповъ, чтобы понять все значеніе заслуги К. К. въ этомъ дѣлѣ. Если продажность составляла обычное явленіе въ старой чиновничьей средѣ сверху донизу, то чиновники, оставшіеся отъ откупа,—какъ свидѣтельствуютъ „Губернскіе очерки“,—отличались особою виртуозностью и безстыдствомъ. Несмотря на противодѣйствіе министра Княжевича, Гротъ безусловно настоялъ на своемъ правѣ назначать на должности только тѣхъ лицъ, въ честность которыхъ онъ вѣрилъ. Когда въ 1862 г. мѣсто Княжевича занялъ Рейтернъ, Гротъ получилъ полную свободу въ организаціи новаго дѣла. Взявши критеріемъ вмѣсто „протекціи“ исключительно нравственный и умственный цензъ кандидатовъ, Гротъ выбиралъ людей изъ образованнаго круга, не взирая на ихъ чины и сословное происхожденіе. Всѣ избранники оказались вполнѣ порядочными. Въ первый же (1863 г.) не только очистилась столь грязная дотолѣ административная отрасль, но, къ удивленію „опытныхъ государственныхъ людей“, и казна не только не потерпѣла ущерба, но получила большой барышъ: вмѣсто ожидаемаго недобора въ 40 милл. поступленія оказалось на 40 милл. выше смѣтнаго назначенія. Казалось бы, столь блистательный во всѣхъ отношеніяхъ успѣхъ акцизной системы долженъ былъ обезоружить его противниковъ, но служители старыхъ откуповъ не унимались. Чиновники, „не бравшіе взятокъ“ въ началѣ 60-хъ годовъ, представляли столь исключительное явленіе, что они показались консерваторамъ подозрительными. Отсюда уже недалеко было до подозрѣнія въ политической неблагонадежности. Эти провинціальныя инсинуаціи приняли такіе размѣры, что для провѣрки ихъ былъ командированъ изъ Пе-

---

[1]) Какъ сорили деньгами откупщики, можно видѣть изъ того, что имъ была сдѣлана попытка (фактъ положительный!) дать взятку Гроту въ 1.000.000 р. Узнавъ о неподкупности Грота, Александръ II предложилъ ему тоже награду въ 1 милл. но онъ отказался, впослѣдствіи согласился только на принятіе извѣстнаго % съ акцизныхъ доходовъ, который употреблялъ на добрыя дѣла.

тербурга довѣренный генералъ-адъютантъ для производства дознанія на мѣстахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, дознаніе оказалось безусловно благопріятнымъ для избранниковъ Грота, вся вина которыхъ была въ томъ, что они отстаивали интересы казны и не мирволили мѣстнымъ тузамъ изъ дворянъ и купцовъ. Въ 1869 г. К. К. оставилъ вслѣдствіе переутомленія должность директора неокладныхъ сборовъ, унося сознаніе громадной услуги, оказанной имъ Россіи, и благодарность сослуживцевъ, учредившихъ въ память его дѣятельности пять стипендій въ гимназіи и двѣнадцать въ учительскихъ семинаріяхъ.

III.

Изъ другихъ реформъ К. К. принималъ участіе въ составленіи Положенія о зем. учр. 1864 г. и Городового Положенія 1870 г.

Съ 1870 г. Гротъ, по иниціативѣ министра Рейтерна, назначается членомъ Государственнаго Совѣта и сначала присутствуетъ въ департаментѣ экономіи, а потомъ законовъ. К. К. выступилъ рѣшительнымъ противникомъ того сектантско-полицейскаго классицизма гр. Д. Толстого, съ вредными послѣдствіями котораго и доселѣ еще приходится считаться. Частичная тюремная реформа и пересмотръ лѣстницы наказаній состоялись главнымъ образомъ по плану Грота. Въ 1880 году онъ становится во главѣ тюремнаго дѣла на правахъ министра и тутъ сближается съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, и вслѣдъ за отставкою графа въ апрѣлѣ 1881 г. выходитъ въ отставку и Гротъ. Продолжая участвовать въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, Гротъ отстаивалъ тѣ же начала законности, гуманности и общественной самодѣятельности, которыя были завѣщаны свѣтлою эпохою великихъ реформъ и которыми Гротъ руководился даже ранѣе ея наступленія.

Много вниманія и труда отдавалъ Гротъ дѣламъ благотворенія, въ особенности попеченію о слѣпыхъ, и самъ на свои средства построилъ въ Петербургѣ 3-хъ-этажный домъ съ мастерскими для 60-ти слѣпыхъ. Самые послѣдніе годы Гротъ посвятилъ на выработку проекта новаго законоположенія объ общественномъ призрѣніи, но по болѣзни не успѣлъ довести дѣло до конца.

Весь долгій административный путь, пройденный Гротомъ, былъ поприщемъ труда и безкорыстнаго служенія отечеству на почвѣ законности. Тогда какъ даже въ наше время иные открыто проповѣдуютъ, что для хорошаго администратора законъ—настоящая обуза, лишняя препона, стѣсняющая его просвѣщенный и ясновидящій произволъ, Гротъ, подобно своему другу Арцимовичу, еще въ николаевское время былъ строгимъ блюстителемъ законности, которая, по указанію Николая I, особенно нужна

на окраинахъ [1]). Недаромъ самъ Герценъ писалъ, что въ Россіи есть два губернатора: Гротъ и Арцимовичъ, которыхъ она можетъ смѣло показать Европѣ. И дѣйствительно, добросовѣстные и трудолюбивые администраторы и дѣятели, какъ Гротъ, вездѣ рѣдкость и вездѣ оставляютъ послѣ себя крупный и добрый слѣдъ.

---

[1]). См. „Матеріалы для біографіи Арцимовича“ въ ноябрьской книгѣ *„Вѣстникъ Европы“*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Скорбныя справки.

Съ врагомъ ихъ подъ знаменемъ тѣхъ же идей
Ведите ихъ бой до конца.
Нѣтъ почести лучше, нѣтъ тризны святѣй
Для тѣни, достойной борца!

Пальминъ.

I.

И. М. Остроглазовъ.

† 22 сентября 1892 г.

22-го сентября 1892 г. умеръ одинъ изъ скромныхъ, но заслуженныхъ и симпатичныхъ представителей нашей магистратуры, предсѣдатель тульскаго окружнаго суда, Иванъ Михайловичъ Остроглазовъ, вѣрою и правдою служившій свыше 26 лѣтъ просвѣтительной миссіи новаго суда. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ высокое званіе судьи было не заурядною чиновничьею казенною службою, отправляемою съ правильностью, однообразіемъ и безучастіемъ механизма, а дорогимъ любимымъ призваніемъ, дающимъ нравственное удовлетвореніе, недоступное многимъ другимъ видамъ службы и примиряющее съ лишеніями и трудностями судейской дѣятельности.

И. М. Остроглазовъ былъ сынъ московскаго священнника при церкви Николая Чудотворца, что на Мокромъ. Получивъ среднее образованіе частью въ духовной семинаріи, частью дома, И. М. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета въ знаменательное время, когда еще раздавалось животворящее слово безсмертнаго проповѣдника

гуманности проф. Грановскаго [1]) и когда появились первыя освободительныя вѣянія. Пребываніе въ университетѣ оставило глубокій, неизгладимый слѣдъ на впечатлительной натурѣ отъ природы добраго и серьезнаго юноши. Особенно глубоко запалъ въ душу И. М. одинъ эпизодъ изъ студенческой жизни — это посѣщеніе университета Александромъ II, будущимъ Царемъ-Освободителемъ, и призывъ имъ студентовъ быть усердными помощниками въ готовящихся реформахъ (см. ниже).

По окончаніи курса въ 1859 г. полный благороднаго воодушевленія и свѣтлыхъ замысловъ И. М. искалъ приложенія ихъ къ подходящему дѣлу. Нечего и говорить, что старый судъ съ его канцелярскою тайною, бумажнымъ производствомъ и затхлою атмосферою буквоѣдства и взяточничества не представлялъ собою ничего заманчиваго для молодого юриста, воспитаннаго въ духѣ гуманныхъ и освободительныхъ принциповъ конца 50-хъ годовъ. Онъ вмѣстѣ со всею мыслящею Россіею былъ въ 1859 г. въ переходномъ, выжидательномъ положеніи, въ радостномъ и бодромъ ожиданіи освобожденія и обновленія ея:

Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я...

Въ ожиданіи этого чаемаго „доблестнаго подвига“ И. М. временно пристроился учителемъ исторіи въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ теченіе 61—65 гг. занималъ только что учрежденную должность судебнаго слѣдователя, которая знаменовала начало отдѣленія власти судебной отъ административной и была въ этомъ смыслѣ предтечею настоящихъ новыхъ судебныхъ должностей, созданныхъ Судебными Уставами. Съ открытіемъ въ 1866 г. въ Москвѣ новаго суда, И. М. вступилъ на настоящее судебное поприще, занявъ должность товарища прокурора при вновь открытомъ московскомъ окружномъ судѣ. Такимъ образомъ, И. М. пришлось переживать медовый мѣсяцъ судебной реформы и, какъ большинство дѣятелей этой эпохи, запечатлѣть глубоко въ сердцѣ завѣты творцовъ Судебныхъ Уставовъ о судѣ правомъ, милостивомъ и равномъ для всѣхъ. Затѣмъ И. М. былъ прокуроромъ тульскаго окружнаго суда, а съ 1870 по 1882 г.—товарищемъ прокурора московской судебной палаты. За это время сильно измѣнились взгляды на роль и положеніе прокуратуры, но не измѣнился И. М., внося въ роль прокурора тотъ мягкій тонъ

---

[1]) Человѣчность прежде всего,—говорилъ Грановскій.—За это одно,—замѣчаетъ преемникъ его по каѳедрѣ, проф. П. Г. Виноградовъ,—имя Грановскаго не забудется („*Русская Мысль*“, 1893, № 4).

безпристрастія, который составлялъ его отличительную черту и секретъ его успѣха.

Не замыкаясь въ формальныя рамки своихъ должностныхъ обязанностей, И. М. живо интересовался юридическими и историческими науками. Онъ былъ однимъ изъ учредителей Московскаго Юридическаго Общества, въ 1872—1879 гг.—товарищемъ предсѣдателя Общества и сотрудникомъ органа его—„*Юридическаго Вѣстника*“, а также сотрудникомъ историческихъ журналовъ.

Въ 1880 г. И. М. поступаетъ, наконецъ, въ болѣе близкую ему по сердцу сферу, въ магистратуру, гдѣ его природная доброта и человѣколюбіе могли свободно проявляться безъ ущерба для профессіональныхъ обязанностей; съ 1880 по 1882 г. онъ былъ предсѣдателемъ херсонскаго окружнаго суда, а съ 1882 г. до смерти своей—тульскаго.

Среди сослуживцевъ своихъ И. М. оставилъ память честнаго, добраго товарища, среди подчиненныхъ—необыкновенно деликатнаго и добродушнаго начальника. „Одинъ изъ многочисленныхъ его поклонниковъ,—писали въ „*Юридическую Газету*“ при полученіи извѣстія о его смерти,—сказалъ: „около этого человѣка никому холодно не было“. Въ этихъ словахъ глубокая правда и вполнѣ вѣрная характеристика его. Простота и сердечность почившаго къ людямъ всякаго званія и состоянія были удивительны. Самое большое для провинившагося наказаніе были слова И. М.: „вѣдь этакъ, батенька, мы поссоримся; смотрите“. Въ результатѣ такихъ добрыхъ сердечныхъ отношеній порядокъ при немъ былъ въ судѣ образцовый, потому что всякій дѣлалъ свое дѣло не за страхъ, но и за совѣсть, изъ любви и уваженія къ человѣку, стоявшему во главѣ учрежденія. И какъ онъ любилъ это учрежденіе, будучи пылкимъ поклонникомъ реформъ Александра! Онъ не могъ безъ слезъ вспомнить о томъ, какъ этотъ добрый Царь при посѣщеніи во время его студенчества Московскаго университета приглашалъ студентовъ быть усердными Его помощниками въ готовящихся реформахъ, въ чемъ и дали клятву, которую покойный вѣрно сдержалъ“ [1]).

И. М. Остроглазовъ дѣйствительно честно сдержалъ эту свою юношескую клятву бороться до послѣднихъ дней съ старымъ дореформеннымъ безправіемъ и дать русскому народу, безъ различія сословій и общественнаго положенія, гарантіи равноправности и правосудія. Необыкновенно мягкій въ личныхъ сношеніяхъ, всегда сдержанный, ровный и уступчивый, И. М. былъ упрямъ, неумолимъ, неуступчивъ и даже рѣзокъ, разъ дѣло касалось принциповъ новаго суда. Увѣровавъ однажды и со всею пылкостью своего добраго и горячаго сердца, со всею глубиною зрѣ-

[1]) „Юридическая Газета“, 1892, № 91.

лой убѣжденной мысли въ правоту либерально-гуманныхъ основъ судебной реформы, онъ остался имъ вѣренъ до конца дней своихъ. Судебные Уставы, въ которыхъ онъ видѣлъ своего рода юридическое откровеніе для русскаго общественнаго сознанія,—это было слабое мѣсто И. М., такъ сказать, его нравственное noli me tangere. Куда дѣвалась его обычная сдержанность, привѣтливость, уступчивость и благодушіе, разъ рѣчь заходила объ основныхъ принципахъ новаго суда, въ которые онъ вѣрилъ съ пыломъ прозелита и съ твердостью убѣжденнаго мыслителя! Въ защиту этихъ дорогихъ принциповъ, чтимыхъ имъ, какъ евангельскія заповѣди, онъ готовъ былъ спорить до ссоры, до хрипоты, до изнеможенія, не разбирая ни общественнаго положенія, ни ранга своего противника, какъ это случилось съ И. М. незадолго до смерти при стычкѣ съ бывшимъ его профессоромъ, съ однимъ высокопоставленнымъ сановникомъ духовнаго вѣдомства, нѣкогда бывшимъ профессоромъ Московскаго университета и крупнымъ участникомъ судебной реформы...

Выработка такихъ стойкихъ характеровъ, такой идейной крѣпости, довольно часто встрѣчающаяся въ жизни новыхъ судебныхъ установленій, безъ сомнѣнія, должна быть отнесена въ значительной мѣрѣ къ возбуждаемому и требуемому ими духу независимости. Только при независимости нравственная личность человѣка крѣпнетъ и получаетъ возможность яркаго проявленія; только она создаетъ, по вѣрному замѣчанію К. П. Побѣдоносцева, „не работниковъ только, но живыхъ дѣятелей и учителей, сословіе, связанное общимъ *духовнымъ* интересомъ и общею *честью* своего дѣла“ [1]).

Только благодаря привитому несмѣняемостью судебному сословію духу независимости даже люди среднихъ способностей, къ числу коихъ принадлежалъ и И. М., учатся гражданскому мужеству и въ свою очередь дѣлаются достойными учителями его для другихъ. Тутъ наглядно обнаруживается воспитательное дѣйствіе новаго суда, и совершенно правъ былъ Катковъ, говоря, что „если прежніе суды портили людей, то вовые исправляютъ ихъ и воспитываютъ“ [2]).

Будучи преданъ всѣмъ сердцемъ освободительнымъ принципамъ реформъ императора Александра II, И. М. Остроглазовъ имѣлъ утѣшеніе видѣть осуществленнымъ одно начинаніе, инициатива, движеніе и исполненіе коего всецѣло принадлежали ему. Въ 1884 г. по случаю двадцатилѣтія Судебныхъ Уставовъ и въ самый разгаръ яростныхъ доносовъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на судебныя установленія, И. М. робко и

---

[1]) См. т. XII Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи. Замѣтку К. П. Побѣдоносцева отъ декабря 1861 г., стр. 2.

[2]) „*Москов. Вѣдом*“., 1866, № 263.

нерѣшительно закинулъ мысль объ открытіи памятника творцу Судебныхъ Уставовъ, *не будучи увѣренъ* относительно судьбы своего предложенія. Однако оффиціальное разрѣшеніе было получено, и благодаря популярности симпатичнаго предсѣдателя, подписка на сооруженіе памятника очень скоро дала нужныя матеріальныя средства [1]).

29 го октября 1886 г. въ день 20-тилѣтія введенія новаго суда въ Тульской губерніи былъ открытъ памятникъ Александру II въ уголовной залѣ тульскаго окружнаго суда. Къ этому торжеству, которое можно было назвать личнымъ праздникомъ для И. М., отнеслось мѣстное начальство [2]) и общество съ большимъ сочувствіемъ.

Этотъ рѣдкій судебный праздникъ—на улицѣ новаго суда, какъ извѣстно, вообще рѣдки праздники!—былъ для И. М. однимъ изъ немногихъ пріятныхъ впечатлѣній конца жизни. Видя вокругъ себя равнодушіе и даже непримиримую вражду къ принципамъ, которымъ служилъ онъ смолоду, онъ подъ старость какъ будто почувствовалъ къ нимъ еще болѣе любви, уваженія и преданности, и тѣмъ честно выполнилъ вышеупомянутую клятву.

---

[1]) Какъ на образчикъ искренняго неподдѣльнаго сочувствія мѣстнаго судебнаго вѣдомства, можно указать на весьма характерный рапортъ одного изъ судебныхъ разсыльныхъ. Представляя три рубля (при содержаніи въ 40 руб.), онъ писалъ, что онъ „считаетъ для себя величайшимъ счастіемъ принести на этотъ предметъ свое посильное пожертвованіе“(см. Историч. Запис. о сооруженіи памят. Александру II Тула, 1887, ст. 5).

[2]) Во время завтрака Остроглазовъ сказалъ рѣчь, въ которой онъ отмѣтилъ, что только съ водвореніемъ новаго суда появилось у насъ господство закона и равенство предъ нимъ всѣхъ и каждаго, не взирая на чины, богатство и связи.— Мѣстный архіерей, архіепископъ Никандръ, въ сердечной рѣчи, вспомнивъ объ открытіи тульскаго окружнаго суда, который онъ освящалъ при открытіи, коснулся и всѣхъ его дѣятелей, прошедшихъ съ того времени на его глазахъ, и въ заключеніе сказалъ, что „онъ за все время существованія мѣстнаго окружнаго суда *никогда* и ни *отъ кого* не слыхалъ жалобы на неправильныя дѣйствія кого-либо изъ судей этого суда, и что онъ все время стоялъ на высотѣ своего призванія“ (Истор. Записка, стр. 15). Любопытно сопоставить съ этимъ отзывомъ, что не задолго передъ тѣмъ въ бесѣдѣ съ преосвященнымъ Никандромъ бывшій профессоръ Московскаго университета,—одинъ изъ извѣстныхъ дѣятелей судебной реформы, впослѣдствіи перемѣнившій свои взгляды,—съ обычною въ подобныхъ случаяхъ рѣзкостью бранилъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, въ той же Тулѣ новый судъ за его „нечестивый“ либеральный духъ. И. М. горячо заступился за дорогія учрежденія, но не въ силахъ былъ поколебать предубѣжденій „жестоковыйнаго“ собесѣдника, бывшаго своего профессора.

II.

П. Н. Грековъ.

† 29-го января 1893 г.

29 го января 1893 г. московскій мировой институтъ понесъ чувствительную потерю въ лицѣ одного изъ уважаемыхъ представителей нашего новаго мирового института, предсѣдателя столичнаго мирового съѣзда, почетнаго мирового судьи Петра Николаевича Грекова. Съ открытіемъ въ Москвѣ новыхъ судебныхъ учрежденій П. Н., служившій раньше въ старомъ сенатѣ, получилъ скромную должность помощника секретаря московской судебной палаты, а затѣмъ въ октябрѣ 1867 года онъ былъ выбранъ московскою городскою думою въ число участковыхъ столичныхъ мировыхъ судей. Съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе 25-ти лѣтъ постоянно избирался то участковымъ, то почетнымъ мировымъ судьею и до конца дней своихъ неразрывно связалъ свою судьбу съ московскимъ мировымъ институтомъ, преданный его интересамъ, раздѣляя съ нимъ его невзгоды и радости.

Съ 1872 г., отказавшись отъ болѣе выгодной въ матеріальномъ отношеніи должности члена московской городской управы, П. Н. принялъ избраніе своихъ товарищей на должность предсѣдателя съѣзда и занималъ эту должность въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, образуя въ своемъ лицѣ живую лѣтопись и вѣрное хранилище добрыхъ традицій московской мировой юстиціи. Стоя во главѣ мирового института, покойный П. Н. помимо обязанностей судьи несъ довольно важныя и сложныя административныя обязанности по поддержанію служебной дисциплины и по сношенію съ сторонними вѣдомствами и лицами. Доброта, природная мягкость и деликатность помогали ему удачно исполнять трудную обязанность—руководительства самостоятельной судебной корпораціей, для чего нужно не одно умѣнье приказывать, но и способность воздѣйствовать своимъ примѣромъ и нравственнымъ авторитетомъ. Безъ рѣзкихъ столкновеній съ товарищами и подчиненными, но безъ всякаго колебанія относительно требованій службы, умѣлъ П. Н. прекрасно выполнять эти щекотливыя и деликатныя функціи предсѣдателя новаго типа, установленныя впервые Судебными Уставами. Съ другой стороны, въ отношеніяхъ съ представителями администраціи и органами самоуправленія П. Н. много содѣйствовало знаніе жизни и тотъ житейскій тактъ, при отсутствіи котораго часто терпятъ неудачу люди вполнѣ безукоризненные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Будучи гласнымъ московской городской думы, П. Н. являлся живою связью между нею и однимъ изъ образцовыхъ ея учрежденій — миро-

выми установленіями, которыя не только не уступаютъ по своему благоустройству общимъ учрежденіямъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ, относительно матеріальнаго обезпеченія, даже превосходятъ ихъ. Теперешнее новое удобное помѣщеніе съѣзда, архива, новый наказъ и все вообще современное устройство, а отчасти подборъ персонала—совершились при дѣятельномъ участіи покойнаго П. Н., отличавшагося большими организаторскими способностями и энергіею, несмотря на свой довольно преклонный возрастъ. По иниціативѣ же П. Н. открытъ былъ предусмотрѣнный Судебными Уставами первый во всей Россіи совѣтъ судебныхъ приставовъ, дѣйствующій успѣшно съ 1875 г. [1]).

Но самая главная заслуга покойнаго Грекова заключается въ томъ, что онъ въ числѣ первыхъ дѣятелей мировой юстиціи способствовалъ выработкѣ того симпатичнаго типа, доступнаго, мягкаго, справедливаго „мирового“, который такъ полюбился народу съ первыхъ же дней открытія мирового суда. Именно съ введеніемъ этого института для П. Н. открылась возможность проявленія на пользу общества его дарованій и живыхъ общественныхъ инстинктовъ, привитыхъ воспитаніемъ и средой. Примкнувъ частью по родственнымъ связямъ (П. Н. былъ женатъ на двоюродной сестрѣ извѣстнаго гуманиста Н. В. Станкевича, друга Бѣлинскаго и Грановскаго), а также по складу ума и нравственнымъ симпатіямъ къ кружку Грановскаго и Кетчера, П. Н. принадлежалъ къ числу послѣднихъ эпигоновъ этого замѣчательнаго московскаго кружка людей сороковыхъ годовъ, имѣвшаго столь громадное вліяніе на русское общественно развитіе.

Гуманный идеалистъ, воспитанный въ школѣ Бѣлинскаго и Грановскаго, П. Н. долго, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, по окончаніи курса въ 1846 г. на философскомъ факультетѣ Харьковскаго университета не могъ найти настоящаго мѣста для общественнаго служенія. Съ введеніемъ же новыхъ судебныхъ учрежденій открылось поприще, отвѣчавшее его вкусамъ и наклонностямъ,—это именно былъ новый мировой институтъ. Если новыя судебныя учрежденія называютъ, и справедливо называютъ, школою гражданскаго воспитанія, то это названіе особенно идетъ къ мировому суду, который имѣетъ дѣло съ народною массою и съ ея мелкими повседневными нуждами и наподобіе начальныхъ элементарныхъ школъ разноситъ просвѣтительныя идеи его въ самые глубокіе слои народа. П. Н. принадлежалъ къ числу первыхъ піонеровъ, которые словомъ и дѣломъ проповѣдывали народу высокія идеи новаго суда,—суда праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ,—и тѣмъ стали возстановлять довѣріе народа къ суду, утраченное съ незапамятныхъ временъ.

---

[1]) См. Сборникъ „Двадцатипятилѣтіе москов. столичн. судебно-мировыхъ учрежденій“. М. 1891 г., стр. 165.

П. Н. имѣлъ всѣ данныя, чтобы достойно исполнить эту великую культурную миссію новаго суда и пріучить народъ къ сознанію его правъ и обязанностей, т.-е. къ сознанію его человѣческаго достоинства. Мягкій, терпѣливый, съ открытымъ лицомъ, съ симпатичною улыбкою на лицѣ—Грековъ умѣлъ своимъ простымъ и обходительнымъ обращеніемъ ободрить и участливо выслушать оторопѣвшаго маленькаго просителя, привыкшаго видѣть въ старой полицейской расправѣ лишь грозное начальство, умѣвшее только кричать, ругаться и драться [1]). Затѣмъ и самое разбирательство дѣла,—открытое, гласное, безпристрастное, равное для всѣхъ безъ различія сословій,—пріучило народъ къ сознанію, что и онъ можетъ надѣяться въ спорѣ съ богатымъ и сильнымъ на справедливую защиту новаго „мирового“. Это былъ громадный шагъ впередъ, бросившійся сразу всѣмъ въ глаза. Его не преминулъ отмѣтить въ своемъ первомъ министерскомъ отчетѣ о новомъ судѣ Д. Н. Замятнинъ. Удостовѣряя быстрое установленіе „всеобщаго довѣрія къ мировому институту“, онъ свидѣтельствовалъ, „что мировымъ судьямъ приносятъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія“ [2]). Если судебная реформа,—писалъ уже въ 1866 г. академикъ Безобразовъ,—вноситъ къ намъ дѣйствительное, живое право на мѣсто призрака права, то мировой судъ вноситъ право въ такую сферу отношеній, гдѣ *не существовало и призрака права*, даже понятія о возможности права“ [3]).

Эта великая заслуга первыхъ дѣятелей мирового суда, въ ряду которыхъ одно изъ почетныхъ мѣстъ принадлежало покойному Грекову, займетъ почетную страницу въ исторіи русской культуры. Всѣми силами служа четверть вѣка на скромномъ, но благородномъ посту мирового судьи, П. Н. имѣлъ на своемъ смертномъ одрѣ драгоцѣнное утѣшеніе сознавать значеніе принесенной отечеству пользы и завидное право сказать: „Я умираю спокойно: я всю жизнь служилъ тому, во что вѣрилъ“.

III.

П. Я. Александровъ.

† 11-го марта 1893 года.

Скончавшійся 11-го марта 93 г. извѣстный судебный дѣятель, петербургскій присяжный повѣренный Петръ Якимовичъ Александровъ, оста-

---

[1]) См. главу XII, стр. 486.

[2]) „*Журн. Министр. Юстиціи*“ 1867, № 5.

[3]) „*Русск. Вѣстн.*“ 1866, № 5.

вляетъ весьма замѣтный слѣдъ въ исторіи новаго суда. Смерть этого виднаго представителя идей новаго суда и мужественнаго служителя адвокатскому долгу составляетъ громадную потерю для русской адвокатуры.

Судебная карьера П. Я. дѣлится на двѣ половины. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ въ 1859 г., 21 года П. А. поступилъ въ судебные слѣдователи и дошелъ до должности товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента. Съ 1876 года онъ переходитъ въ петербургскую адвокатуру. На адвокатскомъ поприщѣ имя Александрова стало извѣстнымъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, благодаря громкому процессу Засуличъ, послѣ котораго онъ сдѣлался мишенью для „*Моск. Вѣдом.*“ и К°. Въ дѣятельности П. А. наиболѣе выдѣлялись двѣ крупныя черты, заслуживающія быть отмѣченными особо—это, во 1-хъ, замѣчательное трудолюбіе и до щепетильности тщательно изученіе дѣлъ и, во-2-хъ, столь важныя для судебнаго дѣятеля твердость убѣжденій и независимость характера.

Первую черту П. Я., можно сказать, унаслѣдовалъ отъ предковъ своихъ. Сынъ священника Орловской губерніи, онъ и по женской линіи происходилъ изъ духовнаго званія, изъ довольно извѣстнаго духовнаго рода Амфитеатровыхъ, давшаго церкви рядъ замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ извѣстнаго архіепископа Филарета, митрополита кіевскаго, коему П. Я. доводился внучатнымъ племянникомъ. Принадлежа по рожденію къ самому древнему и едва ли не къ самому стойкому слою русскаго культурнаго класса, покойный Александровъ закалилъ свой умъ и волю въ суровой школѣ старой семинарской школы. Что и говорить, жестока была ея ферула, формальна, суха и сурова была эта безжизненная схоластическая школа! Но зато, кто умѣлъ при богатыхъ дарованіяхъ уберечься отъ ея шлифующей и обезличивающей муштры, тотъ на всю жизнь сохранялъ пріобрѣтенную въ духовной школѣ гибкость умственнаго аппарата, если не стройность и содержательность, то логичность и строгость мышленія, а также настойчивость въ трудѣ. Эти немаловажныя качества помогали даровитымъ семинаристамъ дѣлаться выдающимися дѣятелями, на какое бы поприще ни забросила ихъ судьба. Явленіе это, хорошо извѣстное во Франціи, наблюдалось и у насъ: не даромъ всѣ почти наши философы и критики (Чернышевскій, Добролюбовъ) прошли духовную школу.

Изъ этой именно школы вынесъ Александровъ ту настойчивость въ трудѣ въ духѣ нѣмецкаго Ausdauer, замѣчательную по строгой продуманности и неотразимости логики, которая такъ поражала въ рѣчахъ этого нѣсколько сухого, но всегда строго-логичнаго оратора. И онъ самъ хорошо сознавалъ, кому и чему онъ обязанъ этими крупными чертами сво-

его замѣчательнаго и своеобразнаго ораторскаго искусства. Припоминая эпизоды семинарскаго воспитанія, П. Я. съ ужасомъ вспоминалъ господствовавшую въ ней систему безсмысленнаго „зубренія“ непонятныхъ формулъ. Чтобы избѣжать безпощадной „порки“, приходилось молодому семинаристу,—разсказывалъ Александровъ,—напрячь всѣ свои умственныя способности, чтобы добраться до смысла безсмысленно составленныхъ записокъ (учебниковъ въ то время не было). И вотъ это-то, хотя и безплодное по объекту примѣненія, но все-таки не безполезное умственное напряженіе въ связи съ пресловутыми „хріями“ выработало въ будущемъ знаменитомъ судебномъ ораторѣ ту умственную строгость и дисциплину, ту гибкость ума и саркастическую находчивость, которыми онъ былъ такъ страшенъ своимъ противникамъ.

На „большую“ публику, болѣе падкую на трескучіе эффекты, дѣловое краснорѣчіе Александрова не производило сразу того опьяняющаго, ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ безсодержательный пустоцвѣтъ риторики иныхъ „любимцевъ публики“. Чтобы понять и оцѣнить рѣчь Александрова, недостаточно было хватать налету блестки громкихъ фразъ, нужно было ее слушать сосредоточенно, со вниманіемъ и дослушать до конца. При первомъ дебютѣ П. Я. въ Москвѣ вначалѣ рѣчь его вызвала разочарованіе.—Такъ это Александровъ?—говорили разочарованные слушатели, привыкшіе съ самаго начала слышать наборъ витіеватыхъ метафоръ и шумиху блестковъ мишурнаго краснорѣчія. Но чѣмъ дальше подвигалась впередъ аргументація, чѣмъ глубже шелъ анализъ изложенныхъ въ строго систематическомъ порядкѣ мельчайшихъ подробностей дѣла, тѣмъ болѣе завладѣвалъ ораторъ вниманіемъ аудиторіи. И когда закончилась рѣчь, публика выражала сожалѣніе о томъ, что такъ скоро закончилась она, стараясь запомнить тѣ мѣткія характеристики, ѣдкія „экскурсіи“ (такова была „экскурсія“ въ область розги по дѣлу Засуличъ) въ область общественныхъ вопросовъ, которыми всегда была полна строго-логическая, остроумная, дѣловая рѣчь, полная изрѣдка добродушнаго юмора, чаще того, уничтожающаго сарказма и кусающейся иронiи, которая, по выраженію Герцена, „болѣе бѣситъ, нежели смѣшитъ“.

Про сарказмъ Александрова говорили, что онъ, какъ разрывная пуля, убиваетъ наповалъ. И это совершенно справедливо и объясняется очень просто. Такою сокрушительною силою своего слова Александровъ обязанъ былъ превосходному знанію дѣла, которое, по опредѣленію одного оратора, лучшее изъ краснорѣчій. Этотъ смѣло и непринужденно сыпавшій направо и налѣво колкими характеристиками ораторъ, не имѣвшій передъ собою ни письменной рѣчи, ни даже конспекта или короткихъ замѣтокъ, зналъ всѣ детали дѣла, какъ *никто* на судѣ. Слушанію дѣла всегда предшествовало у Александрова долгое и методическое изученіе, длившееся

днями, недѣлями. Прочитавъ нѣсколько страницъ производства, долго и тщательно обдумывалъ онъ обстоятельства дѣла, стараясь запечатлѣть ихъ въ своей изумительной по емкости памяти. Когда такимъ образомъ страница за страницею бывало *проштудировано* все дѣло, Александровъ, будучи полнымъ хозяиномъ всего слѣдственнаго производства, смѣло шелъ на бой, будучи убѣжденъ если не въ побѣдѣ, которую предрѣшить вообще невозможно, то въ своей неуязвимости. Зная такъ хорошо дѣло, онъ, какъ опытный стратегъ, прекрасно пользовался всѣми слабыми пунктами противной стороны, мѣтилъ вѣрно и всегда попадалъ своими „ядовитыми“ стрѣлами въ цѣль. Вотъ почему рѣчи его производили такое опустошительное дѣйствіе во вражескомъ лагерѣ. Сарказмъ Александрова былъ дѣловой, вытекающій изъ логики фактовъ, и не имѣлъ того искусственнаго характера жалкаго острословія, которымъ при незнаніи дѣла часто стараются скрасить свою рѣчь, въ видахъ „оживленія“, неискусные или лѣнивые ораторы.

Ораторская школа Александрова, совмѣщавшая въ себѣ хорошія стороны французскаго и англійскаго краснорѣчія, оставитъ глубокій слѣдъ въ русскомъ судебномъ краснорѣчіи. Рѣчи Александрова въ печати, благодаря своей содержательности, остроумію и логической стройности, читаются съ такимъ же удовольствіемъ и пользою, какъ слушались при изустномъ произнесеніи. Нужно думать, что не замедлитъ появиться сборникъ рѣчей этого своеобразнаго, первоклассnаго оратора, котораго корифей русской адвокатуры В. Д. Спасовичъ охарактеризовалъ такъ: „Александровъ былъ остеръ, какъ бритва, холоденъ, какъ ледъ, безстрашенъ, какъ герой!“

Другая черта въ дѣятельности Александрова, заслуживающая быть отмѣченною, какъ уже сказано, это его нравственная независимость и уваженіе къ собственному достоинству. Онъ всегда служилъ не лицамъ, а учрежденіямъ, имѣя руководствомъ ихъ знамя, присущій имъ духъ. Тридцатитрехлѣтняя судебная дѣятельность покойнаго почти поровну была подѣлена между коронною службою и адвокатурою. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, онъ служилъ одному и тому же дѣлу, хотя и въ разныхъ положеніяхъ, дѣлу своего убѣжденія, тому, что онъ считалъ справедливымъ и разумнымъ, и служилъ, не взирая ни на какихъ особъ, какъ выражается законъ.

Службу свою началъ П. Я. въ должности судебнаго слѣдователя еще при старомъ судѣ, но собственно настоящая судебная карьера его началась съ открытіемъ новаго суда въ 1866 г., когда онъ былъ назначенъ товарищемъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда. Черезъ полгода онъ уже былъ прокуроромъ псковскаго окружнаго суда, а черезъ три года—товарищемъ прокурора петербургской судебной палаты и за-

тѣмъ товарищемъ оберъ-прокурора Сената, откуда онъ смѣнилъ вышитый золотомъ мундиръ на скромный адвокатскій фракъ. Карьера, стало быть, довольно удачная, хотя и не отличающаяся такою головокружительной быстротою, какъ иногда дѣлали въ то время „лихачи“ судебной гвардіи, умѣющіе прислужиться кому нужно (одинъ изъ товарищей прокурора палаты въ три года успѣлъ нахватать чиновъ и орденовъ и—дослужиться до сенаторскаго курульнаго кресла).

Александровъ никому не кланялся и карьерою своею всецѣло обязанъ былъ себѣ, своимъ способностямъ и трудолюбію. Еще въ бытность его товарищемъ прокурора окружнаго суда онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе суда и начальства. Это было на зарѣ судебной реформы, когда обвинительная камера еще не успѣла превратиться въ инстанцію для „штемпелеванія“ обвинительныхъ актовъ. Акты эти вообще составлялись живо и тщательно, тѣмъ не менѣе акты Александрова обратили на себя особое вниманіе и печатались въ „*Судебномъ Вѣстникѣ*“ какъ chef d'oeuvre'ы.

Отставка Александрова произошла при характерныхъ обстоятельствахъ. Въ Сенатѣ шло засѣданіе по извѣстному литературному дѣлу редактора „*Петербургскихъ Вѣдомостей*“ Ватсона и фельетониста ихъ г. Суворина [1]). Заключеніе давалъ въ качествѣ товарища оберъ-прокурора Александровъ. Онъ съ большою энергіею и знаніемъ нападалъ на приговоръ судебной палаты, которая обвинила подсудимыхъ въ клеветѣ, хотя по дѣлу доказано было, что они недобросовѣстно были введены въ заблужденіе своимъ постояннымъ корреспондентомъ. Александровъ принялъ къ сердцу этотъ жизненный для печати вопросъ и горячо доказывалъ, что съ принятіемъ взгляда палаты для русской печати сдѣлается совершенно невозможнымъ выполненіе ея высокой общественной миссіи разоблачать злоупотребленія. Сенатъ по докладу М. Е. Ковалевскаго одобрилъ взглядъ Александрова, но зато его самого не одобрило его высшее начальство.

Изъ ближайшаго наградного списка имя Александрова было вычеркнуто. Онъ требовалъ удовлетворенія. Ему было въ томъ отказано. Какой остался выходъ? Или нужно было П. Я. молча преклониться предъ сужденіемъ начальства и, поступившись своимъ убѣжденіемъ, признать, что взглядъ начальства справедливъ въ силу іерархическаго превосходства, или, если онъ дѣйствительно имѣлъ твердыя убѣжденія, не жертвовать ими ради соображеній карьеры. Александровъ избралъ послѣдній путь.—„Мы съ вами служить не можемъ“,—сказалъ онъ,—и, выйдя въ отставку, перешелъ въ адвокатуру, гдѣ онъ разсчитывалъ найти больше независимости и возможности слѣдовать своимъ убѣжденіямъ.

Такая нравственная стойкость и вѣрность убѣжденіямъ у насъ была

---

[1]) См. Сборн. касс. рѣш. 1875, № 572.

явленіемъ совершенно новымъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ всецѣло духу судебной реформы. Судебная реформа, создавъ самостоятельную и независимую судебную власть, подняла значеніе нравственной личности не только среди несмѣняемой магистратуры, но и среди лучшей части прокуратуры, члены которой скорѣе предпочитали удалиться, нежели исполнить требованіе, несогласное съ ихъ убѣжденіемъ.

Въ этомъ отношеніи Александровъ являлся *типичнымъ* продуктомъ духа независимости, присущаго новому суду. „Дѣйствіе учрежденій,—писалъ въ 1861 г. одинъ изъ дѣятелей судебной реформы, извѣстный юристъ, бывшій профессоръ Московскаго университета, К. П. Побѣдоносцевъ,—зависитъ отъ людей; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ виду, что и люди *образуются въ духѣ* тѣхъ или другихъ учрежденій и что есть учрежденія, при дѣйствіи коихъ нельзя ждать развитія людей въ томъ направленіи и духѣ, которому учрежденія сіи не соотвѣтствуютъ“ [1]). Съ этой точки зрѣнія можно смѣло утверждать, что такая цѣльная личность и крупная индивидуальность, какъ Александровъ, немыслима была въ дореформенномъ судѣ, съ его приниженнымъ и обезличеннымъ судебнымъ персоналомъ, обязаннымъ раболѣпнымъ повиновеніемъ администраціи судебной и общей; и, напротивъ, появленіе такихъ независимыхъ дѣятелей, какъ Александровъ, вполнѣ соотвѣтствовало духу новыхъ судебныхъ учрежденій, предоставляющихъ, говоря словами того же юриста, „каждому дѣятелю выказать свою *личную духовную силу*, проявленіе которой служитъ самымъ могучимъ двигателемъ всякой дѣятельности и самымъ надежнымъ средствомъ образовательной дисциплины“ [2]).

Лебединою пѣснью Александрова была рѣчь въ процессѣ газ. „Новости“, разбиравшемся за три недѣли до его смерти. Всегда стоя за возможное расширеніе свободы слова, и въ послѣдней своей, замѣчательной по убѣдительности и красотѣ, рѣчи развивалъ свою любимую тему.

„Въ дѣлахъ о преступленіяхъ въ печати,—говорилъ онъ,—не въ примѣръ дѣламъ о другихъ общихъ преступленіяхъ, судья не можетъ замыкаться исключительно въ сферу уголовнаго кодекса; онъ въ силу необходимости и высшей справедливости долженъ быть политикомъ, какъ органъ общественный, отправляющій свои функціи въ соображеніи условій и потребностей общественной жизни. Не нужно долго жить, чтобы видѣть, какъ въ непродолжительные періоды измѣняются взгляды самой администраціи на дозволенное и недозволенное въ печати, какъ измѣняются въ этомъ отношеніи воззрѣнія общества, какъ видоизмѣняется примѣненіе

---

[1]) См. записку К. П. Побѣдоносцева въ т. XIII, ч. 3-й, Дѣла о преобраз. судебн. части въ Россіи, стр. 1.

[2]) См. тамъ же, стр. 2.

закона, хотя онъ самъ и остается тѣмъ же, не имѣя возможности поспѣвать за всѣми этими измѣненіями. Если обличеніе зла,—продолжалъ П. Я.,—обнаруженіе явленій противозаконныхъ или просто вредныхъ для общественности имѣетъ право въ печати; если оно является однимъ изъ необходимѣйшихъ и наиболѣе сильно дѣйствующихъ средствъ общественной дезинфекціи, то ему долженъ быть данъ соотвѣтственный просторъ, должны быть приняты въ расчетъ и неизбѣжность ошибокъ, и нѣкоторая неполнота доказательства истинности напечатаннаго оглашенія. Такъ и понимаетъ это наша еще молодая въ дѣлахъ печати судебная практика".

Коснувшись просимаго обвинителемъ увеличенія наказанія, Александровъ пустилъ одну изъ своихъ ядовитыхъ стрѣлъ: „Я, по крайней мѣрѣ, троихъ изъ господъ обвинителей знаю, какъ людей вполнѣ добродушныхъ,—говорилъ онъ,—и не вѣрю, чтобы они желали увеличенія наказанія. Я думалъ это и раньше; это подтвердилъ сегодня и представитель обвиненія А. В. Михайловъ, сказавшій, что, прося объ увеличеніи наказанія, они хлопочутъ только о возстановленіи *симметріи* между мотивами суда и резолютивной частью приговора. Слѣдовательно, дѣло идетъ объ *апелляціонномъ парадѣ*. Для симметріи просятъ накинуть четыре мѣсяца тюрьмы. Вотъ что значитъ художественный вкусъ и любовь къ красотѣ линій!! Такъ это крѣпость, воздвигнутая противъ насъ, на которую бы мы полѣзли и старались бы разрушить! Пусть она такъ и остается, какъ памятникъ парада".

Переходя къ вопросу о мотивахъ „преступленія", Александровъ говорилъ, между прочимъ:

„Господа судьи! съ большимъ волненіемъ я хочу сказать вамъ, что я не въ силахъ бороться на почвѣ этихъ обвиненій, выставленныхъ противъ г. Нотовича. Я человѣкъ *стараго времени*, я принадлежу началомъ моей дѣятельности къ первымъ годамъ судебной реформы. Я проникнутъ традиціями того времени, а въ то время всякая непорядочность въ преніяхъ удалялась, и чистоплотность и порядочность преній считались однимъ изъ лучшихъ украшеній суда. Мнѣ не по сердцу, не по вкусу, не по характеру, не по силамъ принимать борьбу на этой почвѣ—изслѣдовать мотивы, которыми руководствовался писатель, излагая ту или другую статью. Да развѣ преступленіе печати представляютъ такія крупныя преступленія, по которымъ нужно еще рыться въ душѣ писателя и искать, почему онъ писалъ ту или другую статью? Развѣ мотивъ статьи можетъ имѣть вліяніе на опредѣленіе наказанія? Умыселъ—да, это необходимый элементъ клеветы, но мотивъ не имѣетъ значенія. Публика привыкла судить писателя по его тенденціи, по его образу мыслей и судить объ извѣстномъ фактѣ по содержанію статьи, по ея основательности, не отыскивая мотивовъ, въ разслѣдованіи которыхъ можно запутаться, какъ въ лабиринтѣ.

И въ концѣ-концовъ, я думаю, пусть ужъ лучше наши публицисты будутъ получать, въ видѣ ли объявленій, въ видѣ ли чего другого, то вознагражденіе, которое въ видѣ платы за publicité обнаруживалось въ послѣднее время въ дружественной намъ державѣ въ такомъ яркомъ видѣ".

Съ большою сердечностью простилась петербургская адвокатура съ своимъ знаменитымъ сочленомъ, который и мертвый, какъ справедливо говорилось въ одной изъ надгробныхъ рѣчей, будетъ живымъ примѣромъ безтрепетнаго служенія благородной миссіи защиты.

IV.

Н. С. Тихонравовъ.

† 27 ноября 1893 г.

27-го ноября скончался одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета, ординарный академикъ Николай Саввичъ Тихонравовъ. — Огромныя заслуги его предъ наукою такъ безспорны и давно всѣми признаны [1]), что ихъ не рѣшаются оспаривать и политическіе противники покойнаго [2]). Но и помимо чисто научныхъ заслугъ въ спеціальной области исторіи литературы, языкознанія и археологіи въ дѣятельности Н. С. есть сторона, которая, по вѣрному замѣчанію Н. Г. Чернышевскаго, при оцѣнкѣ заслугъ собственно для *русскаго* ученаго имѣетъ едва ли не больше значенія, чѣмъ служеніе интересамъ чистой науки.

Въ статьѣ, посвященной разбору сочиненій Грановскаго, названный критикъ ставитъ ему въ особую чрезвычайную заслугу то, что человѣкъ такого выдающагося ума и таланта пожертвовалъ для русскаго просвѣщенія личною славою великаго ученаго; въ интересахъ его онъ взялъ на себя не громкую, но благородную роль: служить потребностямъ апатичнаго русскаго общества, будить въ немъ любознательность и для этого передавать ему выводы европейской науки и развивать сочувствіе къ высшимъ человѣческимъ интересамъ [3]).

Ученикъ Грановскаго, Тихонравовъ, поставленный въ болѣе счастливыя условія для научной дѣятельности, чѣмъ учитель, тоже не забывалъ общественныхъ обязаностей, лежащихъ на русскомъ ученомъ. Плебей,

---

[1]) См. „*Вѣстникъ Европы*" 1894, № 1, некрологъ, составленный А. Н. Пыпинымъ.

[2]) Даже у „*Москов. Вѣдом.*" и патентованнаго представителя обскурантизма „*Гражданина*" не хватило духа отрицать научныя заслуги Тихонравова.

[3]) См. Замѣтки о современной литературѣ. Спб., 1894, стр. 330, 331.

сынъ калужскаго мѣщанина, Тихонравовъ,—завоевавъ [1]), благодаря своимъ выдающимся способностямъ и содѣйствію другого плебея, сына дворовaго, проф. М. П. Погодина, право слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ, право на рѣдкое, незамѣнимое счастье непосредственно воспріять воодушевленное слово [2]) и очарованіе личности великаго учителя, Грановскаго, — не забылъ его общественно-воспитательныхъ завѣтовъ.

Педагогическая дѣятельность Тихонравова началась около половины 5-хъ годовъ, почти на рубежѣ того перелома, который постепенно сталъ сказываться во всѣхъ отрасляхъ русской жизни общественной съ начала царствованія Александра II.—Н. С. въ это время былъ учителемъ словесности въ одной изъ московскихъ гимназій. Схоластическая долбня стараго хлама риторики и допотопной эстетики и оцѣпенѣніе страха, составлявшія отличительныя черты дореформенной школы, уступили мѣсто живымъ бесѣдамъ, устраивать которыя былъ такой мастеръ Н. С. Подъ его талантливымъ руководствомъ уроки словесности, ограничивавшіеся дотолѣ зубреніемъ текстовъ и писаніемъ хрій, превратились въ завлекательныя бесѣды, которыхъ не могли наслушаться ученики, когда предъ воспріимчивымъ ихъ умомъ мастерское изложеніе впервые открывало имъ и силы русской прозы, и гармонію русскаго стиха, и изящество построенія образцовъ русской словесности, а главное ихъ духовно-нравственное содержаніе, предъ которымъ они раньше проходили безучастно, равнодушно. Пушкинскій стихъ тутъ впервые сталъ будить въ русской школѣ „добрыя чувства“, Гоголевскій „смѣхъ сквозь незримыя слезы“ впервые сталъ шевелить въ русскомъ юномъ поколѣніи незасоренныя рутиною гражданскія человѣческія чувства. Гимназическіе уроки Тихонравова, какъ видно изъ появившихся впослѣдствіи воспоминаній учениковъ его, глубоко запечатлѣлись въ ихъ сердцѣ.

Наканунѣ объявленія воли русское общество и правительство, какъ

---

[1]) Подъ вліяніемъ революціи 48-го года потерявшая голову реакція бросилась на университеты. „Наши псевдогосударственные мужи,—писалъ И. А. Валуевъ,—не знаютъ, за что взяться. Иные придумываютъ *сумасбродныя* распоряженія; Д. П. Бутурлинъ, напр., совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи“ („*Русс. Стар.*“ 1891, № 4, стр. 172).—Вандальскій планъ Бутурлина не былъ принятъ, но комплектъ въ 300 человѣкъ былъ объявленъ. Благодаря объявленію комплекта въ 1849 г., Тихонравовъ не могъ попасть въ Московскій университетъ и только впослѣдствіи. обративъ на себя вниманіе своими литературными работами, былъ переведенъ по ходатайству Погодина изъ педагогическаго института въ университетъ (См. н. статью Пыпина).

[2]) Чернышевскій въ помянутой статьѣ отмѣчаетъ, что воспитательное вліяніе Грановскаго проявлялось не однѣми лекціями, но и устными разговорами и т. п. до-гуттенберговскими средствами воздѣйствія (стр. 333—334).

извѣстно, были охвачены лихорадочною, „неистовою“, по выраженію Унковскаго, преобразовательною и просвѣтительною дѣятельностью:

Вижу въ прошломъ, будто нынѣ
Пробужденье въ насъ сознанья—
Словно выходъ изъ пустыни...
Сколько въ высь и ширь стремленій.
Но задержекъ сколько вмѣстѣ!

Однимъ изъ симпатичнѣйшихъ стремленій въ высь было охватившее всю интеллигенцію увлеченіе къ распространенію въ народѣ грамотности. Подъ припѣвъ благороднаго девиза:

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!

стали повсюду открываться общедоступныя воскресныя школы, гдѣ рядомъ съ бородатымъ степеннымъ старикомъ не рѣдкость было встрѣтить безусаго юношу, а то и мальчугана. Если этою модою увлекались даже великосвѣтскія дамы, пріѣзжавшія въ каретахъ, съ лакеями на запяткахъ, въ воскресныя школы себя показать и людей посмотрѣть, то нечего и говорить, что Тихонравовъ, сумѣвшій при „работѣ головой“, вопреки смѣлому обобщенію одного новѣйшаго мудреца, сохранить и здоровыя общественныя симпатіи, былъ сильно заинтересованъ этимъ небывалымъ порывомъ къ просвѣщенію. Самъ сынъ народа, самъ имѣвшій счастье достигнуть вершинъ знанья, могъ ли онъ, какъ иные педанты, такъ увлечься „палеями“, „духовными стихами“, чтобы не замѣтить этого великаго движенія къ свѣту и знанію:

И окрыленный мыслью животворной,
О, ты начнешь невольно вспоминать
О долѣ смертныхъ темной и ничтожной!
Взирая сверху, будетъ невозможно
Тебѣ, счастливому, не пожелать,
Чтобъ братьевъ, пресмыкающихся долу,
Свѣтъ истины скорѣй освободилъ.

Тихонравовъ сталъ во главѣ московскихъ воскресныхъ школъ. Находясь въ центрѣ многочисленнаго кружка образованныхъ молодыхъ людей, изъ коихъ многіе были учениками и слушателями его, Н. С. сразу обнаружилъ свой выдающійся административный талантъ, организовавъ превосходно дѣло обученія и общественнаго контроля. Увлекаясь самъ, увлекая другихъ, онъ возлагалъ большія надежды на это благодатное начинаніе первостепенной важности. Но, къ несчастію, служеніе молодежи на благое просвѣщеніе быстро прекратилось. Кое-гдѣ замѣчены были попытки политической пропаганды, чему несказанно обрадовались

крѣпостники и обскуранты. Рѣшено было закрыть всѣ школы безъ разбора: разсердившись на блохъ, да шубу въ печь!

Оставляя въ сторонѣ обширную профессорскую дѣятельность Тихонравова, въ которой онъ, подобно своему великому наставнику, дѣйствовалъ не только университетскими лекціями, но также и „до-гуттенберговскими“ способами, и о которой слушатели его сохранили самыя трогательныя воспоминанія [1]), мы коснемся вскользь дѣятельности Н. С., какъ выборнаго ректора, по уставу 63 года, имѣющей прямое отношеніе къ предмету настоящей книги.

Едва ли можно указать другого ректора, который въ такой степени вѣрно понялъ и стойко осуществилъ функціи этой полуадминистративной, полуакадемической должности, какъ Тихонравовъ. Какъ главный администраторъ разнообразныхъ, особенно многочисленныхъ въ Московскомъ университетѣ, хозяйственныхъ отраслей, Тихонравовъ съ рѣдкимъ вниманіемъ и любовью вникалъ во всѣ мелочи хозяйственнаго управленія.

Но самою главною задачею ректорскаго служенія Н. С. считалъ поднятіе авторитета науки, охрану университетской автономіи, твердую неукоснительную защиту въ интересахъ свободы академической и въ точныхъ границахъ закона, какъ правъ университетской коллегіи въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ членовъ ея. Одинъ изъ недостатковъ стараго дореформеннаго университетскаго режима состоялъ въ томъ, что, благодаря неопредѣленности границъ попечительской власти, она мало-по-малу узурпировала почти всю власть совѣтовъ (см. выше, главу IV, § 3). Университеты, благодаря господствовавшей въ дореформенное время безхарактерности, или, какъ выразился Салтыковъ, „атласистости души“ и „удивительной способности таять и обращаться въ сырость, умерщвляющую всякую самостоятельность“, не имѣли ни желанья, ни способности и умѣнья, ни мужества отстаивать свои *законныя права* [2]). Новый уставъ 1863 г. гораздо точнѣе опредѣлъ границы попечительской власти. Однако, не довольствуясь отмежеванною властью, учебная администрація дѣлала попытки расширить свою власть въ сторону loci minimae resistenciae, повторяя по старой традиціи: „се мое, а се *мое же*“. Вотъ противъ та-

---

[1]) Въ февральской книгѣ „*Историческаго Вѣстника*“ за 1894 годъ напечатаны крайне любопытныя воспоминанія бывшаго студента С. о „чаяхъ“ и бесѣдахъ въ скромной и холодной квартирѣ Тихонравова на Остоженкѣ.

[2]) О „якобы правахъ“ дореформеннаго времени Салтыковъ пишетъ въ „Признакахъ времени“: „Слабомысловъ исправникъ у насъ былъ: проси, говоритъ, у меня милости—отца роднаго съѣмъ, а будешь, говоритъ, по закону требовать, а тѣмъ паче по естеству—шабашъ! Потому, естество—оно глупо. По естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ того не написано, ну, и шабашъ. А ты проси милости—и дастся“. (Соч. II, 199). См. выше, стр. 473.

кихъ незаконныхъ захватовъ и боролся, подобно предшественнику своему знаменитому историку Соловьеву, и Тихонравовъ съ изумительною выдержкою, непоколебимою твердостью, которую можетъ дать только твердое сознанье правоты и значенія отстаиваемыхъ правъ. И съ такою стойкостью, доходящею порою до сухого формализма, до упрямаго ригоризма послѣдовательно отстаивалъ ректоръ Тихонравовъ, какъ в блюститель университетской автономіи, всѣ права, предоставленныя закономъ совѣту и ректору. Когда Н. С. укоряли въ склонности къ формализму, то онъ неизмѣнно отвѣчалъ словами, напоминавшими изреченіе англійскаго юриста Блакстона: законныя формальности—это налогъ, который мы платимъ для охраненія нашей свободы.

Въ одной изъ своихъ знаменитыхъ актовыхъ рѣчей весьма наглядно пояснилъ онъ значеніе академической свободы [1]), дарованной университетамъ Уставомъ 1863 г. Говоря о дѣятельности Соловьева, Тихонравовъ припомнилъ слова Карамзина, что должность профессора, какъ недостаточно самостоятельная, „неблагопріятна для таланта“. Сославшись затѣмъ на монументальный трудъ профессора Соловьева, выношенный имъ, можно сказать, въ аудиторіяхъ университета подъ сѣнью либеральнаго Устава 1863 г., Н. С. утверждалъ, что мнѣніе Карамзина было опровергнуто Соловьевымъ: „онъ былъ, говорилъ Н. С., много лѣтъ опорою университетской коллегіи, во главѣ которой стоялъ охранителемъ ея правъ, благодаря которымъ профессорская должность перестала быть неблагопріятною для таланта и ученыхъ изысканій“ [2]).

Замѣтимъ, кстати, что упомянутыя выше актовыя рѣчи, вносившія значительную степень оживленія въ шаблонный ритуалъ университетскихъ актовъ, были нововведеніемъ, сдѣланнымъ самимъ Тихонравовымъ и прекратившимся съ его удаленіемъ. Въ этихъ рѣчахъ онъ умѣло группировалъ, съ должными поясненіями, важнѣйшія событія ихъ университетской жизни за истекшій годъ. Эти своеобразныя рѣчи,—которыя Н. С. произносилъ съ большимъ мастерствомъ, несмотря на свой глухой голосъ и легкое пришепетываньe; съ умѣлыми подчеркиваніями и многозначительными паузами; съ глубокимъ и искреннимъ воодушевленіемъ несмотря на внѣшнюю оффиціальную холодность выраженія своего серьезнаго, нѣсколько одутловатаго лица; съ едва уловимой усмѣшкой на устахъ, несмотря на всю наружную безстрастность этой могучей, затянутой въ ректорскій мундиръ фигуры,—производили на слушателей сильное впечатлѣніе. Покойный московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долго-

---

[1]) См. выше, въ главѣ IV отзывъ проф. А. Н. Пыпина.

[2]) См. Отчетъ о состояніи И. московскаго университета, составленный и читанный на актѣ 12 января 1880 г. Н. С. Тихонравовымъ, стр. 12.

руковъ, который не прочь былъ порой разыграть роль мецената, первый спѣшилъ навстрѣчу сходящему съ каѳедры среди грома рукоплесканій торжествующему, сіяющему представителю университета и долго и крѣпко жалъ ему руку. Особенный фуроръ произвелъ Тихонравовъ своею замѣчательно искусною рѣчью, произнесенною на актѣ 12 января 1879 года подъ впечатлѣніемъ похода, предпринятаго Катковско-Любимовскою кликою противъ Устава 63-го года и особенно усилившихся незадолго передъ тѣмъ столкновеній съ попечителемъ учебнаго округа княземъ Мещерскимъ, который также присутствовалъ на актѣ.

Въ рѣчи своей Н. С. напомнилъ о знаменитомъ попечителѣ гр. С. Г. Строгановѣ временъ Грановскаго, вводившемъ уставъ 1835 г. и видѣвшемъ въ немъ не средство для стѣсненія университетской автономіи, а напоминаніе о покровительствѣ научнымъ интересамъ. Затѣмъ Н. С. прочелъ поданный университетомъ адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее: „многіе изъ членовъ Совѣта знаютъ о попечительствѣ вашемъ по преданію, но эти преданія живы и всегда останутся такими; пребываніе ваше среди насъ является лучшимъ временемъ для университета. Вы сами, графъ, были носителемъ того священнаго преданія, по которому лучшіе русскіе люди, сильные по своему положенію и средствамъ, высоко ставили интересъ науки и считали для себя честью и обязанностью служить имъ съ патріотическимъ усердіемъ. Вы вполнѣ уяснили себѣ „значеніе“ попечителя въ отношеніи къ университету, значенье *охранителя его интересовъ*. Преданность великому дѣлу просвѣщенія, неутомимая забота объ усиленіи нравственныхъ средствъ университета высказались въ первыхъ же дѣйствіяхъ вашихъ. Университетъ увидалъ въ васъ „настоящаго“ попечителя, и дружно пошла общая работа съ обновленными силами; тутъ всякія формальныя отношенія должны были исчезнуть предъ полнымъ довѣріемъ къ лицу, имѣвшему въ виду одно благо университета, предъ полнымъ уваженіемъ къ мнѣнію этого лица, знавшаго, изучившаго средства каждаго, значеніе, заслугу каждаго. Своимъ вниманіемъ къ дѣятельности членовъ университета вы незамѣтно, естественно стали нравственнымъ его „средоточіемъ“. При общей дружной дѣятельности попечителя не могло быть вопроса „о нашемъ и вашемъ“, не могло быть вопроса о правахъ, когда прежде всего видѣли въ попечителѣ самое честное исполненіе обязанностей. Вотъ почему, графъ, время вашего попечительства является такимъ свѣтлымъ временемъ въ исторіи Московскаго университета, и Совѣтъ не можетъ не обратиться къ вашему сіятельству съ изъявленіемъ искренней признательности за это время“. [1]).

Н. С. прочелъ этотъ адресъ дрожащимъ голосомъ и съ обычнымъ своимъ

---

[1]) „*Русскія Вѣдомости*“, 1879 г., № 14.

умѣньемъ подчеркивать:—публично воздано было suum cuique, и всякій, имѣющій уши слышати, понялъ, въ чей огородъ бросались камешки, направленные тонко и, съ оффиціальной точки зрѣнія, безусловно корректно и вѣжливо. Врагу не пожелаешь провести такой тяжелый un quart d'heure de Rabelais, какой провелъ кн. Мещерскій, вынужденный выслушать, съ понуренною головою, подъ сосредоточеннымъ взглядомъ тысячной публики эти честныя и смѣлыя напоминанія представителя науки о силѣ закона, о правахъ разума,— это нравственное возмездіе со стороны, „чуда изъ божьихъ чудесъ“, по вдохновенному выраженію стиха К. Аксакова,—*свободнаго слова*:

Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!

Считая себя обязаннымъ, какъ стражъ, поставленный на посту довѣріемъ университетской коллегіи, охранять всѣ права ея, Н. С., какъ сказано, стойко отстаивалъ права ея членовъ на почвѣ строгой законности. Былъ случай, что попечитель кн. Мещерскій потребовалъ отъ Тихонравова экземпляръ лекціи профессора М. М. Ковалевскаго. Въ отвѣтъ на это требованіе онъ, въ свою очередь, требовалъ у попечителя указанія статьи устава, которая оправдывала бы этотъ шагъ. Это, конечно, былъ формализмъ, потому что лекціи профессора не трудно бы достать, и онѣ сами по себѣ не заключали ничего противозаконнаго, но всякій пойметь, что Н. С. защищалъ въ данномъ случаѣ подъ видомъ формы очень важное по содержанію начало академической свободы. Благодаря своему твердому и строго законному образу дѣйствій, Н. С. умѣлъ внушить даже и высшему своему начальству такое уваженіе, что однажды оно, добиваясь какой-то незаконной льготы для своего великосвѣтскаго протеже, тщательно домогалось, чтобы Тихонравовъ не узналъ, отъ кого идетъ ходатайство.

Съ особенною силою это высокое уваженіе къ праву сказалось въ одномъ изъ послѣднихъ дѣйствій Тихонравова, въ возбужденіи извѣстнаго „катковскаго“ процесса о старой недоимкѣ въ 33.000 р. за аренду *„Московскихъ Вѣдомостей“*. Если тутъ прямо не было задѣты матеріальные интересы Московскаго университета, то задѣтъ былъ духовный интересъ, достоинство университета, представитель котораго не могъ и не считалъ себя вправѣ пройти равнодушно мимо явленія, гдѣ видѣлъ явное нарушеніе закона и интересовъ казны въ угоду сильнаго частнаго лица. Сопротивленіе безправью,—говоритъ знаменитый юристъ Игерингъ,—есть нравственная обязанность правообладателя по отношенію къ себѣ и *долгъ* по отношенію къ обществу. Исходя изъ этихъ побужденій, Тихонравовъ передалъ на обсужденіе гласнаго суда долго волновавшій общество вопросъ

о недоимкѣ М. Н. Каткова, хорошо зная, какъ опасна съ нимъ борьба (еще въ 60-хъ годахъ, когда вліяніе Каткова было не очень сильно, онъ поручалъ передать И. С. Тургеневу, покинувшему „*Русскій Вѣстникъ*“, что онъ долженъ знать, какъ опасно имѣть его, Каткова, противникомъ). Не вина Тихонравова, если дѣло это не было доведено до конца и прекращено было по требованію высшаго начальства [1]) раньше, чѣмъ правосудіе сказало слово.

---

[1]) Вотъ вкратцѣ исторія этого знаменитаго Катковскаго дѣла. Въ 1875 г. М. Н. Катковъ возобновилъ съ правленіемъ Московскаго университета контрактъ на аренду „*Московскихъ Вѣдомостей*“, университетской типографіи и казенныхъ объявленій за 74.000 р. въ годъ. За первыя двѣ статьи плата вносилась аккуратно, а за послѣднюю накопилось съ 1870–1873 г. недоимки по первому контракту болѣе 21.669 р. (см. записку о недоимкахъ по контракту на арендаторѣ „*Москов. Вѣд.*,“ стран. 2). Недоимка эта имѣла такое происхожденіе. Въ контрактѣ былъ пунктъ, по которому Катковъ имѣлъ право просить о сбавкѣ арендной платы, если бы былъ изданъ *новый законъ*, сокращающій число казенныхъ объявленій. Хотя такого закона не было создано, однако Катковъ ежегодно самовольно сталъ вычитывать изъ арендной платы за объявленія сумму тѣхъ объявленій, *которыя неправильно*, по его мнѣнію, миновали „*Московскія Вѣдомости*“ и появлялись въ „*Правительственномъ Вѣстникѣ*“. Такое явно неправильное съ юридической точки зрѣнія пониманіе контракта было допущено съ молчаливаго дружескаго попустительства университета во время ректорства пріятеля и единомышленника Каткова и Леонтьева С. И. Баршева. Министерство финансовъ давно требовало взысканія этой недоимки. Была даже высочайшая резолюція на отчетѣ Государственнаго контролера съ требованіемъ окончанія этого дѣла, но министерство народнаго просвѣщенія—при графѣ Д. А. Толстомъ, питавшемъ сыновнюю почтительность къ Каткову (Никитенко, Дневникъ 101, 118), довольствовалось простою отпискою, а то и вовсе ничего не отвѣчало. Такъ, въ Запискѣ Тихонравова по этому дѣлу приводится справка, что на представленіе правленія университета о взысканіи недоимки отъ 1 мая 1875 г. до времени составленіи Записки, т.-е. ноября 1880 г., стало быть въ теченіе пяти съ половиною лѣтъ, попечитель Московскаго учебнаго округа кн. Мещерскій *ничего* не отвѣчалъ (стр. 13). Со вступленіемъ въ ректорство С. М. Соловьева, а потомъ Тихонравова, помянутые вычеты (за недоставленныя объявленія) прекратились, несмотря на настойчивыя домогательства Каткова. Въ печати подняли шумъ о недоимкахъ Каткова и, чтобы доказать *гласно* свою *правоту*, въ 1880 г. Катковъ предъявилъ искъ въ судъ къ правленію университета въ 2.996 р. о зачетѣ напечатанныхъ на эту сумму объявленій. Университетъ, отвергая всецѣло искъ Каткова, предъявилъ встрѣчный искъ о вышеуказанной недоимкѣ, что съ процентами составило болѣе 33.000 руб. Послѣ этого Катковъ перемѣнилъ тактику и сталъ доказывать, что 1) дѣло о недоимкѣ подсудно администраціи, а не суду, и 2) что оно уже рѣшено ею!! Два года тянулось дѣло, но и то, и другое возраженіе Каткова, было отвергнуто какъ московскимъ окружнымъ судомъ, такъ и московскою судебною палатою. Тогда Катковъ во избѣжаніе скандала сталъ хлопотать о прекращеніи дѣла во что бы то ни стало. На 7-е мая 1882 г. назначено было въ московскомъ окружномъ судѣ засѣданіе для слушанія дѣла по существу, но оно не состоялось. Правленіе университета вынуждено было прекратить встрѣчный искъ и

Въ вышеупомянутой рѣчи о Соловьевѣ, говоря объ его глубокомъ уваженіи къ университетскому самоуправленію и къ Уставу 63-го года, Н. С. между прочимъ привелъ слѣдующія его прекрасныя слова, сказанныя имъ въ день столѣтняго юбилея Московскаго университета: „Учрежденіе живетъ полною жизнью, процвѣтаетъ, когда присущій ему *духъ* силенъ, когда даетъ себя чувствовать и въ совокупныхъ дѣйствіяхъ членовъ учрежденія, и въ поведеніи каждаго. Когда же преданіе забывается, духъ слабѣетъ, учрежденіе клонится къ упадку, тогда люди, ревностные къ славѣ учрежденія, стараются воскресить преданіе, возвратить его къ первоначальной чистотѣ“.

Такимъ ревнителемъ славы Московскаго университета былъ стойкій охранитель его автономіи Н. С. Тихонравовъ, вездѣ и всегда преслѣдовавшій одну цѣль: защиту достоинства и независимости университетской корпораціи, интересовъ свободной науки, этого, по выраженію Ломоносова, „добра великаго, безопаснаго, постояннаго, добра всѣмъ любезнаго, кромѣ упрямыхъ невѣждъ и злобныхъ варваровъ, добра всѣмъ радостнаго, кромѣ завистниковъ благополучія нашего, добра по всей вселенной на подобіе солнца сіять и все освѣщать достойнаго“. Аминь!

отказаться отъ возраженій противъ иска Каткова вслѣдствіе предписанія министра народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря графа Делянова, рѣшившаго въ удовлетвореніе ходатайства повѣреннаго Каткова, присяжнаго повѣреннаго Моисея Гольденвейзера, искъ его довѣрителя „подлежащимъ разсмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія, коему ближе извѣстны всѣ *мотивы* (sic), послужившіе основаніемъ для редакціи того или другого параграфа контракта и разъясняющіе *точно* ихъ смыслъ“, а самое „требованіе Каткова подлежащимъ удовлетворенію“.— Любопытно отмѣтить „хлонологическія“ совпаденія: въ 1881 г. и особенно съ 1882 г. послѣ столкновеній Каткова съ новыми судебными установленіями, нападки и инсинуаціи его противъ судебныхъ установленій и Судебныхъ Уставовъ достигли неслыханнаго озлобленія и дерзости, доходившей до обвиненія судей въ государственныхъ преступленіяхъ, какъ раньше, послѣ забаллотированія совѣтомъ Московскаго университета alter ego Каткова, нѣжно любимаго друга его П. М. Леонтьева, началась безпощадная травля университетскаго Устава 1863 г., доносы на неблагонамѣренность университетскаго начальства, а затѣмъ обычное безстыдное сальто-мортале этого софиста-публициста, который съ пѣною у рта сталъ доказывать необходимость подчиненія университетовъ административной опекѣ, зловредность коей онъ такъ краснорѣчиво доказывалъ предъ составленіемъ Устава 1863 г. (см. главу IV, §§ 3 и 4). Въ панегирикѣ, напечатанномъ въ августовской книгѣ *„Русскаго Вѣстника“* 1897 г. къ 10-тилѣтію смерти Каткова, кн. Н. П. Мещерскій писалъ: „я внутренно смѣялся, когда до меня доходили отзывы недоброжелателей (старавшихся побольнѣе меня уязвить), что попечитель не я, а Павелъ Михайловичъ или Михаилъ Никифоровичъ! Какая наивность! Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ руководили тогда не Московскимъ округомъ, а совмѣстно и согласно съ графомъ Толстымъ и съ прямого одобренія государя вообще дѣломъ просвѣщенія“.

V.

А. М. Унковскій.

† 20-го декабря 1893 г.

Послѣ непродолжительной болѣзни скончался въ Петербургѣ въ ночь на 20-е декабря 1893 г. знаменитый дѣятель крестьянской реформы присяжный повѣренный петербургскаго судебнаго округа, Алексѣй Михайловичъ Унковскій. Выше, во II главѣ, отмѣчена въ общихъ чертахъ [1]) самоотверженная дѣятельность А. М. въ качествѣ тверского губернскаго предводителя дворянства при отмѣнѣ крѣпостного права. Тутъ мы ограничимся лишь краткою характеристикою А. М. какъ адвоката.

Услуги, оказанныя Унковскимъ нашей молодой адвокатурѣ, громадны, можно сказать, неисчислимы. Одно уже вступленіе въ 1866 году лица съ такимъ славнымъ и извѣстнымъ на всю Россію прошлымъ, каково было прошлое А. М., сообщило молодому институту сразу необыкновенный блескъ и нравственную привлекательность. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ званіе ходатая, привыкшаго защищать всякую ложь и недобросовѣстныя ухищренія, было такъ зазорно, что ни одинъ *порядочный* и уважающій себя человѣкъ не брался за ходатайство по дѣламъ [2]). И вдругъ въ ряды молодой присяжной адвокатуры вступаетъ такой человѣкъ, какъ А. М. Унковскій, не только имѣвшій почетную репутацію въ качествѣ публициста и юриста [3]), но пріобрѣвшій громкую всероссійскую извѣстность своею честною, мужественною, истинно-благородною дѣятельностью на пользу народа по должности тверского губернскаго предводителя дворянства во время освобожденія крестьянъ (см. выше, глава II), а затѣмъ по освобожденіи крестьянъ прославившійся своею безкорыстною и истинно-доблестною дѣятельностью уже въ качествѣ защитника крестьянъ по спорамъ ихъ съ помѣщиками. Въ этой скромной, но въ высшей степени плодотворной роли, которую съ любовью привѣтствовала симпатизирующая народу пресса [4]), А. М. Унковскій какъ бы предвосхищалъ тотъ образъ честнаго и мужественнаго служенія идеѣ правды и закона, который былъ начертанъ

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ книгѣ моей: „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. М., 1894 г.

[2]) См. ст. Деппа въ „*Журн. Мин. Юст.*“ 1861 г. № 12.

[3]) А. М. Унковскій помѣщалъ статьи въ 60-хъ годахъ въ „*Современникѣ*“ Некрасова и „*Русск. Вѣстн.*“ и выпустилъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько капитальныхъ юридическихъ сочиненій: 1) Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ, Уильза. 2) Руководство въ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ, Миттермайера. 3) Его же уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ и проч.

[4]) См. „*Отечественныя Записки*“ 1862 г., № 9 и 11.

и частью осуществленъ впослѣдствіи судебною реформою. Но служеніе А. М. народному дѣлу продолжалось не долго. Высокопоставленныя лица, встревоженныя его въ высшей степени успѣшною практикою [1]), благодаря которой крестьяне успѣвали отстоять земли, купленныя на имя помѣщиковъ и впослѣдствіи ими присваиваемыя, добились того, что Унковскому, къ которому стали обращаться крестьяне за защитою изъ разныхъ губерній, была воспрещена практика. Уже одно вступленіе человѣка съ такимъ нравственнымъ ореоломъ въ ряды новой адвокатуры, говоримъ мы, служило къ *реабилитаціи* адвокатской профессіи, относительно которой даже въ нашихъ высшихъ судебныхъ сферахъ, частью по предубѣжденію, частью по недомыслію, существовали самыя дикія представленія, по коимъ адвокатура являлась какъ бы организованною защитою безчестныхъ домогательствъ [2]). Другія имена, одновременно съ А. М. внесенныя въ списокъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, быть можетъ, сообщали адвокатской корпораціи больше научнаго авторитета, но ни одно не говорило такъ громко и внушительно о вѣрности нравственному и гражданскому долгу, о безкорыстномъ и неуклонномъ служеніи долгу и народному дѣлу.

Вся свыше двадцатипятилѣтняя адвокатская карьера Унковскаго была вѣрнымъ служеніемъ этому знамени. Вся она была однимъ длиннымъ, безпрерывнымъ рядомъ осуществленія программы новой адвокатуры, которая, по замыслу творцовъ Судебныхъ Уставовъ, является однимъ изъ важныхъ и незамѣнимыхъ факторовъ для раскрытія судебной правды. Да, именно раскрытія, а не затемненія правды, какъ это ни покажется страннымъ нынѣшнимъ зоиламъ адвокатуры или тѣмъ изъ фальшивыхъ и опасныхъ друзей ея, которые все назначеніе адвокатуры сводятъ къ воспособленію торжеству формальной, т.-е. мнимой, правды.

Несмотря на то, что А. М. Унковскій больше чѣмъ кто-нибудь другой

---

[1]) Въ этихъ дѣлахъ были заинтересованы кн. Меншиковъ, графиня Сантисъ, графъ Д. А. Толстой (впослѣдствіи мин. внутр. дѣлъ) и др. Въ очень интересныхъ запискахъ С. И. Носовича (Крестьянская реформа въ Новгородской губ., СПБ. 1900 г.) отмѣчается чрезвычайная популярность Унковскаго, портретъ котораго, по его словамъ, можно видѣть почти въ каждомъ домѣ. Указывая не разъ на неоднократныя попытки новгородскихъ дворянъ и даже мировыхъ посредниковъ къ осложненію Положенія въ крѣпостническомъ направленіи, выгодномъ для помѣщиковъ, г. Носовичъ пишетъ о тверскихъ дворянахъ, что они думаютъ не о барщинѣ, а о выкупѣ, и въ совершившейся реформѣ видятъ путь къ политическому перевороту въ Россіи и желаютъ достиженія идеала истины и справедливости какъ въ самихъ себѣ, такъ въ обществѣ и правительствѣ (стр. 7).

[2]) См. замѣчаніе оберъ-прокурора Н. П. Семенова въ т. LIX „Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи“ и статью его „Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ прцессѣ“ въ „*Русск. Вѣстн.*“ 1859 г., мартъ.

поработалъ для проведенія въ жизнь принциповъ честной адвокатуры, извѣстность его, какъ адвоката, далеко не можетъ итти въ сравненіе съ славою нѣкоторыхъ безпринципныхъ корифеевъ адвокатуры, которые, благодаря услужливой рекламѣ, умѣли стяжать себѣ и своей корпораціи не мало мишурнаго блеска и дешевыхъ лавровъ, но не мало и принесли ей вреда. Находясь постоянно на виду у всѣхъ, эти безъидейные дѣльцы и шаловливые баловни счастья не мало способствовали паденію репутаціи адвокатуры въ глазахъ понимающихъ людей и не мало способствовали своимъ дурнымъ примѣромъ деморализаціи адвокатской молодежи.

Положимъ, иные изъ такихъ бойкихъ дѣльцовъ, пользующихся громкою извѣстностью, но имѣющихъ далеко незавидную репутацію въ кругу товарищей и судей, ближе знакомыхъ съ ихъ дѣятельностью, привыкли объяснить сѣренькое, съ нравственной точки зрѣнія, реноме свое злословіемъ и завистью недоброжелателей. Пусть въ этомъ есть доля правды. Но отчего же однако есть среди адвокатуры люди ума и таланта, скромные, честные труженики, которые давно уже подвизаются съ честью на адвокатскомъ поприщѣ, но чистаго имени которыхъ не смѣетъ коснуться никакое злословіе и зависть.

Къ такимъ скромнымъ, но свѣтлымъ и чистымъ знаменитостямъ принадлежалъ и А. М. Унковскій, имя котораго, какъ адвоката, едва ли даже и было извѣстно за чертою с.-пѣтербургскаго судебнаго округа. Частью по врожденной ему скромности, частью по роду своей спеціальности, какъ цивилистъ, Унковскій извѣстенъ, помимо обширнаго круга своей петербургской кліентелы, только въ кругу товарищей и въ судебномъ мірѣ. Уголовною практикою занимался Унковскій почти только въ качествѣ оффиціальнаго защитника по назначенію суда, но всегда исполнялъ эту святѣйшую изъ обязанностей адвоката съ добросовѣстностью, преданностью и жаромъ, котораго не могли остудить ни бремя лѣтъ, ни профессіональная рутина.

Но прочно установившуюся репутацію талантливаго, знающаго и честнѣйшаго адвоката Унковскій пріобрѣлъ главнымъ образомъ своею гражданскою практикою. Уже одно принятіе Унковскимъ извѣстнаго дѣла,—говорилъ одинъ изъ судей,—создаетъ praesumptio juris въ его пользу и почти равносильно выигрышу дѣла въ одной инстанціи. Чтобы заслужить такое исключительное довѣріе, да еще въ качествѣ цивилиста, нужна исключительная добросовѣстность и нравственная щепетильность въ выборѣ дѣлъ.

Гражданскій процессъ, который весь вращается „около денегъ“, представляетъ особенныя опасности для адвоката, у котораго можетъ незамѣтно для него самого затуманиться отъ ихъ нездоровыхъ испареній нравственное чутье и видѣніе. Кромѣ того, частью благодаря запутан-

ности нашего гражданскаго законодательства и кассаціонной практики, частью благодаря тому одностороннему бытовому освѣщенію, при которомъ обыкновенно видитъ адвокатъ дѣло при принятіи его, онъ иногда бываетъ затрудненъ въ распознаніи правды. Исходя изъ этого общеизвѣстнаго, но далеко не ежедневнаго факта, иные юристы приходятъ къ фатальному заключенію, что адвокатъ долженъ вполнѣ игнорировать нравственную сторону дѣла и довольствоваться одною внѣшнею законностью. А иначе, говорятъ они, для него создается безвыходное положеніе ввиду *неопредѣленности* нравственнаго принципа, такъ какъ одна де нравственность по сю сторону Пиринеевъ, другая по ту [1]).

Славная двадцатипятилѣтняя абсолютно чистая адвокатская дѣятельность Унковскаго воочію убѣждаетъ, что адвокату съ чуткою совѣстію ни существованіе Пиринеевъ и Валдайскихъ горъ, ни запутанность законодательства не создаютъ неодолимыхъ препятствій къ честному исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго согласно требованіямъ профессіональной этики... Конечно, отъ такихъ „трудовъ праведныхъ“ не наживешь палатъ каменныхъ (Унковскій былъ похороненъ на средства товарищей и ничего семьѣ не оставилъ, кромѣ небольшого родового имѣнія въ Тверской губ.), но вѣдь цѣлью изданія Судебныхъ Уставовъ и, стало быть, учрежденія присяжной адвокатуры вовсе не было во что бы то ни стало помочь осуществленію этой мечты дѣльцовъ. Водвореніе „правды“ на судѣ и внушеніе спасительнаго „страха“ плутамъ, болѣе или менѣе ловкимъ обходомъ законовъ стремящихся обратить судъ въ орудіе обмана,— вотъ къ чему стремились творцы новаго суда. Такъ именно опредѣляетъ задачу новаго гражданскаго суда бывшій товарищъ по профессіи Унковскаго и членъ одесской судебной палаты, впослѣдствіи пом. статсъ-секр. Госуд. Совѣта и оберъ-прокуроръ гражд. кассац. департамента А. Л. Боровиковскій, въ своей замѣчательной книгѣ „Отчетъ судьи“ [2]), и этой именно задачѣ служилъ въ теченіе всей своей продолжительной адвокатской карьеры Унковскій.

Значеніе ея такимъ образомъ опредѣляется само собою. А. М. Унковскій не умозрительными теоретическими доводами, а фактомъ всей своей многолѣтней дѣятельности доказалъ лживость пагубнаго ученія, будто отправленіе адвокатуры несовмѣстимо съ требованіями честности и нравственности. Знаменитый французскій юристъ Молло говоритъ: si le style est tout l'homme, la probité est tout l'avocat (какъ по стилю узнается человѣкъ, такъ и по степени честности узнается адвокатъ). Если это такъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что А. М. Унковскій былъ въ пол-

---

[1]) См. брошюру г. Невѣдомскаго: „Вѣчные (?) вопросы адвокатуры“. М. 1886 г.

[2]) См. т. I, стр. 229.

номъ и лучшемъ смыслѣ слова въ числѣ *первыхъ* русскихъ адвокатовъ, такъ какъ едва ли кто превзошелъ его въ строгомъ слѣдованіи правиламъ честности.

Къ чести петербургской адвокатуры нужно сказать, что она всегда умѣла цѣнить выдающіяся нравственныя и умственныя качества своего знаменитаго сочлена. Съ перваго же года своего вступленія въ петербургскую адвокатскую корпорацію А. М. Унковскій входилъ въ составъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ то въ качествѣ его члена, то въ качествѣ предсѣдателя. Съ 1885 г. А. М. вышелъ по болѣзни изъ состава Совѣта, но и за всѣмъ тѣмъ добрыя традиціи, образовавшіяся въ немъ въ первые годы его дѣятельности, до сихъ поръ сохраняютъ силу и обезпечиваютъ ему первое мѣсто среди другихъ совѣтовъ, охраняя его отъ тѣхъ нездоровыхъ увлеченій, отъ которыхъ не уберегліись другіе, какъ, наприм., въ антиеврейской травлѣ.

Дѣятельность покойнаго А. М. Унковскаго, безспорно, займетъ лучшую страницу въ исторіи не только петербургской, но и вообще русской адвокатуры. При тѣхъ печальныхъ явленіяхъ, которыхъ не мало наблюдается въ современной адвокатской практикѣ, взоръ общественнаго наблюдателя съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія останавливается на такихъ личностяхъ, какъ А. Н. Для справедливаго сужденія о современной русской адвокатурѣ слѣдуетъ имѣть въ виду и помнить не только тѣ темныя и грязныя низины, до которыхъ адвокатура иногда опускается, но и тѣ свѣтлыя и чистыя вершины, до которыхъ она хоть изрѣдка поднимается. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ ихъ имѣть въ виду, что лица, достигающія этихъ вершинъ, по своей скромной и некрикливой дѣятельности не стоятъ на виду и почти вовсе не извѣстны въ большой публикѣ.

VI.

Н. Х. Бунге.

† 3-го іюня 1895 года.

3-го іюня 1895 г. внезапно умеръ предсѣдатель Комитета Министровъ, бывшій министръ финансовъ, извѣстный экономистъ, заслуженный профессоръ Николай Христіановичъ Бунге. Онъ являлъ собою рѣдкій у насъ примѣръ государственнаго человѣка, соединявшаго съ практическимъ опытомъ солидную научную подготовку и твердость какъ въ принципахъ экономической политики и политическихъ убѣжденій, такъ и въ правилахъ практической морали.

Большую часть своей жизни (съ 1847 г. по 1880-й) Н. Х. посвятилъ университетской наукѣ, занимая въ кіевскомъ университетѣ каѳедру финансоваго права. Но еще ранѣе, еще въ первые годы своей профессуры, Бунге принималъ участіе въ законодательныхъ работахъ, выдвинутыхъ эпохою великихъ реформъ. Онъ участвовалъ въ качествѣ члена Редакціонной Коммиссіи въ крестьянской реформѣ, занимаясь главнымъ образомъ вопросомъ о выкупной операціи. Въ Коммиссіи онъ примыкалъ по общимъ вопросамъ къ болѣе прогрессивной части ея и былъ изъ числа тѣхъ, которые подали голосъ за изгнаніе изъ волостного суда тѣлесныхъ наказаній (см. выше стр. 225).

Кромѣ того, онъ былъ членомъ Коммиссіи, составлявшей проектъ Университетскаго Устава (см. стр. 251) и, само собою разумѣется, стоялъ за самое широкое университетское самоуправленіе. До 1880 г. дѣятельность Бунге носила главнымъ образомъ научно-литературный характеръ: помимо занятій по каѳедрѣ, онъ выпустилъ рядъ монографій, пользующихся авторитетомъ среди спеціалистовъ [1]), три трехлѣтія онъ выбирался ректоромъ, при чемъ всегда съ достоинствомъ умѣлъ охранять права университета отъ посторонніхъ притязаній и поддерживать среди студентовъ порядокъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ въ трудное время конца 70-хъ годовъ. Въ Кіевѣ же онъ управлялъ мѣстной конторою государственнаго банка.

Съ 1880 г. открылось для Бунге болѣе высокое поприще государственной дѣятельности. Это была пора временнаго мимолетнаго возрожденія при графѣ Лорисъ-Меликовѣ вѣяній эпохи великихъ реформъ, которую столпы реакціоннаго лагеря окрестили безсознательно столь почетнымъ и трогательнымъ эпитетомъ „диктатуры сердца“ [2]). Министерство финансовъ перешло въ руки единомышленника графа Лорисъ-Меликова—А. А. Абазы. Какъ всегда, либеральное оживленіе сопровождалось нѣкоторымъ подъемомъ авторитета науки и общественной мысли насчетъ рутины и всегда самодовольной, всезнающей бюрократіи. Нѣтъ того чиновника министерства финансовъ, который, нося извѣстное число лѣтъ мундиръ этого министерства и занимая кресло въ одномъ изъ департаментовъ на Мойкѣ, не считалъ бы себя обладателемъ интеллектуальнаго ценза, достаточнаго

---

[1]) О возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи. Кіевъ. 1877. О возстановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи. Тамъ же въ 1878. О соляномъ акцизѣ и пр.

[2]) Біографъ гр. Лорисъ-Меликова, извѣстный д-ръ Н. А. Бѣлоголовый (см. дальше), передаетъ, что графъ гордился этою „кличкою“, данною Катковымъ, и справедливо завѣрялъ, что лучшей эпитафіи не желалъ бы для себя („*Русск. Стар.*“, 1889, № 8).

для поста министра. Знакомства съ наукою, а тѣмъ болѣе обладанія опредѣленными научными воззрѣніями на основные вопросы финансовой и экономической науки не спрашивается, потому что въ періодъ господства безъидейнаго эмпиризма, пробавляющагося, по выраженію проф. Рѣдкина, „кунстштюками изо дня въ день“, какимъ именно былъ періодъ 70-хъ годовъ, наука „не въ авантажѣ обрѣтается“. Съ 1880 г. сталъ замѣчаться нѣкоторый поворотъ къ лучшему, и какъ разъ въ это время А. А. Абаза счелъ нужнымъ избрать своимъ товарищемъ извѣстнаго своими учеными трудами экономиста и скромнаго провинціальнаго чиновника финансоваго вѣдомства—профессора Н. Х. Бунге. Это былъ едва ли не первый случай публичнаго оказательства должнаго уваженія наукѣ возвышеніемъ служителя ея до высшаго административнаго ранга, предназначеннаго, по стародавнимъ традиціямъ, исключительно для представителей родовой знати или высшей бюрократіи.

Вступленіе Бунге въ министерство финансовъ знаменовало явный поворотъ въ направленіи дѣятельности этого министерства. Рутина и косность, усиленное обложеніе и такъ непосильно обремененной народной массы безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, энергичная работа станка для печатанія бумажныхъ денегъ, съ игнорированіемъ послѣдствій ея для экономическаго будущаго Россіи—такова была финансовая система до Бунге, если только отсутствіе финансовой системы можетъ быть названо системою. По справедливому замѣчанію вполнѣ компетентнаго историка и критика финансовой политики Бунге, только при немъ *въ первый разъ въ области финансовой политики Россіи совершилось правильное примѣненіе началъ, указываемыхъ наукою финансоваго права,—пониженіе налоговъ съ неимущихъ классовъ населенія* [1]).

Первыми шагами этой новой раціональной финансовой программы были, состоявшіяся еще при Александрѣ II въ бытность Бунге товарищемъ министра, важныя мѣры: законъ 1880 г. объ отмѣнѣ обременительнаго для народа налога на соль и указъ 1-го января 1881 г. объ изъятіи изъ обращенія 400 мил. кредитныхъ рублей, положившій конецъ пагубной слабости,—напоминающей морфиноманію,—неограниченному выпуску кредитныхъ билетовъ [2]).

---

[1]) См. превосходныя статьи г. Стараго Профессора — „Замѣчательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ“ въ *„Журналѣ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества“*, 1895, февраль, стр. 112.

[2]) Помянутый почтенный ученый, говоря объ этой мѣрѣ, отмѣчаетъ, что независимо отъ значенія этой мѣры, какъ средства для возстановленія металлическаго обращенія, она имѣла громадныя послѣдствія, давъ государственному банку преобладающее положеніе на денежномъ рынкѣ и прекративъ дальнѣйшій выпускъ кредитныхъ билетовъ. Тамъ же, 102.

Съ назначеніемъ въ 1881 г. Бунге министромъ финансовъ онъ получилъ возможность болѣе или менѣе послѣдовательно проводить свою благородную и благодарную программу улучшенія финансовъ не путемъ возвышенія обложенія и безъ того обремененной „податной“ массы, а путемъ поднятія народнаго благосостоянія. Несмотря на наступившую рѣзкую реакцію противъ принциповъ эпохи реформъ почти во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, финансовое вѣдомство, дотолѣ имъ чуждое, стало впервые проводить ихъ въ жизнь. Отсюда рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью облегчить подавляющее податное бремя бѣднѣйшей части населенія и улучшить экономическое положеніе крестьянъ, для облегченія которыхъ ровно ничего не было сдѣлано въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ послѣ ихъ освобожденія.

Закономъ 28 декабря 1881 г. исправлена была одна изъ крупныхъ ошибокъ крестьянской реформы и понижены выкупные платежи съ крестьянъ, чѣмъ снято было съ крестьянъ тяжелыхъ взысканій до 12 мил. руб. Закономъ 14 мая 1883 г. постепенно отмѣнялась старая татарская подушная подать. Благодаря этой благой мѣрѣ, необходимость коей признавалась еще въ XVIII вѣкѣ, но передъ которой въ безсиліи останавливались финансисты-эмпирики, съ бѣднѣйшей части народа снято было бремя 41-го милліоннаго налога, а манифестомъ 15 января 1889 г. сложена была недоимка этого налога въ 28 мил. руб. Несмотря на противодѣйствіе все болѣе и болѣе входившей въ силу реакціи, открытъ былъ въ 1883 г. крестьянскій банкъ для устраненія давно уже замѣченнаго среди крестьянъ малоземелья. Облегчая неимущихъ, Бунге дѣлалъ первыя попытки къ переложенію части ихъ бремени на людей состоятельныхъ, встрѣчая ожесточенное противодѣйствіе со стороны реакціонной прессы съ Катковымъ во главѣ. Поземельный налогъ съ городскихъ имуществъ былъ возвышенъ на 50%, впервые были введены налоги: на наслѣдство и вообще безвозмездные переходы имуществъ; сдѣлана была попытка введенія подоходнаго налога установленіемъ налога на доходы съ капиталовъ, дополнительнаго раскладочнаго съ купцовъ сбора соразмѣрно ихъ доходамъ и 3-хпроцентнаго съ акціонерныхъ и паевыхъ предпріятій. Не касаясь другихъ мѣръ, отмѣтимъ введеніе въ 1883 г. фабричной инспекціи, имѣвшей цѣлью защитить рабочихъ и въ особенности дѣтей и женщинъ отъ безпощадной эксплоатаціи предпринимателей и тѣмъ внести лучъ свѣта въ это истинно-темное царство.

Какъ ни значительны сами по себѣ услуги, оказанныя Н. Х. Бунге запущеннымъ русскимъ финансамъ, но для правильной оцѣнки этихъ услугъ нужно принять во вниманіе тѣ исключительно неблагопріятныя условія, при которыхъ проявлялась преобразовательная дѣятельность его. Общество, и безъ того не очень твердое въ принципахъ, подъ ошеломля-

ющимъ впечатлѣніемъ потрясающаго событія 1-го марта пришло въ замѣшательство, пользуясь которымъ „властители думъ“ того времени вродѣ М. Н. Каткова, кн. Мещерскаго и К° стали съ неслыханнымъ нахальствомъ отрицать и порицать все, что дорого для культурнаго человѣчества: начало законности, равноправность гражданъ, самостоятельность суда, самоуправленіе, свободу печати, пользу грамотности и самую науку.

Проникнувшись принципами дореформенныхъ ябедниковъ Перегоренскихъ, съ ихъ „правдистикою, патріотистикою и монархоманіею“ [1]), эти новѣйшіе Перегоренскіе съ жестокою безцеремонностью и съ рѣдкимъ безстыдствомъ травили, какъ краснаго звѣря, всякаго, осмѣлившагося не пѣть въ унисонъ этому, захлебывавшемуся отъ собственной благонамѣренности хору спасателей отечества и монополистовъ „правдистики“. Особенно отличался на этомъ крикливомъ, но безславномъ поприщѣ противоестественнаго, по справедливому выраженію кн. В. П. Вяземскаго, превращенія литературы въ сыскной застѣнокъ, помѣшанный на собственномъ величіи пресловутый Катковъ, даже на зарѣ литературной карьеры, въ лучшую пору своей дѣятельности обнаруживавшій какое-то неодолимое, врожденное влеченіе, родъ недуга, къ литературному сыску [2]). Въ половинѣ 80-хъ годовъ эта патологическая страсть въ связи съ обуявшею Каткова маніей величія достигла своего апогея, избравъ своимъ объектомъ, помимо литературы, и всѣ государственныя учрежденія, не угодившія Каткову. Не только суды, но и Сенатъ и Государственный Совѣтъ безъ стѣсненій онъ обвинялъ въ преслѣдованіи *антиправительственной* политики, считая себя и своихъ присныхъ единственными правовѣрными глашатаями ея. „*Московскія Вѣдомости*“, давно уже сдѣлавшіяся органомъ именитой плутократіи, съ яростью напали на Бунге за то, что онъ не раздѣлялъ ихъ сумасбродной теоріи о пользѣ неограниченнаго печатанія бумажныхъ денегъ, за то, что онъ осмѣлился ввести для охраны рабочихъ фабричную инспекцію, а также и за введеніе налога на наслѣдства, на процентныя бумаги и акціонерныя предпріятія, и вообще за мѣры, имѣвшія цѣлью хоть нѣкоторое облегченіе обремененной, обездоленной народной массы [3]).

---

[1]) Салтыковъ.—Сочин. I, 290.

[2]) Съ обычнымъ своимъ наглымъ высокомѣріемъ и смѣхотворнымъ самомнѣніемъ Катковъ еще въ 1861 г. писалъ относительно своихъ литературныхъ противниковъ такія возмутительныя своимъ неприличіемъ строки: „мы не откажемся отъ своей доли *полицейскихъ* (sic) *обязанностей въ литературѣ* и постараемся *помогать* добрымъ людямъ въ изловленіи безпутныхъ *бродягъ и воришекъ* въ интересахъ *дѣла и чести* (!) (см. „*Русс. Вѣст.*“, 1861 № 1).

[3]) „*Московск. Вѣдомости*“, 1884 г. № 218, 1886, №№ 12, 33.—Г. Картавцевъ въ своемъ интересномъ біографическомъ очеркѣ объ отношеніяхъ Бунге къ Каткову,

Не довольствуясь обсужденіемъ мѣропріятій министерства финансовъ,—которое, несмотря на всю свою грубость и злостность, все-таки имѣло хоть тѣнь литературной критики,—Катковъ, по обыкновенію своему, не церемонился залѣзать въ чужую душу, и, послѣ достодолжнаго розыска въ ней, новѣйшій Перегоренскій прямо причислялъ Бунге къ числу неблагонадежныхъ либераловъ, втайнѣ преслѣдующихъ антиправительственныя цѣли. Вотъ что, напр., писалъ „литературный Аракчеевъ“ въ одной изъ возмутительныхъ своихъ діатрибъ, обвиняя Бунге въ образованіи антиправительственной партіи. „Это партія,—форменно доносилъ Цицеронъ со Страстного бульвара, изобличая новаго Катилину,—это партія, или, точнѣе сказать, коалиція партій и разныхъ честолюбій, потерпѣвшая пораженіе въ день 29-го апрѣля 1881 года. Судя по заявленіямъ ея органовъ, по ея корреспонденціямъ въ иностранной печати (слышите, куда метнулъ беззастѣнчивый сикофантъ?!), наконецъ, по ходу дѣлъ, ясному для имѣющихъ очи, она вовсе не считаетъ себя побитою. Она только посторонилась, но не оставила поля; она только уступила на время, какъ она полагаетъ, нѣкоторыя позиціи, но удержала другія, дающія ей возможность не только наблюдать за дѣлами, но и дѣятельно вмѣшиваться въ нихъ. Дѣло въ томъ, что партія, состоящая въ оппозиціи къ нынѣшнему режиму, увѣрена, что имѣетъ своихъ ревнителей и вождей въ высшихъ учрежденіяхъ. Органы этой партіи сами, съ удивительнымъ цинизмомъ, признаютъ очевидную, впрочемъ, несостоятельность нѣкоторыхъ мѣръ, въ одно и то же время порицая и отстаивая (?) ихъ. На почвѣ 29-го апрѣля все должно-де итти не къ лучшему, а къ худшему. И вотъ эта-то партія, прежде возлагавшая надежды на народное просвѣщеніе, юстицію и финансовое управленіе, потомъ только на двѣ послѣднія, теперь же главнымъ образомъ возлагаетъ ихъ только на послѣднее, имѣющее въ своемъ вѣдѣніи жизненныя силы страны“ [1]).

нѣкогда близкихъ, сообщаетъ слѣдующее: „когда Катковъ изъ либерала-англомана и фритредера сдѣлался представителемъ крайностей національнаго, проповѣдникомъ самаго неограниченнаго административнаго произвола въ ущербъ законности и глашатаемъ исключительныхъ интересовъ крупной промышленности, Бунге сталъ воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ нимъ.—Когда Бунге сдѣлался министромъ, Катковъ предложилъ ему поддержку своей газеты, лишь бы онъ гарантировалъ рядъ мѣръ въ области таможенной политики. Бунге отклонилъ это предложеніе, говоря, что не вѣритъ прочности соглашенія съ противникомъ по кореннымъ вопросамъ государственнаго управленія, хотя бы они и не касались финансовъ, и ожидаетъ болѣе отъ поддержки слабыхъ единомышленниковъ, но оставшихся вѣрными своему направленію, нежели отъ могущественнаго трибуна, но человѣка многократно смѣнявшаго основныя воззрѣнія свои („*Вѣст. Езр.*“, 1897, № 5, стр. 33).

[1]) „*Москов. Вѣдомости*“, 1886, № 56.

Что же дѣлалъ министръ Бунге въ отвѣтъ на подобныя литературныя произведенія, имѣющія, какъ выражались во времена Булгарина и Греча, всѣ свойства „юридическихъ бумагъ“?

Всѣ эти голословныя и злостныя діатрибы „литературнаго временщика“, которыя теперь послѣ смерти и преслѣдуемаго, и нападающаго въ такомъ незавидномъ свѣтѣ рисуютъ образъ послѣдняго,—Бунге переносилъ спокойно и никогда не стремился для охраненія престижа своей власти зажать ротъ зазнавшемуся публицисту. Н. Х. отвѣчалъ на непозволительныя выходки Каткова путемъ печати, считая ниже своего достоинства обращеніе къ административному преслѣдованію или другимъ закулиснымъ средствамъ борьбы, на которыя былъ такъ падокъ его противникъ. Можетъ быть, ни въ чемъ такъ не сказалось благородство души, рѣдкое самообладаніе и истинный либерализмъ этого просвѣщеннаго государственнаго человѣка, какъ въ этомъ неуклонномъ уваженіи къ свободѣ печати даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ жертвою недостойнаго злоупотребленія ею. Эта черта очень рѣдкая, а потому очень цѣнная, свидѣтельствующая о высокой культурности Бунге. На словахъ немногіе противъ свободы печати, но чуть она задѣнетъ ихъ дѣйствительныя или мнимыя погрѣшности или убѣжденія, сейчасъ всѣ на дыбы. Цензоръ Никитенко въ „Дневникѣ“ своемъ упоминаетъ, что всѣ министры въ 60-хъ годахъ стояли за свободу печати; они просили Валуева только объ одномъ: „оградить ихъ собственное вѣдомство“. И дѣйствительно, привычка спокойно выслушивать критику составляетъ достояніе только истинно культурныхъ людей, и въ этомъ отношеніи Бунге образомъ своихъ дѣйствій стоитъ не только выше многихъ министровъ (какъ напр., П. А. Валуевъ, гр. Д. А. Толстой), но и литераторовъ по профессіи, какъ Катковъ, который, самъ не останавливавшійся ни передъ чѣмъ въ своихъ наглыхъ нападкахъ, не разъ призывалъ громы цензурные даже на связанную по рукамъ и ногамъ провинціальную безцензурную печать!..

Такое спокойное и благожелательное отношеніе со стороны Бунге даже къ явно-недобросовѣстной печатной критикѣ объясняется, помимо благодушія, его высокимъ политическимъ развитіемъ и качествами истиннаго человѣка науки, которыя въ немъ такъ счастливо соединялись и сохранились въ полной силѣ и свѣжести до самыхъ послѣднихъ дней жизни его. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ его превосходныя senilia, его послѣдній литературный трудъ „Очерки политико-экономической литературы“, ставшія его лебединою пѣснью. — Многіе ли изъ нашихъ государственныхъ людей способны на 74-мъ году жизни сохранить такую свѣжесть мысли, такую любовь къ знанію, чтобы, какъ писалъ Бунге въ предисловіи, въ „работѣ мысли искать отдыхъ и находить въ ней особую прелесть“? Нельзя безъ удовольствія читать эти бодрящія,

чистыя мысли честнаго труженика науки, который могъ ошибаться, какъ и всякій другой ученый, но котораго огромный нравственный авторитетъ зиждился на томъ, что онъ не былъ способенъ для угожденія сильнымъ міра сего, по соображеніямъ карьеры или въ угоду торжествующимъ модным теченіямъ, (см. выше стр. 239)—словомъ „примѣнительно къ подлости“, говоря языкомъ Салтыкова, поступиться интересами науки, измѣнить тому, что онъ признавалъ за истину. Всю жизнь ища истину, Бунге хорошо зналъ, какъ трудно ея достиженіе, а потому въ наше безпринципное время приспособленія науки къ дѣйствительности, какъ бы она ни была безобразна, особенно внушительно звучатъ почти замогильныя предостереженія маститаго ученаго противъ „иллюзіи всепримиряющихъ ученій“.

Какъ всѣ люди fin de siècle, долго жившіе, много видѣвшіе и много думавшіе, Бунге, наблюдавшій на своемъ вѣку не мало крушеній разныхъ грандіозныхъ доктринъ, естественно не былъ чуждъ скептицизма относительно ихъ прочности и долговѣчности. Но это былъ здоровый, благожелательный, терпимый скептицизмъ, потому что въ основѣ его не лежало человѣконенавистническое, безчестное, болѣе или менѣе искусно замаскированное стремленіе осѣдлать науку ради интересовъ минуты, а естественное раздумье человѣка съ широкимъ кругозоромъ, много видѣвшаго и ясно понявшаго ограниченность человѣческаго знанія. Но, признавая ограниченность преходящихъ доктринъ, полувѣковой служитель науки далекъ былъ отъ мысли отрицать, подобно современнымъ, невѣжественнымъ реакціоннымъ ученымъ приспѣшникамъ, основныя истины наукъ. „Въ каждой наукѣ,—говоритъ Бунге, есть *незыблемыя истины*: такъ, уваженіе нравственнаго *достоинства человѣка*, его личности, понятія о долгѣ и связанной съ послѣднимъ отвѣтственности принадлежитъ къ числу тѣхъ аксіомъ, которыя облегчаютъ для насъ вѣрное пониманіе явленій общественной жизни“.

Подъ этимъ великимъ, гуманно-освободительнымъ знаменемъ, выставленнымъ еще Бѣлинскимъ и Грановскимъ, полвѣка подвизался Бунге и всего за нѣсколько недѣль до своей смерти, во имя этого славнаго знамени, успѣлъ оказать дѣлу народнаго просвѣщенія не громкую, но цѣнную услугу, отстоявъ хоть не надолго Комитеты грамотности.

Это и есть то славное „знамя науки“, подъ которымъ симпатичный поэтъ Плещеевъ, завидѣвъ зарю святого искупленія, призывалъ: шествовать впередъ безъ страха и сомнѣнія.

Подъ сѣнью этого знамени, освѣщавшаго тернистый путь всѣхъ искреннихъ дѣятелей преобразовательной эпохи, долго подвизался Бунге и притомъ подвизался не только въ то время, когда легко было плыть по теченію, но и тогда, когда, съ перемѣною направленія вѣяній, отстали-

бывшіе соратники, ставшіе самыми неистовыми гонителями прежнихъ своихъ убѣжденій. Самая крупная заслуга Бунге въ томъ, что онъ вѣрно служилъ указанному знамени науки въ самое неблагопріятное для него время торжества реакціи 80-хъ годовъ. Служеніе Бунге не имѣло яркаго боевого характера, оно не сопровождалось при жизни его громкимъ трубнымъ оглашеніемъ со стороны болѣе или менѣе безкорыстныхъ laudatores.

Но послѣ смерти Бунге выступило рельефно все значеніе его государственнаго служенія и размѣръ понесенной утраты. Уже у гроба Бунге, при видѣ единодушнаго искренняго взрыва общественной скорби по поводу неожиданной смерти Н. Х., вынуждены были почтительно склонить голову тѣ самые зоилы, которые смѣшивали съ грязью всю прогрессивную преобразовательную дѣятельность просвѣщеннаго экономиста. А съ теченіемъ времени, когда поблекнутъ дешевые лавры минутныхъ героевъ, удачливыхъ эмпириковъ государственнаго управленія, имена и дѣла лицъ, безкорыстно служившихъ, подобно Бунге, справедливости, человѣчности, благу ближняго и дѣлу просвѣщенія, покроются новымъ блескомъ и славою.

VII.

Н. А. Бѣлоголовый.

† 6 сентября 1895 г.

6-го сентября 1895 г. умеръ знаменитый врачъ-гуманистъ, докторъ медицины, Николай Андреевичъ Бѣлоголовый. Это былъ одинъ изъ яркихъ и цѣльныхъ представителей великой освободительной эпохи 60-хъ годовъ, одинъ изъ стойкихъ, послѣдовательныхъ носителей идей и стремленій этого гуманно-просвѣтительнаго времени.

Служеніе убѣжденнаго либерала Бѣлоголоваго возвышеннымъ идеаламъ эпохи русскаго возрожденія проявлялось какъ въ кругу спеціальныхъ профессіональныхъ обязанностей его, врача-практика, такъ и въ частности въ многообразной дѣятельности его, какъ честнаго и мыслящаго гражданина, всегда чуткаго къ общественному интересу, всегда отзывчиваго словомъ и дѣломъ на всякое доброе начинаніе, клонящееся къ благу народа.

Сибирякъ по происхожденію, Бѣлоголовый родился 5-го октября 1834 г. въ гор. Иркутскѣ въ старой купеческой семьѣ. Среднее образованіе онъ получилъ въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1850 г. въ одно время съ неизмѣннымъ другомъ своимъ, знаменитымъ

С. П. Боткинымъ, а потомъ съ нимъ же вмѣстѣ прошелъ курсъ медицинскаго факультета Московскаго университета. Еще съ юныхъ лѣтъ врожденная мягкость и любознательность Н. А. подъ вліяніемъ первыхъ его наставниковъ, декабристовъ, жившихъ въ Сибири (П. А. Борисова, А. П. Юшневскаго, А. В. Поджіо), получили разумное направленіе и цѣлесообразное питаніе, главнымъ образомъ благодаря хорошо руководимому чтенію. Любя страстно русскую литературу, Н. А. намѣревался поступить на словесный факультетъ, но какъ разъ въ это время (1850 г.) обскурантамъ удалось ввести въ университеты, кромѣ медицинскаго факультета, комплектъ въ 300 человѣкъ, и Бѣлоголовый, какъ и С. П. Боткинъ, чтобы не остаться за порогомъ университета, вынужденъ былъ поступить на медицинскій факультетъ.

Рѣдко когда злая судьба дѣлала безсознательно такое доброе дѣло. Изъ даровитаго Бѣлоголоваго вышелъ блестящій медикъ, превосходно изучившій свою науку, но вмѣстѣ съ глубокими знаніями по своей спеціальности соединявшій рѣдкое человѣколюбіе, безкорыстіе и необыкновенно живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ. На нравственное и политическое развитіе Н. А., безъ сомнѣнія, оказало сильное вліяніе вѣщее слово допѣвавшаго свою лебединую пѣснь великаго учителя—Грановскаго, но едва ли не большее еще вліяніе на дальнѣйшую его дѣятельность и направленіе имѣло то юношеское, бодрое настроеніе, которое охватило все, что было живого и мыслящаго въ Россіи съ воцареніемъ Александра II. Къ этой свѣтлой полосѣ русской жизни,

Когда раскрывалась грудь надеждѣ
И мечтамъ о счастіи земномъ,

когда не только юноши, но и старцы мечтали осуществить

Святыя бредни юныхъ дней,

относится начало карьеры Н. А

Какъ разъ въ эту грозную, но памятную весну 1855 г. Бѣлоголовый сбрасывалъ съ себя студенческій мундиръ, чтобы надѣть сначала казенный мундиръ городового врача, а затѣмъ вскорѣ смѣнить этотъ мундиръ на toga virilis русскаго убѣжденнаго, вольнолюбиваго гражданина, образъ котораго сталъ обрисовываться въ это время въ туманной перспективѣ будущаго и энергіею котораго созидались и сохранялись всѣ культурныя пріобрѣтенія послѣдующаго времени.

По окончаніи курса въ университетѣ Н. А. отправился на родину, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто иркутскаго городового врача. Даровитый врачъ, внимательно слѣдящій за движеніемъ науки, гуманный, общедоступный, безкорыстный, безукоризненный блюститель всѣхъ требованій медицинской

этики и съ независимымъ характеромъ — находка и не для Иркутска, а потому Бѣлоголовый сразу занялъ видное и почетное мѣсто, импонируя какъ всесильной администраціи, привыкшей къ раболѣпству, такъ и мѣстному обществу, привыкшему дотолѣ уважать только деньги и власть. Вскорѣ по вступленіи Н. А. на общественное поприще стали обнаруживаться, по окончаніи крымской войны, первые проблески пробужденія Россіи отъ 30-тилѣтней спячки и первые признаки предстоящей отмѣны крѣпостного права и дезинфекціи общественной атмосферы. Отдаленные отголоски начинавшагося общественнаго пробужденія чрезъ журналы и устную молву стали доходить и до далекой Сибири, и здѣсь университетская молодежь не менѣе радостно, нежели въ коренной Россіи, привѣтствовала занимавшуюся зарю освобожденія.

Бѣлоголовый, всегда живо интересовавшійся литературою и журналистикою, всегда горячо принимавшій къ сердцу общественные интересы, съ восторгомъ пошелъ навстрѣчу зачинавшемуся общественному возрожденію. Какъ ни мало оставляли досуга ему его оффиціальныя обязанности и практика, какъ ни плохо подготовлена была въ сибирской глуши 50-хъ годовъ почва для общественной самодѣятельности, Бѣлоголовый своимъ убѣжденнымъ словомъ и благороднымъ характеромъ умѣлъ расшевелить косность своихъ товарищей по профессіи, и въ Иркутскѣ образовался медицинскій кружокъ, который обсуждалъ научные медицинскіе вопросы, а также вопросы медицинской этики. Какъ извѣстно, къ этому же времени относятся первыя печатныя разоблаченія классическихъ злоупотребленій общерусской и сибирской администраціи. Объ одномъ изъ нихъ, касавшемся чиновника особыхъ порученій Молчанова, появилась корреспонденція въ „*Колоколѣ*“.

Введенный въ заблужденіе, Герценъ опровергъ впослѣдствіи сообщенное извѣстіе. Нужно вспомнить о томъ чрезвычайномъ авторитетѣ, какимъ пользовался въ то время „*Колоколъ*“ въ высшихъ сферахъ, чтобы понять ликованіе друзей Молчанова. Они уже считали побѣду окончательно на своей сторонѣ, но тутъ вступилъ въ дѣло Бѣлоголовый. Никогда не знавшій Герцена, онъ поѣхалъ къ нему заграницу и съ документами въ рукахъ доказалъ ему, что введенъ друзьями въ заблужденіе. Вотъ съ какимъ участіемъ и жаромъ относились люди того времени къ общественнымъ вопросамъ!

Въ концѣ 50-хъ годовъ Бѣлоголовый поѣхалъ въ Москву держать экзаменъ на доктора медицины. Въ это время дѣла отца его разстроились. Съ очень ограниченными средствами Н. А. поѣхалъ послѣ экзамена за границу писать диссертацію. Диссертацію писалъ онъ два года, терпя сильную нужду. Выбирая самое дешевое мѣсто, онъ остановился на о. Рюгенѣ на Балтійскомъ морѣ. Здѣсь онъ нанималъ уголъ въ лавкѣ мелочного

торговца и, занимаясь составленіемъ диссертаціи, въ отсутствіи хозяина долженъ быть принимать покупателей. Въ 1862 году появилась его диссертація въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „О всасываніи солей кожею“. Послѣ блестящей защиты диссертаціи Н. А. намѣревался вернуться на родину, но Боткинъ и др. уговорили его остаться Петербургѣ.

Съ половины 60-хъ годовъ до 1881 года Бѣлоголовый жилъ въ Петербургѣ, выѣзжая ежегодно за границу на нѣсколько мѣсяцевъ съ неизмѣнною спутницею, женою своею Софьею Петровною, для отдыха и освѣженія. Съ самаго начала Н. А. занялъ въ Петербургѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ медицинскомъ мірѣ, гдѣ общепризнанное первое мѣсто занималъ великій С. П. Боткинъ. Это первенство извѣстнаго во всей Европѣ клинициста не положило ни малѣйшей тѣни на ихъ взаимныя дружескія отношенія. Бѣлоголовый былъ и остался до конца жизни самымъ горячимъ поклонникомъ своего даровитаго друга и послѣ смерти его написалъ лучшую его біографію, появившуюся въ сборникѣ Павленкова „Жизнь замѣчательныхъ людей“ [1]). Боткинъ въ свою очередь необыкновенно высоко

---

[1]) Въ біографіи Боткина, написанной Бѣлоголовымъ, имѣется не одна мѣткая характеристика его alter ego Боткина, вполнѣ примѣнимая и къ Бѣлоголовому. Сравнивая Боткина съ тѣми клиницистами, которые смотрятъ на больныхъ, какъ на безжизненный терапевтическій матеріалъ, Бѣлоголовый пишетъ: „въ противоположность этому Боткинъ былъ воплощенная человѣчность и доброта: онъ такъ мягко и участливо обходился съ больными, съ такою искреннею сострадательностью проникался ихъ страданіями, что одними этими врожденными своими качествами пріобрѣталъ неограниченное довѣріе больныхъ, при чемъ такая естественная гуманность, чуждая всякой сантиментальности, оказывала прекрасное воспитательное дѣйствіе на слушателей, неизбѣжно привыкавшихъ даже въ внѣшнихъ пріемахъ подражать обаятельной личности учителя, и дѣлала его клинику при всѣхъ прочихъ его медицинскихъ достоинствахъ самою образцовою школою для будущихъ врачей“. „Не только добросовѣстная точность и напряженная внимательность, съ какими Боткинъ изслѣдовалъ больного, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ біографъ его, — и его привѣтливая внѣшность, сквозь которую ярко просвѣчивалась необыкновенная человѣчность, искреннее участіе къ страждущему и еще болѣе искреннее желаніе помочь ему дѣлали изъ него идеальнаго врача производившаго на всѣхъ, обращавшихся къ нему, зачаровывающее впечатлѣніе и убѣжденность, что если возможно исцѣленіе отъ серьезнаго недуга, то только при содѣйствіи Боткина“ (см. стр. 29 и 39 брошюры Бѣлоголоваго. С. П Боткинъ, его жизнь и дѣятельность). Многочисленные паціенты Бѣлоголоваго, навсегда сохранившіе въ сердцѣ его благородный образъ, безъ сомнѣнія, согласятся, что приведенныя черты точно списаны съ него самого (см. мои воспоминанія о Н. А. Бѣлоголовомъ въ собраніи его сочиненій).—Какой получается контрастъ, если сопоставить эти простые, безыскусственные, полные задушевности пріемы Боткина и Бѣлоголоваго съ тѣмъ палубалаганнымъ, полумистическимъ сложнымъ ритуаломъ, какимъ обставляютъ свое торжественное и à la lettre драгоцѣнное появленіе у постели больного иные жрецы или шаманы современной московской медицины, ко встрѣчѣ которыхъ и больные, и близкіе ихъ готовятся задолго съ тре-

цѣнилъ дарованія, познанія и высокія душевныя качества Бѣлоголоваго, и по нѣкоторымъ отдѣламъ медицины онъ открыто ставилъ его выше себя. Какою этическою красотою и классическою простотою отзываются эти полныя взаимной нѣжности и уваженія отношенія двухъ медицинскихъ свѣтилъ, въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ рисующія ихъ обоихъ, особенно въ наше время ожесточенной вражды медицинскихъ свѣтилъ во имя личныхъ и меркантильныхъ соображеній!

Съ первыхъ же лѣтъ практики Бѣлоголовый имѣлъ въ Петербургѣ громадный успѣхъ и пріобрѣлъ обширный кругъ пацієнтовъ во всѣхъ слояхъ общества. Своею быстрою популярностью онъ былъ обязанъ не только своему выдающемуся таланту чрезвычайно проницательнаго діагноста и запасу солидныхъ знаній, всегда неустанно и тщательно имъ пополняемому, но и вѣрности своей строгимъ и благороднымъ принципамъ медицинской этики, отошедшимъ у многихъ въ область „забытыхъ словъ“. Необыкновенная мягкость въ обращеніи, рѣдкое безкорыстіе, простота и задушевность, чуждая всякихъ шарлатанскихъ ухищреній, влекли къ нему больныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества и народа Богатый и бѣдный, знатный и простолюдинъ шли къ нему съ любовью и довѣріемъ, зная заранѣе, что никакіе инквизиторскіе разспросы, никакой торгъ о гонорарѣ не ждутъ его у порога медицинской знаменитости. Принять всѣхъ желавшихъ не было возможности, а потому, по недостатку времени, Н. А. поневолѣ приходилось ограничивать свои пріемы. Но для безобиднаго рѣшенія этого щекотливаго вопроса онъ употреблялъ по обыкновенію самое простое, прямое и честное средство: онъ объявлялъ, что въ такой-то день приметъ столько-то больныхъ и затѣмъ принималъ явившихся безъ различія общественнаго положенія, а послѣ того прекращался пріемъ для всѣхъ безъ изъятія.

Врагъ ученаго кумовства и непотизма, въ особенности когда жертвами его являются интересы науки и учащейся молодежи, Бѣлоголовый обратилъ въ 1869 году на себя общее вниманіе своей правдивою и исполненною гражданскаго мужества статьею по поводу печальной „полунинской“ исторіи, жертвою коей было 20 исключенныхъ съ 4-го курса медиковъ [1]).

петомъ, готовятся какъ къ трудному искусу, совсѣмъ какъ у Островскаго семья въ ожиданіи прихода грубо-мелочного самодура Кита Китыча. И это представители науки!?

[1]) Исторія эта возникла въ 1869 г. изъ-за того, что на мѣсто выбывшаго за границу проф. Захарьина былъ назначенъ, благодаря дружескому усердію Катковско-Баршевской клики, которой университетъ обязанъ былъ потерею незадолго передъ тѣмъ извѣстныхъ профессоровъ Ѳ. И. Дмитріева и Б. Н. Чичерина,—отсталый профессоръ патологической анатоміи Полунинъ, представитель допотопной,

Всегда живо интересуясь литературно-общественными вопросами, Бѣлоголовый сталъ въ близкія отношенія къ прогрессивнымъ литературнымъ кружкамъ Петербурга и особенно къ „*Отечественнымъ Записками*“ временъ Салтыкова, Некрасова и Елисѣева. Онъ постоянно пользовалъ ихъ,

---

точнѣе до-Вирховской, медицины временъ Рокитанскаго, Шкода (см. н. біографію Боткина). Чтобы замаскировать свою отсталость и невѣжество, наглядно обнаружившіяся при первыхъ же шагахъ клиническаго дебюта Полунина, благодаря вскрытіямъ труповъ умершихъ больныхъ, онъ прибѣгъ къ оригинальному способу, невѣдомому ни въ одной европейской клиникѣ, къ канцелярской тайнѣ: студенты не допускались при изслѣдованіи больного, скорбные листы писались ординаторами. Студенты отказались посѣщать лекціи Полунина, и Совѣтъ, не имѣвъ мужества сознать свою ошибку, уволилъ 20 студентовъ. Вотъ тутъ-то возмущенный Бѣлоголовый напечаталъ въ органѣ медицинскаго департамента, „Архивѣ судебной медицины и общественной гигіены“, редактируемомъ Ловцовымъ, въ назиданіе бывшимъ своимъ учителямъ сильную статью подъ заглавіемъ „Клиническій профессоръ Полунинъ“. Въ статьѣ этой Бѣлоголовый, между прочимъ, писалъ: „Московскій университетъ, блистательно закончившій первое столѣтіе своего существованія, на рубежѣ второго какъ-то круто повернулъ съ проложеннаго имъ пути и началъ поражать такими странными пріемами въ средѣ своего Совѣта, что обратилъ на себя, далеко не въ лестную сторону, общее вниманіе. Мы не беремся перечислять всѣ „исторіи“, повторившіяся въ стѣнахъ Совѣта особенно въ послѣдніе 2—3 года и доходившія до публики въ отрывистыхъ газетныхъ сообщеніяхъ и перебранкахъ, наполненныхъ непонятнымъ раздраженіемъ и злобою. Видимо было, что между профессорами идетъ глухая борьба, видно было, что вопреки естественному закону перевѣсъ клонится не на сторону молодой партіи, предполагающей за собою движеніе впередъ въ умственномъ и нравственномъ обновленіи университета, а на сторону партіи стариковъ чуждыхъ и современному развитію науки, и реформативнымъ стремленіямъ Россіи и относившихся къ университету, какъ относится всякій старикъ къ своему тепло насиженному углу, гдѣ онъ привыкъ сидѣть 25—35 лѣтъ. Наука далеко ушла впередъ, а онъ все сидитъ и какъ огня боится всякой вентиляціи, и каждая струя свѣжаго воздуха кажется ему посягательствомъ на его существованіе. Для постороннаго человѣка всѣ подробности этой борьбы скрыты внутри Совѣта и можно видѣть только результаты ея: удаленіе съ каѳедръ *лучшихъ* свѣжихъ силъ и отсутствіе прилива новыхъ талантливыхъ ученыхъ.—До сихъ поръ всѣ исторіи въ нѣдрахъ Совѣта Московскаго университета проходили какъ-то мимо медицинскаго ѳакультета, но вотъ пришла, наконецъ, и его очередь“.—Указавъ затѣмъ на назначеніе анатомапатолога Полунина для завѣдыванія ѳакультетскою клиникою, Бѣлоголовый продолжаетъ: „отъ одного этого назначенія вѣетъ стародавнимъ временемъ, когда профессора не стѣснялись спеціальностями и по произволу мѣняли свои каѳедры, когда клиническая профессура поручалась старѣйшему изъ профессоровъ въ награду за долгую службу, какъ синекура, способствующая *увеличенію* ихъ практики. Назначеніе Полунина показываетъ, что халатное отношеніе къ наукѣ въ Москвѣ еще не миновало, потому что браться анатому-патологу за чтеніе клиническихъ лекцій — *абсурдъ* и явный признакъ *неуваженія* къ наукѣ, это то же, что пирожникъ взялся бы тачать сапоги, ну, и началъ тачать г. Полунинъ!“—Разобравъ клиническіе пріемы Полунина, Бѣлоголовый ясно до-

какъ врачъ, а Некрасова лѣчилъ во время послѣдней его болѣзни. Болѣзнь Некрасова онъ описалъ въ особой статьѣ, напечатнинной въ № 10-мъ „*Отечественныхъ Записокъ*“ за 1878 г. О болѣзни же И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова онъ писалъ въ „*Новостяхъ*“ и въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“ (см. сборникъ его статей, 3-е изданіе).

Въ отличіе отъ своего великаго друга Боткина, который, отдавшись всецѣло наукѣ, ради нея забывалъ и себя, и семью, и общество, Бѣлоголовый, будучи идеальнымъ врачемъ-человѣкомъ, первокласснымъ терапевтомъ, внимательно слѣдившимъ за движеніемъ науки, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда былъ и оставался „мірскимъ“ человѣкомъ, чуткимъ гражданиномъ, близко принимавшимъ къ сердцу всѣ очередные общественные вопросы, интересы литературы, народнаго просвѣщенія, культуры и вообще всѣ великія и тяжкія проблемы нашего вѣка.

Начавъ свою общественную дѣятельность въ разгарѣ преобразовательной эпохи, Н. А. до конца жизни оставался вѣренъ ея освободительному и просвѣтительному знамени. Въ вѣрности и твердомъ проведеніи въ жизнь благодныхъ и человѣчныхъ принциповъ этой замѣчательной эпохи Бѣлоголовый никому не уступилъ бы, не исключая и самыхъ видныхъ оффиціальныхъ дѣятелей этой эпохи. Едва ли многіе путемъ печати сдѣлали больше для распространенія и укрѣпленія идей великихъ реформъ, чѣмъ этотъ лишенный всякой оффиціальной дѣятельности и публичной трибуны, стойкій, убѣжденный гражданинъ, который не только своимъ правдивымъ, внушительнымъ и обворожительнымъ своею искренностью словомъ всегда умѣлъ кстати сослужить службу дорогимъ идеямъ, но и всею обаятельною личностью и праведною жизнью, даже въ мелочахъ не отступавшаго отъ строгихъ принциповъ человѣчности, былъ, такъ сказать, живымъ воплощеніемъ и пропагандою этихъ облагораживающихъ идей и принциповъ человѣчности. Этотъ всегда мягкій, до крайности снисходительный человѣкъ, готовый за ближняго положить душу, олицетворенный альтруизмъ дѣлался непримиримымъ, когда рѣчь заходила о принципахъ литературной и общественной частности. Дитя цѣльной героической эпохи, Н. А. болѣе всего чуждался половинчатыхъ людей или такъ называемыхъ „складныхъ душъ“, по выраженію Салтыкова [1]), страющихся угодить и

казываетъ, что студенты *не могли* ничему путному научиться у такого клинициста. Переходя отъ повода къ исторіи къ послѣдствіямъ ея, Бѣлоголовый упрекаетъ Совѣтъ въ негуманномъ отношеніи къ студентамъ и въ параллель къ его суровому взысканію приводитъ только что предъ тѣмъ состоявшееся постановленіе Совѣта Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, который за демонстрацію противъ проф. Валькера, доходившую до битья стеколъ, счелъ достаточнымъ удаленіе двухъ студентовъ на одно полугодіе и заключеніе въ карцеръ 36 студентовъ („*Архивъ Судебной Медицины*“ 1869 г., № 4, декабрь).

[1]) „Складныя души“, говорилъ Салтыковъ—явленіе не новое... Если вы видите

нашимъ, и вашимъ. Какъ ни велика была у Н. А. любознательность жажда къ извѣстіямъ объ общественной жизни, но онъ предпочелъ бы скорѣе превозмочь свою страстную любознательность, чѣмъ, напр., сдѣлаться подписчикомъ, т. е. „соучастникомъ“ газеты, хотя бы и богато освѣдомленной, но не сочувственной для него по направленію. Это былъ вполнѣ тотъ „читатель-другъ“, о которомъ мечталъ Салтыковъ и который смотрѣлъ на подписку, какъ на своего рода нравственное сочувствіе къ изданіямъ, а не какъ на способъ удовлетворенія извѣстной привычки-потребности. Въ наше откровенно-безпринципное время это покажется донкихотствомъ, но да вѣдь въ наше безподобное практическое время nous avons changé tout ça, такъ какъ нынѣшними мудрецами доказано какъ 2×2=4, что

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой;
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!..

Весною 1881 г. по разстроенному здоровью Н. А. долженъ былъ покинуть Петербургъ. Отдавъ всѣ свои физическія и нравственныя силы на служеніе ближнему, онъ, какъ всѣ истинные альтруисты, забывалъ о себѣ. Убѣдившись, что разстроенные нервы не позволяютъ ему отправлять обязанности врача, съ обычнымъ своимъ вниманіемъ, рвеніемъ и преданностью больнымъ, Н. А. оставилъ практику и поселился за границею, выбирая большею частію маленькіе, но живописные швейцарскіе города около Лемана.

Но и вдали отъ родины онъ жилъ только ея духовными интересами онъ внимательно слѣдилъ за переживаемыми ею радостными и горестными событіями, всегда окруженный русскими газетами и журналами. Въ это время, а именно съ 1884 г., онъ сблизился съ графомъ М. Т. Лорисъ-

---

человѣка, который мечется какъ угорѣлый между двумя враждебными лагерями и называетъ это метаніе мудростью, будьте увѣрены, это „складная душа“; если вы видите человѣка, который, называя себя піонеромъ, не прочь иногда въ сумерки покалякать съ исторіографами насчетъ піонерскихъ дѣлъ и называетъ это дипломатіею, будьте увѣрены, что это „складная душа“; если вы видите человѣка, который утверждаетъ, что въ иныхъ случаяхъ ломаная линія можетъ быть короче прямой и называетъ это постепенностью въ преуспѣяніи, будьте увѣрены, что это „складная душа“ (см. „Письма о провинціи“. Соч. II. 355).

Меликовымъ [1]), съ которымъ вполнѣ сходился въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ. Н. А. изрѣдка посѣщали друзья изъ Россіи, гдѣ, въ его скромной квартирѣ швейцарскаго захолустья [2]) въ Веве или въ Лозаннѣ, все дышало просвѣщеннымъ патріотизмомъ, неподдѣльною любовью къ родинѣ, гдѣ все говорило объ исключительной преданности роднымъ интересамъ русской свободы и просвѣщенія этого не сломившагося подъ напоромъ торжествующей дѣйствительности представителя либеральныхъ принциповъ великой эпохи. Посильное служеніе имъ составляли цѣль и смыслъ остатка его жизни.

1892—1894 гг. Н. А. провелъ въ Ниццѣ, въ скромномъ, но извѣстномъ русскомъ пансіонѣ на виллѣ „Оазисъ“, гдѣ нѣкогда жили Герценъ, Салтыковъ и др. И здѣсь, въ этомъ царствѣ изящной нѣги и аристократическаго разгула, онъ успѣлъ сдѣлаться средоточіемъ образованныхъ русскихъ людей, живущихъ не одними интересами „кармана и желудка“. Но гдѣ бы Н. А. ни находился, у подошвы ли величаваго Монъ-Блана, на очаровательномъ ли берегу знаменитаго Ниццскаго залива Ангеловъ, всѣ помыслы этого подневольнаго абсентеиста-гражданина были направлены къ далекой холодной отчизнѣ и къ еще болѣе далекой ледяной родинѣ—Сибири:

Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно,
Но и тамъ при блескѣ голубого моря
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ туча.
Что же въ нихъ тамъ сердцу дорого и мило,
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?..

Рѣдко когда доносились оттуда, изъ страны „плакучихъ березъ“, до Н. А. радостныя вѣсти, но какъ онѣ его утѣшали!.. Оптимистъ въ душѣ, онъ радовался, какъ дитя, и небольшому успѣху земской школы, и толкамъ о возрожденіи женскаго медицинскаго образованія, и распространенію сельскихъ библіотекъ и другимъ культурнымъ успѣхамъ русскаго

---

[1]) Въ *Русской Старинѣ*“ 1889 г. Н. А. Бѣлоголовый помѣстилъ очень интересное „Воспоминаніе о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ“. Относясь съ величайшимъ сочувствіемъ къ дѣятельности графа Лориса, Бѣлоголовый, вообще скупой на похвалы, писалъ: „Россія лишилась въ лицѣ его одного изъ даровитѣйшихъ, безкорыстнѣйшихъ и преданнѣйшихъ сыновъ своихъ и можно лишь искренно и не въ оскорбленіе живущимъ *пожелать ей побольше такихъ*“ (стр. 38).

[2]) Приглашая Бѣлоголоваго въ Ниццу, графъ Лорисъ писалъ ему въ Веве: „я то и дѣло думаю о васъ и мучусь за васъ: ну, какъ вы проведете цѣлые 8 мѣсяцевъ одни въ такой трущобѣ... Вѣдь въ этомъ одиночномъ заключеніи разучитесь говорить“ (см. н. сборникъ его статей).

народа [1]). Фанатически вѣря въ свободу и просвѣщеніе, самомалѣйшіе проблески распространенія его, которому онъ и скудными своими средствами очень много негласно способствовалъ, привѣтствовалъ Н. А. бодрящимъ галилеевскимъ: e pur si muove, считая якоремъ спасенія для Россіи возможно широкое распространеніе въ народныхъ массахъ науки и просвѣщенія.

Въ годину народнаго бѣдствія, посѣтившаго Россію въ 1891—92 годахъ, Н. А. взялъ на себя тяжелую и неблагодарную иниціативу сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ среди этихъ пресыщенныхъ баръ ниццскаго сезона, сначала a priori не могшихъ допустить возможность голоданія вообще и въ богатой хлѣбомъ Россіи въ частности, а потомъ вскорѣ совсѣмъ охладѣвшихъ къ этому дѣлу, какъ вещи démodée.

Въ 1894 г. Н. А. вернулся въ Россію, какъ онъ выражался, для „медленнаго умиранія“. Здѣсь онъ поселился въ Москвѣ, въ томъ историческомъ уголкѣ ея, на Маросейкѣ, гдѣ въ домѣ Боткина живали: Бѣлинскій, Грановскій и перебывали всѣ болѣе или менѣе извѣстные московскіе литераторы сороковыхъ годовъ. — Умираніе, къ несчастью, началось очень скоро. Слегши въ постель въ началѣ 1895 г., Н. А. болѣе и не вставалъ. Несмотря на продолжительныя ужасающія страданія, Н. А. все время не покидало ясное настроеніе и невозмутимое спокойствіе — какъ естественная награда честно прожитой трудовой жизни. Онъ болѣе безпокоился о своихъ племянникахъ-сиротахъ, о ходившихъ за нимъ, чѣмъ о себѣ. Во все время болѣзни онъ не переставалъ интересоваться общественными дѣлами. Еще за нѣсколько дней до смерти ему читали послѣдніе номера газетъ и журналовъ, и оффиціальная вѣсть о предстоящемъ открытіи женскаго медицинскаго института едва ли не послѣдній разъ оживила радостнымъ блескомъ его потухавшіе добрые глаза. Всего за недѣлю до смерти онъ бесѣдовалъ съ сибиряками о дѣлахъ существующаго въ Москвѣ общества для пособія учащейся сибирской молодежи и выражалъ сожалѣніе, что не успѣлъ послать рѣшеннаго пожертвованія въ 1000 р. въ пользу только что учрежденнаго Иркутскаго общества распространенія грамотности среди народа.

Какъ ни тяжела была для ближайшихъ друзей тяжелая картина медленнаго угасанія этого рѣдкаго гуманиста, любвеобильнаго врача-человѣка, этого честно пожившаго и вѣрно послужившаго своей родинѣ дѣ-

---

[1]) „Тамъ вамъ въ пороховомъ дыму, — писалъ мнѣ Бѣлоголовый въ письмѣ отъ 18 февраля 1892 г. изъ Лозанны,—не такъ замѣтно, какъ мнѣ, и съ высоты птичьяго полета, что борьба со зломъ не совсѣмъ безрезультатна... Вотъ, напр. завтра 19-е февраля. Можно спорить, пожалуй, что экономическое положеніе мужика за эти 30 лѣтъ не улучшилось, но что это далеко ужъ не „святая скотина“ и что сильно шагнулъ онъ къ подобію человѣка—это неоспоримо“.

ятельнаго гражданина, но въ этой картинѣ неостывавшаго, до послѣдняго вздоха, интереса къ общественному дѣлу было не мало назидательнаго. Какъ всѣ цѣльные люди, носящіе на себѣ отпечатокъ духовнаго посвященія отъ великой освободительной эпохи 60-хъ годовъ, Н. А., познавшій величайшія въ жизни наслажденія: безкорыстную дѣятельность на поприщахъ альтруизма и науки, жилъ и умеръ, какъ герой гражданской доблести.

Потеря такихъ людей особенно чувствительна въ наше безпринципное и безхарактерное время, видѣвшее столько громкихъ паденій и съ завистливою грустью взирающее на эту чудную героическую эпоху нашего нравственнаго возрожденія, давшее своимъ сынамъ такую мощь и такой крѣпкій нравственный закалъ. Невольно скажешь:

Какъ часто, съ болью жгучей въ сердцѣ,
Я близкимъ очи закрывалъ;
Какъ часто цвѣтъ, лишенный солнца,
При мнѣ печально увядалъ!
Я видѣлъ сломленные дубы
И счастье, смятое грозой...
О! дайте жъ мнѣ хоть разъ увидѣть,
Какъ тьму смѣняетъ лучъ дневной!

VIII.

Н. В. Стасова.

† 27-го сентября 1895 г.

Было время,—и давно ли оно миновало? — когда единственное назначеніе русскаго гражданина видѣли, какъ свидѣтельствуетъ Никитенко [1]), въ томъ, чтобы быть „солдатомъ, а не гражданиномъ“, когда Россія могла показать гніющему Западу на международномъ состязаніи лишь одно „сверканье стальною щетиною“. Громадное культурное значеніе эпохи великихъ реформъ заключается въ томъ, что она оставила Россіи учрежденія или зачатки учрежденій и начинаній, которыя страна не безъ нѣкоторой національной гордости можетъ показать цивилизованнымъ народамъ. 20—30 лѣтъ тому назадъ никто не хотѣлъ вѣрить въ Европѣ, чтобы въ Россіи человѣкъ съ деньгами могъ быть осужденъ за доказанныя престу-

---

[1]) См. „Дневникъ“ I, 45.

пленія уголовнымъ судомъ [1]). Нашъ судъ присяжныхъ и новая судебная магистратура смыли съ Россіи упрекъ повальнаго взяточничества въ судахъ, и какъ ни далеки еще отъ совершенства наши суды, но русскому патріоту не приходится за нихъ краснѣть при сравненіи ихъ съ европейскими учрежденіями.

Къ числу такихъ культурныхъ завоеваній послѣдняго 30-тилѣтія относится также женское образованіе, разумною постановкою котораго Россія можетъ гордиться даже сравнительно съ такою передовою страною, какъ Франція.

Одною изъ ревностнѣйшихъ двигательницъ дѣла женскаго образованія была скончавшаяся внезапно 27-го сентября 1895 года Надежда Васильевна Стасова, женщина рѣдкой энергіи, выносливости и выдержки. Она способна была выдвинуться не только у насъ, гдѣ и мужчины при первомъ сопротивленіи и неудачѣ привыкли, по выраженію Салтыкова, „таять и обращаться въ сырость“, но даже и въ странахъ болѣе свободныхъ и болѣе поощряющихъ личную энергію.

Н. В. принадлежала къ извѣстной семьѣ Стасовыхъ, выдвинувшихся на разныхъ поприщахъ. Она родилась 12-го іюня 1822 г. и имѣла крестною матерью Императрицу Елизавету Алексѣевну, супругу Александра I. Принадлежа по рожденію, какъ дочь придворнаго архитектора, къ привилегированному классу, Надежда Васильевна (кстати, имя Надежда было дано отцомъ, которому тяжело жилось и который возлагалъ надежды на новорожденную) получила „блестящее“ воспитаніе въ духѣ николаевскаго времени, которое, заранѣе предопредѣляя по рожденію и сословію каждому подданому свое мѣсто и „тягло“ въ обществѣ, „муштровало“ физически и нравственно соотвѣтственно предстоящей сословно-профессіональной повинности. Такъ какъ Н. В. по своему общественному положенію, какъ „благородная“, имѣла повинностью поставлять не только „счастье семьи“, но и „удовольствія общества“ [2]), то соотвѣтственно

---

[1]) См. ниже, § А. Ѳ. Кони.

[2]) Дѣвицы, не умѣвшія грамотно написать письма, учились въ дореформенное время декламаціи на трехъ языкахъ, и вообще онѣ обучались не наукамъ, а стратегическимъ и тактическимъ уловкамъ „страсти нѣжной“, усваивая въ учебныхъ заведеніяхъ внѣшнія качества, кои, какъ гласитъ оффиціальная инструкція, стараются въ нихъ развивать „въ виду трудности пристроивать дѣвицъ съ цѣлью привлечь къ нимъ *вниманіе* мужчинъ“ (см. Е. Лихачева—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1828 — 1856 годовъ, стр. 149). Воспитаніе благородныхъ дѣвицъ велось приблизительно по Ростовцевскому наставленію для кадетскихъ корпусовъ (тамъ же, 139); мѣшать „благородныхъ“ съ купеческими дочерями или съ поповскими отнюдь не дозволялось (тамъ же, 17). Поповскимъ дочерямъ женихи болѣе или менѣе обезпечены, благодаря ихъ легальному прида-

этому данное ей воспитаніе ничего не оставляло желать съ точки зрѣнія эстетической. Музыка, пѣніе, декламація, живопись и, конечно, танцы. Одну половину своихъ повинностей Н. В. выполнила аккуратно, долго кружась въ „вихрѣ свѣта“, но другая половина задачи: „счастье семьи“, ею не была выполнена. Въ 50-хъ годахъ постигло Н. В. крупное личное несчастье, но оно ея не сломило.

Сильная, богато одаренная натура Н. В. при другихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, впала бы въ мистицизмъ или разочарованье, постигнувъ пошлость, пустоту и мишуру постылой свѣтской жизни и, какъ Татьяна, отдать была бы

. . . . рада
Всю эту ветошь маскарада
За полку книгъ и пр.

Книгъ? какихъ книгъ? Конечно, тѣхъ книгъ для развлеченія и томнаго мечтанія, которыми исчерпывался весь кругозоръ дореформенныхъ кисейныхъ барышенъ.

Но тутъ, на счастье Н. В. и русскаго общества, какъ разъ наступило благодатное время освободительной эпохи 60-хъ годовъ, звавшее всѣхъ, въ комъ свѣтилась искра Божія, на дружную общественную работу, на служеніе народу, сбрасывавшему съ себя узы вѣкового рабства:

Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушенъ,
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые! привѣтъ вамъ и поклонъ,
Богъ помощь, братья, вамъ, Богъ помощь въ новомъ бытѣ!

Началась та воодушевленная, безкорыстная работа образованной молодежи съ „кающимся дворянином“ во главѣ, которая, стирая различіе сословій и пола, звала всѣхъ честныхъ людей на исцѣленіе застарѣлыхъ язвъ рабовладѣльческой Россіи, пропитанной жесткостью и опутанной невѣжествомъ.

По полу своему Н. В. могла быть, согласно традиціямъ, „царицею и рабою“, но отнюдь не общественною дѣятельницею. Но великое освободительное движеніе пробудило и русскую женщину, обративъ на пользу народа и человѣчности богатые дары ея инстинктивнаго альтруизма и любви къ правдѣ.

La Vérité combat pour s'ouvrir un chemin,
Et je ne prendrais pas parti dans ce grand drame?
Quoi! ce coeur qui bat là, pour être un coeur de femme,
En est-il moins un coeur humain?

ному, а потому задачею женскихъ духовныхъ училищъ ставилось, чтобы они воспитывали „истинныхъ христіанокъ, способныхъ составлять пріятное для мужа общество“ и тѣмъ отвращать сельское духовенство „отъ рюмки“ (тамъ же, 148—149).

Благое освободительное движеніе 60-хъ годовъ, приведшее къ освобожденію или, какъ тогда выражались, эмансипаціи крестьянъ, поставило на очередь и эмансипацію женщины отъ гнета Домостроевскихъ традицій и пріобщеніе ея къ общечеловѣческимъ культурнымъ интересамъ. Отбросивъ въ сторону извѣстные своею нелѣпостью учебники, „приспособленные къ женскому образованію“ и излагавшіе науку,—разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ —въ видѣ разсыропленныхъ моральныхъ сентенцій, способныхъ вызвать тошноту,—русская женщина изъ куколки институтской невинности, изъ жеманной полуидіотки стала превращаться въ обыкновеннаго неискалѣченнаго, развитого человѣка, которому ничто человѣческое не чуждо. Трудный, но вѣрный путь къ обращенію рабы въ человѣка лежалъ въ ученіи. И русская женщина подъ вліяніемъ увлекательной проповѣди передовыхъ мыслителей эпохи—Чернышевскаго, Писарева и др., стала много и прилежно учиться: во-первыхъ, для себя и, во-вторыхъ, чтобы учить другихъ. Въ числѣ такихъ взрослыхъ ученицъ была и Н. В.

Начавъ подъ сорокъ лѣтъ свое полное перевоспитаніе, Стасова отдалась съ начала 60-хъ годовъ беззавѣтному служенію на пользу ближняго и въ теченіе 35-ти лѣтъ до преклонныхъ лѣтъ всѣми силами души служила знамени просвѣщенія, несмотря на многочисленныя мелкія и крупныя трудности, коими обставлена была ея благородная служба на пользу родины.—Это было время медоваго мѣсяца честнаго служенія интеллигентной русской молодежи народу. Съ жаромъ и гражданскимъ воодушевленіемъ, котораго наше время даже и понять не можетъ, не то что испытать, въ какомъ-то „бѣшенствѣ любви къ ближнему“,—по выраженію Дюма,—рвалась она на просвѣщеніе народа въ только что заведенныхъ воскресныхъ школахъ. Стасова была одною изъ первыхъ піонерокъ этого святого дѣла, которому она отдалась съ тѣмъ энтузіазмомъ и настойчивостью, составлявшими отличительныя черты ея характера, черты столь рѣдко встрѣчающіяся въ русскомъ характерѣ, а потому особенно цѣнныя. Сколько цѣннаго и прочнаго добра можно было создать, пользуясь этимъ богатырскимъ подъемомъ духа среди учащейся и вообще образованной молодежи!? Не то вышло на дѣлѣ. Воспользовавшись случайными промахами, враги этого великаго начинанія такъ искусно подкопались подъ него, что благое дѣло народнаго просвѣщенія по проискамъ крѣпостниковъ и апостоловъ народнаго невѣжества—гр. Панина, М. Муравьева и К° — отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть: воскресныя школы, въ томъ числѣ и Василеостровская, въ которой учила Стасова, были закрыты.

Неудача не сломила однако энергіи Н. В. Она нашла другое примѣненіе. Ознакомившись во время завѣдыванія воскресными школами съ

крайне невысокимъ уровнемъ общаго женскаго образованія [1]), она съ этихъ поръ поставила цѣлью своей жизни способствовать возможно большему распространенію женскаго средняго и высшаго образованія, какъ основы для женской эмансипаціи и правильной постановки женскаго труда. Благодаря добрымъ усиліямъ прогрессивной журналистики 60-хъ годовъ, среднее женское образованіе въ нѣсколько лѣтъ сдѣлало громадные успѣхи. Въ то время какъ въ развратной Наполеоновской Франціи забитое женское молодое поколѣніе прозябало въ суевѣріяхъ, прививаемыхъ ханжами-монахинями, и весь кругъ жизни его исчерпывался болѣе или менѣе утонченнымъ культомъ амурныхъ тонкостей или двусмысленными пошлостями флирта à la demi-vierge,—для русской женщины открывались всесословныя или скорѣе безсословныя женскія гимназіи, положившія первыя основанія для гуманитарнаго общечеловѣческаго женскаго образованія и, стало быть, для смягченія тѣхъ сословныхъ предразсудковъ, которые имѣютъ твердѣйшій оплотъ въ невѣжествѣ женщинъ, съ его непреоборимымъ женскимъ „fi, donc!“

Но Стасова хорошо понимала, что безъ высшаго образованія немыслима разумная твердая постановка средняго, а потому она особенное вниманіе обратила на это дѣло, пропагандируя его пользу и необходимость вездѣ, гдѣ могла. На содѣйствіе оффиціальнаго вѣдомства просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ реакціонеръ гр. Д. А. Толстой, нечего было разсчитывать. Единственное высшее образовательное учрежденіе создалось помимо и даже вопреки его волѣ, усиліями просвѣщеннаго военнаго министра Д. А. (нынѣ графа) Милютина.

Оставалось устроить высшіе женскіе курсы на частныя средства. Эта трудная и казавшаяся многимъ невозможнымъ, при нашей обычной общественной вялости и непредпріимчивости, задача была задумана и приведена въ исполненіе главнымъ образомъ трудами нѣсколькихъ достойныхъ и энергичныхъ образованныхъ женщинъ, среди которыхъ на первомъ планѣ фигурировала Н. В. Стасова.

Съ 1878 г. Н. В. стояла во главѣ управленія петербургскими высшими женскими курсами. Необыкновенной любви къ дѣлу, неистощимой энергіи и разносторонней, неустанной дѣятельности этой замѣчательной женщины обязано было помянутое молодое, но жизнеспособное учрежденіе тѣмъ,

---

[1]) Еще въ пятидесятыхъ годахъ при Николаѣ I лучшіе педагоги указывали, что „настоящую цѣну имѣетъ только то спеціальное образованіе, которое зиждется и укрѣпляется на твердомъ основаніи общаго“ (см. н. с. Лихачевой, 135).— Грановскій говорилъ, что инструкція для преподаванія исторіи (въ жен. учебн. зав.) такова, что по ней нѣтъ возможности ни проходить исторію, ни писать для нея руководства. „Ученіе отрицало бы,—замѣчаетъ Грановскій,—современное знаніе и достоинство историческаго знанія“. (Тамъ же, 138).

что оно, постепенно укрѣпляясь матеріально и нравственно, открыло многимъ поколѣніямъ русскихъ женщинъ путь къ благому просвѣщенію. Ея такту, гуманности и распорядительности курсы обязаны тѣмъ, что увлеченія представительницъ женскаго молодого поколѣнія, самаго пылкаго, отзывчиваго и легко воспламеняющагося, проходили благополучно для курсовъ.

Не довольствуясь чисто педагогическою стороною дѣла, Н. В. вникала и въ личныя нужды учащейся женской молодежи, большею частью принадлежащей къ недостаточнымъ классамъ, и была самымъ дѣятельнымъ членомъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Труды и заботы Н. В. получили достойное завершеніе, когда курсы обзавелись своимъ собственнымъ прекраснымъ домомъ, могущимъ служить и достойнымъ памятникомъ самодѣятельности русскихъ женщинъ вообще, и Стасовой въ частности. Да и все дѣло высшаго женскаго образованія, которому усердно помогали немногіе изъ мужчинъ, а противодѣйствовали многіе изъ нихъ [1]), было дѣломъ рукъ женщинъ. „Самая мысль (о высшихъ курсахъ), — говоритъ проф. Бекетовъ, — возникла среди женщинъ, онѣ же ее осуществили, развили, укрѣпили и окончательно реализировали. Ими собраны денежныя средства, ими выпрошено правительственное дозволеніе; онѣ служили и до сихъ поръ служатъ дѣлу, не щадя ни средствъ, ни здоровья, ни душевной энергіи“ [2]).

Такъ создались петербургскіе высшіе женскіе курсы, одно изъ лучшихъ учрежденій, призванныхъ къ жизни освободительной эпохою. Памятникъ упорнаго женскаго труда и дѣятелной любви къ просвѣщенію, курсы эти, не точно называвшіеся Бестужевскими, заслуживали бы наименованія *Стасовскихъ*.

Какъ ни очевидна польза высшаго женскаго образованія, какъ ни явны были плодотворные результаты его, оно висѣло на волоскѣ въ недавнее время смуты въ понятіяхъ, время, когда, съ легкой руки „мещерской“ публицистики, извратились всѣ очевидныя истины и когда, говоря стихомъ Жемчужникова, вдругъ стало неизвѣстно, „что глупо, что умно, что честно, что безчестно“. Въ это время господства публицистовъ, замѣнившихъ гражданскую скорбь объ общемъ благѣ, „гражданинскимъ“ воплемъ

---

[1]) Въ числѣ сторонниковъ высшаго женскаго образованія, къ удивленію, фигурируетъ... М. Н. Катковъ (см. главу IV), который, впрочемъ, въ данномъ случаѣ, быть можетъ, не столько интересовался распространеніемъ высшаго образованія, сколько заботами о пропагандѣ своего любимаго дѣтища, грамматическаго классицизма.

[2]) „*Новое Время*“, 3-го октября 1891.

попрошаекъ о подачкахъ на... благородство и бѣдность, въ это время провозглашенья крѣпостническаго лозунга:

Что барщина честнѣй свободнаго труда,
Что мракъ невѣжества полезнѣй просвѣщенья,

высшіе женскіе курсы взяты были подъ сильное подозрѣніе.

Съ 1885 г. курсы стали закрываться, а въ 1889 г. Н. В. Стасова должна была покинуть дорогое дѣло.

Но и этотъ второй ударъ не сломилъ энергіи и стойкости нашей примѣрной общественной дѣятельницы. Не занимая никакого оффиціальнаго поста, Н. В. все-таки до конца дней своихъ и, несмотря на свой преклонный возрастъ, до послѣднихъ минутъ жизни продолжала служить дѣлу женскаго образованія и женскаго труда.

Упавшая 27 сентября на панели Литейнаго проспекта согбенная, полуослѣпшая 73-лѣтняя старуха—была неутомимая радѣтельница женскаго просвѣщенія и интересовъ молодого женскаго поколѣнія—Н. В. Стасова, застигнутая апоплексическимъ ударомъ на пути при исполненіи порученія по женскимъ курсамъ.

Несмотря на трудныя времена, Н. В. ни на мигъ не впадала въ уныніе и была увѣрена въ близкое наступленіе ясныхъ дней для любимаго ея дѣла:

Мы жить еще хотимъ,—не жизнью молодою,—
Она для насъ прошла,—но на закатѣ дней
Мы жаждемъ, чтобъ на насъ повѣяло весною,
Чтобъ теплота влилась могучею волною,
Къ намъ въ душу и зажгла надежды пламя въ ней.

Безпримѣрныя похороны, устроенныя благодарною учащеюся женскою молодежью своей неутомимой попечительницѣ и неизмѣнному, любящему другу показали, что сѣмена, брошенныя любвеобильною, щедрою рукою Н. В., пали на не менѣе любвеобильное, плодоносное поле, согрѣтое лучами многочисленныхъ добрыхъ простыхъ женскихъ сердецъ:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ—то и знай!..

Благодарность друзей женскаго образованія къ памяти великой подвижницы его, Надежды Васильевны Стасовой, будетъ расти по мѣрѣ того, какъ будетъ расти и крѣпнуть это благое дѣло, для котораго, повидимому, наступаютъ болѣе свѣтлые дни.

Если чѣмъ красна была жизнь Н. В. въ послѣдніе дни ея, такъ это рѣдкимъ утѣшеніемъ, котораго лишены были многіе другіе благородные

дѣятели великой эпохи реформъ, утѣшеніемъ, что любимое дорогое для ея сердца дѣло, дѣло всей ея жизни—высшее женское образованіе, преодолѣвъ застарѣлые предразсудки обскурантизма и одичалаго мракобѣсія, находится наканунѣ возрожденія и расширенія.

Этой скромной, но самоотверженной труженицѣ просвѣщенія, этой безкорыстной, несокрушимой идеалисткѣ дано было вкусить — лучшую для человѣка идеи и долга—награду, дождаться момента, когда стали расходиться грозовыя тучи, собравшіяся было надъ ея любимымъ дѣломъ и хоть отчасти сподобиться рѣдкаго, но заслуженнаго счастья среди предразсвѣтной мглы...

. . .солнце новое увидѣтъ предъ кончиной,
Сказать: „оно идетъ!“ и пѣснью лебединой
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ.

IX.

А. М. Фальковскій.

† 3 января 1896 г.

Въ 1896 г. умеръ одинъ изъ старѣйшихъ и уважаемыхъ московскихъ адвокатовъ присяжный повѣренный, почетный членъ Московскаго Юридическаго Общества, Адамъ Михайловичъ Фальковскій. Имя А. М. стояло въ спискѣ присяжныхъ повѣренныхъ московскаго судебнаго округа съ самаго открытія новаго суда и учрежденія сословія корпоративной присяжной адвокатуры, и съ тѣхъ поръ онъ пользовался вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ какъ въ средѣ товарищей, такъ и во всемъ судебномъ вѣдомствѣ, какъ одинъ изъ самыхъ добропорядочныхъ и безкорыстныхъ адвокатовъ.

А. М. Фальковскій—воспитанникъ Московскаго университета временъ Грановскаго. Математикъ по университетской спеціальности, А. М.—подъ вліяніемъ общаго гуманно-просвѣтительнаго духа университетской науки, господствовавшаго во время этого знаменитаго воспитателя длиннаго ряда университетскихъ поколѣній, во всемъ университетѣ, безъ различія факультетовъ—рано заинтересовался соціально-гуманитарными науками. Послѣдующая практическая дѣятельность въ старыхъ московскихъ судебныхъ установленіяхъ еще болѣе сблизила А. М. съ юридико-политическими вопросами. Одинъ изъ немногихъ честныхъ и образованныхъ судей того времени, А. М. умѣлъ какъ бы предвосхитить будущій типъ новаго судебнаго дѣятеля, не ограничивающагося при исполненіи своихъ обязанно-

стей буквовѣдствомъ и механическимъ усвоеніемъ на память статей дѣйствующаго законодательства, но стремящагося къ разумному изъясненію внутренняго смысла его, а также цѣли его отдѣльныхъ институтовъ, согласно научнымъ указаніямъ, даннымъ исторіи и теоріи права.

Но настоящая научно-юридическая и разумная практическая судебная дѣятельность для Фальковскаго началась съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ и съ возникновеніемъ того оживленія въ юридическихъ наукахъ, которое предшествовало ихъ изданію. „Великія реформы минувшаго царствованія и въ особенности судебная,—вспоминалъ въ 1882 г. Фальковскій,—возвысили у насъ значеніе права и вызвали усиленную дѣятельность для дальнѣйшей теоретической и практической разработки его и, наконецъ, настоятельную необходимость въ преобразованіяхъ многихъ частей отечественнаго законодательства, сообразно съ измѣнившимися условіями народной жизни“ [1]). Какъ разъ къ этому времени относится возникновеніе (см. выше главу XVII) перваго русскаго Юридическаго Общества, московскаго. Вступивъ въ составъ его однимъ изъ первыхъ, Фальковскій до самой смерти своей являлся однимъ изъ его самыхъ неутомимыхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ, не пропуская въ теченіе почти тридцати лѣтъ ни одного засѣданія. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ отправлялъ обязанности секретаря Общества и, даже по сложеніи оффиціальнаго званія секретаря, А. М. de facto былъ и остается тѣмъ, что французы называютъ secrétaire perpetuel, т. е. самымъ усерднымъ дѣятелемъ и неизмѣннымъ хранителемъ традицій Общества. Чередовались поколѣнія въ Юридическомъ Обществѣ. Періодъ кратковременнаго оживленія смѣнялся временемъ продолжительной апатіи, когда большинство членовъ безучастно носило номинальное званіе членовъ, и лишь одинъ А. М. не забывалъ свои понедѣльники, свое насиженное мѣсто въ круглой правленской залѣ университета въ концѣ длиннаго стола и, какъ безсмѣнный стражъ науки права и хранитель добрыхъ традицій человѣчности, всегда былъ на лицо и возвышалъ голосъ въ пользу неизмѣнно чтимыхъ имъ святыхъ началъ Судебныхъ Уставовъ.

Не довольствуясь участьемъ въ засѣданіяхъ Юридическаго Общества и сообщеніемъ ему многочисленныхъ докладовъ, Фальковскій почти десять лѣтъ редактировалъ органъ общества „*Юридическій Вѣстникъ*“, не только безвозмездно неся редакторскія обязанности, но и принося, при своихъ ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, очень значительныя пожертвованія для покрытія дефицита журнала.

Всегда близко принимая къ сердцу научные интересы и начинанія Московскаго Юридическаго Общества, А. М. съ большимъ рвеніемъ от-

---

[1]) Первый съѣздъ рускихъ юристовъ. М. 1883, стр. 275—276.

несся къ возникшей въ началѣ семидесятыхъ годовъ мысли о созывѣ перваго съѣзда русскихъ юристовъ. Мысль эта, встрѣченная скептически въ нѣкоторыхъ петербургскихъ юридическихъ сферахъ, тѣмъ не менѣе была осуществлена 5-го іюня 1876 г., послѣ продолжительныхъ подготовительныхъ работъ, въ коихъ А. М. принималъ дѣятельное участіе. Будучи избранъ первымъ секретаремъ съѣзда, А. М. несъ огромный трудъ по редакціи протоколовъ съѣзда. На съѣздѣ онъ докладывалъ совмѣстно съ М. П. Соловьевымъ обширный рефератъ: „Объ изданіи гражданскаго уложенія Россійской имперіи съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ гражданскихъ узаконеній, и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражданскаго права“.

Въ теченіе 1877—1886 гг. Фальковскій занималъ въ московскомъ университетѣ каѳедру гражданскаго судопроизводства, при чемъ, само собою разумѣется, выступалъ самымъ искреннимъ и убѣжденнымъ поборникомъ гуманно-либеральныхъ основъ судебной реформы, культъ которыхъ онъ старался внушить и своимъ слушателямъ.

Не обладая качествами, которыя создаютъ громкую или крикливую ораторскую извѣстность, Фальковскій, чуждый всегда и всякихъ стяжательныхъ маневровъ, никогда не располагалъ обширною практикою, хотя онъ былъ изъ числа первыхъ немногочисленныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, приписавшихся къ московскимъ судебнымъ установленіямъ. Вѣрный правиламъ адвокатской этики, не прерывая никогда связи съ юридическими науками, А. М. всегда былъ желателенъ и пріятенъ для товарищей, какъ благодушный и честный противникъ, для суда—какъ добросовѣстный искатель истины, надежный пособникъ судей.

Въ сословныхъ дѣлахъ А. М. всегда стоялъ за принципы свободной самодѣятельности и посильно боролся противъ нездоровыхъ теченій послѣдняго времени, вызванныхъ междуплеменною враждою и уменьшеніемъ адвокатскаго заработка. Чуткій къ интересамъ молодежи, Фальковскій, въ качествѣ руководителя, всегда принималъ самое горячее участіе въ существовавшей въ Москвѣ (до 1891 г.) организаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, имѣвшей цѣлью знакомить стажьеровъ съ традиціями адвокатуры и принципами профессіональной дѣятельности, а также давать имъ и необходимую практическую подготовку. Г. Фальковскій былъ изъ числа тѣхъ, которые боролись противъ новыхъ крайне стѣснительныхъ правилъ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ (впослѣдствіи отмѣненныхъ Сенатомъ) и которые ратовали за сохраненіе и развитіе старой корпоративной организаціи. Но голосъ ветерана адвокатуры не былъ услышанъ, и организація, съ трудомъ создававшаяся долгими усиліями, какъ извѣстно, была уничтожена вся безъ остатка, въ видахъ со-

кращенія конкуренціи и къ явному ущербу для правильнаго развитія адвокатскаго сословія. Этотъ прискорбный фактъ, — составляющій лишь одинъ изъ маленькихъ эпизодовъ въ длинномъ ряду другихъ ненормальныхъ явленій въ жизни новаго суда, свидѣтельствующихъ объ ослабленіи энергіи въ наше время,

Гдѣ то, что прежде создавала
Живая мысль, идетъ пока
Какъ бы снарядъ, идущій вяло
И силой прежняго толчка

все-таки не поколебалъ у стараго носителя добрыхъ традицій корпоративной адвокатуры вѣры въ ея благородные принципы и въ лучшую будущность для нея.

X.

А. Д. Шумахеръ.

† 31 декабря 1897 г.

И безъ того уже столь порѣдѣвшіе ряды дѣятелей преобразовательной эпохи потеряли еще одно звено. Какъ разъ подъ новый 1898 г. скончался на 78-мъ году сенаторъ Александръ Даниловичъ Шумахеръ, сверстникъ, единомышленникъ и соратникъ Н. Милютина, Арцимовича, Заруднаго, Грота и другихъ дѣятелей великой эпохи реформъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть очищенія и обновленія столь запущеннаго правительственнаго строя Россіи. А. Д. окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1841 году и тогда же поступилъ въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Большую часть своей службы и лучшіе свои годы онъ отдалъ этому учрежденію, гдѣ онъ пріучился усердно работать и уважать начала самоуправленія въ школѣ знаменитаго дѣятеля Н. А. Милютина.

Съ уходомъ его А. Д. занялъ постъ директора департамента въ 1859 г. и тогда же примкнулъ къ передовому кружку, считавшему необходимыми послѣ севастопольскаго грознаго урока всестороннія реформы. — Но пока на очереди стояла великая крестьянская реформа, всѣ другія отступили на задній планъ. Съ начала же шестидесятыхъ годовъ, когда приступлено было къ подготовкѣ общихъ реформъ, А. Д. Шумахеръ всецѣло отдалъ себя на тщательную обработку городского самоуправленія. Не повторяя здѣсь сказаннаго выше въ XIV главѣ, посвященной этому вопросу, замѣтимъ только, что главный трудъ по выработкѣ и проведенію Городового

Положенія 1870 г. палъ на А. Д. Для судебъ этого преобразованія, нѣсколько запоздавшаго, было счастливою особенностью то обстоятельство, что реформою руководилъ не П. А. Валуевъ, почитатель половинчатыхъ и неискреннихъ мѣропріятій. Въ отличіе отъ другихъ реформъ городская избѣгла разслабляющаго и расшатывающаго вліянія этого много обѣщавшаго на словахъ „либерала-соловья“. Какъ выработка, такъ и проведеніе Городового Положенія 1870 г., которое впервые ввело независимое отъ администраціи самоуправленіе, и громадное значеніе коего уясняется лишь изъ сравненія съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ Положеніемъ 1892 г., находились въ рукахъ искренняго сторонника самоуправленія Шумахера. Благодаря этому, городская реформа сравнительно съ другими, шла ровнѣе и безъ тѣхъ толчковъ и коллизій, которыми ознаменовались первые шаги земской, цензурной и судебной реформъ.

Съ 1879 г. Шумахеръ засѣдалъ въ 1 департаментѣ Сената. Хранитель законовъ вообще,—значеніе этой функціи Сената особенно важно, когда борющимися сторонами являются не частныя лица, а органы нашего слабаго самоуправленія съ одной стороны, а съ другой—столь сильная властью, вліяніемъ и средствами воздѣйствія администрація. Если начатки нашего слаборожденнаго самоуправленія не совсѣмъ заглохли во времена еще столь недавней рѣзкой и могущественной реакціи противъ основъ его, то этимъ оно обязано строгимъ, правдивымъ и мужественнымъ блюстителямъ законности вродѣ Шумахера.

Съ 1893 г., послѣ смерти его друга Арцимовича, А. Д. вступилъ, въ качествѣ старшаго сенатора, въ отправленіе обязанностей первенствующаго члена I департамента. Онъ съ твердостью и достоинствомъ отправлялъ почти до самой смерти эту трудную обязанность, оставаясь вѣрнымъ тѣмъ гуманно-просвѣтительнымъ началамъ законности, равноправности и человѣколюбія, которымъ предался смолоду и остался вѣренъ до гробовой доски.—Онъ служилъ этимъ началамъ не только въ тѣ кратковечные періоды, когда все у насъ окрашивалось въ цвѣтъ приторнаго гуманизма и фальшиваго либерализма, но и въ тѣ трудныя времена человѣконенавистничества,

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо...

Одинъ за другимъ покидаютъ свои сторожевые посты старые стойкіе хранители дорогихъ освободительныхъ гуманныхъ началъ, завѣщанныхъ традиціями временъ Бѣлинскаго и Грановскаго. Невольно сжимается сердце при видѣ гроба этихъ старыхъ и неутомимыхъ ветерановъ безтрепетнаго служенія долгу, невольно шепчутъ уста:

Есть ли тамъ смѣна? Прощай!

XI.

Е. П. Старицкій.

† 31-го мая 1899 г.

19-го февраля 93 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня введенія на Кавказѣ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Въ этомъ отношеніи нашей южной окраинѣ сначала очень посчастливилось. Благодаря энергіи Е. П. Старицкаго и др., уже 22-го ноября 1866 года состоялось Положеніе о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Кавказскому краю, самое же открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій тифлисскаго округа имѣло мѣсто 19-го февраля 1868 года. Такимъ образомъ, новый судъ былъ открытъ на Кавказѣ раньше казанскаго, саратовскаго, одесскаго и другихъ европейскихъ судебныхъ округовъ.

Но раннее введеніе на Кавказѣ судебной реформы имѣло и свои неудобства. Она подверглась весьма существеннымъ урѣзкамъ и измѣненіямъ, изъ коихъ самое главное была отсрочка введенія суда присяжныхъ и вообще устраненіе изъ уголовнаго суда народнаго элемента [1]) даже въ видѣ сословныхъ представителей, существовавшихъ прежде на Кавказѣ. Однако гуманныя и просвѣтительныя начала судебной реформы такъ велики и наглядны, что введеніе ея на Кавказѣ, даже въ значительно урѣзанномъ видѣ, имѣло огромное значеніе для культурной миссіи Россіи въ Азіи. Если открытіе гласнаго суда въ самой Россіи произвело и должно было произвести на общество необыкновенно сильное впечатлѣніе, то легко представить, какому диву должны были даться разноплеменные народы Кавказа, увидѣвшіе впервые отправленіе суда скораго, праваго и равнаго для всѣхъ. Даже не понимая языка, на которомъ совершалось судоговореніе, населеніе собственными глазами могло убѣждаться, что это не то, что прежняя тайная административная, часто „своеручная“ расправа.

---

[1]) Исторія кавказской судебной реформы a contrario имѣетъ значеніе и для внутреннихъ губерній. На этотъ поучительный смыслъ ея исторіи вѣрно указалъ петербургскій „*Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*“. Отмѣтивъ незавидное положеніе юстиціи кавказскаго короннаго суда, журналъ говоритъ: „таковы результаты дѣйствія органовъ *безприсяжнаго* суда, въ которомъ новѣйшіе мудрецы видятъ якорь нашего будущаго спасенія отъ беззаконія, преступленій и всѣхъ прочихъ золъ нашей жизни“... При той *розни* между юстиціею и населеніемъ, говорится далѣе, которая существуетъ на Кавказѣ и совершенно обезсиливаетъ правосудіе, въ высокой степени важенъ былъ бы въ интересахъ государства суда и населенія опытъ въ формѣ присяжнаго суда; къ сожалѣнію, добавляетъ журналъ, настроеніе настоящаго времени не позволяетъ и мечтать о возможности чего-нибудь подобнаго (см. № 10 за 1892, стр. 92).

Если про русскую дореформенную администрацію говорятъ, что она была „все во всемъ“, то съ большимъ еще правомъ характеристика эта примѣнима къ кавказской дореформенной администраціи, предъ которою частью de jure, главнымъ же образомъ de facto было совершенно безправно мѣстное населеніе, третируемое вдобавокъ en canaille цивилизаторами-взяточниками. Если старую русскую судебную процедуру сравнивали съ паутиною, сквозь которую свободно проскакивали шмели, и въ которой вязли только мелкія мухи, то тѣмъ болѣе примѣнимо было это уподобленіе къ кавказской юстиціи, огражденной отъ контроля, помимо канцелярской тайны, и отдаленностью отъ административныхъ центровъ. Вотъ почему открытіе гласнаго суда произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе на воспріимчивыхъ впечатлительныхъ южанъ, которые толпами валили въ засѣданіе судовъ и разносили въ самые глухіе углы Кавказа вѣсть о невиданномъ и неслыханномъ дотолѣ „новомъ“ гласномъ судѣ.

„Судъ, основанный на твердыхъ началахъ, независимый отъ внѣшнихъ и случайныхъ вліяній и пользующійся общественнымъ довѣріемъ, есть, по справедливому указанію покойнаго проф. Н. К. Соколова, безъ всякаго сомнѣнія одно изъ величайшихъ благодѣяній, какое только можетъ доставить государство своему гражданину“. Это замѣчаніе примѣнимо и къ кавказской судебной реформѣ, несмотря на всѣ ея громадные недостатки и недочеты. Реформа эта составляетъ эпоху въ исторіи насажденія русской гражданственности на Кавказѣ. Въ предшествовавшія эпохи русская власть далеко не всегда являлась носительницей высшей культуры (достаточно указать на введеніе крѣпостного права, тѣлесныхъ наказаній); въ данномъ же случаѣ созданныя ею учрежденія слишкомъ наглядно поражали всѣхъ своими достоинствами и преимуществами, чтобы они не подняли въ глазахъ туземцевъ истиннаго престижа русской власти и не увеличили къ нему любви и довѣрія. Надо однако сказать, что въ теченіе истекшаго двадцатипятилѣтія кавказскіе суды далеко не вполнѣ оправдали всѣ возложенныя на нихъ надежды. Причины этого явленія частью тѣ же, что и во внутреннихъ губерніяхъ, частью мѣстнаго происхожденія. Крайняя медленность, господство бумажнаго производства въ апелляціонной инстанціи, недоступность для населенія судебнаго языка, отсутствіе въ судѣ живого народнаго элемента и вообще отдаленность судовъ отъ населенія поколебали значеніе новыхъ судовъ, хотя, впрочемъ, они и понынѣ пользуются несравненно большимъ довѣріемъ населенія, нежели прежній „русскій судъ“, котораго кавказцы избѣгали, какъ чумы.

Но какъ бы то ни было, Кавказъ уже 25 лѣтъ пользуется хоть отчасти благами судебной реформы и съ признательностью вспоминаетъ имена лицъ, коимъ онъ обязанъ этимъ благодѣяніемъ. Въ числѣ этихъ именъ

на первомъ планѣ произносится имя извѣстнаго кавказскаго дѣятеля, члена Государственнаго Совѣта, сенатора *Егора Павловича Старицкаго* [1]).

Старицкій принадлежалъ къ числу самыхъ крупныхъ и убѣжденныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ. Съ его именемъ неразрывно связано примѣненіе къ Закавказскому краю великаго освободительнаго акта 19-го февраля и въ особенности открытіе новыхъ судебныхъ установленій. Примыкая по родственнымъ и дружескимъ связямъ [2]), по убѣжденіямъ и склонностямъ къ незабвеннымъ дѣятелямъ либеральной эпохи великихъ реформъ, Е. П., воспитанникъ училища правовѣдѣнія, съ далекаго Кавказа, куда его забросила судьба, подалъ ему руку, какъ только открылась въ 50-хъ годахъ для людей съ „сердцемъ и умомъ“ возможность принять участіе въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ.

Въ разныхъ томахъ обширнаго „дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ [3]) мы находимъ нѣсколько записокъ г. Старицкаго, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ одна *О недостаткахъ дѣйствующаго нынѣ уголовнаго судопроизводства и о примѣненіи предлагаемыхъ пре-*

---

[1]) По поводу кавказскаго судебнаго юбилея одна изъ тифлисскихъ газетъ писала: „Народы Кавказа, быть можетъ, не такъ бы скоро увидѣли судебную реформу, если бы за шесть лѣтъ раньше ея введенія, а именно въ 1863 году, не послѣдовало, благодаря Е. П. Старицкому, открытія межеванія на Кавказѣ *и гласнаго суда по межевымъ дѣламъ*, которые такимъ образомъ за три года предварили введеніе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года въ имперіи. Межевые суды на Кавказѣ, а именно Межевыя Коммиссіи и закавказская Межевая Палата, дали блестящій опытъ возможности введенія въ нашемъ краѣ общаго гласнаго суда. Первое публичное засѣданіе межевой платы было зимою 1863 года. Корридоры и всѣ комнаты въ домѣ Читахова, на Головинскомъ проспектѣ, въ которомъ помѣщалась тогда Межевая Палата, были биткомъ набиты народомъ. На улицѣ стояла масса, которой не удалось проникнуть въ зданіе. Въ залѣ засѣданія господствовала торжественная тишина, и видимо было, что всѣ сидѣвшіе въ ней съ умиленіемъ взирали на невиданное зрѣлище публичнаго суда, совершавшагося передъ народомъ во имя Царя, изображеніе котораго на портретѣ давало чувствовать, что правда и справедливость гарантированы его невидимымъ присутствіемъ.— Тихимъ голосомъ доложилъ Е. П. Старицкій, бывшій тогда предсѣдателемъ Межевой Палаты, первое дѣло, и послѣ преній сторонъ вынесена была резолюція, по которой рѣшился давнишній споръ о землѣ, безнадежно тянувшійся въ прежнихъ судахъ. Ничто не нарушало торжественнаго отправленія правосудія, и лишь когда была прочитана резолюція по указу Е. И. В., одинъ старикъ крестьянинъ перекрестился и, поклонившись передъ портретомъ Государя, поднялъ руки къ небу и взволнованнымъ голосомъ произнесъ: Да будетъ благословенъ нашъ Царь наконецъ мы дождались суда праведнаго“. („*Тифлисскій Листокъ*“, 1893, № 41).

[2]) Онъ женатъ на сестрѣ С. И. Заруднаго, главнаго руководителя судебной реформы, и находился въ самыхъ задушевныхъ отношеніяхъ съ другимъ важнымъ дѣятелемъ ея, Н. А. Буцковскимъ (см. выше).

[3]) См. опись этого дѣла въ приложеніи къ книгѣ моей „Основы судебной реформы“.

образованій къ Закавказскому краю [1]). Указывая на недостатки нашего стараго дореформеннаго процесса, г. Старицкій даетъ такую характеристику стараго суда: „подсудимые содержатся подъ стражею цѣлые годы и потомъ оставляются въ подозрѣніи по недостатку формальныхъ уликъ; самое наказаніе, опредѣляемое по прошествіи столь долгаго времени, представляется уже не справедливымъ возмездіемъ за преступленіе, а какимъ-то *вторичнымъ истязаніемъ* за вину, давно всѣми забытую и давно искупленную самимъ преступникомъ, вслѣдствіе долговременнаго его томленія въ тюрьмѣ и медленныхъ переходахъ дѣла по всѣмъ степенямъ слѣдствія и суда". Приводя многочисленные примѣры дѣлъ, *не рѣшенныхъ* „за справками" по прошествіи *12 лѣтъ* отъ начала дѣлъ, г. Старицкій продолжаетъ: „легко представить себѣ, какое вліяніе имѣютъ подобные примѣры на общественную нравственность и на степень довѣрія къ правительству. Если томительная медленность и многосложность, составляющія отличительный характеръ нашего судопроизводства, кажутся столь тягостными для людей, знакомыхъ съ русскими учрежденіями и къ нимъ привыкшихъ, то они представляются совершенно невыносимыми для туземцевъ Закавказскаго края. Сохранивъ воспоминаніе о прежнихъ простыхъ и естественныхъ способахъ обличенія преступника и немедленнаго его наказанія, туземцы и въ особенности мусульманне не могутъ примириться съ ложными и медленными формами и обрядами нашего слѣдствія и суда: неправильный приговоръ они поставили бы въ вину судьямъ, медленность же и многосложность судопроизводства они ставятъ въ вину правительству, считая его безсильнымъ къ открытію и наказанію виновныхъ".

Переходя затѣмъ къ плану судебной реформы, Е. П., между прочимъ, настаиваетъ на необходимости для суда судить не по бумажному матеріалу, собранному судебными слѣдователями, „рѣшавшими, — по его вѣрному замѣчанію,—участь подсудимаго", а на основаніи внутренняго убѣжденія, получаемаго *единственно* чрезъ непосредственный допросъ подсудимаго и свидѣтелей. Вслѣдствіе этого онъ рѣшительно возстаетъ противъ порядка, существующаго нынѣ на Кавказѣ, а именно, противъ перевершенія, на основаніи бумажнаго матеріала, въ апелляціонномъ порядкѣ приговора, основаннаго на непосредственномъ личномъ знакомствѣ судей съ обстоятельствами дѣла. Но дабы сообщить приговорамъ первой инстанціи надлежащій юридическій и нравственный авторитетъ, г. Старицкій, считая пока невозможнымъ въ то время (1862 г.) введеніе суда присяжныхъ на Кавказѣ, предлагалъ усовершенствовать существовавшій тамъ

---

[1]) См. т. XVII Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи. Матеріалы, № 9.

институтъ *общественныхъ представителей, безъ которыхъ судъ не можетъ внушить полнаго довѣрія.*

„Въ настоящее время,—писалъ г. Старицкій,—въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ участвуютъ въ губерніяхъ Кутаисской, Эриванской и Дербентской одни члены губернскаго суда, а въ Тифлисской и Шемахинской—члены уѣзднаго суда и судебной палаты. Изъ числа. ихъ *члены отъ сословій*, не зная русскаго языка и не будучи знакомы съ многосложными формами письменнаго судопроизводства, подписываютъ то, что имъ представляютъ; члены отъ правительства, управляя каждый своею частью, не въ состояніи изучить уголовное дѣло по документамъ и должны по необходимости вѣрить въ семъ отношеніи докладу канцеляріи или члена, завѣдующаго уголовною частью; затѣмъ рѣшеніе дѣла въ сущности зависитъ отъ сего послѣдняго члена, а онъ лишенъ возможности составить о дѣлѣ правильное заключеніе, ибо обязанъ полагаться *во всемъ на слѣдствіе.* Изъ этого очевидно, какъ мало гарантіи представляетъ въ настоящемъ составѣ уголовнаго суда и порядкѣ разсмотрѣнія онымъ уголовныхъ дѣлъ и какъ легко слѣдовательно устроить уголовный судъ на мѣстѣ такъ, чтобы онъ въ отношеніи личнаго состава представлялъ если не большія, то по крайней мѣрѣ тѣ же гарантіи, которыя представляютъ въ настоящее время составъ губернскаго суда или соединенный составъ уѣзднаго суда и палаты. Для этого вполнѣ достаточно къ существующему составу уѣзднаго суда, заключающаго въ себѣ трехъ чиновниковъ по опредѣленію отъ правительства, придать, съ одной стороны, *выборныхъ отъ сословій*, которые своимъ знаніемъ мѣстнаго языка и народныхъ обычаевъ могли бы способствовать суду въ разъясненіи дѣла при словеспомъ разборѣ и служить народу ручательствомъ въ безпристрастныхъ дѣйствіяхъ суда; а съ другой стороны,—одного изъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ, который въ качествѣ предсѣдателя руководилъ бы всѣми дѣйствіями суда при словесномъ разборѣ и своимъ присутствіемъ устранялъ бы вліяніе мѣстныхъ интересовъ и пристрастія.

„Подобныя присутствія,—продолжаетъ авторъ,—могли бы быть открываемы въ каждомъ уѣздномъ городѣ въ извѣстные сроки, какъ, напримѣръ, два раза въ годъ. Засѣданія ихъ могли бы продолжаться по мѣрѣ накопленія дѣлъ, по коимъ возникли и окончены слѣдствія въ теченіе полугода, и такъ какъ при введеніи словеснаго разбора въ высшей степени должно упроститься и ускориться производство въ судѣ каждаго дѣла, то засѣданія въ уѣздѣ каждаго дѣла не могутъ продолжаться болѣе двухъ или трехъ недѣль, въ теченіе коихъ будутъ окончательно рѣшены всѣ дѣла, возникшія въ предшествовавшее полугодіе. Для введенія этого порядка въ Закавказскомъ краѣ достаточно пяти высшихъ гражданскихъ чиновниковъ по одному для губерніи; каждый изъ нихъ, будучи обязанъ

открывать въ каждомъ уѣздѣ срочныя засѣданія два раза въ годъ, долженъ будетъ употребить на это съ разъѣздами около десяти мѣсяцевъ и будетъ имѣть два мѣсяца для отдохновенія. Съ своей стороны выборные отъ сословій будутъ въ каждомъ уѣздѣ обязаны участвовать въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ не болѣе шести недѣль въ году и при установленномъ порядкѣ словеснаго разбора будутъ въ состояніи принимать *дѣятельное и живое* участіе въ разъясненіи и рѣшеніи дѣла. Какъ краткость времени, которое они должны жертвовать на служеніе общему дѣлу, такъ и интересъ ихъ обязанностей могутъ служить ручательствомъ, что обязанности эти охотно примутъ на себя лучшіе изъ мѣстныхъ жителей, въ особенности, если исполненіе сихъ обязанностей будетъ сопряжено съ почетомъ и будетъ давать прослужившимъ извѣстное время право на какое-либо отличіе; они могутъ быть вызваны *присяжными членами* и могутъ послужить впослѣдствіи къ установленію *дѣйствительнаго суда присяжныхъ*, въ то время, когда развитіе народной нравственности и образованіе дозволятъ приступить къ введенію въ краѣ сего послѣдняго учрежденія. Что касается до обезпеченія правильности рѣшенія посредствомъ установленія лучшаго порядка для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ и постановленія приговора, то въ семъ отношеніи нельзя не убѣдиться, что предоставленіе уголовному суду права непосредственнаго передопроса подсудимаго, свидѣтелей и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и доставленіе подсудимому возможности представить предъ судомъ на словахъ не только общую защиту свою, но и частныя объясненія противъ каждаго изъ свидѣтельскихъ показаній и каждой приводимой противъ него улики,—представляетъ такія обезпеченія, которыя въ сущности далеко превосходятъ всѣ какія бы то ни было средства, предоставляемыя къ защитѣ подсудимому письменною обработкою дѣла, рукоприкладствомъ, ревизіею или апелляціею.

„Наконецъ, — говоритъ въ заключеніе г. Старицкій, — довершеніемъ обезпеченія правильности рѣшенія уголовныхъ дѣлъ можетъ служить допущеніе въ судъ постороннихъ лицъ, присутствіе коихъ, съ одной стороны, будетъ побуждать судей и всѣхъ чиновниковъ къ добросовѣстному исполненію ихъ обязанностей и къ пріобрѣтенію всеобщаго чрезъ сіе *уваженія* и *одобренія*, а съ другой стороны, будетъ воздерживать ихъ отъ всякаго нарушенія установленнаго порядка и отъ всякихъ притѣснительныхъ и противозаконныхъ дѣйствій“.

Къ сожалѣнію, при примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Закавказскому краю не былъ осуществленъ первоначальный планъ г. Старицкаго о привлеченіи народнаго элемента, что не могло не повредить полному успѣху реформы на Кавказѣ.

Е. П. Старицкій принималъ не только живое участіе въ подготови-

тельныхъ законодательныхъ работахъ, но и въ практическомъ осуществленіи судебной реформы на Кавказѣ. Въ качествѣ перваго старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты и стало быть перваго руководителя новаго сложнаго дѣла, Е. П. понесъ не мало трудовъ и вынесъ не мало столкновеній и огорченій. Если и во внутреннихъ губерніяхъ не легко было первымъ судебнымъ дѣятелямъ примѣнять начала новаго суда, праваго, равнаго для всѣхъ и независимаго отъ административнаго давленія, то легко представить себѣ, какъ велики были затрудненія дѣятелей новаго суда на Кавказѣ, гдѣ администрація издавна привыкла считать себя единственною, полновластною и безконтрольною представительницею закона и государственныхъ интересовъ. Только высокій нравственный авторитетъ, которымъ пользовался Е. П. на Кавказѣ, могъ сохранить за тамошнимъ судомъ ту небольшую долю самостоятельности, которая сохранена за нимъ закономъ. Несмотря на сильное ограниченіе судейской несмѣняемости, допущенное закономъ 22-го ноября 1866 г., сколько намъ извѣстно, ни разу не было примѣнено на Кавказѣ, пока во главѣ судебнаго вѣдомства стоялъ г. Старицкій, право намѣстника кавказскаго отрѣшать судей отъ должности безъ суда.

Любя новый судъ всею душею, Е. П. принесъ ему безпримѣрную жертву, на которую способны только благородныя и возвышенныя натуры. Вынеся на своихъ плечахъ самый тяжелый первый періодъ существованія новаго суда, спустя семь лѣтъ по открытіи его, г. Старицкій добровольно сошелъ съ *перваго* мѣста *на второе*, уступивъ должность старшаго предсѣдателя департамента. Онъ надѣялся этимъ рѣдкимъ актомъ личнаго самопожертвованія облегчить условія существованія другому учрежденію. Къ сожалѣнію, великодушный шагъ Е. П. не принесъ желаемыхъ послѣдствій, и ему выпалъ непріятный, но обычный въ такихъ случаяхъ жребій убѣдиться, какъ мало поняли и оцѣнили его благородный поступокъ многіе, не исключая и того преемника, который ближайшимъ образомъ воспользовался плодами его великодушнаго поступка. Но за то въ средѣ лучшихъ кавказскихъ судебныхъ дѣятелей имя Е. П. чтится до сихъ поръ свято и служитъ имъ могучимъ напоминаніемъ о вѣрномъ служеніи на этой отдаленной окраинѣ Россіи просвѣтительнымъ идеямъ новаго суда.

Съ конца 70-хъ годовъ г. Старицкій перешелъ на службу въ Петербургъ, въ Государственный Совѣтъ, въ качествѣ члена его. Здѣсь пришлось ему исполнить, между прочимъ, труднѣйшую задачу по ликвидаціи интендантскихъ счетовъ за послѣднюю войну и окончаніе разсчетовъ казны съ Николаевскою желѣзною дорогою. Убѣжденный сторонникъ принциповъ судебной реформы, Е. П. съ рѣдкимъ гражданскимъ мужествомъ отстаивалъ ихъ въ 80-хъ годахъ при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ Положенія о земскихъ начальникахъ и др. законовъ, шедшихъ въ раз-

рѣзъ съ коренными основами судебной реформы. Онъ возставалъ противъ „напрасной *ломки* существующихъ, уже окрѣпшихъ и доказавшихъ свою пользу учрежденій; противъ лишенія мѣстнаго населенія такихъ Высочайше дарованныхъ ему правъ, которыя ему особенно дороги и сохраненіе коихъ не противно государственнымъ интересамъ“. Но голосъ заслуженнаго ветерана судебной реформы не могъ остановить стремительнаго похода, предпринятаго противъ нея [1]) гр. Д. А. Толстымъ. Хотя Старицкій давно уже покинулъ Кавказъ, но смерть его была встрѣчена выраженіемъ искренняго соболѣзнованія со стороны мѣстнаго населенія и печати. Система травли и взаимнаго науськиванья давно знакома кавказскимъ жителямъ, но среди нихъ находили сочувствіе дѣятели, которые умѣли найти простую, но вѣрную формулу согласованія общегосударственныхъ интересовъ Россіи и безвредныхъ для нея мѣстныхъ особенностей, вѣрившіе въ истинно простое воздѣйствіе государства на окраины не системою ежевыхъ рукавицъ и фанатическимъ гоненіемъ вѣковыхъ особенности народовъ, а распространеніемъ благъ русской культуры. И. конечно, Старицкіе и ихъ единомышленники больше сдѣлали для обаянія имени Россіи, чѣмъ всевозможные виды быстрой административной расправы и скоропалительной механической руссификаціи.

XII.

Н. Г. Чернышевскій.

† 17-го октября 1889 г.

Самостверженныя заслуги и стойкое служеніе русской журналистики въ крестьянскомъ дѣлѣ громадны и не разъ были громко признаны. Только подъ вліяніемъ журнальныхъ статей и возникшей оживленной полемики стали уясняться для правительства и общества элементы крестьянскаго вопроса, составлявшіе, по удостовѣренію предмѣстника Н. А. Милютина, товар. мин. внутр. дѣлъ А. И. Левшина, истинную terram incognitam [2]). Только подъ вліяніемъ журнальныхъ статей стала шевелиться критическая мысль среди одичалыхъ душевладѣльцевъ медвѣжьихъ

---

[1]) См. сообр. члена Госуд. Совѣта Е. П. Старицкаго по проекту положеній о земскихъ начальникахъ стр. 3.

[2]) См. Воспоминаніе Левшина въ „Русск. Арх.“ 1885, ноябрь, а также ср. выше II главу данныя о крестьянскихъ надѣлахъ.

угловъ, привыкшихъ смотрѣть на крѣпостное право, какъ на освященную временемъ и церковнымъ авторитетомъ неприкосновенную [1]), самобытную-народно-государственную святыню, и тогда какъ меньшая, лучшая и небогатая, но образованная часть дворянства пошла рука объ руку съ правительствомъ и передовымъ общественнымъ мнѣніемъ навстрѣчу великой народной проблемѣ, большая же часть по тупости и невѣжеству дѣлала всякія усилія, чтобы остановить проклятый вопросъ и, считая печать главною виновницею его постановки, стремилась зажать ей ротъ [2]). Но наивныя усилія апологетовъ крѣпостного права остановить движеніе вопроса, надвигавшагося съ неумолимою стремительностью стихійнаго явленія (безъ крѣпостного права, помилуйте, у насъ некому будетъ пищу варить,—говорили иные помѣщики, считая этотъ доводъ неотразимымъ), не привели ни къ чему и, несмотря на всѣ горечи и непріятности, о которыхъ на ряду съ К. Д. Кавелинымъ долженъ былъ вспоминать М. Н. Катковъ, русскіе журналы доблестно исполняли свой гражданскій долгъ.

Журнальныя статьи были единственнымъ источникомъ, изъ котораго ошеломленные 100.000 полицеймейстеровъ могли черпать свѣдѣнія о грозномъ вопросѣ, требовавшемъ отъ нихъ отвѣта. Хотя раздражались, бранились помѣщики, но зачитывались журналами, и если не всѣ 1.500 членовъ губернскихъ комитетовъ, то болѣе добросовѣстные, образованные, желавшіе разъяснить себѣ дѣло, прежде чѣмъ подавать голосъ, могли уяснить себѣ элементы вопроса [3]). Въ ряду вліятельныхъ журналовъ того времени первое мѣсто и по распространенности, и по авторитету занималъ „*Современникъ*“, а въ немъ общепризнанное первенствующее мѣсто принадлежало и по общему вліянію, и по количеству, и по качеству ста-

---

[1]) Огромное воспитательное значеніе для всѣхъ читающихъ журналъ,—пишетъ бывшій мир. посредникъ Крыловъ,—имѣла печать. Благодаря либеральной печати уменьшилась крѣпостная тяжесть; стыдились отнимать у крестьянъ дни, стыдились хвастать своею строгостью, которая переходила въ жестокость. Главная же заслуга печати та, что она возбуждала мысль, какъ приступить къ дѣлу освобожденія и что именно надобно было для прочнаго существованія порядка послѣ освобожденія крестьянъ на волю. Крестьяне на гласность смотрѣли такъ: „дѣло пошло на огласку, ужъ теперь господа его не скроютъ“ (См. „*Вѣстн. Европы*“ 1900, май, 153—154).

[2]) Въ первомъ же засѣданіи Симбирскаго губернскаго комитета депутатъ Шидловскій, указывая на какой-то толстый журналъ, гдѣ осмѣивалось крѣпостное право и выставлялись злоупотребленія помѣщичьей власти, предложилъ просить правительство объ обузданіи печати. Вышучивая это предложеніе, В. Н. Татариновъ предлагалъ препроводить журналъ губернатору и указать, что вотъ гдѣ корень зла, вотъ причина торопливыхъ ожиданій крестьянъ. См. воспоминанія Крылова (тамъ же, 155). Хотя Шидловскаго поддерживали крѣпостники, но предложеніе не прошло. См. н. книгу „Вѣстникъ Европы“, стр. 160.

[3]) Тамъ же, 154.

тей неофиціальному редактору, но фактическому руководителю журнала знаменитому ученому, публицисту, критику и экономисту Николаю Гавріиловичу Чернышевскому.

Сынъ саратовскаго соборнаго протоіерея, Чернышевскій (род. 12 іюля 1828 г.) первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца, человѣка весьма образованнаго, начитаннаго и имѣвшаго возможность дать своею библіотекою удовлетвореніе рано пробудившейся въ сынѣ жаждѣ къ знанію и страсти къ чтенію. Въ 1844 г. поступилъ Чернышевскій въ саратовскую семинарію въ классъ риторики и уже въ это время успѣлъ проявить рельефно всѣ черты ума и сердца, которыя съ такимъ блескомъ обнаружились впослѣдствіи. Онъ уже зналъ 7 западныхъ и восточныхъ языковъ, которые давались ему замѣчательно легко. Въ исторіи и философскихъ наукахъ онъ былъ настолько свѣдущъ и такъ умно начитанъ, что былъ живымъ словаремъ не только для учениковъ, но и учителей, изъ коихъ послѣдніе находили удовольствіе въ бесѣдахъ не по годамъ развившагося геніальнаго юноши. Рядомъ съ необычайной силы умственными способностями и неистощимымъ трудолюбіемъ (едва ли не одинъ Чернышевскій имѣлъ терпѣніе впослѣдствіи прочесть всѣ Труды редакціонной коммиссіи по крестьянскому дѣлу и даже провѣрить ея безконечные статистическіе матеріалы) шли теплота сердца, необыкновенная кротость и мягкость въ обращеніи (въ семинарскомъ аттестатѣ Чернышевскаго значилось: прилежанія ревностнаго, поведенія весьма скромнаго). Застѣнчивый, близорукій, сдержанный и ровный этотъ высокорослый „семинаръ“ болѣе напоминалъ скромную дѣвушку, нежели обычнаго „героя“ класса риторики [1]). Не только въ семьѣ, но и среди товарищей и впослѣдствіи всю свою жизнь онъ поражалъ своимъ ровнымъ и мягкимъ отношеніемъ ко всѣмъ. Ничто на даетъ такого яркаго представленія о величіи души этого удивительнаго человѣка, какъ то, что онъ, несмотря на разразившуюся надъ нимъ тяжкую катастрофу, да притомъ въ цвѣтущую пору жизни, до послѣднихъ дней сохранилъ почти дѣтскую кротость, и никто никогда изъ его устъ не слыхалъ не только проклятія его врагамъ, которымъ, навѣрное, давно онъ простилъ, но и какую-нибудь жалобу на удары судьбы, естественную и не для человѣка tanti nominis...

Въ 1852 году Чернышевскій окончилъ курсъ по филологическому факультету с.-петербургскаго университета. Во время прохожденія университетскаго курса онъ сблизился съ кружкомъ А. И. Введенскаго и подъ его вліяніемъ предался изученію естественныхъ и соціально-экономиче-

---

[1]) См. № 17 октября 1899 „Закаспійскаго Обозрѣнія“, гдѣ по случаю 10-й годовщины смерти помѣщены были обстоятельная статья и хорошій портретъ.

скихъ наукъ. Послѣ кратковременнаго учительства въ Саратовѣ, куда манила его родная семья, Чернышевскій защищалъ въ 1854 г. диссертацію „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности".

Несмотря на блестящую, а, можетъ быть, благодаря именно этому блеску, защиту, показавшую, что на литературномъ горизонтѣ взошла новая звѣзда, достойная занять мѣсто Бѣлинскаго, диссертація не была пропущена къ печати министромъ Норовымъ и напечатана была лишь потомъ, въ 1858 г.

Съ 1854 г. Чернышевскій вошелъ въ качествѣ литературно-ученаго критика въ составъ редакціи „*Современника*", и съ тѣхъ поръ онъ не разставался съ журналомъ вплоть до заключенія въ крѣпость 7 іюля 1862 г.

При тѣхъ стѣсненіяхъ, какія существовали для печати относительно вопросовъ, такъ или иначе затрогивающихъ крѣпостное право не только при Николаѣ I, но и въ началѣ царствованія Александра II, никто не смѣлъ заикнуться не только объ отмѣнѣ крѣпостного права, но и вообще объ улучшеніи экономическаго быта крестьянъ. Но какъ только стало возможнымъ съ начала 1857 г. касаться разныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса, Чернышевскій весь отдался ему.

Великій мастеръ въ умѣньѣ выбирать темы на злобу дня, вопросы, заслуживающіе общественнаго вниманія въ данную минуту, и поддерживать интересъ къ нимъ путемъ неподражаемой, горячей, остроумной, строго-научной, но общедоступной разносторонней полемики, Чернышевскій на сей разъ бросилъ перчатку экономисту старой буржуазной школы Вернадскому. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ необходимости сохраненія русскаго общиннаго землевладѣнія, онъ началъ полемику съ спеціальнымъ экономическимъ журналомъ „*Экономическій Указатель*", издаваемымъ проф. И. Вернадскимъ. Послѣдній отнесся свысока къ вызову молодого дилетанта (противники называли „*Современникъ*" органомъ мельчайшихъ) и, будучи послѣдователемъ фритредерства, высказался за уничтоженіе общины, въ которой онъ видѣлъ тормазъ для развитія сельскаго хозяйства. Отсюда возгорѣлась продолжительная и въ высшей степени поучительная полемика, не лишенная серьезнаго значенія и для нашего времени въ виду повторенія марксистами старыхъ, давно опровергнутыхъ доводовъ противъ общиннаго владѣнія. Въ первой статьѣ, написанной по поводу только что вышедшей извѣстной книги Гакстгаузена („*Современникъ*" 1857, № 7), посвященной русскому земледѣлію, Чернышевскій намѣчаетъ схему тѣхъ положеній, блестящимъ развитіемъ коихъ въ рядѣ послѣдующихъ замѣчательныхъ статей въ теченіе трехъ лѣтъ онъ окончательно разбилъ на голову своихъ противниковъ и оказалъ громадную услугу крестьянскому дѣлу, склонивъ общественное мнѣніе въ пользу сохраненія общиннаго владѣнія.

Не раздѣляя вовсе мистической гордости славянофиловъ, считавшихъ общину невѣдомымъ міру, самобытнымъ изобрѣтеніемъ одного славянскаго генія, Чернышевскій доказывалъ, что общинное землевладѣніе, какъ выработанное самою жизнью, должно быть сохранено, пока оно само, съ наступленіемъ новыхъ экономическихъ условій, не признаетъ цѣлесообразнымъ видоизмѣнить или отмѣнить эту патріархальную форму владѣнія. Считая лишеннымъ основанія утвержденіе противниковъ общины, будто она служитъ препятствіемъ для развитія сельскаго хозяйства и будто обязательно должно пройти форму частнаго владѣнія, чтобы перейти въ фазу усовершенствованнаго коллективнаго владѣнія, Чернышевскій доказывалъ, что община легко можетъ миновать стадію частнаго владѣнія и неизбѣжнаго съ нимъ пролетаріата. Считая по цензурнымъ условіямъ невозможнымъ касаться прямо крѣпостного права, Чернышевскій, на основаніи книги Гакстгаузена, мимоходомъ показываетъ возможность съ выгодою вести хозяйство при вольнонаемномъ трудѣ. Окончательный свой выводъ Чернышевскій формулируетъ такъ: мы вовсе не расположены считать общинный духъ какимъ-нибудь таинственнымъ качествомъ, исключительно свойственнымъ славянской или великорусской натурѣ. Мы просто полагаемъ, что вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, надолго задержавшихъ Россію въ состояніи, близкомъ къ патріархальному быту, онъ сохранился у насъ довольно неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ исчезъ онъ изъ обычаевъ тѣхъ племенъ Западной Европы, которыя болѣе нашего участвовали въ движеніи исторіи. Наша историческая неподвижность послужила источникомъ многихъ бѣдствій; она—органъ нашей малой образованности, нашей бѣдности, нашей лѣни и т. д. Но среди пагубныхъ слѣдствій есть нѣчто иное, становящееся нынѣ чрезвычайно важнымъ и полезнымъ. Экономическое движеніе въ Западной Европѣ порождаетъ страданія пролетаріата. У насъ сохранилось противоядіе отъ болѣзни, и мы бы поступили очень неразсчетливо, если бы по нелюбви къ патріархальности отступили отъ него (48—49).

Цѣль Чернышевскаго была достигнута. Статья произвела огромное впечатлѣніе. Она задѣла за живое многихъ, и въ журналахъ появилось множество возраженій. Объ общинѣ заговорили всѣ, а это только и нужно было Чернышевскому. Не развлекаясь партизанскою войною, Чернышевскій сосредоточилъ мощь своей полемики противъ главнаго врага, Вернадскаго, говорившаго какъ бы ex cathedra во имя европейской науки, отождествляемой часто съ узко-буржуазными тенденціями Бастіа. Чернышевскій выступилъ съ двумя большими статьями „о поземельной собственности“, въ которыхъ при помощи исторіи и статистики наглядно и съ богатою эрудиціею доказываетъ возможность преуспѣянія земледѣлія при общинномъ владѣніи („*Современникъ*“ 1875, № 9 и 11).

Проходитъ цѣлый годъ, и Чернышевскій, подобно Ахиллесу, удалившемуся въ свою палатку, какъ будто забылъ про затѣянную имъ полемику. Наконецъ, въ декабрьской книгѣ „*Современника*“ за 1858 г. появляется извѣстная статья „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“, въ которой на эзоповскомъ языкѣ, при помощи излюбленной формы параболы, Чернышевскій поясняетъ причину своего молчанія. На упрекъ Вернадскаго, что онъ напрасно взялся за обсужденіе общиннаго владѣнія, Чернышевскій отвѣчаетъ: „Я стыжусь самого себя. Мнѣ совѣстно за безвременную самоувѣренность, съ которою я поднялъ этотъ вопросъ. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, между прочимъ, сталъ глупъ въ собственныхъ глазахъ“. Чтобы понять его странное вступленіе, нужно вспомнить бурную исторію вопроса о крестьянскомъ надѣлѣ.

Когда въ началѣ 1857 г. Чернышевскій поднималъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, то онъ исходилъ, разумѣется, изъ того соображенія, что крестьяне будутъ освобождены съ землею, а иначе не изъ-за чего было и хлопотать. Но первые освободительные рескрипты 57 г. показали, что правительство считало невозможнымъ надѣленіе крестьянъ землею, какъ потомъ при Ростовцевѣ считало невозможнымъ лишеніе крестьянъ земли.

Первою статьею въ русской печати, открыто поставившей этотъ жгучій вопросъ о надѣлѣ и выпускѣ, была извѣстная статья „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ за подписью „Современникъ“, напечатанная въ апрѣльской книгѣ „*Современника*“ 1858 г. (см. выше II главу). Она вызвала настоящую бурю. По цензурѣ послѣдовали строжайшія распоряженія, авторъ статьи, К. Д. Кавелинъ, былъ отданъ отъ преподаванія гражданскаго права наслѣднику. Но мысль Кавелина была поддержана „*Русскимъ Вѣстникомъ*“, Тверскимъ Комитетомъ, а къ осени 1858 г., съ возвращеніемъ изъ за границы Ростовцева, ставшаго рѣшительнымъ защитникомъ надѣла, буря улеглась, причинивъ печати, по выраженію Каткова, не мало напрасныхъ терзаній.

Возвращаясь къ полемикѣ съ Вернадскимъ и др. въ статьѣ своей, служащей по глубинѣ эрудиціи, остроумію, по тону, исполненному достоинства, несмотря на свою тонкую язвительность, настоящимъ образцомъ сильнаго слова, Чернышевскій окончательно доказываетъ мысль, что въ эволюціи явленій высшая степень развитія совпадаетъ съ его началомъ и что первобытному общинному владѣнію нѣтъ необходимости [1]) перейти

---

[1]) Какъ оказывается, сами основатели марксизма не смотрѣли на свои законы, какъ на велѣніе фатума; см. „*Міръ Божій*“ 1900 г. № 2, статью г. Дживелегова: „Оговорка матеріалистическаго пониманія исторіи“.

въ частное. Положеніе это иллюстрируется Чернышевскимъ всевозможными примѣрами, взятыми изъ области геологіи и физіологіи, математики и біологіи, исторіи и филологіи и пр. Но, къ сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности ознакомить въ цѣломъ съ этою блестящею аргументаціею, а въ мелкихъ отрывкахъ она теряетъ всю свою соль и букетъ.

Въ статьѣ „Экономическая дѣятельность и законодательство“ Чернышевскій возражаетъ противъ устарѣлаго ученія: laissez faire, laissez passer“ и стоитъ за разумное вмѣшательство государства въ явленія экономической жизни („*Совр.*“ 1859 г. № 2).

Въ послѣдней статьѣ „Суевѣріе и правила логики“ Чернышевскій наглядно обнаруживаетъ всю безсмыслицу критики, приписывавшей низкій уровень земледѣлія въ Россіи именно общинному владѣнію. Указывая на то, что враги общины симптомъ смѣшиваютъ съ болѣзнью, Чернышевскій продолжаетъ: „потому и отвратительно намъ слышать разсужденіе отсталыхъ экономистовъ, что дурное состояніе нашего земледѣлія можетъ быть исправлено замѣною общиннаго землевладѣнія частнымъ. Не потому отвратительно слышать намъ эти тупоумныя, суевѣрныя разсужденія, что мы приверженцы общиннаго: нѣтъ, все равно мы негодовали бы на нихъ и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше. Каково бы ни было вліяніе системы землевладѣнія на успѣхи сельскаго хозяйства, все-таки это вліяніе совершенно ничтожно по сравненію съ неизмѣримымъ могуществомъ тѣхъ условій нашей общественной жизни (судъ, администрація), въ которыхъ кроются истинныя причины жалкаго положенія нашего землевладѣнія“.

Кромѣ нѣсколькихъ другихъ статей, Чернышевскій завѣдывалъ особымъ отдѣломъ „*Современника*“, — „Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ“, гдѣ онъ тщательно группировалъ съ надлежащимъ разборомъ всѣ появившіяся въ печати статьи по крестьянскому вопросу.

Въ одномъ изъ его номеровъ (1859 г., № 10) Чернышевскій резюмируетъ свои пожеланія: сохраненіе существующихъ надѣловъ съ обязательнымъ выкупомъ, для чего, по его вычисленію, достаточно было бы 531.000.000 руб. Размѣръ выкупа онъ считалъ справедливымъ и посильнымъ налагать въ 70—90 руб. (на дѣлѣ онъ былъ назначенъ выше), а потому невреднымъ.

А если требовать выкупа въ 150 руб., народъ изнеможетъ подъ такою тяжестью выкупа,—пишетъ Чернышевскій.—И что тогда будетъ? Чего ждетъ теперь крестьянинъ? Онъ ждетъ воли. Чего ждетъ онъ отъ

---

[1]) Въ собраніи статей Чернышевскаго, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, статьи „Труденъ ли выкупъ“ не имѣется и мы беремъ цифру изъ сборника Межова (стр. 269).

воли? Облегченія своей судьбы. Какое же онъ почувствуетъ облегченіе, и пойметъ ли онъ волю, если его заставить платить оброкъ не меньше или даже больше нынѣшняго (такъ мѣстами и случилось) или заставлять по-прежнему ходить на барщину? И во имя справедливости, и въ своихъ правильно понятыхъ интересахъ Чернышевскій совѣтовалъ помѣщикамъ быть справедливыми къ крестьянамъ. „Будьте *только* справедливы къ бѣднымъ и угнетеннымъ,—писалъ онъ,—хоть даже не совсѣмъ справедливы, а лишь нѣсколько справедливы, и они станутъ обожать васъ... Разсудительный хозяинъ найдетъ, что любовь поселянъ—лучшее ручательство за успѣхи его хозяйства. Возражая противъ крѣпостниковъ, требовавшихъ сокращенія надѣловъ въ виду „*лѣности* и безпечности мужика“, Чернышевскій пишетъ: „Не обманываютъ ли насъ глаза и уши? О комъ это говорится, что онъ лѣнивъ? О какомъ-нибудь итальянцѣ или арабѣ? Нѣтъ, о русскомъ мужикѣ! Почему жъ бы не говорить также, что у русскаго мужика бѣлыя руки съ изящно обточенными ногтями, что онъ любитъ играть въ преферансъ, что онъ обыкновенно обѣдаетъ на фарфоровомъ сервизѣ? Почему бы также не говорить, что онъ исповѣдуетъ магометанскую вѣру или читаетъ книги на англійскомъ языкѣ? Вѣдь это было бы не болѣе нелѣпо, нежели говорить объ его лѣнности. Нѣтъ въ Европѣ народа болѣе усерднаго къ работѣ, потому что нѣтъ народа, который жилъ бы въ климатѣ болѣе суровомъ, требующемъ больше труда для огражденія существованія. Развѣ только въ сѣверныхъ частяхъ Швеціи зимы такъ суровы, какъ у насъ, даже далеко на югъ отъ Москвы. Если бы русскій мужикъ работалъ не усерднѣе француза или нѣмца, вся Россія замерзла бы, умерла бы съ голоду. Кому изъ европейскихъ поселянъ нужно больше денегъ, нежели русскому мужику? Кому изъ европейскихъ поселянъ нуженъ тулупъ? Наша суровая природа не потворствуетъ лѣни. Наши порядки таковы, что вольному мужику нужно работать безъ отдыха круглый годъ, чтобы какъ-нибудь свести концы съ концами. У иного на рукахъ болѣе многочисленная семья. У нашего народа изъ каждыхъ двухъ братьевъ одинъ кормитъ двѣ семьи, потому что другой взятъ рекрутчиной. Грѣхъ намъ и стыдно говорить о недостаткѣ охоты къ работѣ у русскаго мужика. Мы, просвѣщенные люди, точно, руководимся пословицей: дѣло не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ; мы, точно, просиживаемъ изо-дня въ день чуть не съ обѣда, чуть не до утра за картами. Правда, гдѣ же и понять такимъ людямъ, какъ мы, русскаго мужика?“

И первыя дворянскія собранія, начавшіяся восхваленіемъ доблестей помѣщиковъ и безчисленныхъ пороковъ „хамовъ“, показывали, какъ велика была пропасть, вырытая вѣковымъ безправьемъ. Но съ теченіемъ

времени [1]) и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ литературы, искренно протянувшей руку въ первый разъ правительству въ дѣлѣ освобожденія, застарѣлыя переустройства и узко-сословные интересы стали ослабѣвать, и сами дворяне стали понимать, что ихъ интересъ и безопасность требуютъ итти на уступки и создать для крестьянъ сносное положеніе. Эта вѣчная заслуга русской печати передъ исторіею и Россіею.

Изъ другихъ реформъ Чернышевскій болѣе интересовался закономъ о печати. Переведя на русскій языкъ наполеоновскій законъ о печати 1851 г. съ предостереженіями и пр., Чернышевскій приводилъ его, какъ поученіе историческое, какъ отрицательный образецъ, если только желаютъ дать Россіи дѣйствительную свободу печати. Къ этому же времени относится переводъ политической экономіи Дж. Ст. Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго, высоко цѣнимыми и извѣстными иностранными учеными.

Въ 1862 г. Чернышевскій былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ успѣлъ написать „Что дѣлать?“. Судили его въ Сенатѣ при старомъ порядкѣ, при закрытыхъ дверяхъ, и въ вину были ему поставлены: сношеніе съ Герценомъ, составленіе прокламацій къ народу и написаніе письма къ Плещееву преступнаго содержанія. Чернышевскій былъ въ 1864 г. приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Обрядъ публичнаго лишенія правъ состоянія съ преломленіемъ шпаги былъ совершенъ въ Петербургѣ. Чернышевскій провелъ въ Сибири 17 лѣтъ: 7 лѣтъ въ Нерчинскихъ заводахъ, а остальное время—въ г. Вилюйскѣ, откуда Мышкинъ старался его освободить, безъ вѣдома самого Чернышевскаго. Въ 1883 г. Императоръ Александръ III разрѣшилъ Чернышевскому поселиться въ Астрахани, и вскорѣ возобновилась его литературная дѣятельность, ознаменовавшаяся переводомъ многотомной всеобщей исторіи Вебера, снабженной обширнымъ введеніемъ переводчика Андреева, какъ подписывался Чернышевскій. Кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, Чернышевскій успѣлъ выпустить томъ біографіи Добролюбова, передъ коимъ онъ благоговѣлъ всю жизнь. По ходатайству кн. Вяземскаго, астраханскаго губернатора, Чернышевскій былъ переведенъ въ родной Саратовъ. Четыре мѣсяца спустя, послѣ продолжительнаго буйнаго бреда, въ ночь на 17-е октября осѣнилъ вѣчный покой изстрадавшуюся душу этого безропотнаго страдателя, съ ангельскою кроткостью и стоическою выдерж-

---

[1]) Заявленіе г. Крылова, что правительство играло общественнымъ мнѣніемъ какъ на клавишахъ (см. н. ст. и ст., стр. 153), не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Противъ цензурныхъ препонъ печать была безсильна, но не вполнѣ, чему доказательствомъ служитъ вопросъ о надѣлахъ, гдѣ печать повела за собою правительство (нк. гл. II).

кою несшаго бремя ниспосланныхъ бѣдствій.—Столь жестокая во время жизни судьба не отказала этому безкорыстному служителю просвѣщенія хоть въ одномъ утѣшеніи: сложить свои усталыя кости въ родной почвѣ, на берегу любимой матушки-Волги, рядомъ съ могилами нѣжно любимаго наставника-отца, имѣвшаго счастіе сойти въ могилу осенью 1861 г. въ разгарѣ славы своего ученика-сына Чернышевскаго, въ то время виднѣйшаго общепризнаннаго „властителя думъ“ великаго поколѣнія, создавшаго и двигавшаго освободительную эпоху. Обширные научно-литературные труды Чернышевскаго ждутъ еще своего суда. Послѣ смерти его вышло 4 тома его критическихъ сочиненій безъ имени автора и лишь съ именемъ издателя, сына его М. Н. Чернышевскаго.

XIII.

Я. И. Ростовцевъ.

† 6 февраля 1860 г.

Въ группѣ дѣятелей крестьянской реформы одною изъ оригинальнѣйшихъ личностей является генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ (портретъ см. выше гл. I, § 1). Эта симпатичная, но заурядная личность, неожиданно для себя самой пріобрѣвшая славу стойкаго поборника народныхъ интересовъ, доселѣ представляется весьма загадочною. Купеческій внукъ, пажъ по воспитанію, блестящій гвардейскій офицеръ и раскаявшійся декабристъ, военный педагогъ николаевскаго закала и опытный царедворецъ, занимательный балагуръ-весельчакъ, въ разгарѣ работъ по освобожденію крестьянъ дѣлается самымъ близкимъ къ престолу и самымъ вліятельнымъ человѣкомъ, чуть не временщикомъ. Не только обычное, ординарное имя его Яковъ превращается въ Іакова (въ подражаніе брату Господню, какъ ехидно трунилъ Герценъ), но и появляются пріемы и обстановка временщика [1]), передъ которымъ проявляютъ подобострастіе даже такіе сильные люди, какъ начальникъ третьяго отдѣленія кн. Долгоруковъ и министръ Муравьевъ [2]) По капризному изволенію судьбы, не разъ дававшей дѣлу освобожденія крестьянъ совершенно непредвидѣнные обороты и толчки, завзятый консерваторъ Ростовцевъ николаевскаго пошиба, доходившій въ нравственной муштровкѣ до отрицанія личной совѣсти [3]), подвергается въ короткое время неимовѣрной метаморфозѣ, дѣ-

---

[1]) См. „*Русск. Стар.*“ 1898 г. „На зарѣ крестьян. свободы“.

[2]) См. воспоминанія Валуева.

[3]) См. инстр. Ростовцева.

лаясь рѣшительнымъ либераломъ и поборникомъ народной свободы. Истый петербужецъ, знакомый съ русскою землею и народомъ лишь по образцамъ чахлой флоры и фауны петербургскихъ дачныхъ поселковъ, Ростовцевъ беретъ въ свои руки страшно отвѣтственный руль кормчаго для благополучнаго проведенія одной изъ труднѣйшихъ и сложнѣйшихъ законодательно-соціальныхъ проблемъ, какія когда-либо приходилось рѣшать государственному человѣку. Отважно-легкомысленное ли русское „авось“ двигало Ростовцевымъ, не разсуждающая ли исполнительность военнаго и царедворца, или внезапно вспыхнувшія, благодаря счастливому толчку извнѣ [1]), сознаніе долга гражданина передъ отечествомъ и безкорыстная любовь къ обездоленнымъ, пока рѣшить трудно. Но можно сказать одно, что послѣдній элементъ явно былъ на лицо, и онъ-то далъ Ростовцеву силы и способность выдержать стойко борьбу со всемогущею кликою великосвѣтскихъ крѣпостниковъ и сослужить великую службу русскому народу.

Когда въ 1857 г. Ростовцевъ былъ назначенъ членомъ секретнаго крестьянскаго комитета, то и самъ не зналъ, что тамъ будетъ дѣлать въ виду полнаго своего незнакомства съ крестьянскимъ бытомъ. Сначала онъ ничѣмъ не выдѣлялся въ комитетѣ, большинство коего было за крѣпостное право и надѣялось путемъ канцелярскихъ отписокъ надолго задержать, какъ при Николаѣ I, ненавистное дѣло освобожденія. Когда же Александръ II сталъ все рѣшительнѣе высказываться за освобожденіе, Ростовцевъ отсталъ отъ аристократовъ; однако онъ еще очень далекъ былъ, какъ и самъ государь, отъ плана радикальной реформы. Въ первыхъ рескриптахъ, въ составленіи коихъ Ростовцевъ принималъ участіе, не только о выкупѣ надѣловъ не было рѣчи, даже о самомъ надѣлѣ землею, который, будучи выдвинутъ въ 1858 году „*Современникомъ*“ и поддержанъ тверскимъ дворянскимъ комитетомъ, былъ сначала рѣшительно отвергнутъ правительствомъ, какъ мѣра революціонная.

Но съ лѣта 1858 г. происходитъ разительная перемѣна въ воззрѣніяхъ Ростовцева подъ вліяніемъ сына. Онъ изъ Дрездена, гдѣ находился при умирающемъ сынѣ, пишетъ Александру II знаменитыя четыре письма, которыя составляютъ поворотный пунктъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. Ростовцевъ усвоиваетъ почти всю либеральную программу: осво-

---

[1]) Старшій сынъ Ростовцева, благоговѣвшій передъ Герценомъ, умирая, взялъ съ отца слово, что тотъ загладитъ поступокъ своей молодости относительно декабристовъ безкорыстною защитою интересовъ народа въ крестьянскомъ вопросѣ (см. „Матер. упразд. крѣп. права“). Біографы Ростовцева заявляютъ, что онъ открылъ заговоръ безкорыстно и былъ сконфуженъ, получивъ вскорѣ флигель-адъютантскіе аксельбанты (см. „Дневникъ“ Никитенко).

божденіе съ землею, выкупъ, хотя только и добровольный, крестьянское самоуправленіе. Уѣзжая за-границу со страхомъ предъ предстоящей реформой, въ виду чего онъ рекомендовалъ немедленно назначить временныхъ генералъ-губернаторовъ для быстраго подавленія безпорядковъ (см. выше I гл. § 1), Ростовцевъ, точно возрожденный, возвращается съ довѣріемъ въ разумъ и достоинство [1]) народные, которое онъ стремился передать и своему царственному корреспонденту.

Съ этихъ поръ, съ осени 1858 г., и до конца дней своихъ († 6-го февраля 1860 г.) Ростовцевъ дѣлается однимъ изъ рѣшителей судебъ великаго народнаго дѣла и служитъ ему не по казенному, а съ безпримѣрнымъ для бюрократіи энтузіазмомъ и съ самоотверженіемъ идейнаго борца и народнаго трибуна, готоваго „итти на плаху за святое дѣло“ (по его собственному выраженію). Въ февралѣ 1859 г. онъ уже поставляется офиціально во главѣ крестьянскаго дѣла въ качествѣ предсѣдателя редакціонной коммиссіи. Принимая эту вліятельную, но и страшно отвѣтственную должность, на которую его государь назначилъ съ оговоркою, „если онъ согласится“, Ростовцевъ писалъ: „Принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга. *Съ молитвою* къ Богу, чтобы онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность государя. *Съ благоговѣніемъ* къ государю, удостоившему меня такого святого призванія. *Со страхомъ* предъ Россіею и предъ потомствомъ; съ *чувствомъ долга* предъ моею совѣстью. Да простятъ мнѣ Богъ и государь, да проститъ мнѣ Россія и потомство, если я поднимаю на себя ношу не по силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу не поднять я не вправѣ“. Въ этомъ любопытномъ документѣ вылился весь новый Ростовцевъ: царедворца-карьериста смѣнилъ государственный человѣкъ, дѣйствующій во имя общаго блага,—и ждущій суда исторіи.

И эту роль выдержалъ онъ до конца. Онъ могъ ошибаться, какъ всякій другой, по непониманію, но съ увѣренностью можно сказать, что онъ преслѣдовалъ одну цѣль: рѣшить безобидно вопросъ въ интересахъ государства, для чего онъ считалъ необходимымъ дать надѣлъ крестьянамъ, уничтожить вотчинную полицію. Въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ Ростовцевъ былъ непоколебимъ и убѣдилъ въ его необходимости самого государя. За то же и доставалось ему отъ озлобленныхъ могущественныхъ помѣщичьихъ интересовъ. Начиная отъ салоннаго злословія и кончая кле-

---

[1]) Нынѣшнимъ почитателямъ розги не мѣшаетъ вспомнить слова Ростовцева: „Нѣкоторые говорятъ, что русскій мужичекъ любитъ (sic!) розгу; точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, не надо ли бы его отъ нея отучать? Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы“.

ветою и прямымъ обвиненіемъ въ неблагонадежности въ заграничныхъ французскихъ брошюрахъ, все было пущено въ ходъ, чтобы очернить и дискредитировать этого опаснаго для апологетовъ крѣпостного права человѣка одновременно предъ государемъ и предъ либеральнымъ общественнымъ мнѣніемъ. То нашептывали высокопоставленные охранители рабства, что полуплебей, безземельный бобыль, Ростовцевъ предался Герцену и либераламъ-демократамъ и вмѣстѣ съ ними думаетъ произвести революцію, то старались набросить тѣнь на искренность пріобщенія его къ либеральной программѣ, инсинуируя относительно роли его въ дѣлѣ декабристовъ [1]). Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ, Ростовцевъ крѣпко сидѣлъ на своемъ посту и храбро защищалъ и „святое дѣло“, и себя, и своихъ сотрудниковъ отъ безчисленныхъ нападокъ. Но человѣкъ нервный и горячій Ростовцевъ болѣзненно воспринималъ жало клеветническихъ навѣтовъ, уколовъ самолюбія, язвительныхъ насмѣшекъ, которыми досаждали его великосвѣтскіе сикофанты всегда и на каждомъ шагу, и съ которыми онъ вынужденъ былъ неизбѣжно сталкиваться по роду службы, по образу жизни. Въ борьбѣ съ крѣпостниками изнемогъ и богатырскій организмъ Ростовцева, и преждевременная смерть его если не вызвана, то ускорена тѣми нравственными страданіями, на которыя были щедры его сановитые и родовитые враги.

Въ ноябрѣ 1859 г. Ростовцевъ слегъ въ постель, съ которой ему не суждено было встать († 6 февраля). Но все время и до послѣднихъ дней жизни онъ продолжалъ жить только интересами порученнаго ему великаго дѣла, „съ которымъ могъ его разлучить, по его словамъ, только саванъ“. Пока было возможно, засѣданія происходили на его квартирѣ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, гдѣ шла рѣчь объ опредѣленіи размѣра надѣла, въ немногихъ и, по обыкновенію, не очень складныхъ словахъ Ростовцевъ такъ опредѣлилъ свою основную точку зрѣнія по крестьянскому вопросу: „Одинъ памфлетистъ (Орловъ-Давыдовъ, авторъ заграничной брошюры) изъ высшаго аристократическаго круга сочинилъ обо мнѣ, что я написалъ дворянству: „если хотите беречь ваши головы, то отдайте землю“. Могъ ли я это сдѣлать и куда мнѣ было писать... Но какъ отнять отъ насущнаго хлѣба 22 милліона душъ? Я увѣренъ, что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать землю, будетъ пугачевщина (я говорю это между своими, въ дружескомъ обществѣ), и не могу не предвидѣть страшныхъ потрясеній для бѣдной Россіи“ [2]).

---

[1]) Государственный „острословъ“ кн. Меншиковъ, играя на словахъ, говорилъ: „Ростовцева все пріобщаютъ (въ разные комитеты), но не мѣшало бы его *исповѣдать*“.

[2]) Семеновъ. „Освобожденіе крестьянъ“, II. 254.

Сохраненіе государственнаго порядка во что бы то ни стало и возможное улучшеніе положенія крестьянъ — такова была основная задача Ростовцева. Вопреки увѣренію его враговъ, онъ не только не хотѣлъ разоренія дворянъ, а, напротивъ, старался, какъ онъ писалъ государю, „чтобы интересы помѣщиковъ были возможно ограждены, и чтобы этотъ почтенный и просвѣщенный классъ, составляющій, такъ сказать, цвѣтъ Россіи, не потерпѣлъ *потерь не необходимыхъ*“ (курс. подл.). Въ томъ или другомъ вопросѣ онъ могъ заблуждаться, но дѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы уяснить себѣ предметъ. Всего за нѣсколько дней до смерти, прежде чѣмъ подписать свою послѣднюю записку, которую стали называть завѣщаніемъ Ростовцева, несмотря на крайнюю слабость, приглашаетъ къ себѣ князя Черкасскаго и говоритъ ему шепотомъ: „Увѣрены ли вы такъ же, какъ я, что обязательный выкупъ для правительства невозможенъ? Увѣрены ли вы такъ же, какъ я, что срочно-обязанныя отношенія неизбѣжны?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „въ такомъ случаѣ мы сдѣлали все, что могли только сдѣлать: совѣсть моя спокойна“. Оставаясь безпристрастнымъ къ интересамъ помѣщиковъ и дворянъ, онъ въ немногихъ случаяхъ считалъ долгомъ совѣсти наклонять вѣсы въ пользу слабыхъ и неимущихъ. „При особо затруднительныхъ вопросахъ, какъ наклонить вѣсы, редакціонная коммиссія,—писалъ Ростовцевъ,—иногда наклоняла ихъ на сторону крестьянъ и дѣлала это потому, что наклонить вѣсы *потомъ* (курс. подл.) отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ и *много охотниковъ, и много силы*“. Горькое предчувствіе Ростовцева оправдалось и въ ближайшее и въ болѣе отдаленное время; достаточно вспомнить такъ называемый гагаринскій или нищенскій надѣлъ, размѣръ оброка и пр. Тѣмъ болѣе чести Ростовцеву и его благороднымъ сотрудникамъ, порадѣвшимъ посильно на пользу народа, „созданнаго впервые, — по выраженію Ростовцева, — волею Александра II“. Благодарная народная память и исторія не забудутъ заслуги Ростовцева, который не только отдалъ безкорыстно всѣ свои силы великой народной реформѣ, но и, опираясь на передовую часть образованнаго общества, привлекъ къ дѣлу выдающихся общественныхъ людей, далъ ему, благодаря гласности, такую небывалую въ бюрократической Россіи широкую постановку, что вправѣ былъ заявить предъ государемъ: „Коммиссія смотритъ на дѣло освобожденія не какъ на *приходскую работу* своей канцеляріи, а какъ на дѣло своего отечества; ему—на благо, вамъ—на славу“.

Лучи этой немеркнущей славы падаютъ и на усердныхъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, помогавшихъ ему, каждый въ сферѣ дѣятельности, очистить Россію отъ отвратительной язвы рабовладѣнія. Смерть этого трибуна-энтузіаста въ генералъ-адъютантскихъ „эполетахъ“ и вы-

звала вообще уныніе среди друзей народа. Но, къ счастію, дѣло свободы настолько было подвинуто впередъ, что даже смерть кормчаго и замѣщеніе его отъявленнымъ крѣпостникомъ не остановило движенія реформы. Находясь въ 1860 г. за границей, И. С. Аксаковъ слѣдилъ оттуда за положеніемъ работъ по крестьянскому дѣлу. По случаю смерти гр. Ростовцева, онъ писалъ: „Должно быть, было въ Ростовцевѣ гдѣ-нибудь тамъ что-то хорошее, что онъ нажилъ себѣ такой почетный и славный конецъ: палъ какъ воинъ въ бою, заслужилъ ненависть знати, прощенъ декабристами; о потерѣ его приходится жалѣть всѣмъ, кому дорого крестьянское дѣло на его похороны Самаринъ спѣшитъ изъ Москвы. Можно ли было бы предположить послѣднее года два тому назадъ?“

XVI.

А. И. Герценъ.

† 20 января 1870 г.

Въ засѣданіи редакціонной коммиссіи 23-го марта 1859 г. Я. И. Ростовцевъ, заявляя о своемъ распоряженіи доставить въ коммиссію всю литературу крестьянскаго вопроса, добавилъ: — „Я долженъ сообщить вамъ, господа, что изъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по особому разрѣшенію будутъ присылать въ коммиссію одинъ экземпляръ „*Колокола*“ для того, чтобы мы все знали, что о насъ будутъ писать за границей; я буду васъ просить, чтобы вы изъ „*Колокола*“ *заимствовали и приняли въ соображеніе все*, что только можетъ быть полезно и примѣнимо къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проекта положеній“. У члена коммиссіи Аракетова вырвались слова: — „Какъ, неужели заимствовать у Герцена?“ Ростовцевъ отвѣчалъ: — „Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться“ [1]). Такъ открывался въ наши законодательныя сферы официальный доступъ, конечно, благодаря сильному заступничеству Ростовцева, опальному, но вліятельному трибуну народной свободы, редактору-издателю „*Колокола*“ А. И. Герцену, отдавшему съ первыхъ же дней царствованія Александра II весь свой блестящій талантъ на служеніе этой завѣтной мечтѣ своей юности, еще болѣе окрѣпшей въ зрѣлые годы.

Убѣжденный идеалистъ Герценъ, подобному своему великому другу Бѣлинскому, считаетъ личную свободу и свободное развитіе индивиду-

---

[1]) См. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ, т. I, 114.

альности основою разумнаго общежитія. Онъ одинаково возмущался порабощеніемъ личности, откуда бы оно ни шло,—отъ египетскаго деспота или европейскаго монтаньяра. „Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ,—писалъ онъ со свойственными ему картинностью и проницательностью,—продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для примиренія бога, распятіе невиннаго за виновнаго". Соединяя идеализмъ съ горячею любовью къ русскому народу, Герценъ уже въ 1855 г. тотчасъ по воцареніи Александра II основываетъ въ Лондонѣ „*Полярную Звѣзду*", въ которой онъ развертываетъ освободительную программу, усвоенную потомъ и правительствомъ въ эпоху великихъ реформъ.

Въ программѣ этой первымъ необходимымъ, неотлагаемымъ шагомъ Герценъ выставляетъ:

Освобожденіе слова отъ цензуры!

Освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ!

Освобожденіе податного сословія отъ побоевъ!

Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за первыми крайне неопредѣленными подготовительными мѣрами правительства къ предстоящимъ реформамъ, Герценъ въ іюлѣ 1857 г. основываетъ „*Колоколъ*", выходившій 1—2 раза въ мѣсяцъ и посвященный главнымъ образомъ крестьянскому дѣлу. „Неужели,—пишетъ онъ во вступительномъ номерѣ,—пройдетъ даромъ гигантскій подвигъ въ Тавридѣ? Севастопольскій солдатъ, израненный и твердый, какъ гранитъ, испытавшій свою силу, также подставитъ спину палкѣ, какъ и прежде? Ополченный крестьянинъ воротится на барщину такъ же покойно, какъ кочевой всадникъ съ береговъ каспійскихъ, сторожившій балтійскую границу, пропадаетъ въ своихъ степяхъ? Не можетъ быть. Все въ движеніи, все потрясено, натянуто.., и чтобы страна, такъ круто разбуженная, снова заснула непробуднымъ сномъ? Лучше пусть погибнетъ Россія! Но этого не будетъ. Намъ здѣсь, вдали слышна другая жизнь; изъ Россіи потянуло весеннимъ воздухомъ".

Въ это время, какъ извѣстно, въ секретномъ комитетѣ, гдѣ большинство принадлежало къ защитникамъ крѣпостного права, дѣлали всяческія усилія, чтобы заглушить начатое Александромъ II въ 1857 г. дѣло освобожденія, какъ это неоднократно дѣлалось и раньше. Отмѣчая съ глубокимъ прискорбіемъ колебанія правительства, Герценъ настойчиво совѣтуетъ двинуть дѣло, „пока время не ушло". Въ незабвенный 20-й день ноября 1857 г. опубликованъ, наконецъ, извѣстный рескриптъ о приступѣ къ освобожденію, вызвавшій въ Россіи всеобщее ликованіе среди друзей народной свободы. Не менѣе радостно встрѣченъ былъ этотъ великій актъ на берегахъ Темзы, гдѣ Герценъ помѣстилъ въ „*Колоколѣ*" одну изъ лучшихъ своихъ статей, начинавшуюся обращенными къ Александру II сло-

вами: *Ты побѣдилъ, Галилеянинъ*! „И намъ легко,—продолжаетъ Герценъ,—это сказать, потому что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшаны ни самолюбіе, ни личность. Мы боролись изъ-за дѣла: кто его сдѣлалъ, тому и честь. Среди общаго сѣтованія, перерываемаго дикими криками бѣсновавшихся реакціонеровъ, среди нелѣпой войны и глубокаго паденія западнаго материка, мы, со страхомъ гадая, обращали взглядъ нашъ на молодого человѣка, шедшаго занять упраздненное мѣсто на тронѣ". „Отъ васъ ждутъ кротости,—говорили мы ему,—отъ васъ ждутъ человѣческаго сердца, вы необыкновенно счастливы", и робко, мучимые сомнѣніемъ, прибавляли: „Дайте свободу русскому слову, смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія". И потомъ мы ждали съ внутреннимъ трепетомъ, надѣясь, негодуя, прислушиваясь къ движенію, къ вѣстямъ. Послѣ 30-тилѣтняго ожиданія — простительно нетерпѣніе... Книга Корфа оскорбила насъ: она такъ грубо дотронулась до воспоминаній, святыхъ намъ.

„Но съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны (на сторонѣ?) освобожденія,—наше положеніе къ нему измѣнилось. Мы имѣемъ дѣло съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ эру для Россіи. Онъ работаетъ съ нами для великаго будущаго. Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра окончилось, — все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано имъ, и грядущія поколѣнія этого не забудутъ.

„Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ пусть онъ довершитъ начатое, пусть полный вѣнокъ покроетъ его корону. Гнилое, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ не опасно. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и, пуще всего, общественное мнѣніе... И тутъ, какъ во всемъ, поневолѣ бьешься въ другое *великое искомое* (к. п.) современной Россіи—*въ гласность*. Гласность изгнать и литераторовъ прежде всего... Посмотрѣли бы мы, право, au grand jour на этихъ защитниковъ розогъ и крещеной собственности. Выходите на арену!.. Знаете это? До помѣщичьяго права добираются: это мужика-то и не посѣчь и не заставить поработать четвертый и пятый день!.. Помилуйте! Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ—Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и, пуще всего, Пѣночкины. Попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться. Помѣряемтесь!"

Статья заканчивается слѣдующими словами: „Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ *живой голосъ*, и какъ бы нашъ колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, и мы убѣждены, что Александръ II неравнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно лю-

бятъ Россію, но также сильно любятъ и свободу, которымъ не нужно его бояться, и которые для себя ничего не ждутъ, ничего не просятъ. Но, ничего не прося, они желали бы, чтобы Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе,—*но не враговъ* (к. п.). Они потому этого хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе *освободителя крестьянъ* (к. п.).

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

Вслѣдъ за этимъ Герценъ открылъ страницы „*Колокола*“ въ широкихъ размѣрахъ для статей по крестьянскому вопросу, выступивъ съ самаго начала за освобожденіе крестьянъ съ землей. Независимо отъ „*Колокола*“, время отъ времени выходили „*Голоса изъ Россіи*“, въ которыхъ онъ помѣщалъ болѣе обширные документы, неудобные для перваго изданія. Здѣсь между прочимъ помѣщены были замѣчательныя соображенія извѣстнаго дѣятеля тверского губернскаго предводителя дворянства А. М. Унковскаго. Переживая то радостныя, то тревожныя минуты, благодаря многочисленнымъ колебаніямъ и толчкамъ, коимъ подвергалось крестьянское дѣло, Герценъ прилагалъ всю силу своего обширнаго таланта, чтобы наставить на надлежащую дорогу великую реформу и разоблачать безчисленныя козни ея вліятельныхъ враговъ. Особенно болѣзненно отозвалось назначеніе на мѣсто Ростовцева графа Панина, отъявленнаго крѣпостника. Если и въ Россіи видѣли въ этомъ назначеніи поворотъ назадъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, то тѣмъ болѣе тяжко отозвалось на Герценѣ, который открыто отступилъ отъ своего примирительнаго направленія. Не менѣе тягостное впечатлѣніе произвела и ссылка Унковскаго въ Вятку. Съ негодованіемъ говоритъ онъ о томъ, что въ редакціонной коммиссіи по вопросу о розгахъ голоса раздѣлились пополамъ. Приведя списокъ тѣхъ и другихъ, Герценъ добавляетъ, что люди, подавшіе въ 1860 г. голосъ за розгу, должны знать, что ихъ имена останутся у позорнаго столба [1]).

Въ теченіе 1860 г. у Герцена не разъ вырываются вопли отчаянія. И было отчего. Еще въ концѣ года, какъ видно изъ записокъ Валуева, крѣпостники разсчитывали повернуть дѣло назадъ. Какъ извѣстно, объявленіе воли ждали къ 19-му февраля и даже опасались безпорядковъ въ случаѣ неисполненія ожиданія. Но объявленіе воли было отложено. Сгорая отъ нетерпѣнія и неизвѣстности, Герценъ по этому поводу пишетъ въ статьѣ отъ 3-го марта: „Отложили... Зачѣмъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ по случаю масленицы? Что за пансіонскія затѣи! Развѣ они не

---

[1]) Въ этомъ спискѣ есть нѣсколько почтенныхъ именъ, послѣдующею своею дѣятельностью на пользу народу искупившихъ этотъ грѣхъ. Приводимъ списокъ защитниковъ розги: кн. Черкасскій, Самаринъ, Милютинъ, Галаганъ, Семеновъ, Семеновъ 2, Булгаковъ, Татариновъ, Гродеко, Залѣсскій, Желѣзновъ.

знаютъ, что между кубкомъ и губами есть мѣсто бѣдѣ. Эта отсрочка, это ожиданіе—сверхъ человѣческихъ силъ, тоска, тоска и страхъ! Если бы было можно, мы бросили бы все и поскакали бы въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствія. Зачѣмъ русскіе люди, которые могутъ ѣхать и живутъ безъ дѣла за границею, не ѣдутъ?.. Что это: эгоизмъ, неразвитіе общихъ интересовъ, разобщенность съ народомъ, недостатокъ сочувствія". Герценъ, стремясь всей душою въ Россію „къ днямъ великаго историческаго событія", очевидно надѣялся, что оно совершится съ подобающею торжественностью и подъемомъ духа. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, въ виду опасенія безпорядковъ при объявленіи воли, настроеніе было далеко не праздничное.

Великое событіе совершилось, наконецъ, и Герценъ могъ радостно привѣтствовать освобожденіе народа. „Первый шагъ сдѣланъ. Говорятъ, что онъ труднѣе прочихъ: будемъ ждать *второго*—съ упованіемъ; хотѣли бы ждать его съ полною увѣренностью, но все дѣлается такъ шатко, такъ половинно и тяжело! Александръ II сдѣлалъ много, очень много: его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя страданія противъ низкихъ закоснѣлыхъ плантаторовъ—и сломилъ ихъ. Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ рѣдко встрѣчавшимся въ исторіи самодержавія,—мы привѣтствуемъ именемъ *освободителя*. Но горе, если онъ остановится, если усталая рука его опустится. Звѣрь не убитъ,—онъ только ошеломленъ. Слово освобожденія сказано. Это—дѣло великое, но не все: слово должно стать дѣломъ, освобожденіе быть истиной. Чередъ за гласностью".

Объявленіе воли дало Герцену пережить одну изъ немногихъ радостей жизни. Это было осуществленіе мечты всей жизни, и онъ могъ смѣло сказать, что послужилъ ей всѣми силами своей благородной души, всѣми фибрами своего любящаго сердца, всѣми способностями своей богато одаренной души. И какъ рвался онъ въ эти знаменательные дни на горячо любимую родину. „Но выбора нѣтъ,—писалъ онъ,—мы не можемъ безъ смѣны оставить свой постъ, нами самими избранный, и *желали* бы только, чтобы *помянулъ* насъ кто-нибудь въ день великаго народнаго воскресенія". Скромное пожеланіе безкорыстнаго борца за народную свободу исполнилось лишь 30 лѣтъ спустя послѣ смерти его († 20-го января 1870 г.): всѣ почти тепло вспоминали этого замѣчательнаго публициста и удивительнаго мастера слова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Юбилейныя справки.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.

И. Никитинъ.

I.

В. Д. Спасовичъ.

31-е мая 1866—1891 гг.

31-го мая 1891 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня вступленія въ адвокатскую корпорацію одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ судебныхъ ораторовъ, ученаго криминалиста, литератора-публициста и критика, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даниловича Спасовича. В. Д. родился въ 1829 г. въ гор. Рѣчицѣ, Минской губ. Въ 1849 г. онъ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и уже черезъ два года защищалъ магистерскую диссертацію О правахъ нейтральнаго флага". Рядъ мыслей, высказанныхъ въ диссертаціи, получилъ осуществленіе черезъ нѣсколько лѣтъ въ извѣстныхъ парижскихъ декларацiяхъ 1856 г.

Сблизившись съ извѣстнымъ ученымъ проф. Кавелинымъ, г. Спасовичъ въ 1857 г. занялъ каѳедру уголовнаго права въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ поднялъ преподаваніе этой науки до высокаго научнаго уровня. Поражая своихъ слушателей какъ глубиною эрудиціи и и смѣлостью выводовъ, такъ и живостью, картинностью и изяществомъ изложенія, проф. Спасовичъ сразу пріобрѣлъ громкую извѣстность и въ университетѣ, и за стѣнами его. Въ 1863 г. онъ издалъ извѣстный „Учебникъ уголовнаго права" и донынѣ, т.-е. черезъ тридцать лѣтъ, со-

ставляющій настольную книгу для всякаго образованнаго юриста и давно уже сдѣлавшійся библіографическою рѣдкостью. Въ 1861 г. г. Спасовичъ долженъ былъ покинуть послѣ извѣстныхъ событій петербургскій университетъ вмѣстѣ съ проф. М. М. Стасюлевичемъ, К. Д. Кавелинымъ, А. Н. Пыпинымъ и др.

Но научно-литературная дѣятельность В. Д. безостановочно продолжалась и продолжается до сихъ поръ въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ. Кромѣ массы юридическихъ статей и монографій по разнообразнымъ отраслямъ права и процесса, В. Д. Спасовичъ написалъ много историко-литературныхъ и критическихъ монографій, изъ коихъ назовемъ: „Исторію польской литературы“, „Жизнь и политика маркиза Велепольскаго“ и пр. Онъ же спеціально изучалъ Байрона и вліяніе байронизма на Пушкина, Лермонтова и Мицкевича. Въ послѣднее время г. Спасовичъ выпустилъ собраніе своихъ сочиненій въ восьми томахъ.

Съ 1866 г., съ открытіемъ новыхъ судовъ, В. Д. вступилъ въ сословіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Почти съ самаго учрежденія с.-петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ В. Д. Спассвичъ, съ небольшими перерывами, принималъ самое живое участіе въ дѣятельности его то въ качествѣ предсѣдателя или товарища, то въ качествѣ рядового члена [1]). В. Д. былъ всегда „мірскимъ“ человѣкомъ. Трудная миссія, выпавшая на долю петербургской адвокатуры, создать первые устои и принципы дѣятельности адвокатовъ въ духѣ Судебныхъ Уставовъ, т.-е. въ духѣ мужественнаго, честнаго и безкорыстнаго служенія идеямъ новаго суда,—имѣла въ лицѣ В. Д. одного изъ полезнѣйшихъ сотрудниковъ. Установленіе корпоративной связи въ средѣ, члены которой, можно сказать, находятся въ безпрерывной междуусобной профессіональной войнѣ, внесеніе принциповъ этики въ профессію, которая дотолѣ жила и управлялась только хищническимъ принципомъ обиранія простоватыхъ и беззастѣнчиваго попиранія закона путемъ ловкаго обхода его, такова была трудная задача, надъ разрѣшеніемъ которой такъ много поработалъ петербургскій совѣтъ, всегда шедшій во главѣ русской адвокатуры. Только суровая и нравственно-щепетильная корпоративная дисциплина,—исходящая изъ принципа non omne quod licet honestum est,—могла создать традиціи честной адвокатуры, имѣющей назначеніемъ не поощреніе стяжательныхъ аппетитовъ ея сочленовъ, а исполненіе единственнаго назначенія присяжной адвокатуры—*служенія обществу*. Значеніе этой моральной узды, добровольно налагаемой на себя адвокатурою въ интересахъ осуществленія задачъ адвокатуры, было прекрасно изображено В. Д. Спасовичемъ

---

[1]) См. Макалинскаго, „С.-Петербургская адвокатура“, стр. 133.

съ свойственною ему поэтическою образностью въ одной изъ ненапечатанныхъ его рѣчей. „Мы изобрѣли и наложили на себя,—говорилъ онъ,—узы самой *безпощадной дисциплины*, вслѣдствіе которой мы, не колеблясь, жертвуемъ своими вкусами, своими мнѣніями, своею свободою тому, что скажетъ громада—великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода не людямъ, а началу, себя—себѣ же самому, съ *громадской* точки зрѣнія разсматриваемому—есть такая великая сила, которую тогда только оцѣнишь, когда чувствуешь, какъ она отъ тебя исходитъ. Намъ дорога та сила, которую даютъ крѣпкіе, суровые нравы. Оставимъ будущему смягчать ихъ, когда люди сдѣлаются лучшими“ [1]).

Но независимо отъ своей дѣятельности въ составѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, г. Спасовичъ своею многолѣтнею адвокатской практикою принесъ громадную пользу и новому суду, и молодой адвокатской корпораціи. Благодаря своимъ обширнымъ научнымъ познаніямъ и мастерской разработкѣ юридическихъ вопросовъ, г. Спасовичъ пользовался большимъ авторитетомъ въ глазахъ судовъ всѣхъ степеней, не исключая и кассаціоннаго. Не одинъ десятокъ вопросовъ можно отмѣтить въ кассаціонной практикѣ, разрѣшенныхъ при дѣятельномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи этого талантливаго и трудолюбиваго юриста.

Безспорно и громадно вліяніе В. Д. Спасовича на направленіе и характеръ дѣятельности петербургской адвокатуры. Какъ извѣстно, корифеи адвокатуры всегда и вездѣ оказываютъ большое вліяніе на своихъ товарищей и на выработку пріемовъ адвокатской дѣятельности. Если мѣстныя знаменитости отличаются наклонностью къ напыщенной фразеологіи, прикрывающей пустоту мысли и незнакомство съ дѣломъ, то этотъ дурной примѣръ находитъ себѣ подражателей, особенной среди молодежи. Въ этомъ отношеніи вліяніе г. Спасовича на петербургскую адвокатуру было самое благотворное. Тщательное изученіе малѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, самая усердная подготовка къ дѣлу (г. Спасовичъ пишетъ и заучиваетъ наизусть рѣчи по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ), тонкій психологическій анализъ, всестороннее освѣщеніе судебнаго матеріала при помощи научныхъ данныхъ и литературныхъ параллелей, таковы пріемы, которыми всегда пользовался г. Спасовичъ и которые подъ его вліяніемъ перешли въ традиціи петербургской адвокатуры. Постоянное близкое общеніе съ наукою и литературою сообщаетъ рѣчамъ г. Спасовича ту богатую содержательность, благодаря которой рѣчи эти въ чтеніи производятъ не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ при слушаніи.

Но это не значитъ, что г. Спасовичъ не имѣетъ успѣха, какъ ораторъ. Помнится одно засѣданіе въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ,

---

[1]) „Замѣтки о русской адвокатурѣ“, К. К. Арсеньева, стр. 203.

гдѣ рѣчь г. Спасовича на самую сухую юридическую тему была выслушана убѣленными сѣдинами сенаторами съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, какъ будто говорилъ трибунъ передъ юношами. И это, несмотря на отсутствіе у г. Спасовича внѣшнихъ ораторскихъ качествъ, несмотря на не совсѣмъ отчетливую дикцію его. Въ чемъ же состоитъ секретъ его громадныхъ и вполнѣ заслуженныхъ ораторскихъ успѣховъ? Прежде всего, въ его прелестномъ, живомъ, образномъ словѣ, а затѣмъ въ томъ сердечномъ, страстномъ отношеніи ко всѣмъ дѣламъ, которое составляетъ отличительную черту адвокатской школы Спасовича. Если казенщина, рутина вообще вредна для всякаго судебнаго дѣятеля, то она просто пагубна для адвоката, который можетъ и долженъ являться самымъ живымъ и оживляющимъ элементомъ процесса.

Это столь драгоцѣнное для адвоката качество наряду съ горячею любовью къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ неизмѣнно сохранилъ В. Д. до настоящаго времени, несмотря на продолжительную двадцатилѣтнюю адвокатскую карьеру, которая обыкновенно соединяется съ сильнымъ напряженіемъ нервовъ и преждевременнымъ утомленіемъ и переутомленіемъ. Чтобы видѣть, какой запасъ жизни и энергіи хранитъ еще этотъ свыше шестидесятилѣтній ораторъ, достаточно прочесть его послѣднюю рѣчь, произнесенную недавно на общемъ собраніи Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ 17-го апрѣля по случаю 25-лѣтія новаго суда.

Припоминая время открытія новыхъ судовъ, г. Спасовичъ, между прочимъ, сказалъ:—„я скорблю о томъ, что никогда не можетъ возвратиться *поэзія* прошлаго, свѣжесть ощущеній, восторгъ, который мы показывали, когда къ намъ явилась, точно Афродита изъ пѣны морской, другая богиня, нагая, бѣломраморная и не стыдящаяся своей наготы—*гласность*, когда судъ стали творить почти что на площади, и когда мы стали произносить свободныя, смѣлыя рѣчи, смѣлѣе тѣхъ, которыя печатались въ сдѣлавшейся между тѣмъ безцензурной печати“ [1])...

Оглядываясь кругомъ, г. Спасовичъ находитъ, что адвокатскую корпорацію озабочиваютъ не собственно корпоративныя, а „общегражданскія сомнѣнія и печали, возбужденныя жестокимъ вѣкомъ“. „Но пока мы страдаемъ отъ общественной болѣзни,—говорилъ г. Спасовичъ,—бѣда не велика: общество съ болѣзнью справится,—мы ему поможемъ, оно намъ поможетъ. Пока мы не извѣрились въ *вѣковѣчные идеалы*, въ добро, красоту и человѣчность, пока мы соединены въ одно, этимъ цементомъ держимся въ кускѣ, пока живемъ по-братски, будущность еще наша, и мы передадимъ нашъ свѣточъ нашимъ преемникамъ“.

---

[1]) „*Русская Мысль*“, 1891, № 5.

Съ такимъ бодрымъ упованіемъ вступилъ талантливый представитель петербургской адвокатуры, несмотря на окружающія неблагопріятныя обстоятельства, во второе двадцатипятилѣтіе свое адвокатской карьеры.

II.

Н. И. Стояновскій.

17-е іюня 1841—1891 гг.

17-го іюня 1891 г. праздновался пятидесятилѣтній юбилей одного изъ крупныхъ дѣятелей судебной реформы, предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта, дѣйствит. тайн. совѣтн. сенатора Н. И. Стояновскаго. Немногіе изъ участниковъ этой реформы имѣли такую правильную школьную и практическую подготовку, какъ г. Стояновскій.

Онъ кончилъ курсъ въ 1841 г. въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ черезъ шесть лѣтъ онъ уже преподавалъ гражданское судопроизводство. Службу свою онъ началъ въ Сенатѣ въ 1841 г., и здѣсь онъ пріобрѣлъ солидную судебную опытность, проходя разнообразныя должности до должностей оберъ-секретаря и оберъ-прокурора включительно. Онъ былъ изъ числа первыхъ юристовъ, призванныхъ хоть нѣсколько освѣжить прогнившее зданіе стараго суда. Какая rara avis былъ въ то время въ составѣ нашихъ судовъ юристъ, получившій высшее юридическое образованіе, можно судить по тому, что даже въ Сенатѣ въ годъ поступленія Н. И. было всего только *шесть* юристовъ. Благодаря своему трудолюбію и юридическимъ познаніямъ, онъ не мало принесъ пользы въ Сенатѣ дѣлу правосудія.

Съ воцареніемъ Александра II, когда надъ Россіею занялась заря новой освободительной и преобразовательной эпохи, для Н. И. открылось новое обширное поле дѣятельности. Государственный секретарь В. П. Бутковъ въ то время вербовалъ въ государственную канцелярію талантливыхъ молодыхъ людей, хорошо подготовленныхъ и вполнѣ сочувственно настроенныхъ къ начинавшемуся либеральному движенію (С. М. Жуковскій, Л. Н. Заблотскій-Десятовскій, С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій и др.). Въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, которому и пришлось принять участіе прежде всего въ устройствѣ слѣдственной части. Положеніе 8-го іюня 1860 года о судебныхъ слѣдователяхъ, выдѣлившее слѣдственную часть изъ функцій полиціи и тѣмъ положившее первое начало къ отдѣленію власти судебной отъ административной, почти цѣликомъ принадлежитъ перу Н. И.

Затѣмъ онъ связалъ свое имя съ великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года. Н. И. помимо участія въ трудахъ государственной канцеляріи состоялъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссіи, вырабатывавшей проектъ уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій. За труды по освобожденію крестьянъ, коего онъ всегда былъ и остается однимъ изъ горячихъ поборниковъ, Н. И. получилъ золотую медаль. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ всѣхъ вообще реформъ прошлаго царствованія, Н. И. словомъ и дѣломъ ратовалъ за нихъ не только въ то время, когда всѣ увлекались либеральными *вѣяніями*, но и теперь, когда они вышли изъ моды [1]).

Безобразное состояніе нашего стараго невѣжественнаго и продажнаго суда было для всѣхъ очевидно, и какъ только стало возможнымъ уничтоженіе его, всѣ просвѣщенные люди горячо принялись за это дѣло. Въ этомъ отношеніи капитальное значеніе имѣло Высочайшее повелѣніе въ январѣ 1862 года, открывшее доступъ къ европейской наукѣ (см. главу VIII). Благодаря этому акту, явилась возможность создать цѣльное, стройное, разумное и согласованное во всѣхъ частяхъ судебное законодательство, извѣстное нынѣ подъ именемъ судебныхъ уставовъ Александра II. Для усиленія государственной канцеляріи были по Высочайшему повелѣнію прикомандированы къ ней въ 1862 г. извѣстнѣйшіе юристы, и въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, принимавшій самое дѣятельное участіе какъ въ составленіи „главныхъ основаній“, такъ и въ подробныхъ и краснорѣчиво мотивированныхъ соображеніяхъ государственной канцеляріи [2]). Какъ извѣстно, судъ присяжныхъ, твердое установленіе судебной несмѣняемости и другія основы новаго суда были впервые высказаны или точно формулированы въ этихъ именно „главныхъ основаніяхъ преобразованія судебной части въ Россіи“, Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября 1862 года.

Съ конца 1862 г. Н. И. Стояновскій изъ статсъ-секретарей Государственнаго Совѣта назначается товарищемъ министра юстиціи, каковую должность занималъ тогда Д. Н. Замятнинъ. Хотя этотъ послѣдній былъ по своимъ убѣжденіямъ вполнѣ преданъ дѣлу судебной реформы, но настоящею душою министерства сдѣлался Н. И. Къ чести Замятнина нужно сказать, что онъ не только не мѣшалъ, но и выдвигалъ впередъ своего товарища, талантливая и энергичная дѣятельность коего оставляла его самого нѣсколько въ тѣни. Н. И. Стояновскій при Замятнинѣ игралъ

---

[1]) См. рѣчь Н. И. Стояновскаго о реформахъ 60-хъ годовъ въ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества 3-го февраля 1880 г. въ „Журн. гражд. и угол. права“ того же года, № 4.

[2]) См. три части т. XVIII „Дѣла о преобразованіи суда въ Россіи“.

такую же роль, какую Н. А. Милютинъ при С. С. Ланскомъ во время составленія Положенія о крестьянахъ.

Когда составлены были проекты судебныхъ уставовъ, при министерствѣ юстиціи была образована спеціальная коммиссія для подробнаго разбора проектовъ. Редактированіе замѣчаній министерства было возложено на Н. И. Стояновскаго. Чтобы дать понятіе о количествѣ положеннаго имъ въ этой стадіи судебной реформы труда, достаточно сказать, что отъ министерства юстиціи было сдѣлано до 1,100 замѣчаній по существу, а именно: до 600 на статьи уст. гражд. суд., до 300 на статьи уголовнаго, до 80 на статьи проекта о проступ., подвѣдом. мир. суд., и до 120 на статьи проекта учрежд. суд. мѣстъ [1]). А объ обстоятельности этихъ замѣчаній можно судить по тому, что одни только замѣчанія на уст. гражд. суд. занимаютъ почти 300 страницъ in folio. По поводу этихъ интересныхъ замѣчаній мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ [2]); здѣсь отмѣтимъ только, что, благодаря имъ, были внесены значительныя улучшенія въ текстъ судебныхъ уставовъ, въ особенности въ постановленіяхъ объ организаціи прокурорскаго надзора.

Но и сказаннымъ не исчерпывается участіе Н. И. Стояновскаго въ подготовкѣ судебныхъ уставовъ. Въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія, на него была возложена обязанность присутствовать при разсмотрѣніи проектовъ судебныхъ уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, съ правомъ голоса, и давать словесныя объясненія въ развитіе мыслей, высказанныхъ въ министерскихъ замѣчаніяхъ.

Съ утвержденіемъ судебныхъ уставовъ далеко еще не были окончены работы по судебной реформѣ,—предстояли еще обширныя [3]), частью законодательныя, частью распорядительныя работы по введенію въ дѣйствіе уставовъ. Особенно горячія пререканія вызвалъ вопросъ о порядкѣ введенія ихъ въ дѣйствіе. Одно мнѣніе, поддерживаемое самыми горячими поборниками судебной реформы: С. И. Зарудныимъ, Н. А. Буцковскимъ и О. И. Квистомъ (въ шутку противники ихъ называли русскою тройкою: авось, небось и какъ-нибудь), стояло за одновременное *повсемѣстное введеніе* новаго суда, съ тѣмъ, чтобы составъ его пополнялся постепенно [4]). Главнымъ мотивомъ, хотя и неудобнымъ для офиціальной аргументаціи и потому въ ней не упоминаемымъ, было желаніе однимъ разомъ и безповоротно покончить съ дѣломъ, которое иначе могло затянуться на

---

[1]) См. „Журналъ Министерства Юстиціи,“ 1866, № 4, стр. 31.

[2]) См. мою книгу: „Страница изъ исторіи судебной реформы“ (Д. Н. Замятнинъ). М. 1883, стр. 32—67.

[3]) Въ „Дѣлѣ о преобразованіи судебной части“ работы по введенію въ дѣйствіе суд. уст. занимаютъ 7 томовъ (LXIII—LXIX).

[4]) См. т. LIX „Дѣла о преобр. суд. части.“

много лѣтъ, благодаря обычному у насъ охлажденію, быстро наступающему въ видѣ реакціи послѣ кратковременнаго духовнаго подъема. Обстоятельства послѣдующаго времени показали, что опасеніе это было вполнѣ основательно: вмѣсто предположенныхъ четырехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ рѣшено было закономъ 19-го октября 1865 года ввести новый судъ въ Европейской Россіи, онъ и черезъ 25 лѣтъ не вездѣ еще въ ней былъ введенъ...

Но министерство юстиціи, на которое всецѣло падала вся обширная практическая сторона введенія новаго суда, признавало такой планъ неосуществимымъ по недостатку персонала и матеріальныхъ средствъ и стояло вмѣстѣ съ Н. И. Стояновскимъ за открытіе на первое время только двухъ судебныхъ округовъ (С.-Петербургскаго и Московскаго) и за постепенное открытіе другихъ округовъ. Это мнѣніе одержало верхъ и получило Высочайшее утвержденіе 19-го октября 1865 года.

Послѣ этого подъ главнымъ руководствомъ Н. И. Стояновскаго въ министерствѣ юстиціи началась кипучая, сложная и кропотливая работа по составленію правилъ о скорѣйшей ликвидаціи старыхъ судебныхъ учрежденій, объ окончаніи или переносѣ старыхъ дѣлъ въ новые суды, а также о введеніи гласности и нѣкоторыхъ началъ новаго суда въ старыя судебныя учрежденія (законъ 11-го октября 1865 г.). Кромѣ того, предстояло озаботиться устройствомъ зданій для новыхъ судебныхъ установленій при новой обстановкѣ гласнаго судоговоренія. Наконецъ, слѣдовало принять самыя энергичныя мѣры къ привлеченію на новыя судебныя должности достойнаго персонала [1]). И тутъ Н. И. Стояновскій, благодаря своему обширному знакомству съ судебнымъ вѣдомствомъ, сослужилъ новому суду большую службу, привлекши въ его ряды дѣятелей, которые доселѣ составляютъ гордость новаго суда и его лучшіе кадры и образцы. Они создали добрыя традиціи новаго суда, которыя и донынѣ поддерживаютъ въ немъ его духъ независимости и энергію, несмотря на окружающія неблагопріятныя условія.

Весною 1866 г. открыты были новые суды, но при трудныхъ условіяхъ состоялось это торжество. Вскорѣ руководство новымъ судомъ отошло отъ людей, искренно преданныхъ основнымъ началамъ этого суда, и перешло по происканъ реакціи въ руки людей или равнодушныхъ, или враждебныхъ его началамъ. Съ 1867 года Н. И. Стояновскій покидаетъ постъ товарища министра юстиціи и назначается сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента.

---

[1]) Любопытныя подробности о первыхъ дняхъ судебной реформы см. въ статьѣ сенатора А. Ѳ. Кони „Новые мѣхи и новое вино“ въ книгѣ его: „За послѣдніе годы“.

Въ этой стадіи своей служебной дѣятельности г. Стояновскій поработалъ тоже очень много для проведенія въ жизнь тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется наше новое судебное законодательство. Равноправность сторонъ, уваженіе въ подсудимомъ его личности, непоколебимость судебныхъ рѣшеній, полное устраненіе администраціи отъ вмѣшательства въ судебныя дѣла и другіе новые принципы судебной реформы безпрестанно приходили въ столкновеніе съ старыми вѣковыми навыками. Нужна была вся твердость первыхъ кассаціонныхъ сенаторовъ, чтобы удержать новыя судебныя учрежденія на пути, указанномъ судебными уставами. Духъ ихъ, невидимо витавшій надъ первыми судебными дѣятелями, давалъ вѣрный ключъ къ распознанію пути правды, каковой ключъ, къ сожалѣнію, впослѣдствіи былъ порою утерянъ или испорченъ.

Здѣсь не мѣсто перечислять многочисленныя превосходныя кассаціонныя рѣшенія, состоявшіяся по докладу и внушенію Н. И. Стояновскаго. Сошлюсь на одно. Въ самомъ началѣ кассаціонной практики сенату пришлось встрѣтиться съ вопросомъ, можетъ ли быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ опредѣленіе судебной палаты объ исключеніи изъ сословія присяжнаго повѣреннаго. Сенатъ, по докладу Н. И. Стояновскаго, слѣдуя *духу* судебныхъ уставовъ, не усомнился предоставить подсудимому эту гарантію, хотя она прямо не была установлена закономъ. Но tempora mutantur, и Сенатъ впослѣдствіи безъ достаточныхъ основаній измѣнилъ свою практику [1]).

Въ заключеніе позволю себѣ отмѣтить, что Н. И. Стояновскій всегда поддерживалъ тѣсное общеніе съ юридическою наукою и литературою. Онъ давно уже состоитъ почетнымъ членомъ нашего старѣйшаго Юридическаго Общества Московскаго и предсѣдателемъ С.-Петербургскаго съ самаго его основанія. Съ 1882 г. Н. И. состоитъ предсѣдателемъ редакціонной Коммиссіи, составляющей проектъ гражданскаго уложенія.

Интересны для характеристики недавняго „добраго стараго времени“ обстоятельства, при которыхъ состоялся литературный дебютъ Н. И. Въ 1850 г. цензура задержала его „Практическое руководство по уголовному судопроизводству“ по глубокомысленному мотиву, заимствованному у калифа Омара, сжегшаго Александрійскую библіотеку. Въ сочиненіи г. Стояновскаго встрѣчались нѣсколько „собственныхъ“ соображеній автора. Вотъ это именно обстоятельство и послужило причиною запрещенія книги! Все что нужно знать о законахъ, разсуждалъ цензоръ, помѣщено въ Сводѣ,

---

[1]) См. Сбор. рѣш. угол. касс. депар., 1878, № 201. Сенатъ сослался на законъ 25-го мая 1885 г., хотя законъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ данному случаю, какъ я имѣлъ случай разъяснить въ другомъ мѣстѣ (см. мои: „Вопросы адвокат. дисципл.“ М. 1887, стр. 22).

а чего въ немъ нѣтъ, то *лишнее* и въ опубликованіи его нѣтъ надобности... И это говорилось въ то время, когда въ основаніи государственнаго строя лежало крѣпостное право, въ судахъ господствовало повальное взяточничество, кнутъ и вообще тѣлесное наказаніе господствовали въ уголовномъ правѣ, а во всей Россіи слышалось одно только молчаніе на разныхъ языкахъ и возгласъ: все обстоитъ благополучно!

III.

А. А. Головачовъ.

Ноябрь 1841—1891 гг.

Въ Москвѣ въ тѣсномъ кругу друзей, читателей и почитателей Алексѣя Адріановича Головачова былъ очень скромно отпразднованъ 28 ноября 1892 г. 50-лѣтній юбилей его общественно-публицистической дѣятельности. Принадлежа къ старому корчевскому дворянскому роду, А. А. всегда принималъ горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ своего уѣзда и губерніи, сначала какъ членъ дворянскихъ собраній и уѣздный предводитель, а потомъ и какъ гласный уѣзднаго корчевскаго и губернскаго тверского земскихъ собраній. А. А. продолжаетъ доселѣ оказывать свое просвѣщенное содѣйствіе тверскому земству, всегда занимавшему и нынѣ занимающему одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ земствъ вѣрностью основнымъ началамъ самоуправленія, а также и разнообразіемъ и интенсивностью своей дѣятельности на пользу народнаго просвѣщенія и другихъ культурныхъ нуждъ края.

Самая продуктивная и кипучая дѣятельность г. Головачова относится къ живой и бурной освободительной эпохѣ конца 50-хъ годовъ, когда все, что было въ Россіи честнаго, мыслящаго и порядочнаго, переживало то невыразимо сладкія, то мучительныя перипетіи двигавшейся скачками [1]) крестьянской реформы. Какъ членъ тверского дворянскаго губернскаго комитета и корчевскій уѣздный предводитель, А. А. Головачовъ принималъ самое дѣятельное участіе въ работахъ комитета по освобожденію

---

[1]) По поводу принятія крѣпостникомъ гр. Паниным (см. главу I, § I) руководства крестьянскою реформою И. С. Аксаковъ писалъ изъ-за границы: „Я долженъ сказать, что внѣ Россіи еще болѣзненнѣе отдаются во мнѣ эти гнетущія безсмыслицы. Издали Россіи представляется такою сплошною массою безобразія, что здороваго ядра подъ этою толстою корою и не видно... Каждый мыслящій русскій человѣкъ нашего времени имѣетъ право на *мученическій вѣнецъ*. Что можетъ быть мучительнѣе этого постояннаго нравственнаго мученья и нытья“. Письма, т. III, 379, 390.

крестьянъ и, послѣ знаменитаго его предсѣдателя А. М. Унковскаго, былъ самымъ усерднымъ, энергичнымъ и талантливымъ защитникомъ либеральной программы о полномъ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьей власти съ надѣленіемъ ихъ землею. Въ составленіи и редактированіи извѣстнаго „Обзора основаній“, при которомъ представленъ былъ правительству проектъ тверского дворянства (см. главу II, § 3), А. А., какъ человѣкъ съ солиднымъ образованіемъ и прекрасно владѣющій перомъ, принималъ также весьма дѣятельное участіе [1]). Равномѣрно и въ представленныхъ А. М. Унковскимъ, въ качествѣ депутата тверского дворянства, замѣчаніяхъ на работы Редакціонной Коммиссіи А. А. былъ взятъ на себя важный отдѣлъ: разработка финансовой стороны крестьянскаго вопроса [2]).

Въ бурной исторіи тверского дворянства конца 50-хъ годовъ былъ одинъ эпизодъ, въ которомъ А. А. Головачову пришлось играть особенно видную роль. Вслѣдъ за удаленіемъ А. М. Унковскаго отъ должности предводителя дворянства оно необыкновенно торжественно выразило свое сочувствіе своему смѣщенному, сосланному предводителю, постановивъ между прочимъ учредить въ честь его 12 стипендій въ Московскомъ университетѣ. Замѣстившій временно должность губернскаго предводителя, уѣздный тверской предводитель Клокачевъ, „человѣкъ низкой души и всѣми ненавидимый“ [3]), безъ всякаго законнаго повода пріостановилъ приведеніе въ исполненіе помянутаго постановленія, подписаннаго 11 предводителями изъ 12.

Возмущенный произвольнымъ и недостойнымъ образомъ дѣйствій Клокачева, А. А. Головачовъ, какъ корчевскій предводитель, написалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ чувства, испытываемыя въ то время большинствомъ тверскихъ дворянъ. „На какомъ основаніи, м. г., — писалъ онъ,—вы позволили себѣ наглую дерзость противъ 11-ти гг. предводителей уѣздныхъ, дерзость, состоящую въ томъ, что вы усомнились въ правильности составленія протокола. Возраженіе, сдѣланное внѣ собранія, гдѣ-нибудь за угломъ и подъ прикрытіемъ канцелярской тайны, не могло ослабить или уничтожить силу и дѣйствіе протокола, публично и гласно составленнаго въ залѣ губернскаго собранія. Протоколъ этотъ могъ потерять свою силу только въ томъ случаѣ, если бы вы имѣли возможность доказать, что онъ составленъ фальшивымъ образомъ, вопреки желанія дворянъ, бывшихъ на съѣздѣ; стало быть, вы имѣли серьезныя подозрѣнія въ этомъ, если рѣшились производить слѣдствіе надъ 11-ю уѣздными

---

[1]) См. выше. II, а также т. I, стр. 304. „Матер. для ист. упразд. крѣп. права“, Берлинъ, 1860.

[2]) См. IX выпускъ *„Голосовъ изъ Россіи.“* Лондонъ, 1860 года, стр. 163, 204.

[3]) См. н. Матеріалы, т. II, 288.

предводителями. А потому я имѣю полное право назвать подобный поступокъ вашъ наглою дерзостью... Какія же побужденія заставляли васъ такъ дѣйствовать? Позвольте мнѣ самому отвѣчать на этотъ вопросъ. Я думаю, что поводомъ къ этому была одна жалкая, низкая, гнусная *зависть*, зависть противъ человѣка, заслужившаго всеобщее уваженіе не только въ нашей губерніи, но и въ цѣлой Россіи. Эта зависть заставила васъ искать какую-нибудь придирку, чтобы помѣшать тверскому дворянству увѣковѣчить воспоминаніе о полезной дѣятельности многоуважаемаго ими человѣка; вы искали ее и думали, что нашли. Нѣтъ, вы только нашли средство обнаружить ясно и положительно, что вы такое; вы нашли средство покрыть себя позоромъ въ глазахъ всякаго порядочнаго человѣка и больше ничего“ и т. д. [1]).

Въ заключеніе своего письма, очевидно, имѣвшаго цѣлью не личное оскорбленіе Клокачева, а публичный протестъ противъ его некрасиваго поступка, А. А. заявлялъ, что копію съ письма онъ посылаетъ губернатору и уѣзднымъ предводителямъ дворянства, и выражалъ готовность отвѣчать за содержаніе письма передъ судомъ. Оскорбленный, однако, предпочелъ обратиться съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ, который и внесъ жалобу на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Комитетъ, съ своей стороны, направилъ жалобу къ судебному разбирательству, до окончанія коего была пріостановлена административная ссылка, назначенная А. А—чу вмѣстѣ съ М. А. Унковскимъ и Европеусомъ. Послѣ долгихъ мытарствъ дѣло объ оскорбленіи Клокачева окончилось въ 1867 г. прекращеніемъ производства у мирового судьи [2]) въ виду неявки обвинителя.

Впослѣдствіи А. А. служилъ по контрольному вѣдомству, управляя контрольными палатами въ Псковѣ и Саратовѣ, а также много способствовалъ къ раскрытію безпорядковъ въ главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, навлекшими начетъ на общество въ нѣсколько милліоновъ.

Съ самаго открытія земскихъ учрежденій и до настоящаго времени А. А. несъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, съ неостывающею энергіею благородную службу земству.

Литературная дѣятельность А. А. Головачова началась въ 1841 году и достигла сильнаго развитія въ эпоху подготовки и примѣненія великихъ реформъ Александра II. Съ 1858 г. онъ дѣлается сотрудникомъ „*Русскаго Вѣстника*“, въ которомъ онъ проводитъ тѣ же мысли и планы, которые были при его дѣятельномъ участіи усвоены тверскимъ дво-

---

[1]) См. тамъ же, 290—1.

[2]) См. выше главу II.

рянствомъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ А. А. предпринялъ рядъ замѣчательныхъ критико-публицистическихъ этюдовъ, въ которыхъ уже не a priori, какъ то было въ „Обзорѣ основаній“ тверского проекта, но a posteriori, основываясь на пробѣлахъ и недочетахъ, замѣченныхъ въ только что введенныхъ реформахъ, доказывалъ тѣснѣйшую связь отмѣны крѣпостного права съ послѣдующими реформами и необходимость согласованія ихъ съ духомъ этой великой реформы. Статьи г. Головачова вышли впослѣдствіи отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „Десять лѣтъ реформъ“ и доселѣ составляютъ лучшую критическую монографію по этому предмету. Основной взглядъ и детальныя сужденія не только не были поколеблены позднѣйшею исторіею, но, напротивъ, въ ней нашли новое и едва ли не еще болѣе громкое подтвержденіе, такъ что капитальный трудъ г. Головачова и донынѣ сохранилъ живой интересъ современности.

„Сравнивая 1860 и 1870-й г.,—писалъ уважаемый публицистъ, видѣвшій расцвѣтъ русской общественной мысли 60-хъ годовъ, — приходится убѣдиться, что общество не только не подвинулось впередъ, но сдѣлало нѣсколько шаговъ назадъ; прежде мы замѣчали,—говоритъ онъ,— сообщій интересъ къ вопросамъ общественной жизни, всюду были слышны сужденія и толки не только о главномъ крестьянскомъ вопросѣ, но и многихъ другихъ, несмотря на то, что они представлялись въ отдаленномъ будущемъ... Но вотъ проходитъ десять лѣтъ, и все измѣнилось. Людей, которыми бы руководилъ не личный интересъ, а общественная польза, какъ-то не видать; если же они являются, то въ видѣ исключенія и безъ большого вліянія. Напротивъ, приверженцы стараго порядка вещей, прежде робко выражавшіе свое мнѣніе, теперь (1870 г.) какъ будто устыдились своей прежней скромности и вслѣдъ за „*Московскими Вѣдомостями*“ набросились на все живое и разумное въ обществѣ... Литература никого не интересуетъ, всѣ наши умники, повидимому, думаютъ, что они уже все знаютъ, и что литература имъ ничего новаго не скажетъ. Виною этому,—продолжаетъ А. А.,—отчасти нѣкоторые органы нашей печати: беззастѣнчивая полемика нѣкоторыхъ органовъ, ихъ соперничество, а главное—*полицейско-сыскное* направленіе [1])“. Такъ характеризовалъ онъ настроеніе общества и печати въ началѣ 70-хъ годовъ, которыя сравнительно съ послѣдующимъ временемъ могутъ казаться верхомъ общественнаго воодушевленія и литературной порядочности. Что бы сказалъ нашъ знаменитый публицистъ, если бы пришлось ему говорить о переживаемомъ нами „жестокомъ“ и „безыдейномъ времени“, когда, говоря словами современнаго поэта-гражданина:

Свершилось чудо!... Червь презрѣнный,
Который прежде подъ землей,

[1]) Десять лѣтъ реформъ, стр. 2—3.

Плодясь въ стыдѣ и потаенно;
Не выползалъ на свѣтъ дневной;
Который зналъ въ былые годы,
Что могъ онъ только воровски
Губить богатой жизни всходы,
Въ тиши подтачивать ростки—
Преобразясь, возсталъ изъ праха.

Останавливаясь на вопросѣ о причинахъ такого быстраго охлажденія и упадка общественной энергіи, А. А. не довольствуется обычнымъ объясненіемъ „неустойчивости характера русскаго человѣка“, а старается разъяснить причину этого прискорбнаго явленія и видитъ ее въ томъ, что во всѣхъ почти реформахъ, вопреки ожиданіямъ, не было сдѣлано рѣшительной попытки отказаться отъ прежней бюрократической системы основанной на игнорированіи и недовѣріи къ общественнымъ силамъ, а принята была система компромисса, обезсилившая основную цѣль, смыслъ и духъ преобразовательной дѣятельности и сохранившая почти во всѣхъ отрасляхъ управленія остатки временъ крѣпостного права. Слѣды такого направленія А. А. видѣлъ во всемъ, начиная съ бюджета, построеннаго почти исключительно на обложеніи низшихъ „податныхъ“ классовъ и освобожденіи отъ прямыхъ налоговъ высшихъ, и кончая системою мѣстнаго управленія (см. выше § Н. Х. Бунге).

„Что такое нашъ наказъ губернаторамъ? — спрашиваетъ г. Головачовъ:—это полное выраженіе тѣхъ патріархальныхъ началъ, на основаніи которыхъ помѣщики управляли своими имѣніями. Законъ говоритъ прямо, что губернаторъ есть хозяинъ губерніи. И, дѣйствительно, недалеко то время, когда губернаторы пользовались вполнѣ предоставленными имъ правами и поступали по-хозяйски. Казалось бы, что первою заботою должно быть уничтоженіе этихъ и имъ подобныхъ недостатковъ. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не видимъ, а, напротивъ, встрѣчаемъ попытки частныхъ улучшеній, безъ всякаго измѣненія *основныхъ началъ*. Всѣ наши реформы потому носятъ характеръ *отрывочности*... При такомъ порядкѣ являются рядомъ учрежденія, основанныя на старыхъ и новыхъ началахъ, и между ними возникаютъ столкновенія, которыя не только отнимаютъ время, силы и средства, нужныя для настоящаго дѣла, но часто подрываютъ довѣріе къ новымъ учрежденіямъ, а это опаснѣе всего. При такихъ обстоятельствахъ даже лучшіе люди теряютъ энергію и оставляютъ дѣятельность изъ опасенія подвергнуться обвиненію въ неблагонамѣренности, чему бывали примѣры не одинъ разъ. Такимъ образомъ исполненіе, быть можетъ, и хорошо задуманной реформы попадаетъ въ руки жалкой посредственности, которая умѣетъ только портить дѣло. Такой печальный исходъ всего опаснѣе, потому что можетъ породить въ

обществѣ мысль о несостоятельности предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ“ [1]).

Опасенія г. Головачова, къ сожалѣнію, подтвердились впослѣдствіи, даже сами участники реформъ явились гонителями ихъ:

Участникъ дѣлъ былыхъ, надеждами богатыхъ,
Почтенный дѣятель въ недавней старинѣ—
Какъ будто опьянѣвъ, почилъ на лаврахъ смятыхъ
И спитъ, кощунствуя во снѣ.

Въ одномъ отношеніи только опасенія честнаго публициста не оправдались: лучшіе люди, подобно самому А. А., продолжаютъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, нести свои общественныя обязанности. И въ числѣ этихъ старыхъ земцевъ-либераловъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ А. А. Головачовъ, который, несмотря на свои почтенные годы, продолжаетъ какъ въ земствѣ, такъ и въ литературѣ, бодро держать знамя принциповъ освободительной эпохи.

Въ 1888 г. А. А. Головачовъ одновременно съ А. М. Унковскимъ и В. А. Арцимовичъ былъ выбранъ за заслуги по крестьянской реформѣ въ число почетныхъ членовъ Московскаго Юридическаго Общества.

IV.

В. Н. Герардъ.

6-ое марта 1868—1893 гг.

6-го марта 1893 г. исполнилось четверть вѣка со дня вступленія въ адвокатуру извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Владиміра Николаевича Герарда. Корпорація петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ отпраздновала этотъ день очень торжественно. Утромъ въ квартиру юбиляра стали съѣзжаться присяжные повѣренные, члены совѣта и постороннія лица. Предсѣдатель совѣта, г. Люстигъ, прочелъ адресъ. Постановлено учредить фондъ имени юбиляра для вспомоществованія бѣднымъ членамъ семействъ умершихъ присяжныхъ повѣренныхъ; поднесенъ былъ жетонъ отъ товарищей по совѣту, гдѣ В. Н. участвовалъ около 25 лѣтъ въ качествѣ члена или товарища предсѣдателя. За адресомъ присяжныхъ повѣренныхъ слѣдовалъ адресъ отъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Вечеромъ состоялся обѣдъ по подпискѣ въ ресторанѣ Кюба. Произнесено было много здравицъ и застольныхъ рѣчей лучшими представителями петербургской адвокатуры: В. Д. Спасовичемъ, А. И. Унковскимъ и К. Ѳ. Хартулари, а также знаменитымъ нашимъ публицистомъ, бывшимъ петер-

---

[1]) См. тамъ же, а также выше главу II.

бургскимъ прис. повѣр., К. К. Арсеньевымъ. Всѣ почти петербургскія газеты отнеслись съ большою теплотою къ семейному празднику члена адвокатской корпораціи, что указываетъ на то, что онъ имѣетъ и несомнѣнный крупный общественный интересъ.

Въ лицѣ г. Герарда товарищи его и общество чествовали не только одного изъ самыхъ талантливыхъ, безкорыстныхъ и мужественныхъ поборниковъ правды, но и типичнѣйшаго представителя присяжной адвокатуры. Принадлежа и по происхожденію, и по мѣсту воспитанія (какъ правовѣдъ) къ привилегированному меньшинству судебныхъ дѣятелей и имѣя, благодаря хорошимъ связямъ, впереди обезпеченную блестящую служебную карьеру, г. Герардъ добровольно и исключительно по нравственному влеченію избралъ и предпочелъ заманчивое, но трудное адвокатское поприще. Карьера эта можетъ дать иногда славу, рѣже богатство, но отнюдь не способна утолить жажду внѣшнихъ отличій, властолюбія и честолюбія. Это широко открытое исключительно только для соревнованія таланту и знанію демократическое поприще, какъ извѣстно, совершенно уравниваетъ своихъ дѣятелей безъ различія происхожденія и общественнаго положенія. Каждый адвокатъ самъ завоевываетъ себѣ мѣсто въ сословіи, и никакія усилія высокихъ покровителей и „кумушекъ“ не побудятъ кліентовъ ввѣрять дѣла „по протекціи“. Нужно было дѣйствительно глубокое внутреннее влеченіе къ этой трудной, но столь привлекательной для людей независимаго характера свободной профессіи, чтобы предпочесть ее другой, болѣе покойной, обезпеченной и блестящей, съ точки зрѣнія честолюбія, коронной службѣ. Нуженъ былъ не малый нравственный закалъ, чтобы благополучно обойти подводные камни, которыми такъ изобилуетъ адвокатское поприще и о которые такъ легко и часто разбиваются неустойчивые адвокаты, даже одаренные крупнымъ талантомъ. Нужно было, дѣйствительно, исключительное глубокое призваніе и влеченіе, чтобы съ честью пройти столь длинный общественный путь и до настоящаго времени сохранить живой интересъ къ адвокатской профессіи, то feu sacré, безъ котораго эта свободная профессія очень скоро превращается въ одно изъ тяжелѣйшихъ и скучнѣйшихъ ремеслъ.

Въ многочисленныхъ характеристикахъ В. Н., появившихся въ газетахъ и въ застольныхъ рѣчахъ, отмѣчались крайне цѣнныя въ адвокатѣ нравственныя и умственныя черты, изъ коихъ нѣкоторыя всецѣло присущи деликатной, мягкой натурѣ юбиляра, а другія объясняются частью его личными свойствами, частью тѣми добрыми и мужественно-честными традиціями строгой адвокатской этики, которыя издавна выдвинули впередъ петербургскую адвокатскую корпорацію, обезпечивъ ей первенствующе положеніе въ средѣ всей русской адвокатуры. В. Д. Спасовичъ отмѣтилъ

въ дѣятельности В. Н., какъ выдающуюся черту, ея *свѣтскость*, галантность, джентльменство, благовоспитанность, мягкость, благодушіе.

Эта черта далеко не такъ маловажна, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Живое, теплое, даже горячее, страстное отношеніе къ дѣлу не только возможно, но и необходимо для адвоката, мало-мальски добросовѣстно и по призванію исполняющаго свои профессіональныя обязанности. Но тутъ, какъ и вездѣ, чувство мѣры и такта необходимо, иначе веденіе дѣла превращается въ бой обозленныхъ пѣтуховъ или грызню звѣрей, безпощадную, непримиримую битву по правилу—in hostem omnia licita. Многіе въ высшей степени честные, безкорыстные и искренно преданные ввѣреннымъ имъ интересамъ адвокаты, отдаваясь безъ удержу дѣйствію своего живого, нервнаго темперамента, столь драгоцѣннаго вообще для адвоката, вносятъ въ пренія черезчуръ много страстности, впадая въ то, что французы называютъ défaut de ses qualités. Не говоря о другихъ неудобствахъ такого черезчуръ ожесточеннаго боя, онъ оставляетъ въ борющихся мутный и горькій осадокъ непріятныхъ воспоминаній, портящихъ тѣ добрыя товарищескія симпатичныя отношенія confraternité, которыя составляютъ одну изъ основъ адвокатскаго карпоративнаго строя.

„Въ профессіи,—говоритъ парижскій батонье Ліувиль,—на которой нельзя подвизаться иначе, какъ вдвоемъ; на которой безпрестанно приходится сталкиваться лицомъ къ лицу съ товарищами по профессіи, гдѣ товарищъ, призванный для борьбы, воодушевленный долгомъ и убѣжденіемъ, смѣло возражаетъ своему противнику, гдѣ живость нападенія вызываетъ еще большую живость отпора,—что бы съ нами было, Боже мой, если бы товарищеская симпатія не сходила съ неба для замиренія этихъ битвъ; если бы боевое оружіе не замѣняла она оружіемъ турнировъ (armes courtoises); если бы, смягчая наше усердіе, умѣряя нашъ пылъ, она не возбраняла превращеніе стычки кліентовъ въ ссоры адвокатовъ; если бы къ концу засѣданія она, эта симпатія, не обращала своего умиротворяющаго *quos ego*!.. къ бушующимъ волнамъ, отголосокъ коихъ не идетъ дальше судебной камеры!.. Это оно, именно это чувство товарищества, прелести котораго вы современемъ узнаете,—говорилъ батонье стажьерамъ,—оно только насъ сдерживаетъ, оно одно дѣлаетъ возможнымъ по окончаніи битвы жать товарищамъ эти руки, всегда дружественныя, хотя то и руки противника“ [1]).

Г. Герардъ именно и былъ по преимуществу пропагандистомъ „цивилизованныхъ“, „рыцарскихъ“ пріемовъ судебной борьбы. Для удачнаго исполненія этой миссіи сама природа отпустила ему всѣ данныя и сред-

---

[1]) F. Liouville, De la profession d'avocat. 33.

ства: внѣшнее изящество, привлекательная наружность, ласкающій ухо мягкій баритонъ, врожденная деликатность, развитая воспитаніемъ, утонченная чисто-французская вѣжливость и предупредительность, которая не только на турнирѣ, а на самомъ полѣ настоящей битвы уступаетъ первый выстрѣлъ противнику, какъ это сдѣлалъ графъ д'Отрошъ въ 1745 г. въ битвѣ при Фонтенуа, сказавъ англійскому командиру: „non monsieur, nous ne tirons jamais les premiers. Tirez, vous-mêmes!..“ Распространеніе въ нашей молодой адвокатурѣ правилъ честнаго, благороднаго рыцарскаго боя съ возможною при всей горячности схватки предупредительностью было тѣмъ настоятельнѣе, труднѣе, а стало быть и почетнѣе, что нравы наши вообще далеко не страдаютъ и не страдали избыткомъ мягкости и лойяльности во взаимныхъ сношеніяхъ, а судебно-адвокатскіе въ особенности, гдѣ на самомъ канунѣ судебной реформы были въ ходу пріемы взаимнаго надувательства и мошенническаго „путанія дѣлъ“ во вкусѣ гоголевскаго „юрисконсульта“.

Послѣ такихъ „жестокихъ нравовъ“ тѣмъ неожиданнѣе и пріятнѣе было встрѣтить этого изящнаго, галантнаго бойца, отважно бьющагося, какъ левъ, въ защиту взятыхъ имъ подъ свое покровительство интересовъ, но до фанатизма вѣрнаго охранѣ адвокатскаго point d'honneur, до щепетильности строгаго къ вопросамъ чести и порядочности.

Любопытный въ этомъ отношеніи казусъ представило извѣстное дѣло милліонера Овсянникова, обвиняемаго въ поджогѣ. Г. Герардъ былъ повѣреннымъ гражданскаго истца, страхового общества. Вдругъ неожиданно по открытіи засѣданія защита Овсянникова заявляетъ отводъ противъ г. Герарда, ссылаясь на то, что Овсянниковъ обращался къ нему съ просьбою принять защиту. Оказалось, что Овсянниковъ дѣйствительно предлагалъ г. Герарду свою защиту, но онъ, ознакомившись съ дѣломъ, отказался принять его. Стало быть, никакихъ основаній не было у г. Герарда не выступать противъ Овсянникова (а иначе стоило бы обвиняемому обойти всѣхъ корифеовъ адвокатуры съ предложеніемъ защиты и такимъ простымъ способомъ освободить себя отъ опасныхъ противниковъ!). Г. Герардъ вправѣ былъ оставить безъ вниманія этотъ кляузный отводъ, который, конечно, былъ бы отклоненъ и судомъ. Но еще больше былъ правъ В. Н., добровольно отказавшись отъ дѣла по высшимъ соображеніямъ деликатности и безукоризненной честности, дабы устранить самую тѣнь сомнѣнія относительно своего поведенія. Г. Герардъ несъ не только матеріальный ущербъ, но рисковалъ даже навлечь на себя нѣкоторое нареканіе со стороны довѣрителя, несмотря на безупречность своего поведенія (говоримъ, безупречное, потому что: во 1-хъ, предвидѣть такой странный отводъ не было возможности, а во 2-хъ, довѣритель вправѣ требовать отъ своего довѣреннаго мужества и самопожертвованія, но не

въ ущербъ требованій чести, хотя бы и очень тонкихъ и необщепринятыхъ), и тѣмъ не менѣе, добровольно отказавшись отъ дѣла, г. Герардъ совершилъ, съ высшей этической точки зрѣнія, прекрасный поступокъ, дѣлающій ему честь и создающій въ сословіи прецедентъ, достойный подражанія.

Только тотъ, кто близко знакомъ съ интимною стороною адвокатской профессіи, знаетъ тѣ чрезвычайныя трудности, которыя представляетъ она для адвоката, смотрящаго на свою дѣятельность, какъ на серьезное общественное служеніе. Не даромъ еще Квинтиліанъ наряду съ техническимъ элементомъ, съ умѣньемъ говорить, съ даромъ слова (dicendi peritus), ставилъ элементъ этическій, нравственную порядочность, адвокатскую чистоплотность (vir bonus). Безъ этого нравственнаго элемента адвокатская профессія превращается въ одно изъ самыхъ несимпатичныхъ антисоціальныхъ, грязныхъ ремеслъ, близкихъ, sit venia verbo, къ умственной и нравственной проституціи; ибо что же можетъ быть ниже, гаже и оскорбительнѣе для человѣческаго достоинства, какъ торговать оптомъ и въ розницу своимъ словомъ, мыслью, всѣмъ своимъ нравственнымъ существомъ, не имѣя иной цѣли и побужденія, какъ или слава непобѣдимаго софиста, или, того хуже, грубый матеріальный разсчетъ? Существованіе такого адвокатскаго типа, къ сожалѣнію, фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но не онъ, къ счастью, давалъ и даетъ тонъ русской адвокатурѣ. Лучшіе представители петербургской адвокатуры: К. К. Арсеньевъ, В. Д. Спасовичъ, А. М. Унковскій, В. Н. Герардъ, В. И. Танѣевъ и др., высоко державшіе знамя русской адвокатуры, сразу поняли и оцѣнили важное гражданское значеніе адвокатской каѳедры въ Россіи, какъ единственной почти публицистической каѳедры для распространенія въ обществѣ началъ законности, равноправности, гуманности и честности [1]). А для удачнаго выполненія такой благородной программы conditiones sine quibus non суть: a) тщательный выборъ дѣла и аргументовъ по дѣлу, съ точки зрѣнія нравственной и законной; b) безстрашное, беззавѣтное служеніе дѣлу „до послѣдней капли крови“, по извѣстной присяжной формулѣ, разъ только сдѣланъ такой именно тщательный выборъ. Въ этихъ двухъ пунктахъ „весь законъ и пророки“ адвокатскаго поведенія, альфа и омега адвокатскаго нравственнаго кодекса.

„Секретъ моего успѣха,—сказалъ г. Герардъ въ отвѣтъ на одно изъ привѣтствій,—очень простъ. Я всегда относился строго къ выбору дѣлъ, бралъ исключительно дѣла, которыя я долженъ бы выиграть, или, по крайней мѣрѣ, такія, за которыя не *краснѣлъ бы*, если бы и проигралъ. Другая привычка моя—строгій выборъ аргументовъ, приводимыхъ по дѣлу

[1]) Leroy-Beaulieu—L'empire des Tzars, t. 11, p. 240.

хотя бы и такому, которому бы я не сочувствовалъ, но которое обязанъ былъ вести по назначенію отъ суда. Только этому примѣру слѣдовать я и могу рекомендовать своимъ молодымъ коллегамъ".

Благо тому, кто послѣ многолѣтней и обширной практики можетъ такъ говорить публично, не рискуя встрѣтить вокругъ себя либо скептическую улыбку, либо прямое возраженіе, а напротивъ, получаетъ, какъ это было въ данномъ случаѣ, отъ лица общепризнанныхъ авторитетовъ корпораціи, дорогое и непререкаемое свидѣтельство справедливости своей профессіональной исповѣди. „В. Н. Герардъ совершенно справедливо указалъ,—говорилъ К. К. Арсеньевъ, составлявшій нѣкогда красу и гордость петербургской адвокатуры, а нынѣ русской публицистики,—на послѣдовательность своей аргументаціи по дѣламъ, какъ на примѣръ достойный подражанія. Послѣдовательность эта выражается вовсе не въ „холодной" стройности умозаключеній, а лишь въ томъ, чтобы не „пригонять" аргументаціи къ каждому данному дѣлу, чтобы завтра не ратовать противъ тѣхъ принципіальныхъ положеній, которыя сегодня отстаивалъ. А въ этомъ, дѣйствительно, высшая гарантія чистоты адвокатуры, несеніе ею того знамени, которое вручено ей судебными Уставами. Юбиляръ принадлежитъ къ числу лицъ, наиболѣе сохранившихъ чистоту этого знамени, и по поводу его двадцатипятилѣтія наиболѣе умѣстно пожелать возстановленія медоваго мѣсяца адвокатуры, какъ и новаго суда". „Адвокатская профессія—правду сказать—едва ли можетъ считаться особенно благопріятной для идеальной нравственности,—говорилъ другой знаменитый членъ петербургской корпораціи А. М. Унковскій.—Но я долженъ сказать, что В. Н. Герардъ доказалъ, что можно оставаться въ ней съ совершенно незапятнанной джентльменской репутаціей: это одинъ изъ самыхъ честнѣйшихъ адвокатовъ, какихъ я зналъ".

Предъ такими авторитетными заявленіями должны умолкнуть всякое недовѣріе и вражда принципіальныхъ противниковъ нашей адвокатуры [1]), а также ламентаціи адвокатовъ съ двусмысленною репутаціею, привыкшихъ нерасположеніе къ нимъ товарищей приписывать профессіональной зависти [2]).

Одна изъ газетъ, и при томъ такая, которая далеко не отличается избыткомъ привязанности къ основнымъ задачамъ присяжной адвокатуры,

---

[1]) Среди крѣпостниковъ и доселѣ не перевелись экземпляры изъ породы ископаемыхъ, держащіеся на адвокатуру взглядовъ если не „временъ очаковскихъ и покореній Крыма", то временъ... крѣпостника графа Панина, изрекшаго въ 1860 г.: „вредно и опасно, если глубокое знаніе права будетъ распространено въ классѣ людей, не состоящихъ на государственной службѣ" „(*Колоколъ*", 1859 г., № 13).

[2]) См. выше § А. М. Унковскій.

характеризуя дѣятельность г. Герарда, сказала, что онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова „рыцаремъ *безъ страха* и *упрека*“. Завидная, достойная похвала, вызванная 25-тилѣтнимъ доблестнымъ служеніемъ двумъ вышеуказаннымъ основнымъ принципамъ адвокатуры! Избравъ дѣло или принявъ защиту по назначенію, между прочимъ, и по политическимъ процессамъ, г. Герардъ, дѣйствительно, служилъ ей съ вѣрностью истиннаго chevalier de la loi, пренебрегая соображеніями личныхъ неудобствъ и безопасности и имѣя въ виду одно мужественное служеніе профессіональному долгу, закону и гуманности. Пріятно, лестно и почетно служеніе этому благородному знамени въ тиши кабинета или въ многочисленной аудиторіи, сочувственно внимающей призыву къ принципамъ человѣчности и затѣмъ устно и печатно разносящей славу честнаго защитника угнетенныхъ; но во сколько кратъ почетнѣе геройская служба храбраго защитника, когда онъ говоритъ среди недружелюбно настроенныхъ слушателей, полныхъ нетерпѣнія, недовѣрія и негодованія, передъ нахмуренными лицами негодующихъ судей, едва сдерживающихъ себя въ предѣлахъ, подобающаго мѣсту, внѣшняго приличія; когда онъ, враждебно комментируемый, часто прерываемый, умѣетъ найти въ самомъ страшномъ преступникѣ проблески человѣчности; когда онъ *заставляетъ*, если не внять, то хоть прислушаться къ голосу состраданія, къ принципамъ человѣчнымъ, вѣчнымъ, во имя святого начала правосудія:

Nul n'est juste, s'il n'est doux [1]).

или, какъ говаривалъ Грановскій, человѣчность прежде всего!

Такихъ примѣровъ честнаго мужества и адвокатской доблести, безъ коей въ иныхъ случаяхъ защита превращается въ простой кощунственный обрядъ, было не мало въ славномъ прошломъ В. Н. Герарда.

Нельзя не отмѣтить еще и той выдающейся роли, которую В. Н. игралъ въ корпоративной жизни петербургской адвокатуры, служа ей не только образцами своей личной профессіональной дѣятельности, но и какъ членъ сословнаго представительства. Въ теченіе 25-ти лѣтъ В. Н. былъ виднымъ и энергичнымъ сословнымъ дѣятелемъ, безпрерывно участвуя, въ качествѣ члена или товарища предсѣдателя Совѣта, въ выработкѣ тѣхъ профессіональныхъ правилъ поведенія, которыя составляютъ драгоцѣнный капиталъ не только петербургской, но и всей вообще русской присяжной адвокатуры.

Хорошо понимая все серьезное значеніе для будущности адвокатуры правильнаго и разумнаго устройства школы для молодой адвокатуры, Г. Н. и самъ отдавалъ много времени и любви для занятій съ своими лич-

---

[1]) Нѣтъ безъ милости суда.

ными помощниками и сильно отстаивалъ необходимость организаціи *сословныхъ учрежденій*, безъ которыхъ невозможно воспитаніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ духѣ традицій присяжной адвокатуры. Искренняя и сердечная признательность, высказанная адвокатскою молодежью В. Н. по поводу его юбилея, была одною изъ многочисленныхъ наградъ, заслуженныхъ г. Герардомъ во время скромнаго, но знаменательнаго чествованія его, какъ достойнаго представителя присяжной адвокатуры.

VI.

И. Я. Фойницкій.

1-ое іюня 1868—1893 г.

1-го іюня 1893 г. въ Петербургѣ происходило домашнимъ образомъ чествованіе извѣстнаго нашего криминалиста, профессора петербургскаго университета, товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента И. Я. Фойницкаго по случаю исполнившагося 25-тилѣтія его профессуры и научно-литературной дѣятельности. Продолжительная научная и публистическая дѣятельность уважаемаго криминалиста не замыкалась въ тѣсные предѣлы академическаго преподаванія и не разъ соприкасалась съ текущими государственными и общественными вопросами, имѣющими крупный жизненный интересъ. Объ диссертаціи его на ученыя степени—„Мошенничество по русскому праву“ и „Ссылка на Западѣ“, затрогивали вопросы, имѣющіе серьезное значеніе для русской дѣйствительности, какъ и большинство статей и монографій его, какъ-то: „Исходные моменты законодательства и печати“, „Защита въ уголовномъ процессѣ“ [1]), „Оправдательные приговоры присяжныхъ и мѣры къ ихъ сокращенію“ и мн. др. [2]).

---

[1]) Выдвигая впередъ общественную миссію защиты и предостерегаа ее отъ превращенія ея въ частный промыселъ, проф. Фойницкій указывалъ также на значеніе этого вопроса для молодого поколѣнія. „Нынѣ,—писалъ онъ въ 1885 г.,—для университетской молодежи доступъ въ правительственную судебную службу сокращается, частью благодаря привилегированнымъ питомникамъ юриспруденціи, частью по недостатку вакансій. Для молодежи университетской адвокатура остается пости *единственною* сферою юридическаго труда. Печаловаться объ этомъ нѣтъ причины въ виду привлекательности и симпатичности этого вида труда въ его чистомъ видѣ, но тѣмъ настоятельнѣе позаботиться, чтобы чистое русло его не было загрязнено въ самыхъ истокахъ и чтобы наша молодежь, мечтая нести общественную службу, не попадала за *прилавокъ* недобросовѣстной лавочки. Этого требуютъ интересы молодого поколѣнія, интересы судебной правды и судебнаго достоинства въ ближайшемъ будущемъ“ (стр. 64 „Защ. Угол. Процес.“).

[2]) Въ статьяхъ своихъ проф. Фойницкій доказывалъ, что большой прецентъ

Но самымъ капитальнымъ трудомъ проф. Фойницкаго, въ общественномъ смыслѣ, былъ знаменитый его „Курсъ уголовнаго судопроизводства“ [1]). Значеніе и заслуга его *усугублялись* временемъ его появленія. Это было время, когда вся реакціонная пресса, съ М. Н. Катковымъ во главѣ, сомкнутыми рядами шла противъ судебныхъ уставовъ, выставляя всѣ ихъ основные принципы и въ теоріи невѣрными, и на практикѣ опасными для нашего государственнаго порядка, и несовмѣстными съ правильнымъ развитіемъ Россіи. Кликуши московской сыскной печати сумѣли даже день открываемаго судебнымъ вѣдомствомъ памятника въ Москвѣ творцу Судебныхъ Уставовъ обратить въ средство для травли судебныхъ учрежденій, указывая кровавыя пятна на бѣломъ мраморѣ статуи Александра II и недвусмысленно ставя ихъ въ счетъ новому суду... Возмущенный этими доносами и безшабашною травлею, И. С. Аксаковъ писалъ въ 1884 г. (по адресу публицистовъ Страстного бульвара и ихъ приспѣшниковъ): „Съ легкой или, вѣрнѣе, тяжелой руки „*Московскихъ Вѣдомостей*“, прочія газеты и газетки съ публикой вкупѣ хоромъ ревутъ на новый судъ: „ату его! ату!“, глумятся, ругаются, мечутъ грязь, со свистомъ и хохотомъ, во весь судебный персоналъ, во весь судебный институтъ съ его прошедшимъ и настоящимъ, какъ будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать его авторитетъ, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ“!.. Въ защиту оклеветанныхъ и ежедневно обливаемыхъ грязью судебныхъ учрежденій раздавались лишь немногіе, едва слышные голоса.

Среди этихъ немногочисленныхъ голосовъ самымъ громкимъ и авторитетнымъ былъ раздавшійся именно въ эту критическую минуту, и потому особенно нужный и цѣнный, голосъ такого компетентнаго судьи, какъ извѣстный процессуалистъ, проф. Фойницкій, прекрасно знакомый съ уголовнымъ процессомъ и въ современной научной обработкѣ его, и съ практической стороны, а также изучавшій исторію Судебныхъ Уставовъ по подлиннымъ ея документамъ. Имѣя общепризнанное право говорить отъ имени науки и судебной практики, г. Фойницкій въ своей книгѣ, которая, къ сожалѣнію, не могла быть окончена по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, представилъ въ 1884 г. замѣчательную по богатству собраннаго сравнительно-историческаго и практическаго матеріала *апологію основъ* судебной реформы и ея исторической миссіи.

Прослѣдивъ подробно исторію подготовки судебнаго преобразованія

оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ имѣетъ объясненія въ недостаткахъ нашего дѣйствующаго матеріальнаго и процессуальнаго уголовнаго права, а отнюдь не въ устройствѣ суда присяжныхъ („Жур. Гражд. и Угол. Права“, 1879, № 6).

[1]) „Курсъ уголовн. судопр.“, Спб. 1884 г., томъ I, стр. 624.

1864 г., проф. Фойницкій такъ опредѣлилъ цѣль составленія Судебныхъ Уставовъ. „Не политическими волненіями,—писалъ онъ,—не борьбою политическихъ партій и политическихъ страстей вызванъ къ жизни этотъ великій памятникъ законодательства, а исключительно сознанными правительствомъ и обществомъ потребностями правосудія; не политическое господство того или другого интереса стремится онъ закрѣпить и развить, а государственное господство общаго *для всѣхъ одинаковаго интереса правды и справедливости* насаждаетъ онъ въ русской землѣ“ [1]).

Коснувшись вопроса о своевременности изданія Судебныхъ Уставовъ и поворота, совершеннаго ими отъ системы правительственной опеки къ системѣ самодѣятельности народной, ученый процессуалистъ говорилъ: „Составители Уставовъ 20-го ноября и высшее правительство, давшее имъ санкцію, твердо и много *довѣряли* русскому народу: его чувству права, его знанію мѣры. Напрасны были голоса, указывавшіе на необразованность массы и отсутствіе политическаго воспитанія; составители Уставовъ отвѣчали, что тотъ же гласный судъ воспитаетъ его политически, открывъ доступъ для его участія въ государственной дѣятельности. Они помнили притомъ, что русскіе государи въ самыя трудныя историческія минуты исправляли при помощи народа судебныя неурядицы, созданныя волостельскимъ и приказнымъ элементами; помнили, что русскій народъ въ теченіе всей эпохи крѣпостного гнета берегъ и хранилъ въ своей средѣ правый судъ и, безъ сомнѣнія, положились на него. Опытъ блистательно подтвердилъ основательность ихъ мнѣній“ [2]).

Коснувшись вопроса о „подражательности“ Суд. Уст., проф. Фойницкій опровергаетъ распускаемый врагами судебной реформы нелѣпый упрекъ въ рабскомъ копированіи съ французскаго образца. „Составители Судебныхъ Уставовъ твердо вѣрили въ дѣло прогресса общечеловѣческаго,—замѣчаетъ г. Фойницкій,—имъ чуждъ малѣйшій упрекъ въ стремленіи быть національными во что бы то ни стало, *даже цѣною справедливости*“... Указавъ затѣмъ, что заимствованія дѣлались не только изъ французскаго, но и англійскаго законодательствъ, „являющихся учителями всего человѣчества“, профессоръ Фойницкій устанавливаетъ, что самыя заимствованія дѣлались лишь послѣ тщательной провѣрки и сообразуясь съ силами и особенностями русскаго народа. „Ни одинъ процессуальный институтъ нашихъ Уставовъ,—справедливо отмѣчаетъ онъ,—не можетъ быть признанъ ни англійскимъ, ни французскимъ; на каждомъ изъ нихъ легла печать *самобытности*, каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельную

---

[1]) См. назв. курсъ, 157.
[2]) Тамъ же, 157.

русскую физіономію, приноровленную къ русскимъ нуждамъ, непонятную безъ изученія русскихъ условій“ [1]).

Переходя къ изученію въ отдѣльности главнѣйшихъ институтовъ нашего новаго судебнаго права, къ отдѣленію власти судебной отъ административной, къ несмѣняемости судей, участію въ судѣ народнаго элемента и т. д., г. Фойницкій съ большимъ знаніемъ и талантомъ слѣдитъ за тѣми историческими и бытовыми соображеніями, коими вызваны эти необходимыя гарантіи правосудія. Въ частности съ особенною тщательностью обработанъ въ книгѣ г. Фойницкаго отдѣлъ о судѣ присяжныхъ, дающій весьма полныя данныя о постановкѣ этого института какъ у западныхъ европейскихъ народовъ, такъ и въ Россіи. „Выросшее въ Англіи, — такъ начинаетъ свою характеристику г. Фойницкій,—принятое затѣмъ и обработанное во Франціи, установленіе присяжныхъ стало *міровымъ* судебнымъ институтомъ, характеризующимъ цивилизованныя націи. Палладіумъ личной свободы и политической независимости народной, ревностный стражъ общественной безопасности и строгій судья злодѣяній, это установленіе болѣе или менѣе дѣлается для культурнаго міра судомъ естественнымъ по преимуществу, отъ вѣдѣнія котораго, въ интересахъ народной экономіи устраняются лишь дѣла наименьшей важности. Принятое Уставами Александра II, оно стало *центральнымъ узломъ* новой судебной системы, *наилучшимъ украшеніемъ и опорою ея*“.

Послѣ этихъ прекрасныхъ строкъ авторъ переходитъ къ подробному разбору всѣхъ доводовъ pro и contra суда присяжныхъ, суда шефеновъ и короннаго суда и приходитъ къ такому окончательному заключенію: „Въ той формѣ народнаго участія въ судѣ, которое извѣстно подъ именемъ суда присяжныхъ, судебныя достоинства его получаютъ высшее развитіе, до котораго до сихъ поръ достигало человѣчество, такъ что для нашихъ дней судъ присяжныхъ представляется наиболѣе близкимъ къ *идеалу* суда [2]).

Относясь съ величайшею симпатіею къ русскому суду присяжныхъ, проф. Фойницкій указываетъ, что насажденіе его у насъ было вызвано чисто-юридическими и историческими мотивами. „Институтъ присяжныхъ,— говоритъ онъ,—введенъ у насъ не какъ вынужденная народомъ у правительства уступка, а добровольнымъ его актомъ, какъ видоизмѣненіе прежнихъ, уже устарѣвшихъ формъ народнаго участія, идея котораго глубоко коренится въ нашей жизни и неразрывна съ нашимъ *національнымъ* воззрѣніемъ на правосудіе“ [3]). Проф. Фойницкій касается и вопроса, которымъ такъ злоупотребляла реакціонная печать, не понимая всей важности

---

[1]) См. тамъ же, 159.

[2]) Тамъ же, 386, 389.

[3]) Стр. 156.

его. Какъ извѣстно, она силится доказать, что судъ присяжныхъ несовмѣстимъ съ существующимъ у насъ государственнымъ строемъ. Противъ этого мнѣнія, усматривающаго въ судѣ присяжныхъ исключительно политическій институтъ, г. Фойницкій возражаетъ: „Это мнѣніе несогласно съ дѣйствительностью. Присяжные берутся изъ всѣхъ классовъ народа, дѣйствуютъ совмѣстно съ кореннымъ судомъ и подъ его контролемъ. Какъ установленіе судебное, судъ присяжныхъ подзаконенъ и долженъ сообразовать свою дѣятельность съ закономъ, которому онъ подчиненъ. Потому-то присяжные засѣдатели съ успѣхомъ функціонируютъ и въ странахъ, общій строй которыхъ далекъ не только отъ демократическаго, но даже отъ укладнаго (конституціоннаго) порядковъ; они немыслимы только въ деспотіяхъ, гдѣ не можетъ быть рѣчи о судебной власти. Отправляя правосудіе,—продолжаетъ авторъ,—присяжные несутъ возложенную на нихъ повинность и участіемъ своимъ укрѣпляютъ правительство, усиливаютъ его, а отнюдь не ослабляютъ. Отъ нихъ правительство получаетъ практическія свѣдѣнія, необходимыя для правосудія; благодаря имъ, общество перестаетъ смотрѣть на правосудіе, какъ на дѣло ему чуждое, и охотнѣе помогаетъ его ходу“. Разсматривая условія дѣятельности суда присяжныхъ, г. Фойницкій указываетъ между прочимъ, что „степень точнаго исполненія законовъ въ другихъ областяхъ сказывается на ихъ вердиктахъ: чѣмъ болѣе законности въ жизни, въ судѣ, въ дѣятельности прокураторы и администраціи, тѣмъ болѣе ея и въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей... Громадное вліяніе на дѣятельность присяжныхъ,—говоритъ онъ далѣе,—имѣетъ отношеніе къ этому институту правительства: при довѣріи правительства присяжные сосредоточиваются въ рамкахъ судебной дѣятельности, при недовѣріи они проявляютъ стремленіе принесть въ судъ политическую борьбу. Въ этомъ отношеніи особенно вредны попытки подбора присяжныхъ засѣдателей, сокращеніе ихъ компетентности“ [1]). „Введеніе у насъ суда присяжныхъ, тотчасъ послѣ отмѣны рабства, — говоритъ въ заключеніе г. Фойницкій,—было смѣлымъ, скажемъ болѣе, *дерзкимъ шагомъ* теоретическаго ума; однако,—съ радостью спѣшитъ прибавить уважаемый ученый,—его *увѣнчалъ успѣхъ*, затмившій опасенія практиковъ“ [2]).

Съ такою же глубокою симпатіею относится г. Фойницкій и ко всѣмъ другимъ основнымъ принципамъ судебной реформы. Объ отношеніи автора къ новелламъ послѣднихъ лѣтъ, во многомъ измѣнившимъ основы Судебныхъ Уставовъ, могутъ дать представленіе слѣдующія прочувствованныя строки. „Второе десятилѣтіе, приходящее къ концу со времени изданія этого замѣчательнаго памятника нашего законодательства, одного изъ са-

---

[1]) Стр. 448.
[2]) Стр. 447.

мыхъ цѣнныхъ украшеній великаго освободительнаго царствованія, провожаетъ его съ тѣми же любовью и уваженіемъ, которыми онъ былъ встрѣченъ; святая обязанность каждаго юриста отнынѣ ясна: состоитъ она въ томъ, чтобы оберегать начала Судебныхъ Уставовъ въ ихъ первоначальной *чистотѣ*, ограждать животворящій ихъ *духъ*, внутренній смыслъ ихъ отъ всякихъ искаженій и передѣлокъ, составляющихъ явный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей“ [1]).

Краснорѣчивая, убѣдительная защита проф. Фойницкимъ основъ судебной реформы, подкрѣпленная солидными научно-практическими данными, произвела и должна была произвести сильное впечатлѣніе.

Если она не убѣдила ослѣпленныхъ враговъ новаго суда, которыхъ ничѣмъ убѣдить невозможно, то способствовала укрѣпленію въ шатавшемся общественномъ сознаніи довѣрія къ незыблемымъ *основамъ* судебной реформы; эта громадная заслуга проф. И. Я. Фойницкаго предъ наукою, представители коей, по справедливому замѣчанію проф. Владимірова, въ критическія минуты должны громко говорить, а не лукаво молчать, своевременно была отмѣчена печатью [2]).

VIII.

П. Н. Обнинскій.

9-е мая 1869—1894 гг.

9-го мая 1894 г. въ Москвѣ въ скромной семейной обстановкѣ праздновалось двадцатипятилѣтіе литературно-публицистической дѣятельности одного изъ симпатичнѣйшихъ общественно-судебныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи, Петра Наркизовича Обнинскаго.

Окончивъ курсъ въ 1859 г. въ Московскомъ университетѣ,—въ числѣ послѣднихъ избранниковъ, сподобившихся слышать вѣщее слово великаго учителя человѣчности Грановскаго,—уже вскорѣ по окончаніи курса П. Н. имѣлъ счастливую возможность примѣнять завѣты учителя на дѣлѣ.

Помѣщикъ Калужской губерніи, г. Обнинскій съ истинно-братскимъ великодушіемъ устроился съ своими крестьянами, отдавъ имъ даромъ въ надѣлъ лучшія земли въ своемъ имѣніи. Затѣмъ онъ вошелъ въ составъ той избранной благородной дружины мировыхъ посредниковъ, которую удалось сгруппировать около себя знаменитому калужскому губернатору В. А. Арцимовичу (см. выше) для приведенія въ исполненіе Положенія

---

[1]) Стр. 159.

[2]) См. статью проф. Сергіевскаго въ „*Юридической Библіографіи*“, 1885 г., и мою въ „*Юридическомъ Вѣстникѣ*“, № 8 того же года.

19-го февраля. По должности предсѣдателя Боровскаго мирового съѣзда П. Н. и въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ, и въ дѣятельности подвѣдомаго ему учрежденія старался, слѣдуя духу освободительной хартіи, внести въ старую крѣпостническую среду,—издавна воспитанную на своеволіи, на личномъ захватѣ всего, безъ вниманія къ чужимъ интересамъ,—первые элементы законности, равноправности, человѣколюбія. Не легка была эта задача въ виду дикости и некультурности среды, для которой дотолѣ единственными правилами жизни было: sic volo, sic jubeo, или своя рука владыка, — но тѣмъ болѣе чести этимъ первымъ проводникамъ культурныхъ бороздъ на нивѣ русской общественной жизни.

Съ 1866 года съ открытіемъ новыхъ судовъ въ Калужской губерніи г. Обнинскій вступилъ въ составъ Боровскаго мирового института, продолжая въ болѣе широкихъ размѣрахъ исполненіе той же благородной миссіи водворенія законности, правды и милости.

Съ 1869 г. онъ перешелъ на службу въ прокуратуру и занималъ должность товарища прокурора въ разныхъ мѣстахъ. Въ послѣдніе годы службы онъ былъ прокуроромъ Московскаго окружного суда до выхода своего въ 1890 г., вслѣдствіе сильно разстроеннаго здоровья, въ отставку. И здѣсь также, оставаясь вѣрнымъ принципамъ и традиціямъ новаго суда, онъ являлся блюстителемъ законности и человѣчности, отнюдь не замыкаясь въ броню узкаго формализма и равнодушія. Умѣя по человѣчеству найти слово снисхожденія для случайныхъ и неиспорченныхъ преступниковъ, П. Н. былъ безпощаденъ къ героямъ преступленія и въ частности къ героямъ преступленія по должности, когда властные носители ихъ изобличались въ систематическомъ, сознательномъ попираніи законовъ въ разсчетѣ на свою безнаказанность. Съ честнымъ мужествомъ и чуждый угодливости сильнымъ міра сего, П. Н. всегда горячо отстаивалъ въ дѣлахъ по преступленіямъ по должности интересы закона и общества, что, конечно, не обходилось безъ тяжелыхъ столкновеній съ администраціею.

Занимая по должности прокурора мѣсто члена въ разныхъ губернскихъ присутствіяхъ, П. Н. умѣлъ и здѣсь остаться вѣрнымъ началамъ законности и человѣколюбія и иногда оказывалъ очень сильное и благотворное вліяніе на дѣятельность всей коллегіи, какъ это было въ Московскомъ губернскомъ фабричномъ присутствіи, обратившемъ, благодаря П. Н., нѣкоторое вниманіе на полный лишеній и страданій бытъ фабричныхъ рабочихъ московскаго района.

Послѣдніе 3—4 года г. Обнинскій, помимо обширной литературно-публицистической дѣятельности, отдался по должности предсѣдателя Общества попеченія о нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ широкой и раціональной благотворительности, которую вынужденъ былъ покинуть только тогда, когда физическіе недуги (сильное ослабленіе слуха и зрѣнія) сдѣ-

лали невозможнымъ руководство общественнымъ дѣломъ. Съ тою же теплою и беззавѣтною сердечностью, которую всегда вносилъ этотъ типичный представитель благороднаго поколѣнія людей 60-хъ годовъ во все, за что ни брался,—онъ и въ этой скромной должности сумѣлъ вдохнуть новую жизнь въ управляемое имъ Общество и организовалъ совершенно новую отрасль благотворительности,—судебную защиту воистину беззащитныхъ, малолѣтнихъ жертвъ произвола и жестокихъ нравовъ. Въ замѣчательной инструкціи, составленной П. Н. для названнаго Общества по „отдѣлу защиты“, онъ сдѣлалъ попытку правильной организаціи чрезъ особыхъ участковыхъ членовъ общества надзора за беззащитными дѣтьми и возбужденія преслѣдованія въ случаяхъ, когда они дѣлаются жертвами преступленія или жестокаго обращенія [1]). Если это доброе начинаніе не успѣло еще развиться вполнѣ, то, конечно, не вина его человѣколюбиваго иниціатора.

За послѣдніе годы литературная дѣятельность П. Н. приняла большіе размѣры. Бодрый духомъ, несмотря на свои недуги, чуткій, отзывчивый на всѣ вопросы, волнующіе общество, г. Обнинскій помѣщалъ въ концѣ 80-хъ годовъ рядъ статей по юридико-публицистическимъ и этическимъ вопросамъ какъ въ обще-литературныхъ изданіяхъ („*Русская Мысль*“, „*Русское Богатство*“, „*Русскія Вѣдомости*“), такъ и въ спеціальныхъ („*Юридическій Вѣстникъ*“, „*Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права*“, „*Дѣтская Помощь*“). Въ 1901 г. г. Обнинскій издалъ первый выпускъ своихъ статей подъ заглавіемъ „Законъ и бытъ“. Первая статья г. Обнинскаго „Къ вопросу о мировомъ институтѣ“ была напечатана въ „*Судебномъ Вѣстникѣ*“ въ маѣ 1869 г., въ № 111.

„Съ тѣхъ поръ,—говорилось въ адресѣ, поданномъ г. Обнинскому въ день его юбилея,—безпрерывно продолжалась ваша плодотворная литературно-публицистическая дѣятельность какъ въ юридическихъ, такъ и общихъ изданіяхъ, то усиливаясь, то ослабѣвая въ виду множества служебныхъ обязанностей и служа лучшимъ комментаріемъ и дальнѣйшимъ продолженіемъ какъ вашей служебной, такъ и послѣдующей благотворительной дѣятельности. Въ этомъ тождествѣ направленія оффиціальнаго служенія и принциповъ литературной дѣятельности заключается лучшая провѣрка искренности, глубины и несокрушимости вашихъ нравственныхъ убѣжденій, „какъ внутренняго смысла всей жизни“, по выраженію вашего любимаго писателя Салтыкова.

„Для васъ, какъ истинно „мірского“ человѣка, собственная личность, личное дѣло, личный интересъ всегда были на послѣднемъ планѣ. Поэтому дозвольте намъ, сердечно уважаемый, дорогой Петръ Наркизовичъ,

---

[1]) Инструкція напечатана въ прилож. къ № 1-му „*Дѣтской Помощи*“ за 1888 г.

не исчисляя подробно вашихъ великихъ личныхъ заслугъ, засвидѣтельствовать, что ваше горячее служеніе словомъ и дѣломъ гуманно-освободительнымъ идеаламъ эпохи великихъ реформъ прошло не напрасно, оно нашло сочувственный откликъ въ друзьяхъ русскаго прогресса и просвѣщенія и дало имъ новый стимулъ для вѣрнаго служенія тому благородному знамени, которому такъ долго и честно служите вы, и служить которому вы научились еще въ стѣнахъ нашей almae matris. Если бы возсталъ изъ гроба наставникъ вашъ Грановскій, котораго девизъ—„человѣчность прежде всего“—сталъ и вашимъ девизомъ, то, обозрѣвъ всю вашу 35-тилѣтнюю дѣятельность, онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы ее достойною себя, достойною студента 59-го года. Это отрадное сознаніе да послужитъ вамъ новымъ возбудителемъ къ дальнѣйшей бодрой литературно-общественной дѣятельности и успѣшной борьбѣ съ удручающими васъ недугами, которые, къ счастью, безсильны побороть вашу любовь къ ближнему, вашъ неостывающій интересъ къ общественному дѣлу, вашу пламенную преданность идеаламъ освободительной эпохи“...

На привѣтствіе г. Обнинскій отвѣчалъ слѣдующею замѣчательною рѣчью, приводимою in extenso:

„Много приходилось мнѣ на своемъ вѣку произносить всякихъ рѣчей, и земскихъ, и судебныхъ, и общественныхъ, и даже застольныхъ, но никогда я не чувствовалъ такого смущенія, какъ сегодня... Трудно говорить на своемъ собственномъ юбилеѣ. Къ тому же я и охмеленъ тою нежданною-негаданною честью, какую вамъ угодно было оказать мнѣ, мои дорогіе и глубокоуважаемые гости. И при всемъ томъ мнѣ хочется вмѣсто шаблонныхъ фразъ сказать вамъ то, что въ данную минуту лежитъ у меня на душѣ.

„Я нѣсколько освоиваюсь въ такомъ положеніи, соображая, что въ сущности чествуется вами не моя рядовая личность, а то знамя, наше общее, дорогое знамя, подъ которымъ я имѣлъ честь служить въ трехъ послѣдовательныхъ реформахъ и отъ котораго теперь остаются одни лохмотья... Было время, когда оно развѣвалось на побѣдномъ пути противъ мрака и неправды; теперь оно стоитъ въ забытомъ уголкѣ собора и свято только для немногихъ ветерановъ. Перебиты командиры и офицеры, и доживающимъ свой вѣкъ тогдашнимъ новобранцамъ достается привѣтъ почетнаго наслѣдія. Въ „благополучное время“ этого не бываетъ: тогда новобранцы заслонены болѣе блестящимъ авангардомъ.

„Нѣчто подобное наблюдаемъ мы и въ природѣ,—при обмеленіи рѣкъ, наприм., отъ засухи и истребленія лѣсовъ понижается уровень водъ. Плоскіе острова кажутся горами, чахнутъ былые поемные луга... Вода продолжаетъ падать все ниже и ниже,—и вотъ надъ мутнымъ ручейкомъ торчитъ какая-нибудь коряга, о которой никто и не узналъ бы, если бы

надъ нею попрежнему неслась благодатная рѣка въ то безбрежное море, которое зовется прогрессомъ человѣчества. Да и самой этой корягѣ жилось гораздо лучше въ общемъ потокѣ, нежели теперь на отмели, привлекая къ себѣ вниманіе.

„Такова и моя доля. Въ юности подъ могучимъ руководствомъ В. А. Арцимовича мнѣ довелось принять участіе въ поворотномъ моментѣ нашего культурнаго развитія: *идея права и свободы воплощалась въ жизнь*. Викторъ Антоновичъ *дѣлалъ* то, чему такъ недавно еще *училъ* меня Грановскій. Не мудрено было, пройдя подобную двойную школу, уже на всю жизнь остаться убѣжденнымъ ревнителемъ этихъ началъ. Меня рано „бросили въ воду“, и я „научился плавать“... Да и вода эта была особенная—цѣлебная, воскрешающая. Я даже думаю, что если бъ можно было окрестить въ этомъ „живоносномъ источникѣ“ кого-нибудь изъ новорожденной интеллигенціи, то и тотъ бы увѣровалъ, что идеалъ, какъ стимулъ дѣятельности, есть вовсе не какая-то дѣтски мечтательная, а очень и очень реальная ощутительная сила. Затѣмъ, въ дальнѣйшей службѣ я оставался вѣренъ духу исполняемаго закона (въ прокурорскомъ надзорѣ это было не особенно легко); я старался истолковать и отстаивать этотъ духъ въ своихъ литературныхъ работахъ. Положимъ, дружественно настроенная критика могла еще находить въ этомъ кое-какую заслугу; но я окончательно сконфуженъ передъ привѣтомъ Общества дѣтской защиты, уже разъ наградившаго меня званіемъ своего почетнаго члена. Въ этомъ отношеніи, вся дѣятельность моя можетъ быть выражена извѣстнымъ стихомъ Некрасова: „намъ суждены лишь благіе порывы, но свершить ничего не дано“. Могу лишь сказать, что если не успѣлъ я *ничего свершить*, то случилось это не потому, чтобы я разувѣрился въ свое дѣло, охладѣлъ къ нему или отступилъ передъ извѣстными вамъ препонами,—нѣтъ: просто потому, что всѣ физическіе рессурсы, необходимые для веденія дѣла, одинъ за другимъ, какъ это вы видите, покидали меня.

„Если все такъ просто, естественно и не особенно казисто въ отмѣченномъ, однако, вами итогѣ моихъ рабочихъ лѣтъ, то чѣмъ же объясняется ваше доброе вниманіе?—Не чѣмъ инымъ, какъ вашею собственною, теперь столь рѣдкою преданностью тѣмъ завѣтамъ, какимъ они были посвящены: только очень хорошее зрѣніе одинаково разбираетъ и крупный и мелкій шрифтъ въ этой анонимной лѣтописи, куда капризная судьба заноситъ дѣла людскія, и гдѣ каждая мелкая буква получаетъ свое значеніе лишь настолько, насколько въ связи съ другими она образуетъ *слово*,—понятное родное душѣ читателя и не вами, конечно, „забытое“. Вотъ почему въ сегодняшнемъ фактѣ я вижу гораздо больше чести вамъ, нежели тому, кого вы подарили сладчайшею изъ возможныхъ

наградъ—общественнымъ одобреніемъ, сознательнымъ и совершенно свободнымъ, и я не знаю, чѣмъ могу достойно отблагодарить васъ“.

Съ разныхъ сторонъ и даже отъ неизвѣстныхъ ему лицъ П. Н. получилъ многочисленныя привѣтствія, свидѣтельствующія о большой популярности этого чистѣйшаго и скромнѣйшаго труженика новаго суда.

IX.

А. Ѳ. Кони.

30-ое сентября 1865—1895.

30-го сентября 1895 г. исполнилось 30-лѣтіе литературно-научной дѣятельности извѣстнаго судебнаго дѣятеля сенатора Анатолія Ѳедоровича Кони. Примыкая по происхожденію къ литературно-артистическому кругу (отецъ А. Ѳ.—д-ръ философіи іенскаго университета и драматическій писатель, мать—драматическая актриса и тоже писательница) и обладая крупнымъ литературнымъ талантомъ, А. Ѳ. очень рано, еще на студенческой скамьѣ, выступилъ на научно-литературное поприще и сразу занялъ видное положеніе своимъ первымъ юридическимъ изслѣдованіемъ—„О правѣ необходимой обороны“, вышедшимъ въ 1865 году и обнаружившимъ въ молодомъ юристѣ и солидную эрудицію, и умѣнье владѣть изящнымъ литературнымъ языкомъ.

А. Ѳ. родился въ Петербургѣ въ 1844 году. Первоначальное домашнее образованіе его велось подъ руководствомъ писательницы С. П. Соболевой. Затѣмъ онъ учился въ Петербургской нѣмецко-Аннинской школѣ и во II-й гимназіи, откуда онъ вышелъ изъ VI класса и, выдержавъ гимназическій экзаменъ, въ маѣ 1861 г., поступилъ въ петербургскій университетъ по математическому факультету. По случаю закрытія въ 1862 г. этого университета А. Ѳ. перешелъ въ московскій на 2-й курсъ юридическаго факультета. По представленіи указанной ученой работы г. Кони былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ каѳедрѣ уголовнаго права. Какъ разъ въ это время (1865 г.) временно пріостановлены были командировки магистрантовъ за-границу, и А. Ѳ. вынужденъ былъ поступить на административную службу сначала по государственному контролю, а затѣмъ въ главный штабъ по особымъ порученіямъ юридическаго характера.

Съ введеніемъ 17-го апрѣля 1866 г. въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ г. Кони попалъ на настоящую свою дорогу, въ новыя судебныя учрежденія, съ исторіею коихъ навсегда связалъ свое имя. Сперва онъ занималъ должность помощника секретаря с.-петербургской судебной палаты,

потомъ—секретаря при прокурорѣ московской судебной палаты (знаменитомъ Д. А. Ровинскомъ); затѣмъ онъ перешелъ въ прокурорскій надзоръ и занималъ должность товарища прокурора харьковскаго и прокурора казанскаго окружныхъ судовъ. Съ 1871 г. онъ переходитъ на ту же должность въ петербургскій окружной судъ и здѣсь въ рядѣ громкихъ процессовъ обнаружилъ какъ выдающійся ораторскій талантъ, такъ и способность къ стойкому и гуманному отправленію обязанности прокурора въ духѣ принциповъ Судебныхъ Уставовъ. Между прочимъ, въ это время возбуждено было г. Кони уголовное преслѣдованіе противъ игумена Митрофанія, милліонера Овсянникова, вызвавшее, особенно послѣднее, сильную сенсацію не только у насъ, но и за границею [1]). Послѣ непродолжительной службы въ министерствѣ юстиціи А. Ѳ. занялъ въ 1877 г. столь важный и отвѣтственный постъ предсѣдателя петербургскаго окружного суда, неизбѣжно соприкасающагося съ высшими административными сферами. Къ этому времени относятся такіе сложные и щекотливые процессы, какъ Юханцева, Жюжанъ, Гулакъ-Артемовской, Засуличъ и др. Въ должности предсѣдателя А. Ѳ. умѣлъ всегда сохранить, согласно духу Судебныхъ Уставовъ, благоволеніе и готовность разъяснить дѣло—по отношенію къ присяжнымъ, безпристрастіе—къ сторонамъ, хладнокровіе, самообладаніе и человѣчное отношеніе—къ подсудимымъ. Кромѣ того, онъ выработалъ едва ли не лучшіе образцы предсѣдательскаго напутствія присяжныхъ. Съ 1881 г. А. Ѳ. перешелъ на должность предсѣдателя *гражданскаго* департамента петербургской судебной палаты, а въ 1885 году—оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Въ іюнѣ 1891 г. онъ временно покинулъ этотъ постъ и былъ назначенъ сенаторомъ того же департамента. Съ 1892 г. А. Ѳ. вновь занялъ, съ сохраненіемъ званія сенатора, тотъ же постъ оберъ-прокурора, который онъ занималъ до 1896 г. Въ теченіе этого времени имъ дано было болѣе 600 заключеній, а также онъ выступилъ обвинителемъ по многимъ важнымъ дѣламъ, какъ, напр., по дѣлу начальника главнаго управленія по шоссейнымъ сообщеніямъ кн. Щербатова (слушалось въ Сенатѣ при закрытыхъ дверяхъ), обвиняемаго въ злоупотребленіяхъ по службѣ, земскаго начальника Протопопова, редактора „*Гражданина*“ кн. Мещерскаго и др.

---

1) *Кладдерадачъ*, не вѣря возможности привлеченія къ суду въ Россіи такого богача, какъ *12-тикратный* милліонеръ Овсянниковъ, къ ядовитой депешѣ изъ Петербурга добавлялъ: „Вѣроятно, скоро услышимъ, что освобожденъ отъ суда *11-тикратный* милліонеръ Овсянниковъ“. Предсказаніе нѣмецкаго юмористическаго журнала не оправдалось, но насколько оно было основательно, явствуетъ изъ того, что въ доброе старое время Овсянниковъ *десять* разъ привлекался къ суду и всегда выходилъ сухъ изъ воды, благодаря своимъ милліонамъ (см. Кони—„За послѣдніе годы“).

Параллельно судебной службѣ шла почти безпрерывная и научно-литературная и публицистическая дѣятельность г. Кони, но она особенно развилась въ 80-хъ годахъ. Статьи свои, отчасти спеціально-юридическаго характера, отчасти литературно-психологическаго, А. Ѳ. помѣщалъ въ „*Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права*“, „*Юридической Лѣтописи*“, „*Журналѣ Министерства Юстиціи*“ въ „*Вѣстникѣ Европы*“, въ книжкахъ „*Недѣли*“, въ „*Порядкѣ*“, въ „*Новомъ Времени*“ и другихъ. Въ 1888 г. вышелъ огромный томъ „Судебныхъ рѣчей“ Кони, имѣвшій громадный успѣхъ и выдержавшій съ тѣхъ поръ три изданія.

Этотъ важный вкладъ въ юридическую литературу, стяжавшій автору отъ харьковскаго университета званіе доктора уголовнаго права (honoris causa), служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшимъ источникомъ для ознакомленія съ ораторскою манерою г. Кони и съ принципами, проводимыми имъ въ его судебной дѣятельности. Главная особенность „дѣловой“ ораторской школы, созданной А. Ѳ. Кони совмѣстно съ В. Д. Спасовичемъ, это—стремленіе къ живому психологическому анализу, основанному на тщательномъ изученіи всѣхъ тонкихъ особенностей дѣла и индивидуальныкъ свойствъ подсудимаго. На судѣ присяжныхъ, имѣющемъ цѣлью уловить жизненную правду, особенно цѣнно разумное пользованіе этимъ методомъ, который въ неискусныхъ и недостаточно гуманныхъ рукахъ превращается, какъ это показываетъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, или въ средство безпорядочнаго загроможденія дѣла ненужными романическими подробностями, какъ было по дѣлу Палемъ, или въ орудіе непозволительнаго инквизиціоннаго издѣвательства и травли, какъ было по дѣлу Назарова. Какъ истинный судебный дѣятель, ищущій правды, какъ художникъ слова, съ широкимъ литературнымъ образованіемъ, разумѣющій значеніе чувства мѣры, г. Кони умѣлъ на этомъ скользкомъ пути психологическаго анализа остановиться именно тамъ, гдѣ требуютъ условія правильной судебной перспективы. Разъясняя свойства ораторскаго дарованія А. Ѳ., г. Вл. Случевскій въ прекрасной статьѣ, появившейся въ большомъ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Арсеньева, даетъ вполнѣ справедливую характеристику рѣчей г. Кони. „Очищенные отъ случайныхъ и постороннихъ придатковъ психологическіе элементы находили въ лицѣ Кони тонкаго цѣнителя, пониманію котораго доступны всѣ мельчайшіе оттѣнки мысли и чувства; сила его ораторскаго искусства выражалась не въ изображеніи только статики, но и динамики психологическихъ силъ человѣка, онъ показывалъ не только то, что есть, но и то, какъ образовалось существующее“. Въ этомъ, по вѣрному замѣчанію г. Случевскаго, заключается одна изъ самыхъ сильныхъ сторонъ таланта г. Кони.

Кассаціонныя заключенія г. Кони, даваемыя съ оберъ-прокурорской трибуны, замѣчательны съ другихъ точекъ зрѣнія, а именно—съ научно-

юридической и съ общественно-бытовой. Даже въ самое цвѣтущее время судебной реформы едва ли публика удѣляла оберъ-прокурорскимъ заключеніямъ, обыкновенно довольно сухимъ, столько вниманія, сколько за послѣднее время она удѣляла заключеніямъ г. Кони, печатавшимся въ газетахъ, въ видѣ исключенія, цѣликомъ. Ясное, строго логическое, изящное и вполнѣ доступное изложеніе запутанныхъ юридическихъ положеній въ связи съ строгимъ, неуклоннымъ слѣдованіемъ высокимъ принципамъ Судебныхъ Уставовъ, гуманности и равноправности составляютъ отличительныя черты и силу этихъ заключеній. Такъ, напримѣръ, по дѣлу псаломщика Кедрова, такой сухой предметъ, какъ вопросъ о формальныхъ границахъ исповѣди, въ увлекательномъ изложеніи г. Кони сдѣлался доступенъ и интересенъ для массы читателей, несмотря на обиліе цитатъ изъ каноническаго права всѣхъ церквей, изъ памятниковъ стараго законодательства и т. п. громоздкаго научнаго матеріала.

Огромное значеніе для печати имѣли заключенія г. Кони по дѣламъ литературнымъ и въ особенности по вопросу о клеветѣ. Предвосхищая отчасти разумныя постановленія проекта новаго Уложенія, г. Кони, путемъ искусной интерпретаціи дѣйствующаго устарѣлаго закона, стремился облегчить печати ея трудную миссію стража общественнаго интереса, когда она именно дѣйствуетъ въ этомъ интересѣ, а съ другой стороны оградить частныя лица отъ тѣхъ злоупотребленій печати, которыя практикуются грязными и ходкими органами шантажа и сенсаціоннаго пасквиля.

Изъ рѣчей г. Кони послѣдняго времени особенно сильное впечатлѣніе произвели обвинительная рѣчь по дѣлу земскаго начальника Протопопова и заключеніе по дѣлу Ольги Палемъ. Чтобы оцѣнить все значеніе рѣчи по дѣлу Протопопова, обвинявшагося въ рядѣ грубыхъ и насильственныхъ дѣйствій относительно крестьянъ, нужно припомнить, что въ это время „медоваго мѣсяца“ новыхъ учрежденій открыто проповѣдывалось въ печати, что въ интересахъ поднятія престижа „властной руки“ въ глазахъ крестьянъ никакія злоупотребленія земскихъ, точнѣе крестьянскихъ, начальниковъ, даже насилія надъ крестьянами не должны подвергаться судебному разбирательству. Рѣчь г. Кони въ сенатѣ была *первымъ* публичнымъ опроверженіемъ и порицаніемъ такихъ дикихъ теорій и возстановленіемъ равноправности гражданъ предъ закономъ. Въ замѣчательной столько же по изящной формѣ, сколько и логической стройности рѣчи г. Кони яркими красками очертилъ всѣ безобразныя и насильственныя дѣйствія [1]) Протопопова, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ избившаго нѣсколь-

---

[1]) Они имѣли такой грубо-оскорбительный характеръ, что объ нихъ нельзя говорить въ печати.

кихъ крестьянъ (одно за то, напр., что тотъ не успѣлъ во-время снять шапку). Справедливо именуя этого дикаго кандидата правъ,—нашедшаго въ лицѣ своего бывшаго наставника проф. харьковскаго университета Л. Владимірова ловкаго и усерднаго защитника,—„кандидатомъ безправія“, г. Кони настойчиво требовалъ очистить государственную службу отъ такого недостойнаго представителя, „обращавшаго радѣніе о должности въ радѣніе о своей власти“. Привѣтствуя горячо замѣчательную рѣчь г. Кони, „*Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*“ писалъ въ 1893 г.: „Невозможно яснѣе, нагляднѣе и краснорѣчивѣе очертить весь позоръ и всю *опасность* заблужденій тѣхъ несчастныхъ (земскихъ начальниковъ), по преимуществу молодыхъ людей (Протопопову было 30 лѣтъ), которые подъ вліяніемъ столь модныхъ въ послѣднее время кривотолковъ и въ самомъ дѣлѣ возмнили себя *миссіонерами* стараго культа *кулака, палки и розги*, предназначенными стереть съ лица русской земли всѣ слѣды гуманитарнаго направленія прошлаго царствованія. Въ этой своей части образцовая рѣчь оберъ-прокурора Кони является своего рода поученіемъ, даже болѣе — *катехизисомъ* того, какъ въ дѣйствительности должны быть отправляемы обязанности земскаго начальника, и въ качествѣ такового заслуживала бы самаго широкаго распространенія по всѣмъ весямъ и градамъ обширной русской земли“ [1]).

Не менѣе сильно было впечатлѣніе и отъ рѣчи по дѣлу Палемъ, послѣдствія котораго прокуратура старалась свалить съ больной головы на здоровую. Въ заключеніи своемъ г. Кони съ необыкновенною наглядностью обнаружилъ, какъ неосновательны были нападки на судъ присяжныхъ за исходъ дѣла, и какъ многочисленны и разнообразны были тѣ нарушенія, которыя допущены были слѣдственными органами и копми обусловленъ былъ неожиданный исходъ дѣла, давшій, наконецъ, возможность направить дѣло по правильному пути. Доводы г. Кони произвели такое впечатлѣніе, что сенатъ, отступивъ отъ многолѣтней практики, распространилъ свой контроль и на стадію предварительнаго слѣдствія, что, вѣроятно, хоть нѣсколько улучшитъ его общеизвѣстные недостатки.

Въ 1897 г. г. Кони покинулъ постъ оберъ-прокурора и снова перешелъ въ уголовный кассаціонный департаментъ.

Изъ законодательныхъ работъ г. Кони слѣдуетъ отмѣтить дѣятельное участіе его въ состоящей при министерствѣ юстиціи коммиссіи по пересмотру судебнаго законодательства. Особенно важное значеніе имѣло руководство совѣщаніемъ предсѣдателей судебныхъ палатъ и прокуроровъ по вопросу о судѣ присяжныхъ. Самъ убѣжденный защитникъ суда присяжныхъ, г. Кони имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что взглядъ его раздѣ-

---

[1]) „*Журналъ Гражд. и Угол. Права*“, 1893 г. № 3.

ляютъ почти единогласно всѣ практики. Появившееся въ „*Журналѣ Министерства Юстиціи*“ изложеніе хода и результата совѣщанія, давшаго такой лестный отзывъ о дѣятельности суда присяжныхъ, не мало способствовало укрѣпленію въ обществѣ нравственнаго авторитета этого великаго учрежденія. „Въ дальнѣйшихъ стадіяхъ работъ коммиссіи, безъ сомнѣнія, принесетъ большую пользу участіе этого опытнаго и знающаго юриста, стойкаго защитника основъ судебной реформы, „отдавшаго ей всѣ свои силы и съ неизмѣнною привязанностью несшаго трудную службу Судебнымъ Уставамъ какъ въ романическій періодъ увлеченія ими, такъ и въ періодъ скептическаго отношенія къ нимъ“ [1]). Можно сказать даже болѣе: г. Кони служилъ усердно благородной миссіи праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ суда, не только въ оффиціальномъ своемъ званіи, но и въ печати, и притомъ въ такое время, когда такая служба сопряжена была съ значительными неудобствами.

Кромѣ печатныхъ трудовъ [2]) научно-литературная дѣятельность г. Кони проявлялась также и въ многочисленныхъ докладахъ его въ С.-Петербургскихъ: Юридическомъ Обществѣ, Русскомъ Литературномъ Обществѣ и Литературномъ (Шекспировскомъ) кружкѣ.

X.

Графъ Д. А. Милютинъ.

12-ое іюня 1816—1896 гг.

12-го іюня 1896 г. исполнилось 80 лѣтъ со дня рожденія одного изъ наиболѣе заслуженныхъ, талантливыхъ и стойкихъ дѣятелей преобразо-

---

[1]) См. Энциклопедическій Словарь, слово „Кони“.

[2]) Приводимъ списокъ печатныхъ произведеній А. Ѳ. Кони:

1. О правѣ необходимой обороны („Моск. Университет. Извѣстія“, 1866 г.).
2. Объ ошибкѣ въ области уголовнаго права.
3. Книга Стифена объ уголовн. правѣ Англіи.
4. По поводу сборника процессовъ Любавскаго.
5. Системы тюремнаго заключенія, Гольцендорфа . . . . . } Переводъ
6. О тѣлесныхъ поврежденіяхъ, Бернера („Журн. Мин. Юстиц.“ 1866 г. . . . . } Переводъ
7. Спорные вопросы судебной практики („Юридическія Извѣстія“, 1867 г.).
8. Самоубійство въ Петербургѣ (Календарь Суворина 1874 г.).
9. Спорный вопросъ судоустройства („Вѣстникъ Европы“, 1881 г.).
10. Судебные Уставы на страницахъ Свода . . . . . } „Порядокъ“ 1881 г.
11. Наука и жизнь . . . . . } „Порядокъ“ 1881 г.
12. Достоевскій, какъ криминалистъ. „Недѣля“, 1881 г.
13. Пропавшія серьги, разсказъ. „Недѣля“ 1885 г.

зательной эпохи 60-хъ годовъ бывшаго военнаго министра графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. Принадлежа къ далеко не очень старому [1]), но даровитому дворянскому роду, давшему въ короткое время нѣсколько выдающихся дѣятелей, Н. А. прошелъ солидную теоретическую и практическую военную школу, прежде нежели занять свой видный административный постъ [2]). Опытный кавказскій боевой генералъ, поражавшій своею кипучею дѣятельностью [3]), выдающійся первоклассный ученый историкъ, профессоръ академіи,—таково было прошлое Д. А., когда онъ въ незабвенный 1861 г. чуть не прямо съ поля сраженія былъ призванъ на высокій административный постъ въ Петербургъ сначала товарища министра, а вскорѣ и военнаго министра.

Это было время небывалаго въ Россіи подъема общественныхъ силъ и кипучей преобразовательной дѣятельности государства, имѣвшей цѣлью залѣчить не только язвы, обнаруженныя во время крымской кампаніи въ

---

14. „Новое вино—новые мѣхи“. „Книжки Недѣли“, за 1892 г.
15. Спиноза въ русскомъ переводѣ. „Вѣстникъ Европы“, 1887 г.
16. Космографія Петровскихъ временъ. „Историческій Вѣстникъ“, 1887 г.
17. Ф. П. Гаазъ . . . . . } Энциклопедическій Сло-
18. М. Ф. Громницкій . . } варь Ефрона-Брокгаузъ.
19. Раздѣленіе голосовъ по судебнымъ дѣламъ . . . . . } „Юридическая Лѣтопись“, 1890 г.
20. Объ освидѣтельствов. сумасшедшихъ . . . . . }
21. О возобновленіи уголовныхъ дѣлъ . . . . . }
22. Юридическія поминки.
23. О судѣ присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями.
24. Судебныя рѣчи, три изданія.
25. За послѣдніе годы. СПБ. 1897 г.
26. Ф. П. Гаазъ—біографическій очеркъ. СПБ. 1897 г.

Кромѣ того, г. Кони составлено было множество некрологовъ; въ томъ числѣ: Н. И. Крылова, Г. Н. Мотовилова, Ѳ. М. Достоевскаго, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовскаго, В. А. Арцимовича и др.

[1]) См. выше главу XXI.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ статьѣ г. Якушкина въ „*Русск. Вѣд.*“, 1893 г. № 308.

[3]) Записки Инсарскаго, говоря о многихъ лицахъ, занимавшихъ въ то время выдающіеся посты на Кавказѣ, отмѣчаютъ: „Разумѣется, на первомъ планѣ въ ряду военныхъ дѣятелей стоялъ Д. А. Милютинъ. Его семейство держалось патріархальной простоты, которой оно не измѣнило и впослѣдствіи въ другомъ, несравненно высшемъ положеніи. Можно безъ преувеличенія сказать, что изъ всѣхъ страстей человѣческихъ Д. А. Милютинъ имѣлъ одну страсть—*трудиться*. Такъ точно и на Кавказѣ онъ вѣчно былъ занятъ дѣлами и велъ трудовую жизнь. Всѣмъ извѣстно, что такую же жизнь онъ велъ въ должности военнаго министра, устраняя всякія наслажденія тщеславія, честолюбія и т. п.“ Кн. А. И. Барятинскій „высоко цѣнилъ его спеціальныя знанія“ („*Русск. Стар.*“, 1897 г. № 9).

военномъ дѣлѣ, но и снять съ общества ту гнетущую опеку, которая была результатомъ предшествующаго 30-тилѣтнаго реакціоннаго застоя. Несмотря на досадные „зигзаги“ прогрессивнаго движенія, по выраженію Ю. Ѳ. Самарина, несмотря на тревожныя, прискорбныя событія того времени, по всѣмъ отраслямъ управленія намѣчены были коренныя реформы, обѣщавшія освобожденіе: печати—отъ цензуры, русскому обществу—отъ административной опеки, податнымъ сословіямъ—отъ розогъ и солдатчины. Человѣкъ широкаго общаго образованія, основательно изучившій исторію Россіи и всѣ язвы стараго крѣпостническаго режима и бюрократическаго строя ея, ея безжизненную и безсмысленную механическую военную муштровку, Д. А. съ самаго начала своей административной дѣятельности выступилъ рѣшительнымъ, убѣжденнымъ и стойкимъ поборникомъ обновленія Россіи въ духѣ тѣхъ освободительныхъ началъ справедливости и равенства, коими запечатлѣны гуманно-освободительныя реформы Александра II.

Въ ожиданіи коренной реформы столь отяготительной для народа рекрутской повинности, ложившейся всей своею тяжестью на податные классы и притомъ на самую обездоленную часть ихъ, Д. А. Милютинъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о сокращеніи срока военной службы съ 25 ти лѣтъ до 16 лѣтъ и другія облегченія. Въ административномъ порядкѣ принятъ имъ былъ рядъ мѣръ къ улучшенію быта солдатъ, какъ-то: улучшеніе пищи, жилища, обмундировки ихъ. Кромѣ того, не забыты были и духовные интересы ихъ: начато было обученіе солдатъ грамотѣ, а въ пріемы военнаго обученія внесено уваженіе къ человѣческому достоинству солдатъ съ изгнаніемъ зуботычинъ, оплеухъ и розогъ.

Если косность и рутина, гдѣ особенно прочно свиваютъ себѣ гнѣздо, такъ именно въ военномъ быту, гдѣ съ его педантическимъ формализмомъ необыкновенно живучи всевозможныя застарѣлыя понятія и предразсудки. Въ николаевское дореформенное время считалось аксіомою, что военное обученіе и дисциплина безъ розогъ немыслимы, и обозъ розогъ неминуемо слѣдовалъ за солдатами, шедшими на обученіе. Много нужно было вѣры въ силу добра и въ добрые инстинкты русскаго народа, чтобы отважиться на столь опасное новшество, противъ котораго возражали всѣ военные авторитеты, много искусства и энергіи, чтобы провести такую непопулярную въ военныхъ сферахъ мѣру, какъ изгнаніе розги изъ обихода военнаго ученія. Но прошло немного времени, и самые завзятые рутинеры, защитники розогъ, воочію должны были убѣдиться въ ошибочности своего отсталаго взгляда. „Что бы отвѣтили, — писалъ профессоръ И. Д. Бѣляевъ,—ротные и баталіонные командиры,—поровшіе несчастныхъ солдатъ и за то, что не довернулся, и за то, что перевернулся, — если бы они могли увидѣть теперешнее (1862 г.) войско, гдѣ нѣтъ розогъ, но есть

гимнастика и фехтованіе, гдѣ солдатъ кажется живымъ человѣкомъ, не автоматомъ,—конечно, они покраснѣли бы до ушей“ [1]).

Не говоря уже объ обширныхъ реформахъ по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія и суда, Д. А. особенное вниманіе обращалъ на поднятіе уровня образованія среди солдатъ, видя въ подъемѣ нравственной личности лучшую опору дисциплины и успѣха военнаго дѣла. Онъ подвергъ коренной реформѣ военно-учебныя заведенія отъ высшихъ до низшихъ. Создавъ несуществовавшую прежде элементарную школу для низшихъ чиновъ, онъ преобразовалъ прежніе кадетскіе корпуса, обративъ ихъ въ военныя гимназіи. Замѣчательно, что въ то самое время, какъ политическій противникъ Д. А. Милютина, министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой создавалъ классическую школу мертвящей узкой филологіи, военный министръ, слѣдуя *гуманному* направленію, высказанному знаменитымъ педагогомъ Н. И. Пироговымъ, надѣлавшимъ много шума въ статьѣ „Вопросы жизни“, стремился освободить корпуса отъ преждевременной ремесленной спеціализаціи, расширяя программу ихъ въ духѣ общечеловѣческаго образованія, изгоняя старые педагогическіе пріемы съ ихъ безпощадною поркою и приниженіемъ нравственной личности. Если прибавить, что при Д. А. Милютинѣ учреждена была военно-юридическая академія, значительно поднятъ уровень военно-медицинской школы, и заведены первые медицинскіе женскіе курсы, то не покажется преувеличеннымъ циркулировавшій въ 70-хъ годахъ въ обществѣ отзывъ, что истиннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія должно было считаться не оффиціальное вѣдомство, коему оно отмежевано, а военное министерство.

Значеніе дѣятельности графа Милютина далеко не исчерпывается преобразованіемъ спеціальной военной области. Принадлежа къ плеядѣ передовыхъ, убѣжденныхъ и безкорыстныхъ государственныхъ сановниковъ преобразовательной эпохи, вынесшихъ на своихъ плечахъ великій трудъ обновленія Россіи послѣ 30-тилѣтняго застоя и спячки, Д. А. всегда былъ и остался до конца своей служебной карьеры открытымъ и твердымъ защитникомъ новыхъ либеральныхъ принциповъ, положенныхъ въ основу нашихъ великихъ реформъ, и всѣми силами своего знанія и таланта способствовалъ возможно всестороннему проведенію этихъ принциповъ въ законодательствѣ.

Въ величайшей изъ реформъ Александра II, въ крестьянской, прославившей имя брата Д. А., Николая, онъ не принималъ непосредственнаго

---

[1]) „*День*“ 1862 г., № 50. Нѣтъ, эти господа не краснѣютъ. Одинъ изъ нихъ, выражая въ „*Гражданинѣ*“ свое сочувствіе „Большому кулаку“ китайцевъ, съ горестью указывалъ, что въ 60-хъ годахъ „русскій кулакъ“ раскрылся и не можетъ вновь сжаться. Вотъ какъ краснѣютъ наши китайцы.

участія, но за-то во всѣхъ остальныхъ реформахъ онъ игралъ дѣятельную роль и всегда былъ въ государственномъ совѣтѣ въ группѣ наиболѣе просвѣщенныхъ защитниковъ основъ преобразовательнаго движенія 60-хъ годовъ. Особенно замѣтно и плодотворно сказалось вліяніе Д. А. при изданіи истинно благодѣтельнаго и человѣколюбиваго закона 17-го апрѣля 1863 года объ отмѣнѣ жестокихъ и позорящихъ уголовныхъ наказаній: шпицрутеновъ, плетей, розогъ, клейменья, прикованія къ телѣжкѣ и т. п. ужасовъ недавняго „добраго“ стараго времени. Чтобы представить себѣ всѣ прелести этой жестокой эпохи и оцѣнить все громадное значеніе заслуги благородныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ, освободившихъ Россію отъ развращающихъ картинъ варварскихъ истязаній, достаточно прочесть набросанную Ровинскимъ съ натуры картину экзекуціи, предъ которою блѣднѣютъ самыя мрачныя страницы Дантова „Ада“ (см. выше главу III).

Теперь, спустя 30 лѣтъ послѣ отмѣны тѣлесныхъ, безчеловѣчныхъ тѣлесныхъ наказаній, самое существованіе такихъ ирокезскихъ мученій кажется почти невѣроятнымъ. Но не то было въ 1861 г., когда вслѣдъ за отмѣною крѣпостного права сталъ на очередь вопросъ объ отмѣнѣ и одного изъ его спутниковъ. Не только старые генералы николаевскаго времени, но самъ министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ и даже авторитетныя духовныя особы рѣшительно высказывались за сохраненіе тѣлесныхъ наказаній, безъ коихъ, какъ они полагали, немыслимо поддержаніе военной дисциплины и нельзя „спокойно спать въ постели“. Предмѣстникъ Д. А. Милютина, ген.-адъют. Сухозанетъ, склонясь на отмѣну шпицрутеновъ, настаивалъ, однако, на сохраненіи розогъ до 300 ударовъ по суду и до 50 ударовъ безъ суда [1]). Д. А. Милютинъ же высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всѣхъ видовъ тѣлеснаго наказанія, считая одни безчеловѣчными, а другія унизительными для человѣческаго достоинства, а потому вредными для разумной военной дисциплины. Несмотря на то, что въ лагерѣ „кнутофиловъ“, по выраженію Ровинскаго, было много авторитетныхъ лицъ, Д—ю А—чу при содѣйствіи великаго князя Константина Николаевича удалось добиться уничтоженія шпицрутеновъ и кошекъ и тѣмъ оказать своему отечеству громадную услугу. Съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, вопреки предсказанію близорукихъ „авторитетовъ“, не только не увеличилась, но значительно ослабѣла преступность среди войска.

Въ слѣдовавшей затѣмъ реформѣ, земской, Д. А. стоялъ за предоставленіе земству возможно большихъ правъ съ надлежащимъ огражденіемъ ихъ отъ администраціи. Будучи противникомъ того двусмысленнаго и исполненнаго затаеннаго недовѣрія—самоуправленія, коимъ собирался на-

---

[1]) См. Сводъ мнѣній объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 10.

дѣлить Россію всегда непскренній Валуевъ, Д. А. Милютинъ въ Государственномъ Совѣтѣ нерѣдко голосовалъ противъ валуевскаго проекта, оставаясь въ меньшинствѣ. Такъ, гр. Милютинъ возражалъ противъ разныхъ стѣсненій при избраніи на съѣздахъ гласныхъ по началамъ сословности, противъ преобладанія дворянскаго элемента, настаивалъ на предоставленіи избранія губернскихъ гласныхъ самому населенію, а не уѣзднымъ собраніямъ, на предоставленіи самимъ земскимъ собраніямъ, уѣзднымъ и губернскимъ, избрать своихъ предсѣдателей и пр. [1]).

Точно такъ же при разсмотрѣніи Судебныхъ Уставовъ Д. А. всецѣло стоялъ за строгое проведеніе основъ раціональнаго судопроизводства. Какъ только открыты были новые гласные суды, онъ счелъ нужнымъ выработать и для военнаго вѣдомства согласный съ ними по духу Военно-Судебный Уставъ 15-го мая 1867 года, который,—по авторитетному замѣчанію проф. военно-юридической академіи Володимірова, — былъ вполнѣ согласованъ съ основными принципами Судебныхъ Уставовъ.

Самая слабая изъ реформъ Валуева, законъ о печати 1865 г., встрѣтилъ въ Д. А. и въ братѣ его Николаѣ Алексѣевичѣ самыхъ строгихъ и проницательныхъ критиковъ. „Разсматривая проектъ,— писалъ въ замѣчаніяхъ своихъ Д. А. Милютинъ, — въ общемъ его объемѣ и значеніи нахожу, что онъ, несмотря на благія намѣренія составителей, не достигаетъ предположенной цѣли: онъ не удовлетворяетъ требованіямъ, заявляемымъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе литературою и публикою а между тѣмъ создаетъ новыя затрудненія правительству, которое будетъ неизбѣжно поставлено въ необходимость обращаться по прежнему къ произволу административному во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ новый законъ окажется на практикѣ несостоятельнымъ“. Принимая валуевскій проектъ только какъ временную, переходную мѣру (впредь до открытія судебныхъ установленій по Уставамъ 1864 г.), военный министръ находилъ, что можно съ такой точки зрѣнія „смотрѣть снисходительно на многія слабыя стороны проекта“. Въ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ онъ указывалъ на многіе недостатки проекта. Такъ, освобожденіе отъ предварительной цензуры книги объемомъ не менѣе 20 листовъ онъ находилъ непримѣнимымъ въ виду того, что въ Россіи очень мало выходитъ книгъ такого объема. Одновременное существованіе изданій, подлежащихъ предварительной цензурѣ и отъ нея освобожденныхъ, Д. А. также считалъ непрактичнымъ. „Рѣшаясь хотя съ какой-либо части литературы снять узду цензуры, правительство тѣмъ самымъ открываетъ борьбу мнѣній, а при этомъ очевидно поставить борцовъ въ равныя условія. Нельзя пускать въ бой

---

[1]) Историческая записка о ходѣ работъ по составленію Полож. о земскихъ учрежденіяхъ, стр. 125, 158, 160.

человѣка связаннаго противъ вооруженнаго. Въ такомъ случаѣ и побѣда послѣдняго не имѣетъ цѣны". Д. А. Милютинъ вмѣстѣ съ бывшими начальниками цензуры министерства народнаго просвѣщенія Ковалевскимъ и Норовымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ былъ противъ сосредоточенія власти надъ печатью въ лицѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Въ управленіи дѣлами книгопечатанія,—писалъ онъ,—встрѣчаются вопросы, касающіеся всѣхъ отраслей знанія, всѣхъ интересовъ общихъ и частныхъ всѣхъ отдѣловъ администраціи, а потому едва ли возможно въ такихъ дѣлахъ поставить одно лицо единственнымъ и высшимъ судьею. Рѣшеніе по дѣламъ печати необходимо возложить не на одно лицо, какъ бы высоко оно ни было поставлено, а на учрежденіе коллегіальное и притомъ вполнѣ самостоятельное. Возраженіе другихъ членовъ противъ этого мнѣнія я съ своей стороны не могу раздѣлить, ибо доказывать несостоятельность *коллегіальнаго* (курс. подл.) порядка въ этомъ случаѣ значило бы опровергать всѣ лучшія наши учрежденія. Если при этомъ ссылаются на примѣръ совѣтовъ министерствъ, то можно, съ другой стороны, привесть примѣръ военнаго совѣта и адмиралтействъ-совѣта, которые поставлены въ отношенія, весьма самостоятельныя къ подлежащимъ министрамъ. Совѣтъ же главнаго управленія по дѣламъ печати лишенъ всякой самостоятельности: это нѣчто въ родѣ канцеляріи, подготовляющей дѣла на окончательное рѣшеніе министра". Въ случаѣ разногласія между министромъ и совѣтомъ военный министръ предлагалъ переносить вопросъ на окончательное рѣшеніе комитета министровъ [1]).

Но какъ это замѣчаніе, такъ и многія другія полезныя указанія, свидѣтельствующія о государственной дальновидности Д. А. и о серьезномъ желаніи его оградить дарованныя закономъ о печати права, пропали даромъ, такъ какъ П. А. Валуевъ съ обычною своею самоувѣренностью и упрямствомъ доказывалъ необходимость предоставленія ему одному полнаго и безконтрольнаго распоряженія судьбою печати. Ближайшая практика, такъ наглядно и мрачно обрисованная въ дневникѣ своемъ столь компетентнымъ судьею, какъ членъ главнаго управленія по дѣламъ печати, академикъ Никитенко, краснорѣчиво доказала справедливость опасеній, высказанныхъ Д. А. и его единомышленниками въ Государственномъ Совѣтѣ.

Самое крупное и славное преобразованіе на столь богатомъ важными реформами государственномъ поприщѣ Д. А. Милютина было введеніе общей воинской повинности. Обязанная иниціативѣ Д. А., его настойчивости и тонкой политической тактикѣ одна эта великая реформа, внесшая

---

[1]) См. приложеніе къ „Журн. Госуд. Совѣта" 15-го февраля 1865 г., № 55, стр. 21—28.

возможную уравнительность въ тягчайшую изъ всѣхъ натуральныхъ повинностей, могла бы обезпечить ея иниціатору и главному виновнику блестящую страницу въ исторіи русской культуры. Эта человѣчная и полезная для государства реформа, дѣлающая честь столько же умственной прозорливости, сколько и сердечной добротѣ главнаго двигателя устава 1-го января 1874 года, была лелѣема Д. А. съ первыхъ же лѣтъ своего министерства. Воспитанное на привилегіяхъ высшее общество, встрѣчавшее крайне недружелюбно самую малѣйшую попытку къ облегченію тяготъ, лежащихъ на народной массѣ, весьма несочувственно относилось и къ этому предположенію. Но прусскія побѣды 1870 г. настолько повелительно подчеркнули необходимость задуманной Д. А. реформы съ чисто военной точки зрѣнія, что этическая ея сторона, къ которой долго были глухи высшія сферы, отошла на второй планъ.

Подробный ходъ реформы 1874 г. изложенъ выше (см. главу XIV). Тутъ отмѣтимъ только двѣ существенныя стороны этой уравнительной реформы, которыя были строго проведены, благодаря твердости Д. А. и содѣйствію великаго князя Константина Николаевича. До реформы 1874 г. отъ великой повинности было свободно de jure привилегированное дворянство и de facto всѣ состоятельные люди, могущіе отъ нея откупиться. Всею своею тяжестью тяжелая рекрутская повинность ложилась на бѣднѣйшую часть,—крестьянъ и мѣщанъ. I статья проекта Д. А. Милютина радикально измѣняла характеръ воинской повинности. Изъ унизительной, составляющей удѣлъ низшихъ сословій и назначавшейся даже въ видѣ наказанія за преступленія, она обращалась въ тяжелую, но почетную общегражданскую повинность. Со стороны дворянъ и купцовъ дѣлались попытки къ освобожденію отъ повинности, къ откупу и переложенію ея (купцы даже вызывались на свой счетъ содержать инвалидовъ), но всѣ сословныя и меркантильныя соображенія были всецѣло исключены изъ закона по настоянію Д. А.

Единственныя, общія для всѣхъ сословій изъятія отъ повинностей допущены были по семейному положенію и образовательному цензу. Въ чемъ Д. А. Милютинъ былъ щедръ,—и этого онъ не скрывалъ,—это въ предоставленіи льготъ по степени образованія. Начиная отъ низшей элементарной школы и до университета, увеличивались льготы по образованію, доходя до 3-хъ мѣсяцевъ дѣйствительной службы. Эта особенность рѣзко бросалась въ глаза въ проектѣ Д. А. сравнительно съ прусскимъ закономъ; онъ, впрочемъ, и не скрывалъ цѣли установленія усиленныхъ льготъ. Цѣль эта была распространеніе просвѣщенія и привлеченіе возможно большаго числа лицъ къ высшему образованію.

Конечно, покажется страннымъ, что самаго непримиримаго противника льготъ по образованію военный министръ встрѣтилъ въ лицѣ ми-

нистра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого. Послѣдній, напротивъ, желая открыть высшія учебныя заведенія только для высшихъ классовъ и для людей состоятельныхъ, предлагалъ понизить льготу до 1 года и уравнять окончившихъ курсъ въ университетахъ съ окончившими курсъ 6 классовъ классическихъ гимназій [1]). Этою приманкою онъ надѣялся отвлечь многихъ молодыхъ людей отъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но благодаря энергической и искусной защитѣ Д. А., проектъ его прошелъ цѣликомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, признавшемъ полезнымъ поощреніе въ Россіи стремленія къ высшему образованію. Шагъ за шагомъ отстаивалъ Д. А. льготы по образованію противъ его офиціальнаго представителя, доводя свою защиту до трогательной предусмотрительности. Такъ, гр. Толстой предлагалъ исполненіе воинской повинности пріуročить ко времени прохожденія университетскаго курса. Д. А. высказался противъ этой мѣры, между прочимъ приводилъ то соображеніе, что бѣдные студенты въ лѣтнее время зарабатываютъ себѣ средства къ существованію [2]).

Уставъ о воинской повинности, такъ много обязанный Д. А. Милютину, можно назвать лебединой пѣснью эпохи великихъ реформъ. Немногіе изъ актовъ этой славной и богатой реформами эпохи такъ послѣдовательно и рельефно отражаютъ на себѣ воодушевлявшіе эту эпоху принципы равенства предъ закономъ, преданности къ просвѣщенію и довѣріе къ народу. „Проникнутый горячею заботливостью о пользахъ арміи и общемъ благѣ государства,—сказано въ рескриптѣ Александра II на имя Д. А. Милютина отъ 11 января 1874 г.,—вы стремились во внесенномъ вами въ Государственный Совѣтъ проектѣ къ пріумноженію не только матеріальной, но *преимущественно нравственной* силы войска, и въ то же время не упустили изъ виду необходимости огражденія другихъ важныхъ интересовъ быта семейнаго, промышленности, торговли и въ *особенности просвѣщенія* во всѣхъ его степеняхъ: тяжелыми трудами вашими въ этомъ дѣлѣ и просвѣщеннымъ на него взглядомъ вы оказали государству услугу, которую Я ставлю въ особое удовольствіе засвидѣтельствовать и за которую выражаю вамъ Мою истинную признательность Законъ, Мною утвержденный и нынѣ обнародованный, да будетъ при вашемъ содѣйствіи приводиться въ исполненіе въ *томъ же духѣ*, въ какомъ онъ составленъ“.

Воинскому уставу 1874 г. въ отличіе отъ другихъ предшествовавшихъ ему законодательныхъ памятниковъ въ одномъ отношеніи особенно посчастливилось. Тогда какъ Положеніе 19-го февраля и Судебные Уставы

---

[1]) См. записку гр. Толстого къ „Журналу Госуд. Сов.“, стр. 6.
[2]) См. „Журн. Госуд. Совѣта“, 53, Записка 1874 г.

примѣнялись П. А. Валуевымъ и гр. Паленомъ, лицами или равнодушными, или прямо враждебными ихъ истинному духу, воинскій уставъ, согласно указанному рескрипту, приводился „въ исполненіе въ *томъ же* духѣ, въ какомъ былъ составленъ“, и тѣмъ же лицомъ, которое было его иниціаторомъ.

Результаты и не замедлили сказаться. Въ 1877 г. вопреки всякимъ предвидѣніямъ Россіи пришлось обратиться къ испытанію своего молодого преобразованнаго войска еще до завершенія преобразованія. Главный виновникъ преобразованія Д. А. Милютинъ, находясь на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что вѣра его въ разумъ, въ силу просвѣщенія и въ нравственное достоинство русскаго народа не обманули его. При многихъ недочетахъ послѣдней войны русскій солдатъ, вышедшій изъ народа и воспитанный безъ розогъ въ духѣ гуманности, велъ себя съ такимъ достоинствомъ,что самые отчаянные туркофилы изъ англичанъ должны были въ томъ отдать ему справедливость и даже заплатить дань удивленія[1]). Въ трудные мѣсяцы, проведенные Д. А. Милютинымъ на театрѣ войны, это отрадное явленіе и для него, и для другихъ было немалымъ утѣшеніемъ.

Послѣ войны Д. А., чуждый плохо понятой esprit de corps, сдѣлалъ все возможное, чтобы судебнымъ разслѣдованіемъ пролить свѣтъ на многочисленныя злоупотребленія, вкравшіяся въ интендантскую и друг. части.

До 1881 года Д. А. продолжалъ стоять во главѣ военнаго министерства, такъ много ему обязаннаго въ теченіе 20-тилѣтняго управленія его.

Въ апрѣлѣ 1881 г. гр. Д. А. Милютинъ вслѣдъ за своимъ единомышленникомъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно живетъ въ Крыму. Ни чины, ни высшія почести ни мало не измѣнили вопреки правилу honores mutant mores вкусовъ, взглядовъ и принциповъ Д. А., и онъ донынѣ сохраняетъ свои благородныя фамильныя традиціи, ища въ умственномъ трудѣ источникъ высшаго наслажденія.

И друзья, и враги согласны въ томъ, что въ лицѣ военнаго министра гр. Д. А. Милютина Россія имѣла просвѣщеннаго военнаго министра и разносторонняго государственнаго человѣка выдающагося дарованія, эрудиціи, опытности, изумительнаго трудолюбія, рѣдкой чистоты, честности и идеальнаго безкорыстія.

Въ телеграммѣ отъ 28-го октября 1897 года Государь Императоръ по-

---

[1]) См. отзывы англійскихъ газетъ, приведенные у Ровинскаго, т. V. „Народныя картины“.

случаю 60-тилѣтія зачисленія графа въ генеральный штабъ писалъ ему: „Беззавѣтная преданность ваша интересамъ отечества и его арміи, неутомимая и высоко талантливая работа ваша быстро и по достоинству довели васъ до высшихъ постовъ военнаго управленія и сдѣлали васъ однимъ изъ ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ сотрудниковъ Моего покойнаго Дѣда, который горячо любилъ и уважалъ васъ. Съ такими же чувствами искренняго уваженія къ высокимъ качествамъ вашего ума и сердца Я въ сегодняшнюю знаменательную годовщину шлю вамъ Мой привѣтъ и сердечно желаю, да продлитъ Господь вашу маститую старость, осѣняемую отраднымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга предъ отечествомъ“.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ВОЕНИ ПРОФЕССУРЫ
№

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Григорій Аветовичъ Джаншіевъ V
Автобіографическія данныя о Г. А. Джаншіевѣ XXXVII
Предисловіе къ 1-му изданію XXXI
Предисловіе ко 2-му изданію XXXIII
Предисловіе къ 3-му изданію XXXVI
Наканунѣ пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ (вмѣсто пред. къ 5-му изданію) XL
Новый фазисъ работъ Судебной Коммисіи (пред. къ 6-му изд.) LV
P. S. Изъ предисловія къ 7-му изданію LXVI
Къ 40-й годовщинѣ смерти Грановскаго (1855—4-го октября—1895 г.) . . . LXIX
Бѣлинскій и эпоха реформъ LXXVIII

I.

Освобожденіе крестьянъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе.

(Справка къ 40-калѣтію).

1. Чтеніе манифеста 19 февраля. Его смутное впечатлѣніе. § 1. **Составленіе освободительнаго законоположенія 19-го февраля.**—I. Попытки освобожденія крестьянъ при Николаѣ и оппозиція знати и бюрократіи.—Отношеніе интеллигенціи. Бѣлинскій.—II. Крестьянскій вопросъ въ началѣ царствованія Александра II. Двойственныя мѣры. Назначеніе Ланского и первый его крѣпостнической циркуляръ.—Образованіе секретнаго Комитета 1857 года.—Рескриптъ 20 ноября 1857 года и гласный приступъ къ освобожденію. Значеніе гласности.—Настроеніе дворянъ и крестьянъ.—Ликованіе интеллигенціи.—Московскій обѣдъ-митингъ 1857 г. Катковъ, Кокоревъ и графъ Закревскій.—Появленіе Я. И. Ростовцева во главѣ крестьянскаго дѣла.—Характеристика Редакціонной Коммиссіи.—III. Гр. Панинъ въ должности предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи. Гр. Панинъ и Ростовцевъ, какъ представители дворянской и крестьянской партіи.—Вопросъ о генералъ-губернаторахъ и удивительная политическая выдержка народа.—Гр. Панинъ въ Редакціонной Коммиссіи.—Его нравственно-политическія воззрѣнія и странности. Борьба съ членами Коммиссіи и закрытіе ея. IV. Составленіе манифеста 19-го февраля. Измѣненія, внесенныя въ первоначальный проектъ манифеста митрополитомъ Филаретомъ. V. Опасенія, связанныя съ предстоящимъ объявленіемъ воли. Законопроектъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Подписаніе манифеста. Печатаніе манифеста. Какъ подготовляли народъ къ объявленію воли. Чтеніе манифеста въ Сенатѣ 2-го марта. § II. **Объявленіе воли.**—Объявленіе манифеста въ Петербургѣ.—Тревожное

Стр.

настроеніе высшихъ сферъ.-Радостное настроеніе интеллигенціи.—Народныя манифестаціи.—Адресы бывшихъ крѣпостныхъ и Петербургской думы.—6. Объявленіе воли въ Москвѣ.—Адресъ крестьянъ.—VIII. Объявленіе воли въ провинціи.—Неудачная редакція Положеній.—Трудность ознакомленія съ ними крестьянъ.—Спокойное принятіе народомъ воли.—Бездненская и Кандеевская катастрофы.—IX. Первое время послѣ воли. М. Е. Салтыковъ.—Медаль 17-го апрѣля 1861 г.—Начало реакціи.—Удаленіе Лапского и Милютина.—Медовый мѣсяцъ свободы.—Воспитательное вліяніе „воли“ на настроеніе народа.—X. Значеніе освобожденія крестьянъ для либеральныхъ реформъ 60-хъ годовъ . 3

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ.

(Эпизодъ изъ жизни общественнаго движенія 60-хъ годовъ).

1. Значеніе губернскихъ комитетовъ и общественнаго элемента въ крестьянской реформѣ.—Отношеніе къ ней большинства дворянства.—Тверское дворянство, какъ представитель либеральной части общества и литературы.—Тверской губернскій комитетъ и предсѣдатель его А. М. Унковскій.—II. Прибытіе депутатовъ въ Петербургъ.—Тверской депутатъ А. М. Унковскій.—Сессія тверского дворянскаго губернскаго собранія и столкновеніе его съ правительствомъ.—III. Обзоръ основаній, принятыхъ комитетомъ при составленіи Положенія.—Признаніе необходимости радикальной реформы.—Вопросъ о надѣленіи землей и о выкупѣ.—IV. Проектъ мѣстныхъ реформъ, предложенныхъ Тверскимъ комитетомъ.—Самоуправленіе и всесословность.—Раздѣленіе властей.—Независимость суда и судъ присяжныхъ.—V. Нападки на Положеніе со стороны крѣпостниковъ 127

II.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

(Справка къ 30-тилѣтію).

I. Жестокія тѣлесныя наказанія по Уложенію 1845 и 1857 гг.—Безуспѣшность усилій, направленныхъ къ смягченію наказаній при Екатеринѣ II и Александрѣ I.—Аракчеевская манера прогнанія сквозь строй.—Вліянія гуманныхъ вѣяній 60-хъ годовъ, приведшихъ вслѣдъ за отмѣною крѣпостного права къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, смягченію наказаній вообще и отмѣнѣ пытокъ.—Ѳ. М. Достоевскій.—II. Записка кн. И. А. Орлова объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и заключенія Комитета.—III. Разныя мнѣнія министровъ.—Мнѣнія гр. Панина и митрополита Филарета.—IV. Мнѣнія Валуева, Милютина, Ровинскаго и др.—Мнѣніе Бунковскаго о наказаніи для непривилегированныхъ сословій.—V. Обсужденіе вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ.—Гр. Панинъ, какъ защитникъ плети и розогъ.—Законъ 17-го апрѣля, его значеніе и недостатки. — Принципіальное значеніе побѣды гуманности и прогресса, сказавшейся въ изданіи закона 17-го апрѣля.—Розги въ административномъ порядкѣ.—VI. Культурное значеніе закона 17-го апрѣля. Наканунѣ отмѣны розогъ.—Отмѣна розогъ для ссыльныхъ женщинъ 179

Post-Scriptum. (Какъ „уцѣлѣла“ розга на судѣ волостномъ?) 231

III.

Университетская автономія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Университетскій Уставъ 1863 года.

(Справка къ 30-тилѣтію).

Стр.

I. Наука въ дореформенное время.—II. Первые годы царствованія Александра II.—Начатки автономіи.—Составленіе проекта Устава и опубликованіе.—III. Отзывы о воспитательномъ значеніи университетовъ Чичерина, Пирогова, Андреевскаго.—IV. Университетская автономія: отзывы совѣта харьковскаго университета, Пирогова, Пыпина и гр. Делянова.—V. Организація академической жизни: отзывъ Пирогова.—Допущеніе женщинъ въ университетъ.—Высшее медицинское женское образованіе. — VI. Студенческій бытъ: отзывы Спасовича, Дмитріева, Каткова, Кавелина.—VII. Уставъ 63 г. и его значеніе 249

IV.

Земское самоуправленіе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Земское положеніе 1864 года.

(Справка къ 30-тилѣтію).

I. Связь земской реформы съ освободительнымъ движеніемъ 60-хъ годовъ.—Характеристика дореформеннаго режима Катковымъ, Аксаковымъ и Валуевымъ.—II. Удаленіе П. А. Милютина.—Смыслъ реакціи и вліяніе ея на земскую реформу.—П. А. Валуевъ и палліативный характеръ его проекта.—III. Обсужденіе проекта въ Государственномъ Совѣтѣ.—Мнѣніе бар. Корфа о сословности и самоуправленіи.—Кн. Щербатовъ о расширеніи правъ земства.—Отношеніе къ земству Валуева.—IV. Введеніе земскихъ учрежденій 301

V.

Цензурная реформа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года.

(Справка къ 30-тилѣтію).

I. Цензура и печать 50-хъ годовъ.—II. Первыя попытки къ цензурной реформѣ въ 50-хъ годахъ.—Передача цензуры въ вѣдомство мин. внутр. дѣлъ.—Проектъ коммиссіи кн. Оболенскаго 1863 г.—Критическія замѣчанія Головнина.—III. Подробный разборъ проекта бар. Корфомъ.—Вредъ цензуры и значеніе свободы печати и общественнаго мнѣнія.—Предостереженія.—Залоги.—IV. Обсужденіе проекта въ Государственномъ Совѣтѣ.—Оппозиція Норова.—Судъ присяжныхъ по дѣламъ печати.—Мнѣніе Д. А. Милютина.—Временный характеръ новаго закона о печати.—V. Послѣдующая цензурная практика и законодательство 337

Стр.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первые шаги безцензурной печати.

. . . . . (Справка къ 30-тилѣтію).

I. Открытіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати. — Статья *„Сѣверной Почты.“*—II. Статьи *„С.-Петерб. Вѣдом.,“ „Голоса“ и „Москов. Вѣдом.“*—III Статьи *„Дня“* И. С. Аксакова и *„Отечественныхъ Записокъ.“*—IV. Первыя административныя и судебныя взысканія 363

VI

Судебная реформа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Судебные Уставы Александра II.

. . . . (Справка къ 30-тилѣтію).

I. Причина радикализма судебной реформы.—Поворотъ къ раціональному направленію гр. Блудова.—II. Ходъ работъ до 1861 г.—III. Высочайшее повелѣніе 1862 г., какъ начало новой эры.—Соображеніе Государственной Канцеляріи.—Мотивы введенія суда присяжныхъ и другихъ основъ судебной реформы.—IV. Обсужденіе дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ.—Основныя положенія 29-го сентября 1862 г.—Бутковская коммиссія для составленія проекта Судебныхъ Уставовъ.—Обнародованіе ихъ.—Отзывы Безобразова, Лероа-Больe, проф. Соколова 383

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Предтечи гласнаго суда. 1865—1890 гг.

. . . . . (Апрѣль—октябрь). . . . . .

I. Первое гласное судопроизводство въ военныхъ судахъ въ Новгородѣ и Москвѣ.—II. Гласное судопроизводство по правиламъ 11-го октября 1865 года . 411

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Петербургѣ.

(Справка къ 30-тилѣтію).

I. Введеніе Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе.—Разныя мнѣнія о порядкѣ открытія новыхъ судебныхъ учрежденій.—II. Приспособленіе зданій для новыхъ судебныхъ учрежденій.—Назначеніе на должности.—III. Открытіе первыхъ судебныхъ учрежденій въ Петербургѣ.—Рѣчь Д. И. Замятнина.—IV. Отношеніе печати къ новому суду.—Неблагопріятныя условія дѣятельности новаго суда 417

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Москвѣ и въ провинціи.

(Справка къ 30-тилѣтію).

I. Исторія зданія Московскихъ Судебныхъ Установленій.—Обращеніе Аракчеевымъ ротонды въ амбаръ.—Реставрація зданія 1866 г.—Открытіе памят-

Стр.
ника Александру II въ 1884 г. и слово М. Н. Каткова.—II. Торжество открытія новаго суда въ Москвѣ.—Рѣчи Д. П. Замятнина, А. Н. Шахсва и Е. Е. Люминарскаго.—III. Открытіе провинціальныхъ окружныхъ судовъ.—Впечатлѣніе, произведенное первыми процессами 439

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Введеніе мирового суда.

(Справка къ 30-тилѣтію).

I. Происхожденіе мирового суда.—Записка Блудова 1859 г.—II. Неблагопріятныя условія дѣятельности мирового суда.—III. Причины успѣха мирового суда: его доступность и правосудность по мелкимъ дѣламъ, равенство передъ судомъ.—IV. Мировой судъ какъ школа гражданскаго воспитанія.—Впечатлѣніе, произведенное мировымъ судомъ.—Отзывъ В. П. Безобразова и мин. юст. Д. Н. Замятнина.—V. Отношеніе печати къ мировому суду 450

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Открытіе суда присяжныхъ.

(Справка къ 30-тилѣтію).

I. Открытіе суда присяжныхъ и отношеніе къ нему общества.—II. Исторія введенія суда присяжныхъ.—Взгляды А. М. Унковскаго, Д. А. Ровинскаго.—III. Поразительный успѣхъ суда присяжныхъ. Отзывъ министра Замятнина и Каткова.—IV. Вражда Валуева и высшей администраціи противъ суда присяжныхъ и защита его со стороны Каткова.—V. Реакція 80-хъ годовъ. Учрежденіе Судебной Комиссіи и укрѣпленіе суда присяжныхъ въ 90-хъ годахъ. 473

Post-Scriptum. (Либерализмъ и новый судъ) 495

VII.

Общая воинская повинность.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Воинскій уставъ 1-го января 1874 года.

(По поводу 20-тилѣтія).

I. Несправедливость старой рекрутчины и ея обременительность для бѣдныхъ.—II. Коммиссія военнаго министра Д. А. Милютина и его просвѣщенное руководство. Уравненіе сословій относительно воинской повинности.—III. Замѣчанія разныхъ вѣдомствъ на проектъ: Гринвальда, Вестмана, гр. Д. А. Толстого и гр. Палена.—IV. Борьба Милютина съ гр. Толстымъ изъ-за льготъ для средняго и высшаго образованія. Соображенія Государственнаго Совѣта.—V. Возобновленіе борьбы въ общемъ собраніи и одобреніе Совѣтомъ взглядовъ Милютина.—VI. Изданіе Устава 1-го января. Рескриптъ на имя Милютина.—Примѣненіе Устава 507

VIII.

Городское самоуправленіе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Городовое Положеніе 1870 года.

(Справка къ 25-тилѣтію).

Стр.

I. Екатерининская грамота.—II. Неразвитость городской жизни въ Россіи, сословность и административная опека, какъ препятствіе для городского самоуправленія. — III. Начало обще-сословнаго управленія въ Москвѣ съ 1862 г.—Приступъ къ собиранію матеріаловъ для городской реформы.—Мѣстныя городскія коммиссіи. — Отзывъ II отдѣленія. — Общій очеркъ хода реформы.—IV. Важнѣйшія нововведенія реформы 1870 г. Городскіе избиратели.—Квартирный налогъ.—V. Вопросъ о предсѣдательствѣ въ думѣ городского головы.—Соображенія членовъ коммиссіи и Государственнаго Совѣта.—VI. Ослабленіе административной опеки.—Губернскія по городскимъ дѣламъ присутствія.—VII. Ограниченія произвола полицейской власти.—Обязательныя постановленія думы.—VIII. Введеніе реформы и значеніе ея.—Отношеніе столичныхъ думъ къ народному образованію. 531

XI.

Изъ общественной хроники.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ;

Какъ возникло Московское Юридическое Общество.

Рѣчь, произнесенная 13-го марта 1888 г. въ торжественномъ засѣданіи Москов. Юрид. Общ. по случаю 25-тилѣтія сего основанія. 569

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“.

(Мартъ 1866—1891 г.).

I. Значеніе журнала.—Первоначальная программа его какъ спеціально историко-политическаго изданія. — II. Разъясненіе направленія журнала.—III. Принятіе въ 1868 г. характера общихъ литературно-научныхъ журналовъ.—Внимательная разработка вопросовъ, связанныхъ въ реформами 60-хъ годовъ.—Выдержанность направленія и литературная порядочность журнала. . 587

X.

Дѣятели преобразовательной эпохи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Корифей судебной реформы С. И. Зарудный.

I. Происхожденіе. — Воспитаніе. — Поступленіе въ министерство юстиціи въ 1842 г. и первое прикосновеніе съ судебною реформою.—II. Знакомство съ замѣчаніями практиковъ, какъ первая юридическая школа.—Созданіе юридической школы въ консультаціи министерства юстиціи.—Комитетъ 1852 года

Стр.

по гражд. судопр.—Участіе въ 1856 г. въ разоблаченіи злоупотребленій интендантовъ.—Переходъ въ Государственную Канцелярію и начало обсужденія проекта гражд. судопр. — Разсылка предварительныхъ заключеній Государственнаго Совѣта и напечатаніе отвѣтовъ. — Первыя самостоятельныя работы Заруднаго по законодательнымъ вопросамъ въ т. IX „дѣла“.—Участье его въ крестьянской реформѣ.—III. Рѣшительный поворотъ съ 1861 г. въ движеніи и направленіи судебной реформы. — IV. Основныя Положенія 1862 г.—Коммиссія 1862 г. для составленія проекта судебныхъ уставовъ и руководящая въ ней роль Заруднаго. — Утвержденіе судебныхъ уставовъ и изданіе ихъ съ разсужденіями.—V. Удаленіе Заруднаго на старый Сенатъ.—Отзывы о немъ членовъ Госуд. Совѣта.—Послѣдніе годы и литературные труды С. И.—Столкновеніе съ сенатомъ. Смерть. 601

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Сподвижникъ Царя-Освободителя великій князь Константинъ Николаевичъ.

I. Воспитаніе великаго князя. — Начало преобразовательной эры.—Приказъ объ „офиціальной лжи“.—II. Участіе великаго князя въ крестьянской реформѣ.—Его иниціатива, настойчивость. — Вліяніе его въ Главномъ Комитетѣ.—Разсылка и обнародованіе рескриптовъ.—Великій князь, какъ предсѣдатель Главнаго Комитета.—III. Участіе великаго князя въ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.—Заключеніе 620

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Корифей крестьянской реформы Н. А. Милютинъ.

I. Происхожденіе Милютина и первые годы службы.—II. Начало крестьянской реформы.—Рескриптъ 29 ноября 1857 г.—Огласка дѣла.—Милютинъ—временный тов. мин. внутр. дѣлъ.—III. Учрежденіе Редакціонной Коммиссіи. Преобладающая въ ней роль Милютина.—IV. Работы министерства внутреннихъ дѣлъ. Записка 1859 г.—V. Внезапная отставка Милютина 645

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣятель крестьянской реформы В. А. Арцимовичъ.

I. Общая характеристика Арцимовича.—II. Воспитаніе и первые годы службы.—Служба въ Сибири и популярность.—III. Калужское губернаторство и участіе въ крестьянскомъ вопросѣ.—Примѣненіе Положенія 19-го февраля и ожесточеніе помѣщиковъ. — Удаленіе Арцимовича изъ Калуги.—Полемика въ „*Днѣ*.“—IV. Переходъ В. А. въ Сенатъ и назначеніе въ первый составъ уголов. касс. департ., а потомъ въ I департаментъ.—V. Разносторонняя дѣятельность Арцимовича.—VI. Послѣдніе годы, бодрая старость.—Вѣрность завѣтамъ молодости 662

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Дѣятель судебной реформы Д. А. Ровинскій.

I. Воспитаніе.—Борьба правовѣдовъ со взяточниками.—Служба Ровинскаго въ Москвѣ при гр. Закревскомъ.—II. Участіе Ровинскаго въ отмѣнѣ крѣпостного права и тѣлеснаго наказанія.—III. Роль Ровинскаго въ судебной реформѣ.—Записка его о судѣ присяжныхъ 1862 г.—Служба его въ новомъ судѣ.—IV. Научно-литературная дѣятельность Ровинскаго 682

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Дѣятель судебной реформы Н. А. Буцковскій.

Стр.

I. Воспитаніе Буцковскаго. Юристъ-самоучка. Знакомство съ судебною практикою. Общій очеркъ дѣятельности Н. А.—Участіе его въ составленіи судебныхъ уставовъ и дѣятельности Кассаціоннаго Сената. Трудности перваго времени. Литературно-научная дѣятельность.—II. Записка Буцковскаго 1862 г, о судѣ присяжныхъ. Подробное мотивированіе возможности и необходимости учрежденія суда присяжныхъ. Справка изъ русской исторіи. Совмѣстимость съ самодержаніемъ. Преимущества суда присяжныхъ предъ коронным. 697

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

Дѣятель акцизной реформы К. К. Гротъ.

I. Воспитаніе и первоначальная служба.—Гротъ—самарскій губернаторъ. Столкновеніе съ откупщиками и администраціею.—II. Участіе въ крестьянской реформѣ. Приступъ къ акцизной реформѣ.—Сила откупщиковъ и борьба ихъ противъ реформы. Введеніе акцизной реформы. Подборъ персонала и вражда реакціи противъ него.—III. Послѣдующая дѣятельность Грота 713

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Скорбныя справки.

I. И. М. Остроглазовъ, † 22-го сентября 1892 г. 730
II. П. Н. Грековъ, † 29-го января 1893 г. 735
III. П. Я. Александровъ, † 11-го марта 1893 г. 737
IV. Н. С. Тихонравовъ, † 27-го ноября 1893 г. 744
V. А. М. Унковскій, † 20-го декабря 1893 г. 753
VI. Н. Х. Бунге, † 3-го іюня 1895 г. 757
VII. Н. А. Бѣлоголовчій, † 6-го сентября 1895 г. 765
VIII. Н. В. Стасова, † 27-го сентября 1895 г. 775
IX. А. М. Фальковскій, † 3-го января 1896 г. 782
X. А. Д. Шумахеръ, † 31-го декабря 1897 г. 785
XI. Е. П. Старицкій, † 31-го мая 1899 г. 787
XII. Н. Г. Чернышевскій, † 17-го октября 1889 г. 794
XIII. Я. И. Ростовцевъ, † 6-го февраля 1860 г. 803
XIV. А. И. Герценъ, † 20-го января 1870 г. 808

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Юбилейныя справки.

I. В. Д. Спасовичъ (31-е мая 1866—1891). 813
II. Н. И. Стояновскій (17-е іюня 1841—1891). 817
III. А. А. Головачевъ (ноябрь 1841—1891) 822
IV. В. Н. Герардъ (6-е марта 1868—1893) 827

	Стр.
V. И. Я. Фойницкій (1-е іюля 1868—1893)	834
VI. П. Н. Обнинскій (9-е мая 1869—1894)	839
VII. А. Ѳ. Кони (30-е сентября 1865—1895)	844
VIII. Гр. Д. А. Милютинъ (12-е іюня 1816—1896)	849

Портреты:

Грановскій	LXXII
Бѣлинскій	LXXIX
Графъ С. С. Ланской	21
Я. А. Соловьевъ	31
Я. И. Ростовцевъ	33
Гр. В. Н. Панинъ	54
А. М. Унковскій	137
Н. А. Орловъ	199
А. А. Головнинъ	263
П. А. Валуевъ	317
С. И. Зарудный	397
Д. Н. Замятнинъ	427
С. И. Зарудный за переводомъ Данта	617
Великій князь Константинъ Николаевичъ	625
Н. А. Милютинъ	647
В. А. Арцимовичъ	663
Д. А. Ровинскій	683
Н. А. Буцковскій	698
К. К. Гротъ	721

На отдѣльномъ листѣ портретъ Г. А. Джаншіева.